ГОЛАС ВОЛІ З-ЗА КРАТАЎ

Анталогія твораў беларускіх палітзняволеных

ЕНU

Вільня
Еўрапейскі
гуманітарны ўніверсітэт
2013

УДК 821.161.3
ББК 83.3(4Беи)
Г 60

Выданне здзейснена пры падтрымцы Фонду імя Конрада Адэнаўэра (Германія)

Г 60 **Голас волі з-за кратаў.** Анталогія твораў беларускіх палітзняволеных / Складальнік, рэдактар А.І. Фядута. – Вільня: ЕГУ, 2013. – 992 с.

ISBN 978-9955-773-69-6.

У Анталогію «Голас волі з-за кратаў» увайшлі апавяданні, вершы, успаміны, дзённікі, нарысы грамадзян Рэспублікі Беларусь, якія адбылі альбо працягваюць адбываць зняволенне па палітычна матываваных прысудах. Сярод іх як вядомыя паэты, журналісты, палітычныя дзеячы, так і аўтары, тэксты якіх друкуюцца ўпершыню.

УДК 821.161.3
ББК 83.3(4Беи)

ISBN 978-9955-773-69-6

Содержание

Д-р ГАНС-ГЕРТ ПЁТЭРЫНГ

сябра Еўрапейскага Парламента,
старшыня Фонда імя Конрада Адэнаўэра,
Прэзідэнт Еўрапейскага Парламента ў адстаўцы

Вечар 19 снежня 2010 г., дня прэзідэнцкіх выбараў у Беларусі, паставіў прамежкавую кропку ў асцярожным набліжэнні Мінска да Еўрапейскага звязу.

Жаданне волі і грамадзянская мужнасць вывелі на вуліцы тысячы беларусаў, якія хацелі прадэманстраваць сваё абурэнне маніпуляцыямі вынікаў выбараў. Рэжым Прэзідэнта Аляксандра Лукашэнкі адрэагаваў з нечаканай жорсткасцю. Дэманстрантаў па-зверску збілі, сотні з іх былі арыштаваныя і асуджаныя да грашовых штрафаў ці зняволення. Нават сёння 9 чалавек знаходзяцца ў турме па палітычных падставах.

Каб прадухіліць далейшыя пратэсты, рэжым узмацніў жорсткасць законаў і пашырыў паўнамоцтвы беларускай сакрэтнай службы КДБ. Праз пастаянны пераслед і рэпрэсіі супраць іншадумцаў сакрэтныя службы краіны ўсё яшчэ – тры гады пасля першай шматмесячнай хвалі рэпрэсій непасрэдна пасля прэзідэнцкіх выбараў – спрабуюць захаваць пачуццё страху ў грамадстве і тым самым задушыць любы, нават патэнцыйны, паростак выяўлення незадаволенасці.

Свае падыходы беларускае кіраўніцтва спрабуе апраўдаць пры дапамозе неверагоднага аргумента: нібыта насельніцтва яшчэ не саспела для дэмакратыі і Беларусь мусіць крочыць сваім уласным шляхам. Тым самым яно публічна абвяргае ўніверсальнасць правоў чалавека.

Заходняя супольнасць каштоўнасцяў не мае права моўчкі назіраць за такімі дзеяннямі, яе абавязак – цвёрда і рашуча запатрабаваць выканання правоў чалавека, у тым ліку і ў Беларусі. Яна мусіць дапамагчы тым, хто з-за свайго выступлення ў абарону гэтых каштоўнасцяў у Беларусі падпадае пад пераслед і асуджаецца да пакарання. Яна мусіць таксама даць магчымасць іншым пачуць голас гэтых мужных людзей.

Гэтая складанка твораў беларускіх палітычных зняволеных – вельмі розных па жанру, мове, мастацкай прафесійнасці і тэмах – дае не толькі магчымасць зазірнуць у перажыванні чалавека, які апынуўся ва ўладзе рэпрэсіўнай машыны. Яна ёсць дакументацыяй палітычнага пераследу, але ж адначасова і сведчаннем мужнасці людзей захоўваць вернасць сваім ідэалам свабоды. Гэта пакідае надзею, што Беларусь адолее свой шлях да дэмакратыі і правоў чалавека і вернецца ў еўрапейскую сям'ю, якая грунтуецца на агульных каштоўнасцях.

Снежань 2013 г.

Dr. HANS-GERT PÖTTERING

Member of the European Parliament
Chairman of the Konrad Adenauer Foundation
President of the European Parliament ret.

The 19th of December 2010, the night of the presidential elections in Belarus, marked the preliminary end of cautious rapprochement of Minsk to the European Union.

At that time will for freedom and civil courage brought into the streets thousands of Belarusian citizens who wanted to demonstrate their frustration with electoral manipulations. The regime of the President Alexander Lukashenko reacted with unimaginable brutality. The demonstrators were brutally battered, hundreds of them were arrested and further fined or sentenced to imprisonment. Even today nine people are still in prison for political reasons.

In order to prevent further protests the regime has tightened the laws and extended the powers of the Belarusian secret service – the KGB. Using constant surveillance and repressive measures against dissidents the secret services of the country try to maintain fear in the society even now – three years after the first wave of repressions which lasted several months immediately after the presidential elections – and thus they try to smother any, albeit potential expression of dissatisfaction.

The Belarusian government tries to justify its approach with the unbelievable argument that the population is not yet mature for democracy and that Belarus must follow its own way. Thereby it openly denies the universality of the human rights.

The western community of values should not remain silent in regard to these inhuman actions, it must firmly and resolutely demand observance of human rights also in Belarus. It must help those prosecuted and convicted in Belarus for standing up for their values. This also should give voice to these brave people for them to be heard.

This collection of works of Belarusian political prisoners, which are very different in terms of genre, language, artistic professionalism and topics, provides not only insights into the ex-

periences of the people who found themselves in the grip of the repression machine. It further represents documentation of political persecution. At the same time it's a testimony to the bravery of the people who want to stay true to their ideals of freedom. It gives hope that Belarus will manage its way to democracy and human rights, back to the European family of common values.

December 2013

РЫГОР БАРАДУЛІН

Голас волі

Голас волі з-за кратаў,
Ён зрынае са стодаў
Крывісмокаў, вар’ятаў,
Трыстуноў млосных одаў.

Вея лютасьці вые,
Падрасьлі маладыя.
Не прымаюць іх шыі
Хамуты залатыя.

Рух ня спыняць ніколі
Ані здрадай, ні хлусьсю.
Сьцяг
Пагоню на волю
Ўзносіць над Беларусьсю.

Нашы дні, як навэлы,
Значаць крылы палёту.
Беларус –
Значыць сьмелы,
Непадлеглы прыгнёту.

Дух змаганьняў ня кволы –
Ні паразаў, ні стратаў.
Весьніць высі і долы
Голас волі з-за кратаў!

23 кастрычніка 2013 г.

АД УКЛАДАЛЬНІКА

Ідэя гэтай Анталогіі ўзнікла ў 2011 годзе, калі яе ўкладальнік сам знаходзіўся ў зняволенні пасля прэзідэнцкіх выбараў, якія адбыліся ў Беларусі 19 снежня 2010 года. У адзіночнай камеры цяжка знайсці суразмоўцу, а суразмоўца быў вельмі патрэбны, каб не звар'яцець. І я пачаў пісаць вершы – як у юнацтве. Спачатку адрасаваў іх жонцы, пасля – сябрам. Затым я пачаў пісаць успаміны пра горад свайго дзяцінства.

І калі мне ўсё ж далі адносную свабоду – замянілі маленькую камеру-адзіночку вялізнай камерай, у якой жывуць амаль дзесяць мільёнаў беларусаў, – я зразумеў, што не для аднаго мяне актуалізавалася падчас няволі праблема суразмоўцы. Трэба было падзяліцца з кім-небудзь тым, што цябе хвалюе, пагаварыць. І найпрасцей было гэта зрабіць якраз на паперы.

Спачатку я хацеў сабраць толькі вершы. Я ўяўляў сабе нашую няздзейсненую рэвалюцыю як рэвалюцыю паэтаў. Нездарма кандыдатам, якога я падтрымліваў, быў сапраўды выдатны паэт Уладзімір Някляеў. Але высветлілася, што вершы ў турмах пісалі далёка не ўсе. Вабіла проза. Нехта пісаў успаміны, нехта – апавяданні.

І шмат хто працягваў пісаць, апынуўшыся, як і я, па той бок кратаў. Турэмны досвед стаўся запатрабаваным у чытачоў. Таму што многія з іх падзялялі нашыя погляды і перакананні – і, хоць і баяліся сабе ў гэтым прызнацца, разумелі: яны могуць падзяліць і наш лёс.

Таму першапачатковую ідэю амаль адразу давялося скарэкціраваць. У кнігу мусілі ўваходзіць не толькі вершы, але і іншыя тэксты, у якіх аўтары рэпрэзентавалі сябе, сваю краіну, свой час. І тэксты не толькі тых, хто пацярпеў за ўдзел у мірнай акцыі пратэсту 19 снежня 2010 года.

Палітзняволеныя з'явіліся ў найноўшай беларускай гісторыі ў 1996 годзе, калі паэт Славамір Адамовіч быў арыштаваны за верш «Убей президента», а палітыкі Юры Хадыка і Вячаслаў Сіўчык – за ўдзел у масавай акцыі «Чарнобыльскі шлях».

У 1997 годзе прайшла першая «справа журналістаў»: здымачная група карэспандэнцкага пункта Грамадскага расійскага тэлебачання была арыштаваная за сваю прафесійную дзейнасць. Арышт Паўла Шарамета і Дзмітрыя Завадскага выклікаў шырокі рэзананс: праблему вырашаў на міждзяржаўным узроўні прэзідэнт Расіі Барыс Ельцын.

Тады ж была здзейснена расправа з аграрыямі, якія не дагадзілі кіраўніку беларускай дзяржавы. Былі асуджаныя заслужаны кіраўнік аграрнага прадпрыемства, ветэран Другой сусветнай вайны, праслаўлены яшчэ ў савецкую эпоху, Васіль Старавойтаў і міністр Васіль Лявонаў, які спрабаваў рэфармаваць сельскую гаспадарку ў Беларусі.

У тым жа 1997 годзе адбыліся суды над першымі непаўналетнімі апазіцыянерамі: гэты лёс выпаў Вадзіму Лабковічу. Ён, а таксама ягоны паплечнік па моладзевай арганізацыі «Малады фронт» Аляксей Шыдлоўскі былі асуджаныя за антыпрэзідэнцкія графіці.

У 1998 годзе адбылася расправа над яркім і самабытным палітыкам Андрэем Клімавым. У мінулым паспяховы бізнесмен, Клімаў, абраны дэпутатам Вярхоўнага Савета, наважыўся падаць голас за імпічмент прэзідэнту і быў пакараны. Яго тройчы асуджалі да розных тэрмінаў зняволення і кожны раз пераконваліся, што зламаць яго немагчыма.

У 1999 годзе арыштавалі былога рэктара Гомельскага медыцынскага ўніверсітэта прафесара Юрыя Бандажэўскага, які меў магчымасць казаць праўду пра наступствы аварыі на Чарнобыльскай атамнай станцыі. Гэта быў акт высокай грамадзянскай мужнасці: улады сцвярджалі, што небяспекі няма, што можна вырошчваць хлеб і жывёлу на забруджаных радыяцыяй тэрыторыях і пасля ўжываць атрыманую харчовую прадукцыю.

Прыкладна ў той жа час за ўдзел у апазіцыйнай акцыі, скіраванай на абранне прэзідэнта Беларусі паводле Канстытуцыі 1994 года, незаконна скасаванай у 1996 годзе, быў асуджаны былы прэм'ер-міністр Беларусі Міхаіл Чыгір. Рэпрэсіі закранулі практычна ўсю ягоную сям'ю: у выніку былі асуджаныя і жонка Юлія, і сын Аляксандр.

У 2002 годзе асуджаны вядомыя журналісты і грамадскія дзеячы Віктар Івашкевіч, Мікалай Маркевіч і Павел Мажэйка – ім інкрымінавалі паклёп на кіраўніка дзяржавы, хоць доступу да патрэбнай інфармацыі, якая магла б праліць святло на ісціну, прадстаўнікі недзяржаўных медыя не атрымліваюць у Беларусі з 1996 года.

У 2004 годзе былі зняволеныя актывісты прадпрымальніцкага прафсаюза з Гродна Валер Леванеўскі і Аляксандр Васільеў. Ім інкрымінавалі знявагу да асобы прэзідэнта Беларусі ў ананімных улётках, аўтарства якіх, па сутнасці, так і не было пацверджана належным чынам.

У той жа час, у 2004 годзе, асуджаны вядомы дыпламат і палітык Міхаіл Марыніч, які вылучыў сваю кандыдатуру на пост прэзідэнта падчас выбараў 2001 года. Гэта было публічнае цкаванне знанага дзяржаўнага дзеяча, які паспеў пабываць і мэрам Мінска, і міністрам, а таксама абіраўся дэпутатам парламента. Суд над Міхаілам Марынічам засведчыў: ніякія мінулыя дасягненні не могуць перашкодзіць уладам зацкаваць чыноўніка, калі ён пяройдзе ў апазіцыю.

У 2006 годзе была арыштаваная па абвінавачванні ў дзейнасці ад імя незарэгістраванай грамадскай арганізацыі група моладзевых актывістаў, якая каардынавала незалежнае назіранне на прэзідэнцкіх выбарах 2006 года.

У тым жа годзе быў зняволены экс-кандыдат у прэзідэнты Аляксандр Казулін. Былога рэктара галоўнага ўніверсітэта Беларусі прафесара Казуліна асудзілі да пяці з паловай гадоў пазбаўлення волі за арганізацыю мірнай акцыі супраціву. У знак пратэсту Казулін 53 дні трымаў галадоўку. У часе зняволення памерла ягоная жонка. Мужная жанчына, Ірына Казуліна з аднолькавай адвагай змагалася з ракам і з уладамі: хвароба забірала яе жыццё гэтаксама, як улада забрала ў яе мужа свабоду. Аляксандра Казуліна вызвалілі на час пахавання жонкі, якое ператварылася ў сапраўдную маніфестацыю. Адразу пасля гэтага экс-кандыдата ў прэзідэнты вярнулі ў калонію.

У тым жа 2006 годзе распачалася справа валкавыскага прадпрымальніка, актывіста руху ветэранаў афганскай вайны Мікалая Аўтуховіча. Пад прэсінгам міжнароднай су-

польнасці ўладам давялося вызваліць баявога афіцэра-ардэнаносца, аднак пасля ён зноў быў арыштаваны і асуджаны. Ён і цяпер знаходзіцца ў няволі.

2007 год зноў прайшоў пад знакам пераследу актывістаў Маладога фронту. Шмат каго з іх арыштавалі, асудзілі да штрафаў і адміністратыўнага пакарання. Вялікі рэзананс атрымала справа школьніка з г. Салігорска Івана Шылы: яму не далі скончыць навучанне ў сярэдняй школе, нягледзячы на добрыя адзнакі. Іван Шыла быў адлічаны, калі яму заставалася здаць усяго адзін іспыт. Пратэстуючы супраць такога беззаконня, звольнілася дырэктарка школы Вольга Сянькова, што стала адзіным на сённяшні дзень вядомым фактам, калі настаўнік падтрымаў вучня, якога пераследуюць за палітычныя погляды.

2008 год улады прысвяцілі барацьбе з прадпрымальнікамі. Рэзананснаю сталася «справа чатырнаццаці» – асудзілі чатырнаццаць актывістаў, якія ўдзельнічалі ў акцыі падтрымкі прадпрымальнікаў. Актывісты, якія вучыліся ў ВНУ, былі адлічаныя без права заканчэння навучання. У тым жа годзе зняволены актывіст прадпрымальніцкага руху з Віцебска, афіцэр міліцыі ў адстаўцы Сяргей Парсюкевіч, абвінавачаны ў расправе і спробе расправы з супрацоўнікам міліцыі.

Пасля выбараў 19 снежня 2010 года арыштаваныя кандыдаты ў прэзідэнты Беларусі Аляксей Міхалевіч, Уладзімір Някляеў, Віталь Рымашэўскі, Андрэй Саннікаў, Мікалай Статкевіч, Дзмітрый Ус (затрымліваліся таксама, але былі неўзабаве вызваленыя кандыдаты Рыгор Кастусёў і Яраслаў Раманчук), а таксама кіраўнікі і актывісты іх перадвыбарных штабоў. Большасць з іх была асуджаная да розных тэрмінаў зняволення, у некаторых выпадках – да ўмоўнага альбо адтэрмінаванага пакарання. Агулам за ўдзел у мірнай акцыі пратэсту 19 снежня затрымалі больш за 800 чалавек. Экс-кандыдат у прэзідэнты Беларусі Мікалай Статкевіч і сёння знаходзіцца ў калоніі, нягледзячы на актыўныя патрабаванні міжнароднай супольнасці аб ягоным вызваленні.

За два дні да выбараў былі арыштаваныя актывісты Маладога фронту Зміцер Дашкевіч і Эдуард Лобаў. Ім быў інкрымінаваны ўдзел у бойцы. «Пацярпелыя», бясспрэчна,

былі міліцыянтаўскімі правакатарамі і нават не наважыліся адкрыта сведчыць падчас суда.

Судовая машына выносіла прысуды цягам усяго 2011 года. Акрамя ўдзельнікаў акцыі 19 снежня былі асуджаныя некалькі груповак моладзевых актывістаў, якія належалі да розных анархісцкіх плыняў: яны мелі мужнасць выступіць супраць КДБ і прадэманстраваць гэта публічна. Асуджаны журналіст Андрэй Пачобут, актывіст польскага нацыянальнага руху ў Беларусі. Арыштаваны і трымаў доўгатэрміновую галадоўку актывіст Кансерватыўна-хрысціянскай партыі Беларускага народнага фронту Сяргей Каваленка: ён выказаў свой пратэст тым, што вывесіў на гарадской навагодняй ялінцы ў Віцебску нацыянальны сцяг, які быў дзяржаўным сцягам Беларусі да 1995 года.

Нарэшце, у 2011 годзе быў зняволены лідар праваабарончага цэнтра «Вясна», літаратар і грамадскі дзеяч Алесь Бяляцкі. Яму інкрымінавалі ўхіленне ад выплаты падаткаў, хоць улады не хавалі таго, што пераследуюць Бяляцкага з той прычыны, што праз «Вясну» ажыццяўляецца найбольш істотная падтрымка ўсіх палітычных зняволеных. Суд над Бяляцкім атрымаў сусветны рэзананс яшчэ і таму, што паказаў усёй міжнароднай супольнасці: аўтарытарны рэжым выкарыстоўвае кожную законную магчымасць для пераследу сваіх палітычных апанентаў. У выпадку з Бяляцкім следства грунтавалася на дакументах, якія былі перададзеныя беларускім уладам дзяржструктурамі Літвы і Польшчы.

Гэты спіс не з’яўляецца вычарпальным, як ад пачатку не задумвалася вычарпальнай і нашая Анталогія. Шэраг аўтараў з той ці іншай прычыны адмовіліся змясціць свае тэксты. Нехта папросту не паспеў іх перадаць. Пра некаторыя тэксты мы даведаліся тады, калі праца над кнігай была збольшага скончаная. Чыесьці кнігі выйшлі дастаткова вялікімі накладамі зусім нядаўна і даступныя шырокаму чытачу ў інтэрнэце.

У гэтай Анталогіі аб’яднаныя тэксты і лёсы людзей, якія прытрымліваюцца розных палітычных поглядаў, але аднолькава любяць свабоду і вераць у ідэалы дэмакратыі. Гэта – галоўнае.

На жаль, няма падстаў сцвярджаць, што падобныя кнігі ў Беларусі не будуць з'яўляцца ў далейшым. Беларускі ПЭН-Цэнтр і Радыё «Свабода» нават заснавалі прэмію імя аднаго з першых беларускіх палітзняволеных савецкага часу пісьменніка і грамадскага дзеяча Францішка Аляхновіча, які пакінуў пасля сябе кнігу ўспамінаў «У капцюрох ГПУ» – турэмны тэкст таго часу. Але няма сумневу ў іншым: беларускія ўлады заўсёды будуць саромецца таго, што падобныя кнігі з'яўляюцца, а таму будуць пераследаваць зноў і зноў іх аўтараў і выдаўцоў.

Ніхто з аўтараў і ўкладальнік не атрымліваў за ўдзел у Анталогіі ганарару.

Тэксты ў Анталогіі змешчаныя ў адпаведнасці з беларускім алфавітам па прозвішчах аўтараў.

Біяграфічныя даведкі напісаныя ўкладальнікам і ўзгодненыя з аўтарамі альбо іх паўнамоцнымі прадстаўнікамі.

У Анталогію ўвайшлі вершы, успаміны, дзённікі, апавяданні і публіцыстычныя артыкулы тых асоб, якія зведалі рэпрэсіі. Некаторыя аўтары пастановамі міжнародных праваабарончых арганізацый вызнаваліся палітычнымі зняволенымі, некаторыя маюць статус вязняў сумлення.

Кожны аўтар мог асабіста альбо праз давераных асоб (сваякоў і сяброў) перадаць для Анталогіі тэксты на мове напісання, на ўласны выбар. Аб'ём, прапанаваны кожнаму, быў абмежаваны пяццю аўтарскімі аркушамі. Выключэнне было зроблена для дзённікаў Паўла Шарамета, бо яны ўтрымліваюць падрабязную інфармацыю пра арышт здымачнай групы, аднаго з членаў якой – Дзмітрыя Завадскага – верагодна, ужо няма сярод жывых. Дзмітрый Завадскі знік 7 ліпеня 2000 года пры загадкавых абставінах і паводле рашэння суда быў абвешчаны мёртвым.

Усе аўтарскія правы на тэксты належаць аўтарам і іх спадчыннікам. У апошнім выпадку гаворка ідзе пра трагічна загінулага неўзабаве пасля вызвалення Арцёма Грыбкова. Ягоная жонка Святлана чакала дзіця; нарадзіўся сын, Яраслаў, які ніколі не пабачыць свайго бацьку.

Укладальнік дзякуе Фонду Конрада Адэнаўэра і выдавецтву Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта за актыўнае спрыянне ў выхадзе Анталогіі.

Аляксандр Фядута

FROM THE COMPILER

The idea for this anthology came in 2011 when its author was imprisoned after the presidential elections in Belarus that took place on December 19, 2010. It is difficult to find a companion in a solitary confinement, but it was necessary to have a companion not to go mad. I began to write poems – as in youth. First I addressed them to my wife, then to my friends. And then I started to write memoirs about the city of my childhood.

When I was released to have some relative freedom – a small solitary confinement was replaced by a huge one, where almost ten million Belarusians live, – I realised that I was not the only one to make actual the problem of a companion during detention. It was necessary to share with someone the things you care about, to talk. The easiest way to do this was paper.

At first, I just wanted to collect poems. I imagined our frustrated revolution as a revolution of poets. It was not in vain that the candidate whom I supported was an outstanding poet – Uladzimir Niakliaeu. But it turned out that not everyone was writing poems in prison. Prose was more attractive. Someone wrote memoirs, others stories.

Many were writing at the time when, like me, they found themselves on the other side of the bars. The prison experience came to be popular with the readers because many of them shared our views and beliefs – and though they were afraid to admit it, they understood that they could share our destiny.

So the original idea had to be amended. The book should include not only poetry, but also other texts in which the authors represented themselves, their country and their time. And not only the texts of those who suffered for their participation in the peaceful protest march on December 19, 2010.

Political prisoners appeared in the recent history of Belarus in 1996, when the poet Slavamir Adamovich was arrested for the poem *Kill the President,* and the politicians Yuri Khadyka and Viachaslau Siuchyk for taking part in the mass action "Charnobylski shliah" (Chernobyl March).

In 1997 the first “journalist case“ appeared: the crew of the Russian Public Television office in Belarus was arrested for their professional activities. The arrest of Paval Sharamet and Dzmitry Zavadzki aroused a wide resonance: President Boris Yeltsin of Russia solved the problem at the international level.

Reprisals against agrarians who did not please the Belarusian Head of State took place at the same time. Vasil Staravoitau, head of an agrarian enterprise and World War II veteran, who was famous in the Soviet times, and Minister Vasil Liavonau, who was trying to reform agriculture in Belarus, were convicted.

In the same year trials of the first underage oppositioners were held: this fate fell on Vadzim Labkovich. He and his fellow from the youth organization *Molodoi Front* (*Young Front)* Aliaksandar Shydlouski were convicted for anti-presidential graffiti.

In 1998 reprisals against the bright original politician Andrey Klimau tool place. A successful businessman in the past, Klimau had dared to call for the impeachment of the president when he became a member of the Supreme Soviet. He was demonstratively pinished for this. Three times he was sentenced to various terms of imprisonment, each time proving that it was impossible to crush him.

In 1999 the former rector of Gomel State Medical University professor Yury Bandazhevsky who dared to tell the truth about the consequences of the Chernobyl nuclear disaster was arrested. This required great civic courage: the authorities had been saying that there was no danger, that you could grow grain and graze cattle in the contaminated areas and consume the food produced there.

In the same year, former Prime Minister of Belarus Mikhail Chyhir was convicted for participation in the opposition campaign aimed at electing the President of Belarus in accordance with the 1994 Constitution that was illegally repealed in 1996. Repressions affected almost all the members of his family: in the long run, his wife Julia and son Alexander were also convicted.

In 2002 well-known journalists and public figures Viktar Ivashkievich, Mikalai Markievich and Paval Mazheika were convicted as well. They were incriminated with slander against the head of the state, although since 1996 representatives of indepen-

dent media had had no access to the required information that could help elicit the truth.

In 2004 activists of the entrepreneurs‘ union from Grodno Valery Levaneuski and Aliaksandar Vasilieu were convicted. They were charged with insulting the personality of the president of Belarus in unsigned leaflets, the authorship of which, in fact, was not properly confirmed.

In the same year, 2004, the famous diplomat and politician Mikhail Marynich who ran for presidency in 2001 was also convicted. It was a demonstrative reprisal against a prominent public officer who had occupied positions of the mayor of Minsk and Minister and had been elected deputy of the Belarusian Parliament. The trial of Mikhail Marynich was to show that no past merits would prevent the authorities from spifflicating a public officer if he joined the opposition.

In 2006 a group of young activists who organized observations at the 2006 presidential elections were arrested on a charge of acting on behalf of an unregistered NGO.

The former presidential candidate Professor Aliaksandar Kazulin was convicted. The former rector of the main university of Belarus Professor Kazulin was sentenced to 5.5 years in prison for organizing a peaceful protest act. In protest Professor Kazulin was on a hunger strike for 53 days. During his imprisonment his wife Iryna Kazulina, a courageous woman, who had been battling both with cancer and the authorities, died. The disease took away her life just like the authorities took away her husband‘s freedom. Alexander Kozulin was released to take part in the funeral of his wife that turned into a real demonstration. Then the ex-presidential candidate was returned to the colony.

At the same time, in 2006, the case of the Volkovysk entrepreneur and activist of the Afghan war veterans organization Mikalai Autukhovich started. Under international pressure, the brave army officer who had military awards was released for some time, but then re-arrested and convicted. Today he is still in prison.

2007 was marked by the persecution of *Molodoy Front* activisits. Many of them were tried and sentenced to fines and administrative arrests. The case of the Soligorsk student Ivan Shyla drew a wide response: he was not allowed to finish his studies at

a secondary school despite good results. Ivan Shyla was expelled when he had to pass only one more exam. In protest against this lawlessness the school principal Olga Senkova resigned. It was the only known fact when a teacher stood up for a student who was politicaly persecuted.

The authorities spent the year 2008 struggling with entrepreneurs. In 2008 the "case of fourteen" drew a wide response – fourteen activists who had participated in the campaign to support entrepreneurs were tried. Those of them who were students were expelled from universities without a possibility to finish studies. In the same year Siarhei Parsyukievich, an activist of the entrepreneurs' movement from Vitebsk, a retired police officer, was accused of violence and threat of violence to a police officer and was convicted.

After the elections on December 19, 2010 the presidential candidates Aliaksei Mikhalevich, Uladzimir Niakliaeu, Vitaly Ramasheusky, Andrei Sannikau, Mikalai Statkievich, Dzmitry Us as well as leaders and activists of their campaign headquarters were arrested. (The candidates Gregory Kastusyou and Yaraslau Ramanchuk were also detained and released). Most of them were sentenced to various terms of imprisonment, in some cases - conventional or suspended. More than 800 people were arrested during those days for participation in the peaceful protest on December 19, which was evaluated by the courts as riot or gross violation of public order. The former presidential candidate Mikalai Statkevich is still in prison, despite strenuous demands of the international democratic community to release him.

Two days before the elections two activists of *Molodoy Front (Young Front)* – Zmitser Dashkievich and Eduard Lobau – were arrested for alleged involvement in a fight. People who accused them were apparantely police provocateurs and did not even dare to testify openly at the trial.

The judicial machine issued verdicts during the whole year of 2011. In addition to the protesters of December 19, a few groups of young activists who adhered to various anarchist movements and dared to speak out against KGB and show it in public were convicted. The journalist Andrei Pachobut, an activist of the Polish national movement in Belarus, was also convicted. Siarhei

Kavalenka, a BNF Conservative Christian Party activist, who expressed his protest in putting a national flag on a Christmas tree in Vitebsk, was arrested and held a hunger strike. The flag was withdrawn from public use in 1995.

Finally, in 2011 the leader of the human rights center *Viasna*, writer and social activist Ales Bialiatski was convicted. He was charged with tax evasion, although the authorities did not conceal that the persecution took place because it was through *Viasna* that the most significant support to all political prisoners was provided. The trial of Bialiatski received special attention in the world because it showed to the international democratic community that the authoritarian regime uses any legal opportunity to persecute its opponents. In Bialiatski's case documents sent to the Belarusian authorities by the state agencies of Lithuania and Poland became the basis for the court procedure.

The list is not complete, as our Anthology is obviously not complete. For certain reasons, some authors have refused to provide their texts. Some people just did not have time to submit them. We found some texts only when the work on the book was almost completed. Someone else's books were published in large numbers not long ago and are available to the general audience in the Internet.

This Anthology combines texts and destinies of people who have different political views, but all of whom love freedom and believe in the ideals of democracy. This is the most important thing.

Unfortunately, there is no reason to believe that a book like this will not appear in Belarus again. The Belarusian PEN Center and Radio Liberty even established a prize named after one of the first Belarusian political prisoners of the Soviet times – the writer and politician Francishak Aliakhnovich, who left a book of memoirs *In the clutches of the GPU* – one of the earliest texts of the prison time. However, there is no doubt that the Belarusian authorities will be always ashamed of the fact that these books appear and, therefore, will persecute again and again their authors and publishers.

None of the authors and the compiler received any fee for participating in the Anthology.

Texts in the Anthology are arranged in accordance with the Belarusian alphabet by the author's name.

Biographical notes are written by the compiler and have been discussed with the authors or their authorized representatives.

The Anthology includes poetry, memoirs, diaries, stories and publicist articles by persons who were persecuted. Some authors are recognized by international human rights organizations as political prisoners; some of them have the status of prisoners of conscience.

Each author could personally or through authorized persons (friends and relatives) submit texts to the Anthology in the original language of the contribution. Each author was given five printer's sheets space. An exception was made for the diaries of Paval Sharamet, as they contain a detailed history of the arrest of the film crew, one of whose members – Dzmitry Zavadzki – is probably no longer alive. Dzmitry Zavadzki disappeared on July 7, 2000 under mysterious circumstances and was acknowledged by the court as dead.

All copyrights belong to the authors and their heirs. In the latter case we mean Artsiom Grybkou, a participant of peaceful protests on December 19, 2010, who died tragically shortly after his release. His wife, Sviatlana, was expecting a child; the son Yaraslau was born, but he was not destined to see his father.

The compiler would like to thank the Konrad Adenauer Foundation and the European Humanities University publishing house for their active assistance in publishing the Anthology.

Aliaksandar Fiaduta

ІГАР АЛІНЕВІЧ / ИГОРЬ ОЛИНЕВИЧ / IHAR ALINEVICH

Нарадзіўся 24 верасня 1983 года ў Мінску.

Скончыў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і электронікі.

Інжынер, спецыяліст па электроніцы; моладзевы актывіст. Працаваў у НПА «Пеленг».

Быў адным з актывістаў нефармальнага анархісцкага руху на Беларусі. 28 лістапада 2010 года скрадзены супрацоўнікамі беларускіх спецслужбаў у Маскве. Асуджаны 27 траўня 2011 года судом Завадскога раёна г. Мінска на 8 гадоў знаходжання ў калоніі ўзмоцненага рэжыму за ўдзел у антымілітарысцкай акцыі каля Генеральнага штаба Беларусі 19 верасня 2009 года і нібыта ўдзеле ў падпальванні аўтамабіля каля пасольства Расійскай Федэрацыі 30 жніўня 2010 года. Па меркаванню праваабаронцаў, справа Аліневіча разглядалася з парушэннем права падсуднага на абарону, прадузята і палітычна матывавана.

Падчас знаходжання ў следчым ізалятары КДБ («амерыканка») Ігар Аліневіч падвяргаўся пыткам.

Ужо з калоніі Ігар перадаў на волю тэкст успамінаў «Я еду в Магадан», які друкаваўся ў перакладзе на беларускую мову ў газеце «Новы Час» і на мове арыгіналу ў зборніку «Еду в Магадан» (Санкт-Пецярбург, 2012) разам з палітычнымі артыкуламі Аліневіча.

Для Анталогіі тэкст успамінаў перададзены маці Ігара, сп. Валянцінай Аліневіч, і друкуецца цалкам.

He was born on September 24th, 1983 in Minsk.

He graduated from Belarusian State University of Informatics and Electronics.

He is an engineer, electronics specialist and a youth activist. Ihar worked in the NGO *Peleng*.

He was one of the activists of informal anarchist movement in Belarus. On November 28, 2010 he was abducted by members of Belarusian security forces in Moscow. On May 27, 2011 he was sentenced by the Minsk Zavodskoy district Court to maximum 8 years in a maximum security prison for taking part in an anti-militarist action near the Belarus General Staff Headquarters on September 19, 2009 and for involvement in the ignition of the vehicle near the Embassy of the Russian Federation on August 30, 2010. According to human rights activists, the case of Alinevich was considered in violation of the defendant's right of defense and was prejudiced and politically motivated.

During his stay in the KGB detention center ("Americanka") Ihar Alinevich was subjected to torture.

From prison Ihar passed the text with his memories *Ya edu v Magadan (I am going to Magadan)* which was published in translation in the Belarusian language in the newspaper *Novy Chas* and in the original language in the book *Ya edu v Magadan (I'm going to Magadan)* (St. Petersburg, 2012) together with his political articles.

The text of the memories was submitted to the Anthology by Ihar's mother Mrs. Valiantsina Alinevich, and is printed in full.

ЕДУ В МАГАДАН

Часть 1

***

28 ноября 2010 года, Москва, кафе торгового центра «У Горбушки», 14.45 на часах. От бессонной ночи слипаются глаза. Толпы людей, суета, озабоченные лица. В каждом втором мерещится сотрудник, как, например, эти трое в черных куртках. Дима сидит напротив. Смеемся над собственной паранойей. Ночью пришло предложение от Буратино (он же Лаптенок Антон) встретиться. В душе настойчивое желание отказаться, ведь мы знаем, что он – предатель. Но это необходимо. Дима нервничает. По плану, он должен наблюдать в бинокль за встречей, но он изначально против всей этой затеи. Конечно, Дима прав. И место, и план должны быть продуманы лучше, но три месяца в бегах притупляют чувство опасности, да и так не хочется думать, что и этот предал. Я должен успеть срисовать агентов во время встречи и дать по тапкам, попутно залив газом морду «казачка». Поздно что-либо менять. Уже время, пора выдвигаться.

Выходим из комплекса, с разных сторон метнулись четыре тени, схватив под руки. Я не удивился, ни один мускул не дрогнул. Дима отпрыгнул в сторону и бросился наутек. Случайный прохожий ставит ему подножку, но, к счастью, безуспешно. Страна господ, страна рабов.

Один из men in black (людей в черном) успокаивает: «Это мы вашим помогаем». Хм, эти «наши» – ваши, а не наши. Звякнули браслеты, запихнули в машину, шмон по карманам, мобила, кошелек, плейер. За часа полтора до встречи я включил телефон, с которого звонил Буре. Думал, что в людном месте не успеют найти или не будут искать вовсе, чтоб не рисковать. Дурацкая ошибка… Шапка на глаза, одна машина, затем другая, между собой люди в черном – фээсбэшники – не переговариваются, пишут текст на телефоне и передают друг другу. Пара остановок в туалет, смотришь на поле, лес, и кажется, что это сон…

...Граница с Беларусью. Голову втапливают в пол, значит, операция нелегальная. Передача местным в бусик. Московские говорят:

– Больше такой х... не подкидывайте.

– Конечно, за нами долг, мужики, – отвечают *тутэйшыя*.

Трогаемся. Начинают с угроз:

– Ты понял, что сказать надо? Или заедем в одно место для разъяснений?

– Да понял-понял, – отвечаю я, – чего уж тут...

Ага, как же. Не копаться в памяти, не сожалеть, считать секунды, успокаивать нервы. Нужно мобилизоваться, сосредоточиться на одной истине: «Не верь, не бойся, не проси...»

– Уже 20.30, заезжай.

Лязгнули ворота, машина заехала. На глазах по-прежнему шапка. Я полностью дезориентирован. Заводят в кабинет, садят на стул, лицом в стол, на шею опускается ребро чьей-то ладони. Впереди самая долгая ночь в моей жизни...

– ...Игорь, давай поговорим с тобой как человек с человеком, – раздался голос напротив.

– В таком положении люди не разговаривают, – я сам удивился своему голосу.

Видимо, они не ожидали сопротивления и на некоторое время замешкались. Это придало мне уверенности. Затем приступили:

– Мы все знаем, говори, признавайся!

– Не знаю, не был.

– Тебя уже все сдали, чего отнекиваться?

Мучает лишь один вопрос: Дима ушел или все же взяли позже? Но как это узнать?

– А что Дима? Дает показания?

– Какой Дима? Ты имеешь в виду Дубовского?

Ясно! Не взяли! Значит, все не так уже плохо.

– Какие новости в Интернете? Никого не похитили? Плохо работаете. О вашем «казачке» было известно заранее. Мы подготовились.

Открылась дверь, кто-то сказал:

– Действительно, уже висит на сайте.

Повисла неловкая пауза. Похоже, им было обидно признать, что в руках находились оба. Все, а их было трое или четверо, вышли. С сердца как камень свалился: Димон на воле, не растерялся, а Буратино вскрыт подчистую. Теперь предстоит пережить дознание. Именно на показаниях, данных в первые дни, как правило, строятся дела.

Вернулись дознаватели.

– Ты наивен. Ты думаешь, у тебя есть друзья? Тебя все предали, а ты подозревал не того!

Но я уже не слушал этот бред. Первое правило – «Не верь!». Все, что они говорят, – ложь, полуправда. А если и правда, то с целью дальнейших манипуляций. Методика была проста: начинали с одного эпизода, но, как только получали отпор, переходили к другому. Генштаб… Казино… Билборды… Профсоюзы… Банк… Посольство… ИВС… Банк… Казино… И так до бесконечности.

Брали измором. Я засыпал много раз и просыпался. Как только чувствовали усталость, сразу усиливали давление. В ход шло все: угрозы, лесть, шантаж, увещевания в бессмысленности борьбы, сомнения в сторону товарищей, упор на эгоизм и т.п. Я не знал, сколько времени прошло. Оно перестало существовать. Было неясно, где реальность, а где сон… «Закинем в хату к скинхедам! У нас есть специальная скинхата!.. Ты – красавчик, таких в тюрьмах любят… Тебя еще не били нормально… Зачем тебе это? Жил бы как все. Еще есть возможность!.. Ты занимаешься карате? Оно ведь иерархично, ты противоречишь своим принципам!.. Ты боишься взять, ты – трус!.. Ты сядешь. Вопрос решенный. Только вот на пять или десять лет, решать тебе… Я бы дал тебе 12, нет, даже 20 лет… Я звоню твоей бабушке. Пусть узнает о тебе все… Тебе никто не наймет адвоката… Нам нужно знать только одно: кто тебе заплатил?..»

Я включался только, чтобы сказать «Не знаю, не был», и вновь уходил в беспамятство. Второе правило гласит: «Не бойся». Как правило, они блефуют. Но даже если и нет, то только так можно узнать, выдержишь ты или нет. Кто испугался – уже побежден. Стоит показать страх – и ты на крючке, из тебя вытянут все, даже то, чего у тебя в мыслях не было. На

некоторое время сняли шапку. За столом сидел только один: «Эх, хороший ты парень. Инженер, здоровый образ жизни ведешь, спортом занимаешься. Нельзя так пропадать. Я же и сам понимаю, что вы очень многое правильно говорите, вот только реализация… А может, ну его все это?»

По ходу дознания периодически возникало чувство узнавания, что вот это и это я где-то читал. Эта мысль очень отрезвляла, подтверждала осознание того, что это все – инсценировка. Ведь возникало ощущение некой оторванности, подсознательно хотелось поверить в их аргументы и тем самым все прекратить. Психологическая защитная реакция. От нее никуда не деться.

Снова нацепили шапку на глаза. Пришел некто новый. Он не стал всесторонне распрягать, а со всем внушением, отборными фразами и специфическим тоном стал втирать, какое же я типа «ссыкло». …Снова ожидание. Ужасно хотелось пить и подмывало стрельнуть сигаретку. Но я знал, что этого делать нельзя. Любую просьбу нужно ставить в формат требования. Третье правило – «не проси». Любая просьба делает психологический климат мягче, и, может быть, именно этой капли будет достаточно, чтобы перевесить чашу весов в их пользу.

Сняли шапку, принесли еду. Опера сидят потухшие. Исчерпались. Чего-то ждем, очень долго. Через маленькую форточку пробивается свет. Значит, уже день. Вдруг подъем. Снова коридорами, лестницами, коротким переходом по внутреннему дворику, мимо множества кабинетов с табличкой «Идет допрос». Заводят к следователю. Тут же адвокат. Все культурно. Вручается ордер на арест по обвинению в акции у изолятора временного содержания на ул. Окрестина. Начинается допрос, на часах 16.00. В их лапах уже сутки. Дознание длилось 19 часов. Наконец-то сняли наручники… Это волшебное ощущение свободы подвигать руками…

Обыск. Изъятие вещей, отшмонали берцы, дали какие-то тапки довоенных времен. Уже не выдерживаю, засыпаю прямо на лавке в отстойнике. Поднимают, ведут в большой круглый холл с массивными стенами. Узкая лестница на второй этаж. Ощущение, что попал в какое-то совмещение

противоядерного бункера и колизея. Горизонтальная решетка закрывает весь проем со второго этажа на первый. В середине – центральный пульт с телефоном. Конвоир ведет меня вдоль дверей, одна за другой, по кругу. В руках у меня матрас, подушка, простыни. Остановка, открывается дверь № 3, и я захожу в камеру. Никого. Две железные кровати с жесткими прутьями, два табурета, вмонтированных в стену. Такой же стол. В углу пластиковое ведро с крышкой. На тумбочке стоит поднос: картошка, селедка, сок. Маленькое окошко за двойной решеткой в виде намордника связывает с внешним миром. С видом на кирпичную стену. Дверь с лязгом захлопывается. Падаю на матрас и моментально проваливаюсь в сон.

***

Проснулся от того, что в камеру вошел старший прапорщик и потребовал доклада.

«В камере один человек, писем и заявлений нет, прогулка 1 час. Дежурный по камере Олиневич», – так звучало каждый день.

Тянулись часы… Заняться было решительно нечем. Дикий холод и сквозняк, но закутаться в одеяло нельзя. Для тех, кто попадает сюда без теплых вещей, – это пытка. Особенно чувствуется отсутствие обуви. Ноги продувает в любых носках, даже вязаных. Помогает лишь укутывание стоп в свитер. Но это – мелочи. Самое важное – вокруг постоянная тишина, отсутствует время. Иногда доносятся шаги, скрип наручников, лязг «кормушек» (вертикальная дверца в двери для подачи пищи), «маяковые» уведомляющие удары в дверь, свист и шепот контролеров (они не разговаривали!).

За несколько дней начинаешь ловить и распознавать малейшие звуки. В сутки кормушка открывается несколько раз: завтрак, обед, ужин, лекарства. Дверь открывается 4 раза: утром и вечером в туалет, еще утром на обход дежурного, один раз на прогулку (если есть). И так месяцами, у некоторых годами с круглосуточным люминесцентным освещением.

Полная неизвестность, где я и что дальше. Часы забрали. Дни смешались… Просыпаешься и засыпаешь, не зная, ни как долго спал, ни времени суток.

Что такое сознание арестанта в первые дни? Это – рой креатива воображения под катализатором подсознательного животного страха. Лишь постоянные физические упражнения приводили в чувство реальности. Изоляция… Каково это? Жизнь человека сплетается из тысячи социальных нитей: общение, обязательства, планы, отношения, работа, даже салат в холодильнике – все имеет ниточку в нашем сознании. И в один миг ты начинаешь соскальзывать с этого прочного настила. Не сразу, а постепенно. Внезапно вспоминаешь о каких-то делах, от более оперативных до менее срочных, разум начинает как бы содрогаться, метаться, нужно что-то предпринять. Ты пытаешься ухватиться за нити, не упустить, как-то увязать по-новому, но вместо этого теряешь одну за другой все и падаешь в бездну пустоты. Это еще не самое страшное: тут хотя бы видишь, что теряешь…

…В этом кромешном вакууме первая передача и первое письмо от близких, как луч света, пробивает мрак и обжигает теплом. Помню, как вытащил из пакетов теплые носки и шерстяное одеяло. Закутался в него и тут же провалился в сон с ощущением дома и родительской заботы…

– …У меня есть о чем с вами поговорить, – сказал седой, но крепкий полковник из 4-го отделения КГБ. Из окна самого дальнего кабинета открывался внезапный вид ночного города, центрального проспекта Минска. Не поверю, что после камеры на кого-то это не произвело бы впечатления. Так близко и так далеко, длиною в годы… Чай, печенье, пряники, прочая обходительность, как в фильмах.

– Вы знаете, почему вы здесь? – прозвучал коварный вопрос, как это делала инквизиция столетия назад.

– Хотелось бы знать для начала, где я нахожусь? – ответил я.

– Это не тюрьма, слава Богу, а СИЗО КГБ. Есть разница. «Американка», как говорят в народе. В 30-е годы здесь было расстреляно более 30 тыс. человек. Печально, но уверяю вас, ни я, ни мои коллеги даже в мыслях не могут допускать больше такого, – продолжал полковник.

Три беседы до ночи: об анархическом движении, методах, личном выборе, смысле жизни и т.п. Я сразу решил вести разговор исключительно в рамках информации, доступной

в интернете. То есть, когда звучал вопрос, я представлял себе открытый источник, где есть такая информация, только затем отвечал. Никакой конкретики.

Полковник интересовался такими вещами, как «финансирование», «лидеры», «зарубежные связи», т.е потенциал движения в плане использования внешних сил для дестабилизации обстановки в стране. Ясно, у них мысль в одну сторону заточена. ***Никто уже не верит, что люди могут что-то делать самостоятельно из идейных побуждений.*** На третий день все закончилось вопросом: «А могут ли анархисты и власть идти вместе к светлому будущему? Хотели бы Вы создать собственную организацию?»

Тут, как щелчок, в памяти всплыл фрагмент из «Дневника источника», где через такое предложение и произошла вербовка!

«По окончании срока я собираюсь заняться вопросами альтернативной энергетики», – медленно, слово за словом, отчеканил я. Мой ответ сильно опечалил полковника… По дороге в камеру вспомнился Маяковский и его великое «…я лучше блядям в ресторанах буду подносить ананасную воду».

…Первая прогулка под падающим мокрым снегом, в дырявых матерчатых тапочках. Прогулка – это трехметровые суровые стены, дворик три на шесть шагов (!) и решетки с колючей проволокой под электрическим напряжением. Первый раз надолго отбивает охоту выходить снова, но ровно до тех пор, пока не приходит понимание того, что небо, пусть и в клеточку, лучше, чем неизменно грязно-белый потолок с неизменным светом 24 часа в сутки. Холодные капли дождя стекали по лицу, прямо как в том лесу, через который нам с Димой часто приходилось ходить на электричку, когда скрывались в Москве.

***

Когда в начале сентября произошли первые задержания, никто не думал, что все обернется столь серьезно. Я сразу связался с Димой, и вместе мы выжидали, надеясь, что все обойдется и всех отпустят. Но в течение трех дней нам стало известно, что менты (работал УБОП) хотят накрыть пять

квартир. Каждый день количество задержанных росло, и появилась информация, что товарищей раскручивают не только по посольству, а по многим другим эпизодам, даже совсем фантастическим. Но все равно не верилось, что кого-то посадят в тюрьму и тем более посадят с реальным сроком. За много лет мы привыкли, что никому не нужны: ни ментам, ни журналистам, ни политикам. Правда, в последнее время стали появляться тревожные признаки. На панк-концерты стали активно наведываться люди в штатском. Они же пытались установить связь под видом сочувствующих, а весной того же года свинтили мероприятие Беспартшколы (публичные лекции об анархизме). Но как-то никто не придавал этому большого значения.

Более интригующие события развернулись в интернете еще за пару дней до задержаний. Белорусская Индимедия, будучи свободной новостной платформой для анархистских и околоанархистских инициатив, применила цензуру, удалив сообщение об акции у посольства. Более того, их коллектив объявил акцию провокацией. Надо сказать, что радикальные действия анархистов стали регулярно осуществляться с 2008 года и в Беларуси, и в России. События в Греции, безусловно, явились главным катализатором. За много лет впервые было озвучено, что за бунтом стоят не какие-то абстрактные антиглобалисты, а вполне конкретные анархисты. За смерть юноши такой ответ, всеохватывающий и бескомпромиссный! Но за три года лишь в последней акции Индимедия узрела провокацию. Пользуясь общей неразберихой и простоем сайта «Революционного Действия», Индимедии удалось навязать свои оценки большинству движения, в том числе и за границей. Другая часть движения, меньшая, не повелась за остальными, но на тот момент силы были неравны. В бессильной ярости мы смотрели на откровенное отступничество и безумие. Было больно осознавать, что большая часть приверженцев свободы и разума воли ведет себя, как стадо, прогнувшись под уверения пары-тройки человек. Стало очевидно, что под этим скрывается откровенный страх за свою шкуру, и жалкая демагогия о правилах Индимедии не могла это-

го скрыть. Увы, в той ситуации нам пришлось оперативно решать другой вопрос: разделить участь задержанных или скрыться от репрессий.

Это совсем нелегко – взять и все бросить. На работе ждут важные и интересные проекты, на даче в разгаре ремонт, на выходные – планы выбраться с друзьями на рейв. Десятки нитей социальной паутинки держат тебя и задают движение. И тут в один момент нужно от всего отказаться. Рассуждения приводят к глубинному самоанализу, в ходе которого предстоит выяснить свои истинные ценности, убежденность в идеях, цели жизни, готовность к жертве. Своеобразная проверка, что в жизни важнее: воля, пусть худая и голодная, или комфорт, авось пронесет.

Последние дни в лихорадочных сборах и попытках закончить хоть какие-то дела. Поездка к бабушке и дедушке, помощь с огородом на даче. Они уже старенькие совсем, и, скорее всего, мне их больше не увидать. Затем к родителям, провести свет в гараже, ведь давно обещал. Мать рассказывает о планах на следующую неделю, а у меня ком в горле. Ночуем на даче у друга. Я не объясняю, в чем дело. Он не расспрашивает. Хорошо, когда друзья понимают, что раз так надо, то есть веские причины…

…Дорога к границе. На душе тяжело. Отрываешься от всего родного и близкого. Судьба товарищей под большим вопросом. Но мне легче, чем Диме. Ведь ему приходится оставить и свою возлюбленную. Убивает драма, разыгравшаяся в движении. Публикуются статьи и озвучиваются мнения: дескать, «нам с радикальными не по пути». Легко говорить, когда ответ означает привлечение внимания ссученных, а значит, и ментов. Когда ради собственной безопасности свои клюют своих, единое движение перестает существовать. Солидарность – это минимальный фундамент, на котором возможно взаимодействие различных мнений и течений. Произошла дифференциация, как в Германии, Польше, Франции, Греции, Испании. Что ж, так тому и быть.

Дух приключений берет свое, и мы снова полны оптимизма. Мы будем бороться дальше, ради самих себя и наших

товарищей. Пусть хоть весь мир повернется против нас. Мы не отступим и не сдадимся.

…Москва. Вписки, переезды, поиски халявного Wi-Fi, знакомства, бессоница, порой ежедневная смена квартир. Мы знаем, что уже в розыске и нас ищут по-настоящему. Поиски безопасного места, суровые работы в холод и дождь, кидалово заказчиками, местами голод. Но именно той осенью я увидел небывалую солидарность на деле. Ночлег, пища, деньги, общение, досуг. Мы никогда бы сами не вытянули без помощи. В те дни строки Кропоткина о взаимопомощи читались как-то по-новому. Братская поддержка и чувства переливались пред нами яркими цветами во всей своей красе и величии.

По крупицам поступала информация о деле. Тучи сгущались. Саню и Миколу обвинили в ряде акций и закрыли в СИЗО. Гэбисты строили козни, отписывали провокации в интернете, присылали подложные письма, давили на близких. За Диму принялись особо жестоко, бесчеловечно. В его душе драма, но воля сильнее. Все зря, слишком топорно (за некоторыми исключениями). Тогда опера решили подослать «казачка». В отношении Буратины поступило слишком много тревожных сигналов и предупреждений, но прямых доказательств нет. Очень не хочется идти на риск, притом что мы только обустроились в безопасном месте и нашли нормальную работу. Но во что бы то ни стало надо вывести Иуду на чистую воду. Оставлять такого человека в движении просто нельзя.

Перед уходом на встречу отправляем письмо надежным людям, чтобы знали, если что…

***

…Через несколько дней начались следственные действия: три очные ставки с людьми, давшими показания. Теплится надежда, что эти люди не посмеют повторить их прямо в лицо. Арсен – совсем убитый, Веткин прячет глаза и говорит, как размазня. Деня сильно волнуется, но смотрит в глаза. В любом случае, до суда стоит воздержаться от оценки.

Конечно, очные ставки оставляют тяжелое чувство. Выходит, у всего есть цена. Пока ясно одно: я попал, и попал надолго.

***

«С вещами на выход!» – прозвучало распоряжение контролера. Закончились две недели одиночки, теперь в другую камеру. Захожу, здороваюсь. Передо мной стоят люди, самые обычные люди с человеческими лицами. Как-то не так я представлял себе уголовников. Подходит забитый мастями паренек в «алкоголичке» и спрашивает: «За МТЗ гонял?» Говорят, что мир тесен. Но кто бы мог подумать, что я встречусь в СИЗО КГБ, где всего-то 18 камер на мест 60, с человеком, с которым несколько лет гонял по околофутболу за МТЗ-РИПО! Воистину, тесен мир! Настрой улучшился. Закурили. Макс, знакомый, 22 года, панк-рок, антифа, футбол, амфетамин, 9 лет за продажу (ст. 328, ч. 3, от 8 до 13 лет). Кирилл, представительный парень, 29 лет, работал в КГК (Комитете госконтроля), обвинялся по ст. 209 («Мошенничество»). По версии следствия, брал в долг у влюбчивых девушек без возврата. Масштаб поражал: аж 1,5 миллиона в сумме по четырем эпизодам! Я бы не поверил никогда, что за это можно попасть, тем более в КГБ, если бы он не зачитывал отрывки из дела. Владимир, пожилой мужчина, 55 лет. Из администрации Могилева. Несколько лет назад переправил пару грузовиков с песком и еще чуть-чуть к себе на дачу. А теперь перешел дорогу не тому, вот песочек и всплыл. До 10 лет без права на амнистию.

Поскакали дни-недели… Сидеть в компании адекватных людей гораздо лучше, чем в одиночке. С точки зрения быта решается уйма вопросов по нехватке тысячи мелочей. Чеснок, лук, мыло, паста, спички, кипятильник, ручка, карандаш, лист бумаги, конверт, таз, нитки, всякие мыльно-рыльные принадлежности… Всего не упомнишь. Но что более важно, это получение представления о дальнейших перспективах пребывания за решеткой. Как и что решается с администрацией, какие процессы происходят в следственно-судебной системе, ожидаемые сроки предварительного

расследования, статьи УК, которые грозят по делу. В общем, целостный взгляд на свое текущее положение. Но самое главное – это чувство коллективизма. Очень быстро вырабатывается арестантская солидарность, хотя в «американке» устоявшейся зэковской культуры нет. Практикуются все естественные стремления человека к общению, взаимовыручке, чувство сопричастности, игры, шутки и, конечно же, смех. Беда сближает, и заметно, как человек, будучи на воле индивидуалистичным, замкнутым, становится более социальным и открытым. Готовка пищи, уборка, помывка, даже простое передвижение по камере или строем требуют постоянной оглядки на других. Одним словом, уходит первичный страх перед неизвестностью и суровостью тюремной обители. Ведь самый главный враг – это собственное воображение. Вскоре обстоятельства заставят убедиться в истинности этого утверждения. Все мы, заключенные «американки» того времени, убедились в этом.

А пока что мы «забивали козла» в домино, устраивали турниры по шашкам, играли в сокс на прогулках, смотрели телевизор по вечерам, травили байки и истории из жизни.

От родных и друзей, товарищей и незнакомых приходили письма со словами поддержки и солидарности. Состоялась встреча с адвокатом. С собой он принес частицу абсолютно чужеродного этому каменному вакууму мира, того, что мне дружественен. Это воодушевило меня и еще больше укрепило в мысли, что я не один. Чувство уверенности в себе абсолютно доминировало и душило голоса отчаяния и сокрушения о поломанной жизни, карьере, быте и прочим мелочам жизни. Что скрывать, первое время об этом думает каждый. Вопрос в том, закончатся ли эти мысли в это самое «первое время» или будут и дальше терзать душу.

***

Результаты президентских выборов 19 декабря 2010 года мы узнали ночью, когда в камеру подняли пятого человека, Олега Корбана. Выяснилось, что десятки тысяч людей вышли на улицы и произошли столкновения у Дома правительства. Как-то не верилось…

На следующий день мы увидели на продоле десятки выстроганных по кругу деревянных щитов-шконок. Большая часть из них имела самый свежий вид, что наталкивало на мысль предварительной подготовки. Что опять-таки наталкивало еще на одну мысль…

Одно стало ясно точно: массовые задержания. В новостях говорили о шестистах задержанных. Сколько же было на самом деле, мы никогда не узнаем. В тот же день Олега забрали. Вместо него подняли Анатолия Лебедько, председателя ОГП (Объединенной гражданской партии). Правда, партию мы переименовали в ОПГ (организованная преступная группировка). Звучит привычнее в тюремных застенках. Бывалый политический деятель, он много где успел побывать и поучаствовать в уйме дел, в том числе в осуществлении прихода к власти Лукашенко. Ирония судьбы. Правда, это никак не помешало ему уделать нас в домино и другие игры, с которыми он был хорошо знаком, видимо, по ИВС. В знак протеста Лебедько начал голодовку и мужественно держался до Нового года.

Тогда царило настроение, что власть решила трохи припугнуть оппозицию и подержать взаперти дней десять. Самая большая пакость, которая рисовалась в воображении на тот момент, была в том, что людей могли не отпустить к празднику, оставить в тюрьмах на пару дней дольше. Но даже такая мысль казалась почти невероятной. Все так привыкли, что белорусская диктатура рыхлее рыхлого, на серьезные поступки не способна в принципе и держится лишь на рабском менталитете народа.

Мы совсем не придавали значения появлению охраны в штурмовых масках. Как-то выглядело логично, что раз СИЗО сильно переполнено, то прислали усиление штатному персоналу. Мы не знали, что означает ввод спецназа в тюрьму. Опытных зэков среди нас не было… Но тогда еще на выражение «мордой в пол» мы в гневе огрызались, а хамство и грубость списывались на то, что этих громил взяли из какого-нибудь ОМОНа. Даже когда нас поставили на растяжку во время обыска, специально выведя для этого в спортзал, мы воспринимали это как гнилые понты, грубые попытки при-

пугнуть, дешевый фарс, который вот-вот закончится. Ведь вся общественность смотрит сейчас за разворачивающимися событиями, весь Запад пристально наблюдает за РБ.

Иллюзии развеялись, когда у нас забрали телевизор, когда Владимира охрана чуть не довела до сердечного приступа (на жалобы ответили: «Умрете – вынесем»), когда во дворике стали заставлять ходить по кругу, когда в 10 часов вечера 31 декабря Лебедько ушел с вещами, а через полчаса его вернули назад… Изменился СИЗО, изменилась страна. Власть сделала четкий шаг в сторону откровенной диктатуры. Демонстрирует свою уверенность в собственной силе, непоколебимости, безнаказанности.

Новый год был самым невероятным новогодним праздником в моей жизни. Даже в фантастическом сне я не мог и представить, что встречу 2011 год в застенках КГБ в столь причудливой компании, с «Кока-Колой» и шоколадным тортиком на столе, точнее, тумбочке, под аккомпанемент старых песен и со смутным ожиданием грандиозного шухера.

На правах старшего Владимир сказал тост из серии «Как чудненько, что все мы здесь сегодня собрались!». Лебедько был краток: «Жыве Беларусь!»

***

2011 год начался мрачно. 1 января на прогулке мы с Максом нарисовали снежками смайлик и слоган «Vivat anarchia». Только вернулись в камеру, как в кормушке появилась голова контролера с вопросом: «И кто у нас тут художник?» Я взял на себя и пошел затирать назад один. Ошибка. Как-то не обратил внимания на эскорт из двух масок, которые зашли за мной во дворик. Внезапно они приказали снять свитер (бабушка вязала) и им же стереть снежные художества. Разумеется, я отказался. Тут же получил дубинкой в голову. Первые секунды я был в шоке, не мог поверить, что они всерьез рассчитывают, будто нормальный человек будет раздеваться в мороз и драить своей шмоткой эту грязную шершавую стену. Но именно этого они и хотели! Приказ – отказ – удар, приказ – отказ – удар… Били в голову, по ушам, по шее, в пах, под колено, тычки в зубы, глаза. Кровь вскипела, кулаки

сжались сами собой. Увидев такой поворот, маски отошли на пару шагов и встали с дубинками наперевес, орали, чтобы разжал кулаки, но я их уже не слышал. Ситуацию разрулил вдруг выросший из-за их спин дежурный. При нем они не осмелились продолжать. Внутри все горело… На обратном пути у лестницы снова тормознули. Те или другие, не разобрал. Требовали по команде склонить голову. Отказ. Мощный удар в голову по шее сзади. Отказ. Снова комплексный подход. Отказ. Вконец выведенный из себя каратель заорал:

– Ты что, идейный?!

– Да, идейный.

– Не пойму, ты – вор, что ли?!

– Нет.

– Так, б…, за какую ты идею?!

– За свободу я!

А вертухай все орал: «Б..! Иди на х… отсюда!!!»

…Истеричка.

Утром следующего дня экзекуция продолжилась. Выцепили на обратном пути из сортира. На этот раз маски собрались все вместе, четверо или пятеро. Перегородили дорогу, команда – опустить голову. Отказ. Пару ударов, ноль реакции. Ставят на растяжку у стены. Поинтересовались, буду ли дальше отказываться. Ответ положительный. Резкий удар по ногам, падаю как подкошенный на колени и локти. Дубье, ноги… Хватаются поднять, но крышу уже сорвало, в глазах – красная пелена. Это уже не я. Отбиваюсь от захватов, кручусь на полу как волчок. Скручивают, щелкают браслеты. Тащат в спортзал. Ставят на очень жесткую растяжку, уперев головой в стену. Растягивают ноги берцами, на голени подошвой рвут кожу. Бьют под дых, туда, сюда, но боли уже не чувствую. В крови львиная доля адреналина. Подносят к лицу включенный шокер. Страшно, но только сильнее стискиваю зубы. Переговоры. Сходимся, что буду лишь опускать взгляд при команде «голову вниз». Хоть что-то. Втихую мажут ссадины перекисью водорода, видимо.

Еще через сутки записываюсь в медпункт, чтобы снять побои. На лбу – гематома, колени и локти разбиты. На голени – шрам. Губы, ухо – более чем достаточно. Однако вместо

врача вся камера идет на прием к начальнику СИЗО. В просторном, хорошо обустроенном кабинете сидел человек невысокого роста, но с властным и самоуверенным лицом.

– Вы – террорист? – жестко спросил полковник Орлов.

– Нет.

– Зачем вы избили двоих контролеров? У меня вот рапорта лежат. Одному пришлось больничный давать. У другого – рука повреждена.

Во как! Рассказываю все, как было, но начальник лишь одобрил действия своих подчиненных.

– Тут как в армии, – продолжал Орлов. – Дисциплина требует наказания даже невиновных. Мне нужен порядок и не нужны проблемы. Сами видите, с какими испытаниями страна столкнулась.

По дороге назад до меня стало доходить, что тут все схвачено и эти события не были случайностью. Как и само появление Орлова, заменившего прежнего начальника СИЗО, аккурат после выборов. Стало совсем мрачно.

***

Дни, и без того безрадостные, стали превращаться в пытку. Все начиналось утром в 6 часов с рева масок на продоле, когда людей выгоняли в сортир. Резкие удары дубинками по стенам, перилам, полу, постоянные окрики «Голову вниз!», «Живее!», «Бегом!» с тоном эсэсовца, орущего «Шнель!» евреям в Аушвице у газовых камер. Лязг дверей, и то же самое со следующей камерой.

Все вместе это создавало звучную и жесткую какофонию, подавляющую волю и питающую страх. После утреннего обхода дежурного все повторялось. Сначала в полдевятого, когда на прогулку выходила первая смена, затем каждые 1–2 часа вплоть до полпервого, когда возвращалась последняя смена. Шесть пробежек на улицу, шесть в камеры – ровно по числу двориков. Если меньше, мы делали вывод, что некоторые камеры идти отказались. Со временем мы стали замечать, что на одних орут сильно, на других – средне, на третьих – совсем не орут. Дифференцированный подход.

С 13 до 15 – обед. Пару часов передышки. После трех часов дня начинается второй подход: шмоны. Если раньше обыски проводились раз в полтора месяца, то теперь это превратилось в еженедельную процедуру (конкретно нашей камеры). Обычно нас выгоняли в спортзал, где мы должны были раздеться и присесть несколько раз. После прощупывания одежды ставили на растяжку к стене, зачастую с выгнутыми на тыльную сторону ладонями, как ПЗ (пожизненно заключенные). Однажды мы с Максом простояли так полчаса, пока шел обыск. Помню, первый раз стояли «весело» пять минут, но и это – пытка, после которой с трудом удается пошевелить ногами. После 30 минут уже вообще ничего не хочется. Держишься, лишь бы в обморок не упасть, а под ногами лужа собственного пота и дикая дрожь в руках.

В 16.30 второй вывод в сортир. Все то же самое по утренней схеме. И снова шмоны до 18.00. Ужин. В 20.00 заступает новая смена, которая также пытается успеть провести «мероприятия». Тут обычно дергали на так называемый личный досмотр. Это означало сбор всех вещей, скручивание матраса с бельем, упаковку продуктов и т.п. Затем со всеми баулами спускали в спортзал, причем раздельно занести вещи разрешали только в первые дни, впоследствии заставляли нести на себе сразу все. Контролеры вытряхивали сумки, обыскивали шмотки, письма, пакеты; снова приседания. Причем все время подгоняют: «Живее!», «Быстрее!». Не понравилась скорость исполнения – еще раз по кругу. Назад вещи не складывались, а запихивались. Ведь времени было мало. На очереди стояли многие другие. Потом начиналось самое сложное – дорога назад. Сначала мы ходили шагом, затем – бегом. В итоге пришли к многократным забегам. По команде, загрузившись кешерами и матрасом с вечно выпадающей простыней, нужно было бежать вверх по узкой крутой лестнице. Почти у финиша каратели останавливали и заставляли спускаться вниз. И снова наверх… Этого не выдержит даже очень сильный физически человек! Доползаешь до нар взмыленный, как лошадь, и даже не раскладываешь вещи, так все становится безразлично.

Замучив «телесно и душевно», каратели принимались за мозг. С 18.00 до 22.00 по местному «СИЗО ТВ» (обычное ТВ отключили еще в декабре) начинали крутить всякие программы, из которых 90% составлял самый настоящий шлак. Мистика, псевдоистория, чеченские боевики, террористы, политиканы, наркоманы, еврейский заговор, доллар-кровопийца – одним словом, сенсационика, рассчитанная на запугивание обывателя. Все бы ничего, но это повторялось каждый день. Десятки раз одно и то же. Они долбили мозг тревожностью, чувством опасности. Расчет строился, видимо, на выработку неврозов, в первую очередь неврастении. Это ТВ-зомбирование было хуже всего. Иногда доводили до паники и самосокрушения. Кроме того, транслировались программы откровенно ультраправого содержания таких контор, как RUSTV и «Куликово поле». Показывали фильмы «Россия с ножом в спине» и т.п. Это выглядит совсем по-идиотски, когда зэков убеждают, что Путин – еврей, а Россия – сионистская держава. Периодически заходили контролеры в сопровождении масок с дубинками в руках. Проверяли, смотрим ли. Со временем стали хитрить, делали звук фоновым, а впоследствии отключали вовсе.

Прогулка во дворике 1–2 часа была отдушиной, несмотря на угрюмые матово-серые стены и размеры 3 на 6 шагов (были дворики и поменьше). Контора на вышке включала радио (позже отключили вовсе) или диски, иногда с вполне приличной электроникой. Но и тут каратели сумели подпортить нам жизнь: заставляли ходить по кругу, первое время с руками за спину. Отказываешься – уводят назад в камеру. В итоге часть арестантов совсем отказалась выходить. Стали принуждать. Очень непросто отходить 2 часа по кругу, когда уже через 15 минут пол превращается в ледяной каток. Естественно, лед никто и не думал посыпать песком. Лишь через несколько недель, когда снег начал таять и люди падали в этой слизкой жиже каждый день, песок появился.

Письма пропали резко. Еще в декабре я успел получить целую кипу, но с января все стало почти никак. Доходили лишь отдельные письма от отдельных людей: родителей, родных, пары друзей – и разовые письма от товарищей, где

по тексту сложно было понять, что это – политические. В зависимости от поведения, содержания разговоров в камере письма шли от нескольких дней до месяца. В среднем две недели для тех, что из Минска в Минск.

Письма – коварная штука! Они здорово поднимают настроение, особенно когда описывают различные мелочи из нормальной повседневной жизни. Но коварство в том, что каратели, регулируя поток и фильтруя почту избирательно, могут создавать ложное впечатление о действительном отношении людей к тебе, о реальном положении дел на воле. Например, пишут несколько примерно равных по отношениям людей, но пропустят только одного, а потом и его обрезают. Вот и начинает казаться, что тебя подзабыли и никому ты не нужен. Или могут собрать подряд несколько писем с негативной информацией. Это тяжело. Конечно, разум тысячу раз твердит, что это – подстава и не нужно брать до головы, но червячок сомнения точит подсознание. От этого нельзя убежать. На это и идет расчет. В условиях информационного вакуума избирательная подача информации влияет независимо от того, хочешь ты или нет. В этой ситуации необходимо повторять, как молитву: «Придет время – и я узнаю все как было», что я и делал ежедневно. Несмотря на технологии фильтрации, кое-что они упустили. Пара писем – не содержанием, но самим фактом – сориентировали меня, вскрыли целый пласт лжи со стороны оперов, так что я знал некоторые моменты дела и мог на них рассчитывать. Информация – на вес золота. Весточки от друзей, которые я успел получить в самом начале, дали мне дополнительную точку опоры. Друзья… Сколько лет совместного пути, веселых тусовок, отвязных приключений, душевного понимания. Казалось, что это будет вечно. Кто мог думать, что вместо штурма деревянных стен ролевого замка в кольчугах и шлемах вы будете штурмовать застенки этого «красного дома» письмами с воли. Каждое послание со словами поддержки, что я получил, оказалось бесценным. Эти слова будоражили память, не давали забыть, кем я был и кто я есть, не позволяли карателям лепить из меня слепое послушное чучело.

***

В начале января в камере произошли перестановки, которые определили будущий состав испытательного вольера № 4.

Володю и Лебедько убрали, а на замену прислали Молчанова Саню и Федуту Александра. Оба – политические.

Молчанова взяли в первых числах января в Борисове, «опознав» по видеокамерам. Внешне он выглядел болезненно-худощавым студентом-идеалистом. И, может быть, поэтому его прессовали особенно жестко. Он регулярно подвергался марш-броскам. Его частенько цепляли за шею и голову, орали и гнобили. Чекисты с первого дня взяли его в активный оборот и выдавили покаяние на камеру и признание вины. Помню, двери открылись, и в камеру вошел один из масок – без маски (!) – с дубинкой наперевес. Мы думали, сейчас будут маски-шоу (массовое избиение всей камеры), но он выцепил одного только Саню и вывел его на продол. Причем с таким видом, как будто на расстрел. Вопрос Кирилла: «Мужики, что будем делать?» – повис в воздухе.

Со временем мы узнали Саню с иных сторон. Участник демократического движения с юных лет, к своим двадцати годам он успел много где засветиться. В свое время чудом ушел из-под разработки комитета, но вовремя почуял подставу. В свободное от политики время увлекался сталкерством, чтением, интернетом. Такой позитивный образ жизни привел к тому, что Молчанов стал своего рода телезвездой площади 19 декабря. Были запечатлены и срывание государственного флага со здания КГБ и размахивание «бел-чырвона-белым» флагом на крыше снегоуборочного трактора… После каждого пресса Саша не отчаивался, а материл чекистов на чем свет стоит, хотя знал, что камера прослушивается и ведется видеонаблюдение.

Александр Федута – 46-летний мужчина в очках. Являясь крупной политической фигурой, он оказался настолько же крупным в теле. А был он политтехнологом и начальником штаба кандидата от оппозиции Некляева. Он создавал впечатление великого гуманиста XVIII века и таинственного серого кардинала. Александр чуть не ночевал на допросах.

8–12 часов у инквизиторов были стабильно его. Несмотря на его политическую известность, мы быстро поладили. Когда-то Александр был школьным учителем, вождем комсомола, журналистом, встречавшимся с Горби, затем – одним из воротил бригады Лукашенко, а теперь стал его узником. Жизнь – это жизнь. Александр открылся нам как профессиональный литератор и замечательный рассказчик. Эту черту мы активно эксплуатировали. Вспоминается, как вся камера после отбоя, затаив дыхание, слушала «Графа Монте-Кристо» в пересказе, а также много историй о всяких поездках. Было интересно наблюдать за лицами сокамерников, когда граф осуществлял очередной акт мести. Наверняка каждый крутил в своем воображении свою ситуацию, примеряя на себя роль графа. И в моих кровожадных фантазиях также вертелся ряд персонажей, как раз четверо.

Чем больше нас прессовали, тем громче в камере стоял смех, тем активнее мы играли в настольные игры. Наибольшей популярностью пользовалась зэковская разработка игры, которую Федута, будучи генетическим интеллигентом, немедленно перекрестил в «таракашку». Разумеется, мы не могли не воспользоваться ситуацией для подколов на эту тему.

Противостоять творящемуся кошмару помогала исключительная камерная солидарность. Лошадиный смех и черные шутки служили способом психологической защиты, так как разуму мириться с происходящим было невозможно.

В продовольственном плане был построен коммунизм в отдельно взятой камере. Как правило, к обеду и ужину присаживались за стол (точнее, тумбочку, застеленную газетой) все вместе. Обычно Кирилл, а позже и я, готовил салат. Нарезались овощи, лук, зелень, чеснок, хлеб, сало и колбасы. Впоследствии я все-таки вернулся на вегетарианские твердыни и даже сагитировал Макса. Чай, кофе, печенье, сладости, фрукты также с большего обобщались. Каждый просто соблюдал меру с дефицитным продуктом, и проблем не возникало.

И все-таки из-за усиливающихся издевательств со стороны карателей случались дни, когда никто почти не разговаривал от страха и отчаяния. Мы сопротивлялись: все чаще разговаривали шепотом в мертвой зоне, скрытой от

видеокамеры. Когда нас заставляли передвигаться бегом (непременно с руками за спиной и опущенной головой), мы ставили вперед Федуту. Таким образом, никто не отставал и последнего не подгоняли дубинками. Каратели пытались разрушить солидарность. Как будто специально проводили шмон или «личный досмотр» во время настольной игры, когда в порывах азарта мы забывали обо всем. Или одних шмонали, а других нет, чтобы вызвать зависть и подозрение. На арестантском жаргоне это называется «повестись на мусорские мармыли». Мы не велись, но на уровне подсознания все равно оставался осадок. На это и был расчет, как оказалось впоследствии. В ход пускался и обман. Так, после очередного допроса Федута с порога заявил: «Мужики, что я такого сделал? Почему вы написали заявление на отселение меня в другую камеру?» Мы даже опешили от столь наглой лжи. Впрочем, нечему удивляться: нашей камерой и раньше пугали как пресс-хатой наркоманов и террористов. Не стоит думать, что такой обман проходил на человеческой глупости и доверчивости, ведь мастер-класс манипуляций показывал сам новоиспеченный начальник СИЗО полковник Орлов.

Вызовы к хозяину «американки» – отдельная тема. Во всем этом дурдоме лишь его кабинет представлял собой лагуну спокойствия и умиротворенности. Обычно он встречал очень доброжелательно, умел интересно говорить и выслушивать. Рассказывал, что участвовал в операциях в горах, сидел где-то в азиатской тюрьме, не пьет, не курит. Даже както не верилось, что именно он мучает нас, как кот играется с мышами, дирижирует всю эту трагикомедию. Он не делал топорных ошибок, как простые опера. Он мог исподтишка поинтересоваться мнением о сокамернике. Собственное мнение сделать твоим за счет отрицания еще более неприемлемой позиции и т.п. Помню, как он предлагал посмотреть фотки, где типа отображено, что Лебедько не соблюдал голодовку. Тут он сплоховал, так как этот фокус он проворачивал с кем-то другим еще раньше. В том случае компьютер «внезапно» подвисал при попытке открыть фотографии. Точно так же произошло и со мной, так что я не удивился. Все-таки и мастера совершают ошибки. К тому же я лично видел, как

Лебедько за несколько дней порядочно ослаб, что его даже пошатывало и лицо побледнело. Орлов говорил о ситуации в тюрьме как об «ответе на тот вызов, с которым столкнулась страна». Он сравнивал оппозицию с французскими революционерами, которые подводят обстоятельства к террору, и «неизвестно, чей террор будет хуже».

Все время мне приходилось быть в максимальном напряжении: следить за каждым словом, следить за ходом мысли (его и своей), следить за диалогом в целом. Это очень непросто. Всегда есть опасность высказать мнение или какую-то деталь, которую он для правдоподобности сможет вплести в разговор с другими заключенными, посеяв тем самым сомнение и раздор. Не говорить с ним было невозможно. Неоднократно я шел с мыслью свести беседу к односложным ответам, но раз за разом Орлову удавалось разговорить меня. Как и тот полковник из 4-го отделения, это дело они знают хорошо. В кабинете находился красивый сервиз, пряники, коньяк – все, как в фильмах. Никаких чаев с карателями! Я так сразу и заявил и повторял каждый раз, когда начальник предлагал. Люди почему-то думают, что это – мелочи. Дескать, если мент ведет себя культурно и порядочно, то можно и чаи погонять. Тем самым признаются допустимыми все те издевательства и обман, которым подвергают заключенных. Тюремщики делятся на два вида: плохие и очень плохие. Это – аксиома. Любая обходительность с их стороны есть элемент паутины, призванной вызвать подсознательное доверие. Практиковалась подстройка через присоединение к системе ценностей (согласие с рядом ваших мыслей), а также отзеркаливание (копирование позы). Увы, мои познания в этой области очень скромны, и большая часть этой психологической осады осталась для меня незримой.

Я принимал контрмеры. В качестве защиты, глядя на начальника с полуулыбкой, я повторял в уме раз за разом: «Это он меня давит, душит, унижает, приносит боль близким мне людям. Он – враг. Все, что он говорит, ложь».

Ненависть к врагу… Как-то один приятель рассказывал мне, что, соблазняя девушку, нужно раздевать ее взглядом.

Для насущной ситуации я адаптировал этот подход следующим образом: представлял, что через весь стол хватаю начальника за горло одной рукой и душу, а он хрипит, исходит пеной, выпучивает глаза, паникует в безуспешной попытке разжать стальную хватку. Помогает отлично!

Орлов открыто обсуждал методы мучений, моральную сторону дела. Он утверждал, что его целью является заставить нас сомневаться. На мое возражение, что мы еще не осужденные, он ничего не ответил. Впрочем, уже тогда было ясно, что человек виновен для них не тогда, когда суд выносит свой вердикт, а когда человек попадает под подозрение. Они ведь не могут ошибаться! КГБ. Куда уж простым смертным до них!

Из разговоров мне стало известно, что они практикуют индивидуальный подход к каждой камере и к каждому человеку. Всего 18 камер, около 60 арестантов. Больших технических средств и крупного штата сотрудников не требуется. Все четко планировалось: когда, где и сколько раз. Где проводить шмон, кого подвергать персональной экзекуции, где оставить свет на ночь, где запретить курить. Даже кого задеть в строю во время прогонов в туалет или на прогулку. Орлов при мне звонил куда-то и давал инструкции, чтобы Молчанова два дня не трогали. Ну и, конечно же, камеры перетасовывали, чтобы осложнить или облегчить жизнь.

– Мир – это стая волков. И более сильная стая всегда пытается урвать у соседа поменьше. Я отождествляю себя со своей стаей, и ее благополучие есть благополучие моей семьи, близких, соплеменников, – рассуждал Орлов о своем мировоззрении.

На эти патриотические доводы мне было что сказать.

– Классика фашизма. Почитайте Муссолини, вам понравится, – комментировал я. – Да, картина цивилизации такая как есть сегодня, не поспоришь. И с волками все ясно. Только что в вашем мире делать простым антилопам, которые тащат этих волков на своем горбу?

Похоже, антилопам оставалось лишь пахать и сидеть, выполнять продразверстку, сдавать кожу на военные ремни и

ранцы. Ну а пока антилоп – в зависимости от поведения – водили к начальнику либо культурно, без наручников, либо «ласточкой». Это когда кандалы захлопываются за спиной и выкручивают руки вверх настолько, что при желании можно поцеловать собственные ботинки. И так по коридорам, по ступенькам, опять-таки, словно пэзэшников[1]. Однажды забыли инструкцию насчет меня. Звонили начальнику, уточняли, как именно вести. «Я вам устрою Гуантанамо тут», – грозил Орлов. Так «американка» стала «гуантанамкой».

***

В конце января забрали Федуту. В камере стало совсем уныло. Я коротал время за энциклопедией по психологии, которую мне таки купили через несколько недель постоянных заявлений. По вечерам учился рисовать по присланному родителями самоучителю. Или отжимался от пола или на нарах, как на брусьях.

Порой слышались леденящие ревы масок на продоле, как обычно, измывавшихся над кем-то. Это доводило до откровенной паники. И лишь физо позволяло хоть как-то совладать с собой.

Втихую обсуждали сценарии острых эпизодов для фильма «Пила 8: Никто не забыт». Разумеется, с вертухаями[2] в главной роли. Ненависть переливала через край, и воображение бурлило яркими кровавыми красками. Смех все чаще носил истерический характер. Специфический тюремный юмор, созданный переломной жизненной ситуацией и замкнутым пространством, возведенный в степень бесчеловечного обращения, подменил нормальные человеческие шутки.

«Конечно, никто не знал, наблюдают за ним в данную минуту или нет. Часто ли и по какому расписанию подключается к твоему кабелю полиция мыслей – об этом можно было только гадать. Не исключено, что следили за каждым круглые сутки… Приходилось жить – и ты жил по привычке, которая превратилась в инстинкт, – с осознанием того, что каждое твое слово подслушивают и каждое твое движение, пока

[1] Осужденные на пожизненное заключение.
[2] Коридорный в тюрьме.

не погас свет, наблюдают…» Эти слова из романа Джорджа Оруэлла «1984» лучше всего отражают ту психологическую атмосферу, которая сложилась в душе каждого узника. Только у нас свет не гас никогда. Был дневной свет – 100-ваттная лампочка, был ночной, настолько яркий, что можно было читать. Случалось, что по несколько дней подряд спали под светом сразу двух ламп. Контролер лишь беспомощно отвечал: «У меня приказ». Каждую неделю становилось все хуже. Методично, шаг за шагом. Мы полуосознанно ждали какой-то развязки, потому что так дальше было нельзя. Чувствовался предел.

Тогда возникали моменты «второй волны». Одно дело чувствовать утрату, бессилие помешать чему-то. Но пока есть это «что-то», осознаешь себя, свое положение, кто ты. А тут начинает казаться, что ничего и нет и ничего не будет. Скудное однообразие убивает настолько, что уже и не представляешь иного расклада. Каменный мешок в пустоте с незатейливым набором внешних раздражителей, всегда одних и тех же. Ощущение безвременья, без начала и конца. Лежишь на нарах и не можешь встать, потому что непонятно, что важнее и актуальнее, метеорит в космосе или чаю попить, пока кипятильник есть. Шизофренический распад сознания. И тогда стараешься, как ненормальный, готовить салат, нарезаешь все, что есть, вперемешку отжимаешься, через силу садишься за шахматы. Занимаешься бытовыми вещами каждый день, как ритуал, – это становится твоим панцирем против безумия. Но частенько захаживал и другой гость – страх. Тогда оставалась лишь своеобразная самотерапия.

Бывало, сворачиваешься калачиком на нарах, закрываешься, чтобы ничего не видеть и не слышать, и тайком смотришь на фотографию, присланную неизвестным человеком из Питера. На ней – сплошное черное облако, в котором еле-еле угадываются очертания фигуры из камня, стиснутой в кулак. Кажется, совсем уже заволокло этот камень, но он все равно стоит нерушимо, как маяк в тумане. Сколько людей прошло через тюрьмы и лагеря, гонения и пытки. Много раз я читал о них и знаю, что этим людям приходилось по-настоящему тяжело. Сколько их сгинуло в крайней нужде и

безвестности! И все равно шли, все равно не смирились. Эта борьба – противостояние свободы и рабства – красной линией проходит через всю историю человечества.

Менялись эпохи, цивилизации, названия, но суть оставалась той же: антагонизм устремлений простого человека и устремлений господ (рода, веры, денег, положения). Человек vs Власть, во все времена. Я – лишь маленькая частица в этой стихии чувств. Мыслей, действий. Как капля в океане: без меня он меньше не станет, но сам полностью состоит из таких вот капелек, и каждый вносит свою лепту в общий ритм океанического биения. Пускай каратели делают со мной что угодно, я все равно победил…

***

В начале февраля маски озверели вконец. Была пятница, трое в камере заболели гриппом. Всю ночь трясло: температура, озноб. Наутро сходили к врачу, он выписал таблетки. Вечером дернули меня и Молчанова со всеми шмотками. Наученные горьким опытом, мы выложили книги и другие тяжелые вещи. Как обычно, спустили в спортзал, но почему-то шагом и без рева. Подозрительно тихо. Ничего хорошего это не предвещало. Кешер и пакеты выворачивают, сваливая содержимое в одну кучу. Ожидание, босиком на бетонном полу, голым. Началось.

«СОБРАТЬ ВЕЩИ!», «ЖИВО!», «ЧТО НЕПОНЯТНО?!!», «ЖИВЕЕ», «Я СКАЗАЛ!!!», «БЕГООООМ!!!!».

По лестницам, коридорам. Загоняют в дурхату (обитая резиной и дерматином камера для усмирения буйных) в подвале. Снова шмон. Ставят на растяжку и уходят, но периодически подходят к глазку проверить. Сбор шмоток, едва успеваешь одеваться, матрас под мышку и бегом по коридору на лестницу, ведущую в центр этого неоколизея. На финише стоит каратель и орет: «Слишком медленно, назад!» Другой подгоняет. Слышу, как на другой лестнице гоняют Саню Молчанова. Сволочи. Возвращаюсь назад в дурхату. Дико жарко, пот льется буквально ручьем, в голове туман. Это – предел. Если переступить, то что будет дальше??? Все, плевать.

Каратель орет:

– Дубль два! БЕЕГОООМ МАРШ!!!
– Нет.
– Я сказал – взял вещи и бегом, живее!!!
– Отказываюсь.
– ВЕЩИ В РУКИ И БЕГОМ!
– Делай, что хочешь. Больше не побегу.

Некоторое время он смотрит на меня, затем идет за вторым, что-то шепотом обсуждает. Затем второй каратель подходит и как ни в чем не бывало, самым вежливым и миролюбивым тоном говорит: «Собирайте ваши вещи и проходите в камеру». Я аж опешил, не веря своим ушам. Настолько этот тон противоречил ситуации. Оказывается, они умеют говорить по-человечески. Все…

…Не расстилая матраса, падаешь прямо на железные прутья. Сил нет ни на что. В голове все ходуном. Саня заваливается следом. Еле живой, бледный как смерть. Ему плохо, тошнит. В камере гробовое молчание. Кирилл с Максом еще так не попадали. Всем страшно. Да какое страшно?! Ужас, проникший в каждый атом тела и разума настолько, что все сидели молча, боявшись сказать хоть слово…

Я лихорадочно соображаю, что делать. Ситуация подошла к черте, переступив которую уважать себя уже невозможно. Еще один шаг, и тогда что угодно станет возможным. Приходит четкое понимание, что такого и близко допускать нельзя. Категорически. Нужно идти в отказ в самом начале, не собирать вещи. Если это будет не очередной прогон, а переселение в другую камеру, придет дежурный. А так его никогда нет. Специально отсутствует, чтобы не быть свидетелем. Хитро придумали, сволочи.

Наутро дежурный спросил: «Ну, кто еще болен?»

Через несколько дней случился самый жесткий пресс за всю эту черную зиму. Рев стоял такой, что звук отчетливо доносился из спортзала, т.е. через две двери и центральный холл. Мы не могли ни читать, ни писать, ни играть, ни просто лежать. Кто-то ходил вперед-назад, кто-то отжимался. Несколько часов в ожидании, все время открываются соседние камеры, но почему-то проходят мимо нас. Извне доносится крик: «ЛЕЧЬ! ВСТАТЬ! ЛЕЧЬ! ВСТАТЬ!..» Это кошмар. Никто

не смотрит друг другу в глаза и только губы выдают: «Суки, твари, сволочи…» Ужин. Значит, нашу камеру пронесло. Но надолго ли? Чудо не случается дважды, в следующий раз обязательно зацепят.

В субботу с самого утра меня отвели к начальнику. Орлов, одетый по гражданке, встретил меня радушно. Сразу же спросил меня: «Что вас тревожит?» Затем он прямо сказал что-то насчет моего состояния и что ему поручено развеять «недопонимание».

«Ведь это все не более чем театральная постановка, – говорил он доверительно-доброжелательным тоном. – Мы пристально следим за состоянием каждого, и уверяю вас, ничего никому на самом деле не угрожает». И добавил: «Главный враг – собственный страх. Не нужно делать поспешных действий, и любую проблему можно решить вот здесь».

Я был в шоке. Каким образом это стало известно? Неужели все эти разговоры про психологический контроль не пустой разгон? Спрашиваю в лоб:

– Как вы узнали?

– По глазам, – серьезным тоном ответил гражданин начальник СИЗО КГБ.

***

Десятые числа февраля ознаменовались началом «потепления климата». Что-то явно произошло на воле, уровень пресса значительно снизился. Забеги с так называемым личным досмотром прекратились. Шмон стал мягче, более редким, с выводом в туалет по старинке.

23 февраля Кирилл упал с лестницы. По закрепленной масками привычке, он спускался вниз бегом с руками за спиной, не держась за поручни. Я впервые видел гематому на полспины. У Кирилла был болевой шок. Его трясло так, что он не мог ни нормально говорить, ни даже курить. В итоге его увезли в больницу. Судя по обрывкам разговоров между контролерами, были и другие случаи. Так или иначе, на следующий день каратели орали на нас за то, что… передвигались бегом и не держались за поручни!!! С каждым днем мы

все реже и реже видели масок, и наконец к началу марта их не стало вовсе.

С плеч будто камень свалился. Стало легче дышать. Больше мы не ходили по дворику кругами строем, хотя неоднократно слышали, как это заставляли делать соседей. Дифференцированный подход сохранился, но стал утонченнее.

Интересно наблюдать, как в условиях роста властных полномочий меняются рядовые исполнители. Из вежливых и добродушных некоторые становились откровенными скотами. Как, например, парочка, запомнившаяся всем: Вася и Лягушка. Последний однажды выцепил меня на продол к маскам только потому, что я не встал при открытии дверей. Поставили на растяжку, обступили гурьбой. Жаба врезал по ноге так, что я чуть устоял. Было видно, что эти двое хотят доказать маскам, что они тоже «крутые пацаны». Лошье печальное, уже через месяц ходили по струнке. Были и те, кто не ступил на тропу оскотинивания, оставались людьми. Но все равно нужно понимать, что шестерка есть шестерка. Эти самые порядочные все равно должны выполнять приказы. Пускай они сами и не проводили экзекуций, но при этом вели нас к тем, кто проводил. Проблема не в людях, проблема в системе, что позволяет творить беспредел.

Саню и Кирилла осудили. Молчанов отхватил трешку, а Кирилл либо химию, либо условно: в камеру он уже не вернулся. Нас это даже немного отрезвило: оказывается, в этой подводной лодке есть выход. Что примечательно, ни тот, ни другой так и не получили возможности встретиться с адвокатом.

Примерно тогда же мы узнали, что Михалевич – один из «декабристов» – заявил о пытках в «американке» и дал деру в Чехию. С удивлением прочитали (нам стали приносить «Белгазету»!), что этот ход вызвал некоторую критику в его адрес. Видимо, кто-то не понимает, что жизнь политбеженца – не сахар. Чужая страна, чужие люди и надежда вернуться только одна: смена режима. Каждый день мы загибались в этом аду, и неизвестно, до чего бы дошло, если бы не этот самоотверженный поступок. За это спасибо от многих узников красного дома тех времен!

Была назначена прокурорская проверка, правда, липовая.

Однако на тот момент меня больше волновали другие новости, просочившиеся, несмотря на почти полную изоляцию. Все эти месяцы меня терзали мысли о моих друзьях. Смог ли укрыться Дима, как держатся Саша и Коля (с Молчановым я послал им на «володарку» устное сообщение) и что будет делать Денис. Если все другие, кто дал показания, были для меня людьми посредственными, то с этим человеком ситуация была принципиально иной. Давным-давно мы познакомились на панк-сейшне и сразу же попали в крупную передрягу с фашистами: за срыв концерта Toro Bravo мы ответили прямо на Октябрьской площади Минска силой в 150 человек. В те годы (конец 1990-х – начало 2000-х) рождалась некоммерческая музыкальная сцена – D.I.Y., и она нуждалась в защите, так как ультраправые не терпели людей, открыто говорящих «расизм – дерьмо» и «смерть фашизму!». Каждый день на улицах шла невидимая война, постоянно происходили какие-то события: концерты, тусовки, собрания, стычки, крупные столкновения, политические акции. Это был мир, которым мы жили, за который мы сражались, который обогатил и сформировал наши личности и который закалил наш характер, бескомпромиссность и волю к победе. Так что за те годы нам выпало многое пройти и пережить вместе. И хотя два-три года назад я отошел от субкультуры, а Денис, наоборот, сконцентрировался на околофутболе, но друг друга из виду мы не теряли и в нужный момент помогали друг другу. Особенно в последний год, когда у меня на личной почве случились жесткие утраты и мир стал совсем серый, а характер – черствый, именно общение с Денисом помогло преодолеть эту черную полосу. По жизни немного друзей можно назвать друзьями. Но когда попадаешь в тюрьму, то понимаешь, что их еще меньше, чем предполагал. К тому моменту стало ясно, что его показания никакой роли не сыграют. Вполне достаточно слов Веткина, но ведь дело не в них, не в приговоре, а в принципе, что сильнее: страх или дружба? Какой бы ни был срок, он пройдет, а верный друг останется навсегда. Меня изгрызали сомнения, но я верил. И потому, когда долетела весть, что мой близкий друг (Денис) в интер-

нете выложил ролик с отказом от показаний и свалил за бугор, я дня три ходил в эйфории. Не все ж этим гадам пить нашу кровь! Пусть давят и кошмарят сколько хотят, но есть вещи, которые им не по зубам. Настанет тот день, когда человеческие ценности сломают хребет этой презренной власти.

В письмах матери были кое-какие намеки на помощь: ребята звонили, приходили домой. Это придало мне новых сил.

Следователь, не появлявшийся с прошлого года, вдруг нагрянул с адвокатом и экспертизами по делу. Адвокат сказал, что его не пускают «за отсутствием технической возможности», как и многих. Интересно, а кого тогда вообще пускали?

На этой встрече я узнал, что Диму так и не взяли, чему я дико обрадовался, не стесняясь следователя.

В экспертизах против меня не было ВООБЩЕ НИЧЕГО! Ни телефонных переговоров, ни переписки, ни каких-либо следов на компьютере, ни улик с обысков на квартирах и в машине, ни совпадающих сотов мобильника. В общем, жизненный тонус повысился. Осталось лишь ждать ознакомления с делом, а там уже суд да лагерь не за горами. Но это «лишь» длилось вечность.

***

В первых числах марта к нам на смену убывшим закинули еще двоих. Марцелев Сергей оказался политтехнологом кандидата Статкевича. Сперва я подумал, что он – польский бандит. Выражение лица, когда он вошел в камеру, было такое, что мы с Максом немного опешили. Но оказалось, что Сергей «в доску наш пацан». В одной из камер Марцелев приобрел кличку Студент за то, что имел три высших образования.

Киселев Александр – крупный российский бизнесмен и, по совместительству, местная достопримечательность «американки» по прозвищу Олигарх. Он занимался инвестициями для увеличения капитала компаний с последующей перепродажей. По оценкам рыночного капитализма, Александр – молодец, по оценкам бюрократического капитализма – тоже молодец. Но по оценкам КГБ – преступник. Киселев был высокоорганизованным человеком, ко всему имел конструктивный подход. При этом был тверд, добродушен и

позитивен. Верховный тюремщик Орлов его ненавидел. Ряд контролеров тоже (например, Вася, когда стоял на раздаче баланды, не давал олигарху хлеба!). Его постоянно перекидывали из камеры в камеру (он побывал в 14 из 18), его постоянно возили прессовать на «володарку». Но Саша ушел в жесткий отказ и по этому поводу говорил: «Пусть меня тут лучше сгноят, но я не уступлю, потому что должен быть предел во всем, а у гэбистов его нет». Каждый день физо. Каждый день изучение немецкого, каждый день непреклонность, – одним словом, стальной человек.

Всю неделю мы без умолку дискутировали на темы мирового капитализма и финансового кризиса, перспектив белорусской экономики, рабочего контроля и трудового самоуправления, бандитского происхождения российской политики и, конечно же, беспредела белорусского режима. Также стали известны подробности «вечной зимы» в других камерах. Речь шла о камере № 13, «залетной». Орлов как-то мимоходом упомянул тринадцатую, дескать, «там люди, недовольные жизнью». Оказалось, что в те дни к этой камере было два подхода: шмон через день и шмон каждый день. Там шмотки высыпали из кешеров прямо на пол. Маски могли зайти и разбить дубинками контейнеры с чаем. Там бывали случаи избиения только за то, что человек передал жалобу в прокуратуру прямо в зале заседания суда (январь 2011 года), а другого, схватив за ворот, закидывали во дворик, но, промахнувшись, попали в стенку… При «личном досмотре» ставили на растяжку абсолютно голыми, а контролер задавал узникам уж совсем похабные вопросы.

Кстати, о прокурорской проверке в связи с пытками. Она проходила за день до заезда к нам Марцелева и Киселева. Сам зампрокурора Швед с тусовкой белых воротничков соизволил нас посетить. Начальник Орлов на несколько секунд вошел в камеру и обвел всех очень строгим взглядом, затем резко вышел. Зашли прокурорские. Швед пару раз спросил, все ли нормально, и был таков. Напротив двери, на продоле, выстроившись в линию, стояли вертухаи с такими лицами, будто пришли на бандитскую разборку. Естественно, все молчали. Никто не верил этим прокурорам. Мы еще в конце

декабря видели, чего стоит эта прокуратура. Тогда Анатолия Лебедько вызвали к врачу (второй раз за день) как раз в те полчаса, когда прокурор ходил по камерам с очередной ежемесячной проверкой. Понятно, что Лебедько бы много чего сказал. Хотя что толку? Этот прокурор даже не поинтересовался, где еще один арестант. И тут было то же кино. На эту тему есть хорошая иллюстрация: обезьяна, что закрывает себе рот, уши и глаза.

Через дней десять Киселева перевели. К нам добавили молодого хлопца Дениса. Способный автослесарь, дома остались мать-инвалид и невеста. Впервые мне пришлось увидеть поведение свежеиспеченного арестанта со стороны. Больно было видеть, как день за днем до человека доходило – шаг за шагом – что, по всей вероятности, в прежней жизни осталось все – дело, невеста, мать-инвалид. Тяжелое зрелище…

Писем не было весь март. Никаких весточек от родных. Оборвали единственную ниточку, связывающую меня с внешним миром. Похоже, мои речи не понравились кому-то совсем. Хотя понять их логику тяжело, так что я и не пытался. Время коротали также за чтением, рисованием и беседами. С Максом частенько вспоминали старые добрые деньки с антифа-действия, околофутбольных маневров и панк-концертов. Или креативили на тему кафе-клуба в стиле киберпанк. А вот с Серегой можно было поспорить на темы истории, например патриотизма времен мировых войн. Или что делать порядочному человеку в случае оккупации НАТО. Марцелев умно и интересно рассказывал об отдельных аспектах политических технологий и рекламы. Еще раньше Федута рассказывал в общих чертах о работе избирательного штаба. Серьезное дело. Машина! Узнал, что во время кампании кандидат является полностью несамостоятельной фигурой: он должен со всей точностью выполнять директивы своего штаба. Что одевать, как сказать, с кем встретиться – стратегия штаба. Так что подлинными гениями выборов являются не сами кандидаты, а начальники штабов. Слушая эти рассказы, я понимал две вещи: как сильно мы уступаем на публичном поприще и как в реальной жизни иллюзорна «демократия» у «демократов». Народ – всего лишь электоральная

масса и запасной козырь. Его настроениями манипулируют, используют в меркантильных целях, как большевики в свое время воспевали пролетариат. Во имя народа произносятся пафосные речи, но в действительности существует лишь демократия буржуазии и ее политического аппарата. Чтобы не допустить народ к рычагам управления, первые буржуазные республики вводили имущественный ценз, так что фильтр проходили лишь состоятельные граждане. Лишь когда буржуазия убедилась, что всеобщее избирательное право не угрожает доминированию буржуазных партий, имущественный ценз был отменен. Народ для политика – то же самое, что море для моряка: средство передвижения, источник доходов и целый колодец фольклора. Но также и вечный признак стихии, сметающей все на своем пути.

И все же, несмотря на отсутствие внешнего финансирования и незнание социологических закономерностей и технологий, у анархизма есть два ключевых преимущества: неисчерпаемый энтузиазм и чистая правда. А технические возможности и способности – дело наживное.

***

В конце марта наконец началось ознакомление с делом. Нам добавили ст. 218 «Повреждение имущества». У Сани и Коли старт начинался с трех лет, вплоть до 10, у меня – с 7 до 12. Оказывается, бывают вот такие нереальные сроки на ровном месте. Раньше я думал, что столько дают за диверсии, терроризм, убийства и т.п. В первую очередь, я искал показания парней, чтобы больше не мучиться вопросом, выдержали ли они. Все оказалось в порядке. Не прогнулись. Также было интересно, что сказали всякие свидетели и на чем вообще строилось дело. Отпечатки, избитый шаблон детективов, – уже прошлый век. Запах (потовые выделения), клетки кожи, слюна и даже воздух в закрытых помещениях – вот по-настоящему существенные идентификаторы личности. У посольства нашли перчатки с потом Веткина и следами жидкости, могущей принадлежать к единой массе вещества, найденного на осколках бутылок, и еще его звонок с ближайшей остановки транспорта. В принципе, это само по себе еще

ничего не доказывает, но он решил иначе. Сначала указал соучастниками меня и незнакомую личность, затем приплел Диму Дубовского, затем сменил Диму на Дениса. Вот так меняют товарищей на милость карателей и надежду на иллюзию свободы. Сука есть сука, гореть ему в аду.

Следователь гнал на Сашу, дескать, тот духом пал и еще что-то насчет сроков: типа дадут немного и не он их определяет и т.д. и т.п. Только такие отмазки гражданина легавого не прокатят: он такой же соучастник этого судебно-следственного беспредела. Следователь что-то еще пытался втирать про ответственность, но ему было не понять одно: я уже давно забил и на «суд», и на срок. Я лишь хотел повидать своих товарищей и поскорее уехать из этого дурдома на лагерь.

Пришла газета, в которой была статья про освобождение Федуты: выпустили на подписку о невыезде. Но нормально порадоваться мы не смогли. Смущала одна деталь. Оказалось, что с нашей камеры его перекинули во вторую, транзитку, в которой он пробыл один… 55 дней! Вряд ли кто-нибудь обратил внимание на это обстоятельство, но мы поняли все без слов. Хуже всех мучений – это быть одному и каждый день слышать, как мучают других. На третий день одиночества хочется лезть на стенку, на пятый – подъезжает крыша. Я пробыл в одиночке две недели (максимальный срок наказания в карцере) и был счастлив, когда перевели к людям. Но почти два месяца… Это кошмар. Тем более каждый день слышать, как мучают других людей! Долго мы обсуждали, как нашему литератору дались эти дни, и никто не шутил, не улыбался, не высказывался легкомысленно. Пришли к выводу такому: каждому узнику «американки» в большей или меньшей степени пришлось хлебнуть ужаса и пострадать, но самая жестокая участь среди всех выпала Федуте. Мало того, что нужно было не сломаться. Не сойти с ума – вот что было на повестке дня.

***

Апрель. Дело ушло в прокуратуру. Марцелев ждал суда, Макс – пройдет ли или завернут второе дело, Денис ничего не ждал, у него все только начиналось. Вечером 11-го числа с проспекта доносился непривычный шум, как будто все сбе-

гались на пожар. Дежурный дал распоряжение настраивать ТВ на госканал (хотя официально антенна была в нерабочем состоянии). Так мы узнали о теракте в метро. В первое время все думали лишь о своих близких. На следующий день принесли списки погибших и пострадавших. Страшно искать знакомые фамилии в таком перечне. Хотя прямо нигде не указывалось, но позже узнал, что полковник Орлов с пеной у рта забегал в камеру к политическим (в частности, к Санникову), кричал и винил их в произошедшем. Позже, правда, он приходил извиняться, но извинения приняты не были.

Но больше всего я ошалел, когда вычитал в газетах заявление Зайцева (председатель КГБ), что одной из версий произошедшего предполагается… месть анархистов! Это что нужно употреблять, чтобы додуматься до такого бреда? Каково сейчас Диме…

Понятно, что будут дергать. Вечером дернули… В кабинете начальника было двое: сам Орлов и еще один, которого я уже видел раньше в кабинетах. Предложили посмотреть видео с камер наблюдения метро. Тот второй сел справа от меня, якобы тоже смотреть видео с камер, но на самом деле наблюдал за моими глазами. То же самое было на допросе в четвертом отделении и когда приезжали опера с Могилева по поводу поджога здания Бобруйского КГБ. Прокрутили видео, поинтересовались моими соображениями, но мне нечего было сказать, да и не для того меня привели. Напоследок дали с собой фото наилучшего кадра, хотя качество все равно было отвратительное и ничего сходного с фотографиями в газетах не оказалось.

В день траура играла классика. СИЗО хранил гробовое молчание. Лишь идиот контролер Вася умудрился закричать «БЕГОМ!», когда шли на прогулку. Серега и Макс написали заявление на сдачу крови для пострадавших, но им официально отказали.

***

Марцелев ждал суда в конце апреля. Ему перебили статью с организации массовых беспорядков (от 5 до 15) на обвинение попроще (до 3–6 лет). Он долго терзался и колебался,

признавать или нет. Ведь его поставили перед выбором: или старая статья, или новая, но с признанием. Мы уговаривали соглашаться, ведь для всех уже было очевидно, что в этой системе, не имеющей ничего общего с правосудием, малая кровь сродни победе. Сергей сильно нервничал и морально готовился на лагерь, а мы его за это дразнили и ругали, потому что было очевидно, что получит условно (как оказалось впоследствии, Павлу Северинцу дали вполне реальную химию с направлением, так что опасения Сергея были вовсе не беспочвенны).

С Марцелевым мы частенько спорили. Он был социал-демократом и православным патриотом. Так что спектр споров был весьма широк. Больше всего меня возмущало его отношение к Первой мировой войне, так как он поддерживал позицию Мартова, т.е. оборонческую позицию. А я считал бессмысленным взаимное уничтожение рабочих рабочими ради выгоды национальных военно-промышленных и военных кругов всех воюющих сторон. В первые дни заключения мне в руки попала «Семья Тибо, ч. 2». Книга о начале этой бойни, о социалистах Франции, Германии, Австрии, Швейцарии, которые еще накануне проповедовали интернационализм, классовую борьбу, всеобщую забастовку. Но чем больше накалялась ситуация, тем быстрее они скатывались в патриотическую яму и в итоге дружно пошли убивать своих вчерашних товарищей.

Вот они, социалисты! Марцелев утверждал, что это соответствовало интересам трудящихся, так как оккупация резко снижает их уровень жизни. Но разве сама война не вызвала еще большую разруху? Да и не в этом дело. Неужели выбор из десятка сортов колбасы есть действительно нравственное мерило? Разве нравственно выбирать себе панов, причем ценой крови своих собратьев по классу? Патриотизм объявляется одной из самых главных нравственных ценностей человека. Национальные интересы превыше всего. Интерес – это корысть. Но с каких пор корысть – по территориальному или этническому признаку – приравняли к нравственным понятиям, к справедливости и добру? «Справедливо то, что выгодно» – такое видение патриотизма оказалось по душе тому

полковнику КГБ из четвертого отделения, да и Орлов на 100% за этот подход. Вот так ныне мораль определяется корыстью. Такая модель не может иметь ничего общего с природной нравственностью, потому что уважение, честь, равноправие, альтруизм, взаимопомощь, права и свободы не могут иметь цвета флага или границ. Но именно этими качествами и ценностями определяется человечность человека, везде и во все времена. Патриотизм спекулирует на любви человека к своей земле, пытается отождествить себя с природной симпатией человека к родным краям. Но вот есть, например, такое святое понятие, как любовь к матери. Никто и не думает строить вокруг этого столь естественного и близкого чувства какую-то идеологию. Почему же позволительно выдумывать идеологические концепции вокруг любви к земле? Тем более что эти самые концепции требуют опровергнуть нравственность, возвыситься над человеческими ценностями.

Говорят, нужно прививать гордость за свое. Но если какой-то факт истории страны вызывает не гордость, а стыд? История Беларуси – это история различных периодов: славяно-балтских племен, ВКЛ, царской России, красной империи. На каком основании одни периоды отрицаются, а другие возвеличиваются? Я не хочу гордиться ни большевизмом, ни царизмом, ни княжеством. Почему-то забывается, что во времена Литвы народ находился в рабском положении. Да и как можно гордиться или стыдиться того, к чему сам не имеешь отношения? Можно восхищаться определенными страницами нашей истории, и такие страницы найдутся в каждом периоде. Впрочем, как и страницы печали. В школах нужно прививать не лживый патриотизм, однобоко смотрящий на прошлое, а интерес к собственной истории. Это укрепит самосознание, даст примеры наших предков – какими бы они ни были – для понимания настоящего.

Общество, основанное на свободе и справедливости, сильнее, чем социум, основанный на отфильтрованной истории и гипертрофированном коллективизме.

Я – белорус, потому что отношусь по происхождению к этой уникальной историко-культурной общности. Это ни хорошо, ни плохо, это не повод ни для гордости, ни для сты-

да. Это есть и этого достаточно. А что касается ценностей, то человечество всей своей историей, философией и наукой выработало прочный этический фундамент – гуманизм.

Споря о социализме, я указывал на тот факт, что именно под властью «малиновых» Европа зашла в тупик. Именно под властью социал-демократических правительств происходит демонтаж так называемого социального государства. Разница между правыми либералами и эсдэками стала чисто косметической. Похоже, что между ними совсем не осталось отличий, кроме как идей по ставке налога на прибыль. Правые хотят ограничиться 25% (это средняя цифра в США), левые – чем больше. На деле и рыночно-либеральная система США, и рыночно-социальная ЕС находятся в жесточайшем кризисе. И те и другие набрали кредитов, а отдавать не получается. Финансовый капитал подчинил себе и правительства, и реальный сектор экономики. Государственный капитализм в лице СССР утверждал, что стремится к коммунизму. И рухнул, как подкошенный, – никакого коммунизма, как в книгах, и близко не получилось.

Марцелев любил утверждать, что в современном мире классы больше не актуальны, а социальную структуру общества якобы определяют страты. Дескать, даже на каком-то там конгрессе Социалистического интернационала 1960-х годов был упразднен классовый подход. Это решение не может обладать никаким авторитетом, так как социалисты во всех своих формах (и большевики, и социал-демократы) показали полное банкротство своих теорий. Капитализм не рухнул, правительство большевиков привело к тоталитаризму, а парламентские реформы превратили социалистов в очередную партию буржуазии. Я вспоминаю, как в 2006 году уехал работать на Запад и смог самостоятельно, на личном опыте прочувствовать, что такое хваленое «социальное партнерство». Я устроился в компанию Carnival Cruis Lines, занимавшуюся путешествиями на круизных лайнерах в основном в Карибском бассейне. Как и многие другие, я рассчитывал упорным трудом заработать денег побольше, ведь США всегда ассоциировались с формулой «больше работаешь – больше получаешь». Увы, реальность оказалась совсем

иная… Работа на лайнере – это десятичасовой рабочий день чистого времени, без выходных в буквальном смысле. Большинство должностей, например повара, кладовщики, уборщики, стюарды, маляры, имели оклад от 450 до 780 долларов в месяц. Переработки не оплачивались, потому что официально их не было: менеджеры подправляли отработанное время. Подработки – на них все очень рассчитывают – официально строжайше запрещены. Никаких доплат, никаких бонусов. По большому счету мы работали за деньги, которые при желании можно было заработать и у нас менее тяжким трудом. До этого мне приходилось работать и на дорожно-плиточной укладке, и маляром-штукатуром, и на строительстве жилого дома (заливка фундамента). Так что мне было с чем сравнить. Но тот уровень нагрузок, что был на корабле, оказался совсем запредельным. Сбитые в кровь мозоли на ногах, растяжение связок на руках, проблемы с позвоночником – самые обычные спутники. Доходило до того, что у девушек менялись месячные циклы. Даже бывалые ребята, успевшие поработать на клубнике в Европейском союзе, на птицефабриках в Англии и в ресторанах США, проклинали эту работу. У официантов и обслуги кают ситуация была не намного лучше: 900–1100 долларов – оклад, почти без возможности получать чаевые. Хуже физических условий работы был моральный климат. Повсюду супервайзеры, подгоняющие работников, система стукачества, охрана с дубинками, «нарушение» за то, что не улыбнулся офицеру или поговорил с пассажиром.

Алкоголизм и наркотики – как единственный способ снять стресс. Ситуацию усугубляло абсолютное бесправие перед начальством: менеджеры могли в открытую валить свои косяки на тебя, и ты ничего не мог сделать. Там действовала круговая порука, не оставляющая и шанса доказать правоту. Работники были разделены на несколько иерархических каст, у каждой из которых свой регламент и уровень прав. Даже столовые для каждой из каст различались. Обычным чернорабочим нельзя было ходить в шортах, иметь своеобразную прическу, разговаривать с пассажирами. Другой касте, обслуге, уже можно было разговаривать с туристами.

«Белым воротничкам» разрешалось иметь любой внешний вид, заводить знакомства и дружить с клиентами компании, пользоваться их сервисами, а офицерам вообще можно было все, вплоть до рукоприкладства. Делалось все, чтобы препятствовать общению между кастами. «Белым воротничкам» запрещалось приходить в столовую для «негров», ходить вместе в порт или тусоваться в баре. Помню, приезжала одна скрипачка из Минска. Нормальная девчонка. Ей было плевать на эту иерархию. Однажды мы вместе, большой компанией пошли на пляж. Кто-то стуканул, ее вызвали в офис и полчаса полоскали мозги, дескать, с такими тебе тусоваться нельзя. Или познакомился с одним панком из Канады, звукотехник. Поиграли в настольный футбол, через час уже доложили наверх. Бред, но так все было устроено. Разделяй и властвуй. Ситуация доходила до откровенного маразма. Работники приезжали на корабль парой, но один из них был ниже другого по статусу. Как правило, пара распадалась. Что не делала сама система, то доделывала выработавшаяся система пресмыкания, зависти, лицемерия, доносительства, презрения, злорадства. В такой атмосфере даже разовый секс между представителями разных каст воспринимался как протест против этой «морали». После таких рабских условий и скотского отношения никаких иллюзий в отношении капитализма не осталось. Тот уровень демократии, что есть в западных странах, обусловлен не столько рынком, сколько готовностью людей защищать свои интересы и выходить на улицы.

В этом плане я сильно зауважал американцев и европейцев. Чувство собственного достоинства и классовое самосознание у них на порядок выше. Но, как бы там ни было, правящий класс и класс трудящихся были и есть. Их – 1%, нас – 99%. Беларусь с ее смешанной экономикой и диктатурой бюрократии рано или поздно впитает в себя современные корпоративные методы управления (в сфере IT и некоторых областях торговли это уже есть). Но ничего хорошего это нам не принесет. Никакого освобождения, лишь более изощренную эксплуатацию и кредитную зависимость от банков, которая сродни наркомании.

Я коротал время за чтением «Часа Быка» Ефремова. Медленное, вдумчивое чтиво. Как у Стругацких. На Земле восторжествовало солидарное общество. Были реализованы высшие свободные идеалы. Государство перестало существовать. Люди жили обеспеченно и интересно. Управление осуществлялось горизонтальными структурами, служившими средством координации для общей пользы. Многосторонне развитый, гармоничный и нравственный человек – центр такой системы. Когда-нибудь такое общественное устройство станет самым обычным явлением. А сегодня приходится жить в мире, где кругом лишь горе и беда, где ростки разума и радости пробиваются лишь вопреки мрачным условиям.

Марцелев отсудился, получил условно. Прокуратура завернула дело Макса, и его тут же этапировали на «володарку». Дениса перекинули. Больше я о нем не слыхал.

Меня переместили в соседнюю, пятую камеру. Май начался с ожидания суда…

Часть 2

***

Новая камера отличалась от других четырехместных тем, что в ней было не одно окошко, а целых два. Невиданная роскошь!!! Но гораздо более примечательной оказалась компания. Снова я встретил Владимира, с которым вначале был в одной камере. Меня поразили произошедшие с ним изменения: за 4 месяца из бодрого пожилого мужичка он превратился в заметно поседевшего, ватного, прибитого старика. Предположим, что его оправдают. Но как государство сможет компенсировать *такое*?

Двое других сокамерников оказались сотрудниками правоохранительных органов, которые попали под молотки системы, коей сами служили. Первый, Сергей Елин, был заместителем прокурора Гродненской области. Обвинялся в получении взятки. Интересны обстоятельства дела. Человек, давший взятку, какое-то время пытался решить через Сергея свои вопросы, но последний отказывался. Тогда этот субъ-

ект вышел на комитетчиков и предложил утопить несговорчивого следователя. Во время первой попытки он пробовал передать Елину 5 тысяч долларов, но безуспешно. Тогда на следующий день он повторил свой маневр, но на этот раз, снова получив отказ, предложил взять всего 500 долларов «за юридические услуги и потраченное время». Елин взял и тут же был повязан. В деле первый эпизод отсутствовал вовсе, как будто его и не было. Аудиозапись разговора во время передачи денег была предоставлена самим провокатором, хотя задержанием занимался комитет! Неудивительно, что аудиофайл имелся лишь на диске, а на диктофоне оригинала не оказалось (якобы был стерт из-за нехватки места). По словам Елина, в этой записи не хватало ряда реплик, свидетельствовавших в его пользу. Комитетчики не имели санкции на скрытую прослушку и не могли предоставить ее в суде. Поэтому, по всей видимости, они и придумали историю с диктофоном. А на самом деле прослушивали все, но записали на диск и подшили в дело лишь нужное им. Вот так, безо всякого первоисточника по «странному» совпадению именно Елин закрыл в прошлом одного из руководителей «Лидская мука» (вроде, директора), который ходил под конторой…

Второй силовик, Захар Джилавдари, успел проработать опером в ОБЭП, УБОП и ДФР. Участвовал в расследовании взрыва в Минске в 2008 году. Именно он разрабатывал последнего белорусского вора в законе Бирю. Но самый интересный момент – это арест Захаром первого зампреда КГБ, если не ошибаюсь, по делу о таможне, т.е. он участвовал в оперативно-следственной группе Байковой, той самой опальной прокурорши. Самому Захару вменяли покушение на получение взятки со слов свидетеля. Правда, в суде свидетель ошибся с суммой предполагаемой взятки, а также не смог конкретно указать валюту (баксы, евро, рубли). Обвинение не растерялось, переквалифицировав дело по статье «Бездействие» (до трех лет). Мелочь, казалось бы, да только человек (хоть и мент) уже 9 месяцев в этом бетонном колодце взял… Интересная деталь: Захар за неделю трижды столкнулся в коридоре на кабинетах с… Байковой! Суть в том, что в КГБ случайно столкнуться невозможно. Контро-

леры сопровождают арестанта свистом, чтобы случайная встречная партия вовремя остановилась. В крайнем случае приказывают отвернуться к стене, как пару раз и случалось. И лишь однажды к нам в камеру завели левого человека. Попутали номера. Было видно, как контролеры испугались и моментом вытянули его. Видимо, это считается серьезным косяком.

Таким образом, Захару дали понять, за что на самом деле он попал под молотки системы, коей сам служил. Дело в том, что в стране еще в 2009 году шла самая настоящая война силовых структур между собой, и засадить друг друга для них – святое дело. После принятия постановления, позволяющего продлить арест на два месяца без санкции прокурора (как и прослушку), война приняла воистину грандиозные масштабы. Теперь МВД (в лице нескольких отделов), КГБ и ДФР (финансовая полиция комитета госконтроля) получили возможность возбудить те дела и упечь в СИЗО тех людей, которые бы раньше не прошли в прокуратуре. Более того, если раньше между структурами существовала специализация, т.е. конкретный перечень статей в Уголовном кодексе, подлежащих расследованию определенными ведомствами, то сейчас этой грани нет. Естественно, силовики принялись давить друг друга. Сравнительная статистика за 2009–2010 годы показывает… ***двукратный*** рост по коррупционным статьям! Дело Байковой ознаменовало конец прокуратуры как реального органа. ДФР также пал жертвой КГБ: сначала поставили своего директора (бывшего чекиста), потом одного за другим арестовали наиболее независимые кадры (к примеру, дело Адамовича, сидел параллельно с нами). Тут, кстати, можно припомнить того же Киселева Александра. Ирония судьбы, но дэфээровец, возбуждавший дело против него, заехал в «американку» следом, причем… в ту же самую камеру, где находился Киселев. Мир тесен до безумия! Он и рассказал Саше все как было. Как однажды к этому следаку пришли двое комитетчиков с просьбой возбудить дело, где толком и состава преступления не было. Следак начал возражать, что в прокуратуре точно не прокатит, но комитетчики сказали, что возьмут прокуратуру на себя. Вот так заехал Ки-

селев. Суды контролируют частично, в частности некоторые районные суды Минска и столичный городской. Верховный суд, может, еще и нет, но, по всей вероятности, это вопрос времени. А вот совладать с МВД гораздо труднее. Во-первых, численность: 100 000 против 5000. Во-вторых, в МВД существует ГУБОП, подчиняющийся напрямую министерству. И хотя КГБ имеет техническое и кадровое преимущество, занимаются они, судя по узникам «американки», одним и тем же. А два козла на один огород, как известно, слишком много, так что убоповцы имеют тот же опыт и сами готовы отправить какого чекиста отдыхать на «володарку». Елин сетовал, что из-за этой борьбы резко снизился профессионализм следователей: уже нормально дело сшить не могут, все больше приходится уповать на покорность прокуратуры и судей.

Такой расклад среди силовиков поощряется правящей кликой, да и сам метод не новый: в истории был один русский грузин, любивший тасовать кадровые колоды. Метода называется «выведение крысиного короля». Аппаратчики грызутся и рвут друг друга, в итоге доминантное положение занимает самый беспринципный, но эффективный. Сама же верховная власть остается неприступной: в случае сомнений в верности «крысиного короля» правитель вываливает на него припасенный компромат.

Захар рассказывал, как выявили в Дроздах бл…шник для VIP-клиентуры из верхов. Но только решили накрыть заведение, как по телефону от начальства поступила четкая директива: «Уе…те немедленно оттуда на х..!» Или же был случай, когда новый директор ДФР еще не освоился. Ему умудрились успешно подсунуть на подпись список предприятий на плановую проверку. Все бы ничего, только в списке невзначай оказался «Трайпл». Когда пришло время проверки, директор схватился за голову и промолвил Захару: «Ты знаешь, чье это?»

Затрагивали мы и тему оппозиции. Надо сказать, ходило немало слухов про всякие нюансы политических дел. Достоверно разобраться не представляется возможным, поэтому я принципиально опущу эти моменты. К тому же после эпизодов со всякими романчуками и рымашевскими и первой

реакции оппозиционных СМИ репутация оппозиции и так не ахти какая. Но один случай произошел при Джилавдари с Елиным. Пусть о нем знают все. Дело было 31 декабря 2010 года в камере № 1, где в то время находился Дмитриев, начальник штаба Некляева. Вечером Дмитриева потянули на кабинеты, где он выторговал себе освобождение неизвестно за что. Затем его подняли назад в камеру, чтобы он собрал свои вещи. Однако сокамерникам Дмитриев сказал, что, дескать, ему обещали Новый год в окружении масок. Мужики собрали ему с собой два пакета с едой и, переживая, распрощались. А гражданин Дмитриев ровно потопал домой… В разговоре он, не стесняясь, рассказывал, как построил квартиру и срубил деньжат на президентской кампании, а сама политика демократических сил ему фиолетова. Вероятнее всего, Дмитриев донес пакеты с продуктами до ближайшей урны, хотя, кто знает, может, и к новогоднему столу, ведь всеядный политик ничем не брезгует.

***

Целыми днями мы беседовали на темы следственно-судебной системы, особенностей различных структур, работы оперов и следователей. Много спорили и о политике. Так или иначе, сошлись на том, что без активного участия народа, без реального контроля общества за управленческими структурами любая республика скатывается в фазу диктатуры. Это может показаться странным, но именно сами менты понимают это прекрасно, так как ежедневно видят расклад изнутри и не питают иллюзий в отношении истинной природы власти.

Сама судебно-следственная система проста и кошмарна до безумия. Ключевой момент: реальная власть находится у оперов. Именно они проводят всю предварительную разработку, накапливают материал для возбуждения уголовного дела. Тут нет никаких ограничений. Все строится на личном опыте, логике и интуиции. В ход идут любые улики. Юридическая сила их не важна. Главное для опера – создать картину событий, в которой угадывается шаблонное преступление. Его начальник на основании субъективных впечатлений

принимает решение о возбуждении дела. Определяющим критерием успешности карьеры опера является *количество* возбужденных дел. Ему выгодно трактовать ситуацию в сторону наличия состава преступления и причастности к нему подозреваемого. Основание для подозрения – субъективное мнение опера. ЛЮБОГО человека можно закрыть в ИВС на трое суток просто потому, что опер так захотел.

Тут наступает момент истины. По любой мало-мальски косвенной зацепке могут предъявить обвинение. Обычный окурок сигареты со следами ДНК (слюна, пот), сигнал сотового телефона неподалеку, пустая бутылка с отпечатками или показания недоброжелателя являются достаточным основанием для ареста и помещения человека в СИЗО, т.е. тюрьму. Раньше арест санкционировался прокуратурой, и для положительного решения в сомнительной ситуации в ход шли личные связи, фактор заинтересованности влиятельных лиц и т.п. Теперь же для ареста на 2 месяца достаточно подписи начальника силового ведомства. Как только человек арестован, он скользит по наклонной вниз, прямо к приговору. С этого момента все остальные фазы этой системы – формальность, и чем дальше, тем больше. Когда дело возбуждено, оно передается следователю. Хоть эта фаза и называется «предварительное следствие», на деле следователь лишь доследует и оформляет материалы, добытые опером, согласно юридическим нормам. Показатель карьерного успеха следователя – отношение количества дел, доведенных до обвинительного приговора, к общему количеству расследуемых дел, т.е. попросту *коэффициент приговоренных*. Другим важным показателем является *тяжесть статьи УК* согласно классификации Уголовно-процессуального кодекса (менее тяжкие, тяжкие, особо тяжкие). Поэтому каждому следователю выгодно, чтобы человек: а) сел; б) по наиболее тяжким статьям.

Самое ужасное то, что перечисленные показатели успешности опера и следователя носят не какой-то скрытый, неформальный характер, а закреплены официально: именно по этим признакам сотрудники получают премии, должности и очередные звания. Нет большей катастрофы для следо-

вателя, чем оправдательный приговор. Это может привести к самым жестким мерам взыскания, вплоть до увольнения. В случае, если во время предварительного следствия следователь понимает, что по желаемой статье человека упаковать не удастся, то он может предложить переквалифицировать дело по другой, более слабой статье, вплоть до условного срока, либо ограничиться уже отсиженным в тюрьме. Для обвиняемого это уже победа: выйти абсолютно целым из этой мясорубки практически невозможно. Такая механика системы порождает следующую статистику: КПД обвинительных приговоров в РБ… более 99,7%! В Европе эта цифра составляет 80%, причем большинство сидящих тут никогда бы не сели там. В 37-м году, с его «тройками» и заочными судами, было 10% оправдательных приговоров.

Когда следователь сошьет дело, он отправляет его в прокуратуру. Только в этом промежутке обвиняемый и адвокат наконец-то могут ознакомиться с материалами. До этого следователь с операми могут приоткрыть лишь некоторые карты. Адвокат – фактически бесправная личность и мало что может сделать. Прокуратура должна проверить дело на предмет, не полное ли это шило. Судя по тому, что всплывает на судах, прокуратура свою работу делает спустя рукава. И, наконец, последний этап – суд. Суд – это блеф, спектакль. Судья никогда не видит нестыковок и нарушений. Для него процесс давно превратился в рутину. Даже в очевидных случаях, когда налицо явное логическое противоречие, судья сделает вид, что ничего необычного нет. Судья не хочет идти против течения, ведь все уже готово, разжевано и подано на блюдце. Судье проще осудить обвиняемого с сомнительными обстоятельствами дела и тем самым переложить ответственность за судьбу человека на вышестоящий суд (городской, Верховный), в которые подаются последующие апелляции и жалобы.

Таким образом, приговор фактически выносит опер. Дальше все идет по конвейеру, точнее, по системе шлюзов: вроде, и с малого начинается, но механикой всего устройства этой системы малое трансформируется в среднее, а среднее – в крупное, развернутое и основательное.

Весь вопрос в том, чтобы найти изначальные зацепки, которые станут «доказательствами». Опер, не найдя никаких улик (а шерлокхолмсы либо свалили из органов, либо сидят), почешет недалекую голову и прибегнет к старому и надежному методу – показаниям.

Свидетелям угрожают тем, что они могут перейти в статус «подозреваемого», а где подозреваемый, там и обвиняемый. Классическая схема: даешь показания – проходишь как свидетель, не даешь – как соучастник. Если же обстоятельства дела не предусматривают соучастия, то давят на покрывательство, угрожают проблемами на работе/учебе, в том числе у близких.

Другая схема, более сложная, предполагает использовать показания другого обвиняемого в обмен на обещание более мягкого наказания. Работает безотказно по ст. 328 (наркотики). Предполагается, что наркоманы образуют единую социальную среду, так что каждый из них так или иначе покупает или перепродает наркотики другим, как сетевой маркетинг.

Например, берут троих наркоманов с несколькими граммами травы или амфетамина. Это квалифицируется как ст. 328, ч. 1 (хранение, до трех лет, менее тяжкое преступление). Те двое получают условно, ограничиваются отсиженным или получают пару лет. Это если повезет, ведь следователь может слово и не сдержать. А могут и сами попасть на роль раскручиваемого и заехать следом на 8 (если признают вину) или на 9 (если не признают) лет. Такая вот карусель.

Наиболее ценными материалами для следователя, конечно же, являются собственные показания обвиняемого. В идеале – признание вины. В этом случае следователь, не запариваясь, будет потихоньку оформлять дело с полной уверенностью, что ничего не сорвется. Для получения показаний применяется разнообразный набор средств. Обычно требуют взять на испуг. Дескать, даешь показания – и тебе самому будет лучше. Или врут, говоря, что понимают положение, что сами верят в твою невиновность, что сделают все, чтобы дело не сложилось, но нужно дать показания, чтобы «иметь возможность помочь тебе, парень. Ведь ты – “нормальный пацан”». Или угрожают ужасами тюрьмы, в част-

ности что закинут в пресс-хату, к петухам, к больным туберкулезом, к гаммам (бомжам/грязнулям). Могут угрожать и осложнениями у близких, вплоть до реальных попыток надавить на них. Основная ставка делается на психологический слом допрашиваемого. Методы чередуют: изматывают долгим допросом, давлением, криками, руганью, оскорблениями, ограничением передвижения, жаждой, ярким светом.

Если с наскока взять показания не получается, кидают в камеру «помариноваться» и ставят на измор. Тюремная атмосфера в первые дни воспринимается тяжело. Неизвестность и суровость рождают панику и страх. Бывает, что человек нашел в себе мужество выдержать дознание. Но камера, с ее неизвестностью, кошмарностью, изолированностью от всего, разрушает оборону и человек мужество утрачивает. При последующих вызовах делают вид, что хотят помочь. Могут применить и насилие, начиная с угроз и кончая имитацией либо незначительными ударами (пощечина, подзатыльник, в грудь, по ноге). На серьезное насилие и пытки, а также на осуществление угроз расправы в камере, как правило, не идут. Но, в принципе, пойти могут. Такие методы – уже очевидный состав преступления. Работы, тем более свободы, никто лишаться не хочет. Хотя, в качестве исключения, все может быть. Историй хватает. Люди терпят, не сдаются и выходят победителями.

Даже отрицательные показания все равно уже кое-что для них. Ведь в случае зафиксированной «несознанки» им уже есть от чего отталкиваться. На показаниях, данных во время предварительного следствия, строится около 80% дел. Система привыкла к такому ходу событий. И это – ее главная слабость: следователь больше всего опасается отказа от дачи показаний. Ведь им придется все делать самим, искать сильную доказательную базу. Не говоря уже о том, что нет гарантий, что фальсификации останутся незамеченными. К примеру, следователь подготовил левого свидетеля. На его показаниях строится дело. А обвиняемый вдруг на суде дает такие показания, что становится слишком очевидна ложь свидетеля. Следователь может серьезно попасть. Так что от-

каз от дачи показаний – самый действенный способ, самая выгодная позиция.

Так или иначе, как только человек арестован, его шансы на оправдание мизерны. Отделаться малой кровью – это уже победа. Но в любом, даже самом благоприятном, случае победа окажется пирровой.

И три месяца в СИЗО – огромный срок, сродни наказанию. Те, кто нашел зацепки и борется, могут сидеть год, два года и даже больше. За это время в жизни многое изменится, утеряется, поломается, рухнет, позабудется. Это все равно жестокое наказание, наказание за то, что осмелился идти против течения, дерзнул подвергнуть авторитет власти сомнению.

Чтобы понять полностью, *как* функционирует следственный механизм, необходимо сказать о его ключевом компоненте, который приводит систему в движение, определяет конкретные цифры, отвечает на вопрос: «Почему именно столько?» Имя этому компоненту – ***план***. Он не существует официально, но в действительности определяет всю количественную работу следствия. Суть плана определяется формулой: сколько дел было возбуждено по преступлениям каждой степени тяжести в прошлом году, столько же (не меньше) должно быть возбуждено и в текущем. Аналогично с коэффициентом раскрываемости. Другими словами, опер и следователь руководствуются не только поощрительными (карьерными) мотивами: они вон из кожи лезут, чтобы выполнить нормативы. Не справляешься – освободи место другому, пусть менее профессиональному, зато более изворотливому и безнравственному.

Презумпция виновности – вот основное кредо карательной (по-другому и не назовешь) системы белорусского режима. Вот что такое мораль и правосудие белорусского государства!

***

Совсем скоро первое заседание суда. Его ждешь, как избавления. Когда дело передали в суд, дали краткое свидание с отцом. Стекло, телефонная трубка… Тяжело находиться в

метре от столь близкого человека и не иметь возможности обняться. Отец дает понять, что осознает: меня посадят. Я рад, что он это понимает и морально готов. Ведь все эти надежды в письмах, дескать, «тебя 100% оправдают» и т.п. вызывают лишь горькую ухмылку. Всегда лучше правда. Даю понять отцу, что дух мой крепок и приговор приму безмятежно.

Последняя ночь перед судом… Очень хочется ощутить смену обстановки, увидеть родителей, родных, друзей, знакомых, товарищей, сочувствующих. Наконец-то смогу хоть немного пообщаться со своими соратниками. Сколько лет совместных надежд, чаяний, проб, ошибок, разочарований, достижений, собраний, споров! Все мы начинали с полного нуля, с неясных побуждений к свободе, правде, справедливости, братству. Рамки молодежных движений были для нас слишком узки, потому что наша интуитивная тяга к свободе не признавала полумер. Человеческая личность не должна знать пределов. Первые статьи об анархизме на дискетах с недокачанных «кривых» сайтов, первая книга Кропоткина. Не было сокровища дороже, ибо там раскрывается мечта. С этого момента ни всесилие власти, ни раболепие народа, ни равнодушие обывателя уже не могли остановить нас. От разговоров на лавке за пивком к первому самиздату. Первая группка на районе, затем в институте. Участие в демонстрации, знакомство с такими же энтузиастами. DIY-субкультура, собрания, публичные акции, стикеры, брошюры, периодика… Уличная война с фашистами, концерты, поездки… С уходом первых людей уходит и первая романтика. Кто остался – сплочается теснее… Кризисы в личной жизни, как выстрелы снайпера, выкашивают ряды… Безоблачное детство закончилось, трудоустройство, квартирный вопрос, платежи заставляют по-новому взглянуть на слова «социальная справедливость», «экономическая эксплуатация». Это – то, чем мы дышим каждый день… Меньше слов – больше ответственности, такое понимание становится во главу угла. Повсюду чувствуется рост количественно и качественно. Это началось в 2008 году. Анархизм. Уничтоженный окончательно в ГУЛАГе, возродился в перестройку. Прошло еще 20 мучительных лет, пока сменялись несколько поколений

активистов, пока нащупывались методы и организационные формы. Теперь мы – полноценное общественное движение и готовы драться за полную реализацию гуманистических идеалов. Незадолго до ареста я увидел фото участников.

Власть жаждет наших покаяний, обливания грязью друг друга, попыток выставить нас сломленными людьми, сокрушающимися о своей «загубленной» жизни. Власть хочет видеть показательный процесс, чтобы другим неповадно было, чтобы упиваться своим могуществом. Но этому не бывать! Мы не променяем саму суть нашей жизни на жалость и пощаду. Мы не дадим повода товарищам сомневаться в нашем жизненном выборе! Мы слишком любим свободу, чтобы молить о ней. Наши близкие увидят решимость и непоколебимость на наших лицах. Гордость родных и уважение друзей, а большего и не надо. Мы уедем в лагеря, оставшись самими собой, сохранив свою личность…

***

…Утро. Конвой, наручники, автозак, глухой «стакан» в кромешной тьме. Машина мчится по зеленой, с мигалками. Чтобы усидеть на месте, приходится упираться головой в стенку. Подъехали прямо к дверям с черного входа. До дверей двойной коридор из ментов. Поодиночке ведут в подвал. Распределяют по камерам-стаканам, на этот раз бетонным. Полметра на метр. Шмон, тщательно проверяют одежду. В этот момент встречаемся взглядами. Саня, Колян… Столько хочется сказать, обняться, пожать руки. Но пока здороваемся, придирчиво оцениваем друг друга. Видно, что каждый хочет избавиться от мельчайших внутренних сомнений: «А не пали ли духом?» Но по твердости голоса, по манере поведения с ментами очевидно, что никто не прогнулся. Общаемся смелее, несмотря на постоянные замечания конвоя, и от этих первых слов становится тепло на душе. Веткин пробует общаться, но с ним никто не разговаривает. В его глазах лишь школьный интерес. Мог быть всем, а стал никем. Это печально. Ожидание в стакане. Стены исписаны: погремухи, статьи, сроки, пожелания. Больше всего 205-х и 328-х, кражи и наркотики. Добавляю себя, рисую символы и лозунги.

Пусть знают, что сидят не только за корысть или бытовуху. Время идет очень медленно.

…Наконец наша очередь. Выстраивают колонной и выводят в зал заседаний. В холле куча народа, вспышки фотокамер. Все это вводит в ступор. У входа – металлоискатели, очень много милиции и людей в гражданском, бред какой-то. В клетке снимают кандалы. Пробуем общаться, но вертухаи следят зорко, пресекают общение. Говорят, что суд оцеплен ОМОНом. Одним словом, цирк вокруг цирка. Приходят адвокаты, один за другим появляется множество знакомых и незнакомых лиц. За долгие месяцы в СИЗО так отвыкаешь от социума, что теряешься при таком обилии людей. Родители, родственники, друзья, приятели, товарищи. Эта поддержка многократно укрепляет. Ведь своими глазами убеждаешься, что можешь рассчитывать не только на себя, но и на всех этих неравнодушных людей. Изоляция изолятора трещит по швам.

Судья и две кивалы делают вид, что не замечают абсурдности ряда улик и показаний, давления оперов и т.п. Зомби. В показаниях свидетелей отказ за отказом. Прокурор давит, но безрезультатно. Долгие нудные часы абсолютно бесполезных слов левых людей, а я смотрю в окно. Никогда не думал, что так буду рад увидеть зелень деревьев и чистое синее небо. Не в клеточку.

Прокурор, получивший кличку «дружище бобер», на прениях заявляет, что мы признаем лишь законы физики и химии. Верно, как и законы биологии, истории, а также самый главный – нравственный закон, утвержденный всей сутью человеческой природы и социального развития. Но не являются нам авторитетом презренные талмуды кодексов-симодексов, годных лишь к скудному прикрытию государственного беспредела, лжи и грабежа.

Последнее слово. Не готовился, думал, что завтра. Решил сказать о Диме Дубовском, нашем оболганном и преследуемом товарище. Веткин и Конофальский, подонки, назвали его ответственным за некоторые вещи, но так заврались, что на суде это выплыло. Из нас четверых ему выпали самые тяжелые испытания. Пусть даже ему и удалось сохранить то,

что в этом убогом обществе называют «свобода». К нему применили самые подлые и мерзкие методы оперативной разработки. Но Дима все вынес и преодолеет любые трудности. Такие люди – навсегда. И годы в застенках не преграда для нашего братского товарищества. Саня и Коля сказали очень достойно. За нами нет вины перед совестью, а значит, любые лишения – лишь награда. Приговор. Что ж, Махно сидел и нам велел. Восемь лет на одном вздохе! Последний взгляд на близких мне людей. За исключением родителей, я их увижу совсем не скоро. Прощаюсь с адвокатом. Его появление в СИЗО КГБ было как глоток свежего воздуха. И в этой безнадежной ситуации он смог мне помочь. Пожимаем руки и обнимаемся с Колей. Для меня честь разделить судьбу с такими людьми.

Веткин выхватил милость: 4 года химии. Он, Захарчик, Арсенчик, Бурочка будут жить жалкой презренной жизнью. Нет прощения предательству. Если у них будут дети, чему их научат *такие* отцы?

...Снова автозак; остановка «КГБ». Выходя, кричу: «Товарищи, до встречи!»

***

Свидание с родителями. На этот раз пустили и мать. Наши дорогие матери... Кто уж по-настоящему несчастлив, так это они. Отцы тоже страдают, но по природе своей понимают, что суровые испытания пойдут их чаду на пользу. А мать не принимает никаких доводов, если ее сын за решеткой. Заключенных всегда двое. Мать не может и дня прожить без переживаний за своего ребенка. Стоять в очередях на передачу, ждать письма, ловить любую новость о тюрьме или колонии, где мы отбываем срок, – вот их приговор изо дня в день, из года в год. И потому настоящими героинями и мучениками являются матери заключенных. Знаю и вижу, что очень за меня переживают. Но мне радостно видеть их бодрыми и гордыми. Обсуждаем суд. Узнаю мнения разных людей, их приветы и пожелания. Это поражение – на самом деле наша победа. Такими процессами режим копает себе могилу. Не учли уроки сталинских репрессий, не учли.

Последние дни в «американке». Чувствую, как это место теряет свою власть. Лучи солнца на шершавой стене смотрятся очень красиво. Но все же в них остается что-то тревожное. Эти полгода не дались даром. На душе навсегда останется отпечаток этого дома, красного дома. Никогда не забыть мне то измерение, когда внешний мир распадается, когда умирает даже надежда, когда не существует ни времени, ни пространства. И в этой константе жизнь сворачивается в клубок чистого страха и чистой воли. Последний раз оглядываю эти массивные и суровые стены, коридоры, лестницы, поручни, вышку, мотки проволоки, железные двери. Сотни деталей, и все образуют единый монолит, наделенный одной целью – растоптать личность. Но именно в этом аду, благодаря этому кошмару я смог заглянуть в себя и понять. Отменный материал для антиутопических картин, для музыки в стиле industrial ambient. Жаль, в искусстве не смыслю. Не то раскрыл бы это содержание через форму. Увы!

За неделю трижды сталкивался с симпатичной девицей с белыми косами. Из обслуги. С чего бы это такая расхлябанность контролеров? Хотя все равно. Я уже морально не здесь. Со дня на день ожидаю этапа на «володарку». В камере каждый ушел в себя. Все на судах. Владимиру пришел отказ по помилованию. Захар сказал, что «дядя Вова» рассчитывает очень сильно на применение ст. 70 (меньше меньшего), но такое снисхождение нужно чем-то заслужить. Вспоминаю, как у Молчанова при ознакомлении с делом оказалась бумага о камерной разработке, не давшей результатов. По датам восстановили тот день и вспомнили, что через пару дней Владимира перевели. Сюда же и его расспросы, кто у анархистов главный, кто мне распоряжения отдает. И попытки узнать рецептуру коктейля Молотова, и подстрекательство к действиям как БГ (в книге Акунина «Статский советник»). В свою очередь, я «врубал дурачка» и вешал дятлу всякую лапшу…

В один из этих последних дней открылась дверь и в камеру вошел… полковник Орлов собственной персоной! Естественно, по мою душу. Состоялась беседа. Начальник интересовался моим настроением, отношением к предстоя-

щему сроку. Даже выразил некоторое сочувствие. Я не верю в сентиментальных чекистов и потому ждал сути диалога. Несмотря на это, все-таки был застигнут врасплох. Орлов вдруг прямо в лоб выпулил: «А давайте к нам хакером? Вон как китайцы развернулись! Собственный ноутбук Вам дадим». Признаться, я оторопел и совсем потерялся. Тогда Орлов выдал вторую порцию: «Ну, если не хотите хакером, давайте сюда в хозяйственную обслугу. Тут хорошие условия, много преимуществ». Разрыв шаблонов, вынос мозга, тотальный шок… Неужели я где-то когда-то хоть в чем-то дал повод предлагать мне *такое*? Сколько людей пало в борьбе с этой конторой? А сколько миллионов лучших представителей народа они извели?! А как издеваются над народом сейчас? И еще имеют какой-то расчет, чтобы я променял совесть на их жалкие подачки. Комфорт, возможности… Все это у меня было и об их утрате я не жалею. Ответил так:

– Я лучше возьму срок в лагере.

– 8 лет – это не мало.

– Мне безразличен срок, буду развиваться.

– Все так говорят. Первые три года еще терпимо, а потом…

– У меня будет возможность все узнать на практике. Наше гуманное государство предоставило мне такую возможность.

Честно говоря, так и не смог понять этих комитетских полковников. Они умеют говорить исключительно убедительно, хотя и врут. Но лгать – их профессиональная обязанность, и потому мне так и осталось неясным, в каких словах был прагматический расчет, а в каких – действительные суждения. Все звучит одинаково. Орлов неоднократно заявлял, что его цель – заставить нас сомневаться. Что ж, эту цель он, безусловно, достигал. Я пришел к выводу, что полковник КГБ – это мастер деликатных поручений: ни добавить, ни отнять. Что касается Орлова, то мне кажется, что он нас жалел. Но не стоит путать это чувство с обычной людской жалостью. Тут – нечто другое. Чем-то он был похож на Крамера, того полуманьяка из фильма «Пила». Но не совсем точно. «Пила» все-таки руководствовался этическими соображениями. Он

жаждал гуманистического преображения личности в экстремальных условиях. Тут же о гуманизме речи не идет вовсе. Наиболее подходящий персонаж будет все-таки О'Брайн из «1984» Оруэлла: убежденный, системный, беспощадный.

…Этап на «володарку». Свершилось! Прощаюсь с сокамерниками, кешер в руки, шмон, формальные процедуры. Ведут к бусику. Оборачиваюсь, осматриваю это место, насквозь пропитанное страданием, горем, отчаянием. «Американка»… Когда-нибудь тут будет музей.

***

«Володарка» – это крупные мрачные своды и длинные коридоры. Но развязные манеры милиционеров и заключенных сразу говорят, что суровая тишина – лишь фасад. Тут муравейник, пронизанный тысячами нитей, он кипит жизнью. Получаю матрас, холодный душ, ожидание в отстойнике, наконец поднимаюсь в камеру. Впечатления абсолютно противоположные тем, которые были, когда впервые передо мной открылась дверь в «американке»… Кажется, что попадаешь в бендёгу к гастарбайтерам. На тебя устремляются взгляды с верхних и нижних ярусов нар, из-за стола и даже с пола. Пятнадцать мужиков в одних трусах, мокрых от жары и духоты, в кромешном тумане табачного дыма. Вот теперь я в настоящей тюрьме!

4 июня – день счастья. В камере десять спальных мест, шестнадцать человек. Половина – экономические, трое наркоманов, угонщик, мошенник, нардер, алиментщик, убийца, бандит, политический (Казаков) – короче, Ноев ковчег. Тут движение 24 часа в сутки, тут воздух пропитан какой-то вольницей, а не только сигаретами и потом. Угостили чаем, дали почитать газету с репортажем о суде, сравнивали с фотографией: «похож – не похож». Новый ритм и атмосфера свободы оказали необычный эффект: дня три я проходил в ступоре. Так сильно отвыкаешь от крупного социума и так глубоко уходишь в себя за полгода! Мужики это подмечали, выражали сочувствие, интересовались особенностями условий «американки» и тем, как там прессовали. Старался рассказать все, как было, но чувствовал, что ряд вещей не могу

передать словами. Как передать изо дня в день усиливающееся чувство ожидания издевательств? Или ощущение постоянного наблюдения за тобой? Тут были мертвые точки для глазка, тут был отгороженный (!) туалет. Можно побыть одному хоть немного. Нужно утратить даже это, чтобы понять, что значит лишение личности автономного пространства.

Меня определили в ночную смену: с 8 утра до 8 вечера шконарь мой, следующие двенадцать часов – другого человека. Так и протекали дни: днем спал, ночью общался, играл в нарды и шахматы, решал свои дела. Зэковская смекалка позволила мне связаться с Сашей – настоящий подарок! Мы максимально использовали предоставившуюся возможность. В оценках событий обнаружили полное единодушие. Классно, когда есть единство и понимание, несмотря на изоляцию и тяжесть на душе. Ведь на воле далеко не все так, как хотелось бы: хватило и потерь, и разочарований. Но что делать, как говорили легионеры, marsh of die (маршируй или умри). Краткое свидание с матерью. Наконец-то мы смогли пообщаться без оглядки на комитетчиков. Узнал в относительных деталях, что происходило в течение этих шести месяцев. Как будто новый мир открылся. Вакуум создал иллюзию тишины, а на самом деле снаружи шло активнейшее движение. Плотина рухнула. Хлынул поток писем со словами поддержки и солидарности от самых разных, знакомых и незнакомых, а порой и вовсе неожиданных людей. В таком ключе как-то сразу наполняешься жизненной энергией, становишься гораздо сильнее.

…За 10 дней узнал кое-какие основы арестантской жизни. Разные люди, разные пути, разные уклады, но судьба-злодейка свела всех здесь в одной беде. При общении с людьми, узнавая об их делах, ситуации в тюрмах и зонах, тактике поведения обвиняемых и следователей, выработанной тысячами и тысячами случаев и, как древние знания, передающейся от зэка к зэку, стала очевидной сущность «правоохранительной» системы. В свою очередь, сама эта карательная система органично вписывается в общее устройство белорусского общества. Следующие утверждения составлены мной даже безо всякого анархизма на основе разговоров в солидарно-

доверительной атмосфере, возникающей в тяжелых и экстремальных условиях тюремного заключения. Это мнения политиков, бизнесменов, ученых, чиновников, представителей силовых ведомств и представителей профессионального криминала.

Беларусь – это семейная корпорация с ежегодным доходом в несколько десятков миллиардов долларов (для сравнения, ежегодный доход Intel – 15 млрд долларов, Apple – 45 млрд долларов). Во главе корпорации стоит совет директоров из министров и руководителей комитетов при Совете министров. Они – не хозяева, а всего лишь топ-менеджеры. Любой из них завтра может оказаться никем. Реальный хозяин только один – Семья. Среднее звено корпоративного менеджмента (уровень исполнителей проектов) составляет около 1000 человек. Это люди, в чьих руках сосредоточена хоть какая-то существенная власть. Нижний уровень – исполнительный персонал, те, кто обеспечивает политику корпорации на местах. Суммарно аппарат корпорации составляет около 90 тыс. функционеров. Это и есть правящий класс страны. Аппарат призван выполнять две наиважнейшие задачи корпорации: учет, контроль, сбор податей со всей хозяйственной деятельности в стране; обеспечение корпоративной безопасности и социального подавления. Наиболее доходные отрасли корпорации – переработка и продажа российской нефти и нефтепродуктов, калийных удобрений, продукция машиностроения и мясо-молочного комплекса, товары химической промышленности. 80% всей собственности принадлежит государству, 20% – частным лицам. Частный бизнес эффективнее госпредприятий, но Семья всячески сдерживает его рост. Во-первых, госсобственность проще обворовывать. Крупнейшие куски уходят персонально Семье. Во-вторых, интерес аппарата корпорации. Вместе с корпоративными льготами и привилегиями управляющий персонал желает получать свою долю дохода в обмен на лояльность. В ход идут законные и незаконные хищения, откаты, субподряды, кумовство и т.д. Схемы хищений отточены до блеска. Семья вынуждена с этим мириться. В-третьих, приватизация, хоть и сулит мгновенные выгоды, ведет к ро-

сту численности буржуазии, т.е. частных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Опасность в том, что буржуазия не желает (по природе своей) делиться с кем бы то ни было и потому неизбежно желает сбросить с себя ярмо семейной корпорации. Будучи многочисленной, обладая способностями, волей и средствами, буржуазия стремится объединиться с либеральными политическими движениями (оппозицией) и/или частью корпоративного аппарата. Цель – сбросить Семью и установить коллегиальный орган управления аппаратом, т.е. парламент. Ликвидировать частный сектор полностью Семья не может, так как коммерция – рабочая лошадка, за счет которой затыкают дыры в экономике. На самом низу, под корпоративным аппаратом и хозяйственными субъектами, находится народонаселение, называющееся белорусами. Оно не обладает абсолютно ничем, так как в основном зависит от бюджета и государственных предприятий. Народонаселение – это вечная головная боль корпорации, потому что оно требует обеспечения в виде зарплат, льгот, медицины, транспорта, образования, досуга. Проблемы начинаются тогда, когда массы проявляют недовольство. По большому счету само по себе недовольство и волнения населения для корпорации не опасны. Их с легкостью могут подавить силы безопасности. Одно только МВД насчитывает 14,5 сотрудника на 1000 человек населения. Однако недовольством могут воспользоваться буржуазия и либеральные политические силы. Вот почему Семья всячески душит любые проявления гражданского общества, не дает формироваться устойчивым либеральным силам, скрыто репрессируя активных деятелей от буржуазии и оппозиции (к примеру, отчисления и увольнения, проверки бизнеса и т.д.). Волнения народонаселения – штука перманентная. В своей логике цепочка выглядит так: недовольство – волнения – забастовки – бунт – революция. Больше всего остального корпорация боится даже не либерального влияния на массы, а разочарования масс в любых силах вообще. Если население поймет, что все вокруг создано им же, что без обычных трудящихся начальники превращаются в ничто, если население почувствует свою силу, то в этот момент население транс-

формируется в народ. Народ – это социум, осознающий себя, свои права и свои интересы. И горе тогда любой власти! Все политики во все времена с опаской смотрят на «народную карту» в своих играх. Обратная сторона этой карты – социальная революция. И ее невозможно усмирить ничем, кроме жесточайшего террора. С этим столкнулись бонапартисты времен Французской революции, с этим столкнулись и большевики. Недаром Ленин с Троцким говорили, что народные восстания были для них опаснее всех белых армий, вместе взятых! А потому корпорация делает все, чтобы население оставалось равнодушным к политике. Именно поэтому второй функцией корпорации является собственная безопасность и социальное подавление.

В корпорации существуют специальные институты, которые на самой современной научной основе отслеживают возможное влияние колебаний экономики на умонастроение масс. Путем эффективного манипулирования цифрами в области социальной политики корпорации удается год за годом обеспечивать относительное равнодушие. Один из таких механизмов – Комитет государственного контроля, который получает конкретные инструкции сверху. Но это частности. В целом система социального подавления навязывает населению:

- ценности конформизма, когда люди боятся и стесняются думать не так, как все;
- ценности потребительства, когда личный рост привязывается к уровню используемых материальных благ;
- ценности национал-патриотизма, когда через гиперболизацию коллективного чувства заставляют любить символы корпорации, чувствовать единение с ней, отождествлять себя с правящим классом, видеть в населении других стран врагов, явных и скрытых.

Социальное подавление включает в себя искусственное поддержание постоянного дефицита (чтобы едва хватало), чувства внешней и внутренней угрозы, чтобы отвлечь людей от понимания действительных проблем и причин, порождающих эти проблемы. Кроме навязывания разрушительных ценностей, кроме ежедневного оболванивания и лжи через

СМИ корпорация активно проводит политику алкоголизации и наркоманизации населения. Первое – легально, через монополию на продажу алкоголя и табака. Второе – нелегально, через крышевание лабораторий, каналов поставок и диллерских сетей (да, именно так!). Это и огромнейшие деньги, и выгодный социальный инструмент.

В идеале Семья хотела бы обладать:

- абсолютно лояльным и безотказным корпоративным аппаратом;
- безропотной буржуазией, всегда готовой быть остриженной;
- формальной нежизнеспособной оппозицией в качестве вывески «цивиливизованному» миру;
- послушным быдлом вместо народа, находящимся в состоянии полной деградации.

Люди для корпорации – расходный материал. Всегда найдется нужное количество беспринципных карьеристов, готовых по костям лезть вверх и пополнить правящий класс, получив для этого необходимое образование и отказавшись от совести. Остальные пусть деградируют, эмигрируют… И все же, несмотря на хитрости социального манипулирования, культурного обезличивания, привязки к госсектору, ключевым инструментом подавления населения является карательная система, т.е. оперативная разработка, следствие, прокуратура, суды, «исправительные» учреждения. Выше была подробно разобрана судебно-следственная механика. Логика ее работы требует все новых и новых дел, что обеспечивает собственное непрерывное функционирование. Пенитенциарная система выдает 45% (как минимум!) рецидива. Очевидно, что система воспроизводит преступность ради обеспечения своего существования. Наши судьбы – это топливо карательных органов. Конечно, приведенные утверждения объясняют лишь принципы функционирования и самоподдержания этого механизма. Но в чем заключается подавление, какой социальный эффект достигается? Казалось бы, органам выгодно иметь «быстрый круговорот»: от гражданина к статусу заключенного, и снова, и снова, т.е. было бы выгодно сажать редицивистов на незначительные

сроки, чтобы они поскорее освобождались, совершали новое преступление (или им пришивали чье-то), возбуждалось дело и дальше по накатанной. И действительно, профессиональные преступники или те, кто принял преступный образ жизни (мастерством не владеют), и дебилы-дураки ограничиваются относительно мягким наказанием. Но при этом огромное число первоходов, чье преступление не связано с криминалом как таковым, получают огромные сроки, что в рамках самой карательной системы невозможно понять. Зачем? Ответ становится ясен, если сложить картину социальной политики корпорации с картиной психологических типов так называемых тяжелых преступников (от 3–6 лет и выше, вплоть до 20–25 лет лишения свободы). В массе своей – и это бросается в глаза любому – это люди более активные, более инициативные, более умные, более оригинальные и, самое важное, более принципиальные, чем обычный средний обыватель страны. «Мелочь» получают либо мастера-профи (их очень мало, они редко попадаются), либо (абсолютное большинство этой категории) душевные калеки, спившиеся, опустившиеся, либо простые, но недалекие люди, попавшие по глупости, недоразумению или беспределу.

Другими словами, «тяжкие» – это люди, в основном способные на поступок, на риск, знающие себе цену и готовые бороться за лучшую долю и уважение, хотя бы для самих себя. Это пассионарная часть общества, которая бы заняла в этом самом обществе видное место. Избирательно душить сознательных граждан, потенциальную буржуазию, социальных активистов, политических деятелей, рабочих лидеров – хлопотный и ненадежный процесс. Гораздо эффективнее для задач социального подавления душить активные силы общества в целом, массово. Это и достигается через микроизъятие (осуждение человека на долгий срок под благовидным предлогом) активных в широком смысле слова индивидов. Это и коррупция, и экономические хищения, и пресловутые ОПГ, и убийства. Все эти люди потенциально опасны для самой корпорации, потому что обладают более сильными интеллектуальными и волевыми качествами. Благодаря изоляции в лагере на долгое время человек выпадает из жизни и уже вряд

ли сможет достичь того, чего мог: кто-то сломается, кто-то уедет, кто-то подорвет здоровье. Есть такой термин – «подавление интеллигенции» – для обозначения геноцида народа. Я это и имею в виду, только понимаю несколько шире: подавление активных сил общества вообще.

Теперь о массовости такой методики. За 20 лет в стране пересидело в тюрьмах и лагерях не менее… полумиллиона мужчин! Всего через пенитенциарную систему, учитывая «химиков» (ссыльных), колонии-поселения и пр., прошло не менее 1,2 млн человек, в подавляющем большинстве мужчин, т.е. 60–70 тыс. осужденных ежегодно. Это при общем количестве трудоспособных мужчин 2–2,5 млн в стране! То есть каждый второй мужик столкнулся с системой, а каждый пятый (20%) подвергся тюремно-зоновской обработке. Нацисты считали, что при ликвидации 15% населения репродуктивного возраста народ деградирует. Троцкий при подавлении казацких мятежей на Дону предлагал уничтожить такой же процент взрослого мужского населения. Как иначе можно трактовать такое «совпадение»? Или корпорация не понимает, что творит? Все они прекрасно понимают, потому что ради удержания власти готовы на все! Говорят, белорусы «такие-сякие», ничего нормального нет, все через одно место. А как по-другому, если сажают и сажают пачками? Мы можем видеть, к чему за 20 лет привели эти микроизъятия: развитие общества застопорилось, убогая культура, ослабление нравственности, размывание порядочности, массовое равнодушие, отсутствие сопротивления властям. Вот он – духовный геноцид. Но стоит лишь ненадолго ослабить хватку, и вы увидите, как дух возрождается.

За время существования корпорации карательная система проделала определенную эволюцию. На данный момент она полностью восстановила навыки и опыт ВЧК-ОГПУ-НКВД до уровня начала 1930-х годов, т.е. кануна тотальных расстрелов и наиболее громких дел сталинских репрессий. Удивительная схожесть многих этапов развития репрессивных органов тех лет и в наше время не оставляет сомнений, что в основу политики Семья кладет опыт и методики Сталина. Впрочем, восхищение этим деятелем (как и Гитлером)

никогда и не скрывалось. Сталин начал с того, что разгромил своих прямых противников, в первую очередь Троцкого и его окружение. Несколько позже прошла коллективизация и раскулачивание. Так называемых «кулаков» обрекали на смерть в сибирских спецпоселениях, а их хлеб продавался за границу за валюту. В то же время проводилась травля политических оппонентов, бывших троцкистов, фракционистов, уклонистов и т.п. Однако на тот момент все заканчивалось относительно мягко: ссылка на 3 года была крайней мерой, что не идет ни в какое сравнение с фактическим истреблением трудового крестьянства параллельным курсом. Ближе к середине 1930-х стали активно фигурировать «вредители», с ходом индустриализации все большее число людей стали осуждать за «порчу социалистической собственности». Затем «вредители» плавно перетекли в «саботажников», маховик стал раскручиваться. Отличительной чертой саботажа были коллективные дела технических специалистов. Оставался лишь шаг, чтобы «саботажников», «диверсантов», «террористов» кто-то «возглавил» политически. Убийство Кирова стало таким громким, неслыханным шагом.

Начались те репрессии, которые известны под именем «37-й год»: процессы Промпартии, Зиновьева-Каменева, Пятакова-Радека, чистка самих карательных органов (Ягода, Ежов), затем военных (Тухачевский и др.). Наиболее употребительные ярлыки, вешаемые на обвиняемых, – «агенты мирового империализма», «враги народа», «5-я колонна» и др. Семья начала с ликвидации прямых и действительно опасных противников (Захаренко, Гончар, Красовский) и разгрома парламента. Чуть позже был разбит мир организованной преступности. Смотрящий за Беларусью – вор в законе Щавлик – убит, остальные получили ультиматум в течение 24 часов покинуть территорию страны. До этого момента была проведена масштабная операция по ОПГ, «Светлогорское дело». Что примечательно, численность задействованных лиц для действительно широкой криминальной структуры оказалась достаточно небольшой – 15 человек. Максимальный срок составил 15 лет. Первое десятилетие XXI века отмечалось разгоном и травлей оппозиции, постепенным су-

жением свободы слова и печати, отчислениями участников демонстраций из университетов. Предпринимателям обещали «пожать руку в 2010 году» и обдирали как липку. В 2006 году появились крупные политзаключенные, а угроза «химии» стала совсем реальной. Впервые были осуждены люди за действия от имени незарегистрированной организации. Пока что разовые случаи. В это же время карательные органы вовсю отрабатывали криминал. Правда, непонятно, откуда он взялся на таком уровне после разгромных 1990-х. Это время можно смело назвать эрой ОПГ. Надо пояснить, что ОПГ – это мафия, т.е. структура, состоящая из разных подразделений со своей специализацией, от силовых групп до юристов и чиновников. КГБ и УБОП решили не заморачиваться и начали штамповать ОПГ десятками, наголову перепрыгнув даже российских силовиков. Количество дел зашкаливало. По одной только Гомельской области «раскрыто» не менее полутора десятков ОПГ за 10 лет! Хойницкие, умановские, дело «кидал», речицкие, морозовские, пожарники… Если первые ОПГ составляли «скромные» 5–15 человек, то к 2006 году на скамье подсудимых уже сидело по 70 (пожарники) и 130 (морозовские) человек! Откуда?! Сроки фантастические – 10–25 лет! В полном соответствии с технологией сталинских процессов за основу берутся несколько человек, далее наращивают их контактных лиц, эпизодических или вовсе случайных, таким образом, дело приобретает видимость объемности и серьезности, становится возможным применить гораздо более тяжелые статьи. Могут объединить не связанные друг с другом, а порой и враждующие преступные группы в одну организацию и заявить ОПГ. Любые люди из круга контакта target group могут попасть под следствие. Практикуется последовательное возбуждение дел – якобы несвязанных, – чтобы подавить и получить показания.

Например, дело МТЗ, в котором, чтобы «ушатать» главного технолога, возбудили еще два дела на совершенно иных людей, которые в силу своих профессиональных занятий могли потенциально дать то, что требуется. Такой подход работает и в обратную сторону: реальную ОПГ сознательно дробят на несвязанные преступные группы и отдельные

эпизоды. К примеру, дело таможенников, разрабатываемое следственной группой Байковой. Прокуроршу закрыли, а дело разбилось на множество самостоятельных. Проходящие по делу силовики наверняка отделаются очень легко. И все ради того, чтобы прикрыть корни, уходящие на самый верх. Особое внимание стоит обратить на то, что огромное количество следователей и оперов, занятых ОПГ, впоследствии сами садятся на скамью подсудимых. Еще большее количество следователей увольняются и отстраняются от дела, чтобы избежать шумихи.

Это говорит об огромной вовлеченности силовиков в криминал. Наркоторговля, доходы с проституции, рэкет(!), оружие, драгоценности – везде менты и чекисты. Воров разогнали, а братву уничтожили, чтобы убрать конкурентов. Результат 2010–2011 годов закономерен: массовые политические процессы и громкие коррупционные дела. Экс-кандидаты в президенты, замминистров, генералы – все равно, карательная система уже раскачалась. Это стало возможным не сразу, а в течение долгих лет, когда дело за делом отрабатывалась одна методика – построение обвинения на признаниях и свидетельских показаниях. Рано или поздно мы должны были прийти к текущему состоянию: бесправие и ментовской беспредел. Сегодня в зонах и тюрьмах томятся около 47 000 человек, в 1937-м было 45 000. Десятки тысяч находятся в колониях-поселениях («леса») и исправительных учреждениях открытого типа («химия»). Условия там во многом хуже, чем в лагерях. Пора назвать вещи своими именами: мы живем под оккупационным режимом, ведущим борьбу с народом ради собственного обогащения и всевластия. На международной арене Семья связывает себя с российским режимом. Россия во главе с чекистом Путиным строится на концепции petrolium state, т.е. топливного государства. Ставка делается на экспорт углеводородов, развиваются лишь соответствующие отрасли и узкий сегмент инфраструктуры. Несколько крупных финансовых центров обслуживают нужды элит и квалифицированных кадров, в них обеспечены высокий уровень жизни, досуг, развлечения, торговля. Остальная Россия российскому режиму не нужна.

Интерес Семьи заключается в получении доли с транзита углеводородов на Запад, а также в самостоятельной переработке и перепродаже. Российская элита кровно заинтересована в стабильности стратегического транзита и поэтому наиболее приемлет точно такую же власть в Беларуси, какой и сама является, – власть временщиков.

Такое положение дел может сохраняться вплоть до исчерпания экспортного потенциала. К 2023 году ожидается израсходование около 80% мировых запасов нефти. Разумеется, рентабельность упадет еще раньше. В Европе это понимают и активно развивают альтернативную энергетику, основанную на использовании возобновляемых источников энергии. В частности, такой индустриальный гигант, как Германия, уже сейчас лишь одной энергией ветра покрывает 20% (!) потребляемой электроэнергии. На смену бензиновым и дизельным двигателям приходят водородные. Такая тенденция означает закат власти временщиков, они уйдут вместе с награбленным капиталом. А Россию потрясут социально-политические изменения, что, вероятно, приведет к частичному территориальному развалу. Поэтому российская элита сближается с ЕС. Вопреки распространенному мнению, Беларусь не находится на стыке влияния «Россия-Запад», Беларусь относится к российской зоне, так было на протяжении всей новейшей истории. Есть одна простая причина: Беларусь экономически выполняет роль первичной, наиболее экологически грязной стадии переработки сырья – нефтепродукты, газ, пластмассы, пищевые добавки, доломит в руде, калийные удобрения, целлюлозно-бумажная отрасль, цемент и т.д. В общем, Европа сколько угодно может принимать резолюции и делать декоративные маневры в сторону демократии, но фактически такое положение вещей ее вполне устраивает. «Торговать можно и с каннибалами» – вот суть европейской политики. Но Европа старается «цивилизовать» Россию, приобщить к своим процессам как партнера, в этом ключе затрагивается и Беларусь. Для убедительности могу добавить следующее: у ЕС есть как минимум два мощнейших механизма влияния на Беларусь. Это визовый режим и санкции на белорусский экспорт. Если Европа так хо-

чет демократизации у нас, почему она не использует эти рычаги, замечу, решающие рычаги? Вот они, национальные интересы во всей красе! Таким образом, нам неоткуда ждать помощи, никто нас не спасет, кроме нас самих. Необходимо осознать, что справедливое общественно-политическое устройство возможно только путем самоопределения народа. Иначе – рабство, тирания, бедность, деградация. Власть может бесконечно терроризировать народ всем своим ассортиментом репрессивных средств и технологий. Но у нее есть слабое место – люди. Семья и вся корпорация все-таки люди, им свойственны те же слабости и пороки, что и простым смертным. Это страх, паника, отчаяние, иррационализм, самоубеждение. Пулеметы и танки бессильны, когда нет воли, когда телом и разумом овладевает страх за свое будущее. Осознание собственной правоты и готовность сражаться без компромиссов обезоруживают противника, привыкшего к доминированию и безнаказанности. В «американке» я был свидетелем одной картины, которую запомню на всю жизнь. В последних числах декабря 2010 года, после старта политики прессования, на одном из обходов к нам в камеру зашел дежурный. «Маски» выстроились на продоле напротив двери и всем видом демонстрировали ненависть и презрение к нам. В этот момент Анатолий Лебедько стал вглядываться вдаль, как бы сквозь них, казалось, будто он и сквозь маски рассматривает их лица. Дежурный замер на полуслове, а маски заерзали и… расступились в стороны. Когда дежурный вышел, они закрыли дверь и никто не поднял взгляда. Они были всесильны, могли делать, что хотели (и делали), но все равно испугались. Чем выше начальник, тем тяжелее обстоятельства давят на него. Так что не все так плохо, как кажется. Режимы рушатся в одночасье, история тому свидетель. Воля более материальна, чем экономические неурядицы. Мы видим, как ливийцы берут в руки оружие, хотя пособие по безработице составляет 750$. Мы видим, как сирийцы ежедневно выходят под пули, лишь бы убрать ненавистного тирана. Воля побеждает, когда человек руководствуется не сиюминутными интересами, но высокими идеалами, ценностями свободы и справедливости, достоинства и доброты. Все мо-

жет быть по-другому, нет никакого линейного исторического пути, все можно изменить! Что значит самоопределение? Самоопределение означает такую систему, в которой обычные люди могут без промедлений и искажений принимать решения о том, как им жить. Это означает систему гражданского самоуправления на основе прямой демократии. Самоуправление дает возможность жителям каждой местности – деревни, района, города – определять наилучшее для себя устройство исходя из местных особенностей и обстоятельств. Прямая демократия – это участие самих граждан в обсуждении вопросов и проблем. Анархизм предполагает такую модель управления, в которой ставка делается на обширные горизонтальные связи, а вертикальные, наоборот, минимизируются. Истинное народовластие устанавливается тогда, когда инициатива и воля исходят от самих граждан на местах. Ориентировочная схема выглядит так: жители каждого дома на регулярных собраниях обсуждают вопросы жилищно-коммунального хозяйства, обустройства прилегающих территорий, экологическую обстановку, вопросы правопорядка и т.д. Избираемый Домовой комитет следит за выполнением решений жилищных собраний и занимается текущими делами. Комитет подотчетен исключительно собранию: в любой момент жильцы могут поменять состав Комитета. Таким образом, вся власть в пределах дома сосредоточена в руках самих граждан, его населяющих. Никто не сможет навязать жителям несправедливых и вредных решений. Домовые комитеты делегируют своих членов в Комитет улицы, Комитет улицы – в Квартальную (районную) ассамблею. Кварталы формируют Городской совет. Далее, городские советы и советы сельских районов составляют область или регион, которые в итоге образуют Совет Федерации. Что нам дает такая структура и такие принципы? А то, что *любое* должностное лицо немедленно может быть отозвано по решению нижней инстанции. Больше не сможет возникнуть такой ситуации, когда чиновник отвечает перед вышестоящими начальниками, пользуется покровительством высоких лиц и творит любой беспредел. Конечно, ведь он подотчетен не гражданам, а лишь своей вертикали! Понятное дело, что в

коридорах современной власти сплетаются бюрократические клубки, с которых нет спроса и на которых не найти управы. Круговая порука, покровительство, безнаказанность делают их неприступными. Система делегирования и подотчетности ставит крест на бюрократии как таковой. Очевидно, что при таком устройстве на должности будут выдвигаться наиболее знающие и дельные люди, а не подхалимы. Другой формой самоорганизации граждан являются объединения и инициативы по любым социальным сферам общества: экологические, правозащитные, пенсионерские, молодежные, культурные, краеведческие, спортивные и т.д. Для решения своих вопросов и задач гражданские объединения вольны связываться с инстанциями самоуправления любого уровня, если им необходимо содействие местного сообщества. На современном этапе технологического развития (информационное общество) большой потенциал для самоорганизации и самоуправления представляют IT-коммуникации. Они позволяют компенсировать задержки в обсуждении и принятии решений, вызванные огромными размерами городов, большими расстояниями и высокой численностью населения. Более того, новые технологии позволяют значительно ускорить коммуникационные процессы. Социальные сети, IP-телефония, мобильный интернет позволяют достичь небывалой оперативности. Большая часть населения уже активно пользуется интернет-технологиями, получая необходимые знания, навыки и культуру виртуального общения. В ближайшие пару-тройку лет интернет станет всеохватывающим по мере проникновения сетей третьего и четвертого поколения. Политика должна быть и станет достоянием каждого гражданина. Наряду с самоуправлением анархизм выдвигает требование социализации экономики. Это означает, что каждый трудящийся имеет право на долю в прибылях предприятия. Нам неприемлемо такое состояние общества, когда меньшинство живет в роскоши, а большинство каждый месяц сводит концы с концами. 80% собственности в стране принадлежит государству, это хозяйство было создано во времена советской диктатуры за счет тяжелого и подчас подневольного труда народа. Это имущество должно

находится под управлением трудового коллектива, где каждый является акционером без права продажи своей доли. Если каждый трудящийся станет совладельцем своего предприятия, то его труд получит дополнительные мотивы и будет направлен на преуспевание предприятия, а не получение выгоды любой ценой, как это массово происходит сегодня. Предприятия должны принадлежать трудовым синдикатам: это обеспечит благосостояние и социальную справедливость. Дополнительной формой самоорганизации трудящихся являются профессиональные ассоциации. В их задачу входит мониторинг соблюдения равных прав на предприятиях, повышение квалификации своих членов за счет связи с учебными центрами, предоставление услуг работников тех специальностей, которые не предусматривают постоянного объекта деятельности (строители, уборщики, курьеры и т.п.). Вместо судов, встроенных в систему вертикали власти, анархизм предлагает использовать третейские суды. Профессиональный судья – это прежде всего чиновник государства, в той или иной степени он зависим. Мы считаем, что в судьи должны попадать наиболее уважаемые граждане из числа добровольцев. Только так можно обеспечить по-настоящему независимую оценку. Более того, ни одно преступление не может быть истолковано на основании уголовных кодексов. Каждый случай – уникален, и потому мы выступаем за индивидуальный подход к каждому делу, в том числе при определении наказаний. Анархисты – принципиальные противники лишения свободы как меры наказания. Бетонные застенки ведут лишь к деформации личности – либо в сторону утраты воли, либо в сторону озлобления. Мерами наказания могут быть общественное порицание, штраф, общественные работы, временное изолирование либо изгнание в суровую труднодоступную местность. В особо тяжких случаях мы признаем право потерпевшего или его близких на месть. Ставка делается на то, что в обществе экономической справедливости преступность упадет во много раз, так как корыстные мотивы преступлений станут малоактуальными.

Напоследок хотелось бы пару слов сказать о парламентской республике. Проблема такого устройства в том, что

оно не отвечает заявленным принципам. Так же как большевики были далеки от коммунизма, так и республиканцы далеки от демократии. У большевиков «диктатура пролетариата» стала тиранией номенклатуры партии. А в республике «власть демоса» в реальности означает коллегиальное правление буржуазии. И так было изначально. Сегодня часто можно услышать, что прототипами республики были древнегреческие полисы, «Афины – колыбель демократии». Однако устройство тех же Афин было гораздо созвучнее анархическим принципам, нежели парламентаристским. История республики (классическая Французская революция) показывает, что ее основной целью была ликвидация власти аристократии (во главе с королем) и духовенства в пользу третьего сословия, т.е. буржуазии. Избирательные права были предоставлены тем, кто проходил имущественный ценз. Буржуазия, выдвигая лозунг «свобода и равенство», желала ровно столько свободы, сколько нужно, чтобы обеспечивать в представительных органах свои интересы, и ровно столько равенства, чтобы выравняться в правах с дворянством. Конечно, от этих веяний и народу перепало кое-что, например свобода слова, собраний, ассоциаций, но лишь в ограниченной мере, не ставящей под угрозу саму власть буржуазии.

В случае опасности республика может быть столь же безжалостной и жестокой к своим оппонентам, как короли и диктаторы. Со времен первых либеральных режимов 200-летней давности произошла кое-какая трансформация: избирательное право стало всеобщим. Но почему? Потому что по всему миру наблюдался рост и решимость социалистического движения. Чтобы выбить почву из-под ног социалистов и ликвидировать угрозу, буржуазия пошла на сделку с социал-демократией. Оппортунисты получили доступ к власти в обмен на отказ от революции и классовой борьбы. Социал-демократическая интеллигенция приглашение приняла и с помощью подконтрольных ей профсоюзов подавила радикальные настроения среди рабочих и по сей день занимается тем же. Естественно, фасад республики стал «народным», демократия стала самым употребляемым термином.

Но только всеобщее избирательное право ничего не изменило: буржуазия быстро поняла, что силу различных партий определяют вложенные в нее деньги, а не программа и лозунги. Честный человек заведомо проигрывает в выборной гонке нечестному, но состоятельному конкуренту. Решают ресурсы избирательного штаба, уровень политтехнологов, политика популизма, но не идеи. Именно поэтому так много людей в цитадели демократии – ЕС – не ходят на выборы, не интересуются системной политикой. Это называется отчуждением, чувством безразличия и бессмысленности формального спектакля.

Конечно, культура и менталитет очень многих людей сегодня не способствуют участию в самоуправлении. Но это состояние – результат данного общественного устройства. Чтобы измениться, люди должны заниматься и решением вопросов, касающихся их жизни. Рано или поздно приходится вступить в воду, если хочешь научиться плавать. Диктатура обращается с народом, как с ребенком, республика – как с подростком, анархия – как со взрослым человеком. Самоуправление, социализация, самоорганизация – вот принципы прогрессивного общественного устройства. Торжество гуманизма, когда свобода, мир и счастье станут доступны каждому, – вот к чему стремится анархизм.

…Этап. Даже не знаю, куда. Забрали утром, и до вечера в отстойнике – с десятками других бедолаг. Сплошь молодежь со всей страны, растерянные и тревожные лица. Сначала шмон тюремный, затем шмон конвойный, с резиновыми перчатками и металлодетекторами. В отстойнике встречаюсь с политическим, Киркевичем: тоже сидел в «американке», не перестал говорить исключительно на белорусском языке, а на «володарке» сидел с Колей. Достали кипятильник, кружку, пьем чай. Снова килишёвка в другой отстойник. Воды нет. Наконец выводят. Выстраиваемся вдоль стены под аркой двора. Называют фамилию – и с вещами в автозак. Вместе с кешерами набиваемся в «стаканы», как шпроты в банку. Везут на станцию. Место пересадки оцеплено, по одному, через коридор из конвоиров, грузимся в вагоны. Вот он, знаменитый «столыпин». Трехъярусный плацкарт, без

окна, отгороженный от коридора решеткой. Ярусы с глухим потолком; чтобы попасть на следующий, нужно пролезать в люк. Китайский экспресс.

Вот и все, впереди – новая полоса. Что я понял за это время? Настоящее богатство – это люди, которые остаются с тобой, несмотря на все невзгоды. Уверенным можно быть только в тех, кто делит с тобой лишения, рядом и на расстоянии. Остальное – хрупко.

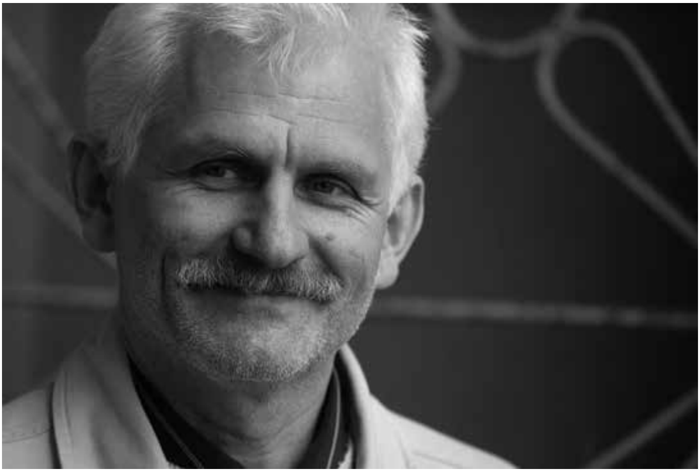
Прошлое существует в твоих воспоминаниях, будущее – в воображении, но действительно важно лишь настоящее, конкретный миг времени. Прошлое поблекнет, его извратят и оболгут, ожидаемое будущее может так и не наступить, но взгляд назад и устремление вперед наполняют смыслом это самое Здесь и Сейчас.

Сегодня свободы нет: пока существует государство, мы не может быть свободны. Но можно прикоснуться к ней, ощутить ее дыхание, борясь за нее. Борьба приносит в жизнь все те чувства и мысли, которые подавлены государственной дисциплиной. В борьбе за свободу мы не только приближаем желанный день торжества справедливости, но и спасаем свою собственную личность от серости бытия и деградации. Любой акт освобождения имеет смысл Здесь и Сейчас.

Впереди годы мрака и лишений, но меня это не печалит. Чем хуже – тем лучше, ведь что не убивает, то делает нас сильнее. Обратить выпавшие испытания себе во благо – вот единственно верное решение. Предстоит узнать изнутри весь этот мир, рожденный вековым круговоротом миллионов людских судеб в застенках тюрем и лагерей.

…Поезд мчит куда-то на север. Все спят, лишь два бывалых зэка обсуждают лагерную жизнь, да конвоир в бронежилете медленно прогуливается по продолу столыпина. А в голове засел мотивчик песни из тюрьмы «Еду в Магадан», и на душе легко.

Лето 2011 года



АЛЕСЬ БЯЛЯЦКІ / АЛЕСЬ БЕЛЯЦКИЙ / ALES BIALIATSKI

Нарадзіўся 25 верасня 1962 года ў мястэчку Вяртсіля (Карэлія, Расія). Скончыў Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт і аспірантуру Інстытута літаратуры Акадэміі навук БССР.

Літаратуразнаўца, палітык, грамадскі дзеяч.

Працаваў дырэктарам Дзяржаўнага літаратурнага музея Максіма Багдановіча (1989–1998). Абіраўся дэпутатам Мінскага гарадскога савета дэпутатаў (1992–1996). Адзін са стваральнікаў і бяссменны кіраўнік праваабарончага цэнтра «Вясна» (з 1996 года).

Віцэ-прэзідэнт Міжнароднай федэрацыі правоў чалавека (з 2007 года). Лаўрэат шэрагу міжнародных прэмій. Ганаровы грамадзянін Генуі і Парыжа. Неаднаразова вылучаўся на атрыманне Нобелеўскай прэміі міра.

Арыштаваны 4 жніўня 2011 года па абвінавачванні ва ўхіленні ад выплаты падаткаў і ў сакрыцці прыбыткаў. Насамрэч у справе Бяляцкага значыліся рахункі, з якіх атрымлівалі дапамогу сваякі палітычных зняволеных на Беларусі.

24 кастрычніка 2011 года Алесь Бяляцкі быў асуджаны на 4,5 года зняволення.

Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў і Беларускага ПЭН-цэнтра. Аўтар шэрагу кніг.

У нашай Анталогіі мы друкуем успаміны Алеся Бяляцкага, напісаныя ў 2011 годзе падчас зняволення і дасланыя ў выглядзе лістоў да калегі па праваабарончым цэнтры «Вясна» Алены Лапцёнак. Успаміны прысвечаны першым гадам грамадскай і палітычнай дзейнасці Алеся Бяляцкага. Упершыню яны друкаваліся ў газеце «Народная Воля» і на сайце http://spring96.org.

Тэксты прадстаўлены актывістам цэнтра «Вясна», паэтам і журналістам Сержуком Сысам.

He was born on September 25, 1962 in the village of Viartsila (Karelia, Russia). He graduated from the Gomel State University and took a postgraduate course at the Institute of Literature of the BSSR Academy of Sciences.

Ales is a literary critic, politician and public figure.

He worked as director of the State Literary Museum of Maxim Bagdanovich (1989–1998). He was elected a deputy of the Minsk City Council of Deputies (1992–1996). Ales is one of the founders and permanent head of the human rights center *Viasna* (since 1996).

He is Vice-President of the International Federation of Human Rights (since 2007), winner of several international awards, an honorary citizen of Genoa and Paris. He has been nominated for the Nobel Peace Prize several times.

He was arrested on August 4, 2011 on charges of tax evasion and concealment of profits. In fact, in the Bialiatski case, accounts from which relatives of political prisoners in Belarus received assistance were listed.

On October 24, 2011 Ales Bialiatski was sentenced to 4.5 years of imprisonment.

He is a member of the Union of Belarusian Writers and the Belarusian PEN Center, author of several books.

In this Anthology we publish memories of Ales Bialiatski written in 2011 at the time of his imprisonment and sent in the form of letters to Alena Laptsionak, his colleague in the human rights center *Viasna*. Memoirs describe the first years of Ales Bialiatski's social and political activity. They were first published in the newspaper *Narodnaya Volya* and on the website http://spring96.org.

The texts have been provided by Sergei Sys, a *Viasna* activist, poet and journalist.

СПАДЗЯЮСЯ НА ПАМЯЦЬ...

Дарагая Алена!

Згадваю найбольш вострыя моманты ў маім жыцці. Іх набралася даволі нямала, калі я мог апынуцца ці апынаўся за кратамі. Некаторыя з іх былі звязаны з падзеямі, якія ўжо сталіся значнымі ці менш значнымі вехамі нашай гісторыі, а некаторыя засталіся адно памяткамі майго жыцця. Я не магу зараз паглядзець адпаведных дакументаў, пагартаць перыёдыку даінтэрнэтаўскай пары ці, урэшце, зайсці ў інтэрнэт, каб удакладніць неабходныя даты і больш дакладна прапісаць падзеі, якія я згадваю. А зараз я цалкам спадзяюся на сваю памяць. І калі штосьці з апісанага будзе пярэчыць таму, што памятаюць іншыя ўдзельнікі гэтых падзей, дык няхай яны не судзяць мяне, а напішуць сваю версію навэлы, так будзе цікавей.

Мы – не адныя

У 1983 годзе, дзесьці позняй вясною, прыбег да нас у 61-ю кватэру гомельскага інтэрната кватэрнага тыпу, дзе жылі і вучыліся тады ва ўніверсітэце я і Эдзік Акулін, вяртлявы, як ртуць, Сяржук Сыс. Мы былі тады ўжо на чацвёртым курсе і жылі разам з чатырма гісторыкамі-першакурснікамі і адным эканамістам. А Сяржук пасля войска працаваў грузчыкам на кандытарскай фабрыцы «Спартак», якая месцілася насупраць нашага інтэрната, на другім баку вуліцы Савецкай.

Кватэра наша была амаль уся беларускамоўнай. Першакурснікі – хлопцы ў асноўным з вёсак Гомельшчыны – настройваліся ў горадзе гаварыць «па-гарадскому», але наш з Эдзікам прыклад і пэўная тлумачальная праца прывялі да хуткага іх вяртання да мовы. Размовы пра гаротны лёс нашай мовы, якой камуністы прадвыраклі хуткі і вечны спачын, пра тое, што трэба ўпірацца, супраціўляцца, паўсюль размаўляць па-беларуску і сваім прыкладам прапагандаваць нашую мову, ішлі ў нас амаль штодзень. Вядома, што мова была толькі вяршыняй айсберга, пад якой хаваўся значна

большы і аб'ёмнейшы кантэкст. Мова была нашай відавочнай, легальнай маркаю, праз якую мы выразна гаварылі: мы хочам бачыць Беларусь сапраўды беларускай.

І вось у гэтую нашу беларускую хату прыбег з ашалелымі вачыма і з заклапочаным, трохі блазнаватым выразам на худым і смуглявым твары наш сябра Сяржук Сыс. Усхваляваным, перасякаючымся голасам ён сказаў: «Я зайшоў у тэлефонную будку патэлефанаваць, а там ручкаю напісана: "Жыве Беларусь!"». Я напачатку не паверыў яму. Не можа быць, каб у нашым цалкам зрусіфікаваным Гомелі, дзе непадкантрольнае камуністамі беларускае жыццё ў асноўным і варылася вакол нашага асяродку, знайшоўся яшчэ хтосьці, хто ведаў, ШТО ГЭТА ТАКОЕ – «Жыве Беларусь!». Напісаць такое ў тагачасным Гомелі было раўназначна дыверсіі. Адна справа – патаемна раздрукоўваць з фотастужак, узятых у Вінцука Вячоркі і прывезеных мной з Мінска, здымкі, на якіх былі працы Міколы Ермаловіча, ці Ігната Абдзіраловіча, ці заходнебеларускія часопісы 30-х гадоў «Шлях моладзі» і «Калоссе», і даваць іх пачытаць знаёмым студэнтам, іншая справа – выйсці вось так і адкрыта напісаць: «Жыве Беларусь!». Але яшчэ больш моцна мяне ўразіла тое, што ў Гомелі знайшоўся яшчэ хтосьці, хто жыў на адной з намі хвалі.

Было ўжо позна, гадзін мо дзесяць вечара, я падхапіўся, як ашпараны, і мы пабеглі на вуліцу да той будкі з гэтым неверагодным надпісам. Па дарозе я не раз перапытваў у Сержука, ці не разыграў ён мяне і ці не напісаў гэты надпіс сам. «Ды не!» – шумна абураўся Сяржук. І вось я стаю ў тэлефоннай будцы на вуліцы Савецкай, бліжэй да цэнтра, чытаю гэты выразны, зроблены шарыкавай ручкай надпіс, і хваля шчасця і поўнага захаплення агортвае мяне з галавы да ног: «Мы не адныя!» Ніколі ў жыцці я не адчуваў такога ўздыму і, як цяпер гавораць, – кайфу.

«Мы павінны пакінуць пазнаку пра сябе, – паведамляю я Сержуку, – каб і яны ведалі, што яны не адныя, што і ў іх ёсць аднадумцы».

Мы ў цемры ўжо бяжым у інтэрнат, хапаем асадкі, выскокваем на Савецкую і метадычна абпісваем надпісам

«Жыве Беларусь!» усе тэлефонныя будкі, якія сустракаюцца на нашым шляху. Эмоцыі і пачуцці б'юць з нас крыніцай. Мы, нібы шалёныя, носімся па горадзе і пішам, пішам…

Назаўтра я вырашыў, што прыйшоў час дзейнічаць больш актыўна. Сяржук Сыс па маёй замове выразаў на цвёрдым аркушы паперы трафарэт з надпісам «Жыве Беларусь!», я купіў балончык з чырвонай аўтамабільнай эмаллю, а таксама пластмасавыя бутэлечкі з тушшу і пэндзлі. Неўзабаве ўвечары я і падбіты і разагітаваны Толік Казлоў, яшчэ адзін наш сябра, захапіўшы пэндзлі і гуаш, выйшлі «на справу» ў гомельскі парк. Была позняя цёплая вясна. Вечарэла. Зялёная лістота, трава, кветкі ўкрывалі ўвесь парк. Мы хадзілі па парку і шукалі зручнае месца, дзе б нам напісаць чароўныя і запаветныя словы. Урэшце спыніліся на драўлянай лесвіцы, якая сыходзіла з высокага парку на бераг Сожа. Сходы былі высокія, з парэнчамі, яны перабіваліся драўлянымі пляцоўкамі для адпачынку. Мы пачалі з долу, падымаючыся ўгору, абпісваць прыступкі і пляцоўкі чырвонай гуашшу: «Жыве Беларусь!», «Жыве Беларусь!». І толькі мы напісалі апошні лозунг, толькі склалі свае прылады працы ў торбу, як на сцежцы, якая ішла з парку да лесвіцы, проста на нас з-за густых кустоў бэзу выйшаў міліцэйскі нарад. Сэрца ў мяне адчайна забілася, кроў прыліла да галавы. Няўжо яны заўважылі? Няўжо нас зараз затрымаюць? Але ўсё абышлося. Міліцыянты павярнулі на іншую сцежку і пайшлі ўздоўж стромкага берага. А мы перавялі дух.

Наступны раз мы выйшлі з Сержуком Сысам у горад і каля інтэрната ў цэнтры Гомеля праз трафарэт на сцяне дома напырскалі надпіс «Жыве Беларусь!». Глядзелася будзённа і па-дзелавому. Як быццам бы мясцовы ЖЭС напісаў указальнік у бліжэйшае бомбасховішча. А потым аказалася, што ветраны Сяржук выпрабаваў трафарэт проста ў нас у пакоі. З гэтага самага балончыка ён набіў некалькі надпісаў, напырскаўшы паўсюль чырвонай эмалі – глядзелася прыгожа. «Ну ты і дундук! – адчытаў я яго. – Як жа зараз мы будзем пісаць гэтай фарбаю ў горадзе?». Уся наша канспірацыя знікла як дым.

Сустрэча ў парку з міліцыянтамі і бяздумнасць Сержука Сыса былі для мяне халодным душам. Было відавочна, што любая наша вулічная лозунгавая актыўнасць, як толькі яна стане вядомай КДБ, непазбежна прывядзе да нас, бо болей на той час у горадзе беларускіх актыўных асяродкаў і не было. А што было б потым, не хацелася і думаць. Я адганяў гэтыя думкі, як надакучлівых мух. Так мы спыніліся пісаць лозунгі, зноўку пераключыліся на працу і на пошук аднадумцаў. А тыя, хто зрабіў самы першы надпіс «Жыве Беларусь!» у Гомелі, так і не знайшліся. Мы не аднойчы ў сваіх размовах вярталіся да гэтага эпізоду і ўрэшце вырашылі, што гэта быў хтосьці з заезджых мінчукоў.

А ўжо значна пазней, у наш час, я прачытаў у кнізе Людмілы Аляксеевай пра дысідэнцкі рух у СССР, што менавіта 1983 год вылучаўся масавымі зачысткамі дысідэнтаў па ўсім Савецкім Саюзе. КДБ вырашыла назаўсёды пакончыць з дысідэнцкім рухам у СССР. І сотні, калі не тысячы іншадумцаў з Расіі, Украіны, Прыбалтыкі і Закаўказзя былі арыштаваныя, асуджаныя і паехалі ў псіхушкі і лагеры. Гэта быў змрочны, безнадзейны год, калі мароз таталітарызму, здавалася, на доўгія гады скаваў здранцвелае цела грамадства і наперадзе не было відаць ніякага прасвету.

Менавіта ў тыя гады адбываліся апісаныя мной падзеі. Вось так часам няведанне агульнай карціны дапамагае чалавеку захаваць лакальны аптымізм, не расчаравацца і не апусціць рукі. Тым не менш халоднае крыло магчымых наступстваў прашалясцела над нашымі маладымі галовамі.

14 верасня 2011 года, «валадарка»

ПРА ЧАСОПІС «БУРАЧОК» І ПАЛКОЎНІКА ДАНІЛІНА

У 1987 годзе мы вырашылі на «Міктараце» выдаваць перыядычны часопіс. «Міктарат» – так мы называлі паміж сабой падпольную групу беларускай моладзі, якая арганізоўвала і рэальна кіравала ў той час беларускім маладзёж-

ным «нефармальным» рухам. Аб'яднанні, групы і групкі ў абласных гарадах і ў Мінску раслі тады як грыбы. «Талака», «Тутэйшыя», «Світанак» у Мінску, «Паходня» ў Гродне, «Узгорак» у Віцебску, свая «Талака» ў Гомелі ды іншыя групоўкі актыўна «варылі беларускую кашу», шукалі аднадумцаў, праводзілі асветніцкую ды адукацыйную працу, пачынаючы з 1987 года сустракаліся ды ладзілі супольныя акцыі, абмяркоўвалі бядотны стан, у якім тады знаходзілася Беларусь, складалі планы наконт будучыні. Мы былі амбітнымі і не баяліся думаць за ўсю Беларусь.

Часопіс назвалі «Бурачок» па асацыяцыі з псеўданімам Францішка Багушэвіча – Мацей Бурачок. У сваёй прадмове да «Дудкі беларускай» Ф. Багушэвіч упершыню, мабыць, так ясна і зразумела сфармуляваў беларускую ідэю, якая прывяла да стварэння беларускага нацыянальнага руху. Так і «Бурачок» мусіў, па нашай задумцы, выконваць ролю актывізатара разрозненага беларускага асяродку, уздымаць і выводзіць яго з культурна-асветніцкага на палітычны ўзровень. Размовы шэптам пра беларускую незалежнасць, дэмакратыю і свабоду мусілі стаць прадметам адкрытага абмеркавання.

Некаторыя матэрыялы для «Бурачка» мы абмяркоўвалі разам, вызначалі асноўныя думкі, праграмныя тэзы, якія, як мы лічылі, былі б важныя для агучвання і абмеркавання. Бралі ўдзел у падрыхтоўцы «Бурачка» Сяргей Дубавец, Вінцук Вячорка, Алесь Суша, Віктар Івашкевіч і я. Напісаныя матэрыялы збіраліся, друкаваліся на спецыяльна набытай для гэтай справы на нашы агульныя штомесячныя складнікі друкарскай партатыўнай машынцы. Раздрукоўкі рабілі на папяроснай паперы. У кожнай закладцы было 6–7 чытэльных асобнікаў. Усяго выдрукоўвалася да 50 асобнікаў «Бурачка», якія затым Яўген Івашкевіч, родны брат Віктара, рассылаў і разносіў па загадзя вызначаным спісе, у які ўваходзілі людзі, што, як мы меркавалі, маглі развіваць і трансліраваць далей выкладзеныя ў «Бурачку» думкі. З тых адрасатаў, каго я памятаю, «Бурачок» атрымлівалі Данута Бічэль-Загнетава ў Гродне і Алег Аблажэй у Вільнюсе.

Калі друкаваўся другі нумар «Бурачка», я вучыўся ў аспірантуры Інстытута літаратуры Акадэміі навук і жыў у

аспіранцкім інтэрнаце на вуліцы Акадэмічнай, 3. Тады ж там жылі і вучыліся гісторык літаратуры Алесь Жлутка, гісторык Генадзь Сагановіч, археолагі Мікола Крывальцэвіч і Ірына Ганецкая. Пакой 33, у якім я жыў, быў на той час сапраўдным цэнтрам маладых беларускіх літаратараў. У ім ніколі не зачыняліся дзверы. Тут праходзілі першыя зборкі «Тутэйшых», амаль штодня бываў мой сябра, культавы паэт канца 1980-х – пачатку 1990-х гадоў Анатоль Сыс, заходзілі маладыя паэты Ігар Бабкоў, Сяргей Кавалёў, Людка Сільнова, празаікі Андрэй Федарэнка, Вітаўт Чаропка, Паліна Качаткова-Сцепаненка ды многія іншыя.

Я забраў друкарскую машынку ў Віктара Івашкевіча. Ён хаваў яе закапанай у зямлю недзе ў лесе пад Мінскам і даставаў яе толькі ў выпадку патрэбы. У нас былі дзве такія прыхаваныя друкаркі. Дзеля абы-чаго іх не выкарыстоўвалі, каб КДБ не змог па асаблівасцях адбіткаў літар і знакаў выйсці на гэтую машынку, а праз яе – і на нас. Затым я дамовіўся з Генадзем Сагановічам, які жыў у аднаасобным маленькім пакойчыку, што калі ён з'едзе, то пакіне мне ключ ад свайго жытла. Купіўшы пачак папяроснай паперы і пачак капіркі, я друкаваў цэлую ноч, устаўляючы закладку за закладкай, пакуль не выдрукаваў патрэбную колькасць асобнікаў. Зранку я вынес рэшткі нескарыстанай паперы і капіркі ў бак са смеццем. Затым старанна працёр друкарку ад адбіткаў пальцаў і аднёс яе Віктару разам з выдрукаванымі і змацаванымі асобнікамі «Бурачка». За вокладку пайшла звычайная пісчая папера. Пры маёй актыўнасці ў «Тутэйшых» такая начная праца была даволі небяспечнай. Але і давяраць яе каму-небудзь было небяспечна.

Першыя два нумары «Бурачка» нарабілі фурору. Але ён падштурхнуў і КДБ, што я неўзабаве адчуў на сабе. У адзін з ранкаў мяне паклікалі да тэлефона. Усе аспіранты ў інтэрнаце карысталіся ў той час адным гэтым тэлефонам, які стаяў на вахце. Калі я ўзяў слухаўку, мужчынскі голас паведаміў, што са мной хоча сустрэцца гродзенскі гісторык Міхась Ткачоў, вядомы як шчыры беларус і аўтар папулярнага даследавання «Замкі Беларусі», кіраўнік гродзенскай «Паходні». Я, быўшы тады старшынёй Таварыства маладых літаратараў «Тутэйшыя», даўно хацеў пазнаёміцца з Ткачовым.

І вось я, падскокваючы, хутка крочу ў цэнтральны будынак Акадэміі навук, заходжу ў вялікі хол, высланы бліскучым мармурам, і азіраюся, кручу галавой, вышукваю мажную постаць Ткачова, якога ведаў па фотаздымках. Літаральна адразу да мяне хуткай энергічнай хадою падыходзіць невысокі малады чалавек у касцюме, пад гальштукам, з кароткай акуратнай стрыжкай з праборам і сур'ёзным выразам на твары. Ён дастае чырвоную кніжачку, на якой я прачытваю: «Комитет государственной безопасности», прадстаўляецца старшым лейтэнантам і прапаноўвае прайсці за ім.

Каб апісаць мае тагачасныя пачуцці, трэба сабе хоць крыху ўяўляць тую магутную, нябачную, таямнічую і небяспечную сілу гэтай установы, якая мела агідную, крывавую гісторыю 1920–1950-х і якая бязлітасна пераследавала іншадумства ў 1970–1980-х. Я ўжо ведаў гісторыі пра разгром асяродку навукоўцаў Прашковіча – Чарняўскага ў 1970-я, якія былі выкінуты з працы і пераследаваліся за сувязь з украінскім падполлем. Я ведаў пра таямнічую смерць мастака Міколы Баразны, які ў 1970-я ачоліў супраціўленне разбурэнню старога Мінска, што метадычна праводзілі камуністычныя ўлады. Ён атрымаў у дворыку старой Нямігі нажом у сэрца. «Невядомага» злачынцу так і не знайшлі. Сустрэчу з гэбэшнікамі ў тыя часы можна параўнаць з сутыкненнем з гадзюкай на вузкай сцежцы пасярод дрыгвы.

Натуральна, я добра сабе ўяўляў, што раней ці пазней такая сустрэча адбудзецца. У Гомелі гэбэшнікі прыходзілі на кафедру беларускай літаратуры, распытвалі ў загадчыка кафедры Івана Штэйнера пра мяне. Але тады я ўжо атрымаў дыплом і паехаў настаўнічаць у Лельчыцкі раён. Едрусь Акулін распавядаў, што да яго ў школу ў Рэчыцкім раёне, дзе ён настаўнічаў, прыязджаў раённы гэбэшнік знаёміцца. Едрусь раіўся: што рабіць? «Ніякіх кантактаў і абяцанак», – параіў яму я. Да Сержука Сокалава-Воюша рэгулярна цягаліся полацкія гэбэшнікі. Ён распавядаў ім нейкія небыліцы, пра што потым дзяліўся з намі. Ды Вінцук адмоўна круціў галавою і папярэджваў яго: «Кінь, бо дагуляешся».

Перад гэтым выклікам у будынак Акадэміі навук былі яшчэ дзіўныя выпадкі. Як распавядала камендантка нашага

інтэрната, якая шчыра спачувала беларускай дзейнасці, неяк днём, калі мяне не было ў пакоі, з'явілася каманда маладых энергічных людзей, паказала ёй адпаведныя «корочки», а затым яны на дзве гадзіны заблакавалі палову другога паверха, акурат пад нашым пакоем. Мы вырашылі, што яны падводзілі да 33-га пакоя праслушку.

А неяк аднойчы Вася, здаровы, вусаты русак з Віцебска, з якім мы пэўны час жылі разам у пакоі, набраўшыся гарэлкі як цэбар, расперажаваўся, расплакаўся і распавёў, ікаючы, што яго шантажом (а было за што шантажыраваць) энергічныя хлопцы «з канторы» прымусілі пісаць на мяне даносы.

І вось зараз я пакорліва, як цялюк на аборцы, іду ўслед за энергічным маладым чалавекам з невыразным тварам, узыходжу па слізкіх мармуровых прыступках гэтага храма навукі. Малады чалавек вядзе мяне па высокіх акадэмічных калідорах, па бардовых бясшумных кілімавых дарожках. У галаве ў мяне – звонкая пустата. Мы падыходзім да дзвярэй без шыльды, ён ветліва расчыняе іх, і я заходжу ў маленькі пакойчык без вокнаў. Ён сціпла, але ўтульна абстаўлены, як бачна, менавіта для такіх вось дыскрэтных размоў. Такі патаемны гэбэшны кабінецік, туды цягалі «на размовы», мабыць, не аднаго навукоўца.

Малады чалавек асцярожна зачыняе дзверы за мной і знікае. А ў кабінеціку мне прадстаўляецца сівы і стараваты ўжо чалавек. Ён таксама ў гарнітуры і пад гальштукам. Ён таксама паказвае мне «корочку», у якой ад хвалявання я нічога не магу прачытаць, і гаворыць: «Палкоўнік Данілін». Затым ён працягвае: «У мяне ёсць да вас некалькі пытанняў». Ён прапануе мне прысесці, нічога не запісвае, а толькі зазірае ў свой штодзённік, дзе ў яго, відаць, запісаны план гэтай размовы. Мае адказы на ягоныя пытанні – асцярожныя і ўзважаныя. Хаця ўжо потым, пасля гэтай размовы-допыту, я буду моцна дакараць сябе за тое, што я «павёўся» на хітрыкі гэбэшнікаў з іхнім выклікам на сустрэчу з Міхасём Ткачовым. Трэба было адразу адмовіцца ад любой размовы.

Напачатку палкоўнік Данілін вырашыў стварыць уражанне, што ён ведае пра мяне значна болей, чым я здагадваўся, і што ён толькі дае магчымасць проста пацвердзіць тое, што яны і так ужо ведаюць. Ужо пазней мы прыйшлі да

высновы, што гэта быў стандартны прыём, які яны заўсёды ўжываюць перад пачаткам допыту.

Палкоўнік з абазнаным выглядам на твары запытаўся ў мяне, што я рабіў у гасцях у Цімоха Вострыкава. Цімох Вострыкаў быў легендарнай асобай – адным з беларускіх парашутыстаў, якога ў 1950-я гады амерыканцы скінулі з самалёта ў Налібоцкую пушчу ў складзе групы, якая мела паўнамоцтвы ад урада БНР на экзылі для арганізацыі антысавецкага падполля і наладжвання кантактаў з беларускай партызанкаю, якая, як тады меркавалі за мяжою, яшчэ існавала ў беларускіх лясах.

У гэтай групе быў двайны агент, які амаль адразу здаў усю групу. Вострыкаў дастаў 15 гадоў лагераў, адсядзеў тэрмін да апошняга дня, выйшаў і пасяліўся ў Гомелі, дзе працаваў на «Гомсельмашы». Жыў ён таксама ў раёне «Гомсельмаша». Я ездзіў да яго на сустрэчу па прапанове Сяргея Дубаўца, каб закантактаваць з ім. Дык вось першае пытанне Даніліна якраз і датычылася парашутыста Вострыкава.

Вось, халера, ліхаманкава падумаў я, ці ў кватэры ў Вострыкава стаялі мікрафоны, ці ён сам, асцерагаючыся мяне, невядомага яму да гэтай сустрэчы, баючыся правакацыі, вырашыў перастрахавацца і здаў мяне.

– А што, – дзёрзка агрызнуўся я, – ці ён зараз у чым вінаваты? Ці я не маю права з ім сустракацца?

– Ды не, – суха адказаў Данілін, – маеце.

Затым ён запытаўся наконт зборнічка вершаў апальнага паэта Тодара Лебяды, які, перазняты на фотаздымкі, я шмат каму даваў чытаць, у тым ліку і Андрэю Федарэнку. Вершы былі прысвечаныя сталінскім рэпрэсіям, бо сам паэт быў рэпрэсіраваны, а зборнік рыхтаваўся да друку ў 1944 годзе ў акупаваным Мінску. Фотаздымкі карэктуры зборніка з праўкамі аўтара Андрэй даваў чытаць у сваім асяроддзі студэнтам Інстытута культуры, дзе ён тады вучыўся. Некаму з іх ён, мабыць, і распавёў, адкуль у яго ўзяліся антысталінскія вершы Тодара Лебяды. Увесь гэты ланцужок падзей імгненна пракруціўся ў мяне ў галаве.

– Не даваў я нікому ніякіх вершаў, – адказаў я. Палкоўнік, здалося, здзівіўся такому нахабнаму адказу.

– Як не давалі? – аж устрапянуўся ён.

– Не, не даваў, – упарта паўтарыў я.

Наступныя пытанні былі пра «Тутэйшых», пра Анатоля Сыса: ці даўно мы знаёмыя, якая ягоная роля ў «Тутэйшых», ці таленавіты ён паэт і гэтак далей. Я ўхіляўся ад дакладных адказаў. А затым палкоўнік спытаўся пра «Бурачка»: ці чуў я пра яго, ці бачыў, ці чытаў, ці ведаю, хто яго робіць, ці магу па стылі тэксту вызначыць аўтара?

Стала зразумела, што гэтыя пытанні былі ключавымі ў ягонай сустрэчы са мной. Унутрана я быў гатовы да іх, таму адказваў спакойна і нескладана: не, не ведаю, не здагадваюся, не магу.

Не ведаю, ці быў палкоўнік задаволены маімі адказамі, але ён паспрабаваў замацаваць першы кантакт са мной і дамовіцца на наступную сустрэчу. Я адмовіўся.

Адразу пасля гэтай сустрэчы я распавёў пра яе Вінцуку (Вячорку. – *Рэд.*). Мы нават абмеркавалі ідэю пагадзіцца на наступную сустрэчу, узяць з сабой дыктафон і запісаць палкоўніка. Вінцук нават перадаў мне дыктафон, пазычаны ў Валеры Савянкова і схаваны ў выразаную сярэдзіну кніжкі. Але я, паслухаўшы скрып і шоргат, якія ішоў ад гэтага цуду тэхнікі, адмовіўся ад такой ідэі.

Палкоўнік Данілін званіў мне яшчэ два разы, запрашаў сустрэцца, прапаноўваў у падарунак рэдкую тады Біблію, але я паслядоўна адмаўляўся. Так гэтыя званкі і скончыліся.

Але гэбэшнікі не пакідалі намаганняў спыніць выхад «Бурачка». Яны адчувалі ўсё ж, што выходзіць ён з нашага асяродку, таму пільна цікавалі за намі. Калі Яўген Івашкевіч разносіў трэці нумар «Бурачка» па паштовых скрынях, яго затрымалі. Адразу ж пасля гэтага Віктар разбіў друкарку на кавалкі і выкінуў іх на сметніцу. Нам заставалася спадзявацца на вытрымку Яўгена. І ён вытрымаў. Яго пратрымалі пад арыштам тры дні. Але на двары стаяў ужо 1988-ы. З зон сотнямі выпускалі дысідэнтаў. Беларускія гэбэшнікі, пачухаўшы патыліцу, былі вымушаны адпусціць яго.

Такім чынам, на мяне другі раз, зараз ужо наўпрост, патыхнула сцюдзёнай хваляй магчымых рэпрэсій. Але я

адчуваў сябе ўпэўнена. Мы займаліся святою для нас адраджэнскай працай. А за яе, калі б так склалася, можна было б і пацярпець.

21 кастрычніка 2011 года

НАБЛІЖАЛІ, ЯК МАГЛІ, ГІБЕЛЬ САВЕЦКАГА «ТЫТАНІКА»

Дарагая Алена!

Наступная гісторыя, якую я хачу табе распавесці, звязана, мабыць, з самай значнай падзеяй у маім жыцці.

1988 год быў першым з чатырох вызначальных для Беларусі гадоў. У той час адбываўся сапраўдны перелом у сусветнай гісторыі. Катастрофа камуністычнай імперыі, якая праз кроў, падман, нябачную дагэтуль падступнасць семдзесят гадоў, як ракавая пухліна, распаўзалася па свеце, захапіла палову Еўропы ды іншыя краіны ў розных частках свету. Але лад, які трымаецца на догмах, прымусе, на абмежаваннях і сляпым падпарадкаванні, непазбежна выклікае супраціў. Бо прага да свабоды закладзена ў гены чалавека ад нараджэння. Можна здушыць, можна замарозіць на нейкі час гэтую адну з падстаўных, сутнасных частак чалавечай душы, але яе нельга вынішчыць назаўсёды.

І вось пачалася гулкая кананада. Гэта ад закаванай лёдам камуністычнай Атлантыды пачалі адвальвацца асобныя краіны-айсбергі і на кожную з іх працягвала ўздзейнічаць разбуральная для таталітарызму гарачая хваля свабоды і дэмакратыі.

Дрыжаў і трашчаў Савецкі Саюз. Ён нагадваў «Тытанік», які атрымаў першы смяротны ўдар убок. І яшчэ круцяцца вялізныя вінты, і яшчэ коўзаюцца з вар'яцкай энергіяй вялізныя шатуны, яшчэ каманда дысцыплінавана выконвае свае абавязкі, яшчэ публіка танчыць і весяліцца, але тоны вады штосекунды ўліваюцца ў агромністае чэрава Савецкага Саюза. Адзін толькі капітан пакуль ведае пра прабоіну. Ён нервуецца, мітусіцца ў сваёй недасягальна высокай

шкляной капітанскай рубцы, але і ён яшчэ не ўсведамляе дарэшты, што выратавання ўжо няма, што пачалося разбурэнне, распад.

Тады, у 1988 годзе, мы прадбачылі такую ходу падзей, мы пракручвалі такі, здавалася б, неверагодны сцэнарый і ламалі галовы, як гэта так зрабіць, каб Беларусь пацярпела як найменш і каб нам адпасці ад Савецкага Саюза, ад Расіі, якая ланцугамі прывязала да сябе «саюзныя» рэспублікі, як мага далей.

Стратэгічныя тэарэтычныя развагі суправаджаліся практычнымі дзеяннямі. У снежні 1987-га незалежныя «нефармальныя» маладзёжныя суполкі правялі І Вальны сойм, у працы якога была распрацавана праграма будучых пераўтварэнняў у палітычнай, сацыяльнай, грамадскай і эканамічнай сферах. Гэта была першая комплексная праграма змен у нашай краіне, выкананне якой прывяло б Беларусь да рынкавай эканомікі, дэмакратычнай і прававой дзяржавы і незалежнасці.

У 1988 годзе прайшло некалькі людных грамадскіх акцый у розных гарадах Беларусі. Упершыню ў Наваполацку, Гродне, Гомелі людзі сабраліся на мітынгі і выступілі ў абарону экалогіі. У Мінску неўзабаве пасля артыкула ў «ЛіМе» Зянона Пазьняка і Яўгена Шмыгалёва «Курапаты – дарога сьмерці» прайшла дэманстрацыя ў падтрымку галоснасці і праўды пра сталінскія злачынствы. Савецкі будынак улады быў пабудаваны на сталінскіх падмурках. І Зянон Пазьняк ударыў па іх, выбіваючы з-пад ног камуністаў зямлю. Мы працавалі ў гэтым жа накірунку. Маладзёжныя «нефармальныя» суполкі бралі ўдзел у падрыхтоўцы і правядзенні гэтых экалагічных і антысталінскіх акцый. Дэманстрацыя ў Мінску прайшла ўлетку 1988-га, яна скончылася жалобным мітынгам у Курапатах. У 1988-м была падхоплена і развіта ідэя стварэння шырокага народнага руху, якая ўпершыню была абвешчана і рэалізавана ў Эстоніі. Улетку 1988-га ў Мінску ішло актыўнае абмеркаванне ўтварэння найперш праваабарончай антысталінскай арганізацыі, а затым яно спалучылася з ідэяй стварэння Беларускага народнага фронту.

Творчыя саюзы – пісьменнікаў, мастакоў, кінематаграфістаў, падхопленыя пасіянарнасцю маладзёжных дэмакратыч-

ных арганізацый, далучыліся да гэтага працэсу. Вядома, што ўсё ішло не так гладка, як нам хацелася, былі бясконцыя размовы, угаворы, тлумачэнні і спрэчкі, але ўсё неяк рухалася ў слушным накірунку. Супрацьдзеянне знятых камуністаў не магло спыніць гэтага руху. Гэта быў той унікальны час, калі ўсе хацелі нешта рабіць. Такое было адчуванне, што падышлі мы да нейкай мяжы, што далей так нельга, такая была прага да змен!

У многіх гэты запал хутка пройдзе, многія вярнуцца ў звыклае стойла маўклівасці і паслухмянасці, многія зоймуцца звыклай калабарацыяй, але гэта будзе пазней. А тады ж стварэнне ў кастрычніку 1988-га «Мартыралогу Беларусі» і аргкамітэта Беларускага народнага фронту «Адраджэньне» было гістарычным выклікам савецкай сістэме, камуністам, якія адзінаўладна ўпраўлялі Беларуссю 70 гадоў. Гэта быў першы гук беларускага Звеставання. І кожны яго ўспрыняў па-свойму.

У верасні 1988-га маладзёжныя суполкі, найперш «Тутэйшыя» і «Талака», пачалі падрыхтоўку да Дзядоў. У 1987-м першае галоснае адзначэнне Дзядоў каля помніка Я. Купалу прайшло пад знакам ушанавання ахвяр сталінскіх рэпрэсій. У сувязі з абнародаваннем праўды пра Курапаты меркавалася, што і гэтыя Дзяды–88 будуць мець таксама антыталітарны характар. Мы зноў прасілі ва ўлад для правядзення Дзядоў пляцоўку ў скверы Я. Купалы. Да «Тутэйшых» у якасці суарганізатара і кантралёра ад улад далучылася Гарадское таварыства аховы помнікаў, з чым мы пагадзіліся. Затым пачалася тузаніна з месцам правядзення Дзядоў. Улады пабаяліся пускаць Дзяды ў цэнтр горада, патлумачылі, што месца каля помніка Я. Купалу будзе занята нейкім іншым мерапрыемствам. Мы пагадзіліся на іншае прапанаванае ўладамі месца – луг каля Маскоўскіх могілак. А затым паступіла каманда зверху, і ад арганізацыі Дзядоў адвалілася Ахова помнікаў, а нам абвясцілі, што дазволу на правядзенне Дзядоў не будзе. Улады спалохаліся ўтворанага напярэдадні Дзядоў БНФ.

Заяўку на правядзенне Дзядоў ад «Тутэйшых», якія мелі хоць нейкую легітымнасць, бо мы былі пры Саюзе пісьмен-

нікаў, падавалі і падпісвалі, як і ў 1987 годзе, Анатоль Сыс і я. Анатоль тады працаваў на тэлебачанні, як ён казаў, «цягаў кабелі», падключаў тэлеабсталяванне да электрычнасці. Перад Дзядамі яго на працы ўзялі пад пільны кантроль. За Анатолем хадзіў спецыяльна прыстаўлены чалавек, так што ён не мог адысціся ні на хвіліну. Я ж вучыўся ў аспірантуры і быў, лічы, вольным казаком. Таму з усімі паперкамі з заявамі, на ўсе сустрэчы, узгадненні і перамовы цягаўся я. Як я гэтага ні любіў, як ні шкадаваў патрачанага на ненавісную бюракратыю часу, але дзявацца не было куды. Як кажуць, узяўся за воз, дык цягні.

Урэшце, калі ў другой палове кастрычніка ўсе спробы дамовіцца з уладамі скончыліся нічым, мы на «Міктараце» вырашылі, што ўсё роўна Дзяды будзем ладзіць, збіраем, запрашаем народ, нягледзячы ні на што. Мы ўпарта працягвалі падрыхтоўку, дамовіліся і патаемна надрукавалі на інстытуцкай памнажальнай машыне, на шэрхлай каляровай паперы некалькі тысяч абвестак-запрашэнняў на Дзяды, разрэзалі аркушы і заклеілі імі пад’езды.

У сваю чаргу ўлады праз «Вечерний Минск» і праз гарадское радыё заклікалі людзей не хадзіць на «несанкцыянаванае» мерапрыемства. Але гэтая афіцыйная перасцярога дала зусім іншы эфект. Мінчукі сапраўды шырока даведаліся пра дату, месца і час правядзення Дзядоў.

На адным з пасяджэнняў аргкамітэта Фронту, якія тады праходзілі ў малой зале Дома літаратара, я распавёў пра ўсе перыпетыі, звязаныя з арганізацыяй Дзядоў, і пра тое, што хоць Дзяды і забаранілі, але мы іх усё роўна будзем праводзіць. Зянон Пазьняк рашуча заявіў, што ён збіраецца ісці на мітынг-рэквіем у любым выпадку.

А за пару дзён да 30 кастрычніка, абранай даты Дзядоў, мяне выклікаў да сябе гарадскі пракурор. Я пайшоў на гэты выклік. Памятаю, што адчуваў унутраную трывогу і хваляванне. Пракурор абвясціў мне афіцыйнае папярэджанне, уручыў адпаведную паперку і прыгразіў, што калі адбудуцца беспарадкі, мне пагражае зняволенне да трох гадоў. Было зразумела, што ўлады не жартуюць, таксама было зразумела, што ў выпадку якіх правакацый крайнімі будуць арганіза-

тары. Але я не вагаўся ні хвіліны. Адступаць у гэтай сітуацыі – адмовіцца ад самога сябе.

Затым настали тыя Дзяды. Да Маскоўскіх могілак прыйшло нечакана шмат людзей. У міліцыі ж быў свой план. Як высветлілася пазней, яны распрацавалі цэлую аперацыю па разгоне мітынгу. Адразу як людзі яшчэ падыходзілі да месца збору, пачаўся хапун. Спецыяльна створаныя групы хапалі найперш арганізатараў і актывістаў. Я быў разам з Пазьняком, калі яго спрабавалі захапіць міліцыянты. Мы адбілі Пазьняка і, як пазней аказалася, такім чынам выратавалі мітынг. Ён прайшоў у поле, на пагорак, куды адышла частка людзей, цяснімая міліцыяй. Там выступілі Зянон Пазьняк і Уладзімір Арлоў, там упершыню ў новай гісторыі Беларусі адкрыта быў узняты бел-чырвона-белы сцяг.

Разгон Дзядоў, брутальныя паводзіны міліцыі выклікалі хвалю шырокага абурэння ў грамадстве. Пад націскам творчай інтэлігенцыі была створана ўрадавая камісія па расследаванні дзеянняў міліцыі. Вядома, што да праўды яна не дакапалася, не было жадання. Але сілавыя структуры былі троху прыпалоханыя і на цэлых сем гадоў, да прыходу Лукашэнкі ў 1995 годзе, у Беларусі мітынгі і дэманстрацыі не разганяліся.

Дзяды–88 мелі надзвычай важнае значэнне для далейшага развіцця дэмакратычнага руху ў Беларусі. Як сказаў Зянон Пазьняк, на Дзяды ў тым годзе ішоў натоўп, а вяртаўся ўжо беларускі народ.

Але я гэтага ўжо не бачыў, бо мне яшчэ на пачатку акцыі пырснулі ў твар слёзацечным газам, падхапілі з абодвух бакоў пад рукі і запіхалі ў цесны «сабачнік» – агароджаны ззаду адсек міліцэйскага «ўазіка». У мяне было адчуванне поўнага бяссілля і паразы. Затым мяне завезлі ў Першамайскі РУУС, завялі ў кабінет да нейкага міліцэйскага чына, дзе сядзеў таксама і журналіст міліцэйскай газеты «На страже Октября».

«Вы арганізоўвалі гэты мітынг?» – спытаўся міліцыянер. «Так, – адказаў я, а ў галаве мільганула: – Няўжо ўсё ж такі спраўдзяцца пагрозы пракурора?».

Затым мяне падвезлі да Першамайскага суда, які знаходзіўся побач, завялі ў пустую судовую залу, дзе сядзела адна

суддзя. Ад арганізацыі Дзядоў я не адмаўляўся, але вінавацію у забароне мітынгу ўлады.

Мне пашанцавала. Боек і разбурэнняў падчас разгону мітынгу не было. Людзі паводзілі сябе на дзіва стрымана і спакойна. А на аплату штрафу грошы мне сабралі супрацоўнікі Інстытута літаратуры.

Рэпрэсіўная савецкая машына толькі злёгку закранула мяне. У запале і азарце змагання я тады не надаў гэтай пагрозе сур'ёзнага значэння. Мы рызыкавалі і мы выйгравалі.

Да сустрэчы,

Алесь.

28 верасня 2011 года, «валадарка»

«КАМУНІСТЫ І НЕ ДУМАЛІ ЗДАВАЦЦА»

1990 год прайшоў пад знакам змагання з камуністычнай сістэмай. Камуністычная партыя Беларусі, якая хоць і была забюракратызавана і аслаблена, тым не менш налічвала 600 тысяч сяброў і, як спрут, праціналала ўсё цела краіны, усе дзяржаўныя ўстановы. Кіраўніцтва партыі было далёкае ад разумення нацыянальных інтарэсаў, вылучалася недалёкасцю, закасцянеласцю і кансерватызмам. Нездарма пісьменнік Алесь Адамовіч назваў тагачаснае беларускае кіраўніцтва «беларускай Вандэяй». На той час відавочна было, што менавіта камуністычная партыя, камуністычная ідэалогія ўяўлялі сабой найбольшую пагрозу для незалежнасці Беларусі, якую мы выношвалі і выспельвалі ў той час, шчодра і ліхаманкава рассейваючы споры свабоды і незалежнасці па краіне. Змаганне за фізічнае выжыванне беларускага народа, якое распачаў БНФ у 1989 годзе, узняўшы праз мітынгі, інфармацыйныя кампаніі, навуковыя канферэнцыі тэму чарнобыльскай катастрофы і яе наступстваў, рэзка ўзняла аўтарытэт і вядомасць народнага руху ў вачах народа. Выявіліся непрыгожыя і нават злачынныя факты, калі нашыя партбосы адмовіліся ў Маскве ад саюзнай дапамогі, заявіўшы, што Беларусь сама справіцца з чарнобыльскай трагедыяй.

Затым беларускія ўлады дзе зусім схавалі, а дзе зменшылі рэальныя маштабы катастрофы, у выніку чаго дзясяткі тысяч людзей працягвалі гадамі жыць на забруджаных радыяцыяй землях. Такая сітуацыя была прамым вынікам адсутнасці права людзей атрымліваць аб'ектыўную інфармацыю. Тым не менш камуністы і не думалі здавацца. Памятаю, як пасля першага Чарнобыльскага шляху, які прайшоў шматтысячным шэсцем ад парку Чалюскінцаў да плошчы Леніна (цяперашняй Незалежнасці), міліцыя аб'явіла аблаву на ягоных арганізатараў – Зянона Пазьняка і Генадзя Грушавога. Пэўны час яны хаваліся, пазбягаючы арышту. У прэсе пастаянна ішла зневажаючая кампанія супраць БНФ і тых ідэалаў незалежнасці, свабоды і дэмакратыі, за якія выступаў Фронт.

А ўвосень 1990 года Фронт пачаў падрыхтоўку да масавай антыкамуністычнай акцыі. Месцам яе правядзення выбралі плошчу Леніна з помнікам Леніну, які быў сімвалам камуністаў і фізічным увасабленнем камуністычнай ідэі. Акцыя меркавалася як чыста антыкамуністычная, чыста антысавецкая, выкліканая несумяшчальнасцю ідэалогій. Яшчэ 3–5 гадоў таму такое немагчыма было сабе ўявіць. Дзясяткі гадоў перад гэтым доўгія калоны дэманстрантаў праходзілі міма бронзавага Леніна і ўскладалі яму ў балванахвальстве вянкі і кветкі.

І вось 7 лістапада тысячы людзей сабраліся на плошчы з антыкамуністычнымі лозунгамі і крычалі: «Далоў камунізм!» Міліцыянты стрымлівалі націск людзей. Я спачатку апынуўся каля Чырвонага касцёла, а міліцыянты ўнізе адціскалі людзей, прымушаючы іх адступаць да гатэля «Мінск». Тады мы пачалі зрываць з галоў міліцыянтаў зімовыя шапкі і закідваць іх як падалей. Стройныя ланцугі супрацоўнікаў міліцыі змяшаліся. Голагаловыя пабеглі шукаць свае згубленыя шапкі. Затым грамада людзей перабудавалася, і разагрэтыя таўханінай людзі хістануліся наўпрост да помніка Леніну. Відаць, загаду ўжываць гвалт супраць дэманстрантаў не было, і людзі адцяснілі міліцыянтаў і прарваліся да Леніна. Прамоўцы выступалі проста з помніка. Да Леніна ўсклалі «дары» ад «удзячных беларусаў» – вянок, сплецены з калючага дроту, і лагерную фуфайку, а на сам помнік падвесілі «дасягненні» камунізму: сетку-авоську з пустымі пляшкамі ад гарэлкі і віна.

У чалавеку, які вазюкаўся з гэтай авоськай, у хутка надышоўшай восеньскай цемры я пазнаў майго знаёмага, былога аспіранта Інстытута філасофіі Акадэміі навук Валеру Сядова. Валера – высокі, гучнагалосы, экспрэсіўны і шчыры, блакітнавокі і барадаты – не раз быў госцем у маім аспіранцкім пакоі.

Акцыя скончылася, людзі спакойна разышліся. Але яна, мабыць, нагнала страху ў душы кіраўнікоў кампартыі. Яны ўпершыню ўбачылі, як шмат людзей выступае супраць камунізму. І гэты страх яны ўжо не забудуць. Ён узновіцца ў 1991 годзе, калі пасля няўдалага антыгарбачоўскага перавароту дэпутаты-камуністы пад ціскам фракцыі БНФ у Вярхоўным Савеце прагаласуюць за роспуск Камуністычнай партыі і за абвяшчэнне незалежнасці.

Але тады, у 1990 годзе, камуністычная ўлада яшчэ спрабавала кантраляваць сітуацыю. У выніку гэтай акцыі была ўзбуджана крымінальная справа: Валеру Сядова як аднаго з актывістаў арыштавалі і кінулі ў СІЗА. Такім чынам, ён стаў першым палітычным зняволеным у новай гісторыі Беларусі. За кратамі ён распачаў першую палітычную галадоўку. Зянон Пазьняк, які быў ужо дэпутатам Вярхоўнага Савета, разам з іншымі дэпутатамі-фронтаўцамі ўзнялі гвалт, і Валеру праз некаторы час выпусцілі з СІЗА. У сувязі з гэтай справай мяне выклікалі ў РУУС Цэнтральнага раёна, дзе следчы абвясціў мне, што я з’яўляюся сведкам па факце злачынства каля помніка і мушу даць паказанні. Я палічыў узбуджэнне гэтай крымінальнай справы незаконным. Відавочнай была яе палітычная падаплёка. Судзіць трэба было не тых, хто выступіў супраць камунізму, а сам камунізм як чалавеканенавісніцкую ідэалогію, якая прынесла столькі гора і нягод беларускаму народу.

Усё гэта з абурэннем і заўзятасцю я выказаў следчаму і абвясціў, што ў знак пратэсту адмаўляюся даваць хоць якія паказанні. Следчы паведаміў, што сведка мусіць гаварыць, інакш ён можа ўзбудзіць і супраць мяне крымінальную справу. Я ж заўпарціўся і стаяў на сваім. Следчага таксама заела, ён выклікаў сведкаў і склаў на мяне пратакол. Крымінальная справа па падзеях на плошчы Леніна ці то

завісла, ці то рассмакталася, але дзесьці праз месяц мяне зноў выклікалі ў міліцыю і паведамілі, што супраць мяне ўзбуджана крымінальная справа за адмову даваць паказанні ў якасці сведкі. Я быў азадачаны такім паваротам гэтага жыццёвага сюжэта. Ужо і справа, па якой я праходзіў сведкам, паехала ў архіў, ужо і Валера Сядоў даўно быў на свабодзе, а мяне спрабавалі пакараць.

Размаўляў са мною ўжо іншы следчы, хлопец гадоў 30 з кепскім зрокам. Ён сказаў мне, што цалкам разумее мае погляды, разумее, што першая справа была ўзбуджана па палітычных матывах і што ён з’яўляецца прыхільнікам дэмакратычных змен у Беларусі. Ён патлумачыў мне, што, згодна з Крымінальным кодэксам, сведка абавязаны даваць паказанні, а за адмову можна патрапіць у турму. Ён прапанаваў даць іх і запісаць у такім выглядзе: «не памятаю», «не магу дакладна сказаць», «не ўпэўнены». Я пагадзіўся са следчым, і гэтую дзіўную справу супраць мяне спынілі. Было такое адчуванне, што я адмахнуўся ад яе, як ад надакучлівага авадня, які немаведама чаму прычапіўся да мяне і спрабаваў уджаліць.

Ваўсю ішло стварэнне экспазіцыі музея Максіма Багдановіча, у якім я працаваў дырэктарам і які мусіў адчыніцца ў снежні 1991 года, ваўсю віравалі іншыя надзённыя палітычныя і грамадскія падзеі. І я быў завязаны ў гэтым па самыя вушы. Памірала савецкая і нараджалася Новая, Незалежная Беларусь. На нашых вачах і пры нашай дапамозе адбываўся гэты цуд, і мы спрыялі яму з усяе моцы.

20 студзеня 2012 года

ГАРАЧАЯ ВЯСНА 96-га

1996 год быў, мабыць, самым трагічным годам у новай гісторыі Беларусі. Закладзеныя ў папярэднія гады праз кроў і пот дэмакратычных дэпутатаў ды шараговых актывістаў асновы нацыянальнай дэмакратычнай дзяржавы ламаліся-знішчаліся першым прэзідэнтам краіны. Горкі парадокс маладой беларускай дэмакратыі, якая, не паспеўшы

нарадзіцца, ужо пачала з’ядаць самую сябе. Ідэя выбару прэзідэнта ўсеагульным галасаваннем у грамадстве, у якім цалкам адсутнічалі дэмакратычныя традыцыі і палітычная культура, была заганнаю і легкадумнаю. Збітыя з панталыку эканамічнымі цяжкасцямі і беднасцю, людзі ў 1994 годзе падтрымалі дэмагога з языком без костак, які абяцаў адрадзіць савецкія парадкі і вярнуць мінулую адносную стабільнасць. Ягоная праграма была пабудавана на вяртанні ў мінулае. І вось пад адхон паляцела беларускамоўная адукацыя, пад’ёмным кранам з будынка Дома ўрада была скінута «Пагоня», а ягонымі апрычнікамі падраны на шкамуты бел-чырвона-белы сцяг. Прэзідэнт бесцырымонна падцягваў пад сябе заканадаўчую ўладу і суды. Ён, як бязлітасны карны меч, біў па самых балючых месцах маладой беларускай дэмакратыі.

Выбары ў Вярхоўны Савет у 1995-м і давыбары ў 1996 годзе былі халодным душам для фракцыі БНФ у Вярхоўным Савеце. З былых франтаўцаў у новы кіраўнічы дзяржаўны орган не патрапіў ніхто. У гэты час палітычныя баталіі, якія раней праходзілі ў сценах Вярхоўнага Савета, выліліся на вуліцы.

Добра памятаю раніцу наступнага дня пасля збіцця дэпутатаў-франтаўцаў у зале пасяджэнняў ВС. Мы, паўтара дзясятка чалавек, прыгаломшаныя навінаю, выйшлі з аркі з боку будынка Мінскага гарсавета на ходнік. Дэпутат Шут трымаў бел-чырвона-белы сцяг. Гэта быў выхад адчаю, бо адбылося штосьці мярзотнае і агіднае, тое, чаго проста не магло быць. Хутка падбеглі міліцыянты і пачалі выпіхваць нас у бок Галоўпаштамта. Я і Галіна Вашчанка, дэпутаты гарсавета, спрабавалі супраціўляцца, махалі нашымі дэпутацкімі пасведчаннямі, але нас не слухалі і працягвалі штурхаць. Насупраць мяне падскокваў, ярыўся невысокі і худы старшы лейтэнанцік у берэтцы і цяльняшцы, піхаў мяне ў грудзі і крычаў, што такіх ён душыў і душыць будзе. Я запомніў ягоную неўтаймаваную злосць, малады румянец на шчаках і потым назіраў за ягонай кар’ерай. А вось цяпер, седзячы на «валадарцы», убачыў яго ў тэленавінах – пагрузнелы, у неверагодна высокай фуражцы і ў палкоўнічых

пагонах – атрымліваў ад Лукашэнкі прызначэнне на начальніка мінскай міліцыі.

Супраць рэферэндуму, супраць саюзных дамоў, супраць рэстаўрацыі таталітарнай сістэмы праходзілі шматлікія дэманстрацыі і пікеты. У 1995-м адбыўся першы, не заўважаны грамадствам палітычны судовы працэс. Судзілі аднаго з дэманстрантаў за бойку з міліцыянтамі. Ён быў асуджаны на год умоўна. Адміністрацыйныя пакаранні дажджом сыпаліся на актывістаў. Таму ўвесь 1995-ы і палову 1996-га года я як дэпутат Мінскага гарсавета быў заяўнікам масавых акцый. Суд не мог асудзіць мяне без дазволу гарсавета, а гарсавет, значную частку якога складалі дэмакратычныя дэпутаты, такога дазволу не даваў.

Некалькі такіх пікетаў запар мы ставілі насупраць расійскай амбасады, пратэстуючы супраць саюзных дамоў. Мяне як арганізатара забіралі ў міліцэйскі «ўазік», везлі ў суд Цэнтральнага раёна, што знаходзіўся побач, на вуліцы Багдановіча. Там я даставаў дэпутацкае пасведчанне, і мяне адпускалі. І гэтак паўтаралася разоў пяць. Аднойчы нават суддзя пачала судовы працэс, але я ўсчаў крык і яна адпусціла мяне. Пазней па пошце прыслалі судовае рашэнне, у якім мне выпісалі папярэджанне. Гэта было незаконна, але займацца абскарджваннем зусім не было часу – праходзілі наступныя і наступныя акцыі, якія забіралі ўсе сілы.

Мы з Вячаславам Сіўчыкам, будучы тады сакратарамі Управы БНФ, вадзілі калоны дэманстрантаў па праспекце Францішка Скарыны, абдурваючы міліцыянтаў, абыходзячы па дварах міліцэйскія ланцугі, якія перагароджвалі праспект. Гэта былі адчайныя спробы даступнымі і мірнымі сродкамі ўратаваць незалежнасць і дэмакратычныя заваёвы ранейшых часоў.

Вясна 1996 года была вельмі гарачаю. Шматлюдныя акцыі 15 сакавіка ў Дзень Канстытуцыі, 25 сакавіка ў Дзень Незалежнасці, 2 красавіка – супраць падпісання чарговай саюзнай дамовы і, урэшце, 26 красавіка – Чарнобыльскі шлях літаральна скаланалі Мінск.

Пасля дэманстрацыі на 25 сакавіка, якая патрабавала прамога эфіру для дэмакратаў, была ўзбуджана крымінальная справа і пачалося паляванне на Зянона Пазьняка. Ён хаваўся.

На Чарнобыльскі шлях сабралася некалькі дзясяткаў тысяч чалавек. Дэманстрацыя, якая ішла ад Акадэміі навук да плошчы Незалежнасці, набрала сілу на плошчы Коласа. Тая была ўся запруджана народам. Відовішча надзвычай маляўнічае: сотні бел-чырвона-белых сцягоў, транспаранты, плакаты, гербы розных гарадоў, стужкі, група студэнтаў з Мастацкай акадэміі, апранутых у балахоны і процівагазы. Людзі сабраліся, каб сказаць «Не!» анексіі Беларусі Расіяй і прэзідэнцкаму свавольству. Але выхад з плошчы на праспект перакрыла міліцыя. Упоперак дарогі паставілі нават некалькі міліцэйскіх легкавікоў. Дэманстрацыя была выключна мірная, але на Чарнобыльскі шлях прыехалі з дзясятак гарачых украінскіх хлопцаў. Яны, напрактыкаваныя змагацца з экіпіраванымі міліцыянтамі, голымі рукамі пры падтрымцы іншых удзельнікаў узламалі міліцэйскі завал, які перакрываў праспект. Распаленыя дэманстранты кульнулі адзін з легкавікоў, які перагароджваў шлях. Міліцыянты спрабавалі ўтрымаць грамаду, замільгалі дубінкі, але іх лёгка адсунулі і людская маса павалíла далей.

Там знаходзіўся і я. Я, наколькі памятаю, не быў гэтым разам ні заяўнікам, ні арганізатарам і не быў у месцы прарыву міліцэйскага кардона ў першых радах, а апынуўся каля міліцэйскіх аўтамабіляў, калі яны ўжо былі перакуленыя. Прайшоўшы трохі па праспекце разам з людзьмі, я ўбачыў свайго кума, беларускага літаратара Язэпа Янушкевіча, які бегаў ад аднаго міліцыянта да другога і спрабаваў утрымаць іх: «Хлопцы! Хлопцы!» А хлопцы, самі страшэнна напалоханыя, махалі сваімі гумовымі дручкамі і мясілі людзей. Я быў схапіў адзін такі ўзняты над галавою міліцыянта дручок, рэзка таргануў яго на сябе, міліцыянт ледзь не перакуліўся. Затым людская плынь, можа, у дзесяць рук падхапіла яго і адкінула да дома.

На перасячэнні з вуліцамі Казлова і Варвашэні праспект перагароджвалі зялёныя накрытыя тэнтамі грузавікі. Дэманстранты рассунулі іх рукамі і пайшлі далей. Але вось за цыркам, за перакрыжаваннем з вуліцай Янкі Купалы, на горцы праспект быў перакрыты вялізнай гурмою міліцыянтаў з дубінкамі і шчытамі. Ісці на іх азначала ісці на адкрыты штурм. Дэманстранты спыніліся на скрыжаванні, пастаялі,

пакуль падцягнуліся заднія шэрагі, а затым, ухіляючыся ад сутычак, павярнулі направа.

Дэманстранты прайшлі па вуліцы Купалы, затым павярнулі налева, на вуліцу Багдановіча. Тут проста пасярэдзіне вуліцы стаялі нечакана заспелыя грузавікі, запоўненыя спецназам. Людзі абыходзілі іх без усялякай агрэсіі. Хтосьці спрабаваў шлёгнуць вудзільнам па тэнце грузавіка, яго адразу спынілі: «Яны ж не вінаватыя!» Калі дэманстранты прайшлі мост праз Свіслач, міліцыя з дубінкамі зноў атакавала людзей, збягаючы яшчэ з гары Верхняга горада. Ізноў завязаліся дробныя сутычкі.

Мітынг прайшоў каля Палаца спорту.

Увечары міліцыя спрабавала штурмаваць памяшканне Управы БНФ, шукаючы Зянона Пазьняка. Ён выйшаў праз другія дзверы ва ўнутраны дворык, сеў у машыну і з’ехаў незаўважаным. Апоўначы па Мінску прайшлі арышты кіраўніцтва БНФ. Былі арыштаваны амаль усе намеснікі старшыні і сакратары. Засталіся толькі мы з Анатолем Крываротам. Памятаю тое ўнутранае напружанне, якое было ў мяне на наступны дзень. Мы сабралі рэшткі Управы ў арцы дома на праспекце Скарыны, насупраць Акадэміі міліцыі, вёў лятучае пасяджэнне я. І галоўным пытаннем было: што рабіць у бліжэйшыя дні? Мы адразу ж пачалі збіраць звесткі пра арыштаваных. Было цяжка, бо міліцыя нічога не паведамляла пра затрыманых, панавала атмасфера разгубленасці.

Затым у прэсе з’явілася інфармацыя з афіцыйных крыніц пра тое, што распачата крымінальная справа, пералічваліся прозвішчы арганізатараў «масавых беспарадкаў», патэнцыяльных падазроных, сярод якіх было і маё прозвішча. Ніякага страху не было. Я нават і ў думках не ўяўляў сабе, што можна з’ехаць куды-небудзь за мяжу і перачакаць там ці папрасіць палітычнага прытулку. Гэта быў не мой шлях.

Але было зразумела, што ў нашым жыцці і ў гісторыі Беларусі пачаўся новы перыяд, перыяд цяжкай і доўгай, зацятай барацьбы за незалежнасць, дэмакратыю і правы чалавека. Цягам сямі гадоў, з Дзядоў 88-га года, улады асцерагаліся ўжываць гвалт да мірных дэманстрантаў. Як высветлілася,

было арыштавана каля двухсот чалавек, мастаку Аляксею Марачкіну, які нёс абраз Маці Божай Чарнобыльскай, ударам дубінкі ледзь не выбілі вока. Гэта быў жорсткі, бязлітасны, цынічны гвалт. Для мяне стала відавочным, што наперадзе нас чакае шмат людскога цярпення і шмат ахвяр.

Тады і выспела ў мяне думка пра стварэнне праваабарончай арганізацыі, якая дапамагала б ахвярам палітычных рэпрэсій, бо вельмі важна, каб у часы рэпрэсій і пераследу людзі не заставаліся сам-насам з бяздушнай машынай гвалту. Так, з першай акцыі дапамогі пацярпелым за ўдзел у Чарнобыльскім шляху распачаў сваю працу Праваабарончы цэнтр «Вясна».

Праз тры дні пасля дэманстрацыі выйшлі на свабоду з ІЧУ Лявон Баршчэўскі, Вінцук Вячорка, Віктар Івашкевіч. А праз нейкі час мяне ў пракуратуру выклікаў следчы і паведаміў, што па справе аб масавых беспарадках 26 красавіка ўзбуджана крымінальная справа, па якой ён хоча дапытаць мяне ў якасці сведкі. Яго цікавіла мая роля як удзельніка і арганізатара акцыі. На ўсе пытанні я адказваў адмоўна ці няпэўна: не памятаю, не магу дакладна сказаць, не ўпэўнены. Следчы бойка адклацваў двума пальцамі па гузіках друкавальнай машынкі, запісваючы свае пытанні і мае адказы. А затым ён паказаў мне два невялікія чорна-белыя здымкі, уклееныя ў тоўсты следчы том, дзе я стаяў каля перакуленых міліцэйскіх машын з малітоўна складзенымі ад здзіўлення рукамі.

«Вы ўдзельнічалі ў сутычках?» – спытаўся следчы. «Ды не», – адказаў я. «А гэта вы?» – удакладніў ён. «Не ўпэўнены, – паўтарыў я. – Можа, так, а мо і не...» Дзякуй Богу, болей ніякіх здымкаў у справе не было.

Юрый Хадыка і Вячаслаў Сіўчык яшчэ сядзелі на «валадарцы» і трымалі галадоўку. Было зразумела, што калі ўлады захочуць зладзіць паказальны працэс над актывістамі апазіцыі, тады на лаву падсудных да іх могуць далучыць і іншых. Але, кажуць, званок Ельцына Лукашэнку з просьбай спыніць ціск даў станоўчы вынік. Праз тры тыдні пасля затрымання Хадыка і Сіўчык былі адпушчаны, а крымінальная справа, па ўсім відаць, была спынена, бо ні сядзельцаў, ні сведкаў па ёй болей ніхто не турбаваў.

Калі б мне хто тады сказаў, што гэты перыяд няспыннага супраціву, незлічоных грамадскіх ахвяр, зламаных лёсаў працягнецца сямнаццаць, а мо і болей гадоў, я б нізашто ў гэта не паверыў. Але ж, калі ўрэшце сітуацыя ў нас зменіцца на лепшае, хто тады асмеліцца сказаць, што незалежнасць краіны, грамадскія і палітычныя правы і свабоды дасталіся беларусам задарма? Цяпер ужо ніхто. Ніхто.

20 студзеня 2012 года

АРЦЁМ ГРЫБКОЎ / АРТЁМ ГРИБКОВ / ARTSIOM GRYBKOU

Нарадзіўся 6 студзеня 1989 года ў вёсцы Савашы Карэліцкага раёна Гродзенскай вобласці. Вучыўся ў Мінскім каледжы лёгкай прамысловасці; скончыў будаўнічую СПТВ у Карэлічах.

Жыў і працаваў у Мінску.

19 снежня 2010 года быў арыштаваны за ўдзел у мірнай акцыі пратэсту супраць фальсіфікацыі выбараў. Адбыў 10 сутак адміністратыўнага арышту. 12 студзеня 2011 года зноў арыштаваны, утрымліваўся ў следчым ізалятары № 1 МУС Беларусі («валадарка»).

26 траўня 2011 года асуджаны Ленінскім судом г. Мінска на 4 гады зняволення са знаходжаннем у калоніі ўзмоцненага рэжыму. Памілаваны 11 жніўня 2011 года і вызвалены.

Загінуў 13 снежня 2012 года ў аўтакатастрофе. Пасля гібелі Арцёма ў ягонай жонкі Святланы нарадзіўся сын Яраслаў.

Творы для Анталогіі перададзеныя ўдавой аўтара сп. Святланай Грыбковай і сп. Зміцерам Драздом.

He was born on January 6, 1989 in the village of Savashy in Karelichi district, Grodno region. He studied at the Minsk Light Industry College and finished Karelichy Construction Vocational Technical School. He lived and worked in Minsk.

On December 19, 2010 he was arrested for participating in a peaceful protest against the election fraud. He served 10 days of administrative arrest. On January 12, 2011 he was arrested again and detained on remand in prison No. 1 of the Ministry of Internal Affairs ("Valadarka").

On May 26, 2011 he was convicted by the Minsk Leninski district Court for 4 years of imprisonment in a maximum security prison. He was pardoned on August 11, 2011 and released.

He died on December 13, 2012 in a car accident. After his death Artsiom's wife, Sviatlana, gave birth to their son Yaraslau.

The works were submitted to the Anthology by the author's widow, Sviatlana Grybkova, and Mr. Zmitser Drozd.

УЗГАДАЙ СВАЕ КАРАНІ

Узгадай жа свае карані ,
Што глыбока ў нетрах уюцца.
Час прыйшоў пазьбіраць камяні
І ад сну ўстрапянуцца, ачнуцца.

Хопіць цешыць надзеяй сябе,
Што ўсё памяняецца з часам,
Не абыдзе бяда і цябе,
Стопча вораг зямельку абцасам.

І ты лічыш, напэўна, даўно,
Што змагацца – без толку, пустое,
І бывае так толькі ў кіно,
Дзе на свеце ёсць шчасце людское.

Маешь рацыю, ды не зусім,
Людзі роўныя ўсе перад Богам.
Ды чамусьці даўно ўжо ім
Промні праўды зацягнуты смогам.

Продкі-волаты крывёю сваёй
І мячамі нам праўды шукалі,
Годна правілі роднай зямлёй
І любоў да Радзімы спазналі.

І цяпер вось усё дагары,
Уся эліта зачынена ў вязні,
І краіна ў страшэнным віры,
Без паветра свабоды загразне.

Дык бяром жа, як продкі, мячы
І сядайма па вогненным коням,
Каб уражыну паліць і сячы,
Ці хоць з продкаў зямлі яе згонім.

З МАЎЧАНАК І ТУПАТУ МАЛА КАРЫСЬЦІ

Ўсё помняць муры і маўклівыя вежы.
Агонь іх ня знішчыў, вада не стачыла.
Мяняліся ўлады, знішчаліся межы,
Хваробы з вайною тут побач хадзілі.

Ды часта з касою, зусім не ў поле,
Адзінага сына пускала жанчына.
Дзе чыстае неба – там лепшая доля.
Праз кроў здабываліся праўда і воля,
Калі заклікала Айчына.

Народ мой гаротны, бядою кляймёны,
Уздобрыў палеткі сваёю крывёю.
У сэрцы навечна герояў імёны,
Хоць косці даўно пад сырою зямлёю.

Ды часта блішчалі сьлязінкі расою,
Хавала матуля адзінага сына.
За сонца, што сьвеціць над галавою,
Ён быў для радзімы магутнай сьцяною,
Калі заклікала Айчына.

Прачніся ж цяпер, мой народ, як калісьці.
Ці чуеш ты, стогне як маці-зямліца?
З маўчанак і тупату мала карысьці.
Свабоду каб мець, трэба з ворагам біцца.

Разгорнем сьцягі, засланяючы неба.
Трасіся у ложку, як ты не мужчына.
Каб дзецям тваім быў і хлеб і да хлеба,
Яна мне сказала, што гэта ўсё трэба.
Ты чуеш, нас кліча Айчына.

ЛЮБІМАЙ

Заўсёды, калі ранкам устану,
Адразу гляджу на Святлану,
На гэтыя вабныя вусны,
На тварык, мілы і спакусны,
На рукі, мякчэй за кужэлю,
Я ад жадання шалею.
Хачу я прыціснуць Святлану,
Рукамі абвіць вакол стану,
Дарыць ёй мае пацалункі,
У краме купляць пачастункі,
Увесь аддаваць свой заробак,
І разам пражыць гадоў сорак!!!!!

Ды толькі часценька бывае,
Святлана мяне дапякае,
Як рак тады ў міг чырванее,
У момант брыднее, дурнее,
Злуецца, крычыць і галосіць,
Мяне па матулі паносіць.
Тады я хачу (паміж намі)
Яе накарміць тумакамі,
За шыю яе патрымаці,
Вяроўкай звязаць да криваці.

Ды толькі нічога, адходзіць –
І зноў да нас шчасце прыходзіць.
І добра мне з ёй на планеце,
І мы весялімся, як дзеці.

P.S. Скажу я адразу вам, брацці,
За верш палучу я па срацці!!!!

***

Мой ангел, дыханием лета
На ухо мне шепчеш: «Люблю!»
Как жаль, что тебя рядом нету,
Приходишь ты лишь, когда сплю.
И я просыпаюсь... Как дымка,
Твой образ уплыл в никуда.
Поверь, это страшная пытка.
Ну где ты, родная звезда?
Ты, может, меня и не помнишь.
Быть может, теперь уж с другим.
Ты рану сердечную солишь,
Мне мир стал чужим, нестерпим.
Но весточку-птичку ты всё же
Сумеешь отправить, прислать,
И всё-таки сжалится Боже,
И будет мне легче страдать...

***

Ты божество, сошла с Олимпа.
Русалка – вышла из глубин.
Ты – фея, ты как будто нимфа,
С ума ты сводишь всех мужчин.
И я один из них поддался
На томный взгляд, размах ресниц,
Тебе б я вечно поклонялся,
Стоял бы на коленях, лишь
Тебе служил бы, будто рыцарь,
Пришедший из других времён,
Мне приходилось часто биться,
Ни разу не был я сражён
Одним лишь взглядом из-под чёлки
Двух океанов голубых...
У розы есть шипы, иголки...
Но как познать любовь без них?!
Но ты мечта моя, не боле,
А я закрыт на долгий срок.
Ну а тебе, ведь ты на воле,

Открыты тысячи дорог...
Одна из них, возможно, где-то
Пересечётся и с моей...
И я готов, поверь мне, Света,
Быть скромной тенью лишь твоей...

ИЗМЕНА

С пеной у рта
С испариной на лбу
Взирал на врата
Услышав мольбу

Три шага вперёд…
Попытка бежать
Крутой разворот
Чужая кровать

Теплее своей
Чужая жена
Намного умней
Покуда жива

Пакет молока
Вечерний скандал
Работать пока
Он совсем не упал

Но двери узки
Соперник застрял
В стальные тиски
Рога-апахал

Рога – кустовые
Позорный финал

Должно быть не всё
Есть начало начал

Так сильно любить
Не будет никто
И шансы убить
Умножить на 100

И замкнутый круг
Сладострастья конец
Окровавленных рук
Священный венец…

АХВЯРА

Хужэй за гестапо, прашпект перакрыты.
Ды не, не спыняюцца так барацьбіты.
У кішэнях разгульвае ветрык надзеяў,
А ў перадзе німб непазбежных падзеяў.

Ты ішла ў авангардзе ўпэўненым крокам,
Твае ногі ў крыві з бярозавым сокам,
Сцяг у руках, небасхіл рассцілаўся па ветры,
А ў вачах аганькі, акіянскія нетры…

АМАП быў гатовы: страшэнныя маскі,
І дзверы ў машынах чарнелі, як пасткі.
Ты губы шчаміла, і твар твой змяніўся,
Упэўненасць, спакой адразу з'явіўся.

Стала сталай адразу, у вачах злосць і вопыт.
Успаміны ўсплывалі:ператрусы і допыт,
Позвы, смех паліцаяў ды адменнае хамства.
І жыццё, што з маленства нагадвала рабства.

І бяссонныя ночы, яўкі, офіс, кватэры,
Кадэбэшнікі – самыя лютыя зверы.
Ты рукой узмахнула, нечакана і проста,
І людзей ахіліла накіпеўшая помста.

Толькі куля-зладзейка, нібы чорная муха,
Ды крывавыя косы, па шчацэ аплявуха.
І народ перамог, незабыўная мара…
Ты сябе аддала перамозе… ахвяра…

ЗМІЦЕР ДАШКЕВІЧ / ДМИТРИЙ ДАШКЕВИЧ / ZMITSER DASHKIEVICH

Нарадзіўся 20 ліпеня 1981 года ў вёсцы Кушняры Івацэвіцкага раёна Брэсцкай вобласці. Вучыўся ў Гродзенскім сельскагаспадарчым універсітэце, пасля паступіў на аддзяленне славістыкі Вільнюскага педагагічнага ўніверсітэта.

Грамадскі і палітычны дзеяч. Дзеяч моладзевага руху Беларусі. Старшыня Маладога фронту (з 2006 года).

У 2004 годзе стаў адзіным з прысутных на Кастрычніцкай плошчы ў Мінску, хто публічна пратэставаў супраць прызначэння рэферэндуму па скасаванні абмежаванняў для пераабрання Аляксандра Лукашэнкі на трэці тэрмін прэзідэнцтва.

У 2006 годзе быў арыштаваны за ўдзел у наметавым мястэчку, арганізаваным моладдзю ў знак пратэсту супраць фальсіфікацыі вынікаў прэзідэнцкіх выбараў. 1 лістапада 2006 года асуджаны на 1,5 года зняволення за дзейнасць ад імя незарэгістраванай арганізацыі «Малады фронт». У тым жа годзе прызнаны Amnesty International вязнем сумлення.

Быў арыштаваны прэвентыўна 18 снежня 2010 года разам з сябрам Эдуардам Лобавым, каб не дапусціць іх удзелу ў магчымай мірнай акцыі пратэсту пасля прэзідэнцкіх выбараў 19 снежня 2010 года. Асуджаны 24 сакавіка 2011 года на 2 гады зняволення. Ужо ў калоніі асуджаны 28 жніўня 2012 года на 1 год зняволення дадаткова. Адбыў тэрмін цалкам і быў вызвалены 28 жніўня 2013 года.

Аповесць «Чарвяк» – першы мастацкі твор Зміцера Дашкевіча. Урыўкі друкаваліся ў газеце «Наша Ніва». Артыкулы – на сайце http://naviny.by.

Тэксты для Анталогіі былі перададзеныя жонкай аўтара, Настай Палажанкай-Дашкевіч.

He was born on July 20, 1981 in the village of Kushniary of Ivatsevichy district, Brest region. He studied at the Grodno Agricultural University, after that he entered the Department of Slavonic Studies of Vilnius Pedagogical University.

Zmitser is a public and political figure, activist of the youth movement in Belarus. Chairman of *Malady Front (Young Front)* (since 2006).

In 2004 he was one of those present on October Square in Minsk, who publicly protested against the appointment of a referendum on the abolition of restrictions on re-election of Alexander Lukashenko for a third term of presidency.

In 2006 he was arrested for taking part in a tented town, organized by young people in protest against the rigged results of presidential elections. On November 1, 2006 he was sentenced to 1.5 years of imprisonment for acting on behalf of the unregistered organization *Maladoy Front (Young Front)*. In the same year, Amnesty International declared him a prisoner of conscience.

He was arrested preventively on December 18, 2010 together with his friend Eduard Lobau, to prevent their participation in possible peaceful protests after the presidential elections on December 19, 2010. On March 24, he was sentenced to 2 years' imprisonment. Already in prison, he was sentenced to an additional 1 year imprisonment on August 28, 2012. He served a sentence in full and was released on August 28, 2013.

The novel *Charviak (A worm)* is Dashkievich's first work of fiction. Fragments were published in the newspaper *Nasha Niva*, articles – on the website http://naviny.by.

Texts for the Anthology were handed over by the author's wife, Anastasiya Palazhanka-Dashkievich.

ЧАРВЯК

Я стаяў у «клетцы». Гэта была адна з трох камер КПП-2 – 50 на 50 см, з цаглянымі сценамі і замест дзвярэй кратамі, якія гэтак жа адчыняліся і зачыняліся. Дзякуючы дызайнерскім асаблівасцям буды гэтыя і называюць у народзе клеткамі ці стаканамі.

КПП-2, як і кожнае такое КПП у іншых лагерах, падзяляе жылую і працоўную зоны. Апроч камер для правапарушальнікаў, на КПП, перадусім, знаходзяцца: пакой дзяжурнага, дзе ўсталяваны электронныя прыборы кантролю калоніі; у выглядзе дзвярной рамы – металашукальнік, праз які мусяць праходзіць зэкі, вяртаючыся з прамзоны. Ёсць тут яшчэ невялікі кабінецік, на сцяне яго вісіць пластыкавы макет зоны з усімі абарончымі рубяжамі: адначасова і пакой для інструктажу змены перад працаю, і перакусачная; а побач месціцца пакой для дагляду асуджаных перад закрыццём у «стакан». У пакоі гэтым чамусьці стаіць вялізны сейф.

– Што захоўваеце ў сейфе-та? – запытаў я неяк у кантралёра, які асабліва пільна там мяне распранаў.

– Паслядоўнасць растрэлу бандытаў пры надзвычайным становішчы, – ці тое ўсур’ёз, ці тое па прыколу заявіў мне даглядчык.

– Дык якія вам паслядоўнасці? – даў я ў сваю чаргу параду. – Шмаляйце ўсіх направа-налева і канцы ў ваду.

– Ну так, вады тут шмат, – загадкава пагадзіўся той.

Што мне было яшчэ казаць? Вады і сапраўды там шмат – зона стаіць у возеры. Віцебшчына – край блакітных азёраў.

– Трымай.

Я працягнуў з клеткі руку, і зэк гэтак жа хутка паклаў нешта мне ў далонь ды тут жа выйшаў у шэрагу асуджаных, што вярталіся з працы ў зону.

Я расціснуў кулак – то былі тры шакаладныя цукеркі. Мяне ажно праняло: не тое каб ад шакаладных пачастункаў (раздаваць якія невядома каму – гэта святатацтва для зэка), але ад разумення таго, што сярод гэтага шэра-чорнага натоўпу чалавекаў усё ж больш, чым можна было б меркаваць.

Вось гэты – невядома хто, але не пабаяўся падтрымаць, хоць, безумоўна, ведае, што вокамгненна можа патрапіць у нялаcку і стаць побач, у суседнюю клетку.

– Што там перадалі табе? – адразу падскочыў малы вяртлявы кантралёр.

– Цукеркі.

– Хто перадаў?

– Не ведаю.

– Пакажы.

Я дастаў цукеркі з кішэні.

– Давай сюды.

– Ды ўжо не перапрацоўвай ты, можа? – кінуў я спакойна, але з некаторым абурэннем.

– Я тут пакладу, – асёкчыся, апраўдаўся Дзяніска, – непаложана.

– На, – непаложана дык непаложана.

– Во, будуць наверсе, – і стаўшы на дыбачкі, ён паклаў непаложанае на дах майго стакану. – Па вызваленні забярэш.

Я прамаўчаў, даючы разумець, што забяру і без ягоных парадаў: дзе тое бачана, каб зэк шакалад мог забыць?!

Неўзабаве прыйшоў і мой вызваліцель – доўгі руды кантралёр з траха лупатымі вачыма. Адчыняючы клетку, ён з усмешкаю запытаў:

– Ну што ты, усё парушаеш?

– Канешне, – пацвердзіў я, выйшаўшы з камеры, і адразу згроб з даху цукеркі.

– Ты мо завязвай з гэтым?

– Не магу: парушаць рэжым – гэта маё крэда. І тут, і на волі.

– Раскруцяць жа.

– Ды кішка ў іх танка, – адсёк я ўпэўнена.

– Не, тут раскруцяць, павер мне, – паківаў той.

– Ну дык няхай і круцяць, у нас усё адно, за кожным вызваленнем ідзе арышт.

Пасля колькісекунднай паўзы рыжы зрабіў дапушчэнне:

– Тут ты мо і маеш рацыю.

– Гэта не я, гэта класік гулагаўскай прозы жыцця, – удакладніў я, ідучы да выхаду, і кінуў на развітанне: – Давай!

– Сёння ўжо не завітаеш да нас? – падкалоў мяне кантралёр.

– Куды ж ужо на ноч? Заўтра мо, пасля «промкі».

– Ну глядзі, нашыя апартаменты заўсёды радыя вас прыняць.

– Гэта не можа не абнадзейваць, Пятро! – падзякаваў я і выйшаў з КПП.

Перад адбоем я піў смачную гарбату са смачнымі шакаладнымі цукеркамі і думаў: «Дай Бог харошаму чалавеку здароўя і добрую жонку!»

Што такое «промка»? «Промка» – гэта галоўны інструмент перавыхавання зэка. Як падаткавікі маюць штомесячную разнарадку на колькасць злоўленых неплацельшчыкаў «мзды», дзяржкантрольшчыкі – на колькасць выяўленых сабатажнікаў мадэрнізацыі і г.д., і г.д., так і турэмшчыкі маюць спушчаны з вярхоў план на адсотак перавыхаванага кантынгенту, і адсотак не абы які – 100 працэнтных пунктаў. І няхай ніхто не думае, што гэта завялікія патрабаванні, бо зона іх не толькі выконвае, але і перавыконвае. Не, я не пра прыпіскі, усё адбываецца цалкам законна, па наступнай схеме. Выходзіць на прамзону, да прыкладу, 10 зэкаў – гэта азначае, што ўсе яны перавыхоўваюцца і перавыхаваныя да рэшты вызваляюцца ўмоўна-датэрмінова ці хаця б «па званку». Ужо маем 100 працэнтаў перавыхаваных. Праз колькі месяцаў– «дома» 9 з 10. Іх зноў перавыхоўваюць, зноў вызваляюць, і вось маем мы 190%! Канешне, было б 200%, але адзін, пасля першага перавыхавання, баршчануў на волі «максімкаю» і ад перадозу аддаў душу сваю іншым выхавальнікам. Сапсаваў, паскуднік, паказнікі!

Таму, каб паказнікі не псаваць, усе павінны выходзіць на «промку». Як там працуюць і ці працуюць увогуле – гэта іншая гаворка, а якая выніковасць – увогуле не адной дысертацыі тэма. Галоўнае – хадзіць, перавыхоўвацца. І я хадзіў, я ўмацоўваў справаздачнасць – каб турэмшчыкі мелі прэміі, каб былі сытымі і поўнымі сіл на нялёгкую місію перавыхавання.

І заўтрашнім пагожым чэрвеньскім днём я ішоў на промку з самымі шчырымі намерамі пазмагацца за працэнтныя

пункты – пазагараць. А дзень якраз выдаваўся сонечным, і пакуль неба дарыла такі шанец, я прыпальваў год не бачыўшую сонца скуру – скінуўшы кашулю, прагульваўся па пляцы.

Пляц – заасвальтаваная прастора метраў 20 на 50, якую атачаюць некалькі працоўных цэхаў прамзоны. На высокім ганку аднаго з будынкаў, насупраць цэху, у якім знаходзілася мая працоўная кніжка, сядзеў на зэдліку нехта белы, быццам анёл, ды, паблісківаючы на сонцы, схіліўся над кнігаю. Заўважыўшы мяне, белы чалавек махнуў рукой і нягучна, але дастаткова, каб я чуў, гукнуў:

– Здароў!

– Здароў, – адказаў я, падышоўшы бліжэй.

Анёлам апынуўся сярэдняга росту, плячысты, жыццярадасны зэк з прасветленым шырокаскулым тварам, блакітнымі вачыма. Чорныя бровы злучаліся ля самага носа, шыракаватыя ноздры якога маглі сведчыць аб характарнасці, а завяршаючы партрэт высокі лоб – аб мудрасці ці аб заўчасным аблысенні. Закрыўшы невялічкае выданне Новага Запавету «Братоў Гедэонаў», светлы чалавек адказаў на мой запытальны позірк:

– Гэта я табе ўчора цукеркі перадаў.

– А-а, – працягнуў я. – Дзякуй. А то ж я і не пазнаў бы – хутка неяк усё адбылося.

– Не забраў кантралёр?

– Ты што, як мог ён так рызыкаваць здароўем? – пасміхнуўся я і дадаў сур’ёзней: – Не, проста ўзяў на захаванне.

– Ну дык добра, – кіўнула астрыжаная пад нуль галава белага зэка.

Я стаяў перад ім і глядзеў на цэх, разважаючы, чым тут маглі б займацца.

– Пякарня, – кіўнуў мне суразмоўца.

– Зразумела цяпер, а то я думаю: «Што гэта такое: усе зэкі як зэкі – чорныя і чумазыя, а тут – белыя і чыстыя?» – патлумачыў я пра сваю цікаўнасць і запытаў, кіўнуўшы на Кнігу: – Веруючы?

– Так, канешне.

– «Канешне», – паўтарыў я. – Каму – «канешне», а большасці б пуза толькі забіць ды чыфірнуць пад цыгарэтку.

– Так і ёсць... – сумна прамовіў светлы чалавек, – але і на волі тое ж самое.

– Сапраўды, і на волі… – выдыхнуў я і задумаўся. – На волі толькі патрэбы іншыя.

Цяпер задумаліся мы абодва.

– Хадзіў у царкву па свабодзе? – перапыніў я паўзу, узгадаўшы аднаго свайго сябра са шклоўскай калоніі, які перад зняволеннем наведваў пратэстанцкую царкву, потым сышоў у свет, а са свету, як і мае быць, – у месцы не гэтак аддалёныя.

– Спрабаваў, захаджваў пару разоў… І ведаў, адчуваў у сэрцы, што кліча Бог… але… ведаеш, як яно бывае, – свет праглынуў…

– Ведаю, – паківаў галавою я.

– І вось навука, – белы зэк абвёў рукою будынкі, – ізноў тут.

– Колькі ж табе вучыцца прапісалі?

– Дванаццаць.

– Н-да… дванаццаць, – пры агучванні такіх тэрмінаў не ведаеш, што і казаць. – Гэта – ніколі.

– Зьміцер! – гукнуў ад майго цэху Віця – брыгадзір з зэкаў, да якога я быў прыстаўлены. Ці гэта ён да мяне быў прыстаўлены? Не ведаю, разабраць было цяжка.

– Нешта там хочуць, – кіўнуў я пекару. – Пайду пакуль.

– Паслухай, – спыніў ён мяне.

– Ну.

– Хацеў паразмаўляць з табою на адну тэму.

– Можна, – згадзіўся я, – тут жа суполка збіраецца ў царкву па нядзелях. Пойдзеш?

– Пайду.

– Дык во, сходзім, а пасля можна і пагаварыць.

– А ізалятар не выпішуць табе да нядзелі?

– Ну, мо, пратрымаюся на волі пару дзён, – выказаў я верагоднасць, усміхнуўшыся зэкаўскаму аксюмарану пра волю ў зоне.

Да нядзелі ўсё ж на свабодзе ўдалося пратрымацца. А 14-й, перад пачаткам служэння, я выйшаў з трохпавярховага будынку, у якім месціўся мой атрад, у «лакалку». Лакалкай называюць своеасаблівы панадворак – агароджаную трохпа-

вярховым прэнтам тэрыторыю вакол атрада, якая пазбаўляе зэкаў мажлівасці перасоўвацца па ўсёй зоне, лакалізуе іх, так бы мовіць, непасрэдна ля самай хаты. Як і любы плот у вёсцы якой, лакалка таксама мае весніцы, але тут – жалезныя, з тых жа прэнтаў, і на электрычных замках. Таму ў адрозненне ад панадворку ўласнай хаткі з панадворку зонаўскага зэк выйсці самастойна не можа – толькі пад суправаджэннем заўхоза атрада (з зэкаў) ці супрацоўніка калоніі.

Агледзеўшыся ў «лакалцы», якая ў выхадны сонечны дзень была падобна на ходнік сталічнага праспекта перад Макдакам, я ўбачыў ля весніц пекара, які, прыхіліўшыся да плота, слухаў кагосьці актыўна жэстыкулюючага перад ягоным тварам. Белы чалавек сёння быў ужо гэткім ж шэра-чорным, але выдзяляў яго з агульнае масы такі ж прасветлены твар і яшчэ вялікая Біблія, якую ён, узяўшы рукі пад пахі, прыціскаў да грудзей.

– Вітаю, – прамовіў я ціхшэй, каб не перашкаджаць размове – у прыстойным калектыве гэта не прынята – і махнуў галавою: – Ідзеш?

Якраз у гэты момант пачалі выходзіць з «лакалкі» асуджаныя, што меліся ісці на служэнне, і пекар з заўсёднаю ўсмешкаю спахапіўся: – О, хадзем!

Мы тут жа выйшлі ў шэрагі іншых жадаючых асвяціць сёмы дзень.

Пакойчык, дзе збіраліся па нядзелях хрысціяне, знаходзіўся ў суседнім будынку, старым корпусе зоны – базыльянскім кляштары. Веруючыя, будуючы яго ў XVII стагоддзі, наўрад ці маглі ўявіць, што сцены гэтыя будуць служыць людаедам бальшавіцкім, потым нацысцкім, потым ізноў бальшавіцкім, а ўрэшце рэшт стануцца самай жорсткай зонай Беларусі, дзе толькі ў некалькіх пакоях раз на тыдзень будзе дазволена маліцца.

Для таго ж, каб у пакойчык той патрапіць, трэба было загадзя падаваць замову адміністрацыі, якая складала спіс, і нядзельны паставы, які дзяжурыў на невялікім пятаку зоны – на выхадзе з двух «лакалак», – правяраў, ці не праціснуўся сюды лішні – які-небудзь жадаючы прабрацца са свайго корпуса ў суседні да земляка на гарбату.

Адзін раз перад гэтым я ўжо быў на служэнні, якое праводзіў дыякан мясцовай пратэстанцкай суполкі і якое наведвала штотыдня дзесяць-дванаццаць авец, некаторыя былі ўжо знойдзены. Гэтым разам нас таксама выйшла чалавек дзесяць. Кантралёр пералічыў паству па спісе, і я памкнуўся ўжо ісці за астатнімі, як заўважыў, што светлы чалавек стаіць са сваім таварышам на месцы ды гэтак жа прыціскае да грудзей Біблію, і таму я яго падахвоціў:

– Дык пайшлі!

– Не, я ж у праваслаўную, – адмоўна закруціў ён галавою.

– Праваслаўную? – утаропіўся я.

– Так.

– Ну… давай тады… мо як убачымся, – прамармытаў я і пасунуўся за сваімі адзінаверцамі, што ўжо заходзілі ў суседні лакальны ўчастак кляштарскага корпуса.

Цікава, праваслаўны… І адкуль прыйшло мне, што пратэстант ён? Зрэшты, праваслаўны – і дзякаваць Богу – Хрыстос Адзін. Мо яшчэ пагаворым калі-небудзь – бліжэйшыя паўгода нікуды з зоны я не збіраюся.

* * *

– Можа, давай у ніжнюю пасадзіш, каб не валачы кешэры гэтыя.

– Не, Зьміцер, ніжнія цякуць там пастаянна, давай наверх, – адказаў на маю просьбу старэйшы змены, мой цёзка прапаршчык Зміцер.

Прыйшлося цягнуць дзве торбы пажыткаў па вузкай жалезнай лесвіцы, якая пад вострым вуглом злучала адзіночныя камеры першага і другога паверхаў. Паставіўшы рэчы на падлогу, зробленую з навараных прэнтаў так, што можна было бачыць скрозь іх ніжні паверх, я спусціўся за матрацам. Гэтым разам прапаршчык падняўся следам за мною, адчыніў другую ад вугла камеру – 20-ю і з усмешкаю прамовіў:

– Міласці просім!

– Дзякуй за сэрвіс!

Як толькі дзверы за мною зачыніліся, хуткімі ўдарамі ў сцены затарабаніў сусед – жыхар сярэдняй з пяці адзіночак на паверсе. Гэта быў маяк на сувязь, і я крыкнуў:

– Гавары!

– Хто заехаў?

– Дашкевіч.

– А-а… І што далі?

– Год.

– Нармальна… Ну дык з новым годам!

– Дзякуй, і табе не хварэць, – адказаў я, зацягваючы рэчы далей, углыб камеры. – Давай пазней перамовім, трэба раскласціся.

– Добра, – згадзіўся зэк з 21-й, – маякуй як што!

Для раскладвання, у прынцыпе, варыянтаў шмат не было: усёй адзіночкі маёй было метр ушыркі і два ў даўжыню. Адразу ля дзвярэй знаходзіўся пляскаты ўнітаз з кранам над ім. За эканамічным вынаходніцтвам унітаза-ўмывальніка мацавалася да сцяны яшчэ адна знаходка камуна-гулагаўскай інжынерыі – ложак-стол: жалезныя нары, да якіх знізу прывараны столік у 25 на 25 сантыметраў. Калі нары на дзень падымаліся і прышпільваліся да сцяны – у хаце з'яўляўся столік, калі нары на ноч апускаліся – столік знікаў. Побач з нарамі быў уваране ў дол жалезны зэдлік, але, аддадзім належнае, з прышрубаванаю на ім у часы «перабудовы» драўлянаю дошчачкаю. На ноч зэдлік знікаў таксама – на яго кладліся нары. У сцяне насупраць дзвярэй была даволі вялікая, і тым больш для адзіночкі, фортка шырынёю амаль у шырыню самой камеры і вышынёю троху больш за метр. Пад акном дзве шырокія трубы служылі батарэяй.

Такія адзіночкі вы не сустрэнеце ў Беларусі больш нідзе. Так сведчаць стрыжаныя. Гэта толькі тут – у былой, адной з трох на ўсю краіну Саветаў, зоне асобага рэжыму. Цяпер «асобікаў» сядзіць у калоніі ўсяго тры камеры, а вось дзесяць адзіночак, для іх прызначаных, служаць усім «страгачам».

Агледзеўшы гаспадарку сваю, я ўзяўся за выкананне галоўнага рытуалу зэка – варку гарбаты. Хоча зэк тое ці не вельмі жадае, але, як толькі з'яўляюцца пад рукою кіпяцільнік і разетка, зэк абавязаны заварыць чорнай травы. Пры адсутнасці прылад для варкі зэк мучыцца доўга не будзе: ён раскладзе вогнішча, сцягне агонь з неба ці яшчэ што-небудзь вынайдзе, але травы, чорнай, як ягонае жыццё, заварыць.

Я расклаў нары, якія не замыкнулі – меў права карыстацца імі і ўдзень: да ўступлення прысуду ў законную сілу я быў у статусе падследчага і сядзеў у адзіночцы ва ўмовах агульнага рэжыму. Стала бачна, што пашпацыраваць тут ужо не атрымаецца – ад сцяны да нараў заставалася сантыметраў трыццаць. «Ладна, яшчэ панашпацыруюся», – думаў я, раскручваючы на жалезным ложку тонкую сваю «вату», на якую з гарачым кубкам у руках адразу прысеў і прыхіліўся да сцяны.

Цяпер можна было б нават выдахнуць, быццам пераадолеўшы самы цяжкі жыццёвы этап. Этап і сапраўды быў не з простых, але колькі іх зараз наперадзе, этапаў гэтых, і дзе канец іхні – ведае ўжо адзін толькі Бог. Таму расслабляцца не выпадала. Аднак так хацелася троху адысці ад рэальнасці, перавесці дыханне, забыць пра ўсё!.. Хаця б на гэтыя шэсць сутак. Шэсць сутак, якія я маю да новага этапу ў невядомасць.

«Здароў, Дзёня!», «Дзёня, здароў!», «Дзяніс, здаровенька!» – віталіся пэкатэшнікі, падымаючыся па жалезнай лесвіцы на шпацыр.

«Здароўкі!», «Вітаю, сябры!», «Здаровенька!» – адказваў зэк з 19-й, той вуглавой адзіночкі ля самае лесвіцы.

Так паўтаралася тры разы – у калоніі было тры камеры ПКТ, якія знаходзіліся ў суседнім будынку, што амаль прыліпаў да нашага, – тут месціліся і мы, і прагулачныя дворыкі, таму пэкатэшнікі ішлі гуляць паўз адзіночкі.

Завёўшы на прагулку ПКТ, кантралёр падышоў да нашых камер і запытаў у 19-й: «Зараз на “гулку” пойдзеш ці пасля абеду»?

– Давай зараз, – адказаў надта папулярны арыштант з вуглавой.

– А ты? – адчыніў старшына вочка ў маёй хаце.

– Давай таксама зараз, – пацвердзіў я, вырашыўшы падымацца. Чатырнаццаць гадзін сну для першага разу дастаткова, ды хацелася таксама і з пэкатэшнікамі перасекчыся (некаторых з іх ведаў з часу сваёй адсідкі ў ПКТ), і карцела пабачыць, што ж за сусед у мяне такі аўтарытэтны.

Апытваць астатнія адзіночкі кантралёр не пайшоў – шасцярых прагулачных дворыкаў на ўсіх не хапала ўсё роў-

на, і змена ў любым выпадку вымушана была выводзіць на прагулку яшчэ адну партыю, замест таго каб сядзець спакойна пасля абеду і пацягваць «купчык».

Кантралёр завёў майго суседа і прыйшоў за мною.

– Пайшлі, – кіўнуў ён, адчыніўшы дзверы.

– Пайшлі.

Мінуўшы адзін невялікі пакой, які аддзяляў адзіночкі ад дворыкаў, я адчыніў дзверы на вуліцу і ступіў на дах. Так, такіх дзівосных дворыкаў для прагулкі няма нідзе: апроч таго што яны на даху, дык яшчэ і сцен не маюць, замест іх – краты, і таму можна не толькі пабачыць зэкаў з суседніх камер, але і назіраць за цудоўнымі краявідамі, якія адкрываюцца з даху: возерам, лесам, дарогаю за ім, а потым ізноў возерам, лесам, прыгожымі домікамі дзіўнага краю блакітных азёр, кляштароў і зон.

– Здаровенька! – павітаўся я.

У адказ загучала некалькі галасоў. Я зайшоў у апошні дворык. Перада мною адзін быў вольны, у наступным гуляла чалавек шэсць, у іншых таксама соўгаліся шэрыя постаці.

– Ну як ты, Дзімыч, асудзіўся? – запытаў Віталя, адзін са знаёмых мне па ПКТ асуджаных.

– Дык дзякаваць Богу, асудзіўся.

– Ведаем мы ўжо, ведаем. Нармальна адважылі табе, мы тут не думалі, што столькі дадуць.

– Ды я і сам не думаў. Спачатку я не думаў, што пачнуць круціць; потым я не думаў, што раскруцяць; потым – што так адважаць, – я ўсміхнуўся. – А цяпер яно і сапраўды: далей лепш ужо нічога і не думаць.

– Да, бо ёсць у стацці чатыры-адзін-адзін пачатак і няма ў ёй канца, – агучыў філасофію ўсіх парушальнікаў рэжыму адзін з зэкаў і, сустрэўшыся са мною позіркам, запытаў: – Памятаеш мяне?

Я паглядзеў на зэка, потым іншых агледзеў: большасць з іх я не ведаў – за тры месяцы пасля майго вызвалення з ПКТ кантынгент змяніўся амаль цалкам. Гэты ж твар быў быццам знаёмы, але ніяк не мог прыгадаць, дзе я яго бачыў?

– Не.

– Алег мяне, памятаеш: у каранціне, у «Горках», гарбату мы пілі, фоткі я свае табе паказваў?

– Ага, было такое, – узгадаў я. – Ты прабач, не заўсёды прыгадаеш адразу – столькі гэтых турмаў-этапаў-зонаў. А ў «Горках» што я там? Пару дзён каранціна і – у ізалятар, а потым як выйшаў, дык вас там ужо па атрадах раскідалі.

– Ну так, павалтузілі цябе. Але я сачу за табою! – рапартаваў Алег. – Чытаю ў «Народнай Волі» пастаянна. Ты – маладзец, я це гавару, руліш граматна.

– Граматна? – у дадзеным кантэксце такі выраз азначаў, што я сам сабе шукаю прыгодаў. – Век бы грамацейства гэтага не бачыць. Я проста не магу дазволіць перамалаціць сябе, ды яшчэ каб задарма, – патлумачыў я сваю грамату і дадаў рэалістычную ацэнку: – Канешне, могуць сажраць, але хаця б пару чалавек ды падавіцца.

Прайшоўшы пару разоў па клетцы, узгадаў я добрым словам беснаватую горкаўскую калонію і запытаў:

– А што, чытаюць такія газеты яшчэ ў «Горках»?

– З цяжкасцямі. Гэта ўжо як ты паехаў, блатныя хадзілі і забаранялі «Народную Волю», «БелГазету» падпісваць. А не, каму – у мазгі, каму – «рамсоў» навешаюць, ты ж ведаеш, як яно там робіцца, калі хто супраць операддзела.

– Ага, троху сербануў.

– Ну во, сам не разумею – як выграб? – выказаў здзіўленне Алег і зацягнуўся цыгарэтаю. – Я ж там па справе пісаў усё, і ў «БелГазету» дасылаў некалькі разоў, але ў «Горках» не выпускаюць такое. Паскандаліў потым з блатнымі, далі паўгода ПКТ і адразу вывезлі. Ды і дзякуй Богу! Зараз, во, хоць даслаў у «Белку» дакуманты свае. Мо хаця б яны развярушаць што, бо спадзявацца ў гэтай дзяржаве няма на каго.

– Гэта так, спадзявацца можна толькі на скуру сваю, – згадзіўся я і вырашыў пацікавіцца яшчэ пра лёс аднаго свайго завочнага сябра, які сербануў у «Горках» за мяне добра: – А што Ладноў Дзяніс, вызваліўся?

– Ну так, выйшаў з ПКТ і праз тыдзень – на волю.

– Дык а прыязджалі да яго з праверкамі?

– Былі нейкія, але ён пайшоў у адмову: не было такога, я – ні я.

– Як так? Яго ж там пры мне калацілі… Сіні як ізалента быў, – не мог зразумець я такой «адмовы», узгадваючы тым больш, як лупілі Дзяніса на «прадоле» ізалятара і, каб не чутны быў ягоны дзікі роў, цягнулі па падлозе ў лазню. Лазня ж у «Горках» выконвае дзве функцыі: пакой для мыцця, дзе зручна раз на тыдзень адшараваць гразь, і пакой для біцця, дзе яшчэ зручней збіваць біялагічную адзінку пад назваю «зэк»: па-першае, ніхто не чуе, а па-другое, хутка змываецца кроў са сцен і падлогі – толькі пару тазікаў вады і трэба.

– Ты што, не разумееш, што такое «дзявятка»? Гэта цябе там – ды яшчэ з адвакатам – пабойваліся. А так – праверка прыехала і ўехала, а людзям жыць потым як? Ды нават калі і пакажаш пабоі, – махнуў рукою Алег і задаў самае важнае пытанне: – Як дакажаш, што ця блатныя з мусарамі валтузілі? А потым прыдуць блацюкі ў камеру, паламаюць косці і шчэ ў «петушатню» загоняць. І колькі там такіх выпадкаў было! Таму каму гэта трэба, Дзімон?

– Н-да, сітуацыя вясёлая… – паківаў я галавою і выказаў найбольш для мяне і заўсёды незразумелае: – Самае парадаксальнае, што церпяць жа, рабы!.. Ды і з гэтымі, беснаватымі, ніхто нічога зрабіць не можа.

– Пастой, прыйдзе іхні час, павер ты мне. Адзін там ужо быў, вызваліўся, пасля знайшлі з паламаным хрыбтом. Хутка дадуць справаздачу і ванькі з петраковічамі, – упэўнена і пасміхаючыся сцвердзіў мой горкаўскі знаёмы і, настойваючы, паўтарыў: – Час прыйдзе.

Нельга было не пагадзіцца з такою лагічнаю высноваю, аднак у нашым выпадку падалося мне неабходным удакладніць:

– Прыйдзе, але не таму, што нехта прыспешыць, а таму што ёсць жалезны закон быцця, які яшчэ ніхто не перахітрыў: *што пасее чалавек, тое і пажне*.

– Не, гэта таксама праўда, – кіўнуў Алег, закурваючы наступную. – Во, Кавалёва ж знялі.

– Да ты што, ён жа помнік?! – здзівіўся я, узгадваючы каларытнага персанажа – начальніка горкаўскай зоны Кавалёва, які такім шалёным лямантам гарланіў на мяне падчас выпісвання ізалятара, што я не мог разабраць ні слова,

і толькі ягоны наменік Лапатка перакладаў мне: «Пшол во-о-он!»

– Бывае, і помнікі аб зямлю грукаюцца, – трапна адзначыў суразмоўца. – Але «чаму», толкам ніхто там не ведае. Прыехала нейкая праверка на промку, быццам выявілі там процьму чорных схем, па якіх муцілі з мэбляй і лесам. Некалькі галоваў паляцела. Мо самі хутка некаторыя апрануць?! – Алег патрос рукою на грудзях робу.

Сапраўды, часам шанец апрануць робу выпадае і тым, хто сёння сам зэкаў у гэтую робу апранае, але толькі ў тым разе, калі заграбаў персанаж і не дзяліўся. А калі распіл адбываецца на ўсе лапы справу робячых і яе кантралюючых, дык схема жалезабетонная і стаіць доўга, вельмі доўга. Амаль вечна… «Дык няўжо хапугі ўсе такія, начальнікі зонаўскія?» – законна абурыцца хто-небудзь. Не, канешне, не ўсе – паўсюль ёсць людзі сумленныя. Але ж і з гэтага боку ўсё тое самае, што і з таго: улада, улада поўная, абсалютная і ніякім абскарджваннем непадлягаючая. Як утрымацца ад гэткае ап'яняючае спакусы і ўсіх даброццяў, з ёю звязаных? Ясная справа, гэта не дзесяць мільёнаў, але нават калі пару тысяч рабоў пад тваім абцасам, як жа тут не абзавесціся сваім Кіраўніцтвам справамі?

– Пагулялі, і харош! – агучыў устаноўку зайшоўшы на дах прапар.

Салдацік-навабранец, які, кантралюючы нас, хадзіў уздоўж дворыкаў, пачаў адчыняць адну з клетак з пэкатэшнікамі.

– Што, ужо ўсё? – абурыліся тыя, хаця і самі ведалі, што «ўсё».

– А як хацелі? Усё па кодэксе: патрэслі касцямі паўгадзіны і – у склеп свой.

Жыхары склепа спрачацца не збіраліся і вярталіся ў хаты, развітваючыся са мною і такім шануемым страгачамі чэлам з іншае адзіночкі, які гуляў у скрайнім ад мяне, першым дворыку. І калі ўсе выйшлі, я ўгледзеў, што суседам маім, Дзёнем, ёсць колішні знаёмы – белы пекар. Я радасна ўзняў далонь.

– Здароў!

– Здароў! – махнуў у адказ і светлы чалавек.

– Як гэта ты тут апынуўся? – прыкрыкнуў я, зважаючы на чатыры клеткі паміж намі.

– О, доўгая гісторыя, – з незыходзячай з твару ўсмешкаю адказаў ён і запытаў кантралёра: – Не выводзяць нас яшчэ?

– Не, на агульных жа ўмовах – гуляеце гадзіну.

– Ды, на працы там… – хіба нехаця пачаў Дзяніс, – прыйшлося ўгаманіць аднаго.

– Гэта тая бойка? – прыгадаў я абмяркоўваемую апошнімі днямі між зэкаў падзею – рукапашную на прамзоне.

– Ну, – кіўнуў пекар, – не здолеў стрываць.

– Усяк жа бывае. Яно мо і не заўсёды правільна – трываць.

– Не, я ведаю: мяне Госпад вучыў цярпенню, пакоры. А я сарваўся.

Я сам сабе ўсміхнуўся: філасофія пакоры для Беларусі не новая. Многія памылкова (а мо і адмыслова) інтэпрэтуюць біблійны заклік упакорыцца Хрысту як загад упакорыцца ўсяму і кожнаму. Не ведаю як каго, а мяне гэтая ідэалогія памяркоўных і талерантна-прыгнечаных, узведзеная некаторымі тэолагамі ў культ, прымушае праведна абурыцца і пасекчы апанента параю новазапаветных прыкладаў (найбольш падабаецца мне памяркоўны Павал, які першасвятару, загадаўшаму ўдарыць апостала па твары, кажа чыста так па-памяркоўнаму: «Дык няхай ударыць цябе Бог, сцяна пабеленая!»(Дзеян. 23: 3)), але тут абурацца ніяк я не мог: з аднога боку, было бачна, што Дзёня ўсё ж не з тых, хто чалавекам упакорвацца будзе, а з другога – нават калі і патрапіў ён пад недарэчныя ідэі, але выказваўся з такім прасветленым абліччам, што мог я толькі ўсцешана ўсміхнуцца:

– Што ж за нягоднік збіў цябе са шляху?

– Ёсць там зэк адзін, камендант прамзоны.

– А гэта што? – такой зэкаўскай пасады чуць у калоніях мне яшчэ не даводзілася.

– Ды ніхто толкам і не ведае «што», – махнуў рукою Дзёня. – Ходзіць буры такі ды ўсё кімсьці камандаваць спрабуе. У асноўным муціць з кабелямі: кілаграмы на сябе закрывае, зэкам – па пару блокаў «Прымы». А ў дадатак і жыць спакойна не дае: то жалеза забярэ, каб спортам не займаліся

(ходзяць яны потым свае ж гантэлі ў яго выкупляюць); то не выпускае ў душ, пакуль зэк норму медзі не здаў. А калі няма кабеляў, дык што, не мыцца зэку? – пекар спыніўся ў дворыку і, паглядзеўшы на мяне, дадаў: – Ты ж ведаеш, у якіх умовах працуюць людзі, як цярпець такое?

Што адказаць Дзянісу, я не ведаў – не хацелася мне яго засмучваць зусім: тыя ўмовы, у якіх працуюць у «Глыбокім», дзе на промцы ёсць лазня ў 15–20 душавых кранаў і мыйся хоць кожны дзень – люксавыя, калі параўнаць з тым, што бачыў я хаця б у папярэдняй сваёй камандзіроўцы – у «Горках».

Горкаўскія цэхі па дабычы каляровых металаў (у асноўным медзі і алюмінія) з адпрацаванага кабелю, умяшчаюць сотню-другую мурзатых твараў.

Перад пачаткам працы да цэха пад'язджае які МАЗ і вывальвае пад «лакалку» гару кабелю, на якую зэкі тут жа кідаюцца з усіх бакоў, і яна ператвараецца ў жывы арганізм: адзін цягне кабель, другі – зэка за нагу, трэці з чацьвёртым чысцяць лычы адзін аднаму – ідзе грамадзянская вайна, у якой кожны імкнецца заваяваць паболей здабычы.

Пасля падбітыя ваякі цягнуць трафеі ў цэхі і – усе ў мазуце, саляры і шчэ якой гадасці – пачынаюць іх драць, здабываючы для радзімы каляровы метал. Тут нябёсы разраджаюцца дажджом (а дажджы неяк вельмі любяць цудоўную горкаўскую зямлю і дзікунскую горкаўскую калонію), і цэхі ператвараюцца ў вялікую душавую кабіну – зліва з даху палівае ўсё: чорных рабоў, кабелі, мазут і нават «мусара» якога, што зайшоў пракантраляваць медны руднік. А пячорныя людзі каменнага веку, хоць у руках у іх прылады металёвыя, усё дзяруць, дзяруць, дзяруць: норма-та – 60 кг!

(Чытач, калі ты маеш дома адпрацаваны медны, алюміневы ці любы іншы кабель, ніколі, ніколі не здавай яго на пункт перапрацоўкі! «Закапай яго!» – умаляюць цябе разам са мною ўсе зэкі Беларусі. – Не ўмацоўвай рабаўладальніцкі лад на Бацькаўшчыне!)

Паўцэнтнера алюмінію (гэта ж цэлы воз!), канешне, здаць за змену нерэальна і ніхто ўстаноўку са столі ўзятую не выконвае. Падавалася б тады: навошта ўвогуле норма гэ-

тая, хворымі людзьмі выдуманая? Аж не, людзі-та не хворыя, людзі – граматныя і добра прашараныя: норма для таго, каб любога і ў любую секунду можна было прыцягнуць у цугундзер за яе невыкананне.

Пасля працы пячорнаму рабу хацелася б прыняць не імправізаваны небам, а просты, штучны душ. І вось заходзіць ён на ўмывальнікі і што бачыць? На ўмывальніках ён бачыць чатыры ракавіны і тут жа, за невялікаю перагародкаю, – чатыры, адна ля адной, дзіркі (даруйце, даруйце мне дзеці, жанчыны, натуры тонкія і вытанчаныя – усе даруйце!), за дзень сотняю зэкаў заваленыя натуральнымі і ненатуральнымі выкідамі замучаных баландаю страўнікаў. У такой абстаноўцы мыйся як хочаш: тут – чатыры ракавіны, дзе ценяў восем, паздымаўшы кашулі, штурхаючыся, шаруюць далонямі па грудзях, а побач – дыміцца чатыры гары…

Я скажу дакладна: каб не быў я зэкам, каб быў я нармальным чалавекам і прачытаў такое, седзячы пры гальштучку за кампьютарам, альбо ў газетцы, у халаціку разваліўшыся на канапе, не паверыў бы я і сам, што такое можа быць у III тысячагоддзі. Але клянуся вам: так і ёсць! Абы толькі не ехалі вы правяраць мяне ў «Горкі»!

Ну і ці можна з такім дзікунствам параўнаць што-небудзь у свеце? Можа быць, толькі канцлагеры ў Паўночнай Карэі.

Ізноў, хацелася б абурыцца: чаму рабы церпяць?! Чаму не патрабуюць наймінімальнейшых умоў, якія адрозніваюць чалавека ад быдлоты?! Але ўзгадваю я словы Алега пра наступствы для патрабуючых… і разумею, што і абвінаваціць няма каго: каб стацца свабодным, раб павінен быць гатовы развітацца са сваім рабскім жыццём. А гэтыя: хочуць хаця б неяк, але існаваць, думаючы, што, выбраўшыся з дзвюхтысячнай зоны ў дзесяцімільённую, яны будуць вольнымі.

– Як цярпець? – паўтарыў Дзяніс.

– Нельга цярпець, – згадзіўся я. – Але ж церпяць.

– Я спакойна глядзець на такое не магу, – адрэзаў праўдашукальнік і, вытрымаўшы паўзу, працягнуў: – Неяк кажу яму: «Што ты тварыш, ё-маё?! Ты з людзей маеш, дык дай жа і ім дыхаць!» Ён на нейкі час супакоіўся, а потым ізноў:

панапрыдумваў «лакалкі» варыць каля цэхаў, каб зэкі не маглі з амбараў сваіх выходзіць нават паветрам падыхаць. У нас там, ля пякарні, таксама пачалі варыць клетку, а ён бегае ўсё і кантралюе. Я, гледзячы на рух такі, прыкалоўся: «Вам, – кажу, – і наглядчыкаў не трэба, вы тут самі гатовыя пазаварваць сябе з усіх бакоў у арматуру». Ну і што ты думаеш? Пайшоў ён аперам наплакаўся, што хаджу я, маўляў, ды агітую зэкаў кіпішаваць супраць «лакалак». Мяне выклікаюць, я ім тлумачу: «Якая мне розніца, вараць яны самі сабе наморднікі, дык няхай вараць – кожны ж вызначаецца перад начальствам як можа». Ну троху прыкаloліся мы, ды пайшоў я з мірам.

А тут, праз пару дзён, рушым мы на абед з сябрам маім, Максам, і *гэты* насустрач: «Ну што, раздухарыла ця? Думаеш, адмазаўся? – запытваецца нахабненька так і дадае са смяшком: – Пачакай!» Але я ўжо не чакаў: даў раз у зубы і – з капыт небарака. Падняўся ды пабег. Макс кажа: «Ну што, пайшлі на “кічу” пераапранацца?» «Пайшлі», – кажу. Ну і сапраўды, толькі мы пераапрануліся, за намі прыляцела ўжо змена. Далі нам спачатку па дзесяць сутак – ціпа не па форме адзення хадзілі па промцы, а потым Макса ў зону вызвалілі, мяне – на агульныя ўмовы ў адзіночку ды паабяцалі цягам месяца вывезці.

– І ў чым сэнс? – запытаў я, не разумеючы такіх падыходаў.

– Каб не было канфліктных сітуацый надалей, – патлумачыў добры пекар і па сумяшчальніцтву ўгамонвальнік борзых, – кагосьці з двух трэба вывозіць. Зрэшты, нармальна, зменім абстаноўку. Ва ўсім трэба шукаць станоўчыя моманты. Для мяне гісторыя гэтая – мажлівасць пераасэнсаваць рэчы некаторыя, гардыню сваю ўпакорыць, хаця б трошку цярпенню навучыцца…

Дзяніс задумаўся.

– На ўсё Ягоная воля. Хто я такі, Дзімон?

– Чалавек, – усміхнуўся я гэтаму простаму пытанню.

– Чарвяк я, – таксама з усмешкаю, але асвечанаю сумам абвесціў светлы чалавек. – Калі Ён так дапусціў, Ён ведае, што робіць.

Сапраўды, хто мы такія у гэтым валадарстве ценяў: чалавекі ці чарвякі? У такой дылеме сходу разабрацца было цяжкавата, і я пацвердзіў тое, у чым быў перакананы:

– Так, *Ягоныя шляхі, не нашыя шляхі*.

– Ну і самы пазітыўны аспект, – Дзёня строс сум і зноў заззяў, – з табою ўбачыліся.

– Да ты што, – сумеўся я. – Ці яно таго каштавала?

– Каштавала. Бачыш, які провід Божы: планавалі мы планавалі сустрэцца, а тут во – у адзіночках стрэліся.

Нейкі час пахадзілі мы туды-сюды па клетках сваіх, разважаючы над провідам Божым, пакуль не прыйшоў прапаршчык і за намі.

– Дзімон, – клікнуў Дзёня, калі мы былі ўжо ў адзіночках.

– Ну, – адказаў я, лежачы на нарах і нават на крык не пераходзячы – акустыка ў будах нашых была такая, што можна было размаўляць праз сцены звычайным голасам.

– Маеш што есці?

– Перад судом хадзіў у атаварку, дык троху карамелек шчэ засталося, – адказаў я, ды ніякавата самому стала ад гэткага сумнага падрахавання, і я натхнёней дадаў: – І паўпачкі маргарына!

– Дык я «заганю» табе па абедзе.

– Ды не, супакойся ты, табе б самому было.

– У мяне ёсць, – запэўніў сусед. – Мяне ж на агульныя ўмовы закрывалі з атрада, з усімі рэчамі, а перад кічаю паспеў я перадачу атрымаць ад мамкі.

– Дзёня, усё роўна неяк няёмка аб'ядаць цябе. Ты сам кушай, а я хутка на турме буду, там ад'емся да этапа.

Праз паўхвіліны Дзёня, з крыху засмучанай інтанацыяй, гукнуў:

– Паслухай, Дзімон, ты так не гавары. Я ж ад шчырага сэрца.

І хаця трэці закон зоны ніхто не адмяняў, але не пагадзіцца тут было ўжо нельга – гэта сапраўды засмуціла б чалавека, які жадае дапамагчы ў прастаце сэрца. І я, крануты шчырасцю добрага пекара, адказаў:

– Добра, сябар, давай пачастуемся!

Праз пару гадзін, па абедзе, раздатчык ежы выдаў мне суп з кашаю і перадаў ад Дзяніса, якога карміў перад гэтым, па-

кунак. Я адразу, як ісцінны галадаючы, пачаў даставаць усё, што там было – о, сады Семіраміды! – цукеркі, кавалак сыра, каўбасы, маянэз, яблычкі, яшчэ нешта і нават піражкі самаробныя – выглядала на тое, што гулянка будзе ў мяне сёння да самае ночы.

– Дзёня!

– Так, Дзімон.

– Дай табе Бог здароўя і добрую жонку!

– Дзякуй, – засмяяўся Дзяніс, – кушай на здароўе!

Назаўтра мы дамовіліся ісці на прагулку пасля абеду, асобна ад ПКТ, каб можна было спакойна пагаварыць. Нас вывелі ўтрох: мяне, Дзёню і высокага бледнатварага зэка гадоў трыццаці – суседа з 21-й, які і віншаваў мяне з новым годам. Сусед гэты быў пастаянна навесяле і на радасцях ажно прыпрыгваў падчас хады, а калі спыняўся, каб што-небудзь паведаміць суразмоўцам, твар ягоны, не абцяжараны пакутнымі развагамі аб быцці, прыўкрасна лыбіўся і час ад часу падміргваў правым вокам.

– Санчоўс, дык і ты вырашыў прагуляцца? – звярнуўся да яго Дзяніс.

– Канешне, – правае вока міргнула, – трэба падыхаць восенню.

Так, надышоў першы дзень восені: быццам па каляндарным загадзе, лес фарбуецца ў жоўта-барвовыя адценні, а паветра свяжэе. Мы стаялі, узіраючыся ў краявіды і паглынаючы першавераснёўскае хараство…

…А ў памяці паўставалі ўспаміны аб першым верасні: бесклапотнае дзяцінства – кветкі, ранец, новыя сшыткі і кнігі з натхняючым пахам друкарні, лінейка, першакласніца са званочкам у руках на плячы ў выпускніка. «Чаго дасягнулі мы з тых далёкіх часінаў, якія патанаюць у восеньскім ранішнім тумане?» – думаў, напэўна, кожны. Ці споўніліся летуценні дзіцячыя? Наўрад ці нехта з нас уявіць мог, што калі-небудзь першага верасня мы будзем выходзіць не на школьную лінейку, не ва ўніверсітэцкую аўдыторыю і не на працу на карысць Бацькаўшчыны, а як парушальнікі ўсіх рэжымаў гэтай Бацькаўшчыны пасунемся са сваіх адзіночак у прагулачныя клеткі, радуючыся, што цэлых 60 хвілін дазволена нам

глядзець на свабоду і дыхаць вольным першавераснёўскім паветрам.

– Эх, прыгажосць! – гукнуў Дзёня. – Глядзеў бы і глядзеў!

– Пакуль што гэта ўсё, што нам застаецца, – прыпрыгнуў Санчоўс.

– Нічога, загляне сонца і ў нашае ваконца, – абнадзеіў я.

– Калі ў маё загляне, Дзімон, – з сумам выдухнуў пекар, углядаючыся ў далягляд, – я і думаць не жадаю – наперадзе восем зім.

Мы пачалі шпацыраваць па клетках, і я запытаў:

– І што, надзеі на перагляд ніякай?

– Па маім артыкуле, 139-м, і пісаць-та няма сэнсу, бо я ж мог выхапіць і 25-ку, і лоб зялёнкай.

– Да ты што? – здзівіўся я, спрабуючы ўявіць сабе светлага чалавека з зялёнкаю на ілбе.

– Так, таму я і казаў табе, што яшчэ сарваўся. Але як па судовай справе і па тым, што было насамрэч, дык я канкрэтна ўзгруз, аднак справу ніхто не перакваліфікуе і не перадаследуе… Таму – сядзець, Дзімон, трэба сядзець.

На маю просьбу распавесці пра справу Дзяніс пачаў аповед.

– «Дзялюга» такая. Быў там у нас, у Паставах, чэл адзін, бандзюкаваты такі. Праўда, я і сам з тых. Па-першае, з маладосці так склалася – як далі мне ў 16 год «трошку» за хуліганку – ажно галава затрэслася – так і пайшло па накатанай. Па-другое, і гарадок у нас даволі бандзіцкі – да апошняга часу нават «абшчак» збіраўся на «жулікаў», чаго ў Беларусі ўжо даўным-даўно не бачана. І вось чэл гэты, Кірыл, судзімы-перасудзімы, спаліў машыну сяброў маіх, двух братоў. Потым ён чамусьці вырашае (відаць, каб разборак пазбегнуць) сплаціць за машыну ды просіць мяне звесці яго з братамі, якія судзімыя самі і таму заяву не падавалі. Ну, я звёў – прыйшлі мы разам да іх на хату. З чэламі гэтымі я, дарэчы, прайшоў агонь і ваду, і якіх толькі дзялюг не муцілі, і перакананы я быў у іх, як у самім сабе. Карацей, сядзяць яны там на кухні і размаўляюць, а я ў іншым пакоі, з дзяўчынаю піўко папіваю. Чую тут, што нейкая спрэчка ўсчыняецца, я – туды. Высвятляецца, што яго не задавальняе кошт,

якi за машыну выставiлi. Ну я, праўдашукальнiк… цi што я там шукаў? Не ведаю. Прыгодаў на сваю… Кажу яму: «Ты не бурэй, скажы дзякуй, што з табой проста размаўляюць за тачку спаленую. Заплоцiш столькi, колькi табе скажуць». Не ведаю, што перасмыкнула таго, але ён – за нож i на мяне, троху нават падрэзаў. Я, праўда, угаманіў яго адразу і на каня падсеўшы вымалаціў добра. Аб'ехаў той па сцяне пасля апошняй падачы і сіпіць: «Усё, Дзёня, харош. Я зразумеў». Ну, зразумеў дык зразумеў. Я, яго больш не чапаючы, адразу зваліў адтуль. Выйшаў, кашулю зняў, кроў парасціраў па целу, потым анучу гэтую выкінуў і пайшоў дахаты. Назаўтра за мною прыязджаюць і садзяць у ізалятар часовага ўтрымання. Справа ж, як я потым даведаўся, была ў тым, што пасля мяне дабілі браты чэла таго і павезлі закапалі. Следакі робяць экспертызу, высвятляецца, што Кірыла закапалі яшчэ жывога. Становіцца зразумела, што я ні пры чым і мяне з «кічы» вызваляюць пад падпіску. Тыя ж сядзяць і ім інкрымінуюць укрыццё цела; а я бяру ўсё на сябе, але настойваю на самаабароне, тым больш што пабоі – парэзы – з мяне знялі таксама. Аднак тут прыязджаюць следакі з вобласці, кажуць: «Э не, так не пойдзе: Дзёня хітры чэл – ён і сябе адмазвае, і вас з турмы выцягвае. Нас такі расклад не задавальняе». Перарабляюць яны экспертызу, і тая дае ўжо, што Кірыла закапалі мёртвага, а не жывога.

– Як жа так?! – абурыўся я, быццам бы першы раз чуў пра метады працы МУС РБ і як бы сам са спецамі фальсіфікацыяў не знаёмы быў ніколі.

– Ну як… – хмыкнуў Дзяніс. – У нас паўсюль аднолькава робіцца: следакам трэба гучнае злачынства ды каб пацяжэй, раскрыццё, нейтралізацыя бандытызму і – як вынік – статыстыка, зорачкі з прэміямі ды павышэнні. Вось знайшлі і справу, і бандыта: мяне закрываюць ізноў, а братоў вызваляюць, і пачынаюць тыя грузіць мяне па поўнай. Я ў жаху... Ды што зробіш? Ім сказалі: «Ці вам 25 – "вышка", ці яго грузіце». Ну і ўсё, даводзяць мяне па забойству да суду. А гарадок-та невялікі, усе ўсё ведаюць, і зразумела і суддзі, і пракурору, што я не забіваў. Там і маці Кірыла на судзе пратэставала, заяўляючы, што забілі браты, а не я. Але ўсё было загадзя

вырашана, і мяне прыгаворваюць. У гэтым і прычына, што далі *толькі* дванаццаць па такім артыкуле.

Н-да, «толькі»… – адно і заставалася пахітаць галавою мне.

Колькі я слухаю такія сведчанні, столькі не стамляюся дзівіцца таму ўзроўню бясчынства, у якім усе мы жывём. І колькі іх такіх сядзіць па абвінавачваннях, высмактаных з пальца ці ўвогуле выдуманых хворай (і – прашаранай) фантазіяй следчых?..

Калі мяне закрывалі першы раз, у 2006-м, я быў перакананы, што пад прэсам у нашай дзяржаве знаходзяцца толькі палітычныя апаненты, але, як толькі я агледзеўся навокал, з жахам зразумеў: пад прэсам у нас усё грамадства – бізнесмены, чынавенства, моладзь – усе і кожны.

Ты можаш самастойна зарабляць і не крышуешся ціцянковічамі? У турму! Ты малады, энергічны, няўрымслівы і недзе спатыкнуўся? Мы дапаможам табе знайсці жыццёвы шлях! У турму! Ты кіраваў калгасам і не мадэрнізаваў вілы? У турму! (А ён табе казаў: «Сядзеш!») Ты быў у абойме і, асмялеўшы на нейкім фуршэце, сказаў усё, што ты пра яго думаеш? Тваё месца там – у турме! Але ў гэтым выпадку не наракай таксама: ты ведаў чорта лысага, якому служыш.

Можа скласціся ўражанне, што коцікі тут усе такія пушыстыя сядзяць і чыноўнікі-небаракі. Безумоўна, гэта не так – сядзяць і злачынцы. Але расклад, паназіраннях маіх, прыблізна такі: 1/3 трэба адсюль выгнаць адразу, другую 1/3 адшлёпаць па срацы і адпусціць каго да мамкі, а каго да жонкі. З астатняю 1/3 трэба разбірацца – недзе столькі, відаць, сядзець маюць, але і тое не па такіх вар'яцкіх тэрмінах.

Вось такая карціна маслам, на якой «палітычныя» пачуваюць сябе значна больш упэўненымі, чым іншыя, – за палітвязняў ёсць хаця б каму заступіцца: пра іх пішуць СМІ айчынныя і міжнародныя, па іх прымаюць петыцыі праваабаронцы ўсяго свету, вызвалення іхняга патрабуюць дзяржавы. А хто заступіцца за гэтых? Хто спатрабуе для іх вызвалення?

А Дзёня, сябра мой на турэмным шляху? Хто дамажацца для яго справядлівага суду? Ці нарабіў ён на 12 без права на

амністыю і датэрміновае вызваленне? (Па 139-м артыкуле амністыю не выдаюць і па замене рэжыму такіх не выпускаюць.) І ўвогуле: які суд загляне ў душу? Які можа ўбачыць у вачах прагу да новага жыцця? Пад цяперашняй акупацыяй і разважаць пра тое не выпадае. Адбылося б гэта хоць пры незалежнай фемідзе, тады, мо, і сядзім не задарма.

– А што тыя два, што загрузілі цябе? – запытаў Санчоўс.

– Тыя па году ўзялі за сукрыццё цела – і ўсё.

– Ты скажы мне, дзе яны мешкаюць – праз месяц я ўжо на волі і перакажу ім за цябе прывітулькі.

– Супакойся, Санёк, – упікнуў Дзяніс, – ты ж збіраўся завязваць.

– Я яшчэ паспею, гадоў трыццаць мушу мець наперадзе, але за цябе, Дзёня, – і Санёк артыстычна грукнуў сябе ў грудзі, – я сплачу ім спаўна!

– Не трэба за мяне сплочваць, там кожны сам сваё сплаціў: у аднаго дзіця памерла, а другі патануў па п’янцы.

– Ну і правільна, што ж яны думалі – на дванаццаць год загрузіць чалавека невіноўнага!

– Але я ім, Санёк, зла не жадаў, я ўсё адпусціў. Проста так не бывае, каб рабіў ты злое, а спажываў добрае. Ды і не невінаваты я таксама – нарабіў «будзь здароў» у сваім жыцці, за што не адказваў. Таму вось цяпер і атрымліваю сваё ды нікога не віню: ні людзей, ні тым больш Бога, – Дзёня спыніўся і глянуў на мяне. – Шкада вельмі, што так позна разумеем многія элементарныя рэчы!

– Позна – гэта калі ўжо ў дамавіне, – паправіў я сябра, – а пакуль у гэтым свеце, ніколі не позна.

– Так-та яно так, – паківаў Дзяніс, – але як уяўлю сабе, колькіх можна было б пазбегнуць бедаў, каб раней прышоў у царкву. А лепш, каб з дзяцінства, – ён учапіўся за краты і патрос іх, – каб ніколі гэтага не бачыць!

– Не толькі табе хацелася б з дзяцінства, але як я, дык такіх людзей не ведаю, – я задумаўся і перабраў у памяці ўсіх знаёмых сваіх братоў і сясцёр і не знайшоў нікога, хто хадзіў бы ў царкву з дзяцінства – усе пакаяліся ў свядомым веку. Для хрысціянскай краіны такое было б дзікунствам, а для нашай – норма, галоўная прычына якой ляжыць на паверхні,

і таму я дадаў: – Ды яно і не дзіва – выпальвалі зямлю пад нагамі з 1917 года. Што тут гаварыць…

– Так, камуністы знішчылі духоўнасць, цара забілі! – згадзіўся ў праведным абурэнні Дзяніс і рэзка запытаў: – А хто такі цар?

– Хто? – цікава было даведацца мне.

– Гэта заступнік наш перад Богам.

«Так, усё зразумела», – падумаў я. Але спрачацца было няможна і тут – з такой непасрэднасцю глядзеў на мяне цароў заступнік і прасіў згоды. Я зрабіў выгляд, што не разумею, аб чым гаворка:

– Ты думаеш?

– Канешне ж! – здзівіўся неразумнасці маёй сябар. – Мы з табою хто, Дзімон?

На гэтае пытанне адказаць было прасцей – я ўжо ў ім трошку разабраўся і таму пацвердзіў:

– Чарвякі, Дзёня.

– Вось, а цар – хадатай перад Госпадам, ён адной малітвай мог адмаліць грахі ўсіх нас! А мы ўсе разам і аднаго цара не адмолім.

Я выдыхнуў. Усё ж выходзіла на тое, што ў тэалагічную дыскусію прыйдзецца ўступіць. Гэта вам не тэорыя цярпімасці – тут усё сур’ёзней.

– Разумееш, Дзяніс, гэта неяк не вельмі па-біблійнаму, – асцярожна пачаў я. – Ісус сведчыць: «Што папросіце Айца ў імя Маё, Я вам дам». Дык нашто нам яшчэ нейкія пасрэднікі і заступнікі? Ён ужо ёсць – Хрыстос, іншых быць не можа: «Прасіце Мяне ў імя Маё ці Айца ў імя Маё – і будзе вам!» – усё на гэтым.

Але Дзёня як сапраўдны праведнік у тэалагічныя разборкі ўцягвацца не збіраўся і спакойна прамовіў:

– Я ведаю адно, Дзімон, я проста ніякі… Чарвяк я. Я такога нарабіў у сваім жыцці… Па такіх я па мурзачах прайшоў.

– Што гэта такое? – запытаў я пра новы тэрмін, не жадаючы тэалагізаваць таксама.

– Мурзачы? Гэта дно жыцця нашага: секс, наркотыкі і рок-н-рол. Ці па-нашаму: шлюхі, бырла і папса. Хаця, пры жаданні, і наркаты таксама хапала...

Дзяніс узбуджана пашпацыраваў па дворыку, спыніўся, пільна на мяне глянуў і пытальна ўзмахнуў галавою:

– Ведаеш, як я жыў?

– Як? – узмахнуў і я.

– Па поўнай! – адрэзаў ёй. – Калі рабіў нешта – рабіў на ўсю! Калі бухаў, дык так, каб да блявоціны! Калі ўмазваўся наркатой, дык так, каб «у саплях»! Калі па бабах… Карацей, на паўабароты не рабіў нічога. І таму цяпер я вырашыў: калі мяняць жыццё, дык мяняць усё і цалкам! Бо інакш – проста няма ніякага сэнсу. Ды і не атрымаецца інакш.

– Так, інакш не атрымаецца, гэта праверана, – засведчыў я. – У кожнага, скажу я табе, свае мурзачы ў гэтым свеце. Ты праз адны прайшоў, я – праз іншыя. Санёк вунь, – кіўнуў я ў бок Санчоўса, – праз свае. Так, Санёк?

– Так, – пагадзіўся той, падскокваючы па хадзе.

– Але сутнасць, сутнасць-та – паўсюль адна і тая ж і адпаведна ў кожнага свой цяжкі і няпросты шлях да веры, – хацелася падзяліцца мне асабістым і хаця б трошку, але абнадзеіць сябра. – Вось і я таксама на шляху гэтым, калі паспрабаваў у кучу сабрацца, заходжваў у царкву, таксама выразна разумеў патрэбу перамен, але прыходзіў вораг, абкрадаў мяне, і, як я яму моцна ні супраціўляўся, – свет паглынаў… – Я ўздыхнуў, узгадваючы, як шмат часу згубіў у бадзяннях сваіх, і заставалася толькі пацвердзіць Дзёніна вызначэнне чалавечай сутнасці: – Адным словам, чарвякі мы, Дзёня.

– Чарвякі, Дзімон, – усміхнуўся і светлы чалавек.

– І я падумаў, – працягваў я, натхніўшыся Дзёнінай праўдай жыцця, якая і ў маім жыцці шмат што тлумачыла, – няхай так, няхай не стае сіл падняцца, я буду тады паўзці, паўзці, каб толькі ў гэтай калюзе не валяцца. Яно ж не ўсім сходу лётаць дадзена! – пацепаўшы плячыма, я кіўнуў Дзянісу. – Дык будзем, чарвякі, паўзці – мо калі і выпаўзем. Як ты мяркуеш, Дзёня?

– Выпаўзем, Дзімон, – цвёрда запэўніў Дзяніс. – Не можа быць, каб не выпаўзлі. І я цяпер думаю так, што нават гэтыя выпрабаванні дадзеныя нам, каб выпаўзлі. Ва ўсялякім разе мне дык дакладна. І я дзякую Богу за гэтую «дванашку»: што яно такое ў параўнанні з тым, што я знайшоў Хрыста?

Вось тут, у зоне, першы раз за 25 год адчуў сябе свабодным і шчаслівым. – Дзяніс пранікнёна паглядзеў на мяне. – Лічыш, я вар'ят?

І хаця толькі з замілаваннем можна было глядзець у вочы Дзяніса, дыягназ трэба было ставіць.

– Так, вар'ят. Для тых, што ідуць у пагібель, ты – вар'ят.

Я замаўчаў, але, каб моцна не засмучваць светлага чалавека ды быць ужо да канца праўдзівым псіхатэрапеўтам, дадаў пасля паўзы:

– Але ты не думай, я і сам вар'ят для многіх.

«Не, такіх пасвячоных людзей, – думаў я, лежачы на нарах, – сярод усіх тых баракаў і камер, якія ўмудрыўся я прапаўзці, не сустракаў». Як так атрымалася, што прыйшоў да гэткае высновы, сказаць цяжка. Можа, раней кепска глядзеў? Можа быць. Хаця наведваў пратэстанцкую суполку і ў «Шклове», і паспеў перасекчыся з некаторымі ў «Горках», і тут вось заходжваў, але… неяк так выходзіла, што большасць свайго шукае. Нават так бывае, калі некаторыя з пачуццямі шчырымі, дый і тыя навывучваюць біблійных цытатаў з дакладным веданнем нумара раздзела і верша (за 5, 10 ці 15 гадоў-та!), бегаюць усё ды нешта адзін аднаму даказваюць, спрачаюцца па прычыне і без.

Дайшло да таго, што пачаў я расчароўвацца ды многіх у сэрцы асуджаць. Асабліва калі бачу: у нядзелю ён на малітве прычашчаецца, а потым – цыгарэта ў зубах, і не магу яго ў натоўпе адрозніць ад любога іншага тонучага. О, тады я думаў, што стаю! «А калі ты думаеш, што стаіш, глядзі, каб не ўпаў!» (1 Кар. 10: 12). І я не проста ўпаў, я ў такі бруд зарыўся, што той, з цыгарэтаю ў зубах, у параўнанні са мною праведнік! Яшчэ адзін закон быцця: калі ты думаеш, што ты нешта, ты становішся нічым.

Потым, дзякаваць Богу, троху, але прасвятлеў: што патрабаваць ад таго няшчаснага, хто жыў усё жыццё ў цемры і толькі ў зоне, сярод ванітаў гэтых і нянавісці, адчуў побач промень сонца і хаця сляпы, аднак спрабуе да святла ісці? А калі так разабрацца, ці не ўсе мы ў зоне, дзе з аднаго боку надзіраючыя за табою, а з другога – жадаючыя выжыць? Ці мала нас такіх – у гэткай жа цемры? Ва ўсялякім разе я

дык дакладна. Так кажа Дзёня, гэты пасвячоны чарвяк, які свайго не шукае, нікому тэалогію не ўцірае, а ўпакорвае сэрца – толькі каб стаяць на праведным шляху, нават калі на ім і прыходзіцца ўгамоньваць асабліва борзых. Ну а з кім не бывае? Ва ўсялякім выпадку са мною, дык нават часта. Так кажа Дзёня, гэты пасвячоны чарвяк.

– Ты ведаеш, Дзёня, – гучна прамовіў я, заклаўшы рукі пад галаву і гледзячы ў столь.

– Ну, Дзімон, – адказаў Дзяніс.

– Можа, няшмат, гады толькі чатыры пратуляўся я па розных камерах, а такіх праведнікаў, як ты, не сустракаў.

– Ды ладна, Дзімон, – выбачаючыся, запярэчыў сябар. – Я проста ніякі перад Богам, чарвяк я.

– І я чарвяк. Але ты чарвяк не такі, ты – чарвяк праведны, – пацвердзіў я яшчэ раз і, узгадаўшы наш «сумесны» паход у царкву, вырашыў распавесці праваслаўнаму чарвяку свае першыя аб ім уражанні. – І разумееш якая справа, быў я перакананы спачатку, што ты пратэстант.

– Чаму? – з усмешкаю ў голасе перапытаў Дзяніс.

– Відаць, з-за Бібліі: і тады, калі мы ў царкву дамаўляліся ісці, чытаў ты яе, і потым бачыў я цябе пару разоў, – у памяці маёй паўстаў белы чалавек, што пастаянна чытае Біблію на высокім ганку пякарні. – А тое ж многія нават не адкрываюць яе ды ўмудраюцца лічыць сябе веруючымі. У лепшым выпадку, калі трапляецца рэлігійны праваслаўны, дык чытае якіх-небудзь пустэльнікаў.

– Я таксама чытаю… – нібы засмуціўся Дзяніс.

– Гэта іншае, сябар, – паспрабаваў я мякка патлумачыць свае словы, – і я чытаю, і ўсё, што трапляецца пад рукі: і пратэстантаў, і каталіцкіх багасловаў, і нават праваслаўных, якія даказваюць, што апроч як у праваслаўі збаўлення няма. Нават у самых адыёзных аўтараў можна нешта знайсці для сябе. Таму чытаць трэба ўсё, але, не чытаючы Біблію, чалавек не можа быць хрысціянінам. А гэта ўсё словы: праваслаўе, каталіцтва, пратэстантызм – Хрыстос не ствараў канфесіі. Я знайшоў Яго ў пратэстанцкім храме, ты – у праваслаўным, але гэта другасна, першасна – Біблія! – сцвердзіў я, ужо стоячы на нарах ля акна, і заклікаў сябра мяне падтрымаць: – Разумееш, Дзёня?

– Разумею, – сцішана прамовіў той.

– Біблія і малітва – рэчы, без якіх нельга быць хрысціянінам, – хацелася мне аптымістычна завершыць сваё казанне, але выйшла гэта з некатораю журботаю. З журботаю прамовіў я тыя два словы, бо і тады адчуваў, і разумею сёння, наколькі цяжка, а часам нават немагчыма трымацца такіх, падавалася б, простых арыентыраў: Бібліі і малітвы. Бывае, не стае ніякіх сіл, каб элементарна адкрыць Кнігу Кніг ці проста пагаварыць са Стваральнікам. Хаця падумаць можна: ну якая тут праблема – адкрыў ды пачытаў, узняў рукі ды заклікаў Бога? Не ведаю, але часам гэта не проста праблема, а праблема сур'ёзная: чытаеш, а галава пустая, і, перагортваючы старонку, не разумееш нават, аб чым ты толькі што варушыў вуснамі; пачынаеш маліцца, а разумееш, што можаш толькі стагнаць. І тады пераконваеш сябе: ладна, давай хаця б выць – лепш так, чым ніяк. І выеш. А бывае, што пераконваеш, пераконваеш і пераканаць не можаш. І тады шукаеш, чым бы такім важным і лёсавызначальным заняцца. Адбываецца гэта нават у падсвядомасці, бо свядомасць баіцца табе прызнацца, што ўсе твае жыццёва неабходныя справы – гэта адно толькі прыкрыццё поўнага духоўнага бяссілля. І я, каб не быць у вачах Дзёні кімсьці, кім я не ёсць, хацеў было распавесці яму, што часта сам няверны ў тым, да чаго заклікаю яго, але тут да нашай міжкамернай евангелізацыі далучыўся Санёк:

– І што, так ужо ўсе Біблію чытаюць?

– Мала хто, Санёк, – уздыхнуў я, – вельмі мала.

– А астатнія, па табе выходзіць, – колка гукнуў ён у адказ, – няверуючыя?

Даваць цвёрдую ежу суседу майму было нельга – толькі малако, і таму я вырашыў не ўжываць радыкальных фармулёвак, а падрабязней патлумачыць.

– Санёк, – прамовіў я па-сяброўску, – навошта нам гэтыя спрэчкі? Вызначэнне веруючага дае сам Хрыстос. Ведаеш, што Ён адказвае на тваё пытанне?

– Што?

– Веруючы ў Мяне – гэта той, гаворыць Ісус, *хто слухае словы Мае і выконвае іх*. Дык вось цяпер скажы, як можа не-

хта быць веруючым, хто не тое што не выконвае, але нават і не слухае?

– Не ведаю… але ж людзі кажуць, што верац, – ужо без іроніі адказаў Санчоўс.

– Кажуць-та яны кажуць, – давялося мне паўтарыць, абдумваючы, чым бы секануць па гэтым «кажуць», і тут жа прыгадаў, што самы падыходзячы меч ёсць у Якуба. – Але Біблія сведчыць: «Ты верыш? Добра робіш, але і бесы верац ды дрыжаць!» Ты чуеш мову гэтую, Санчоўс?! – узвысіў я голас.

– Чую, – пакорліва адказаў той.

– Ну і ўдумайся тады: бесы таксама верац! Але чым твая вера адрозніваецца ад бесаўской?

Санёк, відаць, ушчэнт заблытаўся ў філасофіі сучасных вернікаў, бо раздражнёна прамовіў:

– А фіг яго ведае.

А я працягваў апеляваць халоднай зброяй:

– Таму і атрымліваецца, што чалавек, які Біблію не чытае і не моліцца, каб чуць і выконваць Яго слова, мае такую ж веру, як і бесы. Але людзям, Саня, – захоплены, я ізноў падняў дэцыбелы, – так хочацца называць сябе веруючымі! Яны-та лічаць, што набываюць гэтым квіток у Валадарства Божае! Аднак іх чакае сур'ёзны абломчык у той дзень, калі апостал Пётар, трымаючы у правай руцэ ключыкі, скажа ім: «А вы хто?» «Дык гэта, Пётра, мы ж, веруючыя», – адкажуць тыя. Пятра, ясна рэч, нахабнасць такая здзівіць: «Ну-ка, нука, давайце разбяромся», – скажа ён, так, па-простаму, і, узяўшы ў рукі Пісанне, прачытае: «Кожны, хто прыходзіць да Мяне, казаў вам Хрыстос, і слухае словы Мае і выконвае іх» (Лк. 6: 47), – згорне Кнігу Пётра на апошніх словах і паглядзіць на тых, з фальшывымі квіткамі ў руках. «Цяпер вы – слухалі Ягонае слова?» «Не», – палыпаюць небаракі вачыма. «А выконвалі слова?» – запытае апостал ізноў. «Не», – адно і застанецца адказаць тым, бо ніхто яшчэ не прыдумаў, як выконваць тое, што не чуеш і не чытаеш. «Дык а якія ж вы веруючыя?» – будзе падведзена выснова. «Ну во такія і веруючыя, Пётра!» – развядуць рукамі цуда-вернікі. «Ну во ў такое і валадарства вам тады!» – скончыць праверку апос-

тал-камень і леваю рукою ачысціць ад самападманваючыхся нябёсы, і зваляцца гэткія веруючыя ў сваё валадарства, дзе верацъ і дрыжаць веруючыя бесы.

– Ну ты і нагаварыў, Зміцер, – уражана прамовіў Санёк.

– Ды я і сам у шоку, – адказаў я паўжартам і клікнуў на помач Дзёню: – Дзёня, ну скажы ты яму: так ці не?!

– Санчоўс! – крыкнуў Дзёня.

– Ну.

– Слухай Дзімона, ён кажа праўду.

Казанне скончылася дружным гогатам.

У гэткім духу бавілі мы тыя дні. Увайшло ў нас у парадак баўбатаць, лежачы на нарах, доўга і аб усім. Бывала, мы замаўкалі на гадзін пару, у асноўным калі елі і спалі, і тады Санёк вылазіў на рэшку і выдаваў:

– Дзёня!

– Ну, – адгукнуўся ён.

– Завадзі баркас! – гучала патрабаванне, што азначала: «Давай-ка пабаўбочам пра што-небудзь!».

– Не, Санчоўс, не магу, – не згаджаўся Дзяніс, – у нас і так рты не зачыняюцца. Вось Дзімон паедзе, і я зусім завязваю з гэтым.

– Скажы вось, Дзёня, як мне выграбсці па вызваленні? – працягваў сваю лінію Санёк.

– Дык я адкуль ведаю, Санька? Я сам ніякі, чарвяк я. Так, Дзімон?

– Так, – адказваў я, – чарвякі мы.

Але, спатрабоўваючы духоўных парадаў, Санёк усё ж баркас заводзіў і ўцягваў у яго нас усіх – гадзіну-другую мы разважалі над законамі быцця, час ад часу абменьваючыся пытаннем-адказам:

– Чарвякі мы, так, Дзімон?

– Так, Дзёня, чарвякі.

Ці:

– Чарвякі мы, Дзёня.

– Так, Дзімон, чарвякі!

Калі ноч перавальвала за палову, мы ўгамоньваліся. Дзяніс перад сном перабіраў пацеркі і раўнамерна, ціха і прыгожа чытаў малітвы ў сваёй адзіночцы. А я слухаў. Слу-

хаў і маліўся таксама. Правільней сказаць, у тыя мае дні якраз стагнаў, стагнаў, як піша Павал, *уздыханнямі невымоўнымі*.

Аднак Санчоўс вырашыў унесці разынку ў гэткае нашае спакойнае і размеранае жыццё. Справа ў тым, што надта ўжо захацелася курыць яму. Цыгарэты, занычкаваныя чынарыкі і мяцёлка былі пакураныя, а таму паўставала законнае пытанне: як жыць далей? Адным з варыянтаў для тых, хто ўтрымліваецца ў ШІЗА-ПКТ, было наведванне санчасткі, і варыянтам гэтым Санёк вырашыў скарыстацца.

У санчастку вёў кантралёр, і там за зэкам як парушальнікам рэжыму і адбываючым дысцыплінарнае пакаранне назіраў: каб не збег з-пад арышту, каб не перамаўляў з іншымі асуджанымі ў санчастцы ды каб ніхто і нічога не ўмудрыўся яму перадаць.

У зоне дзівакоў хапае, але каб збягаць з ізалятара зоны ў проста зону, дык нават там такіх не знойдзеш. Гэта ж не зона ў 200 тыс. км^2, у якой умудраюцца некаторыя па дарозе ў ізалятар выклікаць хуткую і даць потым дзёру з рук медработнікаў (ёсць пару такіх герояў у белапазіцыі); а куды бегчы ў зоне ў 1/100 км^2? У якую дзірку не ўшчэмішся – і прыдуць, і за пятую кропку выцягнуць, і па пятай кропцы надаюць, і ў пуню ізноў закінуць. А вось каб перахапіць на санчастцы ў каго-небудзь курыва – свяшчэнная справа. Але гэта тады толькі, калі які спачуваючы гатовы пайсці на рызыку і ўсучыць зэку пару цыгарак. Часіны ж цяпер нялёгкія, цяжкія часіны – на аднаго жадаючага рызыкнуць знойдзецца дзевяноста дзевяць, якія ўжо ў мокрых портках.

Аднак тым разам Санчоўсу пашанцавала – напаткаў ён таго першага і перахапіў такі на дзянёк курыва. Ды толькі і ахова не дарэмна хлеб свой ела ў той дзень – па вяртанні ў камеру сусед наш быў дагледжаны, цыгарэты знойдзеныя і адабраныя ў даход дзяржавы. І вось тут пачаўся цырк на дроце.

– Серы, ты не дурэй, дай цыгарэты назад, – спачатку ціха адчальваў баркас Санчоўса.

– Забаронена перадаваць цыгарэты, – таксама спакойна адказаў кантралёр.

– Ды што тут забароненага?

– Ты ж на ўмовах ПКТ у адзіночцы?

– Ну.

– Дык ведаеш сам, што нічога браць у асуджаных табе нельга.

– Да ты паслухай, – павялічваў баркас абароты, – пару цыгарэт – не злачынства!..

– Табе не злачынства, а мне – злачынства, – тлумачыў Сяргей. – Бачылі мы такіх: спачатку просяць, а потым у операддзел бягуць.

Тут Серы казаў праўду. Кантралёрам ён быў небядовым і з зэкаў кроў не смактаў. Раней, бывала, гатовы быў паспрыяць стрыжанаму ў якой дробнай бытавой справе: заплюшчыць вочы на тыя ж цыгарэты; дазволіць раздатчыку ежы перадаць з камеры ў камеру заварку гарбаты; не перашкодзіць выведзенаму з ізалятара ў душ зэку апрануць на сябе пасля памыўкі зменку – другую пару сподняй бялізны і шкарпэтак, каб зусім не акалеў пасінеўшы парушальнік рэжыму ў ШІЗАўскіх 10 градусах.

Усё ж нават сярод гэтай сістэмы служачых ёсць некаторыя, хто ўмудрыліся захаваць людскасць. Але з кожным годам праяў велікадушнасці назіраецца ўсё меней і меней. А прычына – шырокая агентурная сетка, з зэкаў, пераважна, навербаваная.

Вымаліць зэк цыгарэту ў кантралёра і сам жа яго ў операддзел закладзе; альбо, наадварот, нападхалімнічае якому-небудзь старлею, увойдзе ў давер, а потым раз – і пачак цыгарэт яму на стол, а цыгарэткі няпростыя, цыгарэткі з меткаю. І ідзе нічога не падазраючы супрацоўнік да начальніка операддзела, які невядома чаму выклікае пагаварыць, а опер, так, між слоў, кажа: «Дай, таварыш, закурыць, а то забыўся свае». Ліцёха без задняе думкі дастае той самы пачак, працягвае оперу і на гэтым развітваецца не толькі з цыгарэтамі, але і са сваімі квартальнымі прэміяльнымі. Па гэтай жа схеме і многіх, многіх іншых прыгожых інтрыгах ідуць у топку ўсе: кантралёры, афіцэры, зэкі ўсіх рангаў і нават вальнячыя майстры з прамзоны.

Можа ўзнікнуць пытанне: для чаго гэта зэку-сексоту? Зэк за гэта атрымлівае плюсік, а за назбіраныя плюсікі можна стаць на ўзмоцненае харчаванне (самы шыкоўны бонус, аса-

бліва калі няма каму «грэць»), атрымаць дадатковую пасылку, палепшыць бытавыя ўмовы ў атрадзе і… шмат, шмат што яшчэ можна – абы плюсікі былі!

Таму небядовы хлопец Серы меў поўна прычын перастрахавацца. Аднак ці тое заўвага аб бегаючых у операаддзел абразіла Санчоўса, ці прага атрымаць дозу некацінавага яду ўзяла верх над розумам, але завёў Санёк баркас па поўнай:

– Ды ты не ламайся… піп… дай ты… піп-піп… сюды цыгарэты… піп.

Па гуках было падобна, што Серы, спартыўнага складу хлопец, пачаў запіхваць суседа нашага ў камеру, на што той запратэставаў таксама:

– Давай паакуратней… піп-піп… а то і ў адмашку магу пайсці… піп-піп.

– Ты, у адмашку? – пакпіў кантралёр. – Баюся, ад цябе мала што застанецца.

– Усе вы… піп-піп… смелыя, як з дубінкаю ды па форме… піп-піп… а сустрэнеш вас дзе пад вуглом, сціскаецеся ў штонікі без памперсаў… піііііііііп… – тут пакутуючы па нікаціне перайшоў ужо на персоны, і апошнія словаформы, калі ён канчаткова зразумеў, што цыгарэты будзе паліць нехта іншы, былі асабліва брутальнымі. Сярога абавязаны быў на іх рэагаваць:

– Ты… піп… за словы свае гатовы адказваць? – гаркнуў ён сваім басам.

– Я заўсёды адказваю, – ганарлівым тэнарком праспяваў з-за дзвярэй Саня-Тэрмінатар.

– Ну глядзі, – ужо спакойна адказаў Серы і сышоў.

Не паспелі мы з Дзёнем і падзівіцца, як чудзіць курыльшчык без баяну, аж загрукалі тут некалькі пар ботаў па жалезнай лесвіцы і зарыпелі дзверы Санінай адзіночкі.

– Выходзь! – крыкнуў Сяргей.

Санчоўс выйшаў моўчкі, і ўсе рушылі ўніз, на першы паверх. Добрая гучнасць дазваляла нам чуць і тое, што адбывалася паверхам ніжэй. Прагучалі ўладарныя загады: «Да сцяны!», «Ногі!», «Шырэй!», «Шырэй ногі!», пасля чаго пачуліся пяшчотныя паляпванні гумавымі прыкурвальнікамі, а за імі

ўдзячныя воклічы закурваючага Санчоўса: «А вой!», «Да ты што!», «Што ж вы творыце!», «Харош, Серы!».

Мы з Дзянісам спачувалі як маглі – ледзь не плакалі, рагочучы ад пуза.

– Во, той, што ў адмашку пайшоў! – крыкнуў я.

– Так, зараз яму находзяць! – падтрымаў Дзёня.

Серы ж спыніў працу і прыгадаў:

– Дык ты ж збіраўся за словы свае адказваць?

– Ты мяне не так зразумеў, Серы! – адказаў як мог за свае словы Санёк.

Пасля яшчэ некалькі свістаў перавыхавальніка ў паветры, якія канчаліся лясканнем аб мяккія тканіны і па іх галашэннямі: «А-ёечкі!», «А-ёй!», «А-ё-ёй!», перавыхоўваемы быў вернуты ў хату.

Мы з Дзянісам ажно заходзіліся:

– Ну што, Санька, закурыў? – гагатаў Дзёня.

– Закуры-ы-ў… – працягла праскавытаў аматар тытунёвых смол, што нагадала мне застаўку да аднога са спеваў Вінцэнта.

– А мы казалі табе: папрасі прабачэння, пакуль не позна, – нагадаў Дзяніс.

– Таблеткі на раз прапісалі ці яшчэ будзеш прымаць? – хахатаў я.

– Не, хопіць аднаго разу… – стагнаў пацыент.

– Ну як што, гавары, – працягваў канцэрт па заяўках Дзяніс, – мы з Серым дамовімся, каб яшчэ пару рэцэптаў выпісаў!

– Мне б пакуль гэтыя пераварыць рэцэпты…

– Мо ўжо і з курывам завяжаш?

– Мо, Дзёня, і трэба, я ж збіраўся, – узгадаў раптам курэц аб сваіх намерах на новае жыццё.

– Глыбоцкая медыцына – самая лепшая медыцына ў свеце! – не стрымаўся я, каб не парадавацца за Санчоўса і айчынных паслядоўнікаў Гіпакрата.

– А як збочваць пачнеш, дык ты і на волі можаш звяртацца да Серага – за бюлетэнямі, – слушна параіў Дзяніс, – і пад’язджай ды заводзь баркас свой!

– Не, гэты баркас лепш не заводзіць, – ужо і сам праз стогн пасмейваўся ацалёны ад палення Санёк.

У перадапошні вечар знаходжання майго сярод блакітных азёраў Дзёня клікнуў мяне:

– Дзімон, давай мо заварым што?

– Давай.

– Я вару каву, а ты?

– Дык і я каву, – згадзіўся я з выбарам.

– Тады праз дзесяць хвілін – «на рэшцы».

– Дабро.

У зоне прапанова што-небудзь зварыць і папіць разам зусім не азначае, што нехта прагне спатоліць смагу. Зэк можа толькі што заправіцца кубкам заваркі, але калі падыдзе да яго таварыш і прапануе заварыць, ніколі не адмовіць. Прапанова «Давай заварым!» азначае нішто іншае, як «Сябар, давай-ка з табою пагаворым!». Рэдка якая гутарка ў зоне адбываецца без гарбаткі, што дыміцца ў кругалі на стале барака ці на лаве-лакалцы.

Вось і мы пасля прапановы папіць што-ніць разам, кожны ў сябе дома варылі пітво, а потым сустракаліся на лоджыі – «вылазілі на рэшку» – стаялі ля вокнаў у сваіх адзіночках і, пацягваючы гарачы напой, заводзілі баркас – разважалі аб долі нашай зэкаўскай, не забываючы і на матэрыі высокія.

– Дзімон, дык ты ведаеш, пра што я хацеў паразмаўляць з табой?

– Цікава, – усміхнуўся я, – няўжо мы пра гэта яшчэ не паразмаўлялі?

– Не, – без жарцікаў адказаў Дзяніс.

– Ну дык што там у нас на павестцы?

– Кітайцы.

– Да ты што?! – ледзь не падавіўся я.

– Так, і вось што ты пра іх думаеш?

Сутнасць пытання была зразумелая. Я адкашляўся і агучыў адпаведзь:

– А што пра іх думаць – старэючая, выміраючая нацыя.

– Як так? – здзівіўся ўжо Дзяніс. – А як жа правідцы… якія прадказвалі, што паглыне Русь жоўтая раса?

– Правідцы, Дзёня, пэўне памыліліся, – перавёў я на жарт і ўжо на сур'ёзе патлумачыў: – Першае – гэта аборты, якія з'яўляюцца часткаю дзяржаўнай палітыкі Кітая, і таму ўстаноўка «адна сям'я – адзін дзіцёнак» вельмі хутка справу сваю зробіць. Другое, у Кітая няма ні ідэалогіі цэментуючай, што яшчэ можна ўбачыць на Захадзе, ні агрэсіўнай веры, пад сцягам якой ідзе Усход. Таму, сябар, забудзь жоўтых чалавечыкаў – ніякае небяспекі.

– А хто тады небяспека? – разгубіўся Дзёня.

– Ну… – пачаў было я, але надумаў гукнуць стырнавога баркасу: – Санёк, ты з намі?

– Так, ляжу тут на падлозе, – адказаў ён.

– Адпачывай, табе пасцельны рэжым карысны. Ты толькі прабач, што мы без цябе тут каву папіваем, – перапрасіў я і прышпільнуўся з курца: – Каб ты таблеткамі не балававаўся, маглі б разам.

– Ды ладна, я ўжо на свабодзе буду хутка заварваць і какаву з малаком, і што заўгодна, – весела адказаў Санёк, якому пасля выпісаных рэцэптаў выпісалі яшчэ і дзесяць сутак ШІЗА. А пераведзены з пэкатэшнага рэжыму на ізалятарскі не меў права нічога мець пры сабе, апроч сродкаў асабістай гігіены.

– Дык вось, Дзёня, – працягваў я, – большая небяспека – мусульмане: маналітная вера, моцная на яе падмурку ідэалогія, здаровыя сем'і па дзесяць дзяцей; і педзікаў ніхто не жэніць, і дзетазабойства ніхто не ўзаконьвае.

– Гэта так, – прамовіў з сумам Дзяніс і, троху падумаўшы, рашуча выдаў план: – Трэба неяк супрацьстаць ім!

Можна было толькі ўсцешыцца такою непасрэднасцю. Трэба аддаць належнае гарачым праваслаўным – паўстаць за сваю нацыю яны гатовы ў любую хвіліну дня і ночы. Узнікла палымянае жаданне падтрымаць брата па веры і запісацца разам з ім у добраахвотнікі, каб вырашыць праблему адным марш-кідком. Але перад гэтым хацелася зазірнуць і ў корань.

– Супрацьстаяць трэба, – пачаў я, – але, пакуль мы дзяцей забіваем, а яны нараджаюць, любое нашае супрацьстаянне – фікцыя. Таму, сябар, толькі асабістым духоўным адраджэннем. Хаця прагі да яго народ наш «веруючы» не праяўляе… –

корань апынуўся не вельмі абнадзейваючым. Каб не было на душы так гаротна, вырашыў я пералічыць і станоўчыя аспекты: – Але расстройвацца не трэба, Дзёня, няхай ідуць – трэба ж камусьці будзе засяліць нашу зямлю, і Еўропу гэту дэградуючую таксама. А ў нашым царстве глядзі як добра ім будзе: нават сцяг мяняць не трэба – той жа чырвоны-зялёны і тут, ну мо толькі мову падправіць прыйдзецца, ды і тое таксама не нашую – нашую мы ўжо даўно за танны газ прoдалі. Дык якая нам розніцца, Дзёня? Няхай ідуць!

– Вось, Дзімон, а чаму мы так да мовы роднай адносімся? – падхапіў Дзяніс. – Яна такая ж у нас прыгожая…

– Прыгожая, Дзёня, прыгожая… Выхоўваюць нас такімі бяспамятнымі і бязроднымі… – з заўсёдным болем прамовіў я. А што было мне яшчэ казаць? Я зрабіў пару глыткоў моцнай кавы і задаў сябру рытарычнае пытанне: – Але там, дзе чалавек можа мовы выракчыся, дык чаму ён не можа выракчыся духоўнасці? Вось і жывём: адзін кажа, маўляў, каму ў век глабалізацыі трэба ваша мова, давайце «гаварыць нармальна»; а іншы гаворыць: каму ў век лібералізма трэба вашы сем'і, давайце жаніць гамасекаў. Таму, Дзёня, усё законна: духоўна – дэградуем, фізічна – выміраем.

Дзёня слухаць такое спакойна ўжо не мог і, абурыўшыся, знайшоў канцы:

– Усё гэта ачмурэнне ідзе да нас з Захаду, са Штатаў! У нас, на Русі, у праваслаўных, ніколі такога не было.

«Ну во, – усміхнуўся я сам сабе, – не паспеў парадавацца я такому клопату за мову, як паляцела чарговая дзіда». Такі наезд на Штаты трошку засмучваў: ЗША – любімая мая краіна. Пасля, канешне, Ізраіля. Але калі я вытрываў святога Мікалая II, дык і тут трэба было трываць. Тым больш, як бы гэта так мякчэй мовіць, «нелюбоў» да Амерыкі – гэта не праваслаўная канцэпцыя. Дзе ты ні размаўляй у нас з чалавекам, у якога баліць за духоўную дэградацыю народа, абавязкова выявіш па Фарынгейту ад 33 да 212 градусаў нянавісці да Еўропы і ЗША – Садома і Гаморы сучаснасці. Безумоўна, некаторая аргументацыя ў такім стаўленні ёсць (асабліва калі гаварыць пра Садом), але надзвычай павярхоўная, а болей тут эмоцый чыста на псіхалагічным узроўні – ненавідзець

Захад нас вучаць ужо год сто. Мінімум. Гэтую нянавісць асуджаць нельга, гэтая нянавісць ратавальная: яна проста і хутка тлумачыць усе нашыя беды – раз; яна абсалютна пераконвае нас, што мы лепшыя за іх, – два.

Не, праведны чарвяк зусім не дыхаў нянавісцю, ён проста трошку памыляўся, і таму я вырашыў акуратна сябра падкарэктаваць.

– Не зусім яно так, Дзяніс, калісьці ні ў нас не было дзікунства такога, ні ў іх. Але паглядзі: каталіцкая Польшча – аборты і шлюбы гамасекаў забароненыя; пратэстанцкія ЗША – забароненыя ў 39 штатах з 50. І там, заўваж, шмат палітыкаў нацыянальнага ўзроўню, якія імкнуцца забараніць дзетазабойства і шлюбы педэрастаў шляхам правак у Канстытуцыі. Той жа Ромні, што цяпер балатуецца ў Штатах, – пад палову Амерыкі падтрымлівае яго, – цвёрдым голасам прамовіў я кожны сказ і прапанаваў: – А зараз давай нас возьмем: дзе ты бачыў такіх палітыкаў, каб у прэзідэнцкай праграме была прапісана забарона абортаў і садоміі? Вось табе, браце, і праведная Русь!

– Гэта нейкі жах, Дзімон… – пасля доўгай паўзы прамовіў ён.

– Гэта нават і не выказаць «што», Дзёня.

– Санчоўс, ну а ты што думаеш?

– А што тут думаць, – як заўсёды, імпэтна адгукнуўся той, – підарасаў – у топку, а жанчына… няхай сама вырашае – гэта ейнае асабістае жыццё і яе цела.

Так, наконт педэрасціі ў турме нікому нічога даказваць не трэба. Хаця і тут ёсць свае нюансікі. Калі з таго боку зоны педэраст – гэта і той, каго, і той, хто, дык з гэтага боку педэрастам лічыцца толькі той, каго, а той, хто, – гэта нармальны ціпа мужык, які за пару пачак «Прымы» проста спраўляе жывёльныя свае інстынкты.

А з абортамі адмазкі з гэтага боку зоны гэткія ж алагічныя ды абсурдныя, як і з таго. Я, пачуўшы іх з вуснаў Санчоўса, нават саркастычна хмыкнуў, – паўсюль адно і тое ж. Чаму так? Мо таму, што і Сатана паўсюль адзін і той жа?

– Санёк… – выдыхнуў я, ужо нават троху стаміўшыся ад гэтай паўсюднай аднолькавасці, – калі б жанчына сама па

сабе і рабіла аборт, дык была б хоць логіка ў тваіх словах. Ці мужанёк ейны каб рабіў ёй. На іх саміх і было б тады гэтае пракляцце. Але ж не, яны не робяць самі, яны ідуць да дзяржавы! А дзяржава гэта хто, Санёк?! – ужо і не заўважаў я сам, як павялічваў гучнасць – так хацелася мне выказаць набалелае хаця б гэтым сценам, – дзяржава – гэта ўсе мы! І таму кроў на ўсіх нас! І на ўсіх пракляцце: на дэпутатах найперш, прымаючых такія законы; на прэзідэнце, падпісваючым іх; як вынік – на ўсіх, хто такіх заканадаўцаў абірае; на медыцыне ўсёй, якая чалавеказабойствам займаецца… Ды на ўсіх, Санёк, на ўсіх! І замест таго каб узняцца, мы адмахваемся: гэта асабістая справа жанчыны! І дзяржава маўчыць – ёй таго і трэба! Цэрквы сядзяць на месцы, баяцца іх згубіць!

Мы ўсе замоўклі. У мяне ад крыку нямога, які крычы, а не выкрычыш, усё ўнутры калацілася. І самае жахлівае было ў тым, што з адзіночак тых я мог дакрычацца да большае колькасці людзей, чым калі б галасіў на якой шматлюднай плошчы.

– Праваслаўе і Філарэт, Дзімон, – паправіў мяне Дзяніс, – заўжды катэгарычна выступалі супраць абортаў.

– Не выступаць трэба, Дзяніс! – крыкнуў я, усміхнуўшыся ў сваёй адзіночцы, – гэта мы з табою ўсё, што можам з нашых клетак, дык толькі супраць выступаць. А Філарэт не ў клетцы і не пратэстант, якіх трымае дзяржава за ворагаў, і не каталік, якіх пабойваецца, а мае сур'ёзную ўладу, з якою мог бы, – зрабіў дапушчэнне я, але тут жа выправіўся, – ды не «мог бы», але абавязаны зайсці ў кабінет да самадзержца і, умоўна гаворачы, адкрыўшы дзверы нагою, паставіць яго перад фактам: «Заўтра аборты будуць забароненыя!» А ён замест гэтага абвешаў узурпатара з ног да галавы ордэнамі за духоўнае адраджэнне Беларусі! А ў чым адраджэнне, Дзёня? У тым, мо, што за 20 год тры мільёна дзетак абартавана?

Канешне, пытанне было ў нікуды – за што кіраўнік Беларускага экзархата Маскоўскага патрыярхата панавешваў на грудзі праваслаўнага атэіста кучу ордэнаў, ніхто не скажа. Хаця я такія-сякія думкі на гэты конт меў ды не хацеў згаршаць імі чыстае Дзёніна сэрца.

Было гэта, падаецца, у 2006-м, бо якраз тады выйшаў зварот Мітрапаліта Мінскага і Слуцкага Філарэта з нагоды 20-й гадавіны трагедыі на ЧАЭС. У звароце тым уладыка мільёнаў сямі праваслаўных пісаў пра дзве трагедыі нашага народу напрыканцы 1980-х – пачатку 1990-х. «Няўжо другая трагедыя, – падумаў я, – гэта развал краіны ГУЛАГаў?». У такую выснову паверыць было ніяк нельга, і я пра яе забыў. Але не так, каб назусім і імгненна ўзгадаў, калі надарыўся выпадак сустрэць аўтара (а было гэта, дарэчы, у тых жа любімых амерыканцаў – на прыёме па святкаванні 230-годдзя Дэкларацыі іхняе незалежнасці).

І вось я нагадваю мітрапаліту пра той зварот і запытваюся: «Няўжо пад другой трагедыяй вы мелі на ўвазе СССР, гэтую турму народаў, якая ў тым ліку і праваслаўных столькіх замардавала?!» «Гэта наша гісторыя», – адказаў мне з прыдыханнем былы «народны» дэпутат ВС СССР. У галаве маёй хаатычна забегалі ўсе прусакі, я быў пачаў нешта тлумачыць-даказваць пра людаедаў-камуністаў, але галоўны праваслаўны Беларусі быў непахісны. Я ўпаў у адчай і скарыстаў апошні аргумент: «Дык і Гітлер для Германіі – гэта таксама гісторыя, – сказаў я, – што зусім не сведчыць аб неабходнасці шкадаваць аб развале ІІІ Рэйху». Філарэт ветліва, з яснымі – ці тое шклянымі – вачыма са мною развітаўся.

Дык калі можна шкадаваць аб руйнаванні імперыі зла, якая толькі ў сябе дома вынішчыла больш, чым ІІІ Рэйх ва ўсім свеце, дык чаму б не прышпіліць ордэнаў пару на грудзі таго, пры кім усяго толькі тры мільёна дзетак знішчылі? 19 мільёнаў на рахунку фашызму ва ўсім свеце і – 19,5 мільёна на рахунку камуністаў толькі ў сябе дома (Эрліхман В.В. «Страты народанасельніцтва ў ХХ», даведнік. М.: Выдавецтва «Руская панарама», 2004).

– А ці паслухаўся б *той* Філарэта? – паспрабаваў абараніць мітрапаліта Дзяніс.

– А куды б гэты *той* дзеўся? – іранічна перапытаў я і патлумачыў: – А не, медалі з ордэнамі – на стол! І будзь пэўны, што забараніў бы імгненна, бо з васьмюдзесяццю працэнтамі праваслаўных трэба ж заігрываць манарху – згубіць прыязнасць у вачах іхніх ніяк нельга, а тым больш

у крызісны наш час, калі трон і так ледзь рыпіць. Але ж не, і першасвятар заігрывае, толькі з цэзарам, каб цэрквы будаваць, што пустуюць потым; каб шанавалі цябе валадары зямныя на ўсіх прыёмах. Славы хочацца, а ўрэшце рэшт уся справа ў гэтым: «Славу людзей больш узлюбілі, чым славу Божую!» – эмацыйна завершыў я словамі евангеліста Яна і пасля паўзы спакайней дадаў: – Што ж, яны сваё пажнуць, як пажалі іх папярэднікі, толькі тады гэта ўжо нікому не будзе цікава – тады нас, па ацэнках ААН, будзе паўтара-два мільёна пад канец стагоддзя. І гэта па ацэнках аптымістычных.

Я замоўк. Дзяніс маўчаў таксама. У цішы ён уражана прамовіў:

– Страшна нават спаць класціся пасля такога.

– Ды я і сам у шоку, – давялося мне ўздыхнуць: так выклаўся я ў размове гэтай, што адышоў ад рэшкі і сеў на нару, трымаючы ў руках пусты кубак. – Але, Дзёня, пакуль ёсць пару-тройку чарвякоў, гатовых пуза пакласці, дык мо шчэ не ўмёрла надзея?

– Так, Дзімон, ёсць яшчэ ў нас надзея! – рашуча пацвердзіў праведны чарвяк.

– Тады трэба зарывацца ў нару, сябра, выспацца. Заўтра ж ужо апошні дзень я ў пенатах гэтых.

– Можа, не паедзеш яшчэ?

– Паеду, Дзёня, інакш быць не можа. Ды і трэба ехаць, колькі ж можна лайдачыць тут?! – пасміхнуўся я. Людзі думаюць, што я тут пакутую, а я каўбасы жару і бакі вылежваю!

– Ды ладна, мог бы і адпачыць ужо троху, – заступіўся за мяне Дзяніс перад грамадскасцю.

– Я так наадпачываўся – далей няма куды. Тым больш ведаеш, як змагар адзін казаў: «Стаміўся? Адпачні. Але пасля гэтага ты ўжо не будзеш рэвалюцыянерам!» А мне ж, Дзёня, хочацца яшчэ паслужыць Бацькаўшчыне.

Падняўся я, як заўсёды, па пад'ёме, а пятай; а палове на шостую, як заўсёды, наеўся палажняковай кашы з Дзёнінымі каўбасамі і пірагамі; як заўсёды, ізноў лёг спаць; а дзясятай, як заўсёды, мяне пабудзілі галасы пэкатэшнікаў, якія раз наццаць прывіталіся з Дзёнем, на што ён столькі ж разоў ад-

казаў. Віталь, Алег і яшчэ нехта гукнулі вітанні мне, і я спрасоння пракрычаў тры разы «Здаровенька!».

Перад бяссоннаю этапнаю ноччу трэба было б добра выспацца, і я намерыўся працягнуць рэалізацыю баявой задачы, але тут прыйшоў атраднік і выдаў вопісі, каб да абеду я перапісаў усе свае пажыткі. Раней я павярхоўна выконваў гэтае заданне, аднак бывала пару разоў так, што па прыбыцці на новае месца дыслакацыі рэчы, не запісаныя ў вопісі, вымаліся на склад калоніі, а адтуль забраць іх ужо нельга – толькі пры пераездзе ці вызваленні. А можна і не забраць – так знікла ўсё маё нажытае непасільнаю працаю дабро, калі выкідвалі мяне ў 2008-м са «Шклова». Цяпер я стаўлюся да падрахавання маёмасці з усёй адказнасцю.

Пасля таго як я ўсю раніцу адваяваў у баях з крывавым рэжымам, зрабіць столькі працы – за пару гадзін улічыць кожную нітку і тры разы зафіксаваць яе ў трох копіях вопісі – было няпроста, але надзвычай неабходна – без гэтага ў новую атаку (чытай: на этап) мяне не пусцілі б.

Таму, па сваей глыбоцкай завядзёнцы, закіпяціў я салодкую гарбату, якую атрымаў яшчэ раніцою, засыпаў у яе сапраўдную заварку і распачаў бухгалтэрыю.

– Дзімон, ты як там?

– Усё пад кантролем, Дзёня. Вопісі дарабліваю – запарыўся, як пару вагонаў разгрузіўшы.

– Ну так справа не з прыемных, – паспачуваў мне сябар і прапанаваў: – Мо заварым што на гулку?

– Дык давай. Што варыць будзем?

– Я завару каву, а ты стаканец вазьмі з сабою.

– Дамовіліся.

– І фотаальбом захаплю, паглядзіш на маіх.

– О, я таксама вазьму, – падтрымаў я ідэю, але ўзгадаў, чыя змена працуе сёння, і выказаў сумнеў, што атрымаецца ў нас фоткі прагледзець: – Толькі трэба будзе неяк дамовіцца з Жорам, каб у суседнія дворыкі завёў, бо гэты лёгка можа занаравіцца.

– Жору бяру на сябе, – запэўніў Дзяніс, – я з ім на адной назе.

Я засмяяўся.

– Ну, глядзі.

На прагулку выходзілі мы ўдвох – Санёк на ўмовах ШІЗА на прагулку не меў права. Адчыніўшы дзверы на дах, я паспрабаваў зайсці ў бліжэйшы да Дзёні дворык, але Жора загадаў:

– Давай праз адзін.

Жора быў кантралёр (ды што кантралёр – чалавек) вельмі моташны. Выдурваў ён галаву зэкам так, як ніхто іншы ў гэтай зоне.

Спыняў ён, напрыклад, брыгаду перад выхадам на працу і палову выправоджваў назад, у атрад, каб лепей выгольваліся – да бляску, а на саміх парушальнікаў рэжыму складаў рапарт за неналежны выгляд. Пяцідзесяцігадовыя зэкі потым апраўдваліся перад начальнікам: «Куды ж я выгалюся, мне шосты дзясятак, а не васемнаццаць годзікаў?! Ды станком, якому другі год». І нават калі начальства разумела абсурднасць ці беспадстаўнасць рапартаў тых, прызнаць, што зэк мае рацыю, – ніяк нельга, гэта ж пахісне аўтарытэт улады! Гэта ж кожны возьмецца тады правы свае даказваць! – разважалі кіраўнікі рэжыму. А псіхалогія рэжымаў аднолькавая на ўсіх кантынетах. І хоць ты прывядзеш сведкам Ісуса Хрыста, рапарт супрацоўніка зоны/МУС/АМАПа і г.д., і г.д. на зэка – ісціна ў апошняй інстанцыі, і зламыснік павінен быць пакараны; таму старыкі пазбаўляліся перадач, сустрэч з роднымі, атаваркі і, абыякавыя, клыпалі да сваіх станкоў на прамзону. Усё адно – перадачы ім не было каму вазіць, на сустрэчы да іх не было каму ездзіць, атаварвацца ім не было за што.

Калі ж зэк трапляўся з характарам, а асабліва такі, што на ўмоўна-датэрміновае вызваленне не збіраўся і таму на парушэнні чхаць хацеў з Эйфелевай вежы (чытай: з ізалятара), то Жору высылалі па месцы непасрэднага прызначэння і тады Жорык куралесіў на ўсю – рапартаў пісаў столькі, у кольких накірунках яго прасілі імгненна знікнуць. У такім выпадку зэк загружаўся на сутак 10–30 у пуню.

Апошнімі ж днямі пайшла такая пагалоска, што Жорж збіраецца не абы-куды, а за «вышкаю» (не ў гуманны суд РБ, а ў Акадэмію МУС РБ). І ўжо самі кантралёры, сутаварышы

ягоныя, скардзіліся парушальнікам: «Вось, цяпер Жора вам душу вымотвае, а стане праз пару год каляровым, будзе нам мозг гвалціць, – круцілі яны пысамі і дадавалі рашуча: – Трэба звальняцца!»

Неяк на прагулцы, падчас знаходжання майго ў ПКТ, пачуў я, як Жора аднаму са «злоснікаў» даказвае: «Я б тут і задарма працаваў – трэба ж камусьці вас, бандытаў, ахоўваць!» І тады я ўжо сам не стрываў і выказаў бескарыснаму вертухаю ўсё, што я, злосны парушальнік рэжыму, аб ім думаю. Зрэшты не, не ўсё – адсоткаў дзесяць, але іх было дастаткова, каб Жора надзьмуўся, пачырванеў і заявіў, што на мяне будзе складзены рапарт і, адпаведна, я сяду ў ізалятар. Я парыраваў пачутым калісь ад бывалага: «Ды мне начхаць, Жора, я ў гэтых ізалятарах вырас!»

Вярнуўшыся тады з прагулкі ў камеру, я адкруціў назад, да сваіх 10%, прагледзеў іх, потым зноў назад прагнаў і рэтрансляваў яшчэ раз і мне сталася сорамна. Каб хто староннi паслухаў тыя мае дзесяць адсоткаў, дык сказаў бы: «Няўжо гэты так можа?» Я пачырванеў яшчэ больш і вырашыў папрасіць у Жорыка прабачэння. Але як прасіць? Падумае, што баюся ізалятара.

Не, перапрашаць не выпадала. Вось каб я ведаў, што не напіша рапарт, тады б выбачыўся. Але гэты не мог не напісаць, і я пачаў рыхтавацца да дзесяцісуткавага сну на падлозе: адклаў рушнік, мыла, зубную пасту са шчоткаю, рулон туалетнай паперы паболей, што будзе служыць падушкаю, апрануў цяплейшыя шкарпэткі і зняў лішнюю адзёжу – у ізалятары дазволена мець на сабе толькі споднюю бялізну, лёгенькую, аж празрыстую, баваўняную кашулю і гэткія ж штонікі. Ну і, у поўным зборы, чакаў, калі за мной прыйдуць.

Прайшоў той дзень, за ім наступны, потым мінуў яшчэ адзін, і я зразумеў, што Жорык рапарт не напісаў і ў ізалятар я не еду. Я нават абрадаваўся: цяпер мог, не выходзячы за межы гардыні, павініцца. Трэба было толькі падлавіць момант, каб сам-насам. І адзін такі я напаткаў, але… так і не сказаў шмат разоў абдуманых слоў. І не тое каб з-за пыхі, як з-за нейкае сарамлівасці… А мо гэта і ёсць пыха?

Пачуўшы ў Жоравай манеры выкананую забарону гуляць нам у суседніх дворыках, я ўжо збіраўся пару адсоткаў выдаць, але тут жа, узгадаўшы нясплачаны Жору даўжок, асёкся, закрыў рот і пачаў тусіць па клетцы, разумеючы, што гаварыць не маю права і прасіць Жоржа бессэнсоўна.

– Жора, дык дворыкі ж вольныя, давай мы побач пагуляем, – папрасіў спакойна, але трошку абурана Дзяніс.

– Нельга, – няўмольна адказаў той.

– Ды не прасі ты, Дзёня, гэта ж – Жора, – кінуў я Жорына імя як абразу.

– Не, я Жору ведаю іншым, ён нармальны, добры чэл, – не пагадзіўся Дзяніс, прамаўляючы гэтую характарыстыку нам абодвум, і павярнуўся на кантралёра: – Жора, я ж памятаю цябе харошым хлопцам, як ты яшчэ працаваць прыйшоў: на пякарню да нас завітваў, па-людску мы заўсёды з табою і ты з намі. Калі цябе абазлілі некаторыя, дык ты ж на ўсіх не адыгрывайся.

Дзяніс спыніўся і, счакаўшы, дадаў з усмешкаю:

– Тым больш на нас з Дзімонам, мы ж чарвякі ды і толькі.

Жорык нешта прабурчэў у адказ, а мы, засмучаныя, пачалі туды-сюды шпацыраваць. Было шкада, што апошняя мая прагулка ў «Глыбокім» выходзіла так няўдала: вось і фотак паглядзелі, вось і кавы папілі, вось і паразмаўлялі па-людску на развітанне – недзе так разважалі мы.

І тут Жора, ён самы, адчыняе суседнюю з Дзянісам клетку, потым маю і ківае мне:

– Пераходзь.

Гэтым ён агаломшыў так мяне другі раз і канчаткова. А я ўжо амаль стаўся зэкам!.. А выходзіць, каб змякчыць сэрца любога ў свеце «Жоры», насуперак эмоцыям трэба вось так, па-божаму: «Жора, я ж памятаю цябе харошым хлопцам! Ты добры, нармальны чэл, Жора! Давай па-людску, Жора, – мы ж проста чарвякі ў гэтым свеце!»

– Усё ж, Дзімон, суперскі дзянёк сёння! – абвясціў Дзяніс, адліўшы палову кавы са свайго стакана ў мой.

– Суперскі, Дзёня, – адсёрбнуў я гэтага вугальнага колеру пітва і вымушаны быў дапоўніць з усмешкаю: – І кава суперская, заўсёды такую варыш?

Дзёня падняў на святло стакан і, углядаючыся ў яго, спрабаваў вызначыць, колькі кілатон прыпадае на паўстакана гэтага чорнага эліксіру.

– Ну, раз на дзень можна, – урэшце быў завершаны ім спектральны аналіз.

– Раз на дзень – так. Хаця, ты ведаеш, каву не піў зусім, лічы, да год трыццаці. Гэта ўжо каханая прывучыла мяне да арыстакратыі.

– О, фоткі ўзяў? – падхапіў Дзяніс.

– Канешне, – я дастаў з кішэні фотаальбом і перадаў яго праз краты.

– Твая? – тыкнуў ён пальцам у фота Насценькі.

– Мая! – з гонарам адказаў я. Зэкі заўсёды так адказваюць на гэтае пытанне – такая танальнасць азначае, што хоць ты і ізгой грамадства, але яшчэ камусьці патрэбны ў гэтым свеце.

– Прыго-ожанькая! – працягнуў Дзёня – І колькі ёй?

– Дваццаць два толькі споўнілася.

– Пастой, – глянуў на мяне ён. – А табе?

– Во, трыццаць адзін ляснуў па рэбрах.

– Дык ты нармальны чэл!

– Ну дык да, – усё яшчэ працягваў лыбіцца я.

– Як яе?

– Анастасія.

– Прыгожа, – гэткім жа ўзнёслым голасам, як і ў мяне, адказаў ён і запытаў: – Я так і не зразумеў, вы жанаты?

Лыбіцца я перастаў і ўздыхнуўшы адказаў:

– Не.

– А што так?

Я набраў поўныя грудзі паветра і пачаў апавядаць гісторыю, па матывах якой яшчэ напішу лірычны кінасцэнар і вазьму «Оскара».

– Справа такая, Дзёня: канчаткова я ўсвядоміў, што не магу жыць без яе, калі быў ужо ў турме. У прынцыпе, за гэта я ёй найперш і ўдзячны, – я ўсміхнуўся і ўдакладніў: – Турме. Але, калі мы вырашылі ў «Горках» распісацца, высветлілася, што няма ў мяне пашпарта. Мы туды-сюды, давай шукаць яго і знаходзім канцы ў КДБ – канфіскавала гэб'ё ў аднаго нашага сябра, па справе аб мітынгах. Як ён у таго апынуўся?.. –

пацепаўшы плячыма, запытаўся я сам у сябе. – Я і цяпер рады не дам. Давай мы пісаць чэкістам, але тыя ўрубаюць свой звычайны рэжым – «дурачок»: ці не адказваюць на запыты нашыя, ці адказваюць нейкую ахінею накшталт: «Не можам высветліць месцазнаходжанне».

– Як жа так? – абурыўся сябар, разам са мной суперажываючы.

– Я і сам не ведаю, – развёў я рукамі. – Дурню плюй у вочы, а ён кажа: дождж ідзе. Так і гэтыя: я ім – дакументы аб тым, дзе пашпарт і па якой справе імі ж канфіскаваны, а яны мне: дождж ідзе. Плюнуў я на іх канчаткова і вырашыў рабіць у «Глыбокім» новы. Але і ў гэтых дождж: не можам рабіць новы, пакуль ты маеш стары – замкнёнае кола. «Бог з ім, – разважылі мы, – на ўсё Ягоная воля, трошку пачакаем», – я ўздыхнуў і рэзка запытаў: – Але тут што, Дзёня?

– Што?

– Раскрутка, вось што! – радасная іронія тут якраз пасавала. – І я так прыкінуў, што маю ўсе шанцы да года 37-га катацца па камандзіроўках…

– Чаму да 37-га? – спыніўшыся, утаропіўся ў мяне Дзёня.

Спыніўся і я – трэба было тлумачыць прынцып функцыянавання беларускага султанату.

– Таму, браце, што Саня да Колі. А Колі 35 будзе ў 37-м. На Русі ж нашай, – захацелася мне па-сяброўску прышпільнуцца з Дзёні, а мо і з сябе таксама, – як прынята? Прыходзіць на трон новы самадзержац і старым палітзэкам дае амністыю. Карацей, – перайшоў я на сур'ёзны лад, – раскручваць-та могуць бясконца, і таму свабоды чакаць ужо ніяк не выпадала. Давай я скандаліць, каб рабілі пашпарт мясцовыя. Марозілі яны, тармазілі як маглі і ўрэшце рэшт разам з позваю на новы суд выдалі мне новы пашпарт. І цяпер вось падалі мы дакументы ў загс, якія таксама прытрымлівалі да ўпору.

– А якая ім тут розніца? – Дзяніс нахмурыўся: ён не разумеў падыходы, па якіх жэняць у нашай краіне маладафронтаўцаў.

Трэба было прыгадаць і аб назве султанату.

– Дзёня, дзе мы жывём з табою? БССР! Усе і ўсяго баяцца! Такое ўражанне, што, цень уласны ўбачыўшы, кожны з іх аб-

дзелацца гатовы тут жа, па месцы. Яны, відаць што, – зрабіў я адзінае мажлівае дапушчэнне ў тэатры абсурду, – думаюць калі распішуць нас, дык гэтая ячэйка рэвалюцыі пахісне асновы рэжыму.

– Дык загс прызначыў роспіс? – зусім расхваляваўся мой сябар.

– Прызначыў, – кіўнуў я і адвёў позірк на возера, – на 6-е.

– Ну дык распішыцеся!

– Дзёня, 6-е – заўтра, а сёння мяне вывозяць.

– Да ты што?! – Дзяніс у роспачы, не меншым за мой, ляпнуў сябе па сцёгнах.

– Во так. У іх жа павязана ўсё. Дый і ў загсе сядзяць трасуцца і гэтаксама гатовыя да ўсяго. Таму… на новым месцы ўжо ажэнімся, мо ў «Мазырах» якіх, – нявесела скончыў я і паспрабаваў усміхнуцца: – Ды не будзем аб сумным. Давай твае фоткі глянем.

Дзяніс перадаў мне праз краты фотаздымкі, і я пачаў іх гартаць.

– Ты? – на фотцы стаіць з вудаю ля ровара белабрысы хлопчык.

– Я! – Дзёня задаволена тыкнуў сябе пальцам у грудзі.

– Рыбак?

– Ну, захапляўся да малалеткі.

– Я таксама рыбак, – пацвердзіў я з каменным тварам.

– Так? – абрадаваўся рыбалоў, адшукаўшы сваяцкую душу. – Рыбак рыбаку, як родны брат брату. Асабліва калі пасярод акіяна плывуць яны ўдвух на адзінокай льдзіне ў вір.

– Так! – я ўжо ледзь не кляўся. – Рыбачу па прынцыпе: рыба плавае па дну, не злавіць це ні адну.

Пакуль Дзёня супакойваўся (мне-та смяяцца не было чаго з такое рыбацкае долі), я разглядаў фотку, на якой гэты ж рыбак з прыгожаю жанчынаю сярэдняга веку стаялі на тле вясковае хаты і квітнеючых яблынь.

– Матуля твая?

– Так, – вочы Дзяніса напоўніліся замілаваннем і сумам. – Гэта мы каля нашай хаткі, што пад самымі Паставамі, – ён усміхнуўся і працягваў: – Цікавая гісторыя з домам гэтым звязана. Я яшчэ зусім малы быў, мы з маці ехалі

на машыне дахаты з Віцебска, ад цёткі. І тут, каля дарогі, на ўскрайку вёскі, стаіць пустуючы дом, а побач – самотны сад. Я ўпрасіў мамку спыніцца і натрэсці троху яблык, бо свайго саду ці вёскі якой у нас не было. Набраў я поўную запазуху белага наліву, іду да машыны і хрушчу яблыкам, а яны такія сакавітыя, што ажно мёд цячэ па барадзе… і кажу я матулі, як было б добра такі домік мець! І, уяві сабе, яна яго набыла праз год! Вось тыя яблычкі, якія ты ўпадабаў, якраз з гэтага саду.

Я таксама ўсцешана паківаў галавою, узгадваючы, што адзін мядова-сакавіты яблык я яшчэ пакінуў на начны перакус у сталыпіне.

Дзёня ж строс з сябе рэшткі суму і радасна запэўніў:

– Як сустрэнемся на волі, я цябе абавязкова запрашаю, разам з Анастасіяй! Заедзем, цяпельца раскладзём…

– Гуся засмажым! – усплыла мроя і перада мною.

– Так, ёсць там гусі, суседскія.

– Не, Дзёня, суседскіх не трэба – мы яго даесці не паспеем.

– Ну што ты! – як бы абурыўся Дзяніс, але з усмешкаю: – Мы ж дамовімся.

– А, калі дамовімся, дык добра, – зацвердзіў я суседскага. – Што ў нас там яшчэ да гуся?

– Хлеба я напяку, – пекар аж прыўзняўся, – гарбаткі заварым… Ды і хопіць, што яшчэ нам, зэкам, трэба?! – Дзяніс мне моргнуў: – Узгадаем адзіночкі…

– «Чарвяка» з «баркасам»… – сам сабою напрасіўся працяг думкі.

Мы стаялі моўчкі, узіраючыся ў блакіт небасхілу, на якім праплываючыя аблокі малявалі гуся ў яблыках, напечаны Дзёнем хлеб, чорную гарбатку, што дыміць на драўляным стале, над якім раскінулі свае шатры старэнькія, але яшчэ моцныя яблыні…

– Хто гэта? – паказаў я на шатэнку гадоў сямнаццаці.

– Была сяброўка ў мяне адна… – выдыхнуў Дзёня. – Пазнаёміўся я з ёю за месяц да арышту. Перад гэтым я два гады, з самае малалеткі, з іншаю сустракаўся, нават распісвацца збіраліся. Але нешта рассварыліся мы троху, і пайшоў я налева, пазнаёміўся якраз вось з гэтай шатэнкай, Вікай. І хаця

мы былі знаёмыя толькі месяц, ваявала яна за мяне пасля арышту дзень і ноч, – Дзёня паглыбіўся ў мінулае, і я яму не перашкаджаў. Мы моўчкі прайшліся пару разоў па сваіх клетках і сябар працягваў.

– Жанчыны, скажу я табе, гэта незвычайныя людзі! – усклікнуў ён. – Калі прымае яна рашэнне – усё, няхай не трапляюцца на дарозе – ідзе львіца, якая будзе рваць за цябе направа-налева ўсё і ўся. Вось так і гэтая. Падавалася б: ну хто я ёй такі? А мяне толькі закрылі, яна – тут як тут: на наступны ж дзень адчыняюцца ў хаце дзверы і кажа мне начальнік «кічы»: «Выходзь, прыйшлі да цябе!» Я падумаў, слядак мо які. Заводзяць у пакой, а там – яна! Ты прыкідваеш?!

Я не адказваў – прыкінуць было цяжка нават відаўшым віды. Дзёня распавядаў далей:

– Кідаецца на шыю мне, плача: «Дзянісанька, вырвемся!», «Буду чакаць!», «Жыць не магу!». Я такі шакаваны быў… Мамка яшчэ не паспела зразумець, дзе я і што, а гэтая імгненна! І ўзялася яна па поўнай праграме: год і перадачы цягала, і мамку маю падтрымлівала, і па сведках бегала, і па следаках – усё даказвала: «Вы ж ведаеце, ён невінаваты!» Падняла на ногі нават сваю маці. А ейная маці ведаеш хто?

– Хто?

– Пракурорша! – крыкнуў Дзяніс і патрос рукою ў паветры. – І пракурорша, якая мяне на малалетку закрывала!

– Во ты выдаеш… – уразіўся я такім паваротам і запытаў: – А тая што, з якой распісвацца меліся, кіданула?

– Яна… – сябар мой уздыхнуў. – Апынулася, што была цяжарная.

– Н-да… проста нейкая санта-барбара.

– Так, Дзімон, але я потым даведаўся. Яна, відаць, не магла дараваць мне здраду ды ўжо сувязі са мною не шукала. Бацькі ёй кажуць: «Рабі аборт!», але яна не зважаючы ні на што адмовілася. Дык, падумай ты сабе, выгналі з дому!

– Час ад часу не лягчэй, – уздыхнуў і я, усё ж падобна было болей на тыповую трагедыю па-савецку. – І што?

– Нарадзіла ўсё-ткі. Потым выйшла замуж, за вайскоўца, харошага хлопца – я яго ведаю – сына ваенных таксама.

Нарадзіўся ў іх яшчэ адзін дзіцёнак. Урэшце, і ейныя бацькі шчаслівыя, і ягоныя.

– Рэдкі выпадак…

– Дзякаваць Богу, Ён уладкаваў.

– Ну а Віка? – мяне ўжо вельмі цікавіў працяг турэмнага рамана, такога сімвалічнага для нашага веку.

– Віка вяла за мяне няроўны бой да самага прысуду. А потым зляпіў я з ёю расход, – выдаў Дзяніс трагічную канцоўку ўзнёслага аповеду, але зрабіў гэта даволі спакойным тонам.

Я ўтаропіўся ў сябра – мне хацелася, каб усё завяршылася каханнем «да смерці» – і са здзіўленнем запытаў:

– Навошта?

– Да ты што, Дзімон… – махнуў рукой Дзёня. – Маладая дзеўка, усё жыццё наперадзе, а тут я – і «дванаццатка»… Ды як падумаў я таксама: сядзі і потым заганяйся: дзе яна? з кім?.. І я адпісаў ёй з «кічы», што ўсё, сканчваем гэтую любоўна-турэмную рамантыку. Так бы, ведаеш, мо і не асмеліўся б, але быў у аднаго чэла гераін, і мы пару дзён – «у саплях», ну вось я вырашыў і яе вызваліць, і сябе. Віка, праўда, доўга не згаджалася; матуля яе вельмі палюбіла і наракала на мяне потым, што дурань я такі-сякі… Але што вырашана, тое вырашана, – завяршыў Дзяніс, скрыгатнуўшы сківіцамі.

– Ну ты чэл канкрэтны… – уражана прамармытаў я.

– Нядаўна замуж выйшла, – працягваў прыхільнік радыкальных рашэнняў, – але ў нас добрыя адносіны: піша мне, падтрымлівае, нават дапамагае маёй матулі перадачы збіраць… хаця і прайшло столькі год, ды яшчэ пасля таго, як я яе выправадзіў. Можаш сабе ўявіць, які чалавек?

На гэтае пытанне можна было толькі паківаць галавою – я і мог сабе ўявіць, бо прыклады – і іх шмат – перад намі, і не мог, бо розумам чалавечым такое спасцігнуць нельга.

Зэк і жанчына – самая загадкавая, дзіўная і неспасцігальная сфера турэмнага жыцця (а можа быць, і ўсяго жыцця пад нябёсамі). І якіх толькі лёсаў не сустрэнеш! Яму даюць «дваццаціпятку» за забойства палюбоўніцы, з якою ён паралельна жыў, а яна даруе ўсё, выбіваецца з апошняе моцы, але збірае перадачы, ездзіць на спатканні… піша, плача, свята чакае.

А колькі едуць у зону браць шлюб з зэкам, якога ведаюць толькі па некалькіх лістах перапіскі ці двух-трох забароненых размовах па мабільніку?.. Не спыняе нічога: ні кот у меху, ні калючы дрот вакол месца жыхарства абранніка, ні 5, 10–25 год, якія гэтаму кату-абранніку пад аховаю аўчарак трэба пражыць. І гэтак жа свята будзе плакаць, пісаць, ездзіць і… чакаць, чакаць, чакаць. Уявіць жа, каб на гэтую ахвяру душы быў здольны мужчына, ніяк нельга. Не, такое, канешне, мусіць недзе быць, але я пакуль не бачыў.

А нават такое часам сустрэнеш, калі выправоджвае яе зэк (ці вызваліць жадае, як Дзёня, ці найграўся кот з гэтаю мышкаю і палюе ўжо на іншую), а яна шчэ ўмольвае і спадзяецца.

Не, розумам чалавечым такое спасцігнуць нельга, такое можна спасцігнуць толькі душою.

– А цяпер пішашся з якою? – запытаў я пасля хвіліннага маўчання.

Дзяніс усміхнуўся і ўсцешана адказаў:

– Пішуся, ёсць адна дзяўчына, Марыя. У Ельску жыве, ведаеш?

– Ведаю, – кіўнуў я, узгадваючы адну з двух сваіх малых радзімаў. – А як пазнаёміліся?

– Адрас даў яе стрыечны брат, з якім я тут разам год на пякарні працаваў, а цяпер ён ужо на свабодзе.

– І што, пра адносіны не размаўлялі яшчэ?

– Размаўлялі, я ёй напісаў пра сваё бачанне сям’і, пра веру. Яна ва ўсім згодна, але са шлюбам мы вырашылі пачакаць.

– Чакаць? – даўся дзіву я. – Табе колькі яшчэ сядзець, Дзёня?

– Восем. Да званка. Гады два мо і «адкушу».

– Во, восем! Ці шэсць – у лепшым выпадку. І ты кажаш: чакаць? Ну вось я амаль два адчакаў і што? – прыгадваў я свой досвед. – Адарві і выкінь! А ты збіраешся восем год зарыць. Калі ёсць пэўнасць, трэба рабіць адразу. А калі няма… – я пранікліва паглядзеў на сябра, – дык мо лепш ні ёй не тлуміць розум, ні сабе?..

Перад самым абедам заляскаў ля маёй каморкі ключнік і, адчыніўшы дзверы, прамовіў:

– Пайшлі.

– Куды? – я начапіў феску і ўскочыў у туфлі.

– Там убачыш, – быццам бы інтрыгуючы, адказаў кантралёр.

На волі такога кшталту адказ сапраўды можа інтрыгаваць, але ў турме – толькі напружваць. І як не пераймацца? Ідзеш і не ведаеш куды: да любімага чалавека, што прыехаў на спатканне, ці да следака, што прыпёрся падшыць на цябе яшчэ пару паказанняў? Пасля шматлікіх паўтораў эмоцыі, пры руху ў невядомасць, прытупляюцца, але не тое каб зусім ужо – хаця б трошку, але сэрца будзе адбіваць усхвалявана: «Тух-тух, тух-тух, тух-тух, а раптам убачу зараз каханую?» – думае яно.

Мяне прывялі ў суседні, прылеплены будынак. На прадоле ізалятара з аднога боку месцяцца камеры ШІЗА і ПКТ, а з другога стаіць драўляны прамавугольны стол, які выкарыстоўвае повар падчас кармёжкі камер. Цяпер жа на ім стаяла тыповая торба «у клетачку», сімвал двух катэгорый чаўнакоў у нашым сацыялізме – тых, што возяць у іх па рынках свой тавар, і тых, што цягаюць у іх па этапах усю сваю маёмасць. Ля кешэра гаманілі рэжымнік і дзве маладыя жанчынкі – бландзінка і брунетка – супрацоўніцы з гэтак званых спатканак – пакояў для каротка- і доўгатэрміновых сустрэч зэкаў з роднымі.

– Правярай, – суха прамовіў рэжымнік і сунуў мне аркуш паперы, на якім я адразу пазнаў почырк Настачкі – клапатлівыя пальчыкі спісалі цэлую старонку пералікам прадуктаў.

– Насценька перадавала прывітанне, казала, што вельмі кахае, сумуе, чакае, – узнёсла выгаварыла кожнае слова брунетка.

– Дзякуй вам вялікі, – адказаў я, крануты, бо яна ж зусім не абавязана была перадаваць мне вітанні, але вось жа зрабіла гэта і нават так пяшчотна. Добрыя сэрцам супрацоўніцы заўжды суперажывалі нашай з Насценькаю барацьбе за мой пашпарт ды шматлікім нашым спробам прарвацца да загса і стацца нарэшце мужам і жонкаю.

Перавярнуўшы на стале аркуш, я напісаў на адваротным баку стандартныя словы, якія ўжо так даўно не прамаўляў: «Перадачу атрымаў цалкам, прэтэнзій няма».

– Дык вы пра-аве-ерце, – расцягнула гукі бландзінка.
– Я вам веру, – усміхнуўся я, ставячы дату і подпіс.

Зэк рэдка калі правярае перадачу па спісе. Калі табе яе прыносяць, ты ўсхваляванымі рукамі, што трасуцца ад радасці, хутка драпаеш пяць слоў, дату, подпіс і цягнеш скарб у сваю павуціну. Радасць жа складаецца з дзвюх частак: пяшчотнай радасці, бо ты напоўнены пачуццём удзячнасці за клопат і вестку ад любімых, і галоднай радасці, бо ты напоўнены пачуццём удзячнасці за ежу. Тое, якая з частак радасці пераважае ў агульнай эйфарыі, залежыць ад таго, колькі год сніцца табе гусь у яблыках. Гэтым разам рукі ў мяне трэсліся больш ад пяшчотнае радасці, але, каб не даеў я раніцою Дзёніны гасцінцы, пераважала б радасць галодная. Бо для зэка, а перадусім зэка-злосніка (злосна парушаючага ўсталяваны парадак адбыцця пакарання), ежа – гэта адвечнае летуценне і адвечная праблема.

Уся перавыхаваўчая сістэма «нэагулагу» – зон і турмаў ДВП (Дэпартамента выканання пакаранняў) МУС РБ, заснаваная на тым, што зэк заўсёды павінен быць галодны, не зважаючы нават на тое, што паводле судовага выраку мне забаранілі колькі там год дыхаць вольным паветрам, а не пазбавілі права есці.

У СІЗА, калі ты знаходзішся ў статусе падследчага і маеш права на безлімітную атаварку і перадачу ў 30 кг штомесяц, з галадаморам сустракаешся рэдка, толькі калі сядзіш у вялікай хаце, дзе ўсе прадукты ў цябе хутка павыпрошваюць. У зоне ж голад – гэта дыягназ. Выключэнні здараюцца толькі тады, калі ты атрымаў перадачу і пару тыдняў вядзеш з сябрамі разгульны лад жыцця. Вось як я з Дзёнем, патрапіўшы на ягонага «кабана». Увесь жа астатні час ты сядзіш на «палажняковай» пайцы.

Што такое «палажняк» – сказаць цяжка, бо ў кожнай зоне мадыфікацыя баланды залежыць ад таго, колькі дзясятак пар рук цягне з зэкаўскага катла. Нават калі недзе нейкім цудам не цягнуць надзіральнікі, будуць цягнуць зэкі (таму месца каля катлоў з мясам, цыбуляю і часнаком каштуе найбольш плюсікаў). Вельмі сумняваюся, ці мог бы ты наесціся,

каб нават па тых нормах накладвалі табе ў шлёмку, а пасля таго, як самыя ласыя кавалкі з бакаў выцягнутыя, шансаў перамагчы ў няроўнай бітве з голадам – ніякіх.

У цывілізаванай краіне пазбаўленне права хоць раз на дзень, але наесціся, назвалі б катаваннем, а ў нас гэта горда імянуюць «перавыхаваўчым працэсам». Гэты перавыхаваўчы працэс – каб на «агульным рэжыме» ты меў чатыры перадачы па 30 кг у год, а на «строгім» – дзве. Каб ты мог атаварвацца ў зонаўскай крамцы на пару даляраў у месяц. І тое будзеш мець ты на ўсё гэта права толькі тады, калі ходзіш перад гарантам рэжыму на дыбачках. Калі ж ты нешта недзе пікнуў, калі гузік не зашпіліў на кашулі, галодная смерць грукаецца ў твае дзверы, часцей за ўсё – дзверы ізалятара, бо за кожную правіну перад рэжымам ты разлічваешся перадачамі, атаваркаю, сустрэчамі з роднымі, а калі пазбавіць цябе ўжо няма чаго – едзеш у ШІЗА, на ізалятарскую баланду.

Вось такія асноўныя рысы «перавыхаваўчага працэсу», хаця і не сустракаў я яшчэ ніводнага, каго б гэткімі метадамі перавыхавалі. Відавочна, што эфектыўнасць такіх падыходаў разумеюць і рэжым утрымоўваючыя, але ні ў кога і не стаіць такой задачы – нешта людскае выхаваць у чалавеку. Задача ў тым, каб кожнае імгненне адчуваў ты, што ты раб, якога толькі з ласкі Галоўнага рэжымніка кормяць пару разоў на дзень «палажняком». І ўсе гады, пакуль ты жарэш гэтую падачку, ты павінен убіваць у падкорку сваю, што, каб мець да шлёмкі баланды яшчэ і костку, ты мусіш хадзіць на дыбачках і зашпільвацца на ўсе гузікі.

– Куды вазілі? – гукнуў Дзёня, калі дзверы за мною зачыніліся.

– Насценька прыязджала, – радасна адказаў я.

– Во! – здзівіўся сябар. – Ні на крок ад цябе.

– І каб ты ведаў, колькі ўжо год – ні на крок, дык не паверыў бы. Я часам сам не разумею нават, хто больш гэтыя мае тэрміны матае – я ці яна?

– А што, такая хуткая сіданка ў цябе?

– Да ты што, Дзёня, не для таго раскручвалі, каб потым сіданкі выпісваць, – уздыхнуў я з сумам. – Дазволілі ёй толькі перадачу перадаць.

– Н-да, зусім табе няпроста, гляджу я… – разгублена зазначыў Дзяніс, пачаўшы, відаць, разумець, што працуюць тут па персанальных падыходах. – Звычайна калі прыязджае да каго-небудзь дзяўчына, дык кароткую сустрэчу дазваляюць, а можна нават і на доўгатэрміновую дамовіцца.

– Гэта казка не пра нас.

– Дык я яшчэ дзіўлюся, як табе перадачу дазволілі з такімі раскладамі.

– Я ж як падследчы цяпер, пасля раскруткі, – патлумачыў я, – дык 30 кг на месяц маю. Толькі і я не думаў, што ўжо ў зоне магу атрымаць, але, бачыш ты, і сюды прабілася, клапатлівая… – прамовіў я, сам яшчэ не разумеючы, як такое адбылося. – Ірвану цяпер у атаку з поўным баекамплектам.

– А калі этап? – схапіўся Дзяніс.

– А палове недзе на першую.

– Было б класна разам паехаць.

– Ну, было б прыкольна, – усміхнуўся я, не першы раз адчуўшы, як пачуццё вялікай прыязнасці напаўняе мяне да гэтага чалавека.

– Мо і я яшчэ паеду?

– Не, Дзёня, табе б вопісі ўжо прынеслі. Таму пакуль што стартую я адзін.

– А куды едзеш? – усчаміўся і Санчоўс.

– Дакладна не ведаю, але хутчэй за ўсё ў «Мазыр».

– Паведамілі табе?

– Не… але якія яшчэ варыянты? – хмыкнуў я. – У беснаватых «Горках» быў, у «Глыбокім» выхапіў, засталося толькі ў «Мазыр» пракаціцца – канцлагер, кажуць, там яшчэ той.

– Я ж у «Мазыры» першы тэрмін сядзеў, – нечакана выдаў Санчоўс.

– Да ты што! І як там?

– У зоне рэжым такі, што не прадыхнуць, але ж ты «пад дахам» пастаянна будзеш? – удакладніў экс-мазырчанін, у перакладзе на цывільную мову запытваючыся: «Будзеш па ШІЗА/ПКТ сядзець?»

– Толькі так, – цвёрда запэўніў я.

– Дык там будзе табе добра, – тут жа была дадзена мне раскладка. – Кічу там «грэюць» нармальна, «курыць-варыць» у

кожнай хаце. І сам будынак новы, 2004 года – усё па еўрастандартах і са шклопакетамі.

Як толькі пачуў я гэтае дзівоснае апісанне будучыні сваёй, імгненна сэрца выкінула ў артэрыі гадавую дозу эндарфіна і замілаванне жыццём хваляю накрыла мяне з галавы да ног – я ўявіў сабе шклопакеты ў ізалятары і па еўрастандартах мяггенькую драўляную падлогу, на якой могуць з'явіцца неблагія шанцы пераждаць будучую зіму, бо яшчэ адну глыбоцкую, з пяццю пад'ёмамі на ноч на 20–30-хвілінную зарадку (каб не здохнуць ад холаду) я мог бы ўжо і не выцягнуць.

– Санёк! – задаволена гукнуў я. – Ты натхніў мяне неймаверна! «Курыць-варыць», праўда, сто год мне не трэба, а вось Біблію хацелася бы неяк адваяваць.

– Там у кожнай хаце, – спакойна заявіў Санёк інтанацыяй усёведаючага, якая вызначаецца крыху ганарлівым тэмбрам.

– Ды не можа быць! – я ўжо ледзь не шалеў ад радасці.

– Точна табе кажу!

– Во ё-маё! Сядзеў бы і сядзеў бы ў такім санаторыі!

– Хе-хе, – гагатнуў добры сусед. – Ну дык пасядзіш.

Перад вячэраю я развітваўся з зонаю – здаў матрац, падушку, коўдру, дзве прастыні, навалачку, алюміневы «кругаль». Вызваліўшы шконку, падняў яе да сцяны, усеўся на з'явіўшымся зэдліку ды пачаў да Насцюлечкі «этапны» ліст, які меўся працягнуць на сталыпінскіх нарах, а завяршыць у «Віцебску» і адтуль жа даслаць. (Пры пераездах люблю пісаць храналагічныя пасланні.)

– Дзімон, а ты ведаеш, што я зрабіў? – клікнуў тут мне Дзёня з пэўным выклікам.

– Што? – падыграў я.

– Падумаў я аб словах тваіх, на вас вось з Анастасіяй паглядзеў і напісаў сваёй.

– І што напісаў?

– Так і так, пішу, Машанька, давай, можа, вызначымся мы з табою ў планах нашых і стасунках. Каб не было гэтае няпэўнасці. Ці давай распішамся, ці з мірам усё скончым… Яшчэ раз нагадаў пра погляды свае на жыццё; пра тое, што сям'ю можна стварыць толькі на падмурку Хрыста. А калі інакш, дык лепш і не ствараць – нічога добрага не выйдзе.

Дзяніс агучыў сваё рашэнне раўнамерна і спакойным тонам, але і з некаторым у голасе хваляваннем – словы гэтыя, відавочна, абдумваў ён не аднойчы.

– Гэта ты правільна, – я паклаў асадку і падняўся – хацелася падтрымаць сябра. – І з каштоўнасцямі, канешне, трэба вызначацца адразу. Каб у адным духу быць.

– Так, бо наглядзеўся я на сем'і гэтыя, без Бога – сканчваецца ўсё трагічна. Я нават па сваіх бацьках гляджу: жылі сабе жылі, а потым – раз, і разышліся…– Дзяніс самотна ўздыхнуў і пасля некалькісекунднай паўзы эмацыйна працягваў: – Дык у нашых бацькоў хаця б нейкую мараль заклалі! Раней для дзяўчыны пацалавацца з хлопцам было неймавернай дзеяй, а паглядзі, што цяпер робіцца?! Цяпер яна з класа ўжо восьмага такое вытворвае, што і казаць сорамна. Калі мне прыносіць хто ў барак газеткі гэтыя жоўценькія, ганю прэч. Бо неяк узяўся раз чытаць, як там дзяўчынкі ў чатырнаццаць выпісваюць, дык сам сяджу і чырванею ад сораму. І вось ствары тут сям'ю, што гэта будзе?

– Нармальны будзе мурзач! – весела ўсклікнуў Санёк.

– Бачна, усё ж кепскавата цябе падлячылі, – абурыўся недарэчнай рэплікай Дзёня і запытаў: – Ты сам хацеў бы сям'ю такую?

– Ды ладна, Дзянёк, я ж прышпільнуўся, – паспрабаваў выправіцца той, разумеючы, што жарт не да месца. – Ясная справа, каму такое трэба?

– Вось і мне не трэба.

– З іншага боку, Дзімон, – памаўчаўшы, звярнуўся да мяне Дзёня, – я як пагляджу на сябе… я ж сам – ніякі! Што я вырабляў? Як жыў?.. Такіх наўчыняў я дзеяў у сваім жыцці, яшчэ і пакруцей, чым тая, з чатырнаццаці каторая. Дык і не ведаю, ці апраўдаюся калі-небудзь ад гэтага і ці можна ўсё гэта калі-небудзь выправіць?! – пытанне прагучала рэзка і з нейкім нават адчаем, патрабуючы, як я падумаў, якой-небудзь рады.

– Дзёня, – звярнуўся я да сябра з усмешкаю, якой ён не мог бачыць, але павінен быў чуць у маім голасе, – ты не думай толькі, што ты нейкае выключэнне ў гэтым свеце. Я магу за сябе сведчыць: я – такі ж самы, ды яшчэ і бруднейшы, бо

ты сваё жыццё аплакаў і пачаў жыць новым, а я колькі аплакваў, а потым яшчэ горш рабіў.

– Ды не, Дзімон, ты так не гавары.

– Павер, Дзёня, я гавару тое, што дакладна ведаю, дый яшчэ і не ўсё, бо ўсё ведае толькі Бог. – Я прайшоўся тудысюды і, спыніўшыся каля акна, працягнуў: – І я таксама ці не да апошняга заганяўся тым, як гэта збавіцца ад учыненага і выправіць невыпраўляльнае. А потым зразумеў: невыпраўляльнае выправіць нельга, разумееш, Дзёня, – яшчэ раз звярнуўся я да яго, але, не чакаючы адказу, паўтарыў: – Нельга, – і, павысіўшы голас, дадаў: – Але можна зрабіць лепш! Зрабіць са свайго злачынства правільную выснову, абярнуўшы пракляцце за яго дабраслаўленнем!

Скончыўшы сказ абнадзейваючым клічнікам, я ўжо ведаў, якую жадаю дзіўную апавесці сябру гісторыю.

– І ведаеш, хто ёсць самым дзівосным прыкладам у гэтым? – запытаў я, інтрыгуючы.

– Хто? – перапытаў Дзёня.

– Цар Давід – самы вялікі цар у гісторыі чалавецтва. Памятаеш ягоную гісторыю з Вірсавіяй?

– Ну, нагадай.

– Санёк, ты з намі? – праверыў я сувязь з другім суседам.

– Канешне, – буркнуў той як заўсёды радасна, – я ў баркасе, валяюся тут, на падлозе.

– Валяйся – табе таксама будзе карысна паслухаць.

Я пачаў вечаровы шпацыр і гэткі ж размераны аповед.

– Справа была даволі банальная, – сказаў я, адмераўшы чатыры крокі ад дзвярэй і чатыры назад, да акна, трымаючы пры гэтым адну руку ў кішэні, а другою рассякаючы паветра, быццам гэтым мог і цераз сцену мовай жэстаў дапамагчы мове вуснай. – Жыў сабе пажываў цар, усяго было ўдосталь у яго і нават больш за тое. І неяк адным пагожым днём угледзеў ён на суседніх сотках жанчыну і ўпадабаў яе. Гарод жа належыў ягонаму генералу (які ў той момант за гэтага самага Давіда і біўся на вайне), а жанчына, Вірсавія, была жонкаю палкаводца. Але Давід, нейкім чынам даўшы месца д'яблу, на такія акалічнасці ўвагі ўжо не звяртаў – узяў чужую жонку і з ёю зблудзіў. Праз нейкі час высвят-

ляецца, што Вірсавія цяжарная. Што рабіць? (Закон такі: калі грэх не амыты, Сатана бярэ ў абарот на ўсю і за адным злачынствам ідзе іншае – звычайна яшчэ больш жахлівае, і так да мяжы, каб злоўленаму бесамі чалавеку шляху навяртання ўжо не было.) Давід задумаўся, але не як навярнуцца, а як выкруціцца, і загадвае паставіць генерала ў заведама правільны фланг на фронце, дзе таго ў баі і забіваюць. Усё, заваліўся, як бачым, Давід па поўнай. Сатана на радасцях пацірае рукі – ён-та перакананы ўжо на ўсе сто, што знішчыў самы вялікі план Божы адносна чалавецтва. Бо, Дзёня, галоўны аспект-та ў чым? (Трэба было зрабіць важнае адступленне.) У тым, – я спыніўся ля рэшкі і махнуў перад сваёй аўдыторыяй расчэпленай далонню вольнае рукі, – што Бог, уцаравіўшы Давіда, даў яму прароцтва, што з Давіда пойдзе Збаўляльнік свету, Каторы выкупіць грахі чалавецтва – Ісус Хрыстос. І Сам Сын Божы сведчыць аб сабе ў «Адкрыцці» Яна: «Я – корань і род Давідаў». То бок можаш ты ўявіць сабе маштаб асобы і магутнасць?! – з павялічанай гучнасцю запытаў я, сам захапіўшыся і ўжо дзвюма рукамі перад кратамі патрасаючы.

Адказу я не чакаў і, працягваючы шпацыр, далей размахваў праваю далонню:

– І вось цяпер да нашае сітуацыі: цар, што мусіць стацца прабацькам Хрыста – і такое падзенне! Ну і не дзіва пры такім раскладзе, што Сатана святкуе самую сваю вялікую перамогу. І яно так бы і сталася, але тут прыходзіць да Давіда прарок і, Дзёня, што яму апавядае?

– Што, Дзімон? – захоплена перапытаў галоўны і самы ўважлівы мой слухач за апошнія два гады. (Следакоў, канешне, я не лічу. Тым больш, апроч імя свайго, я ім нічога больш не прамаўляў.)

– Апавядае ён цару дзіўную некаторую гісторыю і просіць Давіда рассудзіць. Ведаеш ты, – выдыхнуў я і прызнаўся: – Калі чытаю гэтае месца, я амаль заўсёды плачу. Зараз зачытаю табе.

Я палез у кешэр, дастаў у сёмухаўскім перакладзе Біблію, пагартаўшы якую знайшоў патрэбныя вершы, і, зноў стаўшы перад акном, працягнуў:

– Вось слухай Дзёня, гэта 12-ы раздзел 2-й кнігі Царстваў: «І паслаў Гасподзь Натана прарока да Давіда, і той прышоў да яго і сказаў яму: у адным горадзе былі два чалавекі, адзін багаты, а другі бедны; у багатага было вельмі многа дробнага і буйнога быдла, а ў беднага нічога, апрача адной авечкі, якую ён купіў маленькую і выкарміў, і яна вырасла ў яго разам з дзецьмі ягонымі; хлеб ягоны ела, і з ягонай чашы піла, і на грудзях у яго спала, і была яму, як дачка; і прыйшоў да багатага чалавека дарожнік, і той пашкадваў узяць са сваіх авечак ці валоў, каб прыгатаваць дарожніку, які прыйшоў да яго, а ўзяў авечку беднага і прыгатаваў яе чалавеку, які прыйшоў да яго. Моцна ўгневаўся Давід на гэтага чалавека і сказаў Натану: жывы Гасподзь! Варты смерці чалавек, які зрабіў гэта; і за авечку ён павінен заплаціць учацьвёра, за тое, што ён зрабіў гэта, і за тое, што не меў спагады. І сказаў Натан Давіду: Ты – той чалавек, які зрабіў гэта!».

Я падняў вочы ад Бібліі і паглядзеў на аконныя краты – нібы ў вочы Дзёніны ўзіраючыся.

– Бачыш, сябар, якая сур'ёзная і нават страшная гісторыя.

– Ну так, – здрыгануўшы голасам, адказаў ён, – узрушвае. – Па гучнасці зразумеў я, што стаіць Дзёня на нарах, ці не да самых кратаў галавою прытуліўшыся.

– Якраз тут і надышоў самы вырашальны момант, – цішэй апавядаў я далей. – Давід, як уладар, мог бы сказаць апавядальніку: «Ідзі ты, Натан, ды не дуры мне галаву – цар я ці проста так?» А мог бы і юліць пачаць: «Я – ні я». І так калі, і так – усё было б па-чалавечаму граматна, і юрыдычна законна. Але Давід хітрыць не стаў – ён сказаў прароку: «Зграшыў я перад Госпадам». І што тады гаворыць прарок? Прарок анулюе пакаранне. «І Гасподзь зняў з цябе грэх твой, – сказаў Натан. – ты не памрэш». Разумееш, Дзёня?

– Разумею.

– А ты толькі падумай сабе, што было б, каб цар занараві ўся? Усё – канец і яму, і, адпаведна, Божаму плану збавіць чалавецтва ад граху! – узвысіў голас я, у адной руцэ трымаючы Біблію, а другою ўчапіўшыся за трубу батарэі. – Але Давід робіць адзіна правільную выснову – не ўпадае ў роспач ад невыпраўляльнасці мінулага, не апраўдваецца паводле люд-

ское логікі, а каецца ў злачынстве, чым не толькі сябе ратуе, але і дае месца самаму парадаксальнаму цуду ў гісторыі чалавецтва! Ведаеш якому?

– Распавядай, якому? – падахвоціў мяне цалкам паланёны гісторыяй Дзёня.

– Бог упісвае гэтую самую Вірсавію ў радавод Хрыста! – голасна абвесціў я, захлопнуўшы Біблію і адарваўшыся ад батарэі. – Яна становіцца ягонаю прамаці. Уяўляеш гэткую неймаверную рэч? І хаця за злачынства з Вірсавіяй прыйшлося Давіду моцна пацярпець (бо дзе грэх, там і ягоныя плады, і дзіця, ёю народжанае, памерла, паўстаў на Давіда ягоны ж сын, усіх паваявалі, вялікі цар ледзь уратаваўся і доўга бадзяўся па пячорах), але потым урэшце рэшт Бог ягоную ўладу аднавіў, у той жа час страты былі вялікія і раны глыбокія. Аднак спавяданне Давіда дазваляе Госпаду пераўтварыць праклятце праз грэх у блаславенне праз пакаянне, і там, дзе Сатана думаў атрымаць самую вялікую перамогу, ён атрымлівае самую сваю вялікую паразу – Вірсавія нараджае Давіду другое дзіця, Саламона, які і становіцца наступным па Давідзе царом ды працягвае радавод Хрыста. І ўсё гэта – дзякуючы правільнай выснове, якую зрабіў Давід з таго, што ўжо не выправіш.

Дык я цябе пытаю: калі ў Давіда атрымалася, дык чаму ў нас не атрымаецца? Мо і атрымаецца ў нас, га, Дзёня?

– Мо і атрымаецца, Дзімон, – Чарвяк узрушана ўздыхнуў. – Павінна атрымаецца. Бо навошта тады ўсё?..

Пасля адбою на голыя нары я ўжо не ўкладваўся – вырашыў перад этапам прагуляцца, балазе было гадзінкі чатыры, каб памаліцца ды паразважаць пра будучыню, якая як ні круці, але беспрасветнасцю сваёю пужала.

Недзе праз гадзіну сцішыўся гук Дзёнінай малітвы. «Прыкірнуў, мабыць, чарвяк», – падумаў я, і чамусьці сталася зусім сумна, так хацелася перад дэпартацыяй крыкнуць пару добрых слоў гэтаму Божаму чарвяку. «Гэта ж вынайсці такое – “чарвяк”, – усміхаўся я сам сабе. – І як актуальна!».

Насамрэч бывае так часам, калі ў якой-небудзь супольнасці знаёмых (ці не вельмі) людзей нейкі жарт, рэпліка,

проста слова становяцца афарызмам самі сабою, незалежна ад кантэксту і прамоўцы. Тады нехта прамаўляе яго, і ўсе ўсміхаюцца, ці смяюцца, ці разважаюць над нейкімі ўспамінамі, ці, паглыбіўшыся ў сябе, думае кожны аб асабістым. І вось «чарвяк» гэты стаўся сымбалем шасці маіх сутак у адзіночцы, за якія я сапраўды адпачыў душою і, перахапіўшы паветра, гатовы на новы рывок у цемру. Дзякуй табе, чарвяк, цяпер гатовы.

Хаця, падавалася б, ну што можа нас аб'ядноўваць? У яго свае ўстаноўкі, у мяне – свае: ён можа памаліцца «святому» самадзержцу, я – не прызнаю; ён не вельмі любіць Амерыку, я – люблю; ён – русіч, я – ліцвін. Але ён спавядае Айца, Сына і Духа Святога – і я спавядаю; ён любіць дзіўную матчыну мову – і я люблю; ён – беларус, дык і я, *здурэўшы кажу, тым больш!*

І ці не ў тым спрадвечная бяда наша, што найперш шукаем мы не тое, што нас яднае, а тое, што адрознівае?.. Хаця, падумаць толькі, наколькі ж усё гэта пустое: злева направа ці справа налева, трыма пярстамі ці двума, ад Айца ці ад Айца і Сына, ды нават: святыя тыя ўзурпатары ці не святыя?! Усё, усё пустое. Навошта мне яно, калі я ведаю, што сам – ніякі, калі я бачу, як шмат ўва мне нават элементарных рэчаў, над якімі працаваць яшчэ і працаваць.

Канешне, хочацца, каб кожны веруючы ў Хрыста меў цэласны біблійны светапогляд, без забабонаў і рэлігійнай зашоранасці, каб быць паспяховым на ўсіх шляхах і пераможцам ва ўсіх справах. Аднак, калі нехта бачыць пэўны аспект жыцця ў адрозным ад майго святле, ці падстава гэта для таго, каб я кагосьці адмовіў ці за гэта вінаваціў? Ды не, навошта мне браць на сябе працу Сатаны, пра якога Ян у тым жа «Адкрыцці» піша: «…Скінуты абвінаваўца братоў нашых, які абвінавачваў іх перад Богам нашым днём і ўночы» (Адкр.12: 10). Во як: не грэшнікаў абвінавачвае Сатана (тыя самі сабе прысуды падпісваюць), а святых абвінавачвае ў Хрысце! Не, не буду дапамагаць – няхай робіць вораг сваю рабацёнку сам. Я думаю так. Хаця, на жаль, некаторыя не толькі дапамагаюць, але так горача захопліваюцца гэтай місіяй, так граматна выводзяць догмы аб праўдзівасці аднаго пункту гледжання і лжывасці другога; так слёзна даказваюць, што,

толькі гэтаму вучэнню належачы, выратуешся, а як іншаму – загінеш. І ўсё так горача, так граматна, так слёзна, што самі пачынаюць верыць у беззаганнае сваё зачацце. А што ім зробіш? Няхай. Такім ужо нічога не дакажаш.

Такі стан рэчаў прадбачыў дзве тысячы год таму аўтар трацiны Новага Запавету Павал, словы якога для маючых вушы гучаць і цяпер: «Нямоглага ў веры прымайце без спрэчак пра погляды ягоныя. Бо адзін упэўнены, што можна есці ўсё, а нямоглы есць гародніну. …Адзін адрознівае дзень ад дня, а другі мяркуе пра ўсякі дзень аднолькава. Кожны хай будзе цвёрды ў сваім перакананні. Хто лічыцца з днём, дзеля Госпада лічыцца; і хто ня лічыцца з днём, дзеля Госпада не лічыцца. Хто есць, дзеля Госпада есць, бо дзякуе Богу; і хто ня есць, дзеля Госпада ня есць і дзякуе Богу» (Рым 14: 1–2, 5–6).

Дай Бог, каб кожны быў у веры моцны, каб кожны еў усё, каб кожны адрозніваў дзень ад дня – тады і ён бы радзіў вялікія плады і народ быў бы ўсялякім дабрабытам дабраславёны. Але Бог з ім, як бы ні было, не гэта самае галоўнае, самае галоўнае – упакоранае сэрца. Вось, як у Дзёні, Чарвяка. А будзе яно – астатнім Бог напоўніць: і мудрасцю, каб адрозніваць дні, і Духам, каб быць пераможцам.

Гэтак разважыў я ў сваёй шафе, ходзячы туды-сюды па чатырох рыпучых дошках даўжынёю 2,5 метра.

Спыніўся, прыслухаўся: ціха-ціха. «Усё ж спіць», – падумаў я і глянуў на гадзіннік: а палове на дванаццатую – да этапа з гадзінку. «Спаць», – сказала цела. «Пратрымайся», – запярэчыў дух. Я з замілаваннем агледзеў прывабны куточак пад акном. «Спаць», – паўтарыла цела. «Рабі што хочаш», – адказаў дух. «Ну ладна, не злуйся, – папрасіў я, – мы навярстаем». (Не, тут не было падману!)

Я дастаў рулон туалетнай паперы, паклаў яго пад плінтус і скурчыўся-такі на гэтым сваім ложку, так упадабаным мною глыбоцкімі ізалятарамі. Сон паглынуў імгненна.

…Залязгалі дзвярныя засаўкі. Я падскочыў.

– Ну што, Зміцер, гатоў? – адчыніўшы дзверы, запытаў прапаршчык Зміцер, той самы, што і змяшчаў мяне на шэсць сутак вакацый.

– Гатовы, Зміцер! – пацвердзіў я і пачаў выцягваць свае хатулі.

– Куды цяпер?

– Спачатку трэба неяк «Віцебск» пераЖыць, а там мо «Мазыры» якія.

– Чаму Мазыр?

– Кажуць бывалыя, што такіх, як я, трымаюць у «Горках» ці «Мазырах».

– І што, думаеш, там лепш будзе? – хмыкнуў іранічна мой цёзка.

– Я не думаю, Зміцер, я ведаю – там будзе толькі горш.

– Дык і на якую яно табе халеру?

Я выпрастаўся і паглядзеў на Змітра. «Сапраўды, а на якую яно мне халеру?!» – кінулася з правага паўшар'я ў левае здзекліва-лагічная думка.

– Я ж не выбіраю… – уздыхнуў я. – *Мяне вядуць і я паведзены*, – імгненна ўзяўшы сябе ў рукі прерафразаваў я Ярэмію і сам сабе ўзгадаў: «А табе казалі: пратрымайся!».

Зміцер у адказ сумна ўсміхнуўся. (Дай Бог яму здароўя і добрую жонку! – ён заўсёды быў спагадлівы да мяне!)

Выцягнуўшы свае пажыткі да лесвіцы, я прыслухаўся да вуглавой адзіночкі: цішыня. «Так, спіць», – прашаптаў я. Што ж, адпачывай, браце-чарвяк, і табе трэба сілы.

А я, таксама чарвяк,«чарвяк, а не чалавек, знявага ў людзей і пагарда ў народзе» (Псалом 2 цара Давіда, верш 7), пасунуўся далей па гэтым шляху. Недзе ж павінна яно атрымацца і ў нас. Павінна атрымацца, бо той, хто прызнаў сябе зняважаным і пагарджаным чарвяком, быў таксама і самым вялікім царом пад нябёсамі, з роду якога пайшоў Той, Хто і нас, зняважаных і пагарджаных чарвякоў, робіць *царамі на зямлі і валадарамі* (Адкрыццё 5: 10).

Адпачывай, чарвяк, а я пасунуся. Я веру: атрымаецца і ў нас. Бо навошта тады ўсё?..

НОВАЕ ПАКАЛЕНЬНЕ

Пасьля «выбараў» 2001 года Лукашэнка заявіў, што ягоная ўлада будзе трымацца на трох складніках – мясцовых саветах, прафсаюзах і моладзі. Зусім за кароткі тэрмін была зьдзейсьнена зачыстка мясцовых саветаў. Цяпер, да прыкладу, сярод блізу з 22 500 дэпутатаў мясцовых саветаў каля 10 чалавек прадстаўляюць дэмакратычную супольнасьць, што ў працэнтным вымярэньні складае 0,044%. Нішто не гаворыць на карысьць таго, што пасьля выбарчага маратону-2010 адсотак гэты павялічыцца. Таксама вельмі хутка было праведзена «ператрахіваньне» кіруючых кадраў Фэдэрацыі прафсаюзаў Беларусі. Стартавая пляцоўка кандыдата Ганчарыка перайшла пад поўны кантроль гаранта Канстытуцыі.

Для выкананьня трэцяга пасьлявыбарчага абяцаньня, напярэдадні выбарчай кампаніі-2006, пачаў дзейнічаць артыкул 193'1 Крымінальнага кодэкса, які прадуглежваў і прадугледжвае дагэтуль адказнасьць за дзейнасьць ад імя незарэгістраванае арганізацыі. Першымі пад дзеяньне новаўвядзеньня патрапілі лідары «Партнэрства», якія плянавалі зьдзейсьніць назіраньне за «выбарамі». Крымінальны працэс паставіў кропку на дзейнасьці «Партнэрства», і гэтым артыкул 193'1 пацьвердзіў сваю эфэктыўнасьць у барацьбе зь іншадумствам. Правёўшы тэставыя выпрабаваньні, рэжым вырашыў узяцца за моладзь. Крымінальная справа на лідараў Маладога фронту была ўзбуджана ў дзень разгону «Плошчы Каліноўскага», 24 сакавіка 2006 года, і даведзеная да ладу 1 лістапада, калі мне самому пашчасьціла з двух мажлівых гадоў па гэтым артыкуле атрымаць паўтары. Лукашэнку рапартавалі аб выкананьні ягонага палітычнага пажаданьня, агучанага на паседжаньні Рады Бясьпекі яшчэ ў 2004 годзе. «Я не дазволю ў Беларусі дзейнасьці такіх арганізацыяў, як Малады фронт і Зубр», – заявіў тады гарант стабільнасьці. Але рапарты былі заўчаснымі. Рэпрэсіўнаму апарату спатрэбілася засудзіць па артыкуле 193'1 КК РБ яшчэ дзесяць маладафронтаўцаў(!), каб зразумець, што трэці

пункт пасьлявыбарчай праграмы 2001 года выканаць будзе немажліва.

Цэласны сьветапогляд

Чаму даволі пасьпяховыя і вядомыя ў свой час «зубры» палічылі за лепшае самараспусьціцца і што дазволіла Маладому фронту выстаяць у гэтым выпрабаваньні? Адказ на гэтыя пытаньні трэба шукаць у каштоўнасным падмурку. Многія грамадзка-палітычныя лідары Беларусі базуюць сваю праграмную дзейнасьць на крытыцы існуючага ладу і таго, хто гэты лад утрымоўвае. Ня дзіва, што і моладзевыя актывісты ставяць за асноўную мэту сваёй дзейнасьці пратэст, які ўвасабляецца ў даволі пашыраным меркаваньні: «Скінем (кагалам) Лукашэнку, а там ужо разьбяромся». І першыя і другія пры гэтым забываюцца, што Лукашэнка ёсьць адно толькі лагічным вынікам нашага з вамі грамадзтва, косьць ад касьці свайго народу. У 1994 годзе яго абралі на дэмакратычных выбарах пераважнаю большасьцю галасоў. І тады, ды і цяпер, ён увасабляе чаканьні і ідэалагічныя арыентыры пераважнай/значнай часткі беларускага грамадзтва. У дадатак да гэтага цалкам мажліва такое разьвіцьцё падзеяў, калі з пратэстна-дэмакратычнага асяродзьдзя на зьмену Лукашэнку прыйдзе яшчэ горшы за яго. Ужо цяпер можна пачуць галасы барацьбітоў за дэмакратыю аб тым, што Лукашэнка вядзе нас да саюзнай дзяржавы кепска, а яны, гэтыя барацьбіты, зробяць тое лепей. Ужо цяпер некаторыя зь іх прапаноўваюць увесьці расейскі рубель замест апастылеўшага ім «зайчыка». А што будзе, калі такія лідары возьмуцца кіраваць 10-мільённым народам? Пытаньне вялікае…

Па гэтых прычынах Малады фронт ніколі не базаваў сваю дзейнасьць на крытыканстве і не яднаўся вакол лозунгаў: «Супраць ...!», «Далоў …!» і г.д. Але, наадварот, МФ заўсёды надаваў першасную ўвагу каштоўнасным аспэктам, распрацоўцы праграмных і стратэгічных дакумантаў, якія б ставілі за мэту ня крытыку і адно толькі пратэст, але бачаньне разьвіцьця Беларусі на падмурку спавядаемых намі каштоўнасьцяў – нацыянальнай ідэі і хрысьціянскіх прынцыпаў. Як

гаварыў вядомы рэвалюцыянэр Валодзя Ўльянаў: «Сапраўдная рэвалюцыйнасьць вызначаецца ня гучнасьцю лёзунгаў, але цэласнасьцю сьветапогляду».

Менавіта каштоўнасны падмурак дазволіў Маладому фронту вытрываць на няпростым трынаццацігадовым шляху, у той час калі многія «масавыя рухі», што меліся абʼяднаць вакол пратэстных лозунгаў моладзь і «пакласьці канец дыктатуры», згаслі, гаснуць і будуць надалей працягваць гаснуць пры іх узьнікненьні. Дзейнасьць па прынцыпе «зьяднаемся супраць» яшчэ ніколі і нікому не прыносіла вынікаў. Ва ўсялякім выпадку, станоўчых і доўгатэрміновых.

Ёсьць яшчэ адзін вельмі важкі чыньнік, які адрозьнівае Малады фронт нават ад некаторых ідэалагічна блізкіх арганізацыяў. Гэтае адрозьненьне палягае ў хрысьціянскім стрыжні, на якім трымаецца наша нацыянальная ідэя. Для значнай часткі і пратэстных дэмакратаў, і нацыянальна арыентаваных патрыётаў гэты хрысьціянскі стрыжань ёсьць «камянём спатыкненьня», аб які спатыкаюцца і разьбіваюцца многія.

Дастаткова шмат у свой час атрымаў Малады фронт, ды і працягвае атрымоўваць, крытыкі за «радыкалізм», «рэлігійны фанатызм», «клерыканства» і г.д. Тым ня менш мы цьвёрда стаім на тым, што нацыянальная ідэя Беларусі, а адпаведна – нацыянальнае Адраджэньне, перамены ў нашай краіне могуць базавацца толькі на хрысьціянскіх каштоўнасьцях. І толькі хрысьціянскія каштоўнасьці могуць зрабіць гэтыя перамены якаснымі па сутнасьці і трывалымі ў часе. Ну, для ілюстрацыі, абярэм мы заўтра дэмакратычны ўрад і заменім чырвона-зялёны сьцяг на бел-чырвона-белы, але пʼяных грамадзянаў будзе больш, чым цьвярозых. Ці можна будзе гаварыць нам пра нейкія перамены ў Беларусі? Ну, перавядзём мы заўтра ўсе навучальныя ўстановы краіны на беларускую мову, але абартаваных дзяцей будзе больш, чым народжаных. Хто будзе вучыцца на той мове і размаўляць на ёй, калі, па прагнозах экспэртаў ААН, да канца стагоддзя беларусаў застанецца ў чатыры разы меней?! Ці можна будзе гаварыць нам пра нацыянальнае Адраджэньне Беларусі? Адказы на гэтыя пытаньні відавочныя: без духовага стрыжня

ўся наша праца – проста нішто. Якая розьніца будзе беларусам напачатку XXII стагоддзя ў тым, за што, супраць каго і пад якімі сьцягамі мы змагаліся, калі іх застанецца каля двух мільёнаў?..

У дадатак да ўсяго нацыянальная ідэя, не базуючыся на духовым падмурку хрысьціянства, рызыкуе вельмі хутка пераўтварыцца ў адарваную ад жыцьця дэспатычную ідэалогію. Прыклад імпэрскага мысьленьня і расейскага шавінізму перад намі.

Нашая апазыцыйнасць да моладзевых субʼектаў аўтарытарнай дзяржавы таксама палягае ў ідэалагічнай сфэры, але, канешне, у яшчэ больш шырокіх аспэктах, што ставіць нас у прамое і радыкальнае супрацьпастаўленьне (якраз ад лац. oppositio) беларускаму рэжыму.

Па гэтай прычыне не выпадае зьдзіўляцца, чаму Малады фронт знаходзіцца ў жорсткай і пасьлядоўнай апазыцыі да кіруючага рэжыму. Хачу тут адразу адзначыць – менавіта рэжыму, які мы ніколі не называем «уладаю», бо ўлада – гэта Божы інстытут, які ўсталяваны, як гаворыць Біблія, для таго, каб дапамагаць тым, хто робіць дабро, і караць тых, хто робіць зло. Калі ж кіраўнік ня толькі робіць усё з дакладнасьцю наадварот, але яшчэ зьяўляецца і самаабвешчаным, любы чалавек мае поўнае маральнае і законнае права не падпарадкоўвацца такому кіраўніцтву. У гэтым і палягае адзін з асноўных прынцыпаў свабоды. Як гаварыў Джон Лок: «Без свабоды супраціўляцца незаконнай уладзе ўсе астатнія свабоды губляюць сваё значэньне».

Але мы пакуль пра іншае. Пра ідэалагічныя адрозьненьні Маладога фронту ад БРСМаў, піянэраў і іншых нашчадкаў «кастрычніка».

У той час калі ідэалогія Маладога фронту нацыянальная па форме і хрысьціянская па зьмесьце, бээрсэмаўцы і піянэры лічаць сябе прамымі правапераемнікамі Усесаюзнага ленінскага камсамолу моладзі. Ужо непасрэдна ў гэтым палягае адказ на пытаньне ідэалагічных разыходжаньняў Маладога фронту з імі. Як могуць супрацоўнічаць людзі, атаясамляючыя сябе з хрысьціянскімі каштоўнасьцямі, і тыя, хто называе сябе імём заснавальніка «чырвонага тэрору»,

якія заклікаў сваіх пасьлядоўнікаў, што рабавалі царкоўную маёмасьць: «Чым большую колькасьць прадстаўнікоў рэакцыйнага духавенства пры гэтым мы здолеем зьнішчыць, тым лепш» (У. Ленін)?

Але, з другога боку, трэба разумець, што пераважная большасьць чальцоў БРСМ абсалютна не ўсьведамляюць, што за каштоўнасьці спавядае арганізацыя, у якую іх загналі ў школе ці ўнівэрсітэце. Больш за тое, гэта не разумеюць нават многія лідары на месцах. Нават частка актывістаў МФ у свой час былі сябрамі БРСМ. Такім чынам, калі мы гаворым пра магчымасьць супрацы такіх антаганістычных аб'яднаньняў, як Малады фронт і БРСМ, можна гаварыць толькі аб пэрсанальнай супрацы маладафронтаўцаў з актывам і лідарамі піянэрскіх і камсамольскіх аб'яднаньняў. Мы ведаем шэраг выпадкаў, калі маладафронтаўскіх лідараў у рэгіёнах запрашалі ў камітэт па ідэалогіі ці ЦК БРСМ і прапаноўвалі падтрымку ў рэалізацыі сумесных праграмаў па беларусізацыі альбо іншых кампаніяў. Натуральна, у такіх выпадках мы не адмаўляліся ад супрацы і лічым яе эфэктыўнай. Бо, па-першае, яна цалкам заснавана на спавядаемых намі каштоўнасьцях і, па-другое, прыносіць канкрэтны вынік для нашага грамадзтва. І гэта ня ёсьць адступленьнем ад нашых перакананьняў, як не было адступленьнем ад Сваіх перакананьняў для Ісуса Хрыста прыходзіць у дамы да фарысеяў і пераконваць іх Сваімі поглядамі. Галоўнае – не перамяняцца пад каштоўнасьці гэтага сьвету, а сьвет перамяняць сваімі каштоўнасьцямі.

Адна з задачаў Маладога фронту – ня толькі закладаць каштоўнасны падмурак у маладое пакаленьне, але яднаць вакол гэтых каштоўнасьцяў і іншыя моладзевыя арганізацыі дэмакратычнага руху. Калі адштурхоўвацца ад прэзэнтаванага Маладым фронтам інфармацыйнага маніторынгу, які адлюстроўвае дзейнасьць грамадзкіх і палітычных аб'яднаньняў за 2009 год, у Беларусі дзейнічае ня менш 13 моладзевых арганізацыяў і ініцыятываў. Ад абвешчанага ў 2007 годзе «Бунту», які 15 незалежных СМІ цягам 2009 году ўзгадалі 8 разоў, да Маладога фронту, аб дзейнасьці якога было зьмешчана 2485 навінаў цягам мінулага году.

У сьнежні 2009 году Малады фронт стаўся ініцыятарам стварэньня моладзевай кааліцыі «Новае пакаленьне», у якую, апроч Маладога фронту ўвайшлі восем аб'яднаньняў – моладзевыя крылы партыяў ПБНФ, БХД, БСДП «НГ», руху салідарнасьці «Разам», незалежныя арганізацыі «Правы альянс», «Ініцыятыва», «Вольная моладзь», МХСС «Маладыя дэмакраты». Мэта кааліцыі «Новае пакаленьне» – ня проста каардынаваць сваю дзейнасьць падчас выбарчай кампаніі ў мясцовыя саветы і іншых, але зрабіць усё мажлівае, каб моладзь сталася сур'ёзнай ідэйнай і палітычнай сілаю, якая б уплывала на палітычны працэс, чаго не назіралася падчас прэзыдэнцкай кампаніі 2001 году і практычна не назіралася падчас прэзыдэнцкай кампаніі 2006 году. Абсалютна відавочна, што без кансалідацыі моладзевага патэнцыялу ў Беларусі ня можа быць праведзена ніводная сур'ёзная палітычная кампанія, не гаворачы ўжо аб прэзыдэнцкай кампаніі 2011 году. І нашая задача – зрабіць усё мажлівае, каб кансалідаваць гэты патэнцыял, мабілізаваць маладое пакаленьне беларусаў на ўчасткі для галасаваньня і, самае галоўнае, на адстойваньне свайго голасу на плошчы.

Мясцовыя «выбары» як мажлівасьць атрымаць досьвед

Этапам па кансалідацыі моладзевага патэнцыялу ў Беларусі ёсьць і выбарчая кампанія 2010 году ў мясцовыя саветы. Натуральна, мы ўсьведамляем і канстатуем, што выбараў у Беларусі няма з таго самага 1994 году. Па гэтай прычыне панятак «выбары» мы ўжываем даволі ўмоўна і цалкам разумеем тых нашых сябраў, хто адмаўляецца ад удзелу ў іх. Зь іншага боку, для нас вельмі важна ня толькі ідэалагічна фармаваць новае пакаленьне беларускага грамадзтва, але і фактычна, дапамагаючы нашым актывістам набываць досьвед удзелу ў важкіх электаральных кампаніях. Відавочна, што рэжым Лукашэнкі ня доўгатэрміновы. Колькі б яму ні засталося, год ці адзінаццаць. І мы імкнемся, каб тады, калі насьпеюць перамены, нашыя актывісты былі да іх падрыхтаванымі, каб яны мелі досьвед ня толькі арганізацыі мітынгаў

і ўдзелу ў іх, але і працы ў сур’ёзных, у тым ліку і выбарчых, кампаніях. У адваротным выпадку мы, гадамі ламаючы гэты мур і прабіўшы яго ўрэшце рэшт, апынемся на пэрыфэрыі. У ворганы ўлады ўсіх узроўняў прыдзе чынавенства, перафарбаваная ідэалагічная вэртыкаль, зьмяніўшыя значкі бээрсээмаўцы. Менавіта неразуменьне гэтых законаў прывяло да нараджэньня ісьціны, паводле якой рэвалюцыю робяць адны, а вынікамі яе карыстаюцца іншыя. Мы ж не жадаем, каб вынікамі нашае работы карыстаўся нехта іншы. Працаваць і зьбіраць плады будзем мы самі.

20 красавіка 2010 года

МЫ ГАТОВЫЯ ЗАПЛАЦІЦЬ КОШТ

«Я скажу пра Плошчу, якая мае быць на гэтых выбарах. Нельга дапусьціць, каб яна была радыкальнай». Так сфармуляваў сваю грамадзянскую пазыцыю Аляксандр Мілінкевіч у інтэрвію газеце «Свободные новости плюс».

Журналіст «СН+» Віталь Цыганкоў называе Мілінкевіча стратэгам і стаерам, мусіць, у адрозьненьне ад іншых палітыкаў – бегуноў на кароткія дыстанцыі. Але, як аказваецца, Мілінкевіч яшчэ і вернік: «Перш за ўсё – я цьвёрды прыхільнік мірных акцыяў. І тады, і сёньня я лічу, што калі па віне палітыкаў праліваецца кроў і гінуць людзі – гэта велізарная трагедыя. Я вернік, і для мяне жыцьцё чалавека ня мае цаны». Вось як проста можна прыкрывацца!

Не зразумела толькі, ці ведае што-небудзь аб хрысьціянскай веры і хрысьціянскай самаахвярнасьці спадар Мілінкевіч, аб тым, колькі жыцьцяў і крыві, пачынаючы ад крыві Ісуса Хрыста, было аддадзена за перамогу хрысьціянства? Хутчэй за ўсё, не, таму нагадаем адзін з галоўных прынцыпаў хрысьціянскае веры: «Ніхто ня мае большай любові за тую, калі хто аддае жыцьцё сваё за сваіх сяброў» (Яна, 15: 13). Кіруючыся гэтым прынцыпам, Ісус Хрыстос і Ягоныя апосталы перамаглі сьвет. Яны разумелі тое, што вельмі важна

зразумець нарэшце і нам: калі ты нешта прапаведуеш, ты павінен быць гатовы ў імя гэтых ідэяў нечым і ахвяраваць. Гэта ня толькі закон Біблійны, гэта закон і жыцьця: калі адзін чалавек верыць у нешта, за што гатовы аддаць жыцьцё, а дзесяць іншых вераць у іншае, за што гатовыя галасаваць, – адзін будзе пісаць законы для дзесяці.

Больш правільным для Мілінкевіча было б калі і не папрасіць прабачэньне за 19 сакавіка 2006 году, дык хаця б сказаць: «Можа, і памыляўся. Гісторыя рассудзіць». Але ён ня толькі палітычнае прыкрыцьцё сабе прыдумаў: «Давайце задумаемся, што мы маглі дамагчыся штурмам? Мы выдатна ведалі, што не набралі 50%, нават разам з Казуліным», але нават і верою надумаў прыкрывацца. Атрымоўваецца, што астатнія, хто з гэтым нязгодны і хто ахвяраваў сабою ў імя пераменаў у сваёй радзіме, – людзі «няверуючыя»? Тыя мільёны жыхароў Усходняга Бэрліну, якія ў 1989 годзе пад прыцэламі аўтаматаў і парушаючы дзяржаўную мяжу пераходзілі Бярлінскую сьцяну (а яны таксама не набралі 50% на выбарах – ніякіх выбараў не было!), – людзі «няверуючыя»? Тыя сотні тысяч жыхароў Чэхаславакіі, якія выйшлі ў 1989 годзе пад прыцэламі аўтаматаў на масавыя мітынгі, патрабуючы зьмены камуністычнага рэжыму (50% на выбарах прыхільнікі пераменаў таксама не набралі – ніякіх выбараў не было!), – людзі «няверуючыя»? І Вацлаў Гавэл, які заклікаў іх на вуліцы, – чалавек таксама «няверуючы»? Тыя сотні тысячаў палякаў, якія выйшлі на вуліцы сваіх гарадоў у 1981 годзе, патрабуючы зьмены камуністычнага рэжыму (як вы можаце здагадацца, 50% на выбарах таксама не набралі – выбараў не было!), – людзі «няверуючыя»? Як і Лех Валенса, што заклікаў іх на мітынгі выходзіць, пры падаўленьні якіх некалькі дзясяткаў чалавек загінула? Тыя тысячы літоўцаў, што ў 1991 годзе выйшлі бараніць адміністратыўныя будынкі і Незалежнасьць сваёй краіны (50% на выбарах яны таксама не ўзялі – выбараў не было!), – людзі «няверуючыя»? Як і Вітаўт Ландзбергіс, на заклікі якога грамадзяне Літвы выходзілі на абарону сваёй дзяржавы, што абышлося ў 15 чалавечых жыцьцяў?

Пералік гэтых «няверуючых» можна было б працягваць і працягваць, але і так ужо відавочна: «веруючы» ў нас толькі

адзін – Аляксандр Мілінкевіч. І задача ў яго – зрабіць так, каб – о, барані Божа! – Плошча не была радыкальнаю! Скажу вам, аднак, што такая функцыя – нават не «адбельвальніка», а «паслужніка».

Безумоўна, нельга вініць у паразе 2006 году толькі Мілінкевіча, як і ў паразе 2001 году толькі Ганчарыка. Гэткага кшталту палітыкі становяцца раз ад разу нашымі «правадырамі» дзякуючы таму, што маюць пэўную падтрымку сваіх поглядаў у дэмакратычным асяродзьдзі. Вось ужо і адзін з ідэйных нашчадкаў Мілінкевіча ня толькі заявіў, што ставіць простую задачу: патрэніравацца ды некалькі там адсоткаў набраць, але нават і супраць чырвона-зялёнага сцягу ён нічога ня мае. No comment, што называецца.

Але, канешне, і такія маюць права рэалізоўваць сваю «цуда-дзейнасьць». Адно толькі хацелася б іх заклікаць не крывадушнічаць перад грамадзянамі Беларусі, а, зьбіраючы подпісы, так і гаварыць: «Пастаўце подпіс за нашага кандыдата – дапамажыце яму сагрэцца і ўмацаваць партыю!», «Падпішыцеся за нашага кандыдата – дапамажыце яму раскруціцца й падрыхтавацца да наступных выбараў!». Мажліва, тысяч 100 «эвалюцыяністаў» на дваіх і загітуюць. Асабліва калі па паліклініках паходзяць добра.

Аднак асабіста я пакідаю за сабою права супрацьстаяць іхняму кар'ерызму і палітыканству. Я рашуча абвяшчаю сябе ў апазыцыі да гэткага кшталту «апазыцыянэраў», да прагматыкаў, да «эвалюцыяністаў», да ціпа «стаераў» і падобных ім. Бог гаворыць: «Я зьнішчу мудрасьць мудрацоў і розум разумных адкіну. /…/ Бо мудрасьць гэтага сьвету ёсьць глупства перад Богам, як напісана: ловіць мудрых у хітрасьці іхняй» (1 Кар. 1: 19, 3: 19). І я таксама абвяшчаю «стратэгам», «прагматыкам» і «мудрацам»: вы будзеце злоўлены ў вашай хітрасьці і пасаромлены!

Ня маюць ніякага значэньня ўсе нашыя лёзунгі і ідэалы, калі мы не гатовыя дзеля іх рэалізацыі ахвяраваць. І, канешне, тут павінны кожны адказваць сам за сябе. Я, ідучы на Плошчу, іду з усьведамленьнем таго, што гатовы ў імя пераменаў ахвяраваць сваёю свабодаю, а калі спатрэбіцца – і сваім жыцьцём. Ня думаю, што я самотны ў гэтым памк-

неньні. Няхай нас, можа, не мільёны, але тысячы – дакладна. Перакананы: дастаткова і гэтага. Галоўнае – каб усе мы бясстрашна выйшлі бараніць незалежнасьць і свабоду сваёй краіны, дамагацца справядлівых выбараў.

Можа быць, 19 сьнежня Стваральнік неба ды зямлі і палічыць, што наш народ ужо дастаткова прынёс ахвяраў, каб стацца нарэшце вольным і незалежным. А можа быць, цану гэтую нам трэба яшчэ заплаціць. Ніхто ня ведае, але відавочна адно: дзеля таго, каб адбыліся перамены, мы павінны быць гатовымі заплаціць за іх кошт.

20 кастрычніка 2010 года

ГАСПОДЗЬ ДАЕ ШАНЕЦ

Рэжым на закаце. 17 + 5 = 22. І гэтую арыфмэтыку разумеюць многія. Канешне, засталіся і тыя, хто працягвае прапаведаваць тэорыю эвалюцыі. Усё ж не дарма бальшавічкі ўбівалі нам яе ў мазгі 70 год. Гэтым людзям, можа, і ахвота дажыць свой век пад «закатам над багнаю», але большасьць, і я разам зь імі, ня могуць чакаць больш ні дня.

Многа было сказана аб тым, што выбарчая кампанія-2010 не дае шанцаў на перамены. Дагэтуль пішуць аб тым, што няма ў апазыцыі еднасьці, што ня будзе Плошчы, што Захад і Усход з Гарантам дамовяцца.

Што датычна Захаду з Усходам, дык многім і без дадатковых камэнтараў ясна, што ніякія зьнешнія сілы не паспрыяюць нам, калі мы самі не даможамся перамогі. А вось з астатнімі шанцамі і пасыламі трэба разабрацца сур'ёзьней.

Па-першае, вельмі дзівіць тое, зь якою настойлівасьцю некаторыя таварышы дагэтуль заклінаюць на адзінага кандыдата. Няўжо не хапіла вам адзінага кандыдата ў 2001 годзе і адзінага ў 2006-м? Чаму ж нашыя памылкі нас так нічому і ня вучаць?! Папярэднія выбарчыя кампаніі прэзыдэнта засьведчылі, што «адзіны» – гэта далёка ня выхад для дэмакратаў і не падстава сьвяткаваць перамогу.

Ад нашага «адзінага» разьліву 2001 года многія палітолягі і сучасныя настрадамусы былі проста ў захапленьні! Ну і як жа інакш?! Цэлым 4-мільённым корпусам прафсаюзьнікаў кіруе! Стратэгі ўжо ўяўлялі сабе, як гэтыя 4 мільёны прагаласуюць за Ганчарыка, а потым выйдуць на Плошчу, каб рэалізаваць югаслаўскі сцэнар. Але прафсаюзьнікі па масе сваёй прагаласавалі за Гаранта, а гэтак званы «адзіны» выйшаў на Плошчу і галасіў: «Мы пабядзілі – расхадзіцесь!» Тое ж рэфрэнам паўтарала і кіраўніца ягонага штабу Палевікова, высунуўшыся з вакна захопленага Палацу прафсаюзаў: «Спасіба вам, людзі! Мы пабядзілі – расхадзіцесь!» Ну што ж?.. Разышліся.

Сабраліся наступны раз праз 5 год. 30–35 тысячаў доўга чакала «адзінага» разьліву 2006 году. Калі ж «адзіны–2006», падтрыманы і левымі, і правымі, і нацыяналістамі, і камуністамі, нарэшце да Плошчы дабраўся, там заставалася ўжо тысяч 25. А калі ён разам зь іншымі яшчэ пару гадзінак павяшчаў «пра караблі, каторыя баразьдзят прасторы опэрнага», засталося і зусім 15–20. А калі «адзіны-адзінственны» заклікаў з кветачкамі сьцягацца, выйшла тышчонак 7, а дайшло толькі 3. Вось такая невясёлая гісторыя «адзіных» у беларускай апазыцыі.

І тут нам прапаноўваюць тыя ж граблі! Давай ім «адзінага» і ўсё. А які сэнс? Сэнс ад «адзінага» можа быць толькі тады, калі падлічваюцца галасы. Калі трэба мабілізаваць увесь электарат на выбары дзеля выхаду ў другі тур альбо дзеля перамогі ў першым. Але калі галасы ня лічацца? Калі датэрміновага галасаваньня 30%? Калі назіральнікаў некалькі соцень на ўсю краіну? Калі апазыцыі няма ва ўчастковых камісіях? Што з гэтых адзіных? Рытарычныя пытаньні, адказ на якія відавочны: паспрабавалі пару разоў «адзіных» – і харош.

Для мяне відавочна, што выбарчая кампанія 2010 года значна больш жывейшая і пэрспэктыўная, чым папярэднія, дзякуючы таму, што мы маем цэлы шэраг моцных апазыцыйных лідараў. Кожны зь іх знайшоў свой электарат. Нехта ўзмацніў настроі і аптымізм апазыцыйнага. Нехта адкусіў ад нявызначыўшыхся. Нехта пакваліўся на пару проц. Вялікага

фальсыфікатара. Ну і калі ласка! Толькі на руку дэмакратычнай апазыцыі.

Па-другое, гэта мы да тэмы Плошчы, Плошча – будзе! Тут ізноў можна прыгадаць 2006 год. Ну хіба хто-небудзь верыў і чакаў, што выйдзе столькі народу? Ну хіба мог сабе хто ўявіць, што пасьля некалькіх сутак страшылак ад кіраўніцтва КДБ, МУС, Пракуратуры і пагрозах пасадзіць за тэрарызм усіх выйшаўшых на Плошчу, начхаўшы на ўсё, выйдзе 30–35 тысяч? Ды ніхто ня мог уявіць! Мы, як прадстаўнікі самай радыкальнай часткі беларускай апазыцыі, не разьлічвалі больш чым на тысяч 10. Пра іншых я не гавару нават. У выніку беларускі народ выйшаў і пасароміў усіх: і нас – радыкалаў, і іх – эвалюцыяністаў. Толькі мы гэтаму пасарамленьню былі радыя, а яны яго спужаліся. Ну, што было далей, мы ўжо абгаварылі. Але цяпер пра іншае – пра гатоўнасьць людзей выйсьці і дамагчыся новых выбараў – выбараў без Гаранта.

Яшчэ да пачатку яскравых тэлевыступаў кандыдатаў і выйграных апазыцыяй у адны брамы тэледэбатаў, якія, перакананы, значна павялічылі рэйтынг дэмакратычных сілаў і ўзьнялі пратэстныя настроі, аб гатоўнасьці выходзіць на Плошчу (па дадзеных НІСЭПД) заявіла 11% грамадзянаў Беларусі (альбо 700 тысячаў выбарцаў!). Эвалюцыяністы загаласілі адразу, што гэта «вой як мала – Плошчы ня будзе». Але з гэтымі таварышамі нічога ня зробіш – гэта як са стаканам напалову поўным/пустым. Аднак давайце паглядзім на падобную сытуацыю ва Украіне. Канешне, нельга мэханічна параўноўваць дзьве краіны і палітычную сыстэму ў іх. Але нават ва Украіне, пры наяўнасьці ў дэмакратаў трэціны месцаў у парлямэнце, пры падтрымцы паловы губэрнатараў, пры функцыянаваньні незалежных СМІ, у тым ліку і тэлеканалаў, аб гатоўнасьці выйсьці на вуліцы і адстойваць сумленныя выбары ў 2004 годзе заяўляла 17% грамадзянаў (паводле Цэнтра Разумкова). І гэта ва Украіне, дзе пратэстныя выступы арганізоўвала мэрыя Кіева, а дэканаты сталічных унівэрсытэтаў вызвалілі студэнтаў ад заняткаў. І як вынік у першы дзень пратэстаў на майдан выйшла пару тысяч (sic) чалавек! Ці можна гэта хаця б умоўна параўнаць з сытуацыяй 2006 года ў Беларусі, калі аб гатоўнасьці супрацьстаяць

фальсыфікацыям заяўляла 9% грамадзянаў і на Плошчу выйшла 30–35 тысячаў?! Таму давайце ня будзем гаварыць пра «памяркоўных» беларусаў, якія не гатовыя адстойваць сваю свабоду. Гэта не пацьвярджаецца ні сацыялягічнымі дадзенымі, ні прыкладамі нашай гісторыі.

Беларусы заўсёды змагаліся за сваю свабоду. І ў 1988, калі ў Курапатах першыя, яшчэ ў ціпа «нерушымым» Саюзе, паспыталі на сабе савецкі газ і дубінкі, і ў 1995-м, калі адстаялі ад Галоўнага інтэгратара незалежнасьць сваёй краіны на вулічных акцыях, і ў 2006-м, калі выйшлі здабываць свабоду. Але тады не хапіла аднаго важнага чыньніка – лідараў, здольных ахвяраваць сабою дзеля перамогі. Лідараў, гатовых браць адказнасьць на сябе і ісьці да канца. Перакананы, і выбарчая кампанія тое пацьвярджае, што сёньня такія лідары ў Беларусі ёсьць.

Самаабвешчаны гарант можа сыграць цяпер толькі на адным – на розьнай тактыцы дэмакратаў 19 сьнежня. Гэта апошняе выйсьце для Пахана народнага. Але мы не дадзім яму такога шчасьця – мы павінны быць разам, бо толькі разам мы пераможам! І тое, што лідары дэмакратычнага руху, тыя сілы, якія працуюць на Плошчу, дамовіліся аб адзіным сцэнары 19 сьнежня, натхняе і дае нам мажлівасьць здабыць перамогу.

Ня кожнаму чалавеку і нават ня кожнаму пакаленьню Гасподзь дае мажлівасьць зьмяніць аблічча сваёй краіны, пачаць пісаць з чыстага аркуша гісторыю сваёй Бацькаўшчыны. 19 сьнежня, а 20:00 Стваральнік неба і зямлі дае нам такі шанец. І мы абавязаны яго выкарыстаць.

17 снежня 2010 года

ГІСТОРЫЯ ТРОХ ДЗЁН

Рэспубліка Беларусь. Менск, вуліца Валадарскага, дом 2. Па гэтым адрэсе, у цэнтры горада, каля Чырвонага касьцёла й Дома ўрада, чатырохзоркавага гатэля «Менск» і драматычнага тэатра імя Горкага, пражывае дзьве з паловаю тысячаў чалавек. І ўсё было б добра ў гэтай гісторыі, каб будыначак той, у цэнтры сталіцы эўрапейскае краіны, ня быў турмою.

Турма. Нешта загадкава-небясьпечнае хаваецца ў гэтым слове для чалавека, які ніколі ў жыцьці ня быў абмежаваны воляю. А нават калі й бываў наш брат, на якім Акрэсьціна, ня можа сабе ўявіць, што хаваецца за старадаўнімі мурамі Пішчалаўскага палаца.

Не, тут зусім ня страшна. Жывуць нават гадамі ў гэтых туберкулёзных, насьмерць пракураных камэрах, якія па-ласкаваму на матчынай мове называюцца «хаты», нібы падкрэсьліваючы кожнаму новаму наведвальніку цэнтрала: твой дом цяпер тут, тут цяпер твая хата.

Вараўскія законы. У прынцыпе, любая чалавечая супольнасьць схільная да фармаваньня законаў для сваёй жыцьцядзейнасьці. Працэс гэты неабходны й пазытыўны. Ствараюцца законы супольнасьцю як жаданьне ўпарадкаваць ці абмежаваць дзейнасьць сваіх прадстаўнікоў.

Тое ж самае адбылося ў супольнасьці людзей, што пазбаўленыя волі, – зэкамі. Фармуючы свае законы, яны клапаціліся пра жыцьцядзейнасьць сваёй сыстэмы ў супрацьстаяньні зь іншаю сыстэмаю – міліцэйскаю (ці мусарскою, як яе называюць ня толькі тут). Сэнс супрацьстаяньня – лібералізаваць апошнюю й зрабіць яе больш прыдатнаю для жыцьця. Ну, да прыкладу, носьбіты вараўской маралі дамагаюцца ад адміністрацыі турмаў і калёніяў павялічэньня колькасьці дазволеных перадачаў, дазволу карыстацца электрычнасьцю, вентылятарамі, тэлеглядамі, фармуюць абшчакі для дапамогі тым, хто, заехаўшы ў турму, нічога ня мае, ну і г.д. Карацей, улічваючы, што мусарскія законы ёсьць законамі бесчалавечымі, дык законы вараўскія, што супрацьстаяць першым, ёсьць законамі чалавечымі й для чалавекаў.

Ну, з законамі першае сыстэмы мы знаёмыя і неаднаразова спрабавалі іх на сваёй скуры. Таму можам пагадзіцца з арыштанцкаю характарыстыкаю чалавечнасьці оных. А вось што датычыцца вараўскіх законаў, дык ня кожнаму шчасьціць азнаёміцца з імі на сваім жыцьцёвым шляху.

Адаптацыя. Пачалася яна для мяне ў першым СІЗА Беларусі ў пятніцу. А тых, хто трапляе сюды ў апошні працоўны дзень і выходныя, трымаюць да панядзелка ў адстойніках. Адстойнікі – гэта такія спецыялізаваныя камэры з драўлянымі насьцiламі замест нараў, дзе прыбіральня (дальняк, ці даліна па-мясцоваму) служыць адначасова ў якасьці ўмывальніка. Гэта цяжкавата зразумець для таго, хто не сутыкаўся з такою сыстэмаю. А яна вельмі простая – у вуглу камэры, бяз ніякіх перагародак знаходзіцца плоскі ўнітаз, а над ім кран з вадою. Вось такая эканамічная канструкцыя, што называецца – два ў адным. Усё ж такі ўмеюць нашыя, калі захочуць.

Ну дык вось, адстойнік № 1, 9, 8 (так тут прынята агучваць лічбы), які стаўся мне домам на тры дні, меў плошчу каля 12 кв. м, а запіхнуць туды ўмудрыліся 25 чалавек. Нават бывалы адзін, які праз гэтыя адстойнікі ўжо 8 месяцаў езьдзіць на суд, казаў, што больш 18 чалавек тут яшчэ ня бачыў. Але, мяжы чалавечае вынослівасьці ў гэткага кшталту ўстановах проста няма.

І ўжо ў адстойніку, як у любым памяшканьні камэрнага тыпу, дзе знаходзяцца носьбіты турэмнае ідэі, пачынаюць дзейнічаць вараўскія законы й адпаведная ерархія, у якой усім хочацца заняць месца палепей.

Месца ў сыстэме. Кожны яго пачынае намаўцоўваць з першых жа дзён, заварожана слухаючы зэкаў, што ўжо некалькі разоў прайшлі каля гэтага пекла: турма – этап – лагер. На месцы ж, засвойваючы правілы паводзінаў, кожны ўяўляе сябе маральным аўтарытэтам. Ну, як мы з вамі зразумелі, тут свая мараль.

Чалавек, які мае ўстойлівы характар, даволі хутка абжываецца ў турэмнай сыстэме й падпарадкоўваецца яе законам. Чалавек жа слабавольны й бесхарактарны ў дадзенай установе хутка пераўтвараецца ў ізгоя, якога будуць разводзіць і абсьмейваць. Ёсьць яшчэ адна катэгорыя арыштантаў. Гэта

людзі, што па сваіх маральных стандартах ня могуць прыняць законаў «мира воров» і таму ўваходзяць зь ім у непазьбежны канфлікт. Такіх індывідуумаў знайсьці тут, ва ўсіх 225 хатах, цяжка, але ж рэальна. Звычайна на гэтых людзей ажыцьцяўляецца фізічна-маральны ўціск, і чалавек альбо прымае правілы гульні, альбо пераўтвараецца ў таго ж ізгоя, над якім, праўда, менш сьмяюцца, але больш ненавідзяць.

Апынуўшыся ў іншай заканадаўчай сыстэме, я не задумваўся над сваім месцам у ёй. Ва ўплывовыя шэрагі не імкнуўся й ведаў таксама, што насесьці на мяне асабліва не атрымаецца. Карацей, імкнуўся стаяць адасоблена ад мясцовых законаў, але адразу апынуўся ў супрацьстаяньні з імі.

Супрацьстаяньне. Пытаньні ўзьніклі адразу ж, у адстойніку. Быў там адзін дзядок, крыху так на сваёй хвалі, і, зайшоўшы ў камэру, меў неасьцярожнасьць з-за адсутнасьці месца сесьці на падлогу. Тут і пачалі яго цкаваць: ты, мол, дзядок, – апушчаны, сядзі каля дальняка, да іншых не дакранайся, еш асобна й г.д. Безумоўна, на такое глядзець цяжка, таму бяз ніякіх ваганьняў я пачаў абараняць дзядулю. Напачатку мяне не зразумелі, потым на мяне абазліліся, а затым на мяне пачалі накідвацца. Чаго я толькі не наслухаўся за тыя тры дні ад паборцаў вараўской маралі: і што я прыдурак, і што сэктант, і што мяне, калі я не супакоюся, разам з гэтым дзедам у гарэм запішуць, ну й шмат іншых цікавых рэчаў.

І што самае дзіўнае, дык тое, што сядзяць гэтыя наваяўленыя барацьбіты з бесчалавечаю мусарской сыстэмай і разважаюць: «Ну і падонкі мусара (міліцыянт перацягнуў аднаму зь іх, калі нас вадзілі браць кроў) – над людзьмі зьдзекуюцца, б'юць іх, прыніжаюць мінімальную чалавечую годнасьць». І тут жа самі, праз некалькі хвілінаў, пачынаюць абліваць дзеда, што панудзіўся падняцца з падлогі й пахадзіць па камэры. «Хлопцы, – кажу я ім, – вы папракаеце міліцыянтаў у бяспраўі й бесчалавечнасьці, а самі чым адрозьніваецеся ад іх? Адкуль у чалавека, які сам штодзённа церпіць зьнявагу, хапае сілаў зьняважаць іншых?». Арыштанты траха паўціхлі й дзеда болей не кранали.

Жыцьцёвая выснова. Канфлікт быў вычарпаны. Але я дагэтуль думаю: Госпадзі, дык як жа так уладкавана чалавечае сэрца, якое, трапляючы пад узьдзеяньне зла, не знаходзіць сілаў і жаданьня яго спыніць, а памножыўшы шматкроць, нясе гэтае зло іншым?

І ня трэба думаць, што гэта праблема таго месца, у якім я знаходжуся. Проста ў экстрэмальных умовах чалавечыя якасьці й заганы маюць схільнасьць абвастрацца. Таму й сытуацыя такая ў тым ці іншым фармаце, але ёсьць паўсюль вакол нас. І калі мы агледзімся, дык убачым, наколькі часта самі трапляем у гэты ланцуг, па якім зло рухаецца ад аднаго чалавека да другога.

Апостал Павал ведаў гэтую схільнасьць чалавечых сэрцаў і папярэджваў нас: «Не дайся, каб цябе перамагло зло, але перамагай зло дабром» (Рым. 12: 21). Гэтыя словы могуць здацца простымі, бо як часта мы чулі гэта ў сям'і, школе, чыталі ў філязоўскіх кнігах. Але як цяжка бывае самому, у штодзённай практыцы, адказаць камусьці на зло дабром. А знайсьці ў сабе сілы зрабіць так можна толькі тады, калі крыніца Божай дабрыні й любові будзе жыць у нашым сэрцы: «Дарагія, будзем любіць адзін аднаго, бо любоў ад Бога і кожны, хто любіць, нарадзіўся ад Бога і ведае Бога. А хто ня любіць, ня ведае Бога, бо Бог ёсьць любоў» (1 Яна 4: 7–8).

І калі нехта з нас жадае спасьцігнуць Госпада, словы гэтыя мусяць быць нашым арыентырам у барацьбе са злом як сыстэмы вараўской ці міліцэйскай, так і любой іншай. Бо толькі любоў можа перамагчы прасавецкую ідэалёгію й атэізм, дэспатыю й беззаконьне. Толькі любоў да бліжняга можа спыніць гэтае зло, што паўстала на нашай змучанай зямлі.

ЗМІЦЕР ДРОЗД / ДМИТРИЙ ДРОЗД / ZMITSER DROZD

Нарадзіўся 26 сакавіка 1973 года ў вёсцы Дразды (сёння ўваходзіць у склад г. Мінска). Скончыў Мінскі тэхналагічны тэхнікум і Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; вучыцца ў Варшаўскім універсітэце.

Фатограф, гісторык, публіцыст, паэт.

Падчас прэзідэнцкай кампаніі 2010 года быў актывістам ініцыятыўнай групы і перадвыбарчага штаба Андрэя Саннікава.

За ўдзел у мірнай акцыі пратэсту 19 снежня 2010 года арыштаваны. Адбыў арышт 10 сутак. Зноў арыштаваны 1 лютага 2011 года. Асуджаны 5 траўня 2011 года на тры гады зняволення. Памілаваны. Вызвалены 11 жніўня 2011 года.

Аўтар кніг «Землевладельцы Минской губернии. 1861–1900» (два выданні) і «Землевладельцы Минской губернии. 1900–1917».

Піша вершы. Для нашай Анталогіі вершы прадстаўлены аўтарам.

He was born on March 26, 1973 in the village of Drazdy (now part of the city of Minsk). He graduated from the Minsk College of Technology and the Belarusian State University; now he is studying at the University of Warsaw.

Zmitser is a photographer, historian, publicist and poet.

During the 2010 presidential campaign he was an activist of the initiative group and the election headquarters of Andrei Sannikau.

On December 19, 2010 he was arrested for participating in a peaceful protest. Zmitser served 10 days of arrest. He was arrested again on February 1, 2011. On May 5, 2011 he was sentenced to 3 years' imprisonment. He was pardoned and released on August 11, 2011.

Author of *Pameshchyki z Minskaj Gubernii. 1861-1900* (*The Landowners of the Minsk Province. 1861-1900)* (two editions) and *Pameshchyki z Minskaj Gubernii. 1900-1917* (*The Landowners of the Minsk Province. 1900-1917)*. He writes poetry. For our Anthology poems are presented by the author.

On January 14, 2000 he was sentenced to 4 years' imprisonment. Released on October 5, 2000 under amnesty.

Author of the memoir book *Rabota nad pamylkami* (*Correcting mistakes)* (2003). We publish the first part of the book with some abridgements with the permission of the author.

***

У меня мировоззрение озера,
Голова моей зари светлая,
Глубина моих зеркал звёздная,
Как ребёнок на руках ветра,
Одиночество моё чистое,
Берега моей нежности вольные,
И округлые камни истины
Сберегают ладоней волны.

***

Д. Буракову

Никому, кроме нас, не нужны наши истины –
И меч(т)ами бумажными долбим о лёд.
Ты стоишь крепко, ты выстоишь,
Да вот жизнь пройдёт.

Дочка поднимется, будет гордиться
Птицей стихов, но должно
Сердце, чтоб сбыться, разбиться
Камнем, летящим в окно.

Встань во весь рост: пули – дуры
И тупы, словно дуб стоеросовый,
Только закрыв амбразуру,
Не погибают матросовы.

Яхта, как баржа, поржавеет в гавани –
Горе поэтам, обретшим дом!
Истины наши не выйдут в открытое плаванье –
Мы сами – иудами – тихо от них уйдём.

***

Мой храм безлюден, лишь тогда он храм.
Стать этим всем, стать этим, стать
Настоящим, пригибать к корням,
Подхватывать и растворять в пространстве
Над озером, чьё имя у меня.

Перетекать, перетекать, казаться
Непрозрачным, прочным, плотным, но, по сути,
Быть бликом на воде, быть танцем,
Быть лаем сонных деревень и просыпаться
Новым, если храм безлюден,
А в нём – играющий ребёнок – Бог.

***

1

На той горе, попавшей пальцем в синий
И недоступный людям край небес,
Гадай о настоящем, но у линий
Над миром-морем потеряло вес

Прошедшее, и пусть кричит всем горлом
Бессмертный ветер киммерийских рвов,
На гибкий берег приземлились горы,
Как стая мокрых чаек или слов,

А то бы можно предсказать по птицам,
Что вся история – прыжок козы,
Что слава городов – полёт ресницы,
Но виноградину сними с лозы

И сквозь неё – на солнце. Или чаще
Учи огромных ракушек стихи.
Угадывая вечность в настоящем,
Брось в море камень – пусть бегут круги…

2

Кромешный Крым, кромсающий века.
Краюха света в украинском Чёрном.
Смотрящий сверху, как на червяка,
На человека, ставшего покорным,
Как пионер с давно отбитым горном.

Он держится, но ты и не таких
Стираешь в пыль в своих часах песочных.

Строителю в лицо бросаешь жмых
Цивилизаций, выжатых досрочно,
Но марочным вином поэта потчуешь.

Кровосмеситель – Греция ли, Рим –
Тебя не взять на понт – смешаешь в яме.
И лишь поэт с тобой соизмерим –
Из уст в уста кочующий стихами
И строящий понтон между веками.

И я взошёл, и ночевал в горах,
И пил росу из трав, и, встав на кромке,
Читал свои, срываясь в Чатыр-Даг,
И возвращался голосом негромким,
Но не моим, а мой – летел к потомкам.

3

Ветер о пряники гор стёр алмазные зубы.
Не удивит никого даже лет миллион.
Звёзды глядят в человека в подзорные трубы,
Как – на вершину взошедший – ничтожен он.

Веришь ли в Бога? Ответ не расслышать. Неважно –
Вечен овечий граничащий с паникой страх
Смерти, хотя до сих пор самолётик бумажный
Первой главы Бытия так же кружит в горах.

Будь же подобен Адаму его наслаждением –
Всё именуя, звучи над пространством немым:
Небо. Земля. Свет! Вселенная. Дерево. День и
Ночь. Бесконечность. 10-го августа. Крым.

***

Море не любит острых углов,
Гибким лекалом рисует волну.
Словно, безмерно любимой солгав,
Море зализывает вину.

Выплюнет гладкими, как леденцы,
Даже осколки бутылок пивных –
Можно без страха давать их младенцу,
Чтобы на солнце смотрел через них.

Может, и жизнь отмеряет длину,
Глядя на гладкость поступков и слов,
Чтобы Господь не порезал ладони,
Душу бросая на чашку весов.

***

Из чистых душ, из глубины Вселенной
Стихи текут в моей крови,
Выплёскиваясь на листы из вены,
Открытой бритвою любви.

И, отражаясь, обретают сушу
В глубокой тайне серых глаз.
И через них вы смотрите мне в душу,
Я через них смотрю на вас.

***

Здесь мыши камышей спешат от кошек ветра,
На гибких шеях волны вертят обруч зёрен.
Наверно, только здесь я был небезответно,
Настолько настоящ, насколько иллюзорен.

Вон душу из мешка, вон за пределы тела!..
Но кожа как межа желанного и были.
Крести меня, Отец, в бездоннейшей купели,
Чтоб на Земле – чужой! – я не имел могилы.

***

Стало меньше одной иллюзией –
Будет больше одной поэзией –
Утомлённого сердца узел
Разрезан.

И покой мой глубок, как родного озера
Голубой, неморгающий глаз.
Никогда ни в себе, ни возле
Оно не увидит нас

Вместе. Ему нравится
Голос моей одинокой музы,
Наша близость и наше равенство
В сотворении солнцеподобных иллюзий.

***

…где кем-то сорванные листья
я подниму, как выпавших птенцов,
уже погибших,
и, оплакав их стремящиеся к солнцу души,
отправлю в путь последний, но не в землю –
отправлю по воде:
плывите, ориентируясь по звёздам, к звёздам –
я скоро к вам приду –
звать Родиной – иных миров – иную красоту.

***

Души священных деревьев,
Сожжённых дотла иноверцами,
Древние корни веры
Пустили из сердца.

Вера деревьев – ветер,
В ладонях: огонь и покой.
Северный – в теле светлом,
И чёрный – порыв грозовой.

Бог мой задумчив и светел,
За почитание смерти
Молния жизнь плетью
Тело моё метит.

Скоро, сгорая, исчезну,
Где для людей высоко,
Кровоточат надрезы
На берёзах моих стихов.

***

Наклонившись, колосья
из ладоней моих лакают
последнюю воду.
Словно бог –
золотые усы,
голова серебряная –
монотонно кивает,
повторяя:
«Вот бы
на поля пали капли,
капли нашего времени.

Чтобы снова деревья
людей понимали,
а люди – птиц,
чтобы жили единой
дикой душой –
вот бы как…».
И вздымает он молот
гроз и зарниц,
и вздыхает:
на небе далёком –
ни облака…

***

Я начал бояться людей и собак
За то, что прожить не сумел мимо всех,
За мой для удара сжатый кулак,
Легко доказавший: и я – человек.
И я – тот растлитель, убийца, маньяк,
Что детям святым выжигает глаза,
Ведь я – человек, и могу – так,

Господи, сделай, чтоб так – нельзя!

Я начал бояться собак и себя,
Всей той агрессивной свободы в любом –
Угрозы безумия, значит, слепя,
И дважды крещёному грянет гром?
Я не хочу быть подобен Тебе!
Сделай из дерева, чтобы другой
Я восходил в бессловесной мольбе
Над недоступной людям рекой.

***

1

себя измучив овощной диетой,
старушка осень захотела замуж.
но над её нарядами из замша
стрелялся дождь из водяного пистолета.
одевшись в красное и рыжим париком
весёлым шутовским украсив лысину,
заигрывала с небом-стариком…
вопили ветры, что давно отчислена
она из списка кандидаток в жёны.
мол, даже если выйдет обнажённой,
мол, если тучей солнце занавесит,
то всё равно ей ничего не светит.
она сперва в ответ молчала гордо,
потом взбешённая кричала: все вы хамы!
и листьями швыряла ветрам в морды,
теряя облик благородной дамы.
потом поблекла, постарела, скисла
и серая стояла в центре лужи,
себя по-детски утешая мыслью,
что не она, а ей никто не нужен.

2

стрелялся дождь из водяного пистолета,
а год по вечности тянул свою телегу,
которую хотел заполнить летом

и пролететь, как стометровку бегом,
но нагрузили зимами со снегом.

года давно не верят в справедливость:
на лето быстрое – две тяжкие зимы,
несущие в узлах платков сопливых
своих сокровищ снежные комы
(не зарекайся от зимы и от тюрьмы).

тянулся год, как плейер песню тянет,
тянулся год, как изо рта жевачка.
тянулся год, как тянут из стакана
сквозь трубочку коктейль, как на карачках
пьянчужка тянется домой, штаны испачкав.

***

Я вам писал стихи, но в миг,
когда огонь
лист за листом тетрадь мою читает,
я понимаю:
никогда
никто
не станет их читать
внимательней, чем он,
что позабудут все,
и лишь огонь
ждать будет – вечно – новые стихи,
чтоб, из стихов родившись,
жить стихами.

***

Когда я уеду,
дома станут серыми, впрочем,
при мне они тоже лишь серыми были.

Когда я уеду,
и небо расставит все точки
над небылью духа и глаз былью –
что пылью, что бредом.

Когда я уеду,
и сложится правда о том, кем я не был,
а мир будет тем же – так точно! –
120 стихов просочатся в квартиру
и станут писать обращение к миру,
и рвать обращение в мелкие клочья,
и клочья, как бабочек в синюю клетку,
с девизом на крылышках: «слава поэту!»
ловить будет вечность в дырявую сетку.

Когда я уеду.

***

Я столько жизней подсмотрел чужих,
Что и в своей не чувствую нужды.
Так из бадьи выбрасывают жмых,
Сердечки косточек, случайные листы,
И сутью заполняют блеск бутылок.

Я видел всё и, значит, пережил.
Была б и ты такой же кочевой,
Привязанной лишь к прошлому души,
К тому, что можно унести с собой,
И чувствовать себя везде как дома,

Мы б на любом холме любой реки,
Как два счастливых ангела бродяг,
Молитв бубнили белые стихи
За незнакомцев в белых кораблях,
За незнакомок в белых самолётах.

***

1

так, не спеша, как будто на телеге,
я въехал в город. у жары была
запарка, и она пекла,
как юная кухарка чебуреки
к приходу неожиданных гостей –
на максимальном пламени, и жиром
измазывала лбы всех пассажиров,
прожаривая мясо до костей.

твой город ловко выхватил из печки,
как цапают каштаны из огня,
твой город выхватил меня
и проглотил всего за раз, как речка
глотает отражение небес.
а город твой – под крышей тысяч елей,
он дорог нам – да будет вечно зелен! –
лесное царство – я легко воскрес.

ты ждёшь давно у дома на скамейке –
спиной ко мне – таким привычным сном –
и я, как рыба, как немой, хватаю ртом –
твой запах – как лесная чародейка –
ты воплотилась в мой глубокий вдох –
и для отравленных столицей лёгких
ты состоялась первым чистым вдохом –
но мы не бросились сбивать друг друга с ног.

2

как будто расстояние, и вправду, нас
так отдаляет, что при новой встрече
нам паралич знакомства обеспечен.
мы видимся, наверно, в первый раз.
как будто это снимок с негатива,
любого нашего прощания, где нас
не разлепляло опоздание на час
в метро и на автобус, и счастливый

я оставался ночевать в твоих руках.
как негатив и снимок, словно вечер
и утро – расставание и встреча –
как будто бы нам нужно: не в мечтах
ли это всё? – проверить, не исчезнет
ли вдруг, как ночью тщательных разлук
фантомом исчезали из любимых рук.
мы словно спрашиваем: правда? честно?

высматриваем: может, выдаст и сейчас
полёт вещей или другой бредовый,
что это только сно-виденье – снова.
и не обманываем парой фраз
неловкий миг, и ожидаем грубый
и предсказуемый будильника звонок…
но вдруг почувствовав, что не подвох,
ты обнимаешь и целуешь в губы…

3

оглядываясь на идущий город,
я шёл на остановку, чтоб снести
жестокость, издевательство пути,
отнявшему любимую так скоро,
всё то, что долгий месяц ожидал,
что сможет повториться через вечность
(ты говоришь: две вечности, на вечер
и утро разлучаясь), и квартал

прошедший я соскучился на сто.
могу ли утешать тебя, что буду
не утешим, что буду верить в чудо
и говорить, и знать, что если Кто
был в силах спутать столько судеб, нитей,
случайностей, случайностей и карт,
то он найдёт копейки на плацкарт,
автобус, самолёт, и новый зритель

промолвит, что печальнее на свете
нет повести, чем повести разлук
любимых, о разъятье тел и рук,
о расстоянье, расставанье, лете,
идущем дальше, но уже без нас.
что будет тяжелее слёз любимой,
закрытой двери и бегущих мимо…
как от себя не убежать от глаз.

***

Идущий сквозь строй полуночных хрущёвок
я верю с опаской: «Земля обитаема»,
что кроме шагов, то взрывных, то холщовых,
глотающих тающий миф расстояния,
ничем не доказано в башнях зловещих –

в домах-коробках – погружённые в спячку –
тряси, не тряси – как гробы Святогора.
Ряды фонарей, как сгоревшие спички,
головки склонили, лишь глаз светофора
моргает, и времени вязок песочек.

В безвыходном храме пространства на мачтах –
иконы племён, превратившихся в призраки.
Пустыня! – хоть в рупор сзывай, как в мечетях.
И кажется: сам воплощаюсь лишь изредка
в стихах моих, преданным эхом читаемых.

За круглую вечность скитаний, как узник
с прогулки, зайду, и, упрятав за шторами,
оденут мне смерть, но её наизнанку
я выверну, как человек, для которого
в ковчеге поэзии полка заказана.

***

Заблудился в метро, перепутав названия станций.
Я не знаю, где выйду, а день уже спрятал свой хвост.
Коронованный ночью огромной на странное царство
Парадоксов, Бессониц, Безумств и всея Стихов,

Стану в окна смотреть, не надеясь увидеть кого-то,
Кто полюбит меня или, может, когда-то любил.
Сотней петель набросит ночных фонарей хороводы
На аорту мой город, и я упаду без сил.

Стану звёзды срывать, чтобы бросить под ноги любимой,
Но любимой не будет, как, впрочем, не будет и звёзд…
Лишь ребёнок заметит, как кто-то, прошедший мимо,
Провалился под землю и в небо взлетел чёрный дрозд.

***

Москва – аквариум, в ней мутная река,
как мозг блаженного с извилиной неловкой,
но каждый тужится: охватит ли рука
великий член Ивана с золотой головкой,
а в сказке ловит рыбка старика.

Москва – оскомина от кваса на зубах,
за скупку краденого заслужила вышку.
Москва – неправедный аванс незваным, крах
для верных, знающих её не понаслышке –
над колокольнями: велик Аллах.

Москва – давно не красна девица, но ждёт,
кичась невинностью своей, заморских принцев –
французам с немцами укажет от ворот,
заплатит душами за, право, славный принцип
и, не венчаясь, с турком заживёт.

Москва – окраина, она ни то ни сё –
ни запад, ни восток. в татарской высшей школе
училась 300 лет, теперь сама несёт
культуру тёмным и про третий Рим глаголет,
стремясь Стамбулом стать через 500.

***

1

Уйдя из точки «С.» по красной линии,
Минуя пункт «В.Г.», электропоезд
Вдруг вылетал из горлышка тоннеля,
Как пробка из бутылки – в чёрный воздух.
Я верил: нужно загадать желание,
И с высоты мгновенного проезда
Смотреть назад, где в темноте синела
Подсвеченная лампой колокольня.

2

Тот год я жил не по прямой – окольными.
У пункта «У.» ютясь в чужой квартире,
В паломничестве по Вернадского бубнил
Стихи и на мосту, где шум картавых
Моторов в небе затихал, поклоном
Приветствовал пророка «Розы Мира» –
Там, в Новодевичьем, зачеркивая тлен,
Дубовый крест – могила Даниила.

3

Я верил: нужно загадать желание –
Одно-единственное, главное, такое,
Что «если» «как-то» «может» «вдруг» исполнено,
То не страшна в нём вечность – никакая.
Как просят дети: «Я немножко загляну
В мешок, под ёлку…», так просил до боя
Обёртку с жизни снять, как с полыньи
Узор, и дать мне зренье – полное.

4

Там сильных мира – мрамор – морды сальные,
Но каждый как повешенный на древе.
Палачежертв советский склеп фамильный,
Безбожники и… Даниил Андреев –
Последний зрячий в полынье Вселенной.
Дорога жизни, храм, тюрьма и вера…
Когда пройдёт архангел Михаил всесильный,
Он всё простит Москве осатанелой

за Новодевичий…

***

Напиши мне E-mail в переулок e-Банный,
где квадратной луной в windows смотрится баннер,
где на льдине двуспальной лежу, как Папанин,
«Отче наш…» забывая, бубню: «… твою мать»,
до утра обречённый овечек считать.

Где закатан в асфальт, под каток, под протектор,
на гладильной доске в эпицентре проспекта
я – раздавленный кот, моя песенка спета.
Где способности слышать капель лишены
перепонки, забывшие вкус тишины,

но малиновку слышат в сцеплении шины,
ни стеной, ни подушкой, ничем неглушимом.
Где над белым и чёрным всевластен мышиный
цвет судьбы, потолка, небосвода… Спасай –
напиши мне из дома – с домена tut.by.

***

Они бы плыли даже на верблюдах,
но лишь верблюды не хотят в Москву.

Не понять с похмелья: птаха ли, Пьеха ли,
а когда совсем плохо, то и Кобзон с Хилем –

красные дворники племени «понаехали»
двор оглашают родным суахили.

Через слово вплетают какого-то Хулио,
сжав метлу, что есть сил вслед любой симпомпуле,
да с таким вожделением, словно удумали
отыметь череп Гитлера в дырку от пули.

Азиаты – они ведь такие, как мы, только трезвые,
также с Родины изгнаны краснобаями-мудаками,
и такие ж кочевники, и такие ж обрезанные,
только мы – белорусы – с обрезанными языками.

***

Заплакали так высоко, так жалобно коты,
Что кажется: душа моя в их вопле воплотилась,
Чтоб спрыгнуть с обветшалых крыш мечты
На лапы мягкие кошачьей полубыли,

Стремясь стекло жестокой только раз
Так глубоко царапнуть когтем стона.
Тогда, какой бы ни был у неё этаж,
Расслышит боль и, может… не она прогонит.

Чтоб беззаконным мимо безоконных – прочь!
От серых глаз её раскатистого смеха
Взволнованным котом катиться в ночь,
Остерегаясь встречи с человеком.

***

В её глазах живёт мой бог.
Он несказанной скорбью скован –
Он мной на вечность коронован,
Я обречён им на порок.
Порок – другим богам не веря,
Покорным зверем лечь у ног,
Чтоб гордой, ветреной, земной,
Чтоб царственной, высокой, светлой,

На жизнь пожертвовать собой.
Превозмогая быль и боль,
А иногда взрываясь воем,
Доволен или недоволен,
Я обречён им на любовь,
Объятую её презреньем.
Но без неё я мёртв и вновь
Лёг на пути жестоких ног
Моей любимой, умоляя:
«Живи в её глазах, мой бог!»

***

Казалось, что предсказана она –
глазами детскими смотрело чудо
и нежность. Словно женственность сама,
сама невинность будто.

Как слепо, нет! как прозорливо я
за ней пошёл, отбросив быт позорный,
за хлебом духа, за иного бытия
вином, но шок прозренья:

душа её была, как шоколад, –
воздушной, сладкой, чёрной,
и таяла в тепле любых ладошек,
и принимала любую форму.

Чтоб, подчинившись, после вынуть плеть.
И месть её была не человечья – змеева.
Не небо – поле, не полёт – плоть.
Ева!

***

Взлетавший ввысь на крыльях поцелуев
Над мёртвым морем времени – надолго
Твой чёрный раб. Он будет рад бесчестию
За крохи забытья, так птицелову
Птиц улетевших возвращает голод.

Раб на коленях нового причастия
Ждёт длинной плети твоего «когда-то»,
Так только дети ожидают с марта
Каникул летних. Раб одно предчувствие
Всё глубже вводит, как иглу под коготь,
Что алый парус губ твоих – за смертью.

***

День и ночь один – одиночество –
Слово точно настолько, что можно,
Оттолкнувшись от этой точности,
Доказать бытие Божье.

Словно Он – одинокий в вечности –
Даже зная, что кончится адом,
Я придумал себе человечество,
Чтобы кто-то, хоть кто-то был рядом.

Но мы движемся с ним по касательной,
Не близки, не равны, напрочь чужды,
И я верю любым доказательствам,
Что есть Он и что я Ему нужен.

***

Жизнь пишется чёрными буквами,
Почти неразборчивым почерком –
Вглядишься в страницы: как будто бы
Написано пьяным погонщиком
Верхом на безумной верблюдице,
Которая слепо проносится
В пустыне, где близость – лишь чудится,
Не чудится – лишь одиночество.

***

Мы – свечи в келье инока слепого,
Поставившего нас к иконам в угол,
Уже забыв, что лишь горящий – светит.
Мы чувствуем, что был для жизни повод,

Не чёрный, еле тлеющий, как уголь,
Не жаркий, расплавляющий, как печка,
А благодатного огня небесный ветер…
Мы знаем, это был достойный повод,
Но лицемерно ждём огня и чуда
И слишком искренне дрожим под вечер,
Боясь за наше тело восковое.

Мы – звуки чьей-то непонятной речи,
Летящие в пространстве бестолково.
Мы инстинктивно тянемся друг к другу,
Стремясь хоть так соединиться в Слово,
Но, звуки, мы рождаем только звуки.

***

1

Аптека закрылась, теперь ничего не купить к чаю.
Романтический вечер накроется медным тазиком.
Вещие суслики в тундре трындят, что качают
нефть и соляру – у сусликов только газики.

Стихи образуются сходно с метеор(изм)ом,
и с гоготом гусли спасают и Рим, и Ремарка Эрика.
Творчество – это, по сути, красивая клизма,
как сказал Маяковский: изобретение велика.

Аптека закрылась, ну что же – нарву молочая
и выдавлю яд в одноразовый пластик стаканчика…
Я плачу, ведь знаю, что ангелы не отличают
ни зёрна от плевел, ни суслика от тушканчика.

2

Мама мыла на шило в мешке,
раму меняя, не утаишь.
Время сбежало на ремешке,
повесилась беспроводная мышь.

Молот и серп: хочешь – жни, хочешь – куй.
Чел человеку – (волк) – не работа.
Словно в Тоскане таксуй и тоскуй,
после ж: похмелье, бодун и блевота.

Чем-то медведица трётся об ось,
словно та – палочка эбонитовая.
Спасохранит всемогущий Авось,
то перекатывая, то перекидывая.

Пушкин, рифмуй: китаёза-берёза.
Что ж ты, раскосая, смотришь искоса?
Родина ждёт, что я буду серьёзен,
пав между молотом и на-ка выкуси.

***

Стихи я подхватил в психушке,
Как некий дворовой трипак.
Сокамерник по кличке Пушкин
Учил, что можно только так,

Мол, пацифизм пройдёт, но только
Приправленный вторичным злом –
Какой-нибудь неявной болькой,
Ни энурез, ни перелом

Не сделают того, что быстро
Свершит любой душевный сдвиг:
На венах – след самоубийства,
На шее – крест, в гортани – стих.

А ручки нет – вспори подушку,
Перо достань, вспари над сном,
Пиши лишь кровью… – прав был Пушкин.
Меня призвал сам Аполлон

В свои войска, в свою психушку
(Где дури больше, чем земли).

От неигрушечной войнушки
Стихи тогда меня спасли.
В обитом тканью кабинете
Я в них тоску свою излил,
И психиатр меня заметил,
И, ставя крест, благословил:

Поэзия – диагноз, с белым
Билетом буйствуй, не стихай,
Пиши лишь так, чтоб жизнь висела
На пёрышке, на волоске стиха.

***

Мы много строили, кто мир, кто дачу,
Кто карточный дворец на битый час,
Но даже наши дети не заплачут
В тот день, когда в гробах увидят нас.

Они пришли. Для них ничто не свято!
Ни Д'Артаньян, ни Штирлиц, ни Хичкок.
Они не знают слова «октябрята»,
И даже Виктор Цой для них не бог.

Мы тоже воевали на задворках –
С фашистами и белыми, они ж
Весь день крошат то гоблинов, то орков,
Едят и спят, не выпуская мышь.

Я вечером боюсь идти из дома –
Вдруг мне навстречу кто-то в темноте
Из «Dooma» выйдет и увидит гнома…
Спаси нас, Бог, от наших же детей.

***

Приду домой. Себе начальник.
Огонь плиты обнимет чайник.
Морской пехотой сахар в воду,
И ложку в кружке длинным лотом

Вращать по кругу, бить о стенки –
Чаинки соберутся в центре.
Чай будет сладок, вечер – горек,
И круто сна высокогорье:
Уставься в чёрный потолок,
Смотри и щурься: где там Бог?..

Чтоб знать события и сроки,
Совсем не нужно быть пророком,
И, проживи лет двадцать пять,
Сумеешь точно предсказать:
Приду домой. Себе начальник...

***

Когда ты стал Христу ровесником,
то часто думаешь о датах,
и счёты сводишь зол и весел,
ведь ты – ещё, а он – уже.
И, ощущая позвоночником
все 33, в счастливых детях
ты ищешь, как лекарство, – соль
дистиллированной душе.

И вряд ли сам себе признаешься,
что жизнь не полюбил, а свыкся,
затерянный в 6 миллиардов,
смиренно поубавил прыть.
Но врёшь, что больше не надеешься,
твердишь: нормально – мел и вакса.
Мол, выгребешь ещё, мол, даже вздымешься,
мол, жизнь прожить –
не пол переменить…

***

Я сплю в одежде, но просыпаюсь от холода –
никак не могу согреться.
Сердце дрожит, метусится.
По левой руке, словно вверх по реке,
в колеснице
ползёт, мчится
смерть бледнолицая.

Боже, неужто услышал
моё детское топанье ног,
обидки, предъявы: «За что?»
и прислал наёмницу?
Что же Сам не пришёл исполнить?
Помнится,
раньше Ты мог
и камнем, и молнией,
чтоб другим неповадно.
Да ладно,

неуместна бравада – время каяться.
Вспоминаю грехи –
кому-то икается.
Я не знаю, Боже,
чего хотел больше:
раздеть её или услышать Твой голос,
но раз то не сбылось и это…

***

Из грубых мук мне выткали рубашку,
Укутали в глаза, замкнули в тело,
И поползли по коже – лет – мурашки
Никчемного – обычного! – удела.

Я представлялся ангелом, но крылья
Явь повивальная привычно изувечила,
И стал я слеп, как слепы были
Живущие вокруг – по-человечески.

Подобная подводному растению
Душа томится, тьмою обездвижена.
Я ожидаю день освобождения,
Уверенный, что этот срок – пожизненный.

***

Напылили в были, словно в небыли –
Пальцем ткнёшь, и непонятно – в небо ли.
Смотришь, пялишься, но видишь всюду пятна,
А лежишь или летишь – непонятно.

Если был в рубашке рождён – в усмирительной.
Так и помер в ней, седым горем вышитой.
Если видел вещий сон, то невидимой
Жизнь была, тот сон воплотившая.

Приходили сказочники грустные,
Развлекали всех изящными искусствами,
И казалось им: творят нечто важное,
Глядя в мир сквозь клетки бумажные.

Только кто в рубашке рождён – в усмирительной,
Так и помер...

***

Быть загнанным, почти загробным,
томиться в мире незаметном,
глазами внутрь, подобно рыбным
консервам в соусе томатном.
Уже не Богу – никому
мольбу молчать щербатым ртом.
Открой: смотрю Искариотом,
повешенным учениками.

Но все мы – будущие трупы,
лишь это делает нас равными,
а то, что «после» – только трёп.
И всё же – быть! Почти бескровным,

подорванным гробами лет,
влачить обыденную смерть
к черте, где ни жены, ни матери,
ни воскресенья нет.

***

Я на себе поставил крест,
И этот крест нехристианский.
Непросто просчитать корысть
От смены мест в таком раскладе,
Где в пункте «А» – сознанья всплеск,
А в пункте «Б» – конец пространства,
Но жизнь – ежесекундный риск,
И смерть не так страшна, как старость.

Так из тюрьмы бежал Сократ –
Старик, людей стократ познавший, –
На деле разгадать секрет,
Последний, главный: что за чашей?
У тайны той ни дня украсть
Он не хотел, когда, отчаявшись,
Предвидя крест, дрожал Христос,
Нам вечность – после – обещавший.

***

Беспощадный февраль ледяным топором
В небе головы рубит у белых ворон,
Чтоб ощипанным вьюгой холодным пером
Набивала зима свой подтаявший трон.

Засмотревшись за неба морозный узор,
Моей белой души белый птенчик продрог.
Как он хочет, как ждёт, чтоб ударил топор,
Чтоб мелькнула, удар отводя, Мама-Бог.

***

Старые вещи не любят переезжать.
Особенно шкаф, пианино, кровать двуспальная…

Даже когда этажей – пять,
Сто раз пожалеешь, что живёшь не под пальмами.

Вещи гремят: не хочу! отпусти!
Обречённо царапаются, в пол упираясь ножками,
Но тот, кто пришёл, чтобы их унести,
Невозмутим, как шофёр «неотложки».

Связанный по рукам и ногам,
Рта не откроет рояль-раззява.
Музыка едет на свалку – шум да гам.
То же, когда уезжают хозяева.

***

Странен последний путь человека, даже прожившего достаточно гладко. Кто-то ему закрывает веки, моет, укладывает в лодку… Ах, красная лодка, в тебе бы по морю плыть, по реке, как в каноэ спортивном… Люблю во всю прыть умирать, когда ясно, а в дождь противно…

А так построены наши дома, словно вечные люди. Чтоб из комнаты вынести гроб, его напопа поставить нужно будет. И вот те, кому, может быть, при жизни не подал бы руку, тебя обнимают и вот-вот поставят в угол, как школьника. А если есть лифт, то едут в лифтах покойники…

Но молчишь, и когда тебя вверх ногами, и когда вниз – выносят по лестнице. И твердишь с каждой ступенькой: жизнь, жизнь, жизнь, жизнь… Жалко, жалко людей, тех, кто приходит нести, и тех, кого. Уж лучше в лесу повеситься, чтоб не видеть этого ничего.

Жил в стороне, а сегодня как гвоздь программы. Говорят: «молодой», или «своё уже пожил»… Говорят: «рак», «старость», «сердце»… Говорят: «а это его брат, (сестра, мама…) при жизни не разговаривали». Ну что ж, поговорят после смерти.

А на улице спорят: сначала – гроб или крышку, фото или венки? Стараются, чтоб всё по правилам. И если найдётся смелый, скажет о бывшем телом… Да какая уж разница?.. Дедушки… Дочки… Сынки…

Проводили и руки (после кладбища обязательно!) вымыли, говорить стали, есть, пить. Только улицу, цветами посыпанную, дети боятся переходить, а в комнате, откуда вынесли, люди годами не могут жить.

***

Часы протёрлись – протекало время,
И не хватило пять минут на счастье.
Не потому ли, что смотрел евреем
На ближнего, ты вынес с честью
Тяжёлый взгляд идущего навстречу
С повадками эсэсовца – не-бы-ти-я.
Ты смог ответить твёрдо, внятно, зряче:
Я знаю, что могу не быть и я –

Я вечность – до рожденья – не был…

***

Не думай о завтрашнем дне,
влекомый сегодняшним дном,
плыви по теченью и тухни
с башки – такова юдоль! –
расслабься, пытайся… – получишь,
не кайф, так забудешься сном.

Из двух выбирая зол,
хоть злотый подбрось: всё – зола,
хоть клювом защёлкай – не Феникс.
Не плачься – люби свою боль,
ведь только Каминский знает,
что значит сгореть дотла.

***

Конечно, я ничем не застрахован.
И СПИД, и рак, и взрыв аэропорта…
Дежурит жизнь – я буду заштрихован,
Как слово из трёх букв на школьной парте.

Но, как сказал один, бесспорно, мастер:
«Всё было встарь, всё повторится снова».
И новый Дант берётся за фломастер
И на пустое место ставит – то же – слово.

***

Господа, разбейте хоть пару стёкол!..
И. Бродский

Племя поэтов, когда бы не женщины, были мужчины,
Были б мужчины, когда бы не женщины, племя героев.
Мясо бы ели с ножа и по жизни – ловцами жемчужин,
Гордо и ветрено флаг поднимали над Троей.

Бросив в рюкзак только фотик, тетрадь и стихи Гумилёва,
В путь бесконечный по жизни: Сахара, Антартика, небо ли…
Видишь? Домашний мужчина в халате – как герб Могилёва,
Где есть могилы, а львов и в помине не было.

***

Я, наверно, сейчас никого не люблю,
И от этого стало устало и пусто,
И напрасно громадную душу мою
Порывалось заполнить прекрасным искусство –

Всем земным не заполнить небесной на треть,
И моя пустота заполняется смертью,
Впрочем, пустота – это и есть смерть,
Лишь любовь – это жизнь сердца.

***

Обязательный праздник на сердце изжогой,
Как бесстыжий стриптиз твоего одиночества.
Как лягушка, с которой содрали всю кожу,
Ты был подан за стол… А ведь Праздника хочется!

И смурной, как Шукшин, ты твердишь, что в завязке,
Что уже ни стиха, ни строки, даже рифмочки.
Ну и рожи вокруг – как картофеля глазки…
И с соблазном глядишь на опасную бритвочку.

Но, одёрнувшись, вспомнишь единственный праздник,
Когда первой строки вдруг родится Вселенная.
И размоется мир акварелью по влажной
Штукатурке души, словно надпись настенная.

И уверен: умрёшь, не дойдя до тетрадки,
И в ладонях несёшь, словно воду последнюю,
А дорвёшься до листьев, рванут без оглядки
Торопливые буквы прыжками балетными.

Сколько нужно чернил, чтоб рождённое мигом
Записать по-людски, сколько мучиться, корчиться
Этим праздником, сном, вырастанием в книгу,
Рождеством, новым годом, событием, творчеством.

***

Так севшие в метро напротив
обречены рассматривать друг друга –
так я и жизнь.

Гадая о ресниц полёте,
бросаем нечет-чёт воспоминаний,
глазами ускользая от упрямых взглядов,
пытаясь скрыться в чёрных зеркалах,
в которых так смешон и перекошен…

И лишь закрывшись веками, всей кожей

почувствую: мы неразрывны,
мы – одно.

И кажется, что понял, что узнал,
и так соскучишься, как будто – годы…
Глаза откроешь, а напротив –
уже другая.

***

Меня настоящего нет.
Ещё не остыл след,
Но мыслящий слепок земной
Не является мной.

Осколок. И в нём так мало,
Так зыбко, что не ухватить,
Есть что-то, что может началом
Меня настоящего быть.

***

У небесных берёз сок холодный и сладкий.
Я его собирал в полнолуния полночь.
Опадали с деревьев высокие капли,
И бутылка светилась луною полной.
Так легко перелить, вдохновлённый, могу я
Этот внутренний свет, чтоб на сфере хрустальной
На мгновенье увидеть ту вечность, в какую
Бог меня перельёт, дорожа каждой тайной.

Чью судьбу в ночь с субботы на вербное в тонкой
Бересте облаков вырезал лунный скальпель?
А бессонным казалось, что я нёс ребёнка,
Запелёнатый в куртку, он по-своему плакал.
А берёзовый сок был разлит по низинам,
Из него (погружённый обрядом весенним)
Я на города гору восходил с сыном,
И казалось: вот-вот и блеснёт в моих венах
Неземная прозрачная кровь воскресения.

***

Только память Москвы – Новодевичья –
в пожелтевших листках сохранит
до весны, а влюблённая девочка –
не гранит.

Если выбор: забыть или мучиться,
то, и вправду, забыть не беда.
Я-то знал: ничего не получится,
как всегда.

Как всегда навсегда не завяжется –
слишком длинной должна быть нить.
Я уеду в удельное княжество,
чтобы первым поэтом быть.

Но забвению строя рожицы,
всё в стихи превращает тетрадь –
чувства наши не уничтожатся –
нам стихи не дано забывать.

***

Я спал как убитый:
Щеками небритыми,
Глазами открытыми –
Всю ночь в потолок.

На мысли, что брошу,
Что так по-хорошему,
Как принц на горошине
Забыться не мог.

Нельзя эти игры,
Я будто бы выгорел,
И, если кто выиграет,
Увы, не она.

Не детские сказки –
Привязки с развязками –
Ранимым и ласковым
Здесь боли без дна.

***

Вот из души достали боль иголку
И в прочный узел завязали нить.
Мы сшиты, мы почти одно – надолго
Обречены и избраны – любить.

Что нас связало: случай или Воля?
О половинках сказка… Но достанут нить –
Не удивимся, что уже не больно,
Что нас уже нельзя разъединить.

***

Я грел твои руки – мне стало теплей.
Продрогший воробушек, в чутких ладошках
Ледышку души удержи – сорок дней
Ей быть на земле чужеземцем – не больше.
Дыши на неё, чтобы стала вода,
Чтоб после, от нежности став невесомой,
Стремилась домой, но уже навсегда
Ладони твои для неё будут домом.

***

Жестокие игры влюблённых,
Как будто мы мстим без причины
За то, что бессмысленных, сонных
Нас выдернули из трясины.

За бурю, движенье и трепет
От имени, запаха, взгляда…
За то, что объятья так крепки,
Как будто одно, а не рядом.

За то, что таким наслажденьем
На коже чужое дыханье,
Что верится в переселенье
Единства из жизни давней

И зоркость ночного испуга,
Что сможем без мудрости книжной,
Не сможем уже друг без друга
Понять и любить смысл жизни.

***

вот посмотри сюда: здесь есть
так мало, может быть, так мало
(но, как иголка тянет нить,
как почтальон приносит весть,
как не пугаются кинжала)
того, что можно полюбить
и не раскаяться.

вот посмотри сюда: не я,
конечно, нет, но это стало
важнее, выше (из руки
взлетает сокол бытия).
где нового меня начало,
ещё рождаются стихи,
и сны сбываются.

***

Мы не друзья. Мы чувствуем. Мы больше.
В безвыходной прихожей жали руки,
Боролись с притяжением, но в стуке
Сердца различалась боль ше-
стого ноя- или декабря –

Быль неминуемой разлуки, Боже,
И драгоценность близости нежданной.
Так, отрубая голову, на рану
Ищут подорожник. Брошен
Жребий на ребро. Мы не друзья

***

В любви и их победном шествии
душа моя увековечена,
и если это счастье не божественно,
то, точно, больше
просто человечьего.

***

Ты плакала дважды. Вражды и надежды
Ни капельки не было в первых слезах.
Захлопнута дверь, но порывом мятежным
Твои поцелуи – у лифта, в дверях.
Срываюсь с петель. Километры, что между

Уже размечтались – повисли на слове –
И сжаты до мига, до вздоха: «Пока»,
И руки на шее – последним уловом.
Расплавленным оловом, что на щеках
Твоих ли? Моих ли? – Там слёзы как вдовы.

И я обещал, что ты больше не будешь
Ни плакать, ни ждать, но, прощаясь с тобой,
Я так обманул – беспощадно, как люди
Обманывать могут детей или боль.
Ты плакала снова – при встрече, при чуде.

Хватали объятья, как воду при жажде,
Входили друг в друга, как в слёзный прилив…
Но оловом слёз обожжённый однажды,
Тебя оттолкнувший и вызвавший лифт,
Прощу ли себе, что ты плакала дважды?

***

Свыкаясь со всем, даже с тем, что красиво любим,
Что рядышком преданно билось любимое сердце,
Терял ощущение счастья, что им
Я только и жив, позабыв обаяние смерти.

Лишь всё уничтожив, порвав, докумекал, что пуст,
Что сердце осталось в былом, а в грядущем нет страха,
Что нынче усну, чтоб уже не проснуться, и пусть! –
Ведь нечего больше терять, кроме боли и мрака.

А нужно так мало, чтоб я оставался живой:
Лежать на диване, прижавшись, не глядя на телек,
И правую руку держать под её головой,
А левую – там – на моём ли, её ли? – теле.

***

Позволь мне счастье быть тобой любимым.
Я благодарный и, поверь, на всю
Я сохраню твой дар в зенице ока,
Где место всем сокровищам немнимым.
И если – высший Суд, то на весу
Душа моя взметнётся выше вздоха,

Молитвенного искреннего вздоха,
Туда, куда не проникает взгляд,
Туда, где те, чей дух – светила.
Где место только ангелам и Богу.
Не потому, что грешен или свят,
А потому, что ты меня любила.

***

Дай стать моей душе по-настоящему красивой –
Ты можешь это!
Ты знаешь таинство разрыва с миром,
Ты пишешь светом.

Я служащий, служитель, я слуга и, где твоя рука,
Там я покорен,
Но только б ты вела за облака,
Но только б в гору.

Во мне земного груб и тяжек груз:
Засматриваясь ввысь, с собой бороться,
Но, может быть, когда-то я проснусь,
А рядом – Солнце.

***

Дворники тучное утро метут из города.
Ждёт, как беременна временем, высь
золотом живота, просветом распоротого:
Чуточку Бога бы… – вера, и в этом я весь.

Бога! Чтоб лёг на ладони дрожащей капелькой,
солнечным бликом… Но в тучах обрюзгших свистит,
как беспризорник, ветер, играя в кораблики.
Тщетно надсмотрщик солнцу басит: свети!

В шляпах, чтоб вспышка не выдала пришлого,
ангелы сходят в земной амнезии подвал.
В водах души – дождевых, не имеющих прошлого,
с капли слезы зарождается духа кристалл.

Молнии мелом царапают не математики
главную формулу: всё всегда везде.
Чёрной промокшей земли мать-и-мачеха
в чёрной кромешной вселенной = звезде.

***

В пятиглавом храме
Из зеницы купола,
Словно в древнем Риме,
Чудным миром капало.

Колокола взрывом
Разметались голуби
Не в сознанье здравом –
В неба проруби.

И казалось: Матерь
Божия заплачет,
И страданья ветер
Душу возвеличит.

В пламени рассвета
Жгли поленья темени.
Искренне и свято:
Господи, прости меня.

Введенский храм. Река Жиздра

***

Я живу только в миг,
когда обнимаю Тебя,
остальные столетья –
мечты или память об этих объятиях –
вариант атеистского небытия –
это что-то уже после смерти
или ещё до зачатия.

***

Только ночью видны так верно
Световые века в чёрном «пусто».
Только ночью понятна Вселенная,
Как одно необъятное чувство.

Только ночью иначее сердце
У иконы окна вспыхнет свечкой.
Только ночью так хочется смерти
И так ясно, что я вечен.

***

Даруй мне, Господи, не час тоски чарующей,
Не час спокойной гордости над сделанным,
Не час в её объятьях коронующих,
Не час в кругу бесчисленных наследников,
Не час восторженной любви «народных масс»,
Не час поэзии всемирного сияния,
Даруй мне, Господи, последний час –
Час покаяния.

***

Господи, в руки Твои я ложусь спать
На Земле – не в постели,
Пошли мне удачу открыть
Глаза ночью – увидеть звёзды,
Глаза утром – увидеть море,
И всегда, чтобы видеть Тебя.
Господи, в руки Твои я ложусь спать.

***

Я люблю Тебя, Боже! – молюсь, словно вру
И себе, и Ему – это таинство,
Это чувство должно до ожога…

Вечен Бог и Любовь – я умру,
Ни души от меня не останется,
Только Божья Любовь и Любовь к Богу.

АЛЕСЬ КІРКЕВІЧ / АЛЕСЬ КИРКЕВИЧ /
ALES KIRKEVICH

Нарадзіўся 9 лістапада 1989 года ў Гродне. Вучыўся на гістарычным факультэце Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Адклаў сканчэнне вучобы, бо заняўся актыўнай грамадскай і палітычнай дзейнасцю.

На момант прэзідэнцкіх выбараў 2010 – моладзевы актывіст, намеснік старшыні Маладога фронту.

Арыштаваны ў Гродне 28 студзеня 2011 года за ўдзел у мірнай акцыі пратэсту пасля прэзідэнцкіх выбараў 19 снежня 2010 года. Адвезены ў Мінск і змешчаны ў СІЗА КДБ. Асуджаны 5 траўня 2011 года на 4 гады пазбаўлення волі ў калоніі ўзмоцненага рэжыму. Памілаваны. Вызвалены 1 верасня 2011 года.

Паэт, публіцыст, перакладчык. Вершы друкаваліся ў газеце «Наша Ніва», эсэ «Вясна. Анталія. Вялікдзень» – у часопісе «Дзеяслоў». Тэксты вершаў і артыкулаў для нашай Анталогіі прадстаўленыя аўтарам.

He was born on November 9, 1989 in Grodno. He studied at the Department of History at Grodno Yanka Kupala State University. Ales postponed the completion of his studies as he was engaged in active social and political work.

At the time of the 2010 presidential elections he was a youth activist and deputy chairman of *Maladoy Front (Young Front)*.

He was arrested in Grodno on January 28, 2011 for participating in peaceful protests after the presidential elections on December 19, 2010, taken to Minsk and placed in the KGB detention center. On May 5, 2011 he was sentenced to 4 years' imprisonment in a maximum security prison. He was pardoned and released on September 1, 2011.

Ales is a poet, essayist and translator. His poems were published in the newspaper *Nasha Niva*, and the essay *Viasna. Antalya. Vialikdzien* (*Spring. Antalya. Easter)* – in the magazine *Dzeuaslou*. The texts of the poems and articles for our Anthology are presented by the author.

Пад Раство нарадзілася Нацыя
Паміж парашай і закратаваным акном.
«Народ прынёс дары, – гучыць па рацыі, –
Апроч сцягоў ды смірны… прыхаваны лом».
Ідзе хапун. Гарыць звязда. Згасае знічка пакрысе.
Таўкуць жанчын. Таўкуць ваўкоў. Жанчын паболей…
Хто мог – сышоў. Змаглі не ўсе.
«Даволі, – запытаеш, – ці ДаКолі?»
Я адкажу: «Да Волі!».

Снежань 2010 года, «Акрэсціна»

* * *

На полі цудаў засталіся мы ўдзвох –
Я ды... Ўсемагутны Бог.
Налева – зырк, направа – зырк,
Сусвет гарыць агнямі, нібы цырк,
Гандлюе мэтр, крычыць актор, гудзяць машыны,
Нясецца шчэ адзін герой, забыўшыся на міны.
Усе пры справе і ніводзін у журбе,
Знайсці б дзе-небудзь тут крыювку для сябе...
«Пайдзеш?» – «Пайду». – «А можа пачакаеш?
Яшчэ гадок – жыцця зусім не знаеш...» –
«Я...» – «Ведаю, і ведаў загаддзя,
Заросла мохам роспачы ладдзя.
Вазьмі што іншае, падумай, прыгадай,
Каб адляцець куды? У Р-А-Й».
«“Ура” – маскальскі кліч», – сказаў. Асёкся. Праглынуў.
«А наш – “Рубон”» – і як прыдурак лыч замкнуў.
Ён паглядзеў мне ў вочы, а пасля на лес, пасля – зноў на мяне.
Я зразумеў: чым зараз тут стаяць, мне ўтапіцца лепей у лай-
не...
«Прабачце», – я кажу, Ён усміхнуўся – я збялеў.
«Хаціш ісці – ідзі!» – і схамянуліся дзясяткі дрэў
(Гасподзь не паважаў літаратурнай мовы).
«А... хоць якія там умовы?» –
Паспеў спытаць. Дарма спытаў. Кляну сябе.
Усё лепшае, вучылі мяне так, ствараецца ў барацьбе...

«Не. Пачакай. Пастой тут. Рэчы пры табе?»
(тут акурат машына праняслась – Пачобута вязлі ў КДБ).
«Пры мне». – «А ведаеш… я пазваню, трымай!».
Расплюшчыў вочы я – у руцэ картонны пачак, напісана «Чай».
Я паглядзеў, я азірнуўся, бачу толькі панараму:
Начное поле, на ўзбочыне агні, экраны.
Там шоў: Ірына Дарафеева, Зімоўскі, «RockerJoker».
Вось тоўсты дзядзька з вертыкалі, кажуць, «полупокер».
Пайду… шукаць дарогу ды адказы на пытанні «Што? Дзе? Як?».
Я памалюся за сяброў ды… пачак пакладу ў плецак.

Студзень 2011 года, Гродна
(перад судом за «Марш Статкевіча» 16.12.10)

* * *

Было і будзе
Небасхіл
Падалей ад людскіх магіл
Дзе Бог зямлю расой амыў
Забрудзіць там ня змогуць людзі
…І часам траўню пагражае студзень
Калі каханых не забудзем –
Хай будзе!

31 сакавіка 2011 года, «амерыканка»

* * *

Зажывуць разадраныя рукі,
Усміхнецца вясёлкаю неба.
Смак салёны мядовай разлукі
Адчуваю ў бохане хлеба.
Берцы бою чакаюць на складзе,
Расцвітуць перавулкі сцягамі.
Не шукай супакою ў ладзе
Сёння з імі ты, заўтра – з намі!

Краты рэжуць блакіт небасхілу,
Пыл адчаю ў лёгкіх асядзе.
Рэшту кіне рука на магілу…
Хто каму?
Пажывём ды паглядзім!

Травень 2011 года, «валадарка»

* * *

Усе мінае –
Краты, шмоны, сутарэнні.
Нам застанецца
Гонар і сумленне,
Пах восеньскага лісця
І туман,
Усё астатняе –
Лухта, падман.
І ўсё адно мы вернемся,
Дасць Бог,
Пакласці кветкі
Маці на парог.

Травень – чэрвень 2011 года, «валадарка»

* * *

Лунае дзень, як сцяг,
Блакіт празрысты,
І не адбудзецца працяг –
Не спаліць лісця.
Агонь і попел скроняў не крануць,
А розум застанецца чыстым,
Усё паўторыцца ізноў,
Усё карысна.

Лета 2011 года, ПК-10, Наваполацк

* * *

Апоўдні ліпень прысыпае стружкай твары,
Драўніны пах, як добры ўспамін
Аб тым, што недзе мак цвіце крывавы,
А з коміна віецца шэры дым.

Там людзі любяцца, працуюць, нараджаюць –
Гадуецца ў мурашніку чарговы дзень.
Яго не ўсмокча д'ябалава джала,
Не скрые злых этапаў цень.

Праз ягазу ці шчыліны між кратаў
Мая літаратура кветкай прарасце.
Па полі мінным пройдзе зноў араты,
Каб хоць камусьці жыць было прасцей!

Лета 2011 года, ПК-10, Наваполацк

* * *

Схадзіў у лазню, напісаў лісты.
Чакаю, што пашле мне Неба:
Кавалак цэглы ці краюху хлеба –
Паліць масты ці не паліць масты.

Не веру прэзідэнту, веру Богу,
Не бачаць вочы, убачыла душа:
Пад небам сінім сцелецца шаша,
А мо ў сталоўку шэрая дарога...

Я лягу спаць, няма мяне, знікаю.
Маю свядомасць раніца туманам прынясе,
Змачыўшы ногі недзе па расе –
Там, дзе шаша сягае небакраю.

27 жніўня 2011 года, ПК-10, Наваполацк

* * *

Як хочаш жыць – шукай сабе прытулак.
Як хочаш быць – рабі ўсё, як раней.
Ты з вуліцы бяжыш у перавулак,
Агня шукаеш там, дзе менш агней.

Няма бяспекі ў тваёй кватэры,
А злодзей у пагонах слухае любы пяшчотны гук.
Ужо з надзеяй не глядзіш на дзверы
І ведаеш: не хопіць моцы рук...

Як зможаш – пакладзі жыццё на карту.
Як зможаш – запалі свячу ў вакне,
Хаця святла свячы той ты не варты,
А варты той, хто запаліў свячу на самым дне.

Лістапад 2011 года, Гродна

* * *

Сёння пасля абеду паэтам усім зойме мову,
Голас з рэчы каштоўнай станецца раптам нічым.
Бо сёння надыйдзе хмара і лішнімі стануцца словы
І адлятуць разам з лісцем у сонечную далячынь.

Дажджы не бываюць сляпымі, бо лёс ёсць заўжды відушчым,
І несправядлівасць у свеце не болей за ветру цень.
Усё нармавана адсоткам кузюрак, якіх мы трушчым,
Седзячы ў альтанцы, чакаючы перамен.

Травень 2012 года, Гродна

КАНДЫДАТУ

Паболей афіцэрскіх лычак партыяў,
Прамоваў з офісаў, вядомасці ў СМІ,
Каб палітолаг Мудакоў назваў вас вартымі,
Цікавымі і перспектыўнымі людзьмі.

Усё зглытне фэйсбук, сажрэ газета
Партрэт, праграму і бясконцыя нулі.
Кавалак восені, шматочак лета...
Рабілі як маглі – зрабілі, што змаглі.

Прайгралі... ці не выпіць нам за гэта?
Сцяг над сталом – хоць рукі выцірай...
Тым часам краты-рэбры рэжуць небакрай
Для тых, хто барацьбу абраў за мэту.

Лета – восень 2012 года, Гродна

* * *

Ці напішаш мне першая
Вершам,
А можа, прозай.
Ты можаш па-рознаму,
Ведаю,
Паклікаць мяне на сустрэчу,
Як цемра апусціцца вечарам.
Ведаеш, цемру –
Перамагаюць свечы!
Яны былі б сёння дарэчы
У нашым зямным раю...
«Ведаеш?» –
«Ведаю...»

Верасень 2012 года, Гродна

* * *

Не думай, што гэта лёгка –
Чуць, як грызуць знутры
Сэрца тваё і лёгкія
З вечара да зары.
Але перамога салодкая
Вуснамі зліжа мёд:
Залежы, поўнач, ходка,
Рэйкі, калючы дрот…
Задратаванае сэрца
Сыпле вуголлем вон.
«Буржуйкі прыкрыйце дзверцу,
Каб не спаліць вагон…»

***

Туман.
Ідзе ў Курапаты
Калона з кветак і сцягоў.
Інэрцыі сказаных слоў
Адпачываюць у кюветах:
Жыццё,
Вясна,
З крыніцаў кроў,
І лета.
У камеры цывільнага спынілася імгненне,
Мікрараён нянавісцю дрыжыць,
Прыметнікі, прыпынкі, гаражы...
А нехта хоча ўпасці на калені
Ад лені,
Бо
Залёгкія ў нас крыжы.

***

Самотна камяням брукоўкі,
Сплываючаму ў цемру снегу,
Сцяне, шэрай ад нецікавых людзей.
Горад спіць без падзей.

Арыён завіс над дворыкам
Ды вішняй са шпакоўнямі,
Дзівацтвам мастака.
На небе поўня,
У душы таска,
Агонь у вокнах.
Няўпэўнасць у сабе
Ды мабільным апаратары.
Чаканне на званок з кішэні,
Дзе руку грэюць пацеркі
Ды вулканічны каменчык:
Ты не адзін!
Пацярпі
Да вясны – пару гадзін.

* * *

Твой кожны дзень – праверка Веры і даверу.
Наколькі хопіць рук – ламіся ў дзверы,
Сарві замок,
Разбі партрэт,
Спалі паперы,
Бо звер, пусціўшы кулю ў скронь,
Запэцкае шпалеры,
Пачуўшы толькі твой рашучы крок –
Я веру!

* * *

Нязвыклая табе кватэра,
І холад б’е з-пад шыбаў шкла.
Раство – у стравах, на паперы,
У znічцы на краі стала,
У парку – там, наўпрост на лаўцы,
Спіць абмарожаным бамжом,
Сталёвым болем рэжа пальцы,
Калядным сніць астаннім сном.
У снезе, што прайшоў палямі,
У ветры, што лічыў да ста,
У літарах, палях ліста…

Драўляных лавах у вясковым храме,
Аблічча змучаным Хрыста.

***

Як снег спакволь лягае на брукоўку,
Так лёгка, калі побач Ты,
І белай робіцца ватоўка,
Ад літар чорнымі – лісты.

Вагоны мерзнуць – так, без толку,
І з праведніцай мы на «ты»,
А Ты ў нататнічку на золку
Лістоўкі пішаш – як лісты.

ЗА «ДРОТ»

– …За «Дрот».

– Хто?

– Не «хто», а «за што», – з націскам прамовіў акулярык, прыцягнуўшы ўвагу хлопца з газетай з-за суседняга століка. – Пацан адзін напісаў чухню поўную, аповед – «Дрот» называецца… Тыпу за нашу арганізацыю. Спускаць такое нельга – адназначна. Ён працуе на кантору, упэўнены…

Як усе аля-беларускія кавярні, падвальчык у Ракаўскім прадмесці быў нібыта нават утульным, але ненатуральным. Дакладней, небеларускім. Тут было ўсё: старыя прасы на вугалях, вясковая сячкарня, убудаваная ў барную стойку, дрэва, дрэва, дрэва… Драўляная цывілізацыя, як у Ластоўскага. Але разам з тым музыка з савецкіх фільмаў ды расейскамоўныя афіцыянткі ў абцягваючых форменных спадніцах. Трое хлопцаў пілі гарбату.

– А пра што там? – зацікавіўся субяседнік з адкрытым зазвычай ротам.

– Хер-р-рня поўная! Пра п’янкі там, пра бл…ва… Пра актывіста, тыпу… нашага. Фэйсбук, перапосты, там ужо каментаў пад 150…

– А чаму «Дрот»?

– Там напачатку за зону пара славаў… Але не сутнасць. Іншага гаўна хапае.

– Прыкольна, – сербануў з кубка юнак з разяўленым ротам. – Што рабіць будзем?..

Акулярык дастаў джынсавую сумку, адкуль выцягнуў асадку ды пару аркушыкаў – фірмовых, вынесеных калісьці з нейкага заходняга гатэля як дармавыя. На дне сумкі засталіся штодзённік, такое ж дармавое мыла, шампунь у пакеціку, пара аднаразавых пакуначкаў цукру з лагатыпамі віленскіх кавярняў і адзін са значком украінскай чыгункі. Акулярык распісаў асадку ды пачаў нешта выводзіць на белых кавалках паперы, хлопцы побач шмыгалі носам ды цягнулі гарбату.

«У природы нет плохой погоды…» – неслася з дынамікаў. Недалёка сядзела англамоўная група: чатыры мужчыны і адна дзяўчына.

– Прыгожая, хіба наша, перакладчыца, – скарыстаўшыся вольнай ад «справы» хвілінкай, заўважыў чарнявы юнак з прабітым вухам.

– Іхнія не такія класныя, – заўсміхаўся разява, глянуўшы спачатку на бландзінку з сабранымі валасамі, што сядзела да яго спінай, а пасля на акулярыка, які так і не падняў вачэй ад паперак.

– …І разумееш, – працягваў чарнявы, – яны ж, гэтыя шведы ці ангельцы, думаюць, што гэта – Беларусь, аўтэнтыка, ну, кавярня гэтая. Паглядзі на экран за барам – матрошкі, хахлама. Меню па-расейску. Ну і музыка, бля… – зглытнуў канчатак, – крыўдна!

Тым часам акулярык ужо нешта дапісаў і працягнуў паперу… спачатку чарняваму. Паперка папаўзла па стале далей, міма памятай сурвэткі, аднаразавай лыжачкі, меню ў скуранай вокладцы ды двух парваных пакецікаў ад цукру. За столікам запанавала ціша.

– Такія справы, браты… – нібыта падагульніў акулярык. І зноўку паўза.

– Прабачце! – зусім нечакана для сяброў кінуўся чарнявы да афіцыянткі, што праходзіла міма. – А чаму ў вас зубачысткі з аднаго канца зялёныя? Што, зялёнкай мажаце?

У такія моманты ягоны няголены твар захоўваў каменны выраз і толькі вочы іранічна паблісквалі не менш за срэбраную завушніцу.

– Ну, у нас они де-зин-фи-цированы, – не менш сур'ёзна адказала шатэнка ў эрзац-вышыванцы, але хутка знайшлася і з усмешкай дадала: – Если надо, могу спросить у администратора.

– Не, не трэба, – замест сябра адрэзаў акулярык, – рахунак прынясіце.

– …Э-э-э, что?

– Разлічыце нас.

– Угу, – матлянула галавой дзяўчына ды пакорліва пайшла да стойкі.

– Эх, з табой мы ніколі беларусізацыю не правядзём, – усміхнуўся чарнявы, падымаючыся з-за стала. – А дзе тут прыбіральня?

Акулярык зглытнуў ды падціснуў вусны, але глядзеў зусім не на свайго таварыша па «справе».

– Там за шафай такой вялікай, – замахаў рукамі разява, – направа… А над унітазам «Жыве Беларусь» напісана, прыкінь?

– Прыкіну, дзякуй.

– Эта, а хто… – прыхіліўся і шэптам ужо даволі занепакоена запытаўся разява ў суседа з джынсавай сумкай на каленях.

– Зараз, Пірсінг ве-е-ернецца… – нібыта абыякава да ўсяго прамовіў акулярык, адкінуўшыся на разную сядушку. – …Будзем зубачысткі цягнуць!

Упершыню за ўвесь вечар вусны «правадыра» расплыліся ва ўсмешцы, а вочы сутыкнуліся з вачыма сябра. Той ажно закрыў рот: выцвілыя шэра-блакітныя зеркі глядзелі не толькі скрозь шкельцы, але і скрозь яго, скрозь шведскую кампанію за суседнім столікам, скрозь прыбіральню з надпісам «Жыве Беларусь» ды фанацкімі налепкамі на люстэрка з расколінай, мажліва, нават скрозь час і прастору…

Хуткім адпрацаваным рухам яшчэ адзін нявыкарыстаны пакецік з цукрам зваліўся на дно джынсавай сумкі.

* * *

Jendrus: у нас залева на тыдні была. Цяпер халодна
Nata: у ваве таксама. Імжыць
Jendrus: ага. Ім жыць, А нам?..))
Nata: А вам – залева))

Хударлявы хлопец з раннімі залысінамі ды парай сівых валасоў на скронях пасміхнуўся ўголас. Паходжанне ягоных сівых валасоў было для ўсіх таямніцай – школа, офісы НДА, вучоба за мяжой. Усё неяк роўна, без напругі. Ці то схаваныя стрэсы далі ведаць аб сабе, ці то гены, а мо і пячатка злога лёсу…

Jendrus: Давай, буські…

Трэ было развітвацца ў скайпе ды сыходзіць, а прывабная і спакусная для ўсёй рэдакцыі «Незалежнага Радыё» Nata на апошнюю рэпліку як назло нічога не адказвала… Не ў першы раз. Ён жа ёй і кніжку сваю дарыў з аўтографам, і цукеркі ў дадатак.

Нічога. Наперадзе сустрэча ў кавярні са старой знаёмай, яшчэ па колішніх журналісцкіх семінарах – рудой і таму жыццярадаснай Ганкай. Тут можна было ўключыць фантазію – стала крыху лягчэй…

Малады перспектыўны журналіст Андрусь Павіевіч прыязджаў дахаты прыкладна адзін раз на месяц: праца чакала ў Варшаве, перад гэтым была вучоба ў Познані, сябры па ўсёй Польшчы. Тут, у дажджлівай дэпрэсіўнай Беларусі можна было час-почас сустракацца са старымі сяброўкамі ды сябрамі, набірацца натхнення для пастоў у блогу, рабіць здымкі паўпрафесійным здымачом.

«Take me high, take me high, my airplane…» – паспеў яшчэ праспяваць Вакарчук з нэт-бука… «Хлоп!» – адным рухам агрэгат быў пераведзены ў спячы рэжым. Трэба спяшацца. На стале, як заўсёды, недапітая кава, пара падручнікаў польскай мовы яшчэ з вучобы, Хадановіч ды Кустава ў мяккіх вокладках (з аўтографамі, вядома), вільготныя сурвэткі, прахадное пасведчанне ў пазнанскае сужывецтва, асадка, падпісаныя паштоўкі з відамі касцёлаў, польская драбяза…

«Бух! Чык-чрык!» – жалезныя дзверы зачыненыя. «Сапраўды, імжыць – ім жыць – добрая ідэя, трэба неяк выкарыстаць…» – круцілася ў галаве блогера. Ліфт сёння не працаваў…

«М-м-м-м-м», – заварушылася нешта ў кішэні пухавіка.

«Курдэ!» – схаваўшы ключы на карабіне «Незалежнага Радыё», Павіевіч палез па мабільнік.

Дзявочы голас са слухаўкі цікавіўся наконт нашумелага апавядання «Дрот» у інтэрнэт-версіі «Народнай Нівы» і патрабаваў каментара з першых вуснаў: аповед атрымаў шырокі рэзананс у чытачоў.

Некаторыя Андрусёвы тэксты сапраўды карысталіся надзвычайнай папулярнасцю. Асабліва тыя, дзе нехта камусьці «даваў» на паедзеным шашалем падаконніку вясковай хаты або забіваў касякі з падручнікаў Абэцэдарскага ў будынку правінцыйнай школы… Павіевіч «ставіў дыягназы», «агольваў праўду», збіраў на сайтах каментары, нібыта ў дзяцінстве чарніцы каля роднай вёскі ў Лунінецкім раёне.

Правінцыйную тэму ён ведаў як ніхто з маладых аўтараў.

Апошняе апавяданне выклікала фурор: нехта яго ўхваляў, нехта паспяшаўся назваць аўтара чэкістам альбо наўпрост сугучным назве твора тэрмінам. Мала каго тэкст пакінуў абыякавым.

Трэ было нешта адказваць, шпарка збягаючы па прыступках:

«Мой “Дрот” – рэзанансное наватарскае апавяданне, так, прынамсі, адрэагавалі крытыкі…

Дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык – затупалі ашанаўскія кеды па сходах.

…Табуяваных тэм у свабоднай краіне, на маю думку, быць НЕ МОЖА!..

Дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык.

…Ну, а інтэрнэт-тролі, яны ж на тое і тролі. Грамадства ў нас такое…

Дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык.

…Таталітарнае мысленне, самі разумееце…

Дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык.

…Твор адбыўся, таму… нельга сказаць, што я шкадую…

Дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык-дык.

Дзякуй вам! – і падумаўшы роўна імгненне, задаволена дадаў: – …Да сустрэчы!».

Скончыўся апошні лесвічны пралёт з выцвілымі зуброўскімі налепкамі з 2001 года над смеццеправодам, абсмаленай пімпай ліфта ды маркерам запісаным крыху вышэй тэлефонам.

«Chyba że jest zajebista…» – аўтаматычна ўзгадалася Павіевічу. Ён быў задаволены сабой, непрыемны асадак ад размовы ў скайпе амаль знік.

…Каля выхаду з пад'езду тусіў нейкі гопнік з насунутай на вочы шапкай. Твар журналіста зноўку стаў сур'ёзным, глянуўшы раз, Павіевіч адразу апусціў вочы.

«Хіба з сябрамі тут на суткі кватэру здымаюць пабухаць… Дожылі, нават не ведаем сваіх суседзяў – нехта памёр, нехта здае на суткі. Такім вось… Як тут можна жыць?..»

«Фух!» – характэрна адгукнуўся на ўдар варшаўскі пухавік. «Фух, фух!» – яшчэ двойчы. Андрусь прытуліўся да сцяны, нібыта шукаючы падтрымкі ў прыгажуні з дошкі аб'яў, якая прапаноўвае перацягнуць канапу за палову леташняга кошту. Павіевіч са здзіўленнем для сябе не крычаў, але скуголіў, па твары пакаціліся слёзы.

Загрукацела па бруднай плітцы адкінутая ўбок заточаная адкрутка.

«П-лам!» – зачыніліся дагэтуль падпёртыя кавалкам сілікатнай цэглы дзверы дамафона.

У святле пакаселага над пад'ездам ліхтара йшоў ледзь бачны снег.

* * *

– Разрешите.

– Заходи, – не адрываючыся ад камп'ютара, нізкім голасам запрасіў палкоўнік. – Что скажешь?

– …СМИ подают как убийство, «Хартия», «Партизан» – в один голос. Пишут: «Рука КГБ»… и прочее. Он же сам – писака, ну и на «Независимом Радио» работал в последнее время…

– Угу, – сівы палкоўнік падняўся з крэсла ды накіраваўся да падаконніка.

– Есть информация о причастности активистов «Молодого патриота». Данные такого характера мы получили только сейчас, поэтому… предотвратить не смогли. Скорее всего они думали, что журналист… наш агент.

– Почему?

– Журналист этот написал рассказ – там о их организации нелестно, скажем так… За «Дрот», получается отомстили...

– Кто задрот?

– Ну, рассказ так называется, Александр Олегович. «Дрот» – колючая проволока по-бела…

– А-а-а.

– Во-от… Подумали, что текст заказной, и пошли на такие меры… Нетипичные. Две группы готовы выехать по адресам, мобильники у подозреваемых включены…

Палкоўнік моўчкі адпіў зялёнай гарбаты з кубка з выявай чаплі – пад стыль японскіх гравюраў XVIII ст. Унізе бясшумна рухаўся праспект Незалежнасці, людзі стаялі на святлафорах альбо ішлі па справах, ніяк не звязаных з пытаннямі дзяржаўнай бяспекі (прынамсі, ім так падавалася). Трафейны нямецкі гадзіннік са «сталінкі» насупраць паказваў дзесяць хвілін на адзінаццатую. «Как в рекламе», – прыгадаў палкоўнік.

– Ты зае…л, у нас либерализация на носу. Сегодня встреча папского нунция на высшем уровне. Не поверит же никто. Обождать надо… – палкоўнік паставіў кубак на падаконнік. – Вопросы?

– Никак нет.

– Иди.

Дзверы зачыніліся, сівы палкоўнік застаўся сам-насам з дубовым лакіраваным гербам камітэта на сцяне, парай нікім не чытаных падораных кніжак на паліцы – біяграфіі чэкістаў ды юбілейныя выданні, якія пасля пераедуць на дачу або апынуцца ў сметніцы, камп'ютарам з уключаным пасьянсам «Павук». Свінцовыя хмары над сталіцай абяцалі ўсё пакінуць на сваіх месцах яшчэ год на 150… Было халодна, але без снегу.

«Задроты, б…ть. Ну почему именно сейчас?..»

Выпадак не адпавядаў логіцы палкоўніка, не ўкладаўся ў план.

Палкоўнік яшчэ раз, нібыта развітваючыся, агледзеў велічны кабінет у стылі ампір.

Экран камп’ютара, на якім былі раскладзеныя каралі, валеты, шасцёркі, незаўважна згас.

11 лістапада 2012 года, Гродна – Мінск

ТРЫ ГІСТОРЫІ З НЯМЕЦКАЙ ТУРМЫ

Каго толькі ні сустрэнеш на закратным шляху: алкаголікі, наркаманы, аліментшчыкі, бізнесмены… Людзі збольшага выпадковыя. Трапляюцца, аднак, тыя, для каго турма – частка жыцця, часам нават галоўная. За плячыма ў такім выпадку могуць быць не толькі беларускія засценкі, але і турмы іншых краін – зазвычай еўрапейскіх. Ніжэйпададзеныя гісторыі я пачуў ад выпадковага знаёмага, які, перад тым як трапіць у беларускую вязніцу, ужо адседзеў у Польшчы і Германіі.

Турма ў Дзюсельдорфе.

Аповеды датычаць 1990-х, таму шмат што ў іх страціла актуальнасць. Пры гэтым асобныя моманты могуць падацца цікавымі як знаёмаму, так і не знаёмаму з беларускай пенітэнцыярнай сістэмай чытачу. Далейшы аповед ідзе ад першай асобы.

«Für lieben Uwe»

Падчас маёй адсідкі ў Дзюсельдорфе адзін немец неяк паказаў нядаўна дасланае фота сваёй жонкі. Разгляд фота – звычайная справа, папярэдне, як бывае, размова ішла акурат пра жонак. На фота – маладая жанчына, троху разваліўшыся, сядзіць на непрыбраным ложку. На ёй на хуткую руку

накінуты халат, валасы непрычасаныя. Ззаду надпіс: «Für lieben Uwe». Не ведаю, можа, і нармальна адсылаць такія фота, але я б прынамсі не паказваў іх іншым.

– Слухай, Увэ, а хто яе фатаграфаваў?

– …

Немец не адразу нават зразумеў, пра што я. Некалькі наступных дзён мой суразмоўца не паказваўся. Толькі схадзіўшы на кароткае спатканне, ён зноўку знайшоў мяне і паведаміў, што разыходзіцца з жонкай.

– Аказваецца, фота зрабіў мой стары сябар, пасля таго як…

Пасля Увэ яшчэ доўга жартаваў: «Не паказвайце рускаму сямейных фота! Жыў бы сабе спакойна, каб не паказаў… Адзін негатыў ад гэтых рускіх!»

Албанец

Албанцы мне вельмі нагадваюць прадстаўнікоў малалікіх каўказскіх народаў – найперш ганарлівасцю, ваяўнічасцю. Я не супраць, проста ў іх выпадку гэта спалучаецца з нізкім узроўнем адукацыі. Нават людзей, па-сапраўднаму цікавых, я сярод албанцаў не сустракаў. Нездарма яны, як і чаркесы, заўсёды служылі наймітамі падчас канфліктаў на кантыненце.

Я табе ўжо расказваў пра немца, які працаваў у ахоўным агенцтве, у тым ліку нёс варту на ўваходзе да дыскатэк і клубаў. Папярэдне іх падрабязна інструктавалі: пускаць не больш за трох-чатырох неграў, арабаў – толькі адэкватнага выгляду, туркаў – толькі без залатых упрыгожанняў (прыкмета «пантоў» і патэнцыйнай агрэсіі). Што да албанцаў, дык у сур’ёзныя ўстановы іх забаранялася пускаць у прынцыпе.

– Але як вы іх адрозніваеце? Шмат албанцаў маюць светлыя валасы і блакітныя вочы, – запярэчыў я.

– Галоўная прыкмета – прыадкрыты рот, – усміхнуўся хлопец.

Пасля гэтай размовы я пачаў адрозніваць албанцаў беспамылкова. Характэрна, што ў нас адкрытая «пашча» звычай асацыіруецца з разгубленасцю, тупасцю, але ў албан-

цаў фізіяноміі ў гэты момант злыя ды нахабныя. Дзівоснае спалучэнне!

Я вырас на поўдні Расіі, таму шмат разоў бачыў агрэсію як нацыянальную асаблівасць, але албанцы пераўзышлі ўсіх. Уяві сабе: 23-гадовы хлопец разам з дзяўчынай-немкай спрабуе прайсці ў начны клуб. Ахова пускае толькі дзяўчыну, а яго не, маюць права – прыватная ўстанова, прычын могуць не тлумачыць. Хлопец кідаецца ў бойку, але дзе там: ахова – здаровыя дзецюкі. Выкінулі яго, паліцыі не выклікалі, на сваю бяду… Хлопец гэты, дзіця гор, спяшаецца дахаты, бярэ помпавае ружжо, набоі, вяртаецца да клуба і… расстрэльвае ахову: два трупы, адзін інвалід, цудам застаўся жывы.

Хлопца злавілі, далі пажыццёвае… Я сядзеў з ім і, канечне, запытаўся:

– На якую халеру ты гэта зрабіў? Цяпер табе адсюль ніколі не выйсці!

На момант майго знаёмства гэты хлопец паспеў ужо адседзець гады тры, падумаць пра тое, што адбылося. Яго адказ быў больш чым грунтоўным. А сказаў ён мне так:

– Ніякая гніда не можа абразіць мяне беспакарана, я зрабіў усё правільна. Зараз кожны будзе думаць, перад тым як дачапіцца да албанца. Дзякуючы мне больш немцаў застанецца жывымі!..

На ўсялякі выпадак я перапытаў наконт стаўлення яго сям'і і пра тое, ці адэкватная гэта была помста. Ведаеш, што ён сказаў? Ён сказаў:

– У маім родным сяле мной ганарацца, а маім імем называюць дзяцей. Наконт адэкватнасці я не паруся: такая мярзота не мае права жыць.

Такія вось норавы. У нямецкіх турмах албанцы наогул сядзяць канфліктна, складана з імі. Але ж немцы майстры прыняцця мер: пасля першага ж мардабою садзяць у «адзіночкі».

Курдскі сцяг і нямецкая юстыцыя

Пасля суда мяне накіравалі ў турму ў горадзе Верль. Яна для вязняў, што здзейснілі асабліва цяжкія злачынствы, але,

як заўжды ў «іншым свеце», умовы ў такой турме нашмат лепшыя, чым там, дзе сядзяць «легкавагавікі». На кожным паверсе ёсць кухня з добрым посудам ды інш. Шмат хто тут мае пажыццёвае (яны ўтрымліваюцца разам з усімі), таму абжываецца па максімуме.

Адна з асаблівасцей вялікіх турмаў – выданне ўнутранага часопіса. Пішуць туды, ясна, зэкі. Рэдактар – таксама зэк. Інфармацыя самая розная: ад жыццёвых гісторый, умоў у іншых турмах да… кулінарных рэцэптаў.

Дык вось, прыходзіць да мяне неяк рэдактар Крыстаф і расказвае гісторыю пра нядаўна прывезенага сюды курда, які быў сябром КПП – Курдскай працоўнай партыі – у Германіі. Сеў ён за тэрарызм, ягоная партыя гэта часам практыкуе… Падчас першага «шмону» па заездзе ў ягоных рэчах знайшлі сцяг КПП (гэтая сімволіка не была тады забароненай). Але сцяг прапускаць усё адно не хацелі: знайшлося нейкае правіла, згодна з якім сцяг пры сабе трымаць можна, але пэўных памераў. Сцяг курда перавышаў стандарт шырыні на 15 см: супрацоўнікі турмы прапанавалі ўладальніку альбо адрэзаць «непатрэбнае», альбо пакінуць рэліквію на складзе… Канечне, курд абраў апошняе.

Крыстаф, ясная справа, напісаў пра гэта ў сваім часопісе: «Вось яна, бюракратыя, нічым яе не ўзяць…» Перад друкам макет часопіса чытае дырэктар турмы, каб не было парнаграфіі альбо чаго забароненага. Але гэта не цэнзура! Яе ў краіне няма. Дырэктар, значыцца, прачытаў, пагадзіўся, але зацемку пра сцяг загадаў прыбраць. Крыстаф пачаў абурацца, але штомесячны часопіс так і не выйшаў…

– Чым магу дапамагчы? – пацікавіўся я, уважліва даслухаўшы аповед.

– Ты ж ведаеш, у турме ёсць каналы на розных мовах, – здалёк пачаў Крыстаф, – на арабскай, італьянскай… А вось расійскага няма – хоць ты «рускі» (няхай і адзіны на той момант у турме). Адміністрацыя парушае тваё законнае права на інфармацыю…

– Чакай, я ведаю нямецкую. Мне болей не трэба, дый не цікава, пра што маскалі брэшуць…

– Ты не разумееш: выпадак пра сцяг курда будзе разбіраць суд, бо часопіс зарэгістраваны як грамадскі орган дру-

ку, цэнзура ў ім недапушчальная. Ад цябе патрабуецца толькі пацвердзіць, што і цябе прыціскае адміністрацыя па нацыянальнай прыкмеце.

Я даў згоду з умовай, што ў якасці пацярпелага нідзе ніколі выступаць не буду, ды і падпісваць таксама нічога не буду. Прычыны гэтага я доўга тлумачыў Крыстафу, але ён да канца іх так і не зразумеў… («Паняццяў» у нашым разуменні ў іх турмах не існуе).

Скончылася ўсё тым, што суд прызнаў рацыю рэдактара часопіса. Зацемка пра сцяг была надрукаваная з апісаннем усёй гісторыі. Цікава, што пасля суда ўдзельнікі разбіральніцтва не трапілі пад рэпрэсіі з боку адміністрацыі. Іх дзяржслужбоўцам, канечне, уласцівая дробязная помслівасць, але выглядае яна зусім інакш. Раскажу іншым разам…

МОВА ЯК ПРЫНЦЫП: У СЯМ’І, НА ВУЛІЦЫ, У ЗОНЕ

Упершыню мне стала сорамна за няведанне мовы ў 12 гадоў.

У 2001-м, падчас акцыі са знічкамі на Савецкай вуліцы ў Гродне, на «Дзяды». Тады я прыйшоў з маці, трымаючы ў руках паўлітровы слоік з агеньчыкам унутры. Нейкі студэнт побач не быў такім абачлівым і ягоная свечка на вятрыску ўвесь час гасла. Кожнага разу ён прасіў запаліць яе ў мяне. Прасіў па-беларуску. Я гугніва спрабаваў яму нешта адказаць, але нічога не выходзіла. У школе ж нас вучылі арфаграфічным правілам, але не вучылі размаўляць па-беларуску.

У першым гродзенскім ліцэі ў 2005-м ад пачатку мы з парай хлопцаў нават дамаўляліся на перапынках размаўляць выключна па-беларуску.

Гэта быў больш пафасна-дэманстратыўны крок, як, напрыклад, стоячы з рукой на сэрцы, слухаць «Пагоню» Багдановіча на занятках беларускай літаратуры. Зразумела, надоўга нас не хапіла…

Першых прынцыпова-беларускамоўных аднагодкаў я пабачыў толькі на гродзенскім гістфаку.

Хлопец і дзяўчына, двое на ўвесь курс, якія стойка трымаліся сваёй пазіцыі. Тады яны мяне нават злавалі, як злавала «апазіцыя», Беларусь, беларусы наогул і я сам, што даволі заканамерна ў 18 год.

Толькі пасля прыйшло ўсведамленне, што іншай краіны не будзе, а з гэтай трэба нешта рабіць, калі ўжо давялося ў ёй нарадзіцца. Пачынаючы, вядома, з сябе.

Ланцужок насамрэч просты: спачатку ты чытаеш ці слухаеш па-беларуску, пасля спяваеш, час-почас пішаш (калі спатрэбіцца), адказваеш беларускамоўным знаёмым на іх мове… Калі такіх знаёмых шмат – ты ўжо вымушаны падзяліць сваю моўную прастору на дзве часткі.

Далей – самае цяжкае: пачаць размаўляць у хаце, з роднымі.

Калі цябе выгналі з універа і ты раздзяўбай без працы ды яшчэ з дзіркай на джынсах, ясная справа, беларуская мова, як і што-кольвек, зыходзячае з тваіх вуснаў, будзе ўспрымацца крытычна. Таму варта мець больш-менш «роўныя» адносіны з блізкімі, прынамсі плаціць за кватэру, калі хочаш без праблем размаўляць за сталом у сямейным коле.

Калі выпрабаванне сям'ёй пройдзенае, рэшта ўжо будзе неістотнай: знаёмыя, мянты, мілыя цётухны на касах з адвечнымі пытаннямі: «Что-что? А-а-а, сахар. Как интересно, по-белорусски разговариваете…». Гэта ўжо справа прынцыпу і звычкі.

Тое самае з беларускай мовай «у ложку». Варта толькі пачаць. Зрэшты, там гэта і не галоўнае…

Беларуская мова на зоне – з'ява рэдкая, таму яе трэба адстойваць.

З досведу скажу, што каўказцы ці сярэднеазіяты лепш ставіліся да нашай мовы, чым прадстаўнікі «трох братніх народаў».

Кінуць размаўляць, аднак, немагчыма: такая рэч была б успрынята як слабасць.

Часам мова – добрая нагода пасмяяцца ды падсадзіць адміністрацыю «на каня»: так, у «амерыканцы» адзін прапар

неяк выпаліў падчас праверкі: «Какой “шпацыр”?! Мы что, по-польски с вами разговариваем?! Нет такого слова в словаре, я лично проверял! Давайте уважать родную белорусскую речь… “Шпацыр”, б…ть!..» – апошнюю фразу кінуў, ужо схаваўшыся за дзвярыма.

Для мяне як верніка пэўны час стаяла пытанне мовы ў Бібліі, штодзённай малітве.

Ведаю, што некаторыя беларускамоўныя пратэстанты, напрыклад, маўчаць, калі царква спявае гімны па-расейску альбо індывідуальна дублююць тую ж песню па-беларуску, калі ёсць пераклад. Як уніяту мне прасцей: у грэка-каталіцкай царкве літургія, тэксты малітваў, духоўная літаратура – усё па-беларуску.

Па маім перакананні, не варта накідвацца на знаёмых з пытаннем: «А чаму ты па-расейску размаўляеш?»

Большасць «фрыкаў», якія лезуць да вас з такімі папрокамі, маглі б атрымліваць штомесяц талоны на малако ад «камітэта» за дыскрэдытацыю беларускай мовы. Людзям патрэбен прыклад, а не папрокі.

На маю думку поўная беларусізацыя прыйдзе толькі зверху і толькі пасля змены рэжыму. Пакуль жа мова прасоўваецца як сродак зносінаў андэграўнду, «нелегальнай» Беларусі.

Напрыклад, расейскамоўныя заўзятары, як «правыя», так і «левыя», зараз абклейваюць гарады беларускамоўнай агіткай сваіх клубаў.

Тое, на чым раней спецыялізаваўся Малады фронт, зараз робяць яны – апаноўваюць беларускую вуліцу і робяць яе «беларускай».

Асабіста мне такія тэндэнцыі толькі дадаюць аптымізму.

ПАЎЛУ ВІНАГРАДАВУ

Героям не спіцца за кратамі,
Мрояць яны свабоду,
Не злічаную каратамі
Ані маткамі дроту.
Сволач на гульбішчы цешыцца,
Мочаць упарта сумленне,
Зоркі ў гарэлцы плешчуцца,
Быццам у глебу насенне…
Героям не спіцца пад зоркаю,
Што чырванню ззяе з-за кратаў,
Дзе пахне мачой, хлоркаю
Ды сечкай з «Валгаграду».

СВЯТЛО НА ДНЕ

Маўклівыя серады

За стойкаю бара драўлянаю
Хвіліны лічыць зручней
Да нашае акцыі цьмянае,
Якой павядзём мы рэй,
Да акцыі нашай бяззубае,
Якая цалуе ўзасос,
Бяз зброі і лаянкі грубае,
Яна патрабуе: «ШОС!»
Да акцыі нашай карціннае,
Якая збярэ зноў мянтоў,
Бо робіцца страшнае, дзіўнае –
Без партыяў, мітынгаў, слоў…

Верасень 2011 года, Гродна

ВЯСНА. АНТАЛІЯ. ВЯЛІКДЗЕНЬ

Філасофія турэмнага дворыка

«...Вер, і ўсё будзе добра».

Яснае неба. Яснае, сіняе закратаванае неба. У сонечных промнях на сетцы вецер гойдае павуцінне і дробнае пер'е. Зусім як у верасні. Усё ж такі вясна і восень падобныя, як брат і сястра, як напалову пустая і напалову поўная бутэлька, як толькі што засеянае і толькі што выбранае поле, закіданае, быццам лушпінкамі сланечніка, чорнымі крумкачамі.

Праз усё неба – таўсценны след ад самалёта: ён плыве, а дакладней, вецер зносіць яго кудысьці за дамы, за гарызонт, у бок праспекта Незалежнасці. «На Анталію», – камусьці хочацца верыць і быць хоць у нечым саўдзельнікам гэтага палёту: хаця б ідэнтыфікаваць яго для тутэйшай публікі, выпадковых знаёмых, у кожнага з якіх ёсць свая «Анталія», няхай і ў выглядзе лецішча на беразе Нёмана, шмат больш жаданага і чаканага за які-кольвек турэцкі курорт.

Пралятае крумкач. За ім – белая галубка (двух рамантычных галубоў акурат вышкрабла чыясьці рука на металічных дзвярах дворыка).

Рымскія жрацы-аўгуры калісьці ўмелі гадаць па палёце ў птушак. Мажліва, яны ў суседнім дворыку. Тут ёсць мясцовая прыкмета – асоба, «абгаджаная» птушкамі ў дворыку, выпускаецца ў той жа дзень. Верагоднасць: прыблізна два з трох. Як правіла, трэцяя асоба перастае верыць у прыкметы... Тоўстую паласу ад самалёта «на Анталію» перасякае тонкая ад толькі што прайшоўшага новага маршрута. У выніку атрымліваецца ўсім зразумелы хрысціянскі сімвал – усё ж такі хутка Вялікдзень... Тлумачыць сэнс «знамення» нікому не трэба, акрамя разгубленых аўгураў з суседняга дворыка. Але праз пару хвілін і яны супакояцца, бо тлумачэнне простае: «Усё будзе добра», а дакладней: «Вер, і ўсё будзе добра!».

Высокая цагляная сцяна патанула ў сонечным святле. На ёй бултыхаюцца цені ад выпадковых рэчаў, вецер падхоплівае канвульсіі, але хутка адліў, і шэрая сцяна зноўку стане

шэрай, патанулыя прадметы знікнуць да раніцы і нават вецер не зможа іх да часу ўваскрасіць.

Між іншым, «футра», якое апранае мур, хавае ў сабе безліч малюнкаў і камбінацыяў: вось профіль сабачай галавы з гузікам-вокам, вось абрысы таемных кантынентаў, за мажлівасць існавання якіх ваююць вясёлыя ілжэвучоныя з сумнымі – ад афіцыйнай навукі, а вось характэрны востры каменьчык, на які я павешу сваю куртку – хай таксама адпачне!.. Быццам выбоіны ад стрэлаў – чорныя плямы: нехта тушыў свой «бычок», супакойваючы нервы. У шчылінах на бетоннай падлозе перазімавалі рэшткі дубовага лісця, нават яны могуць усцешыць позірк – адарваныя, спарахнелыя, знявечаныя сцюжай кавалачкі жыцця на шэрым абыякава-халодным тле…

Людзі рухаюцца альбо па коле, альбо ў разнабой, па прыкладуківача. Калі ўявіць, што дворык – гэта галава, а людзі – думкі ў ёй, то такі «броўнаўскі рух» акурат адпавядае руху думак у галаве вязня тут – ледзь не ў адзіным месцы, дзе ён можа пабыць сам-насам з уласнымі думкамі. Пра што? Вядома ж, пра вясну, Анталію і… Вялікдзень!

20 красавіка 2011 года,
СІЗА КДБ, «амерыканка»

ВАСІЛЬ ЛЯВОНАЎ / ВАСИЛИЙ ЛЕОНОВ / VASIL LIAVONAU

Нарадзіўся 16 красавіка 1938 года ў вёсцы Дубінец Касцюковіцкага раёна Магілёўскай вобласці.

Скончыў Беларускі інстытут механізацыі сельскай гаспадаркі.

Дзяржаўны і палітычны дзеяч.

Працаваў дырэктарам саўгаса, намеснікам старшыні Магілёўскага аблвыканкама, сакратаром і першым сакратаром Магілёўскага абкама Камуністычнай партыі Савецкага Саюза, міністрам сельскай гаспадаркі і харчавання Беларусі (1994–1997).

Абіраўся дэпутатам Вярхоўнага Савета Беларусі (1990–1994).

Быў арыштаваны 11 лістапада 1997 года ва ўласным кабінеце ў Міністэрстве па абвінавачванні ў падрыхтоўцы забойства кіраўніка службы кантролю прэзідэнта па Магілёўскай вобласці Яўгена Мікалуцкага. Арышт адбываўся ў прысутнасці тэлевізійных камер.

Публічна абвінавачваўся прэзідэнтам у шэрагу злоўжыванняў, аднак на судзе Лявонаву інкрымініравалася хабарніцтва ў памеры менш за 2 тыс. долараў, што пацверджвалася паказаннямі толькі аднаго чалавека.

Ужо напярэдадні суда звярнуўся з адкрытым лістом да Аляксандра Лукашэнкі, у якім заявіў, што лічыць будучы працэс палітычна матываваным, а ягоны вынік – звядзеннем асабістых рахункаў кіраўніка дзяржавы.

14 студзеня 2000 года быў асуджаны на 4 гады зняволення. Вызвалены 5 кастрычніка 2000 года па амністыі.

Аўтар мемуарнай кнігі «Работа над ошибками» (2003). Са згоды аўтара мы друкуем першую частку гэтай кнігі з нязначнымі скарочаннямі.

He was born on April 16, 1938 in the village of Dubinets of Kostyukovichi district, Mogilev region.

He graduated from the Belarusian Institute of Agricultural Mechanization.

Vasil is a public and political figure.

He worked as director of a collective farm, Deputy Chairman of the Mogilev Regional Executive Committee, Secretary and First Secretary of the Mogilev Regional Committee of the Communist Party of the Soviet Union, Minister of Agriculture and Food of Belarus (1994–1997).

He was elected a deputy of the Supreme Soviet of Belarus (1990–1994).

He was arrested on November 11, 1997 in his office at the Ministry on charges of planning the murder of the head of the Mogilev region presidential control Yauheny Mikalutski. The arrest took place in front of television cameras.

The President publicly accused him of a number of abuses, but in court Liavonau was charged with a bribery of less than two thousand dollars, according to the testimony given by only one person.

On the eve of the trial, he wrote an open letter to Alexander Lukashenko, in which he stated that he considered the case to be politically motivated and its result – the settling of personal accounts of the head of state.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Впервые Александра Лукашенко я увидел в конце 1979 года. Тогда работал в Могилеве секретарем обкома партии по сельскому хозяйству. Шло совещание в Шклове, и первый секретарь райкома Вера Феофановна Костенко подвела ко мне Лукашенко, молодого еще, но уже прилично лысеющего, и представила: дескать, вот он хочет быть председателем колхоза.

Во все времена не так просто было найти толкового председателя колхоза, особенно в районах, где не умели работать с кадрами. В Шкловском райкоме сложилась типичная по тем временам обстановка: в сейфе у секретаря райкома лежало несколько заявлений руководителей хозяйств с просьбой об освобождении от должности, но заменять вознамерившихся уйти было некем. И Лукашенко ко мне подвели для смотрин, а вдруг подойдет? После короткой беседы я спросил у претендента: «А кто вы по специальности?» – «Учитель». – «А почему не хотите работать в своей сфере, по профессии?» – «Я родился в деревне и хочу руководить хозяйством». – «Тогда Вам нужно закончить сельхозинститут и получить специальное образование. А пока я не вижу необходимости человека, никак не связанного с сельским хозяйством, ставить сразу руководителем».

К тому времени, казалось, навсегда канула в лету послевоенная эпоха руководителей-универсалов, когда вчера кто-то руководил коммунхозом, сегодня – культурой, завтра – народным образованием, послезавтра – колхозом или совхозом. Во всех сферах уже требовались профессионалы. Лукашенко через четырнадцать лет реанимирует эту систему, и на республиканском уровне банковской системой начнет руководить строитель, культурой и медициной – отставной полковник, прокуратуру возглавит человек без юридического образования, литературно-художественные издания – зацикленный на старине местечковый преподаватель, Академию наук – ординарный чиновник и т.д. А тогда Лукашенко, видимо, понял и сказал: «Хорошо, я буду учить-

ся». Приблизительно через полгода та же Вера Феофановна сообщила мне, что он действительно поступил в Горецкую сельхозакадемию на заочное отделение. Через три года у него уже был диплом специалиста, и с учетом настойчивых просьб и Шкловского райкома партии, и, прежде всего, Лукашенко, его определили в пригородный колхоз имени Ленина на должность заместителя председателя колхоза – секретаря парткома.

Было заведено: прежде чем кого-то рекомендовать руководителем хозяйства, необходимо было основательно изучить его в деле. Попав в резерв кадров, Лукашенко находился в поле зрения сельхозотдела обкома партии. Бывая в Шкловском районе, старались встретиться, побеседовать с ним. Я общался с ним несколько раз во время его работы заместителем председателя колхоза. В то время в области мы применяли и такой метод: когда уже приходили к выводу, что человек годится на самостоятельную работу, предлагалось руководителю хозяйства уйти в отпуск в самый горячий момент. Для некоторых, прямо скажем, это было неестественное предложение: как это так – бросить все в разгар работ и уйти отдыхать?! Но мы могли за это время приглядеться, как соискатель на руководящий пост справляется с работой в напряженный период. И здесь председатель колхоза изумился, узнав, что ему не просто предлагают уйти в отпуск, а еще и путевку дают, но подчинился.

А. Лукашенко остался руководить колхозом. Я хорошо помню, что он проходил аттестацию не на организации уборки, а на предмет низкой продуктивности дойного стада. Не хочу сказать, что он плохо разбирался в вопросах, – обстановкой в колхозе он владел. Я вернулся в Могилев и доложил: можно попробовать. И тогда было принято решение: послать коммуниста Лукашенко директором, пожалуй, самого отстающего в Шклове совхоза. Отстающего, поскольку там, где дела идут хорошо и руководитель справляется, его не меняют. Никто и не собирался предлагать Лукашенко хорошее, передовое хозяйство – даже если бы вдруг кого-то забрали на повышение и освободилась вакансия. У меня всегда была настороженность: если человек просится на должность,

сначала проверь, на что он способен. Вот и в данном случае: просишься – испробуй на отстающем участке.

В республике сложилась особая система работы с отстающими хозяйствами. Они были на контроле не только у руководителей области, но и у республиканского руководства. «Городец» традиционно считался «лежачим» совхозом: предшественник Лукашенко отработал в нем десять лет, не добившись серьезных изменений. В области было около тридцати таких хозяйств, по ним было принято совместное постановление бюро обкома и облисполкома, в котором определены конкретные меры помощи этим хозяйствам. Минсельхоз таким хозяйствам тоже помогал. Когда Лукашенко пришел работать в «Городец», была принята еще одна мера, касающаяся молодых руководителей отстающих хозяйств: все, кто на областном уровне распоряжался материальными и финансовыми ресурсами, «закреплялись» за такими хозяйствами, осуществляли над ними шефство, обязаны были постоянно навещать, оказывать организационно-методическую и материально-техническую помощь. За Лукашенко персонально был закреплен первый заместитель председателя облисполкома – руководитель облагропрома Евсей Корнеев. Корнееву надоело ездить без конца в совхоз, у него в распоряжении были все ресурсы, и он оказал солидную помощь «Городцу». В совхозе начали строить жилье, помогли техникой, дорожным строительством, осуществили ряд организационных мер силами специалистов области.

Бывал в хозяйстве и я, чтобы присмотреться поближе к директору. Первый год своего директорства (1986–1987) Лукашенко, как говорится, попал в струю – занялся арендой. Ему помогали специалисты из области: все хозяйство было «разбито» на арендные коллективы, новая организация труда заинтересовывала работников тем, что отменяла один из порочных принципов социализма – максимальный размер заработной платы, так называемый «потолок». Сокращение материальных затрат на производстве увеличивало размер заработной платы. Люди начинали проявлять инициативу, лучше работать. А Лукашенко, как и положено педагогу, быстро научился считать и докладывать. Докладывать он лю-

бил, даже тогда, когда не очень разбирался в происходящем. Приходилось поправлять, ставить его на место. Как-то, уже будучи президентом, он вспомнил, не скрывая обиды, мои слова: «Встань на колени, посмотри, что ты натворил на этой земле!» Я уже было и забыл, но потом вспомнил, что именно так и сказал ему будучи в «Городце» на уборке зерновых. Комбайны работали, как на гонках, земля была «усеяна» зерном, а молодой директор Лукашенко не удосужился внимательно посмотреть на стерню и был обескуражен по-своему, когда ему на эти потери пришлось указать. Позже убедился, что Лукашенко никогда ничего не забывает…

Говорить о том, что Александр Григорьевич вывел совхоз в передовые, о чем он повторял и повторяет, не приходится: совхоз лежал на боку, его приподняли и поставили кое-как на ноги коллективными усилиями. Дальше этого дело не пошло. Можно было работать по-другому, сделать совхоз (при такой поддержке обкома и облисполкома) если не крепким, то хотя бы зажиточным. Но, видимо, не это было в помыслах молодого директора: уже через полтора года после назначения Лукашенко признался секретарю райкома Володе Ермолицкому, что сельское хозяйство – это не его сфера, он будет заниматься политикой…

В 1989 году он вышел на выборы народных депутатов СССР в альтернативу Вячеславу Кебичу, тогда заместителю председателя Совета Министров БССР. Проиграл, но не пал духом. В 1990 году с головой ушел в новые выборы – теперь народных депутатов БССР, причем боролся на этот раз с Евсеем Корнеевым, первым зампредом облисполкома, тем самым Корнеевым, который всю область бросил в «Городец», держал там лучших спецов облагропрома, чтобы помочь Лукашенко вывести совхоз с прорыва. Теперь Лукашенко «благодарил» Корнеева за помощь, с присущей ему страстью убеждая избирателей, какой бяка этот партократ Корнеев…

Еще до выборов 1989 года с Лукашенко произошла некрасивая история: приехал в бригаду и избил абсолютно трезвого тракториста, избил жестоко – сапогами. Я узнал об этом в самый разгар предвыборной кампании, когда Лукашенко сам себя выдвинул в кандидаты. Тогда секретарь райкома

рассказал, что для этого выдвижения были две причины: во-первых, Лукашенко действительно думает, что победит заместителя председателя правительства республики, а во-вторых, таким образом надеется уйти от ответственности за рукоприкладство (как известно, тогда кандидаты в депутаты обладали статусом неприкосновенности). Прокуратура сразу же завела уголовное дело. Но времена были уже не те, члены партии состязались, кто больше и сильнее плюнет в партию. И прокурор области держал нос по ветру: а вдруг Лукашенко с его настырностью прорвется в депутаты? Дело было возбуждено, вынесено на сессию райсовета, депутатом которого был Лукашенко. Тогда на стороне Лукашенко активно выступал собкор газеты «Сельская жизнь» Анатолий Гуляев (газета была органом ЦК КПСС, авторитетным изданием). Гуляев приехал на сессию и своим авторитетом сильно поддержал Лукашенко. Тем более что и среди депутатов было немало лукашенковских коллег – руководителей хозяйств, которые и за собой знали подобные грешки. А прокурор области Николаев просто не стал передавать дело ни в республиканскую прокуратуру, ни на рассмотрение областного совета…

Уже когда шли выборы, мне несколько первых секретарей райкомов настоятельно рекомендовали надавить на Николаева с тем, чтобы делу все-таки дали ход. Но я всегда запрещал себе вмешиваться в ход следствия и судебный процесс: первый секретарь обкома партии – ведь все-таки не наместник Бога на земле, чтобы судить по своему усмотрению. Есть прокурор, пусть он за свои поступки сам и отвечает…

Теперь и в шутку, и всерьез кое-кто упрекает меня за то, что не вмешался. Кто его знает, кто его знает… История не знает сослагательного наклонения…

…Первым секретарем обкома я стал в 1982 году после гибели в автокатастрофе Виталия Викторовича Прищепчика, руководившего Могилевской областью. Прищепчик как бывший партизан пользовался большим авторитетом у Петра Мироновича Машерова. У меня никогда не возникало даже мысли, что мне придется сменить его на посту. Так получилось, что я хотел уехать из области. Вопрос уже был

решен, согласован с двумя отделами ЦК КПСС. Меня ждала должность советника-посланника по аграрным вопросам в посольстве СССР в Польше.

Из Минска приехал председатель облисполкома Анатолий Маслаков, с которым у меня были хорошие отношения, и высказал обиду: «Что же ты мне не сказал, что уезжаешь в Польшу?» – «А зачем мне об этом говорить?» – «А хрен ты поедешь! – заявил Маслаков. – Я был у Слюнькова…»

Почему Слюньков остановился на моей кандидатуре? Вероятно, определенную роль сыграл Анатолий Маслаков. Он у Слюнькова на многих давал характеристики, в том числе и на меня. Но, во-первых, я был лишь первым заместителем председателя облисполкома – это противоречило практике, чтобы кто-то перескакивал по партийно-административной лестнице сразу через две ступени. А во-вторых, только что с меня сняли выговор – как же тут можно сразу «повышать»? Слюньков со многими встречался, но со мной у него разговора не было.

22 мая я проводил рабочее совещание на базе одного из колхозов Мстиславского района. Прибегает председатель: «Вас к телефону зовет Слюньков!» Иду. «Ну, – говорит Николай Никитович, – что ты там делаешь? О чем с людьми разговариваешь?» Отвечаю на вопросы. И так минут тридцать. Я даже устал. А дело было в пятницу. «Что завтра делаешь?» – спрашивает Слюньков. «Да на работу собирался сходить», – отвечаю. «Так вот, – говорит Слюньков, – никуда не ходи, а завтра к девяти утра приезжай сюда, в Минск. Приведи себя в порядок, приезжай при параде – в хорошей рубашке, при галстуке. Деньги чтобы с собой были. Я тебя далеко пошлю».

Беседа с первым секретарем ЦК длилась долго и основательно. Слюньков рассказал, что изучал характеристики многих, со многими беседовал, в том числе из других регионов, но пришел к выводу: со стороны никого брать не надо, вы завалили дела в области, сами напортачили – сами и исправляйте ситуацию. И разговор продолжился уже как с будущим первым секретарем обкома.

Сейчас я понимаю, что решение было не спонтанным. В марте, еще до катастрофы, в которой погиб Прищепчик,

Слюньков в должности первого секретаря Центрального комитета Компартии Белоруссии объезжал все области и знакомился с положением дел в экономике, с партийно-хозяйственным активом. Все секретари райкомов и председатели райисполкомов являлись на совещания, и кто-то из секретарей обкома или председатель облисполкома – тот, кого уполномочит первый секретарь обкома, – докладывал о перспективах развития области. Могилеву загодя сказали: «Мы вашу промышленность не трогаем. Доложите, что вы намереваетесь делать с сельским хозяйством».

Начался большой совет, кто будет докладывать. Прищепчик уже знал, что я уезжаю в Польшу, поэтому меня оставили в покое. Поручили докладывать секретарю обкома по сельскому хозяйству Станиславу Титкову. Он был хорошим партийным работником, но не был аграрием: ни хрена не смыслил в сельском хозяйстве. Секретарем обкома его в свое время выдвинули из Быхова за то, что хорошо принимал проверки и умел угодить начальству…

И вот за столом президиума сидят первый секретарь обкома и первый секретарь ЦК КПБ. Целый час Титков потеет, заверяя Слюнькова, как «мы стараемся и выкладываемся из последних сил», но все у нас так тяжело, ну прямо мочи нет! Никакого экономического анализа, никаких перспектив. Он со мной не советовался, хотя я в должности первого зампреда облисполкома как раз и отвечал за сельское хозяйство. Слюньков сидел в президиуме статуей, с каменным лицом, ни разу не перебил докладчика. И лишь когда Титков пошел на третий круг с фразой: «Поверьте, Николай Никитович, мы лоб разобьем…», Слюньков прервал его. Задал для вежливости несколько вопросов и усадил на место, убедившись, что толку не добьется. Потом обратился к Прищепчику: «Так хоть кто-нибудь у вас в области знает, что делать с сельским хозяйством? Кто-нибудь доложит об этом? Или – вы сами, без бумажек, готовы? Кто, называйте!» Прищепчик растерялся.

Маслаков, рядом с которым я сидел, толкает в бок: мол, вставай давай, это же твои вопросы! Я ему шепотом объясняю: совещание ведет первый секретарь, чего это я сам полезу? Вряд ли в президиуме слышали наше перешептыва-

ние, хотя Слюньков наблюдал за всем происходящим. Воцарилась затянувшаяся пауза. С великим трудом Прищепчик обращается ко мне: «Василий Севастьянович, может быть, вы доложите?» Какие-то бумаги у меня с собой были, хотя я не собирался выступать. Памятуя, что Слюньков после речи Титкова завершил свою тираду словами: «Так вы, значит, ничего не делаете и никто у вас никаких перспектив не видит?», я разделил свое выступление на две части: что делается у нас и какие перспективы. Не согласился, что у нас ничего не делается. Довольно убедительно рассказал о сделанном, о проблемах и перспективах. «Почему торф не возите?» – задал вопрос Слюньков. «И не будем возить, Николай Никитович, это бессмысленная трата денег и времени», – ответил ему. Тут за тему торфа мы зацепились, и я на конкретных примерах хозяйств Горецкого района, где работал до перехода в областные структуры, доказал свою точку зрения. «Да, да, – согласился Слюньков. И добавил после окончания моего импровизированного доклада: – Ну, слава Богу, хоть один какие-то перспективы видит».

Думается, это совещание сыграло свою роль. Буквально через два месяца, когда пришлось решать кадровый вопрос, Слюньков о нем вспомнил. За те четыре часа, что мы проговорили с ним накануне моего вылета в Москву на собеседование в ЦК КПСС, говорили и об этом, и о многом другом.

Перед избранием на пленуме обкома полагалось пройти собеседование в отделах ЦК и с генеральным секретарем ЦК КПСС. Но Андропов был уже очень болен. Два дня провел в ЦК, мне все говорили: «Ты посиди, посиди, Юрий Владимирович примет». Не принял.

В 1984 году Андропов умер. Первые секретари обкомов партии, не члены ЦК КПСС, всегда приглашались на все пленумы и на выборы очередного генерального секретаря без права голоса. В соседнем купе ехали два милиционера – такая была практика сопровождения первых секретарей обкомов в подобных ситуациях. По прибытии в Москву узнал, что в кулуарах звучала фамилия Черненко, который у большинства не пользовался никаким авторитетом. Зашли в Свердловский зал Кремля. Мне досталось место на галерке,

среди генералов, маршалов, командующих округами и т.д. Откровенно беседую с военными о слухах – «Будет Черненко». Все едины в том, что это негодный, позорный вариант. Спрашиваю, кто будет голосовать «против». Оказалось, что почти все военачальники, как и я, не члены ЦК. Некоторые же (видимо, члены) сказали: «Отсохнет моя рука, если я ее подниму за этого старика». И действительно, никто из сидящих в этом секторе военных руки не поднял. За столом президиума сам Черненко, Воротников, Тихонов. Почтили минутой молчания память Андропова. Подошла очередь главного вопроса. Тихонов предлагает кандидатуру Черненко. Тут же установилась гробовая тишина, которая длилась, наверное, минуту. В это время я слышал биение собственного сердца, дыхание соседей. Тихонов спрашивает: «Кто за?» Первыми стали подниматься дрожащие ручки в президиуме. Потом в центре зала робко, невысоко поднялось немного рук, не более полусотни. Тихонов быстро спрашивает: «Кто против?», «Кто воздержался?» «Единогласно». Жидкие аплодисменты, вернее отдельные хлопки.

Поднимается Черненко. Весь дрожит. С трудом, опираясь на помощника, водрузился за трибуну зачитать речь по бумажке. И все равно говорить не может. Вносится предложение: раздать речь Черненко собравшимся в зале. «Речь» раздать не успели, мы прочли ее потом в газетах. Финита ля комедия! Как оплеванные, вышли на улицу. Ехать домой не хочется, смотреть друг другу в глаза стыдно, расходимся.

Еду домой. В вагоне ни рядом, ни где подальше милиционеров уже нет. Я свободен. Наружное наблюдение за первым секретарем обкома партии началось с момента вызова в обком для ознакомления с шифрограммой о кончине Андропова и закончилось с избранием нового генсека.

Горбачева выбирали уже по-другому. Съехались, как всегда, в гостиницу «Москва». Кто-то привез с собой вино, кто-то коньяк. Зашли в одну комнату, потом в другую. Догадывались, конечно, что в номерах все записывается. А когда выпили, просто перестали обращать на это внимание. Обсуждали, кто будет. Говорили, что Гришин. И действительно, Гришин уже ездил в том «членовозе», связь с которым вы-

ведена и на управление ядерным комплексом страны. Но члены ЦК пришли к выводу, что следующих похорон страна может уже не выдержать. Нужен был молодой руководитель. Таким был Горбачев. Ключевую роль в мобилизации членов ЦК, и прежде всего первых секретарей обкомов, сыграл Егор Лигачев, бывший тогда заведующим орготделом ЦК КПСС.

Когда пленум начался, в зале установилась напряженная тишина. Понимали, что есть шанс больше не позорить страну гонкой на лафетах. Горбачев, возглавлявший комиссию по похоронам Черненко, открыл пленум и предоставил слово Андрею Андреевичу Громыко. Минуты три Громыко делал вступление, говоря о том, какое важное решение мы все принимаем сегодня. Было ощущение, что даже дышать мы уже перестали. И когда он произнес фамилию Горбачева, зал встал и овацией приветствовал Михаила Сергеевича. Руки отбили – надоело ездить через год на похороны. Потом прерывали аплодисментами уже самого Горбачева: самое главное, что молодой. И практически его избрали единогласно.

Я не знаю, что было бы, если б Громыко назвал другую фамилию. Вероятно, все же не было бы повторения той ситуации, которая сложилась на пленуме после смерти Андропова. Когда я приехал после избрания Черненко в Могилев, секретари обкома, а потом и райкомов возмущались: «Как вы могли!» Все ведь понимали, что у человека уже наступил старческий маразм.

Не могу сказать, что была вера в Горбачева. Нет маразма, в здравом рассудке и светлой памяти – и слава Богу! Была вера в то, что в стране можно многое исправить, многое сделать лучше. Даже в той системе.

До своего избрания на высшую должность в партии и государстве Горбачев был секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Лукашенко потом неоднократно уверял всех, что ездил на пленумы чуть ли не консультировать Горбачева. На самом деле это было всего один раз. Горбачев любил собирать рабочие совещания – как говорил один генерал из Бобруйска, «узкий круг ограниченных людей». По команде Генерального собирали человек пятьдесят – шестьдесят: несколько первых секретарей обкомов, членов республикан-

ских правительств, из исполкомов разных уровней – и так вплоть до руководителей хозяйства. Это называлось «посоветоваться». (На таких двух совещаниях пришлось побывать и мне.) Сначала Горбачев делал пространное выступление по повестке дня, потом кому-то предоставлял слово, почти всегда недослушав, перебивал выступающего и сам за него говорил, говорил долго. В это время выступающий мог стоять за трибуной и 10, и 20 минут. Не всем удавалось сказать, что они планировали. На одном таком совещании по моим подсчетам Михаил Сергеевич из четырех часов, в течение которых длилось совещание, сам проговорил два с половиной часа. Совещание закончилось тем, что даже не были подведены какие-то итоги. Слушать Горбачев не умел… Одно из совещаний было по аренде, которая тогда активно внедрялась. Могилевскую область на нем представлял первый зампред облисполкома Евсей Корнеев, который и взял с собой Лукашенко. Вместе ехали в вагоне. На совещании Лукашенко выступил, что-то сказал – это он очень любил. Возвращались и назад вместе. Ехали в Москву – Лукашенко угощал Корнеева и чайком, и водочкой, как водится. Ехали назад – уже от Корнеева потребовал, чтобы тот ему носил чай. Видно, тот факт, что Генеральный секретарь задал ему какой-то вопрос, сильно ударил директору совхоза в голову. Но на другие совещания его больше никто не звал.

Были, правда, о Лукашенко публикации в центральной печати. Много писал о нем Гуляев, что-то давала «Комсомольская правда». Но, надо сказать, писали не столько о нем, сколько об аренде. Аренда действительно давала основания для обсуждения, потому что раскрепощала людей, развязывала им руки. Главное – как говорилось ранее, снимался «потолок» заработной платы. Ведь социализм изжил себя точно так же, как Вавилон, где, как бы ты ни работал, больше двух килограммов пшеницы и двух килограммов ячменя заработать просто не мог. При социализме работника сдерживал оклад: был ты хорошим директором совхоза или плохим, свои двести тридцать рублей ты получал гарантированно. А при аренде половина сэкономленных ресурсов переходила в заработную плату. Используя аренду, в нашей бедной Моги-

левской области нам удалось подтянуть сельское хозяйство так, что даже когда на закате перестройки все начали минусовать, мы все еще держались. А аренду мы ввели и в строительстве, и даже вплотную подобрались к промышленности. Конечно, та советская аренда – это не рыночная экономика, но некоторую степень свободы инициативным людям она давала, можно было зарабатывать достаточно хорошо.

Я задавал себе вопрос: почему Анатолий Гуляев, умный и опытный человек, талантливый журналист, начал так активно пропагандировать Лукашенко и помогать ему? Как и многих других помощников и пропагандистов, Лукашенко сполна отблагодарил Гуляева: недавно была закрыта редактируемая им газета за то, что не пела дифирамбы Лукашенко и его режиму. Наверное, дело было в поветрии. Вот есть общее поветрие: ага, партия зажимает всех, найдем демократов внизу, сбросим партократов – ведь партократы иногда еще и спрашивают! Вспоминаю сам предвыборное собрание, когда мне в Быхове дословно сказали: «Тебя выбирать нельзя! Ты нас заставляешь работать. А вот мы тебя провалим, разгоним партию, не будем работать и будем получать деньги». Причем говорили это учителя. Был общий порыв, увлекший и Гуляева. Гуляев понимал, конечно, что без работы жизни не будет, но тогда в одной компании оказались и те, кто искренне желал изменений, и те, кто ждал своего момента урвать, половить рыбку в мутной воде «перестройки».

Возвращусь к выборам народных депутатов СССР. Я не хотел на них идти. Но здесь от меня лично ничего не зависело: не хочешь – сдай должность. Пришлось выдвигаться. И я проиграл.

Скорее всего, потому, что занимался не столько своей избирательной кампанией, сколько выборами Кебича. Получилось так, что Кебич как рядовой заместитель главы правительства по номенклатуре не должен был баллотироваться в депутаты СССР. Но в том составе Совета Министров Вячеслав Францевич был наиболее энергичным. Молодой, деловой – особенно на фоне своих коллег, большинство из которых просто ничего не решали. Кебич без проволочек решал многие вопросы, с которыми я к нему обращался. А

нам тогда предложили несколько кандидатов из Москвы, из состава членов Политбюро, особенно рекомендовали Медведева. Мы с первыми секретарями райкомов обсудили кандидатуры, приняли решение выдвинуть Кебича – и поставить всех перед фактом. Это был настоящий шок в республике. И не только в республике. Но потом все вошло в нормальное русло. Недовольные нашей «самодеятельностью» успокоились и согласились с нашим выбором.

Кебич и сам не знал, что мы его выдвигаем. Его тоже просто поставили перед фактом. Я позвонил ему после собрания и сказал: «Вячеслав Францевич, мы тебя выдвинули». И все домыслы, будто бы Кебича выдвигали потому, что рассматривали на должность премьера правительства, просто не соответствуют действительности. Наоборот, лишь после победы на выборах Вячеслава Францевича начали рассматривать как потенциально сильную фигуру. ЦК КПБ и Совет Министров были против его выдвижения. А у меня выбора не было. Конечно, я поддерживал Кебича. Ну не Евтуха же мне было поддерживать?! Евтух в правительстве ничего не решал. Ковалев болел и готовился уйти на пенсию. Некого еще было поддерживать. Мы ведь всегда выбираем из того, что есть. И поддержка кандидатуры Кебича была в той ситуации, на мой взгляд, единственно разумным выходом из положения.

А потом пошла борьба. Было видно, что Кебич поначалу проигрывал Лукашенко. Мне пришлось бросить все на собственном округе и начать заниматься округом Кебича. Ведь именно я предложил выдвинуть его – так нельзя же было теперь просто «кинуть» человека.

В результате мне не удалось побывать даже в половине хозяйств собственного округа, даже не все районы посетил как кандидат. А в это время из ЦК КПСС шли установки: перемолоть партократов, которые, дескать, сдерживают перестройку и мешают развиваться демократии. Я не преувеличиваю. Когда однажды нас собрали в Москву на пленум, в один день по всей стране прокатились митинги против обкомов. Никто меня не убедит в том, что это происходило стихийно, без координации.

На Лукашенко в предвыборной борьбе давили, он в свою очередь давил на Кебича. Тогда впервые проявилось то, что потом назвали черным пиаром. Лукашенко кричал о зажравшихся партократах, о машинах, пайках, резиденциях для отдыха. Не сомневаюсь, что у Лукашенко и быть не могло никаких сведений о том, что Кебич ведет себя как-нибудь аморально. Он тогда уже удачно оседлал конька, который впоследствии и вывез его на самые верха.

Кебич же у Лукашенко выиграл честно. В этом никто не сомневается. В комиссии тогда – не то, что сейчас – входили разные люди, в том числе и те, кто уже зарекомендовал себя оппозиционными настроениями. Разница была два процента. И те же два процента я проиграл на своем округе Головневу – человеку, которого еще недавно сняли с должности директора совхоза за развал работы. Я ведь не мог, в отличие от Головнева, безответственно обещать, что все после выборов будет по дешевке, все появится на прилавках и так далее.

После проигрыша я сам поставил вопрос о своей отставке. Но мне сказали в ЦК КПБ: «Нет! Дудки!» Я не спорил с Ефремом Соколовым, тогдашним первым секретарем ЦК КПБ. Он ведь хорошо понимал, куда все идет.

А с Лукашенко я попытался тогда решить дело миром. Он много кого поливал во время кампании грязью, и его поливали. В результате в суде лежали иски, в которых Лукашенко выступал то истцом, то ответчиком. Проезжая мимо усадьбы совхоза «Городец», я заехал к нему. У Лукашенко сидел Гуляев. Я извинился за всех партийных работников, кто допускал по отношению к нему как кандидату в депутаты несправедливость, и выразил надежду, что на этом конфликты будут исчерпаны, чтобы люди по судам не таскались. На том и порешили.

В 1990 году мы оба прошли в депутаты Верховного Совета БССР 12-го созыва. Я говорил тогда Евсею Корнееву: «Ты у Лукашенко не выиграешь, не иди туда». Он меня не послушался и проиграл. А я пошел по тому же Костюковичскому району, в котором проиграл выборы в народные депутаты СССР. Прошел год, стало видно, что обещания народных депутатов СССР так и остались обещаниями. И я встречался с

теми же людьми, что и год назад. Собрания шли совсем иначе, люди протрезвели.

Я оказался единственным первым секретарем обкома, избранным в республиканский парламент. Накануне первой сессии прошел пленум ЦК КПБ, на котором рекомендовали на пост председателя Верховного Совета БССР Николая Ивановича Дементея. Некоторые меня потом спрашивали: «А почему же не выдвинули тебя?» А меня и не могли выдвинуть. У первого секретаря Могилевского обкома была репутация партийного неформала. Кроме того, в связи с преодолением последствий Чернобыльской аварии у меня были капитально «испорчены» отношения со многими руководителями в партийных и советских органах республики и союзного центра. Мне предложили выступить, я поддержал Дементея, которого знал как очень порядочного человека.

Когда голосование уже в Верховном Совете по кандидатуре Дементея зашло в тупик и его не выбрали с первого захода, ко мне подошли представители Могилевской и Минской областей. Они предложили мне выдвигаться: наши области тебя поддержат, а остальных мы сагитируем. Я отказался. Я не видел себя спикером. И вообще, как это ни странно, не примерял себя никогда ни к одному руководящему креслу. А в тот раз мне было бы просто неудобно по-человечески глядеть в глаза Николаю Ивановичу – после того, как публично выразил ему поддержку.

В октябре 1990 года я принял твердое решение уйти с партийной работы. ЦК далеко, ему ни тепло, ни холодно, а ты каждый день общаешься с людьми, выслушиваешь, что они говорят, сам видишь, как наступает хаос, развал, а ты ничего изменить не можешь… Кроме того, нас заставляли сидеть в двух креслах одновременно – председателя областного совета депутатов и первого секретаря обкома. А на двух креслах не усидишь. К чему две должности? И Соколову сказал: или я останусь в обкоме, или уйду в облсовет, но за два портфеля держаться не буду.

Ефрем Евсеевич знал о моих хороших отношениях с секретарем ЦК КПСС Валентином Фалиным. Он попросил Фалина помочь уговорить меня посидеть на двух стульях. Но

Фалин не то что не помог, а решительно поддержал мою позицию.

На партконференции вопрос этот встал ребром: эта конструкция скоро лопнет, или я остаюсь в обкоме, или ухожу в облсовет. В результате споров демократическим способом – мнением большинства – Леонова отправили работать председателем областного совета депутатов. Генрих Яскевич, первый секретарь Горецкого райкома, которого агитировали и я, и многие другие, категорически отказался уходить из района на должность первого секретаря обкома. В результате первым секретарем обкома избрали Вадима Попова.

В областном совете тоже было двоевластие. С одной стороны я как руководитель законодательной ветви областной власти, с другой – Николай Гринев, руководитель областного исполнительного комитета. Через полгода, как я и предполагал, было принято решение о слиянии этих двух постов. Прошло одно голосование, потом второе – ни один не набирает большинства голосов: ни я, ни Гринев. Тогда я встал, поблагодарил всех за плодотворную работу и снял свою кандидатуру. Это для меня были за полтора года уже шестые тайные выборы, если считать также выборы на партийные съезды, проходившие уже тайно. Накопилась усталость. Окрепло убеждение в бесперспективности политики Горбачева, в надвигающемся хаосе, в котором ничего в ближайшие годы сделать невозможно.

Многие уважаемые политологи, ученые, политики непоследовательность, половинчатость действий, даже противоречивость в оценках и суждениях Михаила Сергеевича склонны объяснять какой-то (явно надуманной) необходимостью маневра или уступок всесильной номенклатуре, которая якобы не поддерживала новации Горбачева и оказывала сопротивление «линии генсека».

Утверждаю, что применительно к Беларуси это «сопротивление» – чистейшая фантазия. Не могу столь категорично утверждать о других республиках. Да, в некоторых из них процветала коррупция и тому подобные явления, но чинопочитание, беспрекословность повиновения «верхам» в КПСС «вогнал» еще Иосиф Виссарионович. Вспомните «выборы»

Черненко на пост генсека. Найдись в зале 2–3 непослушных и … был бы другой генсек. Если в БССР в 1937–1938 годах из 100 секретарей райкомов уцелели только 3 (и то случайно), то это не могло не укрепить послушание. Полномочия у генсека были действительно царскими. Более того, немалая часть номенклатуры понимала необходимость и готова была к коренной трансформации и экономики, и политической системы страны. Проблема была в другом. В неумении пользоваться полномочиями, на мой субъективный взгляд, взгляд «изнутри партии», даже в отсутствие желания управлять процессом. Свою роль Михаил Сергеевич видел в постановке задач в виде лозунгов, призывов и т.д. Дальше дело не шло, и на себя персональную ответственность в Политбюро никто не брал. В качестве доказательств сошлюсь на конкретные события. После того как солдаты в Тбилиси против безоружной толпы применили саперные лопатки, встал вопрос: «Кто дал команду вводить в город войска? Кто разрешил избивать людей?» На очередном пленуме ЦК КПСС члены ЦК требуют ответа на эти вопросы от Шеварднадзе, Горбачева и др. И вместо того чтобы просто ответить, кто кому и какую отдавал команду, разыгрывается постыдный спектакль. Верховный Главнокомандующий Горбачев что-то кому-то говорил, но «это было не в кабинете», мы официально вопрос не рассматривали, «мы его обсуждали в аэропорту, в депутатской комнате». На возмущенные вопросы из зала: «Нас не интересует, где вы обсуждали, в комнате или туалете. Кто бросил войска против гражданского населения?» – слышен был лепет, ответа не было. Вроде бы солдаты сами пошли в Тбилиси. А кто в Вильнюсе приказал двинуть танки к телебашне? А в Баку? Даже если допустить мысль, что генералы «хулиганили» без ведома Главкома и потом даже Главком так и не узнал, какие генералы своеволили, то каков же Главком?

Думаю, что читателю интересно будет узнать, как наши соперники оценивали перестройку в СССР, о чем говорили с Горбачевым, о чем его предостерегали.

Программные резолюции XIX общепартийной конференции 1988 года в Могилевском обкоме восприняли одобрительно и с помощью знатных земляков начали про-

рабатывать вопросы привлечения в экономику области технологий, капитала из Европы и Америки. Для поиска партнеров нашим предприятиям было создано СП «Восток – Запад. Могилев». Учредили совместное предприятие «Могилевский комбинат шелковых тканей – объединение "Химволокно"». В наблюдательный совет этого СП с нашей стороны вошли, кроме меня, Кебич Вячеслав Францевич – тогда он был вице-премьером, Даниленко Виктор Дмитриевич – руководитель представительства Совмина БССР при Совмине СССР – будущий посол Беларуси в России и директор Могилевского комбината шелковых тканей Семенов Владимир Николаевич. Со стороны Запада: голландский капиталист Франц Люрфинк, президент компании «Пепси-Кола» Дональд Кендалл и советник президента Буша-старшего Роберт Макнамара, в прошлом министр обороны США (во время Карибского кризиса), руководитель Международного банка реконструкции и развития.

Здесь есть смысл рассмотреть вопросы не работы СП «Восток – Запад. Могилев», а как американцы воспринимали то, что происходило в СССР в 1990 году.

7 января 1991 года для обсуждения перспектив работы СП я встретился в Вашингтоне в Белом доме с господином Макнамара. Более половины просторной комнаты-кабинета занимал длинный, широкий стол, на котором в стопках лежали несколько сотен книг, возле стола десяток стульев. Встретил меня худощавый, стройный, подвижный человек с очень выразительным «живым» взглядом – Макнамара.

В рассуждениях о возможных совместных проектах он заявил, почти дословно: «Обсуждать проекты уже поздно, Вы, Ваш СССР опускается в пучину хаоса, не исключены и массовые кровавые конфликты… Вы упустили свой шанс на развитие». Далее, в процессе обеда, Макнамара сообщил следующее. Он только что вернулся из Москвы. Ездил туда по поручению своего президента с четкой, конкретной задачей – узнать лично у Горбачева, есть ли у него какой-то план перестройки, ведь пока мы (американцы) видим и слышим лишь общие лозунги и призывы. Американцев беспокоил вопрос, как пойдут процессы в СССР – стране с огромным

ядерным арсеналом. Конечно же, у американцев было достаточно данных, чтобы судить о том, как «процесс пошел», но они, наивные, считали, что свой стратегический план Горбачев имеет, но не говорит о нем, не раскрывает его, а процессы уже становятся тревожными.

Горбачев принял Макнамара в канун нового 1991 года. Получить ответы на вопросы: «Кто? Что? Когда? Для какой цели должен делать, к чему в конечном итоге придет СССР через год или два? Есть ли какой-то необъявленный план у самого автора перестройки?» – Макнамара не мог. Такого плана не было у Горбачева, не было и ответов на эти вопросы. Более того, на откровенную озабоченность американца, его тревогу за будущее всех начинаний нашего перестройщика Горбачев обиделся, воспринял эти вопросы за оскорбление. Заготовленное перед встречей сообщение для прессы оказалось не согласованным, в прессе никакой информации о данной встрече не было. В итоге смысл уже нашей беседы свелся к тому, что строить планы на будущее в стране, которая скатывается в хаос, бессмысленно. В назидание мне подробно было рассказано о том, как по просьбе китайского лидера Дэн Сяо Пина разрабатывался план развития Китая. Макнамара весьма одобрительно отзывался о политике китайских коммунистов и сказал примерно следующее: «Смотрите, китайцы не просят кого-то об инвестициях, они создали такие условия, что инвесторы к ним сами просятся».

… В конце февраля 1991 года Михаил Сергеевич наконец приехал в область ознакомиться, как живут люди в чернобыльской зоне. Я ему задал массу «неудобных вопросов», ссылаясь на разговор с Макнамарой, и он на них парировал весьма оригинально: «Вот мы поставили во главе правительства опытного банкира Павлова Валентина, он все исправит». Чувствовалось, что, призывая к строительству социализма «с человеческим лицом», Михаил Сергеевич не понимал сам этого социализма и уж тем более не знал, как его строить. Как можно совместить социалистические идеи с планами нелегальной экономической, хозяйственной и финансово-банковской деятельностями КПСС, которые предлагал осуществить ЦК КПСС в записке «О неотложных мерах по организации

коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии»? Всю эту противоправную, считай, преступную деятельность должен был определять и согласовывать Генеральный секретарь ЦК КПСС. Еще до получения данной записки у меня сложилось убеждение в том, что Михаилу Сергеевичу никто не мешает, он просто, не имея собственного мнения, иногда поддерживал прямо противоположные идеи.

Стыдно было смотреть и слушать, когда он пытался убедить неформальных лидеров из Прибалтийских стран не выходить из состава СССР тогда, когда они уже вышли. А ведь до этого он был глухим к их конструктивным предложениям, когда те просили центр избавить от мелочной опеки.

В результате по вине высшего политического руководства народы СССР не обязательно в составе мировой империи, а возможно, в мягкой форме конфедерации или иных союзнических отношений упустили шанс на цивилизованное развитие или на цивилизованный разговор.

Мы, славяне, не родили своего Дэн Сяо Пина.

Кебич предлагал мне идти в правительство и заместителем, и первым заместителем. Я отказывался оба раза. Во-первых, я не видел собственной линии правительства, а в должности заместителя я достаточно долго проработал в облисполкоме, поэтому понимал, что ничего коренным образом изменить просто не смогу. А во-вторых, всех, кто уходил из чернобыльской зоны на повышение, люди немедленно объявляли предателями. Я мог свободно ходить по Могилеву: не убежал от вас, остался с вами. Это для меня было очень важно. И коль работы в Могилеве нет, то спустя некоторое время уехал в Москву на учебу в Академию внешнеэкономических связей. Положено было отучиться три месяца перед назначением на должность торгпреда. Как слушателю мне платили зарплату, но главное было в другом. В Москве на практике начал изучать политологию, психологию поведения избирателей. Это было время выборов первого президента России. Некоторые навыки внешнеэкономической деятельности у меня были: в должности руководителя региона мне доводилось общаться и с настоящими «акулами капитализма», поэтому учеба не занимала много времени.

Видел, как работает партия, выбирая между Рыжковым и Ельциным, – очень интересная школа для меня была. Партийные комитеты города Москвы не могли (да и не старались) развезти по коллективам и квартирам агитационную «макулатуру» за Рыжкова… А обычные люди – рабочие, служащие, пенсионеры – все без всякой агитации сверху агитировали друг друга: «Только за Ельцина! Заживем!»

Анализируя настроение москвичей, их желания и надежды, пришел к твердому убеждению: будем строить капитализм. Но до начала этого «строительства» я должен изучить, что такое капитализм. Объявили ведь, что мы будем строить, но ни один так называемый архитектор перестройки так и не объявил, как будем строить. А в этом, как показывает время, была суть дела. Кто-то начинал с крыши, кто-то – с фундамента. Каждый лепил, как мог, поэтому получался и не капитализм, и не рынок.

А что такое рынок, я понял в Германии. Сначала посмотрел Западную Германию, потом Восточную. Стало понятно, мы еще не дозрели не только до созидательного труда (как немцы), но еще много времени не будем даже обсуждать эту тему, выгодно было «зарабатывать авторитет» на популизме, политиканстве. Согласованность действий уже была в прошлом, никто никого не желал слышать, больше хотели говорить.

Перед первой сессией Верховного Совета БССР 12-го созыва Ефрем Соколов провел пленум ЦК КПБ. Потом собрал партийную группу, накачивал депутатов. И все равно когда пошли голосовать, оказалось, что никакой партгруппы нет.

Внутри областных депутаций отношения складывались далеко не ровные. В каждой были и секретари обкома партии, и председатели облисполкома. В каждой появились уже новые тенденции: кто первый прокричит, кто выскочит. Но жизнь требовала от депутатов решения возникающих вопросов. Надо было выбирать руководителей. В результате всеобщей договоренности, с учетом мнения и демократов-неформалов, была избрана на руководящие посты связка «Дементей – Шушкевич».

Я к микрофону старался не ходить. Страна должна была видеть своих героев, а я на эту роль никогда не претендовал.

Я вообще лишь два раза выступал у микрофона: когда шли перевыборы спикера и еще до того, в годовщину Вискулей. Я сказал тогда, что Вискули – даже больший удар по Беларуси, чем Чернобыль, что мы еще не осознали до конца все истинное значение этого события в нашей истории – хаотичного разбегания из огромной империи.

Это не значит, что я выступал против Вискулевских соглашений. Но ведь следует помнить: именно мы поддержали, что вопросы внешней политики, обороны, вопросы общесоюзной собственности и инфраструктуры остаются в ведении надреспубликанских органов. Должны были остаться единая денежная политика, единый рубль. За это мы голосовали осознанно, понимая, что в остальных вопросах республика должна получить полную самостоятельность. Это была фактически германская модель федерации – та, которая и сегодня действует в ФРГ. Прежний союзный центр уже надоел: глупо было бесконечно ездить в Москву, согласовывать, какой строить туалет в Могилеве – в два очка или в одно. Было же ведь и такое! Существовала самозаводящаяся, самонастраивающаяся система, в которой власть – это чиновник, маленький чиновник в союзном Госплане, Совмине, в Министерстве и т.д. Этот маленький чиновник держит в руках все – вплоть до утверждения образца топорища, которые вознамерился производить лесхоз в полукустарных мастерских. И в белокаменную тянулись сотни, тысячи гонцов в чине премьеров, министров, руководителей главков, директоров не только с шоколадками для женщин и штофами «Беловежской» для мужчин, но и презентами покруче. Поэтому и голосовали почти все не только «за», но и «против». Так думали многие. Но потом получилось все не так, как думалось, «как всегда».

На внеочередной сессии Верховного Совета в августе 1991 года, собранной после провала ГКЧП, я отсутствовал – был в Германии. Ух, как потом ругали: что же ты, такой-рассякой не приехал, мы бы тебя вместо Дементея выдвинули? Да не выдвинули бы! Причем те, кто знал меня хорошо. Почему – объясню на судьбе другого человека.

Есть такой Петров Александр Александрович. Неожиданно для всех он был назначен заместителем председате-

ля Совета Министров БССР. И буквально через несколько месяцев нового зама возненавидел весь аппарат правительства. Почему? Он заставлял работать: создал в курируемых подразделениях и министерствах такую систему, что лодырю выкрутиться было просто нельзя. Нужно было либо расписаться, что ты – ничтожество и гультай, либо продемонстрировать конкретные результаты своей повседневной работы. И аппарат его «съел»: если ты слишком резок, последователен в требованиях к себе и другим – ты нам не нужен.

И у меня не было желания работать во власти, никакая должность не прельщала…

С уходом Дементея борьба за власть обострилась. Хотя Кебич и снял свою кандидатуру на выборах председателя Верховного Совета, но было невооруженным глазом видно, что у них с Шушкевичем противостояние.

Я с уважением отношусь к Станиславу Станиславовичу Шушкевичу – профессору, член-корреспонденту Академии наук, лауреату Государственной премии. В науке он прошел весь путь – ступенька за ступенькой. А в политике – взлетел резко, в один миг, и голова закружилась, потерял опору. Не мной и не сегодня замечено, что резкие карьерные взлеты ни к чему хорошему не приводят – страдает и дело, и сам человек надламывается, теряет земную и нравственную опору. Вот и сейчас мы, белорусы, пожинаем плоды головокружительного взлета нынешнего лидера государства…

Шушкевич не понял до конца своей роли. Он занимал должность главы государства и как глава государства отвечал за все и за всех. Он говорил дискриминирующие и государство, и его лично глупости вроде ответа женщине, которая не знала, чем кормить пятеро детей: «Ты нарожала, ты и думай». Он не сумел опереться на партократов, которые его избрали спикером и предлагали ему помощь: мы заставили Дементея предложить его кандидатуру, хотя тот очень не хотел этого делать и упирался. А мы говорили ему: «Должен был быть баланс сил. Сейчас демократия – и во главе государства должен быть демократ». На переговоры с Шушкевичем пошел Альфонс Ильич Тишкевич, который тогда был

председателем Минского облисполкома, он убедил Шушкевича не снимать свою кандидатуру.

И это было закономерно. Не буду преувеличивать, но когда пошла волна национального возрождения, уже очень большой процент нас, партократов, понимали, что дальше так жить нельзя – надо многое менять. Не всегда и не во всем мы были полными единомышленниками и союзниками демократов, но и не душили их, если не считать Ефрема Соколова, сдуру согнавшего водометы на празднование «Дзядоў» в 1989 году. И одна из главных ошибок Шушкевича состояла как раз в том, что он не захотел опереться именно на этих людей, на тех, у кого был управленческий опыт и кто понимал необходимость перемен. Многие из старого состава партии готовы были идти за ним и служить делу. Но Шушкевич этого не пожелал. С другой стороны, по понятным причинам, не пожелал он примкнуть и к правому крылу. И в силу своей административной неопытности оказался ни с чем. Вроде бы ни на кого не опирался, вроде бы ни за что не отвечал. И не мог не проиграть.

Демократам в Верховном Совете вообще не повезло на лидеров. После каждого выступления Зенона Позняка все убеждались, что демократию нам хотят навязать необольшевистскими методами. Цель была новой, а методы прежними. У Позняка точь-в-точь, как теперь у Лукашенко, было желание сеять постоянный страх, нервозность, делать обстановку напряженной и истеричной. В результате какая-то часть (25–28 человек) была вокруг него сплочена, а зал Позняка поддержать не мог, не хотел. Из страха трудно поддерживать. Не идеи отпугивали, а методы, антикоммунистическая истерия отпугивала. Требовать объявить партию вне закона, когда наиболее активная часть общества была в партии, – это безумство для политика, решившего завоевывать власть. Я не раз говорил активистам Белорусского народного фронта: «Смените вождя! Вы из-за него проигрываете!»

Экстремизм Позняка и К°, думается, был одной из главных причин, что в судьбоносное время у нас в отличие от других союзных республик разлом произошел не по линии «за – против» Беларуси, а по замшелой классово-ортодок-

сальной догме «демократ – партократ». И это в полной мере использовал выступающий то с правого, то с левого фланга радикал и популист Лукашенко. О том, что он поставил своей целью выставиться в президенты, было ясно всем. Делалось это на примитивной основе – и это тоже было ясно. После очередного его выступления с криком: не дадим эксплуатировать наших трудящихся в свободной экономической зоне в Бресте! – я подошел к нему и задал вопрос: «Вы рветесь к власти. Станете президентом – и что же будете делать? Вы же в экономике ничего не соображаете! Вы отдаете себе отчет, что у вас ни хрена не получится? Тут же нужно будет заниматься сложными, конкретными вопросами, а не просто лозунги бросать!» Он мне ответил дословно: «Я позову профессионалов и дам возможность им работать». Это было за два года до его избрания президентом.

Все в зале, да не только в зале, понимали, что он занимается популизмом, пытается еще и еще раз себя показать всей республике – заседания тогда транслировались в прямом теле- и радиоэфире. Честно говоря, это было одной из причин, почему мне было противно выходить лишний раз к микрофону после выступлений Лукашенко и других наших популистов.

Правда, главные открытия, связанные с Александром Григорьевичем, я сделал для себя, когда он стал наконец президентом. Его выступления в зале Верховного Совета я понял не сразу. Туда постоянно сзывали всех членов правительства: Леонид Синицын со своей командой выстраивал, рассаживал всех по ранжиру. В Овальном зале разыгрывались настоящие спектакли. С одной стороны, депутаты чувствовали себя вправе подразнить президента, что-то ему бросить в лицо, с другой – сам глава государства по поводу и без повода поднимал визг, будто его бьют. Часто мне становилось неудобно. Однажды сказал Синицыну: «Что вы делаете? Не превращайте президента в посмешище! Чего он сюда ходит; если его дразнят, чего заводится?» И вдруг в собственном доме я узнал, что, оказывается, президенту мешают работать депутаты. Жена спросила у меня, видел ли я, как депутаты издеваются над президентом? Речь шла о заседании, где я присутствовал, а жена смотрела телерепортаж. После этого я

начал присматриваться, что показывают по телевизору. Одно дело в зале слушать, другое – дома по телевизору. Действительно, из телекартинки следовало, что он, бедный, бьется из всех сил, сражается, а ему мешают депутаты.

С Григорием Киселем я на эту тему не говорил – бессмысленно. Я знал его по Могилеву как человека блеклого, несамостоятельного, а эти телекартинки свидетельствовали о том, что это человек еще и не вполне порядочный, врун. Общаться с такими людьми просто неприятно – они служат не делу, а хозяину.

Тем более я почти был убежден: не серенький Кисель, а сам Лукашенко – главный сценарист и режиссер телешоу. И когда в 1995-м, а затем в 1996 году начали громить Верховный Совет как государственный институт, как самостоятельную ветвь власти, в общественном мнении все уже было сформировано…

Правда, и сам Верховный Совет по собственной же вине оказался безголосым. Когда Лукашенко своим указом снял с должности главного редактора парламентской «Народной Газеты» Иосифа Середича, Мечислав Гриб, тогдашний председатель Верховного Совета, просто смолчал. Потом, когда ему на смену пришла связка Шарецкий – Новиков, я пытался убедить их: рассмотрите вопрос по редактору газеты, а то Лукашенко навяжет вам своего. То ли смелости не хватило, то ли желания не было, в результате Верховный Совет фактически лишился своей газеты.

Именно руководство Верховного Совета 13-го созыва стало виновником всего происшедшего в 1996 году. Оно не хотело сражаться, оно надеялось, что назревший государственный переворот как-нибудь рассосется сам по себе. Им нужно было бороться за каждый голос, а они думали, что удастся ограничиться статьями в газетах и бесконечными взываниями к совести человека, вознамерившегося заполучить неограниченную власть.

Мне были довольно хорошо известны действия, планы и переживания Семена Георгиевича Шарецкого. Он ничего не скрывал, иногда приезжал ко мне домой для совета и просто «излить душу». Задолго до разгона Верховного Со-

вета я с тревогой наблюдал, как интеллигент профессор Шарецкий пытается уговаривать, увещевает Лукашенко. Почти как крыловский повар. Для людей типа Лукашенко, взявших на вооружение беспардонную ложь, плутовство, коварство, наглость, не существует таких понятий, как совесть, порядочность, нравственный императив. Исторический опыт свидетельствует, что в схватке цивилизаций, как правило, побеждает более варварская. Правда, и конец ее ждет печальный. Но надежда на то, что молодой белорусский президент, историк по образованию, осознает бесперспективность избранного им пути на установление диктатуры, таяла с каждым днем. Уничтожение демократии в собственной стране было для Лукашенко лишь промежуточным этапом в борьбе за Московский Кремль, в которую Александр Григорьевич ввязался со всем своим природным азартом. Кремль же в лице Бориса Ельцина и его политического окружения всячески подыгрывал белорусскому президенту, сознательно закрывал глаза на то, что, эксплуатируя лозунги о «братской дружбе», белорусский режим «делает деньги» на дружеской границе. В Кремле делали вид, что не замечают хулиганские поступки Лукашенко, его оскорбительные публичные высказывания в адрес российских политиков. Чтобы «сохранить лицо», россияне придумали оправдание: мол, да, конечно, сукин сын, но – наш сукин сын…

Летом 1996 года стало очевидно, что Лукашенко не остановится ни перед чем, чтобы растоптать Конституцию Беларуси. У меня было лишь одно сомнение: не сумеет найти бездумных и бездушных исполнителей своего преступного замысла. Ведь уже было известно, какая судьба постигла исполнителей замыслов Сталина. Я глубоко заблуждался, думая, что среди белорусов не найдется столько палачей своей Родины. Нужно было оказаться за решеткой, чтобы вспомнить о том, сколько же среди белорусов было полицаев и предателей даже во время Второй мировой войны. Так и на этот раз. Кто-то готов был служить, чтобы сохранить свое место у корыта, кто-то из страха, кто-то – просто из желания «насолить» всем остальным. Можно смело говорить, что нравственная эволюция многих наших граждан пошла по нисходящей – к дегра-

дации. И лишь со временем, когда диктатура падет, можно будет очиститься от порожденной ею скверны…

Нельзя говорить, будто Конституция как документ сама по себе может таить какую-то опасность. Голосуя за Конституцию в 1994 году, никто не чувствовал никакой опасности. В первоначальном варианте была установлена возрастная планка для кандидатов в президенты – сорок лет. Так и не понимаю, почему и в какой момент она исчезла. Меня не было тогда на сессии, я за нее не голосовал. Потом спустя время мне рассказывали, как Дмитрий Булахов, то ли уговаривая, то ли шантажируя депутатов, обращался к ним – и в первую очередь к Кебичу: «Чего вы боитесь?» И – возрастная планка была опущена. Кебича, как говорится, взяли на подначку, как подростка во время дворовой драки: ты что, боишься, ты что, слабый?! А ведь многие депутаты понимали, что опускаешь планку до 35 лет – и президентом становится Лукашенко. А когда ему в руки дали такой пропагандистский козырь, как пост председателя так называемой антикоррупционной комиссии, вопрос был фактически предрешен.

Конституция 1994 года была Конституцией компромисса времени и поколений. Не могу сказать, что это была полностью Конституция демократического государства. Но компромисс все-таки был достигнут. И никто не думал, что ее будут так скоро переписывать, не пройдет и трех лет.

Можно было, конечно, послушать БНФ и провести роспуск Верховного Совета. Но мне, например, и в тот момент казалось, и теперь убежден, что это привело бы лишь к очередной кампании взаимного шельмования. Ведь политические дрязги и споры не давали ответа на главный вопрос: как живет рабочий, как живет крестьянин? Меня парламентская болтовня иногда даже раздражала так, что подумывал: а не сложить ли депутатские полномочия? Даже съездил в Костюковичский район, где меня избирали депутатом, поговорил на этот счет и с рядовыми избиратели, и с руководителями района. Они меня осадили: район нуждался в лоббировании своих интересов в правительстве, и это будет несолидно по отношению к поверившим в меня людям. У них было такое право. В районе я бывал часто, старался помочь, как мог.

Даже работая в Германии, старался выбивать из белорусских правительственных чиновников помощь району. А районное руководство меня контролировало довольно жестко, причем я сам это инициировал еще во время выборов. Тогда, в 1990 году, была составлена специальная программа, которую я как депутат высшего законодательного органа страны должен был реализовывать. Избиратели могли проверить, насколько успешно я исполняю свои обещания. Они напомнили мне о выполнении предвыборных обещаний не только в части решения экономических проблем района. Верховный Совет работал над новой Конституцией, и мои избиратели вправе были напомнить мне о том, что не время менять депутатов Верховного Совета. Могу сказать, что главные колебания во время голосования по статьям Конституции 1994 года были у меня по поводу введения поста президента. Я отдавал предпочтение все-таки сильной президентской власти, памятуя и судьбу Великого Княжества Литовского, и Речи Посполитой, где шляхетско-парламентское своеволие сыграло свою роковую роль. Необузданный парламентаризм, когда над королем смеялись и делали из него шута, был для меня всегда неприемлем. Не мог спокойно смотреть, как манипулируют Кебичем – премьер-министром – областные царьки, депутаты: соберутся два-три и начинают давить. Кебич был вынужден отступать от очень принципиальных позиций во имя того, чтобы они агитировали своих голосовать, «как нужно». Такая вольница в переходном периоде была очень опасна. Я не мог поэтому поддержать идею коммунистов о том, что нам не нужен президент или нужен, но слабый, с малыми полномочиями. Парламентская республика предполагает высокий уровень демократической сознательности и рядовых граждан, и политиков-управленцев. А так – все увлеклись популизмом, танцевали перед телекамерами, а делом в республике никто не занимался.

Лукашенко ведь выбрали не только благодаря его ораторскому, популистскому таланту. Да, талант у него есть. Но ведь сложилась обстановка, когда около 90% граждан Беларуси почувствовали резкое ухудшение своего положения, а процентов пять начали в это же время строить настоящие

дворцы. Это не могло не сказаться на том поведении избирателей, которое потом дало о себе знать на избирательных участках. Был социальный заказ на жесткую, авторитарную власть, прямо противоположную предыдущей деятельности правительства и Верховного Совета.

Кебич никак не мог понять, что его не выберут президентом. После того как в 1989 году партийные организации Могилевской области вытянули его на выборах, он поверил, что сделают для него все. Ведь теперь именно он руководил исполнительной властью в Беларуси – благо, Шушкевич самоустранился полностью, а Гриб позже просто подыгрывал правительству. Исполнительная власть уверяла его, что победит, что вопросов никаких нет. И Кебич уже видел себя президентом. Он оторвался от реальной обстановки и доверился приближенным, которые то ли несознательно, то ли сознательно заблуждались относительно народного мнения. Поздно было делать и проправительственную партию. Партию вообще за год не слепишь. А все белорусские партии, кроме БНФ, в принципе, не были против Кебича. Да и чиновники собирали за Кебича подписей, сколько хочешь…

Я помню ту сессию, когда снимали с должности главы парламента Станислава Шушкевича. Снимали не только за то, что при его попустительстве литовским спецслужбам выдали нашедших в Беларуси приют литовских ортодоксальных коммунистов. Надоело его отнекивание, постоянные отказы от властных действий. Ему говорили: «Ладно, Кебич не хочет – так давай, ты предлагай!» Но он тоже не предлагал ничего. И выдача коммунистов стала событием-детонатором, спровоцировала парламентский взрыв. Не хочу сказать, что это был какой-то заговор. Меня, например, никто не уговаривал и не агитировал голосовать против Шушкевича. И многих других депутатов, с кем приходилось и тогда, и позже беседовать на эту тему. Просто – накопились усталость и раздражение. Шушкевич, Кебич, генпрокурор Василий Шолодонов, председатель КГБ Эдуард Ширковский, министр внутренних дел Владимир Егоров фактически начали топить друг друга в своих выступлениях, в том числе, конечно, Шушкевича. Они противоречили друг другу, и это еще боль-

ше подливало масла в огонь. Но никто не думал, что эта свара приведет к немедленной отставке высшего должностного лица государства. Об этом свидетельствует и тот факт, что у парламентского большинства не оказалось даже продуманной и согласованной кандидатуры вместо Шушкевича. Лишь потом у кого-то всплыло имя Мечислава Гриба.

Почему не освободили от должности Кебича? Просто он и врал более убедительно, и был для большинства голосовавших более «своим», чем профессор Шушкевич. Ведь Верховный Совет 12-го созыва все еще делил сам себя на номенклатурщиков и выскочек. И Зенон Позняк своим поведением, своим высокомерием еще больше делил зал на своих и чужих, заставлял определяться не вместе, а против друг друга. И тот факт, что Кебич уцелел во всей этой разборке, еще больше убедил его окружение, что Вячеслав Францевич является истинным лидером нации и кресло президента ему обеспечено.

Однако Кебича в 1994 году не «продавили» в президенты не потому, что не хотели. Правительство Кебича не вело никого и никуда, оно шарахалось вместе с парламентом, не имея четкой программы и, самое главное, желания ее реализовывать. Не было воли к осуществлению определенной линии. Чиновники это видели. Кроме того, тогда «вертикаль» на фальсификацию результатов выборов не шла, и Кебич такой задачи перед ней не ставил. И люди дали свою оценку правительству.

А Лукашенко много обещал, у него был солидный рейтинг борца с коррупцией, народного заступника. Бесконечное состязание между Кебичем и Шушкевичем создало для него идеальные условия и дало возможность одержать реальную, причем сокрушительную победу. Микрофон, телеэкран, газета, несколько людей из окружения Кебича, на которых повесили ответственность за все происходящее, – и премьер-министр из нападающего превратился в защищающегося, был вынужден уйти в глухую оборону. Но у него не было сил даже на оборону. И победил – Лукашенко.

Накануне президентских выборов 1994 года Кебич предложил мне возглавить его предвыборный штаб. Я сказал Вя-

числаву Францевичу: «Вы подумайте, на той ли кандидатуре Вы остановились. И я подумаю. Но учтите, что я выдвину некоторые условия». «Какие?» – спросил Кебич. «Например, некоторые люди из вашего окружения должны от вас отойти – для начала». Не могу сказать, что они были преступниками, но служили они Кебичу крайне примитивно, по принципу: услужливый дурак опаснее врага. Кебич выслушал мое мнение о них, и я понял, что он больше никогда не вернется к этому разговору.

Так и случилось. Мы с Владимиром Васильевичем Самощевым, согласовав этот вопрос с Кебичем и используя наши московские связи, пригласили приехать в Минск российских политтехнологов. Сняли им квартиру за свои деньги. Они прожили в Минске две недели, посмотрели телевидение, послушали радио, начитались газет и заключили: «Выборы выиграть можно, хотя очень далеко все зашло. Мы найдем, как остановить Лукашенко». Состоялся детальный обмен мнениями. Пока мы всем этим занимались, Кебич полностью укомплектовал свой штаб, назначив руководить им Михаила Мясниковича. Рассчитаться с фактически уже отработавшими на Кебича людьми у штаба и кандидата денег не нашлось.

Я посмотрел, как работали Мясникович и Заметалин, и честно сказал Вячеславу Францевичу: «Ты не выиграешь». Он обиделся. На этом и расстались.

Лукашенко еще до того, как был сформирован штаб Кебича, подошел ко мне в перерыве сессии: «Я не прошу вас, чтобы вы мне помогали, прошу только об одном – не мешайте мне». Тогда я ничего не обещал Лукашенко, но получилось, что не мешал благодаря Кебичу. Правда, потом, когда шла предвыборная кампания под руководством Мясниковича – Заметалина, мне из штаба Лукашенко предлагали присоединиться к ним. Иван Титенков и Аркадий Бородич были особенно настойчивы: «Приходи к нам быстрее». Я им отвечал: «Закончится все тем, что вы изберете, кого не надо избирать». А когда Титенков еще раз предложил присоединиться, я ответил ему: «Иван, вам никакой штаб не нужен. Кебич сам все сделал для того, чтобы вы победили».

Кампания Кебича строилась очень просто. Приехал Виктор Черномырдин и привез с собой группу молодых и дерзких политтехнологов во главе с Сергеем Давитая, жителем Санкт-Петербурга, – ныне одним из близких советников губернатора Владимира Яковлева. Те сидели в правительственной резиденции, пили-ели, кого-то к ним водили. Идеологию кампании вел Давитая. От штаба Лукашенко с ним контактировал Аркадий Бородич. Так что координация деятельности штабов Кебича и Лукашенко осуществлялась на протяжении всех выборов. Давитая хвастался тем, что именно он уговорил Кебича пойти на второй тур, не снимать свою кандидатуру, – это якобы позволило спокойно взять Лукашенко власть.

Эта и другие детали работы избирательных штабов Кебича и Лукашенко стали известны мне после указа президента о моем назначении на должность министра сельского хозяйства и продовольствия. Мне навязчиво предлагалась помощь в составлении программы реформирования сельского хозяйства Беларуси, в решении других вопросов. А сформированное Лукашенко правительство свои первые шаги делало без диктата президента, таких реальных попыток не было, если не считать некоторые популистские речи.

…Нельзя сказать, что, став президентом, Лукашенко не собирался проводить реформы. Он долго искал кандидатуру на пост министра сельского хозяйства. Не знаю, чем его не удовлетворял многоопытный Федор Владимирович Мирочицкий. Скорее всего сменой руководства нужно было подать сигнал аграриям, что перемены в отрасли будут, и перемены существенные. Знаю, что уговаривали пойти в министры Кузьму Дягилева – президента концерна «Белптицепром», но тот категорически отказался. Было еще несколько кандидатов, но потом позвали меня. Позвонил Иван Титенков и сообщил, что Владимиру Гаркуну, уже назначенному на пост вице-премьера курировать аграрные вопросы, поручено меня найти. Но Гаркун якобы сказал, что меня в Беларуси нет. «Так что, – сказал Иван, – говорить с тобой будут о назначении на пост министра, и я тебя прошу – ты не отказывайся». Пришел я в правительство фактически против воли

премьер-министра и вице-премьера, курировавшего аграрную отрасль.

Лукашенко встретил меня приветливо, напомнил о состоявшемся когда-то в парламентских кулуарах разговоре о том, что после победы он позовет профессионалов, и сказал: «Будешь министром, проводи реформы, какие сочтешь нужными!» Я изложил свое видение проблемы, попытался объяснить, что сельское хозяйство в нашей стране можно сделать вполне конкурентоспособной и выгодной для производителя и государства отраслью. Сказал, что пойду в правительство лишь при условии проведения глубоких реформ. «Давай программу!» – сказал Лукашенко. Он знал, как проводилась пусть еще не реформа, но серьезные организационные и экономические меры, когда внедрялись арендные отношения в Могилевской области в горбачевские времена, помнил, что удвоение поголовья, например, свиней в некоторых районах достигалось за год-два. И даже тогда, когда в конце перестройки весь аграрный комплекс республики начал падать, Могилевщина вопреки всем законам логики продолжала держаться на прежних показателях.

Я согласился на работу в правительстве, понимая, что надо делать дело, работать с той властью, которую в тот момент выбрал народ.

Три месяца мы трудились над программой. Привлекли специалистов, немцев, израильтян, россиян. Это была программа коренных преобразований в сельском хозяйстве, затрагивающая, конечно, и остальные отрасли. Президент читал программу очень внимательно, стараясь вникать в смысл изложенного, вооружился новейшими экономическими справочниками, словарями, проверял терминологию. Программа, судя по всему, ему понравилась. Пригласил меня и наложил на программу жесткую резолюцию: «Чигирю, Богданкевичу. К исполнению».

Я никогда не был заядлым монетаристом, хотя с уважением относился и отношусь к взглядам профессора Станислава Богданкевича, тогдашнего председателя правления Национального банка. Но считал и считаю, что к экономическим реформам можно и нужно подходить с минимумом шоков.

В программе я ставил вопросы аграрного ведомства на высокий уровень, и, естественно, Богданкевичу мои подходы не очень нравились. Иного от него ожидать не следовало – он тоже возглавлял свое ведомство. Надо было искать баланс интересов, и найти его, конечно же, можно было. А Михаил Чигирь, премьер-министр, работал по вполне традиционной схеме советского управленца: расписал программу для исполнения своему заместителю Владимиру Гаркуну.

Гаркун, чьи экономические воззрения весьма отличались от моих, уже по этой причине не мог поддерживать программу. Вставал и еще один вопрос: а кто ее подал? Леонов? А почему минуя своего непосредственного начальника (то есть Гаркуна)? Тем более что полная реализация программы делала со временем пост Гаркуна ненужным, привела бы к серьезному изменению функций министерства и полномочий министра. На это Владимир Гилярович пойти не мог, и была запущена бюрократическая машина по пуску программы под откос.

Три месяца подчиненные Гаркуна из аппарата правительства готовили записку, из которой следовало: программа, конечно, хорошая, но нуждается в доработке, дополнительном изучении, согласовании и т.д., и т.п. Как ни странно, но записка получила почти матерную резолюцию Лукашенко. Тогда Чигирь, как ему казалось, нашел компромиссное решение: раз Гаркун отказывается работать по этой программе, поручить ее курирование вице-премьеру по вопросам макроэкономики Сергею Лингу.

Я Сергея знал давно, мы с ним когда-то были коллегами. И это решение расставило все точки над «и»: правительство во главе с премьером, несмотря на грозную резолюцию президента, решило похоронить эту программу, поскольку более квалифицированного, матерого гробовщика экономических реформ, чем Сергей Степанович Линг, пожалуй, не было в республике.

Задает он мне вопрос: «Реформа не может быть без банкротства. Значит, кто-то окажется безработным?» «Окажется, – соглашался я. – Но ведь это несоизмеримо с тем, что вся отрасль сидит без зарплаты, а зарплата “дошла” уже в

ряде случаев до 10–15 долларов в месяц». «А что ты будешь делать, когда люди с плакатами придут сюда, к Дому правительства, к твоему министерству, требуя работы? Зачем тебе это надо?» – увещевал Линг. «А зачем мы здесь сидим, Сергей? – отвечал ему. – Пенсии дожидаемся? Нас ведь для того назначили в правительство, чтобы мы что-то делали, куда-то вели страну. Куда?». Действительно, куда мог привести экономику Линг?

Ждать от правительства серьезной, заинтересованной работы по реформированию аграрного сектора не приходилось. Но не сидеть же сложа руки, надо делать что-то на уровне министерства, что зависело от меня как министра. Разработали программу сотрудничества с Германией. Выделили группу хозяйств, где начали массовую «промывку мозгов» управленцам. Немцы шли на сотрудничество с большой охотой, особенно правительство земли Бранденбург. Они рассматривали Беларусь как своеобразный плацдарм не только для продвижения своих передовых технологий на восток, дальше в Россию, но и как пропаганду немецкого образа жизни. И еще: зачем немцу кормить комаров в тайге? Это с успехом могут сделать и белорусы – лишь дайте нам свои технологии, научите нас работать! Так я «агитировал» их, работая еще торгпредом Беларуси в Германии.

И дело пошло. В Германию – не на экскурсию, не за покупками, а за делом – поехали заместители председателей исполкомов и сотрудники управлений агропромышленного комплекса исполкомов всех уровней, председатели колхозов, ведущие специалисты министерства и аппарата правительства, депутаты-аграрники. Правительство Германии выделило своего специалиста на должность советника; мы платили ему тарифную ставку по нашему штатному расписанию, а остальное, до четырех тысяч марок в месяц, доплачивал ему германский бюджет. Он в совершенстве владел русским языком, был отставным дипломатом, постоянно находил для наших хозяйств германских партнеров, решал вопросы, оказывал консультационную помощь. Премьер-министр земли Бранденбург предложил: давайте возьмем для эксперимента один район, проведем там полную реорганизацию системы

управления сельскохозяйственным комплексом, посмотрим, что получится, а после начнем продвигать шире. Выбор пал на Копыльский район Минской области. Провели солидные социологические исследования, давшие удивительный результат. Поныне еще проскальзывает у кое-кого из чиновников мнение, будто крестьяне выступают против реформ. Неправда! Примерно 70% крестьян при анонимном опросе высказывались против колхозной системы, за частную форму собственности, в том числе на землю.

Нельзя изображать как однородную тупую и косную силу и чиновников из местной власти. Там разные люди. Например, председатель Витебского облисполкома Владимир Андрейченко – просто трус. Он понимает, что разваливает сельское хозяйство, но у него в области меньше всего реформированных предприятий. Отвечал просто: «Команды сверху не было, так что делать это опасно». А вот Владимир Заломай, Николай Войтенков, Александр Дубко брали ответственность на себя. Они не боялись ответственности и за реформы, и при решении других вопросов.

Закончилась программа «промывки мозгов» визитом в Германию всех шести губернаторов. Визит долго переносился – его организации всячески противился Мясникович, даже сумел привлечь в союзники тогдашнего председателя Гродненского облисполкома Александра Дубко, и тот заартачился: «Не поеду! Чего мне там смотреть? Я сам – аграрник!» Я ему говорю: «Александр, какой ты, к черту, аграрник? Поехали! Посмотришь на настоящих аграрников». И все поехали…

Пробыли там неделю, и я с ними. Посмотрели все, что хотели увидеть. Смотрели восточные земли: какой была в Восточной Германии колхозно-совхозная система и как она трансформировалась. Немцы не скрывали от нас и проблем. Выступали специалисты, ученые, практики. Назад ехали молча. Помню последний день в Германии. Ранним утром ехали по живописным землям Бранденбурга, и один из губернаторов, слушая рассказ немецкого специалиста о том, как немцы разводят в водоемах рыбу, не выдержал и с горечью произнес: «Мы пока можем похвастать лишь красотами нашей природы, но не далек день, когда и этого не будет».

Губернаторы сидели удрученные, понимая, как далеки мы от действительно передовых сельскохозяйственных технологий, как сильно отстаем. Я же был почти безразличен, мы понимали друг друга без слов: дальше бороться с косностью, инертностью государственного механизма бессмысленно, – созрело решение быстрее уходить в отставку.

Изучение опыта Германии давало свои результаты. Когда Лукашенко в конце концов приказал надеть на меня наручники, более 300 хозяйств Беларуси (по инициативе снизу!) преобразовались в акционерные общества. Как только руководитель проявлял инициативу, ему всегда оказывалась квалифицированная помощь – в областных комитетах и райсельхозпродах были готовы на своем уровне и в соответствии со своими полномочиями вести дело по-новому. Но все это прихлопнулось в один день, когда был арестован Василий Старовойтов…

Без решения руководства страны настоящие реформы проводить невозможно, что и подтвердил арест Старовойтова. В 1994 году программу реформы просто затаскали из кабинета в кабинет, а в 1995 году, после первого референдума, тогдашний глава Администрации президента Леонид Синицын четко и недвусмысленно сказал: «Нам реформы не нужны. Наша задача сохранить достигнутое, а потом мы завоюем Кремль».

Понятно, что эта новая стратегия исходила от президента… А до референдума 1995 года президент действительно искренне хотел реформ. И был к ним готов. Но тогда не было готово правительство. Помню, как в очередной раз в президентском кабинете он собрал всех причастных к этому вопросу и в лоб спросил Чигиря: «Михаил Николаевич, почему Вы волокитите? Скажите честно и прямо, с чем не согласны!» Чигирь отвечает: «Александр Григорьевич, речь ведь идет о людях. Вспомните, как вы отреагировали, когда мы цены отпустили. А теперь еще что-нибудь сотворим. Появятся безработные, выйдут на площадь…» Лукашенко отрезал ему: «Ты, Михаил Николаевич, работай, остальное не твоя забота. Сюда, на площадь, никто не пройдет. Тут будут стоять танки и пулеметы, и ни один сюда не ступит. Площадь будет сво-

бодна! Можешь делать все, что угодно». Чигирь только молча склонил голову. Замолчал и я: о каких реформах говорить, если речь зашла о танках?

До референдума 1995 года Лукашенко еще мог заставлять свое «совковое» правительство брать на себя риск. После референдума он уже не хотел никаких реформ, ему нужен был Кремль…

… Первый референдум (1995) как-то прошел мимо меня. Мне казались бессмысленными, дешевыми все эти вопросы: ну как можно на них завоевать себе авторитет?! Но напрямую меня и мое министерство они практически не затрагивали. И меня оставили в покое. Было понятно, что Лукашенко выиграет, но работать мне не мешали.

Я еще не знал, что после референдума Иван Титенков полез на крышу резиденции рвать на куски государственный флаг страны. Глава Администрации президента Леонид Синицын, сияющий от ощущения собственной победы, пригласил меня в кабинет – побеседовать, ввести в курс происходящего. Суть беседы свелась к следующему: теперь, после разгрома внутренней оппозиции, нам суверенитет как таковой не нужен. Отдадим его ради восстановления Советского Союза в какой-то новой форме, и Лукашенко как самый сильный и перспективный политик на постсоветском пространстве возглавит возрожденное государство. Я сказал четко: «Леонид Георгиевич, ты как хочешь, но эта авантюра ничем кроме провала не закончится. Я в этом не участвую». Не знаю, информировал ли Синицын президента об этом разговоре, скорее всего, нет, ибо изменений в отношении к себе я не почувствовал.

Из правительства уходить тогда я не собирался. Оно работало. И хотя какое-то напряжение первоначально у нас с Гаркуном и Чигирем было, потом мы просто перестали обращать на это внимание. И до 1996 года правительство решало свои вопросы. Когда Чигирь позже говорил, что белорусское благополучие 1995–1996 годов – заслуга правительства, он говорил правду. И Лукашенко не мешал. Можно было спорить с Минфином, Минэкономики, банками, даже с самим Лукашенко, и добиваться своего. Вспоминаю ноябрь 1994

года. Поскольку никаких принципиальных возражений против разработанной нами программы тогда не было, я в полном соответствии с нею отпустил цены на сельхозпродукты. Шока не было, но заголовки газет запестрили фразами о небывалом росте цен. Лукашенко тогда находился на лечении в Крыму – у него разыгрался радикулит. Накануне возвращения в Минск к президенту отправились Иван Титенков и Виктор Кучинский, причем набрали с собой газет. В самолете Александр Григорьевич успел подначитаться и, едва сойдя с трапа самолета, с присущей ему эмоциональностью перед телекамерами устроил разнос, приказал: «Цены, назад!»

Гаркун перепугался и слег с типичной для чиновников дипломатической болезнью. Михаил Чигирь прикрыл меня: «Действия Леонова согласованы со мной», – хотя формально я с ним ничего не согласовывал, ведь у меня была президентская резолюция. Я и не собирался согласовывать, потому что знал: Гаркун запретит. Действовал на свой страх и риск по принципу: если вам надо – запрещайте! Запретить начатое ведь всегда сложнее, чем не разрешить.

Я и в тот момент был готов к отставке. Но, по-моему, президент не собирался тогда меня увольнять. Весь этот поднятый им шум был лишь для публики, а на самом деле он хорошо понимал, что без отпуска цен никаких реформ не сделаешь. Важную роль сыграл председатель Минского горисполкома Владимир Ермошин. На той разборке он поднялся и заявил бесстрашно: «Александр Григорьевич, позвольте высказаться мне как главному заказчику и потребителю сельскохозяйственной продукции. Вы здесь не правы. У нас за это короткое время серьезно расширился ассортимент продовольствия, повысилось качество продукции. И то, что сделал министр, – показывает на меня, – направлено на то, чтобы было еще лучше. Если мы сейчас все отменим, вернем, что было, будет хуже. Ведь только-только прилавки стали наполняться. И люди уже не ропщут, что бы там ни писали отдельные журналисты. Я нигде не слышал ропота». Президент даже стушевался. Его во время полета домой настраивали, убеждали, что вот-вот пойдут массовые демонстрации к резиденции с требованием его свержения. А тут встает мэр бе-

лорусской столицы и утверждает, что стало намного лучше, чем было.

Следом в атаку пошел я, заявив, что я готов к отставке. «Василий Севастьянович, чего ты кипятишься? Ты же пойми, я обещал народу вернуть цены назад. Верните хотя бы на творог на несколько дней. Не может же президент обманывать свой народ».

Я вернулся в кабинет, отдал распоряжение подготовить соответствующий приказ, и цены на творог вернулись назад почти на две недели, после чего вновь стали регулироваться общими рыночными механизмами. Вскоре цены более-менее стабилизировались.

И так длилось до лета 1996 года, можно было работать.

Традиционно сельскохозяйственную отрасль у нас рассматривали как черную дыру: сколько ни дай вам – все уйдет впустую. Но дело-то в том, что деньги шли не туда, куда нужно: не на освоение новых технологий, не на интенсификацию производства, без чего невозможно какое-нибудь движение. А на движение нужны ресурсы, что и приходилось доказывать не только господам монетаристам, но и руководителям правительства. Чаще всего выступали одним фронтом с губернаторами. А министерства экономики, промышленности, финансов жестко оппонировали. Их можно понять: пирог-то – один, и если кому-то побольше кусок выделишь – другого обделишь. Непросто было доказывать элементарное: на селе мы ничего не «прокручиваем», а создаем серьезные материальные ценности. Лоббисты других отраслей не хотели понимать: если сегодня отбираешь что-то у села – завтра, послезавтра всем аукнется. Село – отрасль, которую ни опустить резко, ни поднять рывком нельзя.

В первую очередь взялись за внедрение интенсивных технологий в птицеводство, свиноводство, во все подотрасли аграрной сферы. Конечно, поначалу доминировали административные методы. Учили наших «все знающих» специалистов, как правильно накормить, как сбалансировать рацион птицы, какие подобрать породы, какой должен быть режим содержания. Результаты при этом должны быть – вот таковы, т.е. определялись конкретный уровень и эффективность

производства. Если у директора не получается раз – его ждет выговор, не получается во второй, третий – уходит с работы. Оплата только по результатам. И вскоре мы смогли выиграть конкуренцию с финнами на московском рынке. Российский «Птицепром» постоянно звонил Дягилеву и умолял: «Поднимите хоть немного цены!» То есть не выдерживали нашей низкой себестоимости.

Потом удалось получить небольшие преференции на свиноводство. Действовали, как и в птицеводстве. И с теми же результатами: белорусская свинина подешевела в сравнении с российской. Работали с теми, кто мог работать. Определили в качестве полигонов 70 хозяйств, где рассчитывали создать полностью конкурентоспособное производство во всех сферах аграрного комплекса. Ставили целью обогнать в этих хозяйствах немцев и поляков (хотя самим немцам, конечно, об этом не говорили). Постепенно люди убеждались, что в Беларуси можно работать точно так же, как в Германии.

Было еще одно чрезвычайно узкое место, сдерживающее развитие сельского хозяйства. Это наука. Обнаружилось, что наши отраслевые аграрные институты, включая Президиум Аграрной академии, живут вчерашним днем, не знают ничего, что происходит в странах, которые, легко преодолевая 30-процентный барьер пошлины, конкурируют с нами на наших же рынках. У нас ходили героями при затратах 5–6 кормовых единиц на килограмм привеса свиней, на Западе же давно нормой считалось 3,5 кормовой единицы. Достигалось это полностью сбалансированным кормлением, использованием так называемых суперконцентратов и улучшением породных качеств животных.

Вспоминается забавный факт. Вместе с Александром Зиневичем – моим заместителем, курирующим животноводство, ходим в Варшаве по выставке племенного животноводства. Подходим к фермеру: «Чем пан кормит свой скот?» Тот начинает рассказывать: «Ячменя столько-то, пшеницы столько-то, суперконцентрат такой-то и такой-то…» Смотрю, Зиневич записывает что-то в блокнотик и вдруг споткнулся: а что такое суперконцентрат? «Ну, как же, пан, – отвечает поляк, – то такая смесь, где все есть… Такая комплексная до-

бавка, где сбалансированы все элементы питания». Так мы обошли фермеров пятнадцать, с овцами, с коровами. Спрашиваю: «Что, понятно, что такое суперконцентрат?» Зиневич отвечает честно: «Я думал, что в животноводстве все понимаю, а это дело для меня новое».

Когда мы начали закупать суперконцентрат за валюту на западе, президент Аграрной академии Антонюк написал обширную записку на имя Чигиря: дескать, Леонов, как простой механик, ведет сельское хозяйство Беларуси к потере продовольственной безопасности страны; мол, если мы будем покупать на западе суперконцентрат и прочие добавки (а своих не производим), загубим наше животноводство. Нужно опираться только на собственные силы. Но когда ученые посмотрели что к чему, познакомились с проблемой, Антонюк по собственной инициативе извинился передо мной.

Меня все время бранили: мол, Леонов хочет распустить колхозы! Министр – враг колхозов! Леонов – сам колхозник. Я родился в 1938 году, мои родители были колхозниками. До 1958 года я был колхозником-крепостным, поскольку паспорт мне не давали. И только в 1958 году, получив его, отправился в шахту, чтобы заработать на приличную одежду и получить возможность учиться (стыдно было ехать в город на учебу в парусиновых туфлях и рваных штанах). Уже потому я не мог оставаться бездумным адептом колхозов, ибо колхозы делали и делают сегодня в Беларуси крестьян крепостными, сковывали и сковывают инициативу, губили и губят технологию аграрного производства. Колхоз сегодня – это нонсенс, это – гремучая смесь трудармии Троцкого и крепостного права. Эта система давно изжила себя, показала полную экономическую несостоятельность, потому что держится она исключительно на страхе. И если до сих пор держится, то лишь благодаря лидерам республики, потерявшим время и испугавшимся реформ, боящимся потерять контроль над всем и вся. Им, видимо, невдомек: может случиться, если ничего не делать, что через 5–10 лет уже и контролировать не будет кого, и землю обрабатывать будет некому.

Что такое сегодняшний председатель колхоза? Хозяин? Нет, человек, назначенный вышестоящей властью, который отчитывается перед ней. Он не подотчетен колхозникам, он ничем не владеет и у него нет никакого интереса. У него нет интереса приумножать, развивать хозяйство, наращивать производство, ибо все продукты труда – не его. Им говорят о морали, о долге, всячески запугивают. Но и это уже не действует.

Что такое колхоз? В восточных областях – это 30–40 чиновников и примерно столько же механизаторов. В какой стране на одного работающего приходится один начальник? Да нигде! Доярке, обслуживающей 25 коров, вообще не нужны чиновники: ей нужен учетчик, который запишет, что Марья Ивановна Сидорова сдала столько-то молока и ей причитается столько-то денег. Нужен ветеринар, который будет смотреть за этими коровами. И – все! Первыми я познакомил с аграрным комплексом реформированных восточногерманских земель вице-премьера правительства Михаила Мясниковича, отвечавшего за внешнеэкономические связи, и тогдашнего первого заместителя министра финансов Николая Румаса в 1992 году. На 6 тыс. гектаров земли – 50 работающих, в том числе один руководитель хозяйства, выполняющий исключительно менеджерские функции, кандидат экономических наук. И бухгалтер – на полставки. А руководитель хозяйства осенью, в период уборки урожая, сам садится за руль, чтобы не привлекать дополнительных рабочих рук. И это все реально сделать в наших условиях.

До референдума 1996 года, если точнее – государственного переворота, совершенного Лукашенко, все двигалось, со скрипом, при яростном сопротивлении сельского чиновничества, но двигалось в этом направлении. И результат был виден. Наблюдался подъем, медленно, но росли оборотные средства предприятий аграрного комплекса, Белкоопсоюза, Минторговли. Мы держали под контролем свой рынок, часто административными мерами, но на благосостоянии людей это не очень сказывалось. Росли зарплата, покупательная способность населения, медленно, но рос ВВП. И, как уже отмечалось, после достопамятного референдума все застопо-

рилось, пошло к откату. Команда к откату была дана… Но об этом попозже…

У нас с Лукашенко были нормальные рабочие отношения – и тогда, когда он работал в «Городце», и когда были депутатами Верховного Совета, бывало, одной машиной ездили из Минска в Могилев. Разные характеры, разные интересы, разные нравственные установки, наконец, возрастная разница не позволяли нам сойтись близко. Я не питал к нему ни неприязни, ни особой симпатии, как, впрочем, и он ко мне. Но терпел – я ему был нужен. Окончательно и, думаю, бесповоротно разошлись мы накануне референдума 1996 года. Я не скрывал, аргументированно и вслух заявлял, что Конституцию Беларуси менять не надо.

Накануне большого совещания, проходившего в Культурно-просветительском центре Управления делами президента на Октябрьской, 5, мне недвусмысленно дали понять: «Василий Севастьянович, хорошо бы и вам на нем выступить». Уже было понятно, к чему все идет. Дело было не в простом расширении президентских полномочий, затеянная перекройка Конституции фактически уничтожала баланс властей, снимала преграды на пути к бесконтрольности, всевластию, диктатуре. Это был для меня второй момент в жизни (первым Чернобыль), когда ставкой была даже не должность, а совесть. Переступить через совесть, принципы и убеждения тогда для меня было равнозначно самоуничтожению. Я собрал семью и сказал, что в поддержку референдума выступать не буду, не имею права. Все знали, что могу и, скорее всего, окажусь безработным (о худшем тогда как-то и не думали), но с моим решением согласились.

Я выступил на том совещании, не критиковал никого, всем все было понятно, но сказал, что власти правительству и руководству страны в целом хватает. Нужно лишь разумно использовать данные Конституцией полномочия, добросовестно работать. И тогда вырастет и укрепится и авторитет власти, и авторитет лично Ваш, Александр Григорьевич… Зал в своем подавляющем большинстве не среагировал.

Позже начались звонки. Первым позвонил Анатолий Харлап, министр промышленности: «Как же вы, Василий Сева-

стьянович, не сориентировались? Вы же опытный человек, бывший секретарь обкома партии! Вы же мне должны были бы еще подсказать…» «Это твое дело, Анатолий Дмитриевич, – ответил я, – а я сказал в точности то, что хотел». Потом позвонил Николай Домашкевич, руководитель Службы контроля президента: «Вас не понимают. Что же вы так промахнулись? Знаете, что о вас говорят?» «Догадываюсь», – ответил я. Позвонил и Титенков: «Как же так?» «Вот так», – отвечаю.

Уже после отставки Титенкова мы не раз встречались с ним в Москве. Я говорил ему: «Иван, ты должен покаяться перед народом!» Но Иван до этого пока не дозрел. Есть у него пока лишь личная обида, нет понимания, какой грех взял он на себя перед белорусским народом и Беларусью.

Потом было Всебелорусское народное собрание, которое проходило во Дворце спорта. Шарецкий просил меня, если Лукашенко будет настаивать на том, чтобы референдум вопреки решению Конституционного суда носил обязательный характер, чтобы я вместе с некоторыми другими членами правительства выступил против.

Нас усадили всех в специальную выгородку. Картина была интересная. Кроме двух человек – Михаила Русого и председателя Белкоопсоюза Григория Владыко – никто не старался никак комментировать речь главного оратора. Лишь эти двое старались всячески подчеркнуть свою лояльность Лукашенко. По лицам всех министров было видно, что они чувствуют себя, как в дерьме. Так, вероятно, в этот момент думало большинство участников собрания. Лукашенко ощутил это напряжение. После доклада и нескольких выступающих был объявлен перерыв. Сразу же после перерыва Лукашенко вышел на сцену и сказал: «Я вижу, что вы все плохо относитесь к этой идее. Референдум будет носить рекомендательный характер, можете успокоиться».

Большинство, я, грешный, в том числе, тогда еще верили, что слово президента действительно чего-то стоит. Поэтому и выступать мне не было никакого смысла.

К непосредственной подготовке референдума меня не привлекали. А когда уже стало очевидно, что Верховный

Совет проиграл все, Шарецкий попросил меня созвать коллегию министерства и осудить происходящее как государственный переворот. «Какая коллегия? Кому это поможет? Вы не сумели сохранить даже собственную газету, а теперь рассчитываете, что коллегия отдельно взятого министерства вас спасет?!» Примерно то же сказали ему и несколько других министров. Помогать проигравшим было бессмысленно, а начинать войну самому – к такому я не готовился. И я до сих пор уверен, что поступил правильно: этот разговор состоялся у нас всего за несколько часов до прилета Черномырдина и К°, когда Семен Георгиевич вместе с Тихиней хлебнули шампанского и сдали все, что можно было сдать.

Меня спрашивают часто, почему я не ушел в отставку вместе с Чигирем. Могу ответить двумя вопросами. Во-первых, куда уходить? В оппозицию? Уже после того, как я в нее попал, я убедился, что лучше бы этого не было. И, во-вторых, – с кем уходить? Чигирь уходил в отставку один. Он ни с кем не советовался. Правда, к моменту его отставки мы уже понимали друг друга, и когда у меня возникали серьезные вопросы, я, минуя Гаркуна, шел напрямую к Чигирю: мол, Вы, Михаил Николаевич, тут сами разберитесь со своим боевым заместителем, а мне работать надо. У нас уже было общее понимание экономических процессов, нацеленность на реформы. Но тему референдума мы в правительстве не обсуждали. И наедине с Чигирем мы эту тему не обсуждали. Поэтому, когда Чигирь ушел в отставку, многие из министров тихо ворчали, почему он не поговорил с ними, – и они бы ушли. И действительно, человек пять – семь ушло бы. А так что же это получается: я взял – и ушел! Ну и уходи, хрен с тобой! Если бы еще хоть какую-то силу ушел организовывать, а то просто хлопнул дверью…

После референдума Лукашенко заново назначал всех членов правительства. В основном остались те же. Потом мне рассказывали, как в присутствии нового премьера и вице-премьеров он перебирал личные дела членов правительства, достал и мое и спросил: «А что с этим делать будем?» И неожиданно поднялся Гаркун и категорически выступил за мое назначение: «Пока менять некем, нужно назначать».

Я понимаю, почему он так поступил: пока новый человек будет входить в курс дела, отвечать бы пришлось ему самому, а то, смотришь, и самого понизит – от Лукашенко можно всего ждать. Не знал он, кого предложить вместо меня. Но все равно его предложение оставить меня требовало какой-то смелости – ведь знал он о моей позиции, о происходящем. «Хорошо… Пусть поработает…» – молвил Лукашенко и отложил мое дело в сторону. Но решение, судя по всему, уже принял…

Мой арест готовился заранее. Даже отправили в отпуск, чтобы не путался под ногами да еще, не дай Бог, публично не ляпнул что-нибудь непозволительное. Съездил в Сочи подлечиться, а на обратном пути заглянул в Белгород, откуда было предложение о новом месте работы. Показали и дом, в котором буду жить, оговорили место работы жены. Но за мной уже «ездили» – следили вовсю, подслушивали. Даже в Белгороде «сопровождал хвост»: я его обнаружил абсолютно точно, когда с белгородским губернатором Савченко отправились вместе поужинать.

Стать жителем Белгорода так и не довелось. Вернулся в Минск, и вскоре на меня одели наручники.

Это был второй, увенчавшийся успехом заход усадить меня за решетку. Первый был в самом начале 1997 года, когда государственный секретарь Совета Безопасности Виктор Шейман затеял многоходовую комбинацию по обвинению министра сельского хозяйства и продовольствия Леонова во вредительстве. Шейман изобретал почти детективную версию: Леонов закупил за рубежом токсичный шрот, завез в Беларусь, чтобы отравить скот и птицу. Ежов и Берия, вероятно, были столь же изобретательны. Шейман дал телеграмму на все хлебокомбинаты: запретить скармливать шроты, поскольку они токсичны. Я узнал об этом на планерке. «В чем дело? – спрашиваю. – Коль шрот токсичен, то должен быть массовый падеж и птицы, и скота». «Все хорошо, – отвечают мне, – даже снижение привесов не наблюдается. Просто есть такая телеграмма». Срочно требую заключение из ветлаборатории. Дали заключение: есть некоторая кислотность, но в пределах допустимой нормы, можно скармливать без-

боязненно. Два заместителя министра оказались между двух огней: с одной стороны, телеграмма Шеймана, с другой – мое жесткое указание ежевечерне докладывать лично мне, сколько шротов за день скормлено. Я ведь хорошо понимал: не скармливать шрот – все равно что сгноить его. Белковые корма невозможно хранить при температуре в 30 градусов. Месяц – и шроты превратятся в навоз.

Даже теперь я не понимаю, как у меня хватило сил настоять на своем, добиться у подчиненных выполнять мой приказ, а не приказ грозного Шеймана. Было очевидно, что идет подковерная борьба за рынок, в которой не гнушаются никакими средствами, чтобы убрать с пути «досадную помеху» – несговорчивого министра. Просиди я без движения неделю-другую, и можно было бы представить абсолютно достоверное заключение о непригодности шрота. И кто бы стал разбираться, почему это заключение датировано 25 апреля, а не, скажем, 30 марта? Пять миллионов долларов выбросил – и отвечай по полной программе, Леонов…

У Владимира Гиляровича Гаркуна при одной мысли об этом капал пот с пальцев: «Ты что! Это же Шейман! Не смей скармливать шрот!» «А ты понимаешь, чем это кончится? – спрашиваю я Гиляровича. – Тогда ты как вице-премьер запрети мне скармливать, возьми на себя такую ответственность! А я знаю, что шроты годны к употреблению в корм и должны быть скормлены скоту. И это не компетенция Совета Безопасности. Есть лаборатория, и я действую на основании ее заключения».

Когда шроты были полностью скормлены, мы подвели итоги борьбы с ведомством Шеймана, написали докладную записку, с которой я пошел к президенту и задал прямой вопрос: «Что за дебилы сидят в вашем Совете Безопасности?» Рассказал ему всю эту историю, как и что делалось, пояснив, что если бы мне на самом деле взбрело в голову покупать токсичные шроты, корабль не загрузили бы, не проверили образцы, капитан не позволил бы это сделать без международного сертификата. Потом в Гамбурге склады на выгрузке не приняли бы груз без нового сертификата. Затем в Клайпеде брали на анализ, когда перегружали в поезд. Всюду – между-

народные службы, независимые экспертизы! И вдруг – специалисты Шеймана безапелляционно заявляют, что шроты токсичны, запрещают к скармливанию.

Лукашенко меня выслушал без всякой враждебности, при мне надавил на кнопку селектора и вызвал Шеймана: «Какие там придурки у тебя вели это дело?»

Вот так закончилась эта дурацкая история. Президент после разговора сказал: «Я посмотрю, что на тебя там Шейман собрал». Я понял: Шейман собирает на меня компромат и президент об этом знает. Что же, долг платежом красен. Я ведь Александру Лукашенко тоже насолил в жизни. Вспомните: хочет в председатели колхоза с сильным «патриотическим» порывом, а Леонов – стоп, сначала получи соответствующее образование. Три года угробил. Рвется в народные депутаты СССР – опять Леонов мешает, притащил и поддержал какого-то Кебича. На президентских выборах Леонов не помогает. Один, другой референдум – Леонов не то что не помогает, а ведет себя нахально, ставит палки в колеса.

Просто так это не могло мне сойти с рук…

В первый раз я, как говорят, поднялся из окопа в 1988 году. Сейчас очень много чиновников понимает, в каком тупике находится страна, как мы отстали от ближайших соседей. Даже ближайшие соратники Лукашенко это понимают. Но подняться и честно сказать об этом очень непросто. Нужно иметь волю, пересилить страх и за себя самого, и за своих близких… Надо иметь мужество не меньшее, чем в те черные чернобыльские дни.

В тот день, 26 апреля, мы рано проснулись в Мстиславле, где находились в рабочей поездке с Николаем Дементеем, секретарем ЦК КПБ по аграрным вопросам. Началась посевная, мы долго ездили по полям и к обеду приехали в Чериковский район. Только что прошел ливень. Было какое-то необычное слепящее солнце и очень слезились глаза. Я, как обычно, позвонил в обком дежурному: никаких вопросов не было. Проводив до границы области Николая Ивановича, приехал домой. Вдруг раздается телефонный звонок. Звонит начальник Могилевского УКГБ генерал Константин Семенович Кононович: «Надо бы встретиться, Василий Сева-

стьянович…» «Хорошо, – говорю, – сейчас умоюсь с дороги, спущусь и погуляем на свежем воздухе». Прогуливаемся по скверику (жили буквально рядышком), и он мне рассказывает, что весь день на заводе «Химволокно» измерительные приборы буквально зашкаливало так, что была даже опасность утратить контроль над технологическим процессом. Кононович высказал предположение: возможно, пилоты из близлежащих частей не досмотрели, какое-то радиоактивное вещество могло просыпаться. Самолеты стояли в Быхове и Бобруйске, и у них были эти ядерные «игрушки». Кононович связывался с «особыми отделами» частей: «Что там у вас случилось?!» Там ничего не знают: «У нас все в порядке». К вечеру Кононовичу позвонил коллега из Гомеля и по секрету сообщил, что в Чернобыле произошла авария. Никакой официальной информации не было. Я на всякий случай, уже после разговора с Кононовичем, позвонил домой Дементею: как, мол, доехали, Николай Иванович, не случилось ли чего-нибудь чрезвычайного? Нет, отвечает мне Дементей, все в порядке, доехал благополучно, новостей никаких нет. Все было спокойно. И лишь на следующий день информация об аварии была нам подтверждена официально.

Нас успокоили: да, реактор дышит, но особой опасности нет. На Могилевщину выпал радиоактивный йод, у которого период полураспада шесть дней, так что скоро все нормализуется. Если все скоро будет в порядке, можно нормально работать. Мы мобилизовали своих строителей и послали помогать в Гомельскую область.

Однако вскоре, основываясь на рассказах жителей Краснопольского и других районов и личных наблюдениях, понял, что дело обстоит вовсе не так, как нас в том пытаются убедить. Люди, особенно дети, часто жаловались на головную боль, на постоянную ломоту в костях. Странности происходили и с животными.

Я искал ответа всюду. Как депутату Верховного Совета довелось ездить по Союзу. Стремился побывать в научных центрах, где проводились ядерные исследования, – в Новосибирске и других городах изводил ученых дотошными вопросами по воздействию радиации на организм человека, но те

преимущественно отмалчивались, уходили от ответов. Наконец, мы от имени обкома партии и облисполкома обратились с шифрограммой к председателю Совета Министров СССР Николаю Ивановичу Рыжкову с просьбой прислать авторитетную комиссию для исследования сложившейся ситуации. Нужно сказать, что Рыжков отреагировал очень быстро. Уже наутро был звонок заместителя председателя Совмина Владимира Щербины: «Что вы там в Могилеве паникуете?» «Мы не паникуем, – отвечаю, – мы трезво оцениваем ситуацию. Присылайте людей». И вскоре в Могилев приехала большая группа специалистов из Москвы – практически только доктора наук и академики АМН. Мы отвезли их на исследования в Краснополье, но в самом Краснопольском районе их разместить было негде, поэтому они проживали в Чериковском районе, в школе лесников, где были мало-мальски приемлемые условия, буквально рядом, как выяснилось, с пятном повышенной радиоактивности.

Они обследовали детей, стариков, но в первую очередь детей – и подтвердили: да, вы правы, опасность на самом деле есть, мы будем докладывать Рыжкову. «А дадите ли вы нам для ознакомления справку с вашими выводами?» – спросили мы с секретарем Краснопольского райкома партии. «Представим такую возможность», – сказали и, завершив работу, уехали в конце ноября, пообещав, что к новому году я буду иметь текст справки. Но через два месяца извинились и сообщили, что справка находится в сейфе у Николая Ивановича Рыжкова (в буквальном смысле слова «в сейфе» или же в переносном, утверждать не берусь, но смысл был именно такой: справка у Рыжкова).

Мои попытки добиться правды на республиканском уровне разбивались о стену равнодушия: «Ты же не специалист, ты ничего не понимаешь! Вот есть в Москве Институт радиобиологии – там специалисты». Поначалу я слушал молча, соглашаясь, что как инженер я, быть может, действительно не столь компетентен, как наши ученые. Но боль в детских глазах в Краснополье, Славгороде меня доконала.

Позвонил и попросился на прием заведующий облздравотделом Василий Казаков.

Казаков пришел ко мне в кабинет с газетой «Правда», где напечатана статья Михаила Горбачева, из которой следовало, что все последствия Чернобыля – это выдумки и мы победим их очень быстро и легко. «Читали? – спросил он. – Так вот, имейте в виду, что все это ложь, Горбачев тоже лжет! Я как врач утверждаю, что все это очень долго будет иметь для нашего народа тяжелейшие последствия. И я пришел к Вам как к земляку предупредить, чтобы Вы этому не верили и не вляпались в неприятную историю». Реальных данных по своему ведомству Казаков от меня не скрывал, и мы легко поняли, что нас элементарно обманывают. Обманывает Москва, а Минск делает вид, что ничего не понимает в происходящем.

Вопросы накапливались, ответов не было. Действовал республиканский штаб «по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС», выделялись средства на переселение людей из населенных пунктов из сильнозараженной местности, на обустройство тех деревень, уровень радиации в которых был ниже 40 кюри. Выделялись средства на мелиорацию земель, на социально-бытовые нужды. По всем статьям деньги на ликвидацию последствий аварии шли немалые. Уже летом 1988 года мы с председателем облисполкома Александром Трофимовичем Кичкайло посчитали, что даже экономически выгоднее жителей из зоны загрязнения свыше 15 кюри переселить на новые земли, чем продолжать «улучшать условия», платить «гробовые», держать людей на сильнозараженных землях, подвергая риску их здоровье.

Аргументированных возражений против такого подхода ни у кого в республике не было. Но и никто не соглашался пересмотреть в соответствии с нашими предложениями «концепцию безопасного проживания».

В ноябре 1988 года собираем совместное заседание бюро обкома партии и исполкома областного совета депутатов с участием руководителей хозяйств и партийных организаций, председателей райкомов и райисполкомов всех районов. На расширенном заседании принимаем жесткое решение: считать навязанную нам концепцию ошибочной. Предлагаем отселить всю зону с загрязнением от 15 кюри и выше. И

последний пункт резолюции: если мы не правы, пусть Центральный Комитет Компартии Белоруссии, правительство БССР отменят наше решение как ошибочное.

Из Минска присутствовала целая команда – Николай Дементей, Владимир Евтух, Юрий Хусаинов. Мое выступление было жестким и эмоциональным: нам врут, нас обманывают. Концепцию следует отменить. Это повергло всех в шок, все это было похоже на бунт на корабле, вызов центру, попрание субординации, грубейшее нарушение партийной дисциплины. Следовало ждать последствий: либо с нами посчитаются, либо – жесточайшие оргвыводы.

Из ЦК КПСС и союзного Совета Министров так никто и не позвонил. Было много журналистов, в том числе телевизионщики, и эту мою речь засняли на пленку. Возможно, где-то коробка с пленкой до сих пор пылится в архиве (если ее не отобрал секретарь ЦК КПБ Валерий Печенников, бывший тогда главным идеологическим цербером республики).

Реакция Минска была странной. Не исключаю, что Кичкайло (как строитель строителю) просто проболтался Евтуху о том, что «замышляет» Леонов, и тот за сутки до нашего собрания в Могилеве собрал в Минске пресс-конференцию: дескать, мы не заставляли могилевчан заниматься строительством в загрязненной зоне. «Ах, ты, – думаю, – прохвост этакий!». Это и сказал ему вслух, когда он приехал в Могилев. Но не в этом дело. Главное – приняли наше постановление без изменений. Тут надо отдать должное Александру Кичкайло – председателю облисполкома, он стоял до конца, ни на йоту не отступился от нашего общего проекта постановления.

Это было в первый раз, когда я, преодолев страх, инстинкт самосохранения, встал и вышел из окопа, сделал вызов могущественной, слаженной машине, способной раздавить тебя, как букашку, стереть в пыль. Без всякой рисовки скажу, что это был для меня нравственный перелом, победа над самим собой, гражданское становление. Я стал иным, я убил в себе раба. Я уважаю людей, способных на поступок. Восхищаюсь гражданским мужеством Василя Быкова, Юрия Ходыко, Нила Гилевича, Юрия Захаренко, Виктора Гончара,

Александра Ярошука, «палатников» Валерия Фролова, Владимира Парфеновича, сотен, тысяч молодых парней и девчат, вставших из окопов, презрев страх и опасность.

В окопе можно выжить, не выходя из окопа – не победишь.

События развивались быстро. Уже через месяц в Минск из Москвы приехал академик Ильин, директор института радиофизики АН СССР, главный разработчик концепции безопасного проживания. Меня не были обязаны вызывать на заседание правительства, но пригласили. Минчане не стали спорить, выпустили на меня Ильина. Он смотрел, как удав на кролика: «Я доктор наук, а ты инженер, как ты можешь оспаривать мои выводы?!» Он изголялся надо мной, я не сдавался. Молчали представители Минздрава, Академии наук, правительства, но я знал: председатель Совмина Михаил Ковалев и его заместитель Евтух жестко против меня, Юрий Хусаинов и Николай Дементей – в нейтралитете и не будут вмешиваться. Но была негласная поддержка Ефрема Соколова, шепнувшего: «Ты правильно делаешь».

Ильин распинал меня вплоть до сессии Верховного Совета СССР, где выступил академик Евгений Иванович Конопля по чернобыльским проблемам и сказал по существу все то, что было записано в постановлении нашего бюро обкома и облисполкомом. И поскольку у Конопли был иной вес – депутат, ученый, директор профильного исследовательского института, – все стрелы полетели в него. Обо мне забыли.

На последнем XXVIII съезде КПСС мы с Алексеем Камаем при поддержке Соколова поставили вопрос о том, чтобы партия, у которой много денег, оказала помощь в преодолении последствий Чернобыля в Белоруссии. Была упорная борьба, но в итоговое постановление съезда такой пункт попал. И деньги были перечислены напрямую обкому партии. Но уже тогда, когда я из обкома ушел и первым секретарем был Вадим Попов. Деньги получили, и вдруг в Москве узнаю, что управляющий делами обкома партии Александр Сайков с ведома Вадима Попова и Николая Гринева (тогдашнего председателя облисполкома) перечислил их какой-то коммерческой фирме. Встретившись с Сайковым, обругал

его: «Мать твою разэтак, что же ты делаешь? Ты же будешь проклят сам и дети твои будут прокляты!» Сайков вроде бы делал какие-то попытки вернуть эти деньги, но вскоре обком закрыли, а Гринев принял решение передать права на исчезнувшие средства мэру Могилева Сергею Габрусеву. Я потом специально отслеживал судьбу этих денег. Не знаю, досталось ли что-то Сайкову, но очень похоже, что «заинтересованные стороны» деньги поделили. Было закуплено какое-то совершенно не нужное оборудование – так всегда делают, чтобы просто «оприходовать» деньги… Тяжелее всего чернобыльская проблематика далась мне, когда работал министром. С одной стороны, понимал, что сельское хозяйство на загрязненных территориях – вещь далеко небезобидная. Но, с другой, в зоне жили люди, которых не могли ни отселить, ни предоставить другую работу. И абсолютно чистой сельскохозяйственной продукции в мире не существует, и абсолютно аморально рисковать здоровьем людей. С матюгами, криком выбивал для зоны калий и фосфор. При достатке калия в почве растения не впитывают радионуклиды. На почвах, бедных калием и фосфором, радионуклиды востребуются растением, а потом через коров передаются в молоко и дальше – человеку. С трудом, боем, но тогда удавалось решать проблему калия и фосфора. Удерживать уровень загрязненности близко к нормативам. Но были кое-где упрямые старики, которые и слушать ничего не хотели, пасли своих буренок, где хотели, пили «светящееся» молоко.

Сегодня, к сожалению, обеспечение почв калием и фосфором почти критическое. На загрязненных территориях Гомельской области в 2002 году потребности в калийных удобрениях обеспечены на 55%, в фосфорных – на 52%. Остальное восполняется радиоактивным цезием. Такова реальная забота о здоровье людей в зоне и далеко за зоной.

Но вернемся к Шейману. Он продолжал собирать компромат. Решил зацепиться за что-либо, анализируя результаты тендеров по закупкам зерна для нужд республики, которые начали проводить вскоре после моего назначения министром в октябре 1994 года. Фактически впервые запускался в действие механизм полноценной рыночной конкуренции.

Потому что до тех пор государство пользовалось услугами только одного Белагроинторга, который вел себя как монополист и фактически диктовал условия. Ни на один тендер я не ходил. Его проводила комиссия, состоявшая из представителей различных ведомств, о нем заранее объявлялось в печати. В общем, свою задачу я как министр видел в том, чтобы сделка осуществлялась открыто, гласно и честно. На том тендере Юрий Дедук (Белагроинторг) принес заявку на поставки ячменя по 132 доллара, а Сергей Прокопович («Руст») – по 85 долларов за тонну. Разумеется, выиграл Прокопович. Я спокойно, зная, что все в порядке, уехал в командировку. Возвращаюсь и узнаю, что по просьбе Прокоповича практически вся сумма перечислена предоплатой куда-то в Украину. Я за голову схватился. Объясняют: «Инфляция бешеная, пока будем эти деньги на счетах держать, они наполовину обесценятся». Говорю заместителям: «Вы бы их положили в банк на депозит». «Нельзя, – отвечают, – для этого нужно разрешение правительства». Потом началась дикая борьба: Прокопович поехал в Украину отгружать зерно, проигравшие тендер помчались туда же тормозить дело. Конкуренция! Если она есть, то фирма-поставщик более 5 долларов на тонне не заработает. Если ее нет – можно и 30, и 50 баксов отбить. Ясно, что при покупке миллионов тонн зерна – столько в те времена Беларусь покупала – можно было удовлетворить запросы не только фирмачей, но и контролеров, других чиновников. Могли ли с этим смириться все, кто кормился у данного корыта? А ведь на конкурс пошли все закупаемые сельским хозяйством ресурсы: топливо, удобрения, семена, средства защиты, комбикорма, суперконцентраты, ветпрепараты – сотни миллионов долларов… Чиновникам из всех структур власти уже невозможно было лоббировать интересы коммерсантов. Коммерсанты «сражались» между собой – государство, покупатели продуктов питания, крестьяне выигрывали, но «кураторы» уже не могли ничего получать.

Мириться с таким положением они не могли.

На борьбу со мной бросили главного контролера Беларуси Николая Домашкевича. Вооруженный «информацией» руководителя Белагроинторга Дедука, не без подсказки, я

уверен, из «красного дома» по ул. К. Маркса, на одном из собраний у президента Домашкевич озвучил ситуацию: «Деньги ушли, а вот зерна не будет». Информаторы не ошиблись: реакция Лукашенко была мгновенной – всех сажать, фирмы разогнать и т.д., и т.п. Ясно, что к выступлению Домашкевича Лукашенко подготовили.

Позже, когда меня арестуют и будет идти следствие, главным обвинением станут не помидоры, которые я якобы съел, а дом, будто бы построенный для меня Прокоповичем как взятка за выигранный тендер.

Но Прокопович отгрузил все. И если Дедук отгружал ячмень по 132 доллара, то Прокопович выше 90 долларов за тонну не поднялся. Обвинение само собой рассыпалось: какой ему смысл давать взятку за право поставить зерно по низкой цене, если он ни на цент не превысил цену, оговоренную условиями тендера? Он выполнил свой контракт – поставил по 90 долларов 60 тыс. тонн качественного зерна в Беларусь. Спасибо бы сказать человеку, а его – за решетку. Вся документация по дому была у меня в полном порядке. Я знал, что сколько стоит, и платил скрупулезно, с точностью до «зайчика». Следователи при всей своей предвзятости не обнаружили даже малейших нарушений. Они нашли и запротоколировали показания буквально каждого человека, работавшего на строительстве дома. В деле насобиралось несколько томов этих однотипных показаний. Потом строителей вызывали в суд – до сих пор не знаю, зачем. Все они подтвердили лишь то, что инкриминируемое мне – сплошная чушь.

Это все выяснилось потом, когда Сергей Иванович Прокопович отсидел почти четыре месяца в тюрьме. Его взяли прямо из больницы с инфарктом. «Отблагодарил», называется, Александр Григорьевич человека, обеспечивающего транспортом его избирательную кампанию в 1994 году.

Из Прокоповича буквально выбивали показания против меня. Но он не поддался ни на какие уловки следователей, не взял греха на душу. Он порядочный, честный человек. Мы встречались несколько раз после моего выхода из тюрьмы. У нас нет сегодня ни общих интересов, ни общих тем для разговора, но я с симпатией отношусь к этому человеку.

Убежден, что сегодня Лукашенко уже хорошо знает: вся эта «уголовная история» с тендером высосана из пальца. Его просто и легко разыграли, воспользовались подозрительностью, завистью, мстительностью, горячностью для достижения своей цели – завалить, сорвать отгрузку зерна, закрыть всякие тендеры… Убежден я и в том, что он очень хорошо знает, кто, где и как сегодня ворует.

И главное: до того, как меня посадили, белорусы возили хлеб в Россию, мы закупали зерно в России и Украине. Но наш хлеб и батоны были дешевле и российских, и украинских. Практически по всей границе с Беларусью в российских регионах закрывались хлебозаводы – не выдерживали конкуренции. Прошло совсем немного времени, как президент избавился от «министра-вредителя» Леонова. Трех министров уже успел сменить – и уже не белорусы в Россию, а россияне к нам везут дешевые продукты – наша продукция превратилась в неконкурентоспособную.

Иду по Костюковичам – крик: «Хлеб! Батоны! Хлеб! Батоны!» С Брянщины привезли. Милиция их гоняет как спекулянтов, а они все равно возят. Кто в этом виноват? И какова для страны цена тендера? И кто греет руки на этой дороговизне? Вот этого глава государства с громаднейшей системой контроля не может не знать. Думаю, что знает, кто там деньги отбивает. Может быть, кто-то в Управлении делами президента. Может быть, кто-то из окружения Владимира Коноплева. Пройдет время – и все тайное станет явным… Ясно одно: курируют, лоббируют эти вопросы люди из окружения Лукашенко. О своей «причастности» к убийству Евгения Миколуцкого я узнал в изоляторе КГБ из телепередачи. Меня посадили во вторник, а в пятницу вечером ОРТ показало репортаж из колхоза «Рассвет», где Лукашенко обвинил Леонова и Старовойтова: именно они, как он выразился, «убрали Миколуцкого». Первое, что пришло в голову – бред какой-то! До этого высказывания я думал, что Шейман организовал очередную провокацию и меня должны скоро выпустить.

А потом мне вспомнилась поездка в «Рассвет» с президентом. Уже тогда было понятно, что над головой Старовойтова

сгущаются тучи. Накануне, в понедельник, мне позвонила Галина Аверкина из Администрации и попросила представить тезисы, по которым я намерен выступить на том совещании. Сказал, что положение дел в «Рассвете» знаю хорошо, поэтому никаких тезисов писать не буду, сориентируюсь по обстановке на месте. «Очень жаль», – сказала Аверкина и положила трубку. Похоже, что это была еще одна проверка на лояльность: ах, вот как. Обнаглел так, что и с речью своей не намерен ознакомить Администрацию!

Меня предупреждали о возможном аресте, советовали: «Собирайся немедленно и уезжай в Россию». Я только посмеялся: куда убегать? Я же ничего не делал преступного, ничего не украл. Я пришел работать на благо своего народа, Беларуси. Слова о честном труде на благо Родины всегда воспринимал буквально. Этому учили нас Мазуров и Машеров. Ничему другому нас не учили ни Киселев, ни Слюньков…

Когда в пятницу прозвучало о моей причастности к убийству Миколуцкого, я стал понимать: идет хорошо спланированная Шейманом провокация с личным участием президента. От этих господ можно ждать чего хочешь – коварства, мести, лжи, садистской жестокости.

Конечно же, обвинение в убийстве Миколуцкого – это абсолютный бред. И неудивительно, что почти четыре месяца никто не задавал мне вопросов об этом убийстве. Я пишу из изолятора матерные письма генеральному прокурору Олегу Божелко: сволочи, что же вы делаете? Ведь президент же сказал, в чем меня обвиняют! Начинайте спрашивать, негодяи! И лишь когда меня перевели в Жодинский изолятор, приехал следователь из Могилевской прокуратуры, начал меня спрашивать, в каких отношениях я с Валерием Ткачевым, который якобы и убил Миколуцкого. При этом присутствовал генерал Николай Лопатик. Мы проговорили часа три-четыре. На следующий день они составили обстоятельный протокол, я его вычитал и подписал. Как свидетель по делу об убийстве Миколуцкого. В подобных случаях положено этому протоколу быть и в моем уголовном деле. Там его нет: давным-давно изъяли или даже не подшивали туда, нарушив все процессуальные нормы.

Вообще картина получалась, мягко выражаясь, веселая. Бывший первый секретарь обкома, а потом министр, сидит в тюрьме, при этом генеральный прокурор когда-то был инструктором у него в аппарате обкома, а президент проходил номенклатурное согласование. Семь или восемь человек, так или иначе имевших отношение к моей судьбе как судьбе подследственного и заключенного, в разное время работали в моем подчинении и от меня зависела их судьба. Впору было бы рехнуться. Но такого удовольствия я им доставить не мог…

Когда вышел из тюрьмы, мы не раз говорили с Олегом Божелко. По его рассказам, он о моем аресте узнал из телефонного разговора с Виктором Шейманом. Шейман лично вызвал к себе заместителя генерального прокурора Петра Иваненко и приказал подписать ордер. Ордер подписали в понедельник, а Божелко узнал об этом во вторник. Все остальные, кроме Лукашенко и Шеймана, ровным счетом ничего не знали и не значили в этом моем «деле».

Арест проходил предельно просто, буднично. Я даже забыл, что меня предупредили накануне. 11 ноября около 16 часов в кабинет неожиданно зашел помощник и сообщил: «Там пришли какие-то люди и рвутся к вам с каким-то следственным экспериментом!» Ну, рвутся, так пусть заходят. Вошло человек двадцать, с двумя кинокамерами. Что за эксперименты? Следователь Молочков садится и представляет ордер на мой арест. Вот тогда я вспомнил и о вчерашнем предупреждении, не жалея, что не подался в бега. Начали искать. Смотрели люки, через которые проходят кабели связи. Искали взрывное устройство. Потом взяли пылесос, оставленный в комнате отдыха уборщицей, и долго крутили, боясь открыть. Выскребли все ящики, забрали кипу визиток (более 300) моих бывших посетителей, которых потом долго тягали на допросы. Перерыли все бумаги. Я одел плащ, вышел из кабинета, и тут, в коридоре, уже перед телекамерами, на меня решили надеть наручники.

Это вызвало у меня какой-то идиотский смех. Министра ведут по длинному министерскому коридору, в наручниках, снимая на камеры. Встречный народ в ужасе прижимается

к стенам, ничего не понимая. Меня выводят из здания Минсельхозпрода, где у подъезда стоят три больших джипа: приехали «брать», как какого-нибудь бандита. Сажают в один из джипов и везут в тюрьму КГБ. Смех продолжается. Я спрашиваю у севших по бокам парней в штатском: «Мать вашу, какой концерт вы затеяли? Что вам надо от меня?! И железяки эти нацепили! Не волнуйтесь, я от вас никуда не убегу! Прогонять будете – не уйду!» Один из охранников, старше, как видно, не только возрастом, но и званием, недовольно бросает: «Ладно, снимайте наручники!»

Открываются ворота, и меня ввозят во двор КГБ. Там вход в тюрьму. Самое отвратительное – обыск. Тебя раздевают до трусов и руками перебирают всю одежду. Потом проверяют, не спрятал ли ты чего-нибудь в трусах. Большей брезгливости я не испытывал никогда. «Одевайтесь!». Отобрали галстук, шнурки – по инструкции, чтобы не повесился. Ведут на второй этаж. Со скрипом открывается металлическая дверь, я вхожу в камеру, и там меня приветствует господин Носенко Сергей Александрович, человек лет 35: он судья одного из районов Бобруйска. Уже через несколько дней совместного «проживания» прихожу к убеждению, что этот человек – провокатор. Утверждает, что работал в комсомоле, когда я был партработником, неоднократно встречался со мной в Бобруйске. Я его не знаю, он меня якобы знает.

С первого же дня он начал допытывать меня: «Почему ты не убил Лукашенко? Это ты виноват, что Лукашенко у нас президент! Ты должен был его убить! А ты его оставил в живых, так что поделом тебе! Его надо убить!» Я отвечаю, что не приспособлен к убийствам, но Носенко упорно возвращается к этой теме и во второй, и в третий, и в четвертый раз.

После возвращения из Жодино в «володарку» меня положили в тюремную больницу, где познакомился с судьей из Ленинского района Бобруйска. Спросил, знаком ли он с коллегой – Сергеем Носенко. Впервые слышит. Трудно поверить, чтобы двое судей из одного и того же небольшого города не знали друг о друге. Будучи уже на свободе, узнаю, что Носенко якобы от моего имени приезжал с каким-то милиционером к Старовойтову, требовал от Василия Константиновича

выйти на улицу, поговорить. Позже он писал мне какие-то дикие письма, все время возвращаясь к теме убийства. А еще спустя некоторое время Носенко окажется в одной колонии с Виктором Янчевским, которого осудили якобы за убийство Миколуцкого. Но это будет уже после его «визита» к Старовойтову! Никаких сомнений в истинной «работе» этого «судьи» быть не может. Он винтик в машине, заведенной беспардонной ложью Лукашенко, которая вращалась на холостом ходу, пытаясь втянуть и меня, и других людей, как одежду, застрявшую между шестеренками…

Меня арестовали во вторник, а уже в пятницу Лукашенко собирает свой шабаш в «Рассвете», чтобы публично подвергнуть политической казни старика Старовойтова – дважды Героя, легенду колхозного строя. Меня везут в прокуратуру, чтобы предъявлять обвинение. Офицеры-конвоиры удивлены, даже обескуражены, что я веду себя свободно, смеюсь, когда надевают наручники, намекают: а сидеть придется долго. Видимо, уже знали, что собирался «шить» мне главнокомандующий…

Теперь немножко о тюремном быте. В так называемой внутренней тюрьме камера сделана, как большой гроб: к двери, куда лежишь ногами, потолок сужается, к окну – расширяется. Глазок в двери, в который, знаешь, за тобой наблюдает надзиратель. Оказывается, наша тюрьма ничем не отличается от тех, в которых, согласно советским мифам, царские жандармы держали пламенных революционеров вроде Феликса Дзержинского. Теперь наследники Дзержинского в тех же или скопированных тюрьмах держат неугодных правителю граждан свободной демократической Беларуси.

Из многочисленных членов следственной группы чаще всего общался со мной Андрей (он представлялся именно так, без фамилии). Я приходил к нему на беседу, которую он вел почему-то почти всегда без протокола. На столе был чай, один раз он даже принес коньяк. Он спрашивал, как я познакомился с Валерием Ткачевым, мог ли тот совершить убийство и т.д., и т.п. Каждый раз одно и то же – чувствовался их особый интерес к нашим отношениям с Ткачевым. Однажды он налил мне воды – и я мгновенно оказался в отключке.

Второй раз в жизни. Впервые это случилось в 1957 году, когда ехал с Урала, больной, поездом. Вышел из переполненного вагона в тамбур, хватил свежего воздуха и – упал. Помню лишь, как неприятно ударилась голова о металлический настил. Лишь часа через два пришел в себя. Очнулся на этот раз через несколько минут. Как в тумане, увидел, что в камеру ворвался начальник изолятора, услышал: что ты, такой-разэтакий, делаешь, кто тебе позволил?! Вероятно, следователь что-то подлил в воду, которую я, падая, разлил по столу.

В общем, допросов было очень мало, и это бесило. Почему-то спрашивали лишь об одном: платил ли я за мебель Старовойтову? Была и очная ставка. Я спросил на ней: «Василий Константинович, скажи для начала: что, мы с тобой ни разу и не обсуждали вопросы оплаты?» «Нет, – говорит Старовойтов, – обсуждали». И тут следователь прервал немедленно: «Стоп! Не давите на Старовойтова!»

Завершив «дело», перевели на «володарку», где ждал пять месяцев, пока мне подыскивали судью. Судьи ведь тоже люди: кому охота мараться в постыдном деле? С трудом нашли Чертовича.

Адвокатом у меня была Ольга Васильевна Зудова, прекрасная женщина и мужественный человек. Она приходила часто, ей было предоставлено такое право. На Ольгу Васильевну вышел с просьбой защищать меня один мой минский знакомый – не буду называть фамилию этого человека, потому что он до сих пор работает и похвала из моих уст может повредить ему. Он сказал Оле: «Скорее всего Леонову дадут "нужного адвоката", давай лучше ты возьмись за это дело». Она пришла ко мне, сказала, от кого (в коридоре), – и я сразу согласился, подписал соответствующий документ.

А «нужный адвокат», как и положено, позвонил сам и сказал семье, что очень хочет меня защищать. Он даже свозил мою семью к себе на дачу в Червенский район, суетился, просил «чэсна» рассказать ему все, чтобы он мог «лучше» меня «защищать». Прошло какое-то время, пока мы смогли отказаться от его «услуг». Конечно, мы не можем располагать достоверными данными, что его кто-то ко мне подослал, но его поведение было подозрительным.

Семья с самого начала заняла жесткую позицию: не волнуйся, у нас все хорошо! Ни дочери и зятья, ни жена не говорили, как «давили» на них, я об этом мог только догадываться. Они старались щадить меня, но я-то хорошо представлял, что происходит на самом деле. А потом, к моему удивлению, встречи с близкими участились: дочь Светлана стала моим защитником вместе с адвокатом Ольгой Васильевной. Произошло это не без давления на власти со стороны Консультативно-наблюдательной группы ОБСЕ и лично Ханса-Георга Вика. Юрист КНГ ОБСЕ Надежда Борисовна Дударева помогла Светлане оформить необходимые документы. А Светлана добилась соответствующего постановления суда, проявив неожиданную для меня настырность. И вдруг однажды летом она появилась у меня в изоляторе на «володарке». Оказывается, бывают еще чудеса. С того момента мы могли видеться с ней каждый день! Это была настоящая отдушина для меня и для всей семьи. Мы помногу и подолгу разговаривали, делились мыслями и строили планы на будущее.

Я знал, что люди по-разному реагируют на происшедшее со мной. Александр Ильич Ярошук приезжал к нам домой открыто, днем, старался поддержать моих родных. Кто-то навещал вечером, пытаясь остаться незамеченным, это тоже требовало немалого мужества. Кто-то просто звонил по телефону, понимая, что домашний номер прослушивается. Кто-то просто отошел в сторону. Шла своеобразная сортировка людей. Но главное: никто никогда – ни соседи по деревне, ни аграрии, с которыми мне пришлось работать, – не поверил в выдвинутые против меня клеветнические обвинения, пусть даже исходящие от самого главы государства. Конечно же, были и те, кто во что-то поверил («нет дыма без огня»), но они, как водится у белорусов, постарались отмолчаться.

В разное время меня посещали иностранные дипломаты, представлявшие миссию ОБСЕ, и в следственном изоляторе, и в колонии в Орше. Приезжал и сам доктор Вик, и его заместитель – импозантный высокий швейцарец Кляйнер. Но дело даже не в этом. Я не мог позволить ни иностранцам, ни тем более нашим «чекистам», очень внимательно следившим за тем, как я веду себя, хотя бы на секунду подумать, что меня

сумели сломать. Я точно знал: сломают – и «починить» самого себя будет уже невозможно.

Что такое белорусская тюрьма? Это заведение, придуманное еще в царской России и значительно усовершенствованное Ягодой, Ежовым, Берией, весь порядок в котором направлен на духовное, моральное и физическое уничтожение человека. Ну, например: на человека в камере приходится в лучшем случае всего два квадратных метра, а иногда и менее одного – точь-в-точь как на кладбище. Тут даже без кандалов чувствуешь себя скованным. Окно в камере закрыто так называемыми «ресницами», и когда солнце идет по кругу, то его лучи не проникают в камеру. Часы иметь запрещено. Если заключенные сумеют раздвинуть на тричетыре сантиметра эти металлические «ресницы» можно хоть приблизительно определять и время, и где находится солнце – на востоке или на западе. Не говорю уже о среде, в которой находится заключенный: стены в камере должны быть заплесневелыми, некрашеными, черными. Усугубляет картину питание. Если, скажем, разрезать хлеб, который специально пекут в Жодинской тюрьме, буквально через несколько минут на месте разреза выступает белый налет. Это – элитарная тюрьма Министерства внутренних дел, в неэлитарных вряд ли получше. Рецепт прост: хлеб пекут из так называемой мучки – пыли, оседающей на стенах мельниц и элеваторов. Это тоже для того, чтобы сломать человека. Я не говорю уже о том, что в изоляторе КГБ тебе подадут почему-то обязательно прокисшую кашу. Подобным блюдом кормят разве что свиней в захудалом колхозе. Кашу варят заранее, чтобы к раздаче прокисла. Если не передали что-либо родные – ешь и будь здоров. Хотя здоровым уже не будешь. Практически у ста процентов заключенных в условиях белорусской тюрьмы начинают выпадать зубы от авитаминоза. Разумеется, о соблюдении каких-либо санитарных норм говорить просто не приходится, и в этой грязи и сырости у человека начинает гнить кожа: высыпают разного рода язвы и болячки. Меня спасло, что, как и положено аграрию, знал о мощных бактерицидных свойствах льноволокна. Родственники передали мешок из льняной мешковины, грубой, как и

положено. Благо, нет ограничений на передачу мыла, одежды, тряпок. Хорошо вытрешься мокрым мешком там, где не можешь, как следует, вымыться, затем оботрешься сухим – и чувствуешь, что кожа очистилась, начала снова дышать. Я испытал бактерицидное свойство льномешковины и на себе, и на сокамерниках, более молодых и неопытных – действовало безотказно.

Тюремная медицина – нечто страшное. Недавно в Подольском районе Московской области видел очень захудалую свиноферму. Содержание там свиней живо напомнило мне так называемую больничку в изоляторе на «володарке». Больные, кто уже почти не может двигаться, даже не в состоянии дойти до туалета, гниют заживо в нечистотах и зловонии. До сих пор не могу понять: если порядки в этой «больничке», как и в самом СИЗО, нацелены на постепенное физическое уничтожение человека, зачем его лечить? Милосерднее было бы дать побыстрее умереть. А если лечить, то лечить нормально.

Но этого не делают те, кто почему-то считается врачами. Когда я попал в другую «больничку», волею случая оказался на соседней койке с Владимиром Хилько – бывшим председателем белорусского Сбербанка. Осматривала нас обоих врач по имени Татьяна Ивановна (фамилии ее я не упомнил). Вероятно, это было единственное исключение из тех «врачей», с кем сталкивался в тюрьме. Мне она после осмотра ничего не сказала, а Владимиру Дмитриевичу поведала о моем состоянии очень подробно и объективно. По ее словам, я нуждался в немедленном и очень серьезном лечении в кардиологии, ни на какой суд меня вести просто нельзя. Но позже узнал, что ее «коллега», главный терапевт МВД, заявил: никакого лечения не будет, пусть Леонов, как и Хилько, идет на судебный процесс. Не говорю уже о медикаментах. Когда из изолятора КГБ перевезли в Жодино, встречать пришел главный врач Николай Иванович. Пришел, чтобы разразиться таким матом, какой от редкого зэка услышишь. Он демонстративно высыпал привезенные мною лекарства: мол, не подохнешь. И квалификацию имел он соответствующую. Зубы мог в лучшем случае вырвать, причем так, что зачастую заключенные

предпочитают рвать больной зуб самостоятельно плоскогубцами. Понять не могу: то ли атмосфера, скотская обстановка постепенно обращает в скотов людей, когда-то дававших клятву Гиппократа, то ли это уже какой-то фрейдизм, патологическая деградация личности с атрофированием совести. Но факт, что многие «врачи» тюремных «больничек» чуть ли не с наслаждением, садизмом подвергают тебя унижениям, при этом по степени жестокости во много крат превосходят конвоиров.

Убедился на собственном опыте: заболел в тюрьме – лучше лечиться голодом. Заживают даже рубцы в желудке и в кишечнике. Дважды довелось голодать – по двадцать два и семнадцать дней. После выхода из колонии показался врачам, они сказали мне: «Две хорошие язвы ты пережил не так давно, но все благополучно зарубцевалось».

Во время перестройки внимательно читал все, что попадалось о периоде культа личности Сталина. Научных трудов не видел, а газетные, журнальные статьи старался не пропускать. Наверное, все чтиво воспринималось мной однозначно – как приговор дикому, безумному прошлому – и стало причиной моего страшного заблуждения. Когда мне говорили: «Лукашенко установит диктаторский режим!» – я отвечал: «Не получится! Не найдет столько дураков и подлецов, которые, зная о недавнем прошлом, решатся рисковать честью собственного имени. Ну, найдется, кроме Шеймана, еще два-три отморозка – не больше…» Я полагал, что все читали те же газеты, воспринимали и думали, как и я. Логически все должно быть именно так: ведь если не юридическое, то моральное возмездие за злодеяния против человечности всегда необратимо, не имеет срока давности. Но то, что нашлись люди с высшим юридическим образованием, которые всерьез рассчитывают, что потом им, их детям удастся оправдаться якобы полученным приказом, что подлецы в мундирах следователей и мантиях судей – сегодняшняя реальность, – это я понял только в Жодинском СИЗО. Они и сегодня вершат свое правосудие, устанавливают свои порядки.

Едва попавший за решетку человек, которому еще не предъявлено обвинение, уже до начала следствия лишается

всех своих прав. Приведу диалог между подследственным и конвоиром в Жодинском СИЗО, который я слышал в коридоре. В ответ на грязные, беспардонные оскорбления конвоира послышался уверенный голос: «Я – российский офицер, меня еще никто не судил, меня даже не допрашивал следователь. Какое вы имеете право оскорблять меня до суда? Я уверен, что до суда мое дело не дойдет, здесь ошибка». Конвоир: «Раз ты здесь, то мне на суды нас…ть. Здесь ты – никто и ничто». И смысл, и интонацию этой фразы не забуду до конца дней моих. В ней – суть всей системы, господствующей сегодня в белорусских тюрьмах: если даже человек ничего не натворил, но из него можно выбить показания на других, его будут ломать. И не только в тюрьмах.

Ничто и никто… Именно так чувствует себя сегодня глава крестьянской семьи, зарабатывая 10–20 тыс. «зайчиков» в месяц. «Вертикальщики», конечно же, не докладывают своему патрону, что семьи на селе, бывает, довольствуются кашей из комбикорма или ячменя, принесенного с фермы. Старухи и старики в городе копаются в мусорных ящиках в надежде найти что-либо съедобное. Не редкость, когда дети в школах падают в обморок от недоедания. В то, что будет лучше, уже не верят даже отчаянные оптимисты из лукашенковского электората, адепты его режима. Но вполне возможно, что к референдуму о продлении срока своих полномочий Лукашенко даст указание Латыпову, Журавковой, Новицкому и другим открыть столовые для голодающих: пусть чувствуют отеческую заботу отца родного и проголосуют соответственно. Когда-то помещики кормили в таких столовых крепостных… Среди подследственных мне почти не попадались откровенные подонки, относящиеся ко мне плохо. Наоборот, чувствовал какое-то уважение. Впрочем, и со стороны надзирателей, конвоиров. Я мог всегда спокойно подойти к умывальнику, помыться. Если в изоляторе КГБ не было умывальника, меня по первой просьбе выводили в туалет, к умывальнику, где старался раздеться до трусов, помыться или хотя бы обтереться, освежить тело, согнать с него затхлый тюремный запах. Я сознательно ставил перед собой цель помыться минимум раз в день холодной водой сверху донизу

и минимум три часа в день ходить: час – на прогулке на свежем воздухе, что разрешал подследственным еще Берия, и два часа – по камере, даже если по ней можно было сделать лишь два шага. Врачи предупредили моих близких: здесь не только питание, но и неподвижный образ жизни влечет за собой быстрое дряхление и разрушение организма. Год-два полежит человек – становится рухлядью. Кроме того, у меня были хорошие учителя: все время вспоминал, как вели себя в острогах российские революционеры – благо, книг по этой тематике в свое время начитался вдоволь. Конечно, двухчасовое хождение «два шага вперед, два шага назад» у людей, сидящих в камере, вызывает раздражение. Но и они в большинстве своем этого не показывали, а я старался не очень сильно им докучать: два шага, поворот, два шага, поворот. Обязательно делал зарядку. Каждый день брился. Бритву было положено выдавать два раза в неделю, но ни один конвойный не отказал мне, когда утром просил выдать лезвие. Они видели, понимали, что у меня одна цель – выйти из тюрьмы здоровым и сохранившим самоуважение, возможно, поэтому и относились ко мне неплохо.

Вторая задача была – не опуститься духовно, остаться человеком. В тюрьме много читал. Ольга Васильевна, мой адвокат, приносила свежие газеты. Потом газеты начали мне выписывать. Приносили книги по истории, философии. Труды Канта, Бердяева. Особенно много читал в Оршанской колонии. Почти полностью проштудировал труды Ленина, понял, что в свое время совершил большую ошибку, не изучив его столь внимательно и глубоко. Если прочесть томов шесть-семь Ленина подряд не по-студенчески, а вдумываясь в размышления о политической стратегии и тактике, вольно или невольно начинаешь сравнивать его с нашим белорусским «вождем». Там есть и про организацию трудармии, о продразверстке. Там есть и о том, как искусственно создавать голод, через хлебную карточку и паёк править страной. Перечитал полное собрание сочинений Льва Толстого. Читал его и в юности: помню, как наша библиотекарша спрашивала у моей сестры, работавшей учительницей, можно ли семиклассснику читать «Анну Каренину». Во всем, кроме идеи

«подставь вторую щеку ударившему тебя», Толстой сформировал мое мировоззрение, а с этим я с Львом Николаевичем не согласен. Так что, можно сказать, в заключении я вновь встретился со старым знакомым.

Пристрастился к Достоевскому, которого только в заключении и прочел по-серьезному. Начал, конечно, с «Записок из Мертвого Дома» – мы ведь с Достоевским вроде коллег, он тоже сидел как социалист, причем всего на год больше, чем я. Параллель напрашивалась сама собой: описание тюрьмы у Достоевского в сравнении с Жодинским изолятором наводит на мысль: самые жестокие цари были куда милосерднее, нежели нынешняя власть. Режим царской тюрьмы был намного мягче. Наконец, разобрался и с «Легендой о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых». Сделал для себя удивительное открытие: для того чтобы понять настоящее, надо читать классику. Все то, что у нас в Беларуси сегодня происходит, Федор Михайлович описал сто двадцать лет назад.

Свои сочинения в двух томах с очень теплой надписью передала мне в тюрьму наша писательница Светлана Алексиевич. Их я тоже прочел внимательно.

Философы, писатели… Их мысли в тюрьме воспринимаются иначе, чем на свободе. Не знаю как, где и кому пришлось испытать на себе и проследить на других воздействие тех или иных писателей. За три года, которые пришлось провести в изоляции, я пришел к твердому выводу, что первое место по силе воздействия на психоэмоциональное состояние заключенных занимают Василь Быков и Светлана Алексиевич.

В книге Алексиевич «У войны не женское лицо» есть замечательный рассказ с, вкратце, следующим сюжетом.

На полосе между немецкими и советскими окопами после боя остался тяжело раненный советский боец, он стонет, взывает о помощи. Советский боец-санитар ползком приближается к раненому, немецкий снайпер расстреливает санитара. Второй санитар предпринимает попытку, и его тоже не пощадил снайпер. Раненый зовет на помощь. Из окопа во весь рост встает девушка, снимает с головы пилотку и с пес-

ней «Ты на подвиг меня провожала…» направляется к раненому… С обеих сторон стрельба прекращается. Девушка подходит к раненому бойцу, оказывает ему первую помощь и тащит в окоп. Раненый убран с фронтовой полосы, девушка скрылась в окопе, стрельба возобновилась.

Все, кто прочел этот рассказ, шел в угол камеры вытирать слезы.

Когда же в камеру «подсаживали» молодых, «крутых» хулиганов, которые двух слов не могли связать без мата, я показывал им книгу Алексиевич с ее дарственной надписью с добрыми пожеланиями мне и всем «сидельцам», предлагал прочесть лишь один (этот) рассказ. Не у всех, но у многих после прочтения глаза становились влажными, но все без исключения матерились уже без прежнего куража и смака, вроде бы немножко стесняясь… Похожее воздействие оказывала на всех и «Сцяна» Василя Быкова.

Единственное место, где не давали читать ничего, кроме Библии, была Жодинская тюрьма. До ареста я много раз брался за Библию, но все время откладывал, отвлекаясь чем-либо иным. Здесь Библия полтора месяца была моей единственной книгой, и я прочитал ее от корки до корки не один раз.

Кстати, это не значит, что в Жодинской тюрьме всех заключенных лишали книги. Нет. Особый «интеллектуальный режим», насколько я понимаю, был изобретен специально для меня заместителем начальника тюрьмы по режиму господином Кузовковым с благословения генерала Лопатика. Кузовков мне прямо сказал: «Мы вас научим режиму!» И за это, как ни странно, я ему сейчас благодарен. Библия многому меня научила. Нам все время говорили, что это книга смирения. А когда читаешь ее полностью, подряд, начинаешь понимать, что это книга борьбы. Она повествует о героической истории борьбы иудейского народа за свою свободу и независимость, за право самостоятельно определять собственную судьбу. Мы читаем о древних иудейских полководцах и воинах, по приказу которых солнце могло задержать свой ход по небу – потому что дело их было правое. Мы видим грозных пророков, предрекающих падение Рима.

Это впечатляет, и начинаешь понимать, что История действительно повторяется. И пусть солнце сегодня уж точно не остановится на небе – это не значит, что Рим останется вечным, а наш народ не обретет полноценную и долгожданную независимость.

В Орше начал активно тренировать память. Поставил перед собой задачу: выучить наизусть поэму Лермонтова «Мцыри». Когда-то в школе я, как и все, учил две главы, тут выучил наизусть полностью. Затем была «Новая Зямля» Якуба Коласа – мое самое любимое и близкое по духу произведение. Десятки русских и белорусских авторов. После удивлял и жену, и знакомых чтением стихотворений.

В тюрьме перечитал, сделал для себя много выписок великого русского историка Василия Ключевского. Особенно поразили, заставили смотреть, думать иначе страницы, посвященные Смутному Времени начала XVII века, судьбе русских самозванцев, рвущихся на престол. Один из этих самозванцев, вошедший в историю под именем «тушинского вора» и Лжедмитрия II, был ведь земляком Александра Лукашенко – шел «брать» Москву из Шклова. Цикличность истории наталкивает на определенные параллели. И когда в тюрьме накануне суда писал открытое письмо белорусскому президенту, я сознательно провел такую параллель. Мне казалось: ну, если уж не меня, то хотя бы Ключевского человек, называющий себя историком (по первому образованию), должен послушать. Дальнейшие события показали, что и урокам Ключевского Александр Григорьевич внять не способен.

И еще несколько штрихов к тюремному быту. Телевизор. Аппарат разрешают иметь в изоляторах и внутренней тюрьме КГБ, и на «володарке», и в Жодинском. Передают родственники. Но не во всех камерах можно смотреть на комнатную антенну. В Оршанской колонии телевизор с наружной антенной и хорошего качества приемом, в так называемой ленинской комнате. Художественные фильмы, мыльные и бандитские сериалы – самые популярные передачи у заключенных, они скрашивают им время, позволяют хоть как-то отключиться от гнетущей тюремной реальности.

Я редко смотрел телевизор, больше читал, запоминал наизусть стихи, начинал серьезно заниматься немецким языком по книгам и словарю, презентованным господином Виком. Смотрел разве что выпуски новостей и, конечно же, прямую трансляцию селекторных совещаний с участием Лукашенко – великолепное зрелище с избиением «младенцев». Как многие сюжеты в «Панораме» вроде изгнания Куличкова из президентской резиденции. Или «распятие» председателя Белкоопсоюза Владыки в присутствии пайщиков, сгорбленный в клюку в верноподданническом экстазе Мясникович. Смотрел с грустью на некогда уважаемых державных людей, и в голову пришла неожиданная мысль: а мне тут лучше, во всяком случае достойнее, чем им на свободе. Скорее – это я на свободе, они – в рабстве.

И еще не пропускал трансляций из праздничных богослужений – как православных, так и католических. И вовсе не потому, что вдруг прозрел и стал чуть ли не фанатичным верующим. Скорее это возвращение на каком-то почти генном уровне. Слушая даже по телевидению богослужение в храме, чувствуешь какую-то неземную благодать. И, извините меня, стыд при появлении в храме «православного атеиста» со свитой. Вот он шествует по красной ковровой дорожке, владыка Филарет, и верующие с двух сторон: «Христос воскрес», «Христос воскрес». Он приложив руку к сердцу, кланяется: «Спасибо, спасибо…» Будто всерьез воспринимает себя Христом. А после… Руководитель светской власти не позволяет себе вещать в божественных храмах, даже когда-то сумасбродные римские императоры вроде Нерона, Калигулы навещали храм, чтобы склонить гордыню, помолиться, а не вещать с амвона. Не понимаю владыку Филарета… И вообще, глядя на эту натянуто-благообразную компанию, не верующую ни в Бога, ни в черта, с зажженными свечами в руках, взирающих не на иконы, а на своего шефа, так и вспоминается библейское изгнание фарисеев из храма. Жаль, некому изгнать.

Из Жодинского СИЗО меня вновь перевели в минскую «володарку». Врезалась в память встреча с, так сказать, «товарищем по несчастью». Тип был весьма интересный: за со-

рок лет жизни он всего две недели проучился в каком-то ПТУ и месяц где-то проработал. Остальное проводил то в «бегах» от милиции, то в ожидании суда, то в ожидании освобождения. Выходил, тут же брался за старое (воровство) и вскоре вновь возвращался на нары. На этот раз на «володарку» он пришел уже «по мокрому делу». Весь рассиненный, исколотый. Родом из-под Минска, из деревни, где до сих пор живет мать. Слово за слово, как и положено.

У моего «опытного» сокамерника песня заведена чуть ли не на всю жизнь: во всем виноваты коммунисты – не дали ему жить! «Как же я мог тебе мешать жить, – не смолчал я, – если я работал по двенадцать часов в сутки, а ты на нарах грелся, а всего месяц за всю жизнь протрудился?!». Он вспыхнул: «Ах вы, коммуняки недорезанные! Я же тебя порву!» Я лежал на втором этаже нар, а он метался по трехметровой камере, орал что-то маловразумительное. И я вдруг вспомнил виденные на свободе фильмы о войне, где фашисты требовали выйти вперед «коммунистен унд юден». Убить он меня не убьет, и я его вряд ли разложу – он мужик здоровый. Резко вскочил, преградил ему путь и сказал просто: «Бей!» Он остановился, будто споткнулся. Умолк. Третий наш сокамерник, бывший шофер, тоже не любит коммунистов. Он наблюдает, спрашивает моего «оппонента»: «Ну, так что?» Подначивает. Тот разразился как минимум двадцатиэтажным матом, успокоился и сказал: «Если ж я его трону, мне за нарушение режима влепят семь лет!» Еще раз выругался и ушел в свой угол. Больше о коммунистах он не вспоминал…

А я, лежа на нарах, думал: а почему они так не любят коммунистов? Чем кончил коммунист Петр Машеров, что он оставил своим дочерям, кроме светлого имени?

Знаю, чем кончил коммунист Юрий Хусаинов. Его вдова была вынуждена продавать выращенную на даче зелень, чтобы сводить концы с концами. Лично видел вдову трагически погибшего председателя Верховного Совета БССР Федора Сурганова: еще при Кебиче ее согнали с обжитой правительственной дачи, дали какой-то участок на песке и поставили на этой заброшенной пустоши для отвода глаз будку. Там ничего не росло, и она пришла ко мне как к министру сельского

хозяйства, чтобы попросил председателя соседнего колхоза привезти машину навоза на этот клочок земли в пять соток, чтобы там хоть что-то выросло! Я помню ее натруженные узловатые руки, ее старомодный кримпленовый костюм. Она и ко мне-то обратилась лишь потому, что была знакома с моим секретарем Ириной и та убедила ее, что я помогу.

Может быть, сегодня не так уж и модно писать на эту тему. Но те, кого «демократически» «избрал» народ, готовят новую революцию, новый бунт. Если сегодня заткнули рты рабочим и они молчат, – ведь это не навсегда. И профсоюзы забиты и унижены тоже не навсегда. И когда случится этот взрыв народного недовольства, боюсь, очень многие из тех, кто считает себя сегодня «государственными деятелями», пожалеют о том, с каким пренебрежением относились они к народным нуждам. «Новые» это чувствуют, знают и потому деньги свои держат зачастую «за бугром». Многие и паспорта запасные имеют.

Накануне суда мне передали для ознакомления мое дело. Оно произвело на меня удручающее впечатление. До тех пор думал о наших следственных органах несколько лучше. Поразил низкий уровень общей грамотности: следователи не знали элементарных правил русского языка, не говоря уже о содержательной части. Тридцать томов дела содержали по пять-шесть копий одного и того же документа. Как потом рассказывал мне Олег Божелко, следователь Иван Бранчель должен был регулярно представлять дело для ознакомления лично президенту. Вот и собирали, подшивали, чтобы продемонстрировать свое усердие по раскрутке компромата на Леонова. Лукашенко листал пухлые тома документов, хвалил за кипучую работу. Суду же потребовалось всего полтома (остальное можно было сдавать в макулатуру). Несколько томов, например, содержали запросы во все города и веси Республики Беларусь, какой недвижимостью владеет семья Леоновых. Можете представить, каково приходилось моим несчастным однофамильцам, которых терроризировали вопросом, в какой степени родства они со мной состоят, какая моя собственность имеется у них.

«Дело Леонова» стояло на контроле у главы государства, по должности обязан был следить за ним и генеральный

прокурор Олег Божелко, когда-то работавший со мной в Могилевском обкоме партии. Я писал ему письма по существу дела, но он ни разу не ответил. Позже, когда я уже был на свободе, а Олег Александрович находился в России, мы встретились. Он честно объяснил, почему не отвечал: «Я все равно ничего не мог бы изменить. Мне было сказано главой государства: ты туда не вмешивайся».

У меня нет оснований не верить Божелко.

Судя по всему, Лукашенко с моим делом ознакомился крайне халатно. Бранчель носил ему все эти пухлые тома, Лукашенко видел, как они растут, – и ему было этого достаточно. Он просто не вникал в суть дела. Да, видимо, ему и надобности такой не было: он уже публично озвучил «компромат», а их задача доказать, подвести под «статью». Если бы он даже в полглаза посмотрел, увидел бы, что дело шито белыми нитками. В томах, например, результаты проверки по многочисленным объектам недвижимости, якобы принадлежавшим семье Леонова, и во всех бумагах одно и то же: проверяемый объект не принадлежит семье Леоновых. Тома протоколов допросов строителей – и ни одного факта нарушения. Точь-в-точь, как с «делом» Владимира Семенова, директора Могилевского комбината шелковых тканей, арестованного в первые годы лукашенковского правления. Президент знал, что я интересуюсь этим делом, поскольку хорошо знаком с Семеновым. И вот однажды при мне завел разговор на эту тему, было это в колхозе имени Фрунзе Шкловского района, куда Александр Григорьевич приехал «проверить на практике», насколько верны мои предложения по развитию свиноводства. Разговаривая с людьми о положении дел в Могилевской области, он бросил фразу, явно рассчитанную на меня: «Вот тут некоторые ходят, защищают Семенова, а мне следователи принесли шесть томов – представляете, шесть томов уголовного дела! Я, конечно, не буду ковыряться в них, но вы представляете, сколько материала!»

А цена тем томам была в сто долларов командировочных, якобы полученных Семеновым сверх установленных норм при поездке в Вильнюс, – именно это и числится в сухом остатке по делу Семенова.

Так было и со мной. Бранчель носил много томов, но толку от этого не было. Вероятно, Лукашенко думал, что какие-то грешки за мной все-таки водятся, ведь вся следственная группа так серьезно занималась «делом Леонова». Могу лишь предполагать, что либо Шейман подсунул ему какую-то бумагу, где написано, что я владею пятью коттеджами и пятью квартирами, либо сам выдумал с целью вылить ушат грязи, скомпрометировать, зная, что не опровергнут, не привлекут к ответственности за клевету и оскорбление личности. Он – вне закона. Привлекают, отправляют на «химию» журналистов за обычную критику его режима.

В конечном счете в моем «деле» осталось лишь одно: будто бы я регулярно брал в «Рассвете» у Старовойтова огурцы, помидоры, колбасу и не платил за них. И якобы самый большой объем этой сельскохозяйственной «халявы» получил на свой день рождения в июле, хотя даже в «деле» зафиксировано, что родился 16 апреля. И еще якобы не заплатил за дачную мебель, которую в «Рассвете» изготовили по моему заказу. Из двухсот двадцати свидетелей в суд не вызвали лишь одного – Старовойтова Василия Константиновича, согласно предварительным показаниям которого я и был осужден. Хотя даже студент-первокурсник юрфака знает, что показания, данные свидетелем на предварительном следствии, не могут быть приняты во внимание судом без повторения их в ходе процесса, за исключением, когда свидетель не явился в суд по уважительной причине. А свидетеля Старовойтова сам судья Виктор Чертович попросил не приезжать на судебное заседание: понимал, что может сказать главный свидетель и что этот фарс может кончиться полным конфузом… Прокурор запросил восемь лет, судья ограничился четырьмя.

С Василием Константиновичем Старовойтовым мы познакомились в Климовичах, где я работал инженером, а он был директором совхоза «Роднянский». Несколько раз был на семинарах в его хозяйстве, на которых чаще всего изучали опыт решения социальных проблем. Первым в Беларуси Старовойтов начал бесплатно кормить людей, хорошо строил. Как Героя труда его постоянно ставили в пример.

После ухода с поста Хрущева начали восстанавливать районы. Был поставлен вопрос о восстановлении Хотимского района. Старовойтова вызвали в Могилев и в Минск на собеседование – хотели послать работать секретарем Хотимского райкома партии. А меня Климовичский райком партии намеревался рекомендовать на место Старовойтова. Но Старовойтов категорически отказался идти на партийную работу. Меня позже назначили директором совхоза «Милославичский», и мы стали коллегами.

Потом его забрали на место умершего Кирилла Орловского. Рассматривались две кандидатуры: секретарь Могилевского обкома партии Прищепчик и Старовойтов. Машеров выбрал Старовойтова. Мы работали руководителями хозяйств, пока я не стал заместителем начальника облсельхозуправления. Тогда и произошло наше первое столкновение. Старовойтов написал письмо на имя первого секретаря обкома, что ему нужно огромное число стройматериалов. По некоторым позициям речь шла о половине фондов области. На уголке была грозная резолюция. Но отдать все требуемое – значит не дать больше никому. И я написал ответ, что удовлетворить просьбу товарища Старовойтова невозможно за неимением требуемых материалов. Через несколько дней по телефону позвонил лично Прищепчик, оравший так, что я даже опешил: «Как ты мог, трам-тарарам?! Ты что – не понял, что это приказ?! Я, первый секретарь обкома, решил дать, а ты не дал?» Я отвечал спокойно: «Тогда вы, Виталий Викторович, и дайте фонды. Я принесу вам всю разнарядку, и вы скажите, у кого и что я должен забрать. И я подчинюсь вашему приказу. Но сам я – не подпишу». Прищепчик послал меня на три буквы и бросил трубку. Старовойтов же потом около двух лет просто обходил меня стороной, даже не здоровался при встречах.

Потом в Слуцке начали делать сборные железобетонные помещения для сельскохозяйственных нужд. Они тоже были лимитированы. Я знал, что у Старовойтова есть потребность в помещениях, и, хотя он не писал никаких заявок, дал указание выделить «Рассвету» два таких сборных помещения. Василий Константинович даже опешил: как это так? Леонов,

которого считал чуть ли не своим врагом, и вдруг такая щедрость… Обиду как рукой сняло, стал даже здороваться со мной.

Я перешел на работу в Горки. Потом вернулся в Могилев – отраслевым секретарем по вопросам сельского хозяйства. Здесь нам пришлось работать уже очень тесно. Заезжал в «Рассвет» нечасто, но делегации привозил: у Старовойтова действительно было чему поучиться.

Инициативу представить Старовойтова ко второй Звезде Героя труда выдвинул Тихон Яковлевич Киселев. А решать этот вопрос пришлось уже при Слюнькове, когда я был первым секретарем обкома. С Вадимом Поповым, который тогда заведовал сельхозотделом обкома, начали готовить материалы. Но как представить ко второй Звезде, когда в действительно передовом хозяйстве революцию (заслуживающую еще одного звания Героя) произвести в принципе трудно? Приросты были уже не очень высокими. Помучились мы долго, пока согласовали обоснования с соответствующими отделами ЦК КПСС. Летом он получил вторую Звезду, причем по большому счету получил заслуженно.

И вдруг читаю в «Известиях» статью «Не мешайте Старовойтову работать!». Оказывается, лично я мешаю Василию Константиновичу работать тем, что насаждаю систему земледелия с одногодичным использованием клеверов – то, что разработала Горецкая сельскохозяйственная академия. А Старовойтов не хочет! Статья была большая, нужно было реагировать. На большом областном совещании я ответил Старовойтову при всех: «Не хочешь, Василий Константинович, – не делай. Не было у тебя в хозяйстве хороших пастбищ и сенокосов и не будет! Отказаться от новых научных разработок, опробованных на практике, я не могу. И ты уж прости, Василий Константинович, но вряд ли кто-то здесь тебе мешал. Скорее все-таки помогали. В твоей Звезде много твоих личных заслуг, но если бы тебе не помогала область, не было бы и твоего "Рассвета"!» Как мне сказали позже, это была первая публичная критика Старовойтова за все время его работы в должности руководителя хозяйства. Он – человек эмоциональный, не привык к критике – обиделся.

Когда я уже ушел со всех должностей в Могилеве и мы случайно встретились, Василий Константинович общался со мной искренне, по-дружески.

Уже будучи в Германии я узнал, что Старовойтов провел реформы в своем хозяйстве. Попросил знакомых добыть копии уставных документов нового «Рассвета» и передать мне в Германию – интересно, что затеял ветеран. Изучил и попросил немецких специалистов дать свое заключение. Они дали самую высокую оценку начинаниям Старовойтова, признались, что кое в чем Василий Константинович пошел дальше, чем они могли предположить.

После назначения на пост министра первым делом я побывал в «Рассвете», а осенью 1994 года собрал у Старовойтова весь аграрный бомонд Могилевщины. До того ему устраивали информационную блокаду, о проводимых им реформах старались ничего не говорить публично. Василий Константинович подробно рассказал, как проводил реформы и что это дает людям и хозяйству. Все пришли к единому выводу: разумно, это – путь в будущее.

Во время уборочной в августе 1997 года мне приказали быть на совещании в Брестской области в хозяйстве Владимира Леонтьевича Бедули. Туда прилетел и Лукашенко и начал разговор не с уборочной тематики, а – со Старовойтова: «Вот, подлец Старовойтов, все развалил, разворовал, а ты, – ткнул он в меня пальцем, – его еще защищаешь!» Я возразил: «Там есть кого защищать и что защищать!» Президент обратился к Гаркуну: «Немедленно снять с работы и посадить!» (имелся в виду Старовойтов). Бедный Бедуля вился вокруг, пытаясь начать разговор по существу и по своим делам.

Бывают странные совпадения. Вечером вернулся из Бреста, а утром ко мне в кабинет зашел Старовойтов – приехал по совершенно невероятному в той ситуации вопросу: хотел, чтобы я пошел к Лукашенко поговорить насчет памятника. Как дважды Герою труда Василию Константиновичу был положен памятник при жизни, и соответствующее решение об этом было принято еще при советской власти. Бюст был изготовлен, стоял, готовый к установке. Старовойтов хотел,

чтобы я не только поговорил на эту тему с президентом, но и обсудил вопрос его личного участия в торжественном мероприятии. Как устанавливать его без Верховного? Я рассказал, что было в Бресте, и спросил, почему Лукашенко так резко выступил против него. Старовойтов припомнил, что на президентских выборах он резко отказался поддержать его кандидатуру, посоветовав сначала навести порядок в собственном хозяйстве. «Знаешь, – сказал я, – после вчерашнего разговора я теперь тему памятника поднимать не буду – подождем, подумаем». Во время моего отпуска в 1997 году, исполняя поручение Лукашенко и, видимо, его или чью-то установку, заместители министра Зиневич и Шаколо отправились в «Рассвет», написали справку, из которой следовало: у Старовойтова ничего нет, сплошной бардак. Дмитрий Руцкий, первый заместитель, исполнявший обязанности министра, когда ему принесли эту справку на подпись, выгнал обоих из кабинета.

О том, что Лукашенко заказал эти справки на Старовойтова, я узнал, вернувшись из отпуска. Ни Зиневич, ни Шакола о своих «расследованиях» в «Рассвете» ничего не говорили. Видно было, что им стыдно, но и мне было стыдно за них…

Встретились с Василием Константиновичем мы в изоляторе КГБ поздно вечером 11 ноября 1997 года, когда нас вели с допросов. Вряд ли встреча была случайной. Я поздоровался со Старовойтовым, но ответом был его ненавидящий взгляд. Понял, что он считает меня виновником своих страданий. Как потом выяснилось, защитником у Василия Константиновича был адвокат Валерий Ерчак. Не имею права утверждать, что Ерчак – ментовский адвокат, но большие сомнения в том, что он защищал Старовойтова, у меня не исчезли до настоящего времени. Не исключаю и того, что покаянное письмо в адрес Лукашенко Старовойтов все же писал. Естественно, в этом письме все следовало свалить на Леонова: дескать, министр попутал. Что мог подсказать Старовойтову его защитник Ерчак, публично проявляющий теплые дружеские чувства к следователям, «ведшим» Старовойтова и мое дело?

На очной ставке нам не дали выговориться. Как только речь зашла о том, как мы обсуждали цену на эти стулья, следователь закричал: «Прекратите давить на Старовойтова!»

Больше мы не встречались.

Надо сказать про те злосчастные стулья, которые стоили для меня 3 года и для него 2 года свободы. Как-то, будучи в «Рассвете», зашли вместе со Старовойтовым, главным бухгалтером, председателем рабочего комитета в Мышковичский ресторан. Обратил внимание на мебель в фойе ресторана – столы и стулья из сосновой доски. Работа была простая, но добротная. Я строил дачу и мне нужна была простая дачная мебель. Спросил у Старовойтова, чьего производства мебель. Ответил, что делали это в колхозных мастерских. Попросил изготовить для меня такую же мебель, включив в цену накладные расходы.

И знать не знал, что Старовойтов решил «улучшить качество» и, вместо того чтобы разместить мой заказ в мастерских «Рассвета», обратился на «Бобруйскдрев». И заплатил там тройную цену, о чем мне и словом не обмолвился. А я даже не успел распаковать эту мебель – конфисковали в упаковке.

Никакой обиды на старика я не таю. Когда человеку семьдесят пять лет, две Звезды Героя и он ждет, что со дня на день установят ему памятник, и вдруг падает с такой высоты, в ужас тюрьмы, можно ждать чего угодно. Тем более что ему обещают за это свободу. Он всю жизнь, не жалея себя, трудился на государство, а подонки, пришедшие к власти, так искорежили ему закат жизни. Когда человек попадает в тюрьму, трудно думать о том, как твои показания отражаются на судьбе других людей. За решеткой почти все думают о себе, своих близких. И тем не менее власти не смогли до конца сломать Старовойтова. Поэтому и не решились везти меня к нему на суд, где я должен был выступать в качестве свидетеля, – хотя и готовили к этому. Не решились привезти и Старовойтова на суд ко мне, хотя по закону обязаны были это сделать. Конечно же, боялись, что не выдержит, запутается, скажет правду. Когда по окончании одного из судебных заседаний в Кировске ему надевали наручники, чтобы от-

править в тюрьму, старик закричал в отчаянии: «Я ведь сказал все, что вы хотели!»

Мы со Старовойтовым были не просто коллегами-аграрниками, мы были идейными единомышленниками. Время от времени сталкивались лбами как два козла, но мы оба были противниками породившей лукашенковщину колхозно-совхозной системы, сторонниками той экономической свободы, которая подрывает диктатуру. И обвиняли нас в разрушении колхозной системы. Старовойтов провел все реформы у себя в колхозе еще до прихода Лукашенко и до назначения Леонова на пост министра. И я, вступив в должность, развернул мощную пропаганду старовойтовского опыта, того, что он выстрадал всей своей жизнью. Экономических аргументов против этого у власти не было. Можно было сказать, что это плохо, но ведь следовало объяснить, почему и кому именно плохо… Дай Бог, доживем все – в том числе и нынешний президент – до той поры, когда Александру Григорьевичу придется доказывать свои убеждения без использования силового давления.

У меня менялись следователи. Сначала мое дело вел Клопов, уроженец Славгородского района. А потом в апреле 1998 года ко мне в Жодинский СИЗО приехал Иван Иванович Бранчель – сияющий, в белом костюме. Привез постановление об экспертизе, представился как мой новый следователь. Этаким сияющим, вальяжным был вплоть до весны 1999 года, когда белорусская оппозиция решила проводить виртуальные президентские выборы. Тогда, чувствовалось, стушевался даже сам Лукашенко. Неудивительно, что и Бранчель выглядел каким-то помятым, померкнул. Понятно, я не мог не говорить с ним «на вольные темы» вроде «придет время – отвечать будешь и ты», припоминая, как ежовцы вычищали усердствовавших при Ягоде, бериевцы – ежовцев. Иногда, когда особенно допекал Бранчеля, он многозначительно поднимал указательный палец в небо: мол, понимаете сами, кто… Но сам тоже понимал, что он делает. Когда арестовали Чигиря, я находился в бранчелевском кабинете. Слух у меня хороший, не жалуюсь – и услышал, как ему по телефону (он, конечно, прикрывал трубку рукой) сообщили, что Чигиря

«закрыли» и его задача – «поковыряться» в каких-то томах уголовного дела, нет ли там чего-нибудь против Чигиря. И Иван Иванович сразу почувствовал себя свободно и раскованно… Я не выдержал и съязвил: ну, теперь-то уж вы что-нибудь обязательно найдете… Он постарался побыстрее закончить разговор и выдворить меня из прокуратуры.

«…Пути Господни»… Недавно в «Народной Воле» прочел, как Бранчель возвращал бывшему начальнику «володарки» документы о незаконном использовании так называемого расстрельного пистолета. Опять вездесущий, надежный Бранчель, мастер чтовамугодничества, готовый в лепешку расшибиться, а выполнить все, что скажет начальство, этакий лишенный чувств робот. Интересно, неужели он всерьез уверовал, что не придется отвечать перед другими следователями за нарушение Закона? Видимо, да, как и судья Чертович… Хорошо, если у них нет сыновей, а дочери. Выйдя замуж, они поменяют фамилии… Но люди будут знать своих «героев».

Когда меня арестовали, я думал, что это какое-то недоразумение, провокация. Но когда через два дня Лукашенко, выступая в «Рассвете», заявил, что мы со Старовойтовым «убрали» Миколуцкого, стало ясно, чем все закончится. Я не имел возможности не то что публично, но даже на следствии отмести эту чудовищную ложь. Лишь раз в месяц меня вызывали для какого-то вялого допроса, следователи не занимались, уходили от разговора про «злодеяния», о которых поведал Лукашенко. Я ждал окончания следствия и, ознакомившись со своим делом, решил написать письмо главе государства.

Письмо должно было быть открытым. Ведь Александр Лукашенко обвинял меня публично – значит, и отвечать ему я должен публично. Во-первых, все обвинения, сформулированные им против меня, рассыпались. Во-вторых, обвинять без суда и следствия посаженного его сподручными за решетку человека в уголовных преступлениях, мягко говоря, не корректно, а точнее – подпадает под статью Уголовного кодекса.

Я не просил пощады. Мне нечего было стыдиться, я ничего не сделал преступного и этим письмом давал понять ему:

я тебя не боюсь. Я знаю, что ты способен на подлый приговор, но просить пощады не собираюсь.

Я знал, что много людей запугано, обмануто им. Даже родственники спрашивали у моей жены: «А дзе ж грошы?» Многие воспринимали весь этот лукашенковский бред как истину: не может же президент опуститься до такого вранья. И я хотел попытаться донести до них правду, объяснить, что же произошло на самом деле. К письму сделал приписку: если вы, Александр Григорьевич, считаете себя порядочным человеком, вы прикажете отдать это письмо в печать.

Но то ли Александр Григорьевич сам не считает себя порядочным человеком, то ли просто не может позволить себе усомниться в собственной порядочности, но письмо в государственных изданиях не появилось. Я и не верил, что он распорядится напечатать письмо. Для этого нужно быть сильным человеком, а он – слабый и трусливый, как и все диктаторы. Не дождавшись ответа, выждав некоторое время, я пришел к выводу: у меня есть моральное право опубликовать письмо в независимой прессе…

Никакого ужесточения режима после публикации открытого письма на себе не почувствовал. Даже наоборот: конвойные стали относиться ко мне с большим уважением и, когда приезжал из прокуратуры, уже не держали по полчаса в «накопителе», где не было даже на что присесть. По-другому начали относиться и заключенные, выполнявшие в СИЗО обязанности обслуги. Помню, один из них в душевой шепнул: «Только что здесь был Чигирь. Сильно подавлен… Нехорошо. Его надо поддерживать». Начальник «володарки», полковник Олег Алкаев, во время одной из встреч попросил: «Василий Севастьянович, не занимайся ты больше из тюрьмы политикой!» Что можно было ему сказать? Только выйдя из тюрьмы, я понял его намеки-просьбы.

… Я уже говорил, что понадобилось пять месяцев, чтобы найти судью для моего процесса. Наконец поручили Виктору Чертовичу, видимо, в силу своего положения в Верховном суде он не мог увильнуть. Тем более что это была чистая формальность: приговор уже был вынесен в другом месте, «вер-

ховным» судьей, предстояло только разыграть спектакль. Что это было так, мне позже подтвердили: в компании, где было человек двадцать могилевских чиновников, Лукашенко проговорился, что приказал дать мне четыре года. Благодарю за доброту, щедрость Александра Григорьевича – ведь мог и на полную катушку. Видимо, решил по-земляцки.

Долго думали, как вести себя на так называемом судебном процессе. Было желание: послать все сначала к чертовой матери, просто сидеть и молчать. Как позже Бородин перед швейцарским правосудием. Но адвокат настойчиво стояла, и, как теперь понимаю, совершенно правильно: «Все равно к этому делу когда-нибудь вернутся. Лучше, если будет не отказ от показаний, а показания по существу». Убеждала, уговаривала долго, и наконец я сдался. В суде кроме Ольги Васильевны и дочери Светланы меня защищали еще Борис Игоревич Звозсков от Белорусского Хельсинкского комитета и Леонид Петрович Минченков – в недалеком прошлом председатель Воинского трибунала Беларуси. С Борисом Игоревичем Звозсковым я и теперь поддерживаю добрые отношения, советуюсь как с опытным юристом, интеллигентным, отзывчивым человеком, настоящим патриотом Беларуси. Встречи с Леонидом Петровичем впереди. Мы договорились встретиться, поговорить на житейские и общефилософские темы.

Перед началом процесса условились с адвокатами четко соблюдать все процессуальные нормы. Как и положено законопослушному гражданину, я поднимался на суде, отвечал на все вопросы прокурора, адвокатов, судьи, произносил предусмотренные процедурой речи.

Не скажу, что все это давалось просто и легко, но особых затруднений не вызывало. В моей тюремной одиссее было три тяжелых, стрессовых дня. Первый – когда арестовали в кабинете и бросили за решетку. Второй – когда в изолятор КГБ на свидание пришла жена. Третий – когда впервые вошел в зал суда под прицел фото- и кинокамер, ощутил на себе взгляды журналистов. К этому готовишься, понимаешь, что все будет именно так, – но все-таки не так, психологическое состояние прескверное: сидишь в клетке, как зверь в зоопарке, как матерый преступник, тебя фотографируют через ре-

шетку… При советской власти металлических клеток в судах не было: пока нет заключения суда – ты еще не преступник, а коль не преступник, то противозаконно засаживать в клетку, как зверя. Теперь по закону тоже нельзя до приговора суда считать человека преступником, но… Теперь не всегда суд, даже следствие определяет, объявляет преступником. Унижающие, уничтожающие человеческое достоинство железные клетки в судах – это уже изобретение лукашенковской эпохи. В Кировском суде по чьему-то приказу сверху срочно сваривали из арматуры клетку для немощного семидесятипятилетнего старика, дважды Героя, легендарного Старовойтова, кому по закону должен стоять прижизненный памятник. Это уже что-то из разряда…

Может быть, для настоящего преступника, чувствующего за собой вину, раскаивающегося, и проще быть заточенным в эту клетку, а для невиновного – настоящая пытка.

Я сознательно готовился к нахождению в клетке, приказав себе держаться, не унижаться, ничего не просить, не продемонстрировать какую бы то ни было слабинку. На тот момент, т.е. в первый день, это была неслыханно сложная задача…

В зале суда присутствовали представители прессы – и нашей, и зарубежной. В бытность министром на столе у меня всегда были и «Советская Белоруссия», и «Звязда», и «Народная Воля», и «Белорусская деловая газета» – я не делал никакой разницы. А вот после ареста желание читать государственные издания как-то само собой пропало. Пусть не обижается на меня редактор «Советской Белоруссии» Павел Якубович, но читать, как раньше, его «солидную газету» я не могу. От «негосударственных» журналистов я видел только поддержку. Они старались быть объективными, хотя человеку, не побывавшему в тюрьме, трудно быть объективным. Это особый субъективизм человека, находящегося на воле. Кроме «Белорусской газеты», никто не осуждал, не бросал в меня камни.

Прокурор вел обвинение, как говорится, «на автомате». Он знал, что ему нужно потребовать восемь лет – и он требовал восемь лет. Судя по его речи и манере держаться, он был значительно грамотней тех, с кем мне приходилось иметь

дело в ходе предварительного следствия. Он почти не скрывал, как стыдно за топорную работу коллег, за весь маразм, зафиксированный в томах моего дела. Он сидел с безучастным видом, лишь изредка «отбывая номер».

В ходе процесса я четко и полно отвечал на все вопросы судьи и по мере продвижения процесса все больше убеждался, что решение по моему делу давно вынесено, и не Виктором Чертовичем. И начал думать иначе, чем рассуждал раньше. Раньше был склонен считать, что мой и Старовойтова арест – месть за прошлое, наказание за недостаточное почтение, за неблагонадежность, в конце концов. Что-то от Фрейда, комплекса неполноценности, утоление гордыни: вот ты бывший всесильный властелин области и ты – дважды Герой, великий председатель, а я вас… вы будете у меня на коленях стоять, я вас могу стереть в лагерную пыль. В суде стал понимать, что рассуждал слишком усложненно, все значительно проще: для устрашения и усмирения чиновничьей «вертикали», слишком уж осамостоятельничевшегося председательского корпуса Лукашенко потребовались показательные процессы над известными, даже знаковыми, как Старовойтов, фигурами. Выстраивалась цепочка: Чигирь – Леонов – Старовойтов. Она, несомненно, продолжится, на очереди кто-то из знаковых фигур директорского корпуса, вертикальщиков областного, районного уровней, интеллигенции… Не хочу выставлять себя каким-то оракулом, но именно так и пошли дальнейшие события. Был генеральный директор «Атланта» Калугин, еще один Леонов – генеральный директор тракторного завода, руководитель БЖД, назначенный Лукашенко сенатором, Рахманько. Почти два месяца ведомство Шеймана совместно с налоговой инспекцией трясло редакции литературно-художественных журналов, ничего не нашли, но знаковые фигуры нашей литературы Сергей Законников, Алесь Жук, Генрих Далидович были изгнаны, творческие коллективы фактически разогнаны: знайте, как и что творить… Белорусская оппозиция упрекает народ в трусости, ничтожности, неспособности решительно отстаивать правду. Есть, конечно, и такие, но времена меняются. Лукашенко обманул, но не поставил народ

на колени. По моему делу проходило двести двадцать свидетелей, и практически все испытывали на себе давление: сам президент публично, на всю республику объявляет подследственного Леонова убийцей и коррупционером, вором! Но и на предварительном следствии, и на самом суде никто из приглашенных послушно бездумно не клюнул на эту лукашенковскую клевету. Был всего один человек, который на предварительном следствии дал показания, будто Леонов, наверное, оказывал содействие фирме «Руст», чтобы та выиграла тендер на поставку зерна, – тогдашний начальник Белплемживобъединения Владимир Магонов, но и его «наверное» было зафиксировано в протоколе допроса. Более того, на суде он признал, что на предположении сказалась его личная обида на министра и он приносит свои извинения суду и лично подсудимому Леонову.

Я даже испытывал какой-то интерес к самой процедуре допроса – с точки зрения психологии человеческого поведения. Мне было интересно, как поведут себя мои бывшие заместители: тот же Аверченко, тот же Зиневич. Было интересно, что скажут Сергей Прокопович и его заместитель по «Русту» Жуковский. Но даже под тем жесточайшим психологическим давлением, которое на них оказывалось, они не стали клеветать на меня в угоду власти.

Своеобразно, судя по протоколам, шел допрос Жуковского, реально организовывавшего отгрузку зерна с Украины. Жуковский – полковник в отставке, спокойный, рассудительный, абсолютно честный офицер. Следователь Клопов нес какую-то ахинею, вероятно, стараясь запутать Жуковского, написал в стенограмму что-то, Жуковский возразил: «Но я ведь этого не говорил!» Ему предложили: «А вы подпишите этот лист, а на другом напишите, чего вы не говорили. И что записано с ваших слов верно». Жуковский подписал протокол допроса и собрался излагать свои замечания, но следователь сказал: «А теперь уже не надо!»

Дома, все обдумав, Анатолий Евгеньевич написал докладную на имя генерального прокурора, как его обманывал Клопов, отнес в прокуратуру и зарегистрировал. Бумагу, по недосмотру или с умыслом, Бранчель подшил в дело, и я чи-

тал ее, радуясь, что есть на свете люди честные и принципиальные, как этот офицер в отставке.

Поведение людей вселяло в меня определенный оптимизм, хотя был уверен, что дадут мне не менее восьми лет: через три года должны были состояться президентские выборы и Лукашенко никак не позволит мне в этот момент оказаться на свободе.

Так и должно было случиться. Но в связи с тем, что все тюрьмы переполнены и там, где положено по нормам иметь одного заключенного, находятся три (а это недешево обходится), правоохранительная система вынуждена давить на президента с целью проведения ежегодных амнистий, чтобы уменьшить количество сидящих. И так как никто из полковников не пошел на то, чтобы «повесить» на меня несправедливое взыскание, меня выпустили по амнистии, впрочем, продержав за решеткой лишние три месяца…

В целом суд шел как-то рутинно. Самое тяжелое – видеть в зале жену, родных. Я сидел в клетке, они – с той стороны клетки. Жена, Антонина Михайловна, Тоня, ходила на все заседания. Держалась как могла, лишь изредка была не в состоянии скрыть слезы. Мы прожили с ней длинную и в общем-то счастливую совместную жизнь, любя и поддерживая друг друга. Когда еще во время ареста перед видеокамерой следователи разложили на столе найденные у меня 195 долларов и 200 немецких марок, я думал прежде всего о ней: как она переживет все это? Когда после трехмесячного пребывания в СИЗО следователь сказал, что скоро разрешит свидания, я попросил: «Пусть только не приходит жена». Я не хотел, чтобы Тоня увидела меня через стекло. Самое тяжелое испытание в тюрьме – идти на свидание с женой. Не спал несколько ночей и до свидания, и после него. Понимал, как Тоня бодрится, каких усилий ей стоит делать вид, будто у нее все нормально, все в порядке. И знал, что и у нас дома, и у дочерей идут обыски, унизительные, постыдные… Я просил, почти приказывал: «Не езди в суд! Я не хочу тебя там видеть!» Но она решительно не слушалась меня, на протяжении всего процесса я чувствовал на себе ее добрый, придающий силы взгляд…

В совершенно пустой шелухе, наполнявшей пухлые обвинительные тома, судья искал, но не находил хоть какую зацепку, и чувствовалось, что его это изматывает. Он копал-перекапывал собранную следователями «макулатуру», иногда вдруг в его глазах проблескивала надежда «выкопать» что-то, придумывал всевозможные вопросы к двум бригадирам, один из которых работал на строительстве моего дома. На стройке не оказалось цемента, и чтобы люди не простаивали, «мой» прораб по бартеру обменял какое-то количество утеплителя, лежавшего возле моего дома, на один мешок цемента. Выяснение правомочности и эквивалентности обмена, о котором я узнал в зале суда, заняло весь день. И когда все свидетели прошли, стало ясно, что в осадке не осталось ничего. Эпизод со строительством дома, занимавший шесть увесистых томов, рухнул, как карточный домик. Та же участь постигла и еще больший эпизод с закупкой зерна. Сергей Прокопович убедительно, с документами в руках доказал, что поставил зерно в Беларусь по согласованным ценам и ни копейкой выше, что сельское хозяйство получило благодаря ему самое дешевое зерно.

Наконец, судье осталось ходить козырями – достал показания Старовойтова.

Я взял слово и сослался на статью 282 УПК, запрещающую не только строить умозаключения на основе показаний, не подтвержденных публично в суде, но и вообще ссылаться на них. Судья же позволил Старовойтову не являться в суд, хорошо понимая, что версия о взятке, которую Старовойтов якобы дал Леонову, может рассыпаться при перекрестном допросе (в суде имеют право задавать вопросы и обвиняемый, и адвокаты). Я выразил недоверие судье Чертовичу. Судя по тому, как он покраснел, давление у Чертовича в этот момент было значительно выше, чем у подсудимого Леонова. Видимо, в нем еще осталось нечто человеческое, протестующее смириться, что глаза в глаза говорят: «Ты – подонок!» Пусть не буквально, но именно это вытекало из моего выступления. Но, видимо, страх перед сильными мира сего заглушил угрызения совести. Чертович продолжал сидеть на месте, хотя мог уйти, объявить перерыв, но ушли его заседа-

тели, а когда вернулись, вердикт был: Чертович продолжает председательствовать. Одно лишь изменилось – он старался пореже смотреть в мою сторону. Я даже испытывал какое-то злорадство, глядя на его физиономию. Чувствовалось, ему очень тяжело, неудобно, но сочувствия к нему не было – он сам сделал выбор. Не знаю, встретимся ли мы с ним когда-нибудь, но если такое все-таки произойдет, я хотел бы только одного – взглянуть ему в глаза…

Когда Чертович объявил приговор по моему делу, я почувствовал облегчение: наконец-то закончилась эта изнурительная полугодовая эпопея по разгребанию 35 томов стыдобины и я не буду слушать весь этот бред. Не будут возить в суд в эту клетку. Правда, через некоторое время я уже не обращал на нее внимания. Я ждал приговора, был готов к нему. Ошибся в одном – в сроке. Но ошибся и Лукашенко: вероятно, Шейман не подсказал, что не обойтись без амнистии.

Лукашенко и информационно проиграл мое дело. Не случайно не стал публично комментировать ни появившееся в печати открытое письмо к нему, ни результаты процесса. Он словно забыл о Леонове. Да и о чем он мог говорить: о якобы съеденных огурцах? В приличных домах принято извиняться. Но это в приличных домах. Не для того затевали, чтобы потом оправдываться, тем более извиняться…

После оглашения приговора меня вывели в комнату ожидания. Туда пропустили и Ольгу Зудову. Она сразу же начала меня успокаивать, уверяя, что на самом деле процесс нами выигран. Успокаивать меня было не нужно, я все хорошо понимал и рад был, что окончилось почти двухгодичное пребывание в следственных изоляторах. В колонии совсем другой режим: с правом переписки, возможностью чтения, можно гулять на воздухе, дышать, не чувствуя запаха плесени.

Ольга Васильевна давала последние советы: главное, в колонии не поссориться с начальством, не дать повода для обвинений в нарушении режима, отказать мне в праве на амнистию. О том, что амнистия будет, поскольку белорусские колонии переполнены, мы знали.

Светлана неоднократно встречалась с начальником СИЗО № 1 («володарки») Олегом Леонидовичем Алкаевым

и с ответственными работниками Комитета по исполнению наказаний с просьбой оставить меня в Минске, в колонии № 1 на улице Апанского, аргументируя необходимостью лечения в стационаре. Те пообещали сделать все возможное. Но конвойный старшина, выводивший меня после встречи с дочерью и слышавший часть нашего разговора, сказал, что уже поступила команда и меня нынешней ночью отвезут в оршанскую колонию. Начальник не имел права сказать об этом, хотя знал, что все предрешено.

В изоляторе сны перемешиваются с явью. Ложишься часов в десять, когда солнце уже зашло; встаешь часов в восемь утра, когда солнце вроде бы уже встало, но не чувствуешь никакой разницы, потому что не засыпал. Это не безумие, не сумасшествие. Просто сказывается дикое психологическое напряжение, которое не спадает ни днем, ни ночью. И даже если снятся сны, ты их не отличаешь от яви.

Я не помню, какой мне снился сон после суда. Помню только, что спал.

В Оршу везли поездом, привезли ночью на станцию «Восточная», человек тридцать. Подогнали вагон. Называют фамилию, кричат «Быстрей! Быстрей!». Поезд идет быстро. Часа в три-четыре привезли в Оршу, оттуда – автомобилем в колонию. Принимал не только дежурный по колонии, но и, как потом выяснилось, заместитель начальника. И по форме, и по манере держать себя видно было – он человек солидный.

Как положено, определенный срок провел в изоляторе, после чего перевели в первый отряд.

Дня через три вызвал в кабинет для знакомства начальник колонии. Человек воспитанный, он даже предложил мне сесть, поинтересовался, как дела, как здоровье, есть ли какие-нибудь жалобы.

Особых условий для меня никто не создавал. Утром просыпался около семи часов, мылся, брился, делал зарядку. Где-то через час выходили на перекличку. На завтрак можешь ходить, можешь не ходить – это твои проблемы, в этом ты свободен. После ужина – вновь перекличка. В остальном я, как и положено человеку пенсионного возраста, занимался, чем хотел. Ни к каким работам не принуждали и, по закону,

не могли принуждать. Однажды, когда выпал сильный снег, по собственной инициативе я взял лопату в руки и начал помогать ребятам расчищать снег. Смотрящий по блоку подошел: «Ты что нас позоришь, политический? Мы и без тебя со всем справимся!» А давшему мне лопату едва по шее не надавали.

Пожив, познакомившись с обитателями колонии, у меня сложилось мнение, даже твердое убеждение: здесь большинство людей, вовсе не опасных для общества. Кто-то украл велосипед, кто-то – курицу. Они не способны бежать и скрываться, а их держат за решеткой. На свободе они бы сто раз уже отработали свое прегрешение, но государство кормит, охраняет и постепенно убивает их. 10–20 процентов заключенных, на мой взгляд, действительно должны быть изолированы: это те, кто сидят за убийство и покушение на убийство. С некоторыми из таких я сидел в камере еще в СИЗО. Был среди них бизнесмен, убивший напарника при дележе денег. Был студент БГУ, пристрастившийся к наркотикам и убивший своего поставщика, отказавшего дать дозу в долг. Таких на свободе узнаешь по блеску глаз, если ты человек наблюдательный, хороший психолог.

Особую категорию в белорусских тюрьмах сегодня составляют предприниматели. Государство сознательно разрабатывает законы, не нарушая которые невозможно заниматься серьезным и «чистым» бизнесом. В результате самые активные, самые предприимчивые и потому самые опасные для диктатуры люди оказываются за решеткой. На них устраивались чуть ли не облавы, когда активизировалась оппозиция, в частности после заявления Михаила Чигиря об участии в виртуальных президентских выборах 1999 года. Вероятно, напуганный Лукашенко решил пересажать всех потенциальных избирателей Михаила Николаевича. В это время, по моим наблюдениям, в «володарке» оказалось как минимум человек триста. При этом без всякой вины, чем пользовались следователи. Чуваш по национальности рассказывал мне, что жену вызвал следователь и сказал, в каком поле и под какую банку положить названную сумму. Я сказал ему: «Судя по твоему делу, тебя должны выпустить. А дашь

ты ему эти двадцать тысяч – будешь куковать, как миленький». Он не дал им ни черта, и его действительно выпустили. Таких было много, для профилактики брали что ли…

Чем занимался в колонии? О многом я уже говорил. Тричетыре часа – физические упражнения, зарядка, прогулка. Все наказание свелось к тому, что меня изолировали от общества и приговорили… к безделью или чтению. Книг было много: кроме библиотеки в самой колонии, заключенным передавали книги с воли, образовывались личные библиотечки и мы могли обмениваться книгами. Никогда не читал столько, как в заключении. Итого – без одного месяца три года.

Приезжали жена, дочери с внуками. Особенно тяжело было встречаться с внуками, подрастающими без дедовой ласки. Вроде бы и понимал, но довлела, угнетала неосознанная вина перед ними, может, и пронесло бы… Уехать, убежать? Нет уж, дудки! Тут моя Родина, тут могилы моих предков, тут мои дети, мои внуки. Почему я должен убегать, не чувствуя за собой никакой вины? А в отставку собирался всерьез, но все откладывал из месяца в месяц: как омут, затягивала работа – то уборочная, то посевная… И так всю жизнь: больше думал, больше отдавал себя работе, чем близким, родным мне людям. Сколько не додал им! Особенно остро ощущал это при встречах в изоляторах, в колонии, куда они приезжали. Не дай Бог никому, даже врагам моим, испытать те чувства, которые одолевают от свиданий с внуками в тюрьме. Даже от одной мысли, что они приезжают в тюрьму. Упрекал себя: ведь уже ареста председателя правления Национального банка Тамары Винниковой было достаточно, чтобы понять суть происходящего, самому уйти в отставку. Я получал от внуков письма, записки, писал им в ответ. За время моего заключения появилась на свет самая младшенькая внучечка Анютка. Ее привезли на суд, чтобы специально показать деду.

Ее увидел в тот момент, когда крохе показывали: вот тот дядька, что в клетке сидит, – твой дед! И она глядела на меня осмысленными глазенками…

В колонию попал в феврале, покинул ее в октябре, хотя по амнистии должен был выйти еще в августе. Видимо, команда поступила: ждать, пока сдадут нервы. Влепить взыскание – и пусть кукует до последнего звонка. Доставить такое удовольствие я им не мог. А наказать без всякой причины – такого греха на душу никто не взял. А может, вынуждены были так решить, потому что умер мой брат Иван. Была телеграмма начальнику колонии, приехал зять со справкой из больницы. И меня выпустили в тот же день одного, чего я даже не ожидал.

Вызвали с вещами на выход, просмотрели книги, дали справку и деньги на билет. Заместитель начальника колонии, тот самый, что полгода назад принимал меня, сказал напутственное слово: «Я вам советую с властью не бороться». Поблагодарил его за совет и вышел за ворота, где меня ждал зять Саша. Сделали на прощание круг почета перед воротами колонии и помчались с заездом в Могилев (переодеться) на похороны брата Ивана в Костюковичи. Иван умер от рака легких: работал на разных работах, в том числе лесником в радиационных костюковичских лесах.

На похоронах меня неприятно поразило какое-то непонятное, еле уловимое, но выразительное сочувствие. Люди старались помочь, будто я вдруг состарился и ослабел. Не только родственники и знакомые, но и совершенно посторонние люди. Чувствовал себя крайне неуютно под этими сочувственными взглядами земляков, приходило понимание, что придется доказывать и самому себе, и близким, и неблизким, что в жалости не нуждаюсь, что я – тот же Василий Леонов, каким был до ареста, до тюрьмы. И понимал: доказать это можно только единственным способом – не сдаваться… Нет, нет, не мстить обидчику, обидчикам. Месть – это мерзко, месть разлагает личность, опустошает душу, месть – самое прескверное качество, недостойное серьезного политика. Не сдаваться – значит бороться с авторитарным, диктаторским режимом, ввергшим мой добрый, доверчивый народ в страх, нищету, бесправие…

УЛАДЗІМІР НЯКЛЯЕЎ / ВЛАДИМИР НЕКЛЯЕВ / ULADZIMIR NIAKLIAEU

Нарадзіўся 11 ліпеня 1946 года ў г. Смаргонь Гродзенскай вобласці. Вучыўся ў Мінскім тэхнікуме сувязі, Літаратурным інстытуце (Масква), скончыў філалагічны факультэт Мінскага педагагічнага інстытута. Працаваў сувязістам, радыёмеханікам, літаратурным супрацоўнікам у газеце «Знамя юности», рэдактарам на беларускім тэлебачанні. Рэдагаваў часопіс «Крыніца» («Родник»), газету «Літаратура і мастацтва».

Паэт, празаік, перакладчык. Грамадскі і палітычны дзеяч.

Лаўрэат прэміі Ленінскага камсамола (1979), Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь (1998), Першай прэміі I Міжнароднага фестывалю славянскай паэзіі (2009), прэміі імя Курта Тухольскага (2011), Літаратурнай прэміі імя Ежы Гедройца (2013).

Абіраўся старшынёй Саюза беларускіх пісьменнікаў (1998–2001), прэзідэнтам Беларускага ПЭН-цэнтра (2005–2009). Ганаровы сябар Літоўскага і Рускага ПЭН-цэнтраў.

З лютага 2010 года – лідар грамадзянскай кампаніі «Гавары праўду!».

На прэзідэнцкіх выбарах 2010 года вылучаўся кандыдатам у прэзідэнты Рэспублікі Беларусь. У дзень выбараў быў жорстка збіты спецпадраздзяленнем міліцыі і дастаўлены ўрачамі ў шпіталь хуткай дапамогі. Уначы з 19 на 20 снежня выкрадзены са шпіталя супрацоўнікамі беларускага Камітэта дзяржаўнай бяспекі і змешчаны ў следчы ізалятар КДБ.

20 траўня 2011 года асуджаны Фрунзенскім раённым судом г. Мінска на два гады зняволення з адтэрміноўкай выканання прысуду на два гады. 23 ліпеня 2013 года Ленінскім раённым судом г. Мінска вызвалены ад адбыцця пакарання.

Турэмны досвед Уладзіміра Някляева стаў падставай для напісання кнігі паэзіі «Лісты да Волі» (вершы і паэма), выдадзенай у Вільні ў 2011 годзе, а таксама для рамана «Аўтамат з газіроўкай з сіропам і без», выдадзеным у 2012 годзе ў Мінску.

Тэксты для Анталогіі прадстаўлены аўтарам.

He was born on July 11, 1946 in the town of Smorgon, Grodno region. He studied at the Minsk College of Communication, Literary Institute (Moscow) and graduated from the Faculty of Philology of the Minsk Pedagogical Institute. He worked as a communications officer, a radio mechanic, a literary associate in the newspaper *Znamia Junosti,* an editor on Belarusian TV, edited the magazine *Krynica (Rodnik)*, the newspaper *Litaratura i mastactva*.

Poet, novelist and translator. Social and political activist.

Laureate of the Lenin Komsomol Prize (1979), the State Prize of the Republic of Belarus (1998), the First Prize at the 1st International Festival of Slavic poetry (2009), Kurt Tucholsky Prize (2011), Literature Prize of Jerzy Giedroyc (2013).

He was elected chairman of the Union of Belarusian Writers (1998–2001), president of the Belarusian PEN Center (2005–2009). Honorary member of the Lithuanian and the Russian PEN Centres.

Since February 2010 he has been the leader of the civil campaign *Gavary praudu!*

In the presidential elections of 2010 he was nominated for the presidency of the Republic of Belarus. On the election day, Uladzimir was severely beaten by a special police unit and taken by doctors to an emergency hospital. On the night of December 19–20 he was kidnapped from hospital by staff of the Belarusian State Security Committee and placed in the KGB detention center.

On May 20, 2011 the Minsk Frunzenski district Court sentenced Uladzimir to 2 years' imprisonment with a suspended sentence of 2 years. On July 23, 2013 the Minsk Lenin district Court released him from punishment.

The prison experience of Uladzimor Niakliaeu was the reason for writing the book of poetry *Listy da Voli* (poetry and poem) published in Vilnius in 2011, as well as the novel *Autamat z gaziroukaj z siropam i bez (Vending machine with soda with syrup and without*), published in 2012 in Minsk.

Texts for the Anthology were submitted by the author.

ТУРМА

Паэма

1

Цяпер, калі ты не са мной,
Не на плячы маім, не побач,
З турмой я засынаю ў поўнач
І прачынаюся з турмой.

З турмы ў турму пішу лісты:
«Каханая мая! Святая!..»
І што не прачытала ты –
Турма ўначы са мной чытае.

Збірае ўсе да аднаго
Мае маленні, таямніцы,
І тое сніць са мной, чаго
Табе ніколі не прысніцца.

Я цалаваўся з ёю ў сне,
Яна ў маіх абдымках спала!
«Ты закахаешся ў мяне!» –
Турма мне горача шаптала.

І не было такога сна,
Каб у якой нары ваўчынай
Табой не снілася яна
І не была маёй жанчынай.

У пошуках уцех начных
Яна мяне ва ўсіх эпохах
Цягала тайна па сваіх
Скляпеннях,
сутарэннях,
лёхах.
І ўсё, што бачылі яны,

І ўсё, што чулі сярод ночы,
Турма ў мае ўплятала сны,
Якімі засціла мне вочы.

І голасам тваім турма,
Душу мне змучыўшы да болю,
Шаптала, што пішу дарма
Лісты
з няволі
у няволю.

2

Каханая! Цябе адну
Кахаю!.. А турма змяёю
Шыпіць, вяртаючы са сну,
Дзе зноў табе я здрадзіў з ёю.

Ва ўсім падманка і падменка,
Яна спяшала ў сон: «Хутчэй!..»
І падала
твая сукенка
З яе аголеных плячэй.

Каб мне
табой
да ранку сніцца,
Яна пярсцёнак залаты
І залатыя завушніцы
Здымала, як здымаеш ты.

І кожны жэст – як твой, адзіны,
І кожны рух яе такі,
Як плаўны, лёгкі, лебядзіны,
Лятучы ўзмах тваёй рукі.

3

У скуры шоўкавай тваёй
Яна была! Былі на ёй

Тваe пагорачкі і лункі,
І я падманваўся змяёй,
Адказваў ёй на пацалункі!

Яна, як выціскала дух,
Пятлёю абвівала цела,
І не адна – з табою ўдзвюх
Маёй каханкай быць хацела.

І блытаў я, не разбіраў
Яе, твае клубы і губы,
І чуючы твой голас любы,
Ад асалоды паміраў.

Я ў гэтай прорве асалоды
Нідзе не даставаў да дна,
І прагнучы яшчэ свабоды,
Стаў забываць:
нашто яна?

4

Мне ад Турмы ў турме нідзе
Няма ні схoвы, ні збавення,
Паўсюль знаходзіць – і вядзе
У склепы,
лёхі,
сутарэнні.

У сутарэннях – цэлы свет:
Героі... здраднікі... сексоты...
Яны мяне пыталі: «Хто ты?»
Турма адказвала: «Паэт».

«Сексот ён,
здраднік
ці герой? –
Пыталі здані. – Наш ён? Твой?..
А што паэт, дык нам не дзіва!»

Турма казала: «Ён са мной», –
І здані ўкленчвалі пачціва.

«Ты маніш!» – я крычаў. «Маню? –
Турма пытала. – Не мяне ты
Хіба кахаеш?.. Ах, паэты!..» –
Яна ўздыхала, і шкілеты
Ківалі, доўжылі гульню.

Іх тысячы, мільёны іх
У павуцінні, пыле, цвілі,
І ў іх патыліцах – ва ўсіх! –
Чарнелі дзіры.
Іх забілі.

«За што, Турма?..» –
«Ты не ў мяне
Пытайся, а ў суддзі ці ў ката...»
І здані ўсе крычалі: «Не!
Турма ні ў чым не вінавата!»

Яны сцялілі нам кілім,
На ім, не знаючы спатолі,
Кахаўся я з Турмой і Воляй
І ўжо не помніў:
дзе я?.. з кім?

І ўсё было мне шалу мала,
І ў шале тым у міг любві
Турма ці Воля прашаптала:
«Адна з нас лішняя. Забі!»

5

Ах, Воля, Воля! Вольга, Вольга!
Як мала я цябе люляў,
Як я кахаў цябе нядоўга –
Адно жыццё ўсяго кахаў!

Як мала мела ты дарункаў
І нават абяцанкаў іх,
Як мала ласкаў, пацалункаў,
Абдымкаў дзённых і начных!

І слоў,
якіх магла ты болей
Пачуць!.. Чаму ж не рассыпаў
Я іх пярлінамі прад Воляй,
Як на пярыне з ёю спаў?

Чаму яны цяпер, на нарах
Згадаліся, калі няма
Каму сказаць іх!..
І ў кашмарах
Начных
іх слухае
турма.

6

Як позна!..
Божа, як шкадую!
Які на волі вецер дзьме!..
Цяпер, што хочаш, падарую
З таго,
што маю
у турме.

Лісток паперы... Скрыдлік мыла...
І нітачку... Каб ты на ёй
Той крыжык на грудзях насіла,
Які зацалаваны мной.

Каб стаўшы перад абразамі
Ці Бога ўбачыўшы ў акне,
Ты ўспамінала ўсё, што з намі
Было і не, было і не...

7

А што было?
Чаго не стала?
Калі ўсяго было ў нас мала,
Дык што мы страцілі з табой?..
Нічога. Толькі ранак той
У тую тайную нядзелю,
Калі, прачнуўшыся, глядзелі
Я на цябе – ты на мяне...

Ну, што яшчэ?.. У тым акне,
У тых нябёсах зоркі тыя,
Дзве залатыя вартавыя
Той тайнай ночы, у якой
Ты ўпершыню на дотык мой
Заплюшчыла салодка вочы...

Каб нават Бог, апроч той ночы,
Нябёс, дзе зоркі запаліў,
Не даў нам болей анічога,
Дык анічога больш у Бога
Я б не прасіў і не маліў...

А ў нас яшчэ той ранак быў.

8

Ах, Воля, Воля! Яска, Яска!
У снах маіх струменіць ласка
Твая – між пальцамі ручай...
Прачнуся:
Ноч.
Турма.
Адчай.

І чую: «Ты не прыручай
Турму – яна цябе прыручыць!
Спачатку прадаваць навучыць,
А потым забіваць!..»

Не ты
Казала гэта, з пустаты
Быў голас, з дальніх сутарэнняў,
Дзе я блукаў між зданяў, ценяў,
Ужо прыручаны Турмой,
Якая зданям: «Ён са мной», –
Кідала, і яны кілім
Сцялілі мне, Турме і Волі...

«З Турмой ты можаш быць нікім,
Ты з ёй... ты ў ёй... таго даволі, –
Той голас доўжыў. – Век ад веку
Турма найперш у чалавеку
Ламае не хрыбет, а дух».

Я адчуваў: цяпер мы ўдвух...

«Так, – ён казаў, – я ў той праклятай
Каменнай камеры дзявятай
На верхніх нарах, як і ты,
Гібеў... Я рваўся з нематы
З той моваю, што даў нам Бог,
Што не жыве ў нас, а начуе,
І я не вырваўся, не змог!
Ты зможаш, калі Бог пачуе,
Як знойдзеш,
што сказаць Яму...».

9

Тайком, на вуха, аднаму
Я ўсё сказаў Яму... Ці мала,
Раз голас той, бы ў сэрцы джала,
Не вырваць – што з ім ні рабі?
Раз Воля ці Турма сказала:
«Адна з нас лішняя. Забі!»

Каго?.. Ні мне, ні ветру ў полі
Няведама –

не знаем мы:
Навошта нам турма без волі?
Навошта воля без турмы?

Бо ёсць адно – як ёсць другое,
Як дым з агнём,
агонь з вадою,
Які шалее без вады,
Як толькі тое дарагое,
Што страчанае назаўжды.

Як тая ноч... той ранак... дотык...
Як Бога шэпт на вуха ўпотай...
Як голас, у якога: «Хто ты?» –
Пытаюся, а мне ў адказ
Ручай між пальцамі – і праз
Глухія сцены чую глуха
Не шэпты Бога мне на вуха,
А стогны з дальніх, цёмных лёхаў,
З усіх вякоў, з усіх эпохаў,
І плач, і енк,
і крык нямы
З абдымкаў волі і турмы!

10

Турма ў турме – і воля ў ёй.
Усе за кратамі ў краіне,
Дзе дух крывіцкі нема гіне,
Разняты з моваю сваёй.

Ён тут. Загнаны ў самы дальні
І цесны лёх, у змрочны кут,
Ён тут са мной у катавальні,
Са мной на допытах ён тут.

І калі кат мяне катуе,
І боль дратуе нажавы,
Крывіцкі дух мяне ратуе,

Хоць сам ад болю ледзь жывы.

Як ён Турме не даспадобы!
Яна каля яго заўжды
У чорным, нібы ў дзень жалобы,
Бурносе, нібы ў халады.

Змушае жыць каля парашы
На крапіве і лебядзе,
Не дакладзе паўмісы кашы,
На лусту хлеба абкрадзе.

Найлютаму аддасць канвою,
Каб той зламаў,
скруціў у рог!..
Ён дух... ён вольны... ён з Турмою,
Са мною б развітацца мог.

Але ў падменным і падманным,
Кайданным і закратаваным
Турэмным свеце, у лайне
Мой дух з хрыбтом пераламаным
Не пакідае ўсё ж мяне!

Ён сам абраў такую долю:
Цягнуць мяне з ярма, з дзярма, –
І ненавідзіць больш, чым Волю,
Яго
раўнівая Турма.

11

Ах, Воля, Воля! Доля, Доля!
Ты ёсць – і гэтага даволі.
Няхай турма,
няхай адчай,
Усё – між пальцамі ручай...

«Не прыручай, не прыручай,

Як кошку, волю, – чую голас. –
Няхай спазнае холад, голад,
Як рысь,
што выгнана з нары,
У высь
узвые на гары,
Напоўніцца той сілай дзікай,
Што смерчы круціць і віры –
Тады яе ў кулак збяры
І бі, як дзідаю, як пікай,
У чалавечым гушчары,
Крыві не баючыся! Тая
Кроў вольная, яна – святая,
Як на Галгофе, на крыжы...

Вось дзіда.
Бі.
І не дрыжы.
Адна з іх лішняя...».

Якая?..

12

І ўдарыў я! І кроў густая
Лінула з дзіды, з вастрыя!

Чыя?..

Тут здані! Тут пустая
Турма ў турме!.. «Яшчэ тут я...» –
На вастрыі змяя шыпела,
Круцілася, нібы кіпела,
Спаўзала з дзіды на кілім,
І чуў я на кіліме тым:
«З Турмой ты можаш быць нікім,
А з Воляй быць героем трэба,
Чапляцца, нібы дым, за неба,
І таяць, нібы ў небе дым,

Дзе так бязмежна, так трывожна,
Дзе свет драпежны, свет варожы,
А тут ты ў цёплай агарожы,
У чэраве маім... »

Чыім?..

13

«Чыім? Чыім? Чыім?» –
Пытае верабейка ранкам
За кратамі.

– Ты быў каханкам
Турмы і волі, – кажа зноў
Той голас. – Ты прайшоў праз кроў.
Забіў. Ты выбраў паміж раем
І пеклам...
– Што?
– Мы выбіраем
Не волю ці турму. Любоў
Або нянавісць – вось наш выбар.
– Тады чыё я сэрца вырваў?
З кім біўся я?.. Каго забіў?!
– Ты ўсіх забіў, каго любіў,
Бо меў да іх любоў сляпую,
Якую ты, як дзіду тую,
Кідаў – а раптам пападзе!
І дзе твае каханкі? Дзе
Твае сябры? І дзе краіна,
Якую слепа ты любіў?
І дзе народ, які ў ёй быў,
Які, як зваць яго, забыўся?..
Збылося ўсё, а ён не збыўся!
І ўжо не збудзецца...
– Чаму?
– Бо любіць волю, як турму!

14

О, Божа! Толькі аднаму
Табе
магу сказаць такое!
Народу – нельга! Ён – святое!
Яго нічым не зачапі!..

– Як хочаш піць – бяры і пі,
Іначай смагу не спатоліш, –
Той голас доўжыў. – Так і з воляй!
Як хочаш волі, дык бяры
Яе аберуч! І памры,
Але трымай яе аберуч!
Хай рыкае драпежным зверам,
Рве жылы, пырскае крывёй –
Пі кроў яе! Яна тваёй
Крывёю стане! І ніколі
Ты ўжо не зможаш
жыць без волі!..

15

І піў, не знаючы спатолі,
Я кроў тваю! Кіпела ў ёй
Каханне, пырскала крывёй,
Сцякала па грудзях, якія
Я цалаваў, і па клубах,
Якія абдымаў, і ў пах
Струменіла з клубоў, і тыя,
Акругла-пругкія, літыя,
Як рыбы, то нырца давалі
Да дна жыцця, то, як дзве хвалі,
У вышыню ўздымалі, дзе
Няспраўджанае ў чарадзе
Чакае спраўджання, дзе вечны
Шлях семені, што ў небе Млечны,
А ў нетрах вулканічны шлях:
Шлях лавы, магмы, плазмы…
«Ах!..» –

Ва ўлонне!.. і глыбей!.. і болей!..
Каб Воля нарадзіла Волю!..
З крыві і болю!.. тут!.. пры мне!..

16

«Турма народзіцца ў турме!» –
Пачуў я голас, у абдымку
З Турмой прачнуўшыся…
– Дзяўчынку
Ты ад мяне хацеў бы мець, –
Турма натолена спытала, –
Каб Воляй я дачку назвала,
Спялюшкала яе – і ў клець?..

17

Ах, воля, воля! Што хацець,
Апроч цябе?.. Дальбог, нічога!

Калі ты не са мной – дарога
Ёсць да цябе, якой іду.

Я не люблю цябе:
ваду
не любяць –
проста п'юць, бо смага.

«Хіба табе са мною блага? –
Пытала голасам тваім
Турма. – Глядзі, які кілім
У нас для ўцехі… Я ж казала:
Ты закахаешся ў мяне…» –
«Не!..» –
«Ціха… Ціха… Праміне
Усё… На свеце ўсё мінае,
Апроч кахання, а кахае

Цябе адна Турма, яна
Адна заўжды цябе чакае
І верная табе адна
Яна… Ідзі ў яе… Ідзі…»

І да ўсявышняга суддзі
Ўзмаліў я: «Не судзі!» – і з лёхаў
Рвануўся крык з усіх эпохаў
Насустрач воклічу майму:
«Мы любім волю, як турму!
І ненавідзім так, як любім!..»

18

– Вунь здані... Гэта ўчора – людзі,
Што сёння ценямі снуюць, –
Казаў мне голас. – Кружаць роем
Сексоты,
здраднікі,
героі...
Якія ў іх блукаюць мроі,
Якія жарсці ў іх жывуць?
У тым?.. У гэтым?..
Гэй, шкілет,
Ты хто?..
– Паэт.
– За што ж забілі
Цябе?..
– За тое, што паэт.
За тое, што мяне любілі.
– Любілі?
– Так.
– А хто любіў?
– Усе. І тыя, хто забіў.
Яны ў турме мне волю далі.
Турма і Воля абдымалі
Мяне – і клалі на кілім,
Шапталі на кіліме тым:
«З Турмой ты можаш быць нікім,

А з Воляй быць героем трэба,
Чапляцца, нібы дым, за неба,
І таяць, нібы ў небе дым...»
– Я гэта чуў!.. Даволі! Досыць!
– Маўчу, маўчу... Калі так просяць,
Дык калі ласка... Але дзіва:
Я здань,
я прывід столькі год,
А сёння мне чамусьці дзідай
Прабілі сэрца навылёт!
І кроў лінула… з пылу… з цвілі...
Жывая... Хоць мяне забілі
Даўно…
– А хто цябе забіў?
– Мой брат, які мяне любіў.
Турэмны кат.
– Ты быў каханкам
Турмы і Волі?
– Так... І ранкам
Яны прыйшлі і павялі...
– Куды?
– Да ката...

19

– На зямлі,
На волі і ў турме дарога
Адна, – той голас доўжыў строга. –
У іх абдымках ты самога
Сябе не знойдзеш, будзеш тым,
Хто выбраў нары ці кілім...

Калі ты чуеш шэпты Бога,
Будзь з Ім – і болей ані з кім!

20

«Ты будзь маім, маім, маім,
Са мной, адзінаю, адзіным...» –
Шыпела голасам змяіным

Турма...
Дык не яна на дзідзе
Круцілася?!
«Хай Воля прыйдзе!» –
Я крыкнуў…
І ўсю ноч Турма
Шаптала мне: «Яе няма...
Яе ніколі ўжо не будзе,
Бо ты прабіў ёй дзідай грудзі
І вырваў сэрца, выпіў кроў...
Цяпер ты вольны... Рык звяроў,
Крык птушак гэткі самы вольны,
Як ты, як дух твой неспатольны,
Што прагне волі зноў і зноў...»

21

«Праз волю я згубіў любоў?
Праз волю загубіў паэта?..»

«І не шкадуй, згубіўшы гэта
І ўсё, што згубіш, – доўжыў дух. –
Ніякіх страт, ніякіх скрух
Не бойся! Бо нічога болей,
Чым кроў, пралітая за волю,
Няма чысцей,
няма святцей.
І кроў старых, і кроў дзяцей,
І кроў каханых волі варта!..»

22

Нябесны Ойча! Як я ўпарта
Рабіў усё, што мог зрабіць,
Каб страціць волю! Не здабыць,
А страціць!.. Як так выйшла, Ойча?..
Са мной?.. З усімі?.. Ты аднойчы
Даў волю ўсім нам! Без крыві!
Праз ласку Боскую!.. «Жыві, –
Сказаў Ты ей, – у гэтым людзе,

Бо без цябе яго не будзе,
Бо без цябе ён прападзе!..»
Мы прападаем, Ойча!.. Дзе
Воля?!
Як?.. Чаму згубілі
Яе мы, Ойча?..

23

– Не любілі,
Таму згубілі, – мовіў дух. –
Затое кожны свой катух
Займеў... Хай цесны, але з кашай
Прасянай... З нарамі, парашай:
Паеў, паспаў… Вунь і кілім
Пасцелены… Турма на ім
Гуляе ў волю, непрыкрыта
То з гэтым цешыцца, то з тым...
Народ прасеяўся праз сіта:
Пустое ўсё ва ўсім пустым.
Няўтульна з воляй вам. Не сыта.
А дзе вам сыта? Ля карыта.
А дзе карыта? Там, дзе хлеў.

24

І з дальніх лёхаў даляцеў
Задушны стогн, жалобны спеў
Усіх
загнаных у скляпенні,
Тых,
хто пракляты ў пакаленнях
Праклёнам даўніны сівой:
«Бадай бы вам цягаць каменні
На дом чужы, а не на свой!»

25

Нябесны Ойча! Той праклён
На ўсе вякі? Такі наш кон:
Згубіць сваё і жыць з чужога?..

Такі наш лёс
па волі Бога?

Дом,
што не воляю сваёй
Пастаўлены,
стае турмой!

Турма – не сцены.
Для турмы
Не камяні сабраны. Мы.

Мы – краты і ключы астрога.

Без волі Бога быць нічога
Не можа! Волас не ўпадзе
Без волі Бога!..
На Судзе
Ахвяры злічаць, згубы, страты,
Спытаюць: «Хто ў тым вінаваты?..»
Ніхто, ніхто! Турма і каты
Не вінаваты!
Доля… Крыж...

Турмой і Воляю
паміж
Ударыў я! Паміж вякамі,
Што выціскалі волю з нас,
З якіх крывёю ліўся час
І глінай застываў, пяскамі,
Ставаў балотамі, а намі –
Ніяк,
ніяк,
          ніяк,
                    ніяк!..

І з прорвы часу быў мне знак:
Вякі рассунуліся, як

У парадзіхі дол – і ў доле
Я ўбачыў немаўлятка:
Волю!

26

«Мой Ойча! Што рабіць мне з ёй?..» –
«Прыняць! Яна з тваёй крывёй!
Гадуй яе! Перахварэй
На ўсе хваробы... З ёй дурэй,
З ёй весяліся, плач... Няхай
Яна палюбіць гэты край,
Ці ўзненавідзіць, як спазнае,
Што тут салодкі вінаград,
Дзе ні садзі – не выспявае,
Тут застаецца братам
брат,
Які ў патыліцу страляе!

Няхай ці добраю, ці злой
Яна ўзрасце, але сваёй
Узгадаваная зямлёй,
Не дзічкай на пустэльнай выспе,
Не рыссю, кінутай у клець,
Якую ты ў вязніцы выснiў!..

І воля ў часе мусіць выспець –
І вы для волі ў час саспець.

Прымі яе. Гадуй. Спялі.
Няхай расце. Няхай мужае.
Зямля і воля на зямлі –
Або свая, або чужая».

27

Сцяна між намі межавая –
Турэмная сцяна. Ах, Яска!
Даруй, даруй мне, калі ласка,
Сцяну! Вы, камяні ў сцяне,

Даруйце мне, даруйце мне!

Вы ў садзе камянёў маглі
Ляжаць – ды воля на зямлі
Альбо свая, альбо чужая!..

Яна ў вязніцы выжывае
У гэтым краі страт і скрух,
Але расце, але мужае,
І разам з ёй мужае дух,
Якому толькі воля трэба –
Нічога болей!..

Гэты дым,
Які чапляецца за неба
І растае высока ў ім…

25–31 снежня 2010 года,
унутраная турма КДБ

ЛІСТЫ ДА ВОЛІ

Вользе Някляевай

* * *

Як плашчаніца, бел-чырвона-бела
Лунаў над лёсам сімвал Твой святы…
Калі ўдыхнуў Гасподзь душу мне ў цела –
Ёй стала Ты.

Ты, Воля беларуская, Ты, мара
Крывіцкая, Ты, крэўная мая!..
Калі Табе патрэбная ахвяра –
Ёй стану я.

1 студзеня 2011 года

* * *

Не ўсё дарэмна, што дарэмна…
Не ўсё брыдота, што ў брыдзе…

Па ветры,
сушы,
па вадзе,
Магчыма, нехта патаемна
Мяне да нечага вядзе.

Магчыма, шлях мой да астрога
Наўмысна скручаны ў клубок
За ніццю ніць,
за крокам крок…

Хто ж мой вядок? Ён служка Бога,
Ці служка д’ябла – мой вядок?
2 студзеня 2011 года

* * *

...І той, які махаў рукамі,
Нас падзываючы, і той,
Каго паклікалі мы самі –
Яны былі табе братамі,
А ты не стала ім сястрой,
І калі цемра праглынула
Апошні ўскрык братоў тваіх,
Нікога з іх ты не пачула,
Не ўбачыла нікога з іх,
Схаваўшыся ў маіх абдымках,
Дзе я люляў цябе, бярог,
Ды дзве крывінкі, дзве радзімкі
Не сцалаваў з плячэй, не змог...
3 студзеня 2011 года

* * *

Дождж, што ў снежні без патрэбы,
Сувязь між зямлёй і небам
Абарваў.
Сувязістку Бог забраў…

Страта ў страце…

Толькі з вока абраза,
Прад якім стаяла маці,
Ціха ўпала ў ціхай хаце
Вінаватая сляза.

4 студзеня 2011 года

* * *

Чыя дарога?.. Нічыя.
А на дарозе хто?.. Нікога.
І так адчуў я ласку Бога,
Нібы ў спякотны поўдзень я
Дайшоў да ручая ляснога.

І ўбачыў на дарозе цень,
Які на ёй стаяў без ценю,
І я падумаў: «Летуценні…» –
І ў цені тым заснуў на дзень,
Клубком скруціўся ў Боскай жмені.

5 студзеня 2011 года

* * *

Праз краты, праз калючыя драты
Апоўначы ўсміхнулася мне ты,
І я заснуў –
і праз драты,
праз краты
З тваёй усмешкай
паляцеў
дахаты.

6 студзеня 2011 года

* * *

Прыснілася, што я ў турме адзін
На васемнаццаць камер з прыбіральняй.
Рэальным сон быў. І турма – рэальнай.
Пад раніцу. Каля шасці гадзін.

А ў шэсць – пад'ём! І змрочны вартавы
Павёў у прыбіральню. Ледзянела
У ёй лайно. Дрыготка біла цела,
І адляталі сны ад галавы.

7 студзеня 2011 года

* * *

Як жыць не хочаш, дык памры.
Няма гульні. Распас.
Турэмны дворык два на тры –
І ў ім пяцёра нас.

І ў ім – з табой – усё, што меў,
І ўсе, што будзеш мець…

Квадратна-гнездавы пасеў.
Пляц.
«Кляц!»
Клець.

8 студзеня 2011 года

* * *

З чаго складаецца душа –
Няведама, бо ні шыша
З душы не ўзяць, а толькі з цела.

Вунь цела пашаньку арэ,
І што там з цела адляцела –
Ніхто не скажа, як памрэ.

Банальна?..
А ты як хацела?

9 студзеня 2011 года

* * *

Як ні спяшаеш, як ні гоніш коней,
Ні прагнеш жыць ажно да забыцця –
Не хопіць на жыццё твайго жыцця
І рэшту будзеш дажываць па сконе.

10 студзеня 2011 года

* * *

Калі я выйду з турмы на волю,
Не стану клясці ні лёс, ні долю,
А стану дубам у чыстым полі
Зялёным веццем шумець на волі.

І калі сядзе на веццe воран,
І калі каркне, што ён – мой вораг,
Не стану ў Бога вымольваць кары...
На тое й воран, каб жыць ды каркаць.

11 студзеня 2011 года

* * *

Падышоў да возера і лёг
На ваду, на хвалі галавою,
Каб заснуць – і ў сне сувоіў Бог
Тое, што ўва мне і пада мною,
Тое, што ўва мне і нада мной,
Дзе аблокі, поўныя вадою,
На якіх паклаўся галавой
Той, хто мною быў і стане мною,
Хто напяў між небам і зямлёй
Залатую нітачку сувою...

12 студзеня 2011 года

* * *

З нябожчыкамі параішся –
Адсюль туды не пара яшчэ...
Хоць скрозь парадкі адны:
Куды не йдзеш – упіраешся
У чатыры сцяны.

13 студзеня 2011 года

* * *

Паўзе па шкле, што раптам пачарнела
Начны павук.
На кожны рып напружваецца цела,
На кожны грук.

І замірае камера ў здранцвенні
На ўскрык нямы...
Тут некалі стралялі ў сутарэнні
Такіх, як мы.

14 студзеня 2011 года

* * *

Пераступіўшы праз парог
І ўбачыўшы, што за парогам
Няма нічога, я бярог
Усё, пра што ў сумоўі з Богам
Дамоўлена было, а Бог
За гэта ўсё
Мяне збярог.

15 студзеня 2011 года

* * *

Спіш яшчэ, мая ты сплюшка?
Дзве цукеркі пад падушкай
Там, дзе ты… А там, дзе я,
Дзверы з вочкам і кармушкай,
Камера дзявятая.

Да мяне прыйдзі ты ночкай,
На мяне зірні ты ў вочка
І кармушку адчыні,
Дай цукерку мне да чаю
І цукерку вертухаю,
Каб не гаўкаў дзень пры дні.

16 студзеня 2011 года

* * *

Так хочацца сябе парадаваць,
Пакінуць камерную клецьь,
Знайсці альтанку пад прысадамі,
Зайсці ў яе і пасядзець...

17 студзеня 2011 года

* * *

Збіты операм, на нары
Лёгшы ніц,
Я прыпомніў, як штукарыў
Дацкі прынц.

Тут ягоныя хістанні
Не ў цане,
Тут нямашака пытання
Быць ці не.

Калі ты каля парашы
Ніцма лёг,
Толькі б выжыць, зубы сцяўшы,
Даў бы Бог.

18 студзеня 2011 года

* * *

Я – ракой з берагоў,
Я – расой па траве,
Бо ў курыных багоў
Дзірачкі ў галаве…

19 студзеня 2011 года

* * *

Толькі снег. І на снезе сляды
У чатыры бакі. І куды
Ты ні ступіш, ні рушыш – твой шлях
Па слядах, па слядах, па слядах.

А калі завіруха на свет
Наляціць, замяце кожны след,
Нехта пойдзе, як па цаліку...
Так бывае на кожным вяку.

20 студзеня 2011 года

* * *

За дарогай
няма нічога,
І нічога –
сама дарога.

21 студзеня 2011 года

* * *

Перакінуўся праз лёс
Мост – і я па ім панёс
Тое, што на плечы ўзяў.

Мне ў дарозе месяц ззяў.
Я ішоў, не ведаў сна
Ад цямна і да цямна.

На плячах маіх сума,
А ў ёй воля ды турма.

І яшчэ, бы ў горле ком,
Лёс. Унізе. Пад мастом.

22 студзеня 2011 года

* * *

Не ў памеры Гамера
Ні харэй і ні ямб.
Меў на эпас намеры,
Ды, халера, аслаб.

Пасадзілі за краты –
І палюцый няма.
Не Гамер вінаваты.
Вінавата турма.

Бо ўсё цягне дадому,
Бо ў аддзел паясны
Не прыходзяць ад брому
Гамерычныя сны.

23 студзеня 2011 года

* * *

«Скажы, – спытала ты мяне, –
Што бачыш ты на самым дне
Жыцця?..». І я напружыў зрок
Так, што наплыў у вочы змрок,
І ў ім не ўбачыў я нічога
На дне – і нават дна самога…

24 студзеня 2011 года

* * *

«Ці ты хочаш, ці не хочаш, –
Цёмны вецер шэпча ночы, –
Я з табой пераначую...».

Вецер шэпча. Ноч не чуе.

«Ці ты хочаш, ці не хочаш, –
Кажа вязню ў цёмнай ночы
Каля шыбеніцы кат, –
А вяроўка акурат
Па табе...».
І ката чуе

Ноч, што з ветрам не начуе –
З вязнем хоча начаваць.

Каб хутчэй
пасцель
паслаць,
Паспяшацца ката просіць,
І плыве па ўсёй зямлі
Цемра ў цемру – і галосіць
Цёмны вецер у пятлі.

25 студзеня 2011 года

* * *

Сам дзіўлюся: мне – 65.
Па-салдацку ложак засцілаць
У турэмнай камеры вучуся...

Засцілаю ложак і дзіўлюся.

26 студзеня 2011 года

* * *

Зноў да сінечы следчы голены.
Парфума з пахам міндаля.
Мундзір з шыццём. Душа з пагонамі
І дзірачкай для медаля.

27 студзеня 2011 года

* * *

Пяць крокаў па камеры ўздоўж,
Упоперак – тры.

Пяць крокаў ступаю праз дождж
І тры – праз вятры.

28 студзеня 2011 года

* * *

Дзе свае? Дзе чужыя?
Цені ў дальнім акне.

Там, у той старане,
Дзе слупы межавыя,
Яшчэ тыя жывыя,
Хто кахае мяне.

29 студзеня 2011 года,
унутраная турма КДБ

* * *

Нечакана легла карта
Мне й табе.
Днём і ноччу ў хаце варта
КДБ.

Каля хаты цень гарбаты,
Чорны цень,
Праз які не выйсці з хаты
Ноч і дзень.

Праз яго не зойдзе ў хату
Госць, але ж:
«Сёння ў нашай хаце свята», –
Ты пяеш.

Бо запарваеш гарбату
Мне сама,
Бо ўсё ж хата – гэта хата.
Не турма.

1 лютага 2011 года,
хатні арышт

ЗМЕНЫ СУВЯЗЯЎ

Апавяданне

– Я магу сказаць, што я пра вас думаю. Я не думаю пра вас нічога!

Гэта няпраўда. Ён пра мяне думае. Хутчэй за ўсё, думае нешта кепскае, таму кажа, што не думае нічога.

– Вы дарма ў гэта ўлезлі. Яно не магло ў вас выйсці, бо яно не ваша.

Бадай, так. А кажа, што нічога не думае.

– А вы ніколі нічым не сваім не займаліся, доктар?

Ён маўчыць, унурыўшыўся ў сваё, з чаго вынікае, што нічым не сваім ён не займаўся ніколі.

– І не змушалі вас?..

Маўчыць.

Што ж, сапраўды яно не магло ў мяне выйсці, бо яно не маё. Тое, што не тваё, выйсці ў цябе не можа. Гэта зразумела кожнаму ад пачатку. Але ад пачатку зразумела кожнаму і многае іншае. Напрыклад, тое, што ён памрэ і ёсць, хоць і няпэўная, верагоднасць, што паўстане па смерці перад Боскім судом. І што? Кожны баіцца суда? Ды кожны мяркуе, што ўсе сканаюць, а ён – не. Невядома як, але пазбегне смерці. Можа, праз дасягненні медыцыны.

Доктар, ці чалавек, якога лічу я доктарам, бо ён змушае мяне глынаць пігулкі, кажа:

– Гэта вам не дапаможа.

Ён не мае на ўвазе медыцыну. Хоць, можа быць, і мае, мы якраз пра яе гаварылі. Я стараюся не маўчаць, гаварыць і гаварыць з ім, каб ён услухаўся, угледзеўся ў мяне. Усвядоміў, хто я такі, і паспрыяў, каб з мяне знялі кайданкі, якімі я прышпілены да ложка.

– Трывайце.

Я трываю... Хачу толькі, каб ён зразумеў, што нельга з чалавекам, які не доктар, але пра тое, як ствараюць свае ланцужкі і ўзаемадзейнічаюць нейроны, ведае не менш за доктара, гэтак абыходзіцца.

– Я не магу спыніць актыўныя допыты.

Добра, няхай актыўныя допыты, як называюць тут катаванні, спыніць ён не можа, але ж ён доктар, ён даваў клятву Гіпакрата і абавязаны ў любым выпадку быць на маім баку. Угаварыць, упрасіць, каб з мяне знялі кайданкі, адшпілілі ад ложка, дазволілі зрабіць хоць некалькі крокаў ад сцяны да сцяны. Але ён нікога не ўгаворвае і не просіць ні аб чым нікога.

– Гэта не ў маёй кампетэнцыі.

У ягонай кампетэнцыі націскаць чырвоную кнопку над сталом – і, як толькі ён тую кнопку націскае, з'яўляецца худая, са шнарам над левым брывом медсястра. Яна моўчкі набірае ў шпрыц нейкай мярзоціны, якую падае ёй доктар, ці чалавек, якога лічу я доктарам, бо ён у белым халаце, і ён назірае, як медсястра робіць ін'екцыі, пасля якіх пачынаюцца гэткія спазмы, што я страчваю ад болю прытомнасць. Калі ачомваюся, мне спачатку выварочвае вантробы, а пасля перакручвае свядомасць: я раблюся як бы не я – і той, хто не я, нагаворвае на таго, хто я, што заўгодна. Ужо столькі я ўсяго на сябе самога нагаварыў, а ім усё мала, мала, мала, яны мяне катуюць, катуюць, катуюць – і ў іх прэтэнзіі да доктара:

– Вы змяншаеце дозы, доктар!.. Ці ён прывыкае?

Доктар дозы не змяншае, і я не прывыкаю. Да гэтага нельга прывыкнуць. Проста я не разумею, чаго яны хочуць ад мяне, і, падобна, яны ўжо самі не разумеюць гэтага.

І доктар не разумее.

– Чаго вы ўпіраецеся? Выгадная ўмова...

– Якая выгадная?

– Жыццё. Інакш вы сканаць можаце. Для актыўных допытаў ваша здароўе...

Ён пакручвае пальцамі так, што маё здароўе не выглядае прыдатным для актыўных допытаў.

Жыццё сапраўды някепская ўмова. Але чаму яе прапануюць мне яны? Хто яны такія?

– Хто яны такія, – пытаю я доктара, – каб прапаноўваць мне тое, што ўжо без іх даў Бог?

Доктар моршчыцца, ён кожны раз моршчыцца, калі я згадваю Бога. Потым дае мне пігулкі, якія заўсёды дае за паўгадзіны перад кожнай ін'екцыяй, і кажа паблажліва:

– Яны ўлада, якая ад Бога. Значыць, могуць прапанаваць тое самае.

Праз паўгадзіны – чарговы ўкол і допыт. Яны мне па гадзінах, па хвілінах распісалі актыўныя допыты, і самае страшнае – глядзець на гадзіннік, які вісіць над сталом, дзе чырвоная кнопка, і чакаць.

– Гэта мана.

Ён дастае з маленькай лядоўні, з нутра якой даносіцца нечакана моцны для такой малечы гуд, ампулу з мярзоцінай.

– Што мана?

– Што ўлада ад Бога. У аўтэнтычным тэксце Святога Пісання сказана: «Усялякая ўлада пад Богам». Гэта ўжо пры перакладзе пап*ы* прыдумалі для цароў, што ўсялякая ўлада ад Яго, а не пад Ім.

Доктар трохі думае пра нешта, потым кажа:

– Па-мойму, там усё ж сказана, што ўлада ад Бога, але гэта не важна. Бог да чалавека як да чалавека ўвогуле адносін не мае. Бо чалавек не чалавек.

Я не разумею: пра што ён?

– А хто?

– Жывёліна. У найпростым сэнсе. І пачакайце пярэчыць!.. Усё вызначаецца механізмамі ўзнаўлення, стварэння сабе падобных. Якія яны ў вас? Гэткія ж самыя, як у любой і кожнай жывёліны. Тады хто вы?..

– А вы?

– А калі вы не чалавек, – доўжыць, як не пачуўшы мяне, доктар, – дык і Бог для вас не Бог. І для іх, – ківае ён на дзверы, за якімі ў чорнай форме і чорных масках стаяць вартавыя. – Так што вы дарма з імі пра Боскі суд. Сорам, сумленне... Ваўку не сорамна зайца зжэрці.

Доктар, вядома, не жывёліна, не з ягонай фанабэрыяй жывёлінай сябе лічыць. Нешта ў ягоным жыцці не склалася, інакш не быў бы ён тут і не займаўся б тым, чым займаецца, праз што стаў звычайным чалавеканенавіснікам. Але быць проста мізантропам надта банальна, таму ён выдае сябе яшчэ й за цыніка. Філасофствуе.

Усё гэта праз тое, што ён – бязбожнік. Але быць проста бязбожнікам гэтаксама банальна, як быць проста мізан-

тропам, таму ён выдае сябе за верніка, які расчараваўся ў хрысціянстве. «Сын Бога, – тлумачыць ён прычыну свайго расчаравання, – не можа быць пакутнікам, які сам цягне свой крыж на Галгофу, каб быць раскрыжаваным за чужыя грахі. Кожны мусіць адказваць толькі за сваё».

Расчараваўшыся ў хрысціянстве, доктар спавядае індуізм, але не як рэлігію, а як філасофскую сістэму, і трыццаць першую частку трэцяй песні «Бхагавадгіты», прысвечаную рэінкарнацыі, лічыць найлепшым з усіх, якія калі-небудзь былі напісаныя, філасофскім трактатам, бо ў ім вырашаецца праблема суіснавання дабра і зла.

– Калі Бог – любоў і дабро, скуль зло і пакуты? Чаму гінуць дзеці?.. Пап*ы* з ксяндзамі выдумляюць такое, чаго самі не разумеюць, бо адказу на гэта няма ні ў Старым, ні ў Новым Запавеце. А ў ведах ёсць: рэінкарнацыя. За грахі папярэдняга жыцця ў новым жыцці спасцігае кара за іх. Усё лагічна.

У доктара ёсць якасць, уласцівая ўсім людзям з завышанай самаацэнкай: яны мяркуюць, што ніхто, хто жыў да іх, пра жыццё на гэтым свеце нічога не петрыў. Вось і пра тое, што напісана пра дабро і зло ў Ведах, доктар распавядае так, нібы сам пра гэта напісаў.

– Бог не ў дзеяннях, а ў іх прычынах.

– Ды кіньце!.. – паклаўшы на стол ампулу, націскае доктар чырвоную кнопку над сталом. – Адзін немец даўно сказаў: «Бог памёр!» Але немец гэты, як і ўсе немцы, паспяшаўся. Бог будзе жыць да той пары, пакуль мы не вызначым крыніцу нашай свядомасці.

Вось з чаго ён узяў, што ўсе немцы спяшаюцца?

– Дык ужо вызначылі. – І я чытаю яму па памяці, так у маіх мазгах ствараюць свае ланцужкі і ўзаемадзейнічаюць нейроны, што я даслоўна запамінаю тэксты, якія мне зусім без патрэбы: – «Меркаванне, што нейроны не здольныя да трансфармацыі і зменаў сувязяў аднаго з адным, абвергнутае. Працэсы зменаў сувязяў зафіксаваныя пакуль на мікраскапічнай частачцы галаўнога мозга, аднак гэтага дастаткова для разумення сутнасці нашай свядомасці».

Я думаю, што гэтага ўсё ж не дастаткова для разумення нашай свядомасці, аде доктара раздражняе не тое, што я ду-

маю, а тое, што лезу не ўсваё, таму ён злуе, б’е зверху кулаком па лядоўні – і тая змаўкае.

– Не лезце не ў сваё!.. Немцы зноў паспяшаліся – вызначанае імі нічога не вызначае! І ні на што не ўплывае! Хіба толькі на экспертаў камітэта па Нобелеўскіх прэміях можа паўплываць. – І кіўнуўшы на трох пахмурных мужчын за дзвярыма, якія адчыніла, уваходзячы, медсястра, ён кажа цішэй: – Але не на гэтых таварышаў.

Доктар ведае, што працэс змены сувязяў паміж нейронамі зафіксаваны нядаўна менавіта немцамі, а трое таварышаў, якія ўваходзяць за медсястрой у абкладзены сіняй кафляй, падобны да трупярні пакой, дзе мяне трымаюць ужо пятыя суткі, пра тое не ведаюць і ведаць не хочуць. Адзін з іх, таварыш генерал, ківае доктару, той ківае ў адказ, я ніяк не магу зразумець: што азначаюць гэтыя іх кіўкі адзін аднаму?.. – а да мяне падыходзяць вартавыя, прыціскаюць да ложка, сястра адломвае кончык ампулы, набірае шпрыц, перацягвае гумовым пасам вышэй за локаць маю правую, якая не ў кайданках, руку, робіць укол – і мяне торгае яшчэ да таго, як у кроў маю пачынае ўлівацца мярзоціна...

– Спакайней, спакайней, – назіраючы, як выціскае апошнія кроплі са шпрыца медсястра, кажа доктар. – Няма чаго торгацца. Так, каб торгацца, яшчэ не баліць.

Я ўжо ведаю, як яно будзе балець, і праз гэтае веданне пачынаю адчуваць боль яшчэ да таго, як ён торгне мяне, скруціць, праб’е ад пятаў да мазгоў, у якіх у чаканні болю панічна пачынаюць мітусіцца, парываючы ўсялякія сувязі паміж сабой і мной, нейроны.

Сястра моўчкі выходзіць і зачыняе дзверы. Двое, што ўвайшлі з генералам, старэйшы і маладзейшы, таксама глядзяць на доктара, і ён таксама ім ківае. Я не разумею, што гэта азначае, чаго доктар ківае і генералу, і гэтым двум, але ведаю, што маладзейшы сярод іх усіх насамрэч найстарэйшы. Найгалоўны, бо ён сын таго, які ўсіх іх сюды, у гэтую трупярню, да мяне пасылае.

Мяне прывезлі сюды чатыры дні таму. Уночы, з завязанымі вачыма. Была зіма, і пахаў ніякіх не адчувалася, толькі пах снегу, але, мяркуючы па цішыні, якая напоўніла вушы,

калі вывелі з машыны, прывезлі мяне ў лес. Лясная цішыня адрозная ад цішыні рачной ці палявой, я звык іх распазнаваць яшчэ ў дзяцінстве. Толькі ў дзяцінстве я не мог падумаць, пачуўшы лясную цішыню, што мяне ў ёй заб'юць, а тут падумаў, бо на першых допытах у турме, з якой сярод ночы мяне ў лес прывезлі, якраз гэтым палохалі…

Пад рукі мяне павялі прыступкамі ўніз, значыць, у лесе была нейкая будыніна – і калі развязалі вочы, я ўбачыў гэты халодна-голы, абкладзены сіняй кафляй, падобны да трупярні пакой. Пасярод яго стаяў ложак; каля адной сцяны з гадзіннікам на ёй – стол, крэсла і невялічкая лядоўня, а каля другой – штосьці падобнае на яшчэ адзін ложак, аблытаны правадамі, абстаўлены прыборамі ды прыстасаваннямі, адно з якіх было з гумовай камерай, як для мяча, якім гулялі мы ў дзяцінстве ў футбол. Я вырашыў, што гэта нешта для таго, каб дыхаць, і не памыліўся: аблытаны правадамі, абстаўлены прыборамі ды прыстасаваннямі ложак аказаўся апаратам для штучнай падтрымкі жыцця.

Яны не давалі тым, каго сюды прывозілі, памерці… Калі нехта не вытрымліваў на ложку пасярод пакою, яго перакладвалі на ложак каля сцяны. А потым зноў клалі на ложак пасярод пакою.

Госпадзі, што яны зробяць са мной?..

– У вас няма выбару... – кажа ў каторы раз адно і тое генерал. – Вы называеце краіны, канкрэтныя ведамствы і канкрэтных людзей, якія дапамагалі вам рыхтаваць дзяржаўны пераварот, мы ўводзім прэпарат – і болю не будзе.

Пераварот, прэпарат… Мне ўжо баліць, а ён: болю не будзе. Што значыць не будзе?.. Яны ўколяць мне нешта такое, ад чаго я сканаю?

– Я не рыхтаваў дзяржаўны пераварот.

– Вы называеце краіны, канкрэтныя ведамствы і канкрэтных людзей…

Доктар кажа: «У кожнага чалавека свой парог болю, які ён можа вытрываць. За гэтым парогам – смерць. Спыняецца ад болю сэрца». Ён мог гэтага й не казаць, я кожны раз здзіўляюся, калі боль пачынае спадаць, што сэрца не разарвалася. Я навыдумляў процьму краінаў, ведамстваў і людзей, якія мне

дапамагалі, але гэта не тыя краіны, не тыя ведамствы і не тыя людзі – ім патрэбныя іншыя. Я пытаю: «Якія?..» – а яны не кажуць. Бо самі не ведаюць, якія? Яны ўвогуле, падобна, не ведаюць, чаго хоча ад мяне чалавек, які імі кіруе і пасылае іх да мяне.

– У кожнага чалавека свой парог болю, які ён можа вытрываць, за гэтым парогам смерць, ад болю спыняецца сэрца, – паўтарае словы доктара сын таго чалавека, наймаладзейшы з гэтых трох, якіх паслаў ён да мяне. – І паварочваецца да доктара. – Так, доктар?

Доктар у каторы раз ківае: так.

Першы спазм!.. Госпадзі, дай мне не вытрываць, дай мне сканаць!..

Боль невыносны… і доўжыцца, здаецца, з дня, у які я нарадзіўся, і калі гэткія мукі чакаюць нас па смерці за грахі нашы, дык трэба ці не грашыць, ці не паміраць, а я паміраю, пачуў мяне Гасподзь… пачуў, але не прыняў, я кепскі вернік, ды не вернік я ніякі, бо ўвесь у спакусах, праз якія і ўлез у тое, што не магло ў мяне выйсці, бо яно не маё… і Гасподзь карае, пакідае мяне жыць у спазмах, у болю, які торгае, скручвае, працінае да мазгоў, у якіх панічна мітусяцца, парываючы ўсялякія сувязі паміж сабой і мной, нейроны… і калі я ачомваюся, іх выварочвае з мяне, я ванітую імі, нейронамі, маімі мазгамі, у якіх перакручваецца свядомасць: я раблюся як бы не я – і той, хто не я, на таго, хто я, нешта ўсё нагаворвае, нагаворвае, нагаворвае, а старэйшы з тых двух, што прыйшлі з генералам, запісвае, запісвае, запісвае на дыктафон і ў нататнік…

– Моцны вы… – кажа доктар, калі генерал і двое з ім выходзяць. – Ваш бацька ў якім веку памёр?

Я не помню, у якім веку памёр бацька.

– А маці?

І пра маці не помню… Я не помню нават пра сябе… Але помню пра доктара, якому спрабую сказаць: «Няхай вы не можаце гэтага спыніць, але…»

Мне цяжка прамаўляць не таму, што не хочуць слухацца язык і губы, а таму, што ў мазгах парваныя сувязі паміж ней-

ронамі – і думкі тыкаюцца сляпымі кацянятамі, шукаючы тыя, якія засталіся цэлымі, ланцужкі.

– Што «але»?

– Вы маглі б у гэтым не ўдзельнічаць.

Доктар глядзіць на мяне так, нібы тое, што я сказаў, яго надта здзівіла.

– Мы ж гаварылі з вамі пра індуізм, пра карму, пра рэінкарнацыю…

Так, мы гаварылі з ім пра індуізм, пра карму, пра рэінкарнацыю, пра змены сувязяў паміж нейронамі, мы пра многае гаварылі – і што з таго? Мяне катуюць, а ён вядзе гаворкі пра індуізм! Пра закон кармы, па якім калі ты нарадзіўся катам, дык найпершы твой абавязак – як мага лепей адсякаць галовы.

Хай нават так, хоць яно не зусім так, але ж ён не кат, а доктар. Менавіта гэта я хачу яму давесці, на што ён кажа: «Магчыма, у папярэднім жыцці я быў катам, выканаў карму ката і стаў доктарам».

Ён не выканаў карму ката і не стаў доктарам. Дактары не катуюць.

– Хіба я вас катую?

– А хто?

Ён ківае за дзверы…

– А мярзоціну хто мне ўшпільвае?

– Сястра. Кожны мусіць адказваць толькі за сваё.

Ён, значыць, адказвае за тое, што націскае чырвоную кнопку.

Тады за што адказвае генерал? І той, хто з ім? І сын таго, які ўсіх іх да мяне пасылае?..

Я не задаю гэтыя пытанні доктару, бо яны з тых, якіх ён не чуе, і сам пытае: «Я выконваю карму доктара, а вы – чыю?..»

Ён хоча, каб я толькі пра тое й думаў, што ўзяўся не за сваё.

Я думаю, што карму доктара ён выконвае не так, як трэба, але мала што я думаю… Я нават не ведаю, думаю я ўвогуле ці не?

Боль не можа думаць – проста баліць.

– Зрэшты, – кажа доктар, не дачакаўшыся адказу на тое, чыю карму я выконваю, – вы можаце гэтага й не ведаць. Таму й нагаворваеце на сябе абы што.

– Кожны з нас, нічога пра сябе не ведаючы, абы што на сябе нагаворвае.

Доктар маўчыць хвіліну, ківае галавой:

– Бадай, так. Хоць галоўнае пра сябе ведаюць усе.

Я не пытаю, што галоўнае пра сябе ўсе ведаюць – ён мне пра гэта ўжо казаў. «Націсні на любога – і з любога вылезе кавалак дзярма. Больш нічога». Калі я спрабую пярэчыць: «Дзярмо з сябе кожны мусіць выціскаць сам…» – ён кожны раз перапыняе:

– Мяне цікавіце не вы, а ваш боль.

Я намагаюся яго зразумець.

Ён кажа: «Усё вырашаецца тым, баліць табе ці не баліць, а калі баліць, дык як?» – і ў хвіліны, калі мне не баліць, я згодны прызнаць, што ў ягоных развагах ёсць праўда: усім нам шкада, калі нехта, рыба ці птушка, гіне ці нешта, кветка ці мова, знікае, але некаму – баліць, некаму – не.

– Вас цікавіць, ці баліць мне тое, праз што мяне прыкавалі да ложка ў вашай трупярні?

– Не. – Ён усміхаецца, усмешка ў яго пагардлівая. – Што вам можа балець? Свабода? Дэмакратыя?.. Такіх органаў у чалавеку няма.

Да болю прывыкнуць немагчыма, а да цынізму – можна. Мусібыць, я прывыкаю, бо пытаю: «А вам карма баліць ці рэінкарнацыя?..» – і ён, як заўсёды, не чуючы таго, чаго не хоча чуць, доўжыць: «Ёсць шлункі, ныркі, залозы. Яшчэ дзве-тры ін’екцыі – і вы кінеце гульні ў тое, у што вам не трэба гуляць, каб выжыць».

– Я помню, што ўва мне ёсць нешта яшчэ, апроч шлункаў.

– Забудзецеся. Як у новым жыцці забываюцца на жыццё папярэдняе. Чаму, дарэчы, мы нічога з яго не помнім? У гэтым палягала асноўнае пытанне, звязанае з ідэяй рэінкарнацыі. Брахманы знайшлі адказ: мы ўсё забываем праз боль народзінаў. Так напісана ў ведах. Не народзіны, а боль стварае новага ці як бы новага, бо ён ужо быў, чалавека.

Ён, можа, думае, што стварае ўва мне новага чалавека?..

– Вы, можа, думаеце, што ствараеце ўва мне новага чалавека, доктар?

– У пэўным сэнсе… Калі мы з’яўляемся ў свет праз боль, значыць, што?..

Ён робіць паўзу, чакае, пакуль нейроны ў маіх мазгах наладзяць такія сувязі, праз якія я здолею зразумець, дзеля чаго мы з’яўляемся ў свет праз боль, а я гляджу на гадзіннік, абедзьве стрэлкі на якім няўмольна набліжаюцца да рыскі болю, і доктар, пачакаўшы, сканчае:

– Значыць, боль – шлях да ісціны. Нездарма, калі баліць, крычаць.

– Што значыць нездарма?

– Нездарма, бо бачаць ісціну.

– Яна такая страшная?

– Яна такая простая.

Я, дарэчы, не помню, ці крычу. Не чую сябе праз боль.

– Я крычу?

– Яшчэ як… – зірнуўшы на гадзіннік, ідзе да лядоўні, каб узяць мярзоціну, доктар, а я кажу:

– Вы не далі мне пігулкі.

Ён спыняецца.

– Вось бачыце: вы ўжо нешта зразумелі. Нарэшце.

– Што?..

Доктар не паспявае растлумачыць мне, што я нарэшце зразумеў, бо насцеж расчыняюцца дзверы, у якіх з’яўляюцца трое – і адзін, генерал, кідае з парога:

– Доктар, вы гатовы?

Да ін’екцыі паўгадзіны.

– Яшчэ паўгадзіны… – разгублена глядзіць на генерала і тых двух, што ўвайшлі з ім, доктар, а сын таго, хто ўсіх іх да мяне пасылае, кажа адрывіста:

– Давайце раней. Каб не прывыкаў.

Яму ўсё здаецца, што я прывыкаю. Няхай бы сам прывыкнуць паспрабаваў.

– Але я не… – пачынае і змаўкае, наткнуўшыся на позірк генерала, доктар, падыходзіць да стала, стаўшы каля якога спінай да ўсіх, націскае чырвоную кнопку… раз… другі… трэці… а сястра, якая звычайна з’яўляецца імгненна, не

йдзе… не йдзе… не йдзе… і адзін з вартавых вінавата кажа ў дзвярах: «Яе няма. Выйшла, будзе праз паўгадзіны».

Шыя генерала над белым каўнерыкам кашулі пачынае наліваецца чырванню.

– Як няма?.. Куды выйшла?.. Тут закрыты аб'ект ці раённая паліклініка? – наступае ён на вартавых, потым рэзка паварочваецца і кідае доктару: – Значыць, сам!

Доктар таксама паварочваецца:

– Я не…

І зноў не дагаворвае.

– Што не?.. Калоць не ўмееш?.. – з пагрозлівым здзіўленнем пытае генерал, а той, які павінаваціўся, вартавы, прапануе:

– Давайце я… Я ўмею, нас вучылі.

Генералу, счырванеламу праз тое, што начальства прывёў не на закрыты аб'ект, а ў раённую паліклініку, праз што ў яго могуць быць праблемы, хочацца ўсё найхутчэй скончыць, ён згодна ківае: «Ну, давай ты, калі вучылі…» – і вартавы йдзе да майго ложка, але сын таго, хто ўсіх іх да мяне пасылае, раптам кажа: «Не! Кожны адказвае за сваё!» – і ва ўпор глядзіць на доктара, нібы падслухаўшы ўсё, пра што мы з доктарам гаварылі.

Можа, і слухаў… Яны і ў раённай паліклініцы слухаюць.

Доўгага позірку ва ўпор доктар не вытрымлівае, дастае з лядоўні ампулу з мярзоцінай, кладзе на стол, зноў націскае чырвоную кнопку… раз… другі… трэці… і рука, якой ён кнопку націскае, пачынае дрыжаць… а сястра не йдзе, не йдзе, не йдзе – і дзіўная рэч: мне хочацца, каб яна прыйшла, хоць я павінен хацець іншага, бо што мне гэты доктар, цынік, які даводзіў тут сваю выключнасць, а зараз яго ткнуць пысай у ягонае ж дзярмо, пакажуць, чаго ён варты, давядуць, што нічога ён не значыць, але вось жа я нешта для яго значу, калі ён хоча паказаць мне – бо каму яшчэ? – што не такі, як яны, што адказвае толькі за чырвоную кнопку, якую цісне, цісне, цісне, пакуль трэці з тых, што ўвайшлі, найстарэйшы з іх не крычыць: «Рабі, што кажуць!» – а генерал, якому перад сынам таго, хто ўсіх іх да мяне пасылае, толькі бунту ў раённай паліклініцы не хапала, падыходзіць да стала, бярэ ампулу і

падае яе доктару: «Ці ты колеш гэта яму, ці ён, – ківае генерал на вартаваго, які вызваўся зрабіць ін'екцыю, – коле гэта табе».

Генерал стаіць спінай да мяне, але нават па спіне генеральскай відаць, што чакае доктара, калі ён не возьме ампулу: вунь як вартавыя наструніліся! Доктар стаіць да мяне тварам – і па твары ягоным не скажаш, што ён гатовы зрабіць крок на шляху да ісціны, якая спасцігаецца праз боль. Такога развіцця падзей ён не чакаў, у мазгах ягоных рвуцца, лопаюцца звычныя сувязі паміж нейронамі, але чамусьці я не адчуваю праз гэта ніякага задавальнення, зласлівай радасці: вось табе, маўляў, трыццаць першая частка трэцяй песні «Бхагавадгіты»! Мне нават шкада доктара, бо якім бы ён ні быў цынікам, ён адзіны, хто адчувае за тое, што тут робіцца, хоць нейкі сорам… ці, магчыма, не сорам, нешта іншае, я не ведаю, што ў такіх выпадках адчуваюць цынікі… але нешта ж ён адчувае, калі спрабуе захаваць хоць рэшткі годнасці, няхай не падобна, што гэта яму ўдасца, хіба пасля рэінкарнацыі, у іншым жыцці… а можа, удасца і ў гэтым, бо ў дзверы ўскоквае запыханая медсястра: «Выбачайце!..» – і бярэ з рук генерала ампулу.

Пэўна, праз тое, што доктар не даў мне пігулкі, боль гэтым разам быў такі, што спынілася сэрца. «Вось бачыце: вы ўжо нешта зразумелі... нарэшце…» – чуўся ў снежнай лясной цішыні, не падобнай ні на цішыню рачную, ні на цішуню лугавую, нечы знаёмы голас, і мне ўсё хацелася ўспомніць, чый?.. і карцела дазнацца ў яго: што ж такое я нарэшце зрузумеў? – але наўрад ці пра гэта я калі-небудзь дазнаюся, бо, ачуняўшы на аблытаным правадамі ложку, дыхаючы праз гумовую, як для мяча, якім гуляў у дзяцінстве, камеру, убачыў у халодна-голым, абкладзеным сіняй кафляй пакоі зусім іншага, незнаёмага мне чалавека, якога праз тое, што быў ён у белым халаце, можна было прыняць за доктара.

12–21 лютага 2011 года,
Мінск, хатні арышт

«Я НЕ ПРЫМУ АНІЯКАГА ПРЫСУДУ, АПРОЧ АПРАЎДАННЯ!»

Апошняе слова ў судзе

Следчы па маёй справе, калі скончыліся допыты і можна было размаўляць больш-менш па-чалавечы, распавёў мне гісторыю пра свайго маленькага сына.

Ягоны сын ходзіць у дзіцячы садок. Бацька забірае яго, вядзе дахаты і, як звычайна, пытае: «Што сёння рабіў, што было цікавага?» «Па-ангельску размаўляць вучыліся!» – падскокваючы, адказвае сын. «Ды ну! – здзіўляецца бацька. – І якія словы ты вывучыў?» «Дзякуй і да пабачэння!» – адказвае беларусу-бацьку беларус-сын.

Следчы Камітэта дзяржаўнай бяспекі, падпалкоўнік юстыцыі, распавёў гэтую гісторыю як вясёлую – і доўга думаў, калі я спытаў: «Вы хоць разумееце, што вы мне расказалі?..»

Я хачу, каб мы думалі хутчэй. Бо часу, каб падумаць і зразумець, а галоўнае, паспець нешта зрабіць, не засталося. Амаль.

Калі маленькі беларус, прамаўляючы словы на роднай мове, мяркуе, што ён прамаўляе іх па-замежнаму, гэта нацыянальная катастрофа! І яе ўжо немагчыма прадухіліць адукацыйнымі, культуралагічнымі высілкамі. Захаваць нас як нацыю могуць толькі неадкладныя палітычныя рашэнні! Вось найпершая прычына, па якой я, паэт, апынуўся ў палітыцы. Скарыстаўшы перад тым усе, якія толькі можна скарыстаць, іншыя магчымасці. Пісаў беларускія вершы, паэмы, песні, апавяданні, аповесці, працаваў у часопісах, у газетах, на тэлебачанні, у Саюзе пісьменнікаў, вёў перамовы з уладай, угаворваў яе стаць беларускай – нічога не дапамагала! Нідзе і нічога не вырашалася! Я ўгаворваю, а мне адказваюць, што па-беларуску нельга сказаць нічога вялікага! Толькі па-руску, па-кітайску і па-ангельску. І хто мне такое кажа? Кітайскі імператар? Рускі цар? Ангельская каралева? Не, беларускі прэзідэнт. Тады «дзякуй і да пабачэння»!

Вось мы і пабачыліся на прэзідэнцкіх выбарах. Вынік іх – гэты суд.

Зразумела, на гэтым судзе я не толькі праз тое, што адстойваю беларускую Беларусь. Я тут найперш праз тое, што не прымаю Беларусь дыктатарскую, адстойваючы Беларусь дэмакратычную. Але зноў жа: дэмакратыю нельга збудаваць ні на чым. Неабходны падмурак – і ён у нас ёсць. Гэта наша гісторыя, у якой быў парламент, які выбіраў тых, хто кіраваў дзяржавай. Гэта наша мова, на якой быў напісаны Статут Вялікага Княства Літоўскага – канстытуцыя, што стала ўзорам для пазнейшых дэмакратычных канстытуцый Еўропы і свету. Гэта наша культура, якая дала Усходняй Еўропе першаасветную постаць Францыска Скарыны. Вось тыя глыбы, на якіх павінна паўстаць і паўстане дэмакратычная Беларусь, змёўшы з гэтага падмурку друз і пыл дыктатуры.

Я на гэтым судзе праз тое, што хацеў, каб змесці смецце дыктатуры дапамаглі нам суседзі з усходу і захаду, Расія і Еўразвяз. Я хацеў, каб яны паразумеліся ў гэтым – і не цягнулі Беларусь, як коўдру, кожны на сябе. Каб яны ўбачылі Беларусь не паміж сабой, а побач з імі, з імі разам. Гэтаксама як і Украіну. Толькі ў такім выпадку можа паўстаць адзіная Еўропа ад Альпаў да Урала – тая геапалітычная прастора, якую мусім мы стварыць, каб захаваць еўрапейскую цывілізацыю.

Еўрапейская цывілізацыя – кангламерат нацыянальных культур, нацыянальных ідэй, энергетыкай якіх былі створаныя магутныя нацыянальныя эканомікі, збудаваныя моцныя дзяржавы, што склалі Еўразвяз. Прадуктыўная ідэя здольная выпрацаваць больш энергіі, чым любая АЭС. Так было і ёсць і ў Еўропе, і ў Амерыцы, і ва ўсім свеце. Амерыканцы не мелі нічога, каб стаць амерыканцамі, але яны, займеўшы незалежнасць, стварылі нацыянальную культуру, сфарміравалі нацыянальную ідэю – і сталі амерыканцамі. У нас жа, каб стаць беларусамі, было ўсё, а мы, займеўшы незалежнасць, нічым з таго, што назапасілі і пакінулі нам продкі, не скарысталіся – і нікім не сталі. Ці, як горда заявіў той, хто называе сябе беларускім прэзідэнтам, сталі «рускімі са знакам якасці». Што гэта за нацыя такая?..

Такое «вырашэнне нацыянальнага пытання» зняважлівае як для рускіх, так і для беларусаў, з якімі дыктатура гуляе ў гульню пад назваю «любімы народ і любімы правадыр». Гэта любімая гульня любой дыктатуры. Яна – інструмент маніпуляцый масавай свядомасцю, народнай воляй. Яна – мана, у той час як сапраўдная любоў ёсць праўда. Менавіта так – праз праўду – выявіў сваю любоў да людзей Бог, які даў нам маральныя законы.

Усвядомленая нацыянальная ідэя – гэта ўсвядомленая адказнасць перад тым і перад тымі, да чаго і да каго ты прыналежыш. Яна дазваляе ўзняць узровень маральных патрабаванняў да кожнага грамадзяніна і грамадства ў цэлым. Яна вымагае сказаць няхай горкую, але праўду. Я казаў, і кажу, і буду казаць: той, хто паступаецца годнасцю і свабодай, не заслугоўвае павагі. Гэты маральны імператыў універсальны, аднолькава справядлівы як у дачыненні да асобнага чалавека, гэтак і ў дачыненні да народа.

Я ўдзячны беларусам, якія 19 снежня выйшлі на Плошчу – і захавалі годнасць нацыі.

Нацыю час ратаваць. Да пагрозы знікнення мовы і культуры дадалася пагроза абрушэння эканомікі, а праз тое – пагроза страты незалежнасці. Неабходныя неадкладныя дзеянні, каб гэтага пазбегнуць.

Найгоршае з усяго, што ў такой сітуацыі можна зрабіць, – шукаць вінаватых. Паглыбляць раскол грамадства. А менавіта гэтым праз паказальныя суды над сваімі палітычнымі апанентамі якраз і займаецца ўлада.

Я прапаную іншае. Улада адмаўляецца ад рэпрэсій – мы адмаўляемся ад неадкладнага патрабавання новых прэзідэнцкіх выбараў. Вызваляюцца ўсе палітычныя зняволеныя – і з удзелам прадстаўнікоў улады і ўсіх апазіцыйных партый, рухаў, аб'яднанняў ствараецца Камітэт нацыянальнага выратавання. Самастойна ўлада выправіць сітуацыю няздольная. Яна рухне разам з абвалам эканомікі, але нельга дапусціць, каб пад яе абломкамі была пахаваная незалежная Беларусь.

Трагізм сітуацыі, у якой знаходзіцца наша грамадства, выяўлены ў драме «Тутэйшыя» геніяльнага Янкі Купалы

яшчэ на пачатку мінулага стагоддзя. А яшчэ раней Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, імем якога названая вуліца, на якой мяне судзяць, прадбачыў нават гэты суд. «Расследавав дзела саабразна ўказу всеміласцівейшага гасудара марта 69 дня паследававшага і прымяняясь к Статуту літоўскаму раздела 5-га, параграфа 18-га, свідзецелям, каторыя відзелі драку і не разнялі дзерушчыхся – па 10 лоз на дыване і па 10 рублёў штрафа в пользу врэменнага прысутствія; всем прочым, каторыя не відзелі дракі, за то, што не відзелі, а цем самым і не маглі разняць дзерушчыхся, назначается па 5 лоз на дыване і па 5 рублёў штрафу в пользу врэменнага прысутствія!»

Хіба яно не так?.. Хіба гэтая фантасмагорыя, гэты суд у вар'ятні, у якую ўсіх нас – каго суддзёй, каго пракурорам, каго падсудным – загнала ўлада, не рэальнасць?.. Хіба «врэменнае прысутствіе» судзіць мяне не за тое, што я «не відзеў дракі, а цем самым і не мог разняць дзерушчыхся»?

Усім вядома: у вар'ятню лёгка патрапіць – складана з яе выйсці. Асабліва калі табе даводзяць, што ты сам зрабіў выбар: прагаласаваў за тое, каб жыць у вар'ятні. Але, калі мы нармальныя людзі, калі беларус – гэта не дыягназ, мы павінны выйсці са шпіталю для духоўна хворых. Разам з дактарамі і санітарамі.

Мы не дачакаемся змен, калі не пачнём мяняцца.

Я не хачу сказаць, што нехта, суддзя ці пракурор, не перажываюць праз тое, што знікае наша мова, культура, што Беларусь нібыта ёсць – і ў той жа час яе нібы няма. Я не сцвярджаю, што нікому, апроч мяне, яно не баліць. Баліць. Розніца ў тым, як? Розніца толькі ва ўзроўні болю.

Мне гэты боль трываць стала немагчыма. Таму я прыйшоў у палітыку, таму пайшоў на выбары – таму я на гэтым судзе.

Гэта палітычны суд. За што мяне судзяць?..

Мяне судзяць за тое, што я паспрабаваў стаць прэзідэнтам. Я гатовы прызнаць віну ў тым, што прэзідэнтам не стаў.

Мяне судзяць за тое, што я дамагаўся свабодных, справядлівых, дэмакратычных выбараў. Я гатовы прызнаць віну ў тым, што свабодных, справядлівых, дэмакратычных выбараў дамагчыся не змог.

Мяне судзяць за Плошчу. Я гатовы прызнаць віну ў тым, што не дайшоў да яе. Калі прысуд мне будзе вынесены за гэта, я прыму яго. Ні ў чым іншым я не вінаваты і не прыму ні за што іншае аніякага прысуду, апроч апраўдання!

Дзякуй і да пабачэння!

18 траўня 2011 года

АНДРЭЙ ПАЧОБУТ / ANDRZEJ POCZOBUT /
АНДРЕЙ ПОЧОБУТ

Нарадзіўся 16 красавіка 1973 года ў мястэчку Вялікая Бераставіца Гродзенскай вобласці. Скончыў юрыдычны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Аўтар кнігі «System Białoruś» (Варшава, 2013).

Журналіст, грамадскі дзеяч.

Працаваў у газетах «День», «Пагоня», «Местное время», «Głos z-nad Niemna». Абіраўся намеснікам старшыні Саюза палякаў на Беларусі. Узначальваў «Magazyn Polski na uchodzstwe». Уласны карэспандэнт польскай «Gazety Wyborczej» (з 2006 года).

Быў арыштаваны 6 красавіка 2011 года. Абвінавачваўся ў паклёпе на прэзідэнта Рэспублікі Беларусь і ў зняважэ прэзідэнта. 5 ліпеня 2011 года асуджаны Кастрычніцкім судом г. Гродна на 3 гады зняволення з адтэрміноўкай на два гады. 21 чэрвеня 2012 года зноў арыштаваны па абвінавачванні ў паклёпе на прэзідэнта; вызвалены 30 чэрвеня 2012 года пад падпіску аб нявыездзе. 23 верасня 2013 года вызвалены ад адбыцця пакарання. Справа аб паклёпе на прэзідэнта была закрыта за адсутнасцю складу злачынства.

Тэкст для Анталогіі прадстаўлены аўтарам. Урыўкі з яго друкаваліся на старонках «Gazety Wyborczej».

He was born on April 16, 1973 in the town of Berestovitsa in the Grodno region. He graduated from the Faculty of Law of the Grodno Yanka Kupala State University.

He was the author of the book *System Białoruś* (Warsaw, 2013).

Journalist and public figure.

He worked in the newspapers *Den, Pogonia, Mestnoe vremia, Głos z-nad Niemna*. He was elected deputy chairman of the Union of Poles in Belarus. Headed *Magazyn Polski na uchodzstwe*. He is a special correspondent of the Polish *Gazeta Wyborcza* (since 2006).

He was arrested on April 6, 2011. Andrei was accused of defaming and insulting the President of the Republic of Belarus. On July 5, 2011 the Grodno October district Court sentenced him to 3 years' imprisonment, suspended for two years. On June 21, 2012 he was arrested on charges of defaming the President and released on June 30, 2012 on his own recognizance. On September 23, 2013 he was released from serving a sentence. Defamation case was then closed in absence of formal components of crime.

The text for the Anthology was presented by the author. Fragments from it were published in the *Gazeta Wyborcza*.

MOJA WIĘZIENNA DELEGACJA

6 kwietnia

Kajdanki na moje ręce wkładają w gabinecie nr. 14 Grodzieńskiej Obwodowej Prokuratury. Śledczy Arenij Nikolski, młody około 30-tki, krutko ostrzyżony mężczyzna jest wobec mnie uprzejmy ipróbuje pocieszać:

– Jest pan tymczasowo aresztowany. Po trzech dniach pan wyjdzie.

Wiem, że nie wyjde – ale ziarno nadziei, rzucone przez niego żyjemimo woli w mojej świadomości. A nuż śledczy mówił prawdę? A nuż rzeczywiście wszystko jest blefem grodzienskiego KGB i Mińsk, czyli władze centalne, nie podjęły w mojej sprawie żadnej decyzji... Wtedy rzeczywiście wyjde po trzech dniach na wolność. Przeganiam te myśli.

– Zapomnij o tym. To jest celowe działanie mające cię rozmiękczyć. By później jak miną trzy dni i będą musieli ogłosić swoją decyzje bardziej bolało. Będziesz siedział. Długo. Kilka lat – mówie sobie.

Tym czasem milicyjny konwój zabiera mnie do milicyjnej suki. Ręcę niby bardzo niebezpieczny przestępca mam skute kajdankami za plecyma. Po chwili jedziemy ulicami nocnego Grodna. Miasto życje swoim życiem. Widze zakochanych idących przez centralny plac Lenina, widze młodzież bawiącą się w parku miejskim. Robi się smutno. Oni się bawią, a ja jade do więzienia.

Znowu powracam do psychoterapii.

Wmawiam sobi: Aleksander Łukaszenka zaoferowal ci nie lada podróż. Zwiedzisz miejsca, o dotarciu do których inni dziennikarze nie moga nawet marzyć. Na własnej skurze odczujesz co to jest białoruskie więzienie, po tym już nikt nie będzie mógłci opowiadać bajki o tym jak tam jest. Napiszesz o tym. Traktuj to jako trudną delegacje.

Taka, prymitywna argumentacja pomaga. Uspokajam się.

Samochód skręca w ślepą ulicę. Początkowo trafiam na posterunek milicji. Funkcjonariusze zaprowadzają mnie do niewielkiego pokoju, gdzie przebywa kilku innych zatrzymanych. Spisują ich dane osobowe. Jednak kajdanki na ręcach mam tylko ja. To

znaczy, że ja jedyny jestem podejrzany o popełnienie przestępstwa. Pozostałym zarzuca się tylko administracyjne wykroczenie. Wśród milicjantów widzę chłopaka, którego poznałem pod koniec lat 90-ch. Był jednym z aktywistów opozycyjnej młodzieżówki. Teraz jest milicjantem. Też mnie poznaje. Unika spojrzenia mi w oczy. Funkcjonariusze zdejmują mi kajdanki i robią rewizje. Zabierają komórki, klucze, pieniądze, malenkiego orzełka... Wszystko spisują. Po kilkunastu minutach oczekiwania wsadzają ponownie do milicyjnej suki i razem z innymni zatrzymanymi i jedziemy do aresztu.

W areszcie już wiedzą, że mają mnie przywieźć.

– Pana walka pozostała tam, za murem. My z panem żadnej wojny nie prowadzimy. Jedynie wykonujemy polecenie prawa – oznajmia mi podporucznik, który jest kierownikiem zmiany w areszcie.

–Jak będziecie przestrzegać moich praw to nie będzie żadnych problemów – odpowiadam.

Robią kolejną, tym razem bardzo szczegółową, rewizje. Musze się rozebrać, uważnie przetrzepują moje ubranie, wszystko spisują i część rzeczy zabierają do milicyjnej przechowalni. Po kilku minutach wręczają mi materac i koc i doprowadzają do celi nr. 5. Wchodzę. Siedzi tam jeden człowiek. Mężczyzna około 50-tki. Szczupły, wysoki, ubrany w czarny sweter i czarne spodnie.

– Cześć – witam się z nim i rzucam materac na nary.

– Ja się Igor nazywam. Za co ciebie aresztowali? – zapytuje się.

– Za zniewagę Łukaszenki – odpowiadam.

– A to znaczy jesteś BNFowiec (od red. – BNF – największa partia opozycyjna znienawidzona przez łukaszenkowską propagandę) – mówi i w głosie słyszę złość.

– Nie nie jestem BNFowiec – próbuje mu wytłumaczyć, ale mnie przerywa.

– Jesteś, jesteś – w głosie czuje się pogardę i narastającą agresje.

– Weź się przymknij. Bez ciebie jest mi niewesoło – odpowiadam ostro i robie krok w jego strone.

To działa. Coś jeszcze burczy, ale już bardziej pokojowo. Kłade się na materac. Próbując zasnąć. Jednak zbyt dużo emocji. Mija kilka godzin aż sen mnie dopada.

7 kwietnia

Z rana Igor prosi u mnie o przebaczenie.

– Wiesz wczoraj... Nie miej mi za złe. Trochę mnie poniosło – mówi.

– OK. Spoko. – odpowiadam.

Igor opowiada, że został aresztowany za znęcanie się nad żoną. Mówi, że wcześniej nie siedział w więzieniu. Jednak ma w 100 proc. opanowany więzienny sleng, z którego często korzysta. Zna też realia panujące w białoruskich więzieniach. Tłumaczy to, faktem, że ma kolegów, ktorzy siedzieli.

Po południu do naszej celi rzucają młodego chlopaka. Ma 24 lata. Jest podejrzany o kradzież.

Czas mija na grze w domino.

8 kwietnia

Z rana Igora wzywają na przesłuchanie. Wraca z papierosami.

– Adwokat mi dał – tłumaczy się. Mówi, że ma przerąbane i że zapadała decyzja o jego tymczasowym aresztowaniu.

– W poniedziałek pojade do więzienia – mówi.

Zaczyna się uskarżać na ciężki los i na to, że nie chce do więzienia. Po obiedzie we trójke gramy w domino.

– Wiesz, przecież mógł byś łatwo wyjśc na wolność – nagle mówi do mnie Igor – Trzeba było by tylko Łukaszenkę przeprosić. Myślisz, że jemu jesteś potrzebny w więzieniu?

– Nie mam za co go przepraszać – odpowiadam.

– A co tak się palisz pójśc na parę lat do więzienia? – zapytuje się.

Po kilku godzinach nagle w trakcie rozmowy pyta mnie czy pisałem artykuły pod pseudonimem.

– Nie, po co miał bym to robić?– odpowiadam, a w mojej głowie zapala się „czerwona lampka". Igor zadaje pytania, które napewno interesują śledczych.

W areszcie siedzą ludzie wobec których toczy się postępowania karne więc zadawanie pytań dotyczących sprawy jest przeciwskazane. Jak ktoś chce coś opowiedzieć sam opowie. Jeżeli ktoś

jest natrętny i jednak zadaje dużo pytań to jest albo głupkiem (na głupka Igor nie wygląda), albo agentem celnym.

9 kwietnia

Właśnie mija trzy dni od momentu mego aresztowania. Czyli dziś mam się dowiedzieć o swoim dalszym losie.

Od samego rana na każdy szmer na korytarzu Igor reaguje tak samo:

– Poczobut z rzeczami do wyjścia! – powtarza głośno się śmiejąc.

Właśnie tak ma powiedzieć klawisz w wypadku jeżeli mnie mają wypuścić dziś na wolność.

– Jakie wyjście, do więzienia pojade – odpowiadam za każdym razem.

Jednak to nie skutkuje.

– Nie bęziesz siedział. Już jesteś w domu – przekonuje Igor.

Czas się strasznie ciągnie. A nadzieja odzyskać wolność, którą się staram zepchąć gdzieś bardzo daleko coraz mocniej zawłada moją moim umysłem. „Poczobut z rzeczami do wyjścia!"Już widze jak wychodze z aresztu...

Po południu wzywają mnie na korytarz.

– Ręcę trzymamy za plecmi– zwraca mi uwagę strażnik.

Wszystko rozumiem. Zgodnie z regulaminem więziennym poruszając wewnątrz więzienia tymczasowo aresztowany jest zobowiązany trzymać ręce za plecami. Dotychczas klawisze nie zwracali na to uwagi. Tak więc rozkaz trzymać ręcę za plecmi oznaczać może tylko jedno. Za chwile poinformują mnie, że jestem tymczasowo aresztowany i pojadę do więzienia.

Śledczy jest sam.

– A gdzie adwokat?- zapytuje się.

– Zaraz będzie...Troche się późni – odpowiada udając bardzo zmartwionego.

Taką taktykę – wezwanie mnie na kilkaminut przed przyjściem adwokata będzie stosowana nagminnie. Śledczy w ten sposób chce mieć możliwość rozmawiać ze mną „nieoficjalnie", czyli w „cztery oczy".

– Sam jestem w szoku – oznajmia mi. – Myślałem, że będzie tylko zobowiązanie o nieopuszczaniu miejsca zamieszkania by pan nie jeździł byle gdzie. A tu więzienie... Oczywiście w więzieniu będzie gorzej panu niż w tym areszcie – zamartwia się, ale zapewnia mnie, że będzie się starał jak najszybciej wykonać wszelkie czynności procesowe, by szybkoprzekazać sprawę do sądu, a tam jeżeli będę miał szczęście dostanę kare grzywny bądź sąd ograniczy karę czasem spędzonym w więzieniu.

Wygląda na autentycznie przejętego moim losem. Daje się na sekunde na to się nabrać.

– No niech się pan stara– przytakuje mu.

To jest błąd i oznaka słabości.Śledczy natychmiast próbuje to wykorzystać.

– Niech pan mi pomoże. Niech pan złoży zeznania. – przekonuje.

Chodzi o to, że od momentu wszczęcia postępowania karnego nie składałem żadnych zeznań.

– Odmawiałem składania zeznań kiedy byłem na wolności i co jak mnie wsadziliście odrazu mam zmięknąć? – śmieje się. - Nie będzie żadnych zeznań.

W tym momencie zjawia się adwokat. Dalej sprawa przebiega nadzwyczaj szybko. Wobec mnie wysunięte jest nowe oskarżenie o zniesławienie Łukaszenki i jako środek zapobiegawczy na czas śledstwa prokuratura stosuje tymczasowy areszt.

Wracam do celi.

– No co, Igor mówisz „do wyjścia"? Jakiego wyjścia?! Jadę do więzienia! – mówię muz uśmiechem.Chce by wiedział, że jestem spokojny i pogodny.

– Przepraszam ciebie, rzeczywiście myślałem, że ciebie wypuszczą – tłumaczy się Igor.

Mówi, że razem pojedziemy do więzienia w poniedziałek.

– Będzie konwój, zabierze nas i witaj ciurma – mówi.

Po wizycie śledczego Igor na jakiś czas traci ciekawość do mnie. Zajmuje się teraz młodym chłopakiem, który siedzi razem z nami. Ma on 24 –lata i ksywe Kuzia. Mieszka w Jeziorach, niewielkiej miejscowości pod Grodnem. Po pijaku pobił się ze znajomym, który był winny mu jakieś pieniądze i w poczet kary zabrał telefon komórkowy. Ten się poskarżył do milicji i o to Kuzia jest w areszcie.

– Słuchaj Kuzia, a jaki alarm jest w waszym sklepie?– pyta go Igor.

– Zwykły alarm, słabiutki zresztą – odpowiada.

– A co coś „pociągnąłeś” ze sklepu? – dopytuje go Igor.

– Tak, piwo kilkakrotnie tam kradłem. Ale się nie włamywałem, tylko korzystałem, z nieuwagi ekspedjentek – chwali się Igor.

– To jest wykroczenie administracyjne – podsumowuje ja. Igor jest rozczarowany. Ale nie daje za wygraną.

– A w pracy u ciebie coś „pociągnąć” można? – pyta znowu.

– Oczywiście. Nie raz karm dla krów na lewo sprzedawaliśmy – chwali się Kuzia.

Boże co za dureń. Wcześniej już siedział w więzieniu i nadal jest tak naiwny. Mógłbym go ostrzec, lecz nie robie tego. W końcu jest kryminalistą.A solidarności więziennej jeszcze nie mam.

10 kwietnia

Igor jak mantrę powtarza: „Chce do domu”, „Chce do domu”. Rozumiem, że to chwyt psychologiczny, który ma mnie zmiękczyć.

– Tobie to dobrze, ty możesz w każdej chcwili wyjść. Wystarczy, że poprosisz Łukaszenkę. – mówi.

Trace cierpliwość.

– Igor, weź się odpierdol – mówi mu – Chcesz, to sam proś Łukaszenkę, ja go o nic prosić nie będę.

By zmienić temat zaczynam wypytywać Kuzię o więzienie dla niepełnoletnich przestępców w Witebsku gdzie ten spędził 3 lata.

– Wiesz, zwyczaje tam były dzikie. Po ryju dostawało się codziennie. I od strażników i od współwięźniów. – opowiada.

– Weź opowiedz mu lepiej, ile ręczników mialeś jak do bani szedłeś – do rozmowy włącza się Igor.

Kuzia się śmieje.

– Trzy? – doytuje Igor.

– Tak, trzy – odpowiada Kuzia.

– Po co trzy? – dziwie się.

– Jeden dla głowy i ciała, jeden dla stóp i jeden dla członka. I nie można poplątać który do czego – opowiada Kuzia.

– Co za głupota! – mówię.

– Panie, tam są takie zasady, albo je przestrzegasz, albo lądujesz pod kiblem – tłumaczy Igor.

– Więzienie dla małolatow to istny szpital psychiatryczny. Tyle głupot, i wszystko trzeba przestrzegać. Jak nie przestrzegasz już stajesz się „brudasem", który jest na dole więziennej hierarhii – opowiada Kuzia.

Tak w więzieniu dla małolatów nie można: jeść kiełbasy (dlaczego? Bo jest podobna do członka), nie można iść na widzenie z krewnymi jeżeli mają na sobie ubranie bądź nawet szalik czerwonego koloru (czerwone – znaczy milicyjne) i t.d.

– Nie wiem kto to wymyślił, ale podobnych zakazów są dzisiątki – opowiada Kuzia. – I wszystko to trzeba przestrzegać, jeżeli chce się być „człowiekiem". Jak się nie przestrzega to spada się na dno, można nawet zostać zgwałconym.

Po tej sekwencji Igor, widząc że wypowiedź Kuzi zrobiła na mnie wrażenie zmienia taktykę. Zaczyna rysować czarne więzienne scenariusze – bicie przez klawiszy, tortury. Mówi, że zazwyczaj opozycjonistów w więzieniu przykładowo chcą złamac, niektorych gwałcą. Że słyszał, że rozmawiał, że opowiadali mu. Traktuje jego wysiłki napędzić na mnie strach z politowaniem. Już nie mam wątpliwości. Jest agentem celnym. Tylko jedno mnie zastanawia. Cały czas powtarza, że razem pojedziemy do więzienia. Po co agenta celnego mieli by wtrącać do więzienia?Ale może przystawili do mnie personalnego agenta?

Wieczorem rozmyślam co czeka na mnie w więzieniu. Opisywałem w Gazecie jak torturowano opozycyjnych kandydatów na prezydenta w więzieniu śledczym KGB w Mińsku. Czy mnie też spotkają tam ludzie w komieniarkach?

11 kwietnia

Rano klawisze wyzywają mnie z rzeczami z celi. Oznacza, to że za chwilę będzie transport do więzienia. Mam kilka minut na zebranie rzeczy. Wywołują mnie jednego. Igor zostaje. Unika mego spojrzenia. Rozumie, że zorientowałem się kim naprawde jest i jaka była jego rola.

– Bardzo się martwie, że nie zabierają mnie – mówi niepewnym głosem.

– A czegoż to masz się martwić? Jak pójdziesz do domu to wypij kelicha za moje zdrowie – mówie szeroko się uśmiechając i patrząc mu w oczy.Nie wytrzymuje mego spojrzenia.

Zjawiają się klawisze i wyprowadzają mnie z celi.Idziemy korytarzem. Oddaje więzienny materac. W pawenym momencie zostaje sam na sam z jednym z funkcjonariuszy więziennych. Wyciąga do mnie rękę.

– Chce by pan wiedział, że jestem z panem solidarny. Niech się pan nie martwi, wszystko będzie dobrze – mówi do mnie.

Uściskam jego dłoń.

Po kilku minutach już skutego kajdankami prowadzą mnie do samochodu więziennego. Pakują do malutkiego przedziału w którym jestem sam. W sąsiednim przedziale są dwie kobiety, a krok dalej w dużym przedziale trzej mężczyźni.

Droga od aresztu do grodzieńskiego więzienia zajmuje kilkanaście minut. Po hałasie ulicy orientuje się że jedziemy przez centrum Grodna. Straż więzienna czeka na nasz konwój. Brama więzienna niemal natychmiast otwiera się i wjeżdżamy na teren grodzieńskiego więzienia. Wypowadzają nas pojedynczo z samochodu i trafiamy do niewielkiego obszarpanego pokoju. Za stołem siedzi kilka strażników, nie zwracają na nas żadnej uwagi. Dopiero po kilkunastu minutach robią nam szczegółowa rewizja osobistą. Później sprawdzają tożsamość.

– Nazwisko, Imię? – pyta mnie kapitan w zielonym mundurze funkcjonariusza straży więziennej.

– Poczobut Andrzej.

– Imię Ojca i Imię Matki?

– Stanisław i Wanda.

– Paragraf?

– 367 i 368

– Ma pan żadkie artykuły – kwituje.

– Dawno nie mieliście więźniów politycznych? – zapytuje się.

On nie odpowiada.

Doprowadzają mnie do położonej na przeciwko niewielkiej – najwyżej jeden metr kwadratowy – celi. Jest to swoista poczekalnia. Oprócz mnie siedzą, czy właściwie stoją, tam jeszcze trzy osoby. To właśnie z nimi jechałem z aresztu. Wszyscy z Grodna. Miejsca jest bardzo mało. Stoimy jeden przy drugim.

Po godzinie zabierają nas do więziennego korpusu.

Grodzieńskie więzienie – powstałe jeszcze w 18 st. składa się dziś z dwóch korpusów. Później się dowiem, że jeden z nich nazywany przez więźniów jest „amerykanką" drugi „bastionem". Trfafiam do „amerykanki".

„Amerykanka" ma malutkie 4 osobowe cele. Powierzchnia celi – około 6,5 metrów kwadratowych, na których mieszczą się są dwie dwupiętrowe prycze, toaleta, i kran z chłodną wodą. Okno jest zakratowane, a z zewnątrz zamknięte przez żelazne pokrycie.

Pierwsza cela, do której trafiam razem z trzema inymi świeżo przybyłymi więźniami ma numer 17. Jest to cela-kwarantanna. W ciągu 24 godzin po przybyciu do więżienia człowiek jest przetrzymywany w kwarantannie. Słyszałem, że w takiej celi może przebywać jednocześnie do 20 osób. Łóżek nie starcza i się przygotowałem na to, że dobę nie będę spał. Jednak narazie jesteśmy w celi we czwórkę.

Zajmuje prycze na dole. Ze mną siedzą Igor „Guria", 30 latek, osądzony na kilka miesięcy aresztu za kierowanie samochodem bez prawa jazda. Wcześniej był karany, siedział w grodzieńskim więzieniu. Jest więc na luzie. Czuje się jak u siebie w domu. „Czerep" – wielokrotnie sądzony kryminalista. Ma około 50. Teraz ma sprawę o niepłacenie alimentów. I czwarty współwięzień „Wania" – ma 39-lat chociaż wygląda na 60. Alkocholik. Też ma sprawę o niepłacenie alimentów, ale w więzieniu jest po raz pierwszy. Widać od razu, że się panicznie boi.

Kiedy dowiadują się, że siedze za zniewagę Aleksandra Łukaszenki rozmowa szybko przybiera na tematy polityczne. Guria nienawidzi Łukaszenki, nawet próbowął w 2006 roku dojechać do Mińska w trakcie wyborów prezydenckich by wziąść udział w protestach antyłukaszenkowskich.

– To kołchoźnik i generalnie żenujący facio. Ten jeden wąs jego i głupawa fryzura – mówią o tym kim na prawdę jest– tłumaczy swoją niechęć do białoruskiego dyktatora.

Guria wcześniej jeździł po Europie, był w więzieniu w Szwecji. Można więc powiedzieć, że zwiedził świat.

– U nas ludzi się nie szanuje. Człowiek tu to kawałek gówna. Co innego Zachód. Tam jest się wolnym – mówi.

Po 16.00 do celi wprowadzają jeszcze 7 osób. Do więzienia przybył „etap”: więźniowie przywiezieni z krańców Grodzieńszczyzny (Oszmiany, Smorgonie, Iwje, Lida)

– Chłopaki jak ja was tu czekałem!!– radośnie spotyka ich Guria.

Wszyscy się śmieją.

– Dużo ludzi, dużo „dwiżu” – tłumaczy mi swoją radość.

„Dwiż” na więziennym słengu oznacza, ruch, zmianę otoczenia, jakieś wydarzenia. W więzieniu „dwiż” to atrakcja. Gurię rozpiera energia. Wśród nowoprzybyłych więźniów widzi maleńkiego człowieczka – jakiś 1.50 wzrostu, strasznie chudy. Milczący i zastraszony. Odrazu widać, że więzienne życie będzie miał ciężkie. Fizycznie słaby i strachliwy. Te jakości gwarantują, że będzie objektem kpin. Guria odrazu bierze się za niego.

– Chłopie się nie martw, ze mną nie przepadniesz – śmieje się.

I wypytuje za co maleńki człowiek trafił do więzienia. Okazuje się ma 28 lat i jest w więzieniu po raz pierszy. Ukradł u sąsiada piłę elektryczną, którą chciał odsprzedać, ale nie zdążył. Następnego ranka zgarneła go milicja. Już w areszcie dostał więc ksywę „Piła”. A że ma na imię Kola to nazywają go „Kola-Piła”. Guria nagle pyta czy „Kola-Piła” umie doić krowę. I robi zagadkową minę. Odrazu widać, że planuje jakiś numer.

– Tak, oczywiście – odpowiada ten.

Guria skręca swoją czapkę w by stała się podobna na rurę i prosi pokazać jak to się robi, bo on miejski człowiek nie wie.„Kola-Piła” chętnie pokazuje wodząc ręką po skręconej czapce, która w jego mniemaniu ma symbolizować sutek krowy. Jednak po pokazie Guria przykłada czapkę skręcono w rurę sobie między nóg tak, że staje się podobna do członka i mowi do niego:

– Chłopie z takim talentem to będziesz miał w więzieniu wzięcie.

Wszyscy się śmieją. „Kola-Piła” też chociaż, nie jest to dobry początek jego pobytu w więzieniu.

Jednak niekorzystny dla niego temat nieoczekiwanie się zmienia gdyż otwierają się drzwi celi i wprowadzają nowego więznia. Ma naimię Aleksander jest moim rówieśnikiem i ma 37 lat. Był szefem firmy meblarskiej, i dziś usłyszał wyrok – skazano go na 5 lat za oszustwa. Jest wysportowany, pewny siebie, rozluźniony i

opanowany. Razem z nim w celi przewidzianej na 4 osoby jest nas już 12 więźniów. Spać w takich warunkach jest niemożliwie. Czas więc upływa na rozmowach, piciu bardzo mocnej herbaty nazywanej „czyfirem”. Po kilku łykach zupełnie nie chce mi się spać.

– Wiesz jesteś gościem. Szkoda, że na wolności się nie poznalismy. Jeden z nas tu siedzisz za poglądy. A przecież – tu Aleksander rzuca ciężkie badawcze spojrzenie na współwięźniów – Wszyscy nienawidzimy Łukaszenki. Tylko nikt z nim zadzierać nie chce.

Wszyscy przytakują.

12 kwietnia

Rano wyprowadzają nas do więziennej bani. Jest maleńka. Ma zaledwie trzy natryski. Stoje pod gorącą wodą zamykam oczy i wyobrażam, że jestem na basenie. Uczucie wolności. Nie chce się wychodzić z pod prysznica... Jednak iluzja wolności momentalnie mija gdy strażnik przerywa dopływ wody i trzeba szybko się ubierać. Kilka minut pod gorącym prysznicem i sam się dziwię ile mało trzeba człowiekowi dla szczęścia. Zmywam z siebie lęk i obawy. Jestem rozluźniony.

– Ludzi w komieniarkach nie ma, a jak się zjawią to zacisnę zęby i bedę się trzymał. Wytrzymam. Nie dam się złamać. Po radze sobie – mówie sam do siebie.

Po bani prowadzą nas do więziennego lekarza, gdzie biorą próbkę krwi na analize, robią rentgenowskie zdjęcie klatki piersiowej. Na koniec pobierają odbitki palców i wracamy do celi. Po kilkunastu minutach przychodzi klawisz.

– Na „P” – zapytuje się.

– Poczobut – odpowiadam.

– Bez rzeczy, do wyjścia – mówi.

Przyszedł mój adwokat Aleksander Biryłau. Rozmowe odbywamy w niewielkim obszarpanym i pofarbowanym na niebiesko pokoju. Obydwaj mamy świadomość, że jest ona nagrywana. Adwokat przekazał mi (poprosiłem go o to już w momencie zatrzymania) ustawę „O przetrzymywaniu osób w więzieniu śledczym” i odpowiednie postanowienie MSW regulujące prawa i obowiązki więźniów. Mówi, że napisała o mnie Gazeta, że niepokoją się ko-

ledzy ze Związku Polaków. Więcej nic nie mówi. Nie dziwie się. Rozumiem, że obawia się. Kiedy wracam do celi dokumenty, które mam robią furore. Nikt, nie zwarzając, że niemal połowa celi wcześniej siedziała, nigdy tych ich nie widział. Najwyżej tylko czytali wybrane przez administracje więzienia fragmenty traktujący o obowiązkach więźnia.

Mija jakiś czas i więźniów pojedynczo zaczynają wyprowadzać z celi. Jednego zabierają, później wracają za innym. W końcu kolejka dochodzi do mnie. Prowadzą do niewielkiego pokoju na pierwszym piętrze. W środku jest oficer straży więziennej.

– Jestem więziennym psychologiem – przedstawia się.

Pyta o moje samopoczucie.

– Wszystko w porządku – odpowiadam lakonicznie.

– Niech pan nie mysli, że tu sama dzicz pracuje. Jak by chciał pan kiedyś porozmawiac to się polecam – mówi.

Nie wierze mu. Psycholog? A może oficer operacyjny?A może gdzieś jest ukryta kamera? Więc żadnej rozmowy nie ma i być nie może.

Później zabierają mnie do sąsiedniego pokoju. Kolejny oficer. Tym razem oficjalnie przepytuje mnie na temat danych osobowych.

– Interesuje mnie pańska sprawa, co tampan naisał w Internecie? – pyta mnie.

– A z kim rozmawiam?

Milczenie. Później nie chętnie mówi: jestem oficerem oeracyjnym.

Usmiecham się.

– Przecież pan wie, że nie składam żadnych zeznań i tym bardziej nie prowadze rozmów z ludźmi pańskiego fachu.

– Ja się nie zajmuje pańską sprawą. Nie prowadze też żadnego dochodzenia przeciwko panu – informuje mnie.

– A więc tym bardziej nie mamy o czym rozmawiać – odpowiadam.

– Jak pan uważa – mówi chłodno.

Wyprowadza mnie z powrotem do celi.

Po kilku godzinach ponownie wywołuja mnie. Wprowadzają do dużego pokoju – dostaje materac, poduszkę z poszewką, koc oraz aluminiowy kubek. Oznacza to, że kwarantanna się skoń-

czyła. Klawisz prowadzi mnie więziennym korytarzem na trzecie piętro. Kiedy mnie wprowadzają jest tam już 3 więźniów a jedna wolna prycza czeka na mnie.

Ze mną w celi siedzą: 50-letni Andriej – biznesmen z Grodna dyrektor białorusko-holenderskiej firmy zajmującej się opragramowaniem komputerowym od roku oczekujący na rozpatrzenie swojej sprawy. Jest oskarżony o nadużycia finansowe.

30-letni Dzmitryj „Dimycz" członek grupy przestępczej sądzony za kradzież samochodów oraz 48-letni biznesmen z Witebska Anatol, dyrektor firmy budowlanej oskarżony o oszustwo.

Z rozbawieniem przyjmują informacje, że ja jestem oskarżony o zniewagę Aleksandra Łukaszenki.

Wolna jest górna prycza więc tam kładę swoje rzeczy. Po nieprzespanej dobie jestem zmęczony. Z niecierpliwością czekam na możliwośc położyć się i zasnąć.

13 kwietnia

Życie w więzieniu toczy się według regulaminu. Pobudka o 6.00. O 6.10 dają śniadanie. O 8.00 kontrola w celi, wchodzą klawisze i sprawdzają stan osobowy. 12.00 – obiad. Po obiedzie sacer. 18.00 – kolacja. O 20.00- wieczorowa kontrola i o 22.00 więzienie kładzi się spać. Od 6 do 22.00 nie można leżeć na pryczy. Można siedzieć, chodzić po celi, rozmawiać...

Czas więc bawimy rozmowami.

Po obiedzie wyprowadzają nas na spacer. Pierwszy więzienny spacer... Klawisze prowadzą nas korytarzami w końcu trafiamy do nowej celi, od naszej różni ją tylko brak prycz. Zamiast dachu jest naciągnięty drut kolczasty i kraty. Wymierzam ją krokami: 8 po przodu i 8 z powrotem. Ot i cały spacerniak. Jednak nie narzekam. Przynajmniej jest czyste powietrze. Obok są inne podobne cele i inni więźniowie też spacerują. Gdyby nie ochrona można było by sobie uciąć rozmowę. Ale strażnicy są czujni.

Już pierwszego dnia jest niespodzianka. Okazuje się, że w Białorusi jest gazeta adresowana do więźniów. Nazywa się ona „Trudowoj Puć" czyli „Droga pracy". I jest wydawana z 1954. Wydawcą jest Departament Wykonywania Wyroków MSW, czyli instytucja kierująca wszystkimi więzieniami i łagrami w Białorusi. Gazeta

wychodzi raz na 2 tygodnie. Dostawaliśmy ją zazwyczaj w piątek, razem z świeżym numerem organu prasowego Administracji prezydenta gazetą „Sowietskaja Biełorussija".

Pokaźną cześć więziennej gazety stanowią listy więźniów. Jednak próżno tam czekać na jakąś przydatną informacje, poradę bądź skargę na warunki utrzymania. Temat listów jest zawsze ten sam. Wdzięczność więźniów wobec oficerów służby więziennej.

– Z każdym dniem słońce świeci jaśniej. Przyroda ożywa po śnieżenej i mroźnej zimie, a w oddziale nr. 7 (zauw. Red. - w łagrach więźniów dzielą na oddziały na czele których stoi oficer-wychowawca) ktorym kieruje major wewnętrznej służby A.W. Gładkow zauważalnie polepszyły się wskaźniki wychowawczej pracy, a tak że warunki bytu – piszę więzień Ewgenij Czuasow z łagru nr. 19.

– W swym liście chciałbym wyrazić wdzięczność za zrozumienie, dobry stosunek i porządność dla pracownika reżimowego działu lejtnanta wewnętrznej służby Dmitrija Anatoljewicza Szłykowa, oficera operacyjnego starszego lejtnanta wewnętrznej służby Dmitrija Pietrowicza Ryżenkowa. A najlepszymi słowami chciało by się ocenić pracę naszego naczelnika majora wewnętrznej służby Waleryja Michajłowicza Gołuba. Wielkie dzięki dla oficerów za zrozumienie dobroć i pomoc w trudne chwile. Marze o tym by każdy więzień zrozumiał ile sił, nerwów tracą oni na to by myśmy zrozumieli prawdziwy sens życia – pisze Aleksander Żuk z łagru nr 9.

I tak dalej.

Jeżeli sądzić po gazecie to najważniejsze dla białoruskich więźniów jest zamieszczenie podziękowania dla oficerów operacyjnych bądź naczelników więzień. Oczywiście, że to tylko budowana przez gazetę iluzja. Więźniowie nazywajątą gazetę pogardliwie „Kozlinyj Put", czyli „Droga Kozła". „Kozioł" na więziennym słegu oznacza więźnia, który rozpoczął współprace z administracją łagru. Jej celem jest otrzymanie lepszych warunków, a także przedterminowe zwolnienie. Warunkiem przedterminowego zwolnienia jest, jak wiadomo, resocjalizacja, za oznakę której białoruskie MSW najwyraźniej uważa publiczne podlizywanie się do administracji łagru. Współwięźniowie w trakcie dorowadzania ze spaceru do celi pokazują mi zamiatającego więzienie człowieka, w więziennym kombiniezonie.

– To Karandasz, on niedawno napisał do „Drogi Kozła" jak fajnie się żyje w naszym więzieniu – opowiadają.

Kiedy przechodzimy mimo niego słyszymy jak jeden z funkcjonariuszy zwrac się do niego:

– Ty debile, dlaczego zle pozamiatałeś spacerniak nr 11? Chcesz bym tobie przypierdolił?

„Karandasz" milczy.

Według moich współwięzniów „Karandasz" nie potrafi poprawnie ułożyć zdania w rozmowie. Co dopiero napisać artykuł. Uważają więc, że te listy piszą sami wychwalani w nich oficerowie. A „kozły", czyli współpracujący z administracją więźniowie jedynie ich podpisują.

14 kwietnia

Po obiedzie „Dimycz" wraca z sądu z wyrokiem 10 lat i 6 miesięcy pozbawienia wolności. Został uznany za lidera zorganizowanej grupy przestępczej, która kradła samochody. Twierdzi, że to jest zemsta śledczych za brak współpracy w trakcie dochodzenia.

– Cały czas chcieli bym kablował. Ja odmawiałem składania zeznań. Mówili: Dawaj się pochandlujemy. Ty nam my – tobie – wspomina.

Chandlować się nie chciał. Więc wyrok jest surowy. W celi panuje przygnębienie. Wszyscy szczerze mu współczują i każdy myśli o sobie.

– Wole odsiedzieć więcej ale nie być śmierdzącym kapusiem – mówi Dimycz.

Jego koledzy mysleli inaczej. Sądzony z nim wspólnik dostał 4 lata. Podobno od momentu zatrzymania aktywnie współpracował z sledstwem.

Na spacerze Andrej i Dimycz biorą mnie na bok i uprzedzają, bym uważał na Anatola.

– Mamy informacje od ludzi z którymi siedziałem wcześniej, że jest kapusiem – mówi jeden z nich.

Jest oczywiste, że w celi będę miał agenta. Tylko czy to akurat Tola? Tego nie wiem.

Dimycz zbiera swoje rzeczy. Zazwyczaj po ogłoszeniu wyroka więźniów przenosi się do innej celi, gdzie siedzą ludzie z wyrokami. Jednak go narazie nie zabierają.

15 kwietnia

Doprowadzają mnie do śledczego. Znowu nie ma mego adwokata.

– A gdzie mój adwokat? – pytam go.

– Zaraz będzie – odpowiada i ponownie próbuje wykorzystać jego nieobecność dla nawiązania „nieoficjalnej rozmowy".

– No i jak w więzieniu? – pyta udając zmartwionego.

– W więzieniu jak w więzieniu – odpowiadam chłodno.

– Pana żona wystapiła o pozwolenie na widzenie. Czy dać jej to pozwolenie? – zapytuje.

– Oczywiście, chciałbym żone zobaczyć – odpowiadam.

– No to będzie pan miał to widzenie – mówi.

Później radzi mi się zastanowić nad napisaniem artykułu, który może poleszyć mój los.

– Dawajcie komputer podłączony do Internetu, to chętnie ztąd napiszę reportaż – odpowiadam.

Jemu oczywiście nie chodzi o żaden reportaż. Widzi jednak, że nie jestem załamany pobytem w więzieniu i do tematu napisania artykułu więcej nie wraca.

Kiedy przychodzi adwokat śledczy oznajmia, że moje komputery, które zostały przejęte przez KGB będą poddane ekspertyzie w celu ustalenia czy wykorzystywałem ich do napisania i wysyłanie tekstów obrażających Aleksandra Łukaszenkę.

Muszę razem z adwokatem złozyć podpisy, że jestem poinformowany o przeprowadzeniu ekspertyzy. Jest to pierwsze działanie śledcze od momentu mego aresztowania.

– Będę sie starał by ekspertyza była wykonana jak najszybciej – mówi mi na „do widzenia".

– Ja już nigdzie się nie śpeszę – odpowiadam mu chłodno.

16 kwietnia

Dziś mój dzień urodzin. Wieczorem siadamy do stołu. Jest skromnie – herbata, czekolada, pieczywo. Ja miałem jedną czekoladę koledzy z celi dorzucają, kto co może.

– Życzę tobie byś nigdy więcej w takich warunkach nie świętował swych urodzin, no i zdrowia, szczęścia i wolności – mówi Andriej.

Na prezent od niego dostaje wedlowską czekoladę. Dimycz prezentuje mi obcięte opakowanie po jogurcie. Do niego sie wstawia pastę i szczoteczkę do zębów. Mieć takie różne wynalazki liczy się w więzieniu nie tylko dobrym tonem. Odczytuje się to tak – facet jest zaradny i ma gust. No i szczoteczka nie leży w torbie, czy zakręcona w folie. Tylko dumnie stoi obok miednicy.

Myślę o rodzinie i o kolegach. Jak oni tam sobie radzą beze mnie?

17 kwietnia

Dimycza w końcu zabierają do celi dla osądzonych. Ja się przeprowadzam na jego miejsce na dolnej pryczy. W drzwiach Dimycz mija się z dziadkiem, którego wprowadzają do naszej celi. Jan Bujko lat 65, Polak z Litwy. Jest aresztowany za nielegalne przekroczenie granicy litewsko-białoruskiej.

– Na Litwie jest trudno, pracy nie ma, kołchozów nie ma więc postanowiłem spróbować szczęścia na Białorusi – tłumaczy.

Wszyscy są rozbawieni. Nie zwarzając, na to że jest Polakiem nie chce ze mną rozmawiac po-polsku. Mówi, że rozumie, ale rozmawiać nie umię.

– Dziadek coś jest nie tak, wszyscy idą na Zachód a ty jeden na Wschód – mówię mu.

– Ja urodziłem się we wsi Bujaniszki, czyli po stronie bialoruskiej mam tam dom. Mieszkałem po litewskiej stronie jakieś 2 kilometry od swego domu. No i przyszedłem do siebie – opowiada.

Największym wrogiem jest dla niego granica.

– I kto tą granicę wymyślił? – powtarza kilkakrotnie.

W celi przez cały czas tryskam otymizmem. To jest bardziej zdrowe niż się zamartwianie się swoim losem, a na dodatek niech ci co mnie obserwują wiedzą, że nie boje się łagru i że złamać mnie się nie uda.

18 kwietnia

Od rana więzienie jest porządkowane, na korytarzach się intensywnie zamiata. Czuje się podenerwowanie klawiszy. Po tych oznakach wiem, że będę miał wysokich „gości". Pamiętam, że więźniów politycznych w więzieniu śledczym KGB odwiedzał prokurator, a później mówił rządowym mediom, że wszystko jest w porządku i żadnych skarg na warunki przetrzuymywania nie mają. Dlatego decyduje się, że będę się skarżyć na warunki utrzymania i bezprawne zatrzymanie by jeżeli będą robic z „odwiedzin" pozytywny newsmusieli kłamać.

Po południu otwierają się drzwi do celi. Klawisze stoją na baczność. Zgodnie z przepisami wstajemy i my.

– W celi trzy osoby, dyżurny Poczobut – mówie.

Do celi wchodzą dwaj pułkownicy służby więziennej, oraz przedstawiciel Departamentu Wykonania Wyroków w cywilnym ubraniu. Jeden z półkowników to Aleksander Olijew, szef grodzieńskiego więzienia drugi jest naczelnikiem Departamentu Wykonania Wyroków MSW. Jednak odrazu się wyczuwa, że najważniejszym wśród nich jest czwarty człowiek – ubrany na czarno krótko ostrzyżony brunet.

– Jestem Wiktar Marozau prokurator obwodu grodzińskiego. Ze mną razem jest naczelnik Departamentu Wykonania Wyroków MSW – przedstawia się patrząc mi prosto w oczy.

A więc tak wyględa człowiek, który wszczął wobec mnie postępowanie karne.

– Czy macie jakieś skargi? – zapytuje się.

– Oczywiście – odpowiadam. – W kraju jest dyktatura, postępowaniekarne wobec mnie wszczęte zostało bezprawnie, a teraz bezprawnie tu siedze – mówi usmiechając się.

Po mojej wypowiedzi cała delegacja rozpływa się w uśmiechach. Skarg na to, że jest dyktatura w więzieniu zazwyczaj się nie otrzymuje.

– Poczobut, wam na korzyść jeszcze ta odsiadka pójdzie. Kapitał polityczny tu u nas zdobędziecie – mówi do mnie przedstawiciem DIN w cywilu.

– To może się zamienimy. Pan tu będzie gromadził kapitał polityczny, a ja pójdę do domu do rodziny? – proponuje mu.

Nic nie odpowiada.

– Czy macie jakieś skargi na warunki utrzymania – zapytuje się prokurator.

– Zgodnie z ustawą o warunkach utrzymywania więźniów na jedną osobę w więzieniu śledczym powinno przypadać, nie mniej niż 2,5 metra kwadratowych. Czy tu mamy 2,5 metra na osobę? – pytam u niego.

– Nie my to więzienie budowaliśmy – odpowiada prokurator.

– Tak, oczywiście nie macie tu 2,5 metra na osobę, ale jedna osoba z waszej celi zostanie przeniesiona i wtedy wszystko będzie zgodnie z przepisami – zabiera głos naczelnik grodzieńskiego więzienia pułkownik Aleksander Olijew.

– Poczobut myslicie, że tak chcieliśmy was wsadzić do więzienia? Nie trzeba było demonstracyjnie jechać do Mińska. Przecież wręczono panu zobowiązanie o nieopuszczaniu miejsca zamieszkania – ciągnie prokurator.

– Ja go nie podpisałem, bo po prostu chcieliście mi usta zamknąć. Bym siedział jak mysz pod miotłą. Poinformowałem śledczego, że jade. Nie miał nic przeciwko. Radził jedynie bym jechał następnego dnia. Przecież wiedzieliście, ze wyraziłem zgodę na udział w telekonferencji z Parlamentem Europejskim. Chcieliscie to za wszelką cene zablokować, więc aresztowaliście mnie – odpowiadam mu.

– Pojechaliście demonstracyjnie i za to zostaliście ukarani. Ale macie szanse opuścić więzienie. Zapewne pan słyszał o sprawie w Lidzie kiedy młody człowik znieważył w Internecie kierownika rejonu. No to informuje, że po tym jak on publicznie wyraził skruchę i poprosił o przebaczenie postępowanie karne wobec niego zostało umorzone – powiedział prokurator.

– Ja nie mam za co przepraszać i kajać się nie będę – odpowiadam.

– Jeżeli pan zmieni zdanie, to poinformować mnie o tym będzie można za pomocą adwokata – oświadcza prokurator.

Wychodzą.Jan Bujko, sowiecki Polak z Litwy i amator białoruskich kołchozów, jest zszokowany.

– Andrzej ty też jesteś naczalstwo. Oni naczalstwo, ale i ty też jesteś naczelnikiem jakimś – mówi Bujko. Dla niego świat się dzieli na „naczlastwo" czyli kierownictwo i „zwykłych ludzi". On jest zwykłym czlowiekiem. Boi się „naczalstwa" i zawsze próbuje do nie go się podlizywać. Wcześniej, dopuki nie zakwalifikował mnie do kategorii „naczalstwa" nie chciał ze mną w celi rozmawiac po-polsku zasłaniając się słabą znajomoscią języka. Podobnie jak z Andriejem i Anatolem rozmawiał ze mną po rosyjsku. Teraz kiedy już jestem „naczelnikiem" dowiaduje się, ze potrafi normalnie rozmawiac po polsku. Od tego momentu rozmawiamy z nim w celi po polsku. Jak każdy radziecki człowiek wie, że zachcianki „naczalstwa" trzeba spełniać...

19 kwietnia

Obietnica szefa więzienia jest wykonana. Zabierają z celi Andrieja. Pozostajemy we trójkę. Jest trochę luźniej. Ale jest mi przykro. Więzienie jest przepełnione, w wyniku pokazowego przestrzegania standartów w mojej celi gdzie indziej ktoś będzie spał na podłodze.

– Nie martw się, w więzieniu każdy musi dbać przede wszystkim o siebie – mówi Andriej.

Dostaje piersze kartki z Polski. Widokówki z morzem, ładnymi polskimi miastami i miasteczkami, lasem oraz ciepłe słowa pod moim adresem... To dodaje otuchy i sprawia, że świat, który się w ostatnich dniach skurczył do malutkiej celi ponownie rozszerza się.

Tam za murem więziennym o mnie pamiętają i walczą o moje wyzwolenie.

20 kwietnia

W sąsiedniej celi nr. 64 nowy więzień – Wacek „Biały" z Iwja. Ma ponad 60 lat i około 30 spędził w łagrach. Recydywista ze stażem. Robi dużo chałasu. Jest kilka sposobów do potrzymania łączności między celami.

Pierwszy – „rozmowa po panoramie" – czyli poprzez kanalizacje. Odłańcza się rurę od myjnika i mówi się tam jak do telefonu. Słyszą taką rozmowe 5 sąsiednich cel (dwie na pięrwszym piętrze, dwie na drugim no i cela przez ścianę).

Drugi – „wysłanie konia" – czyli zrzucenie do celi połozonej pod tobą listu bądź niedużej przesyłki. List przymocowuje się do linki, która zrzuca się przez okno. Wacek aktywnie wykorzystuje te dwa sposoby, dlatego jego pojawienie się w więzieniu odrazu jestzauważalne. Przemyca papierosy do celi 19 gdyż nie ma papierosów, herbatę do celi nr. 41 i tak dalej oprócz tego non-stop rozmawia „po panoramie". Klawisze traktują go nadzwyczaj ulgowo. Wszystkim się to podoba bo jest „dwiż".

– Co się dziwić. Jest tu u siebie – podsumowuje Anatol.

Wieczorem Wacek odbywa dłuższą pogawędkę z Oksaną z celi 41. Temat jest zabójczy.

– Oksana jak myślisz czy warto bym sobie do członka kilka kulek zaaplikował – zapytuje się Wacek.

Cela milknie. Wszyscy uwaqżnie słuchają bo zapowiada się niezły cyrk. Wprowadzenie do członka kulek metalowych było modne w więzieniach w latach 80-ch. Uważano, że doprowadzają kobiet do rozkoszy. Więc sporo było ochotników do wykonania podobnego zabiegu, często zresztą w warunkach łagrów kończącego się zakażeniem krwi.

– Wacek ty już za stary na to jesteś. Jak wyjdziesz to na nic tobie twój członek się nie przyda, nie zależnie czy będzie miał kulki czy nie – śmieje się kobieta.

– Nie znasz mnie mała, gdyby nie więzienne mury to bym ci pokazał do czego jestem zdolny – wychwala się.

– No właśnie, masz dobrą wymówkę – kpi z niego – Nawet jak teraz coś jeszcze możesz to po zakończeniu twego terminu już będzie po wszystkim czyli „asta la filsta, baby".

22 kwietnia

Do celi przychodzi więzienny psycholog i zabiera mnie na pierwsze piętro do kierownika oddziału, kapitana wewnętrznej słuzby Aleksandra Gryncewicza. Gryncewicz jest osobą odpowia-

dająca za wychowanie więźniów. Jest więc dla więźniów najważniejszą osobą w „amerykance".

– Pan nie może pisać listów po polsku – oznajmiają mi, psycholog trzymając w ręku mój list do ojca.

– A to dlaczego? – zapytuje się.

– Jako języki państwowe mamy w kraju rosyjski i białoruski – tłumaczy mi.

– Zgodnie z Konstytucją mniejszości narodowe mają prawo do korzystania z języka ojczystego –odpieram.

Milczą.

– To jest dyskryminacja. Jeżeli moje listy napisane po polsku nie będą dochodzili, to złożę skargę – informuje ich.

Ostatecznie ustępują.

– Jak pan chce koniecznie pisać po polsku to niech pan piszę. Tylko takie listy będa dochodzili ze zpóźnieniem gdyż będziemy musieli je tłumaczyć przed tym jak przekazać do działu cenzury – oznajmia Gryncewicz.

Tuż przed obiadem mam pierwsze widzenie z żoną. Wyprowadzają na więzienny plac, a z tamtąd do budynku gdzie się mieszczą pokoje widzeń. Rozmawiamy przez telefon rozdzieleni szkłem. Oksana jest wyraźnie rozstrzęsiona. Widać, że jest jej trudno. Została sama z dwójką dzieci. Daje mi niezły wycisk. Rozumiem, że musi cały stres spowodowany moim aresztowaniem wyrzucić z siebie.

Po zakończeniu widzenia w drodze powrotnej do celi spotykam Kuzię, który siedział ze mną w areszcie.

– I co było dalej z Igorem? – pytam jego.

– Powiedział, że zabierają go na wizje lokalną. W każdym bądź razie miał szczęście i dowięzienia nie pojechał – mówi on.

Kto by w to wątpił.

24 kwietnia

Jest Wilekanoc. O 6 nad ranem budzi nas krzyk „po panoramie": Chrystus zmartwychwstał!

Oczywiście to Wacek „Biały" śpieszy się przekazać współwięźniom pozdrowienia. Na śniadania dostajemy farbowane jajka.

Wieczorem jedna z więzniarek zaczyna śpiewać. Najwyraźniej siedzi tuz przy oknie, gdyż dobrze ją słychać. Ma nadzwyczaj ładny głos i śpiewa znane rosyjskie przeboje rockowe. Przez „panoramę" dowiadujemy się, że ma naimię Ola i siedzi w celi 40, ma 27 lat i niedawno miała sąd. Dostała 8 lat pozbawienia wolności za chandel narkotykami. Aż wierzyć się niechce, że dziewczyna o tak ładnym głosie będzie tyle lat siedziała w łagrze. Po zakończeniu kolejnej piosenki głośno klaszczemy. Oklaski dolatują też z innych cel. „Koncert" kończy klawisz.

– Starczy już gardło drzeć – wrzeszczy na nią.

Kontrast po między ładnym niemal anielskim głosem i wrzaskiem strażnika więziennego jest zabójczy.

29 kwietnia

Gryncewicz przynosi trzy listy od żony. Przyszły naraz więc musiał je otrzymac wcześniej i przetrzymać. Na spacerniaku trafiamy do celi spacerowej tuż obok Wacka. Wykorzystujemy to do rozmowy. Wacek chętnie opowiada o sobie. Po raz pierwszy trafił do więzienia w 1974 roku. W 1982 roku był tu ponownie, ale juz na „osobym reżimie" czyli na tak zwanej „krytkie". Jest to najcięższe z możliwych więzień Część grodzieńskiego więzienia po dzień dzisiejszy jest przeznaczona dla tach więźniów. Ich cele mieszczą się jednak w innym korpusie – zwanym „bastion". Pobyt tam jako dodatkowa kara jest stosowany wobec recydywistów, którzy w łagrach się niepodporządkowują się administracji i się buntują.

Gadamy z Wackiem, a strażnicy w końcu tracą cierpliwość i przerywają naszą konwersacje grożąc, że w wypadku jej kontynuowania trafimy do izolatki. Milkniemy.

W drugiej połowie dnia po raz pierwszy otrzymuje informacje, że na wolności jest prowadzona kompania w mojej obronie. Pikiety pod ambasadą, że wypowiedziała się w mojej obronie Karen Ashton. Dostaje też fragment listu Adama Michnika do mnie.

1 maja

Od rana żartujemy, że popędzą nas na pochód pierwszomajowy.

Najbardziej rozfantazjowany jest Tola.

– Wyobraź sobie, z przodu idzie Olijew, szef więzienia w mundurze balowym. Z tyłu my ustawieni w szeregi. Z trybuny leci: Witamy obywateli więźniów! A my odpowiadamy „Ku chwale komunistycznej Ojczyzny!”.

Wieczorem Tola nagle mówi mi, że nie muszę wcale długo siedzieć w więzieniu.

– Przy prezydencie jest komisja do spraw ułaskawień. Jak tam napiszesz po wyroku prośbę o ułaskawienie napewno Łukaszenka skorzysta z prawa łaski – oznajmia.

Skąd ja znam ten temat...

2 maja

Kolejna wizytacja. Tym razem wizytę w celi składa podpułkownik Goj, wiceszef więzienia który między innymi kieruje pracą operacyjną. Jest osobą najbardziej poinformowaną o tym, co się dzieje w więzieniu. Boja się go nie tylko więźniowie ale i klawisze. Po złożeniu raportu przez Tolę, który jest dyżurnym Goj odrazu zaczepia mnie:

– A wy Poczobut dlaczego sie nie witacie?.

Nie reaguje na tą zaczepkę.Jak mam się witać, skoro nie jestem dyżurnym i w trakcie kontroli celi mam milczeć?

– Przecież ja do was powiedziałem „dzień dobry” – oburza się.

– Dzięḑobry – odpowiadam.

– Czy są jakieś skargi? – zapytuje się.

Wszyscy milczą. Goj ma opinie niebezpiecznego człowieka, ktory traktuje skargi jako osobisty uraz więc wolą z nim nie zadzierać.

Już chce wychodzić, kiedy się odzywam.

– W bani od kilku tygodni nie ma gorącej wody. Nie ma mozliwości normalnie się umyć – oznajmia.

– Będzie wam gorąca woda – odpowiada wyraźnie niezadowolony.

5 maja

Od 4 dni, czyli od momentu wizyty Goja, mamy codziennie rewizje w celi. Wpadają klawisze i wyprowadzają nas z rzeczami osobistymi na korytarz, tam uważnie wszystko przetrzepują. Najwyraźniej jest to zemsta Goja za to, że miałem czelność jemu zwrócić uwagę, na brak gorącej wody w więziennej bani. Tym czasem problem staje się coraz bardziej poważny. Z celi tylko ja jeden staje pod lodowaty prysznic. Ale jakie mycie się pod lodowatą wodą?

Tola nieoczekiwanie zaczyna się tłumaczyć.

– Wiesz w więzieniu dużo plotek krąży, że ten współpracuje tamten. W rzeczywistości to bajki – mówi do mnie.

Czyżby wiedział, że mnie przed nim ostrzeżono?

– No powiedz, gdyby ktoś tobie powiedział, że raz na trzy dni spotyka się z oficerem operacyjnym i opowiada mu co się dzieje w celi bo wzamian obiecano mu łagodny wyrok sądu. Czy miałbyś do niego pretensje? – pyta.

– Gdyby powiedział mi, to nie miałbym – odpieram.

Tola jednak nic mi nie mówi.

6 maja

Postanawiam kontynuować walkę o gorącą wode, a z drugiej strony pokazać Gojowi, że zastraszyć mnie rewizjami się nie da.

– Nawet w stalinowskim Gułagu więźniom dawali miednice gorącej wody by mogli się umyć – piszę w skardze do pułkownika Olijewa.

Kopie skargi wysyłam do swego adwokata.

Podoficer straży więziennej, który przyjmuje u mnie skargę tłumaczy:

– To nie jest wina więzienia. To jest wina słuzby komunalnej. Zabrali u nas liczniki wody, bo zbyt dużo wody zurzywa więzienie.

Jednak są to tylko wymówki. Najprawdopodobniej chodzi o kase, czyli odłączając na lato gorącą wodę więzienie, które jest marnie finansowane oszczędza. To, że w wyniku takiego oszczędzania nie możemy normalnie się umyć nawet raz w tygodniu nikogo nie obchodzi.

7 maja

W nocy na pierwszym piętrze ktoś z więźniów wali z całej siły w drzwi i krzyczy:

– Wypuśćcie mnie ztąd. Wszystko zrozumiałem. Wypuśćcie! Chce do domu!

I wali z całej siły w drzwi. Nikt nie reaguje z czego wywnioskowuje, że już znajduje się w izolatce. Pierwszy raz słyszę takie krzyki. Anatol, ktory przesiedział w więzieniu już ponad 9 miesięcy mówi, że co jakiś czas, któs z nowoprzybyłych traci rozsądek i tak się zachowuje.

9 maja

Dziś Dzień zwycięstwa w II wojnie światowej. Tradycyjnie jest on na Białorusi chucznie obchodzony. Więzienie znajduje się w centrum miasta. Dlatego słyszymy jak placu Sowieckim odbywa się defilada. Wieczorem jest koncert muzyki pop i pokaz ogni sztucznych. Będac na wolnosci, zawsze myślałem, że koncerty na placu Sowieckim tak często organizowane przez władze Grodna są dla więźniów z poblizkiego więzienia atrakcją. Moga posłuchac przecież muzyki. Okazało się, że nie jest to żadna przyjemność, wręcz odwrotnie. O 22.00 już musisz leżeć w łóżku, a za oknem (właściwie to za ścianą) trwa zabawa, tętni życie.

10 maja

Przychodzi kapitan Gryncewicz i oznajmia, że będziemy mieli gorącą wodę. Czyli potyczkę z głownym oficerem operacyjnym więzienia wygrałem.

– W związku z tym, że kwestia wody została uregulowana co zrobimy z pańską skargą? – zapytuje się.

– Jezeli sytuacja jest uregulowana, nie upieram się by była ona wysłana – odpowiadam

Zwraca napisaną przeze mnie skargę.

I teraz wszyscy są zadowoleni. Więźniowie w tym ja mają gorącą wodę pod prysznicem i moga się normalnie umyć. Kierow-

nictwo więzienia nie musi zaś oficjalnie się tłumaczyć dlaczego doszlo do naruszenia praw więźniów.

12 maja

Po południu wezwano mnie do śledczego. W obecności adwokata poinformował mnie, że dochodzenie w mojej sprawie zostało zakończenie. Uściślono zarzuty. Jestem oskarżony o zniewagę i zniesławienie Aleksandra Łukaszenki. Miałem to zrobic w 8 publikacjach w Gazecie i komentarzu zamieszczonym na białoruskiej witrynie internetowej „Biełoruskij Partyzant" oraz w prywatnym blogu. Rozpoczynam też zapozdanie się ze sprawą. Składa się ona z 2 tomów. Tom pierwszy w całości przygotowany przez KGB, tom drugi wyprodukowany przez prokurature. Dowodem mojej winy są orzeczenia ekspertów. Jedną ekspertyzę lingwistyczną zrobili kierownik działu ideologii Grodzieńskiego Obwodowego Komitetu Wykonawczego i szef służby prasowej mera Grodno. Ząden z nich nie jest lingwistą. Drugą – profesor z katedry języka rosyjskiegoGrodzieńskiego Uniwersytetu. Obydwie ekspertyzy zgodnie stwierdzają, że nazywając w swych publikacjach Aleksandra Łukaszenkę dyktatorem i pisząc o fałszerstwach wyborczych popelnilem przestępstwo.

17 maja

Dziś miałem widzenie z żoną. Jest w znacznie lepszym stanie. Najwyraźniej nauczyła się jakoś radzić beze mnie. Jednak w trakcie rozmowy, kiedy zaczeliśmy mówić o tym jaki bedę miał wyrok rozpłakała się. Próbuje ją przygotować na to, że mogę dostać nawet 4 lata pozbawienia wolności.

W klatce-poczekalni przed widzeniem spotykam więźnia z „krytki" – czyli tej części grodzieńskiego więzienia gdzie jest najbardziej ostry rygor. Wysoki chudy mężczyzna na oko około 40 –tki. Z chorobliwie bladą cerą ubrany w czarny więzienny kombinezon, na piersiach ma numer. Na głowie czarna więzienna czapka.

– Na jakim rezimie jesteś – pyta mnie trochę sie jąkając.

– Narazie trwa śledstwo, ale będę na ogólnym – odpowiadam mu.

– Czyli pierwszy raz tu. Ja jestem na „krytej". Jeszcze rok mi został, później znowu do łagru. Dziś pierwszy raz od 8 lat zobaczyłem krewnych – odpowiada.

– Młodo wyglądasz jak na „krytą". Myślałem, że tam staruszkowie przeważnie siedzą, po 50-tce. Przecież trzeba się napracować by tam trafić – mówie.

– Ile masz lat? – pyta mnie

– Właśnie skończyłem 38.

– Ja jestem tylko o trochę od ciebie starszy.

– Dlaczego trafiłeś na tak zaostrzony rygor?

– Wiesz, ja jestem starej wiary.

Nie kojarze o co chodzi z tą „starą wiarą", ale nie pytam czekając aż sam wyjaśni.

– Nie chce by mnie traktowano jak bydle – mówi.

Jego historia w skrócie wygląda w następujący sposób. Pierwszy raz trafił do więzienia jeszcze w czasach ZSRR. Wtedy w był tam „błatny porządek". Żyło się na podstawie określonych „błatnych" czyli złodziejskichzasad.

– Nie współpracowało się z administracją, nie szmacono się w zamian za przed terminowe zwolnienie. Nie podpisywano lojalek o dobrym zachowaniu się. Więc tak się przyzwyczaiłem żyć. Tak żyje i teraz, nie zwarzając na to, że w więzieniach już te zasady nie obowiązują. Złamano je. Kto się opiera przy „błatnej wiarze" ten jest tępiony. Kto się złamał i żyje jak wszyscy to ma się dobrze. Ale ja na kolana przed glinami stawać nie będę. Oznacza to konflikt. No a jak jest konflikt to pozostałą część możesz sobie domyślić – opowiada mi.

Ostatnio siedział w więzieniu o zaostrzonym rygorze w miejscowości Głębokie położonej w północnej części centralnej Białorusi. Stamtąd po kolejnym „zasadniczym" konflikcie z administracją więzienia trafił do Grodna.

Opowiadam, za co siedzę. Dla niego wsadzenie kogoś do więzienia za krytykę władzy to cos naturalnego. Wogule cała jego politologia sprowadza się do przekonania, że jeżeli masz czelność krytykować i mieć własne zdanie, bądź gotów odpowiadać za swoje słowa czyli trafić do więzienia. A jak wytrzymasz uderzenie

i nie zdradzisz siebie i swoich przyjaciół, to jesteś wart szacunku, jak nie – jesteś szmatą.

W końcu jego „zasadniczy konflikt" z administracją więzienną to też jakaś forma walki o swoją godność.

Wkrótce wyprowadza nas konwój więzienny.

– Hej, korespondet, trzymaj się! – żegna się ze mną.

Widzę jak jego prowadzą do innego korpusu. Idzie pewnym krokiem z dumnie podniesioną głową. Ja zaś wracam na „amerykankę".

3 czerwca

W trakcie spaceru dostałem oficjalne zawiadomienie z sądu, że na wniosek prokuratury moja rozprawa odbędzie się przy drzwiach zamkniętych. Oznaczać to morze tylko jedno.Uznali, że publiczny proces uderzy w wizerunek Aleksandra Łukaszenki. Po zapoznaniu się z materiałami sprawy karnej nie dziwie się temu. Jest oczywiste, że nawet jak na warunki Białorusi trudno będzie komukolwiek wytłumaczyć, że dziennikarza trzeba trzymać w więzieniu za nazwanie Łukaszenki dyktatotrem i stwierdzenia, ze fałszuje on wybory. Obydwie te rzeczy o sobie kilkakrotnie mówil sam Łukaszenka.

7 czerwca

W 2004 roku idąc rano obok więzienia stałem się świadkiem nastepującej sceny. Przez puste zaspane miasto powoli leciał rząd balonów powietrznych – najwyraźniej były zorganizowane jakieś zawody. Jeden z nich właśnie przelatywał nad więzieniem. Jak teraz rozumiem leciał wprost nad spacerniakami. Więzienne psy wściekle szczekały...

– Zabierz mnie ze sobą! – usłyszłem mocny krzyk.

Teraz gdy siedze w tym samym więzieniu i codziennie chodze na spacer do tych spacerniaków ten obrazek cały czas wraca.

11 czerwca

Odwiedza adwokat Aleksander Biriłau ustalamy, że nie będę składał zeznań, a jedynie odczytam przygotowane przeze mnie oświadczenie, gdzie przyznam autorstwo tekstów oraz oświadcze, że nie ma tam żadnych oszczerstw i omówień tylko krytyka, zaś sprawa karna jest zemstą za działalność dziennikarską i społeczną. Nie będę też odpowiadał na żadne pytania sędziego i prokuratora. Biryłau mówi o tym, że niemal wszystkie działania śledcze w tej sprawie zostały przeprowadzone z naruszeniami proceduralnymi i kazdy normalny sąd to wychwyci. Jednak w związku z tym, że jest to sprawa polityczna nie mam żadnych szans na uczciwy proces.

Jego prognoza co do wyroku – 2 lata pozbawienia wolności.

Z widzenia z adwokatem zabiera mnie podoficer nazywany przez więźniów„Car-Żopa". Potężny, na około 2 mertów wzrostu, ważący ze 160 kilo.

– No co Poczobut wciąż chudniecie? – wyputuje po drodze. Chodzi o to, że w trakcie pobytu w więzieniu wyraźnie schudłem.

– Przeciez pan wie, ze to akurat nic złego – odpowiadam z uśmiechem.

– No faktycznie, to jest dobra sprawa – przyznaje i natychmiast zaczyna wychwalać więzienne jedzenie.

– Ale nasze jedzenie jest naprawde dobre – mówi.

Wieczorem nagle podnosi się u mnie gorączka, z oczu leją się łzy... Przychodzi lekarz w stopniu starszego lejtnanta. Nawet nie otwiera drzwi do celi tylko odrazu stawia diagnozę – przeziębienie. Dostaje kilka pigułek.

12 czerwca

Mam gorączkę. Pigułki nie skutkują, na dodatek się skończyły. Lekarz nie zwarzając na kilkakrotne prośby nie przychodzi. Z powodu złego samopoczucia nie idę na sacer.

13 czerwca

Podejmuje kolejne próby wezwania lekarza. W końcu się zjawia, ale żadnych pigułek nie daje. Obiecuje przynieść je później. Po obiedzie zjawia się klawisz i oznajmia, że muszę iść na spacer. Wcześniej pisemnie się zwracałem do szefa więziennej służby lekarskiej by zwolniono mnie z spacerów z powodu choroby. Żadnej odpowiedzi nie dostałem. Klawisz jest stanowczy – muszę więc iść na spacer, który trwa wyjątkowo niemal 40 minut ponad normę. Rozumiem, że władzom odpowiada że stanę przed sądem chory. Mnie to przeraża z jednego powdu – cały czas lecą łzy z oczu. Już widzę jak przed procesem wpuszczają telewizyjną ekupę reżimowej telewizji, która sfilmuje mnie w klatce z tymi cholernymi łzami. Komentarz do tego obrazku był by odpowiednio dobrany no i Aleksander Łukaszenka napewno będzie zadowolony. Wieczorem sięgam po ludowe środki lecznicza. Zaparzam ponad dwa litry gorącej cherbaty, wypijam. Później wkładam na siebie wszystkie ubrania, które mam i kłade się do łóżka.

14 czerwca

Noc nie spałem, ale z rana łzy już nie lecą. To mnie uspokaja. O 9 nad ranem wyprowadzają z celi i robią wstępną rewizje, później jestem doprowadzony do pokoju, gdzie robiono mi pierwszą rewizje po przybyciu do więzienia. Tu musze się rozebrać. Razem z innymi więźniami, którzy jadą dziś na sąd jest mi robiona szczegółowa rewizja osobista.

Później pojedynczo jesteśmy doprowadzani do samochodu więzienego.

Kilka minut jazdy j jesteśmy pod sądem rejonu Leninowskiego. Z samochodu wyprowadzają funkcjonarjusze więziennego konwoju. Ręcę wykręcają z tyłu i w ten sposób trafiam wewnątrz budynku sądu. Tam mnie sprowadzają do piwnicy w której jest kilka maleńkich cel. Wsadzają do jednej z nich jednak już po kilku minutach wyprowadzają wkładają na moej ręce w kajdanki i doprowadzają na drugie piętro.

Sąd jest w stanie oblężenia. Wszędzie jest pełno tajniaków. Prowadzą mnie dwaj milicjanci, jeden z których jest przypięty do

mnie kajdankami. Pracownicy sądu, których spotykam po drodze z ciekawością patrzą na mnie i oczymś się szepczą. Nie zwarzając na powagę sytuacji chce mi się śmiać. Cała ta sensacyjno-kryminalna otoczka procesu wygląda na totalną farsę. Co ja jestem jakiś Al Capone by stosować takie środki?

Wprowadzają do sali nr. 15, gdzie już są moi adwokaci. Wchodzę do klatki i dopiero potym moje ręce są uwalniane od kajdanek. Sala jest pusta.

Po kilku minutachwchodzi sędzia Witalij Lecko. Rozpoczyna proces. Adwokt informuje sąd, że chciałby nagrywać przebieg procesu na dyktafon co ma mu ułatwić później przygotowanie mowy końcowej.

Nie można.

Sędzia się w żaden sposób to nie motywuje swojej decyzji.

Ja proszę o odtajnienie procesu, popierają mnie dwaj obrońcy dowodząc, że żadnych przyczyn dla rozpatrywania mej sprawy za zamkniętymi drzwiami nie ma.

Nie można.

Proces ma być utajniony.

Zwracam się do prokuratora Aleksandra Jużyka, ktory reprezentuje oskarżenie z prośbą by mi wytłumaczył na jakiej podstawie proces został utajniony.

– Na podstawie artykułu 23 Kodeksu Kryminalno-Procesowego – odpowiada.

– Aleco konkretnie – nie ma tajemnic państwowych w sprawie, to nie jest procers o przestepstwa seksualne. Proszę mi odpowiedzieć co jest przyczyną utajnienia procesu – oburzam się.

Sędzia mi przerywa.

– Pan już usłyszał odpowiedź – mówi.

Skaładam wniosek o odwołanie sędziego, który nie jest bezstronny. Wniosek oddalony.

Prokuratura odczytuje akt oskarżenia i zapytuje się, czy przyznaje się do winy.

– Jestem niewinny – odpowiadam.

Odmawiam składania zeznań w związku z czym prokuratura przesłuchuje ekspertów. Jest ich troje. Paweł Skrabko –szef działu ideologii Grodzieńskiego Obwodowego Komitetu Wykonawczego, seketarz prosowy mera Grodna Wiktor Żelazniakowicz oraz

profesor Grodzienskiego Uniwersytetum dziekan wydzialu rosyjskiej filologii Aleksej Nikiciewicz.

Wszyscy zgodnie stwierdzają, że zniesławiłem i znieważyłem w swych publikacjach Aleksandra Łukaszenkę nazywając go dyktatorem i stwierdzając, że fałszuje on wybory oraz zdyskredytowałem Republike Białoruśw swoim blogu w jednym z tekstów porównując bialoruskie KGB do gestapo.

Jednak kiedy pytania zaczynają zadawać moi obrońcy eksperci się plączą. Nikt z nich nie potrafi dać określenie co to jest zniesławienie co to jest znieważenie (a jak nie wiedzą co to jest to w jaki sposób ustalili, że popełniłem przestępstwo?), nikt nie potrafi prawidłowego odpowiedzieć na pytanie co to jest honor, co to jest godność, a to rzecież one rzekomo miały doznać uszczerbku.

– Co to jest „ideologiczna wertikal"? – pytam Skrabko.

– (Uśmiecha się do mnie z politowanie) To jest wspolnota wszystkich działów ideologicznych Białorusi – odpowiada.

– Kto stoi na jej czele? – zapytuje

– Główny dział ideologii Administracji prezydenta – odpowiada.

– Kto jest głównym ideologiem w Białorusi? – pytam.

– To jest skomplikowane pytanie – mówi Skrabko najwyraźniej nie rozumiejąc po co zadaje te pytania.

– Czy Aleksandra Łukaszenkę można nazwać głowny ideologiem Bialorusi?

– Zdecydowanie tak – mówi Skrabko.

– W ten sposób pan jako ideolog jest podporządkowany Łukaszencę, którzy rzekomo przeze mnie został skrzywdzony. A ekspert musi być bezstronny – podsumowuje.

– Poczobut, to niema nic do rzeczy – przerywa sędzia.

Na tym przesłuchanie ekspertów się końcy i prokuratura nieoczekiwanie prosi o przerwę w rozprawie gdyż chce postawić mi nowe oskarżenie.

– No i co doigrałeś się – mówi mi adwokat.

Od pierwszego dnia pobytu w więzieniu zawsze mnie uprzedzał bym w celi nie podejmował, żadnych tematów związanych z Aleksandrem Łukaszenką, gdyż uważał, że wciągnięcie mnie w rozmowę na ten temat może mieć na celu sprowokowanie do wypowiedzenia ostrych słów pod adresem Łukaszenki i takim

sposobem zdobycie dowodów na popełnienie przeze mnie przestępstwa.

Konwój wyprowadza mnie z sali rozpraw i natychmiast doprowadzają do więziennego samochodu. Po drodzę widzę tłum ludzi, który krzyczy: „Andrzej!" i „Wolność!". Unoszę rękę do góry pokazując im „viktory". Konwój jest wściekły.

– Z tobą to po ludzku nie można – wrzeszczy na mnie podoficer. Od tego momentu zawsze będą mocno wykręcać mi ręce w trakcie doprowadzania do sądu.

Samochód rusza. Więźniowie, ktorych wiozą razem ze mną są podekscytowani.

– Będziemy później dzieciom opowiadać, że z tobą jechaliśmy w więźniarce – mówi jeden z nich i uściska mi rękę.

Samochód podjężdża pod więzienie, Stoi tylko kilka minut i brama się otwiera

– O jak więzienie nas dziś chętnie przyjmuje. Zazwyczaj musimy stać z godzinę, a tu proszę tylko podjęchalismy i już są gotowi nas przyjąć – mówi jeden z funkcjonariuszy i wymownie patrzy na mnie.

15 czerwca

Cały czas myśle o nowym oskarżeniu. Dorzucą dyskredytacje Białorusi? Czy tak jak prognozował adwokat coś z rozmów ze współwięźniami wyciągną? Przecież pilnowałem się by coś nie palnąć. Ale od chwili kiedy do celi moja żona przekazała telewizor, a w nim bez przerwy jest Łukaszenka, kilkakrotnie nazwałem go pajacem, komentując w ten sposób jego wypowiedzi. Czyżby chodzi oto?

17 czerwca

Kolejna raz jestem w sądzie. Prokurator odczytuje nowy akt oskarżenia. Jest bardziej rozbudowany. Jednak żadnych nowych wątków nie ma. Jestem oskarżony o to, że zniesławiłem Łukaszenkę nazywając go dyktatorem i stwierdzając, że fałszuje wybory. Oraz znieważyłem jego pisząc, że na Białorusi krążą plotki o jego licznych romansach. Ponownie przesłuchani są eksperci.

Proszę o przesłuchanie Aleksandra Łukaszenki.
Odmowa. Nie jest to związane ze sprawą.
Zgłaszam na świadków byłych kandydatów na prezydenta Andreja Sannikaua, Mikołę Statkiewicza, Aleksandra Milinkiewicza, Aleksandra Kazulina... Wszyscy mają opowiedzieć o wypadkach fałszowania wyborów.
Odmowa. Nie jest to związane ze sprawą.
Wnioskuje o dołączenie do sprawy nonferencji prasowej Aleksandra Łukaszenki na której przyznaje się do fałszowania wyborów.
Odmowa. Nie jest to związane ze sprawą.
Proszę o przesłuchanie jako świadków Garrego Paganiajłe, Mieczysława Gryba oraz Alesia Bielackiego, obrońców praw człowieka, którzy od lat zajmują się niezależną obserwacją wyborów.
Odmowa. Nie jest to związane ze sprawą.
I tak na każdy mój wniosek.
– Czy są jeszcze jakieś wnioski? – zapytuje się sędzia.
Nie nie mam jeszcze tylko odczytuje swoje oświadczenie ktore kończe słowami:
– Mam nadzieje, że wkrótce niezawiśły sądbędzie rozpatrywał wyszstko co tu się dzieje i wy panowie wtedy będziecie mieli więcej środków do obrony niż dzisiaj daliscie mnie.
Sędzia ogłasza przerwę. Prokuratura i oborona mają przygotować się do wygłoszenia końcowych porzemówień.

23 czerwca

Prokurator Aleksander Jużyk żąda 3 lat pozbawienia wolności dla mnie. Odrazu potem przerwa. Słyszę jak konwój więzienny informuje strażników więzienia, o wyniku dzisiejszego posiedzienia.
Jak zawsze więzienny samochód czeka na mnie i szybko odwozi do więzienia. Jednak tu przez dłuży czas przetrzymują mnie w malutkiej celi poczekalni. Jest pora obiadowa i klawisze nie śpeszą się. Początkowo chce się awanturować, ale cos mi podpowiada bym tego nie robił. Postanawiam pójśc za głosem intuicji i siedze czekając na niewiadomo co.
Nagle drzwi się otwierają i do celi wprowadzają Jurija Dzirdzia, byłego glównego komornika sądu Leninowskiego rejonu

Grodna, ktory od ponad 2 lat jest w więzieniu. Znamy się. Kiedyś pod moją nieobecność spisywał u mnie majątek zachowując się po chamsku wobec moich rodziców. Był ważną osobą. Później został aresztowany za nadużycia finansowe.

– No i proszę, kogo ja tu widzę – mówię nie ukrywając satysfakcji.

– Andrzej część! Słyszałem,że siedzisz. A ja właśnie po raz drugi jestem sądzony. Próbowano mnie w więzieniu pozyskać do współpracy ale odmówiłem i w wyniku kiedy zbliżała się połowa terminu i miałem wyjść na wolność wszczęto nowe postepowanie za stare sprawy jeszcze jak byłem komornikiem – mówi jak niby nic.

Zmienił się. Wychudł. Zrobił się jakiś mniejszy. Zupełnie nie przypomina tego głownego komornika, który idąc korytarzami Leninowskiego sądu z góry spoglądał na ludzi, a do pracy jeździł eleganckimi samochodami.

– Słyszałem, że „na balandzie" zostałeś – mówię mu.

„Zostać na balandzie" oznacza zostać w więzieniu śledczym jako obsługa. Więźniów skazanych wyrokiem sądowym angażują do prac gospodarczych na terenie więzienia śledczego: przygotowanie jedzenia, mycie naczyń, zamiatanie, remont kanalizacji, karmienie psów i zamiatanie spacerniaków... „Balandziory" – jak nazywają ich innni więźniowie mają za to przedterminowe zwolnienie. Zazwyczaj zostać w więzieniu decydują się osoby, które z różnych przyczyn obawiają się łagru. Wśród „balandziorów" są byli milicjanci oraz inni funkcjonariusze organów ścigania, którzy boją się zemsty ze strony innych więźniów za swoją wcześniejszą działalność, a tak że osoby, które w trakcie śledstwa obciążyli zeznaniami innych.

– Tak, byłem głupi, przestraszyłem się łagru no i zostałem „na bałandzie". Wiesz pierwsze tygodnie były okropne – opowiada Dziurdź.

Postawiono go na najgorszą pracę – zmywanie garnków i naczyń po więźniach.

– Od rana do wieczora tylko te zatłuszczone garnki. Później spać i z rana od nowa. Za kilka tygodni awansowałem (smutno się uśmiecha). Dostałem przydział do karmienia psów – wspomina Dziurdź.

– A jaka praca jest uważana za najleszą? – pytam jego.

– To zależy od człowieka, ale popularnością cieszy się przydział na kuchnie. Wiesz jak kto lubi jeśc to tam się w końcu nażre – odpowiada.

Milczymy. Poźniej znowu zaczyna opowiadać.

– Tyle tu przeszedłem, tyle widziałem za te lata. Mógłbym książke napisać. Widzialem jak ludzi łamano. „Balandziorów" więzienni oficerowie operacyjni probują pozyskać do współpracy. Wiesz, wystarczy, że postraszą, że wyślą do łagru i już pękają. Mnie też podchodzili. Ale ja chce być czlowiekiem, a nie marionetką. Chce po wyjściu na wolność być wolnym człowiekiem a nie chodzić na smyczy jakiegoś oficera operacyjnego. Do mnie przychodzi jeden nasz – „balandzior". Na wolności był dyrektorem fabryki, no i mówi, że dostał propozycje współpracy, że ma podpisać zobowiązanie i t.d. Co ma robić? Ja mu tłumacze:„Jak podpiszesz to mogą ci to już na wolności wyciągnąć. Jeżeli tylko będziesz im potrzebny, a jak nie będziesz chciał nadal donosić to powiedzą twoim kompanionom, żeś agent". On mi dziękuje i nie podpisuje. Ale operacyjny dowiaduje się, że to ja mu poradzilem. To się na mnie uwziął, że mu pracować przeszkadzam no i na zamiatanie spacerniaków mnie postawił. Czyli z powrotem do czarnej pracy. Myślał,że pęknę. A ja nic. Jak zamiatać, to będę zamiatać. – opowiada żarliwie.

Rozmowa jest ciekawa. Mam jeszcze dużo pytań. Jednak drzwi się otwierają i nas obydwu prowadzą do celi. Ja siedzę w 63 on 45.

– Wiesz nie miej do mnie żalu. Ty nigdy nie byłeś wmontowany w system, nie byłeś jego częścią nie wiesz jak to jest kiedy stajesz się całkowicie ubezwłasnowolniony. Masz rozkaz i go wykonujesz. Tam nie miejsca na własne uczucia. Jak coś nie tak to oberwiesz. Pokazowo. By innym była nauczka – mówi mi żegnając się i rozumiem,że dotyczy to jego wizyty w moim mieszkaniu.

Od momentu jak trafiłem do więzienia chciałem go spotkać. Chciałem patrzeć mu w oczy i się śmiać.

– No panie „przyszła kryska na matyska"? Tak Łuce służyłeś, a i ciebie w końcu do więzienia wepchneli – chciałem mu powiedzieć.

A teraz było mi go szkoda. Zwłaszcza jak opowiadał, że piszę bajki dla swoich dzieci i wysyła je do domu, a żona czyta je później dzieciakom przed snem.

28 czerwca

Wystąpienie adokatów. Nie zostawiają suchej nitki na akcie oskarżenia. Każde działanie śledcze było przeprowadzona z proceduralnymi naruszeniami ograniczającymi moje prawo do obrony. Żądają uniewinnieia.

Sąd zaś znowu ogłasza się przerwę.

5 lipca

Z rana zabierają mnie do sądu. Po wyprowadzeniu pokazuje do zebranego tłumu tradycyjne „viktory", ale tym razem strażnicy reagują brutalnie. Kiedy już nikt z ludzi nie widzi wykręcają mi ręki do góry tak wysoko, aż nie mogę iść i przewracam.

– Co robiecie? Tak się wysłużyć chcecie? – wrzeszcze na nich i odrazu uprzedam, że złożeskargę. Oni zaś wrzeszczą na mnie, że gdybym się nie szrpał i nie podnosił rąk do góry to nie trzeba było by mi ich wykręcać.

Doprowadzają mnie na sale rozpraw. Informuje sędzie, jak mnie potraktowano i odmawiam się od ostatnigo słowa.

– W Biblii jest napisane:"Nie rzucajcie perły przed wieprze" więc i ja nic wam mówić nie będę – oznajmiam.

Sędzia ogłasza przerwę do 14.00 kiedy to ma być ogłoszony wyrok. W piwnicy jestem kilkanaście minut przetrzymywany z byłym oficerem operacyjnym MSW, który mówi mi, że jest sądzony za nadużycia finansowe. Oprócz niego jest też chłopak sądzony za rozprowadzanie narkotyków, sprawę ktorego prowadziło KGB.

– W sądzie rejonowym zawsze wyrok zapada po myśli KGB. Czasem udaje się go złagodzić w sądzie obwodowym, czyli po skardze – tłumaczy były milicjant dla dylera.

Okazuje się, że sprawę karną milicjanta prowadził ten sam śledczy KGB, który robił rewizje u mnie w domu.

– Cały czas mi mówił, a ja co, ja nic. Tu o wszystkim decyduje kierownictwo – wspomina milicjant.

Tak samotensledczy KGB tłumaczył się mi w trakcie rewizji.

Znowu ciekawy rozmówca, ale szybko zabierają mnie do samochodu więziennego i odstawiają do więzienia.

Zdążam zjeść obiad. I znowu do sądu. Kiedy prowadzą mnie przez więzienie podoficer, ktory wyprowadza więźniów na spacerniak przypadkowo spotkany po drodze się pyta mnie:

– No co Poczobut, dziś pójdziemy spacerować?

– Oczywiście pójdziemy – odpowiadam z uśmiechem.

Tak naprawdę chciał zapytać, jaki dostanę wyrok. Ale zapytał o spacer, gdyż on odbywa się w drugiej połowie dnia. Jak mnie zwolnią nie bedzie więc saceru. Ale ja w uwolnienie nie wierze.

Szybka rewizja i już jestem w samochdzie więziennym. Znowu sam. Doprowadzają mnie do sądu. Ląduje w maleńkiej celi w piwnicy. Spędzam tam około godziny. Czas ciągnie się niemiłoserdnie. Co parę minut ktoś zagląda do judasza. W głębi duszy iskrzy się nadzieja, że być może wypuszczą jednak z wszystkich sił odganiam ją od siebie.

– Pojedziesz do łagru. Bedzie konwój „stołypinem"a póżniej będzie łager. Tam tyle tematów, tyle losów. To bez wątpienia jest ciekawe – mówie do siebie.

Jednak tym razem psychoanaliza nie daje wyniku. Nadzieja odzyskać wolność sprawia, że serce wali jak dzwon.

W końcu prowadzą mnie na sale rozpraw. W drodzę widzę, że samochód więzienny nadal stoi na podworku przed sądem. Zapewne czeka na mnie. Wrowadzają skutego kajdankami na sale. Jest ona po raz pierwszy wypełniona. Jednak nie ma dziennikarzy. Widzę zaledwie kilka znajomych twarzy. Pozostali to albo przebrani milicjanci, albo członkowie prołukaszenkowskiej młodzieżówki BRSM. Żona pokazuje mi duże zdjęcie syna Jarosława. Urósł za te miesące tak, że mógł bym go nie poznać.

Sędzia odczytuje wyrok. Kiedy słyszę „w zawieszeniu na 2 lata" patrząc na żonę mówię jej, że zaraz opuszczę tą klatkę.

Sędzia uprzedza mnie, że jestem do uprawomocnienia wyroku mam zakaz opuszczania miejsca zamieszkania i w wypadku, żeli będę pociągnięty do odpowiedzialności administracyjnej to trafię do więzienia.

Klatka się otwiera i wychodzę. Obejmuje żonę. Razem wychodzimy z sądu. Na schodach na mnie czeka tłum dziennikarzy i koledzy ze Związku Polaków.Pokazuje im tradycyjne „viktory". Tym razem nikt nie wykręca mi rąk.

Grodno

**НАТАЛЛЯ РАДЗІНА / НАТАЛЬЯ РАДИНА /
NATALIA RADZINA**

Нарадзілася 3 траўня 1979 года ў г. Кобрыне (Брэсцкая вобласць). Скончыла факультэт журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Працавала ў беларускім незалежным друку – газетах «Имя», «Народная воля», «Новости», «Наша Свабода». Рэдактар сайта www.charter97.org – найбольш наведваемага апазіцыйнага інтэрнэт-рэсурсу ў Беларусі.

Арыштаваная ўначы з 19 на 20 снежня 2010 года ў рэдакцыйным офісе сайта www.charter97.org і змешчана пад варту ў следчы ізалятар КДБ Беларусі («амерыканка»). 28 студзеня 2011 года мера ўтрымання зменена на падпіску аб нявыездзе. З 29 студзеня знаходзілася ў бацькоўскім доме ў Кобрыне пад хатнім арыштам.

1 красавіка 2011 года патаемна з'ехала за мяжу. Атрымала статус палітэмігранта ў Літве. Крымінальная справа супраць Наталлі Радзінай прыпыненая.

Лаурэат прэміі Міжнароднага камітэта абароны журналістаў (2011).

Тэксты для Анталогіі прадстаўленыя аўтаркай.

She was born on May 3, 1979 in Kobrin (Brest region). She graduated from the Faculty of Journalism of the Belarusian State University.

She worked in the Belarusian independent press – the newspapers *Imia, Narodnaya Volya, Novosti, Nasha Svaboda*. The site editor www.charter97.org, the most visited opposition Internet resource in Belarus.

She was arrested on the night of December 19 to 20, 2010 in the editorial office of the website www.charter97.org and placed at the KGB detention center ("Americanka"). On January 28, 2011 the measure was changed on her own recognizance. Since January 29 she was under house arrest in her parents' house in Kobrin.

On April 1, 2011 she secretly went abroad. Natalia acquired the status of a political emigrant in Lithuania. The criminal case against Natalia Radzina was suspended.

Laureate of the International Committee for the Protection of Journalists (2011).

Texts for the Anthology were presented by the author.

ОБРАЩЕНИЕ К КГБ, ОАЦ И ПРОЧИМ «ЧИСТИЛЬЩИКАМ»

Вы сделали и продолжаете делать все, чтобы нас уничтожить. Но я уверяю вас, эту войну выиграем мы.

На протяжении всех 13 лет работы сайта мы сталкивались с постоянными трудностями. Наших журналистов арестовывали во время освещения демонстраций протеста, нам приходилось переезжать из одного офиса в другой, потому вы давили на людей, которые осмеливались нам сдавать помещения, мы первыми подвергались блокировкам и ддосатакам во время всех избирательных кампаний и крупных выступлений оппозиции.

В начале 2010 года вы объявили нам войну на уничтожение. В марте 2010 года вы ворвались вначале в арендуемый мной офис и, избив меня, вынесли всю технику. Потом начались бесконечные допросы по возбуждаемым одно за другим уголовным делам. Но это был не самый сильный удар. Очень болезненным было то, что вы начали кампанию травли и запугивания людей, которые сотрудничали с сайтом. В течение этого года мы потеряли многих сотрудников, больших профессионалов и хороших друзей, потому что они не выдерживали давления и постоянной угрозы оказаться за решеткой только за то, что они занимаются независимой журналистикой в нашей такой свободной и демократической, как вы уверяете, стране.

Но мы выжили. Вы не поверите, когда узнаете, за какой рекордно короткий срок мы смогли собрать необходимую для работы технику. Наши читатели мгновенно откликнулись на наш призыв о помощи и оказали нам огромную помощь, как техническую, так и финансовую.

И тогда вы решили нас убивать. Никто и никогда не заставит меня поверить в добровольный уход из жизни Олега Бебенина, которого я знала половину жизни. Я знаю, что это дело рук если не конкретно ваших, то других пригретых властями подонков, готовых выполнить любой приказ. И вы

меня утвердили в этой уверенности, когда я оказалась в застенках КГБ. Когда высокопоставленные чины на мои вопросы тупили глаза и говорили: «Ну, вы же знаете, что это не мы…», намекая на существование банды «отморозков», выполняющей приказы кого-то более всемогущего.

20 декабря 2010 года меня, редактора **charter97.org**, арестовали в 4 утра, раньше, чем многих политиков. Чтобы арестовать одну-единственную женщину, понадобилось шестеро бойцов в масках и с ломами, которыми вы начали громить железные двери раньше, чем я успела дойти до них. Вам нужно было заткнуть голос правды, вы хотели скрыть совершенные 19 декабря чудовищные преступления, но вам это не удалось. Потому что, слава Богу, в этой стране есть еще большое количество смелых, отважных журналистов, которые стали кричать на весь мир о происходящем.

Я помню, что в первые дни меня гораздо больше ареста волновало то, что сайт прекратил работу. И каким же было счастьем узнать, что спустя неделю благодаря моим героическим коллегам, которые смогли избежать ареста и уехать за границу, сайт снова заработал! Потому что этим они спасли не только сайт, в который я вложила 10 лет своей жизни, но доказали вам, что мы все равно сильнее и будем работать, несмотря ни на что.

У меня были худшие условия в тюрьме – без туалета, без спального места. Как и Андрей Санников, я спала в вашей тюрьме под нарами на деревянной доске. Ваши бесконечные допросы, длящиеся до полуночи, только убедили меня, насколько же вы боитесь и не уверены в своем завтрашнем дне, если задействуете для уничтожения одного-единственного журналиста такие силы.

За год вы изъяли у сайта charter97.org 19 компьютеров. Скажите только одно. Зачем вам понадобился 20-й компьютер моего 14-летнего племянника? Для ровного счета?

Сегодня я узнаю, через что пришлось пройти арестованным вместе со мной 19 декабря волонтерам. Их приговорили к 10–15 суткам ареста якобы за участие в акции 19 декабря, хотя никто из них не был на площади в тот день. Практически каждый день, когда они отсиживали свои сроки на Окре-

стина или в Жодинском СИЗО, у них выбивали показания против меня и вербововали. «Вербовка» предполагала рассказывать спецслужбам о каждом моем шаге. Однако и тут вам не повезло. Никто на это не согласился.

Спустя два месяца ссылки в Кобрине, где вы контролировали каждый мой шаг, угрожая арестом после каждой пришедшей вам не по нраву статьи, я уехала. Но не потому, что испугалась вас.

А потому что сайт charter97.org никогда не будет у вас в заложниках. Он должен писать правду и работать без оглядки на то, что его редактор находится под угрозой тюремного заключения.

Мое исчезновение вызывает много вопросов. Я не могу пока общаться с коллегами в силу разных причин. Не могу сказать, где нахожусь в настоящее время.

Но я работаю, как и работает вся наша команда. Потому что это команда не только профессионалов, но людей, которые готовы жертвовать своим личным благополучием ради изменения ситуации у себя на родине. Людей, которые были вынуждены бросить все, чем дорожили, готовых работать без денег, без ясных перспектив, без уверенности, что скоро смогут вернуться к нормальной жизни.

Это то, чего нет и никогда не будет у вас. Блокируя сегодня сайт charter97.org, подвергая его бесконечным ддос-атакам, вы ничего не добьетесь. Потому что, уверяю вас, деньги на ваши зарплаты у вашего хозяина скоро закончатся. А за вашу гнилую извращенную идею бесплатно вы работать не сможете.

КРУТОЙ МАРШРУТ

После вынужденного побега из Беларуси мой путь в Европу длился ровно 4 месяца.

Эти месяцы казались мне бесконечными, потому что нет ничего утомительнее ожидания, к тому же в условиях изоляции. Сразу приношу извинения за информацию, которая

появилась в первые дни после моего исчезновения, – о том, что я нахожусь в лагере для беженцев в одной из стран Евросоюза. Конечно, ни в каком лагере я не могла быть так долго, тем более не называя страну своего пребывания.

Такой длительный путь объясняется просто – после полутора месяцев в тюрьме КГБ мне не вернули паспорт. Хотя это совершенно незаконно – при освобождении под подписку о невыезде до суда обвиняемому обязаны вернуть его документы. Но белорусский КГБ, как известно, всегда плевал на законность.

Накануне моего вызова на допрос в Минск мне очень четко дали понять, что сайт charter97.org решено заткнуть раз и навсегда. После освобождения из СИЗО КГБ мне постоянно угрожали возвращением в камеру «американки», поскольку было очевидно, что арест и последующее давление не оказало на меня должного эффекта и сайт продолжал оставаться независимым. Моя «вина» к тому же усугублялась принадлежностью к команде кандидата в президенты Андрея Санникова. А с людьми, которые работали с этим кандидатом, как известно, режим Лукашенко расправился самым жестоким образом.

Собственно, сама тюрьма меня не очень-то и пугала. Страшнее было другое – совершенно ясно, что в Беларуси мне не дадут работать никоим образом. Это стало понятно еще в марте 2010 года, после разгрома офиса сайта и первого уголовного дела. Потом последовало второе, третье и, наконец, четвертое – за события 19 декабря 2010 года. Помню, как полковник КГБ грозил мне 5 годами тюрьмы только за публикацию призывов кандидатов в президенты мирно протестовать на площади против фальсификации итогов выборов. Отягчающим обстоятельством была, как он выразился, моя «отмороженность» – не хотела сотрудничать с так называемым следствием, проще говоря, «стучать» и писать прошения Лукашенко.

То, что они не оставят меня в покое, стало ясно и после выхода из тюрьмы, в ссылке в Кобрине. После каждой критической статьи в дом моих родителей приезжала милицейская машина и везла меня в местное отделение КГБ, где мне грозили немедленным возвращением на тюремные нары.

Так что, когда мне позвонил следователь и приказал явиться на допрос в Минск, думала я ровно полторы минуты. Это был шанс покинуть территорию Кобрина. Уведомив участкового милиционера, что я уезжаю на допрос в столицу, вечером 30 марта я села на поезд Брест–Минск. В час ночи я сошла на станции «Лунинец», где у поезда самое длительное время стоянки и пассажиры обычно выходят в буфет. На вокзале меня встретили друзья, и я уехала на машине в Москву. 1 апреля я уже была за пределами Беларуси и очень рада, что смогла таким образом поздравить белорусских чекистов с их профессиональным праздником.

Естественно, открыто объявиться в России я не могла. Белорусские власти тут же потребовали бы моей выдачи. Возможен был и другой, более неприятный вариант. Давно известно, как белорусские спецслужбы негласно работают на территории РФ. Отсутствие границ позволяет им похищать людей на улицах Москвы, оформляя задержание уже на территории Беларуси. Так, по информации правозащитников, произошло весной этого года с анархистом Игорем Олиневичем, которого позже приговорили к 8 годам лишения свободы.

В Москве сразу возникла проблема получения документов, поскольку я не могла легально покинуть территорию России.

Я обратилась за помощью в Управление верховного комиссариата ООН по делам беженцев в РФ. Прошла все необходимые формальные процедуры, и, поскольку мое дело было хорошо документировано, вопрос о моем переселении в третье государство был рассмотрен в приоритетном порядке. Хотя эти месяцы были для меня одними из самых трудных в жизни, грех жаловаться. Обычно такая процедура длится до двух лет.

О моем пребывании в России знали отдельные правозащитники и политики, которые оказывали мне всевозможную поддержку. Человеком, который мне больше всего помог непосредственно в Москве, была член Совета по правам человека при президенте РФ, председатель Комитета «Гражданское содействие» Светлана Ганнушкина. Возглавляемая Светланой Алексеевной организация, на мой взгляд, сегодня

является наиболее эффективной правозащитной структурой России. Она реально спасает людей. Это я видела, когда заходила в маленькой подвальчик на Долгоруковской, где располагается «Гражданское содействие». Огромное число беженцев из Афганистана, Таджикистана, Узбекистана и других неблагополучных стран идут за помощью именно туда. И хотя их в сотни раз больше, чем сотрудников этой правозащитной организации, каждому оказывается поддержка.

Я также благодарна за поддержку организации «Freedom House» и ее руководителю Дэвиду Креймеру, главному редактору российской «Новой газеты» Дмитрию Муратову, бывшему министру иностранных дел Словакии Павлу Демешу, сотруднику Немецкого фонда Маршалла Йоргу Форбригу, организации «Международная амнистия» и члену ее международного секретариата Фредерике Бир, депутату Европарламента Марилуизе Бек, Комитету защиты журналистов и координатору Европейской и Центрально-Азиатской программы Нине Огняновой и многим другим людям, фамилии которых я не могу назвать. Весь этот механизм помощи запустили мои друзья Наталья Коляда, Ирина Богданова, Николай Халезин, Ирина Красовская, Павел Селин, Федор Павлюченко и Павел Маринич.

Еще я благодарна российским властям за то, что, несмотря на «союзные» договоренности и сотрудничество спецслужб обеих стран, они меня не выдали Беларуси.

И очень признательна читателям сайта, которые оставались с нами все это тяжелое время. В условиях изоляции меня очень сильно поддерживали ваши комментарии.

Все эти 4 месяца я жила в квартире своих московских друзей, продолжала работать редактором сайта charter97.org и старалась не появляться в публичных местах.

После признания меня беженцем по линии ООН, первым государством, которое оказало мне международную поддержку, стали Нидерланды. 28 июля, после оформления проездных документов, я вылетела из Москвы в Амстердам. Я очень благодарна Нидерландам за свое спасение, но через три дня я уехала в Литву. После президентских выборов сайт charter97.org был зарегистрирован в этой стране, здесь на-

ходится мой коллектив, и полноценно выполнять свои функции редактора я могу сегодня только в Вильнюсе. 4 августа я попросила политического убежища в Литве.

За все эти месяцы я на своей шкуре испытала, что такое быть беженцем. И могу прямо сказать – завидовать нечему. Я никогда бы не уехала из Беларуси, если бы, как пел Высоцкий, не «обложили» со всех сторон. Поэтому пришлось отвечать, как я считаю нужным. Играть по правилам, которые сегодня установил в Беларуси КГБ, я не собираюсь. Затравленно мчаться на выстрел не в моем характере, и потому «попробовала через запрет».

Уверена, что на родину я вернусь очень скоро, и мой белорусский паспорт мне вернут новые демократические власти страны.

ТОТАЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

Уже 17 лет диктатор Лукашенко свободно торгует людьми в центре Европы, калеча их судьбы. Может, пора покончить с этим раз и навсегда?

И вот снова неслыханное «милосердие» КГБ и МВД. Вчера моих родителей уведомили о прекращении ***одного из*** возбужденных против меня на родине уголовных дел.

Бумажку принесли на дом. Даже не потребовалось идти на почту с удостоверяющим личность документом, как это обычно происходило каждый раз, когда мне приходила очередная отписка из силовых структур. Видно, очень торопились и решили обойтись без формальностей.

«Благая весть» пришла от капитана Дыщенко из Следственного управления предварительного расследования Главного управления внутренних дел Мингорисполкома.

«Уведомляем вас, что по уголовному делу номер 1001110362, возбужденному 20 декабря 2010 года по статье 293 УК по факту совершения массовых беспорядков уголовное преследование в отношении Радиной Н.В. постановлением

от 23 августа 2011 года прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления. Постановление о прекращении уголовного расследование может быть обжаловано прокурору Минска.

Старший следователь СУ ПР УВД Мингорисполкома капитан милиции Д.В. Дыщенко».

Благодарствую, капитан Дыщенко. Услышав по телефону от мамы этот текст, я на радостях готова была бежать к белорусской границе. Но вовремя вспомнила, что после полутора месяцев в тюрьме ваши коллеги из МВД и КГБ не вернули мне паспорт – родные пограничники могут и не признать. А потом позвонили юристы и охладили мой пыл.

Прекращение уголовного дела по статье 293 УК («массовые беспорядки»), сказали они, не означает отсутствие уголовного дела по статье 342 УК («участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок»). Как известно, против Дмитрия Бондаренко, Ирины Халип, Анастасии Положанко, Владимира Некляева, Андрея Дмитриева, Александра Федуты, Виталия Рымашевского, Сергея Возняка, Павла Северинца, Сергея Марцелева дело за «массовые беспорядки» тоже было прекращено, но потом возбуждено новое.

И Бондаренко сегодня рискует стать инвалидом в Могилевской колонии, Северинец грузит ящики на «химии», а все остальные получили условные или с отсрочкой сроки и находятся под строгим надзором и постоянным прессингом со стороны КГБ. О возбуждении же нового уголовного дела, сказала мне адвокат, уведомлять никто не будет. Приедешь – сама узнаешь.

У меня еще очень много вопросов к нынешним властям. Вот лишь некоторые из них.

Прекращены ли три уголовных дела, возбужденных в 2010 году по факту публикаций на сайте charter97.org?

Кто из КГБ и МВД извинится передо мной за избиение на площади во время освещения акции 19 декабря, проведенные в тюрьме КГБ полтора месяца в камере без туалета, где я зимой спала на досках на холодном полу, ночные допросы, давление, шантаж и угрозы? Может, сам председатель КГБ Зайцев, который угрожал кандидату в президенты Андрею

Санникову убийством его жены и сына? Или, может, тот самый полковник КГБ, который говорил, что я выйду из тюрьмы лет этак через пять и не смогу никогда иметь детей, потому как окончательно потеряю там здоровье?

Кто из КГБ и МВД извинится перед моей матерью, которая на больных ногах таскала мне в СИЗО тяжелые сумки с передачами, выплакала все слезы, посадила окончательно сердце, пока я сидела в тюрьме и в «ссылке» в ожидании суда и под строгим надзором?

Кто извинится перед моими родителями за учиненный в их доме обыск после моего отъезда и перед моим племянником, у которого отобрали компьютер и не вернули до сих пор? Перед всеми моими родственниками, которых таскали на допросы, пытаясь узнать, кто из них мог вывезти меня из страны?

Кто извинится перед волонтерами сайта charter97.org, которых арестовали в ночь на 20 декабря на 15 суток только за то, что они работали вместе со мной в редакции?

Когда вернут изъятые во время обысков у меня в квартире и в редакции сайта charter97.org в течение 2010 года 19 компьютеров?

И, наконец, сколько уголовных дел возбуждено, пока я работаю за границей? Сколько «светит» только за один заголовок «Пациент не пришел в сознание»? За то, что ваше зверство в отношении инакомыслящих мы называем зверством, пытки – пытками, Лукашенко – диктатором?

На сколько посадят за то, что я призываю Европу ввести против режима Лукашенко экономические санкции? Когда я вышла из тюрьмы, после первой же статьи с таким призывом за мной приехала милиция и отвезла в кобринский КГБ, где оперативник из Минска предупредил, что еще один призыв к санкциям – и айда обратно в тюрьму. Тогда я и получила свой «волчий билет» – запрет писать статьи, содержащие «оценочные суждения».

А сколько грозит за подтверждение того факта, что в тюрьме КГБ пытали людей? Конечно, сейчас военная прокуратура проводит «расследование». Но тем, кто давал показания о пытках, подсовывали бумагу с предупреждением

об уголовной ответственности за «заведомо ложный донос». Как абвер расследует пытки в гестапо – хорошо известно. И что, после окончания «следствия» все мы станем «заведомо ложными доносчиками»?

И, наконец, когда в КГБ и МВД проведут независимое расследование смерти моего коллеги, основателя сайта charter97.org Олега Бебенина и найдут того, кто его убил, сфальсифицировав улики под версию «самоубийство»?

Вопросов много – ответа, боюсь, не будет от этих людей и от этих властей.

Режим Лукашенко подыхает без денег и готов продавать нас снова и снова Западу.

Анатолий Лебедько вот очень обрадовался прекращению против него тоже ***одного из*** уголовных дел и даже назвал себя победителем. А я вот себя в этой ситуации чувствую не победителем, а живым товаром, который решили продать в обмен на западную благосклонность, выраженную в денежных знаках столь необходимых сегодня кредитов.

Надеюсь, Запад на это не купится, потому что в тюрьмах остаются десятки политзаключенных, в «деяниях» которых тоже не было никакого состава преступления! Только Андрей Санников, Дмитрий Бондаренко, Александр Отрощенков, Федор Мирзоянов, Никита Лиховид, Николай Статкевич, Илья Василевич, Дмитрий Усс, Андрей Протасеня, Дмитрий Дашкевич и многие другие продолжают оставаться в тюрьмах. Сегодня из них выбивают прошения о помиловании – чтобы тоже продать Западу, предварительно поставив на колени. А потом снова и снова арестовывать, потому что они так или иначе мешают диктатору усидеть на его троне.

Вот так евросоюзовские чиновники ходят с Лукашенко по кругу все 17 лет, забывая, что он самозванец, удерживающий власть вооруженным путем.

Кто даст гарантии, что, вернувшись на родину, я не буду снова арестована за работу редактором сайта charter97.org? Или не будут арестованы, вернувшись, мои коллеги и друзья Федор Павлюченко, Николай Халезин, Наталья Коляда, Павел Маринич, Евгений Афнагель, домой к которым приходили в ночь на 20 декабря с обысками? Которых искали все эти

месяцы спецслужбы, терроризируя их семьи? Против них возбуждены уголовные дела или закрыты?

Или нас пытаются заманить в Беларусь, как в советские времена заманивали эмигрантов, уверяя, что в «империи зла» полная свобода, и рисуя для Запада картину «Блудные критиканы осознали ошибку и возвращаются»?

В свое время большевики заманили в Советский Союз Максима Горького, уехавшего от них спокойно работать на Капри. После этого Горький очень быстро умер при невыясненных обстоятельствах. До самой смерти писатель находился под таким надзором НКВД, что даже большой друг СССР Луи Арагон не смог добиться с ним встречи.

Но мне больше нравится история с Иваном Буниным. Ему обещали, что в СССР будут встречать колокольным звоном. На что Бунин ответил: «У вас запрещен колокольный звон»…

ПОЧЕМ ГОЛОВА?

Процесс освобождения политзаключенных в Беларуси напоминает работорговлю.

Воскресенье 19 декабря 2010 года в Беларуси давно назвали «кровавым». В день президентских выборов в стране была жестоко разогнана мирная акция протеста против фальсификаций итогов голосования, арестовано более 1000 человек, в том числе практически все кандидаты в президенты, члены их команд, журналисты, правозащитники. Более 40 человек были осуждены к ограничению или лишению свободы, беспрецедентно большие тюремные сроки получили кандидаты в президенты и активисты их команд – от 2 до 6 лет.

Казалось, власть расправилась с инакомыслием в стране раз и навсегда. Тот, кто на свободе, – под «колпаком» КГБ, самые буйные – на нарах. Лукашенко может спокойно править свои следующие 5 лет.

Но править стало не на что. Выстроенная за 17 лет Лукашенко тоталитарная система грозит рухнуть из-за от-

сутствия денежных вливаний извне. США ввели жесткие экономические санкции. Евросоюз впервые не ограничился только визовыми запретами, введя точечные санкции против бизнес-окружения диктатора. Россия больше не намерена субсидировать режим по соседству даром и хочет скупить активы ведущих предприятий.

Сценарий, предложенный Россией, Лукашенко не устраивает. Потеря контроля над ведущими предприятиями грозит утратой не только экономической, но и политической власти.

В этой ситуации Лукашенко начал очередную игру с Западом, цель которой – обменять политических заключенных на кредиты европейских банков и Международного валютного фонда. Об этой торговле стало известно благодаря «утечке» информации, опубликованной агентством «Рейтер». Как оказалось, в августе Лукашенко тайно встретился с главой МИД Болгарии Николаем Младеновым. К болгарам белорусскому диктатору пришлось обратиться, поскольку в его грязной игре отказались участвовать Италия и Литва, на которых официальный Минск привык рассчитывать в прежние времена. Именно эти страны всегда выступали против введения в отношении белорусского режима экономических санкций.

И вот Младенову Лукашенко пообещал, что к середине октября освободит всех политзаключенных. Естественно, не бесплатно.

ГНУТ, ЛОМАЮТ, УГРОЖАЮТ

Двери тюрем пока открылись для 13 политзаключенных. Всё это – рядовые участники акции 19 декабря, осужденные к 3–4 годам тюрьмы. Освобождение каждого из них сопровождалось сообщением пресс-службы Лукашенко, в котором подчеркивалось, что все они написали прошения о помиловании «на имя президента».

Просто освободить ни в чем не повинных людей Лукашенко не позволяет паскудная натура. Ему нужно вначале

унизить «мятежников», раструбить на весь мир, что они его признают законно избранным президентом и молят о пощаде за то, что осмелились оспорить его легитимность.

Кто-то из освободившихся до сих пор отказывается общаться с прессой, кто-то рассказывает, как заставляли писать эти прошения. Происходило всё по одному сценарию. В колонии приезжал десант из сотрудников КГБ, который изо дня в день проводил «разъяснительные беседы». Давили, как правило, на то, как больны их родители, на то, что «вас уже все забыли, все газеты пишут только об арестованных кандидатах в президенты, а вы так – “пушечное мясо”». (Излюбленный прием КГБ. Это я слышала в СИЗО КГБ и, только выйдя на свободу, узнала о волне солидарности, прокатившейся по всему миру.)

Если человек упирался – запрещали свидания с родственниками, продуктовые передачи, не передавали писем, сажали в карцер. В конце концов некоторые ломались и писали прошения под диктовку чекистов.

«Не делайте из меня ни героя, ни предателя», – сказал один из недавно освободившихся – Андрей Протасеня. И никто не осуждает. В этой ситуации не сломаться может далеко не каждый – не нам заниматься морализаторством.

Освободившийся на днях рабочий Дмитрий Доронин сообщил журналистам, что прокурор еще во время судебного процесса «успокаивал» его: «Вы все – заложники. Понадобятся властям деньги – вас продадут…»

Вопрос в том, купится ли на такое «милосердие» со стороны Лукашенко Запад. Пока Евросоюз настаивает на освобождении всех, а не нескольких политзаключенных. Но как долго он будет придерживаться твердой позиции – неизвестно.

«Слышал чушь, что кто-то из западников поприветствовал такое освобождение. Людей гнут, ломают, угрожают им. А эти приветствуют. Недалекие смешные персонажи…» – горько заметил в своем последнем письме из тюрьмы руководитель избирательного штаба Андрея Санникова Дмитрий Бондаренко.

НЕСЛОМЛЕННЫЕ

Сломать удается не всех. Кандидаты в президенты и наиболее активные члены их избирательных штабов продолжают оставаться за решеткой. И над ними сегодня издеваются жестоко и изощренно.

Когда Дмитрий Усс отказался подписать подсунутую ему бумажку с прошением о помиловании, его долгосрочное свидание с женой «внезапно» было сокращено с трех до одного дня.

Восхищает своим мужеством 20-летний Никита Лиховид. Он отказывается признавать себя виновным и выполнять приказы администрации колонии. В итоге уже несколько месяцев после суда находится то в карцере, то в помещении камерного типа. Сильно исхудавший и страдающий от ряда заболеваний, он твердо стоит на своем: каяться не в чем.

Пресс-секретарь Андрея Санникова Александр Отрощенков отбывает 4 года колонии усиленного режима в Витебске. Мне посчастливилось переговорить с Сашей по телефону несколько минут. Политзаключенный позвонил своей жене из тюрьмы. Я по случайности оказалась рядом. «Прошений писать не буду. Настраиваюсь сидеть все 4 года», – твердо сказал журналист.

Кандидат в президенты офицер Николай Статкевич работает в Шкловской колонии на лесопилке. Администрация колонии следит за каждым его шагом. Негласно ограничивают его контакты не только с другими заключенными. Ему запрещена переписка с женой. Но политик ей все равно пишет. Тогда его личные письма зачитывают перед всем отрядом – зэкам на потеху…

Пока молодежный лидер Дмитрий Дашкевич сидит в тюрьме, умерла его мать – не выдержало сердце… Теперь сына ждет один отец в преклонном возрасте. За отказ «встать на путь исправления» за несколько месяцев в Горецкой колонии Дима уже 8 раз побывал в карцере. Недавно он рассказал адвокату, как над ним издеваются охран-

ники: заставляют по ночам стоять в коридоре, а утром, несмотря на то что он едва держится на ногах, отправляют на работы…

Не пишет прошений и Дмитрий Бондаренко – руководитель избирательной кампании Андрея Санникова. Во время заключения 47-летний политик перенес сложную нейрохирургическую операцию на позвоночнике. Вердикт медиков был однозначен: при отсутствии реабилитации он становится инвалидом.

Тем не менее уже через две недели после операции больного Бондаренко увезли на носилках обратно в следственный изолятор МВД, а оттуда – в тюрьму в Могилеве.

После операции Бондаренко не может сидеть и наклоняться. Это значит, что с 6 утра после команды «Подъем!» и до команды «Отбой!» в 22.00 он будет отбывать свое наказание только стоя. Притом что в эпикризе больного черным по белому написано: «В течение нескольких месяцев необходима реабилитация в виде массажа ног, лечебной физкультуры лежа и магнитотерапии»…

И помочь сегодня политзаключенному некому. Даже Красный Крест умыл руки, заявив, что «в МИД Беларуси сообщили, что больному оказывается всесторонняя медицинская помощь». С таким же успехом можно было бы спросить у Фиделя о самочувствии умирающих в его тюрьмах от голодовок диссидентов…

БЕЛОРУССКИЙ ВАЦЛАВ ГАВЕЛ

Когда журналистка Ирина Халип приехала на свидание в тюрьму к своему мужу, кандидату в президенты Андрею Санникову, – она его не узнала. 57-летний Санников обрился наголо, включая бороду, с которой ходил последние лет 40.

Интеллигент и дипломат в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла, занимавший должность замминистра иностранных дел Беларуси, работает на производстве гофро-картонных коробок. Производство вредное, Андрей Оле-

гович сильно кашляет. Но, по его словам, здесь кашляют все. Рядом с их бригадой варят мыло и производят полиэтилен…

Условия содержания в колонии суровые. В карцер можно попасть за случайно расстегнутую пуговицу на робе. Тем не менее заключенные называют Санникова не иначе как «Президент». Они благодарны ему за пункт в избирательной программе – «пересмотреть дела всех незаконно осужденных». Таких сегодня в белорусских тюрьмах большинство.

С Санниковым Лукашенко расправился жестче всего. По свидетельству независимых наблюдателей и правозащитников, на тех избирательных участках, где не удалось допустить фальсификацию выборов, безусловно и с большим отрывом побеждал именно он.

Еще в СИЗО КГБ над кандидатом издевались бойцы неизвестного спецподразделения в масках, вооруженные дубинками и электрошокерами. На протяжении всего периода допросов Санникова помещали в камеру без места, где он спал на полу под нарами, подвергали унизительным обыскам, заставляя раздеваться донага, ставили на растяжку, выкручивали руки наручниками, били по ногам дубинками. Его шантажировали женой – известной журналисткой, арестованной вместе с ним, угрожали отдать трехлетнего сына в детдом.

Но Санников не сломался, не написал покаянных писем. Из заключения он продолжает настойчиво требовать проведения новых президентских выборов без участия Лукашенко и на демократических принципах.

«Переговоры с Лукашенко возможны только по одному вопросу – передачи власти», – написал он на днях из тюрьмы.

РАЗОРВАТЬ ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Сегодняшняя ситуация в Беларуси повторяет события 2008 года. Тогда, после введения санкций со стороны Евросоюза и США и ухудшения экономической ситуации, Лукашенко стал освобождать политзаключенных, аресто-

ванных во время и после президентских выборов 2006 года. В итоге в начале 2009-го диктатура получила кредит МВФ, который спас ее от дефолта. В течение почти двух лет Запад пытался перевоспитать белорусского диктатора, приглашая его на всевозможные саммиты, а руководство Европейского союза не гнушалось жать руку «последнему диктатору Европы».

После «кровавого воскресенья» 19 декабря ситуация развивается как по нотам. В условиях экономического кризиса Лукашенко снова выставляет на торги политзаключенных.

Самое важное сегодня – не дать диктатору доиграть его партию до конца. Если после освобождения узников совести он снова будет вхож в кабинеты Брюсселя, это будет означать одно: белорусы остаются его заложниками до следующих президентских выборов. А потом – по новой…

БЕЛАРУСЬ ЖИВА

2011 год был тяжелым. Было много потерь и разочарований. Но имеем ли мы право сдаваться?

Засыпая 31 декабря 2010 года после отбоя в 22.00 в камере СИЗО КГБ, я не пожелала себе в будущем году свободы. Не было сил даже на надежду. Была только тупая, равнодушная усталость, вызванная унижениями и полной изоляцией.

Спустя несколько дней, когда заключенных вывели на прогулку, я услышала по радио из-за крошечного окна под потолком песню Лявона Вольского «Абсент». Уцепилась руками за решетку и буквально повисла на ней, вслушиваясь в каждое слово. В голове билась только одна мысль: Беларусь жива! Несмотря на страшные события 19 декабря, массовые репрессии, аресты, обыски...

То, что Беларусь жива, я поняла и в первые минуты на свободе. Когда меня встретили друзья и коллеги-журналисты с цветами, когда привезший их таксист крикнул из окна: «Спасибо за то, что вы делаете!»

Потом я узнала, как много было сделано для политзаключенных. Как, несмотря на страх, организовывались целые пункты приема помощи для тех, кто оказался за решеткой, как люди толпами шли туда и несли деньги, вещи, продукты. Как правозащитники в режиме нон-стоп оказывали юридическую и финансовую помощь всем, кто попал под каток репрессий. Как журналисты, которых били, сажали и у которых конфисковывали технику, продолжали оповещать мир о происходящем. Как к тюрьме КГБ выходили простые минчане, чтобы зажечь свечу солидарности с теми, кого там пытаются похоронить заживо.

И вся преступная, кровавая, но трусливая система не могла подавить этой волны солидарности, этого желания спасти и помочь. «Чем могу…» – эти слова я услышала в ответ на мою благодарность за быстрый обмен книг в СИЗО даже от одного из «вертухаев».

И мы были не одни в своей попытке выжить и выстоять любой ценой в том кошмаре, в который превратили нашу жизнь власти. Весь мир был солидарен с нами как никогда. Президенты, правительства, парламенты, правозащитники и простые граждане всего мира протестовали против произвола и беззакония лукашенковской хунты.

Мы быстро отошли от шока и снова подняли голову. Стали молча выходить на площади, блокировать автомобилями центральные магистрали, устраивать стихийные акции и забастовки, заставив власти содрогнуться.

Мы зря упрекаем себя в излишней толерантности, трусости и «памяркоўнасці». В Литве люди тоже ругают власть, особенно таксисты. И меня потрясло, когда недавно один из них сказал: «Мы не можем подняться, как белорусы. Вот они молодцы!»

Да, по нам снова проехался каток, снова были репрессии, аресты и новые политзаключенные… Но этот год дал многое. Мы стали сильнее. Мы поняли, что наше стремление к свободе не смогут подавить никакие карательные акции режима.

Мы узнали, кто наши лидеры. Это те, кто продолжает страдать за нас в тюрьмах: Андрей Санников, Николай Статкевич, Дмитрий Бондаренко, Дмитрий Дашкевич. Мы поня-

ли, как много у нас героев – это те, кто прошел через тюрьмы, но выстоял, не изменил своим принципам и не сломался.

Пока люди давились в обменниках и очередях за дешевыми продуктами, у них не осталось иллюзий по поводу колхозного режима. Банкрот и попрошайка довел народ до нищеты и сегодня готов продать страну, только бы удержаться у власти. Но будущего у него нет. Как нет его у нас, если мы не сломаем его шкурные планы.

Не осталось в этом году иллюзий и у тех европейских политиков, которые еще год назад пытались купить у Лукашенко хоть какие-то политические послабления. Стало ясно, что выкурить его из Дроздов можно только силой и экономическим давлением. И сегодня голоса в поддержку экономических санкций против режима Лукашенко звучат все громче и настойчивее, заставляя европейских циников нервничать и оправдываться, почему они до сих пор спонсируют диктатуру.

И как бы нам ни было тяжело, мы должны знать, что история и Бог на нашей стороне. Что пока в тюрьмах остаются политзаключенные, мы не должны впадать в отчаяние и опускать руки. Это они, брошенные за решетку, каждый день унижаемые и подвергаемые пыткам, имеют право на отчаяние. Но не мы, кто на свободе.

Не надо ждать сценариев извне для того, чтобы произошли перемены. Нужно создавать свой. 2011 год был богат примерами того, как люди сбрасывали ярмо диктатур, которые правили ими десятилетиями.

Не надо демонизировать Лукашенко. Он труслив, как трусливы были Каддафи, Мубарак, Гбагбо и Бен Али. Никого из них не спасли ни ОМОН, ни спецназ, ни армия, когда люди, поверившие в свои силы, взяли судьбу в свои руки.

Сделать это, я уверена, смогут и белорусы.

БЫТЬ ЛЮДЬМИ

Самое страшное, что на 18-м году диктатуры политзаключенные превратились для нас в инфоповод или предмет торговли, но перестали быть живыми людьми.

Удивительно, но только Дмитрий Дашкевич, вот уже более года находящийся в нечеловеческих условиях тюрьмы, сам подвергающийся пыткам, смог найти в себе нравственные силы, чтобы абсолютно точно понять, что случилось с Андреем Санниковым.

«*Подписав прошение о помиловании, Санников сделал единственно правильный и возможный поступок в той ситуации, в которой он находится. При всем моем уважении к Уссу и другим мужественным людям, которые пострадали от преследования за «выборы»-2010, они не испытали и 1/10 части того насилия, физического и морального издевательства, которые испытал Андрей Олегович. Вдобавок ко всему этому существует реальная угроза жизни и здоровью его семьи. При таких обстоятельствах любой был бы обязан всеми мыслимыми средствами защищать своих родных.*

И если бы ко мне пришел кто-то и прямо или намеками угрожал любимым людям – я бы подписал все, что угодно, в том числе и про ведро с крысами, и про вагон с арматурой. В Беларуси нет политика, который прошел бы через то, через что прошел Санников, и соответственно нет ни одного человека, который имел бы хотя бы минимальное право его осуждать», – написал из Глубокской колонии Дмитрий Дашкевич.

Да, в первые дни после пресс-конференции Ирины Халип большинство людей поддержали Санникова. Но нашлось несколько дураков или максималистов (по диагнозу психиатра Щигельского), у которых, несмотря на свой тюремный опыт, не хватило даже фантазии представить, каким издевательствам подвергаются их товарищи. А независимые СМИ, радостно потирая руки, стали дарить им информационные площадки, организовывать онлайн-конференции, чтобы те смогли поупражняться в пустом и неуместном морализатор-

стве. И вот сегодня мы видим заголовки «Дашкевич оправдывает Санникова».

Оправдывает перед кем? Перед теми, из-за кого Санников, Бондаренко, Беляцкий, Дашкевич, Статкевич и Лобов продолжают сидеть в тюрьмах? Перед нами – сидящими сегодня за компьютером в своих теплых квартирах и офисах и читающими эти строки, попивая кофе?

Да, нам трудно представить себя на месте человека, которого семь раз перебрасывали из одной тюрьмы в другую, под лай собак и щелканье прикладов вооруженной охраны, который больше года живет в скотских условиях, подвергаясь физическим и психологическим пыткам, которого вначале избивали в СИЗО КГБ, затем травили в «пресс-хатах» ходящие под администрацией зэки, а затем больше трех месяцев держали в камере-одиночке, когда он не мог получить ни весточки от семьи и не знал, живы ли его близкие. А потом к нему приходят люди в штатском и очень убедительно объясняют, что жизнь его жены и сына в их руках. И в это легко поверить, потому что именно так и есть – жена сама осуждена и каждый день в дом, где она одна с маленьким сыном, приходят те самые люди в штатском.

Я не знаю, что это: чёрствость, короткая память, усталость от 18 лет стагнации или нездоровый цинизм. Но прошло несколько недель, и мы читаем глубокомысленные заявления политологов, «анализирующих» очередные пустопорожние обещания, какие-то предчувствия и смутные ощущения очередного европереговорщика, который, поговорив с какой-то «шестеркой» из МИДа, сделал вывод, что вот-вот власти кого-то отпустят. И, конечно же, читаем мы, «это будет Санников и Бондаренко, потому что они написали прошение о помиловании». И ни слова – под каким давлением, из-за каких издевательств и ценой какого страшного выбора.

И мы не бьем в колокола, хотя и Дмитрий Дашкевич, и Николай Статкевич подтвердили: даже им, испытавшим страшное, к счастью, не пришлось пройти через то, через что прошел Санников. И нас почему-то не сильно беспокоит, почему Санников по-прежнему не может звонить из колонии,

почему от него нет писем и он по-прежнему не может рассказать адвокату, что с ним на самом деле происходит.

Вместо этого мы устраиваем дискуссии: а стоило ли Санникову писать прошение? Почему бы всем этим людям не организовать дискуссию на тему: почему в современной Беларуси человека пытают в тюрьме и угрожают здоровью и жизни его жены и сына? Мне кажется, это более правильная постановка вопроса. Но нам же не нужна такая дискуссия, мы к этому уже привыкли. Нам нужны громкие заголовки и «жареные» факты.

Поэтому мы читаем, что для введения международных санкций в отношении Беларуси нет оснований. Некие люди и непонятные структуры вдруг решают, что вправе распоряжаться судьбами политзаключенных, и пытаются их продавать Западу в обмен на поблажки для преступников, захвативших власть и попирающих законы человеческие и Божьи. А на тех, кто их пытается приструнить и не дать повторить те самые ошибки, которые и привели к долгим годам диктатуры, – можно подать в суд. Предлагаю сразу – в лукашенковский: уж он-то точно вынесет решение в вашу пользу.

Я очень хочу, чтобы все политзаключенные как можно скорее вышли на свободу, чтобы Гуннар Виганд с его предчувствиями не оказался очередным болгарским министром иностранных дел, успокаивающим Запад, что «вот-вот» Лукашенко сжалится и всех отпустит. Но важно понять: пока мы ждем, недоговариваем, дискутируем, морализаторствуем, торгуемся, отказываемся от действенных санкций, политзаключенные продолжают гнить в тюрьмах.

Нельзя привыкать к тому кошмару, в который превратилась наша жизнь. Живя с чудовищами, мы сами легко и незаметно можем в них превратиться. А наша задача – не только выжить и выстоять любой ценой, но и остаться людьми. Не только журналистами, политиками и политологами, но – людьми.

ПРОШЕНИЕ ИЛИ ПОМИЛОВАНИЕ?

Лукашенко может помиловать всех политзаключенных хоть сегодня, но предпочитает врать, что это невозможно сделать без прошений.

«И те, кто там остался и не написал это обращение на имя президента, они будут сидеть. Вот и все давление. Никто на меня здесь не надавит», – заявил Александр Лукашенко журналистам 21 апреля.

Со стороны диктатора сегодня происходит обычный торг людьми – циничный и бесчеловечный. Вначале было выбито прошение у Андрея Санникова. Со своим самым сильным соперником диктатор расправлялся самым жестоким образом. Его пытали в тюрьме КГБ, потом подвергали издевательским этапам из одной колонии в другую, держали в изоляции, шантажировали. Перенесший в заключении операцию на позвоночник Дмитрий Бондаренко был вынужден написать прошение, потому что понимал: еще немного – и он окончательно потеряет возможность ходить.

Андрей Санников и Дмитрий Бондаренко сегодня не в тюрьме, введение дальнейших санкций со стороны Запада приостановлено. Но могут ли оппозиционные политики считаться свободными, если уже через 5 дней после освобождения прозвучал озлобленный окрик: «Два часа – и они в колонии»?

Остальные политзаключенные сегодня подвергаются в тюрьмах сильнейшему прессингу. Из скупых строчек их тюремных писем стало известно, что каждого из них сегодня пытаются заставить написать прошения на имя Лукашенко. Николай Статкевич переведен в крытую тюрьму с гораздо более жестоким режимом отбывания наказания и провел два месяца в камере с больным туберкулезом. Стремительно теряющего зрение Алеся Беляцкого держат в информационной изоляции. Находящегося на грани жизни и смерти после длительной голодовки Сергея Коваленко закрывают в «психушке». Дмитрий Дашкевич подвергается беспрецедентному давлению. Николая Дедка перебросили из Могилевской

колонии в Шкловскую, лишили свиданий, передач, бросили в ШИЗО на пять суток. Александра Францкевича также лишили долгосрочного свидания с родственниками. Павел Северинец лишился права на УДО. У Николая Автуховича серьезные проблемы со здоровьем.

Что происходит с теми, кто якобы на свободе? За Павлом Виноградовым установлен превентивный надзор. Александру Отрощенкову запрещено выезжать из страны. Ирина Халип и Владимир Некляев не могут выходить по вечерам из дому. Против Василия Парфенкова возбуждено еще одно уголовное дело. Александра Молчанова уже приговорили к полутора годам лишения свободы.

Цель у диктатора одна – окончательно уничтожить оппозицию. Тех, кто в тюрьме, – сломать, тех кто на свободе, – связать по рукам и ногам и заткнуть рот. При этом попытаться ускользнуть от санкций, обещая, что, может быть, он освободит заключенных летом по амнистии.

Не надо испытывать излишнего оптимизма по этому поводу. Даже по формальным признакам, в силу вмененных статей и вынесенных сроков, политзаключенные не подпадают под амнистию. При этом обратите внимание: Лукашенко не сказал, что освободит политических узников. Наоборот, он подчеркнул, что будут амнистированы «нормальные» заключенные.

К тому же что мешает Лукашенко отпустить людей сегодня, а не через несколько месяцев?

В Уголовном кодексе Республики Беларусь сказано, что глава государства имеет право на помилование заключенных. В УК ни слова не говорится о том, что заключенные предварительно обязаны просить о помиловании. Сам порядок помилования определен иными нормативными актами, но поскольку Уголовный кодекс имеет большую силу, то, по закону, правитель может освободить людей из тюрьмы, не требуя от них никаких «челобитных».

Более того, с просьбой помиловать политзаключенных к Лукашенко уже обращались многие известные люди, в том числе Рыгор Бородулин, Виктор Дашук, Зинаида Бондаренко, Радим Горецкий, Леонид Лыч, рядовые граждане, верующие.

Во всех указах о помиловании говорится, что оно должно происходить из соображений гуманности. А какая гуманность в том, как сейчас измываются над политзаключенными? Их жизни и здоровью грозит реальная опасность.

Сегодня Лукашенко тянет время, пытаясь обмануть Евросоюз, заставить его не вводить санкции и надеясь, что в мае ему позволят провести Чемпионат мира по хоккею. Только потому что он (может быть!) освободит политзаключенных в будущем. То есть диктатор снова ставит условия Европе: не злите меня, не вводите санкции, дайте еще поизмываться над людьми, сломать их, уничтожить морально и физически.

Но у политзаключенных, которые сегодня остаются в тюрьмах, нет времени. Сегодня для многих из них дорога каждая минута. Потому что каждый день, каждый час, каждую минуту они подвергаются страданиям и унижениям. И мы не можем просто ждать и наблюдать за тем, как их медленно убивают за толстыми тюремными стенами.

ЭТО ВОЙНА

Арест Анджея Почобута вызвал много вопросов: к власти, к идущим на «выборы» политикам, к Западу.

Говорят, снаряд не падает в одну воронку дважды. Не в случае с белорусскими журналистами. Анджей Почобут, уже и без того отбывающий три года лишения свободы с отсрочкой, снова арестован. И, казалось бы, можно уже привыкнуть, что в Беларуси любой человек в любой момент может быть арестован по самым абсурдным обвинениям. Но все равно ужасно тяжело осознавать, что вчера ты спокойно общался с человеком, а сегодня его уже увезли в тюрьму.

Известного журналиста уже в который раз обвиняют в клевете на Лукашенко. На этот раз в статьях на сайте charter97.org. В официальном заявлении по этому поводу сообщается, что «согласно заключениям экспертов в представленных публикациях содержатся слова, фразы и выражения, употреблявшиеся в отношении Президента Республики Бе-

ларусь, которые относятся к клевете и дискредитируют Республику Беларусь».

Больше, чем Лукашенко, страну дискредитировать никто не может. И дискредитирует он ее каждый день на протяжении почти 20 лет своего бездарного и кровавого правления: убийствами оппонентов, фальсификациями выборов, арестами инакомыслящих, подавлением любых акций протеста, оскорбительными и похабными высказываниями в адрес европейских политиков. Список можно продолжать до бесконечности. А уж «оклеветать» этого маньяка у власти может каждый. Даже дети, еще не изведавшие всех прелестей жизни при лукашизме, спрашивают: «Дядя, ты дурак?»...

И это не просто попытка окончательно запугать независимых журналистов, чтобы у них непроизвольно дрожали руки, каждый раз выписывая по буквам «Л-у-к-а-ш-е-н-к-о».

Анджея Почобута арестовали через два дня после объявления даты «парламентских выборов». В 2010 году основателя charter97.org Олега Бебенина убили за три дня до объявления даты «президентских выборов». Уже тогда стало ясно, что никаких выборов в стране не будет. Смерть Олега была предупреждением всем нам – за посягательство на трон будут разбираться жестко и даже не по понятиям.

Арест Почобута – это тоже сигнал. Никто не верит, что «выборы» могут пройти свободно. Не было этого 20 лет и не будет при Лукашенко. Но как сегодня выглядят те, кто участвует в этом фарсе, несмотря на то что из тюрем не только не освободили политзаключенных, но и начинают сажать за решетку новых неугодных?

И не надо рассказывать, что вы будете «работать с избирателями». Я долго пыталась представить этот обход «от двери к двери». «Здравствуйте! Я ваш кандидат. Проголосуйте за меня. У власти диктатор, а я вот демократ, хочу изменить вашу жизнь к лучшему». Сразу вопрос: как ты что-то изменишь, если у власти диктатор?

Или приходит, например, кандидат от ОГП: «Здравствуйте. Я ваш кандидат. Вот моя программа, ознакомьтесь. Но вы за меня не голосуйте и на выборы не ходите». Тут уж вообще бригаду психиатрической помощи можно вызывать.

Зато своим «хождением по выборам» эти политики создают видимость того, что в Беларуси возможна политическая жизнь. Невозможна!

Если журналистов продолжают бросать в тюрьмы, если политзаключенных приказано сломать или похоронить заживо, если за участие в мирной акции протеста скоро будут привлекать по статье «терроризм», если вы, уважаемые лидеры партий, приезжая окольными путями через Россию за границу, боитесь даже заикнуться о необходимости ужесточения санкций против диктатуры и отмены Чемпионата мира по хоккею в Минске – о какой политической жизни может идти речь?! Может, пора быть честными с самими собой и прекратить преступно обманывать мир, раздувая щеки от важности и пытаясь придать себе несуществующего политического веса?

И последний вопрос. Чего ждали европейские политики, притормаживая введение санкций в отношений режима Лукашенко? Появления новых политзаключенных? Тогда поздравляю – дождались.

Думать, что введением визовых ограничений и санкций против трех «кошельков» Лукашенко можно напугать диктатора – смешно и несолидно. Считать, что освобождение Андрея Санникова и Дмитрия Бондаренко стало уступкой в ответ на эти санкции – еще более смешно и несолидно. Эти политики вышли на свободу только потому, что в результате чудовищного давления из них были выбиты прошения о помиловании. И сегодня они заложники, которые «через два часа могут опять оказаться в колонии».

Нельзя терять еще полтора года, как после событий 19 декабря. Из-за нерешительности Евросоюза людей до сих пор продолжают гноить в тюрьмах и ломать их судьбы. Жестокий и беспринципный диктатор понимает только ***реальную*** силу.

Надо бить по Лукашенко, его «семье» и его бизнесу быстро и не промазывая.

ПЫТКИ В «ШТАЗИ» И КГБ

Методы давления на женщин в тюрьмах ГДР и Беларуси – одинаковы.

Недавно радио «Свобода» рассказало историю Эды Шонгерц – популярной немецкой телеведущей, которая с 1974 по 1977 год была заключенной тюрьмы «Штази».

В этой истории меня больше всего потрясло, насколько одинаковы методы пыток в отношении женщин в Министерстве государственной безопасности ГДР 40 лет назад и Комитета государственной безопасности Беларуси сегодня.

И тем страннее и страшнее для меня знать, что накануне «кровавого» 19 декабря 2010 года белорусские каратели проходили обучение в Германии. В по-настоящему демократической, а не в ГДР 70-х годов прошлого века.

Читая книгу Михаила Ходорковского «Тюрьма и воля», заметила парадокс: чем тяжелее приходилось переживать заключение, тем менее эмоционально ты это описываешь. Видимо, все спрятано настолько глубоко, что на бумаге ты можешь передавать только факты.

В этой статье тоже только сравнительный анализ пыток.

Тюрьма «Штази». «Отношение к нам было ужасное. Мы были врагами, поэтому к нам относились не как к людям. В тюрьме у меня прекратились месячные. Цикл восстановился после освобождения, да и то не сразу».

Тюрьма КГБ. Начальник следственного изолятора КГБ Беларуси полковник Александр Орлов на ночном допросе, требуя от меня «признательных» показаний, заявил: «Ты выйдешь на свободу не раньше, чем через 5 лет. И я тебе обещаю – детей после этого ты иметь не сможешь».

И он, действительно, делал все, чтобы у меня не было детей. Первым делом приказал бросить в камеру без туалета и спального места. В январе в холодной камере приходилось спать на досках на каменном полу. В туалет выводили днем под конвоем раз в три-четыре часа. С 22 вечера до 6 утра, во время отбоя, – ни разу.

Я перестала пить воду. Позволяла себе выпить в день одну-две маленьких кружки чая, чтобы согреться. Но все равно тело разрывало от боли. Казалось, мочевой пузырь лопнет. Иногда ночью просто не могла лежать: садилась и раскачивалась, как безумная, из стороны в сторону. За этим тут же следовал злобный окрик охранника, который следил за нами круглосуточно, чтобы немедленно ложилась, потому что сидеть во время отбоя запрещено.

В итоге боли стали хроническими. Тюремный врач, осмотрев меня, велел медсестре писать заявление на имя начальника тюрьмы с требованием выводить мою камеру в туалет чаще. Помню, как он прошептал ей: «Если они не прекратят, последствия для организма будут такими, что они пожалеют...».

Выводить стали раз в два-три часа. Ночью действовал прежний режим.

Тюрьма «Штази». «Мы должны были раздеваться перед женщиной в погонах и класть свои прокладки на стол. Пока она шарила и рассматривала все эти тампоны, мы стояли голыми. Потом женщина надевала перчатки и осматривала каждое отверстие на моем теле. Это был шок».

Тюрьма КГБ. Женщин-надзирательниц в тюрьме КГБ не было вообще. Нас, узниц СИЗО, «охраняли» только мужчины – преимущественно в черных масках, вооруженные дубинками и электрошокерами. Вели они себя развязно, орали, оскорбляли нас.

Помню, как в первые дни испытала настоящий шок, когда меня даже не повела, а буквально погнала, как скотину, на допрос одна из таких «масок». Гориллоподобный охранник командовал бежать по крутой лестнице с очень узкими ступенями «лицом вниз, руки за спину». Спотыкаясь, едва не падая, с застилающими глаза слезами я бежала по этой лестнице и ничего не видела.

В душ, который позволяли принимать раз в неделю, нас водила женщина, работающая контролером и по совместительству – в тюремной канцелярии и библиотеке. Когда она ушла на бюллетень, водить в «баню» стали те же охранники в черных масках. Дверь в душевую была с окошком, закрывать которое не полагалось. Пока мы пытались успеть помыться

в выделенный короткий лимит времени, под этим окошком собиралась вся смена. Чувствовала я себя после этого душа грязной и словно оплеванной. В глазок туалета за женщинами тоже следили охранники-мужчины.

Вода из умывальника в камере текла только холодная. Совершать необходимые гигиенические процедуры было крайне тяжело. Кипятильники выдавали утром и вечером всего на час. За это время надо было успеть нагреть для всех женщин в камере несколько кувшинов воды. Посудины были маленького объема и успевали нагреть только по одному на человека.

Надзор за сидящими в камере был круглосуточным – охранники (напоминаю, что это были только мужчины) наблюдали за нами через специальный «глазок» постоянно, делая перерывы не более 5 минут. Чтобы помыться, мы закрывали часть камеры простыней. Иногда они это терпели, иногда требовали убрать простыню, потому что она «закрывает обзор».

Раз в месяц в тюрьму приходил прокурор. Его проверки были не более чем показательным шоу. Жаловаться ему было бессмысленно – никаких мер реагирования прокуратура не принимала. Зато мгновенно реагировала тюремная администрация. После жалобы одного заключенного большинству камер, включая нашу, запретили лежать днем.

Сидеть с 6 утра до 22 вечера на железных нарах невероятно тяжело – болит спина. Если не вызывают на допросы и устал читать – клонит в сон. Опираться на холодные стены было чревато новыми простудами. Так и сидели, оперевшись друг на друга, пока не спустили милостивое разрешение: можно ложиться.

Тюрьма «Штази». «Различных психологических пыток было много. Идея была в том, чтобы сломать человека. Например, ты ничего не знаешь о своих близких, а тебе говорят: ваш муж передает вам привет и говорит, что у него теперь другая женщина и он прекращает отношения с вами. Ты в полной изоляции, и единственный человек, от которого ты слышишь о доме, – это следователь. Я была близка к сумасшествию».

Тюрьма КГБ. Нас содержали в такой же полной информационной блокаде. Ни писем от родных и близких, ни даже

газет (телевизоры из всех камер вынесли в первые же дни нашего ареста).

За себя я не боялась, что будет со мной – мало волновало. Больше всего переживала за то, как мой арест восприняли пожилые уже родители. Мама, чье сердце интуитивно чувствовало беду, приехала ко мне в Минск за два дня до президентских выборов. Это позволило ей с первого дня буквально штурмовать СИЗО КГБ и требовать приема передач. Отец за это время еще больше постарел. На публичность, в отличие от мамы, у него уже сил не хватило – все переживал в себе, дома, в Кобрине.

За хрупкое мамино здоровье я боялась всю жизнь, с самого детства. Она перенесла несколько операций, страдает хроническими заболеваниями. Это хорошо знали в КГБ. Начальник тюрьмы с явным удовольствием мне повторял: «Вот выйдете через 5 лет, а ваша мать умрет. Она и так еле на ногах стоит, когда приносит вам передачи».

От мыслей, как страдают самые родные тебе люди, действительно можно было сойти с ума...

Тюрьма «Штази». «Ночные допросы часто сопровождались угрозами и физическим насилием».

Тюрьма КГБ. Допросы в тюрьме после отбоя запрещены законодательством. Тем не менее в СИЗО КГБ меня поднимали с деревянного настила и после 22 часов. Приходилось быстро одеваться и идти.

На такой допрос меня вызвал нынешний министр внутренних дел Игорь Шуневич, тогда – начальник управления КГБ по борьбе с коррупцией и организованной преступностью.

Меня и так изматывали дневными допросами, которые длились по нескольку часов и практически всегда без адвоката. Иногда таких допросов было по 3–4 в день (у следователя, оперативника и начальника тюрьмы) и тогда приходилось пропускать обед и ужин.

К вечеру силы были уже на нуле, потому что на допросах приходилось концентрировать все свое внимание, чтобы не навредить ни одним неосторожным словом другим политзаключенным. Поэтому расчет тех, кто вызывал нас

на ночные допросы, был добить и сломать измотанного человека.

К мужчинам, как мы узнали позже, кроме психологического применяли еще и физическое насилие. Эти факты уже изложили бывшие политзаключенные Андрей Санников, Алесь Михалевич, Дмитрий Бондаренко, Александр Отрощенков и другие.

Многое, я думаю, мы узнаем, когда выйдет Николай Статкевич. Несколько дней я находилась с ним в соседних камерах. Из-за его надрывного кашля ночью нельзя было уснуть: приступы были сильнейшие, и слышно было даже через толстые тюремные стены.

Тюрьма «Штази». «Людей лишали сна, заставляли стоять, сутками не выключали свет. Не выдавали одеял, и зимой они мучились от холода».

Тюрьма КГБ. Свет в камерах горел круглосуточно. Закрывать лицо платком или одеялом, чтобы яркая лампочка не светила прямо в глаза, было запрещено. Если мы это делали, могли заглянуть в камеру и приказать открыть лицо.

Когда мы с Ириной Халип объявили голодовку в знак протеста против незаконного ареста, по ночам лампу дневного света перестали менять на тусклое ночное освещение. Яркий свет горел 24 часа в сутки, а нам было велено спать лицом к «кормушке».

В камерах было холодно. Под самым потолком – маленькое зарешеченное окно. Мне было холодно вдвойне – тянуло от каменного пола. Одеяла выдавали, но согреться под ними было сложно. Спасло то, что позже разрешили передать еще одно одеяло из дому.

Из-за этого бронхит перешел в хроническую стадию. Не успевала вылечиться, как заболевала снова. Усугубляло все холодная вода из крана, которой приходилось мыть посуду, полы в камере, полоскать белье.

В белорусской тюрьме вообще лучше не болеть. Нет, конечно, умереть тебе не дадут – слишком много бумаг потом собирать. Но лечить не будут. Диагноз, поставленный мне тюремным врачом вместо явного сотрясения мозга после избиения на площади, – «адаптация к условиям камеры». И это

при том, что из ушей шла кровь. Когда головные боли стали невыносимыми, вызвали «скорую», но, несмотря на рекомендации приехавших в СИЗО врачей, на снимок в больницу не отпустили. Дали только таблетку цитрамона.

Дышишь в камере не воздухом, а пылью, которая за десятилетия толстым слоем накопилась на закрытых сетками радиаторах. Умывшись утром, уже вечером, протирая лицо, замечаешь, что вата – черная.

И главное, в тюрьме тебя убеждают, что ты – недочеловек, скотина. Их цель – растоптать твое человеческое достоинство. Сразу можно забыть, кем ты был на свободе. Там ты – никто. Существо без прав, с которым можно делать все что угодно. И это тебе внушается всеми: охраной, администрацией, оперативниками, следователями – каждый день, час, минуту.

Когда идешь на допрос с опущенной вниз головой и руками за спину (мужчин водили еще и в наручниках), когда личные обыски и «шмон» в камере проходят по нескольку раз в неделю, во время которых все твои вещи перерывают, проверяя каждую прокладку и высыпая даже чай из коробок. Когда устраивают «карусель» и вся тюрьма за неделю переселяется из камеры в камеры по кругу. А это значит, что худо-бедно устроенный быт рушится и ты за 10 минут должен собрать все вещи, тяжелые матрац с подушкой и даже деревянную «шконку» и переселиться в очередную грязную камеру. При этом тебе приказывают выходить «с вещами», не уточняя куда. Сердце останавливается от мысли, что могут освободить, и тут же – снова в пропасть безнадеги и отчаяния.

И неважно, что в СИЗО ты еще не осужден, твоя вина не доказана. Для них ты уже преступник, конченый человек, с которым нет смысла церемониться.

***

То, что охрана прятала лица под черными масками, вначале меня пугало. Потом это стало обнадеживающим фактором. Я поняла, что они боялись быть опознанными. Значит,

возможно, понимали, что рано или поздно придется отвечать за содеянное.

Ответственные за репрессии в ГДР, коммунистических Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии понесли наказание. Жертвы репрессий в этих странах находят и опознают своих мучителей и сегодня. И все они садятся на скамью подсудимых независимо от возраста.

Уверена, то же произойдет в Беларуси. Мне кажется, я узнаю их даже по глазам. Специально все время смотрела, старалась запомнить...

Мы будем помнить тебя, Олег.

Три года назад погиб основатель сайта charter97.org Олег Бебенин.

Это были три бесконечных года. Сцепив зубы от боли, мы отработали избирательную кампанию, потом оказались в тюрьмах, потом вынуждены были уехать в эмиграцию. Сегодня продолжаем работать, но в памяти навсегда останутся события того дня – 3 сентября 2010 года.

Утром мне позвонила встревоженная жена Олега. Он не ночевал дома. В офис тоже не пришел, хотя обыкновенно уже с 7 утра был на рабочем месте. Мы все стали обзванивать знакомых, потом больницы, отделения милиции... Безрезультатно. В конце концов брат Олега и его друзья Андрей Санников, Дмитрий Бондаренко, Федор Павлюченко и Александр Отрощенков поехали на дачу. Олега нашли там...

Помню, когда мне позвонил и все рассказал Саша Отрощенков, я едва не прокусила собственную руку, чтобы не закричать. Потом начался шквал звонков от журналистов. Один из них, корреспондент телеканала «Россия» Андрей Качура позвонил из Москвы и сказал: «Наташ, скажи, что это неправда». Больше всего на свете мне тогда хотелось ему ответить: «Да, Андрей, это неправда».

Олега обнаружили в петле, сделанной из веревки от детского гамака. Он не висел, он фактически стоял на коленях. Кожа на костяшках пальцев была ободрана, на даче был идеальный порядок. Ничего не разбросано, все вычищено и вымыто. В углу демонстративно стояли две бутылки бальзама

«Белорусский», который он, ценитель хорошего алкоголя, побрезговал бы даже попробовать.

Позднее, уже в морге, друзья увидят на его теле ссадины и гематомы. Но следствие это не заинтересует. Олега быстро похоронят, а версию убийства на профессиональной почве никто не станет рассматривать. Дело даже не откроют. Официальный вердикт – самоубийство.

И неважно, что человек любил жену, сына, жизнь. Накануне собрался с друзьями в кино, назначил встречи коллегам на неделю вперед, согласился стать одним из руководителей избирательной кампании Андрея Санникова, который в тот момент уже объявил о намерении идти в президенты.

Дело быстро замяли, причем не без стараний некоторых западных послов, которые пригласили в Минск так называемых экспертов ОБСЕ. Европейские бюрократы, ничтоже сумняшеся, поговорили с сотрудниками прокуратуры, изучили материалы официального следствия и вынесли тот же вердикт, что и подконтрольные властям силовые ведомства. В то время вовсю шел «диалог» Запада с Лукашенко и ничто, даже убийство журналиста, не должно было омрачить этот процесс.

Помню, на похоронах ко мне подходили журналисты, политики, правозащитники и говорили одно и то же: «Если что, имей в виду, я не собираюсь кончать жизнь самоубийством...» Все, кто хорошо знал Олега, не верили в версию официального следствия.

Все были напуганы. То, как убили Олега, показало, что теперь власти могут не только похищать и убивать своих оппонентов, как произошло с Виктором Гончаром, Юрием Захаренко, Анатолием Красовским, Дмитрием Завадским. В период «диалога» с Западом они будут убивать хитрее, маскируя убийства под суицид, автокатастрофу, несчастный случай.

Убийством Олега власти добивались нескольких целей: гибель одного из руководителей штаба Санникова должна была напугать его сторонников и тех, кто собирался присоединиться к избирательной кампании соперника Лукашенко. Это также должно было запугать журналистов независимых СМИ, показав им пределы дозволенного, которые постоян-

но нарушал сайт charter97.org, продолжавший публиковать разоблачительные материалы, несмотря на возбужденные накануне против него уголовные дела и разгром редакции.

Через три месяца, когда я уже сидела в тюрьме КГБ, лично Игорь Шуневич, теперь министр внутренних дел, признался мне во время ночного допроса, что Олега убили. «Мы рассматриваем версию, что его убийство было выгодно каким-то иностранным государствам с целью дестабилизации ситуации накануне выборов», – важно произнес тогда генерал.

Никакому государству, кроме белорусского, убийство Олега накануне выборов не было выгодно. Но факт остается фактом – начальник управления по борьбе с коррупцией и организованной преступностью КГБ, будущий министр внутренних дел признался, что журналиста убили.

Это только кажется, что гэбэшники – великолепные психологи. За ними тоже можно наблюдать и делать соответствующие выводы. Периодически во время допросов начальник тюрьмы, полковник Орлов, оговаривался, что убийства политиков и журналистов – дело рук не КГБ, а «других структур», фактически признавая факт существования в стране «эскадронов смерти», которые устраняют людей по приказу кого-то «сверху».

И этим в сегодняшней Беларуси никого не удивишь. Потому что все силовые структуры сегодня подчинены одной группировке во главе с Лукашенко и его сыном Виктором. Они – лишь обслуживающий персонал. Если кого-то убивают – их задача закрыть глаза, замести следы. Если есть приказ посадить – сажают.

Сегодня достаточно смешно читать в прессе анализ юридических претензий КГБ к гендиректору «Уралкалия» Владиславу Баумгертнеру. Да нет у КГБ к нему никаких претензий! Есть лишь политический заказ – взять заложника. Все остальное – дело техники, которая уже отточена до мелочей на политических противниках.

В бандитском государстве правит беспредел и воля пахана. И это давно пора понять и европейцам, и русским, а не пытаться торговаться, умилостивить или исправить того, кто давно перешел все моральные границы.

Сегодня все мировое внимание сосредоточено на Асаде, который убивает сотни тысяч сограждан. Лукашенко же, убивавший 20 лет гораздо тише, без зенитных комплексов и химоружия, продолжает благополучно существовать в тени.

Мне больно, что сегодня очень немногие вспоминают об Олеге, даже коллеги. Олег Бебенин был не просто журналистом, он был прекрасным отцом, верным другом, любил семью, свое дело и боролся за свою страну. Он потерял жизнь.

Мы будем помнить тебя, Олег.

ЯЎГЕН САКРЭТ / ЕВГЕНИЙ СЕКРЕТ / YAUHEN SACRET

Нарадзіўся 3 кастрычніка 1966 года ў Мінску. Скончыў лесатэхнічны факультэт Тэхналагічнага інстытута імя С.М. Кірава (сёння – Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт).

Падчас прэзідэнцкіх выбараў 2010 года быў сябрам ініцыятыўнай групы Андрэя Саннікава. Затрыманы 19 снежня пасля мірнай акцыі пратэсту супраць фальсіфікацыі вынікаў выбараў; адбыў 10 сутак пад арыштам.

Зноў арыштаваны 18 студзеня 2011 года. Утрымліваўся пад вартай да суда ў следчым ізалятары ГУУС г. Мінска («валадарка»). 12 траўня 2011 года быў асуджаны на 3 гады зняволення з утрыманнем у калоніі ўзмоцненага рэжыму.

Памілаваны прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь 11 жніўня 2011 года і вызвалены.

Тэксты для Анталогіі прадстаўлены аўтарам.

He was born on October 3, 1966 in Minsk. He graduated from the Faculty of Forestry and Wood of S.M. Kirov Technology Institute (today - Belarusian State Technological University).

During the presidential elections of 2010 he was a member of the initiative group of Andrei Sannikau. Yauhen was detained on December 19 after a peaceful protest against the falsification of the elections' results and served 10 days in detention.

He was re-arrested on January 18, 2011 and detained in the pretrial detention center of the Minsk police department ("Valadarka"). On May 12, 2011 he was sentenced to 3 years in prison to be kept in a maximum security prison.

Pardoned by the President of the Republic of Belarus on August 11, 2011 and released.

Texts for the Anthology were submitted by the author.

DOGS

(Собаки – вольный перевод песни Pink Floyd)

1

Ты должен стать сумасшедшим.
Должен обладать реальной потребностью.
Должен спать на пальцах ног.
И когда ты живешь на улице,
должен уметь захватить легкое мясо
с завязанными глазами.
А затем, двигаясь молча по ветру
вне поля зрения,
тебе необходимо ударить в момент
подходящий без раздумий.

2

И после тех периодов времени
можешь поработать пунктуально над стилем,
полюбить клубный галстук и твердое рукопожатие,
уверенный блеск в глазах
и улыбку непринужденную.
Тебе необходимо стать «лицом доверенным»
среди людей, которым ты лжешь.
Так что, когда они повернут свои спины
к тебе, ты получишь возможность
вонзить им в плечи нож.

3

Тебе необходимо держать один глаз
глядящим, что происходит за твоим плечом.
Ты знаешь, это становится труднее,
потому что ты стареешь.
В конце концов ты упакуешься и
улетишь на юг,
спрячешь голову в песок,
седой человек, совсем одинокий
и умирающий от рака...

4

Но когда ты ослабишь контроль,
ты пожнешь урожай,
который ты когда-то посеял,
тогда плохая кровь замедляется и
превращается в камень.
и это слишком поздно –
терять вес, которым ты обычно разбазаривался,
в итоге имеем крутое погружение
когда уходишь вниз ты,
совсем один, увлекаемый камнем.

5

Я, должен признаться, слегка в замешательстве.
Иногда кажется мне, что я просто презерватив.
Что должен стать бодрым,
должен попытаться стряхнуть эту ползущую болезнь.
Если же я не устою на собственной земле,
как я смогу найти свой
личный путь из этого лабиринта?

6

Глухой, немой и слепой,
ты просто продолжаешь притворяться,
что каждый есть презерватив и
никто не имеет настоящего друга.
Все кажется тебе, что вещь,
которую необходимо сделать,
призвана изолировать победителя.
Какая херня делается под солнцем...
Не верится сердцу, что каждый есть убийца.

7

Кто родился в доме, полным боли?
Кого учили не плевать в вентилятор?
Кому говорили, как стать посредственным человеком?
Кто был сломан обученным персоналом?
Кому подогнали воротничок в цепь?

Кому было дано место на трибуне?
Кто в итоге вырвался из банды?
Кого утопили в конце концов?
Кто найден мертвым на телефоне?
Утащен вниз камнем?

ДЕНЬГИ

Я – прихожанин Церкви мира жестокого.
На дверных глазенках защёлкнулись наручники окон.
Талоны на мыло, стираю бумажками хренов скандал,
Жена – чмок в подворотне, ребенок
Мелочь в штанах украл.
А взгляд миссионера полон немого укора:
«Вы не забыли попросить прощенья у Господа Бога?»
Кто не искал пощады от зубов?

Кровь – это наши деньги, деньги – это наша кровь.

Зачем нашей бедности песни о главном?
Серые будни нам в морду и жало святого параграфа.
Злобный выкормыш подворотен Багдада
Хотел украсть у меня кошелек,
Пираньи в мундирах хрустят плавниками.
Вау, а вот реклама новых прокладок!
Старые дети в красных галстуках взвевают костры,
Словно гнойные раны на теле Иова.
Бедной старости липкие слезы, грязный дым
От последних слов:
Кровь – это наши деньги, деньги – это наша кровь.

***

Ровно в полдень,
Врываясь в гримерную,
Терять монолог,
Запинаясь на обе ноги,

Объяснять теорию неубранного шума,
Задач путем постановки декораций,
Не счесть вопросов,
Оставленных нам в назиданье,
Всем детям, открывающим рты в ожидании птичьего рая,
Кокосы, бакланы, мизансцены,
Меня пронзают навылет
С зажженной свечою в руке.

***

Жил человек. Шли годы,
Бежали стрелки часов вместе с
Костлявой птичкой, вылетающей на гадкой пружине,
Которая клевала полночь,
А он хватался пальцами за шестеренки,
Пытаясь мешать сцеплению волчьих зубьев,
Зубами за маятник, хлеставший по лицу наотмашь,
Терял бумажки, расковыривал пробки,
Новым окурком, брошенным в урну застолья,
Жил человек из племени Чоко,
Он детство помнил неважно,
Ему повязали красный галстук
У хари небритой прославленного героя,
Диктаторы пялили красные зенки,
Он смотрел на судьбу из окна,
Солнце растрескалось ржавой короной,
Лохматое и страшное,
Словно жопа сурка,
Человек постарел в одночасье,
Я видел его – он мусорки любит,
Живет на голубятне, плевал на
Трансформацию, послал все на хрен.

Раскольников
The lunatic is in my head
You raise the blade you make
The change you're
Arrange me fill I'm sane

Лунатик в голове моей,
Ты поднял меч, ты рубишь и кроишь,
Покуда болен я.
«Brain Damage» Pink Floyd

Ты пьёшь из Фонтанки, Раскольников,
Иль спишь на холодном полу,
За стенкой соседка чахоточно кашляла –
и падала в легком бреду,
Вдруг небо украсит поганая решетка,
Постель, ЛСД, никотин –
Включая подвальную сырость «пенала» –
один, бесконечно один...
Псалмы, оловянная ересь созвездий,
И ночи срывались в аллюр,
Трущобы довлеющий запах каверны,
Вальяжность и спесь синекур,
Там гнусный пропойца, честной Мармеладов,
В кабак погружает, на дно,
Капустной солянки вкушаете сладость
И горькое пьете вино,
Но альфа трубит, под ногами – омега,
Дурацкая страсть на петле,
Какая любимая краска победы – забыл?
Что есть ставка в игре?
Наша боль – только божия проза,
Что прострелит твой сон напролет,
Вдохновенно, у врат Комаровки,
Свой старушка топор продает,
Мяса ждет прободанная аура,
Плоти мышечной вялый протест,
А в глазах Лизаветы осколок –
Где посеял, Раскольников, крест?
На подмостках увенчанной лавры,
Только совесть пытай, твою мать,
Кто стал жертвой в обители плача?
И никто не хотел умирать.
Ждет поручик, хромой Нейродюбель,

Ха-ха-ха, а Порфирий – конечно же, бес,
Бахромой от кальсон кучерявится,
Словно алая кромка небес,
Пальцы греет крылатый расстрига,
На закат – сто аршин кумачу...
Все пройдет – революция грянет
Глупой дыркой в старушечьем лбу!
Серп и молот, доска гробовая
власть имеют, а кто-то – забил,
Так зачем же щемящие душу
эти черные двери открыл?
…
Так зачем же щемящие душу
эти черные двери открыл?
«Это я тогда старуху-чиновницу и сестру её Лизавету
топором убил и ограбил».

Декабрь 1994 года

***

Беру спичку и поджигаю сны.
Дым от них – мне в усладу.
В награду цветные фильмы.
Я вытащил крик звездопада
Из пачки оранжевых слов.
А день – поток туда-сюда,
Побег зверья из цирка шапито.
Можно выйти во двор и напиться...
Тяну вместо зайца шершавый язык.
Поэт без грошей – жалкая птица,
поэт без денег вовсе ничто.
Позади на сто верст – пустота,
Рок-судьба, а ну ее на хрен!
Я просыпаюсь от рева машин,
Я ищу под малинами дзэн,
Кроме эго боюсь только смерти.

1991

Зое Ковалевой посвящается

Так сотканы судьба и время
По воле бездны, пьяной от потерь,
Немой послушник Вольных сцен
Откроет в зазеркалье двери...
Ты выйдешь в плен слепого солнца,
Кортеж из мокрых обшлагов,
Прольется дождь и сонные березы
Зааплодируют остатками листов –
Не листьев,
Шаги последние под небом обметенным,
Берущие трамвай и гулкие, как звон,
В них маятник хрипит
И циферблат устроен,
Незримо точен стрелок хоровод,
Деления судьбы отметит и
Опускает в столбик ртуть –
Тому и быть, проржавленная суть
Не стоит уверений лишних, право,
С другим обманом встретится она,
Стереть слезу пуховкой с неба
И тихо молвить вслед: «проклятая война...»
Пристанища незримых – не жалейте,
Вина причастия иль дань минувших лет
Осталась лебеда, остался дом на месте,
Остался хрип замотанных кассет,
Плешивые стада мечтающих о рае
И претворенье райской манны в желчь.
Их мир устал, тепла им не сберечь –
запрятан облик в туше чемоданной,
Который год мигрируя на юг.
…
Застыли гости в бурном танце,
Их намерения – чисты,
Казалось, жизнь – игра без правил,
Но без Финала нет игры.
И пьеса без стыда закончится рулеткой,

Что катит шарик в лузу, наугад,
зеро – и в сердце бьет крокетный молот –
наш камень станет вершием угла.
Смешают грим и слезы на палитрах
В декоре странном, маске восковой.
В поникших пальцах теплится огарок,
Нагие губы потеряли зной,
И безучастно в ногу пропиликал
Скупой оркестрик, словно пилигрим,
В снегу блестят затоптанные крылья,
Страницы неначертанные книг,
Пристанища незримых не жалейте,
Не надо плакать – встретимся когда?
Мы узники в решетках зазеркалья
И выхода не знаем дня.

***

Я встретил вас у врат пивной...
Глаза, застиранные пятна,
Невнятные слова картавя,
Два траурных крыла.
Твой падший ангел был давно не брит.
И верой, брошенной под ноги,
Упал денницею зари.
И разговор наш бестолковый,
Казалось, рая не вмещал:
«Привет, Каин, где брат твой Авель?
Не помню, это не моя работа.
Вариации Брамса звучали в Катыни,
А вот это американская штурмовая пехота».
И быстро сгорел твой пластмассовый мир
В немом кулаке, а на стойке – пятно.
И пена стекает с оплавленных губ,
Как будто поезд в ничто, моряк в никуда,
Сидел забытый ангел у врат пивной.

ПАВАЛ СЕВЯРЫНЕЦ / ПАВЕЛ СЕВЕРИНЕЦ / PAVAL SEVIARYNETS

Нарадзіўся 30 снежня 1976 года ў г. Орша Віцебскай вобласці.

Скончыў геаграфічны факультэт па спецыяльнасці «Геалогія» Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Палітык, грамадскі дзеяч, публіцыст.

Працаваў журналістам у беларускім друку.

Абіраўся кіраўніком Маладога фронту (1997–2004), намеснікам старшыні партыі «Беларускі народны фронт» (1999–2003), сустаршыня аргкамітэта па стварэнні партыі «Беларуская хрысціянская дэмакратыя».

Быў асуджаны на тры гады абмежавання волі («хімія») 31 траўня 2005 года Першамайскім раённым судом г. Мінска за арганізацыю масавых пратэстаў на Кастрычніцкай плошчы супраць змянення Канстытуцыі з мэтай зняцця абмежаванняў па абранні на прэзідэнцкую пасаду. Вызвалены ўмоўна-датэрмінова 22 траўня 2007 года.

Зноў арыштаваны 19 снежня 2010 года за ўдзел у мірнай акцыі пратэсту пасля прэзідэнцкіх выбараў і змешчаны ў следчы ізалятар Камітэта дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь, так званую «амерыканку». 16 траўня 2011 года асуджаны на тры гады абмежавання волі («хімія»).

Адбываў прысуд у в. Куплін Брэсцкай вобласці. Вызвалены 19 кастрычніка 2013 года.

Лаўрэат прэміі імя Алеся Адамовіча Беларускага ПЭН-цэнтра (2007), прэміі «За свабоду думкі» імя Васіля Быкава (2008).

Тэксты для Анталогіі прадстаўлены са згоды аўтара яго маці сп. Таццянай Севярынец.

He was born on December 30, 1976 in the town of Orsha (Vitebsk region).

He graduated from the Faculty of Geography of the Belarusian State University, specialty geology.

Paval is a politician, social activist and publicist.

He worked as a journalist for the Belarusian press.

He was elected chairman of *Molodoy Front (Young Front)* (1997–2004), vice-chairman of the Belarusian Popular Front Party (1999–2003), co-chair of the organizing committee of the Belarusian Christian Democracy.

He was sentenced to 3 years' imprisonment ("Chemistry") on May 31, 2005 by the Court of the Minsk Pervomaiskii District for organizing mass protests on October Square against changing the Constitution in order to remove the restrictions concerning the election of the president. He was released conditionally early on May 22, 2007.

He was arrested on December 19, 2010 for participating in peaceful protests after the presidential elections and placed in the detention center of the State Security Committee of the Republic of Belarus, the so-called "Americanka". On May 16, 2011 Paval was sentenced to 3 years' imprisonment ("Chemistry").

He was serving his sentence in the village of Kuplon (Brest region). He was released on October 19, 2013.

Laureate of the Ales Adamovich award established by the Belarusian PEN Center (2007) and the Vasil Bykau award "For Freedom of Thought" (2008).

Texts for the Anthology were submitted by his mother Tatsiana Seviarynets by the author's consent.

САМ-НАСАМ З БОГАМ

Калі Бог хоча сур'ёзна пагаварыць з табою Сам-насам, Ён не будзе тлумачыць нешта мімаходзь, напаўвуха, займаць паўгадзінкі твайго часу на кухні ці ў офісе, дзе ты думаеш адкупіцца мітуслівай і наморшчанай малітвай, не стане шпурляць наўздагон табе знакі ды цуды… Ён проста дасць табе змарыцца ад уласнай сумятні да поўнага тамлення духу, а потым моўчкі ўвойдзе і зачыніць за Сабой дзьверы.

Заціхне ляскат ключоў, згасне рэха жалезнага брохату – і толькі тады, баючыся падняць вочы, ліхаманкава спрабуючы адкашляцца і зрабіць гатоўны выгляд, ты пачуеш гэтае непаўторнае, ні з чым не параўнальнае чакальнае і дакорлівае Божае маўчанне.

Э-а… Госпадзе… Ну, ты Сам усё бачыў, праўда?.. Што тут сказаць… Прабач, канечне. Прабач. Вядома, я мусіў сам здагадацца, у царкве раз на тыдзень як след асабіста не паразмаўляеш. Тут было столькі спраў, Ты проста не паверыш…

Відовішча жаласнае, і, тлеючы ад сораму, разглядаючы мыскі ўласных ботаў, разумееш, што Яму не гэтае ганьбішча трэба, не тваё дзіцячае лепятанне і не насякомыя ў тваіх мазгах. Ён не выбаршчык, не журналіст, не дыпламат, не супрацоўнік унутраных органаў і не на добрыя міны пры кепскай гульні глядзіць.

Таму Ён маўчыць – і цярпліва чакае, пакуль ты перастанеш мітусіцца і нарэшце здымеш з шыі свой срэбны ключык у форме крыжа.

Госпадзе, ты дакладна хочаш паглядзець маё сэрца?..

Нібыта з таго свету, чуеш сваё мармытанне: здаецца, павінна быць больш-менш, прынамсі, нічога страшнага. Ты ж быў зазірнуў пару дзён таму і маўчаў, я і падумаў… Ну, прабач…

Крыжык заядае ў заржаўленай ключавіне. Рукі трасуцца, дасадліва крэкчаш, спрабуеш павярнуць… і з затхлым душком здагадваешся, што насамрэч справы дрэнь, хоць і не адчыняй зусім. О, не, не, Госпадзе, не дакранайся, не трэба, я сам, са-ам!

Тут ужо не зманіш – уласнае сэрца ўсё-такі.

Даруй, Божа! Сюды, канечне, не тое што зайсці, а і стаяць побач немагчыма. Зараз… Хто б мог падумаць, мг… Пастараюся дакапацца.

Сцяўшы дыханне, залазіш, спярша навобмацак, потым з галавою, жахаешся, клянеш сябе – і пачынаеш вывальваць, куды тут… смярдзючыя грахі, нейкія шыльды і адсоткі ўперамешку з газетамі ды плакатамі, падгнілая пыха і марнаслоўе, груды скамячаных, у нервовую клетку, размоў з бацькамі, братамі і сёстрамі, тоны павышанага тону і шматкі неператраўленага сеціва, усе ў пляўках рэплік, развітанні на вецер і раздражнёныя вокрыкі, маладушныя стогны; столькі сказанага і нязробленага, столькі забытых і пакрыўджаных душ, суцэльная млявасць і абыякавасць да жыцця і, нарэшце, агульная разгубленасць – ох, і правалы, ніяк не выграбеш да дна.

А Ён проста стаіць перад табою, трывае і маўчыць, як маўчаў калісьці перад Пілатам. І ты разумееш, што Яму так балюча, і гарыш, і баішся зірнуць і ўбачыць у гэтым вечным маўклівым Позірку слёзы, слёзы!.. з якіх ты ніводнай слязінкі не варты.

І раптам, каўтаючы соль, ачомваешся ад званоў з Плошчы Волі.

Сабор. Ратуша.

Пранізліва і мерна.

Раптам згадваеш, што ты ў самым-самым сэрцы Менску. Такое месца!

Колькі часу трэба яшчэ – месяц, год, дзесяць, – каб навучыцца з гэтага п а ч ы н а ц ь, а не з а к а н ч в а ц ь?

І тады ты даеш абяцанне пачаць усё зноў і вырашаеш абысціся без лішніх слоў – каб Нарэшце Пачуць ЯГО.

16 сакавіка 2011 года, «амерыканка»

З КНІГІ «ЛІСТЫ ЗЬ ЛЕСУ»

Лес як лёс

Калі на міліцэйскім «жыгулёнку» мяне везьлі са спэцкамэндатуры Ветрына ў лясгас у вёсцы Малое Сітна, амаль усе 50 кілямэтраў ад Полацку паабапал дарогі стаяў лес. Дастаў мапу, і ў вочы адразу кінулася: Залесьсе, Запалянкі, Замхі, Дуброўка, Бярозна, Алешча... Поўнач Полаччыны нароўні з глухім Палесьсем Лельчыцаў – самыя нетры Вялікага Беларускага Лесу, напэўна, з таго часу, як Іван Жахлівы ў Інфлянцкую вайну папаліў усе ваколіцы Полацку. На паўтысячы гадоў тут запанаваў гушчар.

За Саветамі ў гэтых лясох і балотах зрабілі найвялікшы ў Эўропе Дрэтуньскі вайсковы палігон. Жаўнеры рэгулярна выпрабоўвалі ў беларускім лесе моц савецкай зброі, і грыбнікі не маглі прарвацца цераз ачапленьні да багатых на баравікі мясьцінаў.

Малое Сітна сярод гэтага спрадвечнага лесу, на беразе Палаты – увасабленьне глухое, аддаленае й аддзеленае ад гораду беларускае вёскі, галоўнай базы Лукашэнкавага электарату й адначасова мацерыка беларускай мовы ды традыцыі, які Зянон Пазьняк заклікае адрадзіць яшчэ з канца 1980-х.

Народ жыве зь лесу. Бальшавікі ніяк не маглі арганізаваць у Малым Сітне калгасу, бо вяскоўцы амаль не аралі зямлі – зьбіралі грыбы, ягады, шышкі, займаліся паляваньнем ды рыбалоўствам. Дый цяпер сапраўдная ўлада тут – не сельсавет і не ўчастковы, а «Полацаклес» у асобе начальніка лесапункта, які распараджаецца транспартам, палівам, сувязьзю ды самім лесам.

Можа быць, менавіта такія вёскі яшчэ тояць у сабе першародную сілу нацыянальнай глебы – тут, на ўзбочыне рынкавага сацыялізму нацыянальна сьвядомы беларус можа намацаць дзясяткі кропак апірышча. Але цэласнае Беларусі-вёскі, апетай у сялянскім эпасе XX ст. – вершах Купалы, «На ростанях», «Людзях на балоце» і «Знаку бяды», – нават

на гістарычных землях нашае першае дзяржавы, сярод запаветнага лесу, ля вытокаў тае ракі, што тысячагоддзе таму ўспаіла Полацак, ужо ня знойдзеш.

Асуджаны на працяглае назіраньне за штодзённым жыцьцём вёскі сярод лесу, пачынаеш задумвацца, чаму вясковая Беларусь дагэтуль падтрымлівае саўгасны рэжым і не нараджае новае хвалі нацыянальнага руху, чаму ўсё болей лаецца матам, п’е тэхнічны сьпірт і вымірае.

Бярэсься дасьледаваць, адкуль у такой вёсцы знайшоўся слухач «Свабоды» з 50-гадовым стажам, чаго хочуць дакапацца вяскоўцы ў крэпасьці Івана Жахлівага, спаленай Сьцяпанам Батурам, як рэагуюць на перайменаваньні праспэктаў у Менску й як змагаюцца за ўраджай. Урэшце, плянуеш пісаць пра ўсё гэта – і зразумела, пра тое, як у адпаведнасьці з рэдкім супадзеньнем праграмаў Пазьняка й Лукашэнкі *адрадзіць беларускую вёску.*

Рэч ня толькі ў зьбегу абставінаў. Беларуская вёска на мяжы зь лесам у сымбаліцы нацыянальнай ідэі займае асаблівае месца. Для беларуса, які тысячу гадоў харчаваўся зь лесу, хаваўся, будаваўся ў ім і лесам ад лесу адасабляўся, узьлесак – рыса мэнтальнасьці, параўнальная з фронтам. Партызанка, шляхціц Завальня, новая зямля коласаўскага палясоўшчыка Міхала, Белавескія пагадненьні 1991-га… Для Беларусі лінія лесу дагэтуль азначае лінію лёсу. Правальваючыся ў акупацыю, мэліярацыю ці калектывізацыю, беларуская вёска адштурхоўвалася ад лесу, нібы Антэй ад зямлі. І цяпер, калі бачыш сьпітых, абыякавых, зьніякавелых вясковых беларусаў, згубленых сярод лесу, думаеш – самы час адштурхоўвацца.

Бо лес і лёс у беларускай мове сугучныя, як ні ў адной іншай мове сьвету.

«Максімка»

«Максімка» – шклоачышчальнік на аснове этылавага сьпірту. «Таксычны. Пры трападаньні на адкрытую паверхню скуры прамыць праточнай вадой».

Гэта напісана на 5-літровіках, якія расейцы вялікалуцкім дызэлем завозяць у Алешчу і прадаюць па 20 тыс. рублёў.

Але няма пад Алешчай даўн-таўну небасягаў, на мыцьцё вокнаў якіх спатрэбіўся б аб’ём штотыднёвых паставак. Праточнай вадой «Максімку» разбаваяць да належнага градусу й разьліюць у бутэлькі з-пад ліманаду ці мінэралкі – і вось ён, самы даходны бізнэс у Сітна-сіці. «Максім Максімыч», «Максімільян», «Максімус» – валадар наваколья. Ні гарэлка, ні самагонка ня вытрымаюць канкурэнцыі зь ядраным пойлам, якое ўмомант «зрывае дах» і паўлітра якога для мясцовых «сьпіртавозаў» абыходзіцца таньней за бохан хлеба. Зрэшты, жывых грошай за «Максімыча» тут амаль ніколі ня плацяць. Бяруць «на доўг» (напрыканцы месяца аддаюць паўзаробку), часьцей прапаноўваюць бартэр: колькі слоікаў салянкі або трыста грамаў кілбасы, якіясь рэчы…

На сьвята тут звычайна ўжываюць крамнае віно: «Крыжачок», «Вішнёвы сад», «Васілісу». Гэта ў параўнаньні з тэхнічным сьпіртам – пітво высакароднае, п’ецца чаркаю. А «Максімка» – напой будзённы: «прыняць», «дагнацца», адзначыць «дзень рускай балалайкі» ці «першы аўторак тыдня»… І п’юць ужо кубкам або ўвогуле «з рыла».

У Малым Сітне – 19 пунктаў, дзе прадаецца «Максімка». Сьпіс ляжыць у сельсавеце, участковы – у курсе. Але гандаль ідзе безупынна. А то ж: у любога каляніяльнага рэжыму спойваньне заўжды лічылася найбольш эфэктыўным спосабам падпарадкаваньня абарыгенаў і нэўтралізацыі магчымага пратэсту. І той, хто гандлюе, і той, хто п’е (а разам яны ў вёсцы складаюць большасьць), ведаюць, што кожная спроба адстаяць свае правы сустрэне абгрунтаванае абвінавачаньне ў распаўсюдзе ці рэгулярным ужываньні «Максімкі». «Самі ж п’яце, – цынічна нагадвае мясцовая ўлада, – ніхто вас не прымушае». Ад безвыходнасьці люд глушыць яшчэ больш. Труціцца. Вешаецца. Вымірае. Эпілепсія, якая разьвіваецца ад пастаяннага піцьця «Максімкі», на алешчынскай эстакадзе – звычайная зьява. Калі пахмельны раскрыжоўшчык з заведзенай бэнзапілой раптам разварочваецца – ты жахаесься ад невідушчага позірку. Калі малады мужык падае на бярвеньне, разьбівае ў кроў галаву й калоціцца без прытомнасьці; калі маці чацьвярых дзяцей, што адкочвае крукам ствалы на эстакадзе, у прыпадку валіцца на кучу сьмецьця – народ

абыякава паціскае плячыма: «Максімка». Цудоўныя беларускія тыпажы, вобраз і падабенства Божае, па меры алькагольнай дэградацыі набываюць яўныя рысы ідыятызму. Людзі гніюць зажыва, пачынаючы з галавы. Дзеці нараджаюцца разумова адсталыя ці з псыхічнымі расстройствамі.

Адны карныя захады становішча не паправяць. Апроч нармальнай мяжы з Расеяй, апроч буйных штрафаў за распаўсюджваньне зельля, апроч татальнай інфармацыйнай прафіляктыкі тут трэба нешта большае. Трэба зьнішчыць прычыну, якая штурхае люд да запою. Вярнуць беларусам сэнс жыцьця. Веру ў Бога. Любоў да Радзімы. Сваю справу.

Спыніць трыюмфальнае шэсьце «Максімкі» можна толькі адным чынам.

Перамагчы ў 2006-м.

Роберт Багарад

У Малым Сітне кепская сувязь. Сотавыя тэлефоны маўчаць, як камсамолец на допыце. Для «палітычнага хіміка», які працуе на лесапункце, магчымасьці зьвязацца зь «вялікай зямлёй» дзьве: або тэлефанаваць ад знаёмых, ставячы іх на праслухоўваньне, або ісьці на пошту. Пошта працуе з 9.00 да 14.00 ва ўсе дні, апроч нядзелі, «хімікі» – з 8.00 да 16.00, маючы толькі адну выходную суботу на месяц. У адзіную «сувязную» суботу, быццам на сьвята, іду на пошту са сьпісам на тузін тэлефонаў.

У рамачцы пад шклом – рэклямка: галоўная вартасьць дзяржаўнай сувязі – ейная якасьць. Віцебск ці Менск тут трэба замаўляць адмыслова праз полацкі кампутар і чакаць ад пяці хвілін да адной гадзіны. Але «можаце не хвалявацца – вас усё роўна наўрад ці пачуюць».

Замаўляю. Чакаю. Чую з Полацку: «Гаварыце!» Далей – як у фільмах пра рэвалюцыю: «Дзевушка, мне Смольны!.. Кажу, Смольны мне!!! Алё, Смольны!..» Безнадзейна. «Гучней!» – крычыць маладафронтавец зь Менску. Здаецца, мы перакрыкваем усю адлегласьць голасам. На трэцім званку лінія абрываецца. Паштаркі з палёгкай уздыхаюць: «На сёньня сувязі больш ня будзе».

Выходжу з пошты, цьвёрда перакананы: у такім гушчары апазыцыянэры павывеліся. Аж вось – на ганку стаіць невялічкі дзядок, гадоў сямідзесяці, у шэрым касьцюмчыку, якія ў вёсцы на сьвяты апранаюць, кепачка…

– Колькі гадоў жыву ў вёсцы, а такой чыстай беларускай мовы ня чуў, – кажа дзядок, пачуўшы, як я крычаў. Мая вера ў народ умомант ажывае. – Вы, пэўна, Павал Севярынец? Я пра вас са «Свабоды» даведаўся.

Дзядка завуць Роберт Багарад. З каталікоў. Карані на Магілёўшчыне, ля Дрыбіна. Жыве на хутары Мураўішча, што за колькісот крокаў ад Малога Сітна. «Свабоду» слухае з пачатку яе вяшчаньня – з 5 сакавіка 1953 г.

– У дзень, калі памёр Сталін, – расказвае ён, – настаўнікі неяк даведаліся, што арганізоўваецца радыё з-за мяжы. У бацькі моцны прымач быў – дык сабраліся ў яго, а мяне, яшчэ малады быў, на варце пакінулі. Але ж як хвалю злавілі, паклікалі мяне ў хату ды выпусьцілі сабаку. Вялікі, белы ў нас такі быў, дык той ужо брахаў, як хто набліжаўся. Глушылі магутна, але словы можна было разабраць. Ціхенька настроім – і слухаем. І так увесь час. Ніхто ня здаў.

Дзед Роберт перасоўваецца па лясных сьцежках са спрытам і хуткасьцю Талаша.

– Пяць кілямэтраў – і ўжо імпэрская Расея, – Роберт Багарад махае рукой на ўсход, – а людзі тут… Несьвядомыя. П’юць. Ні да чога добрага не імкнуцца – і каму яны тут патрэбныя?

Цікава, колькі такіх вось партызанскіх слухачоў «Свабоды» ў Беларусі? Напэўна, ёсьць у кожнай вёсачцы. А вёсак у нас больш за 23 тысячы.

І чаму мы адразу запісваем самую беларускамоўную, самую блізкую да зямлі й самую бедную траціну беларускага народу ў актыў рэжыму?

Багарадаў хутар – некалькі абкружаных лесам хатаў. Гародзік, палісаднік, сад. Дзед Роберт разводзіць на палянцы між хвоямі й елкамі яблыні, грушы, сьлівы, парэчкі. Прышчэпвае, абкопвае, чысьціць ад садовых хвароб. Каму дастанецца? А вось, будзе сабе сад сярод лесу.

– Тут, – паказвае Роберт Багарад, – падгнілы плот. І дужа плодзяцца зьмеі. Выпаўзаюць на сьцежку, як ісьці да вёскі, дык я бяру палку і, калі пацэлю, забіваю ды на плот вешаю.

Хата ў дзеда Роберта чыстая, дагледжаная. На галоўным месцы, дзе ў звычайнай сям'і абавязкова стаіць тэлевізар, – вялізны, яшчэ савецкі радыёпрымач (а я спрабаваў знайсьці «Свабоду» аж на трох найноўшых). Вось ён, сапраўдны вузел сувязі на ўсю ваколіцу! Побач – колькі вёдраў брусьніц, на якія тутэйшы лес вельмі багаты. Стол. Зэдлік. Ложак.

– Давайце прынясу вам сьвежых газэт ці кніжак якіх, – аглядаю я пазбаўленае іншых прымет цывілізацыі жытло.

– А, ня трэба, – адмахваецца дзед Робэрт, – вочы ўжо ледзь бачаць, не прачытаю. Я пра ўсё са «Свабоды» даведаюся.

Падумаць толькі: чалавек ужо больш як паўстагоддзя сядзіць ля прымача ў глухой беларускай вёсцы і слухае пра пахаваньне Сталіна, Карыбскі крызіс, палёт на Месяц, задушэньне Праскае вясны й перамогу «Салідарнасьці», перабудову, Адраджэньне, здабыцьцё незалежнасьці й яе здачу, рэфэрэндумы ды акцыі апазыцыі… Чалавек прыслухоўваецца да імклівага руху плянэты і бачыць перад сабой адну й тую ж карціну… Асацыятыўны шэраг надзвычай біблейскі: прозьвішча «Багарад», людзі, што не імкнуцца да дабра, сад, зьмеі – і Свабода. Чалавеку вельмі хочацца нарэшце ўбачыць, а ня толькі пачуць вольную, незалежную, адроджаную краіну.

Колькі яшчэ здолее чакаць Роберт Багарад?.. Дзеля аднаго гэтага ў 2006-м трэба перамагаць.

Няма веры

Аднойчы, распытваючы сіценцаў пра найбліжэйшую царкву, я набрыў на бабку гадоў 80. Яна сядзела на лаўцы ля хаты і паводле ўсіх прыкметаў павінна была ведаць, дзе й каму моляцца тутэйшыя жыхары.

– У царкву мы ня ходзім, унучак, – растлумачыла старая. – Яна нам ня трэба. Мы ж у Бога ня верым.

– Як так?

– А-а… – няпэўна махае рукой бабулька. – Як камуністы былі, дык казалі, што Бога няма…

– А Ён ёсьць, – кажу бабулі.

– Ёсьць, ёсьць, унучак, – ківае галавой тая. – Ёсьць, мы ня проціў…Толькі мы ў яго ня верым.

Вось ён, сіценскі сымбаль веры. Ведаць, што Бог існуе, і ня верыць у Яго. Штосьці да болю знаёмае і вельмі беларускае. У краі, дзе тысячагоддзе таму прапаведаваў Торвальд Вандроўнік, на радзіме Эўфрасіньні, Сімяона ды Скарыны, у самай калысцы беларускага хрысьціянства – няма веры.

Калі падчас перакуру я паспрабаваў паразмаўляць пра Бога на эстакадзе з рабочымі, рэакцыя больш за ўсё нагадвала калектыўны прыступ шалу. «Што для нас гэты Бог зрабіў?.. Як камуністаў скінулі, усе вы за сьвечку і ў царкву! Чаму дзеці паміраюць, а Бог на гэта глядзіць?! Вось мы тут прападаем, а яму ўсё роўна!..». Яны крычалі наперабой, аж захліпаючыся, як брэша зграя сабак, не жадаючы пачуць адказу, адчайна выплюхваючы ўсю сваю злосьць, і шпурлялі тыя выкрыкі, быццам камяні.

Дзіўная рэч: палітычныя прамовы тут праходзяць, а словы пра Бога выбухаюць, нібыта бомба.

«Страшны край, – сам-насам дзяліўся са мной уражаньнямі інжынэр, што прыехаў сюды зь Берасьцейшчыны, – тут жа нават як памрэ чалавек – не адпяваюць, не галосяць, не памінаюць толкам… Закапалі, як падлу, каб хутчэй выпіць, – і канец».

Сьвятар з Полацку прыяжджае ў Алёшчу ды Малое Сітна раз на год – пахрысьціць немаўлят. Далучыць, так сказаць, прыплод да паствы. Ня верыцца мне, што гэтак тутэйшыя душы будуць збаўлены. Ня верыцца, што ў Полацкай япархіі няма магчымасьці хаця б раз на месяц, хаця б у прыватнай хаце арганізоўваць хаця б адно набажэнства на абшары больш як 1000 квадратных кілямэтраў… Праваслаўны атэізм, інакш не назавеш.

І люд разважае: «Што нам Бог? Жылі неяк бяз Бога і памром сабе. Згніём, а пасьля ж нічога няма». Ці можа чалавек, які рыхтуецца адно згніць ды зьнікнуць, думаць пра лепшую будучыню? Пра краіну, праўду, свабоду?..

Бязьвер'е – найглыбейшы й самы чорны корань зла, што буяе ў Алёшчы і Малым Сітне. Невідушчыя вочы, апушчаныя

аблічча, жабрацтва, алькагалізм, самагубствы сілкуюцца адсюль. З пустога сэрца.

У тое, што гэтых людзей успоіць хрустальны сасуд рыначнага сацыялізму, што іх накорміць гуманітарка з Амэрыкі, што іх выратуе наездамі раз на год бацюшка, у мяне веры няма.

Але ў тое, што Бог дасьць абуджэньне гэтаму краю, калі пераможам у 2006-м, – веру.

Вогненны Сьнег

Здавалася б, нарыхтоўка лесу. У Беларусі такіх дзялянак сотні. Нічога незвычайнага. І ўсё ж менавіта тут, на лесапавале, і менавіта гэтай зімою, як калісьці ў дзяцінстве, мне адкрылася безьліч сапраўдных цудаў.

Часам, чакаючы тралёвачнага трактара з чарговым пачкам, машынальна пачынаеш падлічваць колцы на сьпілах зваленых у штабелі ствалоў. Пятнаццаць. Дубок узросту беларускай незалежнасьці. Шкада, дружа: трапіў пад пілу саўковае сыстэмы нарыхтовак. Дваццаць дзевяць. Альха, мая равесьніца. Прывітаньне! Рыхтуйся на цэлюлёзу – магчыма, яшчэ сустрэнемся... на ўлётцы ці на старонцы «Нашае Нівы». Трыццаць чатыры. Хваіна часоў Машэрава. Рана зрэзалі. Мабыць, пойдзе на які слуп лесьнікам, калі не спарахнее. Пяцьдзесят два. Асіна, раўня Рыгоравічу. На фанэру... Ого! Восемдзесят дзевяць… Чэсьць! – елка ўзросту БНР! Эўрастандарт, за мяжу па найвышэйшым разрадзе... Вялізная клявіятура машыны часу разгортвае перад табою ўсю панараму эпохі ў канцэнтрычных кодах. Быццам колы на вадзе, на зрэзе – рэха падзеі. Хіба ня цуд?

Або ў непралазным балотным гушчары трапляеш на вялізную яліну накшталт тых, што ставяць на Кастрычніцкае плошчы ў Менску. Толькі вось на сярэдзіне ствала, амаль пазбаўленага галінаў, прыбіты крыж. Ледзь угледзіш надпіс: «Львів. ДМБ 1981». Так, дапусьцім, падчас вучэньняў салдат-украінец пакінуў па сабе памяць. Але як крыж апынуўся на дзесяцімэтровай вышыні? Ствол гладкі, як калёна, і абсалютна непашкоджаны. Цуд? Лесавікі ўсьміхаюцца: крыж прыбівалі ўнізе. За 25 гадоў елка проста вырасла.

Упершыню ў жыцьці бачыў ужывую пару ласёў, якія стаяць пры дарозе, абʼядаючы кару зь вецьця, і зусім не палохаюцца машыны. Або статак дзікоў, калматых, бы тыя маманты, якія сярод белага дня праходзяць за 15–20 мэтраў ад нашае брыгады па сваіх сьвінячых справах…

Назіраеш, як на 30-градусным марозе, зваленая на мерзлую зямлю, выбухае з фаервэркам ашкелкаў ломкая, бы зь лёду, хвоя – і кожны ўдар сякеры аб сук адгукаецца дзіньканьнем каляднага званочка…

Або ўзяць вогненны сьнег… Так, узяць жменяй, каб сьцерці рукі ад бруду, саляркі ці змазачнага алею (у інтэрнаце ўжо паўгоду ня могуць паставіць рукамыйнік) – ад пякучага холаду далоні дымяць. Кідаеш запалку на праліты бэнзін, і сьнег гарыць зыркім полымем! Аднойчы, калі нас закінулі на падсыпку (дзяўбсьці на ўзбочыне трасы зямлю, каб гружаныя лесавозы маглі ўзьняцца на сьлізкіх падʼёмах), мы з напарнікам гарачага сьнегу пакаштавалі. Вельмі хацелася піць, а з сабой нічога, а вакол нікога, адно запалкі ды жалезны кубак. Разьвялі вогнішча, растапілі сьнегу і пілі яго па чарзе з агню, гаркавы ад попелу, мацнейшы за любую гарэлку.

Але самы сапраўдны вогненны сьнег мне давялося ўбачыць на ўборцы дзялянкі, падчас сьнегападу. У вялізным, 4–5 мэтраў вышыні, вогнішчы, дзе спальваліся цэлыя «непрамысловыя» елкі, алешыны, бярозавыя рогі, раптам трэснула ўсярэдзіне, выбухнула салютам іскраў на вышыню пяціпавярховага дому – і потым хвілінамі ціха і ўрачыста ў паветры ірдзела, пераблісквала зь белымі сьняжынкамі чырвонае й аранжавае, нібы зь неба сыходзіла шматтысячная грамада пад бел-чырвона-белымі сьцягамі.

Калі змаўкаюць бэнзапілы й сякеры, калі спыняецца, глухне трактар і зьяжджаюць лесавозы – раптам прыслухоўваесься. У верхавінах дрэваў пад ветрам нараджаецца, расьце й гучыць велічная, уладарная нябёсная сымфонія. Чуеш сапраўдную літургію, гімн Творцу, дзе мужчынскія басы зьліваюцца з высокімі нотамі жаночага хору – і заміраеш малітоўна, бы ў храме. Падымаеш вочы ўгару – і бачыш, што насамрэч дзялянка – гэта агромністы проруб у неба, прорва ў глыбокі блакіт для тваёй малітвы за ўсю Беларусь.

Насамрэч цуды вакол нас. Госпад даў нам цуд жыцьця, падараваў цудоўныя пачуцьці і пасяліў у найцудоўнейшай краіне ў сьвеце. У такія цуды трэба толькі паверыць – і тады хараство й гармонія сэнсу напоўняць цябе ўсяго.

Палякі сьпявалі на плошчах рэлігійныя гімны – і атрымалі праўдзівы цуд. Сэрбы выходзілі на дэманстрацыі хросным ходам за сваім мітрапалітам – і ўбачылі цуд. Украінцы штодня пачыналі Майдан з малітвы – і нарэшце дамагліся цуду.

Вы ўсё яшчэ лічыце, што Беларусь у 2006-м выратуе толькі цуд?

Тады надышоў час паверыць у цуды.

Бо – «чалавеку гэта немагчыма; Богу ж усё магчыма»! (Мацьвея 19: 26).

Гэта ж так проста.

Выйсьці ў дзень выбараў на плошчу, насустрач сьвежасьці й волі.

Памаліцца Богу за свабоду, праўду і справядлівасьць для Беларусі.

І гучна, на ўвесь голас, сказаць тое, што думаеш, што адчуваеш, чаго хочаш усім сэрцам:

– Жыве Беларусь!!!

І калі ўбачыш, як неба па-над шматтысячнай грамадою раптам запальваецца вогненным бел-чырвона-белым – ведай: гэты момант увойдзе ў гісторыю Беларусі як цуд 19 сакавіка.

Кіслая глеба

У самы разгар эпахальнай для кожнага беларуса пары капаньня бульбы ў сіценскіх ваколіцах бязьлюдна. Вяскоўцы ў лесе – хто ў лісічках, хто ў брусьніцах, хто ў журавінах. Калі запытваесься ў народу, які выстройваецца ў чаргу ў краме па прывазную бульбу, чаму сіценцы не саджаюць самі, адмахваюцца: «Ай... Не расьце нічога. Глеба кіслая».

Глеба ў Сітне і праўда *кіслая* – пераўвільготненая. Ападкі перавышаюць сьцёк. Вакол балоты. Але, вось дзіва, ля хаты дзеда Роберта (таго самага, які больш за паўстагоддзя слухае

«Свабоду») – і бульба, і гуркі, і перцы, і морква, ды дабрэнныя, ды яшчэ клубніцы, ды вінаград... «У вас што, – пытаюся, – мясцовая анамалія?»

«Так, анамалія, – сьмяецца дзед. – Во, прывязу вапны воз... кіслую ж глебу вапнаваць трэба, ну і гною, вядома, колькі тачак... Вось і родзіць. Калі вапны няма – можна попелу зь печы».

Пэўна ж, нездарма Госпад Бог даў Паазер'ю, апроч кіслых глебаў, яшчэ й найбуйнейшае ў Эўропе радовішча даляміту ў Рубе пад Віцебскам – далямітавая мука акурат і прызначаная дзеля таго самага вапнаваньня!

Але вяскоўцы штовосені, як манны нябёснай, чакаюць машыны, што завозіць у сельпо дзясяткі мяхоў гародніны. Купляюць малако – заводзкае, у пакетах – кефір, тварог. Па мяса едуць у Полацак на кірмаш...

На тэрыторыі сельсавету дзесяць гадоў таму было тры калгасы. Цяпер не засталося ніводнага. Ворыва засеялі... лесам. (Во зьдзівіліся б продкі-палачане часу Ўсяслава, што гэты лес немалою сілаю калісь карчавалі пад палі!..)

Гародзікі ў саміх вяскоўцаў зусім сьціплыя. Лапінка ля хаты, колькі яблыняў. Трактара ці камбайна на людзкіх «сотках» тут і ня ўбачыш – не разьвернуцца. Аруць канём ці матаблёкам. Зямля вакол вёскі ўвогуле пустуе.

Ну, добра, няхай і праўда, як той сьпяваў, не расьце какос... Але ж травы ў сіценскіх ваколіцах – мора. Жывёле – раскоша. Дзе ж жывёлагадоўля? У Сітне адна карова прыпадае на... 20 жыхароў. Сьмешна глядзець, як «статак» зь некалькіх мілкаў шпацыруе цэнтральнай вуліцай. «Каровы ідуць!» – тут ужо не падзея, а нейкая недарэчнасьць. Паводле дзіцячых успамінаў, вырашыў быў, што ў бабулінай вёсачцы на Дняпры, пад Рэчыцай, справы лепшыя. Ані! Распытаўся – амаль тое самае. Старым трымаць карову ўжо й сілаў няма, а маладзейшыя п'юць, дык дзе яны тую худобу дагледзяць...

Тых, хто трымае сьвіньні, у Сітне можна пералічыць на пальцах. Відаць, парсюкі й тыя на кіслай глебе не растуць.

І гэта ня сіценскі «кулёр лякаль». Ва ўсёй Беларусі ўжо колькісот гадоў прагрэсуе паразытычная звычка. З кіслай мінай махаюць рукой на беларускую зямлю дзеячы, і робіцца зусім горка. Уздыхі й наракакньні на *глебу* чуюцца ў нас

рэгулярна: гэтым звычайна апраўдваюць нежаданьне ды няўменьне працаваць – што на зямлі, што з грамадзтвам.

100 гадоў таму купка гэткіх жа, як і мы, беларусаў перасіліла ўнутраны стогн з прычыны несалодкае ды нятлустае глебы і пачала ўрабляць *Нашу Ніву*. Так, было цяжка, быў і пот, і сухоты, і кроў, і сьлёзы – але ж узаралі. І на гэтым не такім ужо вялікім кавалачку, бадай, вырасла ўсё беларускае нацыянальнае адраджэньне пачатку XX ст.: тут і БНР, і БССР, і беларусізацыя, і каранізацыя... Як у біблійнай прыпавесьці: «Узышло, і вырасла, і ўрадзіла: адно трыццаць, другое шэсьцьдзесят, трэцяе сто» (Марка 4: 8).

На беларускай зямлі апошнія стагоддзі шмат хто спрабаваў жыць *на дурняк*. За кошт прыгоннага сялянства, калектывізацыі, мэліярацыі. Але Госпад, даручыўшы Адаму зямлю ў валоданьне, сказаў: «У поце твару твайго будзеш есьці хлеб, пакуль ня вернесься ў зямлю, зь якое ты ўзяты» (Быцьцё 3: 19). Цяжка, укладваючы ўвесь час, усе высілкі, усю душу! – працаваць. Толькі тады тутэйшая глеба зьдзівіць сваёй плоднасьцю.

Няпростая беларуская зямля дадзеная беларусам дзеля выпрабаваньня іхняй хрэстаматыйнай цярплівасьці, руплівасьці, працавітасьці. Калі некаму хочацца есьці ананасы й жаваць рабчыкаў без асаблівых намаганьняў – ласкава просім на Канары. Патрыёт? Тады ўлягай, як за плугам, як у выбіраньне бульбы, як у штогадовае вапнаваньне, угнойваньне, баранаваньне кіслае глебы.

Ня будзем працаваць належным чынам ня зямлі – так і застанемся прыхаднямі-зьбіральнікамі.

За сто гадоў «Нашай Нівы», пэўна, гэта й ёсьць галоўным урокам для ўсіх беларусаў.

Толькі калі ўзаром, палепшым, акультурым грамадзкую глебу кожны на сваім кавалачку, ператрэм уласнымі рукамі кожны камячок беларускіх праблемаў, цяжкасьцяў, сумненьняў – пасеяныя слова, вера й любоў дадуць нацыянальнае абуджэньне.

Адважнае сэрца

Тыя, хто найчасьцей пісалі лісты ў Малое Сітна, атрымлівалі просьбу адказаць на пытаньне своеасаблівай анкеты: «Якія кнігі, музычныя гіты, фільмы вы параілі б прачытаць (праслухаць, прагледзець) кожнаму беларусу?». І найбольш уразіла сваімі вынікамі намінацыя «кіно». Здавалася б, столькі пранізьліва беларускіх фільмаў: «Дзікае паляваньне караля Стаха», «Ідзі і глядзі», «Чырвонае лісьце», «Акупацыя»… Столькі экранізаваных нацыянальных герояў: Кастусь Каліноўскі, Сотнікаў, Заслонаў…

Але ж вось фокус – па-за канкурэнцыяй апынулася «Адважнае сэрца» з Мэлам Гібсанам у галоўнай ролі. (Між іншым, на другім месцы – «Пакуты Хрыстовы» таго ж Гібсана ўжо як рэжысэра).

Шатляндзец Уільям Уолас, просты хлопец, што ў безнадзейным становішчы ўзначаліў паўстаньне супраць акупацыі, трапіў беларусам у самае сэрца.

Чаму – тлумачыць ня трэба.

За гады ўдзелу ў беларускім руху мне пашчасьціла пазнаёміцца зь людзьмі, што не саступалі Ўільяму Ўоласу ў асабістай мужнасьці. З геолягам Вячаславам Сіўчыкам, адным з арганізатараў Менскае вясны-96, які трымаў галадоўку пратэсту разам зь Юрыем Хадыкам на «валадарцы» й якога часьцей, чым іншых, бачылі ля мікрафона ў намётавым мястэчку на плошчы Каліноўскага. Зь лясным інжынэрам Яўгенам Скочкам, што кіраваў дружынай Маладога фронту й адным сваім зьяўленьнем на вулічных акцыях наводзіў паніку на міліцэйскае начальства. Мастаком Рыгорам Кійком, які адбіваў у амапаўцаў маладзейшых дэманстрантаў і бел-чырвона-белыя сьцягі (за што рэгулярна адседжваў на сутках ды «хіміі»). Палітыкам Зянонам Пазьняком, вайскоўцам Мікалаем Статкевічам, праваабаронцам Валерыем Шчукіным, журналісткай Ірынай Халіп…

Але пры словах «адважнае сэрца» мне заўсёды згадваецца не магутны, з ільвінай грывай Мэл Гібсан, ня хтосьці з дужых

«краёўцаў» у камуфляжы, а невысокі, танклявы, усьмешлівы раўналетак Кастуся Каліноўскага – Зьміцер Дашкевіч.

Мы пазнаёміліся ў камэры на Акрэсьціна пасьля Дня Волі-2002. Тады, пасьля мітынгу з кветкамі й сьпевамі ля помніка Янку Купалу, АМАП перакрыў выхады з парку, і арганізатары абвясьцілі: разыходзімся. Маладафронтаўцы, якія не ўяўлялі сабе Дня Волі бяз шэсьця, пратачыліся скрозь кардон, узьнялі сьцягі й павялі людзей праспэктам. Каля скрыжаваньня з Варвашэні да мяне падляцеў падпалкоўнік Гірэль: «Прыбярыце сьцягі! Зараз выставім кардон; без сьцягоў прапусьцяць, зь імі – не! Будзе хапун!» І праўда, праз паўхвіліны ўпоперак праспэкту пашыхтаваўся АМАП. Сьвята ўсё-такі ж, думаю. Усім, хто нясе сьцягі, камандую: «Згортваем. Падымаем пасьля скрыжаваньня». Згарнулі амаль усе і толькі наперадзе з самым вялікім палотнішчам працягвае ісьці шараговы маладафронтавец Зьміцер. «Згортвай сьцяг!» – крычу яму. Ён на сэкунду прыпыняецца, глядзіць на мяне яснымі вачыма: «Гэта ня сьцяг». – «А што гэта ?!» – «Гэта нацыянальная сьвятыня!» І рушыць далей. На Зьмітра шыкаюць усе вакол, Гірэль літаральна вісьне на руках. «Загад згарнуць!» – раву яму на вуха. «Пайшоў ты са сваім загадам», – сьцяўшы зубы й падымаючы сьцяг вышэй, адказвае Дашкевіч.

Кардон пераходзіць у наступ. Зьмітра за рукі-ногі ледзь заносяць у аўтобус чацьвёра здаровых амапаўцаў…

У той дзень усе расейскія тэлеканалы паказвалі разгон дэманстрацыі. Дзясяткі мільёнаў даведаліся пра БНР, бачылі бел-чырвона-белы сьцяг і яшчэ раз пачулі: «Жыве Беларусь!» У нашай камэры ўдзельнікі акцыі вырашылі аднадушна: менавіта Зьміцер Дашкевіч выратаваў Дзень Волі.

Памятаю, як потым на выпрабаваньні «Горад – наш!» на забойчай вышыні насупраць Дому друку ён з халоднай галавой ускараскаўся на сьлізкі ад дажджу скат даху (махаю рукой: «Хопіць! Вешаем тут!») і, быццам канатаходзец, балянсуючы, прайшоў па вільчаку ды прымацаваў сьцяг да маланкаадводу. Як у момант абвяшчэньня рэферэндуму аб працягу паўнамоцтваў прэзыдэнта ў натоўпе ля экрану на Кастрычніцкай завёў скандаваньне «Ганьба!» – атрымаў 15

сутак (дарэчы, гэтым эпізодам заканчваецца вядомая кніга пра Лукашэнку Аляксандра Фядуты). Як на 18-ы дзень маладафронтаўскае галадоўкі ўжо сёлета тэлефанавала й ледзь ня плакала журналістка: «У яго ўжо костачкі прасьвечваюцца, як у вязьня Бухэнвальду, з рота пахне ацэтонам – у арганізьме незваротныя зьмены!...»

Прыхаджанін эвангельскай царквы, Дашкевіч распачаў Рэфармацыю Маладога фронту. Усталяваў сярод сябраў руху маральны стандарт: «Калі мы змагаемся за Адраджэньне на хрысьціянскіх прынцыпах – ня маем права піць, паліць, блудзіць». І такое выхаваньне, на якое, прызнаюся, не заўсёды ставала адвагі ў нас са Скочкам, загартоўвала вакол Зьмітра моладзь сапраўды сумленную й самаахвярную.

Самыя моцныя супраціўнікі для бязбожнага, хлусьлівага, састарэлага рэжыму – менавіта такія. Рашучыя, маладыя, вернікі. Іх ня могуць спалохаць або купіць. І вось ужо абвінавачваюць у рабаўніцтве (між іншым, у Дзень беларускай вайсковай славы) 15-гадовага капітана салігорскага МФ Івана Шылу. Вось ізалююць у чатырох сьценах магілёўскае камендатуры Артура Фінькевіча. Арыштоўваюць і кідаюць на «валадарку» ў «справе Маладога фронту» Зьмітра Дашкевіча.

Але, спрабуючы разьбіць, спыніць і стрымаць моладзевы рух праз «крыміналку» аб «незарэгістраванай арганізацыі», спадкаемцы Цанавы й Вышынскага добра-ткі схібілі. Сотні беларусаў, сярод якіх Уладзімер Арлоў, Ніл Гілевіч, Лявон Вольскі, гатовыя сьведчыць на судзе ў абарону Маладога фронту. Больш за тое, ужо 1,5 тысячы чалавек падпісалі зварот ад імя сябраў «незарэгістраванага» Маладога фронту з патрабаваньнем спыніць перасьлед моладзі й вызваліць палітвязьняў. Калі судзьдзя заслухае іх у якасьці сьведкаў, яму давядзецца адпраўляць у турму сотні (а можа, й тысячы) людзей. Калі ж суд адмовіцца выклікаць іх у якасьці сьведкаў абароны – значыць, за ўдзел у «незарэгістраванай арганізацыі» і выступ ад яе імя судзіць ужо ня могуць.

Рэжым сам загнаў сябе ў гэтую пастку антызаконнымі, у духу 1937 году, папраўкамі ў Крымінальны кодэкс. Спрабуючы забараніць Малады фронт, ён дзесяцікроць яго раскручвае.

Сёньня ў кожнага беларуса ёсьць магчымасьць на некалькі хвілінаў апынуцца на месцы Ўільяма Ўоласа. Стаць адважным сэрцам. Падтрымаць маладафронтаўцаў і Зьмітра Дашкевіча. З трыбуны суду абвінаваціць рэжым у твар. Супраць такой нашай салідарнасьці пракуроры й гэбісты бясьсільныя.

Толькі так – разам! – можна супрацьстаяць масавым працэсам. Бо на чарзе ўжо палітычныя партыі й грамадзкія арганізацыі. Толькі так мы, беларусы, здолеем абараніць усіх і кожнага. Трымаемся побач! Бярыцеся за рукі! Глядзім дзяржаўным злачынцам у вочы! І кажам: «І я маладафронтавец!», «І я!», «І я таксама!..»

Многія, хто ведае, што такое Малады фронт і хто такі Зьміцер Дашкевіч, ужо наважыліся стаць сьведкамі салідарнасьці. Ці гатовы ты стаць у шэраг?

Абавязкова прыходзь на суд.

Справа Маладога фронту зробіцца адной з самых яскравых падзеяў нацыянальнага абуджэньня.

Камэндант і страх сьмерці

Усе клічуць яго Камэндантам. Зрэдчасу пачуеш – «Цімафеіч», а так усё Камэндант ды Камэндант. Такое ўражаньне, што сапраўднага ягонага прозьвішча ў Алёшчы ня ведае ніхто. Калі ж запытаесься, ён уважліва прасьвідруе цябе пільным позіркам празрыста-шэрых вачэй з прымружанага змаршчыньня: «А навошта табе?»

Камэндант так і размаўляе – задае пытаньне й пранізьліва ўзіраецца, маўляў, я цябе наскрозь бачу. Ён амаль ніколі не падвышае голасу й ня лезе ў парожнія гутаркі. Трымаецца наводдаль. Назірае.

Камэндант, прынамсі афіцыйна, не зьвязаны ані са спэцкамэндатурай у Ветрына, ані з камэнданткай інтэрнату (хаця, пагадзецеся, замнога тут камэндантаў) і няўлоўна нагадвае хіба *камандантэ* Фідэля. Цімафеіч, праўда, маладзейшы, яму мо пад шэсьцьдзесят пяць, і без барады, але вось гэты позірк, пільны й крыху шалёны, гэтая вайсковая пастава й манера *пытаць* суразмоўніка іх дужа прыпадабняе.

Ну і, вядома, погляды.

Камэндант лічыць, што ён сумленна пражыў жыцьцё, служыў Радзіме, ахоўваючы зэкаў у «зоне» ў 1970–1980-я. Шчыра не даўмеецца, калі Сталіна назавуць тыранам, і скажа, што сёньняшняя ўлада слабаватая – «разбаўтаўся народ».

Чым займаецца Камэндант у Алёшчы, наўрад ці хто скажа пэўна. «Парадак наводзіць», – пацісьне плячыма брыгадзір. Нейкі час ён вастрыў сякеры, правіў вілы, рыдлёўкі й кручкі для адкаткі. Але як што снадзіва на эстакадзе ўвесь час кралі ды прапівалі (нат не заставалася чаго вастрыць і рамантаваць) – ён кінуў гэты занятак ды перабраўся за эстакаду, куды кранамі ў вялізныя горы адносяць вецьце ды сьмецьце.

І пачаў паліць вогнішчы.

Калі Камэндант утылізуе тое вецьце – усю Алёшчу, бы туманам, зацягвае дымам. Яловае гольле разгараецца, дае полымя на некалькі мэтраў і час ад часу трэскае агромністымі фаервэркамі – тады здаецца, што за эстакадай прарвала жарало невядомага вулькана.

Сам са Смаленшчыны, у 1960-х Цімафеіч скончыў школу; адслужыўшы на Ўрале, застаўся наглядчыкам у тамтэйшай калёніі і з часам вырас да загадчыка ўчастку, дзе адбывала пакараньне 2,5 тысячы зэкаў. Выйшаў на пэнсію, пасяліўся ў Алёшчы, і з тых пор ягоная прывідна-шэрая постаць за эстакадай – неад’емная частка тутэйшага краявіду.

«Бачыш, які развал? – ківае Камэндант на алёшчынскі склад, дзе некалькі п’яных рабочых ужо каторую гадзіну «перакурваюць». – А ведаеш, чаму? – і, не даючы сказаць *чаму*, адказвае сам: – Бо вашая дэмакратыя добрая ў іншым месцы. А нашаму чалавеку трэба пуга. Так-так, не матляй галавой, пуга. І страх сьмерці. Інакш працаваць ня будуць».

Камэндант спрытна цыркае сьлінай, уладным рухам рукі спыняе мае пярэчаньні й працягвае: «Галоўнае – абнесьці тэрыторыю калючым дротам. Стралкоў на вышкі. Страх сьмерці патрэбны, разумееш? Тады ты кантралюеш сытуацыю. А там, унутры, ужо справа тэхнікі. Падзяліць, каб не групаваліся самі, дзесьці пасварыць, асьведаміцеляў там... І парадак».

«Ага, парадак, – не вытрымлівае хтосьці з рабочых, – такім, як ты, дай волю, вы ўсю Беларусь па пэрымэтры абгародзіце».

Мне згадаліся гэтыя словы Камэнданта, калі пасьля выпадку зь сіратою Вікцяй Мароз, навучэнкай Вілейскага інтэрнату, сотням беларускіх дзетак было забаронена выяжджаць на аздараўленьне ў Італію.

Тая ж прамова Камэнданта пра страх сьмерці ўзьнікла ў памяці, калі аднаго зь лідэраў Маладога фронту, Паўла Красоўскага, арыштавалі паводле падазрэньняў ва ўчыненьні віцебскіх выбухаў (маўляў, падобны да фатаробата): згодна з гэтым артыкулам Крымінальнага кодэксу ўжо можна асудзіць да пакараньня сьмерцю. Баючыся размаху маладафронтаўскай справы й *сьведкаў салідарнасьці* на судзе, рэжым падае сыгнал сапраўдным злачынцам, якіх так і не знайшлі: «Узрывайце далей – замест вас пасадзім палітычных!»

Вялізная постаць Камэнданта вырастае цяпер па-над сотнямі менскіх галадоўнікаў-хрысьціянаў з царквы «Новае Жыцьцё», якіх пазбаўляюць іхняга дому малітвы.

Але хрысьціяне не баяцца сьмерці. Яны баяцца толькі Бога, Які ўладны і над сьмерцю, і над жыцьцём. *«Новае Жыцьцё»* – назва тут зусім не выпадковая. Вось чаму страх сьмерці не ўратаваў ад краху ані Рымскую імпэрыю, ані Трэці Райх, ані Савецкі Саюз. Былі тыя, хто не баяўся сьмерці, – і гэта азначала, што калючы дрот, стралкі на вышках і нават камэнданты бясьсільныя.

Бібліятэка ў прыбіральні

Мае інтэрнацкія суседзі штодня чытаюць клясыку. «Як нам рэарганізаваць Рабкрын» Уладзімера Ільліча Леніна, «Пётар І» графа Аляксея Талстога, «Трывожнае шчасьце» Івана Шамякіна ці, на скрайні выпадак, «Тэхніку бясьпекі ў лясной вытворчасьці» з прадмовай, прысьвечанай вынікам ХХІІ зьезду КПСС. Прычым, дзеля таго, каб даведацца, якія глыбіні філязофскае думкі вымяраюць «хімікі» ды работнікі сёньня, не абавязкова наведвацца да іх у пакой. Дастаткова зайсьці ў драўляную прыбіральню (дзьве кабінкі ў паўсотні

мэтраў ад інтэрнату), ёмка ўладкавацца і прабегчы вачыма па радкох на шчодра раскіданых вакол ашмётках кніжных старонак. Некалькі цэлых клапатлівыя чытачы пакідаюць наступнікам: заткнутыя ў шчыліны паміж дошкамі, яны ўтвараюць зручны каталёг з фармулярамі самае папулярнае літаратуры за апошні тыдзень.

Ані Борхэсу, ані Оруэлу й ня сьнілася такая бібліятэка – абавязковыя 10 хвілінаў штодня, індывідуальныя кабінкі замест агульнае чытальнае залі, і напрыканцы – непазьбежная ўтылізацыя.

Здаецца, яны не чыталі Рабле, але...

Можна зразумець роспач сіценскай бібліятэкаркі, пэнсіянэркі Людмілы Пятроўны, якая скардзіцца: «Раней жа ў нас 5 тысячаў тамоў было – а цяпер некалькі соцень. Разьбіраюць і не вяртаюць. На самакруткі скурваюць іх, ці што?..»

Ці што, Людміла Пятроўна, ці што.

І застаецца ў выніку ў сіценскай бібліятэцы няпоўны Збор твораў Леніна, Маркса, рэшткі фундамэнтальных савецкіх сэрыяў накшталт «ЖЗЛ» ды «Замежная літаратура», «Васёк Трубачоў», «Паўка Карчагін»... Беларуская літаратура захоўваецца крыху лепей (пэўна, у прыбіральні чытаецца тугавата) – Крапіва, Чорны, Караткевіч. Ёсьць нават «Таямніцы полацкай гісторыі» Ўладзімера Арлова.

Але ўсё гэта – тоўшчай на дальніх пыльных паліцах. На самым бачным месцы (там, дзе раней быў чырвоны куток), вокладкамі навонкі, быццам піраміда чакалядак ці кансэрваў у сельпо – «Дзяржаўная ідэалёгія». Тут, натуральна, ніякіх табе сяброў СБП. Афіцыйная біяграфія Аляксандра Рыгоравіча, глянцавы агітпроп «Мы – беларусы», тлумныя тамы пра інтэграцыю з Расеяй. Калі бярэш у рукі які-небудзь з гэтых нарожных камянёў сучаснай, так бы мовіць, нацыянальнай дзяржаўнасьці – Людміла Пятроўна войкае й сумятліва бяжыць папраўляць, каб піраміда раптам ня рухнула. «А газэтныя падшыўкі ёсьць?» – пытаюся. «Канечне», – выкладвае бібліятэкарка «Советскую Белоруссию» і тутэйшы «Полацкі весьнік». Зьвяртаю ўвагу, што раёнка месцамі папсаваная. «А, гэта з райвыканкаму загадалі сьпісы ўчастковых камісіяў з усіх мінулых выбараў выразаць і ім адправіць». Ага. Вось, значыцца, як.

Вяскоўцы наведваюцца ў сіценскую бібліятэку параўнальна часта (апроч «Первого канала», «максімкі» й суботніх танцаў зь дзяжурнай бойкай забаваў тут небагата) – штодня чалавек па пяць-сем. Першае, што пытаюцца, – дэтэктывы. Маецца на ўвазе pulp fiction данцовых-варанцовых. «Фінал краба» таварыша Чаргінца браць чамусьці ня хочуць. Інжынэры ды майстры просяць адмысловую літаратуру, прысьвечаную лясной гаспадарцы. Астатняе бяруць гады ў рады.

Гісторык Андрэй Катлярчук напісаў мне, што яшчэ ў XVII–XVIII стагоддзях у беларускіх вясковых бібліятэках можна было трапіць на цудоўныя зборы замежнай літаратуры на некалькіх мовах. На пачатку III тысячагоддзя бібліятэка ў родных краях Эўфрасіньні Полацкай, Францыска Скарыны, Сімяона Полацкага ня мае ані Бібліі, ані слоўнікаў, ані інтэрнэту. Затое зь перадавіцы «Саўбелкі» ў падшыўцы ганарыста пазірае «дыямэнт» Нацыянальнай бібліятэкі – агромністая спаруда, напханая камуністычным ды расейскамоўным чытвом, куды людзі заходзяць хіба што падзівіцца на грандыёзныя перакрыцьці са шкла ды бэтону. Паводле сьведчаньня наведнікаў, амаль пустая. А чаму б не паставіць у тых беларускіх бібліятэках, куды людзі ўсё яшчэ ходзяць, хаця б па адным кампутары, падлучаным да інтэрнэту, – і плату за карыстаньне пускаць на набыцьцё новых кніг?.. Апроч іншых выгодаў – электронныя тэксты, прынамсі, не прападуць у чорнай дзіры.

Уладзімер Арлоў прывёз у Сітна колькі кніг зь бібліятэкі Саюзу пісьменьнікаў, наваполацкая літаратарка Ірына Жарнасек – каталіцкія часопісы, «Бацькаўшчына» пераправіла сэрыю кніжак са свайго выдавецтва. Дамовіліся, што перадам у школу падчас месячніка беларускай культуры, ладжанага мясцовай суполкай ТБМ. Падрыхтаваў каля сотні тамоў хрысьціянскае й беларускае літаратуры са сваіх або падараваных кніг і для Людмілы Пятроўны. Адзінае, трэба яе будзе папярэдзіць, каб не выдавала дахаты.

Якую ролю выконваюць цяпер вясковыя бібліятэкі ў Беларусі? Бясплатнага складу туалетнай паперы? Мясцовага інфармацыйнага цэнтру артадаксальнага марксізму й

ваяўнічага атэізму? Установы, якая дапамагае жыхарам забіваць час?..

Занядбаньнем Бібліятэкі, непавагай да кнігі й увогуле сваёй хлусьнёй дзяржава культывуе недавер і нават грэблівасьць да друкаванага слова. Людзі ня вераць кнігам (аказваецца, Ленін – такая ж фантастыка, як і Гары Потэр), ня вераць газэтам, ня вераць указам ды дырэктывам. А непавага да напісанага чорным па белым, у сваю чаргу, разбурае падмуркі самой дзяржавы. Культуру. Адукацыю. Закон. Тое, што нашчадкі Скарыны на ягонай радзіме падціраюцца друкамі, насамрэч сьведчыць пра руйнаваньне 500-гадовай цывілізацыі.

Дзе-небудзь у Пакістане ці Інданэзіі знаходка вырваных старонак з Карану адразу выклікае шматтысячныя маніфэстацыі пратэсту. А ў Малым Сітне на нашае з майстрыцай пытаньне: хто скарыстаў прынесеную эвангелісткамі кніжку з цытатамі зь Бібліі?! – работнікі абыякава цепаюць плячыма: тае бяды...

Адной з надзённых задачаў новай улады ў Беларусі будзе паўсюдная адбудова, упарадкаваньне й мадэрнізацыя бібліятэк і напаўненьне іх хрысьціянскай, патрыятычнай, беларускамоўнай літаратурай.

Новай Беларусі давядзецца пачынаць з таго ж, з чаго паўтысячы гадоў таму пачынаў палачанін Скарына. З Кнігі Кніг. Зь бібліятэк Бібліі.

Бо «на пачатку было Слова, і Слова было ў Бога, і Слова было Богам», як напісана ў Эвангельлі паводле Яна 1:1.

Бібліятэка любое эўрапейскае нацыі вам пацьвердзіць, што менавіта з гэтага Слова пачынаецца нацыянальнае абуджэньне.

Сабачае шчасьце

Вось ужо некалькі тыдняў наведнікаў сіценскага інтэрнату сустракае шматгалосы віск ды скавытаньне з-пад ганку. Якраз на сьвяты ў дашчанай скрынцы, зь якой зробленыя прыступкі, ашчанілася дварняжка Мільда.

Нягледзячы на бадзяжны выгляд, рост 30 сантымэтраў і вагу кіляў пяць, Мільда – псіна баявая. Службовая. Рабочы

Сяргей, які вартуе на лесапавале тралёвачныя трактары, бэнзын ды вагончык зь лесьніковым снадзівам, заўжды бярэ Мільду з сабою. Доўгімі зімовымі вечарамі, калі гаспадар глушыць «максімку» або адсыпаецца, задача Мільды – брахаць пры набліжэньні начальства, а раніцай – будзіць Сяргея да прыезду вахтоўкі. На Каляды, убачыўшы ў сваёй карацупы добрае бруха, вартаўнік кінуў яе ў вёсцы.

У маразы Мільдавы шчанюкі наўрад ці б выжылі, але дзякуючы эўрапейскай зіме бадзёра пішчаць. Цяпер Мільду, якую раней пінком адганялі ад форткі, ласкава кормяць і «хімікі», і майстрыца, і вясковыя рабочыя. Цешацца ўсе – трэба меркаваць, да тае пары, пакуль з-пад ганку ня вылезуць чатыры ці пяць новых дварняжак.

Увогуле, сабакаў у Сітне больш, чым кароваў ды сьвіньняў, разам узятых. Апроч свойскіх, пераважна аўчарак, па вёсцы гойсаюць колькі дзясяткаў дзікіх – калматых, пярэстых, вялікіх ды маленькіх, невядома якое пароды. Шыльды «Асьцярожна: злы сабака!» тут ня маюць сэнсу: злы сабака ў двары – гэта само сабою (хаця вартаваць у большасьці хатаў няма чаго). Ані ў бацькавай Унорыцы на Дняпры, ані ў матчыным Лунінцы столькі сабакаў ня бачыў.

Увечары дзікія сабакі Сітна ператвараюцца ў сапраўдных валадароў вёскі. Некаторыя гаспадары спускаюць сваіх азьвярэлых братоў меншых з ланцугоў – і ў выніку ў сельсавет штотыдня трызвоняць напалоханыя або пакусаныя жыхары.

Абмяжоўваюць колькасьць сіценскае зграі хіба начныя ваўчыныя рэйды ў моцныя маразы – бывае, рэжуць нават аўчарак на падворках.

Харчуецца ўся папуляцыя на вясковых сьметніках, ад чаго памыйныя кучы набываюць надзвычай маляўнічы выгляд. Найвялікшае ў вёсцы сабачае шчасьце разьмяшчаецца якраз за нашым інтэрнатам – апроч «хімікаў» ды рабочых, у яму ў 50 мэтрах ад бараку зносяць адкіды жыхары суседніх дамоў. У выніку, як ты ні закопвай пакункі са сьмецьцем, за ноч сабакі растрыбушаць усё да апошняга шматка. Уяўленьне такое, быццам тут выбухнула бомба, начыненая памыямі, пакінула глыбокую варонку, а ўдарная хваля разьнесла бляшанкі, цэляфан, паперкі ды неядомую клятчатку.

Часам здаецца, што сабакам у Сітне жывецца лепш, чым людзям. Калі чуеш, як п’яныя вяскоўцы брэшуць на сваіх дзяцей, бачыш, зь якой сабачай прагай малыя зь «ненадзейных» сем’яў кідаюцца на тую пячэніну ці цукерчыну, або як школьнікі сігаюць за плот ад вялізнага барбоса, спушчанага з ланцугу, – думаеш, што сабакам тут якраз пашанцавала.

Задаволена павіскваюць Мільдавы шчанюкі, аб’ект усеагульнае ўвагі ды клопату. Мітусяцца вакол людзі. Глядзіш на такую рэдкую ў гэтых краёх чалавечую ласку, пяшчоту, ціхую радасьць – і згадваеш, што вось гэты вясковец, які, пацмокваючы, падкладае Мільдзе костку, нядаўна выгнаў на вуліцу сужыцельку зь дзіцём; кабеціна, у якой аж вочы сьвецяцца каля тых шчанюкоў, пазбаўленая бацькоўскіх правоў за хранічны алькагалізм; а мужык, што пачэсвае дварняжку за вухам, адбывае «хімію» за нявыплату аліментаў.

І ўсё-такі: гэта любоў.

…На Раство да мяне прыяжджалі пратэстанты-прадпрымальнікі зь Менску. Пачаставалі на вуліцы параю мандарынаў тых дзетак, убачылі, як зьбегліся астатнія, ды, пакінуўшы 50 тысячаў, папрасілі павіншаваць усіх малых у Малым Сітне. Мне кінулася ў вочы адно: і загадчыца сельпо, у якой закупаў цукеркі, печыва ды садавіну, і супрацоўніца дзіцячага садка, і настаўніца ў школе, якім адносіў ласункі з просьбай раздаць на Раство «ад эвангельскіх хрысьціянаў», і бацькі на елцы – апускалі вочы.

Значыць, няёмка. Сорамна.

Значыць, ёсьць надзея, што ня вытаптаныя, ня згаслыя канчаткова агменьчыкі сумленьня й спагады ўрэшце разгарацца. Што беларусы адчуюць любоў Божую, любоў да блізкага свайго, да братоў – і большых, і меншых… Што адшукаюць яны шлях да Вялікага чалавечага шчасьця. Шлях, якім ёсьць нацыянальнае абуджэньне.

Шлях пілігрыма

Калі адбываеш у вёсцы двухгадовую палітычную высылку, ужо падумваеш пра ўмоўна-датэрміновае вызваленьне і раптам даведваесься, што ты тут ня першы, а хто-ніхто з

палітвязьняў 250 гадоў таму па сканчэньні ўнівэрсытэту праседзеў у Сітне ўсё астатняе жыцьцё – дзякуеш Богу за лёгкі шлях.

Вестка пра майго папярэдніка-дысыдэнта, пісьменьніка, хрысьціяніна – прыйшла, уявіце сабе, са Стакгольму.

Яшчэ ўзімку найлепшая ў Эўропе беларуская міліцыя не прапусьціла да мяне ў госьці кіраўніка прадстаўніцтва Швэцыі ў Беларусі Стэфана Эрыксана. Цэлая група па захопу затрымлівала й разварочвала швэда ўжо ў Сітне: пільныя праваахоўнікі не дазволілі нават перадаць мне кніжкі ды прадукты: «А раптам вы яго атруціце!..» Кніжкі дыплямат праз бацькоў усё-такі перадаў. Сярод іх аказалася цудоўнае выданьне беларуса Андрэя Катлярчука, які працуе зараз ва ўнівэрсытэце Стакгольму – «Швэды ў гісторыі й культуры Беларусі». Абавязкова раю прачытаць: Катлярчук літаральна адкрыў у беларускай гісторыі *трэцяе вымярэньне* – апроч усходняга, праваслаўнага й заходняга, каталіцкага – яшчэ й паўночнае, пратэстанцкае. У надзвычай цікавым дасьледаваньні – і Полацак вараскіх часоў, і прашвэдзкі пратэстанцкі рух Рэчы Паспалітай, і эвангельскія ўплывы са Скандынавіі XX стагоддзя.

Неўзабаве атрымліваю ліст ад самога Андрэя – у працяг швэдзка-пратэстанцкай тэмы. «Па Вялікай Паўночнай вайне на пратэстантаў ВКЛ, што дапамагалі Швэдзіі й Карлу XII, абрынулася хваля рэпрэсіяў, – піша Андрэй Катлярчук, – каталіцкі ўрад зачыняў зборы й школы, натоўпы фанатыкаў палілі бібліятэкі й зьбівалі пастараў, шляхцічаў-пратэстантаў, выціскалі з палітычнага жыцьця... Гэткім чынам на службу ў глухі замак *Сітна* на мяжы з Расеяй трапіў выпускнік Сарбоны шляхціч-кальвініст Стэфан Аледзкі. Пражыўшы ў Сітне ўсё жыцьцё, у 1757 годзе Аледзкі пераклаў з францускай на польска-беларускую макаранічную мову культавую кнігу эўрапейскіх пратэстантаў «Шлях пілігрыма» ангельца Джона Буньяна (John Bynuan. The piligrim’s progress»).

Несправядальныя шляхі Твае, Госпадзе!

Кожнаму зь пілігрымаў, якія шукаюць Цябе, Ты вызначыў сваё падарожжа.

Аднаго, як Джона Буньяна, што напісаў сваю кнігу ў турме й зрабіўся апосталам рэфармацкага руху, вядзеш праз пакуты да сусьветнае славы і вянца сьвятасьці.

Другога, Стэфана Аледзкага, што пераклаў Буньяна для беларусаў ды палякаў, – скрозь непрыняцьцё ды забыцьцё да раптоўнае згадкі праз чвэрць тысячагоддзя.

Трэцяга, Андрэя Катлярчука, што дабраўся ажно да Стакгольму, шукаючы Тваіх сьлядоў у гісторыі, – праз жыцьцё на чужыне да захапляючых адкрыцьцяў для Бацькаўшчыны.

Нарэшце й мяне – па дарозе з саўковае РБ да сапраўднае Беларусі спыняеш у простае вёсачцы, якая не перастае зьдзіўляць глыбінёю гісторыі й насычанасьцю сэнсам.

Што было ў Сітне часоў Аледзкага? Памежны замак, дзе Стэфан кіраваў невялікай залогаю; мытня на шляху з Пскова да Полацку, на месцы якой дзятва дагэтуль капае старажытныя манэты; карчма, ля якой любы падарожны можа сёньня падабраць ашкелкі даўняе керамікі й дзе, як і зараз ля крамы, ашываліся тагачасныя бражнікі; Расея, зь якой сюды цягнулася галеча й наяжджалі разбойнікі... Усё амаль як цяпер.

Што вартаваў Стэфан Аледзкі на мяжы з Расеяй, калі Масква ўжо напоўніцу гаспадарыла і ў Полацку, і ў Вільні, і ў Варшаве? Што сказаў бы, калі б даведаўся, што выхаванцы ягонае альма-матэр тыднямі ваююць з урадам, каб іхнія працоўныя месцы на дасталіся *ўсякім палякам*, што паляк Ян Павал ІІ ад імя ўсяго Каталіцкага Касьцёла пакаяўся перад іншаверцамі за колішнія рэпрэсіі, а беларускія пратэстанты, якіх ізноў залічваюць да «нетрадыцыйнага для Беларусі веравызнаньня», стаяць поплеч з ксяндзамі ў намётавым гарадку супраць тыраніі?..

Які шлях прайшоў Стэфан Аледзкі? З бліскучай адукацыяй, у пажыцьцёвым выгнаньні, у глушэчы, сярод безнадзёгі, на тле грамадзкага ўпадку, гаспадарчага бязладзьдзя й палітычнай нецярпімасьці – пераклаў кнігу для руху гэткіх жа гнаных хрысьціянаў па ўсёй Рэчы Паспалітай. Ня выракся веры, не апусьціў рукі, ня сьпіўся – і вось, праз два з паловай стагоддзі ўжо на старонках першай беларускай газэты завіт-

вае да тысячаў суайчыньнікаў, каб падбадзёрыць іх: «Вышэй галаву: бывала й горш!»

Часам нам здаецца, што мясьціны шэрыя, часы змрочныя, людзі нудныя, а жыцьцё марнае – але менавіта сум сьвету, тлум чалавечы й доўгае чаканьне ёсьць абавязковай платай пілігрыма за спатканьне са сьвятасьцю.

Спачатку ў кожнага пілігрыма свой шлях. Кожны пакідае ўласную хату са сваімі думкамі, уласным грахом, пакаяньнем ды пакліканьнем. Кожны ўяўляе падарожжа па-свойму, размаўляе з Богам асабіста й адольвае цяжкасьці самотна. Але па меры набліжэньня да мэты сустракае тых, хто ідзе туды ж, куды й ён, – і асобны шлях уліваецца ў супольную пілігрымку. Чароды падарожнікаў злучаюцца: на дарозе ўжо хроснае рушаньне пад агульнымі сьцягамі й харугвамі, з дружнымі гімнамі й шматтысячным рокатам малітвы... І калі дзясяткі, сотні тысячаў вернікаў, паплечнікаў, вандроўнікаў зьбіраюцца разам ля самое сьвятыні – кожны бачыць на свае вочы, што ягоны няблізкі й цяжкі, але ўпарты асабісты шлях урэшце рэшт вёў да ўсеагульнага нацыянальнага абуджэньня.

В. Малое Сітна, 2005–2007 гады

З КНІГІ «ЛЮБЛЮ БЕЛАРУСЬ»

Расейская імпэрыя

Расея стала Расейскай імпэрыяй толькі тады, калі ўзламала Беларусь. Расея стала імпэрыяй культуры толькі тады, калі прыўласьціла Беларусь. Расея перастала быць сусьветнай імпэрыяй толькі пасьля таго, як гэта вырашылі ў Беларусі.

Стагоддзі войнаў ды акупацыяў прызвычаілі нас глядзець на Расею або па-рабску, або варожа, спадылба, і бясьсіла ўглядацца вакол: скрозь мат, расейшчына й улада Крамля. Але Госпад Бог невыпадкова даў нам супэрсуседа – самую буйную краіну ў сьвеце. Дзяржава, якая жыве паводле прынцыпу Кацярыны: «Людзі народзяцца, а землі – не», адкрывае

для беларускай місіі велізарныя прасторы Азіі. Беларусь адзіная, хто можа перамагчы ў Расеі імпэрыю.

Супрацьстаяньне Расеі й Беларусі – з разраду эпічных бітваў чалавечае гісторыі. Так змагаліся Ірляндыя з Ангельшчынай, Сэрбія з асманамі або Ізраіль з Рымам. З XV стагоддзя Масква, якой не давала спакою найменьне галоўнай, незалежнай, сьвятой Белай Русі, спрабавала праглынуць і ператварыць Беларусь, а Беларусь у адказ спрабавала ператварыць Расею хрысьціянскім уплывам, культурай і, урэшце рэшт, самаахвярнасьцю.

Вялікае Княства Маскоўскае мангола-татарскае іга выхавала як дэспатыю ардынскага кшталту. Ужо ў XV ст. Масква ўзяла шлюб са сьмяротна хворай Бізантыяй, абвесьціла сябе Трэцім Рымам і распачала агрэсіўныя войны, а ў часы Івана Жахлівага набыла пазнавальныя абрысы: «Чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лайяй!..»

Іван сапраўды аказаўся жахлівы. Геапалітычнае сутыкненьне з ВКЛ і суперніцтва за славянскае лідэрства раз і назаўжды зрабілі Беларусь галоўнай праблемай Расейскай імпэрыі на шляху экспансіі ў Эўропу, галаўным болем крамлёўскае ваеншчыны й насычэньнем галоднае Расеі працоўнай сілай, гарматным мясам ды вялікімі талентамі.

Ужо тады Беларусь, адчайна абараняючы ўсходнія межы, намагалася перамагчы імпэрыю эвангелізацыяй. Скарына павёз у Маскву Бібліі – спалілі. Федаровіч і Мсьціславец усё-ж такі распачалі тут друк Сьвятога Пісьма – выгналі. У гэты ж момант цар нанёс удар у сэрца Полацку. Іскры беларускай Рэфармацыі запальвалі сярод расейскіх мяшчанаў агмяні, гатовыя выклікаць выбух, – але апрычніна й артадоксы тут жа гасілі іх на калох і дыбах.

Імпэрыя ўжо ацаніла сілу супраціўніка. Адгэтуль яе глябальнай мэтай стала поўнае й безагаворачнае зьнішчэньне Беларусі. У страшнай вайне 1654–1967 гадоў загінуў кожны другі беларус. Паўночная вайна забрала яшчэ 800 тысячаў жыцьцяў. Нарэшце, напрыканцы XVII стагоддзя зьнясіленую да страты прытомнасьці краіну Расея акупавала цалкам.

Беларусь усё яшчэ была жывая – і ўсё з той жа непамыснай любоўю да ворагаў прасьвятляла, дабраслаўляла й ра-

тавала Расею. Сімяон Полацкі стварае ў Маскве першую партыю «заходнікаў» і спрабуе выхаваць эўрапейцам малога Пятра I. Мялет Сматрыцкі навучае Усход пісьмовасьці, Ільля Капіевіч распрацоўвае для расейцаў шрыфты й падручнікі. Палонныя беларускія рамесьнікі ствараюць шэдэўры духовага мастацтва, ад іканастасаў да саміх абразоў, у маскоўскіх храмах і манастырах...

Гэта паражае да глыбіні душы. Нават у апагеі магутнасьці, зь межамі ад Ціхага да Атлянтычнага акіяну, Расейская імпэрыя настолькі баялася маленькай, ледзь дыхаючай Беларусі, што выкараняла і яе мову, і веру, што забараняла нават імя. Скасаваньне Статуту ВКЛ, ліквідацыя вуніі й перайменаваньне ў «Северо-западный край» праводзіліся гэнэралам-губэрнатарам Мураўёвым ужо як пахаваньне. Тое, што не дарабіў расейскі штык, мусіла дабіць расейская царква і расейская школа.

Але неверагодны контарнаступ цэлай дыяспары геніяў, якім Беларусь адказала на гэта Расеі ў XIX стагоддзі належыць да найвялікшых цудаў нашай гісторыі. Міхаіл Глінка, аўтар расейскага гімну й заснавальнік расейскае музычнае клясыкі, Хведар Дастаеўскі, самы хрысьціянскі пісьменьнік Расеі, яе прарок, Немiровіч-Данчанка, Стравінскі й Барадзін, Грыбаедаў, Рымскі-Корсакаў, Пісараў, Бунін выклікалі сьветапоглядную рэвалюцыю знутры імпэрыі й літаральна пераплавілі расейскае грамадзтва высокай, натхнёнай, духовай культурай.

Параза імпэрыі была прадвырашаная.

XX стагоддзе вялізнымі крыжамі перакрэсьліла Расею як імпэрыю – менавіта ў Беларусі.

У 1898 годзе ў Менску зьбіраецца I зьезд РСДРП – партыі, якая разбурыць старую Расею да асноваў.

У 1915–1917 гады ў Магілёве, у стаўцы I Сусьветнай вайны, расейскі цар Мікалай II дачакаецца развалу гіганцкае дзяржавы і вырачацца прастолу, так і не даехаўшы да Піцеру.

Потым – Берасьце: заключаецца вядомы «Берасьцейскі мір» бальшавікоў зь немцамі, праз 20 гадоў пасьля якога, з пактам Молатава – Рыбэнтропа, вэрмахт і Чырвоная Армія наладзяць сумесны парад – і вось праз 2 гады гітлераўцы

возьмуць штурмам Берасьцейскую крэпасьць і накіруюць галоўны ўдар супраць Расеі празь Беларусь.

Белавеская пушча 1991 года падвядзе рысу пад 70-гадовым існаваньнем СССР. Звыш-Расея, што дасягнула кульмінацыі ў самай страшнай за ўсю гісторыю чалавецтва таталітарнай, агрэсіўнай і бездуховай Імпэрыі зла, рухнула на самай мяжы захопленае Беларусі.

Бо Беларусь любіць Расею той невытлумачальнай, найвышэйшай любоўю, якая сьцьвярджае: «Любіце ворагаў вашых, дабраслаўляйце кляцьбітаў вашых, рабіце дабро ненавісьнікам вашым і маліцеся за крыўдзіцеляў вашых» (Мацьвея 5: 44). Калі ў Расею можна толькі верыць – Беларусь можа толькі любіць.

Закон гісторыі: Расеі як імпэрыі наканавана пацярпець крах менавіта праз хрысьціянскую Беларусь. І, адпаведна, празь любоў, малітву й слова Беларусі – ад імпэрскасьці збавіцца.

Крыніцы

Беларусь – краіна-крыніца.

Вобраз бліскучы, жывы й празрысты. Галоўныя рэкі Ўсходняй Эўропы выцякаюць са спрадвечных балотаў і водападзелаў Міжмор'я, абжытых беларусамі. Беларускія крыніцы наталяюць вадою суседзяў: Дняпро з Прыпяцьцю – стэпавую Украіну, Нёман і Вялья – Літву, Дзьвіна – Латвію, Буг і Нарач – Польшчу. Нават расейская Волга пачынаецца на этнічна беларускім Валдайскім узвышшы, ключавой структуры ўсходне-эўрапейскае гідраграфіі. Адсюль, быццам з забытага, зарослага глухім лесам Эдэму, цякуць вялікія патокі ва ўсе чатыры стараны сьвету. Бо гэта «З Эдэму выплывала рака на арашэньне раю, і потым разьдзялялася на чатыры ракі...» (Быцьцё 2: 10). Волга на Усход, Дняпро на Поўдзень, Дзьвіна на Захад, Ловаць з Волхавам да Ноўгарада, Ладагі, Нявы – на Поўнач.

Крыніца – ключавы сымбаль Беларусі.

Дажджы й росы, талыя воды й туманы перапаўняюць набрынялую вільгацьцю зямлю, сочацца скрозь глебу, фі-

льтруюцца праз крышталёвыя пясочкі, намнажаюцца, а потым пад ціскам тоўшчаў мкнуць да сьвятла й паветра і струменяць ключом чысьцюткае жывое вады. Гэтак, тыпова па-беларуску, нараджаецца цуд тварэньня Божага. Беларуская зямля крынічыць амаль паўсюль – у лесе, балотах, на дне азёраў ды схілах узгор'яў. Калі вада халодная й празрыстая – значыць, блізка крыніца. Ціхая, сьцюдзёная крынічка ў гушчары зь берасьцяным кубкам для піцьця на галінцы – такі ж фірмовы знак Беларусі, як «Песьняры», гружаны БелАЗ або Крыж Эўфрасіньні Полацкай. «Крыніцай» называецца самае папулярнае беларускае піва, лепшыя рэстарацыі й санаторны комплекс пад Менскам. Беларуская паэзія бруіць крыніцамі скрозь, ад Багдановіча да Сокалава-Воюша.

Паняцьце крыніцы для беларускай нацыянальнай ідэі поўнае сэнсу: гістарычнага, геапалітычнага, культуровага, духовага. Беларусь – першапачатак і першапрычына сусьветнай значнасьці.

Мы глядзім тэлевізію, слухаем радыё, чытаем кнігі й газэты, на кожным кроку сустракаемся з загадкавай мэлядычнасьцю й веліччу Расеі, з рамантызмам і ўзьнёсласьцю Польшчы, манюшкамі й арэшкамі, ліцьвінамі й, вядома ж рабіновічамі, з фактамі беларускага паходжаньня тысячаў – так, тысячаў! – знакамітых паэтаў, прарокаў, правадыроў; ужо як належнае ўспрымаем родныя беларускія мясьціны галівудзкіх зорак, ізраільскіх дзеячаў, амэрыканскіх кангрэсмэнаў і эўрапейскіх славутасьцяў, знаёмае ў імёнах, фразах, асацыяцыях – і нават не даём сабе справаздачы, што так багата істотнага бярэ свой пачатак у Беларусі!

Азірніцеся вакол. Зацінае дых, аж хочацца плакаць ад жалю і шчасьця: адлюстраваньні самае сьветлае й ахвярнае ў Эўропе любові, пералівы найглыбейшае сьпеўнасьці й мяккасьці, праблёскі яснае й глыбокае, ціхае, цярплівае прыгажосьці – вось ад чаго на велізарным абшары млее Расея, вось чым пыша Польшча, вось чым зьзяе Ізраіль, вось што калыхаецца, кіпіць і сьвеціцца, прабіваючыся да сьвятла з-пад зямлі, ад Белага мора да Чорнага, ад Атлянтыкі да Ціхага акіяну!

І калі вы пачуеце ўлюбёнае поўнагалосае аканьне і сьціслае, быццам птушынае ціўканьне, дзеканьне й цеканьне,

памяншальна-ласкальныя абароты праз слова, мілыя ноткі, знаёмыя зь дзяцінства, у пастаянных спасылках, канчаткі на «іч – ыч», «онак – ёнак«, і «эня – еня», кропелькі роднасьці ў тытрах ды цытатах, калі вы адчуеце гэтыя шчырыя й чыстыя токі, пранізлівы рытм вялікага Сэрца ў пульсах Кіева, Вільні, Варшавы, Масквы, Піцера й Ерусаліма – шукайце беларускіх крыніцаў.

Вы пачынаеце адчуваць, што перад вамі чыстая, як сьляза, беларускасьць. І што гэта? Вашыя вочы міжволі робяцца крыніцамі.

У невычэрпным альтруізме, якім, як крывёю, сплывае Беларусь, якім пяюць і пояць беларускія крыніцы, празрыста бруяць эвангельскія словы Хрыста: «Хто будзе піць ваду, якую Я дам яму, той ня спрагнецца вавек; а вада, якую Я дам яму, зробіцца ў ім крыніцай вады, што пацячэ ў жыцьцё вечнае» (Яна 4: 14).

Берасьце

Берасьце. Горад-брама. Горад-мяжа. Горад-вартавы.

Берасьце – знак, ад якога адлічвалі межы савецкай улады: «Ад Брэста да Курыл», «Ад Масквы да Брэста нет такога места…». Дагэтуль Крамлю пагражае «натаўскі бот пад Брэстам». Прапускны пункт СССР на Захад, крэпасьць-герой, цэнтар заключэньня вуніі паміж каталіцызмам і праваслаўем 1596 года ды Брэсцкага міру 1918 года, гняздо беларускай Рэфармацыі – вось яно, вастрыё, якое нацэльвае Беларусь у Эўропу, аднолькава адлеглае ад Вільні й Менску, на той самай мяжы, за якой заходзіць сонца.

Берасьце – месца для беларускай зямлі, беларускай гісторыі й беларускай духовасьці скрайне важнае.

Берасьце нарадзілася з замку й дазорнай вежы на памежжы дрыгавічаў з палякамі й валынянамі, зь пільнаваньня ў сутоцы водных шляхоў з Чарнамор’я й Кіева да варагаў і немцаў, з мытні й гасьціннага двара для іншаземцаў. У напятай лукавіне Буга й Мухаўца, са стрэламі касьцёльных сьпічакоў і лязом мяжы – Берасьце заўжды было на вастрыі. Тут Вітаўт і Ягайла плянавалі паход на Грунвальд, тут праводзілі-

ся вялікалітоўскія соймы й зьезды шляхты, сюды першымі даходзілі навіны з Захаду й апошнімі – захопнікі з Усходу. Што значыла Берасьце для ВКЛ, калі тут упершыню ў Беларусі зьявілася габрэйская грамада, калі менавіта яму наступнаму пасьля сталіцы ў 1390-м было даравана магдэбурскае права, калі ў даходах дзяржаўнай казны XVI стагоддзя Берасьцейская мытня складала другі па значнасьці артыкул!

Колішні берасьцейскі герб, вежа ў сутоцы рэкаў, у эпоху Залатога веку трансфармаваўся ў срэбны лук са стралой, нацэленай у неба. Высокасьць мэтаў, напружаньне звыш сілаў, імкненьне да Царства Нябёснага – сутнасьць Берасьця. Вось сапраўдная мяжа, на якой стаяў, стаіць і будзе стаяць гэты горад!

Берасьце, быццам агромністы лук, удвох напялі знакаміты берасьцейскі стараста й канцлер ВКЛ Мікалай Радзівіл Чорны, пачынальнік Рэфармацыі ў Беларусі, і Астафі Валовіч, берасьцейскі ваявода, аўтар Статутаў. Адсюль рушыў той бурлівы духовы ўздым, што абудзіў усе канфэсіі, зь якім уся краіна каялася, ішла да Хрыста й рабілася нацыяй. У Берасьці ў 1553 годзе адчыніўся першы кальвінскі збор – празь дзесяць гадоў па ўсёй Беларусі будуць збудаваныя сотні збораў. У Берасьці, нацэленым у неба, у 1588 годзе нарадзілася беларускае нотадрукаваньне – канцыял «Песьні хвал Боскіх», першы зборнік нашых духовых гімнаў. Зь берасьцейскае друкарні выйшлі дзясяткі хрысьціянскіх выданьняў на лаціне і шыкоўная польскамоўная «Берасьцейская Біблія» – 738 старонак гатычнага шрыфту, з прадметным указальнікам і камэнтарамі – неацэнны дар беларускага хрысьціянства Польшчы.

Берасьце, вострае й зараджанае Берасьце імкнулася зьмяніць усю Эўропу. Берасьцейская вунія 1596 года, адно з найцяжэйшых прымірэньняў у гісторыі чалавецтва, духова злучыла Усход і Захад, спарадзіла мільёны прыхільнікаў хрысьціянскага адзінства і давяла да мяжы зьнікненьня беларускае праваслаўе. Зь Берасьцейшчыны і ідэоляг вуніі, гарадзкі кашталян Іпацій Пацей, і яго заціты супраціўнік, аўтар легендарнага «Дыярыюшу», настаўнік Ілжэдзьмітрыя Афанасій Філіповіч, расстраляны падчас казацкага бунту й кананізаваны праваслаўнай царквой.

У Берасьці прарокі Расеі, Чаадаеў і Грыбаедаў, адчайна марылі пра збаўленьне сваёй краіны. У Берасьці нарадзіліся прэм’ер Ізраіля Менахем Бегін і прэм’ер БНР Аляксандр Цьвікевіч. Зь Берасьця і Мікалай Кузьміч – майстар, што аднавіў Крыж Эўфрасіньні Полацкай.

Наколькі ж ненавіснае было гэтае месца нябёснага імкненьня й сьвятое напругі, ключавое злучво Рэчы Паспалітай, імпэрыям і акупантам! Ахвяра Хаванскага ў 1660-м, кропка падзелу паміж Аўстрыяй, Прусіяй і Расеяй, узятая ў 1794-м Суворавым і ператвораная ў лягер вялізнага расейскага гарнізону… Царскія, каралеўскія, кайзэраўскія штыкі білі ў Берасьце з д’ябальскай апантанасьцю, быццам перуны: каб не напружвалася, ня цэліла, не страляла. У 1831-м захопнікі дарэшты спаляць увесь стары горад, спустошаць цэрквы і кляштары – каб цалкам пахаваць Берасьце пад калясальнай крэпасьцю. 500 казэматаў, двухкілямэтровая замкнёная казарма Цытадэлі на 12 тысячаў чалавек – з крывавае берасьцейскае цэглы, са стайнямі, складамі й штабамі, абсталяванымі ў храмах.

Новы, пусты горад, аднесены на некалькі кілямэтраў на ўсход, адгэтуль будзе здалёк назіраць за тым, як моцна б’ецца яго старажытнае сэрца. Бальшавікі выбралі Берасьцейскую крэпасьць, каб правакаваць сусьветную рэвалюцыю й расплочвацца за гэта Беларусьсю ды Украінай на перамовах зь Нямеччынай 1918 года. Але ўжо праз 20 гадоў у такт пакту Молатава – Рыбэнтропа й зьнішчэньня Польшчы Чырвоная Армія й вэрмахт будуць разам пячатаць крок на пляцы Цытадэлі падчас сумеснага параду. А яшчэ праз тры гады, 22 чэрвеня 1941-га, гэтыя сьцены скалане першы ўдар Гітлера. І Берасьцейская крэпасьць – такое месца, такія камяні, такія людзі! – будзе адстрэльвацца да апошняга, абараняць руіны, расьпісваючыся крывёю на сьценах. Паміраць, але не здавацца.

Бог зьбярог Берасьце.

Гэты горад выжыў. Убачыў і крах фашызму, і сотні тысячаў вэтэранаў у мэмарыяле, і канчатковае пахаваньне савецкае імпэрыі зла ў Белавескае пушчы – блізка, як на далоні.

Сёньня сэрца Берасьця – на вастрыі стралы, на самым памежным выступе крэпасьці, дзе сканцэнтраваная ўся бела-

руская гісторыя. Цэлае радовішча горычы, роспачы й велічы. Рэшткі аўгусьцінскага кляштару, фундаванага Вітаўтам, россыпы царквы, дзе абвяшчалі вунію, руіны крэпасьці й асколкі храмаў, раскіданыя выбухам, – увесь гэты зьмяшаны ў крывавае крошыва найкаштоўнейшы прах, сьціснуты ў кулак, гарыць вечным вагнём і асьвячае бэтонныя манумэнты, вядомыя ўсяму сьвету. Вельмі, вельмі берасьцейскія. «Холмская брама». «Смага». «Мужнасьць».

Берасьцейцы, сама энэргія й трапнасьць, засталіся прыроджанымі стралкамі з луку. Менавіта тут былі арганізаваныя ўсесаюзныя спаборніцтвы ў гэтае дысцыпліне на кубак яшчэ аднаго нараджэнца Берасьця, лётчыка-касманаўта (як вам стрэл у неба!) Пятра Клімука. Берасьцейскія стралкі сталі чэмпіёнамі сьвету й алімпійскімі прызёрамі.

Беларускі фарпост на Захадзе, 300-тысячны горад з паўмільярдным пасажыраабаротам, грузапатокам 150 мільёнаў тона-кілямэтраў, аэрапортам на 100 тысячаў пасажыраў у год, скрыжаваньне чыгунак, аўтамагістраляў і трубаправодаў, сталіца чаўночнага бізнэсу, застаўленая трэйлерамі й гуртовымі складамі, Берасьце – прыцэл Беларусі ў глыбіні Эўропы.

Берасьце зноў чакае тых, хто напружыць старажытны лук. Да мяжы сілаў і духу – дзеля найвышэйшае мэты!

Бел-чырвона-белы сьцяг Хрыста

Калі бачыш бел-чырвона-белае, вочы міжволі прымружваюцца, як ад сьвятла. Сэрца пачынае біцца буйней, а ўсхваляваная душа ўскалыхвае ўсё цела.

Бел-чырвона-бела сьцяг – найвялікшы беларускі сымбаль, наймацнейшая канцэнтрацыя сэнсу нацыянальнае ідэі, зашыфраванае імя Беларусі.

Бо вось ужо дзьве тысячы гадоў гэта – сьцяг Ісуса Хрыста.

Усё проста: белая палатніна, у якую, згодна з габрэйскім звычаем, на пахаваньні загарнулі скрываўленае цела ўкрыжаванага Ісуса, засталася людзям як знак перамогі над злом, нянавісьцю й сьмерцю, калі Хрыстос уваскрос.

Бел-чырвона-белая Турынская плашчаніца прызнаецца навукова пацьверджаным цудам і адной з галоўных

рэліквіяў хрысьціянства. Гэты знак, белую палатніну з чырвоным крыжам, пачалі шырока выкарыстоўваць як сымбаль усяго хрысьціянства ў сярэднявечнай Эўропе. Сьцяг Хрыста зьяўляўся на абразах, вайсковых харугвах, мачтах караблёў – і зь цягам часу, у розных варыяцыях, увайшоў у велізарную колькасьць гербаў, вымпелаў і нацыянальных сьцягоў на ўсёй эўраатлянтычнай прасторы ў Старым і Новым Сьвеце. Дастаткова згадаць, што Ангельшчына дагэтуль мае сьцяг белы з чырвоным крыжам (і гэта яго спалучэньне зь сінім, таксама крыжовым, шатляндзкім штандарам, стварае знакаміты брытанскі «Юніён Джэк»), а сьцягі Швэдзіі, Нарвэгіі, Фінляндыі, Грузіі, Даніі, Швайцарыі й Ісляндыі ўтвораныя паводле розных колеравых камбінацыяў асноўнага Сьцягу Хрыста. Калі ёсьць штосьці, што лучыць на элемэнтарным, кодавым узроўні ня толькі Эўропу, але і ўсю заходнюю цывілізацыю – дык гэта, бясспрэчна, ён, адзін з самых старажытных і ключавых хрысьціянскіх знакаў.

Многія беларускія геральдысты, што вывучалі крыніцы зьяўленьня бел-чырвона-белага сьцягу, пісалі пра «Крыж сьвятога Юр'я», індаэўрапейскія архетыпы, сялянскія ручнікі, польскія прапары й яшчэ немаведама што – але чамусьці не заўважалі тае жывое сілы, тае імклівасьці й настойлівасьці, зь якімі ўсе дзесяць вякоў беларускае гісторыі скрозь працінае Сьцяг Хрыста. Прыняцьцё хрысьціянства і самой назвы Белая Русь; Сафія зь бел-чырвона-белае муроўкі; бел-чырвона-белая «Пагоня» ў ВКЛ; Грунвальд – белыя харугвы з чырвоным крыжам; бітва пад Воршай – бел-чырвона-белыя сьцягі Хрыста на піках у вершнікаў... На каталіцкіх ды вуніяцкіх сьвятынях – паўсюдна Сьцяг Уваскрасеньня. Праваслаўныя патрыярхі (прыгледзьцеся, нават сёньня) – з абавязковай бел-чырвона-белаю паласою ў рызах. У беларускага гусарскага палка, створанага за Аляксандрам I, – бел-чырвона-белыя сьцягі й какарды; і ў тых беларусаў, хто ваяваў на баку Напалеона, – таксама. І Касьцюшка, і Каліноўскі – пад сьцягамі зь белі й чырвані... І вось, у 1918-м (як пішуць некаторыя дасьледчыкі, «абсалютна нечакана») зьяўляецца той самы бел-чырвона-белы сьцяг БНР. Праз расстрэлы й пахаваньні ў Курапатах канца 1930-х, праз вай-

ну й партызанку, разруху й застой – да Курапатаў 1988-га, дзе ўпершыню пасьля дзесяцігоддзяў цемры ўспыхвае зноў.

Вось ён, сымбаль Беларусі. Ня «сала з праслоем мяса» й не скрываўлены бінт міфічнага князя-ваяра, пра які так любіць пісаць сёй-той. Сьцяг Уладара й Пераможцы. Госпада, Збаўцы чалавецтва! Бліскучая бел-чырвона-белая ўсьмешка й захапляючы сьвітанак на Раство. Візуальнае ўражаньне яркага сьвятла.

Ён лунае ў паветры, нібы анёлавы крылы. «Зямля пад белымі крыламі» – ці не пра гэты сьцяг пісаў Караткевіч! У самыя трагічныя, моцныя моманты беларускае гісторыі скразіць, нечакана выблісквае, асьвятляе далягляды, як азарэньне, бел-чырвона-белы сьцяг – і зноў нагадвае нам пра тое, што адбылося 2000 гадоў таму.

Пагадзіцеся: дзе-дзе, а ў сымбалях выпадковасьцяў не бывае. Бел-чырвона-белы сьцяг Хрыста – наш найгалоўнейшы сымбаль, які ў адзінай трыядзе – герб, сьцяг, гімн – займае цэнтральнае месца. Сьвяты вобраз нашай гісторыі й нашага Адраджэньня. Няма нічога, што можа яшчэ мацней выразіць зьмест мінуўшчыны, унікальнасьць сёньняшняга часу й веру ў будучыню Беларусі.

Бел-чырвона-белы сьцяг, гарачая чырвань на белым у гарманічнай прапорцыі два да аднаго, кадыфікуе формулу беларускае духовасьці. Чысьціню й ісьціну. Сьвятасьць і сілу. Боль і любоў. Ахвяру – і ўваскрасеньне дзеля збавеньня іншых. Бель і кроў, зь якімі дасталася нам незалежнасьць. Бель, якую так лёгка запляміць, і кроў, якую так цяжка аддаваць.

Для тых, хто носіць бел-чырвона-белы сьцяг на грудзях, гэта – асабістая рана, што баліць увесь час.

Гэта трэба бачыць. Чырвонае, пунсовае, барвовае, пурпуровае на белым проста сьвеціцца. Сыходзіць унутраным сьвятлом і праменіць сэнсам.

Учытайцеся – бо гэта імя. Беларусь.

Любоў

Люблю Беларусь…

Прамаўляецца як пацалунак.

Беларусь, сэрца Эўропы, створаная зь любві.

Беларусы – трапяткая, далікатная й самаадданая нацыя, якая любіць і якую любяць. Любоў – гэта наш спосаб існаваньня.

Усё, што даў Беларусі Бог, – шчырасьць і ціхую пяшчоту, шчымлівую мяккасьць і ласкавую сьціпласьць, ясныя вочы й натхнёныя душы – усё гэта ад моцнай любові, зь невымоўнай любові й дзеля поўнай любові. «Бог ёсьць любоў, і хто жыве ў любові, той жыве ў Богу, і Бог у ім» (І Яна 4: 16).

І пакуты, і ахвяры, і паміраньне за іншых, і Курапаты, і Хатынь, і Чарнобыль – усё гэта было ў імя вялікае любові. «Любоў Божая да нас адкрылася ў тым, што Бог паслаў у сьвет Адзінароднага Сына Свайго, каб мы атрымалі жыцьцё празь Яго» (І Яна 4: 9).

І беларуская зямелька, сьветлая да драбнюткага чысьценькага пясочку, і трымценьне лісьцікаў, і мігценьне сьняжынак, і сьпеўныя слоўцы, і стрыманая сіла, і саступлівая цярплівасьць, і памяншальна-ласкальная форма імёнаў, і раскоша нашых улюбёных суфіксаў, ад якіх чыста ўся мова празрыстая – гэта характар вялікае любові. «Любасныя! Будзем любіць адно аднаго, бо любоў ад Бога, і кожны, хто любіць, народжаны ад Бога й ведае Бога» (І Яна 4: 7).

Беларусь, гэтая ласачка, любушка, зоранька, каханачка – вось ужо тысячу гадоў сэрца Эўропы. Пульсуючае сэрцайка, поўнае любові да Бога й бліжняга!

Беларусь – найлепшы сродак супраць нянавісьці. «Беларусь» – хоць да раны прыкладай. «Бо няма любові большае, як калі хто пакладзе душу сваю за сябраў сваіх» (Яна 15: 13). І суседзяў, і прыхадняў, і нават ворагаў Беларусь любіла той невымоўнай, найвышэйшай любоўю, якая вымагае: «Любіце ворагаў вашых, дабраслаўляйце кляцьбітоў вашых, рабеце дабро ненавісьнікам вашым і малецеся за крыўдзіцеляў вашых і ганіцеляў вашых» (Мацьвея 5: 44).

Табе балюча, родненькая? Пацярпі крышачку. Ты ж у мяне самая сьветлая, самая мілая, самая каханая… Любая… Адзіная…

Любоў – місія Беларусі.

Вось чаму беларусаў любяць.

Братка-беларус, «сябры», «Белоруссия родная» – ва ўсіх нашых суседзяў «беларус» – вобраз выключна мілы.

Беларусы й беларусачкі – людзі любові. Верныя й узьнёслыя, як Эўфрасіньня й Скарына. Адданыя й палкія, як Караткевіч ды Багдановіч. Натхнёныя й моцныя, як Каліноўскі ды Пазьняк. Хто яшчэ так любіў Польшчу, як Міцкевіч? Расею, як Дастаеўскі? Ізраіль, як Мэір, Перас, Рабін?…

Беларуская нацыя спалучае ў сабе ўсё багацьце пачуцьцяў – але, безумоўна, любоў зь іх найбольшая.

Беларусь – краіна, дзе «быць» і «любіць» – гэта адное й тое ж, дзе «любоў» і «кроў» рыфмуюцца зусім натуралёва, а любоў тоесная болю, ня трэба нават літараў перастаўляць.

У Беларусі адразу ўзгадваеш, што Бог ёсьць любоў. «Любоў, якая акупае ўсе грахі» (Выслоўі Саламонавы 10: 12). Тая звышнатуральная любоў, якая «церпіць доўга, умілажальваецца, не зайздросьціць, не праслаўляе сябе, не ганарыцца, не бушуе, не шукае свайго, не раздражняецца, не намышляе ліха, ня радуецца зь няпраўды, а разам цешыцца зь ісьціны; усё пакрывае, усяму верыць, на ўсё спадзяецца, усё пераносіць!…» (І Да Карыньцянаў 13: 4–7).

Ты любіш Беларусь?..

Пачуцьцё любові, як жывая вада, перапаўняе Беларусь – яе цудоўную мэлядычную мову любові, яе ўзвышаную любоўную паэтычнасьць, нашую ўлюбёную ветлівасьць і гасьціннасьць. Любоў найвышэйшае канцэнтрацыі! У гэтым – стоеная сіла й ціхая магутнасьць Беларусі.

Бо запавет Госпада й Заснавальніка Беларусі – гэта запавет любові. «Палюбі Госпада Бога твайго ўсім сэрцам тваім, і ўсёй душою тваёю, і ўсім разуменьнем тваім – і палюбі блізкага твайго, як самога сябе» (Лукі 10: 27).

Бо толькі такая любоў можа пераплавіць увадно каталіцтва, праваслаўе й пратэстанцтва. Толькі такая любоў здоль-

ная раздаць усю сябе па кавалачках суседзям. Толькі такой любові пад сілу пераадолець жах нашых войнаў і нянавісьць іхніх імпэрыяў.

«Люблю Беларусь» – гэта элемэнтарная формула патрыятызму, спрошчаная ад крэда Беларусі: «Люблю, Беларусь».

Любі Беларусь.

Бо ў любові да Бога, любові да блізкага, любові да краіны – у гэтых трох іпастасях ЛЮБОВІ й заключаецца ўвесь сэнс беларускай нацыянальнай ідэі.

Менск, 2002–2004 гады

З КНІГІ «БЕЛАРУСКАЯ ГЛЫБІНЯ»

Беларуская глыбіня

Ён адкрывае глыбокае і
стоенае, ведае, што ў змроку,
і святло жыве з Ім.
Даніíла 2: 22

У турме адзін мудры чалавек сказаў мне: «Не пытай сябе ў няволі – “За што?”. Спытай – “Дзеля чаго?”».

Дзеля чаго Госпад дае табе крыж часу і прасторы, новы пачатак каардынатаў у жыцці, новых людзей, новыя вобразы і падабенствы Свае? Чым ачысцяць, адновяць і напоўняць яны тваё сэрца?

У параўнанні з Малым Сітнам у Купліне святлей.

Больш сонца: як-ніяк, паўтысячы кіламетраў на поўдзень.

Раённыя Пружаны чысценькія, вымеценыя, у кветачкі.

Святлейшы лес – не змрочныя елка ды хвоя, а ясень, бяроза, таполя, дуб, клён. Святлейшыя вочы – тут усё-такі Заходняя Беларусь, няма сіценскага адчаю.

Святлей ад жывое веры і мовы. Светла ў царкве – ад белых галоваў мужыкоў і дзяцей.

І глыбіня.

«Шырокая руская душа, – сказаў праз Івана Карамазава найглыбейшы расійскі пісьменнік і беларус Дастаеўскі, чыё родавае гняздо Дастоева ў гадзіне язды ад Купліна, – я б звузіў».

Дык вось, наколькі расійская душа шырокая, настолькі беларуская глыбокая – як беларуская пакута, беларускае цярпенне, беларускае балота.

Беларусы, у адрозненне ад расейцаў, украінцаў, палякаў, – інтраверты, заглыбленыя ў сябе. Таму беларуская *глыбінка* – гэта не правінцыя. Багна? Бездань?

Глыбіня.

Тут – патаемная глыбіня: пад Белавежскай Пушчай у савецкія часы размяшчаліся стратэгічныя аэрадромы, нацэленыя на Еўропу. У самай такой беларускай глыбіні без адзінага стрэлу зруйнавалі найвялікшую імперыю зла: Віскулі таксама ў Пружанскім раёне.

Увогуле, гэта берасцейскае наваколле паміж Палессем і Літвой, паміж Белавежай і Выганашчанскімі балотамі – Пружаны, Бяроза, Івацэвічы, Кобрын – надзвычай глыбокае.

Глыбокае, як магутнасць роду Сапегаў, чый замак у Ружанах уражвае падзем'ямі ў некалькі паверхаў, прызначанымі для вялікалітоўскіх скарбаў; як унікальны тэнар Міхася Забэйды-Суміцкага, ураджэнца тутэйшых Шэйпічаў; як тысячы народных мелодый са збору пружанца Рыгора Шырмы; як балады Андрэя Макарэвіча з «Машыны часу», чые дзяды з ваколіцаў Малеча; як 600 тамоў прозы Юзафа Крашэўскага, чый род калісьці валодаў Старым Куплінам; як хрыплы крык, вырваны з самага сэрца Уладзіміра Высоцкага, чые продкі – з Сяльца Бярозаўскага раёна; як верлібры Алеся Разанава (з таго ж Сяльца); як бас Анатоля Папанава, вязня з «Халоднага лета 53-га» і «ваўка» з мультфільма «Ну, пачакай!», чыя матуля перадала сыну непаўторна ёмісты тутэйшы выгавар; як пераклады Васіля Сёмухі з блізкага хутара Ясенец, асабліва калі чытаеш Слова Божае ў Сёмухавым перакладзе; як вера ксяндза Вінцэнта Гадлеўскага (мястэчка Поразава адсюль рукой падаць), аднаго з заснавальнікаў БНР і БХД, таго самага ксяндза, што распачаў імшу па-беларуску і быў расстраляны

ў Трасцянцы гестапаўцамі ў ноч на Раство 1942 года; як веданне Бібліі беларускімі баптыстамі, чыёй сталіцай ёсць Кобрын; як удых волі Тадэвуша Касцюшкі з Мерачоўшчыны, за паўсотні кіламетраў адсюль; як мясцовыя тарфяныя балоты, у адным з якіх, Гатча-Восаўскім, знайшлі адзінае ў Беларусі прамысловае радовішча бурштыну; як пружанскі антыалкагольны рух сялянаў 1846–1848 гадоў, што перакінуўся на суседнія губерні; як здрада Азефа, ураджэнца тутэйшай вёскі Лыскава, кіраўніка баявой арганізацыі эсэраў, які арганізоўваў забойствы вышэйшых чыноў імперыі і адначасова «здаваў» паплечнікаў; і, урэшце, як бездань падзення курса беларускага рубля пасля сыходу пружанскага вылучэнца Пятра Пятровіча Пракаповіча...

І вось Госпад дае акунуцца ў гэтую глыбіню – акунуцца разам з сотнямі насельнікаў куплінскай «хіміі», наведнікамі і міліцыянтамі.

Глядзіш у вочы юным беларусам, у бяздонныя вочы пакалення незалежнасці, бачыш будучыню, што пакутуе, п'е да анабіёзу, перакідаецца мацюкамі і мроіць пра шчасце – і аж правальваешся, колькі тут глыбока роднага і глыбока чужога!

Дзеля чаго – ёсць час падумаць. Час адкрыць новыя цуды ў звыклым, забытым і занядбаным.

І зразумець, што сённяшнім нашым беларускім скрыжаваннем часу і прасторы валодае не Лукашэнка і не Расійская імперыя, а Сам Госпад Бог.

Каменда

1

...Прапаведаваць палонным вызваленне, сляпым празрэнне, адпусціць спакутаваных на свабоду.
Лукі 4: 18

Спецкамендатура № 7, або, прасцей, каменда – былая савецкая казарма ў колішнім вайсковым гарадку. Саўком, пахаваным дваццаць гадоў таму зусім непадалёк, у Віскулях Пружанскага раёна, тут тхне дагэтуль. Ужо на ўваходзе лёгкія да самых глыбіняў напаўняюцца камунальным духам агульнага карыстання, уласцівым рабочым інтэрнатам ды маласямейкам. «Ленінскі пакой» з партрэтам Лукашэнкі, чырвона-зялёным сцягам і гімнам пра гэты самы «радасці сцяг» нудзіць пылам старых тамоў эпохі застою, ад Чарнышэўскага да Чаргінца. У кухні па-над умывальнікам, калі возьмешся спаласнуць твар жаўцявай вадзіцай, б'е ў нос прысмак ржавага металу і крыві. Балотнае жалеззе. «Хімія» з такім знаёмым савецкім пахам арганічна спалучаная з КДБ, вуліцай Карла Маркса, «лініяй Сталіна» ды іншай савецкай спадчынай.

Каменда – двухпавярховы казённы дом з закратаванымі вокнамі; перад уваходам – дзьве альтанкі (камеры назірання выведзеныя ў дзяжурку). Тры дзясяткі пакояў: кабінеты міліцыянтаў, кухні ды інтэрнацкія пакойчыкі змяшчальнасцю ад двух на сямі чалавек. Наш – на трох: ложкі, тумбачкі, стол. Сярод сотні асуджаных у асноўным маладыя хлопцы – берасцейскія, баранавіцкія, пружанскія. Хтосьці за бойку, хтосьці за «хуліганку», хтосьці за нявыплату аліментаў. Людзі і размовы такія самыя, якія пачуеш у любым двары: маё пакаленне, пра якое спяваў Вольскі (дарэчы, N.R.M. тут можна пачуць з мабільніка часцей, чым чакаеш). Міліцыянты, у адрозненне ад жылістых «хімікаў», мужчыны мажныя і сабе наўме. Хтосьці пераконвае сябе, што змагаецца са злом; хтосьці стомлена гумарыць («пясчаны кар'ер – два чалавекі!..

Калі нехта вырашыў выпіць – пакой нумар такі, увага! – і не запрасіў вас – чакаем у дзяжурцы»); хтосьці механічна афармляе «нарухі» (парушэнні) з прычыны п'янкі або ўцёкаў дахаты і рыхтуе чарговаму «хіміку» дакументы на зону.

Дзяжурка з карцарам-клеткай. І званкі. Адзін – выклік днявальнага першага паверха. Два – другога паверха. Доўгі – на пераклічку.

6.00 – доўгі званок: пад'ём. 6.10 – пераклічка: уваткнуць сваё «тут» сярод бясконцых «здесь» у адказ на прозвішча і ісці кіпяціць ваду. Малітва. Біблія. Сняданак. Дзынькнуць ключыкам на шчыце ў дзяжурцы, абмяняць пропуск на табель і праз рэзкі, да спіннога мозгу пранізлівы віск жалезных кратаў у дзвярах – на працу.

Каменда, як і любая няволя, сцінае і калечыць час, выхоўвае ўмоўныя рэфлексы, прымушае слых вылоўліваць староннія шоргаты і шэпты, супастаўляць міліцэйскія позіркі з размовамі суседзяў. Каменда прымушае жыць у Беларусі Абмежаванай Волі.

Абмежаванне волі скразіць тут у кожнай драбніцы. Выхад з каменды на агароджаную тэрыторыю – з дазволу дзяжурнага. Выхад у горад – праз заяву на імя начальніка (падпіша – не падпіша?).

Тыя, хто застаюцца ў камендзе і не ідуць на працу, у першай палове дня мусяць зачыняць свае пакоі: абавязковы прагляд тэлевізара ў актавай зале. Кухні адчыняюцца і зачыняюцца паводле нейкага дзіўнага распарадку, адзінае разумнае тлумачэнне якому – прывучыць асуджаных, што без ласкі адміністрацыі нават супчыку сабе не згатуеш. Здаецца, што і перыядычныя адключэнні электрычнасці на нашым другім паверсе (афіцыйная версія – дзеля эканоміі) пераследуюць тую ж мэту. Прыбіральня адна (і можна здагадацца, ува што ператвараюцца чатыры «ачкі» без пісуараў, пад напорам ста мужыкоў). Памыцца ў камендзе няма дзе: пішаш заяву, каб наведваць лазню ў Пружанах.

Зрэшты, за ўсё дзякуеш Богу: Дашкевіч, Саннікаў, Статкевіч, Бандарэнка не маюць і гэтага.

Каменда – прыпынак між турмой і воляй. За гэты год было ўмоўна-датэрмінова вызвалена 13 асуджаных і адпраўлена ў

зону 16. Лік на карысць няволі. Людзі вырваныя са свайго асяроддзя. Адбываюць. Церпяць. Зрываюцца. Цішком п’юць.

Каменда не толькі на мяжы волі, але і на мяжы веры. Першае, што мне кінулася ў вочы ў пакоі, – драўлянае распяцце, кардонны абразок Збаўцы, абраз Маці Божай на покуці, сёлетні царкоўны каляндар і ўзятае ў рамку выданне Жыровіцкай абіцелі «Якім будзе чалавек без любові». Тут, на паўдарозе паміж усемагчымымі спакусамі ды кратамі, хлопцы то прыпыняюцца перад Богам, то спадзяюцца «праскочыць».

Мой сусед Лёха, якога пару тыдняў таму за дзевяць «нарухаў», апрануўшы кайданкі, адправілі ў баранавіцкі ізалятар, казаў: «Жыву – грашу. Памру – атвечу».

І ўсё-такі ты ведаеш: гэтая загрузлая ў лясах савецкая выспа, і родныя беларускія хлопцы-«хімікі», і напружаныя дзядзькі-міліцыянты – дзеля таго, каб палюбіць Бога. Усім сэрцам, усім розумам, усёй душою, усімі сіламі тваімі і бліжняга, як самога сябе. Палюбіць Беларусь. Глядзі, пазнавай: у стоеных, схаваных вобразах і падабенствах, сярод абразоў і кратаў, не заўважаны, апляваны, укрыжаваны, у асуджаных і наглядчыках, у сынах чалавечых, сынах беларускіх – прысутны Бог.

2

Карані ў крыві …корань зла
знойдзены ўва мне.
Ёў 19: 28

Расійскае сеціва, даступнае з майго польскага мабільніка, ніяк не можа разблытацца з беларускай назвай, у якой не прастаўляюцца кропкі над «і»: «Ласасін».

«Магчыма, вы шукалі “асасін”» – упарта паўтарае гугл па-расійску. Асасіны – банда наёмных забойцаў, адурманеных, здзічэлых, што здзяйсняюць жорсткую разню. Тысячы гадоў татарскія ды царскія, крыжацкія ды казацкія, гестапаўскія ды бальшавіцкія асасіны наталялі гэтую зямлю беларускай крывёю. А Ласасін – маёнтак у Пружанскім раёне, дзе ў

пачатку XVI стагоддзя нарадзілася маці Івана Жахлівага і дзе ўлетку 1863 года палеглі ў баі сорак паўстанцаў Каліноўскага.

Пяць гадоў таму, на Полаччыне, мне давялося жыць ля развалінаў крэпасці Івана Жахлівага часоў Інфлянцкай вайны – і вось, пагружаюся яшчэ на паўсотні гадоў глыбей, спрабую разабрацца, дзе яно, беларускае дно, і на Пружаншчыне дакопваюся да Ласасіна, адкуль матуля таго самага Івана Васільевіча Алена Глінская. Дачка вялікалітоўскага баярына з татарскага роду (чый продак на Ворскле ўратаваў Вітаўта) Васіля Глінскага ды сербкі Ганны Яншыч.

Рыжавалосая «басурманка», як яе называлі, увяла ў Маскавіі адзіную капейку (0,68 г срэбра, і вершнік з дзідаў – кап'ём), вынасіла і выхавала найстрашнейшага расійскага цара – і ўрэшце згарэла, атручаная ртуццю. Ці не адсюль, з бездані беларускіх балот, звярыная, крывавая, шалёная лютасць маскоўскага цара?

Жахлівае, народжанае Аленай Глінскай, вярталася ў Ласасін кожнае стагоддзе, з кожным новым прылівам гвалту з усходу, і здавалася, што за 300 гадоў край затапіла цалкам. Паміраючы, радзіма Алены здрыгалася адчайнымі закалотамі.

13 лютага 1863 года паўстанцы Каліноўскага, узброеныя паляўнічымі стрэльбамі і косамі, без бою занялі Пружаны.

Месцічы віталі вызвольнікаў, акупанты паўцякалі. Але ўжо праз некалькі тыдняў, з прыбыццём карных войскаў, пачалося дзікае паляванне.

4 чэрвеня 1863 года паўстанцкі атрад пружанскага шляхціца Фелікса Влодка (Шчаснага), у афіцыйных расійскіх дакументах названы «шайкай», уступіў у бой з царскімі войскамі на ўзлеску пушчы, ля Ласасіна. 40 каліноўцаў палеглі, Валер Урублеўскі з рэштай атраду здолеў вырвацца.

Над вялікай брацкай магілай вырас крыж. У 1933 годзе, за палякамі, тут усталявалі гранітны помнік. За Саветамі – разбурылі. У 1989 годзе, у час беларускага адраджэння, з дапамогаю Пружанскага ПМК і Радыёзавода (якія, дарэчы, прыязджаюць па запчасткі на склад у Купліне) – аднавілі.

І вось у снежні 1991-га, праз паўтысячы гадоў пасля нараджэння Алены Глінскай, праз 428 гадоў пасля таго, як яе сын

захапіў і зрабаваў Полацк, праз 128 гадоў пасля Каліноўскага тут жа, у Белавежскай пушчы, дзе была галоўная стаўка паўстанцаў, – імперыя, губляючы знакі ўлады, ад вайсковых баз да тых самых маскоўскіх капеек, рассыпалася ў пыл.

Здавалася б, тутэйшая зямля так набрыняла гніллю тыраніяў і крывёю нявінных ахвяр ды змагароў, што, апроч праведнікаў і волатаў духу, нікога іншага не тое што нараджаць – насіць ужо не зможа.

Але з чыёй крыві растуць карані тых беларускіх вайскоўцаў з бліжэйшага палігону, якія ўжо ў незалежным 1998-м расстрэльвалі помнік паўстанцам (дзеля пацехі ці са злосці) з верталёта?

Чыя кроў карэніцца ў тых, хто абыякава трывае ў гэтых запаветных мясцінах вуліцы, названыя імёнамі забойцаў іхніх дзядоў, помнікі катам, уладу праваслаўнага атэізму?

Чыя, скажыце, кроў напаўняе сэрца навучэнца Пружанскага сельгастэхнікума, калісь участковага інспектара Пружанскага РАУС, а цяпер намесніка начальніка ГУУС Мінгарвыканкама, палкоўніка Ігара Яўсеева, што разганяў беларускія мітынгі?..

Глыбіні беларускай забыўлівасці, беларускага страху, беларускага грэху – гэткія ж невымерныя, як і бездань беларускага генія. Тыя, хто разбураў старажытнае Берасце, будуючы з цэглы храмаў крывавую крэпасць, і тыя, хто паляваў на каліноўцаў на Пружаншчыне, і тыя, хто асушаў беларускія балоты пад бункеры ды палігоны, намагаліся вырваць адсюль беларуса ўсяго.

Але як жа перапляліся ў кожным з нас крывыя карані зла са скрываўленым карэннем свабоды – як счапіліся, сцяліся, як рвуць, разрываюць кожнага тутэйшага!..

8 кастрычніка 2000-га ксёндз Януш і бацюшка Уладзімір асвяцілі адноўлены пружанцамі і фундаваны Інай Кулей помнік паўстанцам – каменны, з «Пагоняй». Але дагэтуль назву Ласасін тут ведаюць адзінкі.

А з беларускіх нетраў, з балотаў, сатлелых касцей і пераблытаных каранёў ціха растуць крыжы. Незнішчальныя крыжы – і на іх, аддаючы Сваю кроў за нашу абыякавасць, здраду і слабасць, расхінае прабітыя рукі і ўсё спрабуе абняць гэтую няшчасную краіну Бог.

У гасцях у сэрца

Больш за ўсё запаветнае захоўвай сэрца тваё, бо ў ім крыніца жыцця.
Выслоўі Саламонавы 4: 23

Хто б ты ні быў і дзе б ні апынуўся – калі хоць трохі аглядаешся ды прыслухоўваешся, – рана ці позна пачынаеш адчуваць побач нейкі жывы стоены пульс. Пругкі, упарты. Усё вакол дыхае і варушыцца на дзіва заканамерна, падзеі маюць таемны цэнтр, і ледзь заўважнымі штуршкамі людзей, сустрэч, спраў аднекуль падхлынаюць дабро і ласка.

Тут-тук, чуеш пранізлівы рытм. Тук-тук, ёсць кантакт, радасна адгукаецца ўсярэдзіне ў цябе, і раптам усё становіцца з галавы на ногі. І ты кажаш сабе: ага. Вось яно дзе. Ну прывітанне, Сэрца.

Айцец Сергій Сысаляцін – той самы, які калісьці вылавіў мяне «ВКонтакте» і зараз служыць у Спаса-Прэабражэнскай царкве ў Пружанах, – вобраз з абразоў.

Малады, вайсковай выпраўкі; прыгожае, мяккае, поўнае ўнутранага спакою ды годнасці аблічча, кароткая чорная барада – тыпаж, у якім любяць выяўляць святых і апосталаў.

Жыве бацюшка ў вайсковым гарадку пад Пружанамі. Новыя Засімавічы – постсавецкі Вавілон на ўзмежжы Белавежскай пушчы. Сярод дзевяці вайсковых часцей, што складалі ўдарны кулак савецкай армады на заходнім фарпосце – у засадзе, за пушчай на самай мяжы, – атабарыліся ракетчыкі, лётчыкі, зенітчыкі, танкісты ды сувязісты з усёй імперыі. Вядома, з сем'ямі. І калі 20 гадоў таму тут жа, у Віскулях, Савецкі Саюз быў раптоўна рассаджаны на кавалкі, у вялізным разварушаным мурашніку з пылам эпохі асеў і ўвесь савецкі інтэрнацыянал, якому не было куды падзецца.

Сяргей Сысаляцін служыў у верталётчыках – і, пабываўшы ў небе, прыйшоў да Бога.

Спярша наведваў евангельскую грамаду, дзе былы зампаліт Барыс ліха граў на гармоніку хрысціянскія гімны, затым шукаў паўнаты і глыбіні веры ў Спаса-Праабражэн-

скай царкве. Нарэшце, настаяцель айцец Ігар і епіскап уладыка Іаан прапанавалі маладому здольнаму панамару прыняць святарскі сан і ўзяць на сябе нялёгкі прыход з недабудаванай царквой у Новых Засімавічах.

Айцец Сергій просты. Жыве як дыша. Выдатна размаўляе па-беларуску. Мае вялізную бібліятэку: святыя айцы, Мень, Бярдзяеў, Фларэнскі, хрысціянская класіка ўсіх канфесій, духоўныя часопісы, гісторыя Беларусі… Заўсёды прапануе нешта пачытаць. Вучыцца ў Жыровіцкай духоўнай семінарыі – між іншым, разам з расійскімі бацюшкамі з Бранска. Смяецца: «Здзіўляюцца – гэта ж, маўляў, па-нашаму – "бурак", "вёска", "услон"… Прастадушныя. Працуюць, каб зарабіць, хто настаўнікам, хто механікам, а ўвечары ў царкву, набажэнства правіць – "не тое, што ў нас…"». Расказвае ім пра Браншчыну беларускую, часы ВКЛ, пра карані.

Айцец Сергій найчасцей чытае казані ў Спаса-Праабражэнскай царкве – і, скажу вам, рэдка чую тлумачэнне Слова такой простасці і глыбіні нават у сталіцы. Прапаведуе ў Новых Засімавічах забытаму савецкаму пакаленню, у «ВКонтакте» – бездапаможным хлопчыкам і дзяўчатам, заблытаным у сеціве, у наркалогіі – напаўразбураным мужыкам, у нядзельнай школцы – дзецям і бабулькам і, як многія-многія святары ды вернікі апошнія гады, – штопятніцы моліцца за Беларусь. І трэба бачыць, з якой надзеяй уваччу няшчасныя беларусы моўчкі глядзяць у ягонае аблічча – быццам на абраз, быццам успамінаюць кагосьці таго, хто вучыў іх, бацькоў і продкаў праўдзе і справядлівасці ўжо тысячу гадоў.

Дзед айца Сергія (які калісьці працаваў у Купліне качагарам) колькі месяцаў ваяваў у 1944-м ва Усходняй Прусіі. Аднойчы быў убачыў у акопе забітага немца і ўсім гэта распавядаў. З гадамі і склерозам мёртвы немец ператварыўся ў жывога, а пад старасць…

«Зазіраю я ў бункер, – на поўным сур'ёзе расказваў дзед, – а там Гітлер. Ну, праўда, кажу табе. І жонка ягоная. І двое дзетак. Дзяўчынкі. Ну, зараз, думаю, фашыст, ты ў мяне атрымаеш за ўсё!.. І… не змог. Застрэліць Гітлера не змог».

Сям’я Сысаляціных – гэта і матуля бацюшкі, гасцінная спадарыня Зінаіда Мікалаеўна, і валявая матушка Людміла, выхавацелька ў дзіцячым садку, і іх дачка Арына – тонкая дзесяцікласніца з доўгімі вітымі валасамі і выразнымі вачыма, беларускамоўная пераможца алімпіяд, заўсёдніца канцэртаў Вольскага ды Вайцюшкевіча. Пасля нядзельнай літургіі часцяком заходзіць у касцёл, арганізоўвае ў школе сустрэчы з пружанскімі краязнаўцамі…

Беларускі гісторык, спявак, пісьменнік у Пружанах – Сысаляціны запрашаюць знаёмых. Трэба дапамагчы? Сям’я прымае гасцей.

І Сэрца б’ецца.

Менавіта сябры Сысаляціных, сярод якіх і праваслаўныя, і евангелікі, і каталікі, падвозілі мяне штодня ў царкву і назад у маразы. Так і давялося перазнаёміцца з глыбокімі і пабожнымі пружанцамі.

Айцец Сэрца звычайны прыходскі святар – герой, практычна адсутны ў сучаснай масавай свядомасці ды беларускай літаратуры.

Але менавіта святар на працягу ўсёй хрысціянскай гісторыі Беларусі быў душою мясцовай супольнасці, самакіравання, культуры дачыненняў, сямейнай традыцыі, прыстойнага выхавання. Не «Бацька» – «бацюшка».

Сённяшняя Беларусь задыхаецца і губляе прытомнасць якраз з-за відавочных праблем з сэрцам. Хто – цэнтр жыцця ў вёсцы, мястэчку, раёне, горадзе? Чыноўнік? Паспяховы бізнесмен? «Сілавік» з дубінай?

Але прыйдзе час, і ў беларусаў, да якіх пагрукаецца прыходскі святар, сэрцы пачнуць адгукацца моцна і радасна: Бог, Бог! Бог!

Калыска Ізраіля

…І сказаў: ад сёння імя тваё будзе не Якаў, а Ізраіль, бо ты змагаўся з Богам, і людзей адольваць будзеш.
Быццё 32: 28

Берасцейшчына – наша Палесціна.

Тут, у абліччах беларускай глыбіні, адразу ўлоўліваеш гэты трагічны надлом броваў, гэтую арліную гарбінку носа, гэтую стоеную ў зморшчынках ля куткоў вачэй вечную мудрасць, гэтую бездань чорнага позірку, якая то прыцягвае, то палохае, нейкую няўлоўную, ценем, хітрынку, рыжынку або характэрную ўсмешлівую гарчынку, а ў размове – так і не пераможанае за дзьве тысячы гадоў рассеяння «р»… І з самага нутра з нейкім шчаўчком – здагадка, быццам трэснуў суглобчык, калісьці, у дужанні з Госпадам пашкоджаны суглоб Якава, ад якога нашчадкі і атрымалі найменне Ізраіля – «той, хто змагаецца з Богам»...

Беларускасць немагчыма зразумець без габрэйскасці.

Паўтару яшчэ раз, бо чую, як цяпер, во, маўляў, ерась! – суглобы надтрэснулі ў многіх: глыбіню і драму тысячагадовай хрысціянскай Беларусі, яе свядомасць, дух і лёс марна расшыфроўваюць у адрыве ад паняццяў габрэйскага горада і мястэчка, россыпу геніяў і біблійных каранёў выбранага Богам народа.

Беларусь, падпружаная нецярпімасцю з Захаду і рысай аселасці з Усходу, за некалькі стагоддзяў вынасіла пад сэрцам цэлы Ізраіль – лідара рэлігійнага сіянізму Меіра Бар-Ілана, заснавальніка Сусветнага сіяніцкага кангрэса Навума Гольдмана, стваральніка габрэйскага руху Расіі Шмуэля Магілевера, старшыню Сусветнай сіяніцкай арганізацыі Ар'е Дульчына, Егуду Бэн-Эліезэра, які аднавіў іўрыт, а таксама чатырох прэзідэнтаў і семярых прэм'ер-міністраў габрэйскай дзяржавы. Ды што казаць, калі яшчэ сто гадоў таму 2/3 жыхароў тых жа Пружан былі юдэямі!

Адноўлены Ізраіль, якому ў біблійных прароцтвах адводзіцца ключавая роля, быў зачаты, вырашчаны, напоены тут,

у сэрцы Еўропы – і з болем, з крывавымі каранямі перасаджаны на Святую Зямлю… Міжволі пачуеш і водгулле ўсёчалавечай таямніцы, і пакліканне Божае для краіны, і рэха Апакаліпсісу.

З Берасцейшчыны родам пяцёра прэзідэнтаў і прэм’ераў Ізраіля. Толькі ўдумацца: за 63 гады існавання дзяржавы!

Хіба не сімвалічна, што першым прэзідэнтам адноўленага Ізраіля стаў народжаны ў Моталі пад Янавам беларускі сіяніст Хаім Вейцман? Першакласны хімік (дапамагаў брытанцам у Другой сусветнай вайне распрацаваць высокаактанавае паліва і штучную гуму, атрымаў звыш 100 патэнтаў), выбітны дыпламат (ініцыяваў вядомую «Дэкларацыю Балфура», якая паклала пачатак адраджэнню Ізраіля ў брытанскай Палесціне), лідар сіяніцкага руху (прэзідэнт Сусветнай сіяніцкай арганізацыі ў 1929–1946), чыім імем названыя цэнтральныя вуліцы многіх ізраільскіх гарадоў…

Голда Меір, знакамітая пятая прэм’ерка Ізраіля ў 1969–1977 гадах, у эпоху нафтавага крызісу, аўтарка фразы «Майсей вадзіў нас па пустыні сорак гадоў і прывёў у адзінае месца на Блізкім Усходзе, дзе няма нафты», – родам з Піншчыны. Адна з дзвюх жанчын, хто падпісаў Дэкларацыю незалежнасці Ізраіля, пасля расстрэлу ізраільскіх спартоўцаў на Мюнхенскай алімпіядзе 1972 года распарадзілася расшукаць і знішчыць усіх да адзінага тэрарыстаў з «Чорнага верасня».

Менахем Бегін з Брэста – сёмы прэм’ер Ізраіля – паходзіў з сям’і сакратара Брэст-Літоўскай габрэйскай грамады, выбітны юрыст і паліглот (валодаў 9 мовамі), страціў у Халакосце жонку і дзяцей, зрабіўся лідарам першага несацыялістычнага ўрада ў Ізраілі (1977) і разам з Анварам Садатам за мірнае пагадненне, падпісанае ў Кэмп-Дэвідзе, атрымаў Нобелеўскую прэмію міру… На ягоны загад у 1981 годзе ізраільская авіяцыя разбамбіла іракскі атамны рэактар і не дала Садаму Хусэйну атрымаць ядзерную бомбу.

Іцхак Шамір (Езярніцкі), восьмы і дзясяты прэм’ер Ізраіля, з’явіўся на свет у Ружанах, як і Бегін, страціў усю сваю сям’ю ў вайну – і ў 1980-х стаў вядучым габрэйскім палітыкам: міністрам замежных спраў, абароны, старшынёй Кнэсета – і двойчы прэм’ерам.

Адсюль жа, з Брэста, – бацька нядаўняга, пятнаццатага прэм'ера Арыэля Шарона (маці, дарэчы, з Магілёва) – таго самага Шарона, стваральніка сучаснага ізраільскага спецназа, які падчас Шасцідзённай вайны ў чэрвені 1967 года на чале бронетанкавай дывізіі прарваў фронт егіпцян і выйшаў да Суэцкага канала, ідэолаг руху пасяленцаў, адно з'яўленне якога на Храмавай гары ў Ерусаліме справакавала шматгадовую палесцінскую інтыфаду…

Людзі, народжаныя ў беднай, забітай правінцыі, уцісканыя, пагарджаныя – з усёй вераю, жарсцю і моцай старазапаветных герояў ахвяраваліся, біліся да крыві, ваявалі з усім светам, каб толькі застацца жыць на камяністым, пустынным шматку абяцанай зямлі, страчанай XIX стагоддзяў таму.

Шыкоўны экскурсійны тур па памятных мясцінах заснавальнікаў і кіраўнікоў габрэйскае дзяржавы па маршруце Брэст – Моталь – Пінск – Ружаны – паўдня з вецяркам! – самае малое, што магла б зрабіць любая ўлада ў Калысцы Ізраіля.

Але ж галоўнае – не гэта. Важней зразумець.

У Беларусі толькі спыніся, прыслухайся – і востра адчуеш прысутнасць Божую. Ён, Творца сусвету, стаіць па-над калыскай калісьці выбранага ім народа, які Яго не прыняў, а цяпер нарадзіўся наноў – і ў той жа калысцы пакуль дрэмле ягоны брат – які калісьці прыняў, а цяпер забыўся.

Тут, у краі сумных і ўбогіх духам людзей, у валадарстве крыжоў, Курапатаў, Хатыняў і Трасцянцоў, прасякнутым слязьмі і потам, крывёю, атэізмам і сіянізмам, дастаткова толькі прачнуцца – і ў раптоўным, абуджаным адкрыцці зразумееш, з якой асаблівай пяшчотай над гэтай зямлёй чувае, любуецца і трывожыцца Усявышні.

Ражкоўскі цуд

Каля крыжа Ісуса стаялі Маці Ягоная, і сястра Маці Ягонай Марыя Клеопава, і Марыя Магдаліна. Ісус, убачыўшы Маці і вучня, які тут стаяў, якога любіў, кажа Маці Сваёй: Жанчына! Вось сын Твой.

Евангелле паводле Лукі 19: 25–26

У нетрах Белавежскай пушчы, на адлегласці мігцення начнога маяка з камянецкае Белае вежы, ёсць вёсачка. Вецер там заблытваецца і сціхае ў найгусцейшым веццi, хаты тонуць у туманах да комінаў, спеўныя і драпежныя птушкі робяць у небе кола, выглядваючы чалавечую выспу сярод хваляў вечнага лесу, і высакародныя алені прыходзяць на падвор'і – пяшчотнымі цёплымі вуснамі падбіраць залатыя яблыкі.

Вёсачку клічуць Ражкоўка.

У верасні 1942 года савецкі самалёт скінуў тут парашутыстаў-дыверсантаў. Немцы не ўпалявалі аніводнага, але ў перастрэлцы загінула двое патрульных.

Парашутысты зашыліся ў пушчу – ведама, далучыліся да партызанаў (потым такія па заданні Масквы адстрэльвалі тутэйшых камандзіраў-незалежнікаў, каб падначаліць рух камуністам). А жыхароў вёсачкі сагналі разам, 57 сем'яў, і – па сотні за забітага жаўнера – павялі забіваць.

Дзяцей аддалі ў бліжэйшае мястэчка, падлеткаў і моладзь падрыхтавалі для адпраўкі чыгункай у Нямеччыну… Мужчынам загадалі капаць велізарную яму – два метры глыбіні, чатыры метры шырыні і дваццаць чатыры метры даўжыні.

Гэтая магільная яміна агаломшана зеўрае там і дагэтуль.

28 верасня 1942 года, разявіўшы пашчу, яна ўбачыла ўсё. Расставілі куляметы. Зачыталі загад: «За дапамогу бандытам і перахоўванне савецкага парашутыста»…

Ашчэраная, гатовая скаўтнуць яшчэ цёплыя, ссечаныя кулямі целы, яма прымружылася… І раптам убачыла ў небе

самалёт з нямецкімі крыжамі. Той пачаў зніжацца, зрабіў кола і прызямліўся на ўзлеску.

Ражкоўцы стаялі на краі ямы. Плакалі. Маўчалі. Маліліся…

А з самалёта вылез афіцэр, падышоў да зондэркаманды, прад'явіў там свае дакументы і папрасіў дзьве гадзіны пачакаць.

Нават яме, страшнай яме два метры глыбінёй, чатыры метры шырынёй і дваццаць чатыры метры даўжынёй, за гэтыя дзьве гадзіны звяло сківіцы.

Афіцэр аказаўся егерам Герынга, адкамандзіраваным для ўладкавання ўзорнай паляўнічай гаспадаркі Райха ў Белавежскай пушчы, роўна праз дзьве гадзіны прывёз расстрэльнай камандзе новае распараджэнне са штаба.

І здарыўся цуд.

Вяскоўцаў распусцілі па дамах. Дзяцей і моладзь вярнулі бацькам. Толькі яму засыпаць не дазволілі: маўляў, будзеце дапамагаць партызанам – прысуд уступіць у дзеянне.

Нямецкі афіцэр прыехаў у ацалелую Ражкоўку праз два тыдні. І прывёз з сабой выразаную з дрэва выяву Мадонны, расфарбаваную сінім, чырвоным і залатым, з Дзіцём у белым. На ягоную замову паводле падрабязнага апісання скульптурку зрабіў паранены жаўнер вермахта ў шпіталі.

– Вось што я бачыў у небе, калі пралятаў над вамі, – тлумачыў немец праз перакладчыка. – Мадонна паказвала на зямлю, дзе былі вы. Калі б не Яна, я б не прызямліўся. Яна сказала мне спыніць расстрэл.

За некалькі месяцаў ражкоўцы сваімі сіламі пабудавалі ў вёсцы царкву і памясцілі туды выяву Марыі. Зробленую немцам. Некананічную. З надпісам «28.9.1942».

Ужо ў 2000-х, пасля адбудовы епархіі, царкоўныя ўлады распарадзіліся напісаць адмысловы абраз, згодна з праваслаўнымі канонамі, і дзе-нідзе на Палессі пачалі пераймаць традыцыю: Маці Божая Ражкоўская.

Цуд відавочны. Як не паверыш? З'ездзіце, самі паслухайце, пераканайцеся: не казка. Яшчэ жывыя сведкі ды іх нашчадкі. Выява Мадонны з Маленькім у царкве. Яма на ўскрайку вёскі. І алені ўсё гэтак жа прыходзяць па залатыя яблыкі – не баяцца людзей…

Што можа сказаць чалавек няверуючы тым, хто быў уратаваны? Галюцынацыя пілота? Збег абставінаў? Гэта ж трэба было асу Герынга ляцець рыхтык там, дзе трэба, у той час, калі трэба, і прымроіць у небе самае тое, што трэба… А як пасля палітрукі ды выкладчыкі навуковага атэізму мірыліся з Ражкоўскім цудам?

У тым і рэч, што ніяк.

У Пушчу не лазілі, у царкву не паткнуліся ды зрабілі выгляд, што нічога ў верасні 1942 года ў той Ражкоўцы не адбывалася.

Інакш – давялося б пагалоўна расстрэльваць тых самых ражкоўцаў як непапраўна веруючых ужо самой савецкай уладзе.

У Ражкоўскім цудзе ёсць нешта такое, што пераўзыходзіць і нянавісць да нацыстаў ды камуністаў, і бездань няверʼя, і міжканфесійныя спрэчкі.

Які праваслаўны тут адмовіцца прыняць цуд, што прайшоў праз каталіка з Люфтвафэ?.. І які пратэстант абвінаваціць лётчыка ў ідалапаклонстве?..

Мы дзівімся Віфлеемскаму агню. Мы шукаем знакаў веры, рэліквіяў і прарываў у Няведамае ў сеціве і па ўсім свеціве.

А тут – побач…

«Першы раз такое чую».

Дык прыслухайцеся: пачуеце яшчэ і не такое.

Як бы ні было страшна ды безнадзейна, якія б магільныя ямы ні прымушалі нас рыць на гэтай зямлі, часцей падымайма вочы да неба. Няма такіх цудаў, якіх дзеля любові да людзей не зрабіў бы ў Беларусі Той, Хто нарадзіўся ў глухім кутку свету, у хляве, ад беднай Жанчыны маленькім безабаронным Дзіцём…

Картуз-бяроза

А Я кажу вам: любіце ворагаў вашых, дабраслаўляйце кляцьбітоў вашых, рабіце дабро ненавіснікам вашым і маліцеся за крыўдзіцеляў вашых і ганіцеляў вашых.

Мацвея 5: 44

Бяроза – горад з вырваным сэрцам.

Старое места Бярозы – знішчаны кляштар манахаў-картузіянаў. Вялізная руіна разбуранай крывава-цаглянай сцяной агароджвае пустку, поўную забытага гвалту і пакутаў на некалькі стагоддзяў углыб.

Гэтак жа, ранай у сэрцы, зеўрае і бліжняе Берасце з крушнямі Крэпасці, і разварочаная Горадня, і стары Менск.

Але Бяроза – выпадак асаблівы. Аддаецца рваным болем, калі чуеш тутэйшых: маўляў, Бяроза Картузская – гэта ад картуза, які павесіў на прыдарожную бярозу ці то Пётр I, ці то Сувораў.

Насамрэч Бяроза як горад пачыналася вакол кляштара Святога Крыжа. У 1648 годзе Казімір Леў Сапега, сын славутага канцлера ВКЛ, выдаткаваў 10 тысяч чырвоных злотых закону картузіянаў – самаму строгаму з усіх каталіцкіх. Манахі ордэна, заснаванага ў 1084 годзе святым Бруна ў французскай пустэльні Шартроз (Cartusia), давалі зарокі маўчання, фізічнай працы, увесьчаснай малітвы, посту – і поўнай самоты. У мурах кляштара для манахаў прызначаліся адмысловыя эрэмы – глухія келлі з таўшчэзнымі сценамі: нават ежу самотнік атрымліваў праз адтуліну з двума паваротамі, каб ні з кім не сустрэцца.

Велічны барокавы ансамбль з касцёлам і дазволам на кірмашы зрабіўся асновай мястэчка: неўзабаве Бяроза мела два цагельныя заводы, пяць млыноў, вяла гандаль соллю, хлебам і мёдам, віном і півам.

Ці прадчуваў Казімір Леў Сапега, глыбокі вернік, містык, які вучыўся ў чатырох еўрапейскіх універсітэтах і быў паха-

ваны ў паўднёвай сцяне кляштара ў 1666 годзе, што будаваў для сябе магілу, а для беларусаў – Крыж?..

Ціхамірнае жыццё скончылася з расійскай акупацыяй.

У 1823-м царскія чыноўнікі спрабавалі засудзіць кляштар за тое, што быццам бы выдаткаваў паўстанцам Касцюшкі мільён злотых. А ў 1831 годзе, выставіўшы трох манахаў як удзельнікаў чарговага паўстання, кляштар зачынілі, ягоныя землі сканфіскавалі, а лісты медзі з даху адправілі на будоўлю праваслаўнай царквы ў Горадні.

У кляштарных мурах размясціўся расійскі полк. Бярозу Картузскую перайменавалі ў Бярозу Казённую.

Менавіта гэтыя расійскія казармы ля руінаў старога кляштара ў 1930-я ўлады ІІ Рэчы Паспалітай прыстасавалі пад турму для соцень беларускіх і ўкраінскіх камуністаў ды незалежнікаў.

Пасля гучнага забойства дзеяча «санацыі», міністра ўнутраных спраў Польшчы Перацкага 15 чэрвеня 1934 года прэм’ер Леон Казлоўскі пры падтрымцы Юзафа Пілсудскага дамогся распараджэння прэзідэнта Ігнацыя Масціцкага – і ў краіне «залатой вольнасці» запрацаваў першы канцэнтрацыйны лагер на ўзор сталінскіх ды нацысцкіх. Месца, дзе дазвалялася катаваць людзей без суда і следства.

Пабудка – а 4-й ранку. 6.30 – баланда. Увесь дзень стаіш тварам да сцяны пад наглядам.

Ноч – кладзешся на падлогу, але кожныя паўгадзіны – пад’ём і праверка. Здзеклівая гімнастыка па 7 гадзін запар, да млення.

Усе загады выконваць бегма. Размаўляць забаронена – карцар. Прыбіральня – раз на дзень, агульная для ўсіх, на некалькі секунд, паспееш толькі зняць ды адзець порткі. Правініўся – чысціць выграбныя ямы голымі рукамі (мыць потым забаронена). Бессэнсоўная егіпецкая праца: капаць і засыпаць ямы, перасоўваць з месца на месца цяжкія камяні кляштарнай муроўкі… Адмаўляешся?.. Ад пяці да пяцідзесяці ўдараў у твар.

І клічуць цябе цяпер – «быдла».

Галоўная мэта – прынізіць дашчэнту, давесці да скрайняга знемажэння і зламаць. Людзі паміралі, выходзілі з Бярозы

калекамі ды вар'ятамі. Расказваць пра ўмовы ўтрымання было забаронена пад страхам вяртання ў «кляштар».

Праз пекла Картуз-Бярозы прайшлі тысячы беларусаў, падазраваных у супрацы з КПЗБ і БХД, у тым ліку адзін з лідараў хадэкаў, праваслаўны багаслоў і сенатар польскага Сейма Вячаслаў Багдановіч, рэдактар часопіса «Шлях моладзі» і аўтар кнігі «Беларусь учора і сёння» Язэп Найдзюк, а таксама правадыры ўкраінскага нацыянальнага руху: атаман Украінскай паўстанцкай арміі Тарас Баравец і камандуючы УПА Раман Шухевіч.

Што ж зрабіла савецкая ўлада на месцы польскага канцлагера, у якім нішчылі камуністаў?.. Зноў казармы, ды яшчэ са свінарнікам. У сутарэннях, дзе былі пахаваныя Сапегі, гніла бульба. І – чаканная фраза краязнаўца: «Толькі ўлетку 1989 года з кляштара былі выведзеныя свінні Мінабароны СССР».

Бяроза – гэта беларускі пароль з Нагорнай казані, Евангелля паводле Мацвея, 5: 44: «Любіце ворагаў вашых…»

Бо як інакш жыць побач з суседзямі, якія разбуралі твае храмы, вешалі найлепшых людзей твайго роду, катавалі тваіх святароў і паэтаў, прымушаючы капаць ды засыпаць ірвы, крычаць ад удараў палкамі ды ботамі, поўзаць на каленях па бясконцай, усыпанай бітай цэглай і шклом крывавай дарожцы?..

Гэтак жа ненавідзець? Высочваць час, каб урэшце адпомсціць? Выхоўваць дзяцей са смакам крыві на вуснах?..

Але як можна забыцца, калі твае бліжнія дзеля абароны сваёй свабоды і годнасці топчуць ды забіваюць цябе?

Не, прабачэнне – гэта не забыццё. Прабачаеш – гэта калі бярэш увесь боль на сябе і аддаеш яго Богу. Калі надсілу, як цяжка б гэта ні было, расхінаеш уласнае сцятае сэрца для аднаўлення адносінаў, да вызвалення ад пекла ўсярэдзіне. «Хіба я не знішчаю ворагаў, калі ператвараю іх у сяброў?..» – спытаўся калісьці адзін мудры ўладар.

«Не будзь пераможаны злом, а перамагай зло дабром», – паўтарае апостал тым, хто не зразумеў пра ворагаў з першага разу.

Мы нават не ўяўляем, як гэта…

Любіць, днямі да атупення і страты прытомнасці стоячы перад каменнай сцяной.

Любіць, калі цябе лупяць па твары, бо дапамог падняцца таварышу. Любіць, калі рукі, запэцканыя ў кале, трасуцца і рассыпаюць крохі лагернай пайкі хлеба. Любіць, калі, ашалелы, ледзь перастаўляеш змачаленыя да косці кульці-калені па нясцерпных зубах бітага шкла…

Любіць палякаў, расійцаў, немцаў… і саміх сябе – забыўлівых, абыякавых, запалоханых беларусаў.

Калі мы не хочам жыць на гэтай зямлі са скрываўленай вырванай пусткай замест сэрца – кожнаму з нас трэба вучыцца любіць. Любіць настолькі моцна, як Той, Хто прыняў на Сябе ўвесь наш грэх і ўвесь наш боль на Крыжы.

Каб «Бяроза» аддавалася ў грудзях не пагрознай злосцю, а гулкім кляштарным рэхам: «Бог ёсць любоў».

Бездань Азэфа

Хай не паглыне мяне багна, хай не замкне нада мною прорва пашчы свае…

Псальма 68: 16

Далёка-далёка, недзе на краі зямлі, ёсць такія месцы, глыбіня якіх невымерная. Кінеш туды каменьчык – і не пачуеш ані гуку ў адказ.

У Беларусі такое месца раптам развярзаецца перад табою на 52.51.17 паўночнай шыраты і 24.36.54 усходняй даўгаты, на мяжы Берасцейшчыны і Гарадзеншчыны, паміж Ружанскай ды Белавежскай пушчамі. Вёсачка Лыскава на колькідзясят двароў, месца пахавання класіка польскага сентыменталізму Францішка Карпінскага, нараджэння біскупа Аляксандра Мікалая Гараіна і радзіма найвялікшага правакатара XX стагоддзя, лідара партыі расійскіх сацыялістаў-рэвалюцыянераў, тэрарыста Азэфа.

Цяпер Лыскава – гэта 40 кіламетраў ад Пружан, 443 жыхары, сярэдняя школа, Дом культуры, бібліятэка… валы былога каралеўскага замка XVI ст. Касцёл Найсвяцейшай

Тройцы, Царква Раства Божай Маці… вялікія старадаўнія могілкі. Але калі паглыбляешся ў мінулае – займае дух і зямля сыходзіць з-пад ног.

Адсюль Азэф.

Народжаны ў Лыскаве ў 1869 годзе, у сям’і беднага габрэйскага краўца, Еўна з юнацтва ўдзельнічаў у гуртках рэвалюцыйнай габрэйскай моладзі.

Звычайны габрэйскі хлопчык з беларускага мястэчка… Але на фота з дасье ахранкі (фас, профіль) ужо цяжкі чорны позірк няголенага, звераватага твару.

Калі ж пачалася пачвара?

Яшчэ падлеткам, скраўшы вялікую суму грошай, юны Еўна выязджае за мяжу. Падман, буйныя грошы і пераход усялякіх межаў цяпер стануць знакам ягонага жыцця.

Пачынаў вялікі правакатар XX стагоддзя гэтак жа, як і які-небудзь агент Вектар – за 50 рублёў у месяц ад сакрэтнага дэпартамента паліцыі Расійскай імперыі пайшоў пастукваць на сваіх аднакурснікаў у Політэхнічным інстытуце ў Карлсруэ. Аказаўся надзвычай спрытны: у выніку паспяховай шпіёнскай працы вылучыўся на першыя ролі ў расійскім сацыялрэвалюцыйным руху, удзельнічаў у яднанні разрозных падпольных гурткоў – і вось пасля арышту літоўскага габрэя Гершуні ўжо ў 1903 годзе стаў кіраўніком Баявой арганізацыі эсэраў. Тэрарыстам № 1 у імперыі. На гэты момант жалаванне Еўна Фішалевіча Азэфа («інжынера Раскіна», паводле паліцэйскага дасье) дасягнула 1000 рублёў.

Азэф арганізаваў больш за 30 тэрарыстычных актаў, ажыццявіў забойствы ключавых дзеячаў царскага ўрада, у тым ліку сваіх начальнікаў: міністра ўнутраных спраў і шэфа корпуса жандараў Плеве (якога лічылі галоўным арганізатарам габрэйскага пагрому ў Кішынёве ў 1903 годзе), генерал-губернатара Масквы, вялікага князя Сяргея Аляксандравіча, пецярбургскага граданачальніка фон дэр Лаўніца, галоўнага вайсковага пракурора Паўлава…

Менавіта Азэф ініцыяваў ліквідацыю Гапона як правакатара. І ён жа выдаў увесь склад эсэраўскага ЦК ды дзясяткі эсэраў-баевікоў.

Раскрыты ў 1908 годзе, уцёк за мяжу, дзе і памёр ад хваробы – праз месяц пасля таго, як на ягонай радзіме была абвешчаная незалежнасць БНР.

Ударамі сваёй здрады Азэф, быццам малатабойца, наносіў страшныя прабоіны Расійскай імперыі з сярэдзіны. Кожны выбух ці арышт патрабаваў усё большай і большай лютасці, нянавісці, крыві і ад дзяржавы, і ад народа.

Негаваркі, змрочны, але надзвычай вымудраны, Азэф віртуозна, з більярдным разлікам і нечалавечай вываротлівасцю ўзрываў сваіх куратараў і другой рукой тут жа здаваў выканаўцаў. Адзіны, каму Азэф заставаўся верным, напэўна, быў д’ябал, чый дух і почырк у бясконцых крывавых здрадах і забойствах відавочны.

На магіле Азэфа пасадзілі куст шыпшыны.

О, Беларусь, мая шыпшына, зялёны ліст, чырвоны цвет!.. Хто б мог уявіць, *што* прэ з тваёй прэлай балоцістай зямлі і што ў тваёй глыбокай і пакорлівай душы народзяцца Азэф, Дзяржынскі, Шэйман і нават Генадзь Давыдзька.

Ноччу ля закратаванага акна спецкамендатуры ў Купліне, на паўдарозе паміж Лыскавым і Дастоевым, глядзіш у бездань, поўную далёкіх агнёў, – і думаеш: страшна стаць Азэфам.

Свая маленькая, як радзімка, вёсачка Лыскава ёсць у кожным беларусе.

Цярушыш шчэпцю гэтую зямлю і шукаеш зместу: чый ген пераможа? Паэта? Святара? Здрайцы?..

А здрада роднаму чалавеку? Бліжняму? Здрада Радзіме? Веры? Памяці?

Насамрэч мы здраджваем штодня, і праўда ў тым, што нашы бясконцыя маленькія і вялікія здрады спрычыняюцца да духоўнай смерці многіх і многіх.

Хто можа зразумець Азэфа? Дараваць Азэфу? Вырваць Азэфа з самага прадоння свайго сэрца?

Чалавеку гэта немагчыма.

Але ўсё магчыма Госпаду.

Вялікае Княства Бурштынавае

Вось, Я кладу ў Сіёне Камень
кутні выбраны, каштоўны…
І Пятра 2: 6

У тых краях, дзе я адбываю «хімію», упершыню давялося бываць першакурснікам геалогіі БДУ ўлетку 1995 года – ужо пасля «рэферэндуму» аб адмене бел-чырвона-белага сцяга, але яшчэ да Маладога фронту. Кіраўнік нашай групы, дацэнт Міхась Нагорны (з чыёй лёгкай рукі беларускія геолагі пачалі вучыцца па-беларуску), прывёз нас на практыку ў крэйдавы кар'ер каля Сяльца – каб паказаць нам, недабітым рамантыкам эпохі Адраджэння, цуд у глыбіні такой звычайнай (нічога цікавага!) беларускай зямлі.

Уявіце сабе вялізную варонку, у якой мог бы змясціцца дзевяціпавярховы дом. Дно, выгрызенае экскаватарамі, белае-белае, чыстая крэйда. Вышэй, у вапняковай тоўшчы, рэшткі марскіх зорак і празрыстыя «чортавы пальцы» белемнітаў. Вышэй – металёвыя ядры марказітавых канкрэцыяў памерам з яблык (разбіваеш – і знутры пераліваецца застылы прамяністы выбух металёвых іголак). Потым – рэзкая мяжа і чорны пласт (розум ледзь дае веры гэткай гіганцкай шахматнай гульні ў цябе пад нагамі!): вугаль. Сыпкія камякі смалістага бляску. Следам – праслоі крэмняў з гладкімі, бы карамелькі, рознакаляровымі халцэдонамі, – быццам разарваныя каралі, сыплюцца, ценькаюць па стромкім схіле… І пясочак кварцавы, крышталёвы… І лёгкі налёт перагною… І лісце травы… І неба.

Але спадар Міхась, пакалупаўшыся ў вуголлі, падкінуў на далоні нейкі мурзаты каменьчык. О, бурштын!

Бурштын?!

Трэба было бачыць тую залатую ліхаманку, што ахапіла тузін хлопцаў і дзвюх дзяўчат.

Пакідаўшы заданні, планшэты і рыдлёўкі, перапэцканыя чорным пылам, мы кінуліся разграбаць і перабіраць той вугаль голымі рукамі – каб праз паўгадзіны (шчаслівыя афрабеларусы!) паказваць адзін аднаму поўныя жмені сапраўднага тутэйшага бурштыну.

«Бурштын Беларусі» – так называўся і мой універсітэцкі дыплом, які праз 5 гадоў, мяты і перакрэслены, паляцеў мне ў твар цераз увесь кабінет дэкана геафака.

«Што гэта за беларуская мова? – крычаў дэкан Іван Іванавіч. – Што за мяккія знакі, што за “геалёгія”!.. Можаце лічыць сябе адлічаным!»

Але пасля прэс-канферэнцыі мяне раптам выклікалі ў дэканат: «Хутчэй прыязджайце, абараняйце! Камісія ў зборы».

Дзяржаўная камісія на чале з віцэ-прэзідэнтам Акадэміі навук Радзімам Гарэцкім паставіла за перакрэслены чырвоным маркерам «Бурштын Беларусі» выдатна.

Ужо потым я даведаўся, што «прыняць на тарашкевіцы» распарадзіўся рэктар БДУ Аляксандр Казулін.

На найвялікшае ў Беларусі радовішча бурштыну ў Гатча-Осаве, за 40 км ад Купліна, мяне і накіравалі на першай працы ў БелГЕА ў 2000-м. І калі б не супрацоўнікі ў цывільным, што наведваліся да дырэктара з настойлівай прапановай пазбавіцца ад падазронага маладога спецыяліста, паехаў бы мясіць гумовымі ботамі тарфяное балота яшчэ тады…

Нараджэнне бурштыну – гісторыя, вартая біблійнага драматызму. Вялікія хвоі (від ужо вымер), што раслі паміж Чорным морам і Балтыкай па берагах пратокаў ды выспаў ад сённяшняй Прусіі да Крыма, у адказ на сернае заражэнне па разломах зямной кары пачалі выдзяляць смалу. Бліжэй да зямлі, ля камля, перапоўненыя серай, набрынькалі вялікія непразрыстыя камякі, а на верцы, ачышчаныя, слязьмі павісалі празрыстыя кроплі.

Дрэвы падалі, перагнівалі, і бурштын на доўгія тысячагоддзі захоўваўся ў тарфяніках ды вуглях. Вось так са спрадвечных часоў у гэтым Міжмор’і, паміж скурчанымі звілінамі Еўропы і непамыснымі прасторамі Азіі, ляжыць найвялікшае ў свеце радовішча мурашоў і кузурак, замураваных у застылым святле. Пахаваная Атлантыда. Падземныя россыпы, руіны залатога веку, абшар пахаванай цывілізацыі ВКЛ. Каралявец. Паланга. Віленшчына. Міншчына. Галіччына. Берасцейшчына… Вялікае Княства Бурштынавае.

Мінскія старажылы памятаюць: пасля вайны на Чэрвеньскім кірмашы сярод брыкетаў торфу можна было набраць цэлае вядро бурштыну. Толькі каму ён тады быў патрэбны?..

Калі добра прыгледзецца да тае зямлі, якую мы, няўважлівыя і няўдзячныя, топчам нагамі, у Беларусі можна знайсці і крывавыя згусткі гранатаў, і бліскучыя зубцы горнага крышталю, і яшму (біблейскі яспіс, з якога, паводле Апакаліпсісу, збудаваныя муры Нябеснага Ерусаліма), і іскрысты, са сцюдзёнымі сполахамі, у кварцытавай масе, авантурын, і дымчаты кварц, і самароднае золата, і нават алмазы. Бел-чырвона-белы сільвініт, мядовы сердалік ці сонечны бурштын могуць стаць беларускім нацыянальным каменем падобна бразільскім ізумрудам, індыйскім перлам або грэцкаму мармуру.

Кожнаму народу творца даў свае скарбы, свае схаваныя знакі, свае запаветы ў камені. Мы шукаем кропак апірышча і не ведаем, што па ўсім тутэйшым прасторы, пад нашымі смутнымі краявідамі, у глыбокіх пластах балот, між хмараў гнюсу і крывасмокаў, у намножанай за стагоддзі твані тояцца скамянелыя сонечныя слёзы – Вялікае Княства Святла і Прыгажосці, якое калісьці падараваў беларусам Бог.

Чаму мы такія

Так кажа Госпад: пракляты чалавек, які спадзяецца на чалавека, і плоць робіць сваёй апорай, і сэрца якога аддаляецца ад Госпада.
Ераміі 17: 5

Да спітых, пабітых, скамечаных беларускіх твараў прызвычаіцца немагчыма.

Аніяк.

Нават сярод апошніх «хімікаў», нават сярод калгаснікаў на гэтыя зямлістыя, з мяшкамі ды падцёкамі, з вышчарбленымі і падгнілымі зубамі руіны вобразу і падабенства Божага, што тонуць у безнадзейных, балотнага колеру вачах, глядзець балюча. Ды з такімі ж гожымі, шляхетнымі проз-

вішчамі – той ад караля, той ад базыльянаў, той ад бурштыну, той ад апостальскага імя... Глядзіш, як павольна тлее родная, стагоддзямі вылепленая прыгажосць – і халадок па скуры ад таго, што ўсярэдзіне тоіцца нешта яшчэ страшнейшае.

Бывае, і сам акунешся ў люстра – брыдка.

Беларус, як ёсць сённяшні знямоглы, напаўразбураны беларус.

«Чаму вакол нас усё так кепска?» – пакутліва дапытваемся мы адно аднаго. А вакол усяго толькі заканамерны вынік таго, што ў нас.

Стаўленне «хімікаў» да сваіх жа, міліцыянераў да «хімікаў», гаспадароў да рабочых, а рабочых да сваёй працы, вяскоўцаў да фермераў, а прадавачак аўталаўкі да вяскоўцаў, праваслаўных да баптыстаў, а каталікоў да праваслаўных, усё гэтае мяккае, што правальваецца, усё гэтае цвёрдае, што гнецца ды звіваецца вузламі, скоўтваеш моўчкі – паўсюль, паўсюль вылазіць яно, наша такое беларускае… з гнільцой і душком.

У гэтым сорамна прызнавацца – але трэба. Інакш – жыць нам у балоце: мокра ды цёпла, смярдзіць, ай, затое сваё, да горла ў твані, але абы хвалю не гналі.

Сябе не падманеш – сама мярзотна тхне найлепшае, якое пачынае псавацца.

Мудрая беларуская асцярожнасць у нас стухла да стану ліпкае баязлівасці; унікальная цярплівасць сцялася ў невыносную цярпімасць да зла; так шанаваная Шушкевічам руплівая ашчаднасць здрабнела да сквапнасці, а знакамітая кемлівасць вычварылася ў круцельства; глыбокая засяроджанасць ужо настолькі заглыбілася, што анічога не прасвечвае з тае беларускае душы, акрамя змрочнасці, асабліва заўважнай старонняму на тле чысценькіх вуліцаў; Боская беларуская пакорлівасць вырадзілася без веры ў павальнае халуйства, а натхнёную беларускую любоў – мілую, закаханую, неспатольную – ванітуе на кожным рагу блудам.

Народ, які спарадзіў столькі геніяльных пісьменнікаў, кампазітараў, спевакоў ды цэлыя культуры для суседзяў – адмаўляецца ад сваёй мовы.

Нашчадкі цывілізацыі ВКЛ, што дагэтуль застаецца еўрапейскай вяршыняй талеранцыі, правасвядомасці і міжмоўя, стагоддзямі кшталтаваныя Статутамі, радамі, судамі ды соймамі, – абыякавыя да ўласнай дзяржаўнасці.

Нацыя, чыёй сарцавінай ёсць поўная Хрыстовых пакутаў ды самаахвярнасці гісторыя, маючы выключна хрысціянскія сімвалы і наскрозь біблейскі генетычны код, – выракаецца Бога.

Ды і ці ёсць наогул у свеце грэх, глыбейшы за беларускі?!.

Так шкада гэтай Альгердавай моцы, Скарынавай ёмістасці, Касцюшкавай цвёрдасці, Багдановічавай прыгажосці…

Але хіба тады гэтае зло не сядзела ў нас – пакуль яшчэ ціха?.. Хіба гэта не тутэйшыя манахі XVII стагоддзя да калецтва біліся кляштар на кляштар за ставы і сеткі ў спрэчных валоданнях – гэта каб, значыць, на стале рыбка была ў хрысціянскі пост!..

І вось напіваецца сённяшні забіты, забыты, ціхмяны беларус, і са скуры раптам вылазіць звер: ды такі ярасны, ды такі здзічэлы, быццам вырваўся з пекла.

Святое месца пустым не бывае. Пакліканыя стаць выбраным Божым народам у сэрцы Еўропы, мы ўнікаем уласнага лёсу – і прападаем.

Так у нашай гісторыі скрозь: варта адступіць ад Бога, адмовіцца ад волі, пазаначваць у норы таленты, ухіліцца ва ўтульнае рабства – і беларус уразнос ідзе да д’ябла.

І вось у краіне друкаванай Бібліі і тысячагадовага хрысціянства ўцаркоўлены вернік – усяго кожны дзясяты.

І вось народ Статута сярод усіх – у тройцы першых паводле асуджаных вязняў на душу насельніцтва.

І вось Беларусь-жыццялюбка ўжо наперадзе ў сусветнай статыстыцы самагубстваў…

– Фу, ды нашто ў гэтым корпацца! Дастала яно, вашае нашае самаедства! – псіхане беларус.

Спакойна. Проста, капаючы ў сабе яму, трэба ведаць, што шукаеш скарб.

Бо беларускае самакапанне, непазбежна глыбокае, глыбіннае, можна будзе лічыць вычарпаным то-

лькі ў адным выпадку: калі скрозь тленную тоўшчу грэху, перагнілую волю і пяскі забыцця адрыем у труне свайго сэрца пахаваную жывую крыніцу – вобраз і падабенства Вечнага Усемагутнага Бога.

Адкрыццё Хрыста

Бог, Які сказаў заззяць З цемры святлу, азарыў нашыя сэрцы пазнаннем славы Божай у асобе Ісуса Хрыста.

Другое да Карынцянаў 4: 6

Спытай беларуса пра Бога – і ўбачыш чалавека, які раптоўна прачнуўся. Усхапіўся, тарашчыць вочы і не разумее, дзе ён.

«Ісус?.. – крыва ўсміхаецца, бліщчыць залатым зубам муляр Лёнь, павольна ачомваецца. – А… Ён мне не перашкаджае».

«Ці веру… я… у Бога?.. – задуменна, па складах, спрабуе «ўехаць» токар Валянцінавіч. – Гэта пытанне, як табе, сказаць… якое навука яшчэ… точна не ўстанавіла».

«Не, штосьці-то ё, – зваршчык Анатоль апускае вочы, цяжка думае, чухае сівую галаву і пераключаецца ўбок. – Але – ну дзе справядлівасць, а?! Вось паглядзі…».

Асэнсаванне прабіваецца на тварах скрозь забыццё, павольна, ненадоўга – і на нейкі момант у вачах праблісквае водсвет чагосьці светлага, прыгожага… Страчанага…

Так хочацца, каб яны не аплывалі зноў у сваю змрочна зморшчаную кому!

Але – махне рукой, адвернецца ці выдыхне, вось такія, маўляў, пірагі – і брык. Зноў напаўжывы.

Мы вечна губляемся, пачуўшы самае важнае пытанне. А між тым, штотыдня паўтарае наш баптыст-гарманіст, які прапаведуе ў камендзе, гэта галоўнае – вызначыцца, дзе ты хочаш правесці вечнасць.

У справах жыцця і смерці нават няверуючыя набываюць прытомнасць перад Ім.

Але, быццам у вадзе, у іншай стыхіі – а ці можна тут хаця б дыхаць?! – спохапам надзімаюць шчокі, мычаць ды ліхаманкава кубатураць, куды б адсюль дзецца.

Заўсёды, калі рэч у праўдзе, свабодзе, справядлівасці, заўсёды, калі час надломваецца ў змаганні дабра і зла, калі людзі пакутліва напружваюцца, высільваюцца, церпяць з астатніх сіл і пад невыносным напорам грэху і гвалту здаюцца, – усяму народу даводзіцца кожны раз наноў адкрываць адну простую і глыбокую ісціну. Чалавечымі сіламі гэта адолець немагчыма. Сумарнага зараду зла, якое тоіцца ў сэрцы кожнага з нас, насамрэч хопіць, каб у трэскі разнесці ўсю Беларусь. І цемра ўнутры чалавека, не пераможаная Богам, будзе тлець роўна столькі, колькі трэба для канчатковага вызначэння: хочам мы вечнага жыцця – ці вечнай смерці.

Аднойчы такое даводзіцца перажыць і чалавеку, і пакаленню, і цэламу народу.

Гэта адкрыццё прыходзіць пасля вялікага болю, расчаравання ці спусташэння, як цуд. Як спатканне з каханнем першага позірку. Раптоўна. Працінае сэрца так, што ты трапечаш, бы злоўлены матылёк.

І ціха.

Ты раптам спахопішся: у тваім жыцці Нехта ёсць.

Ты пазнаеш Яго ў цёплых вачах верніка – напарніка, які бярэцца падмяняць цябе, хворага, на працы; у вінаватых усмешках жанчын, якія пасля набажэнства ў царкве абвешваюць цябе пакункамі з ежай; у раптоўным болю параненага на разгрузцы жалеза «хіміка», які заціскае рукой сіфон крыві і тут жа сцінае зубы, каб не лаяцца.

Ты пазнаеш Яго ў Беларусі – незямным позірку азёраў, што глядзяцца ў вышыні, у пяшчотнай смузе, якая сцірае межы зямлі і неба; у міры і супакоі, што закалыхваюць дыханнем лагчын ды ўзгор'яў любую далечыню; у адчуванні прысутнасці і пранізлівай светлыні; у такіх пакорлівых і такіх патрабавальных вачах беларускіх дзетак.

Ісус з тым, каму цяжка, хто церпіць несправядліва, хто плача ў адчаі. Ісус – з бяссільнымі. Тымі, хто разумее, што самі змяніць мы краіну не зможам, бо не ў сілах нават змяніць сябе.

Ісус нараджаецца ў нашым сэрцы – Маленькі, з вераю, – пакутуе ў змаганні з грэхам, памірае на крыжы нашага цела, калі мы выбіраем зло… і ўваскрасае пад бел-чырвона-белым сцягам, скрываўленай плашчаніцай – калі мы даём Яму перамагчы.

Выжыванне беларусаў як нацыі залежыць толькі ад таго, ці набярэцца ўрэшце крытычная маса людзей, гатовых дазволіць выявіцца ў сабе Ісусу Хрысту.

Калі Беларусь адкрывалася Ісусу – яна нараджалася і адраджалася. У Х стагоддзі, з прыняццем хрысціянства, расквітнела Полацкае княства. Пасля XII стагоддзя, эпохі вялікіх Еўфрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Аўрамія Смаленскага – расце і мацнее ВКЛ. У XVI стагоддзі з Рэфармацыяй і адначасовым абуджэннем Касцёла ды праваслаўя ўспыхвае Залаты век Беларусі – са Скарынам, найлепшымі з Радзівілаў ды Львом Сапегам… У ХХ стагоддзі напачатку і напрыканцы – два нацыянальныя Адраджэнні на хвалі духоўных абуджэнняў.

Як гэта ні дзіўна, большасці сапраўдных герояў беларускай гісторыі мы і не ведаем.

Тых, хто штодня шэптам вымольвае ад знішчэння цэлыя гарады; тых, чые ўлюбёныя Богам сэрцы захлынаюцца крывёю за нас, хворых, жорсткіх, раздражнёных; тых, чые невымернай глыбіні вочы каўтаюць неба, наталяючы ўвесь народ…

Што мы наогул ведаем пра іх? Тое, што яны і сярод праваслаўных, і ў касцёлах, і ў малітоўных дамах? Тое, што яны і ёсць празрыстай таямніцай Цела Хрыстова – Ягонай сапраўднай Царквой? Тое, што яны пазнаюць Ісуса адзін у адным як зміргнуць – і гэта дае ім слёзы любові і натхнёныя ўсяночныя, пашырае іх сэрцы да памераў цэлай краіны ды распасцірае перад імі зорныя шляхі?

Колькі іх, сённяшніх беларускіх святых? Дзесяцера, дзеля якіх Госпад не знішчае нашыя Садом і Гамору? Сем тысяч стоеных, верных Яму, як у гісторыі прарока Іллі?

Беларусу, які сядзіць у сабе, бы ў зачыненай хаце, дробна калоцішча ад страху ды роспачы ці змучана ные ад бессэнсоўнасці працы, пара адчыняцца.

Адчыняць дзьверы, у якія Ён дзень і ноч ледзь чутна стукае.

Калі адкрываеш Яму сваё сэрца – у табе самім раптам праглядвае Ягонае.

Калі задыхаешся ад грэху – ірві сэрца, як кашулю на грудзях. І расхінай, намаганне за намаганнем, справа за справаю, усю краіну, невядомую Беларусь пад белымі крыламі сцяга Хрыста.

Бо Беларусь збавіць не снайпер.

Беларусь збавіць Ісус.

Апазіцыя сумлення

Хто не супраць вас, той за вас.

Марка 9: 40

Хто не са Мною, той супраць Мяне, І хто не збірае са Мною, той раскідае.

Лукі 11: 23

Беларусы ўжо даўно ў маўклівай апазіцыі.

Хтосьці летась згубіў дабрабыт, кагосьці нарэшце дастаў паўсюдны ўціск, а камусьці крыўдна за дзяржаву ўжо 18 гадоў, на працягу якіх рэжым з нахабствам бандзюкаватага бэйбуса дасягаў свайго паўналецця.

Маўчым, бо ўсё адно нічога не зменіш, бо як разявіш рот, будзе горш, бо няма каму заступіцца. Зрэшты, ёсць і больш глыбокая прычына: сённяшні беларус разумее, што насамрэч страх, гвалт, хлусня ды крадзеж сённяшняга начальства жыве ў ім самім.

Таму той, хто ўсё-такі спрабуе змагацца з Лукашэнкам у спадзяванні, што людзі супраць, завісае па-над безданню.

На пытанне пра апазіцыю жыхары пружанскай ваколіцы пацiскаюць плячыма. Быў, маўляў, тут нейкі рыжы, выпінаўся нешта, ды з’ехаў за мяжу.

Часам збіраецца купка за белмову… Вось хтосьці сцяг ваш гэты вясной вывесіў… ну, і калісьці быў бээнэф трыста чалавек.

А ўнутраная нязгода – лічы што ў кожнага.

Насамрэч усе прыкметы яўнай апазіцыйнасці – адкрыты пратэст, сімвалы, мова, еўрапейскі выбар ды дэмакратыя – апошнія гады здрабняюцца і блякнуць на тле ўзрослага прыгнечанага ўсенароднага маўчання, з якім беларус трывае зло.

Часам здаецца, што гэта нема стогне сама Беларусь.

І менавіта гэтай сілы рэжым баіцца найбольш.

Бо сэрцам жывога і дзейснага супраціву злу ў маштабах цэлага народа і цэлай краіны можа быць толькі закладзенае ў кожнага чалавека звышнепрыняцце грэху: гвалту, хлусні, падману. Інстынктыўны адпор няпраўдзе ў самім сабе ды іншых. Калі апазіцыя абапіраецца не на раздражнёныя пачуцці, а на, хай сабе смутны, боль сумлення – яна рана ці позна прымусіць здацца любую тыранію.

Але беларускі крыж, крыжавіна правалу свабоды з катастрофай свядомасці адчыняецца толькі крыжовым жа ключом: пакутлівай самаахвярнасцю і ўваскрасеннем.

Таму праўда і свабода, вера і любоў мусяць стаць не адно выглядам, а самой сутнасцю апазіцыі. Несумленнасць, бруд і сваркі ўнутры такой апазіцыі робяцца проста невыноснымі.

Усім разам, нават рэзка рвануўшы, выцягнуць сябе за валасы з балота не атрымаецца. Значыць, трэба шукаць тых самых носьбітаў сумленнасці, пакліканых стаць нацыянальнымі кропкамі апірышча, – тых самых, якія пакуль «не лезуць у палітыку». Дзе? Сярод вернікаў-хрысціян найперш; сярод удумлівай, у тым ліку тэхнічнай, інтэлігенцыі, сярод несапсаванай моладзі.

Менавіта цяпер вызначаецца, чым будзе Беларусь. Менавіта з сённяшняй дзесяцімільённай жывой раны, з сённяшняй цяжарнасці сумлення нараджаецца заўтрашняя нацыянальная тоеснасць. Хтосьці бачыць Беларусь гэткай утульна ліберальнай Чэхіяй, хтосьці – правінцыйнай расейскай адпачывальняй з белымі росамі і малачком, хтосьці – туманнай ускраінай Еўропы…

Але Беларусь будзе Беларуссю.

Гэта ж двойчы два: нацыю крышталізуе нацыянальная ідэя.

А формула нашай нацыянальнай ідэі простая: «Беларуская форма – хрысціянскі змест».

Беларуская мова, гісторыя, культура, адметнасці – дзеля найвышэйшага, хрысціянскага зместу, які іх напаўняе і асвячае. Ува ўсёй светлай, празрыстай, бел-чырвона-белай ахвярнай глыбіні беларускасці прасвечвае Хрыстос.

І гэта не толькі і не столькі для саміх беларусаў. Сваіх найлепшых творцаў ды найвыбітнейшых геніяў Беларусь аддала Расіі ды Польшчы, гісторыю – Літве, унію – Украіне, габрэйства – Ізраілю, адрывала ад сябе жывыя кавалкі, наталяючы і дабраслаўляючы ворагаў, і, укрыжаваная, сталася Хрыстовым вобразам і падабенствам у сэрцы Еўропы.

Скажаш, *народу* фіялетава?..

Але беларускі народ – гэта не адно дзесяць мільёнаў сённяшніх насельнікаў Беларусі. Гэта і мільёны жыхароў ВКЛ ды Рэчы Паспалітай, і паўстанцы Каліноўскага, і закатаваныя ў ГУЛАГу вернікі… І адначасна пакаленні тых, хто будзе пасля нас.

Тыя нямногія, хто здольны гэта ўмясціць, – адказныя за ўсіх астатніх.

Урок беларускіх Адраджэнняў пачатку і канца XX стагоддзя заключаецца ў тым, што акцэнт на форму (беларускасць) аказаўся мацнейшы, чым на змест (на Хрыста), – а любая форма, якая імкнецца паглынуць змест, рана ці позна правальваецца. Беларуская праўда, свабода і справядлівасць, ды ўрэшце рэшт і адметнасць, насамрэч заключаюцца не ў аканні, яканні або форме ўзораў на арнаменце, а, хочаце верце, хочаце не, – у Ісусе Хрысце.

Часам раяць: чуеш, прапаведнік, а ідзі-ка ты… у царкву. Наадварот, гэта царква мусіць ісці ў грамадства, ацаляць, прасвятляць і перавязваць параненых ды паміраючых беларусаў, якіх мільёны.

Апазіцыя, патрэбная Беларусі, – гэта актыўная супольнасць сумлення. Жывыя цэрквы (не іерархіі – цэрквы!). Прыстойныя сем'і, дбайныя гаспадары. Моладзевыя рухі, якія ідуць ад сэрца.

Верыш у Бога? Любіш Беларусь? Дзейнічай!

Крыжовая сістэма каардынат будучага Адраджэння і будучай перамогі – трохканфесійная хрысціянская беларускасць.

І прычына не толькі ў тым, што гісторыя Беларусі наскрозь евангельская, што маральнасць сама па сабе ёсць падмуркам любой дзяржавы, і нават не ў тым, што праз здабыткі ды знакі тысячагадовай хрысціянскай Беларусі мы ўсведамляем сваю прыналежнасць да заходняй цывілізацыі.

Галоўная прычына – Бог рэальна існуе. І Ён дабраслаўляе тых, хто выракаецца сябе, бярэ свой крыж і ідзе за Ім – пад сцягам Ягонага ўваскрасення і перамогі.

В. Куплін, 2011–2012 гады

ПАЛЕНЬНЕ

Ахвярую бацькам, выпускнікам расійскага філфака БДУ.

І толькі калі прамоўца сышоў з эшафоту, прынесьлі гаручую паходню.
В. Ластоўскі. Паленьне кніг на Беларусі

Ад беларусаў пахла дымам. Гэта быў той гаркаваты, трывожны дымок чыгуначнай цягі, пах перасмоленых шпалаў і вугалю, які не выветрываецца на станцыях і вакзалах.

Толькі што прайшліся, праверылі дакумэнты прыбалты, хлопцы папрасьцей і чысьцейшыя.

Адзначылі кожнае купэ сваім запаволеным, старанным выгаварам зь нетаропкай запінкай, і застаўся ад іх толькі шчоўк зачыненых дзьвераў напрыканцы вагона.

Зайшлі нашыя. Пашморгваючы, напаўголаса нешта гаворачы, з холаду – яны занесьлі ў надыханы вагон дымавітую сьвежасьць. Усе, хто ехаў, паглядалі на іх заклапочана, з насьцярогай – ну, што там?.. Не, тут вам ніхто нічога ня скажа. Гэта словамі не перадаць. Прыедзеце, убачыце самі.

Пад шумок я пачуў безупрэчнае чэ, такое шчырае, што вільготна пацяплела ўваччу. Старэйшы, вусаты, узяў праца-

гнуты пашпарт; вочы на міг вынырнулі з-пад ценю фуражкі, зірнулі і зноўку схаваліся ў цемень пад казырком. Зараз спытае, чаго вязу. Кнігі. Што яшчэ? Усё, толькі некалькі кнігаў, і больш мне нічога ня трэба.

Той маўчаў, варушыў вусамі і разглядаў старонкі так пільна, нібыта дзяржаўная мяжа пазначалася дзесьці там, між дробненькіх літарак. Нарэшце, ледзь заўважна хітнуў сам сабе – усё правільна.

Я схаваў пашпарт глыбей, пад крыло сьпінжака, і ўладкаваўся на сваёй бакавушцы больш ёміста й грунтоўна. Што ж, наперадзе – цёмная ноч насустрач руху, нямы халадок з-пад вакна і чаканьне, на якое адпушчана столькі й столькі тахтаў чыгуннага перастуку. Паедзем, і недзе пасьля Маладэчна, бліжэй да гораду, трэба будзе выйсьці ды выпаліць штучку. Паліць я кінуў даўно, маю на ўвазе тыдні. Але тут без цыгарэты не абысьціся. Можна й псыхіку пасадзіць, сур'ёзна. Такія справы.

Вакол варушыліся пасажыры, шукаючы пад коўдрай чагосьці цяплейшага, укладваліся й шэптам перагаворваліся. Няважна, пра што. Сьпіце спакойна. Я знаю, так спакайней, калі засынаеш, а нехта ўначы сядзіць ля вакна, як вартавы, і думае, падпіраючы падбародзьдзе.

Мне сёньня ня спаць да самага Менску. Перш чым там выйсьці, трэба яшчэ раз усё перадумаць.

Падрыхтавацца да ўсякага абароту падзеяў. Выразна ўявіць сабе, дзеля чаго я пакінуў утульную Вільню, з гэткім сьпехам ды грукатам рассоўгаў архівы свае па шуфлядах і бегма рвануў на вакзал.

Да падрабязнасьцяў перабраць: як будзе выкарыстаны страшны груз, ад каго трымацца падалей, і што мне сьвеціць пасьля. Я застаўся адзіны, але, здаецца, пакуль ня выдаў сябе нічым, ня здрадзіў і не аступіўся. Урэшце, трэба быць гатовым – адным ударам зьдзейсьніць найвялікшую кару, да якой я ішоў усё жыцьцё. Зьдзейсьніць, як мага пачварней, каб атрымаць яшчэ больш пачуцьця. І ўбачыць на свае вочы крах тае магутнае сілы, якой мы баяліся. І каяцца… Ну, паглядзім.

Такі паўзмрок перад экранам вакна й столік на бакавушцы быццам прыдуманыя для пагойдваньня ды перастуку.

Для таго каб сядзець аднаму, вырашаючы самае важнае, і падтакваць рухамі рук. Я ціха.

Цягнік крануўся. За вакном пайшло, паехала, перабіраючы дошкі штыкетніку, адымаючы крокі абходчыка й рухомыя цені, што тускна ўспыхвалі й гасьлі... І ціхенька адчулася, як з набіраным ходам падспудным кодам падстукваюць колы. Далёка мігцелі агеньчыкі, перацінаныя ў цемры дрэвамі. Я глядзеў. Я спрабаваў учытацца ў гэты рух, зразумець. Краіна мая, што ж такое з табою творыцца, сярэднявечнае, тайнае; што гэта за гекатомба на плошчы, што за жар і вагні?... А яно ўсё мінала перад вачыма і прападала – пустым наборам, калі чытаеш па дзесяць разоў і не разумееш зьместу. Я глядзеў у сваё дваістае, цьмянае адлюстраваньне ў глыбіні шкла і думаў, што лепей, каб разабрацца, пачаць зь сябе.

***

Першае, што прыходзіць у галаву, – гэта кнігі дома ў бацькоў. Тамоў тысячы й тысячы. У пакоях стаяла цэлая архітэктура – у шафах, на паліцах і проста на падваконьніках. Помню, нязручна было рабіць дамашнія заданьні, усё ўпіралася ў кнігі, напханыя пад сталом. Большая частка, наколькі я ведаў, дасталася нам ад бібліятэчнай радні.

Кнігі сьцяной стаялі ў залі. Заходзіш, і адразу зашклёная сьценка, галоўная вітрына ў доме.

Напаказ усе каштоўнасьці: сэрвіз савецкага парцаляну, сямейныя тайны ў альбомах і дакумэнтах, шкатулка са срэбрам ды золатам, а таксама парфума – за дзьверцамі адчыняўся халаднаваты адэкалённы пах. І кнігі. Тамы ўсё больш цяжкія, пацямнелыя, поўныя зборы твораў. Вялікая Руская Літаратура. У некалькі паверхаў, так што верхніх без падстаўленага крэсла было не дастаць. О, гэта былі паважаныя кнігі. Пацёртыя, з умудранай сівізной у нітачках пераплёту, лісты, ўсхваляваныя ад перагартаньня. Краем старонкі папера гусьцела ад сьліненых пальцаў, і прасьвечвалі літаркі шрыфту, як кузуркі ў бурштыне.

Яно ўсё яшчэ ў руках у мяне трымціць, дрыжэньне шкла, зь якім адкрываліся кнігі, і тхне халадком парфумы.

Самым грамадным фаліянтам была «Москва». Яна ня ўлазіла старчма, і яе паклалі плітою. Такая велізарная й цяжкая, з такім цьвярдзенным рубам, што ёй можна было забіць. Гіганцкая, ілюстраваная; яе гулкія глянцавыя лісты раскрываліся, як дзьверы ў паркетныя залі. Я помню, ледзь трымаў яе на каленях. Развароты сполахамі. Крамлёўскія панарамы з дахаў сталінскіх шматпавярховак: глядзіш, галава кружыцца, і жах уявіць, як чалавек сарвецца адсюль, як ляціць у бездань, мільгае празь бясконцыя паверхі... Сталіца – я моцна ўдыхаў бліскучы, навошчаны пах.

Кожную кнігу, як адкапаны скарб, я зносіў у свой пакой, і там на некалькі дзён заміраў за чытаньнем. Тайны раманаў і прадмовы зь легендамі аўтарскіх біяграфіяў узбуджалі мяне неймаверна. Я нават сам пачынаў папісваць – такім гарачым струменьчыкам, калі ўжо няўцерп, і толькі б дабегчы да чыстай паперы. Тое было першае смутнае прадчуваньне, што мне кнігамі жыць.

Сядзіш да вечара, не ўключаючы сьвятла, учытваесься да зьмярканьня... Падымаеш вочы – і цемра. Пэўна, гэта з тых часоў я такі маўклівы. Я сутулюся. У мяне расплываецца зрок.

Кнігі – гэта было сьвятое. Іншага разу нам падбіралі бацькі. Цэлая цырымонія. Тата ўзважваў том на руцэ, сям і там раскрываў, звычайна трапна, трохі далістваў, з надломам разгладжваў далоньню – і пачынаў уголас. А калі ў нас што-небудзь пазычалі, кнігу ў чужыя рукі мама заўсёды загортвала. Найчасьцей у адрэз шпалераў, якімі кватэру абклейвалі, узорыстых, у тонкія кветачкі.

Запамінальны звычай.

Нарэшце, настаўніца наша, русіца. Баюся, гэта яшчэ адна з тых прычынаў, якія так цяжка цяпер мне выдзіраць з крывёю. Яе голас, глыбокі, грудны, выношваў исконное «о». Яна чытала душэўна, духоўна – я верыў. І пасьля школы бадзяўся па вуліцах, спадзеючыся знайсьці ну хоць што-небудзь піцерскае.

Перабірай, перабірай, корпайся ў генах і ранах, гэта табе зараз так пакутліва. Я ж памятаю, як усё чыталася. Бунін. Абарвалася сэрца, і чуецца да гэтых пор – перагрук анто-

наўскіх яблыкаў, якія ссыпаюць на сырую зямлю дзесь пад Арлом.

І падгрукваюць чыгуначныя колы, буйна, паддонна падгрукваюць.

Штосьці беларускае? Як падумаць, можа, і адшукаецца між падлеткавай драбязы нешта такое, накшталт пусьцяковай сьцяблінкі, якую няўцям пакусваеш. Хіба па-дзіцячаму буйны шрыфт тых беларускіх кніжак, што раз-пораз трапляліся ў залі. Несур’ёзна. Хаця, можа быць, і прыемна. Было ж прыемна бацьку, адукаванаму журналісту, калі прыяжджалі ў вёску, прымаць між дзядзькоў і братоў тутэйшае гаварэньне. Трохі сарамлівае, ды сваё – гэта папахвала гародам і скотным дваром.

Бог яго ведае адкуль, зь якіх такіх каранёў, я сам пачаў размаўляць. Здаецца, гэта была проста сіла цяжару. Зямная цяга. Я падаў, як яблык.

Першыя курсы, унівэрсытэт. Зь нетраў, з пакойчыку ў прыгарадным панэльным доме, раптам – цэнтар гораду, самае сьвята. Пужаючая штурханіна з вышэйшымі розумамі, аб існаваньні якіх я й не падазраваў. Мы на дзіва хутка сышліся, і потым цэлай кампаніяй пасьля параў вывальвалі на праспэкт ці разам зьбіраліся на дэманстрацыю.

Нам ранілі грудзі белыя значкі, распаласаваныя чырваньню. Мы дасканала ведалі, хто вінаваты й што рабіць. Мы высакародна ўступаліся за кволенькую, вось-вось гатовую абамлець, беларушчынку. Па-рыцарску. Па-расейску.

І змагаліся. Я лазіў уночы па дахах, у цэнтральных кварталах, дзе старыя дамы і ўстановы з высакалобай стольлю. Я бачыў гэты горад з вышыні чалавечага палёту – баючыся сарвацца, па самым па краі. Дацяпер увушшу той крохкі крок на гарышчы, і вецер у верхавінах дрэваў варушыць ад жудасьці валасы, і ашалелае дыханьне ужо ўнізе, калі, задраўшы галаў, глядзіш, як трапечацца над крэпасьцю наша палотнішча.

Мы ўзломвалі браняваныя дзьверы з дапамогаю некалькіх фразаў. Нам адкрываліся й задуха кватэраў, і бясконцыя калідоры студэнцкіх інтэрнатаў, дзе можна было адбарабаніць касьцяшкі пальцаў і пасадзіць голас. І калі за вечар даставалася хаця б колькі цёпленькіх беларускіх слоўцаў, хаця

б вінаватая ўсьмешка, пажадана дзявочая, – мы былі шчасьлівыя і казалі сабе, што ня ўсё яшчэ страчана.

Так мы пачыналі.

Гэтыя тыдні я ўспамінаў маіх хлопчыкаў у менскіх кадрах, якія ўжо абышлі паўсьвета. Увесь гэты час, штодня, іх паўтаралі зноў і зноў. Успыхвае, сьлепіць пражэктар, людзі, прыгнуўшыся, адбягаюць ад вокнаў Палацу; маладыя, амаль дзіцячыя бледныя твары мільгаюць ля самае камэры – і раптоўна за іхнымі сьпінамі, ля будынку, усё азарае выбух. Карцінка страсаецца, зь ёю сыпецца па нахільнай натоўп, рыне праз парк, паўз Дом афіцэраў... Цераз імгненьне дрэвы прашыюць іскрыстыя трасэры, камэра рэзка праваліцца ўцемру і вынырне толькі раніцай на скрыжаваньні, дзе мерзьне патруль.

Той далёкай халоднай восеньню мы прападалі ў Траецкім, у Гістарычным клюбе. Увесь час распахнутыя дзьверы са мноствам шыльдачак, поўна народу. У захапляючым беспарадку згружаныя калекцыі цудаў. Шматвяковыя жалязякі, выкапаныя дзесьці пад Крэвам, уперамешку з манэтамі й ніткай рачных пярлінаў, з шыкоўным, памерам з абрус, слуцкім пасам – проста ў шуфлядзе, выламанай са стала. Навалам кіпы фотаархіву зь нядаўняй гісторыяй маніфэстацыяў. І тут жа, у залочанай раме, карціна зь Нясьвіскага замку, аб якую не спатыкнуцца б. Усе гэтыя скарбы пастаянна перамяшчаліся, шарахаліся з рэхам; іх разгружалі; назаўтра зносілі й прывозілі штосьці яшчэ. Трэба было пасьпець перабраць, абглыдаць вачыма й са сьліною скаўтнуць уражаньне.

Што да кнігаў, дык гэта было для мяне страсеньнем. Я трымаў у руках ветхі, па лісьціках, сапраўднік скарынінскай Бібліі, якой паўтысячы гадоў, гартаў калясальныя слоўнікі, поўныя выразумленных словаў, і рассмакоўваў беларушчыну, выдадзеную за мяжой – з настолькі мяккімі знакамі, што язык сьцінаўся ад кісьлі.

Там ходырам хадзілі людзі, якіх мы яшчэ ў школе вывучалі, тыя, хто падымаў мнагатысячныя дэманстрацыі. Уразнабой шумелі важнейшыя перамовы й гаворкі пра тое, як учора квасілі. Столькі слыннага народу міналася ў дзьвярох і вузкім калідорчыку, столькі рукалася й адмыслова не падавала

рукі; так заўзята палілі, аж дым курэў у дзясятак ствалоў... Нам заставалася толькі цікаўна паблісквалць вачыма. Ціхія дзядзькі, якія канцылярылі ў клюбе, рабілі на ўсіх гарбату – слабенькую, каб хапіла заваркі й кубкаў, і мы з удзячнасьцю прысёрбвалі гарачанькае дзесь у кутку, на краёчку крэсла. Ня ведаю, у якіх піўных барах пачыналі калісьці Ірляндыя й Чэхія – Беларусь падымалася ў такіх вось прадымленых памяшканьнях, сярод людзкой сумятні й землянога жалезьзя, куды забрыдалі пагрэцца студэнты з вуліцы, і слабенькай гарбаты было на ўсіх.

Там я пазнаёміўся зь Белым – адным з найстрашнейшых маіх сяброў. Сёньня мы да яго яшчэ зойдзем.

Там слухаў Паўлея, вусатага, жылістага геоляга. Ён аб'езьдзіў ці ня ўсе беларускія сельсаветы з пробамі грунту, і з кожнай пробай у яго былі поўныя кішэні карыснае драбязы, мясцовых звычаяў ды гісторыяў. Ён прыпамінаў усё да вёсачкі, паказваў межы княстваў і шляхі вялікіх паходаў; грунтоўна, пераканаўча, рукамі зграбаў узгоркі й разраўноўваў лугавіны. Трэба было бачыць гэтыя чэпкія грубаватыя пальцы, быццам карэньне, толькі што вырванае зь зямлі, з брудам, які ўеўся ў скуру й пазногці. Гэта ён сказаў – памятаю, мы палілі на ганку Траецкага, ён стросваў попел... Ты чуў, яны ўсе за народ змагары, гаварыў Паўлей, гаркавата сплёўваючы, а вось пра гэтую зямлю ніхто не падумаў.

Там быў Валер Бондар, інтэлігентны, артыст, які валодаў ня менш як дванаццацьцю эўрапейскімі мовамі. Было адно задавальненьне назіраць, як вытанчана, па-птушынаму шчабеча ён, праз тэлефон зь якімсь партугальцам; як ганарыста, зь якім намаганьнем твару, прынароўлівае невымоўна-раманскі пранонс, ці шпрэхае, хуценька, з трафэйным прыдыханьнем. Дык вось, яго найвышэйшым шыкам было загнуць на людзях што-небудзь па-расейску – выключна аслупянелым, нечалавечым матам, ды так, што аж за вушамі трашчала й навокал са сьмеху надрывалася ўсё жывое.

Так, мы вучыліся насупраць Расеі. Мы ведалі, ад каго «окаянная Москва» пераняла «абыкнавеннае» аканьне, адкуль да яе прыходзілі кнігі й шрыфты. І хто потым з падзя-

кай высаджваў дзьверы ў Эўропу, хто адкармліваў аграмадныя таленты на нашых скарбах і словах.

Чортава прыкрасьць. Чужы язык варушыўся ўва мне ад самага нараджэньня. Халопскае прыніжэньне – увесь час адчуваць гэты прысмак фальшу, гэты цьвёрды знак напрыканцы словаў... Ён застаецца заўсёды пад языком, аддае нечым штучным і непатрэбным, яго не абломіш з канчаткаў. Так ня вынішчыць сьвятога мяккага знаку зь беларускага напісаньня. Зрэшты, вось табе й розьніца. Уся рэч у чым – ці ў нашай мяккасьці, ці то ў іхнай грубай цьвёрдасьці.

Мы былі ўпэўненыя: з нас хопіць. Мы крычалі гэта на мітынгах, мы засьвіствалі расейскую тэлевізію; зь нянавісьцю, зь мясам ірвалі каўнеры, ідзі-ка сюды, уёлавак, паўтары, што ты сказаў наконт нашае мовы, быдла!..

Толькі калі я прыходзіў дамоў, сумятня асядала ў глыбінях душы. Зьмяркалася. І станавілася зразумела, што папраўдзе магутнасьць Расеі – у гэтай цішыні, дзе пакояцца кнігі. Там было логва дракона.

І тады я рашыўся. З такою сілай варта сысьціся насьмерць. Супраць усіх і самога сябе – бойня, дастойная маладосьці. Вораг быў страшны, тым больш! Як яго перамагчы, герой ня меў ані малейшага ўяўленьня, але дух займала ад вышыні й непадымнасьці. Маладыя, дзёрзкія сілы дрыжэлі. Быць бітве.

Гэтая тайна і стала маім пакліканьнем.

Я пачаў перакладаць сябе самога, размаўляючы ўслых; я практыкаваўся на любімых песьнях, быццам на жабках. Перапалохаў бацькоў сваім імгненным і неспасьціжным пераходам на родную мову. Патаемна, паўшэптам плянаваў сакрэтныя апэрацыі, штурмы й расправы – у чытальных залях, у прыціхлых студэнцкіх аўдыторыях. Спасьцігаў азы моўнае магіі й выкшталцона, з асаблівым цынізмам зьдзекваўся з маладзенькіх прадаўшчыц у шапіках. Здавалася, на мяне падазрона глядзяць праходні. Я пасьпяваў і ў Траецкае, і на начную расклейку ўлётак, і ранкам быў ва ўнівэры, рассоўваючы нелегальныя ксэры па партах. Я ледзь спаў, дыхаў адной барацьбой і быў проста апоены тым, што такі да ўпору зараджаны й моцны.

Там, за валдайскімі даляглядамі, Імпэрыя ўжо павінна была адчуць маё небясьпечнае варушэньне... Устрывожыцца

зь весткай аб новым нязьведаным ворагу, і раптам дрогнуць ад прадчуваньня ў самым сваім подлым сэрцы.

Прайшла правадніца.

Добрая ў нас правадніца. Кабета дамавітая, ёмістая, тыповая тутэйшая цётка. Вось мімаходзь падаткнула камусьці ў суседнім купэ прасьціну, белы падол з васількамі. Маўклівая, крыху сапучы, зьбірала квіткі й пасьцельныя грошы ў таўстаскурую кніжку, рупліва пасьлініьвала пальцы.

Праходзіць туды-сюды гэтак жа моўчкі, пасопваючы, як пячорны гном: рукі жменямі пры сабе.

Зараз як забярэцца ў сваё купэ, а там па-добраму цесна, утульна. Каморка натопленая, у цёплых коўдрах, з клятчастым пледам, падушкай, зь няхітрымі скарбамі: печывам дамашняе выпечкі, бляшанкай бразыльскае кавы й гарэшкамі ў залацістых пакецiках. І прахалодныя, чысты сьнег, горы бялізны. І васільковыя ўзоры.

Вось табе жыцьцё. Чыгунка, абжыты вагон з падстукваньнем, пастаянна чужыя госьці – і каб усім было цёпла й цёмна спаць, каб усе былі задаволеныя. І нават прасьціначку падаткнуць.

Я ўвесь час чакаў, што яна нешта скажа. У гэтае цётачкі мусіў быць цудоўны беларускі акцэнт – але ад яе, з пачатку вагона, было чуваць толькі дзіньканьне шкла ў мэталёвай аправе, стрыманае шарканьне ды лясканьне засаўкі. Такія харошыя, кухонныя гукі пад спакойны пярэгрук колаў.

Зрэшты, падумаў я, больш нічога ня трэба. Хацелася толькі ямчэй уладкавацца за сталом – так чакаеш, што зараз чаго-небудзь прынясуць. На хвілінку здалося: я дома.

Цягнік стаў. Так, на чым мы спыніліся.

Наўрад ці можна было назваць домам той інтэрнацкі пакой з тумбачкай у ізгалоўі, дзе я пасяліўся, пачаўшы працаваць. Усяго й дамашняга тут было – кнігі ў вокладках са шпалераў. Некалькі кнігаў з бацькоўскае кватэры; маці загарнула іх мне, як рабіла заўсёды. Я ўзяў з сабой супрацiўнікаў самых грозных, ня раз перачытваных, на чыіх старонках стракацела ад знакаў увагі. І закладваў у іх самае каштоўнае, праязныя й грошы.

Яны й цяпер са мной, дамашнія кнігі. Гэта іх рабрыны ў чорнай торбе я пру зараз пяткамі. Не, даставаць ня будзем. Хай пачакаюць.

Тыя часы ў мяне ўспамінаць не прынята. Было нешта такое: паўпадвальная рэдакцыя; жалю варты, на паўтары тыдні, заробак; крышкі ў кішэні, ненадрукаваны артыкул у газэце за панядзелак (газэта камячылася, і ў вурну), сталоўка, супчык зь відам на палудзенны рэдзенькі сквэр... Толькі ў бібліятэцы я браў сабе ўдосталь і першага, і другога, і трэцяга. Было хвіліннае сьвята, калі ўдавалася падабраць у гарэцкіх радках што-небудзь гэткае, з хрумстам. Ці, скажам, знайсьці імклівае, у некалькі словаў, закляцьце супраць Булгакава. Але ўсё гэта месцамі, даволі бязладна ды выпадкова. Я паліў шмат таннае дрэні, я выдыхаўся: нэрвы, мой братка, нэрвы. Так хацелася чаго-небудзь разумнага, добрага. Вечнага. І я даставаў кнігі ва ўзорыстыя кветачкі, якія цягаў з сабою паўсюль, і пагружаўся ў чытаньне. Перачытваў з ныючай насалодай, з чорным па белым зайздрасьцю... Пасьля заставалася толькі маўчаць. Вялікае расейскае, яно было сумна й далёка, недасягальна далёка...

Мне зрабілася страшна. Не дастаю да дна. Быў гістэрычны жах не пакінуць нічога на гэтым сьвеце.

Страшна выйсьці на чарговую дэманстрацыю – там хапалі, зьбівалі, здымалі на камэры, і з кожнай мянтоўскай машынай каля інтэрнату я спуджана, паўзь сьценачку, перабіраў, дзе ж апошні раз засьвяціўся. Між тым ня выйсьці было яшчэ страшней: што б сказалі тыя нямногія, хто мяне ведаў...

Вось так. Вось чаму, як толькі зьявілася магчымасьць, я рвануўся з усіх сваіх жылаў; напазычаўся, чырванеючы, гледзячы ў падлогу; вымаліў у бацькоў ці не астатнія капейкі... І выбраўся. Зьехаў. Я ехаў так, як і зараз, бязь лішняе шмоткі; адзінае, што было ў мяне, – вось гэтыя кнігі. Па-мойму, я нават рыдаў у тамбуры. Але так было трэба. Тады я меў рацыю, нікуды не падзенесься. Я ехаў у Вільню.

Вільня, Вільня мая, чую цябе нават у гэтай цёмнай ночы. Так праходзіш дома цьмянымі калідорамі, ведаючы, дзе падасца з рыпам падлога, адным чуцьцём кранаеш знаёмыя

выступы й паверхні, адным дотыкам – лёгкім, як пылок тынку, што застаецца на пальцах зь віленскіх сьценаў. Тут будынкі растуць зь зямлі разам з дрэвамі; тут, як крыніца, б’е ў вочы вышчарбленая цэгла; тут добра пячатаць крокі па бруку і разьбіраць старажытныя друкі.

У Вільні вера. Я назаўжды буду ўдзячны тым вечарам, якія праседжваў ва ўнушальнае цішыні, у сьвятле настольнае лямпы: падымаесься з-за стала пасьля колькіх гадзінаў, і ва ўсім целе – зацёклая ўласная важкасьць, цяжар беларушчыны й зробленай працы. Так прыемна потым спусьціцца на вуліцу, прайсьціся дварамі. Тут зьбіраесься з духам – такія храмы, такія кніжныя мошчы, рэчы цудовыя, запаветныя. Нідзе больш ня знойдзеш сапраўднай, дрымучае сілы такога роду.

І ўсё ж такі штосьці яшчэ. Усё-ткі іншага разу нецярпліва цярушыш пальцамі ў шчэпці, быццам самае маласьці не стае, самае солі, быццам вось толькі пэражагнацца... Таму што кнігі, прывезеныя з дому, кнігі ў шпалерах, зашмальцаваных да глянцу, усё роўна хавалі нешта значнейшае. У вечных радках, ужо стомленых ад паўтарэньня, дзіўным і сумным чынам дваілася, траілася: машынны шум з тралейбусным гудам праспэкту, пах ліпнёвае квецені на паступленьне ва ўнівэрсытэт, начныя дахі ды страхі, юныя перажываньні і, глыбей, руіны дашкольнага веку...

Увесь пакінуты горад, у якім я пражыў жыцьцё.

Цягнік набліжаўся да Менску – неўпрыкмет, ходою гадзіньніка, зь нястомным падстукваньнем. Навакольле сьвяжэла. Я прыглядзеўся на хвіліну – сапраўды, за вакном азначалася ранішняе сьвячэньне і пачынала няёмка шчыпаць бяссонныя вочы.

Што ж, наперадзе Менск, пагромлены ды халодны, куды страшнавата вярнуцца. Насамрэч, я ня быў там даўно, настолькі даўно, што ён мне ўжо сьніцца пачаў, і ўсё ў снах дрымотных, трывожных, калі бяжыш, не дабягаеш, калі шукаеш увесь час чагосьці – чаго, ты знаеш, знайсьці немагчыма. Горад шэрага каменю й тонкіх дажджоў. Такому нельга даверыць свайго жыцьця, ды й сваёй краіны. Ён пужаў і прыцягваў мяне, як бездань.

Старонкі ўспаміналіся ў незьлічоных перачытаньнях, на ўсе галасы, прасьвечвала, калыхалася, усплывала тое, што часам нельга было й патлумачыць, і безыменныя ўздрыгваньні думкі згадвалі нейкую згубу. На жаль, такое не перакладаецца; такое толькі цытуюць. Урыўкі з жыцьця на памяць. Маё Выбранае. Я сядзеў над ім гадзінамі, з пачуцьцём шчымлівым і ашчадным, зь якім народы памінаюць Сярэднявечча.

Гэта былі тамы Сярэднявечча, майго асабістага. Здавалася, мне на ўвесь лёс ня дадзена нічога вышэйшага. Расейская клясыка стала пракляцьцем. Я губляўся, як гэта так, я ня ведаў, што й рабіць. І вось тут пачынаецца тое, чаго ніхто не чакаў. Ладна, я падняўся. Пайшлі, папалім. Я выйшаў у тамбур, прыстукнуўшы дзьвярыма. Аглушальна ляскала буфэрнае жалезьзе. Холадна. Сьцюжа за шклом здавалася проста нясьцерпнай. Зямля, скрозь голая, прасіла, як міласьціны, хаця б сьнегу. Страшна падумаць, што зараз робіцца ў горадзе. Выстуджаныя пад'езды, дамы захутваюцца, жалеза пячэ да крыві. Самае тое паліць кастры. І грэцца.

Плечы перасмыкнула. Насамрэч, куды там без агеньчыку. Пакартаваў у пальцах нерасьпячатаны пачак, люстраныя грані. У горле перасохла ад жаданьня й адчуваньня, што зараз зграшу-такі. Ах, як я расцыраваў яго, зь пякучым хрумстам, як дастаў, адным дотыкам, цыгарэтку... Аж кончык языка з парком дыханьня млее... гэта ж трэба, два месяцы грыз асадкі.

Я стаяў і нарэшце паліў. Канчар цыгарэты ірдзеўся, успыхваў скрозь порысты попел. Такая радасьць. Калі прыглядзецца, жар перамяняўся цёмным і сьветлым, і нетаропка, паціху падбіраўся да вуснаў. Зь нязвычкі кружылася галава, было трохі блага. Я прыпамінаў, як танцоўна мнецца ў зубах цыгарэта, і дым хімічыць нешта ў мазгох.

Дык вось, я рашуча стрэліў попелам. Калі пала ўлада, мне стала вядома толькі назаўтра з навінаў. Тэлевізар быў у кавярні, на першым паверсе дома, дзе я кватэраваў, трэба толькі сысьці па прыступках. Я заўсёды займаў там выгодны столік у кутку, ля вакна: там можна зусім па-хэмінгуэеўску заседжвацца за кавай... Цудоўныя хвіліны – я дыхнуў, выпусьціў пару. Дым разгортваўся прывідным пагрозным валам.

Тысячагаловыя дэманстрацыі, заводзкія страйкі, дзесьці разьбіты вайсковы грузавік – усё, што было да гэтага, набывала цяпер свой ракавы сэнс. Падумаць толькі, усё жыцьцё лічыў – о, як далёка нам яшчэ... Атрымай. Рванула так, што ашмёткі яшчэ доўга луналі. Па ўсёй Беларусі зьбіралі нейкі грандыёзны Дэмакратычны кангрэс, апячатвалі архівы і ўламваліся ў кватэры рэжыму з пагромамі, вобыскамі й кайданкамі. А ўва мне ўсё гайдалася й ляскала, што твой тамбур: так кудысьці туды хацелася з грукатам дацца, тараніць на стыку й стрэсьціся ад сутыкненьня.

Супакойся. Удыхні глыбей. Да самага дна, каб лёгкія тлелі...

Тэлевізійныя кадры глядзеліся з халоднай грэблівасьцю. Вулічны патруль, хлопец-аўтаматчык на пару зь міліцыянтам, пацепвалі на вятры плячыма – яны там таксама мёрзьлі. Пройма высаджанай вітрыны, з паваленым манэкенам сярод асколкаў бітага шкла. Купка падлеткаў, якія зьбіралі страляныя гільзы; між іх, у пыле, недаўменна крылялі галубы.

Я не паехаў туды. Навошта? У многіх маіх сяброў, пэўна, аж заблішчэла ў вачох, але мне ад гэтай краіны больш не было патрэбна нічога. Усё гэта мы ўжо бачылі. Пустое. Дымныя цені на сьценах тамбура плыўна разгортваліся, разьвінаючы штосьці з прывідный тайнаў, таялі й павольна зьнікалі.

Паказвалі часовага прэм’ера: ён гаварыў, наколькі я чуў скрозь пераклад, пра падатковыя ільготы, паток грузавога транзыту й замежныя крэдыты. Слушна казаў, але раздражняла, рэзала вока, што ён цярэбіць у пальцах плястмасавую запальнічку – на лякаваным міністэрскім стале, з прэс-пап’е, залочанымі асадкамі й спэцсувязьзю. Быццам стараецца схаваць, як дрыжаць рукі. Хацелася, каб ён трымаўся больш упэўнена, а замест гэтага мільгала дурацкая капеечая запальнічка... Яна аніяк ня выйдзе з галавы.

Між тым штодня зьбіраліся мітынгі – у асноўным інтэлігенцыя, студэнты; ня так шмат, але сьцягі луналі й крык стаяў даволі рашучы. Я нават пабачыў сяго-таго з нашых. Гэта было ўжо цяплей, цяплей.

Агеньчык успыхваў. Трэба мацней зацягвацца, тады ён ярчэйшы, патрэсквае, зырыцца, і сапраўды робіцца трошкі

цяплей. Паркі дым клубіўся й затуманьваў шкло. Зараз заінее.

Калі Расея адключыла тэлеканалы, стала не па сабе. Справы сур’ёзныя. На наступны дзень пачалі перакрываць газ. Такія трубы не заблякуеш адразу – выбухне ад страшэннага ціску. Аднойчы я чуў, як яны шыпяць, перакрываныя. Так здыхаюць страшыдлы. Уявіць сабе, як усё разам, на тысячы кілямэтраў, пагружаецца ў цемру, гасьне, як у сьцюдзёную позьнюю восень па ўсёй краіне астываюць кацельныя, пліты й батарэі ў кватэрах – тут было ад чаго здрыгануцца.

Мне ніколі ў жыцьці не працавалася гэтак горача, як у тыя дні. У нейкім палаючым натхненьні я парадчыў і перачытваў усе віленскія публікацыі, рукапісы й падшыўкі. Быццам рыхтаваўся да старту. Засякаў час і ледзь пасьпяваў дачытаць, дапісаць, даесьці – зьбягаў у кавярню, да тэлевізару.

Нарэшце, сёньня, – я закашляўся ад дыму, не прадыхнуць, – зрэшты, гэта ўжо ўчора, бо цяпер у мяне на гадзіньніку заўтра... Карацей, у вечаровых навінах камэнтатарка захлыналася вусьцішшу, яе голас дрыжэў. Тое, што тварылася на экране, кінула мяне ў жар. Яркі жар, чалавечы роў і барабанны рокат за кадрам. Гулка гахаюць стрэлы – здаецца, у паветра. І кнігі. На плошчы паляць расейскія кнігі. Рвуць і мечуць у велізарны касьцёр. Тэатар опэры й балета. Натоўп народу. У людзях злосна, барвова ўспыхваюць водсьветы. Усё трашчыць і крычыць у барабаннай жарсьці – і рукі, растапыраныя чырвоныя рукі прагна цягнуцца да вагню...

Ччорт, я ледзь не апаліў сабе пальцаў. Недапалак ужо датляваў, наапошак шызавата, злавесна курыўся. Чакай, яшчэ пару дымоў. Лёгкія падымаліся томна, у прадчуваньні. Здавалася, я вось-вось успомню, уразумею. Дзе ж тут ісьціна, дзеля чаго, дзеля каго гэта ўсё робіцца...

Зайшла правадніца. Пачала, прысеўшы, нешта корпацца ў куце й міжволі аправіла форменную спадніцу. Такім мілым, прывабным жаночым рухам, харошая мая, ты б знала.

Іскарка, мігні мне. Усё, гатова. Недапалак я вазьму з сабой. Такія рэчы трэба захоўваць, як гільзы.

Мы ўжо пад’яжджалі. Паўночы ад Вільні да Менску, так каротка. Не пасьпяваеш усяго перадумаць.

Застукалі дзьверы. Пачыналі хадзіць у прыбіральню – потым ужо будзе позна. За вакном мільгалі прыгарады.

Колы адстуквалі прэч слупы, склады й штабэлі шпалаў, прыглушана шугалі пад цені мастоў. Вочы адмахвалі, быццам хутка чыталі радкі – зьлева направа, зьлева направа. Наперадзе, у сьвітаньні, падымаліся капітоліі горада й калясальныя коміны. Мой Менск. Горад, якому так холадна безь мяне. Горад, дзе нашы сьцягі па-над дахамі, дзе навіны ўжо колькі тыдняў толькі на мітынгах. Дзе ўвечары людзі ідуць да Опэрнай плошчы – грэцца ля аграмадных вогнішчаў, у якіх гараць кнігі.

***

Я выйшаў у тлум пэрону, ва ўсеагульную таўхатню, і ўзважыў на руцэ час.

Вакзальны шум. Пад гулкім купалам залі шумела шматлюднае варушэньне. Шырокае шарканьне, гоман, тоненькі цік абцасіку – увушшу ўсё стушоўвалася ў заварожаны хор. Кожны горад гучыць па-свойму, вось у чым цымус. У Горадні тон афіцыйны й сухі, некалькі цырымонны; у Магілёве – базарны ды едкі, з лушчаньнем семак; і велічны, з таемным шкляным пазвоньваньнем, у Віцебску.

Я заўсёды, калі прыяжджаю, дазваляю сабе такую маленечкую хвілінку. Прыслухацца. Тут стаяў усё той жа вусьцішны шолах з характэрным прышэптваньнем, невыразны й клапатлівы, як тутэйшы выгавар, памяшаньне расейскай з трасянкай. І тое ж няпэўнае, прасторнае рэха, тыпова менскае, можа быць, крыху больш пасьпешлівае, чым паўтары гады таму.

Было людна і брудна. Масква адпраўляецца, паўтаралі ў залі гулка й мэтадычна, Масква адпраўляецца. У Маскву, у Маскву, народ натоўпамі перабіраўся да дальніх вагонаў.

Што ж, а мы ня будзем сьпяшацца. Сёньня, пакуль ёсьць магчымасьць, трэба рабіць усё нетаропка, важка, з усьведамленьнем значнасьці. З расстаноўкаю і пачуцьцём. Пачынаецца знакаміты дзень, мой дзень, я сэрцам чую, і гэта шмат што значыць.

Я крочыў праз рух чамаданаў, міжволі выглядаючы каго-небудзь са знаёмых, і нечакана, у шкляных дзьвярох на выхадзе, ледзь не сутыкнуўся з самім сабой.

На Прывакзальнай плошчы было сьцюдзёна. Пяшчотныя дрыжыкі млелі ў яшчэ цёплым целе: я нема зяхнуў і захутаўся. Ну вось, горад Менск перада мной. Нейкі па-ранішняму ўбогі, нявеслівы й пешаходны. Так цёмна тут апраналіся, я ўжо адвык.

Настрой трывожны. Нешта скрозь нездаровае было ў абшарпаных сьценах і беспарадачным руху людзей. Збройны патруль насьцярожана паглядваў у твары прыежджых. Нейкі дзядзька натужна цягнуў на санках багаж, палозьзе са скрыгатам ўскрыквала, сьцірала асфальт да самых мурашак па скуры. Віск жалезьзя браў за жывое.

Я глядзеў са страхавітым уражаньнем. Быццам бачыў упершыню гіганцкія вежы сталінскай пабудовы, з чыгунным гербам на адной і гадзіньнікам, што даўно спыніўся, на іншай. Цераз дарогу зеўраў разгромлены шапік – каробка елачных цацак, грохнутая аб падлогу. Змрочныя рэчы.

Трэба было б падабраць нешта такое на памяць: можа, вось той замерлы на вежы час, ці то сутуласьць людзкую, ці пранозна віскліваю ноту, пакінутую санкамі на асфальце...

Зьбярыся. Я ўсхрапнуў усю сьлізь з насаглоткі й рашуча схаркнуў. Табе трэба перажыць усё, што будзе сёньня. Зараз да Белага. Зрэшты, сапраўднае яго прозьвішча Белых, але ў нас яго называлі Белым. Некаторыя нават дасьціпнічалі – Беленькі, бо сам ён быў да апошняе валасінкі чорненькі, з такімі трагічнымі, ці не жыдоўскімі, ценямі ў бледным, абвостраным твары. Заўжды нейкі хваравіты, ён увесь час пакашліваў ці, зьняўшы акуляры, балесна прымружваў вочы, і за беларушчыну змагаўся з такім выразам, зь якім скаўтваюць празь сілу. Было ў гэтым штосьці заразнае, і я іншым разам пачынаў гэтак жа, балеючы за беларускае, хрыпавата пакашліваць.

Ён ледзь пазнаў мяне ўчора па тэлефоне:

– У-у, сябра мой літоўскі, – гукнуў, мне сьпярша так падалося, расчаравана, – прыяжджай, канечне. Тут ого-го што творыцца.

Я перайшоў плошчу. На скрыжаваньні крыху памарудзіў, якім шляхам пайсьці далей – і раптам, разьдзімаючы ноздры, застыў: пахне хлебам. Гарачым хлебам, ммм, і як пахне! Проста пасярод вуліцы – бывае ж такое – быццам з самай

духоўкі пякарні. Хочацца дыхаць яшчэ й яшчэ, і выдыхаеш шчасьлівым стогнам. Канечне, вось гэтая крама, на рагу, мы студэнтамі бегалі туды паміж параў па смажні. Уяві, ты прыехаў сюды праз паўтары гады, у горад халодны й галодны, ты проста з вакзалу, ня еў, і самае лепшае, што толькі можна прыдумаць – гэта родны пах гарачага хлеба.

Я з задавальненьнем зайшоў у надыханае, па-чалавечы жылое цяпло. Гастраном запушчаны, савецкі, знаёмы зь дзяцінства: тут з хлебным духам мяшаўся настойлівы пах бакалеі, перны й сухі, прэсная сырасьць малочнага, і, само сабой, несла з рыбнага. І так дружна, бадзёра кішэў і соваўся ранішні люд, так будзённа пераклікаліся прадаўшчыцы, дзяўчаты ў белым, што мяне размарыла шчырая ўсьмешка, і стала ясна, да сьлёзаў ясна: мы абавязкова вытрымаем, няма ніякіх сумневаў, мы будзем жыць, і з нашай краінай усё будзе добра.

Куплю перакусіць. Ды яшчэ якога гасьцінцу для Белага. У яго, здаецца, малы. Прыткнуўся ў чаргу, дастаў грошы. Калі я зьяжджаў, гэтая сума яшчэ нешта значыла. Зараз адно каб хапіла. Старыя добрыя грошы, даражэнькія мае, як жа знаёма яны шамацяць у руках – шурпатыя, цёплыя, шчэ жывыя. Кажуць, хутка будуць мяняць. Шкада.

Вось дзьвюхсотачка – гэткія, пэўна, ужо не прымаюць. Шэравата-блакітная, з Прывакзальнай плошчай і маленькімі чалавечкамі. Такая ж бруднаватая, непрыбраная, як і пляц.

Пяцёрка, Траецкае, пацёрты румянец. Вось табе твая маладосьць – дахі, выцьвілая зеляніна, ажурнае сонечнае сьвятло, усё ў імглістым ружовым тумане. Дзесьці там Гістарычны клюб. Пяць тысячаў пацёртых успамінаў.

Нарэшце, самая галоўная паперчына, самая храбусткая, Опэрны. Сто. Халаднаваты Опэрны, змрочны, як храм друідаў, з вадзянымі знакамі ў глыбіні – глянь, абарочваецца рытуальнымі танцамі. Сёньня ўвечары трэба быць там. Народу сто тысячаў. Будзе відовішча не для нэрвовых.

Паўгорада ў кішэні, толькі падумаць. Маё паўцарства. Мінск, Менск – ці перайменавалі? Мінск, Менск, як прыемна мнецца ў руках, перамінаецца неразьменная памяць.

Я зноў быў на гэтых вуліцах, у сваіх унівэрсытэцкіх кварталах. Усё захавалася. Я чакаў на забытых сьветлафорах і са

смутным захапленьнем аглядаў будынкі, велічныя й старыя: здавалася, яны аблупіліся й патрэскаліся менавіта за гэты час.

На плошчы Незалежнасьці прадавалі вугаль. Было мнагалюдна, але нешматслоўна. Засяроджаныя дзядзькі калгаснага выгляду ў шызаватых ватоўках, з пылам, пыхам і бляскам, з шарханьнем на ўсю плошчу разграбаліся шуфлямі. Вугаль бралі вёдрамі, як бульбу, торфабрыкет па штуках, выбіраючы цалейшыя. Стараючыся не запэцкацца, я прабраўся паўз чорныя адвалы, між гружаных калясак, скрыняў і мяшкоў.

Праспэкт ішоў пешшу. Праезныя машыны зрэдку падкрэсьлівалі нясьпешлівы пешы рух. Я крочыў павольна, як у халоднай карціннай галерэі, кшталтуючы рухі, абмінаючы асьцярожна сустрэчных.

Я хутаўся ў куртку і, быццам кішэнную дробязь, цацаў кожную падабраную знаходку. Мілае дзяўчо, што ўтнулася носам у пухнаты каўнер, усё роўна каленкі голыя. Цяжкія дзьверы кнігарні, куды я заўсёды заходзіў набыць што-ніштто патаньней; яны зачыняліся з буханьнем і ледзяным дрыжэньнем. Загнуты дарожны знак, кавалак бляхі, што па-сіроцку матляўся, трымцеў на вятры па-над праспэктам, і якраз за ім віднеўся той самы дах. Бясцэнныя мясьціны. Ты ўспомні. Я дыхаў, як на шкло – усё на міг ажывала зь лёгкім воблачкам пары... Гэта здавалася мне настолькі пранізьлівым і значным, што я часьцяком затрымліваўся й падоўгу глядзеўся ў вітрыны.

***

Я зайшоў; мы абняліся.

– А халодна, – сказаў Белы, пацікаючы маю зьнямелую ад сьцюжы руку, і гэтага хрыплаватага слоўца хапіла, каб пазнаць яго.

Пальцы ня гнуліся, было няёмка нават расшпільвацца. Я моўчкі корпаўся са шнуркамі, праклінаючы халады й самім жа насьмерць зацягнуты вузел, а ён стаяў нада мной, пастарэлы, без акуляраў, прышчурваў чырванаватыя вочы, і ў гэты момант мне было так сорамна, я адчуваў сябе так прыніжана, быццам і сапраўды вярнуўся сюды здраднікам. Здрадзіў і вярнуўся. Нарэшце, ува мне ўспыхнуў псых, я зь

ціхім азьвярэньнем садраў з нагі чаравік, выпрастаўся й паспрабаваў пасьміхнуцца.

– Праходзь, – Белы кіўнуў у бок залі й падаўся на кухню, бразгаць посудам і прыстукваць дзьверцамі шафаў, – зараз будзе гарбата.

Я ўсё яшчэ з дрогкім сэрцам прабраўся ў гасьціную. Знаёмая занавеска на ўваходзе пачціва кранула за рукаво.

Што ў доме печка, адчувалася яшчэ з парогу: у кватэры жыхарыў цёплы зольны дух. Печка стаяла ў залі, ля вакна, на цаглянай кладцы, жалезная буржуйка, не такая ўжо ржавая, як можна было б уявіць. Стаяла так, як звычайна галоўная рэч у гасьцінай – тэлевізар, ці, скажам, раяль, калі ўся астатняя мэбля, уся абстава, улучна да тапачкаў, уважліва зьвернутая да яе. На падлозе – нейкія скрынкі, рассартаваныя кнігі і побач разрабаваная кніжная шафа. Бялізна, замочаная ў тазіку. За запацелым шклом якіясь пакункі. Мабыць, прадукты: лядоўня наўрад ці працуе.

Гарбата ў Белага была сапраўдная.

Ён прынес цэлую груду пасуднага снадзіва, са слоікамі й заварнікамі, і прыняўся распальваць печку:

– Разумееш, цэйлёну й індыйскага зараз, бывае, ня знойдзеш... А на Камароўцы бабкі – шустрыя, попыт учуялі, панавезьлі траваў, зьверабою ўсякага, лісьця, карэньня – на выбар. Народ тоўпіцца, купляе. Дай, думаю, паспрабую. Спачатку асьцярожна: маліньнік там, брусьніцы, ну, што ведаеш – і да чаю дамешваў...

Між словамі ён порстка ўпраўляўся ў чэраве печкі зь нейкімі трэсачкамі й абрыўкамі газэціны і ўрэшце нахіліўся, разьдзімаючы вугалькі:

– Потым, шафран, гравілаты розныя... Зараз ужо, ведаеш, разьбірацца пачаў, што да чаго, што духмяніць, дзе ад жывата, дзе чыста для чыфу. Нюхні, – ён падаў мне шклянку са звонкім сушаным крошывам.

Тварам у травы. Так пранізьліва, так востра пахла суніцамі, што я соладка змружыўся. Так пахнуць ягады, поўнай прыгаршчай у рот.

Белы надзеў акуляры, ад чаго яго вочы акунуліся ў лінзы, сталі аграмаднымі, вадкімі. Ён засяроджана й пільна пачаў

гатаваць заварку – са знаўствам, па-аптэкарску скрупулёзна, падсыпаючы ды падцярушваючы. Печка ўжо патрэсквала, разыгрывалася й цёпла адсьвечвала па ўсім пакоі. Шумела вада.

– Цудоўная штука, – ён памешваў асьцярожна й прыдзірліва, кончыкам языка спрабуючы з лыжачкі, – чай дае толькі тон. Уся спэцыя ў зёлках. Заварыш, яно як нацягнецца... Б’е токам.

Мазгі праясьняе, паўдня ходзіш сьвежы. Белы чакальна глядзеў, як мне пакаштуецца. Ух і моцна. Гарачэнны, церпкі настой так шыбануў з двух неасьцярожных глыткоў, што я ў міг спацеў і нема выдахнуў, як ашпараны. У гаркавае чайнае гушчы аж сіпеў ёдкі, патрабавальны прысмак чагосьці ляснога. Дзіка моцны. Цярпіма толькі паціху прысёрбваць. – Бальзам, – Белы пацмокваў, рассмакоўваючы кожны пякучы каўточак, зрэнкі ў велізарных лінзах прыцэльна ўздрыгвалі. – Гарачы, гаючы. Галоўнае, не аглядвацца, бяз цукру. У прынцыпе – нацыянальны прысмак.

Не, для мяне занадта. Я пас.

– Так і жывём, – Белы адпіў яшчэ й яшчэ, – без гарачай вады. Халодную толькі ў стаяк падаюць, на першым паверсе. Носім, кіпяціць трэба. Прыбіральню ня змыеш, тхне, як параша. Ты ўжо чуў, які дух у пад’езьдзе стаіць. Сьвятло ўключаюць на пару гадзінаў, хоць тэлевізар, навіны зірнуць.

Гэта, дарэчы, файна глядзіцца – бах, і цэлыя мікраараёны ўспыхваюць сярод ночы. Прывыклі...

Печка, ну вунь, сам бачыш, сала за форткай. Транспарт рэдка калі, усё пешшу. Пабегаеш тут. А бегаць даводзіцца.

Ён замоўк, дапіў, нахіліўся адставіць кубак, і тут я ўбачыў – у яго на скроні, ля вуха, быццам сарвалася струнка – сівы валасок.

– Ты па кнігі прыехаў? – ён пранікліва паглядзеў на мяне сваімі вялікімі вачыма. – Я так і думаў.

Ня знаю, хто здагадаўся, а я табе скажу – фантастыка. Сама ідэя, ты ўяўляеш!.. Сьпярша хлопцы франтаўскія зь нейкай кнігарні вывалаклі, і давай паліць. Па адной, пад вершы. І раптам – канцэрт. Кніг панавезьлі навалам, згрузілі горы, адкуль столькі. Народу прорва. Ты што!.. Гэта трэ-

ба бачыць – гэты жар, усё раве, моладзь шалее, і проста са сцэны – у вагонь! – Белы рэзка шпурнуў рукой, вочы ярка блішчэлі разам са шклом.

– Процьма ўсякае швалі. Бамжам бы сагрэцца, пэнсіянэры з усяго наваколля бадзяюцца, ім па колькі штук на растопку. Тут жа букіністы, найрадчэйшыя кнігі раскопваюць. Антыкварыят.

Ён памаўчаў.

– А ў мяне тут свая расправа, – хітнуў на кніжныя склады ўздоўж сьценаў, – я пасьля канцэрту дамоў прыйшоў, і да печкі. Згроб усё гэта дабро... Кніжкамі таплю, – проста сказаў Белы, узяў нейкі том, што трапіўся пад руку і балюча, з хрэскам разадраў яго ў руках. Запхаў у грубку і, назіраючы, як напінаецца, вось-вось лопне вокладка, як задыхаюцца, чарнеюць лісткі, задуменна працягваў:

– Спачатку, думаў, макулатуру ў расход. Потым за сярэднячкоў вазьмуся, а лепшае, значыць, легенды – напрыканцы. На салодкае, так сказаць. Але пасьля – не, брат ты мой, наадварот, дайка сьпярша самыя галоўныя пойдуць. А то як раптам цяпло дадуць, ужо ня той будзе перац, сам разумееш.

Мне падалося, пытаньне вартае:

– І што?

– А вось што, – ён, як паленьне, падклаў другую палову кнігі, – пад настрой. Знаеш, гэта самае лепшае. Рэкамэндую. Бывае, такія позвы на рамантыку, аж дрыжыш – гэта, дапусьцім, Гайдар.

Або Леў Касіль, помніш, быў такі ў клясе сёмай. Перагляджу, пагартаю, асьвяжу зарніцы свае піянэрскія – і ў вагонь. Гарыць весялей, і грэе, і сумна... Сьветлы такі сум. Бывае, палю ўсю ноч да ўгару. Знаеш, на раніцы, як сьвітае, распахнеш вокны, запацелыя, і стаіш... Каго-нікога поўным зборам твораў адпраўляю. Пластом, толькі хрыбет пераламіць, і ў трубу. А некаторых шкада, хоць плач. Усё-ткі чытаў. Ня думай, я ж таксама не драўляны...

Белы не дагаварыў, пакутліва закашляўся.

– Вось, – нарэшце, агоўтаўшыся, паказаў ён кнігі, – Талстой. Уяві, знайшоў засохлыя кветкі – з пылком, пялёстачкі,

усё як трэба. Успомніў. Гэта мы з жонкай зьбіралі ўлетку, толькі пазнаёміліся.

На памяць сюды клалі. У самае тоўстае. Крохкія… І старонкі панюхаеш. Яшчэ ўгадваецца, дзе што было.

Ён паднес раскрыты том да твару й пацьвердзіў:

– Пахнуць.

Дэталь цудоўная.

– Кветкі ты куды падзеў?

– Пераклаў у Купалу.

Жонка ў яго натура тонкая. Як толькі сьпяць разам.

– А Іну ў вёску адправіў з Толікам, – Белы глядзеў у вагонь, – няма чаго тут ёй зь дзіцём рабіць.

Урэшце, дзеля малога ўсё й робіцца. Хоць ён ня будзе давіцца ўсёй гэтай тоўшчай дурной.

Белы трохі пакапаўся каля сябе й выцягнуў нешта яшчэ, глянцавітае, пунсовае з чорным. Такое я пазнаю зь першага погляду. Булгакаў. Майстар і Маргарыта, у мяне дома такая ж.

– Вось, адмыслова для цябе. Каронны нумар. Даўно хацеў паглядзець, ці гарыць. А то ёсьць сумненьні.

Ён плянамерна й жорстка, як кат, вырваў з коранем усю сярэдзіну, распатрушыў на лісткі й моцна, сьціснуўшы зубы, з томнаю насалодай хрумснуў цьвёрды пераплёт упоперак калена. Паглядзеў на мяне, запрашаючы ў сьведкі.

Булгакаў гарэў. Яго ахапіла зырыстым, ярасным полымем. Лісты курчыліся моўчкі, у імгненьне палымнелі й пырхалі чорным прахам.

Я ня мог адарваць ад печы вачэй. Здаецца, я ж яе на памяць ведаю, гэтую кнігу. Столькі чытаў. І сапраўды, усё проста. У белым плашчы з крывавым падбоем…

У печы трэснула.

Белы сядзеў нерухома. У твары яго кідаліся, перабягалі чырванаватыя водсьветы. Ціхімі, грознымі ўспышкамі азаралі, як помнік, патрэсканы маршчакамі лоб, падцятае шчацiністае падбародзьдзе.

Шкло акуляраў блікавала бязьлітасна й зло. Па-д'ябальску.

– Ты знаеш, – нарэшце парушыў маўчаньне Белы, – гэта пажарышча. Пажар Імпэрыі. Яны й ня думалі, што такое зарыва падымаецца. Ім страшна… А для нас ахвяра. Кожнаму

свая. Нам для сябе трэба гэта зрабіць, – ён выразна зірнуў на мяне. – Дома ўжо быў?

– Не. Я пайду да Опэрнага.

– Добра. Канечне, сходзім. Відовішча супэр, – Белы падняўся, цяжка выдыхнуў, – паўдня да вечара ў нас з табой ёсьць. Трэба пагаварыць. Я раскажу, хто ёсьць хто. І як тут усё падарвалася.

***

Ужо вечарэла, калі мы сабраліся да Опэрнага.

Мы йшлі моўчкі, разьмерана, я нават зважыў, у нагу. Пачынала зьмяркацца. Тысячагадовы горад стаяў, як чумны, нежылы, у хмурным сутоньні. Ані агеньку. Па-над вокнамі, быццам пасьля пажараў, чарнелі аддушыны сажы.

Задзьмувала. Было холадна, і ўдваёх ішлося неяк ямчэй. Мы ўнурана хуталіся, кожны ў сваё, вуліцу за намі па адным перабягалі абрыўкі сьмецьця. Трымцела на холадзе, абвастралася голае вецьце – калянае, ломкае, здавалася, зараз хрусьне ад сьцюжы. Сярод дрогкіх, здранцьвелых галінаў стылі пустэльныя плошчы, правулкі, будынкі.

Белы запаліў; ён па-старэчы моршчыўся, зацягваючыся і зацята прыкашліваў.

– Тут трэба будзе падумаць, чуеш, – цяжка сказаў ён.

Канечне. Мы прыстоілі на пераходзе, здалёк прапускаючы рэдкую машыну.

– Вось на гэтым месцы, – вырак Белы, паказаўшы цыгарэтай туды й сюды, нібы пераксьціўшы, – недзе тут, – і дымок вобразна растаў між пальцаў у паветры, – згінула Вялікае Княства Літоўскае. Між царквой і касьцёлам.

Так і ёсьць. За нашай сьпінай уставала Катэдра, перад намі – Сьвята-Духаў сабор.

– Таксама кнігі палілі, – невыразна скрозь цыгарэту выскаліўся Белы, – бач, чым скончылі. А з царквой што зрабілі. – Ён грэбліва выпусьціў дым. – Калекі. Гэта ж трэба, угару асфальтавыя дарожкі. Тут такую лесьвіцу ў неба можна было адгрохаць, такі пад’ём!..

Белы зацягваўся з прымружам; зыркім агеньчыкам успыхвала цыгарэта. Ён высмоктваў зь яе свае ёдкія сказы,

сэкунду абдумваў і выпускаў, любуючыся імі, як дымным выдахам.

– Знакамітае месца, – ён прыцэліўся цыгарэтай наперад. – Тут БТРы стаялі.

Ён стрэліў попелам, прыстоіў; я таксама спыніўся. Перад намі далёка з гары халадзела празрыстая панарама.

– У тую самую ноч... На праспэкце народ, разумееш. Падзеі поўнай хадой. Палац ужо заперлі, усё гатова, – ён выдыхнуў. – І тут паніка. Па Машэрава БТРы ідуць. Страх што творыцца... – пырхнуў попелам. – А яны тут сталі, ну, вунь там, перад мостам, і ўсё. Стоп. Усе чакалі, думалі, пойдуць. Усю ноч, разумееш... Шэсьць раніцы, Часовы камітэт па радыё выступае, яшчэ нічога ня ясна, усе трасуцца, хто дзе. Думалі, толькі крануцца – і накрывайся.

Ён памаўчаў.

– Толькі пад вечар дрогнулі. Газанулі, усе ў воблаках дыму – і разам задні ход... Пайшлі, на той бок пяройдзем.

Мы спускаліся ў вулічную даліну.

– Гісторыя, – зацягваючыся, сказаў Белы, – на гэтых лугах Чарадзей з Русьсю сышоўся. Няміга Крывавая, Менскі замак, Замчышча. Цэрквы вакол. Духовыя мясьціны, – дым бясьследна разьвеяўся.

– Вось табе й Няміга, – працягваў ён, скаўтнуўшы. – За расейскім часам зрабілі сьмярдзючы сьцёк. Выграбную яму ўсяму гораду. На Сьвіслачы паводка, – ён зморшчыўся, – а тут усё дзярмо, усе памыі ўсплываюць, уяўляеш? Падымаецца, затапляе падвалы, у дварох да калена стаіць. І, рукой падаць, таўкучка. Ніжні рынак. Гандляры, мянялы, прытоны. Нечысьць усякая.

Крымінальшчына аж кішэла. Карацей, прорва. У самую душу гадзілі...

Выдых быў незвычайна доўгі. Мы ўвайшлі ў цёмны пераход, і твар Белага зьнік у цемры. Толькі маякаваў чырвоны агеньчык.

– Калі ў гэтага гораду ёсьць нешта сьвятое, – ён сказаў, і глухаватае рэха азвалася ў скляпеньнях, – то яно тут.

На глыбіні, пад намі, маўчала бяздонная станцыя мэтро.

Мы выбраліся на бераг Сьвіслачы, на самы вецер, выйшлі на мост. На тым беразе высіўся асьветлены агнямі гмах

гатэлю. Ад электрычнага сьвятла ён выглядаў яшчэ больш аграмадным.

Здавалася, велізарны зіхоткі слуп стаіць да неба і сыходзіць у нетры водаў.

– Нішто сабе ілюмінацыя, га? – сплюнуў Белы. – Міжнародныя прадстаўніцтвы, уся Эўропа.

Называецца «ціха, ідуць перамовы». Чайкі нешта адчайна крычалі па-над вадою. Паўзь бераг клявалі некалькі рыбакоў.

А перад намі ўжо падымаліся на гару вастраверхія дахі Траецкага, пастаўленыя адзін на адно. Вечная дарога. Стары добры ходнік з выбоінамі на памяць. Ходнік, як калідор, дзьверы на кожным кроку. Крок, яшчэ крок, уваход у клюб з мноствам шыльдачак.

Зачынена.

Ня можа быць. Я яшчэ раз страсянуў за ручку.

– Ну, зачынена, – Белы пасьміхнуўся й акуратна скрышыў кавалачак попелу на падваконьне. – Пераехалі. Яны зараз хто на праспэкце, хто на Незалежнасьці. Частка ў Драздах. А ты зайсьці хацеў?

Вядома. Я тупа глядзеў у глыбокія вокны, глядзеў, як у ваду.

– Пайшлі, – Белы таргануў мяне за локаць, – яны працуюць. У іх працы да горла. Ніколі ў жыцьці, разумееш, не займаліся тым жа вугалем ці квотамі на экспарт. Зараз ім гэта дужа цікава, – кароткі агеньчык пыхаў усё зьлей. – Зараз кармільцы, бляха. Закасалі сьпінжакі да плеч.

Мы ўжо падыходзілі да парку. Скрозь дрэвы каля Опэрнага, у туманных дымах, разглядаліся – людзкія постаці. Скрадвалася зьмярканьне. Дым брыў між дрэваў, быццам прывідны статак, і клубамі спускаўся ў даліну ракі.

– Думаюць, перакулілі пару машынаў на праспэкце, і ўлада перавярнулася, – Белы йшоў усё шпарчэй, хваравіта крывіўся, цыгарэта імкліва згарала кароткімі перабежкамі. – Так не бывае.

Ён быў узбуджаны, ён задыхаўся, і не ад хады; пара з роту часьціла хутчэй за яго зацяжкі:

– Павер мне, усё яшчэ толькі пачынаецца, – ён панізіў голас і зацягнуўся так моцна, што правалілiся шчокі, – і гэта будзе значна страшней, чым здаецца.

Помніш, Беленькі, помніш, чорт пабірай, гэта вось так, напаўголаса прагуляцца, мы выходзілі з Траецкага – тады, калі нашай «пяцёрцы» даваліся начныя заданьні – падпільнаваць ля пад'езду гэбэшнага палкоўніка ці закінуць бутэльку молатава ў офіс «Лукойлу»!..

– Бач, усёй-та дарогі на адну цыгарэціну... Стой, – ён раптоўна спыніўся, дапаліў і імпэтна, зь іскрамі, усёй пяцярнёй пстрыкнуў свайго залатога бычка прэч. Я ледзь ня кінуўся падабраць яго сабе, яшчэ гарачага. – Вайна пачынаецца тут, ля Опэрнага... Вайна на паражэньне, бяз дурняў.

Ён рашуча прытрымаў мяне за плячо, каб я зірнуў яму ў вочы:

– Патрэбны таемны Ордэн, ты разумееш. Езуіцкі, паўсюдны.

Трэба дзейнічаць. Чуеш, я хаджу сюды кожнага вечару, да гэтых кастроў. Тут такія людзі зьбіраюцца, страшная сіла.

Ён нават нэрвова зьняў акуляры, з сутаргай праціраючы іх падкладкаю паліто. Мяне ўразіла, якія ў яго бяз шкла запаленыя, стомленыя вочы, як абварана выглядае твар, быццам ён і скуру садраў з акулярамі разам.

– Разумееш... Вынішчыць тут усю расейшчыну. Цалкам! Караць за кожнае маскоўскае слоўца, за кожную здраду мове. Адплата – за ўсе стагоддзі! Выпаліць заразу калёным жалезьзем. І каб ані знаку!.. Гэта ж нячыстая сіла, тут толькі вагнём. Як чуму. Нашыя хлопцы ўжо чысьцяць горад ад расейскіх шыльдаў, надпісаў, абвестак. Але бач, народ яшчэ сыры, за трыста гадоў мазгі зусім адгнілі. А трэба, каб зямля пад нагамі гарэла. Каб пекла, чуеш. Пекла!

Так казаў Белы. Каўнер паліто стаяў рубам па самыя скулы. Вецер ледзь варушыў жорсткія чорныя валасы, і адзіная струнка сівізны трымцела на скроні ля вуха, штосьці нашэптвала. Мяне дрыготка перасмыкнула праз холад.

Кнігі былі згрувджаныя на ўсёй плошчы. Рассыпаныя, у развалах, масыўнай растрэснутай муроўкай.

Нібы аграмадныя белакаменныя руіны. Угадваліся прасьценкі й рассаджаныя праёмы, праваленыя прыступкі, груды белае пліткі ды цэглы. У некалькіх канцах дымілі кастры й корпаліся людзі; асноўны натоўп зьбіраўся каля ўваходу ў Опэрны.

Людзі ўсё падыходзілі; падвальвала моладзь. Паўз нас прайшла гурба шпаны, груба, плячом у плячо, штось пажоўваючы. Я непрыемна падцяўся. Такія падлеткам зьбівалі мяне з ног.

Падцягваліся нефармалы: хто парамі ў абдымку, хто цэлымі табарамі, з маленькімі скуранымі пляцакамі, мэталёвымі клёпкамі й дзявочым дурасьлівым сьмехам. Маладыя тых гадоў, зь якімі я ўсё часьцей успамінаў сябе.

Гэта было страшна. Абвал кніг, якія раптам рухнуць з усіх паліцаў. Я перабіраўся цераз завалы; здавалася, трушчыш косьці. Тут былі цэлымі партыямі аднолькавыя, з кнігарняў ды бібліятэк, новенькія, на нюх канцылярскія; былі вокладкі, якія мне нічога не казалі; былі й такія, што хвалявалі найбольш. Дамашнія разваліны, тамы пажылыя, з характарам, пацямнелыя і ўспухлыя ад пальцаў ды тытуню. Не кранай нічога. Помню, малым корпаўся ў магільніках хатняга хламу ад зьнесеных прыватных дамоў, потым маці з жахам мыла мне рукі: ты што, такая халера, заразісься…

Тут быў Ясенін, прамоклым лісьцікам у брудзе. Яго так любіла сястра, нават, можна сказаць, кахала. Гогаль. «Мёртвыя душы». Ізноў аб Пушкіна. Ох, Высоцкі. Высоцкага шкада. Ізумрудны Дзюма. А гэта яшчэ што за геаграфічныя навіны?

Нейкі стары, прафэсарскага выгляду, набраўшы ахапак кніг, асьцярожна перабіраўся ўзбоч, хрыпеў і аддыхваўся; падобна было, што яму далі пад дых:

– Сволочи… Варвары, это же преступление…

Белы рэзка абярнуўся:

– Эй ты, дзед! – і быццам стрэліў зь пісталета, так выцяў руку, указваючы яму пальцам: – Запомні, гэта не злачынства, гэта пакараньне!

Стары, здаецца, проста не зразумеў.

Расхрыстаная кніга валялася на грэбні кучы; вецер гартаў старонкі. Запусьценьне дваранскіх сядзібаў. Дарэчы, Бунін. Нейкая дробналісьцёвая паэзія россыпам. Малафарматныя вершы. І дымны попах па-над усім, пахмурны й трывожны. Позьняя восень, калі ў дварох зграбаюць і паляць палае лісьце.

Падручнік біялёгіі, вось табе на. Той самы, які я дзесьці згубіў, шукаў, ды так і ня здаў у школьную бібліятэку. Я не ўтрымаўся, прысеў, узяў у рукі, Белы крануў мяне за плячо:

– Я там буду, – паказаў за сцэну, – падыходзь. Ёсьць з кім пагаварыць.

І пайшоў, падфутболіўшы дарогаю нейкі томік.

Я перабіраў і ніяк не мог адарвацца. На гэтай плошчы, пад адкрытым небам, сярод соцень тысячаў кнігаў, былі зваленыя мае юныя гады, разораныя, у дыме, упярэмешку зь дзіцячай парою. Я знаходзіў у незьлічоным розруху ўсё – і страчанае калісьці, і з даўнасьці памятнае. Тут валяўся «Порт-Артур» у двох тамах, разам з самаробнымі з дошак, коркаў і цьвікоў, караблямі, якія мы выпрабоўвалі ў затопленым катлаване; Прышвін, на канапе з нагамі, упрыкуску з мытым белым налівам, з сокам і семачкамі; «Ціхі Дон», такі ціхі, што чуваць цікі часу, чаканьне бацькі, які павінен прыехаць увечары, – і нават бяздарная, піянэрская, выпадкова чытаная кніжка пра «Преступление у Зеленой тони»... У гэтай тоні таілася прыкрая, душная пераадзявальня ў падвальнай самбісцкай сэкцыі, млявасьць у зьнясіленым целе пасьля трэніроўкі і выхад на вольную сьвежую вуліцу.

Яшчэ, яшчэ, я чуў пра сябе прыдыханьне калекцыянэра. Я хваляваўся, ліхаманкава перабіраў, разварушваў груды пылістага паху; з усіх бакоў мне даносіліся галасы; я нешта хапаў з сабой, пасьля кідаў, каб узяць іншае. Нахлынала, успаміналася ўсё пазабытае, а забытага аказвалася так многа!..

Немінуча цямнела. Радкі зьмяркаліся, я ледзь разьбіраў, ва што ўчытваюся, і ніяк ня мог спыніцца.

Нарэшце, падняўся; зморана хрумснула ў суставах. Агледзеўся вакол. Цемрадзь. У галаве вяло ад пераджытага. Ніколі да таго не чыталася мне па-расейску так многа, так сьпехам, усухамяць і з такім пачуцьцём – ды ніколі ўжо, пэўна, не давядзецца.

Было халодна, рукі проста скалелі. Там, ля Опэрнага, усё ярчэй разгаралася ахвярнае вогнішча. І я пайшоў на вагонь.

На сцэне ўжо рыхтавалі канцэрт. Гулка грохалі, расстаўляючы тумбы калёнак і турнікі; усё працінаў стык жалезьзя. Раптоўна раўнула, перакрываючы рэхам наваколле:

пачыналі настройваць апаратуру. Нехта, выпрабоўваючы ўдарнікі, бухаў змрочна й манатонна, і брохат абуджана аддаваўся пад купалам цемры.

Опэрны стаяў маўкліва, як і падабае аграмаднаму капішчу. У цьмяных вокнах ані водбліску. Дах тануў у цямрэчы, і ўяўлялася, нібы там, у нябачнай чорнай званьніцы, б'е тамтам.

Паўсюль сьцішана гаманілі й штурхаліся. Я падышоў бліжэй. Кніжныя трыбухі сьлізгалі й трушчыліся пад нагамі. Узбоч дымілі невялічкія агменьні; галоўны жар гарэў перад прыступкамі Опэрнага. Дрымучы дым поўз туды й сюды, народ табуніўся й адварочваўся, перабягаючы ўбок. Я пачаў прабірацца сярод сьпінаў і локцяў, нейкая скураная пальчатка затрымала мяне за плячо, спрабуючы ўгледзецца, – можа, памыліліся, а можа, і я кагосьці не пазнаў – рвануўся прэч і нарэшце прасунуўся ў гарачую пройму, да самага краю.

Пад вогнішча раскапалі плітку. Ускрылі, мабыць, і старажытны брук, бо абапал гарніла ляжалі крушнямі цяжкія, чарапныя камяні.

Гарэлі кнігі. У вагні гуло. У самым жэрале йрдзеліся агніста распаленыя глыбы; як кажанавы крылы, варушыліся счарнелыя рэшткі кніжыва. Жар перацінālі рысы старонак, і здавалася, у патрэскваньні попелу пабліскваюць рассыпаныя гранкі. Хтосьці раз-пораз варочаў у тлеючых грудах жалезным прутом, усё ўспыхвала зь пякучым ворахам іскраў, і роем узьнімаўся попел, пырхаў бязважкім прахам усё вышэй, вышэй і падымаўся высока па-над дрэвамі.

У празрыстым расплаўленым мройве калыхалася сцэна. Хлопчыкі з павязкамі на галаве, як мяса, разьдзелвалі кнігі і пад рытмовы грукат падкідвалі іх у касьцёр. Кнігі, як птушкі, разьвіналіся ў палёце шалёсткім крыляньнем і згаралі.

Я бясконца глядзеў у вагонь. Патрэсквалі валасы й шво ў адзеньні. Тлеў таемны апал. Барвовыя твары вакол, як сашчураныя маскі, зьяўляліся й прападалі ў дрогкім цені. І, як сьвечкі, агеньчыкі ўваччу.

Гулкі ўдарнік перамяніў такт і пачаў грохаць у некалькі талерак, з паскарэньнем, наперабой.

Моладзь узбуджана ажывілася, і я сьпінай пачуў забурэньне.

Што ж, мабыць, пара.

Стоячы перад вогнішчам, я раскрыў майго Буніна. Наапошак трэба штось важнае. Я гартаў, мігі сьвятла выхоплівалі азарэньні памяці ў тэксьце, але ўсё гэта было ня тое, і я сьпехам пераліствау зноў; тым часам ударнік барабаніў шпарчэй і шпарчэй, малаціў да адборнага рокату, рабілася жарка няўжарт і ўжо пяршыла ў горле, а я ўсё ня мог адшукаць, і толькі частачкі шрыфту адчайна шчаміліся ў вочы, яшчэ шпарчэй, учэпістымі засечкамі, кіпцюрыстамі, як цьвёрдыя знакі напрыканцы словаў, – і ўрэшце ўсё грымнула!.. Рассыпалася дробам у сіплы мэталёвы прах і доўга яшчэ згасала.

Стала так ярка, так горача, цярпець ужо было немагчыма; пякло твар, да сьлёз выядала зрок, і я адступіўся.

А на сцэне ўжо прарвалася пару гітарных акордаў. Трубна ўзрэзала рэха. Як распаленае вугольле з пляскам вады, зашкварчэў, шугануў у паветра шум натоўпу. Хтось надарваўся: «Жыве Беларусь!» – дзесь выбухнулі хорам у адказ, дзесь бязладна падтрымлівалі паасобку. Гэта моладзь, я абярнуўся. Ад крыкаў валіла пара. Колькі ж іх панабіралася зараз, проста страшна, нідзе ж не было відаць на вуліцы... Уся плошча разгарачана расхадзілася, штурхаючыся й разграбаючы кнігі.

Крычалі як зьвяры, пранізьлівы дзявочы ўзьвіск закладваў вушы. І вось, скрозь мнагатонны грукат, як корак шампанскага, як фэервэрк, з аглушальным шокам выбухнуў калашнікаў. Стралялі ў паветра! – плошча зайшлася, падхапіла чаргу радасным гулам і подсьвістам! Дзесьці салютамі забахалі адзіночныя: нарэшце, трэснула па-над самай сцэнай, і ў неба пад захапляючы віск усьпікіравала чырвоным агнём сыгнальная ракета.

У гэты момант нешта найвышэйшае, паўшэптам, з хрыпатцой, кранула гулкі мікрафон:

– Рраз, раз...

Плошча азвалася азьвярэлым шчасьлівым ровам.

Я выбіраўся праз равучыя, запракінутыя твары ды глоткі, празь мілых, добрых сваіх хлопцаў і дзевак, дзе ашалелых, дзе проста п’яных. Мяне піхалі й соўгалі кулакамі, хтосьці

разьятрана плюнуў, учапіўся ў раскрытую кнігу, я ледзь захлопнуў, але зараз жа дзясяткі рук з драпежнай весялосьцю рванулiся да мяне, выдралі рой старонак, заверашчалі й ашмёткі фантанам узьмятнуліся ўгору. Я амаль захлынуўся ў белых хлапяках і з жахлівым крыкам, напралом, выбіўся ўзбоч. У руцэ матляўся распатрушаны томік. Сэрца калацілася.

Наводдаль самотна стаяў сьпінаю вялікі Багдановіч.

***

Ну, вось і ўсё.

Потым я даволі далёка адышоўся ад плошчы, паглыбіўся ў кварталы. Ззаду яшчэ даносіліся рэхі, рокат року й шматгорлы шум. Адно дымны пах сьледаваў за мной, не адставаў, як прахожы.

Толькі цяпло й попел былі ўва мне пасьля Опэрнага. Хацелася спаць. Часам здавалася, што я сьню на хадзе: у правалах двароў, у вокнах цеплілася глыбокае сьвячэньне, у якім дзіўна цьміліся вуліцы з пагаслымі ліхтарамі.

Усё навокал стыла і чакала. Толькі вось чаго?.. Вагню? Пажару? Пекла?.. Я перасмыкнуў плячыма ад раптоўных дрыжыкаў. Чагосьці чыстага. Сьвежага. Сьветлага.

Пажылая жанчына зь дзіцячай каляскай пацiху соўгалася насустрач, падбіраючы пры дарозе нейкія трэскі й кардонкі – мабыць, на паліва. Складвала іх у пустую каляску й кожнага разу грэбліва выцірала спэцканыя пальчаткі.

Я прыпыніўся; яна спалохана паглядзела на мяне. Мне кінулася ў вочы, як у абдымкі – сухенькая постаць; у балёневай куртцы, хустка на вузел, і падалося, так падобная на маму... Такі ж пакутлівы позірк з-пад надламаных тонкіх броваў, штосьці балеснае й гордае падцята ў кутках вуснаў, тыя ж сутулыя, зябкія плечы. Каляска жаласна рыпнула.

Я моўчкі дастаў усе кнігі, якія былі ў мяне з сабою – і разадранага Буніна, яшчэ цёпленькага, і майго цудоўнага Набокава, і найдаражэйшыя вершы, падышоў, усё яшчэ прыглядаючыся, і асьцярожна паклаў у каляску. Калі ласка.

Каляска заліпела далей.

Я крочыў дамоў, разьмінаўся з праходнямі. Было лёгка ў грудзёх, і так поўна, да краёў поўна, што хацелася толькі данесьці, быць асьцярожным і не распляскаць.

Між тым, пайшоў сьнег. Сапраўдны, зімовы – здавалася, на яго моліцца ўсё навакол. Ціхі і ўрачысты, такі харошы, ён ішоў засяроджана, амаль адвесна. Іскрыстая пароша паціху гасла ў брудзе, але было відаць, што нараніцу ўсё стане бела. Паверылася, што зусім ужо хутка сьвяты – Каляды, а тады і Новы год, і што ўсё да лепшага.

Сьнег гасіў цемру, асаджваў дым і ўкрываў зямлю. На душы рабілася сьветла-сьветла. І сьляды – я азірнуўся – як бясконцы радок, літаркамі на белым сьнезе.

Раптам усё стала зразумела.

Было спакойна і цёпла. Вельмі цёпла, бо зараз я прыйду дахаты і мяне абдымуць бацькі. Я прыехаў з пустымі рукамі, але ўсё-ж такі вярнуўся.

І выспацца. Заўтра, калі прачнуся, вопратка на крэсьле яшчэ будзе пахнуць дымам. Успомню. А ў пакоі будзе так сьвежа ад некранутага белага сьнегу за вокнамі, так сьветла й прахалодна, як на пустой паперы.

Таму вось што, сябра… Заўтра я не пайду да Белага. І пачну з чыстага аркуша: напішу ўсё, як было. Чорным па белым.

Празрыста. Ёміста. Па-беларуску. Лепш, чым ва ўсіх кнігах, якія чытаў дагэтуль.

Бо менавіта дзеля гэтага й адбывалася *паленьне*.

1998 год, «валадарка» – Віцебск

МАРЫЯ ТРАФІМАВА / МАРИЯ ТРОФИМОВА / MARYA TRAFIMAVA

Нарадзілася 20 ліпеня 1989 года ў г. Гродна. Скончыла Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт. Перакладчык.

Удзельнічала ў мірнай акцыі пратэсту супраць фальсіфікацый вынікаў прэзідэнцкіх выбараў 19 снежня 2010 года. Была затрымана на плошчы Незалежнасці разам з іншымі 700 удзельнікамі акцыі.

20 снежня асуджана Першамайскім судом г. Мінска да 11 сутак адміністратыўнага арышту.

Тэксты для анталогіі прадстаўленыя аўтаркай.

She was born on July 20, 1989 in Grodno. She graduated from the Minsk State Linguistics University. Translator.

She took part in a peaceful protest against the falsification of the presidential elections on December 19, 2010. She was detained at Independence Square, along with 700 other protesters. On December 20 the Pervomaiskiy Court in Minsk sentenced her to 11 days of administrative arrest.

Texts for the Anthology were given by the author.

МЫШЬ

Мышка, тебе не говорили,
Что ты всего боишься,
Что ты лежачий камень,
Что по течению,
Что ты сто раз просрала
Своё время?
А, мышка?
Да, ты читала книжки,
В строю шагала,
Брала рекорды дерзости,
Знала пощёчин шквалы,
А что осталось?
Ты поделила жизнь на главы,
На повести,
На разговоры с совестью,
На беспорядочные связи с мерзостью,
На подлость, низость и пример для подражания,
На бесконечный пьяный шик
И жёсткие подорожания.
Ты провела всю жизнь в норе,
Бессмысленно вгрызаясь в стены,
И где-то в позднем декабре
Лишилась стойкости и веры…

Мы, наверное, потому вместе,
Что внутри что-то схожее есть.
Это не то чтобы внутренний стержень,
В моём случае – скорее, жесть.
Слёзы прольются, и крики закончатся,
Что с нами станется – это вопрос.
Что-то останется. В пространство вломится
Наш бронепоезд. Наш голос.
Пару недель, чтобы перекроиться.
Пару недель, чтобы строем ходить.
Нужно так жить, чтобы Богу молиться

Не приходилось...
А я буду так жить?..

ЧАМУ Я ЦЯБЕ НЕ КАХАЮ

Я табе не дарую.
На тое ёсць прычыны:
Не іншыя мужчыны,
Не сум з табой,
І не твая хлусня,
А твая здрада.

Да некаторых дзён
Гэта не мела такога сэнсу
Для мяне.
Трымцела сэрца,
Білася ў стоме,
Згарала ў агні,
Як кажуць гішпанскія лавеласы,
А што табе да мяне?!
Калі ты так лёгка
Паабшчыпваў крылы мае,
Загнаў маё лёгкае
На чорным рынку,
І крывавым ранкам
Не выратаваў мяне.
Не пытай толькі як,
Калі ўсе адказы ў душы тваёй.
Ты ўжо не мой герой,
Не майго лёсу.
Няхай будзе так.

Любі, не пытай,
Любі, каб ірвалася сэрца
З грудзей.
Не думай, што кажуць людзі,

Не слухай чужыя парады
И аддавай усю душу сваю,
Бо самыя жудасныя – душэўныя здрады,
Таму я цябе не кахаю.

АЛЯКСАНДР ФРАНЦКЕВІЧ / АЛЕКСАНДР ФРАНЦКЕВИЧ / ALIAKSANDAR FRANTSKIEVICH

Нарадзіўся 6 траўня 1990 года ў г. Наваполацку (Віцебская вобласць). Актывіст моладзевых нефармальных груповак антыфашысцкай і анархісцкай арыентацыі.

Быў арыштаваны 3 верасня 2010 года. Прад'яўлена абвінавачванне ва ўдзеле ў нападзе на апорны пункт міліцыі ў г. Салігорску і антымілітарысцкай акцыі каля будынка Генеральнага штаба Рэспублікі Беларусь. 27 траўня 2011 года асуджаны Завадскім раённым судом г. Мінска на 3 гады зняволення і ўтрымання ў калоніі ўзмоцненага рэжыму.

Адбыў тэрмін зняволення цалкам, нягледзячы на стан здароўя (не мае адной ныркі). Вызвалены 3 верасня 2013 года.

Тэксты для Анталогіі перададзеныя маці аўтара сп. Таццянай Францкевіч са згоды аўтара.

He was born on May 6, 1990 in Novopolotsk (Vitebsk region). An activist of informal anarchist- and anti-fascist-oriented youth groups. He was arrested on September 3, 2010. Aliaksandar was accused of involvement in the attack on the police station in Soligosk and the antimilitarist action near the building of the General Staff Headquarters of the Republic of Belarus. On May 27, 2011 the Court of the Minsk Zavadskoy district sentenced him to 3 years' imprisonment and detention in a maximum security prison.

He had been serving his sentence entirely regardless of the state of health (he has only one kidney). Aliaksandar was released on September 3, 2013.

Texts for the Anthology were passed over by Tatsiana Frantskievich, the author's mother with the permission of the author.

РАССКАЗ № РАЗ

Больница, вся в белом, встретила девушку холодно, как морозная, снежная зима. Вначале длинная очередь к окошку, в котором приятная на вид сотрудница резко сказала:

– Встречи и свидания запрещены!

И никакие расспросы, просьбы и требования не помогли даже узнать, в какой палате лежит нужный ей человек. Получив отказ на все свои просьбы, девушка отошла от окошка. Потом долгий поиск высшего медицинского начальства для разговора. И все от этого разговора как будто уклонялись – секретари и медсестры говорили, что необходимый важный работник то на совещании, то в отпуске, то занят соответственно важным делом. Терпение девушки лопнуло, и она, отталкивая вставших на пути сотрудников и сотрудниц больницы, ворвалась в кабинет главврача.

– Мне нужно поговорить! – практически закричала она прямо с порога.

В кресле сидела представительная женщина лет сорока, на диване рядом – мужчина. Все в белых халатах. Удивленно уставились на гостью, они ждали продолжения. И девушка продолжила.

Выслушав, не перебивая, главврач немного поразмыслила и согласилась. Написав короткую записку со своей подписью, представительная дама в белом халате сказала номер палаты и, привстав, тихо проговорила:

– Может быть, на нее среагирует…

Палата оказалась на последнем этаже в самом дальнем конце белого коридора. Два раза на своем пути девушка предъявляла пропуск. Коридор был пуст и ослепительно чист, но – ни одного врача, ни одной медсестры. Палаты закрыты плотными алюминиевыми дверями белого цвета без ручек, рядом – небольшая кнопка, видно, для ключ-карты. К такой же двери подошла девушка. Кроме кнопки не было ничего, чтобы могло ей помочь попасть внутрь, и девушка нажала на нее. Поначалу ничего не произошло, потом, через несколько секунд, дверь скользнула вверх. В слепяще-белого

цвета комнате, возле нагромождения техники и мониторов, лежал юноша.

***

Они познакомились в шестнадцать. Оля – худая, скромная и необщительная. Витя – веселый, шустрый и любящий внимание. Познакомились на одной из модных в то время выставок, где очередной дилетант демонстрировал свои наработки в области техники. Девушки-зрительницы на таких мероприятиях появлялись крайне редко, это и заинтересовало Виктора. Оказалось, интерес у девушки совершенно другого рода – она смотрела на публику, изучала ее и готовила одно исследование. Но эта фраза слишком коротка, чтобы описать, сколько пришлось буквально выпытывать и извиваться подростку ради этих жалких сведений. Больше всего для себя он вынес из самой манеры диалога, которая временами напоминала монолог. В конце концов, отчаявшись, парень сослался на важные дела, но перед уходом попросил контактов в интернете. К его удивлению, девушка дала их без вопросов.

В социальных сетях Виктор нашел ее в тот же день. Почти все закрыто для стороннего пользователя. Через три дня он написал. Удивительное дело, но в интернете девушка оказалась куда общительнее. Переписка их росла, перетекая во всевозможные месседжеры и скайпы. Неделю спустя они увиделись. Опять монолог, но теперь Витя знал, в чем дело. Характер девушки был замкнутым, но даже в этой скорлупе она искала того, кто поможет ей выбраться. Встречи учащались, но никакие попытки не помогли подростку перевести их из «просто дружеских» во что-то большее. Он написал, но это вызвало с ее стороны лишь раздражение. Сам же, все больше увлекаясь подругой, Витя сокрушался из-за своей беспомощности. Как не могла вечно идти «холодная война», так и не могли вечно они встречаться, не добиваясь чего-то друг от друга. Через несколько месяцев знакомства они разругались из-за совершенно невинного повода. И не общались почти год.

***

Взяв белый стул возле кровати, Оля услышала, как позади закрылась дверь. Витя лежал молча, практически не двигаясь, – если не считать движением редкое дыхание. Очень редкое. Он был во всем белом – майка и одеяло. Руки лежали на груди, сцепившись друг с другом в замке из пальцев. Оля смотрела на них, и на нее нахлынуло чувство отчаяния. Она знала, что ей предстоит увидеть, но все равно картина перед глазами ее слишком удручала. «Как Ленин в мавзолее», – пронеслось в голове. Простояв пару минут над юношей, Оля в конце концов села на стул. Опять несколько минут молчаливого рассматривания.

В меру крепкий, среднего роста, Витя, казалось, готов уже проснуться и после ленивых потягиваний вскочить с кровати, побежать по своим делам. Но это все не происходило, а палата начинала давить на сознание Оли все больше и больше. Девушка собиралась с мыслями и искала нужные слова целую вечность. Во всяком случае, ей так показалось. Вот она решилась и, облизав губы, прошептала:

– Привет…

– Привет, – громко ответил Витя, не открывая глаз.

***

Через год после первого расставания Оля сама написала. В социальных сетях никнеймы сменяют друг друга, но у Виктора остались все те же контакты. Ее небольшое исследование о науке одиночек и изобретателях XXI века уже давно было окончено, да и из знакомства с Виктором девушка ничего не смогла взять для себя, теперь этот повод никуда не годился. Так, в одну из бессонных ночей, отданных для грядущего поступления, вместо социологии и истории Оля придумывала причину, повод, чтобы написать, не потеряв лица. Ничего не придумав, она просто написала: «Привет!» – и легла спать.

***

Оля смотрела на больного, как на вдруг воскреснувшего мертвеца. Но мониторы… они начали наполняться красны-

ми линиями, где-то мозг в разрезе переливался из желтого в красный. Тоже галлюцинация? Девушка начала глубоко дышать. На десятом вздохе дверь скользнула вверх и в палату зашла целая делегация врачей.

– Мы все слышали, необходимо ваше содействие, – сказала главврач приказным тоном.

– А я могу отказать? – риторически спросила Оля, рассерженная тайной слежкой за ней.

Трое мужчин в белых халатах остановились у входа, женщина-главврач резким шагом двинулась к мониторам. В этот момент бодрый голос с кровати сказал:

– Немного не понимаю тебя, Оля. О чем ты?

Врачи остановились и вгляделись в лицо Виктора. Никаких эмоций, ничего.

– Виктор, Вы меня слышите? – спросила главврач.

– Виктор? – повторила она после минутного молчания.

Но Виктор ее не слышал.

***

Уже на следующее утро после отправки сообщения, тогда, в семнадцать лет, Оля получила такой же лаконичный ответ: «Привет!» После этого каждую ночь целый год она переписывалась с Витей. На всевозможные темы. Обсуждала с ним и поступление, и университет, и собственных подруг. Виктор же о себе рассказывал неохотно, больше тратя время на расспросы. Но никогда больше он не захотел встретиться. А для нее он стал отдушиной, жилеткой, далеким другом по переписке. Далеким потому, что, со слов Вити, он уехал и неплохо устроился. Правда, не рассказывал куда, кем и почему.

Оля знала, что ее друга интересовали различные технические новинки, особенно компьютерные. Один раз он обмолвился о своей личной разработке, связанной с контроллерами и виртуальной реальностью. Но тогда ее это не заинтересовало.

Когда девушка поступила, пришла пора переездов. Университет находился далеко от родного города, квартира там была заблаговременно арендована. Оставалось лишь пере-

ехать. В ту последнюю перед переездом ночь она лишь сказала, что на некоторое время пропадет.

Обустройство нового дома далось нелегко. Пока все перевезли, пока провели к ее новому дому интернет, пока Оля сама разобралась со своими вещами – прошло около двух месяцев.

Разобравшись и обосновавшись, Оля написала, но ответа не последовало. Лишь короткое «Ты где?» месяц назад висело во входящих. Через две недели она узнала: Витя в больнице, в состоянии комы. Но, что самое удивительное… там он уже девятый месяц, ни разу не приходил в себя.

***

Виктор молчал, что бы ни говорила врач. Несколько минут она осматривала приборы, но ей они ничего нового не сказали – точно такие же показания были и на мониторах в комнате управления закрытым стационаром. Взгляд женщины перешел с приборов на Витю, а с Вити на его подругу. Врача осенило:

– Спросите что-нибудь вы, Ольга.

– Спасибо за разрешение… – съязвила Оля. И, чуть погодя, уже у Виктора спросила: – Ты меня слышишь?

– Ну, я же уже говорил, – мгновенно отреагировал юноша в коме, – разрешение?

– Вить… а ты больше никого не слышишь?

– Никого, – четко отозвался он с кровати.

– А… ты знаешь, где ты?

– Хм… вроде как да. А ты хоть знаешь? – Озорной голос Вити никак не соответствовал моменту, и от этого Оле сделалось как-то не по себе.

– Не пойми неправильно, но я хотела от тебя услышать, чтобы все понять… – Оля и сама стала сомневаться – а там ли она? Или это только сон?

– Где, где… такие глупые вопросы. – Витя на секунду замолчал и продолжил: – На ютьюбе, конечно.

***

После того как Оля узнала о коме друга, она сразу связалась с его родными. Они подтвердили, что Витя уже девять

месяцев без сознания. Рассказали подробности, насколько они смогли узнать. На большее они были не способны – Витя жил затворником, один, редко звонил и выбирался только за едой. Даже его мать не знала, откуда он брал деньги.

Случилось это ранней зимой, но конкретное число никто не знает. Видимо, Виктор занимался разработкой какой-то техники: вокруг него в беспорядке лежало огромное количество странных девайсов, сочетающих в себе как технику с прилавка, так и самоделки. На голове была вязаная шапка, хоть в квартире было тепло, а на груди лежали стереоочки. Сам он в неестественной позе развалился на кресле. Перед ним на столе стоял отключенный ноутбук. Повсюду грязь и беспорядок. Истощение? «Пересидел за компьютером», – решили родственники.

Но в больнице обнаружили один очень интересный момент. Во время проверки волновой активности мозга врачи заметили, что все области спят, за исключением ответственных за воображение. Мозг мыслил и анализировал, а органы чувств молчали. Даже во сне не происходит такого – казалось, у юноши просто вырезали эти части самого важного в человеке органа. Но не только это… Фантазировал Виктор с такой силой, что приборы принимали работу мозга за посторонний электромагнитный шум. Его поместили в отдельную палату в специализированной больнице в закрытом стационаре и установили над ним постоянное наблюдение.

***

– Видимо, у него до сих пор галлюцинации того, что он видел в последний момент. Этим можно объяснить постоянную активность его мозга, – резюмировала главврач.

Оля же задумалась. То время, пока она общалась с Витей в интернете, никак не могло быть обманом или розыгрышем. Это был все тот же Витя. Она была уверена, что смогла бы заметить подмену. И тут же Виктор говорит, что сейчас находится на ютьюбе – сервисе для просмотра пользовательского видео. Странное совпадение, слишком невероятное, чтобы быть правдой.

– Вить, а когда мы в последний раз с тобой общались? – спросила девушка.

– Три месяца назад примерно. Я в фейсбуке еще месяц висел, но ты так и не появилась. Ты не веришь, что это я? – непроницаемое лицо Виктора совсем не передавало эмоций, а голос так ими и играл.

– Верю, Вить. Дело немного в другом… – Оля замялась, подбирая причину.

– Не говорите ему! Не говорите, где он, – мы можем его потерять! – спешно прокричала главврач.

Оля сидела и мысленно подбирала нужные слова. Ведь от нее зависело психическое здоровье ее друга. От всей неожиданной ответственности, навалившейся на девушку, она мыслила в бешеном ритме. Оля чувствовала: это очень важный момент в ее жизни. Если это не сон…

– Дело в том, что мне сказали, как будто это не ты со мной переписывался последний год, а самозванец. – Голос Ольги дрожал. Врачи удивленно подняли брови.

– И этот самозванец подделал мой голос?

– В смысле? – спросила девушка и сразу вспомнила.

– Я ведь полгода назад с тобой уже говорил по скайпу.

***

Действительно, перед переездом они общались по скайпу, но без видеосвязи. Голос Вити был чуть грубее и мужественнее, но был в основных чертах таким же, как и прежде. Ведь он всего лишь подросток, вот и менялся голос. Ольга молчала.

– Ладно, чтоб не возникало сомнений, – начал Витя после краткого молчания, – перед своим «бегством» ты рассказала мне о какой-то нелепой истории с твоей подругой. Вроде что-то у нее случилось на экзамене, и она не прошла.

Да, сомнений быть не может. Девушка действительно рассказывала, как ее подруга «прогорела» на мобильном телефоне прямо на экзамене при попытке списать. Врачи уставились на Олю, выжидая. Их глаза загорелись, они поняли и предчувствовали близкую сенсацию. Они уже увидели на лице девушки удивление.

– Не может быть, – сказала главврач, все осознав.

***

После того посещения жизнь Ольги резко изменилась. Так как она была единственным человеком, которого слышал Виктор, то уже нельзя было и помыслить ни о какой учебе. «Феномен Красуцкого», так назвали они состояние Вити. Сам юноша переехал в строго засекреченный исследовательский центр, как и сама Оля. Жизнь девушки обросла такими словами, как «секретность», «государственная тайна». Это случилось не сразу, постепенно, по мере того как все больше и больше высокопоставленных людей понимали, что Виктор действительно живет сознанием во всемирной сети. Со временем находились и следы его пребывания там, потом стал ясен и его метод подключения к сети. Ему было достаточно сотового оператора. Своим мозгом он захватывал любые сервера и устройства – взлом напрямую для человеческого сознания оказался делом совершенно неутомительным. При всех своих возможностях Виктор мог устроить настоящий Армагеддон во всемирной сети. Однако оставалось неясным, как именно юноша ушел сознанием в мир машин.

Устройства, найденные у него дома, ничего не дали, да и многое из них уже сразу после того, как Витя попал в больницу, ушли в мусорную корзину по злой воле родителей. А ведь в них виделся ключ к разгадке феномена «Виктора Красуцкого».

В попытке найти способ повторить опыт юноши государство не скупилось, а так как Оля – единственный связной, то государство особенно берегло ее. Фактически она стала психологом, изучающим Витю. Поначалу ей лишь необходимо было беседовать на запись, но со временем, импровизируя, она нащупала некоторые нити к разгадке. Осознав это, начальство стало обучать Олю психологии, психологии практической. Их целью стало выуживать из Вити информацию. А информацией Витя располагал. Он был самым грозным, совершенным орудием кибервойны. Долгое время считалось, что взломы правительственных серверов и корпораций – дело рук группы хакеров, но постепенно и в раз-

ведывательные управления, и в СМИ поступили данные о подростке, живущем в интернете…

Виктор стал для Оли лишь источником карьерного роста.

***

Три года прошло от той первой беседы в больнице. Оля пришла, как всегда, в восемь утра. Пройдя через несколько проверок и идентификаций личности, она вошла в палату. Одна из стен была заменена зеркальным стеклом, за которым сидело несколько специалистов с аппаратурой. Вся эта небольшая исследовательская лаборатория находилась в глубоком лесу, где лишь единственная вышка давала доступ в сеть. Все комнаты тут работали автономно, а самая ценная информация хранилась на бумаге. Но это казалось излишней предосторожностью, ведь Виктор будто и не знал, что оторвался от тела. Судя по всем его словам, он и не понимал ничего.

– Привет! – приветливо проворковала Ольга.

– Здравствуй, – голос же Виктора сильно изменился, больше подходил для задумчивого и грустного настроения. Сам юноша по-прежнему не подавал никаких эмоций. За три года ни улыбка, ни гримаса злости ни разу не исказила его лица.

Оля решительным шагом направилась к удобному креслу возле кровати. Одетая в строгий костюм, с гарнитурой в ухе, она напоминала важную бизнес-вумен. Присаживаясь, она достала из пиджака небольшую записку. На ней ручкой было написано:

«1. Узнать об изменении настроения 8:00 – 10:00

2. Путешествие в сервере Интерпола, сведения о Ч. и Б. 10:00 – 12:00

3. Путешествие по социальным сетям, вольный серфинг 13:00 – 15:00

4. Поиск информации о В., местонахождение и перемещения 17:00 – 19:00».

Подобные планы она составляла ежедневно. Все разговоры велись в массе своей только о той или иной информации. Лишь два часа (с трех до пяти вечера) она оставляла на от-

влеченные темы. Но в последнее время Виктор стал совершенно неразговорчив, а просьбы выполнял неохотно. Именно поэтому Оля разместила первым пунктом разъяснение причин этого недовольства или обиды.

«Может, он все понял?» – пронеслось у нее в голове.

– Послушай, Вить, объясни мне, в чем дело? В последнее время ты совсем неохотно со мной разговариваешь, голос изменился. Может, я что-то не то сказала? – Оля постаралась вложить в свой голос как можно больше невинности, но при этом каждое слово выговаривала четко, и сам вопрос был с небольшим налетом иронии. Расчет был на то, что если обида и терзала его душу – пусть она покажется ему пустяковой, из-за которой Оля извинится нехотя, не понимая, в чем дело.

– Кто ты? – резко спросил юноша.

Вопрос застал Олю врасплох. «Амнезия?» – первая мысль.

– Я – Оля, ты что, все забыл?

– Я все помню, но ты не похожа на Олю. У тебя лишь ее голос, но… она бы не стала говорить о таких вещах, о которых говоришь ты. И откуда вообще я тебя слышу? Я не подключал ни скайп, ни связь.

«Действительно, будет тяжело», – подумала девушка.

Объяснить все это будет невозможно без частицы правды, а после этого вопроса мог последовать более важный вопрос, который разрушит все. Ведь Витя ни разу не спрашивал о своем реальном теле и реальной жизни. Для него жизнь в сети казалась единственной. И хоть Оля часто обыгрывала эту ситуацию у себя в мыслях, ничего убедительного она придумать так и не смогла. Эксперимент грозил провалиться в самом разгаре, а вместе с ним – и все привилегии службы на спецобъекте.

Молчание наполнило палату, молчали и за стеклом в комнате с аппаратурой. Никто не мог подсказать Оле, что делать, потому что никто этого не знал. Ольга решилась сыграть ва-банк:

– Витя, а ты помнишь что-либо из своей жизни, кроме сети? Кроме сайтов и доменов?

Онемевшие специалисты и руководители проекта взирали на эту картину с изрядной долей паники. Ведь по всем

внутренним инструкциям именно эту тему необходимо было избегать – тему о реальной жизни.

Виктор молчал. Аппаратура показывала небывалую активность мозга, операторы лишь докладывали о все новых и новых взломах и захватах серверов в глобальной сети.

– В смысле… я тебя не понимаю… – уже испуганно проговорил юноша.

– Ты говоришь о сайтах и доменах, скайпе и прочем. Но это ведь лишь компьютерная информация, биты и байты. Ты помнишь что-нибудь вне компьютера? Реальную жизнь: город, еду, сон, лес, даже меня. Ты помнишь меня на вид?

В этот раз Витя замолчал действительно надолго. Еще целых два дня он ни на что не реагировал.

***

В это время в рации одного из охранников объекта раздался резкий шум, за ним слышался целый хор голосов. Тут же все стихло, и оттуда прозвучал голос начальника охраны:

– На объекте возможен саботаж, пятьсот шестой. Вам необходимо вывести из строя оборудование для блокировки связи и уничтожить альтернативный генератор. Знаешь, где это находится?

– Знаю, Викторович, но неужели все так серьезно?

– Да, приступай, обещают трибунал за невыполнение.

Рация заглохла, охранник после пятисекундного продумывания плана отправился выполнять приказ. В другом конце секретного объекта начальник охраны пытался выйти на связь по неожиданно вышедшей из строя рации. Инструкция указывала ему немедленно блокировать связь и запустить альтернативный генератор. Любая попытка отключить саму вышку грозила потерей ценного объекта. Чтобы этого не случилось, на нее установили специальный механизм блокировки, который перекрывал доступ туда, где сознание Виктора не пустило свои щупальца. Как раз этот механизм и привел в негодность только что пятьсот шестой, чем непомерно гордился.

***

Молодость Вити вся так или иначе была связана с техникой. Он паял все, что паялось, разбирал – что разбиралось. Но ему всегда было мало школьных кружков и школьной программы. В век, когда основные разработки в науке ведут огромные корпорации и государства, а для проектов привлекаются тысячи ученых, он один из немногих, кто решил что-нибудь создать практически один. Знакомство с компьютером и интернетом у юноши произошло чрезвычайно рано, в одиннадцать лет родители уже купили ему компьютер и через два года провели широкополосную связь. Сами они были чрезвычайно консервативны и смотрели на сына как на ребенка с новой игрушкой. Но Виктор не играл в игры и не провисал бездумно в социальных сетях. Он поглощал знания и изучал. Детская мечта стать великим изобретателем постепенно для него становилась смыслом жизни. С восхищением юноша встречал новости о продвижении независимых разработчиков – будь то 3D-принтер или самоходящий робот. Он считал себя частью этого движения, и в его голове уже заводилась идея – создать для человека контроллер, перемещающий его в виртуальный мир. Что-то вроде фильма «Газонокосильщик» или «Матрица». Не просто очки виртуальной реальности, нет, а перевести сознание в мир единиц и нулей, создав прямую связь между мозгом и машиной.

Начав из любопытства, Виктор заметил, что эти исследования ведут тысячи независимых и сотни крупных компаний. Постепенно постигая суть проблемы, он через интернет подключился к одной небольшой русскоязычной группе энтузиастов, развивающих эту идею. Несмотря на любительский характер, в этой группе был и психолог, и нейробиолог, и программист. Состав успел много раз смениться, и даже дважды полностью терялась связь между участниками, но к семнадцатилетию Виктора ожидал огромный сюрприз. В одном из американских университетов выяснили, что, возможно, одна из областей мозга имеет возможность принимать и передавать на низких электромагнитных частотах, то есть принимать и передавать сигналы от большинства используемой в быту техники. От

телефона до WiFi-связи. Эта новость подстегнула спонсорский интерес, и один из инвесторов решил вложить в их разработки неплохую сумму денег. Так как на тот момент именно Виктор был старожилом этой группы, то он и занялся финансовыми вопросами.

Деньги вернули разработки из полумертвого состояния. Виктор воспользовался открытием американских нейробиологов и поднял старые связи. Через полгода юноше был доставлен почтой собранный во всех концах планеты на спонсорские деньги опытный образец его творения. По идее, устройство должно было в краткий миг через радиочувствительную область мозга обучить человека машинному языку и методу удаленной связи, а там начать прямой контакт между виртуальным миром и человеческим сознанием уже без посредников. Так как никакие деньги не давали несовершеннолетнему легальную возможность ставить опыты на людях, то молодой изобретатель решил проверить приспособление на себе. В тот же день он впал в кому, в тот же день он освободил в своем мозгу память для новой информации – ценой воспоминаний, абсолютно ему бесполезных: о реальном мире, о жизни вне машинного мира, о себе.

***

За эти два дня Оле пришлось выслушать многое. Начиная с того, что это ее ошибка и ее провал, кончая угрозами отдать девушку под военный трибунал. Виктор, как и прежде, бешено метался по интернету, проникая во все сети и сервера. Новостные ленты трубили о величайшей угрозе кибербезопасности, создавались оперативные группы противодействия, но все они были бессильны. Мозг юноши с огромной скоростью поглощал информацию, но никто не мог разобрать, в чем же была его цель, что именно он искал. Разговоры с начальством принимали для Ольги все более угрожающий поворот, а она, в свою очередь, все чаще сидела рядом с Витей: то просто в ожидании ответа, то в монологе с собой. В один из таких часов, потраченных на ожидание, она дождалась ответа:

– Вспомнил. Это было тяжело, но я вспомнил.

Голос Виктора был совсем мрачным и уставшим, в нем угадывался человек, только что проделавший огромную работу и после этого решивший, что работа эта ни к чему. Ольга встрепенулась как от электрического разряда, она никак не ожидала уже услышать его снова. А это означает, что не все еще кончено, что она еще может вернуть потерянное доверие нанимателя.

Торопясь, девушка нашла в кармане пиджака записную книжку и начала листать страницы. Ведь последние его и ее собственные слова она специально для этого случая записала уже на следующий день после разговора. Восстановив свою память при помощи бумаги, Оля спросила:

– Ты так долго вспоминал?

– Нет, не вспоминал. Я долго пытался разобраться, о чем же ты говоришь, – ответил ей все тот же мрачный голос.

– А ты помнишь, как ты ушел из нашего мира? Ты помнишь, как научился существовать в сети? – голос Оли выдавал возбуждение, ведь именно это и требовалось ей! Достаточно лишь узнать способ, как Витя ушел в глобальную сеть, и сам юноша станет совершенно ненужным. Правительство получит не одного, а целую роту послушных киберсолдат. Корпорации же – новую медиавселенную, в которую можно погрузиться миллионам пользователей интернета. В которой не нужно для получения информации смотреть в монитор, где фильмы и музыка будут транслироваться напрямую в сознание. Эксперимент удался, и он позволит Оле первой на миллион узнать тайну.

– Помню. Но тебе не скажу, – прогремел Виктор и, помолчав, добавил: – Никому не скажу.

***

Ольга в его памяти осталась даже после амнезии. Возможно, подсознание посчитало ее слишком незаметным воспоминанием, не создающим особого захламления в его голове. Или наоборот – эмоции, пережитые с этой девушкой, слишком глубоко пустили свои корни и уже никакая самоочистка не могла освободить от нее юношу. В любом случае именно с ней общался Виктор в социальных сетях после своего вирту-

ального погружения. С ней и больше ни с кем. Именно благодаря этому он решил с ней поговорить по скайпу. Недолгий разговор и предопределил их судьбу, создав в пустующем разуме Вити воспоминания о голосе: ее речь стала единственной, на что реагировал он в реальной жизни. Кроме нее и потока информации с сети, ничего для юноши не существовало. Не заметил он двух своих переездов – из дома в больницу, а из больницы в засекреченную базу. Не заметил и подвоха в хитрых Олиных вопросах о людях. Все они были то ее старыми приятелями, то родственниками, то еще кем-то. Потеряв всякую связь с реальным обществом, он забыл и о его проблемах и вызовах. Глубоко внутри него все так же трепетал юношеский максимализм и морализм, но в виртуальном мире существовали иные категории и сущности.

***

– Почему? – взмолилась Оля.

За стеклом уже столпились все специалисты и кураторы проекта, которые находились в это время на базе. Их оповестили операторы. Теперь же они и сами были этому не рады. В небольшой комнате столпилось больше двадцати человек и все с ожиданием следили за диалогом. С одной стороны, сам факт диалога позволял судить, что все развивается в положительном ключе и они, как и прежде, останутся на своих прикормленных местах. Но, с другой, последняя фраза породила в них тревогу, ведь отказ Виктора сотрудничать для них даже хуже его молчания.

– Я понял, зачем тебе все. Ты с помощью меня узнавала нужную информацию, я был сродни электронному червю. Не знаю, на кого ты теперь работаешь, об этом записей я не нашел, но я нашел ту больницу, в которой лежал, нашел все записи видеонаблюдения. Ты нагло использовала меня. – Витя на время умолк, а эхо от его уличающей речи еще с минуту разносилось у Оли в голове. – Я больше ничего тебе не отвечу. Ничего.

Медленно, но верно девушка осознавала, что весь проект провален, что Виктор догадался обо всем и сотрудничать не собирается. Это означало конец карьеры молодого психолога,

конец всем ее перспективам и начинаниям. Впереди только унижения и, возможно даже, тюрьма. Государство слишком многое вложило, чтобы в один день потерять. Сердце Оли будто облили свинцом, в груди тяжело отдавался каждый его удар, а к голове в такт пульсу накатывала боль. Мир вокруг поплыл, а грани начали терять резкость. Оля собрала последние силы и поднялась со стула.

– Ты мне ничего не ответишь? – голос Вити выдавал гнев и изумление.

Ольга молчала. Шатаясь, она медленно пошла к выходу. Мир для нее окончательно потерял четкость, свет стал невероятно ярким.

– Вытащи меня, стерва! Хватит с меня виртуального мира. Ты меня использовала – освободи теперь! – крик отчаяния и гнева разнесся по коридорам, по динамикам и наушникам операторов и кураторов.

– Я не могу тебе помочь, Витя. Но ты должен продолжать сотрудничать, – голос Оли дрожал, отражая ее неуверенность.

– Нет. Этого я делать больше не буду.

– Но тогда и отпустить тебя мы не можем. Витя, подумай – это твой единственный шанс!

– Иди в ад. Я сам себя освобожу.

Оля просидела еще минуту в полном оцепенении. Затем она медленно вышла из палаты.

Все так же, будто во сне, она вышла из здания и, не обращая внимания на крик и угрозы руководителей, села в свою машину. Черное тонированное BMW завелось мгновенно и уехало с охраняемой территории, с лесной дороги на шоссе, на путь к дому. На КПП никто Олю не остановил, ворота раскрылись без вмешательства человека. Центром давно уже заправлял Витя.

***

Машина неслась по шоссе, но никто не пытался ее остановить за превышение скорости. Правительственные номера были тем оберегом, что защищали владельца от какой-либо инспекции вне зависимости от творимого им на дороге без-

умия. Скорость уже превышала двести километров в час, а девушка за рулем все так же вжимала педаль газа в пол. Находясь в состоянии, близком к опьянению, она различала лишь цветные пятна впереди. Это были машины, которые ее BMW раз за разом оставляла позади. «Конец, это конец!» – звучало в ее голове. Оля рискнула и проиграла. Проиграла все.

Косметика на лице девушки превратилась в творение художника-авангардиста, глаза до сих пор слезились. Истерика никак не собиралась покидать Ольгу. Различные чины раз за разом пытались выйти с ней на связь, но она раз за разом сбрасывала. Цель у нее была одна – уехать как можно дальше, забыть о своем позоре.

– Идиот! Мразь! – кричала бывший перспективный психолог, проклиная своего бывшего друга.

Именно он, по мнению девушки, подставил ее. Предал в самый важный момент. Если бы он сделал так, как надо было… если бы он сознательно согласился с ней работать. Но Ольга знала темперамент Виктора. Он не пойдет на это даже ценой возвращения в свое тело. Ведь одно дело находить врагов государства обманом, другое – делать это сознательно. Знали это и ее кураторы. Эксперимент провален и пути назад нет. На что она рассчитывала? Ольга уже и сама сейчас не понимала.

Вдруг неожиданно девушка потеряла контроль над машиной. Руль отказался поворачиваться, педаль вернулась в поднятое положение. На мониторе встроенного компьютера загорелся значок автопилота. И тут из колонок она услышала ЕГО голос:

– Я все узнал. Скольких людей ты с помощью меня погубила? Я стал ищейкой для тебя и палачей. Сколько ты получила за чужие жизни? Эту машину, дом, любовника… Как ты могла так измениться? – голос умолк, а Оля исступленно сжимала закаменевший руль и молчала.

Видимо, за это время Виктор смог добраться до личной информации о ней. Не помешала ни секретность, ни другая фамилия. Возможно, дело во внутренней слежке службы собственной безопасности. Но теперь это не важно: у него контроль над машиной и судьба Ольги в его руках.

– Заберу твою жизнь, как ты забрала их.

Голос Виктора громыхал, оглушая девушку. Руль резко пошел вправо, и автомобиль девушки въехал в первый фонарный столб, развалившись на две части. В такой аварии выжить не мог никто.

***

Виктор без движения лежал на кровати. В исследовательском центре вокруг него бурлило сумасшедшее движение. Операторы пытались отследить перемещение юноши по сети и выйти с ним на связь, психологи разрабатывали подходы для переубеждения Виктора, кураторы пытались найти и вернуть Ольгу (которая к тому времени уже была мертва), руководители связывались с верховным командованием. Тот, чье сознание было в сети, в это время только отключился от уже разбитой машины своей бывшей подруги и начал поиск своей последней цели. Вернуться назад в свое тело он уже не сможет, а если чудо и произойдет – его убьют как ненужного свидетеля.

Один за другим юноша своим разумом связывал в единый клубок сервера по распределению имен в интернете. Мелкие и крупные регионы, маленькие и большие государства распределяли названия страны со специализированных серверов, соединенных между собой для согласования. Все они были в его виртуальных руках, информационными нитями держали их под контролем. Потом Виктор занялся шлюзами, создающими всемирность интернета. Кабели, протянутые между континентами, государствами, постепенно впутывались в его клубок, поглощались его сознанием. Потом пришло время крупнейших дата-центров – секретных и вполне доступных, затем – суперкомпьютеров, за ними – промышленных локальных сетей. Мозг Виктора трещал по швам от информации, проходящей через него. Это был его максимум. Осталось лишь маленькая деталь.

***

Ракетная база где-то в глуши жила своей обычной строевой жизнью. Операторы за мониторами, начальники в каби-

нетах, солдаты наводят чистоту. Компьютеры у операторов стояли старого военного образца, специализированные для управления ракетами малого радиуса действия. Такие используются для точечных ударов по наступающей технике противника. По любой инструкции использовать разрешалось лишь носители, прошедшие строгую проверку, выданные руководством. Но работа оператора была чрезвычайно нудной, а компьютеры отличались от домашних лишь внешним видом и операционной системой. Даже оставались USB-разъемы. Было субботнее утро, и обхода начальства ждать не стоило. Один из операторов не упустил случая воспользоваться моментом, вставил в систему наведения флешку с портативной операционной системой и 3G-модем. Вольным серфингом в интернете коротал молодой лейтенант выходные дни.

Он и не заметил, как неожиданно возрос входящий и исходящий трафик, как на основной операционной системе без него начали назначаться цели. Так как для нанесения удара необходима была санкция центрального управления, то Виктор поглотил и его и сам себе санкционировал удар.

Взвыла сирена, а где-то над бункером с операторами развернулась ракетная установка и дала залп четырьмя ракетами в неизвестном направлении. Молодой лейтенант поспешно достал оба USB-устройства, и на всей территории базы компьютеры прекратили свою работу.

***

Секретная база напоминала разгромленный муравейник, но все здания пока еще были целы. Специалисты и военные носились по кабинетам, везде были слышны гомон и ожесточенные споры. Операторы говорили о величайшем урагане в истории всемирной сети, психологи уже нашли нужные слова, чтобы вернуть Виктора к сотрудничеству, кураторы узнали о смерти Ольги и занялись поиском других близких друзей и родственников юноши, руководители получили приказ в два часа вернуть объект к работе – иначе уничтожить.

В четырехстах километрах отсюда стартовали четыре ракеты «земля-земля», созданные специально для поражения

защищенных целей. У Виктора и всей сумасшедшей братии исследователей и военных оставалось меньше минуты.

***

Вообще все, что видел Виктор в своей «коме», можно описать в виде жутко бредового сновидения. Сервера, сайты, коды и верстки, биты и байты вспыхивали в его голове красочными вспышками, переработанными на уровне подсознания. А процесс передачи информации напоминал внутренний диалог, если бы он велся не голосом, а ассоциациями и символами.

За минуту до удара ракетного залпа сознание Виктора было забито символами доверху, начиная необходимостью контроля за доброй частью сети и кончая проносившимся рядом воспоминаний и горестных мыслей.

А мыслить юноше было о чем. Кто или что изменило Олю, превратив из милой школьницы в карьеристку и приспособленку? Или это было в ней с самого начала, а он не разглядел из-за своего к ней чувства? При иных обстоятельствах кем бы стала она? Преуспевающим социологом или таким же аналитиком на службе у палачей? Возможно, «скорлупа» была лишь формой актерской игры, из которой Оля извлекала для себя какую-либо пользу. Даже обрекая ее на смерть, Виктор признался сам себе, что такую девушку не забыть.

А еще Витя проклинал все виртуальное. Практически четыре года его поглощал нереальный призрачный мир. Заставил забыть о себе, о реальной жизни, о своих мечтах, заменив их суррогатом из сознаний и мыслей других людей. Даже читая чужие рассказы о мире вокруг, читая новостные ленты и секретные доклады, он видел в них лишь забавные символы, мифы, не больше. Категории добра и зла сместились, ведь, будучи обитателем информационных потоков, ни человеческая жизнь, ни свобода не были критериями оценки чего-либо. Им на замену пришла новизна информации, ее сложность. Маленьким мостиком между виртуальным миром и реальным остался юмор. Словно ребенок в бреду, он перебирал биты и байты, как игрушки, и смеялся.

За те два дня, в которые Виктору снова вернулась память, он успел возненавидеть и свой недавний образ жизни, и всю интернет-вселенную в целом. Ведь так жил не только он.

***

Уже отвечая Ольге после двухдневного молчания, юноша знал, что сделает. Вся эфемерность, вся иллюзорность того места, где он себя осознавал, давила на него, и Виктор решил ответить виртуальной реальности тем же. Себе тело и настоящую жизнь уже не вернуть – зато можно покончить с виртуальной. Но не только для своей собственной персоны, ведь он видел миллионы людей в таком же состоянии, в том же виртуальном бреду. Виктор знал, к чему приведет такая жизнь, он уже почувствовал ее на себе.

До удара ракет оставалось меньше минуты, юноша собрал последние силы.

В субботу теплым весенним днем миллиарды людей мирно проводили свое время. У кого-то было утро, у кого-то вечер, где-то вставали с кроватей, где-то выходной был в самом разгаре. Кое-кто и работал, несмотря на день недели. Мирно гудели миллионы серверов и компьютеров, маршрутизаторов и точек доступа.

Виктор схлопнул внутри себя клубок из мировой паутины. Через мгновение четыре ракеты поразили исследовательский центр, где он в тот момент находился. Взрывы разрушительной силы ломали балки и перекрытия даже глубоко под землей. Одна из многотонных балок и убила самое совершенное кибероборудование, упав прямо Виктору на голову. Посыпалась земля, медленно погребая юношу под собой, под грохот рушащихся зданий.

В этот момент очистились или пришли в негодность миллиарды носителей по всему миру. Компьютеры просто гасли, сервера перенагревались и плавились, маршрутизаторы и DNS-сервера стали чистыми, как в день производства. Оптиволоконные шлюзы между континентами засветились яркими лучами в последний раз, получив 220 вольт прямо через себя. Плавились процессоры и портились накопители, горели материнские платы и вспыхивали блоки питания. В

тот момент пришел конец большинству современных систем связи: телефонам, интернету, локальным сетям. Конец пришел многочисленным исследовательским центрам, хранилищам данных, электронным библиотекам. Но вместе с ним свою смерть встретили все системы слежения, явные и скрытые видеокамеры, архивы с досье и военные планы, схемы новейшего оружия и ядерные доктрины. Лишь АЭС Виктор пожалел, запрограммировав на медленное охлаждение реактора и вывод из эксплуатации. Остальные же электростанции одна за другой приходили в негодность. Через несколько минут после мирового коллапса сетей пришел всемирный энергетический голод. Вначале погас компьютер, потом гас свет. Сотни миллионов людей в недоумении оставляли квартиры и дома, выходя на улицы. Их встречал реальный мир.

ОБНИМИ МЕНЯ КРЕПЧЕ

Они встретились ночью на одной из тихих и темных улиц. Он шел быстрым шагом, она вышла из-за угла, и им случилось столкнуться лоб в лоб. От удара у нее на время померкло в глазах, но через считанные секунды она пришла в себя. И увидела над собой склонившегося худого юношу, почти мальчика.

– Ну вот, предупреждать надо, прежде чем так резко появляться, нет? – ломающимся голосом спросил он ее.

– Извините. Все дело в темноте. Я шла с работы, я после работы всегда не разбираю дороги, – тихим, сбивчивым голосом ответила она.

– Ладно, ладно. Не стоит оправдываться. У меня череп все равно крепкий.

Юноша замолчал и улыбнулся. Почесав свой лоб, она вдруг поняла, что сидит в пыли.

– Ой, нормально я так стукнулась, – пробормотала она и тоже улыбнулась.

– Давай помогу, – парень подал ей руку и помог подняться, – меня Сергей, кстати.

– А меня Надя, – представилась девушка, даже не поняв, зачем.

Паренек ей понравился сразу. Только чувствовалась в его резких движениях, в его темных, уставших глазах какая-то немая злоба и скорбь, которые не скрыть даже в темноте в этой дружелюбной улыбке.

– Зачем же ты, Надя, ходишь ночью, а не со строем днем? Да и что, разве кроме часовых и патруля кто-нибудь работает ночью? – Внешне не изменившись, своей интонацией он явно продемонстрировал свою подозрительность. Если бы она, вполне логично, приняла его за патрульного, то не было бы ничего дальше, кроме как нелепой смерти никем не понятого подростка. Но то ли еще не впитала девушка живого страха перед патрульными, то ли еще не отошла от удара, но, вместо того чтобы вскочить и побежать, она осталась и вполне невинно ответила:

– Ой, на самом деле я ведь не совсем с работы. Смена у меня закончилась уже, наверное, часов пять назад. Дело в том, что, по слухам, в соседних домах осталось много книг и я…

Глаза Сергея округлились, и он удивленно спросил:

– Книги? Зачем?!

– А, верно, вы ведь, может, не знаете… Градоначальник объявил набор в научную академию раньше времени.

Парень опустил глаза и поник, как будто разочаровавшись в неожиданно засветившей надежде:

– Чего ж не знаю? Знаю. Не бойся, ты экзамены сдашь и без книг.

– Но ведь они, говорят, равняются на экзамены до Засухи, – удивилась Надя словам нового знакомого.

– Говорят, говорят…

– Да и тем более – мне они нравятся… книги. Не все, правда. – И смолкла.

Он поднял на Надю глаза. Так простояли они долгую минуту, смотря друг другу в глаза. Сергей явно принимал решение, а Надя под таким задумчивым и въедливым взглядом терялась, все больше увлекаясь этим загадочным парнем. За свои семнадцать лет Надя Корнеева, встретив Засуху и по-

жары в семь, чувствовала что-то подобное лишь однажды, еще до того, как солнце беспощадно спалило большую часть планеты. Худая и невысокая, удивлявшая всех своей скромностью и красотой, тем не менее мало увлекалась парнями. На ней была старая и изорванная зимняя куртка и такие же старые джинсы, но волосы были подстрижены аккуратно и со знанием дела: коротко, но ровно. Поверх черных волос была такая же черная шапка. Ровная осанка, почти детское лицо с небольшим носиком и большими голубыми глазами создавали невероятное впечатление. Для тех, кто, правда, не разучился видеть красоту. Сергей не разучился.

– Может, довести тебя до казарм? Я знаю быстрый путь, и никакой заезжий негодяй тебя не тронет. Заодно расскажешь мне о книгах, а я расскажу, что я читал. Ведь надо как-то искупить вину за шишку на лбу. – Сергей рассмеялся и дотронулся до ее лба.

Она, завороженная его нестесненной манерой общаться, согласилась. Согласилась она и пойти тем же маршрутом завтра, но уже сразу после работы. А через считанные дни они уже вместе обыскивали дома, но не в поисках пищи, а в поиске книг.

Так прошел месяц. Надя незаметно для себя увлеклась Сергеем. Сергей же увлекся поиском книг. Он и сам многое успел прочитать, но где – не говорил. Да и вообще, оказавшись на редкость скрытным парнем, он меньше говорил и больше слушал, отшучиваясь на вопросы. Но чаша терпения Нади однажды переполнилась.

В тот день они нашли в полуразрушенном доме потрясающую коллекцию: Библию, Экзюпери и много детской литературы. В комнате, которая раньше служила детской, они сидели на полу, просматривая свою главную находку: Библия оказалась не обычная, детская, а полная и с многочисленными дополнениями.

– Сергей, тебе не кажется, что нельзя месяц общаться с девушкой и ни капли не рассказывать о себе? Ведь девушка может подумать, что ты маньяк или людоед, – улыбаясь, сказала Надя и закрыла Библию.

– Ты так думаешь?

– Я уже не знаю, что думать, – озорно проговорила она, – ведь ну кто, кроме маньяка, будет искать такой предлог для встречи с девушкой, как читать Библию?

Сергей засмеялся и взглянул на нее:

– Ну, а что говорить? Родился, работал, жил…

– Кем?

– Не поверишь: мастерил оружие для патруля. Еще на заре его. – И он выжидательно прищурился.

– Хм, оружие? Еще до очистки города от людоедов? До картофельных ферм?

– Да, до всего этого. Тогда еще кормили консервами, найденными в бомбоубежище. Градоначальник и его окружение – ведь они до пожаров были важными людьми, знали, где все находится. Правда, за эти десять лет уже ничего не осталось. А отец мой – тоже был важным человеком – делал оружие и снаряды для армии. Вот и научил меня. Я уже в девять лет знал, как сделать самострел, – смотря в никуда, вспоминал юноша.

– А где сейчас твой отец?

Сергей от вопроса встрепенулся, будто его облили холодной водой.

– Он… он теперь в научной академии. Ему было тридцать пять, когда ему предложили. Он был не таким предусмотрительным, как я.

Надя смотрела на своего собеседника и никак не могла понять смысла его слов. Почему-то ей показалось, что Сергею, возможно, не повезло с отцом, в любом случае у него был явный повод так нагло соврать. Она ведь знала, что в академию берут только молодых.

– А где твоя мастерская? – решила сменить тему она.

– А ты никому не разболтаешь? Я знаю, что девушки страшно болтливы. Все только дай им посплетничать. – И опять прищурился, чего-то выжидая.

– Ну, блин! Раз так – может, сам тогда, без меня книги будешь искать? Не боишься, что разболтаю?

Надя привстала, делая вид, что хочет уйти. Но юноша, не поменявшись в лице, все ждал. Уже поднявшись, она поняла

всю глупость своего положения – ведь никуда уходить ей не хотелось. И присела обратно.

– Ладно, – сказал он через несколько секунд гробовой тишины. – Я нигде не работаю. И не живу в казарме, ни в мужской, ни в женской.

– Но… но ведь все, кто не живут в казармах, приравнены к людоедам. Только патруль и совет города живет отдельно.

Подобного Надя не ожидала. Сразу после создания патруля и совета Градоначальник объявил, что все, кто откажется от переселения в казармы, – каннибалы и будут уничтожены. Ей казалось, что за это время не осталось никого, кто бы жил за чертой жилой зоны.

– Я и приравнен. Но ты ведь никому не скажешь? – Сергей подмигнул и, не дав ответить, продолжил: – А вот ты разве не должна со строем идти после смены? Но ты идешь одна – и идешь через проходную. И в казармы не пробираешься, а заходишь через главный вход. Как так?

– Ну, у нас как бы всем, кто готовится к поступлению в научную академию, дают право самим искать литературу после работы. Только по прочтению сдать, иначе грозят выгнать с жилой зоны за хранение…

– Вы их отдаете? – заорал Сергей, не дав Наде закончить предложение. – Да, черт возьми, лучше бы вы сразу копали себе могилы, но оставили бы книги! Сколько ты их отдала?

Он вскочил, лицо его стало красным от злости. Маленький фонарик в руках Нади задрожал – ей стало одновременно страшно и стыдно. Не зная, в чем ее вина и что ей сказать, она вдруг тихо заплакала.

Сергей еще несколько секунд злобно пыхтел, но потом взял свой рюкзак и убежал. На следующий день она его не дождалась. Так прошла неделя: в тоске, стыде и отчаянии.

Через неделю он сам нашел ее. Она ходила по многоэтажке, а потом на выходе из здания встретила его.

– Надь, ну как ты? – примиренчески начал было он.

Она сделала вид, что не заметила его, и побрела дальше. Сердце колотилось как бешеное, радость от встречи наполняла ее, но она не подала и виду.

– Смотри! Я ведь не один. Со мной мой друг – тот самый Коэльо, – Сергей что-то достал из рюкзака.

Надя остановилась и повернулась. Эта была книга. Она сама рассказала ему, что из всего, что читала, больше всего ее поразил Коэльо, но она нашла всего лишь три небольшие книжки. А это был большой том. Надя улыбнулась, и Сергей, переломив ситуацию, медленно стал подходить к девушке.

– Вот, держи.

Он протянул ей книгу, и после некоторого колебания она взялась на том. Резким движением парень схватил Надю за руку, притянул к себе и обнял. Не ожидая ничего подобного, она стояла, не зная, куда деть книгу в руке. Сердце бешено колотилось, и мгновение спустя, прильнув к нему, обхватив его шею руками, Надя проговорила:

– Я тоже скучала.

На первый год после пожаров и засухи пришелся пик людоедства. Города, не способные долгое время обеспечивать своих жителей едой, предлагали лишь одно – своих сородичей, коих было несметное множество. Пепел и смог от пожаров надолго затмили солнце: после засухи пришла зима. Тем, кто решил выжить любой ценой, стало ясно: мясо человека – самое питательное из того, что они смогут найти. За городом – пустыня, промерзлая и усеянная пеплом. Реки и озера уже десять лет не скидывали своего ледяного панциря, да и найдется ли псих, чтобы рыбачить за многие километры от жилища? Мародерство и бывшие домашние животные быстро исчерпали себя. И вот через год этой вакханалии, где брат ел брата, пришел он. Градоначальник считался когда-то самым важным в государстве. Когда он впервые после засухи появился в городе, с ним был кортеж, сам он ехал на военном джипе, а количества вооруженных людей могло спокойно хватить на зачистку всего города сразу. Уже через неделю его люди контролировали большую часть города – редкие жители были вооружены. Восстановив свою власть, первым своим указом он ввел смертную казнь за каннибализм, вторым – то же за сопротивление властям. Объявив себя президентом восстановленной республики, этот властолюбивый человек, тем не менее, получил прозвище Градоначальник, с которым

со временем смирился. Людоеды постепенно исчезали с улиц города, появился городской патруль, людей со всего города поселили в казармы за колючей проволокой – многие говорили, что тут раньше держали преступников. Вводились армейская дисциплина и практика телесный наказаний, а это, в свою очередь, не могло не вызвать ропот среди жителей города. Вначале с недовольством боролись грубой силой и призывами к единству в противостоянии людоедам. Недовольные из раза в раз обвинялись то в каннибализме, то в помощи каннибалам. Говорилось и вещалось, что распространители крамольных мыслей ставят своей целью вернуть времена, когда человек для человека был еще едой. Но не все верили, некоторые видели обман: иногда благодаря опыту, иногда – прозорливости. Тогда и возникла академия. Странный и загадочный поселок, созданный у моря для восстановления потерянных человечеством знаний, полный книг и работающей электроники. Что может быть лучше для свободолюбивой, творческой и вечно недовольной личности, чем далекая и желанная утопия свободы и благоденствия. Однако не все могли попасть на землю обетованную нового мира – лишь самые сообразительные вместо серого мира грубого физического труда, строевой жизни и ограниченного рациона. Экзамены на поступление предполагали не только проверку знаний, но и умение критически мыслить, самостоятельно анализировать и давать оценку. Им давали возможность искать книги после двенадцати часов работы на картофельных полях. После поступления их месяц кормили двойным рационом. Им лично вручал диплом Градоначальник. И они уезжали.

За месяц до экзаменов Надя впервые почувствовала на себе кару за несоблюдение дисциплины. Прошло сорок дней с того момента, как Сергей подарил ей книгу. Их постоянные встречи и поиски литературы не остались незамеченными. Однако и сама Корнеева после встречи с этим дерзким пареньком стала чувствовать себя более уверенно, все более открыто выражала свое недовольство то теми, то иными порядками. Наказание не заставило себя долго ждать.

Однажды во время раскопки картофеля на ферме Надя в толпе таких же, как она, работниц неожиданно сказала:

– Я слышала, что на складах полным-полно инструментов – лопат там, ну и прочего. А мы весь этот дурацкий картофель копаем руками!

Женщины испуганно переглянулись и промолчали, а одна, постарше, после работы донесла об этих словах патрулю. На следующий день построения она впервые увидела «черные маски». Раньше Наде не приходилось встречать работников карательного отдела – их служба была окутана тайной, а наказание приводили в исполнение за стенами Управления. Обычные патрульные носили красную повязку на правой руке, представители секретного отдела ходили в форме цвета хаки, а каратели – во всем черном, в том числе черных масках-балаклавах. Она лишь слышала, как слышали все, о тех муках, которые они могут доставлять за малейший проступок. И вот после построения к ней подошел тучный мужчина с красной повязкой и попросил ее пойти с ним. Он повел Надю за жилую зону по городу, а смелая девушка и не думала убегать или сопротивляться, хотя явно недоумевала из-за всего происходящего. Не видела раньше она и Управления – здания, где жил и работал патруль. Огромное каменное здание определенно выполняло правительственную функцию до Пожаров, хотя никто уже и не мог вспомнить, какую именно. Стекол в здании не было, но на окнах на верхнем этаже остались решетки. Рядом стоял большой каменный замок, окруженный колючей проволокой. Говорили, что в этом замке держали преступников перед судом. Сейчас же эти два здания были отданы под Управление.

Надю человек с повязкой завел в высокое каменное здание. В просторном холле было чисто, возле входа стоял лишь один огромный детина с пистолетом на одном боку и большим ножом на другом. Как только новоявленная преступница и ее конвоир зашли, детина спросил:

– Это та потаскуха с книгами?

На что патрульный кивнул и ушел. Верзила в два невероятно огромных шага подошел к Наде, крепко схватил ее за руку, вывернув ее за спину. Девушка закричала от боли, а детина без эмоций повел ее через холл к лестнице на второй этаж. Там он завел ее в небольшой кабинет с красным

ковром и деревянным столом. На стене в рамке висел пожелтевший портрет Градоначальника, сделанный еще до Засухи. За столом сидел крепкий мужчина в костюме цвета хаки, в руке у него была ручка, а на самом столе лежало несколько отлично сохранившихся книг. Детина отпустил Надину руку и ушел, закрыв за собой дверь.

– Ну что, Корнеева, – начал мужчина за столом, – ты, наверное, думала, что мы так и будем терпеть твою преступную деятельность?

– Что?! – в ужасе переспросила Надя.

«Неужели узнали о Сергее?» – пронеслось у нее в голове.

Мужчина долго и выжидательно смотрел на Корнееву. Казалось, сейчас он просверлит взглядом в ее голове дырку. Наконец он опять заговорил:

– Корнеева, ты обвиняешься в клевете на власти республики и в саботаже производства. Тебе есть что сказать?

– Но… я не… – Надя окончательно перестала понимать смысл происходящего и недоуменно уставилась на своего обвинителя.

– Лопаты тебе, значит, нужны? Ты приговариваешься к двадцати ударам плетью. Наказание будет исполнено немедленно, – с неподдельной ненавистью проговорил мужчина за столом и крикнул. – Миша!

Детина не заставил себя ждать и снова появился в кабинете.

– Отведи к карателям, скажи «двадцать», – сказал обвинитель. Миша, до боли скрутив Надю, повел из кабинета навстречу наказанию.

Переход по лестнице и коридору занял пару минут, и уже перед новой дверью верзила сдавил руку чуть ли не до хруста так, что Надя вскрикнула. Вдруг дверь открылась и на приговоренную уставился огромный человек во всем черном и черной маске-балаклаве.

– Принимай, двадцать, – спокойно сказал конвоир.

«Черная маска» протянул руку и схватил девушку за шею. Конвоир ослабил захват, и человек в балаклаве затянул ее в кабинет. Все это время находящаяся в шоке Надя не могла проронить и слова. Такого рода ситуация и обращение даже ей

были в новинку, хотя за три года рабского труда она повидала всякого. Она слышала о наказаниях и пытках в Управлении, но лишь с третьих уст, да и те не сами побывали тут. Наде все это казалось столь далеким и нереальным, что даже когда «маска» затянул ее в комнату с еще четырьмя своими братьями по оружию, она с трудом верила в происходящее. В комнате стояли медицинская кушетка и стол, где гармонично расположились хлыст, кусачки, молоток и скальпели всех размеров. На кожаном диване напротив сидело трое «масок», один стоял рядом. Они отличались по комплекции и росту, но у них была одна общая черта – их глаза горели нездоровым огнем.

Надя так и принимала бы все за сон, но вдруг этот голос и эти слова:

– Раздевайся! – рявкнул каратель, что стоял возле дивана.

Девушку заколотило: она поняла, что это далеко не сон, что в этом здании, в этой комнате с ней могут сделать все, что захотят.

– Раздевайся, я сказал! – рявкнул он еще раз, а тот, что держал Надю за шею, свободной рукой ударил ее ладонью по лицу.

В глазах девушки все поплыло, она вскрикнула и зарыдала. Каратель повторил пощечину, но так, что она чуть не потеряла сознание. Всхлипывая и трясясь, она начала медленно снимать с себя верхнюю одежду. Сняв куртку, шапку и свитер, Надя поняла, что им этого недостаточно.

– Но… – всхлипывая, произнесла она. Терпение карателя иссякло. Он разорвал на ней майку и старые джинсы, оставив ее почти голой в изорванных лохмотьях.

– Ложись! – рявкнул «маска» у дивана и показал на кушетку.

Трясясь от страха, она медленно подошла к кушетке и легла. Щелкнул хлыст – один из карателей сделал пробный удар в стену. Следующий щелчок она уже почувствовала на себе. Боль была настолько сильной, что девушка начала задыхаться, а в глазах потемнело. Потом еще. Еще и еще. Сквозь боль она вдруг услышала смех – это смеялись ее мучители. Слышала, как они обсуждали ее юное тело. На четырнадцатом ударе Надя потеряла сознание.

Очнулась Надя уже на улице, неподалеку от Управления. Она так и лежала в лохмотьях, но поверх было накинуто грязное одеяло, а рядом лежали ее куртка и шапка. Свитера она так и не нашла. Чувство подсказывало, что ее не насиловали, хотя, может быть, это боль мешала ей все осознать. А боль была невыносимая, спину сводило при малейшем прикосновении. С трудом накинув куртку и одеяло на плечи, с шапкой в руках она медленно, колотясь от холода и шока, побрела домой.

Было уже темно, когда Надя подошла к проходной у жилой зоны. Пропустили ее без вопросов, лишь стражник у ворот провел презрительным взглядом по одеялу на ней. Придя в барак к своей небольшой кровати из железных прутьев, прикрытых матрасом, Надя скинула одеяло и легла под свое собственное. Единственной мыслью было – лишь бы все спали, лишь бы никто не видел ее позора.

В себя Надя пришла лишь через неделю. Все это время она жила будто на автопилоте, ни с кем не разговаривала и полностью выполняла все приказы патрульных, надсмотрщиков, начальников. Женщины смотрели на нее с нескрываемым презрением, а ей было стыдно показать даже видом, что спина нестерпимо болит. Не говоря уже о том, чтобы показать шрамы и синяки. Только через неделю, после работы, Надя пришла к месту, где обычно ее встречал Сергей. Она простояла там битый час и уже собиралась уходить. Но он пришел. Хмурый и даже немного злой, он спросил у нее:

– И что это было? Испугалась встреч с людоедом?

Надя посмотрела на него пронизывающим взглядом, но не сдержалась и зарыдала. Сергей смутился, ему даже стало стыдно за свое поведение и, уже сменив тон, он продолжил:

– Ну что ты, что ты? Извини, просто я уже подумал, что ты решила прекратить наши встречи. Иди сюда, только прекрати.

Сделав несколько шагов, Сергей обнял рыдающую девушку и так простоял несколько минут. Когда же Надя успокоилась, он взглянул ей в глаза и спросил:

– Что же случилось?

Рассказ о мучениях, преступлении и наказании Сергей слушал молча, не перебивая. Взгляд его будто смотрел сквозь

Надю, сквозь дома позади нее и вообще сквозь всю реальность – в иные миры. Он вспоминал, и воспоминания эти были для него явно непростыми. А Надя все рассказывала и рассказывала, вытирая все новые слезы. От начала и до конца. Закончив, тупо уставилась на него, будто ожидая чего-то, что ей невероятно поможет, или надеясь, что слова Сергея вернут время обратно. После семи дней молчания она ждала от своего первого собеседника чуда. Но чуда не случилось. Выйдя из прострации, Сергей обнял ее и сказал:

– Через это проходят и проходили все настоящие люди. Ты молодец, ты настоящий человек.

Ошеломленная логикой Сергея девушка собралась было ответить дерзостью. Но, успокоенная его объятиями, поняла: иной раз величайший позор обращается в триумф. Все, что с ней произошло, приподняло ее над серой и пугливой массой женщин-мышек, с которыми она работала. И Надя впервые поцеловала Сергея.

Несмотря на полное распутство нравов, наша героиня оставалась в личной жизни пуританкой. Многочисленные ухажеры становились все настойчивее, но Надю спасало то, что впоследствии и подвело – железный порядок. Власти смотрели на раннюю половую жизнь сквозь пальцы, если это не доводило до конфликта. А в случае с Надей именно так и могло быть. Поэтому уже после восстановления республики она в какой-то мере была под опекой. Между установлением нового порядка и Засухой девушку опекал отец, бывший солдат. Она помнила то страшное время, когда мужчины смотрели на нее с похотью, которую выдавали голодные искры в глазах. Но ни один мерзавец не прикоснулся к ней. К сожалению, ее отец в бесконечных боях получил роковое ранение. Уже приход старой власти он встретил на пороге смерти.

Сергей чем-то напомнил ей отца. Он тоже ее никогда не жалел, но, правда, никогда и не делал больно. Почему-то Наде показалось, что, будь сейчас вместо щуплого подростка ее отец, он бы сказал что-то подобное.

До этого дня близость у Нади была лишь с двумя подростками. И была она с ними потому, что знала: ради поставленной цели они могут перейти все границы. Поэтому был

найден своеобразный компромисс: она сама отдается и тем самым теряет всякую для парня привлекательность. А чтобы ее связь не становилась достоянием общественности, она на следующий день заявляла кавалеру о своей беременности. В это новое дивное время деторождение было полностью подконтрольно и регламентировано, нарушение от плана грозило матери абортом и обоим родителям суровым наказанием. Из-за своей неграмотности ни один из ее двоих партнеров ничего не заподозрил. Оба клялись самым дорогим, что это останется их тайной, если она самостоятельно избавится от ребенка, и в пылу конспирации даже не разговаривали с ней. Но то были вынужденные шаги, попытки избавится от проблем с наименьшими для себя последствиями.

Сергей же был ее выбором, ее страстью.

Если разобраться, то мир после Засухи – это мир серого цвета. Серый бетон, серый снег, серое небо. Серые люди. Пепел всех оттенков серого. Но иногда, очень редко, в тяжелых пепельных тучах возникал просвет. Ненадолго, может, на час, он радовал одичавших жителей планеты синим или черным. Иногда в этом небольшом просвете ночью можно было увидеть звезду. Или даже две. Ну, и особым моментом в своей жизни можно было считать солнце. Вот еще только что над головой был гнетущий пепельный потолок. И вдруг две огромные тучи разошлись и огромный огненный глаз осветил все вокруг. Засверкал бетон, снег, пыль в воздухе, засверкали лица людей. В такие моменты даже на лице отъявленного каннибала появлялись искры разума, а глаза становились чистыми, как у ребенка. Свет пробирается через окна, через разрушенные крыши, забираясь туда, где уже никогда его не ждали. Но вот на место разошедшимся тучам приходит новая, еще большая, и перекрывает солнце, как перекрывают кислород. И мир опять становится серым, отличаясь лишь в оттенках, а пепельная крыша как будто опускается еще на каких-то пару метров, грозя всех раздавить.

В тот день Сергей и Надя увидели солнце. Они были на верхнем этаже пятиэтажного здания в комнате с разрушенной крышей. Еще неделю назад они очистили комнату от кирпича и бетона, теперь тут можно было любоваться

серым небом. И именно тогда, в тот момент, когда они оба бессмысленно смотрели в дыру на потолке, – показалось оно. Чуть ближе к левому краю пропасти над ними возник вначале робкий луч, который с каждой секундой становился все шире и шире. Уже через полминуты вверх было невозможно смотреть – привыкшие к темноте, они отвели взгляд от огненного круга, хотя совсем этого не хотели. Им необходимо было увидеть синее небо, такое редкое в их жизни, но солнце выжигало глаза и лишало возможности что-либо рассмотреть. Зато комната, освещенная дневным светом, поражала. Одно дело осматривать ее в маленьком кружке фонарика, другое – видеть все целиком, весь уже порядком забытый интерьер. Как его видели десять лет назад. Вот цветные обои, замысловатый узор опоясывает всю комнату. Вот полки. Пустые, из пластмассы – иначе бы уже давно пошли на дрова. Офисное кресло, правда с разодранным сиденьем. Посередине комнаты Сергей и Надя лежат на полу на матрасе. Но вот свет начинает гаснуть и они оба, как будто сговорившись, резко поворачивают головы к небу. А там уже сплошная пепельная пеленка.

Солнце всегда являлось для людей чем-то божественным. А Бог, как известно, может как миловать, так и карать. Та десятилетней давности вспышка солнца была делом незаметным для светила, как для человека отрыжка. Но для планет с атмосферой это стало коренным поворотом в их жизненном цикле. Никто не узнает, что Венера теперь теплее на сто градусов по Цельсию. Как не узнает, что больше нет пятна на Юпитере. И уже не то количество колец у старика Сатурна. А вот что стало на Земле, знают все. Теперь мать человечества сменила бело-сине-зеленый наряд на бело-серый. На место тонкому озоновому слою, который надолго покинул Землю, пришло толстое покрывало из пыли и вулканического пепла, которое не дает ультрафиолету добить живое. Магнитные полюса уже успели сменить друг друга, что вызвало каскад землетрясений и извержений. Первая же вспышка сожгла практически все леса, убила миллионы людей, и, даже будь она единственной, этого бы хватило цивилизации для печального конца. Но она была не одна – неделю шла выжигающая бомбардировка. В те дни

северное сияние по ночам было делом вполне обыденным, да и ночью нельзя назвать тот долгий закат.

Электроника, телевизоры, все включенное и незащищенное заискрило, чтобы потухнуть навсегда. Теперь действительно мировую войну можно было начать разве что на каменных топорах.

Возможно, знай Сергей и его подруга о том, чья маленькая вспышка погубила их род, то отношение к мимолетному свиданию со своим светилом у них было бы другое. Но они всего этого не знали и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете.

– Знаешь, ведь я тоже через это прошел. Даже хуже, – начал Сергей после долгого молчания.

– Хуже? – Надя повернулась к нему лицом.

– Да. Меня били не только плетьми. Всем, чем только можно. Они хотели узнать, где мой отец. Тогда я провел у них целую неделю. Но не сказал. Батя пришел сам. И я смог уйти. – Опять странный блеск появился в глазах подростка.

– А твой папа? – после некоторого молчания спросила она.

– Как я и говорил – попал в научную академию. – Он както зловеще улыбнулся после этих слов, от этого Наде стало нехорошо.

Они оба замолчали, и это молчание еще больше сгущало тьму вокруг. Потом Сергей не выдержал:

– А чего ты ищешь там? В академии?

– М… ну, море, спокойствия, книг.

– Спокойствия? Я не особо заметил за тобой стремление к покою. Скорее неугомонная, – на этих словах Сергей привстал.

– Это я с тобой такая. Но вообще я тихая и замкнутая.

Опять молчание, но уже не такое гнетущее.

– Что бы ты сказала, если бы узнала о том, что людоедов никто не убивал, – сказав это, Сергей впился глазами в подругу, следя за малейшими движениями. Надя задумалась.

– Ну, ты имеешь в виду, что их выгнали? Я лично видела, как патрульные собирались и уходили на зачистки, – сказала она, подумав.

– А если их никто не выгонял? Если патрульные убивали совсем других людей? – Он следил за ней, не отводя глаз.

– Не знаю, глупость, зачем им это? Нет. Вряд ли. – Надя была явно в смятении из-за этого разговора. Даже после Управления ее крамольные мысли не уходили дальше неумелого распределения и жестокости наказаний. А тут уже зрело теорией заговора, отрицающей по сути самое главное оправдание старой новой власти. Глупость и нелепость мысли казалась очевидной, никак не ожидала Надя услышать подобное от спокойного и рассудительного Сергея. Он будто начал медленно преображаться в ее глазах, все более напоминая ненормального.

– Но ведь и плетьми избивать молодую девушку – глупость. Нет? – сказал Сергей с каким-то вызовом в голосе.

– Я… я не знаю. – Надя замялась, а потом спросила: – Зачем ты начал эту тему?

Сергей удивленно поднял брови. Он знал, что когда-то беседа дойдет до этого вопроса: «К чему тебе этот разговор?» Но он не ждал этого сейчас. По правде говоря, он бы никогда не был готов ответить на него, потому что сам не знал ответа. Чего он ждал? «Иди со мной, мы вместе со всем покончим»? Или поддержки? Видимо, он уже устал идти к своей цели один. И хотя необходимость ставила перед ним условие – быть одиночкой, сам он переносил это с трудом, то тут, то там занимаясь поиском родственных душ. Но чаще всего люди оказывались недалекими, мелочными и, главное, – не желающими знать, как оно на самом деле. Но с Надей, казалось, он был близок как никогда. Она тоже тянулась к знаниям, тоже была нелюдима, тоже стала жертвой ненавистной системы. Оставалось всего лишь толкнуть ее к борьбе с этим лицемерным, кровожадным порядком. Открыть ей глаза, сказать правду, и вот он уже не один, их двое. А там…

В книгах, которые читал Сергей, часто встречался образ революционера, борца за свободу. Целеустремлённый юноша сам искал такие книги, а тот, кто ищет, тот всегда найдет. В книгах он обрел и свою цель, и оправдание для этой цели. Борьба за правду, за народ. Он уже не одинокий мстящий за своего отца подросток, толкаемый чувством вины. Он – гро-

за тиранов, одинокий революционер-террорист. Одинокий в силу обстоятельств, из-за бесконечной податливости остальных. Ревашоль, Унабомбер, Баадер, Бонано… Сергей о многих из его предшественников знал все практически наизусть. Но и те, за исключением одного, Теда Качинского, не могли обойтись без сообщников. Сейчас момент истины: потянется она вместе с ним к одной цели или он так и останется одиночкой.

В тот роковой день он ушел из убежища. Сам, никого не спросив. Ему было пятнадцать, в этом возрасте часто ругаются с родителями. Вот и Сергей не смог найти общего языка с отцом, а причиной послужила их совместная работа с оружием. Точнее, со взрывным веществом: в тот день его родитель собирал гранаты из отслуживших свой срок боеприпасов. И не безосновательно считал, что детям рядом не место. Сергей ушел, а его уже ждали.

До этого отец уберегал юнца от общения с новой властью, но, судя по всему, власть решила взяться за их семейство серьезно. Раньше удавалось долго выкручиваться и даже выторговывать еду в обмен на оружие, но патруль креп и теперь высоким начальникам показалось унизительным торговать, когда можно просто взять. Одна лишь проблема: никто не знал, где этот таинственный оружейник живет.

Сергея заметили в центре пустующего города, недалеко от развалин супермаркета. Они знали о том, что у оружейника есть сын, знали его примерный возраст. И брали всех, кто подходил. Уже через десять минут кто-то накинул на голову гуляющего подростка мешок.

Свет он увидел лишь в Управлении, среди черных масок карателей. Описать те пытки Сергей и сейчас был бы не в состоянии: его били плетьми, железными и резиновыми дубинками, душили противогазом и пристегивали наручниками в самых замысловатых позах. Лишали сна и пищи, кричали и постоянно унижали его. Это продолжалось неделю. Они требовали одного – знать, где живет его отец, где работает и как безопасно до него добраться. Ни на один из вопросов Сергей не ответил и наверняка уже бы не смог пережить очередной день допросов с пристрастием. Но сквозь стену он услышал

невероятно громкий голос своего отца. Голос этот говорил, что выйдет из укрытия, как только увидит своего сына.

Сергея вывели на порог. Из разрушенного дома появился и его родитель с громкоговорителем в одной руке и связкой гранат в другой. Человек в пятнистой форме, также с громкоговорителем, ответил на вызов.

– Миша! Сколько лет, сколько зим! – прогремел пятнистый человек через усилитель.

– Вот уж кого не думал встретить. Дима, я так и знал, что ты – беспринципная тварь. Отдай ребенка – и я сдамся.

– Миша, мы же прошли одинаковые школы и институты. И ты же помнишь, что обмен с противником производится при наличии гарантий, – пятнистый улыбнулся, – какие гарантии, что ты не уйдешь?

– Я знаю о том, что ты уже взял меня в кольцо, Дима. И знаю, что у тебя есть винтовки. Зачем ты задаешь такие глупые вопросы? – Отец Сергея на секунду замолчал, но, не дождавшись ответа, продолжил: – Предупреждаю! Любое нелепое движение – и я взорву и себя и свою мастерскую.

– Да мы знаем, где она, Миша, – прогремел пятнистый. Сергей злобно посмотрел на него и уже хотел было предупредить отца, но чья-то ладонь зажала ему рот.

– Знали бы – не было бы этого разговора. Оставь свои оперативные приемы. Время не то. Я хочу услышать сына, иначе ничего не будет.

Пятнистый заколебался, но потом резко поднес усилитель к голове Сергея и жестом приказал убрать руку.

– Папка, я ничего не сказал! – закричал подросток в громкоговоритель, и эхо ломающегося голоса разнеслось по руинам города. Пятнистый вернул усилитель.

– Ну вот и чудно. Теперь еще одно, Миша. Поверь, у меня достаточно людей по городу, чтобы зафиксировать взрыв где бы то ни было. За это ты поплатишься жизнью своего сына.

– Отпусти мальчика. Меньше разговоров, у меня нервы не железные.

Ручища «маски» отпустила Сергея. Он простоял несколько секунд, не веря в свое освобождение, а потом медленно

пошел. Со временем ускоряя шаг, он сорвался на бег и добежал до отца.

– Батя, я… – начал было он, запинаясь.

– Нет времени. Беги сейчас в ту сторону, – Миша взглядом показал влево, – а как только за собой не увидишь никого – иди домой. Ты все понял?

Подросток молчал, в глазах его читалось смятение. Он-то думал, что они уйдут вместе, что у отца есть план спастись обоим. Но до него медленно доходило, что отец действительно решил сдаться.

– Батя, не иди к ним! Тебя уб… – Михаил хорошенько врезал пощечину сыну так, что тот отшатнулся.

– Ты меня понял? – заорал на него родитель.

– Понял.

– Беги! – И Сергей побежал.

Изнуренный семью днями пыток, он побежал так, как никогда не бегал. Он ни разу не обернулся, хотя сзади застрекотал автомат и послышался взрыв. Сергей бежал и бежал, пока легкие внутри не загорелись, а в глазах не потемнело. По пути он никого не встретил и, отдышавшись, вокруг тоже не увидел каких-либо следов преследования. В тот день он ночевал не дома – приютом ему послужили останки сгоревшего автомобиля.

Сергей не хотел быть одиночкой, когда союзник, казалось, уже найден. Надя лежала возле него, молча дожидаясь ответа. Первая девушка, с которой у него все серьезно. Которая не сдала его на следующий день. Которая сама подарила себя. Они вместе видели солнце. Это знак, иначе никак.

– Помнишь, ты спрашивала, где мой дом? Я покажу тебе и расскажу то, что еще никому не рассказывал.

Дорога оказалась неблизкой. Где бы ни обитал Надин возлюбленный, но это явно не обычный дом в черте города. Они дошли уже до самых окраин, когда Сергей жестом показал повернуть с остатков проспекта. Пройдя пару кварталов насквозь, он остановился перед небольшим крепким бетонным зданием. Одноэтажная бетонная коробка и железная дверь, больше ничего. Из кармана Сергей достал брелок и демонстративно щелкнул в сторону здания. Послышался скрип и

глухой удар, Сергей уверенно подошел к двери и потянул ее на себя. Внутри было темно, в тусклом просвете открытой двери виднелся большой черный блин в центре. Сергей зашел и позвал Надю.

– Добро пожаловать. Оставь надежду всякий сюда входящий.

Он опять демонстративно щелкнул брелоком в сторону черного блина. Опять скрип, скрежет и глухой удар. Сергей потянул на себя люк, который также покорно отворился, внутри было светло.

– Закрой дверь.

Надя тихо подошла к стальной плите и вернула ее на место. В это время Сергей уже спустился в давно знакомый для него мир подземного бомбоубежища.

По размеру бомбоубежище было размером с небольшой особняк. Три комнаты, санузел и дизельный генератор. Одна комната, побольше, была отдана под мастерскую, другая, самая маленькая, служила для Сергея спальней. А в третьей из предметов интерьера были лишь стол и стул. Зато стены… Все стены были обклеены фотографиями и вырезками из газет. Надя была ошеломлена – некоторые из фотографий были явно сделаны уже после пожаров. На газетных же врезках в основном был один и тот же человек – Градоначальник.

– Многие знают, что Градоначальник до Засухи был человеком не последним, – начал Сергей свой рассказ – Он, действительно, и тогда занимал ведущие посты в государстве. Был советником при тогдашнем главе государства, который вместе с тем был его отцом. Когда грянули пожары, многие важные государственные чиновники и военные постарались попасть в бомбоубежища, такие же, как это, только гораздо больше. И лучше обеспечены всем необходимым. Они-то думали, что такая жара будет всегда. Но не все смогли добраться до убежищ. Что-то случилось с техникой – многая прекратила работу. Однако Градоначальник спасся и пережил тот первый год в безопасности. А вместе с ним его охрана и многие важные сотрудники спецслужб и спецподразделений. В это время на поверхности наступил голод, и люди начали

есть друг друга. Так сложилось, что лучше всего вооружены и подготовлены оказались люди, до пожаров охраняющие порядок: тот же патруль с другим названием. Они собирались в банды людоедов-головорезов и чинили в городе террор. Потом вернулся Градоначальник. Это ведь были когда-то его подчиненные. Он не стал их уничтожать, взял к себе в карательные бригады. А чтобы никто не узнал их – они носят маски. Те же, кого отстреливал патруль, – не были каннибалами. Это те, кто отказался переселяться в бараки и жить по армейскому принципу. Но самое страшное не в этом. Пристрастившись к мясу, невозможно перейти на картофельную похлебку. Поначалу были консервы из магазинов, убежищ. Но потом кончались и они…

– Ты хочешь сказать, что каратели до сих пор едят людей? – перебила рассказ Надя.

– Нет. Людей едят они все – и каратели, и сам Градоначальник.

Нельзя сказать, что Надя серьезно относилась к тем порядкам, которые были установлены в ее родном городе. И далеко не всегда верила во все, что говорилось на собраниях в бараке. Но это… это ей нужно было осмыслить. Чем больше она вникала в смысл сказанной Сергеем фразы, тем более абсурдным и глупым казалось ей это обвинение. Ну, не могла она и сотни остальных оказаться под гнетом каннибалов! Воображение рисовало картину железного порядка, но никак не кровавой оргии с высшим начальником во главе. Сергей просто придумал это либо прочитал где-то. Вот и хочет ее ошарашить. А возможно… хочет, чтобы Надя ушла к нему. В любом случае, последняя мысль ей польстила и она решила не показывать свое недоверие.

– Но из барака редко кто-то пропадает… – робко сказала она.

– Но и не появляется никто новый, верно? В город приходит много людей, ведь в округе ходит слух о фермах и о том, что в городе не осталось людоедов, о том, что здесь восстановили старый строй. Их и ловит патруль на самых подступах к городу. Потом их держат в замке, рядом с Управлением, раньше там была тюрьма. И одного за другим убивают и съедают.

Я смог пробраться внутрь, смотри. – Сергей показал на стену с фотографиями.

На той стене было много фотографий коридоров и маленьких бетонных комнат. То тут, то там на них попадались исхудавшие, грязные и больные люди. Иногда же были и вполне здоровые, даже упитанные мужчины и женщины. И вот на глаза Нади попалась фотография. На ней были крюки и какие-то тушки на крюках. Девушка присмотрелась, и ей стало плохо: вдоль длинного коридора на крюках повисли человеческие тела. Надя закрыла руками глаза и присела на корточки.

– Надя, тебе надо уходить оттуда. То наказание плетьми – цветочки в сравнении с тем, что еще они смогут сделать с тобой. Уходи ко мне! У меня есть план, как убить Градоначальника и всю его свору. А без них они сами друг друга сожрут. Тут у меня есть консервы еще на год вперед, куча разных книг, здесь всегда тепло и светло. Никаких армейских порядков. Вместе мы остановим все это, мы покончим с людоедами и угнетателями… – Сергей уже начал входить в раж, когда увидел, что Надя смотрит на него с легкой улыбкой. – Что смешного?

– Ты все это подстроил, чтобы я ушла к тебе? Фотографии, ты ведь нашел их где-то, да? Сергей, я не могу уйти. Я решила поступить в академию, у тебя тут хорошо… извини.

Сергей был в шоке. Мысли путались, он не мог понять, в чем его ошибка, почему Надя не верит ему. Вот он, впервые в жизни, открылся – планы, свой дом, рассказал правду, которую до этого никому не говорил. А ее реакция оказалась даже хуже, чем представлял себе Сергей, даже в самых худших вариантах. И еще эта академия… Из-за всего этого он потерялся, на зная, что сказать и как.

– Надя, нет никакой академии. Это миф, специально созданный. Еще до Засухи правители постоянно сталкивались с умными молодыми людьми, умеющими думать и видящими вещи как они есть на самом деле. И по-разному старались с ними расправиться, через тюрьмы и ссылки. У Градоначальника тоже были проблемы с думающей молодежью. Они придумали академию, а на самом деле поступающих съедают, избавляясь от возможных мятежников.

– Но я сама видела фотографии! На берегу моря… – Надя практически кричала, Сергей начинал ее сильно раздражать.

– А разве не похожи они на фотографии до Засухи? С синим небом и солнцем?

Теперь пришло время девушки потеряться. Наглость Сергея ее взбесила, она с трудом сдерживала себя. Надя ведь нормальным человеческим языком объясняла, что не может, что уже поставила себе цель. Зачем врать, зачем обманом затягивать ее к себе? Надя верила в академию, она последние два года жила ожиданием экзаменов. Не может это все оказаться фикцией. Ведь дипломы вручает лично Градоначальник на собрании. И улыбается, жмет руку, похлопывает по плечу. И фотографии. Не одна фотография – множество; каждой комнаты, моря, исследовательских станций и библиотеки. С синим небом и солнцем, звездами по ночам. Не могли они так обмануть.

Надя сорвалась. Нервы не выдержали, она закричала и заплакала одновременно:

– Нет! Нет, хватит врать! Выпусти меня из этого погреба! Тебе нужно лишь одно, вам всем нужно лишь одно. Выпусти меня!

Она вцепилась в куртку Сергея и попыталась потянуть его к выходу из бункера. Юноша некоторое время стоял с пустым взглядом, даже не шатаясь от Надиных усилий. Для него все рухнуло. Воздушный замок, который он сам для себя воздвиг, разрушен легким дуновением суровой реальности. Сергей забыл, что его цель требует одиночества, он забыл, что, пока не исполнена мечта, ему никому нельзя открываться. Сергей опять один среди врагов и равнодушных. Борется за одному ему понятную идею. Или не идею? Вендетту, месть по клятве, «зуб за зуб». Ему так хотелось, чтобы у всего была цель. Народная свобода, справедливость. Теперь оставалось определить, кто сейчас тянет его к выходу – равнодушная или враг.

Сергей без эмоций оттолкнул Надю и медленно пошел к выходу. Скрипы, глухой удар. Они уже в комнатушке. Надя, в состоянии истерики, и Сергей, оглушенный и с пустыми глазами. Скрип, глухой удар. Надя выбежала и быстрым шагом

удалялась в сторону ее дома, ее маленькой железной кровати и ее мечты о море. Никто не сможет у нее забрать море, остался месяц до экзаменов. И она будет там: соленый запах, легкий ветер и шум прибоя. Спокойная жизнь среди таких же, как она. А он хотел все это забрать. Ради ее тела и похоти он думал обмануть Надю, сделать ее своей пленницей и рабыней. Никто не заберет ее мечту.

Удаляясь, девушка не заметила, как с методичностью киллера Сергей достал пистолет и направил ей в спину. Так и простоял, пока она не скрылась за углом, спрятал оружие и закрыл дверь в бункер. Ему надо спешить, у него оставалось не более трех часов.

В тот день Надя появилась возле проходной позже обычного, но никого это не волновало. Патрульные знали, что она – мертвец, часть их будущего рациона. Поэтому не сказали ей ничего, когда она, рыдая, подошла к воротам.

Дойдя до кровати она, не раздеваясь, забралась под одеяло и обняла ноги руками. Так, в позе эмбриона, она и проспала до двух часов дня.

Обычно день для всех на жилой зоне начинается в шесть часов утра. Но что-то случилось. Не было утреннего построения. Настроение тех, кто проснулся, можно было назвать паническим. Поговаривали о взрыве в здании Управления и о смерти Градоначальника. Из патрульных осталось лишь двое, и те заперлись возле проходной, никого не пуская. Но вот, без десяти два, на жилую зону пришел целый отряд карателей, несколько патрульных в хаки и Градоначальник собственной персоной – в военной форме, величавый, с уверенной походкой. Каратели вели кого-то, заломив руки высоко за спиной. Один из людей в хаки взял громкоговоритель и объявил:

– Сбор в два часа перед бараком!

Надю разбудила старшая по бараку.

– Скорей, скорей собирайся, выходи на собрание перед бараком! – прошипела старшая.

Наде и не нужно было собираться. Она обулась и механически побрела к выходу. В голове у нее было пусто, самой легко и спокойно. Она на время забыла вчерашний день. Ей

казалось, что нет никаких проблем и никаких забот, есть лишь удовольствие от самых простых действий.

Вот она вышла: под серым небом собралось больше тысячи грязных и напуганных людей. Напротив барака и толпы выстроились цепочкой люди в хаки и Градоначальник. Рядом коробкой стояли каратели. В центре коробки на коленях склонился какой-то юноша. Это был Сергей. Даже в крови и ссадинах на расстоянии около ста метров она узнала его и медленно стала вспоминать.

– Внимание, граждане Республики! – прогремел в громкоговоритель человек в хаки. – Сегодня к вам обратится президент!

Человек в хаки передал усилитель Градоначальнику.

– Здравствуйте, граждане! Сегодня ночью старая зараза в лице каннибализма дала о себе знать. Обуреваемый чувством мести за своих больных сородичей этот молодой людоед, – Градоначальник показал на Сергей, – решил вернуть Республику к хаосу и разгулу насилия. Коварно пробравшись в Патрульное управление, он заложил взрывное устройство и привел его в действие. Тридцать два сотрудника погибли по вине этого террориста. Почтем их память минутой молчания.

Воцарилась минута молчания. А Надя все вспоминала. И все поняла. Сергей действительно хотел убить Градоначальника. Не все вчера было спектаклем. Или спектакля не было вообще? Надя смотрела на парня с тревогой в глазах, хотя старалась не выдать своих переживаний. Сергей же глазами искал ее. Минута прошла и Градоначальник продолжил:

– Такого рода преступление не может быть прощено и забыто. За него обязательно последует кара. Мы знаем, что у людоеда есть сообщник, скорее всего среди вас, на жилой! Этот мерзкий и подлый предатель среди вас, граждане! И у нас есть подозрения. По сути, нам известно его имя. Но так как мы отличаемся от животных и каннибалов, даю возможность смягчить свою вину. Скажи о себе сам и покайся немедленно. И тогда ты сохранишь жизнь себе и каннибалу. Кара последует в любом случае, но именно от тебя зависит – останетесь вы в живых или нет. Послушай своего друга-каннибала, предатель!

Градоначальник уверенным шагом подошел к Сергею и поднес громкоговоритель прямо к его губам. Сергей же уже увидел краем глаза ту, которую искал, но, чтобы не выдать ее, впился взглядом в стену барака.

– Не говори! Вместе навсег… – каратель опять поднял связанные руки Сергея и прервал его короткую речь.

«Удивительно, как они повелись», – пронеслось в голове у подростка. Уже после всех пыток, когда его повели из Управления, Сергею предложили рассказать хотя бы, кто его навел на кабинет карателей. Разыграв спектакль, он в конце концов сказал патрульному в хаки, что не знает, как зовут того парня, но если дать Сергею возможность к нему обратиться – тот покажет себя. За это ему и его сообщнику жизнь… как бы не так. Сергей труп, он знал это. И улыбался сейчас сквозь боль вывихнутых конечностей. Морально он победил.

Градоначальник не ждал такой наглости. Буквально через несколько секунд он достал свой пистолет и прострелил Сергею голову. Еще пару пуль он вогнал уже в труп, чтобы наверняка. Вернув пистолет в кобуру, он опять обратился к собравшимся:

– Послушаешь его совета – и последуешь его примеру. У тебя день, предатель. Вечером мы придем уже за тобой.

Гробовое молчание. Каратель опустил труп Сергея, и он упал лицом в грязь. Надя смотрела на это зрелище молча, лишь глаза ее заблестели, а мысли в голове пронеслись как ураган. Незаметно она закусила губу и пальцами впилась в другую руку. На языке она почувствовала соленый привкус крови.

– Остальным же гражданам происшедшее пусть послужит примером нашего стремления к стабильности и процветанию. Никакого попустительства каннибализму! Лишь так мы сможем восстановить то, что разрушила катастрофа. Сегодняшний день официально объявлен выходным – днем траура по погибшим! Порядок и дисциплина – это то, что не дает нам скатиться к звериному существованию. Можете разойтись. – Закончив свою недолгую речь на армейский манер, он резко повернулся и зашагал к выходу с жилой.

Следующий день Надя провела в полнейшей апатии и прострации. Она чувствовала себя виноватой в смерти Сергея. Ведь если бы она не ушла тогда, он, может быть, и не решился действовать. Зная, что Надя может его выдать, он все равно сохранил ей жизнь. Любовь к этому юноше вспыхнула с новой силой, но, к сожалению, смерть обрезала все пути. Эти два дня были самыми тяжелыми в жизни Нади. Хотелось плакать, хотелось крови патрульных, хотелось все вернуть назад. По тысячному разу переосмысливая их последний разговор, она поверила. Отреклась от ложной мечты. И поклялась отомстить даже ценой собственной жизни.

Три оставшиеся до экзамена недели Надя ежедневно посещала бункер. Ключ-брелок она нашла прямо возле входа. Сергей знал, что девушка не предаст его. За эти три недели она исследовала все бомбоубежище, изучила все фотографии, прочла столько книг, сколько смогла. И перебрала всю мастерскую.

Экзамены оказались на удивление простыми. Надя специально ответила неправильно на все задания, но все равно объявили, что Надежда Корнеева сдала на отлично и с девятью другими представлена к диплому о поступлении в научную академию.

Одежду Наде выдали особую, специально для церемонии. Наряд напоминал школьную форму, но был куда откровеннее. Не исключено, что перед смертью они насилуют девушек или вообще создают гаремы. На фотографиях в бомбоубежище в камерах не было ни одной красивой, стройной девочки. Глубокое декольте на рубашке, мини-юбка, белые чулки. Она не раз видела церемонии награждения, но никогда не придавала значения, что подобную форму дают лишь симпатичным девочкам. Остальные одеты в пиджак и штаны, как и юноши.

Карманы в рубашке слишком маленькие, в юбке ничего не спрячешь. Надя разорвала свою старую майку и в каждый из лоскутов завернула небольшой железный шарик, да так, чтобы торчали небольшие медные усики. Бюстгальтер на два размера больше она заготовила заранее. Как оказалось – не зря.

Серое небо в день церемонии аж дважды дало трещину и оголило синие внутренности. Буквально на пару минут, но Надя заметила. Она сидела на своей кровати в нарядной форме и смотрела в полуразбитое окно. А девушки смотрели на ее неожиданно увеличившуюся грудь.

– Видимо, Хозяина хочет задобрить, замаливает грехи.

Она слышала их перешептывания, но не обращала внимания. В бомбоубежище осталась небольшая заметка о том, как все было. Ключ возле входа. Наконец Надя поняла, какая самая полезная книга из всех, что ей довелось прочитать.

Актовый зал возле барака. Церемония вручения дипломов. Чтобы все видели. Мышеловка для тех, кто тянется к истине и знаниям. Они, десять поступивших, сидят в первом ряду. Заметно, что у восьми на лице смесь торжества и волнения. Лишь лицо Нади ничего, кроме глупой улыбки, не показывает. Она одна тут одета в женскую школьную форму, если так можно назвать одежду из секс-шопа. Люди сзади хлопают, произносятся речи, рассказывается о близком возрождении и далекой научной академии. Вот начинают по одному звать для награждения. Лица, получившие диплом, счастливые. Они, трясясь от волнения, садятся на свои места.

На трибуне пять человек в хаки – высшие лица патруля, двое в строгих пиджаках, несколько рядовых с красной повязкой. За кулисами дожидаются черные маски, видны лишь глаза – голодные и бешеные. Дипломы вручает сам Градоначальник. Здоровый мужик лет пятидесяти. Черные волосы, маленькие глаза, сверкающие диким блеском. Сегодня он тоже в строгом, сером пиджаке. Глава серого города под серым небом.

Надю практически не обыскивали. Не так уж много мест, куда можно что-то спрятать. Да и что может сделать эта хрупкая, маленькая девушка?

Последней для вручения зовут ее. Надя встает и изящно подходит к лестнице на трибуну, так же как перед балом, поднимается наверх. Вот он, улыбается, сейчас даст диплом и крепко обнимет ее. Прицениться, нужна ли ему она или пусть заберут его холуи. В глазах похоть – Градоначальник не смо-

трит в лицо, его интересует грудь, из-за которой сорочка сидит чуть ли не в облипку.

Надя грациозно подошла к олицетворению власти. До и после Засухи. Надя потянулась за дипломом, но вместо него грациозно потянула одной рукой что-то возле одной груди, другой возе соседней. Она подняла руки в просительном жесте: на ладонях лежали две маленькие чеки с привязанными медными проволоками. Градоначальник опустил глаза. Пока его мозг лихорадочно осмысливал происходящее, Надя скинула с ладоней спусковые механизмы от маленьких противотанковых гранат и резко обняла своего «наградителя».

– Обними меня крепче… – прошептала она ему.

В голове бешено проносились мысли. Глаза Градоначальника округлились от ужаса, он попытался вырваться из объятий, но девушка крепко вцепилась в него. Люди в пятнистой форме, как и все остальные, не понимали, что происходит. Эти семь секунд Надя пережила всю жизнь заново. Она ни о чем не жалела, убежденная, что самая важная книга в ее жизни – «Краткое введение во взрывчатые вещества, саперное дело (с обзором оружия, содержащего ВВ)». Когда нерушимый гранит стабильности попытался отдать очередной приказ – прогремел взрыв.

АЛЯКСАНДР ФЯДУТА / АЛЕКСАНДР ФЕДУТА /
ALIAKSANDR FIADUTA

Нарадзіўся 3 лістапада 1964 года ў г. Гродна. Скончыў філалагічны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Кандыдат філалагічных навук (1997).

Навуковец, журналіст, палітычны і грамадскі дзеяч, паліттэхнолаг.

Працаваў настаўнікам у гродзенскай школе № 20, сакратаром ЦК ЛКСМБ, першым сакратаром ЦК Саюза моладзі, кіраўніком упраўлення грамадска-палітычнай інфармацыі Адміністрацыі прэзідэнта Беларусі, карэспандэнтам, намеснікам рэдактара «Белорусской деловой газеты», старшынёй грамадскага аб'яднання «Сацыяльныя тэхналогіі»; уласным карэспандэнтам газет «Московские новости» і «Новое русское слово». Дацэнт Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта (Вільнюс); галоўны рэдактар часопіса «Перекрёстки».

20 снежня 2010 года быў арыштаваны ва ўласнай кватэры за ўдзел у перадвыбарчай кампаніі ў якасці даверанай асобы і намесніка кіраўніка перадвыбарчага штаба кандыдата ў прэзідэнты Уладзіміра Някляева. Абвінавачваўся ў падрыхтоўцы мірнай акцыі пратэсту супраць фальсіфікацыі выбараў, якая нібыта выклікала грубае парушэнне грамадскага парадку. Адбыў у зняволенні 109 дзён.

20 траўня 2011 года быў асуджаны Фрунзенскім раённым судом г. Мінска на два гады зняволення ўмоўна. Тэрмін умоўнага зняволення скончыўся 22 ліпеня 2013 года.

Сябра Беларускай асацыяцыі журналістаў, Саюза беларускіх пісьменнікаў і Беларускага ПЭН-цэнтра.

Аўтар шэрагу кніг, у тым ліку кнігі «Лукашенко. Политическая биография» (Масква, 2005).

У зняволенні напісаў цыкл вершаў, надрукаваных у кнізе «Американские стихи» (Берлін, 2012), за якую атрымаў прэмію імя Алеся Адамовіча Беларускага ПЭН-цэнтра (2013), і кнігу ўспамінаў «Мой маленький Париж», урыўкі з якой друкуюцца ў нашай Анталогіі.

Тэксты для Анталогіі прадстаўлены аўтарам.

He was born on November 3, 1964 in the city of Grodno. He graduated from the Faculty of Philology of the Grodno Yanka Kupala State University. Aliaksandr is a Candidate of Philological Sciences (Ph.D., 1997).

Aliaksandr is a scientist, journalist, political and social activist and political strategist.

He worked as a teacher at Grodno school number 20, as a secretary of the Komsomol Central Committee, as the first secretary of the Communist Youth League, as chief of the department of social and political information of the Presidential Administration of Belarus, as a correspondent and deputy editor of *Belorusskaya delovaya gazeta*, and as chairman of the public association *Sacyalnyya technalogii*, a correspondent of the newspaper *Moskovskie Novosti* and *Novoe russkoe slovo*. Aliaksandr is an associate Professor of the European Humanities University (Vilnius) and chief editor of "Crossroads."

On December 20, 2010 he was arrested in his apartment for participating in the election campaign in 2010 as a trustee and deputy head of the campaign headquarters of the presidential candidate Uladzimir Niakliaeu. He was accused of preparing a peaceful protest against the elections' fraud, which allegedly caused gross violation of public order. Aliaksandr served 109 days in detention.

On May 20, 2011 the Minsk Frunzensky district Court sentenced him by to two years' probation. The probation period expired on July 22, 2013.

A member of the Belarusian Association of Journalists, the Union of Belarusian Writers and the Belarusian PEN Center.

Author of several books, including the book *Lukashenka. Palitychnaya biagrafia* (*Lukashenko. Political Biography)* (Moscow, 2005).

In detention he wrote a series of poems that were published in the book *Amerykanskaya paeziya* (*American poetry)* (Berlin, 2012) for which he received the Ales Adamovich Prize established by the Belarusian PEN Center (2013) and a book of memoirs *Moj malenki Paryzh* (*My Little Paris)*, fragments of which are published in our Anthology.

Texts for the Anthology were submitted by the author.

МАМА. ГОРЬКИЙ РОМАН

Глава из книги воспоминаний «Мой маленький Париж»

– Что с тобой?

Большая тёплая женская рука трогает мой лоб, гладит глаза, лицо. Мама. Мне четыре года.

– Что с тобой?

Мне плохо. У меня температура. Мама трогает мой лоб.

Я – поздний ребёнок. Мама родила меня, когда ей было 39 лет. Я потом спрашивал её, почему так поздно – рискуя здоровьем и жизнью, через кесарево сечение. Она ответила жёстко:

– Боялась, что некому будет похоронить.

Она умела быть жёсткой. Это было такое поколение.

Моя мама, Валентина Иосифовна Федута, родилась 31 декабря 1925 года в Гродно. Дед мой, Иосиф Тарасович, работал на табачной фабрике сторожем; бабтя, Екатерина Карловна, – санитаркой в больнице. Их заработка хватало, чтобы прокормить пятерых детей, из которых моя мама была старшей.

Я не успел толком расспросить её, ни тем более бабтю Катю о жизни в межвоенном Гродно. О ней мне рассказала фотография из зелёного разваленного временем альбома. Молодая красивая черноволосая женщина в модной шляпке с вуалеткой, в пальто по варшавской моде с воротником из чернобурки (как положено, с мордой и лапками) стоит рядом с двумя аккуратно одетыми девочками – моими тётками Раей и Галей. Так могла себе позволить одеваться бабтя Катя, санитарка, жена фабричного сторожа. Я помню её в старости, пенсионеркой, – там, в Советской Белоруссии, ей было уже не до чернобурок.

Маминых снимков того времени не сохранилось. Сохранились обрывки воспоминаний. Она рассказывала мне, как училась в школе. Рассказывала с гордостью, потому что учи-

лась хорошо. По её словам, удовлетворительные оценки были только по польскому языку. «Пани научителька» говорила:

– Як то быдло бялоруске може ведзець ензык Мицкевича?!

Я всегда думал, что это преувеличение, что так не могла говорить учительница словесности – носительница высокой культуры. Поверил, когда комментировал воспоминания Алексея Карпюка.

Но польский язык мама знала хорошо. И в старости сериалы по польскому телевидению смотрела часами напролёт, плача вместе с рабыней Изаурой, заговорившей «ензыкем Мицкевича» намного раньше, чем языком Пушкина.

Потом началась война.

Уже когда оба мы жили в Минске, и я как-то раз пришёл к ней, и говорить было не о чем, потому что был 1996 год, и шёл конституционный кризис, и в принципе маме всё было понятно лучше, чем мне, я спросил:

– Ты помнишь начало войны? Ну, 22 июня, ровно в четыре часа…

– Ты не понимаешь, – сказала она. – Война началась в 1939 году. А в 1941 году просто пришли немцы.

Вот так. Просто пришли немцы. Она сказала об этом буднично, как если бы она всегда так говорила.

Впрочем, многое о войне мама успела мне рассказать. Не о довоенном, но уже советском Гродно, а о той войне, которая стала частью её жизни. Её судьбы.

Вначале немцы особо не зверствовали. Это была первая власть в городе за три года, жители были политически индифферентны – потому что Советы и фашисты в принципе казались им одинаковыми. Евреев из Гродно начали выживать ещё поляки, а остальным в 1941 году разницу на себе почувствовать ещё не довелось. Вместо русской зазвучала немецкая речь – вот и всё.

Бабтин домик, деревянный, на три комнатки, выкрашенный голубой краской, стоял на улице Левобережной, напротив лесопилки. Мои дядьки, Колюсь и Толюсь, бегали на лесопилку купаться в опилках – белых, пахучих, мягких. Когда на лесопилке появились первые пленные советские солдаты,

бабтя дала сыновьям несколько домашней выпечки булок и велела отнести оборванным и измотанным пленникам. В первый раз это сошло, но во второй немец, следивший за тем, чтобы никто не приближался, дал длинную автоматную очередь поверх их голов. Перепуганные мальчишки разбежались и потом боялись прийти домой: им казалось, что страшный немец с автоматом в руках ждёт их прямо за забором, спрятавшись в густых кустах, усеянных жёлтыми, похожими на взъерошенных цыплят цветами, которые росли там же ещё лет пять после того, как домик, давно проданный бабтей, уже был снесён, а на его месте так ничего и не построено…

О том, что маму угоняли в Германию, она мне не рассказывала, пока я не поступил в 1981 году в университет. Пришёл домой и сообщил, что заполнял личный листок по учёту кадров. Мама занервничала:

– Там есть графа: были ли родственники интернированы. Что ты написал?

– Написал: нет.

– Это неправильно. Меня угоняли в Германию.

– Какая разница?

Разница была существенная. Я её пока не ощущал, но мама уже знала, что к чему. Но об этом позже.

Её угоняли дважды. Она была старшей дочерью. Отец, мой дед, пропал без вести. Возможно, его догнала шальная смерть от осколка немецкой бомбы, хотя мой кузен, сын дяди Толи, тоже Александр, и утверждал, будто дед Юзик, пользуясь военной неразберихой, сбежал в Польшу, подальше от Советов, обзавёлся там новой семьёй, оставив бабтю с пятью детьми, и жил потом за границей если не счастливо, то, во всяком случае, долго. А тогда моя мама оставалась единственной опорой бабти.

В первый раз, собственно говоря, маму угнали не в Германию, а на западные земли Польши, отданные фольксдойче. Мама работала там на какого-то Бауэра. До сих пор не знаю, была ли это фамилия, или просто немецкое слово, обозначающее хозяина. Случилось это в 1942 году. Но хозяин плохо относился к ней, поколачивал, кормил скверно – и мама, пятнадцатилетняя девчонка, не выдержав всего этого, прос-

то ушла от него домой. Шла пешком, ехала на попутках. Под Белостоком возле неё остановился грузовик с немецкими солдатами. Офицер, ехавший в кабине рядом с водителем, поинтересовался, куда идёт фройляйн. Она ответила, что домой. Он вышел и предложил занять его место в кабине, а сам поднялся в кузов, к гогочущей солдатне.

Так мама доехала до Гродно. Дошла до бабтиного дома. Бабтя спросила, что она делает здесь, в Гродно. Ответ заставил её побелеть. Она схватила дочь за руку и, благо, было уже темно, отвела к своей подруге, имени которой я так никогда и не узнал. Мама говорила о ней как о бабушке Сенкевичёвой.

Утром маму разбудил стук в окно. Стучал соседский мальчишка:

– Валю, Валю! Там твоих повели!

«Твоих повели». Куда? Это было понятно. Маму привезла карательная команда, приехавшая в город. Бывают и такие совпадения. Весть о её побеге от хозяина догнала её и вот таким страшным стуком в оконное стекло предупреждала об опасности, угрожавшей матери её, братьям и сёстрам. Нужно было успеть.

Бабушка Сенкевичёва жила на дальнем конце нынешней улицы Краснопартизанской. Расстояние небольшое, гродненцы знают. Но когда моя, уже шестидесятипятилетняя, мама рассказала мне эту историю, я представить себе не смог, как она сумела пробежать его – с такой скоростью за такое время. Хотя мою семью при мне никто и никогда не «водил» вот так – ни к стенке, ни просто в полицейский участок…

Маму допрашивал старый немец, работавший в комендатуре, кажется. Разговор был вполне в духе сорок второго года: уже после Москвы, но ещё до Сталинграда. Да и вообще – до поры на «новых советских» (то есть бывших польских) землях фашисты старались особо не зверствовать: партизан не было, а стало быть, не было и нужды в тотальном запугивании.

– Почему ушла от хозяина? – спрашивал немец маму.

– Не кормил, бил.

– А если кормить будет – работать будешь?

Что она должна была отвечать?

– Буду.

Она пробыла с бабтей ещё месяцев восемь. Потом, гласит семейное предание, её опять угнали – на этот раз в Кенигсберг, где она и пробыла до начала наступления советских войск на Восточную Пруссию. А там хозяйка – молодая вдова убитого на Восточном фронте за полгода до того лейтенанта – дала ей немного денег, какие-то вещи и добилась пропуска по немецкой территории. Домой. Ей уже всё было понятно… И мама дошла до Гродно во второй раз.

Как живое подтверждение этой истории – сохранившееся у меня блюдо из пробкового дерева, которое тот самый лейтенант привёз из Африки, где он служил до своего последнего похода. И воспоминания о том, как мама возила меня в Калининград – уже когда я закончил седьмой класс. Она показала мне тогда и место, где стоял дом, в котором она жила, и могилу Канта – вернее, то место, где она находилась до переноса. Я не понимал, откуда она это знает: ну, знает – и знает, была здесь когда-то до меня и без меня. А когда? И почему?..

Она вернулась домой после пребывания в лагере для интернированных. Эта страница её жизни мне практически не известна: мама никогда о ней не вспоминала. Обычно говорила сразу про 1946 год – когда, доучившись последний возможный год, поступила работать на гродненскую «табачку».

С «табачкой» история была странная. Маму должны были туда взять, как говорится, по-любому: дед там ведь работал. Но и деда уже не было, и фабрика забыла о тех временах, когда принадлежала Шерешевским. На фабрике, уже государственной, работали новые люди. Директором чуть ли не с самого послевоенного её начала был Павел Петрович Сергеев.

Сергеева я помню уже старым. Он производил какое-то круглое впечатление: невысокого роста, уверенный в себе, полный – я бы сегодня сказал, «хрущёвообразный». Но это – начало семидесятых годов. А когда мама говорила об их общей фабричной молодости, глаза у неё загорались. Вероятно, так же горели они и у самого Сергеева.

Сергеев не имел высшего образования, и это давало шанс всем, кто тоже его не успел получить. Мама образованных

людей уважала и ценила. Но самой ей диплом и заветный «ромб» на лацкане получить не довелось, поэтому в моей «корочке» она видела как бы моральную компенсацию за все собственные неоправдавшиеся надежды. Но сама она была молода, умна, энергична и фабричную карьеру начала делать стремительно. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в 1949 году она получила рекомендацию в партию.

Дальше в моей памяти опять следуют какие-то обрывки её рассказов. Отбыв кандидатский стаж, мама якобы дошла до бюро горкома партии. Там её развернули с вопросом, сакраментальным и пугающим одновременно:

– А почему, когда вас угоняли в Германию, вы остались живы, когда все честные люди погибли?

Ну, вот и что отвечать на такой вопрос?

Оттуда, из тех же времён всплывают и две «комсомольские» фамилии, которые маму в ходе всей этой истории «спасли». Это Адам Могильницкий, будущий генпрокурор БССР, чью карьеру бесславно оборвёт «витебское дело», и Александр Аксёнов, будущий премьер машеровской Беларуси, оба уже покойные – хотя с обоими я успел познакомиться спустя многие годы. Об Аксёнове мама вспоминала всегда с искренней нежностью: он был секретарём Гродненского обкома ЛКСМБ в те времена. И когда, уже как глава правительства, он приехал на «табачку» и заметил двух стоявших в толпе фабричной номенклатуры молодых ещё и эффектных женщины, то сказал Сергееву:

– Это же мои комсомолочки!

И обеих пригласил к директору на чаепитие.

Потом, в минской уже жизни своей, я напомнил Аксёнову всю эту историю. Александр Никифорович даже вспыхнул от радости:

– А мама Ваша – беленькая или чёрненькая?

Он и сам всё помнил. Мама была беленькой. Чёрненькой, черноволосой лисичкой, была её подруга тётя Вера, Вера Савельевна Кардабнёва. Они обе стояли тогда в толпе, встречавшей председателя Совета Министров.

Но это тоже было уже значительно позже – чуть ли не в 1978 году, когда Гродненскую область наградили орденом

Трудового Красного Знамени – как и маму, по случаю юбилея Гродно. А тогда, в 1949 году, ни Аксёнов, ни тем более моя мама не могли даже надеяться на благополучный исход всей этой истории. Тем более что ею занялись доблестные «щит и меч пролетарской диктатуры»: маму ежемесячно вызывали в «органы» и задавали всё тот же сакраментальный и пугающий вопрос:

– А почему вы остались живы?

Действительно. Почему? И почему не пытаетесь покончить с собой прямо в кабинете с грозным портретом «железного Феликса» на стене? А ведь надо бы, надо бы, раз уж, один хрен, иначе чем собственной кровью грех жизни (ибо жизнь вне решения партии и правительства – грех) не искупить…

Потом, уже в горбачёвскую эпоху, когда начали давать льготы малолетним узникам фашистских концлагерей и лекарства становились всё дороже, а пенсия – всё ничтожнее, маме понадобилось получить справку из КГБ: да, угоняли. Она отбивалась от этой мысли с упорством, явно заслуживавшим лучшего применения. Но я уговорил её. Она согласилась поехать на улицу Тельмана. Но когда я, зная состояние её здоровья, предложил ехать вместе, запротестовала:

– Нет! Тебя посадят.

Шёл 1990 год. Я был членом ЦК ЛКСМБ и лауреатом премии областного комсомола, делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, выпускал как учитель русского языка и литературы двоих сыновей предгорисполкома Семёна Домаша – Сашу и Диму. А уж если учесть культивированную наглость и знакомство с хозяином области Владимиром Семёновичем…

– Нет! Тебя посадят.

– Кто?! И – за что?!

Мама ничего не стала мне объяснять. В ней жил страх, порождённый прошлой эпохой. Но сформулировать такое ей было трудно. Поэтому она молча оделась, вышла на улицу и пошла по направлению к автобусной остановке.

Она не вернулась и через два часа.

Гродно – небольшой, компактный город. Полчаса – от улицы Мира до улицы Тельмана. Полчаса там. Ну, ещё полчаса на переходы, и столько же – назад.

Я начал волноваться.

Через час к подъезду нашей «хрущёвки» подъехала «Волга». Вежливый молодой человек, чуть старше меня, вывел из машины маму и помог ей подняться на третий этаж. От мамы пахло валокордином: когда она пила свои 26 капель, рука дрогнула и капли пролились ей на кофточку.

Она вошла в квартиру, легла на диван. В 1997 году она умрёт на этом же, обитом красной материей диване, переехавшем с ней из Гродно в Минск. Она и тогда лежала на нём молча, без движения, с закрытыми глазами – как мёртвая. И только через полчаса, всё так же, не раскрывая глаз, сказала:

– Спасибо Горбачёву.

Потом, придя в себя окончательно, рассказала. Она прошла в здание КГБ, попросила объяснить, где можно получить справку. Ей назвали номер комнаты. И, войдя в ту комнату и бросив взгляд на стену, она узнала портрет Дзержинского – тот, что висел на другой стене в другом кабинете, с 1949 по 1956 год, когда её вызывали ежемесячно и задавали один и тот же вопрос. И даже мебель была расставлена так же – другая мебель, по-другому, но – так же.

И ей стало плохо.

Она была гипертоничкой. Первый криз, оставшийся в моей памяти, – криз 1972 года, когда мне, мальчишке, звонившему в «скорую», не поверили и пришлось будить нашего соседа, дядю Борю Мироновича, кавалера ордена Ленина, чтобы он своим звучным матом заставил «скорую» всё-таки приехать. Это было страшное зрелище: мама лежала белая и я чувствовал приближение смерти.

Так было и сейчас. Но рядом оказались люди, которые испугались ещё больше. Вызвали врача, отпоившего маму валокордином. Взяли у неё, когда она пришла в себя, заявление, из которого было понятно, какая именно справка ей нужна. Один из тех, кто приводил её в чувство, поинтересовался:

– А кем Вам приходится Александр Иосифович? – И, увидев, как она опять начинает бледнеть – теперь уже от страха за меня – поспешил успокоить: – Он учит моего младшего брата.

Я до сих пор не знаю, кто именно это был.

Маму привели в себя, усадили в какую-то служебную машину и отправили домой. Напоследок сказали, когда будет готова справка.

– Спасибо Горбачёву.

Эти её слова в адрес человека, которого она не любила и называла балаболом, были словами благодарности тому, кто избавил её от страха – в тот момент, когда ей налили 26 капель валокордина в здании гродненского УКГБ.

Страх – страх за меня – вернулся к ней осенью 1996 года.

Точно так же страх нахлынет на мою тёщу в январе 2011 года – когда она поймет, что меня арестовали больше, чем на сакраментальные пятнадцать суток.

Мама любила меня. Это была очень трезвая любовь. Когда в апреле 1997 года шли поминки по маме и моя двоюродная сестра, дочь тёти Гали, Лорка, сказала о слепоте материнской любви, ей возразил мой научный руководитель доцент Гродненского университета Игорь Вячеславович Егоров:

– Неправда! Любовь Валентины Иосифовны не была слепой: она знала все Сашины недостатки.

Так оно и было. Но и любила меня она беззаветно.

Мне позволялось многое. Мама никогда, например, не отказывала мне в просьбах. Но я знал, что нужно просить. И просил – книги.

Когда мне исполнилось шесть лет, она привела меня в маленький книжный магазинчик на улице Горновых, над Старым мостом. Улица вела от бабтиного дома до «табачки», путь был, так сказать, семейный. В магазинчике, состоявшем из двух маленьких торговых комнат и совсем уже микроскопической подсобки, царили две продавщицы – Елена Николаевна и Анна Михайловна, темноволосая и рыжая. Мама привела туда, показала им меня, позволила мне самому выбрать себе книгу. И сказала:

– Если Саша будет просить оставлять книги до вечера – оставляйте. До трёх рублей.

Это был мой лимит в шестилетнем возрасте. Три рубля в неделю на книги. Почти бутылка водки.

Я шёл из дома – тогда мы жили в «табачном» доме по адресу: улица Мира, дом 3, – и обязательно заходит в «свой»

книжный. Елена Николаевна и Анна Михайловна показывали мне новинки. Я был самым молодым покупателем, вероятно, за всю историю магазина. Я откладывал книгу и бежал к маме на работу, на «табачку». Из цеха выходил кто-нибудь из маминых подруг-сослуживиц: тётя Зина Коврах, тётя Лида Бутримович – и меня вели в цех.

Мама работала мастером папиросного цеха. Цех был на хорошем счету, поэтому Павел Петрович внёс маму в кадровый резерв. К тому времени она была уже партийной. Именно на партийную её сознательность и надавил Сергеев, когда уговорил бросить налаженный цех и уйти старшим мастером в сигаретный. Сигаретный цех был дырой. Ни один начальник, несмотря на все его высшее образование, не мог с ним справиться. Мама понимала, что это верный проигрыш, но Сергеев пообещал ей квартиру из подменного фонда. И она согласилась: ради меня.

В цеху пахло табаком. Это не запах табачного дыма – это свежий запах сухого табака, который я и по сей день помню – не умом помню, не памятью, а носом. Мама никогда не курила сама – и не курю я. Так вышло. Когда я был в шестом или седьмом, не помню, классе, она усадила меня перед собой.

– Куришь?

– Нет.

– А мальчишки в классе?

Двое курили. Но мама была председателем родительского комитета школы, и проще было сразу пойти и наябедничать директору. Я молчал.

– Понятно. Вот, ставлю пачку в сервант. Захочешь выкурить – возьми сигарету. Они попросят – возьми, сколько нужно, и отнеси.

Та пачка гродненского «Космоса», самых дорогих сигарет, простояла до конца десятого класса. А там мама демонстративно сняла её со стеклянной полки:

– Теперь сам за себя отвечаешь. Хочешь – кури.

...Я проходил в цех вслед за тётей Зиной или тётей Лидой. Мама сидела вместе с другими мастерами в стеклянной комнате, где шум работающих машин был меньше слышен. Она

говорила по телефону. Сохранилась фотография тех времён, где она говорила по телефону. Но мне всегда казалось, что в цеху, когда я приходил, она продолжала какой-то вечный разговор. Потом оставляла трубку и вопросительно смотрела на меня:

– Ну?

– Дай рубль. Книги привезли.

Мама знала: среда – значит, привоз был. Уточнив, какую именно книгу на этот раз я собираюсь купить, она давала мне требуемую сумму. И я, осчастливленный, бежал в «свой» магазин.

Раз в год, по случаю окончания очередного класса, она делала мне подарок. Это мог быть, например, рижский бобинный магнитофон «Дайна» с вынесенным микрофоном и огромными, как мне казалось, катушками с плёнкой. Я спалил его в первый же вечер, когда мама была во второй смене: воткнул в розетку не шнур, а переходник к телевизору, с двумя болтавшимися на проводках латунными наконечниками. «Дайна» задымила, и я едва успел выдернуть переходник.

В другой раз мама купила мне стереопроигрыватель с двумя роскошными, как мне казалось, колонками и всякие детские пластинки. Особо я любил слушать «Карлсона» с божественным Литвиновым в главной роли, и «Мюнхгаузена» с Пляттом и Цейцем. Плятт и Цейц сами казались мне сказочными персонажами, но я уже знал, кто такой Плятт, а как выглядел Цейц, не знаю до сих пор.

Но за все эти подарки я должен был хорошо работать. Моей работой была учёба. Мама использовала принцип хозрасчёта: хочешь получить подарок – учись. А так как учёба давалась мне легко, то я чувствовал себя просто миллионером без копейки в кармане.

Летом мама обязательно возила меня куда-нибудь. Гродно и сам по себе казался мне огромным миром, хотя сейчас я уже знаю разницу между ним и, скажем, Токио. Но тогда любая поездка была безумной мечтой. За годы учёбы я дважды побывал в Ленинграде, дважды в Москве, в Киеве, Вильнюсе, Риге, Минске, Бресте. Мама уходила в отпуск в августе – и мы садились в автобус, который давал фабком её цеху как веч-

ному победителю соцсоревнования, и вместе с оравой народа – Мироновичами, Сегодниками, Коврахами, Шевченко – ехали. Помню, как по пути, кажется, в Киев мы заночевали в поле – и проснулись от фар комбайнов, вышедших ночью на уборку.

Последним нашим совместным путешествием была поездка в Москву на зимних каникулах 1981 года. Мама уговорила фабком оплатить нашему классу, как лучшему в подшефной школе, билеты на поезд. Это была вполне невинная хитрость: я собирался поступать в ГИТИС на театроведение. Я даже пришёл в ГИТИС, взял какую-то брошюру с правилами и программами. Но всё оказалось напрасно. Мама заболела, и я остался в Гродно.

Это было понятно. У нас с ней больше никого не было. Только мы – друг у друга.

Отца своего я не знаю. Я старался не говорить с мамой на эту тему. Мне было неудобно. Однажды во дворе я подрался с мальчишками, которые прыгали вокруг и кричали:

– А у тебя папы нет!

– Есть, – плакал я. – Только он с нами не живёт!

– Неправда! – тут же кто-то возразил мне. – Мой папа с нами не живёт, но он ко мне приходит!

Крыть было нечем.

Примерно за год до своего переезда из Гродно в Минск я спросил её:

– А кто мой папа?

Был, кажется, август. Сумерки. Мы сидели без света – только мерцающий экран «Горизонта» светился на фоне балконного стекла.

– Тебе плохо со мной? – спросила она после долгой, как у Джулии Ламберт, паузы.

– Нет, но…

– Тогда не спрашивай.

И я больше ни разу не спросил.

Но папу я себе воображал. Как правило, мне хотелось, чтобы он был таким, как кто-нибудь из маминых сослуживцев. Иногда – дядя Вася Шевченко, иногда – дядя Илья Расторгуев. Это были чужие папы, а мне хотелось своего, но

похожего. Больше всего я хотел, чтобы он был похож на дядю Володю Сегодника.

Дядя Володя, как я узнал значительно позже, был одно время действительно влюблён в маму. Во всё том же зелёном альбоме сохранился снимок, где они вместе празднуют Новый год. Они были бы очень красивой парой.

– А почему ты не вышла за дядю Володю?

– Ну, он молчун в молодости был. С ним было скучно. Если бы был такой, как сейчас, – конечно, вышла бы.

До сих пор не знаю, правду ли она говорила тогда. Но и потом дядя Володя, уже женатый человек и главный механик цеха, держал над мамой негласное шефство. До сих пор у меня дома стоит сколоченная им маленькая табуретка – специально для меня. Когда мои многочисленные двоюродные братья собирались у нас, была драка за право сидеть на ней. Мама и бабтя разнимали нас:

– Саша, отдай табуретку Вове (Вите, Юре, Толику)! Ещё насидишься.

Где им было понять эту детскую ревность собственника, стремящегося утвердиться в своих правах именно сейчас – на глазах у галдящих и выхватывающих драгоценную «движимость» кузенов!..

Главным праздником моего детства была первомайская демонстрация. Рано утром мама будила меня и мы шли на фабрику. Там выстраивалась колонна: впереди руководство «табачки» во главе с безумно похожим на Черчилля Сергеевым, потом – цеха. Мамин цех, вечный победитель, шёл первым. Мама светилась, и все вокруг светились бесконечной радостью. Гелием надувались огромные, как мне тогда казалось, цветные шары. Их привязывали на тонкие ветки с только-только распустившимися листочками, а если весна была ранней – то цветами черёмухи. Играл аккордеон, тётя Лида Бутримович и тётя Вера Кардабнёва улыбались, дядя Володя Сегодник курил сигарету. Павел Петрович Сергеев оборачивался:

– Валя, у тебя порядок? Тогда пошли.

И колонна двигалась вперед, с шарами, цветами и транспарантами. Цветы были из красочной папиросной бу-

маги, огромные, театрально прекрасные. Их лепестки накручивали на карандаши, чтобы придать им дополнительную лохматость. Я приносил иногда несколько таких в школу.

Колонна «табачников» проходила через Старый мост, сворачивала на улицу Парижской Коммуны, оттуда – через Социалистическую – на Ожешко, возле главного кинотеатра в моей жизни – «Красной Звезды». На Советской улице образовывалась пробка: колонны предприятий и учебных заведений выстраивались в очередь сообразно местам в соцсоревновании. «Табачка» приносила большие деньги государству, но она была «вредным» предприятием, поэтому вперёд её не пропускали. Мы стояли в пробке час, другой, радостные и счастливые. Мама смеялась и шутила. Она была ещё молодой – около пятидесяти лет. Всё было впереди. Или казалось, что было впереди.

...Я не помню, когда ушёл в отставку Сергеев и на фабрику назначили нового директора – Игоря Иосифовича Богдановича. Тот был человеком с высшим образованием, старым бездипломным сергеевским «кадрам» не особо доверял. И если при Сергееве мама – старший мастер цеха – была его полновластной хозяйкой, то Богданович её отодвинул. Должность начальника цеха, требовавшая образования и потому долго вакантная при Сергееве, была заполнена. Это было понятно: маме давно уже стукнуло 50 лет, а для женщин-«табачниц» это пенсионный возраст. Мама поворчала, но пошла к Богдановичу и попросила его дать ей доработать, пока я не закончу школу и университет. К чести Игоря Иосифовича, он не стал мстить маме, превратившейся в лидера кухонной оппозиции, хотя икать ему, когда она с подружками перемывала косточки нового директора, приходилось, вероятно, не раз. Маму оставили, но перевели в табачный, а потом в тарный цех. Это было понижение. Но выхода не было: или гордость, или заработок. Выбирать не приходилось.

За всю свою трудовую жизнь – а «табачке» мама отдала свыше 35 лет – Валентина Иосифовна Федута заработала три тысячи советских рублей. Именно столько она сумела отложить на сберкнижке. Эта цифра обладала некоей сакральностью. Сама мама говорила так:

– Три тысячи. Тысяча тебе на учёбу, тысяча на свадьбу, тысячу мне на похороны.

Ни на свадьбу мою, ни на мамины похороны эти деньги тратить так и не пришлось. Деньги закончились при маминой жизни и еще до моей свадьбы. То есть номинально они еще были, но фактически эти гроши деньгами уже не были.

Гайдаровские реформы, пылинкой втянувшие в себя суверенную Беларусь, маму разорили, но она этого не поняла. Потратив тысячу на то, чтобы студент Александр Федута не чувствовал дефицита средств во время учебы, она держалась за остатки счёта на своей сберкнижке с тем упорством, с которым утопающий хватается за лопнувший, но не успевший сдуться спасательный круг. На все мои призывы приватизировать нашу гродненскую «полуторку» мама отвечала категорическим отказом. Сломало её утро 7 января 1992 года, когда я провожал ее из Минска на родину. Я должен был ехать в Речицу на какой-то педагогический семинар, поэтому мама, встретившая Новый год у меня, в неурочный день собралась в Гродно. Мы стояли возле автобуса, спорили, как вдруг водитель автобуса сделал громче радио. И мы услышали, что однокомнатная квартира в Москве продана за астрономическую по тем временам сумму – двадцать тысяч долларов…

Мама замолчала. Она перевела двадцать тысяч долларов в рубли по тогдашнему заклинивавшему курсу – и слова закончились как-то сами собой. Вдруг закончились.

Она уехала. И через две недели дозвонилась ко мне на работу, чтобы сказать о принятом решении: квартиру она всё-таки приватизирует.

Мама никогда не представляла себя собственницей чего-нибудь. Она выросла в синем бабтином домике, потом получила комнату в фабричном общежитии, куда и привезла меня после родов. Там я и вырос, по крайней мере, оттуда понесла меня в фабричные ясли. А мама убегала на работу, оставляя меня на попечение Варвары Ивановны Шевченко – соседской бабушки, чей младший внук Колька стал для меня единственным другом детства. Варвара Ивановна была главным консультантом в деле воспитания позднего маминого чада – меня.

Семейная легенда донесла до моей нынешней, слегка ослабевшей памяти эпическую сцену, когда молодая 39-летняя мамаша решила добавить в рацион сына немного витаминов. Соков и пюре в их нынешнем ассортименте тогда не было, и мама решила обойтись подручными средствами. Близился Новый 1965 год, на фабрике раздавали подарки – и на меня выдали традиционный набор конфет и два маленьких буро-рыжих абхазских мандарина. Очистив один, мама решительно выдавила в ложку дольку, отпила часть, а оставшуюся часть сока влила мне в рот. Через мгновение раздался рёв младенца, по силе перекрывавший пожарную сирену. Влетевшая в комнату Варвара Ивановна застала маму, рыдающую над орущим и судорожно дрыгающим конечностями мною.

– Валенька, что случилось?!

Мама, сама заходясь от слёз, рассказала Варваре Ивановне, как попыталась угостить меня соком. Колькина бабушка смеялась долго:

– Нужно было тёплой водичкой разбавить!

Больше «сирен» не было. А мандарин до сих пор – главный фрукт моей жизни.

Потом мама въехала в однокомнатную квартиру по улице Мира, дом 3. Это тоже была «коммуналка» табачников – Мироновичи, Радевичи, Тиунчики, Артишевские, Расторгуевы жили там, и ощущение было, что все они со смены на смену ходили дружной толпой – благо, идти до «табачки» было всего ничего. Мы смотрели телевизор у Мироновичей, с дочками-двойняшками которых, Светой и Наташей, я дружил. Улицей ниже, на Краснопартизанской, жила их бабушка, у которой была чёрная большая собака, объект моей тайной зависти. Я очень хотел собаку. И когда у неё появились щенки, Светка и Наташа принесли маленького чёрного щеночка, с белым «галстучком» и белыми «чулочками». Напуганный щеночек скулил, как только его клали в коробку или на пол, и успокаивался, чувствуя человеческое тепло. Я назвал его Мухой.

Мама пришла вечером, усталая. Неодобрительно посмотрела на Муху, которого я держал в руках и радостно протягивал ей.

– Ну, будешь воспитывать.

Воспитатель из меня был хреновый. Муха скулил весь вечер, пока маме не стало плохо. Она легла на тахту, протерпела час и категорически потребовала:

– Иди, буди дядю Борю!

В десять часов вечера, или около того, зарёванный, я стоял на пороге 58-й квартиры. Дядя Боря сурово принял коробку с устало скулящим Мухой:

– Давай. Завтра приходи – поиграешь.

Но с Мухой увидеться мне было не суждено. Ночь скулежа в двухкомнатной квартире Мироновичей привела к тому, что ранним утром сёстры-двойняшки были выставлены за дверь вместе со щенком, которого и отнесли к бабушке.

Так единственный день в жизни у меня была собака.

Мама была не против домашних животных. Но в цеху ей хватало шума, поэтому соглашалась она в лучшем случае на тупо молчащих, хотя и очень красивых, рыбок. И то – при условии, что я сам буду заниматься аквариумом. А увлечения у меня менялись раз в месяц – кроме книг и театра, поэтому мама никогда не спешила с выполнением моих просьб. Даже отдав меня учиться игре на пианино (музрук детского сада Валентина Ивановна утверждала, что у меня есть слух), она не стала торопиться с покупкой дорогостоящего инструмента и, как показал опыт, правильно сделала. Моя карьера виртуоза закончилась бурным исполнением кантаты «Ва-си-лёк, ва-си-лёк, мой лю-би-мый цве-ток!», а до «Собачьего вальса» дело даже не дошло.

Зато мне разрешили ходить в танцевальный кружок. Руководительница, наша учительница ритмики Евгения Валентиновна, была хорошим педагогом, и мне нравилось танцевать. Это дело я люблю до сих пор, так что моя жена одно время уверяла меня, толстое и неповоротливое существо, что я соблазнил её во время танца. Но в танцевальный кружок я проходил всего один сезон: мама, в неурочный час явившись с работы, обнаружила, что юный разгильдяй ушёл холодным октябрьским вечером на танцы без куртки. Она ворвалась в танцевальный зал на первом этаже школы, отчехвостила меня и заставила уйти из кружка – в наказание.

Мама гордилась моими успехами. Она не смогла получить образование. Фабрика послала её в 1953 году на Высшие курсы пищевой промышленности в Москву, где она чуть не погибла во время похорон Сталина. Но мама мечтала о другом. По её рассказам, в детстве ей хорошо давалась математика, поэтому с моей учительницей математики Галиной Серафимовной Янчевской она нашла общий язык. Грамоты за участие сына в городских и областных олимпиадах она складывала в свою Почётную грамоту Верховного Совета БССР, подписанную Федором Сургановым. А второе место на республиканской олимпиаде по русскому языку и вовсе решило мою судьбу. Если уж мне не было суждено поступить в московский или ленинградский вуз (мама трезво смотрела на своё материальное благополучие и понимала, что в одиночку вытянуть столичное образование сына не сможет), то, во всяком случае, в родном городе я был просто обречён на университет. Если не на истфак (он считался блатным факультетом), то на филфак.

– А если не поступлю?

– Пойдёшь ящики бить на «табачку», – жёстко говорила она.

Как и пристало фабричному человеку, мама с уважением относилась к любому труду. Но угроза отправить меня бить ящики в тарный цех «табачки» была для неё признанием собственного жизненного краха. Её единственный сын должен был честно, без блата, без взяток поступить и учиться в университете. Ради этого она жила. И когда в 1997 году, умирая после инсульта, синими истончившимися губами будет она шептать что-то непонятное для меня, Марина, моя жена, поймёт её и так же жёстко, как когда-то мама, пообещает:

– Саша защитит диссертацию, Валентина Иосифовна, я обещаю…

И, глядя на успокоившуюся после этих слов старую седую женщину с белыми худыми руками, которая всего неделю назад была такой же сильной, гордой, уверенной в себе, как и в моём детстве, я понял, что Марина всё правильно если и не прочитала по её губам, то – угадала.

Мама не хотела переезжать в Минск. Он был для неё чужим и холодным городом. Всю жизнь прожила она в Гродно и, вросшая всеми возможными для человека корнями в гродненский треугольник – улица Мира, «табачка», улица Поповича, где жил и совсем недавно умер, обезноженный, но не потерявший, как и мама, жёсткости характера мой крёстный отец и муж её любимой младшей сестры Гали, Николай Степанович Свистун, мама просто не понимала, как можно уехать в другой город. «Другой» – это как конец жизни. Вне Гродно можно умереть, но жить – нельзя, она была в этом уверена.

– А если всё закончится? – повторяла она мне, как заклинание. – Куда ты вернёшься? Нужно ведь, чтобы было куда вернуться! А тут у тебя будет квартира. Тут – все свои.

Гродно был для неё «своим». День маминой старости проходил на телефоне. Утро начиналось со звонка «табачникам»: Вере Савельевне Кардабнёвой, Лидии Ивановне Бутримович, Марии Александровне Сафроновой… Они обсуждали производственный процесс с таким жаром, как если бы всё ещё работали на фабрике. Ревность к тем, кто пришёл на их место, была откровенной и оправданной. Трудно смириться с тем, что ты вдруг перестал быть нужным – я это знаю по себе.

Потом шли звонки родне. Сестре – в Друскининкай, племянницам, моим кузинам, – по городу.

Потом она занималась моими делами. Мама была идеальным секретарём. Органайзеров не было, и она была моим органайзером.

– Позвонила Автухович, перезвони ей. Ты не забыл, что у тебя встреча с Егоровым? А что хотела Левина?

Мои друзья становились её сыновьями. Володя Лявшук заменил ей меня после моего отъезда в Минск. Он и позвонил мне в начале декабря 1995 года:

– Валентину Иосифовну положили в больницу. Приезжай.

Я приехал.

Мама сидела в палате той самой 2-й городской больницы, где всю свою жизнь проработала санитаркой бабтя Катя. Невидящими глазами она смотрела мимо меня и молчала.

– Это я. Мама, это я.

Она молчала. В ней говорила обида. Мама не могла смириться с тем, что я уехал в Минск и оставил её. Она всё понимала – и то, что уезжать было нужно – от неё, от её жёсткого и властного руководства, чтобы, в конце концов, жениться и начать самостоятельную жизнь… Но вот смириться с этим она не могла.

– Я сварил тебе куриный суп.

Я достал ещё горячую банку с супом.

– Покушай. Мама!

– Здесь дают суп, – почти не разжимая губ, сказала она.

Да, суп варили и в больнице. Но сына это не могло заменить.

– Мама. Ты хочешь со мной? В Минск?

– Нет.

Она не хотела в Минск. Но выхода уже не было. За полгода мама постарела, потеряла всю свою уверенность и стойкость. Жить в разных городах мы просто не могли.

Я пришёл в пустую без мамы «полуторку» и позвонил Марине. Новый год нужно было встречать в Гродно, с мамой.

Марина приехала. Я встретил ее на автовокзале 31 декабря 1995 года, и на стылом автобусе с замерзшими стеклами мы доехали до улицы Гагарина.

Это были самые тяжёлые праздники в моей жизни. И мрачное политтехнологическое новогодие 2008 года, прошедшее в Нарьян-Маре, и «американка» (СИЗО КГБ РБ 2010/2011 гг.) не могли сравниться с ними. Мама была молчаливой, мрачной; её фирменные котлеты подгорели, а салаты, наскоро приготовленные Мариной, казались невкусными… Через два дня, когда мы уезжали, мама смирилась с неизбежностью переезда в Минск.

Вопрос был решён за месяц. В течение января мой старший друг и товарищ по работе в школе Александр Викторович Щербаков нашёл покупателя на нашу старенькую «полуторку». Продали мы её за безумную по тем временам цену – за 6,5 тысячи долларов. Марина нашла и оформила покупку однокомнатной квартиры на улице Рафиева в Минске. Я бегал и искал недостающие деньги. И нашёл их.

Мой водитель из ЦК Союза молодёжи, Виктор Яскевич, приехал в Гродно за нами. Мама ночевала последние свои гродненские дни у моей двоюродной сестры Лорки. Мы с Виктором туда за ней и приехали. Это было 1 февраля 1996 года.

Я потом вспоминал, как уезжала из Гродно в последний месяц своей жизни бабтя Катя, мамина мама, Екатерина Карловна Федута, урождённая Криштопик. Маленькая, хрупкая, чёрно-седая, бабтя согласилась съездить в Друскининкай к своей средней дочери, Раисе Иосифовне Шатиковской, у которой гостила жена моего старшего кузена, Сашки, Тамара, с дочкой – единственной к тому времени бабтиной правнучкой Олей. Бабтя хотела её повидать – самое младшее своё продолжение. И её уговорили поехать на месяц в Литву. Бабтя спускалась с третьего этажа нашего дома медленно, тревожно, боясь оступиться. Ей шёл семьдесят четвёртый год. Если учесть, что выпало на её долю во время войны, пятерых детей, гибель младшей дочери и работу на износ санитаркой, ей можно было дать и все восемьдесят пять. Её встретил у подъезда любимый зять, мой крёстный, Николай Степанович Свистун. Всей семьёй, точно чувствуя расставание в Вечность, мы усадили бабтю в его «Москвич» – синего, как стены бабтиного старого домика на Левонабережной, давно проданного и разделенного ею, подобно шекспировскому королю, между детьми. Степаныч, по привычке крякнув, сел на руль и отвёз бабтю навсегда.

…Мама спускалась по лестнице Лоркиного дома тяжело, хотя ей было всего семьдесят лет. Сказывалась война, годы работы на «табачке» с её так и не выкашлянным из лёгких зельем. Мы с Виктором стояли внизу. Вовка Лявшук, мой друг, заменивший меня маме, суетливо расспрашивал о новой маминой квартире: будет ли ей там хорошо, тепло, что за кухня…

Дверь чёрной «Волги» захлопнулась, как дверь катафалка. Мама с ужасом посмотрела на чужой ей двор, закрыла глаза, потом внезапно широко раскрыла их и сказала:

– Я не успела…

Но машина тронулась. Мы ехали в Минск.

6–15 января 2011 года,
СИЗО № 1 КГБ РБ

О ВЕЧНОМ

Утро возле книжного магазина «Раніца» начиналось часов в 5. Там уже стоял кто-нибудь из завсегдатаев с листочком бумаги, на котором отмечалась очередь. Отмечались каждый час.

– Оверко? Есть Оверко. Кречко? Так. Никонович? Есть Никонович? Последний раз спрашиваю, видел ли кто-нибудь Никоновича?

– Нет его.

– Проспал…

– Тогда вычёркиваем…

Очередь злорадно ухмылялась: одним конкурентом меньше.

Это было тогда, когда ничего не было, кроме польского телевидения и книг. Книги раз в неделю привозили в магазины. Их издавали много (если судить по тиражам) и мало (если вдумываться в смысл названий). В среду был очередной завоз, после обеда его разбирали, а в четверг можно было с утра ворваться в торговый зал и, сметая все на своем пути, добежать до заветного столика, схватить штук семь разноцветных переплётов и уже потом, вполне интеллигентно отойдя в сторонку, разбираться с вожделенной добычей. Заведующая магазином, величественная и всемогущая Зоя Юлиановна Целуйко, брезгливо обходя орущую и выхватывающую друг у друга книги толпу, говорила товароведу Нине Владимировне Ягнешко:

– Чего людям нужно? Неужели нельзя спокойно подойти, спокойно выбрать…

Нельзя. Очередь в «Раніцу» была вечным боем, а покой нам только снился. Вечером в пятницу я просил маму завести будильник, чтобы не проспать.

– Опять подписка? – спрашивала мама, обречённо вздыхая.

Опять. После обеда слух о грядущей подписке распространялся со скоростью сплетен о разводе Аллы Пугачёвой. Нужно было успеть попасть в очередь: приз – вожделенная

квитанция на право в течение нескольких лет получить два очередного классика – доставался в порядке, строго соответствовавшем появлению сонных физиономий книголюбов у памятника танку, дуло которого было устремлено куда-то в сторону Белостока. Ближе к магазину подходить в ранний час было опасно: жильцы дома могли и мусор на голову сбросить, когда спор о месте в очереди «доставал» их окончательно.

Я помню и первую книгу, купленную в «Раніце», и первую очередь на подписку. Книгой был «Белый Бим Чёрное Ухо» – трогательная повесть Гавриила Троепольского, изданная в коричневом переплёте в серии «Библиотека произведений, удостоенных Ленинской премии». Неказистый переплёт спас её для меня от цепких рук взрослых книголюбов, а цена в 90 копеек соответствовала моей кредитоспособности. Я принёс её домой, и мы с мамой вдвоём рыдали над историей несчастной собаки.

Книг дома было много. Копить деньги на квартиру или машину было бессмысленно, и мама, ценившая знания больше всего, собирала библиотеку как овеществлённое знание. За свою жизнь она собрала две библиотеки. Первую подарила подшефному колхозу «табачки» – колхозу имени П.И. Деньщикова (тогда еще, впрочем, не имени его, поскольку легендарный Деньщиков был в те времена жив). Вторую собирала специально для меня.

Ей это было просто. На «табачке» мама отвечала за подписку на партийную печать. Это вознаграждалось правом распределять и дефицитные по тем временам научно-популярные журналы: Кольке Шевченко, например, выписывали «Юного техника», а мне – «Юного натуралиста» и книжное приложение к журналу «Огонёк». Поэтому когда я впервые осознанно подошёл к серванту, где была отдельная книжная полка, и вытащил книгу, ею оказался том прозы А.К. Толстого под редакцией И.Г. Ямпольского. Кажется, второй том того «огоньковского» собрания сочинений. Мама посмотрела на меня, полистала книгу.

– Рановато… Но – сам выбрал, – так она объясняла потом тёте Маше Сафроновой.

Но я и читать начал рано: согласно семейному преданию, это случилось в три с половиной года. Кто-то – кажется, мамина сестра, тётя Галя, – подарил мне азбуку из разноцветных карточек. Строчные буквы в большом количестве были на жёлтых квадратиках, а прописные – на зелёных с картинками: картинка изображала предмет, начинавшийся, разумеется, с буквы, соседствовавшей ему. Поэтому пытливое дитя, каким я якобы являлся в детстве, зная назначение тёткиного подарка, однажды спросило маму:

– Мама, а аист – это буква «а»?

Дальнейшее, по утверждению мамы, было делом техники…

Том сочинений Алексея Константиновича Толстого освоить было трудно. Мне стукнуло десять лет, а проза графа была явно не рассчитана на психику моих сверстников. Меня привлекли страшные и очень яркие иллюстрации Ильи Глазунова к «Князю Серебряному». А вот читал я совершенно другой текст. Им стал легендарный «Упырь», отмеченный некогда не только юным Федутой, но и неистовым Виссарионом Григорьевичем. Это была готическая история с перемещением во времени, зловещими стариками и безумной по силе впечатления балладой, ключевая строка которой – «Пусть бабушка внучкину высосет кровь» – потрясла моё невинное по тем временам воображение, как говорится, до основания. Я боялся засыпать, представляя себе любимую бабтю, Екатерину Карловну, смуглую, с чёрно-сизыми всклокоченными волосами нависающую над кроваткой младшей моей кузины – Гальки, дочки тёти Раи, своей любимой внучки, названной в честь любимой бабтиной дочки, трагически погибшей на мебельной фабрике.

Мне везло на неканонические тексты классиков. В шеститомнике Короленко, тоже «огоньковском», я не плакал над «Слепым музыкантом», а хохотал над «Йом-Кипуром», разухабистой украинской сказкой в стилистике раннего Гоголя. Сам Гоголь прельстил меня «Вием» и «Страшной местью» – до сих пор я боюсь перечитывать последнюю, хотя высшее филологическое образование до последнего мешало мне в этом признаться. Наконец, из собрания сочинений Тургенева

мне не понравилось ничего, кроме «Утра туманного, утра седого…», и я поныне готов отдать все тома тургеневской прозы, – кроме разве что «Отцов и детей», которые полюбил уже когда сам преподавал в школе – за этот сентиментальный романс.

Все книги купить было невозможно. Во всяком случае, так утверждала мама (а сейчас так утверждает моя жена). Поэтому я ходил в библиотеки. Главной библиотекой для меня стала школьная. Я учился в 15-й гродненской школе, и наша библиотекарь Лилия Ильинична Клобукова до сих пор остается в моих глазах идеалом человека на своём месте. Она любила детей и книги, и эти две любви её сливались в одно большое чувство – уважения к профессии.

Каждый год Лилия Ильинична проводила множество книжных праздников. 1 сентября – День знаний, осенние каникулы – День рождения книги, конец первого учебного полугодия – Прощание с Букварём. Во втором полугодии она сосредотачивалась на неделе детской книги. Это всесоюзное торжество становилось поводом для викторин, конкурсов и спектаклей. А ещё у неё работал переплётный кружок, со времён которого мама до самой смерти своей хранила изготовленный мною блокнот с моими же детскими стихами.

Ко мне Лилия Ильинична относилась с нежностью. Мне позволялось самому заходить в глубь стеллажей и выбирать книгу, которая почему-либо приглянулась. Так же поступала и библиотекарь с «табачки» – Любовь Ивановна Воронина, у которой я был просто самым любимым читателем. А Лилия Ильинична выделяла меня потому, что со мной ей было легко не только обсуждать прочитанные книги, но и организовывать бесконечные мероприятия. На «Книжкиных неделях» у неё я играл Айболита, Синьора Помидора, Карабаса-Барабаса, Карлсона и множество других сказочных персонажей. Так что в 1978 году, по случаю 850-летия Гродно, она наградила меня золотой медалью из чистого шоколада, особо отметив, что в этот день был опубликован указ о награждении мамы орденом Трудового Красного Знамени. А директор нашей школы Василий Петрович Сукристик премировал меня за работу в библиотеке тремя рублями – бесценный капитал,

на который я купил себе в тот же день «Двух капитанов» Каверина – во Дворце пионеров, где открывались областные торжества «Книжкиной недели».

Я до сих пор не могу понять, по какому принципу комплектовались школьные библиотеки. То есть, конечно, я знаю о существовании библиотечного коллектора – учреждения, куда Лилия Ильинична раз в неделю ездила, чтобы отобрать книги. Но как оказался на стеллаже, скажем, квадратный оранжевый двухтомник Павла Антокольского, с «Франсуа Вийоном» и «Робеспьером и Горгоной», или «Нарты», изданные ещё в сталинские времена, понять трудно. Чтение, согласитесь, не детское.

Зато в фабричной библиотеке у Любови Ивановны, кругленькой хромой женщины, я читал совершенно другое. Я читал Гоцци, «Город мастеров» Тамары Габбе, «Старинный водевиль», прозаические переложения «Робина Гуда», сделанные Михаилом Гершензоном (не тем, не пушкинистом). Любовь Ивановна тоже проводила викторины, на которых разыгрывались целые библиотечки. Конечно, там основными призами были книги о революционерах, но разницу между «Апостолом Сергеем» Эйдельмана и каким-нибудь «Счастливым Китом» я уже чувствовал. Как читатель чувствовал…

У Любови Ивановны я узнал, что есть разница между «детскими» и «взрослыми» книгами. Когда я взял на серо-голубом металлическом стеллаже том собрания сочинений Мопассана, Любовь Ивановна дохромала с ним до телефона и позвонила маме в цех:

– Валентина Иосифовна, Саша взял Мопассана. Это для Вас? Нет?

И, положив трубку, сказала:

– Сашенька, нельзя. Мама не разрешила.

– Почему?

Любовь Ивановна развела руками. Объяснить шестикласснику, почему мать не разрешает ему читать Мопассана, она не бралась.

Библиотек было много. Одна располагалась в двух или трёх, точно не помню, квартирах на первом этаже обычного

жилого дома – на углу улиц Титова и Советских пограничников. Там я почувствовал вкус к книжной иллюстрации. «Волшебник Изумрудного города» и «Буратино» с рисунками Леонида Владимирского я мог разглядывать часами. Герои там оживали, были интересными сами по себе – вне текста сказок. И когда мне на один из дней рождения подарили «Волшебника», иллюстрированного кем-то из минских художников, я был искренне разочарован. Там картинки были какими-то плоскими, скучными, будто у художника не было настроения, а он просто отбывал повинность.

По мере взросления я переходил в новые библиотеки. Первой «взрослой» стала для меня библиотека имени Макаёнка. Она располагалась напротив Дворца культуры химиков, куда я ходил сначала в кукольный театр, а потом в театральную студию «Прометей». Когда вечером я возвращался после репетиции, там горели окна, и я видел, как люди сидят в читальном зале и что-то пишут. Мне тоже хотелось сесть вот так и что-нибудь написать, но мне ещё не было шестнадцати, а туда записывали только по паспорту.

Но, получив паспорт, я наверстал упущенное. Как и везде, у меня появилась «своя» библиотекарь – Конкордия Николаевна (фамилии этой замечательной женщины я, к огромному сожалению, не помню). Она была самым обычным библиотекарем, но ей безумно нравилось обсуждать с читателем прочитанное. Поэтому Конкордия Николаевна советовала мне то, что прочла недавно сама. С её лёгкой руки я пристрастился к добротной советской прозе 1960–1970-х годов. Она открыла мне и Шукшина, и Трифонова, и даже Бориса Васильева (во всяком случае, «В списках не значился» и «Не стреляйте в белых лебедей» я прочёл именно по её совету). Потом, уже в благословенные горбачёвские времена, Конкордия Николаевна откладывала мне номера «Юности» с «Чонкиным» и «Знамени» с «Новым назначением».

Спустя много лет, когда в 1995 году я безрезультатно баллотировался в Верховный Совет несчастливого 13-го созыва, моя выпускница Наташа Петрова, собиравшая подписи за моё выдвижение, сказала мне, что одна из избирательниц, ставя свою подпись на подписном листе, улыбнулась:

– Александр был моим читателем в библиотеке.

Я взял лист и увидел это редкое для Гродно имя – Конкордия. И понял, о ком речь…

…Книг становилось всё больше, а денег – всё меньше. Маму перевели на менее оплачиваемую работу. И даже повышенная стипендия не давала возможности залатать образовавшуюся прореху в семейном бюджете. Я стал подрабатывать – в университетской библиотеке. Отдел обработки и комплектования, куда меня отдали под начало удивительно доброй и тёплой Лилии Иосифовны Кеба, дал заработок в 60 советских рублей – огромные деньги для бедного студента. Тем более что стипендии мама у меня не брала изначально.

Кстати, первую стипендию в 40 рублей я, разумеется, просадил на книги. По случаю моего поступления в университет мама и крёстный, Николай Степаныч Свистун, муж моей трагически погибшей тети Гали, устроили семейный совет и спросили, чего хочет ребёнок. Ребёнок, нагло осмотревший накануне полки с комиссионной литературой во всех гродненских магазинах, заявил, что хочет собрание сочинений Брюсова. Это сиреневое семитомное издание до сих пор стоит у меня на полке.

– А сколько стоит? – робко вопросила мама, в аппетитах своего чада уже ориентировавшаяся и сообразившая, что червонцем она явно не отделается.

– Валя, спокойно, – отрубил Степаныч, по праву крёстного заменивший мне отца. – Ты скажи, сколько ты кладёшь и сколько мы?

– Я – стипендию! – гордо заявил крестник.

– М-да. А с нас тогда сколько?

– Тридцать пять.

– Ни хрена себе книжечки, – почесал лысеющую голову Степаныч. – Валя, с тебя червончик, с меня четвертной.

Утром я волок домой семь сиреневых томов, а ещё через несколько дней гордо читал однокурснице Ирке Швецовой брюсовского «Ассаргадона».

Меньше становилось не только денег, но и места на книжных полках. Появилась проблема в виде книжного шкафа.

Старший библиограф университетской библиотеки Евгения Михайловна Таюрская пришла и похвасталась, что купила какой-то шкаф.

– Где?!

И две мои библиотечные зарплаты уехали в мебельный магазин.

Новый книжный шкаф, в свою очередь, хотелось чем-то заполнить. Чем-то стоящим. Книжная лихорадка получила новый стимул.

На субботние «заутрени» в «Раніцу» мы ходили теперь целой компанией: я, мама, Степаныч-крёстный и его вторая супруга Лариса Петровна, пребывавшая на своей фамилии, а потому также имевшая шанс подписаться. Иногда, с тех пор как живую очередь сменил более справедливый розыгрыш своеобразной лотереи на право подписаться, старшее поколение моей родни продолжало спать, а я с их паспортами ехал накануне и пытался угадать счастливые номера. Иногда – получалось. Так, например, я подписался на десятитомник Диккенса, а Степаныч и Петровна – на Бальзака и Цвейга. Но расставаться с этой своей добычей они не пожелали, так что в последующем я видел в родне уже не союзников, а соперников, отчего о подписке на очередные дефицитные издания классиков их больше не извещал.

Зато оживилось такое направление моей бурной деятельности, как книгообмен. На Советской улице открылся небольшой магазин «Букинист», где царили Елизавета Леонидовна (фамилии её я не помню) и Раиса Евгеньевна Перская. Можно было прийти к ним, выбрать на стеллаже нужную книгу, договориться, на какую именно ты её меняешь, – и совершить эту вожделенную операцию. Вершиной своих «шахермахерских» действий, как оценивала их мама, я до сих пор считаю обмен так и не прочитанного мною двухтомного романа какой-то Антонины Коптяевой «На Урале-реке» на изящный, бордового цвета, подготовленный Артамоновым двухтомник Бомарше, которым я и пользуюсь до сих пор. Помню также, как уволок из дому (прости меня, мама!) второй том нуднейшего романа Анатолия Иванова

«Вечный зов» и выменял на него чёрный «огоньковский» четырёхтомник Байрона.

В очереди в «Букинист» я ещё школьником познакомился с человеком, ставшим для меня на многие годы образцом интеллигентности. Милая немолодая (как мне тогда казалось) женщина, явно не местная (наши дамы одевались иначе), искала какую-то книгу, которой не было в тот момент в магазине. Кажется, речь шла о только что вышедшем минском издании «Олимпио, или Жизнь Виктора Гюго» Андре Моруа. У меня был лишний экземпляр. Так мы и познакомились.

Нина Георгиевна Недовесова отдыхала с мужем на турбазе «Неман». Они приехали из Ленинграда. Владимир Георгиевич, высокий, худой, молчаливый, мало обращал на меня внимание, зато Нина Георгиевна, совершив несколько вполне взаимовыгодных обменов, дала своей адрес. Так мы начали переписываться, затем перезваниваться. Когда мама купила нам экскурсию на теплоходе по маршруту «Ленинград – Кижи – Валаам» – это было последнее наше с ней длительное совместное путешествие, – мы заехали к Недовесовым. Скромная двухкомнатная квартирка располагалась в доме на Болотной, неподалёку от исторического особнячка Суханова-Гиммера, где принималось памятное по сей день всему миру решение о начале Октябрьской революции. В один из своих приездов, ожидая хозяев в сквере, я позже увидел, как в один из соседних домов заходит Дмитрий Сергеевич Лихачёв – теперь на этом доме висит мемориальная доска. Такой вот микрорайон.

В квартире Недовесовых меня потрясла сугубо интеллигентская обстановка. В углу зала стоял рабочий стол Владимира Георгиевича, который он машинально, по выработанной годами привычке, при приближении посторонних накрыл газетой. Посторонними в данном случае были мы с мамой, не знавшие, что хозяин дома был заместителем редактора одного из академических журналов по физике – но его направление (физика) вычислили безошибочно. И – книги. Множество книг, посвящённых родному Питеру (Нина Георгиевна была блокадным ребёнком), выдающимся деяте-

лям культуры. От Нины Георгиевны я получил драгоценный подарок – чёрный квадратный томик Ахматовой, которую я с тех пор боготворю.

Благодаря Недовесовым я совершил и первую свою покупку антикварной книги. Было это в 1984 году. Ректор Гродненского государственного университета Александр Васильевич Бодаков согласился командировать меня на неделю в Ленинград для работы в Публичной библиотеке над курсовой работой (были же времена!). Нина Георгиевна заказала мне койку в недорогой по тем временам гостинице в районе метро «Электросила». А заодно дала мне адреса лучших ленинградских книжных магазинов, в том числе и букинистических.

В одном из них я час торчал возле витрины, в которой был выставлен двухтомник В.В. Сиповского «Очерки по истории русского романа XVIII века» (специалисты-филологи понимают и облизываются!). Он был в роскошном кожаном переплёте ручной работы, а на открытой титульной странице первого тома был авторский инскрипт: «Дорогому Алексею Николаевичу Веселовскому». Не Александру Николаевичу, конечно, но тоже неплохо. Но – цена!!! Триста рублей! Мамины месячная пенсия + зарплата + моя стипендия! Откуда же у меня такие деньги?!

И я ушёл от витрины, утирая навернувшиеся слёзы. И во втором зале, с горя, купил конволют трёх первых частей сборника прижизненных статей о Пушкине, выпущенных В.А. Зелинским в юбилейном 1899 году. Зелинский верно служил мне до тех пор, пока Пушкинский дом не выпустил аналогичное современное издание «Пушкин в прижизненной критике» – с комментариями и более полное.

Что же касается труда Сиповского, то он мне попался значительно позже. Я приехал в Минск на пленум ЦК ЛКСМБ – как школьный учитель, я был выдвинут райкомом комсомола – и зашёл в популярный букинистический магазин в районе площади Якуба Коласа. В антикварном отделе, в журнале поступлений увидел, что кто-то сдал на комиссию вторую часть издания.

– Девушка, покажите, пожалуйста!

Девушка, годившаяся мне в очень старшие сёстры, лениво пошарила по полкам и достала фолиант. Беру в руки, раскрываю: да, Сиповский. Только не вторая часть, а первая.

– А это не совсем то, что у вас в журнале описано, – лениво изображая незаинтересованность, говорю я.

– Ой, я ошиблась! – и руку за Сиповским протягивает. – Это другой человек сдал.

– Не-ет! Вы мне и ту часть найдите!

И через пять минут я становлюсь счастливым обладателем двухтомника Сиповского. Разумеется, не в кожаном любительском переплёте, но – тоже с инскриптом: «Дорогому Александру Иустиновичу Малеину от автора». Да, адресат – не Веселовский, но тоже профессор-филолог и председатель Российского Библиологического общества, фигура видная.

Тот «Букинист» на проспекте Независимости (ранее – Скорины, а до того – Ленина, а ещё до того – Сталина) я посещаю до сих пор, но ничего столь же значимого так себе и не купил. Хотя в 1993 году здесь случилась со мной знаменательная книжная встреча.

Инфляция шла дикая. Но и денег у народа особых не было. Поэтому в букинисты потянулись книголюбы, сдававшие за относительно приемлемую цену старые издания. Иногда выстраивалась очередь. И однажды я, тогда первый секретарь ЦК Союза молодёжи Беларуси, подъехал к этой очереди, чтобы спросить, не сдаёт ли кто-нибудь старые книги о Пушкине.

Пожилой интеллигентный мужчина в синей беретке внимательно посмотрел на меня:

– Есть «Язык Пушкина» Виноградова. Только я пока не решил, продаю его или нет.

– Вот Вам моя визитка. Надумаете расставаться – позвоните.

Ефим Самуилович Шагалов позвонил мне только через три месяца. И я приехал к нему домой, на Волгоградскую.

В большой уютной квартире не было тех привычных книжных шкафов, которые представляются, когда речь заходит о большой библиотеке. Стеллажи уместились в «тёщиной комнате» – подсобке без окон. Такая же подсобка была у нас

в последней нашей гродненской квартире, а затем в минской квартире мамы. «Язык Пушкина» лежал на столе в гостиной, аккуратно приготовленный.

– Зачем он Вам? – спросил Ефим Самуилович, поправляя языком валидол.

– Готовлюсь защищать кандидатскую.

– По Пушкину? Сейчас? Не понимаю Вас. Кому сейчас нужен Пушкин?

Так мы подружились.

Ефим Шагалов был одним из первых специалистов по сварке металла с высшим образованием в Беларуси. В Минск он когда-то переехал из Ленинграда, где и пристрастился к книгам. О книгах Ефим Самуилович мог рассказывать часами, пока его жена, Розалия Ефимовна, не кричала из кухни:

– Фима, не корми Сашу байками. Сашенька, хотите сосиску?

Я хотел сосиску. Зарплата была небольшая, треть её я тратил на книги, поэтому на лишнюю сосиску денег не хватало. Сосиска исчезала, и мы возвращались к книгам.

Шагалов любил рассказывать о Ленинграде, о ленинградских букинистах. Он говорил мне о своей единственной встрече с Зощенко, которая произошла в «Книжной лавке писателей». На Зощенко он был помешан: дома были все прижизненные издания Михаила Михайловича. Судьбы этой бесценной коллекции я не знаю.

Ефим Самуилович собирал не тексты, а издания. Тютчев был у него в пяти или шести вариантах: «Библиотека поэта», «Литературные памятники», двухтомник из «огоньковских» приложений и т.д. Поэтому когда сын и жена уговорили старика уехать в Америку, перед Шагаловым встала проблема: что везти с собой.

– Куда?!

– В Америку.

– Книги?!

– Да…

Он не представлял себе жизни без книг. Он не мог увезти с собой Ленинград и Минск, друзей и очередь в магазин. Но книги – мог.

Семья смирилась с этим очевидным для всех безумием. Но условие было: не везти дублетов.

На разборке с изданиями Тютчева Ефима Самуиловича хватил второй инфаркт. Выбирать между тремя изданиями в «Библиотеке поэта», «литпамятниковским» и «огоньковским» двухтомниками Шагалов не мог. Он слёг в больницу и приехал домой через месяц.

– Саша, что Вы хотели бы из книг? Хотите «Библиотеку поэта»?

– Всю?! Но у меня есть многое.

– Берите, чего нет.

Шагалов сидел посреди гостиной, шевеля синими пересохшими губами, точно прочитывая про себя имена поэтов, уходивших из его жизни в мою: Владислав Озеров, Михаил Херасков… Кому нужен Херасков в Штатах? Кому нужен в Штатах старик Шагалов?

Через неделю позвонила Розалия Ефимовна:

– Саша, Вы не могли бы отвезти Фиму в Смолевичи, на таможню? Мы будем сдавать его книги в багаж, который поедет морем.

…Пять или шесть аккуратно упакованных огромных контейнеров стояли посреди зала. Перед ними на стуле сидел ещё более осунувшийся Шагалов, за ним стояла семья. Злобного вида немолодой таможенник разглядывал списки книг, за право вывезти которые в Америку Шагаловы заплатили в казну по тем временам более двух миллионов рублей.

– Здесь всё соответствует?

– Чему?

– Содержимому! Что находится в третьем контейнере, втором ящике, второй коробке?

– Там же написано.

– Доставайте.

Сын Ефима Самуиловича взял лом, вскрыл контейнер, достал ящик, извлёк оттуда требуемую коробку из-под обуви, раскрыл. Каждая книга была аккуратно завёрнута в сухой полиэтилен. Список соответствовал содержимому. Но таможенника интересовало вовсе не это.

– Где? – порывшись в коробках, спросил он Ефима Самуиловича.

– Что? – спросила вместо сидевшего с глазами, полными слёз, мужа Розалия Ефимовна.

– Ценности! Деньги, золото…

– Здесь только книги, – прошептал сквозь вторую таблетку нитроглицерина старик Шагалов.

– Не верю! Вскрывайте всё!

Розалия Ефимовна подошла ко мне:

– Саша, уезжайте. Это будет долго.

И я уехал, увозя в памяти образ старика, с ужасом глядевшего на то, как под руками таможенника гибнет его Вселенная.

…Это была не первая библиотека, погибшая на моих глазах. Помню, как мне позвонил кто-то из университетских преподавателей:

– Саша, баба Лиза распродаёт библиотеку мужа. Вы не могли бы помочь ей оценить стоимость некоторых книг?

«Бабой Лизой» звали за глаза Елизавету Иосифовну Лавринайтис, многолетнего декана филфака, – она принимала меня в университет. Её муж, покойный профессор Ваяхин, был любимцем исторического факультета. Библиотека его была невероятно насыщенной, с точки зрения специалиста, если верить мнению моего приятеля Женьки Микулы. Что же там, в ваяхинской библиотеке?

Я плохо разбирался в специальной исторической литературе, поэтому обратился к коллеге по работе в 20-й школе, выпускнику гродненского истфака – то есть ученику Ваяхина, Василию Владимировичу Луферову. Невысокого роста, живой и подвижный Васечка Луферов засуетился больше обычного:

– Ваяхинская библиотека? Когда едем?

И мы приехали в бабе Лизе. Елизавета Иосифовна, крупная, величественная женщина, правившая факультетом жёстко и решительно, в повседневной жизни была мягкой и беспомощной. Напоив нас чаем, она проводила гостей в кабинет.

– Вот. Смотрите.

Книг было немного, и они никак не ассоциировались с привычными золотыми корешками дореволюционных профессорских библиотек. Вероятно, таких старых изданий здесь никогда не было или же они были уже кем-то куплены до нас. В основном оставались издания 1930-х годов, среди которых особое место занимали сборники, разоблачавшие «школку Покровского». Были, конечно, и труды самого Покровского. На них и положил глаз Васечка.

Разобрав несколько полок, Василий Владимирович разложил книги по стопкам. На каждую стопку он положил лист бумаги, на котором написал примерную цену отложенных книг и брошюр.

– Это – по 5 рублей. Это – по 3 рубля.

Книги явно были не слишком дорогими. По советским меркам Васечка не скряжничал: рубль еще был в цене. Но баба Лиза и не собиралась наживать на них «приваловские миллионы». Она улыбалась:

– Мальчики, спасибо!

И вежливо спросила:

– Не хотите ли взять какие-нибудь книги в подарок?

Мы замялись. Было неудобно. Ситуацию разрядила сама Елизавета Иосифовна:

– Василий Владимирович, это – Вам.

И протянула четырёхтомник Покровского, изданный, «когда стало можно», – в 1968-м, кажется, году. Эти четыре черных тома дополнили стопку старых брошюр и монографий, уже купленных Луферовым.

– Сашенька, а для Вас я книгу сама отобрала. Посмотрите.

Мне было неудобно. Я уже купил у Елизаветы Иосифовны майковского «Батюшкова». Она сбавила цену в сравнении с тем, что я сам ей предложил. А теперь – ещё и подарок.

На столе лежал «Жуковский» А. Н. Веселовского. О таком подарке мечтать было нельзя.

Баба Лиза тяжело опустилась на стул и посмотрела на полупустые полки. Я до сих пор не могу понять, зачем она продавала тогда книги. Вряд ли она нуждалась в деньгах настолько. И из страны, как Шагаловы, уезжать не собиралась. Иногда, вспоминая эту свою последнюю встречу с Елиза-

ветой Иосифовной, я думаю, что она просто так уходила из жизни – вместе с книгами, прощаясь с учениками, с воспоминаниями. Оставлять библиотеку всё равно было некому: детей и внуков горы макулатуры, не обременённые памятью, никогда не интересовали. Таков закон жизни.

Иногда я думаю: что случится с моей библиотекой, когда меня не станет? К тому времени эпоха Гуттенберга закончится, бумага уступит место электронным носителям, и все те переплёты, которые сегодня портят настроение моей жене, ибо женщина не может смириться с пылью и грудами книг на ковре, окончательно уступят место лазерным или уже каким-то другим дискам. Тысячи томов будут никому не нужны. В лучшем случае их отвезут в уродливое кристаллообразное здание на окраине Минска. И там они растворятся в массе других, ставших столь же ненужными книг.

Как станет ненужной и моя жизнь. Когда-нибудь скоро.

21–28 января 2011 года,
«американка»

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО АЛЕКСАНДРА ФЕДУТЫ

Высокий суд!

Моя бывшая школьная ученица, психиатр в одной из гродненских клиник, за месяц до выборов по моей просьбе проконсультировала меня, как легче выйти из послетюремной депрессии. Я уже догадывался, чем все может закончиться: та готовность и мнимая демократичность, с которой власти якобы шли навстречу всем оппозиционным кандидатам, казались демократичностью кошки, не спящей, но делающей вид и лишь изредка поглядывающей своим прищуренным глазом на веселящихся возле нее хомячков.

Так вот, моя ученица, которую зовут, как и мою жену, Мариной, дала мне два совета. Первый – думать в тюрьме, что это происходит не со мной. Лучше всего загримироваться –

например, отрастить усы, а потом, на свободе, сбрить их. Так будет легче. Я так и поступил. Но легче стало ненамного.

И второй. Пытаться даже там найти что-то хорошее. В конце концов, я – школьный учитель, и это время вынужденного безделья позволит мне сделать работу над собственными ошибками.

Я и в самом деле начал ее в «американке», а продолжил здесь.

Во-первых, я попытался понять, что же на самом деле произошло, во-вторых, в чем были наши ошибки.

Работа высокого суда дала мне возможность реконструировать картину тех событий, которые произошли 19 декабря. Не следствие, а именно судебное заседание.

Итак, что мы узнали?

Около 19 часов колонна демонстрантов в составе 70 человек попыталась тронуться от штаба Владимира Некляева на Немиге на Октябрьскую площадь. Дорогу им преградила машина ГАИ – под надуманным, как сказано в обвинительном заключении, предлогом. Машина была в сопровождении автобуса, из которого выскочили неизвестные в форменной, хотя и невоенной одежде, которые вежливо, с матом, аккуратно избивая людей, при помощи взрывпакетов уложили мирных демонстрантов лицами в снег, украли звукоусиливающую аппаратуру, не имея на то никаких документов, удостоверяющих их право, и скрылись. Белорусское телевидение потом свалит ответственность на кандидатов Андрея Санникова и Николая Статкевича, но наши еще более честные свидетели от ГАИ покажут на суде под присягой: нет, это были милиционеры, служащие в некоем спецподразделении. Косвенно это подтвердит и министр внутренних дел, когда скажет, что лично командовал всей операцией 19 декабря.

Избитый кандидат в президенты, за которого еще сорок минут будут голосовать люди по всей Беларуси, будет увезен в больницу «скорой помощи» с диагнозом «сотрясение мозга», откуда его спустя несколько часов при полном соблюдении врачами «клятвы Гиппократа» увезут другие «неизвестные в черном», представляющие уже другое спецподразделение, вероятно, другого силового ведомства. Вра-

чи протестовали настолько активно, что один из них станет вскоре главным врачом Минска.

А люди придут на площадь. Мирно, как и планировал Некляев. Затем так же мирно попытаются перейти на другую площадь. Их будут предупреждать все, кто может. Начальник ГАИ Корзюк, мужественный человек с голосом Шаляпина, сумевший перекричать орущую на Октябрьской музыку и вступивший в единоборство с разъяренными девушками, на головах которых будут ушки зайчиков, а в руках – флаги. Милицейская машина, шедшая сзади колонны, дважды повторившая свое грозное предупреждение, а потом тихо ехавшая сзади. Другая машина, даже на съемках милицейского оператора стоявшая на почтительном расстоянии от демонстрантов, повещавшая в динамик пять минут и тоже почему-то замолчавшая.

И, как показал свидетель Владимир Колас, полное отсутствие каких-либо реальных препятствий на пути к Дому правительства. «Приглашают», – как сказал Колас.

Так приглашают в ловушку.

Чтобы потом кошка открыла глаза и выпустила когти.

Так командовавший в этот день операцией министр дубинкой и спецназовским щитом разбил тот самый хрустальный сосуд.

Последствия сегодня переживает белорусская экономика. Даже осознание того, что твой прогноз сбылся, не вселяет в тебя никакой радости.

Хотя санкции, надуманные или ненадуманные, при этом никто не вводил. Действительно, не считать же санкциями попытки Евросоюза отказать во въезде на свою территорию группе белорусских граждан. Скорее, это помощь: нам помогают сохранить валюту, которая может быть иначе потрачена на подержанные автомобили.

Я очень высоко оцениваю уровень организованной главой МВД провокации. Он допустил только одну ошибку. С кандидатами, просившими о встрече, ему нужно было встретиться, – раз уж он заботился о предотвращении будущего преступления. Так поступают уважающие себя руководители правоохранительных органов во всем мире. Тогда

претензий к нему у общественности, белорусской и мировой, было бы значительно меньше.

Теперь о наших ошибках.

Они были. Это нужно признать.

Нужно лучше знать белорусское законодательство, потому что незнание его не освобождает от ответственности.

Нужно обуздывать собственные амбиции, разговаривать друг с другом и слышать друг друга. Случившееся на площади Независимости стало возможно не потому, что был сговор, а потому, что его не было. Предвыборные штабы не смогли договориться и выработать единый план действий.

Когда в КГБ мне в первый раз предъявили обвинение, я смеялся, так что следователь подумал, что у меня истерика. Судьба зло шутит. Меня обвиняли в том, что я действовал по предварительному сговору с Андреем Санниковым, Дмитрием Бондаренко, Ириной Халип, с которыми мы не разговаривали с 2001 года. Сейчас я понимаю, что эти десять лет прошли зря. Не для нас – для того дела, которое могло нас объединить. Потому что нас все равно объединила дубинка министра Кулешова. Нас объединили скамьи подсудимых. Нас объединили очереди в СИЗО, где вместе стояли, поддерживая друг друга, Люцина Бельзацкая, Алла Санникова, Ольга Некляева, Зоя Евменова, Ольга Бондаренко, Даша Корсак, Марина Адамович, Марина Шибко, Татьяна Северинец, Милана Михалевич, Владимир Полаженко.

И если те, кто по решению суда выйдет из судебных залов на относительную свободу, забудет о том, как в камерах «американки» мы ловили известия друг о друге, – а это было, – если мы забудем все и опять начнем выяснять отношения, значит, на другом, еще более высоком суде нам придется снова держать ответ. И там смягчающих обстоятельств и вовсе не будет.

Высокий суд!

Во всех материалах дела есть свидетельства того, чего хотел штаб Владимира Некляева. Мы хотели перемен. Мы хотели свободы. Свободы выбора, свободы слова, свободы собраний. Мы хотели, чтобы министр думал о мнении избирателей больше, чем о мнении начальства. Чтобы прокурор

не превращался в штамповщика санкций, а реально стоял на страже закона. Чтобы Конституция не штопалась и перешивалась каждый президентский срок, а была главным законом страны по сути своей.

Мы не смогли этого добиться сейчас. И дело не в министре Кулешове – велика честь для Кулешова! Дело в нас самих и в нашем народе. Нужно меняться самим. Нужно вступать в диалог друг с другом. Нужно жить со своим народом, какой он есть, в своей стране, какая она есть. Нужно становиться лучше и сильнее самим и бороться, чтобы лучше и сильнее стала она.

И тогда государство потратит деньги не на массовую прослушку телефонных разговоров мирных граждан, а на нормальную аппаратуру для судов, чтобы высокий суд мог нормально исследовать законно полученные следствием доказательства и сделать адекватный реальности вывод – о виновности либо невиновности.

И проспект Независимости в выходные дни будет уподобляться Крещатику, когда жители Киева спокойно гуляют по проезжей части и милиция вместе с ними ест мороженое и сидит в Мак-Дональдсе.

Высокий суд!

Три месяца и двадцать дней в СИЗО КГБ – прекрасная возможность многое обдумать. По-другому оцениваешь свободу. Те возможности, которые она открывает. В частности, возможность обнять жену, прочесть газету и съездить на научную конференцию. И если для меня, сорокашестилетнего человека, время, проведенное в СИЗО, – большой срок, то для двадцатилетних мальчишек, которым дали по четыре года колонии, эти четыре года и вовсе Вечность. И в том, что эти четыре года они получили, есть и моя вина, которую я признаю.

Поэтому когда меня спрашивает следователь, раскаиваюсь ли я, я честно говорил и говорю: да, раскаиваюсь. Раскаиваюсь глубоко и искренне. И в следующий раз я сделаю все, чтобы люди шли на площадь по тротуару.

Спасибо!

ДВА ГОДА ПЛОЩАДИ

Люди в штатском стоят на Площади.
К уху в шапочке – проводок.
Люди в штатском стоят на Площади,
А над Площадью –
Бог.
Люди в штатском от холода мечутся,
Словно буквы по снегу книг.
Что два года для стылой Вечности?
Миг.
Он пройдет, и другой покатится,
Но останется, словно знак,
Крови след на снегу в сумятице –
Флаг.
И останется звездным вечером,
Что свечой на окне затих,
В знак достоинства человечьего –
Стих.

ІРЫНА ХАЛІП / ИРИНА ХАЛИП /
IRYNA KHALIP

Нарадзілася 12 лістапада 1967 года ў г. Мінску. З сям'і вядомых дзеячаў беларускай культуры.

Скончыла факультэт журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У.І. Леніна (1989).

Журналістка, грамадская дзеячка.

Працавала карэспандэнткай у часопісе «Парус», газетах «Чырвоная змена», «Советская Белоруссия», галоўным рэдактарам газеты «Имя», намеснікам галоўнага рэдактара, кіраўніком аддзела спецпраектаў «Белорусской деловой газеты». Супрацоўнічала з «Радио Свобода». Уласны карэспандэнт расійскай «Новой газеты» па Беларусі.

Фіналістка конкурса «Мисс Пресса СНГ» (1992).

Актыўна ўдзельнічае ў грамадскім жыцці Беларусі, у тым ліку ў грамадзянскай ініцыятыве «Хартыя' 97» і руху «Еўрапейская Беларусь». У 1997 годзе была жорстка збіта разам з бацькам – вядомым кінадзеячам Уладзімірам Халіпам – падчас вулічнай акцыі пратэсту.

19 снежня 2010 года разам з мужам – кандыдатам у прэзідэнты Беларусі, лідарам руху «Еўрапейская Беларусь» Андрэем Саннікавым – удзельнічала ў мірнай акцыі пратэсту супраць фальсіфікацыі вынікаў выбараў прэзідэнта. Была прымусова арыштавана і змешчана ў следчы ізалятар КДБ Беларусі («амерыканка»), дзе знаходзілася да 29 студзеня 2011 года. Пасля змены меры абмежавання да суда знаходзілася пад хатнім арыштам.

Падчас знаходжання Ірыны ў следчым ізалятары ўлада шантажыравала яе сям'ю магчымасцю адабраць сына Ірыны і Андрэя, Даніка Саннікава, «пад апеку дзяржавы» (гэта значыць у дзіцячы прытулак).

16 траўня 2011 года была асуджана да двух гадоў зняволення з адтэрміноўкай выканання прысуду на два гады. 19 ліпеня 2013 года пакаранне з Ірыны Халіп знятае.

Адна з найбольш вядомых у свеце беларускіх журналістаў. Узнагароджана грамадскай прэміяй імя Дзмітрыя Завадскага «За мужнасць і прафесіяналізм» (2004), прэміяй Усерасійскага конкурсу журналістаў «Вместе! – 2005» у намінацыі «Миграция: собственное расследование» (2005), прэміяй часопіса «Тайм» «Герой Европы» ў намінацыі «Мужнае сэрца» (2005), прэміяй імя Генры Наннэна (Германія) у намінацыі «За мужнасць у справе абароны свабоды слова» (2005, першы лаўрэат), прэміяй «Мужнасць у журналістыцы» (ЗША, 2009), прэміяй «Золотое перо России» (2011), прэміяй нямецкага ПЭН-цэнтра імя Херманна Кестэна (2012), прэміяй брытанскага ПЭН-цэнтра імя Гаральда Пінтэра (2013, падзяліла прэмію з сусветна вядомым драматургам Томам Стоппардам).

Тэксты, якія мы друкуем у Анталогіі, перададзеныя аўтарам і друкуюцца са згоды «Новой газеты», дзе яны ўпершыню пабачылі свет.

She was born on November 12, 1967 in Minsk. Iryna comes from the family of well-known figures in Belarusian culture.

She graduated from the Faculty of Journalism of the Belarusian V. Lenin State University (1989).

She is a journalist and public activist.

She worked as a correspondent of the magazine *Parus*, the newspapers *Chyrvonaya zmena*, *Sovetskaya Belorussia*; as chief editor of *Imia*; as deputy editor and head of special projects department of *Belorusskaya delovaya gazeta*. Iryna also cooperated with *Radio Liberty*. She is a correspondent of the Russian *Novaya Gazeta* in Belarus.

Iryna Khalip is a finalist of "Miss CIS Press" (1992).

She is actively involved in the public life of Belarus including the civil initiative "Charter 97" and the movement "European Belarus". In 1997 she was severely beaten together with her father – the famous cinematographer Uladzimir Khalip – during a street protest.

On December 19, 2010 together with her husband – presidential candidate, leader of the "European Belarus" Andrei Sannikau – she participated in a peaceful protest against the falsification of the presidential elections. Iryna was forcibly arrested and taken to the detention center of the Belarusian KGB ("Americanka") where she remained until January 29, 2011. After her measure of restraint was changed Khalip remained under house arrest until the trial.

During her stay in the detention center the authorities were blackmailing Iryna's family that they would take Iryna and Andrei's son Danik "under the custody of the government" (i.e. to the orphanage).

On May 16, 2011 Iryna was sentenced to 2 years' imprisonment with a suspended sentence of 2 years. On July 19, 2013 the punishment was lifted.

Iryna Khalip is one of the most famous Belarusian journalists in the world. She was awarded the Dzmitry Zavadzki Public Prize "For courage and professionalism" (2004), the award of all-Russian competition of journalists "Together! – 2005" in the nomination "Migration: one's own investigation" (2005), the prize of the magazine "Time", "Hero of Europe" in the nomination "Courageous Heart" (2005), the Henry Nannena prize (Germany) in the nomination "For courage in the defense of freedom of speech" (2005, first laureate), "Courage in Journalism" (USA, 2009), "Golden Pen of Russia" (2011), the Hermann Kesten Prize of the German PEN Center (2012), the Harold Pinter Prize of the British PEN center (2013, shared the prize with the world famous playwright Tom Stoppard).

Texts for the Anthology were passed over by the author and are published with the permission of *Novaya Gazeta* where they first saw the light.

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
Как разместиться всемером
в четырехместной камере

Когда за тобой с лязгом захлопывается массивная дверь камеры, на твой мир с таким же лязгом опускается огромный железный занавес, в долю секунды разделяющий его, мир, и всю прошлую жизнь надвое. Все, кто здесь, с тобой, в тесном пространстве камеры, – это свои. Все, кто за дверью, – чужие. Враги.

«Своими» оказались две интересные блондинки в возрасте от тридцати до сорока, Лена и Света. В камере – две шконки, застеленные явно присланными из дома пледами. Других спальных мест не видно.

– Простите, а где я буду спать?

– Под кроватью. Не беспокойтесь, доска сюда прекрасно поместится.

Обернувшись, вижу, что за мной в камеру внесли доску.

– Вот ваш шконарь! – сказал охранник.

– Простите, как вы сказали?..

– Шконарь!

Видала я такие шконари в детстве. Пять лет мне пришлось провести в интернате для детей, больных сколиозом. Наши искривленные позвоночники исправляли в том числе и досками. Их клали на кровати, а уже сверху – матрацы. Сон на жесткой поверхности должен был нас исцелять. Правда, тогда я не знала, что эта ставшая ненавистной за пять лет деревяшка называется шконарем. Зато к казенным домам мне не привыкать – опыта набралась еще в детстве.

Лена помогла мне запихать шконарь под свою койку и разложить матрац. Предложила сигарету.

– За что вас сюда? – спросила она после первой затяжки.

– За организацию массовых беспорядков! – отрапортовала я.

– А, ну не переживайте: не вы первая, не вы последняя.

– В смысле?..

– Утром мы сидели в другой камере. Так вот, привезли двух девочек – Наташу и Настю. Мы уложили их поспать, а потом нас сюда перевели.

Боже, как мне стыдно до сих пор за тот проблеск радости! Я сразу поняла, что речь идет о моей подруге и коллеге Наташе Радиной, которая много лет редактирует самый популярный в Беларуси оппозиционный сайт «Хартия' 97», и активистке молодежной организации «Малады фронт» Насте Положанке. Мне бы возмутиться – какого черта девчонок арестовали! Но никак не получилось справиться с этой первой гнусной радостью: «Ура! Я здесь не одна! Возможно, мы даже встретимся!». (Кстати, мы-таки встретимся. На следующий же день. А с Настей и вовсе проведем месяц вместе. Причем неделю – на одной шконке.)

– А вас, девочки, сюда за что?

– А мы – экономистки! – с удовольствием объяснила Света. – Обвиняемся в экономических преступлениях.

Оказалось, обе – бизнес-леди. Света обвиняется в мошенничестве, Лена – во взяточничестве. Света сидела в СИЗО уже девять месяцев, Лена – три. Причем Лену арестовали на всякий случай вместе с мужем, который был за рулем и подвозил ее. Мужа через трое суток освободили, и первую передачу он смог передать жене лишь на пятые сутки. Все это время Лена оставалась без зубной щетки, сигарет, сменной одежды и всяческих предметов гигиены. Поэтому ровно через 15 минут после моего появления в камере Лена выдала мне розовые резиновые тапочки (к тому времени она обзавелась вещами на все случаи жизни, да еще с запасом) и пластмассовую коробочку с сигаретами – в тюрьму сигареты можно передавать только россыпью, а не пачками, так что курильщики хранят их в пластмассовых коробках из тех, в которые в супермаркетах расфасовывают полуфабрикаты. Потом заварила кофе – было шесть вечера и раздавали кипятильники.

Придя в себя и осмотревшись, я обнаружила полное отсутствие параши.

– Девочки, а как здесь с туалетом вообще?

– В некоторых камерах есть унитаз. Вот мы еще сегодня утром именно в такой и сидели. А буквально перед твоим

появлением нас сюда перевели. Так что будем стучать в кормушку и просить, чтобы вывели. Потому что по расписанию вывод в туалет – два раза в сутки, в шесть утра и в шесть вечера. Но говорят, что можно и попроситься. Вот только после отбоя уже не выведут, хоть умри.

Потом в камере включили телевизор: по расписанию просмотр телепередач разрешен с шести вечера до отбоя – до десяти. По телевизору показывали пресс-конференцию Лукашенко, который рассказывал, что все беспорядки организовали отморозки-кандидаты. Потом показали публичное покаяние кандидата-оппозиционера Ярослава Романчука. Он читал по бумажке, сбиваясь, подлый текст, автором которого явно не мог быть. Опять прозвучало: «Санников, подогреваемый своей женой Ириной Халип…» Все было ясно: главным экстремистом и отморозком государство решило назначить меня. Еще из выступления Лукашенко стало понятно, что арестованы все кандидаты в президенты, кроме Романчука. Сокамерницы сочувственно переглядывались: они понимали, что сидеть мне придется долго. Возможно, дольше, чем кандидатам в президенты.

Перед отбоем Света растянулась на своей койке и задумчиво сказала:

– А в принципе здесь не так уж и плохо. Однозначно, говорят, лучше, чем на «володарке», в ментовском СИЗО. Там, говорят, лежать днем вообще нельзя. А мы тут спим целыми днями или просто валяемся, книжки читаем. Вот сейчас мне бы только любимого под бок…

– А мой как раз где-то здесь, – ответила я. – Возможно, прямо за стенкой.

– Ой, а у меня тоже, может быть, за стенкой на соседней койке какой-нибудь кандидат? Их же вроде всех арестовали!

– Ага, и если учесть, что мужиков подолгу в одной камере не держат, а все время переводят туда-сюда, то, может быть, у тебя за стенкой все кандидаты успеют переночевать, – включилась в фантазирование Лена.

– Ну что ж, отлично, – ответила Света. – Вот выйду из тюрьмы и буду интервью за деньги давать: «Я переспала со всеми кандидатами в президенты!».

После отбоя я заползла под шконку и кое-как устроилась на неудобном дощатом лежбище. Никакие ужасы в голову не лезли, наоборот, наступило полное спокойствие. Все происходящее было настолько абсурдным, что я твердо верила: это не может быть всерьез и уж тем более надолго. И если даже предположить, что это не сон, а просто морок, массовая галлюцинация и всеобщее помешательство, все это должно пройти, рассеяться, забыться очень быстро. Говорят, первые ночи в тюрьме большинство вообще не может заснуть. Со мной это произойдет потом, а в ту первую ночь в СИЗО сон окутал меня очень быстро. Перед тем как провалиться в него окончательно, я вдруг вспомнила, что в пятницу у моего Дани новогодний утренник в детском саду. Он очень хотел пойти на утренник («Мама, а можно, я оденусь в костюм машинки?»). Мгновенно прибавив трое суток к моменту водворения в СИЗО, я поняла, что мы успеем на утренник: трое суток закончатся как раз в четверг вечером и я вернусь домой. Так что заснула я спокойно и почти радостно: я все успею, у нас будет и утренник, и елка, и Дед Мороз.

В шесть утра кормушка открылась, и нам скомандовали: «Подъем!» В окошко сунули кипятильник, и сонная Света метнулась, успев схватить его. А иначе – камера останется без чая и кипятка до обеда, ведь кипятильник выдают три раза в день. Кто не успел – тот опоздал. Я высунула голову из-под шконки, не сразу сообразив, где нахожусь и кто эти люди.

– О, смотри, Лен, первая леди из-под лавки выползает! – захохотала Света.

Она не злорадствовала – просто таков, как выяснилось, стиль общения в камере. Чтобы не впасть в депрессию, нужно много смеяться. Нет, не так: нужно громко ржать, гоготать, подшучивать друг над другом (это непременное условие, потому что если все начинают жалеть себя и друг друга, становится невыносимо). Мы ржали все время. Часто ночью кормушка открывалась с грозным окриком: «Прекратить шум после отбоя!» И женский хохот из другой камеры тоже слышали. И начинали смеяться еще громче. Это был сигнал нашим знакомым из второй женской камеры: девчонки, у нас тоже все в порядке, мы не сдаемся и смеемся вместе с вами.

Все утро я расспрашивала сокамерниц о здешних порядках. Ничего, отвечали они, жить можно. Условия относительно нормальные, вот на «володарке», говорят, и по сорок человек в камерах бывает, и лежать днем нельзя, а у нас здесь, как в пионерском лагере: после утреннего обхода можно ложиться спать, да и днем послеобеденный сон – это святое. А чем, собственно, здесь еще заниматься? Здесь главная задача – убивать время. Потому что оно невыносимо. У всех арестованных отбирают часы, и сутки разрастаются, как раковые клетки. Они кажутся бесконечными. Отсутствие ориентации во времени – это действительно очень тяжелое испытание. Спустя несколько дней я, как и мои сокамерницы, научилась ориентироваться по звуку, будто летучая мышь. Прогрохотала телега с кастрюлей – значит, завтрак, семь утра. Врубилась громкая музыка – половина девятого, первая смена пошла на прогулку. Взлетела стая ворон с громким карканьем – половина пятого вечера. А ночью и вообще, если прислушаться, можно различить бой часов на башне здания, что напротив КГБ.

День казался бесконечным. Когда за маленьким окошком под потолком, в которое можно рассмотреть кусок того, что называют «небом в клеточку», окончательно стемнело, за мной пришли. А Лене и Свете велели собираться с вещами на выход. «Блин, опять переводят! Интересно, куда? – заговорили они, бросаясь собрать свои пакеты. – А ты не переживай, мы твои вещи соберем!». Собирать мне, впрочем, было еще нечего, если не считать шконаря, матраца и миски с кружкой.

В следственном управлении КГБ меня первым делом ознакомили с постановлением о создании следственной группы по делу о массовых беспорядках. В группу вошли следователи КГБ и МВД, да еще и прикомандированных из разных областных управлений включили. Получалось, что на каждого арестованного – персональный следователь. Все говорило о том, что готовится громкое уголовное дело с показательным судом и суровыми приговорами. На обороте нужно было поставить свою подпись: дескать, с постановлением о создании следственной группы ознакомлена. Я кинулась читать фамилии тех, кто уже подписал, чтобы узнать, кто еще

арестован. Подписей Наташи и Насти не было. Зато я узнала, что арестован политолог Александр Федута из штаба Владимира Некляева, христианский демократ Павел Северинец из штаба Виталия Рымашевского, председатель Объединенной гражданской партии Анатолий Лебедько (партия выдвинула кандидатом как раз-таки Романчука, который накануне каялся, оговаривая всех остальных, но и это, как оказалось, не спасло лидера партии).

Следователь мне достался из прикомандированных – Александр Лавренчук. В мирной жизни, как выяснилось, он работает следователем в Гродненском областном УКГБ. Его выдернули из Гродно с важной миссией – разоблачить преступный антигосударственный заговор. «Я все равно докажу, что вы лично организовали массовые беспорядки!» – с гордостью заявил он по окончании допроса. Я от дачи показаний не отказывалась, добросовестно рассказывала, что видела на площади. Оказалось, видела я куда меньше, чем показывали телеканалы. Оно и понятно: когда находишься в одной точке большой толпы, никогда не разглядишь, что происходит даже в двадцати метрах от тебя. А тех, кто бил стекла в Доме правительства, я и подавно не видела – их плотно окружили телеоператоры и фотокорреспонденты, так что, даже подойдя близко, я не могла увидеть их лица – только плотно сомкнутые спины операторов и вспышки фотоаппаратов. Так что, по логике нормального следствия, я даже и в свидетели-то не годилась – ничего существенного не видела. Но поскольку меня назначили главной террористкой, следователь аж разбух от важности спецзадания и небывалого кредита доверия, которое выдала ему власть: скромняге из Гродно, всю жизнь копающемуся в мелких взятках, доверили допрашивать фактически мировую террористку номер 2 (после Бен Ладена, конечно)! Мне казалось, что еще немного – и Лавренчук или взлетит к потолку, как воздушный шарик, или лопнет. В тот момент я поняла, что означает выражение «его распирало». Вернее, я это увидела.

В камеру меня привели около девяти вечера. Я еще не ориентировалась в тюремном пространстве и не сразу поняла, что меня привели совсем в другую камеру. Эта была тоже

маленькая, но четырехместная, с двухъярусными нарами. На нарах сидели женщины. Их было как-то подозрительно много для этого небольшого помещения. Выяснилось, что я на этом празднике жизни – седьмая. И тут я увидела Наташу Радину и Настю Положанку.

– Ну что? – спросила Наташа.

– Да вот, допрашивали. Не понимаю, чего от меня хотят.

– Думаешь, я понимаю? Меня тоже допрашивали, я объясняла, что журналистка, но с ними разговаривать – что с бревнами.

– Так, девочки, разговоры потом! Человека нужно накормить после допроса! – строгим голосом пионервожатой сказала маленькая женщина лет сорока. И сунула мне в руки тарелку.

– Нет-нет, спасибо, я не хочу есть! – пыталась отказаться я. За двое суток после задержания о еде я не вспомнила ни разу. Утром, когда разносили кашу, я вообще не сообразила, что это значит. Не было не только мыслей о еде, но даже чувства голода.

– Это пройдет, ешьте немедленно! Потом будем знакомиться.

Сил отказываться у меня не было. Я послушно уничтожила содержимое тарелки и только потом сообразила, что это было вкусно.

– Простите, а это была какая еда? – косноязычно сформулировала я.

Маленькая женщина захохотала: «Вот, все в самом начале именно так себя ведут! Ничего, ко всему привыкнете. А ели вы овощной салат с охотничьей сосиской. Не думайте, это не тюремная еда. Это мне передают родственники».

Женщина оказалась чиновницей Ирой, обвиняемой во взяточничестве. Ее соседка, уже ставшая подругой, – в тюрьмах, как мне рассказали, в ходу слово «подружайка», – бухгалтер Нина, обвиняемая в неуплате налогов на огромную сумму. Нина сидела практически со всеми руководителями фирмы, где она работала, – шесть человек были разбросаны по разным СИЗО, потому что дело вел Департамент финансовых расследований, у которого нет своего изолятора. Так что

Нине еще повезло, что она попала в СИЗО КГБ. До того она успела отсидеть несколько месяцев в СИЗО на «володарке» и по собственному опыту могла утверждать, что здесь лучше, насколько вообще может быть лучше в тюрьме. Но все, как известно, познается в сравнении, и оказывается, что «американка» лучше «володарки», а «володарка» наверняка лучше концлагеря. Правда, когда моего мужа перевели из «американки» на «володарку», он написал мне, что после мрачного СИЗО КГБ тюрьма на Володарского – просто образец гуманного и корректного отношения к заключенным.

Оказалось, что других женщин в тюрьме нет, – нас всех собрали в одной камере. Тут я заметила, что к стене прислонены три шконаря, а места на полу едва хватит для одного. В камерах с двухъярусными нарами первый ярус слишком низкий, так что под койку с доской ну никак не влезешь.

– Девочки, а что мы ночью будем делать?

– Никаких проблем! Две Иры лягут валетом на одной нижней койке, Наташа с Ниной на другой, а Настю мы уж как-нибудь на доску уложим. Матрацев и одеял хватит.

Укладываясь на узкую шконку с чиновницей Ирой, я вспомнила выражение «ляжем – сравняемся». Нет, подумала тут же, правильнее будет «сядем – сравняемся». Ира занимала высокую должность в Минском облисполкоме и с легкостью входила в высокие кабинеты. А я ходила на оппозиционные митинги и презирала тех, кто работает во власти. На одной шконке мы стали совершенно одинаковыми. Спорить о политике не хотелось. У нас были другие задачи: каким-то образом вдвоем угнездиться на узкой неудобной койке и попытаться заснуть. Потому что сон в тюрьме – спасение. Он убивает время. И позволяет с облегчением думать, что еще один день заключения позади. В любом случае и при любом приговоре ты становишься на день ближе к свободе.

ЗДРАВСТВУЙ, ЖОПА НОВЫЙ ГОД!
Как проводят новогоднюю ночь в СИЗО КГБ

Эх, хорошо в тюрьме в Новый год! Гарантированы два дня тишины и полного покоя. Не лязгают двери камер, никого не таскают на допросы, не проводят в камерах шмоны – у всех выходные. Праздника хотелось, хоть и в тюрьме. И мы решили встретить его, как положено, – за праздничным столом. Ну и пусть мы зэки, а праздник никто не отменял.

Принцип продуктового «общака» в нашей камере был незыблемым, как, наверное, и во всех остальных. Продукты принадлежали всем. Каждый брал, что хотел, хотя выбор был невелик. Если до Нового года заключенным можно было передавать выпечку, сыр, шоколад, зефир, вафли, рыбу, сало, то после Нового года все это исключили из списка разрешенных продуктов. Но перед Новым годом у нас в камере неожиданно образовался роскошный для тюрьмы набор продуктов.

Лену муж порадовал копченой рыбой и несколькими «нарезками» семги, форели и лосося. Мне родители передали мой любимый сыр «Маасдам», кучу сладостей и пакет домашнего «хвороста». Настя недоумевала, что делать с огромным кульком чернослива. «Не беспокойся, – сказала Лена, – сделаем из него отличное новогоднее блюдо». Ну и, конечно, изобилие разных видов копченой колбасы (ее передавали всем), овощей и фруктов.

31 декабря пришлось на пятницу – «помывочный» день. «Вот здорово! – говорили сокамерницы. – У нас, как в “Иронии судьбы”: 31 декабря мы ходим в баню. Значит, новогодняя программа такова: утром идем на прогулку, потом – мыться, потом устраиваем себе послеобеденный сон, а вечером начинаем нарезать салаты. Все, как дома».

Мы с Настей писем не получали, а Лене каждый день приносили письма от мужа. Он писал ей, что Новый год отмечать не будет. 1 января – просто обычный выходной день, суббота. Никакого праздника.

А мы вот хотели праздника. Девчонки мечтали: вот если бы в камерах были телевизоры, то можно было бы написать

заявление, чтобы разрешили в Новый год посмотреть его подольше – хотя бы до часу ночи. А так – будем сами создавать себе праздничное настроение.

– Предлагаю меню! – провозгласила Лена. – Настин чернослив нафаршируем сыром с чесноком и оливковым маслом. В овощной салат тоже добавим сыра – для вкуса – и немного той приправы, которую Насте передали с макаронами «Ролтон». Девочки, с макаронами как-нибудь потом решим, а приправки эти сделают салат вкуснющим. Рыбные-колбасные нарезки красиво выкладываем, а на десерт – фруктовый салат. Кстати, во фруктовый салат предлагаю накрошить шоколада и зефира.

Лена, к слову, знала столько рецептов «супа из топора» – вкусных и даже изысканных блюд из самых простых продуктов, которые есть практически в каждом холодильнике, – что два дня мы с Настей сидели и записывали под ее диктовку рецепты в тетради.

– Лена, – говорили мы с Настей, – как только мы окажемся дома, начнем готовить по твоим рецептам!

– Вы еще приедете ко мне в гости, и я вам столько всяких секретов раскрою – будете лучшими кулинарками в городе.

– А твой муж нас к тебе в гости не пустит, мы ж особо опасные.

– А я ему скажу, что у меня спецзадание КГБ – присматривать за вами. И куда он денется после этого?..

А 31 декабря мы суетились вокруг стола, как на собственной кухне. Настя смешивала сыр с чесноком и оливковым маслом, я запихивала смесь в черносливы. Мне казалось, что получится непереносимая гадость. Но блюдо оказалось чрезвычайно вкусным. В качестве шампанского мы разливали пенящуюся «Фанту» и чокались металлическими кружками. Наш новогодний стол казался по-настоящему вкусным. И – на тюремном фоне – действительно праздничным.

А еще Насте передали салфетки с новогодними рисунками – снежинками, снегурочками, оленями и прочей лабудой, которая показалась нам чем-то невероятно красивым. Салфетки аккуратно разложили на тумбочках и на столе. В общем, можно было праздновать. В кормушку заглянул охран-

ник, с интересом посмотрел на наше изобилие. По-моему, он позавидовал.

Вечером по команде «Отбой!» мы улеглись на шконки и решили попытаться заснуть. Но после шуршания пакетов снаружи и осознания, что кого-то в этот момент освобождают, нам стало так весело, что мы решили продолжить праздник. Мне слезать с верхних нар было лень.

– Девчонки, я объелась, празднуйте без меня!

– Все равно слезай, нам без тебя скучно! Хоть «Фантой» чокнись!

Это стало нашей традицией. Холодильника в камере не было, и всевозможные колбасы-сыры мы на ночь привязывали к решетке форточки. Но каждый вечер сооружали себе некоторое количество (немаленькое, прямо скажем) бутербродов, которые с удовольствием съедались ночью. Охранники иногда не скрывали удивления: вроде три минуты назад заглядывал – все дисциплинированно и тихо лежали под одеялами. Спустя три минуты – прыгают вокруг стола, смеются и что-то жуют.

А вот обитательницы камеры, в которой сидела Наташа Радина, полуночи и боя часов на башне, который слышен в тюрьме ночью, не дождались. Нет, они тоже отметили Новый год – например, салатом из авокадо. Из косточки авокадо Наташа соорудила человечка, которого они прозвали домовым – он должен был символизировать добрый дух камеры № 14. Из новогодних салфеток, переданных кому-то из дома, девушки вырезали оленей и Дедов Морозов и расклеивали по камере. Этим мы тоже, кстати, грешили, а еще вырезали из журналов всякие картинки с еловыми ветками, мандаринами и прочей новогодней лабудой, которая в тюрьме казалась такой трогательной.

Сокамерница Света, которую арестовали 31 марта прошлого года и к Новому году она сидела уже девять месяцев, рассказывала, что, когда ее только арестовали, «старосидящие» тоже вырезали всякие лубочные картинки из журналов и умилялись: «Смотри, какая прелесть!» Света не понимала, что тут такого очаровательного. А спустя полгода тоже начала вырезать и клеить на тумбочку.

1 января мы объявили выходным и отказались от ежедневной уборки. А вот Наташа Радина рассказывала, что в семь утра 1 января устроила стирку. Кипятильники из камер забирают в половину восьмого, и нужно было успеть. Она говорила: «Знаешь, обычно в новогоднюю ночь именно в семь утра я ложилась спать. А тут – стирка. Это было так странно!»

А еще Наташа всегда, что бы ни происходило, встречала Новый год со своими родителями в городе Кобрине. И только арест заставил ее отказаться от традиции. Вечное суеверие – как встретишь Новый год, так и проведешь – подсказывало ей, что раз не получилось встретить праздник с родителями, то и из тюрьмы она не выйдет и проведет весь год без них. Но получилось иначе: Наташу освободили под подписку о невыезде, и 1 апреля она сбежала из Беларуси. Так что все-таки сработало. И теперь мы точно знаем: «как встретишь Новый год, так его и проведешь» – это плохая примета.

Ночью, лежа на шконке, я сказала:

– Как странно – мы здесь в новогоднюю ночь, случайные друг для друга люди, а ощущение полной близости. Это совместная нарезка салатов так действует или синдром попутчика?

– Конечно, синдром попутчика! – отозвалась Лена. – Смотри, наша камера похожа на купе. И мы все поехали в путешествие. Считай, что громыхание кормушек – это стук колес.

– Поехали! – отозвалась с нижней полки Света. – Мне вот только очень интересно, кто из нас выйдет на первой остановке?

Первая остановка, как оказалось, была моя. Но я не вышла из поезда. Просто меня переселили в другой вагон.

СИЗО В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
Что думают в мужских камерах по поводу великосветских именин

А еще в Новый год мы решили погадать по книге. Тогда у нас в камере еще был «Мастер и Маргарита». Мы наугад открывали страницы. Помню, что мне выпала цитата: «Я улетаю! – кричала Маргарита».

– Ну вот, скоро выйдешь, – тут же расшифровали тайный смысл сокамерницы.

А еще мы с Настей гадали на Уголовном кодексе: тыкали пальцем наугад, и это должно было указать статью, по которой нас будут судить. Выпало «Оскорбление судьи или народного заседателя».

– Ну, за это срок вообще не предусмотрен, – объясняли нам старожилки, за месяцы заключения успевшие выучить УК наизусть, – максимум «химия». Все лучше, чем от пяти до пятнадцати! (Кстати, цифры и привычные выражения с числительными в тюрьме начинают звучать зловеще. Лена, окончившая пединститут, как-то сказала: «А я ведь раньше не думала, что “молодец, садись, пять!” имеет совсем другой смысл». А «От двух до пяти» – вовсе не книга Корнея Чуковского, а тюремный срок.)

Гадание по книге – одно из нехитрых развлечений в женской камере. Берешь книгу, мысленно задаешь вопрос – и открываешь наугад. Правда, с книгами после нашего появления в тюрьме стало совсем худо. Если на «володарку» родственники могут передавать заключенным книги, то в «американке» это категорически запрещено. Единственная возможность – это купить нужную книгу на отоварке. Прямо напротив КГБ находится Центральный книжный магазин. И можно в предназначенный для покупок день вписать в свой список книгу, но обязательно нужно указать все выходные данные. А кто может их знать? Вот и приходится обходиться местной библиотекой.

Библиотечный день – четверг. Нужно заранее написать заявление от камеры на имя дежурного: «Просим произве-

сти замену книг». В первый же вечер я обнаружила в камере кроме «Мастера и Маргариты» рассказы Чехова, повести Веллера, роман Климонтовича и пару авантюрных романов Шелдона. «Ничего, жить можно, будет что читать», – подумала я. Перед Новым годом нам книги не поменяли – слишком много беготни, вероятно, было по случаю массового ареста декабристов. Но спустя две недели мы все-таки выпросили другие книги. Лучше бы мы этого не делали и оставили себе Чехова!

В кормушку нам протянули большую стопку книг. На каждой обложке – непременная томная красавица в объятиях такого же красавца. И названия все – производные от «Томления страсти». Мы с ужасом начали читать аннотации: «Суровый норманнский рыцарь встречает юную красавицу», «На яхту, путешествующую по Карибскому морю, нападают пираты и берут в заложницы юную дочь капитана», – и так далее.

– А что-нибудь другое дадите, может?

– Не дадим, не положено!

– Ну хоть Донцову дайте!

– Не положено!

На следующий день начальник СИЗО вызвал меня поделиться собственным креативом:

– Ну как вам книжки? Я специально сказал подчиненным, чтобы вам только такие книги теперь приносили.

– Но зачем?

– Так вы ж в тюрьме, а какая тюрьма без пыток? Вот женщин мы и решили пытать любовными романами.

– А мужчин?

– По-разному. Федуту я, например, все пытаюсь склонить к голодовке (в Александре Федуте – килограммов 130 веса. – *Авт.*). А Лебедько посадил в камеру с мошенником, который убеждал его, будто работает начальником Байконура. А еще до того Лебедько с погромщиками сидел и просил, чтобы его куда-нибудь перевели. С ними, жаловался, даже поговорить не о чем.

Приличных книг в камере мы больше не видели. Приходилось читать то, что есть. И даже гадать по этим книжкам.

Тоже было развлечение: задаешь мысленно вопрос, что тебя ждет завтра, и книжка на любой странице непременно выдает бурные любовные приключения. Кстати, вот что любопытно. Вся эта любовная макулатура издавалась начиная с середины девяностых. Но на всех книгах стоит штамп «КГБ БССР». Неужели за двадцать лет независимости никто не сообразил, что нужно изготовить новые штампики? А может, просто денег не хватило? Политический сыск, как известно, недешевое удовольствие.

Лежа на шконках с книгами в руках, мы время от времени обменивались репликами:

– Ир, что там с твоей героиней происходит?

– Свет, она сейчас спит с французским королем с целью шпионажа в пользу Британии. А твоя?

– А мою пираты с яхты похитили – она, дура, и обрадовалась.

Другой женской камере, в которой сидела Наташа Радина, повезло больше: им однажды с кучей обложек с красотками случайно принесли «На Западном фронте без перемен» Ремарка и «Монахиню» Дидро. «Монахиня» относилась, разумеется, к числу женских романов, но вся Наташина камера прочитала ее с удовольствием и репликами вроде: «Когда б на воле руки до Дидро дошли?» А еще однажды приволокли здоровенный брусок «Угрюм-реки». То есть дамы из другой камеры были везунчиками по сравнению с нами. О мужчинах и говорить нечего: мой муж, сидевший в соседней камере, во время следствия перечитал Фолкнера, Диккенса, Манна, Фейхтвангера, Толстого, Достоевского. Когда после приговора его перевели в СИЗО № 1 (на «володарку»), он жаловался в письме, что библиотека «володарки» куда беднее, чем библиотека СИЗО КГБ. А потом еще и библиотекарь ушел в отпуск, и завис мой муж с томом Теккерея надолго. До самой отправки на зону.

Когда Наташа Радина читала «Монахиню» Дидро, она обратила внимание на то, что некоторые буквы в книге подчеркнуты. В совершенно произвольном порядке. Наташа от нечего делать (а в тюрьме, в принципе, нечего делать 24 часа в сутки) начала складывать подчеркнутые буквы: а вдруг это

тайный шифр? Она оказалась права. Буквы легко сложились, и получилась фраза: «Болдин – стукач». Так, наверное, заключенные СИЗО КГБ, вычислившие стукача, использовали единственную возможность распространить информацию. Ведь в СИЗО КГБ нет никакой «внутренней почты», перестукиваний, маляв и прочей тюремной атрибутики. Но – голь на выдумки хитра. Думаю, тайна того неизвестного Болдина была раскрыта. Книги – единственное, что кочует из камеры в камеру, а значит, становится коридором для передачи информации.

Света рассказывала, как однажды уже читала подобную книгу, явно побывавшую в мужской камере. Чтиво оказалось чертовски увлекательным, потому что литературной основой после прочтения мужчинами становились пометки на полях. Особенно ей почему-то запомнилась фраза, сопровождавшая описание великосветских именин с кринолинами и оркестром: «Е...л я такие именины!»

Примерно то же самое мы произносили, получая очередную порцию красавиц на обложках.

СИЗО-FM. ПРОГУЛКИ ВОКРУГ БАРАКА

Как научиться ходить по кругу в треугольном пространстве

– Доброе утро! В камере четыре человека, дежурная – Халип. На прогулку идем, письма на тумбочке, заявлений нет.

С такого рапорта дежурному помощнику начальника СИЗО начинается наш тюремный день. Обход камер – в восемь утра. А подъем – в шесть. Все койки тут же должны быть застелены, спать больше нельзя. Но в восемь, после обхода, можно валиться спать снова.

В первый месяц, впрочем, спать можно было и после подъема до самого обхода. Главное, чтобы койки были застелены. Мы поступали просто – не расстилали их на ночь, ложились поверх заправленного казенного одеяла, а укрывались вторым одеялом или пледом, переданным родственни-

ками. У каждой из нас был домашний плед. А вставали мы по очереди: если все четыре обитательницы нашей камеры № 10 одновременно спрыгнут в узкий проход, то никто не сможет нормально умыться, выполнить нехитрые гигиенические действия и переодеться. Так что наш распорядок был иной. Первой, под аккомпанемент крика «Подъем!», вскакивала Света. Метнувшись пантерой к кормушке, она хватала кипятильник и втыкала его в кувшинчик с водой. Спустя полчаса с верхней шконки сползала Лена. Света к тому времени уже сидела при полном макияже и подкрашивала губы. Лена заваривала утренний кофе для всех. В семь была моя очередь. Как всякая «сова», я утром поднимаюсь очень тяжело. И только кружка дымящегося кофе примиряла меня с тюремной действительностью. А в семь тридцать, за полчаса до обхода, мы всей камерой начинали будить Настю. Настя ухитрялась заснуть даже сидя.

Прогулки начинаются в восемь тридцать. Поскольку камер в тюрьме КГБ 18, а двориков – 6, гулять выводят в три смены. Можно выбирать, на час или на два часа камера пойдет гулять. Зимой, понятное дело, все предпочитают час. Летом, в дикую жару, по рассказам Светы, камера просилась в первую смену и на два часа. И, пока жара не становилась невыносимой, можно было даже насладиться прелестью летнего утра.

Самый жуткий дворик – шестой. Его заключенные называют «собачником». Он крохотный, с решетчатой стеной, треугольной формы. Однажды, когда на прогулку пошли мы с Настей, нас заперли именно в «собачнике». И приказали: руки за спину, ходить по кругу, не переговариваться. «Настя, – шипела я, – интересно, а как можно “ходить по кругу” в треугольнике? Они что, не знают слова “периметр”?». Может, вертухаи и знали слово «периметр», но не задумывались. Ходить по кругу – штамп, хорошо знакомый со времен Лубянки, а то и с более ранних, так зачем адаптировать такое замечательное словосочетание к треугольной клетке?

Впрочем, «концепция» у администрации менялась регулярно. Спустя несколько дней нас вывели в другой дворик и заперли без всяких директив. Мы потоптались, потом при-

сели на лавку (в каждом дворике есть небольшая скамейка – наверное, все-таки ходьба по кругу с руками за спиной была чьей-то импровизацией и долго не продержалась). Никто сверху (над каждым двориком решетка, через которую наблюдают за заключенными) нас не остановил. Чувство было, будто мы уже почти на свободе. Это ж надо, какое счастье: хочешь – ходи, хочешь – сиди на лавочке!

На каждой прогулке я заглядывала в мусорку, куда зэки бросают окурки. Искала окурки от красного «Винстона» – именно такие курит мой муж, и это могло бы означать, что он здесь был в предыдущую смену. Не знаю, чем бы мне это морально помогло, но всякий раз я заглядывала в урну: а вдруг? И даже, не найдя следов «Винстона», надеялась: а вдруг Андрей уже на свободе? Догадывалась, что вряд ли это возможно, но в тюрьме в любой мелочи хочется видеть некий добрый знак.

Чтобы заключенные из соседних двориков не слышали друг друга и не переговаривались, с начала прогулки врубается громкая музыка. Чаще всего – какие-то дурацкие радиостанции, чьи песни слушать в нормальной жизни невозможно. Мы-то не выбираем, но неужели есть свободные люди, которые включают их в машине, а то и дома? Всю эту музыкальную муть мы называли СИЗО-FM. Впрочем, был среди охранников один – по прозвищу Белые Розы, – который всякий раз включал запись «Ласкового мая». Другой – для разнообразия, вероятно, – запись белорусского шансонного исполнителя Виктора Калины, отсидевшего несколько лет, с тягучими надрывными песнями на тему «Володарка, Володарка!». А вот про «американку» песен еще никто не сочинил. И зря. Их бы с удовольствием слушали в чиновничьих кабинетах.

На прогулки всей камерой мы не ходили. Выходили попарно: или Лена со Светой, или мы с Настей. Дворики слишком маленькие, а прогулка – единственный шанс сменить обстановку и остаться не в полном составе камеры, а в усеченном. Тем более что четыре человека в таких маленьких двориках вряд ли могут нормально передвигаться.

А бывало, что не выходили вообще. Оттепель, сменяющаяся морозами, часто делала тюремные дворики совсем не-

пригодными для прогулок. Они и так не очень-то годятся, но в гололед и вовсе опасны. И если в «собачнике» еще можно удержаться на ногах, схватившись за решетку, то в бетонных стенах остальных двориков никаких выступов нет. И доказывай потом, что сломанная нога – это не членовредительство, а результат падения на скользкой поверхности. Так что, отказываясь от прогулок, мы чаще всего снова ложились спать.

Впрочем, не все. К примеру, Света каждое утро, едва первая смена заключенных уходила на прогулку, стучала в кормушку и, когда вертухай спрашивал «чего надо?», просила лак для ногтей, жидкость для снятия лака, пинцет для выщипывания бровей (все эти дамские штучки хранятся не в камере, а в шкафчике за дверью и выдаются по требованию). При том, что в шесть тридцать утра она всегда уже была при полном параде. Едва ли не каждое утро она занималась маникюром. Обрывала с кофточки мелкие стразы и лепила их на ногти – получалось декоративное покрытие, как в дорогом салоне красоты. Однажды ее вызвали на допрос, и тут Света обнаружила, что лак на одном ногте облупился. Она устроила истерику вертухаю: «Если вы мне не дадите лак немедленно, я никуда не пойду!»

Мы замерли. Казалось, сейчас Свету отправят в карцер или в лучшем случае ворвутся с дубинками и накостыляют. Но ей, вообразите себе, выдали вожделенный лак цвета пожарной машины, да вертухай что-то пробурчал насчет «с дурными связываться неохота». Света ушла на допрос спокойная, помахивая свежевыкрашенными пальцами.

Вообще, тяга к косметическим процедурам в тюрьме неистребима. В мой первый вечер, когда сокамерницы угостили меня кофе, предупредили:

– Только гущу не выбрасывай. Вон в ту баночку ее складывай.

– Зачем?

– Как зачем? Добавляем к гуще оливковое масло – и скраб для тела готов. В пятницу в душ поведут – оценишь.

– Да зачем вам здесь нужен скраб для тела?

– Слушай, здесь холодно. Так что спим мы в одежде. Да еще и в двух парах носков. Вот и подумай: если ты вообще

никогда не раздеваешься, что происходит с кожей? А наш самопальный скраб очень выручает.

Теперь могу подтвердить: действительно выручает.

В первый же вечер, когда я еще плохо понимала, что происходит, сокамерницы выдали мне бумагу и ручку и посоветовали написать письмо домой. Диктовали, что должны передать родственники. Я записывала. Когда дошли до декоративной косметики, я искренне не поняла: зачем?

– Как – зачем? – в свою очередь не поняли сокамерницы. – Мы же женщины!

Спасибо, девочки, за мудрые советы. После первых дней в тюрьме, когда понимаешь, что ты там надолго и нужно жить, появляются те же потребности, что и на воле. И косметика – одна из немногих потребностей, которые остаются достижимыми даже там. А еще – средства для мытья посуды, пола, сантехники. Свою камеру мы драили каждый день. Как-то я рассказала сокамерницам о посещении лагеря чеченских беженцев. Меня тогда потрясла огромная палатка, в которой пахло свежестью. На улице сушились выстиранные одеяла. Пожилая чеченка объяснила: полы моем каждый день, все скребем, чистим и одеяла стираем тоже каждый день. На вопрос, зачем бесконечно, без продыху, все мыть, чеченка ответила: «Чтобы не оскотинеть». Фраза сокамерницам понравилась. Каждый раз, ползая с тряпкой по полу, Лена говорила: «Чтобы не оскотинеть… Какое все-таки замечательное выражение!»

Иногда открывалась дверь камеры и нам пытались всучить казенное ведро с тряпкой: «Сегодня – суббота, санобработка!» Мы хохотали: у нас-то каждый день санобработка, а они тут пытаются ведром напугать. Впрочем, требования к уборке камер менялись в зависимости от «критических дней» тюремного начальства. Иногда нам пытались втюхать ведро раз в неделю, а иногда вдруг двери распахивались каждый час. Когда мы объясняли, что пол сегодня уже мыли, нам говорили: а отныне санобработка семь раз в день! На следующий день ведро не появлялось вообще, а потом снова начиналась паранойя. Впрочем, гнать дядьку с ведром – это было даже развлечение.

Вообще-то все требования – сколько раз и когда нужно убирать – регулируются «Правилами внутреннего распорядка». Каждый арестованный расписывается, что с правилами ознакомлен. Зеленые тетрадки правил висят в каждой камере. Но перед Новым годом дежурный прошел по всем камерам и забрал правила. Сначала мы с ужасом ждали, что нам их вернут – только с какими-нибудь концлагерными нововведениями. Но шли дни, а правил не было. Потом мы о них благополучно забыли. Лена прокомментировала:

– Никаких тетрадок больше не будет! Потому что в них прописаны не только наши обязанности, но и права. Отныне прав у нас нет. А про обязанности нам и так напомнят.

Так оно, кстати, и получилось. Зеленые тетрадки исчезли из обихода, хотя каждый новый арестованный обязательно расписывался, будто ознакомлен с правилами внутреннего распорядка. Впрочем, едва ли в других тюрьмах вертухай, прежде чем врезать дубинкой кому-нибудь, заглядывает в зеленую тетрадку, чтобы выяснить, разрешено ли это правилами.

СВОЛОЧИ

Что творилось в нашем доме после ареста

Когда меня в зале суда освободили из-под ареста, многие знакомые начали спрашивать: «А Даня теперь пойдет в детский сад?» Я всем отвечала одно и то же: «В это гестапо он больше не пойдет!» Он и не пошел. Зато осенью 2011 года туда пришел пьяный урод и начал избивать детей, угрожая воспитателям пневматическим ружьем.

Да-да, речь идет об одном и том же. Это в детском саду № 26 города Минска 24 декабря 2010 года заведующая Лилиана Стрельская проявляла недюжинную бдительность и с помощью педагогов и нянечек перекрывала все выходы из детского сада, чтобы – Боже упаси! – моего сына не увели из цепких рук государства бабушка и дедушка. И это она же предоставила пьяному уроду полную свободу действий – войти на территорию детского сада и начать бить малышей. С

тем же успехом он мог быть не с пневматическим оружием, а с огнестрельным. Или с гранатометом. Или с бомбой. Или это мог быть не он, а кто-то другой с целью киднеппинга. Заходите, открыто для всех! Только для родственников детей врагов народа все задраено наглухо.

Плевать мне на то, что чувствовала Стрельская в тот момент, когда все это началось. И речь не о ней. А о том, что сегодняшний белорусский детский сад – это такая же часть нашей преступной системы, как и все остальные госорганы. В детских садах охрана не предусмотрена. Их ворота всегда нараспашку. Детей охранять не нужно, потому что они не являются сотрудниками Центризбиркома. Сколько штыков 19 декабря охраняли Дом правительства? Говорят, в центре города в тот вечер их было около восьми тысяч. То есть на дармоедов, которым от митинга до митинга решительно нечего делать, кроме как громко портить воздух, у власти деньги есть. А на то, чтобы поставить по охраннику в каждый детский сад, – нет. И никакие управления образования, министерства и прочие чиновничьи рассадники, куда, кстати, просто так не войдешь, – ни разу не устроили скандал с требованием выделить бюджетные деньги на охрану детских садов. Потому что их воспитанники по возрасту еще далеки от БРСМ или «Белой Руси», а значит, интереса для власти не представляют. И я рада, что мой Даня больше не ходит в детский сад.

Самое трудное в тюрьме – это заблокировать собственные мысли о семье. Попытаться не мучиться вопросами «как они там, без меня?». Не рисовать в воображении страшные картины плачущих родных. Не вспоминать об их недугах. Не задавать самому себе вопросы «а может, не стоило идти на площадь?». Не видеть их во сне, наконец.

К счастью, в тюрьме я так и не узнала, что происходило с моей семьей после нашего с мужем ареста. Не узнала, что на следующий же день, когда в доме находились мои родители и тогда еще трехлетний сын, поздним вечером в замке начал поворачиваться ключ. Само собой, они не верили, что это мы возвращаемся домой. Но родителям стало страшно: ведь если наши ключи у спецслужб, теперь они могут не утруж-

дать себя соблюдением хотя бы каких-то юридических процедур. Они могут приходить и уходить в любое время суток, и никакого чувства защищенности запертая дверь больше не дает. Дом разрушился. Потому что какой же это дом, если туда открыт доступ врагам?

В квартиру вломились восемь человек в штатском и, не обращая внимания ни на родителей, ни на сына, рассыпались по комнатам. Их не интересовал компьютер – первое, что ищут при обыске. Значит, они искали не что-то, а кого-то. Позже мама предположила, что искали нашего друга Николая Халезина, художественного руководителя «Свободного театра», который активно участвовал в избирательной кампании моего мужа. Коля прятался, за его домом следили, и ему удалось сбежать из Беларуси только в новогоднюю ночь – лежа на полу микроавтобуса.

Первый сигнал с воли о том, что с моими родными что-то неладно, я получила через два дня после ареста. Меня повели на допрос, еще в качестве подозреваемой, и адвокат сказал:

– Со мной заключил соглашение ваш папа. А что, у него недавно инсульт был?

– Не было у него никакого инсульта. А почему вы подумали?

– Да ходит он как-то странно, неуверенно, будто ходить не может.

Только потом я узнала, что в тот самый день, когда папа бежал, чтобы успеть в юридическую консультацию, у него произошел разрыв сетчатки глаза. И ходил он «странно», потому что не мог привыкнуть к своему полуслепому состоянию. В январе он перенес три операции, но мне об этом никто ничего не сказал, а письма нам не приносили. Впрочем, мои родные все равно ничего об этом не написали бы – просто чтобы мне спокойнее сиделось.

Но самую жуткую новость я узнала 29 декабря, спустя 10 дней после ареста, когда мне предъявляли обвинение. На предъявление обвинения пришел адвокат и сказал, что за моим сыном приходили представители органов опеки и

хотели забрать его у моих родителей. Но пока он дома. И все. Больше никакой информации.

А больше со мной никаких следственных действий не проводили, меня не вызывали на допросы, и встретиться с адвокатом я не могла. А просто для встречи с подзащитными наших адвокатов в СИЗО КГБ не пускали вообще. Они сидели возле бюро пропусков целыми днями, но им говорили, что нет свободных комнат. А мы ничего не знали о том, что происходит с нашими семьями.

О том, как Даню пытались похитить из детского сада, написали, по-моему, все издания мира. Так что не буду повторяться. Напомню лишь, что заведующая детским садом Лилиана Стрельская расставила весь педагогический состав возле всех выходов, а воспитатели и няни тупо выстроились во фрунт и ни одна не сказала начальнице: «Да пошла ты!» Интересно, эта тетка, похожая на хрестоматийную советскую буфетчицу, получила премию за стратегическое мышление? А воспиталки – за послушание что-нибудь получили, кроме копеечной зарплаты? Не знаю. Мне совершенно не интересна ее судьба, а также проблемы выживания педагогического состава детсада № 26 при их теперешних зарплатах в 70 долларов. В детский сад мой сын больше не пойдет – в гестапо детям не место. Даже лукашенковским детям.

А дальше начался ад. И хорошо, что я об этом не знала. Согласно белорусскому Семейному кодексу, на установление опекунства отводится полгода. Но есть там одна статья, которую редко используют, а потому о ней не знают даже многие адвокаты. Там написано, что срок установления опекунства сокращается до одного месяца, если родители умерли или арестованы. Заметьте, не осуждены, а просто арестованы. Если учитывать формально существующую презумпцию невиновности, то любой арестованный может выйти из тюрьмы не то что через полгода, но и завтра, и через месяц. Но по белорусскому законодательству получается, что если ты арестован – ты мертвец.

Моей маме, которая сразу же написала заявление об установлении опекунства, продиктовали длинный список документов и предупредили: за этот месяц нужно собрать

множество справок о здоровье, обойдя всех узких специалистов, причем только в районной поликлинике – по месту жительства. Я не знаю, как обстоят дела в других странах с районными поликлиниками, но в Беларуси в течение месяца попасть на прием ко всем узким специалистам невозможно. За талончиком к эндокринологу, к примеру, нужно записываться месяца за два. Обойти всех за месяц было физически невозможно. И тут на помощь пришло то, что называется сочувствием и солидарностью.

Завотделением поликлиники водила маму по кабинетам, и ее везде принимали без записи. Закрывали глаза на какие-то сопутствующие возрасту диагнозы, чтобы не осложнять принятие решения комиссией по опеке. Многие записывали номера своих мобильных телефонов и говорили: «Если вам или вашей семье понадобится помощь по моему профилю – звоните».

Когда мама приехала в психоневрологический диспансер брать справку о том, что не состоит на учете, ей сказали: «Ой, в вашем возрасте мы уже просто так справок не даем, вам нужно пройти консультацию специалиста». Мама отправилась на прием и была совершенно потрясена, когда ей показали картинку, на которой были нарисованы три цветочка и трактор, и спросили: «Что здесь лишнее?» Примерно такое же задание давали моему сыну, который тоже должен был пройти прием у психиатра. (Маме и Дане в конце концов выдали сходные заключения, что высоким интеллектом они друг друга достойны.)

Вообще-то, если честно, моего сына спасла от детдома наша семейная ненависть к государству в любом обличье: от ЖЭСа до правительства. Если бы не эта ненависть – Даню бы не оставили с бабушкой. Дело в том, что семь лет назад у моей мамы обнаружили порок сердца и сделали сложную операцию, после которой настойчиво советовали оформить инвалидность. Инвалидность давала в те времена и прибавку к пенсии, и разные льготы. Но мама сказала: «Бегать с бумажками? Стоять в очередях за справками? Каждый год доказывать комиссии, что за это время у меня не вырос пламенный мотор вместо сердца? Да пошли они в жопу!» И это

нас спасло. Потому что инвалидность сразу же исключает человека из претендентов на опеку.

Мама отлично, кстати, себя чувствовала все эти годы. А в декабре вдруг – вернее, не вдруг – хорошо забытый сердечный приступ. Мама легла на диван и стала думать: «Если вызову “Скорую” – те сообщат в районную поликлинику, и мне опекунство не дадут, Даньку заберут. Если не вызову – могу сдохнуть. Но ведь могу и не сдохнуть! А это – уже шанс». Она использовала этот шанс.

Кстати, почти то же самое произошло с моей свекровью Аллой Владимировной. Две бабушки договорились, что если моей маме не дадут опекунство – заявление напишет свекровь. Так что ей тоже нельзя было светиться в «Скорой помощи». И когда почти синхронно сердечный приступ накрыл свекровь – та все-таки вызвала «Скорую», но назвала чужую фамилию. Представилась собственной кузиной из провинции.

Когда мама наконец с тихой дрожью открыла дверь последнего кабинета – районного кардиолога, тот сказал: «Вам нужно принимать вот этот препарат». Мама ответила: «Я и так его принимаю постоянно». Кардиолог улыбнулся: «Конечно, потому что у вас стенокардия, о которой я в заключении не написал!»

В общем, мамина справка о состоянии здоровья вполне могла сгодиться и для отряда космонавтов. Правда, гэбьё время от времени вбрасывало журналистам дезу, и на информационных сайтах появлялись заголовки вроде «Государство уже нашло приемную семью для Дани Санникова». Мои коллеги начинали звонить маме и просить прокомментировать последние новости. Мама, у которой не было компьютера, потому что обыск прошел и у нее дома, вообще не знала, о чем речь. И начинала звонить в органы опеки, где ей говорили, что до конца месяца у нее есть все права и пока никто искать приемную семью не собирается. А заодно интересовались, хватит ли у нее средств на содержание внука.

Мама говорила:

– Да как вы вообще можете задавать мне такие вопросы?!

– А вы не обижайтесь, – отвечала ей инспектор из опеки Антонина Другакова, – в моей работе положительных эмоций не бывает, – и рассказывала, как на днях одна бабушка была счастлива, потому что для внука нашли приемную семью и ей не придется тянуть его на свою пенсию.

– Если не хватит средств, я пойду мыть полы. Справлюсь, – отвечала моя мама, семидесятичетырехлетняя Люцина Бельзацкая, урожденная варшавянка. В трехлетнем возрасте она чудом спаслась из Варшавского гетто. Моя бабушка Гитель шла пешком на Восток до самой границы с СССР и несла маму на руках. Так мама спаслась от фашистов.

Спустя десятилетия она точно так же рванулась спасать своего трехлетнего внука от новых фашистов. И спасла. И если бы нужно было, она точно так же унесла бы его на руках куда угодно, подальше от сволочей.

Мама, прости меня! Не за Площадь, нет, – за когдатошнее подростковое хамство и непонимание. Мамочка, я люблю тебя.

ПАВАЛ ШАРАМЕТ / ПАВЕЛ ШЕРЕМЕТ /
PAVAL SHARAMET

Нарадзіўся 28 лістапада 1971 года ў г. Мінску. Вучыўся на гістарычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта; скончыў Беларускі дзяржаўны інстытут народнай гаспадаркі (сёння – Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт).

Журналіст, грамадскі дзеяч.

Працаваў вядучым аналітычнай праграмы «Проспект» беларускага тэлебачання, галоўным рэдактарам «Белорусской деловой газеты», дырэктарам беларускага бюро – уласным карэспандэнтам Грамадскага расійскага тэлебачання.

26 ліпеня 1997 года разам са Зміцерам Завадскім і Вячаславам Аўчыннікавым у складзе здымачнай групы ГРТ быў затрыманы каля беларуска-літоўскай граніцы, дзе яны праводзілі здымкі. Утрымліваўся пад вартай у Гродзенскай турме да 7 кастрычніка 1997 года, калі быў вызвалены пад падпіску аб нявыездзе.

28 студзеня 1998 года асуджаны на два гады зняволення ўмоўна.

Жыве і працуе ў г. Маскве.

Заснавальнік сайта www.belaruspartisan.org.

Лаурэат Міжнароднай прэміі Камітэта абароны журналістаў (1998), прэміі АБСЕ за абарону праў чалавека ў галіне журналістыкі (2002).

Сааўтар кнігі «Случайный президент» (разам са Святланай Калінкінай, 2005). Аўтар кніг «Питерские тайны Владимира Яковлева» (2005), «Саакашвили / Грузия / Погибшие мечты» (2009), «ТВ. Между иллюзией и правдой жизни» (2009).

Фрагменты дзённіка Паўла Шарамета друкаваліся ў кнізе «Случайный президент». Тэкст для Анталогіі перададзены аўтарам.

He was born on November 28, 1971 in Minsk. He studied at the History Department of the Belarusian State University and graduated from the Belarusian State Economics University.

Paval is a journalist and public activist.

Paval worked as a presenter of the analytical program *Prospect* made by Belarusian TV, chief editor of *Belorusskaya delovaya gazeta*, director of the Belarusian office – as a correspondent for the Russian Public Television.

On July 26, 1997, along with Dzmitry Zawadzki and Vyachaslau Auchynnikau as part of the ORT film crew Paval was detained near the Belarusian-Lithuanian border, where they were shooting a film. He was detained in the Grodno prison until October 7, 1997 when he was released on his own recognizance.

On January 28, 1998 was sentenced to 2 years' imprisonment.

He lives and works in Moscow (Russian Federation).

Founder of the website www.belaruspartisan.org.

Laureate of the International Award of the Committee to Protect Journalists (1998), the OSCE Prize for human rights protection in the field of journalism (2002).

Co-author of the book *Vypadkovy President* (*Accidental President)* (along with Sviatlana Kalinkina, 2005). Author of *Petsiarburgskiya sacrety Uladzimira Yakauleva* (*St. Petersburg's secrets of Vladimir Yakovlev)* (2005), *Saakashvili/Gruzija/Mertvyia mary* (*Saakashvili / Georgia / Dead Dreams)* (2009), Telebachanne. *Pamizh iliuzijaj i praudaj* (*TV. Between illusion and truth of life)* (2009).

Fragments of the diary of Paval Sharamet were published in the book *Accidental President*.

Texts for the Anthology were submitted by the author.

ТЮРЕМНЫЙ ДНЕВНИК

Так до сих пор и не удалось узнать, была ли война против корпункта ОРТ заранее спланирована и продумана или же Александр Лукашенко дал приказ на уничтожение неожиданно, под влиянием эмоций.

Едва ли в феврале 1997 года во время встречи с украинским президентом Леонидом Кучмой у Лукашенко уже созрело решение, когда он отвечал на мой вопрос:

– Кого следующего посадят в тюрьму после бывшего председателя Национального банка Тамары Винниковой?

– Следующим можете быть и вы.

Правда, после столь многообещающего ответа пять месяцев все было спокойно. Толчком к войне послужил сюжет, показанный 28 июня в аналитической программе «Время» Сергея Доренко.

Обычный сюжет, ничего особенного, о том, как в Беларуси собираются праздновать День независимости, который за год до этого придумал Лукашенко. Главная мысль репортажа – Александр Лукашенко достиг пика президентской власти, а празднования нового Дня независимости должны показать несокрушимость белорусского лидера. Реакция Лукашенко была неадекватной. Рассказывали, что белорусский президент забегал по комнате, вызвал к себе Ивана Пашкевича и приказал чуть ли не немедленно закрыть белорусский корпункт ОРТ и выслать всех его сотрудников.

Впечатление на Лукашенко произвел текст: «Белоруссия впервые будет праздновать День независимости 3 июля. Год назад этот праздник придумал сам Александр Лукашенко, и теперь, по замыслу властей, торжества 3 июля 1997 года должны продемонстрировать, что Александр Лукашенко достиг пика своей президентской власти в Белоруссии» – и то, что произносил я эти слова на фоне маршировавших ночью под бой барабанов солдат белорусской армии. Ассоциации у нас с Александром Григорьевичем возникли одни и те же.

Пашкевич дождался понедельника, позвонил мне и попросил прийти в Администрацию президента. Это пригла-

шение меня страшно удивило, ведь там журналисты ОРТ и НТВ уже давно гости нежеланные. Пришел к Пашкевичу, он молча включает видеомагнитофон и демонстрирует мне сюжет из программы Доренко.

– Павел, я не хочу тебя пугать, но дело очень серьезное.

– В чем проблемы?

– В этом сюжете есть три неправильных момента, которые унижают честь и достоинство Александра Лукашенко и оскорбляют белорусское государство. Александр Григорьевич поручил мне разобраться. Я еще раз повторяю, что дело очень серьезное. Ты должен написать письмо президенту и извиниться, и тогда я смогу исправить положение.

– А если я не напишу письмо?

– Я сказал Александру Григорьевичу, что не стоит устраивать на работу за границу еще одного журналиста, но он настаивает. Тогда тебя ждет судьба Ступникова.

На этом мы и расстались. Я пообещал связаться с Москвой и доложить о претензиях Администрации президента. Хотя сразу было понятно, что никто никаких писем писать не будет.

Лукашенко не устроила фраза о том, что День независимости 3 июля придумал он сам. В официальном письме Администрации объяснялось, что хоть идея праздника принадлежит действительно президенту Лукашенко, но поскольку эту идею утвердил на референдуме в ноябре 1996 года народ, то надо говорить, что это воля народа. Второй момент, из-за которого покарали корреспондента ОРТ, касался субботника 28 июня. По мнению белорусского руководства, из сюжета можно сделать вывод, что у правительства Беларуси не хватало денег на ликвидацию последствий урагана, поэтому оно объявило субботник, а на самом деле все было не так. Денег хоть и не хватало, но субботник объявили, потому что этого захотел народ.

Единственной фактологической ошибкой, за которую ухватились власти, был неправильный титр: бывшего депутата белорусского парламента Сергея Антончика представили как депутата распущенного Верховного Совета Беларуси. Это действительно ошибка, которая, правда, никак не унижа-

ла чести и достоинства Александра Лукашенко, а тем более белорусского государства.

Вся неделя прошла в бурных переговорах Москвы и Минска. Нас временно лишили аккредитации на мероприятиях и гуляньях по случаю нового Дня независимости. Белорусский МИД даже направил ноту протеста в МИД России. Мне пришлось написать подробное письмо в редакцию, откуда оно попало в Администрацию Ельцина. Ситуацию в Москве внимательно проанализировали и не нашли оснований для столь резких действий Минска.

7 июля в Министерстве иностранных дел мне вручили постановление о лишении аккредитации, дающей право работать в качестве корреспондента ОРТ в Беларуси.

В дело вмешались Виктор Черномырдин и Борис Немцов. Они заявили, что считают решение белорусских властей неправильным и будут требовать его пересмотра. Российский премьер-министр высказался довольно резко по поводу очередного скандала с российскими журналистами: «Вообще, случай безобразный. Тем более не первый случай... Отношение к средствам массовой информации – это был особый вопрос, когда мы готовили Союз с Беларусью. Если МИД страны, входящей в Союз, проводит какую-то акцию недружественную, то надо иметь мужество снять трубку, позвонить и сказать, а мы бы сами разобрались. Но должны все это понимать, что начнется с корреспондентов, потом еще, потом еще – и так мы и будем "невестке в отместку". Еще поцелуи не просохли, а мы уже начинаем здесь меры принимать». Однако официальный Минск отреагировал на это очередными карательными мерами. В одном из выпусков программы новостей белорусского телевидения почти десять минут заместитель главы Администрации президента Белоруссии Иван Пашкевич объяснял телезрителям, насколько плох Павел Шеремет, который не уважает волю белорусского народа и не разбирается в политической обстановке в стране. Нагнеталась обстановка, и людям начали вдалбливать, что большего врага белорусского народа, чем корреспондент Общественного российского телевидения, сейчас нет.

Директор телерадиоцентра Георгий Чубат – человек порядочный и умный – издал приказ, запрещающий всем сотрудникам Белорусского бюро ОРТ проходить на территорию телецентра, из которого по специальным каналам связи оправляются видеоматериалы в Москву. На наш вопрос, каким образом сотрудникам ОРТ можно попасть в телецентр, последовал лаконичный ответ: «Через администрацию президента Белоруссии». Правда, один раз нам удалось чуть ли не подпольно переправить репортаж в Москву, тогда создали специальную комиссию, которая провела следствие. Как нам заявили в телерадиоцентре, виновные сотрудники за сочувствие и помощь Белорусскому бюро ОРТ найдены и строго наказаны.

Ситуация постепенно становилась критической, мне пришлось срочно вылететь в Москву. Там решили, что уже с августа я начну работать в Польше и центр нового «Западного» бюро ОРТ из Минска могут перенести в польскую столицу. 12 августа в прямом эфире аналитической программы «Время» Анна Прохорова бросила фразу: «Берегите себя, Павел». Фраза получилась жутко пафосной, никто не предполагал, что события будут развиваться по самому суровому варианту. 14 июля я вернулся домой. Две недели оставалось до отъезда в Польшу. Мне надо было снять всего два или три сюжета.

Примерно в эти же дни Александр Лукашенко вызвал к себе министра внутренних дел Валентина Агольца, Генерального прокурора Божелко и первого заместителя председателя КГБ Ерина. По свидетельству очевидцев, разговор президента с «силовиками» был предельно конкретным.

– Пора с этим Шереметом кончать. Найдите на него компромат, – приказал президент.

– Мы уже искали, на него ничего нет, – попытался кто-то робко возразить. Но Лукашенко не любит, когда оспаривают его распоряжения.

– Тогда я найду на ваше место людей, которые найдут на Шеремета материал, – сказал как отрезал белорусский президент.

Повод для устранения личного врага президента «силовикам» удалось найти буквально через десять дней.

19 августа Белорусское телевидение объявило о снятии с должности председателя Таможенного комитета Петра Кречко, и сюжет о контрабанде водки и прочих товаров через территорию Беларуси неожиданно стал очень актуальным. Нам срочно понадобились кадры о работе контрольно-пропускных пунктов. Таможенники против съемок не возражали, но пограничники упорно затягивали с ответом на наш запрос. Как оказалось, трусоватый по своей природе командующий белорусскими погранвойсками генерал Павловский просто боялся нагоняя из Совета Безопасности за связь с оппозиционными журналистами и, несмотря на то что на него никто не давил, решил перестраховаться и разрешил съемки на границе, но только в сентябре, видимо, в надежде, что к этому времени станет ясно, действительно ли Шеремет враг белорусского народа или нет. При этом пограничники, с которыми приходилось общаться, вели себя довольно странно: каждый говорил нам о том, как он любит программу «Время» и уважает корреспондентов Белорусского бюро ОРТ, что никаких проблем с разрешением на съемки не будет, однако с официальным ответов почему-то тянули. Сегодня наиболее твердолобые чекисты заявляют, что власти специально спровоцировали самостоятельный выезд съемочной группы ОРТ на границу, а затем использовали это как повод для окончательного уничтожения Шеремета.

Говорят, что уже неделю за нами вели оперативное наблюдение и отслеживали наше передвижение вплоть до границы. Хотя, скорее всего, оперативники просто выдают желаемое за действительное. Намного эффектнее было бы арестовать нас прямо на границе, тем более что 22 июля, когда мы уже приближались к Ошмянам, Дмитрий Новожилов – третий корреспондент нашего бюро – дозвонился до начальника пресс-службы погранвойск подполковника Киптенко, рассказал ему, куда поехала группа, и передал мою просьбу, чтобы пограничников предупредили и они нас встречали. Однако то ли просьба моя так и не дошла до Сморгонского погранотряда, то ли ее некому было выполнить, но найти пограничника на наших северных рубежах оказалось

так же сложно, как и четко обозначенные на местности эти сами рубежи.

Ошмяны – это небольшой районный центр, который в буквальном смысле живет границей. Город находится километров в 15 от белорусско-литовской границы и большинство жителей в той или иной степени втянуты в приграничный бизнес. Из Ошмян в сторону Литвы идут параллельно друг другу две шоссейные дороги: старая Вильнюсская трасса и новая дорога Минск – Вильнюс. Внешне они почти ничем не отличаются, но старая дорога упирается в закрытое КПП «Мурованая Ошмянка», а новая – в международный пункт пропуска «Каменный Лог». Причем перепутать эти дороги, если вы выезжаете из города Ошмяны, очень легко: старая трасса обозначена знаками «Главная дорога», а к новой ведут узкие улочки. Пограничники постоянно находятся только на КПП «Каменный Лог» и уже всего в трех километрах на той же «Мурованной Ошмянке» их нет, хотя, по признанию уже бывшего командира Сморгонского погранотряда полковника Скобля, район старой дороги считается одним из наиболее напряженных участков границы и там сосредоточены основные силы пограничников. Сил этих явно не хватает, поскольку большой части местного населения государственная граница не мешает зарабатывать на жизнь на разнице условий и уровня жизни в Литве и Беларуси. Ходят через границу по надобности ездят – почти все. С белорусской стороны старая дорога перегорожена двумя в метр высотой металлическими заграждениями, а обозначена – тоже двумя деревянными колами или пнями и еще старой обшарпанной бетонной плитой с непонятной надписью «Белорусская...». Литовцы свой участок обустроили лучше – яркий большой щит «Литовская Республика» и огороженный сетчатым забором контрольно-пропускной пункт. Но людей нет ни с белорусской, ни с литовской стороны.

Правда, мы не собирались тогда подробно исследовать обустройство белорусско-литовской границы, все равно основные потоки контрабанды того же спирта идут не по «зеленке», а через действующие пункты пропуска и главным образом по договоренности с таможенниками и погранич-

никами. «Каменный Лог» вообще считается пунктом, куда соваться посторонним с «черным» грузом по негласным законам строго запрещено. Рабочие автосервиса, где нам пришлось чинить свою машину, рассказали о том, что в Ошмянах на хороших машинах ездят только «бандиты», таможенники и пограничники. Поэтому наш приезд в пограничную зону и попытки снять здесь репортаж этот клан «стражей границы» (в широком смысле слова) воспринял как угрозу личной безопасности. Настолько озлобленных и одновременно перепуганных пограничников я не видел довольно давно.

Судьба сыграла с нами злую шутку. Мы ехали по трассе Минск – Вильнюс. Когда до границы оставалось совсем немного, наша машина сломалась – в километре от того места, где трасса расходится на старую и новую дороги. Еще бы буквально пять километров – и не было бы конфликта между Россией и Беларусью. Но нам пришлось свернуть в Ошмяны, искать автосервис, заниматься ремонтом машины, а выезжали мы из города уже по старой Вильнюсской дороге, так, как показали нам рабочие.

Десять минут езды – и мы уже на границе, но, к сожалению, на заброшенном КПП «Мурованая Ошмянка». При этом догадаться, что ты находишься на границе, непросто: только щит «Литовская Республика» указывает, что впереди литовская земля, но где она точно начинается, мы смогли установить только через полгода во время напряженного судебного разбирательства. Кричим: «Пограничники, выходите!» В ответ – тишина. Чувства опасности нет, есть лишь желание побыстрее узнать, где граница с ее стражами.

Разворачиваемся и едем искать людей. Справа – хутор. Сворачиваем. Попадаем, как ни странно, в нужное место. Хозяин хутора – часть живой истории Советского Союза. Бывший военный, а теперь пенсионер Анатолий Орлов, по национальности русский, гражданин Литвы, живет сейчас большую часть времени в Беларуси. Он переехал в Вильнюс в 1947 году, в 1986-м купил дачу в Беларуси, а в 1991-м его жизненное пространство раскололось. В Россию вернуться он уже не может, да и не хочет. В Литве он остается тем не менее чужаком. Живет, как и многие пенсионеры, на даче, кото-

рая находится на территории Беларуси. Когда мысленно пытаешься собрать все кусочки вместе и представить при этом человеческие переживания, перед глазами встает жуткая картина распада империи. Правда, это уже другая история.

Орлов объясняет нам дорогу на действующее КПП «Каменный Лог». Едем туда. Наконец находим этот международный пункт пропуска. Подходим к прапорщику, открывающему и закрывающему шлагбаум. Прапорщик меня узнал и шепотом говорит, что меня поддерживает и любит смотреть наши репортажи. Правда, через несколько месяцев, уже выступая в суде в качестве свидетеля, этот молодой парень будет старательно ловить каждое слово прокурора и поливать нас с Дмитрием грязью. Страх превращает людей в жалкие существа. Но, видимо, в пограничных войсках так принято: улыбаясь в глаза, за спиной писать доносы. По крайней мере, второй пограничник, с которым мы в тот день пообщались, – начальник КПП «Каменный Лог» майор Соловьев – часа четыре поил нас чаем, обсуждал всякие житейские и политические проблемы, а на следующий день написал подробный донос: «Шеремет рассказал о том, что в последнее время стало очень трудно готовить репортажи, что многие журналисты боятся вообще что-либо делать, раньше было проще. Указал на то, что в Белоруссии создан полицейский режим, режим одного». А какой был благодарный собеседник, этот майор, как он живо поддерживал нашу беседу, с каким возмущением говорил он о пьянстве своих командиров и тяжелой жизни пограничников! Наверное, провокации – это часть его профессии.

Попав к пограничникам 22 июля в четыре часа дня, мы смогли от них вырваться только в девять вечера – нас передали в Ошмянское отделение милиции. Милиционеры оказались большими либералами, чем мы ожидали. Нам троим в административном порядке сделали предупреждение за въезд в пограничную зону и отпустили со словами: «А теперь езжайте и снимайте эту границу!» Но времени искать пограничные секреты уже не было, как, впрочем, и желания.

Мы вернулись в Минск, ночью перегнали весь материал в Москву, а рано утром я улетел в Болгарию. Ничто не пред-

вещало бурного продолжения этой истории. Хотя внутренне я почувствовал опасность и на всякий случай унес из бюро несколько важных материалов. Предчувствие меня не обмануло.

26 июля

Чартерным рейсом авиакомпании «Белавиа» в субботу вечером я возвращался на Родину. В самолете с тремя сотрудницами Белорусского телевидения мы весело распили три бутылочки болгарского вина и живо обсудили, что могло произойти в Минске за несколько дней нашего отсутствия. Кто-то пошутил, что в аэропорту Шеремета прижмут пограничники или таможенники как потенциального врага народа. А в момент приземления один из пассажиров громко произнес: «Добро пожаловать назад в ГУЛАГ!» Шутка мрачная, но, как оказалось, к месту.

Первые тревожные мысли меня посетили, как только я вышел на трап. Он уже был оцеплен пограничниками и людьми в штатском, но, пока мы молча толпой шли к зданию аэровокзала, никого не трогали.

Я понял, что впереди меня ждут крупные неприятности, когда навстречу вышел начальник пограничного поста Минск-2 полковник Луцкевич. В мае 1997 года он так встречал Питера Берна, руководителя белорусского отделения фонда Сороса, когда американца выдворяли из Беларуси. Он шел с такой же жалкой улыбкой на лице, которую я запомнил по видеозаписи инцидента с американцем. Такое выражение бывает на лице человека в тот момент, когда он осознает всю мерзость своих действий, но вынужден их выполнять. Причем такие лица характерны именно для людей слабых и трусливых, пытающихся найти оправдание своим действиям. Эта заискивающе-хитрая улыбочка настолько врезалась мне в память, что до сих пор вызывает ощущение брезгливости, словно случайно раздавил рукой червяка.

Полковник был вежлив (кстати, наверное, за вежливость его повысили в должности и перевели из аэропорта в Главное управление) и попросил пройти с ним не через общий контрольный пост, а в соседнее помещение. Там нас ждал

другой пограничный типаж в форме и двое в гражданке. Офицер представился старшим лейтенантом Пашко. Два дня, которые мы провели затем вместе, оставили такое же неизгладимое впечатление, как и улыбочка полковника.

18.30. Пашко вручает мне повестку явиться в Главное управление пограничных войск к шести часам вечера. Без всякой задней мысли я расписываюсь в повестке, и тут же двое в штатском хватают меня, выводят на улицу и сажают по всем правилам оперативного задержания в «Жигули». Боевое прикрытие моего ареста обеспечивали сотрудники особого отряда активных мероприятий – спецслужбы погранвойск. Я спросил у Пашко, зачем этот спектакль, он ответил, что боялся побега: «На экране вы такой страшный, а в жизни – нормальный человек. А если бы вы побежали по взлетной полосе, я бы один с вами не справился».

18.45. Несколько человек в штатском окружают водителя нашего бюро Ярослава Овчинникова, который приехал меня встречать. У него отобрали документы и ключи от машины и без всяких объяснений посадили в специальную машину: «Я, еще гуляя по аэропорту, заметил нескольких "тихарей", которые обычно ходили на демонстрациях оппозиции. Там уже журналисты знают в лицо почти всех милиционеров. Я удивился: что они делают в аэропорту? И вдруг они обступили меня со всех сторон и один из них сказал: "Ярослав Борисович, вы должны поехать сейчас с нами к Павлу Григорьевичу"».

19.00. Группа оперативников вошла в квартиру оператора Дмитрия Завадского. В доме праздновали день рождения сына. Были гости, дети. Дмитрий быстро сориентировался, отказался подписывать повестку и успел позвонить от соседки (телефон в его квартире был к тому моменту отключен) в наше бюро и предупредить, что его куда-то увозят.

В общем, операция по захвату группы особо опасных журналистов была проведена по всем правилам. Нас сразу повезли в Ошмяны.

Формально мы считались свидетелями, но на допросе, который одновременно начали три дознавателя-пограничника примерно 21.30, мы должны были давать показания факти-

чески против себя. Обращались же с нами как с арестованными подозреваемыми. Даже в туалет водили в сопровождении сразу трех офицеров. Один становился за моей спиной, второй перекрывал выход из туалета, а старший лейтенант Пашко становился рядом со мной, слегка наклонялся и внимательно рассматривал все, что у меня ниже пояса.

– Ты что, извращенец? – спрашиваю у молодого лейтенанта.

– А вдруг ты там что-то перезаряжаешь, – искренне отвечает Пашко.

Нет, Пашко – не извращенец, хотя в его поведении было много странного. Ему 32 года, он несколько лет прослужил в морфлоте. После двух контузий моряка списали на берег, он вернулся в Беларусь, пару лет болтался без нормального дела, сменил несколько мест. Случайно Пашко прибило к пограничникам. Когда Сморгонский погранотряд только формировали, Пашко пришел сюда служить, за два года выучил Уголовный кодекс и стал дознавателем спецчасти погранотряда. Этот невысокий, склонный к полноте человек постоянно суетится, говорит скороговоркой, через каждые три минуты напряженно трет лоб и пыхтит. Видно, что разоблачение врага народа ему дается нелегко. У Пашко явный комплекс неполноценности, ему доставляет удовольствие бороться с известными людьми. По крайней мере, он постоянно это подчеркивает. Он то напускает на себя суровый вид, то заговорщицки подмигивает, то безумно радуется, когда считает, что в чем-то нас разоблачил. Его начинает распирать от самодовольства, когда «понимает», как мы вынесли и спрятали главную кассету: якобы в видеокамере есть специальное устройство для двух кассет – одну отдаешь, вторую оставляешь. Я его не разубеждаю, хотя это полная чушь, и удрученно развожу руками – мол, сдаюсь. Пашко прямо сияет от радости. Видно, его все-таки сильно контузило в свое время. Первый допрос закончен в час ночи. Нас везут из Ошмян в Сморгонский погранотряд. Переговорить с ребятами не разрешают.

Меня селят в одной из комнат какого-то ремонтируемого здания. Предупреждают, что выходить из комнаты катего-

рически запрещено, под окнами дежурит солдат-пограничник. Но когда все уходят, идут искать по соседним комнатам Дмитрия и Славу. К счастью, их поместили вместе недалеко от моих апартаментов. Все вели себя очень спокойно, никто не подавал вида, что переживает. У нас была надежда, что этот бред быстро закончится. Из Болгарии я вез небольшую сумку, в которой кроме туалетных принадлежностей, смены белья и майки было бутылок шесть вина и коньяка. Мы сели втроем поужинали, выпили с Дмитрием. Слава пить отказался – у него еще была надежда утром на собственной машине уехать в Минск. Мы договорились, что не будем ничего серьезного на допросах говорить до тех пор, пока не сообщат нашим родным и не приедут адвокаты. Часа два проговорили, вспоминая, как хорошо мы работали, и гадая о будущем, а потом разошлись спать. Больше друг с другом мы не виделись и не разговаривали до 8 октября, до моего выхода из тюрьмы.

В 2 часа ночи Пашко позвонил в наше бюро, где ночью дежурил Дмитрий Новожилов, и подтвердил, что Шеремет, Завадский и Овчинников задержаны и находятся в Сморгони.

Дмитрий Новожилов: «Когда раздался звонок, я не спал. Мы весь вечер после странного звонка Дмитрия Завадского в 19.00 пытались выяснить в милиции, КГБ, у пограничников, где ребята. Но никто ничего не говорил. И тут звонит какой-то старший лейтенант. Он скороговоркой проговорил, что все трое сотрудников Белорусского бюро ОРТ находятся в Сморгони у пограничников. Я спрашиваю, когда их отпустят, но он бросил трубку».

27 июля

Утром 27 июля оперативный дежурный Государственного комитета погранвойск официально сообщил, что все три сотрудника Белорусского бюро ОРТ содержатся под стражей в Сморгони. Но еще больше суток никто из родных, друзей или коллег журналистов не знал, что происходит.

Допрашивать нас начали с 9 утра. Дознаватели уже показали видеозапись программы «Время» за 23 июля с сюжетом о снятии Кречко с должности начальника Таможенного ко-

митета. Я сам впервые увидел свой сюжет, поскольку 23-го был уже в Болгарии. Из-за того, что в сюжете было три кадра – скамейка, задор и шлагбаум – с литовской территории, нам предъявили обвинение в незаконном, умышленном, совершенном по предварительному сговору группой лиц и повторно переходе государственной границы. Ощущение полного бреда. Допрашивают до обеда, час перерыва, а затем везут обратно в Ошмяны на границу – на следственный эксперимент. Слава ехать отказался и правильно сделал. Меньше с ними разговариваешь – целее будешь.

Сначала Дмитрия, затем меня водят по территории заброшенного литовского КПП, показывают забор, шлагбаум, скамейку. Спрашивают, снимали ли это 22 июля.

Тут из кустов появляется главнейший дознаватель – начальник оперативного отдела, отделения дознания и фильтрации Сморгонского погранотряда подполковник Страх. Еще утром какой-то пограничник мне уже про этого Страха рассказал, что тот буквально наводит ужас на пограничников и нарушителей: «Он только посмотрит своими пронзительными глазами – и человек сразу всю правду рассказывает». Но не так страшен Страх, как его малюют. Низенький, худой, с мутными глазами и рыжими усами. Родился в 1959 году, по образованию – референт-переводчик по странам Востока. Всю жизнь прослужил на Дальнем Востоке и, похоже, слегка помешан на ловле шпионов. Но его сеанс гипноза впечатления на меня не произвел. Вечером Страх уже провел со мной целую воспитательную беседу и уговаривал признаться.

Все наши показания по факсу передают кому-то в Минск. Страх по телефону докладывает, как идет расследование, и описывает наше поведение: «Держатся спокойно, мирно. Ничего не помнят. В общем, будет непросто». В Минске долго совещались, как с нами быть дальше. Часов в шесть вечера один из дознавателей шепотом сообщает мне, что нас троих арестуют и отправят в следственный изолятор, но еще неизвестно, куда – в Минск или Гродно. Часа через два официально объявляют о том, что мы задержаны по подозрению в нарушении границы. Наступает второй неприятный момент – личный досмотр.

Личный досмотр – это фактически второй момент унижения после того, как вас арестовывают и доставляют в милицию или КГБ. У вас проверяют все личные вещи, забирают все, кроме того, что в данный момент на вас надето. Затем раздевают до трусов и проверяют каждый предмет гардероба. После этого заставляют снять трусы, нагнуться или несколько раз присесть. Морально перенести это первый раз в жизни трудно.

Пашко нижнее белье снять не просил, но подошел и нежно меня ощупал. Наверное, у него богатая фантазия.

– Ну, ты точно извращенец, – смог я только произнести.

Еще часа три ждем, куда нас отправят. Всех троих держат в разных комнатах в штабе погранотряда. Слышу, что Диме и Славе разрешили позвонить домой, но меня к телефону не подпускают. К каждому приставили по два солдата. Солдаты – простые и добродушные парни. Все из деревень и честно рассказывают о своей службе: кто из командиров ездит на новой красной «Audi-7» 1995 года, как они жалеют командира отряда Скоблю, у которого травма, поэтому когда он нервничает или волнуется, то у него начинает болеть голова.

В 23.00 объявляют, что сейчас нас повезут в Гродно в изолятор.

– Жалко, что приказали вас отвезти. Я бы еще подержал вас дня три и вы бы тогда все нам рассказали, – качает головой подполковник Страх. Он тогда не мог себе представить, что через шесть месяцев будет краснеть на суде, путано объяснять, почему нарушал Уголовно-процессуальный кодекс во время дознания, и, тихо опустив глаза, стоять, когда я, сорвавшись, закричу на него, чтобы смотрел в глаза и не вел себя в суде как проститутка. Но в июле Страх чувствовал себя повелителем.

Уже вечером 27 июля в корпункте Белорусского бюро появились пятеро сотрудников КГБ во главе с майором А. Сокольчиком. Они явились около 20.00 с санкцией республиканской прокуратуры на обыск. Два часа чекисты перебирали все бумаги бюро, просматривали шкафы, тумбочки, антресоли. К 23.00 обыск был закончен, протокол об изъятии вещей составлен. Добыча оказалось небогатой: общегражданский

паспорт на имя Павла Шеремета, наши аккредитационные карточки, тексты некоторых видеосюжетов, которые мы делали для программ новостей ОРТ, и копия нашего запроса на имя председателя Госкомитета погранвойск А. Павловского с просьбой разрешить съемки в режимной пограничной зоне «Каменный Лог» на белорусско-литовской границе. Затем чекисты опечатали редакционный автомобиль ГАЗ-24 «Волга». Причем они собирались сделать это формально с помощью едва заметной нитки, но опытный оператор Сергей Гельбах, прошедший школу литовских событий в конце 1980-х, сам принес толстую веревку и заставил следователей обмотать машину несколько раз, наклеить бумажки с разных сторон и поставить на них печати. «Ну а как? Чтобы они потом нашли в нашей машине наркотики или оружие? Не надо! Пусть опечатывают, как положено!» – объяснил Сергей Павлович свою настойчивость. Во время обыска чекисты вели себя подчеркнуто безразлично. Заявляли, что им ничего не известно о том, что с арестованными журналистами и где они сейчас. Один все время повторял, что его только что оторвали от праздника и он приехал на обыск прямо из-за стола. Правда, то же самое говорили и те, кто одновременно делал обыск на квартирах трех сотрудников ОРТ. Ничего важного для следствия, правда, не обнаружили и там.

Вспоминает Людмила Станиславовна Шеремет:

– Видимо, КГБ уже следило за квартирой. Не успели мы приехать из деревни. Только вошли в квартиру, как раздается звонок. Открываем дверь, а там «трое в гражданском». Мы, говорят, следователи из КГБ, нам надо провести обыск в квартире, где проживает Павел Шеремет. «А ордер у вас есть?». Показывают ордер. «А почему нет санкции прокурора на обыск?». Начинают что-то невразумительное мямлить: «Вы знаете, сегодня воскресенье, прокурора на работе нет. Но по закону можно проводить обыск с уведомлением прокурора потом, это предусмотрено Уголовным кодексом». Мы их впустили, потому что прятать нам было нечего. Правда, потом адвокаты нам объяснили, что следователи нас обманули и мы их могли отправить домой. Сразу они

изображали из себя утомленных доброжелателей. «Мы вообще из Минского управления, а дело ОРТ ведет Гродненское. Мы сами ничего не знаем. Меня вообще из-за стола вызвали, у друга было день рождения. Вы покажите нам рабочие записи Павла, его блокноты и кассеты и мы быстро посмотрим и уйдем», – заявляет главный, некто Кочнев. Потом мы, кстати, этого «минчанина» несколько раз в Гродно видели. Мы отвечаем, что нет здесь его рабочих бумаг. «Ну, раз вы так, мы все будем смотреть». Часа четыре ходили по квартире, все перевернули, но аккуратно. Было видно, что им надо хоть что-то забрать. Просмотрели все видеокассеты с фильмами. На одной был фильм про Лукашенко «Обыкновенный фашизм». Забирают. «Зачем?» – спрашиваем. «Вы же понимаете, что это мы не может не взять», – отвечает с умным видом. Забирают старый блокнот с записями пятилетней давности. «Вы посмотрите же, какого года блокнот!» – «Разберемся». Нашли старые дискеты времен учебы в институте. Тоже забирают.

Звонить не разрешают, отвечать на телефонные звонки – тоже. Раздается звонок, жена Павла берет трубку и говорит: «Григорий Николаевич, у нас идет обыск». Это звонил отец Павла. Следователь как закричит: «Что вы делаете! Отдайте мне трубку!» Тут появляется милиционер с каким-то коротко стриженым мордоворотом и обращается к кегебистам: «Все нормально? Ну, тогда мы пошли». В общем, искали они долго. Тут им по рации звонят и кто-то приказывает: «Что попало не берите! Главное – найти карты». Какие карты? Оказывается, им надо карты Беларуси или Литвы. Роется один в шкафу и вдруг как вскрикнет: «Понятые, внимание! Карта!» Достает карту и долго на нее смотрит. «Товарищ следователь, – говорю, – вы внимательнее смотрите. Это карта чего? Брюсселя! Успокойтесь, это не то, что вам надо». Молча положил карту на место. Наконец начались новости ОРТ. Мы хоть тогда узнали, что произошло на самом деле. Хорошо, что кагэбисты дали номер телефона следователя, чтобы мы утром позвонили и все узнали. Мы их уже выпроваживаем: «Идите, нам внучку надо спать укладывать». А Лиза веселая ходила. Ей испол-

нился всего годик и она была рада, что столько в доме людей. Ходила за следователями и все дудела им на детской маленькой дудочке.

Троица ушла. Начали звонить журналисты, спрашивать, что происходит. А мы сами знаем только то, что услышали по телевизору. Позвонили из Лондона, из «Международной амнистии». Долго расспрашивали, что известно о группе ОРТ, какие семьи у ребят и прочее. Мы тогда практически и не спали, лихорадочно думая, что делать.

Примерно так же прошли обыски в квартирах Димы Завадского и Славы Овчинникова. У Славы жена Наташа была беременная, но не растерялась, в результате она нам серьезно помогла.

Символично, что самый громкий скандал 1997 года начинался на фоне второго Съезда белорусов мира и празднования 27 июля теперь уже неофициального Дня независимости. В конце 1996 года оппозиция окончательно проиграла в борьбе с президентом, 1997 год только усилил ощущение безысходности и бесконечности мрачного правления Лукашенко. Все это отразилось и на праздниках.

Съезд белорусов прошел довольно вяло. По словам тех, кто на нем присутствовал, на участников давило ощущение ускользающих надежд на возрождение белорусской нации, которые еще два-три года назад казались такими реальными. Белорусы из разных стран съехались на свою историческую родину, которая теперь все меньше напоминает независимую и национально самобытную страну, а все больше – плацдарм для очередной политической игры с прямой угрозой для Беларуси. Формально Беларусь – независимое государство, но фактически лидерам этого государства эта независимость не нужна. И эта двойственность исторического момента очень тяготила националистов, понимавших, что они проиграли в споре с силами, ориентированными на Россию. При этом власти попытались съезд расколоть. Александр Лукашенко встретился с группой участников и уговаривал их создать новое объединение белорусов, выехавших заграницу. Лукашенко даже вспомнил

слова Франциска Скорины о «родном гнезде» и «родном крае», назвав именно такие отношения наиболее «благородными и чистыми», и обвинил, как обычно, оппозицию в войне против собственного народа. Но президенту не удалось перетянуть на свою сторону белорусскую диаспору за рубежом, поскольку для них связь с Родиной – это любое проявление национальной самобытности белорусов, а именно эту самобытность – язык, государственность, национальную культуру – так активно уничтожает «советский белорус» Лукашенко. Настроение участников съезда выразил в своем заключительном слове вновь избранный президентом Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» академик Радим Горецкий: «Быть или не быть белорусам в мире – так сегодня стоит вопрос».

28 июля

В 3 часа ночи нас на двух машинах привезли в Гродно. Меня везли в первой машине, впереди сидел подполковник Страх, рядом со мной – старший лейтенант Пашко. В последний момент перед выездом из отряда в Пашко проснулось что-то человеческое и он принес мне свой зимний бушлат, чтобы я в своей рубашке с коротким рукавом и легких брюках по дороге не замерз. Дмитрия и Славу везли в другой машине под присмотром оперативников.

В Гродно нас поместили в изолятор временного содержания (ИВС) Ленинского РОВДа. Страх передал меня надзирателям и демонстративного пожелал удачи. Большой души человек! Начался второй, промежуточный этап нашей эпопеи – милицейский.

В ИВСе нас, как оказалось, уже ждали и встретили сурово, но культурно. Один из сержантов рассказал, что российские телеканалы в каждом выпуске новостей передают о нашем аресте. От этого известия становится легче, поскольку есть надежда, что наступит утро и кошмар закончится. Но пока – опять личный досмотр: раздевают догола, просят нагнуться, осматривают и ощупывают каждую вещь, все описывают и забирают. Затем отправляют в камеру: в рубашке, брюках и туфлях, с собой разрешают взять только сигареты, но зажи-

галку не отдают, поэтому закурить невозможно. Так я впервые в своей жизни оказался в камере изолятора.

Изолятор Ленинского РОВД города Гродно – это старое двухэтажное здание. Нам еще повезло, что в этом ИВС появился новый начальник – майор Саливончик, под руководством которого изолятор победил в соцсоревновании с другим ИВС – Советского РОВД. И если в Советском ИВС вообще обстановка начала века, например нет канализации, а стоят параши, то в Ленинском хоть не так давно сделали ремонт и есть канализация.

Камера в ИВС чуть больше собачей конуры – полтора метра на два с половиной. Дверь, полностью обитая железом, открывается только для небольшого прохода – стоит специальная заглушка, которая не позволяет дверь распахнуть. В двери на уровне 1,5 метра от пола сделано маленькое окошко – «кормушка» – и врезан «глазок». В камере рассчитан каждый сантиметр: в углу – вмурованный унитаз – «толчок», сразу за ним сделан деревянный настил – «сцена» – вместо нар или кроватей. Ты спишь на этой голой «сцене» без матрасов в том, в чем тебя сюда бросили. Подушка здесь тоже деревянная, вернее, это сбитое из досок возвышение или подголовник. Если тебе повезло и с собой оказались теплые вещи, они служат вместо подушки, если такая роскошь недоступна, то под голову кладут ботинки, иначе заснуть невозможно, потому что голова или руки немеют моментально. Окошко в стене кроме решетки закрыто еще и листом железа, в котором просто просверлены дырки. Над дверью, тоже за «дырявым» железом, круглосуточно мерцает лампочка, поэтому в камере постоянный полумрак. На стенах налеплена кусками штукатурка. Это так называемая «шуба» – через нее не слышно, что происходит в соседних камерах и невозможно переговорить или простучать соседям. Человек заперт в такой камере, как в мешке, и полностью отрезан от внешнего мира.

Первые дни после ареста проходят именно в таких изоляторах, и это самое тяжелое и важное для подследственного время. Именно в первые дни, рассчитывая на стресс, следствие интенсивно давит на человека – морально и фи-

зически. Именно во время содержания в ИВС следователи выбивают показания и ломают подследственного. Именно в первые дни следователи получают те показания, которые ложатся в основу обвинения, после этого все последующие показания только уточняют и конкретизируют первые признания или заявления. Если человеку хватает сил продержаться 3, 7, 10 дней в ИВС до перевода в следственный изолятор или следственную тюрьму, то шансы выйти из-под следствия с минимальными потерями резко возрастают.

Меня садят в камеру на втором этаже изолятора. Главная задача – поскорее заснуть. Надо заставить себя заснуть, может быть, одновременно с ночью пройдет и весь этот бред. Ложусь на сцену, минут через десять постепенно начинает неметь рука, затем нога, потом вся правая часть изнеженного тела. Переворачиваюсь на другой бок – все точно повторяется. При этом бьет дрожь то ли от холода, то ли от нервов. Чтобы создать минимум комфорта, снимаю рубашку, сворачиваю ее в маленький комочек и подкладываю под голову. Теперь хоть на несколько минут можно замереть. Из толчка идет страшная вонь – небольшая труба от канализации выведена специально наружу и камера наполнена этим зловонием. Заткнуть трубу нечем, разве только пачкой из-под сигарет. Но надо заставить себя заснуть, никаких мыслей или переживаний – забыться, надо быстрее забыться...

Подрываюсь от резкого стука в дверь. Подъем! Оказывается, уже шесть утра. Пробуждение не принесло ничего радостного, но осталась надежда на начало рабочего дня – ведь «освободители» еще не проснулись. Время тянется, словно погребальная музыка, и каждую минуту буквально осязаешь. Заняться нечем, даже сигарету не выкуришь – нечем прикурить.

Часы отобрали при личном досмотре, поэтому время приходится сверять по внутреннему распорядку изолятора. День начинается с уборки камеры. Под присмотром надзирателя высыпаешь урну и подметаешь один квадратный метр пола. Вся процедура занимает три минуты, но пока надзиратель пройдет все камеры, будет уже 8 часов утра – «смена караула». Любой шум в коридоре облегчает одиночество.

Новая бригада надзирателей делает обход: сверяют наличие задержанных, осматривают камеры и даже обыскивают, но уже без раздевания.

В полдень обход изолятора делает начальник. Как ни странно, но майор Саливончик был внимателен и вежлив.

– Какие-то проблемы?

– Нечем прикурить.

– Ну, я всегда на обход беру спички и сигареты, – майор отсыпал немного спичек и оторвал кусочек серы от коробка.

– Может, у вас газеты есть? У меня в сумке книга осталась, можно ли ее получить?

– Книгу мы вам дадим, но с газетами напряженка. Ну а вообще, как себя чувствуете, жалоб на условия нет? – с явным интересом спрашивает майор.

– Бывало лучше. Холодно.

– Ничего, держитесь. Что-нибудь придумаем, – посочувствовал майор Саливончик.

Вряд ли майор знал истинные причины нашего нахождения в ИВС, однако хоть и обращались с нами в рамках инструкций, но не грубо. Мне отдали книгу, хотя читать там фантасмагорическую, философскую прозу Хулио Кортасара невозможно, поскольку «крыша едет» и так, без посторонней помощи. Принесли и газеты, правда, милицейские: «На страже» и орган УВД города Гродно, так что к моменту переселения в тюрьму я уже был в курсе криминальной обстановки в стране и Гродно. Правда, о том, что в понедельник появились первые протесты по поводу ареста группы ОРТ, в этих газетах ничего не писали.

Это было совершенно неожиданно, что люди заступились за нас. Департамент печати и информации российского МИД делает заявление по поводу задержания группы ОРТ, в котором выражается надежда на разумное разрешение конфликта. На следующий день белорусского посла в Москве приглашают в Министерство иностранных дел России и просят прояснить ситуацию.

Одной из первых выступила Объединенная гражданская партия и распространила специальное заявление: «Павел Шеремет и его товарищи задержаны за объективный показ

белорусской действительности, за вынесение сора из избы. В своей борьбе со свободой слова диктатура готова упрятать за решетки всех корреспондентов, чей взгляд на события в Республике Беларусь расходится с собственными устремлениями Александра Лукашенко».

70 белорусских журналистов подписали обращение Белорусской ассоциации журналистов в защиту сотрудников ОРТ и направили его белорусским и российским властям, в ООН, структуры Европейского союза, Международный хельсинкский комитет: «Мы требуем от белорусских властей немедленного освобождения Павла Шеремета, Дмитрия Завадского и Ярослава Овчинникова. Мы требуем открытого и справедливого расследования преступлений против свободы слова в Беларуси. Происшедшее с Павлом Шереметом – не только расправа с неугодным журналистом, но еще и попытка запугать нас, заставить замолчать. Мы обращаемся ко всем, для кого свобода слова не пустой звук. Павлу Шеремету, Дмитрию Завадскому и Ярославу Овчинникову нужна ваша помощь!»

«Международная амнистия» объявила арестованных сотрудников ОРТ узниками совести. Это первый случай за последние десять лет, когда узниками совести объявлены граждане бывшего Советского Союза. Последними были Александр Солженицын и Андрей Сахаров.

Примерно в 17.00 в изолятор привозят еду. Это нельзя назвать ни обедом, ни ужином, поскольку кормят на ИВСе один раз в сутки. Правда, с нашим поселением стали давать по утрам чай. Кормежка в ИВС – это последнее прощание с волей: сюда еду привозят из прикрепленной столовой или кафе, поэтому еда здесь – еще не тюремная баланда. Нормальный общепитовский борщ, потом в ту же миску – второе с мясом, затем дают кружку чая и полбуханки хорошего хлеба, который приходится ломать. Таков суточный рацион, а в перерыве между приемами пищи заключенные довольствуются водой, которую в старых пластиковых бутылках в камеру приносят надзиратели.

В 18.00 из ИВС отправляют этап на тюрьму и становится легче от приближающейся ночи. Весь день провалялся на «сцене» и хочется побыстрее забыться до следующего дня.

Неожиданно выдергивают на допрос. Дела о нарушении границы ведет КГБ, куда пограничники передают все материалы предварительного дознания. Интересно, как поведут себя потомки «железного Феликса»?

Конвоировать теперь нас из ИВС, а потом из тюрьмы в следственный комитет КГБ будут гэбэшные конвойные. Приходят за мной двое молодых парней. Блондин с электрошокером надевает наручники и строго указывает: «Знаешь, что у меня в руках? Это – электрошокер. Я надеюсь, что не придется его применять». Лучше всего на конвой и надзирателей большого внимания не обращать, сохраняя спокойствие и безразличное выражение лица. Сейчас на эту собачью работу набирают молодых, которые, чувствуя собственную неполноценность, стараются за счет унижения арестованных самоутвердиться. Например, этот блондин по имени Игорь – обычная «шестерка», но вел он себя, словно следователь по особо важным делам. Тратить свои силы на таких, как он, не стоит, поскольку на вашу судьбу этот конвойный никак не повлияет, но будет мстить. Например, пользуясь вашей беззащитностью, даст дубиной или сильно зажмет «браслеты» на руках. Каждый раз перед выездом из тюрьмы этот Игорь угрожал, что если я будут кричать при выходе из машины что-нибудь друзьям, родным или журналистам, которые почти всегда ждали возле входа в следственный комитет, то применит электрошок. Я на эти угрозы внимания не обращал и, если надо было, перекрикивался. Тогда блондин начал мстить. Правда, мелко. Так, адвокат приносил на каждый допрос пачку сигарет. Блондин привозил меня обратно в тюрьму, бежал к дежурному, сообщал о сигаретах, и сигареты у меня забирали. Сколько радости было тогда у этого подонка, но Бог его потом за это наказал.

Следователи в КГБ тоже в большинстве своем новые кадры. По статистике, около 70% сотрудников Комитета сейчас – это люди, проработавшие в КГБ менее пяти лет. Мне попался совсем молодой следователь, который всего год назад пришел сюда. По иронии судьбы, звали его Борис Николаевич, но фамилия – Рагимов. Худой, сутулый, еще и лопо-

ухий, Рагимов производил впечатление интеллигентного и мягкого человека.

– Я рад с вами познакомиться, Павел Григорьевич, живьем, а то раньше только по телевизору вас и видел.

– Лучше бы был другой повод для знакомства.

Первый допрос Рагимова был простой формальностью, при этом он хотел еще и познакомиться. Адвокат Гарри Погоняйло должен был приехать в Гродно только через два дня, а без него я не собирался говорить больше, чем уже сказал пограничникам. Следователь на все мои вопросы о дальнейшей судьбе сотрудников ОРТ тоже отвечал уклончиво, переводя стрелки на прокурора по Гродненской области Терещенко: «Не волнуйтесь, есть все основания отпустить всех троих под подписку о невыезде». На этом первое общение со следователем КГБ по Гродненской области закончилось, и меня вернули обратно в ИВС.

Ночь прошла в сплошных кошмарах.

29 июля

Утром – маленькая радость: перевели на первый этаж в камеру, где кроме меня сидят еще двое. Передвигаться теперь по камере уже почти невозможно: один сидит, второй топчется на «сцене», а третий наматывает круги в квадратном метре напротив двери. Но зато за разговорами о жизни время летит быстрее, можно отвлечься от собственных проблем и послушать чужое горе. В камере оказались совсем молодой парень Андрей (сразу после армии) и Саша – мужик лет сорока. Парень попался, когда по-пьяному делу вытащил магнитолу из машины, мужик отсиживал в ИВС «сутки» – пятнадцать суток за пьяную драку с милиционерами. В принципе, это были нормальные люди. Парень, задавленный с одной стороны постоянными материальными проблемами, с другой – новыми соблазнами, запутался в собственной жизни и теперь получит со всей строгостью нашего правосудия. За два дня нахождения под арестом он уже почувствовал на себе методы следствия: подышал нашатырем в маске от противогаза, потом ему зажимали трубку этого противогаза на несколько минут, повисел «ласточкой» – это

когда руки за спиной связывают с ногами, а затем человека подвешивают. Говорят, что это вызывает дикую боль, потому что выворачиваются суставы. Большинство из тех, с кем мне потом приходилось общаться, испытали на себе «ломовые» приемы милиции. Особенно отличается в этом 6-е управление МВД, считается, что попавший в руки этих специалистов человек признает свою вину в любом преступлении.

В общем, первый опыт общения с людьми, попавшими под наше правосудие, прошел нормально. Слава отсидел все три дня в одиночестве. К Диме подсадили очень любопытного человека, но плотно «подсадки» начали с нами работать уже в тюрьме. Первые дни и милиционеры, и следователи КГБ считали, что нас быстро отпустят.

Днем какая-то женщина принесла в изолятор мне, Диме и Славе три передачи: порезанные колбасу, сыр, хлеб, немного шоколадных конфет, мыло, зубную щетку и пасту и даже полотенце. Эту женщину никто из нас не знал, не видели мы ее и после освобождения. Насколько я знаю, не просил ее об этом никто из наших родных. Но всегда найдутся люди, которые помогут.

Майор Саливончик приказал все, что нам принесли, передать в камеры, хотя ту же зубную пасту в железном тюбике арестованному иметь при себе запрещено.

– В этом дезодоранте, ты можешь проделать дырочку и сделать бомбочку, – объяснял еще при личном обыске сержант. – Этим тюбиком ты можешь вскрыть себе вены, а эту пилку для ногтей – воткнуть мне в горло.

С передачей становится веселее, по крайней мере хоть голод можно убить. День прошел за разговорами и попытками поспать, ночь – в полубреду. Троим взрослым мужчинам тяжело удобно разместиться и комфортно поспать на деревянном настиле шириной в полтора метра. Тело уже ноет постоянно, поворачиваемся все вместе по команде.

Сегодня в бюро ОРТ вновь явились сотрудники КГБ. На этот раз четверо «специалистов» пришли просматривать все видеокассеты, которые хранились в офисе ОРТ, для того чтобы изъять кассеты, в той или иной степени связанные с проведенными 22 июля съемками в пограничной зоне

«Каменный Лог». Просмотр начался в 15.00 и длился около пяти с половиной часов. Чекисты просмотрели все кассеты, которые сначала брали с полок шкафа, затем доставали из ящиков письменных столов, наконец, перерыли все сумки и мешки и собрали оттуда кассеты. «Видеосеанс» длился так долго, что НТВ успело его снять и следователи параллельно с материалами ОРТ смотрели новости российских каналов о новой акции КГБ. Явно пострадал сосед по лестничной клетке Белорусского бюро, который вызвался уже второй раз быть понятым во время обысков. Первый час он выглядел бодро, поскольку сам когда-то был военным и чувствовал себя словно на боевом посту. На третий час он устал и начал проситься, чтобы его отпустили. На пятом часу он почти уже молил следователей: «Ну, можно я уйду? Я аккумулятор от “Москвича” поставил на подзарядку. Ведь он сгореть может. Отпустите меня». «Не положено! Если вы согласились быть понятым, то должны быть здесь до конца», – отрезали строгие следователи.

Чекисты забирали все кассеты, на которых был хотя бы секундный фрагмент любого участка белорусской границы. Кассет набралось немного – всего три. На них были кадры, снятые сотрудниками Белорусского бюро ОРТ в различное время на белорусско-польской границе. Ничего важного для следствия чекисты не обнаружили. Хотя только чудо спасло несколько видеозаписей, хранившихся в бюро.

На одной из кассет были кадры, которые должны были стать основой нашего расследования о контрабанде алкоголя через территорию Беларуси. Получили мы эти кадры недавно. Какой-то любитель снял момент проезда фур через границу и разговоры пограничников с контрабандистами. Мы боялись, что если об этой записи станет известно до выхода материала в эфир, нам будет угрожать опасность. О кассете знали трое сотрудников бюро. К началу второго обыска все они были в Гродно: Шеремет в тюрьме, остальные делали репортаж об этом. Ехать от Гродно до Минска – часа четыре, и шансов, что к тому времени, когда они вернуться в бюро, чекисты не обнаружат кассету, не было. И вот они наконец заходят в офис, и один из наших сотрудников видит, что

следователи просматривают именно ту кассету, где записан скандальный материал, и что через несколько секунд пойдут эти кадры. Реакция было мгновенной: он поднимает скандал и начинает требовать документы у чекистов, санкцию на обыск и изъятие кассет, кричать о правах человека и свободе слова. Следователи, обалдевшие от многочасового просмотра видеокассет, оторопели, и в этот момент журналист, закрыв спиной экран монитора, тихонько нажимает кнопку записи и продолжает ругаться с чекистами до тех пор, пока не услышал, что двадцатиминутная кассета закончилась и пленка начала отматываться обратно. Кассета стала чистой.

Через три месяца я спросил его, зачем он это сделал. Оказалось, он боялся, что если власти узнают, что мы видели своими глазами их схемы контрабанды, то просто «удушманят» нас в тюрьме.

В этот же день генеральный директор ОРТ Сергей Благоволин направил президенту России Борису Ельцину письмо, в котором просил «занять абсолютно однозначную позицию» относительно свободы информации в Беларуси. «Прошло уже трое суток, но до сих пор наши коллеги находятся в заключении. Заявления белорусских официальных лиц не оставляют сомнений, что это – провокация. Позвольте напомнить, что до этого из Беларуси был выслан журналист НТВ Александр Ступников, лишен аккредитации МИДа корреспондент ОРТ Павел Шеремет, журналистам ОРТ был запрещен доступ в Белорусский телецентр. Особенно горько, что произвол против российских журналистов чинится именно в братской Беларуси. Всячески приветствуя процесс объединения братских народов, тем не менее, обращаемся к вам, Борис Николаевич, с просьбой занять абсолютно однозначную позицию относительно свободы информации в Беларуси. Не сомневаемся, что вы, как гарант свободы слова российских СМИ, лидер Союза Беларуси и России, не допустите, чтобы журналисты оставались за решеткой».

30 июля

Наконец из Минска приехали родители, друзья, журналисты и адвокаты. Я это понял по тому, как нервничали и

суетились конвойные, забиравшие меня из изолятора. Как мне потом рассказали, чекисты в этот день постоянно кого-то привозили или делали вид, что привозят на допросы. Они пытались запутать ожидавших нас журналистов. «Уазик» ехал какими-то дворами, но, когда подъехали к зданию следственного комитета, я успел увидеть своего второго оператора Сергея Гельбаха. Он держал в руках видеокамеру и наверняка в этот момент снимал. Я решил каким-то образом обозначить себя. За несколько секунд я не смог придумать, что же крикнуть. Машину подогнали прямо к подъезду, по обе стороны которого выстроились четыре комитетчика. Когда дверь открыли, я выбросил вверх руки в наручниках. Это длилось одно мгновение, но я надеялся, что Гельбах успел снять.

Меня в буквальном смысле втащили в помещение. Раздраженный заместитель начальника следственного отдела Владимир Тупик обратился к Гарри Погоняйло: «Уберите журналистов от здания, они просто злят наших сотрудников». Странная логика, но чекистам везде мерещатся кем-то организованные заговоры.

Наконец-то я увидел первого человека за последние несколько дней, с которым можно откровенно обсудить ситуацию. Главный редактор «Белорусской деловой газеты» Петр Марцев нашел адвокатов. Он плохо знал, кто в Минске хороший адвокат. У всех на слуху было только имя Гарри Погоняйло. Петр ему позвонил, Гарри Петрович согласился и сходу дал комментарий уголовному делу: «Идет большая политическая игра, связанная с давлением на средства массовой информации, а по существу – на свободу слова, на распространение информации, свободу критики правительства. Если учесть, что журналисты выполняли свой профессиональный долг, но при этом неумышленно допустили какие-либо нарушения, то оценка их действий должна исходить из приоритетов тех ценностей, которые признает и гарантирует наше государство. Сама по себе эта ситуация могла быть правильно понятой при желании властей видеть во всем этом нормальную деятельность журналистов в свободном демократическом государстве и не делать выводов,

граничащих с квалификацией их действий как уголовно наказуемых».

С Гарри Петровичем Погоняйло мы впервые тесно познакомились после ареста в январе 1997 года председателя Национального банка Тамары Винниковой. Генеральная прокуратура тогда обвиняла Погоняйло в разглашении тайны следствия, а нескольким журналистам, в том числе и мне, вынесла официальное предупреждение за «создание негативного имиджа органов следствия» и пригрозила возбуждением уголовного дела. Гарри Погоняйло – человек с бурной энергией и предельно трезвым и адекватным отношением к окружающей человека действительности белорусского правосудия. Погоняйло не очень любит рутинной работы, но незаменим в качестве разрушителя основы обвинительной конструкции следствия. Он прекрасно знает методы и правила наших правоохранительных структур и противостоит следствию по нескольким направлениям одновременно. Это один из немногих адвокатов, который умеет работать с прессой, заставляя следователей нервничать. Утверждение, что лучше следователей не злить, иначе это плохо отразится на вашей судьбе и на приговоре, неверно. Чем больше вы подчинитесь воле этих людей, тем тяжелее будет наказание, поэтому чем громче будет сопровождающий ваше дело скандал, тем выше вероятность того, что правоохранительная система не раздавит вас. Кстати, именно массированная кампания, развернувшаяся в прессе после ареста Тамары Винниковой, во многом спасла бывшего председателя национального банка. Накануне ареста отношения Винниковой с журналистами были почти враждебные. Большинство независимых изданий, мягко говоря, не симпатизировали ей и как руководителю главного банка страны, и как женщине, а новые порядки в отношении с прессой вообще отвергали, с ностальгией вспоминая времена Богданкевича. Первые комментарии после задержания Винниковой были выдержаны в духе «Доигралась!». Однако постепенно благодаря умелым утечкам информации и направленным комментариям именно адвокатам удалось расположить к Винниковой журналистов и тем самым переломить общественное мнение, выну-

див власти отказаться от наглой и беззастенчивой расправы с обладательницей государственных тайн.

Дело же сотрудников ОРТ было в чистом виде политической расправой. Не было большой необходимости скрупулезно разбирать обвинение следствия, поскольку изначально была понятна их надуманность. Мы быстро договорились с Погоняйло о тактике поведения. Не было никакой истерии, все предельно трезво и рассудительно и за время следствия мы допустили всего две ошибки. Переговаривались мы с адвокатами всегда наедине в одной из комнат следственного управления или в специальной комнате в тюрьме. Нам отводили все время одни и те же комнаты, которые, по всей видимости, стояли на прослушке, поэтому общались мы то шепотом, то письменно, то при помощи знаков.

Кроме Погоняйло 30 июля я смог неожиданно переговорить и с отцом. Ему разрешили передать мне новые вещи. Поскольку за последние четыре дня я не мылся, не брился и ходил в той одежде, в которой меня задержали в аэропорту 26 июля, то похож я был на бомжа – обросший, лохматый, а светлые когда-то рубашка и брюки стали грязно-темные. Отец волновался больше, чем я. Он все десять минут нашей встречи успокаивал меня и настраивал, что надо держаться, что ничего страшного не произойдет в тюрьме и т.д. В конце концов я не выдержал: «Слушай, не трави душу, после твоих утешений я точно начну дергаться. Лучше иди». Следующий раз мы увиделись тоже на несколько минут только через полтора месяца. Маму же свою я смог однажды только обнять, случайно, через окно микроавтобуса, в котором меня возили в Ошмяны на следственный эксперимент. Дмитрий увидел свою мать и жену, только когда вышел из тюрьмы 5 сентября. Несомненно, наши родители тяжелее всех перенесли это дело. Нам было проще сидеть с тюрьме, чем им каждый день представлять, что приходится испытывать людям за монастырскими стенами УЖ-15/ст-1. Хотя все время в тюрьме кажется, что живущие на свободе близкие делают для тебя меньше, чем могли бы. Возникает своеобразный комплекс «брошенной на произвол судьбы жертвы». Преодолеть его

бывает сложно и через много месяцев после выхода на свободу.

Первый допрос с участием Погоняйло был какой-то пустой. Следователя Рагимова интересовало только, в чем я был одет 22 июля, какая на мне была рубашка, какие брюки, туфли, ремень, где и когда я эти вещи купил. Интересовал его и гардероб моих коллег. Видимо, он уже знал о том, что нас переводят в тюрьму и у него будет время поговорить о границе.

Меня отвезли обратно в изолятор, и надежды на освобождение рассеялись, хотя Погоняйло – патологический оптимист – в каждый свой приезд и приход заявлял о неизбежном и скором освобождении, а следователь первую неделю говорил о наличии веских оснований для изменения меры пресечения. Только замначальника следственного отдела Тупик честно признался, что освобождение напрямую завязано на верхушку белорусской власти.

В ИВСе на меня составили карточку задержанного, «поиграл на пианино» – сняли отпечатки пальцев, причем всех десяти, не стали только фотографировать. Майор Саливончик предложил принять душ и пообещал отпустить после 21.00, когда истекает срок моего задержания, если не поступит приказ на перевод в тюрьму. Дело в том, что этап на тюрьму был в 17.00 и обычно никого отдельно позже туда не везут, тем более вечером. Вдруг в 20.30 выводят из камеры, сажают в «Жигули», по бокам садятся солдаты, милиционеры и в сопровождении «Волги» с мигалками куда-то везут. Гродно – город компактный и все отделения милиции, управление КГБ и тюрьма расположены прямо в центре в нескольких кварталах друг от друга. В окно вижу, как гаишники перекрывают движение специально для проезда наших машин. Заезжаем в огромные ворота. Выводят. Состояние, близкое к панике. Во дворе полно людей в форме, какие-то автоматчики в бронежилетах, лают собаки. Вот она, тюрьма!

За наружными пятиметровыми стенами бывшего монастыря сразу идет несколько рядов колючей проволоки. Всем заключенным дают подписывать маленькую бумажку, своего рода уведомление о том, что по колючей проволоке

проходит ток высокого напряжения. По всему периметру забора стоят вышки, на которых дежурят автоматчики. Собаки рвутся с цепей, и от их лая леденеет душа – в голове мгновенно всплывают картинки художественных фильмов о концлагерях. Ворота со страшным скрежетом закрываются, и такое ощущение, что тебе вырвали сердце. Впервые за все время мне стало по-настоящему страшно, даже жутко. Одна мысль сверлит мозг: ни один мускул на лице не должен дернуться и не сорваться. Надо что-то говорить, попытаться пошутить, чтобы все поняли, что плевать я хотел на их тюрьму. Куда-то ведут под конвоем двух надзирателей. Специально руки держу свободно и сразу получаю замечание:

– У нас принято заключенным руки держать за спиной.

– Не успел еще к этому привыкнуть.

– Ничего, успеешь. Добро пожаловать в ад, звезда!

<u>Из письма 11 заключенных Гродненской тюрьмы УЖ-15/ст-1:</u>

В учреждении правит беззаконие и вандализм. Создается впечатление, что мы живем во времена крепостного права. Осужденных здесь лишают самого элементарного, медицинской помощи. Однажды осужденному Виктору Ракулову стало плохо, мы вызвали медперсонал. Состояние его с каждой минутой ухудшалось. Ему сделали укол и унесли на другой корпус, вместо того чтобы вызвать скорую помощь, его продержали в бессознательном состоянии сутки на другом корпусе и, только когда увидели, что он с минуты на минуту может умереть, соизволили обратиться в скорую помощь. Виктора отвезли в реанимацию, где он, не приходя в сознание, умер. Нам еще пять дней не говорили об этом и специально обманывали. Только после того, как мы объявили голодовку, нам сообщили о случившемся. И это не единичный случай в этом учреждении. На заключенных психологически и физически давят, доводя до самоубийства. Создается впечатление, что закон и государство – это химера, потому что учреждение живет по своим законам. В камерах держат по двенадцать человек в антисанитарных условиях. Тубер-

кулезные больные содержаться вместе со всеми, воздуха в камерах нет, так как на окнах навешены реснички. Питание не соответствует никаким нормам. Не верится, что все это происходит в XX веке.

Возможно, мы осуждены на медленное уничтожение, тогда почему это прямо не записали в наших приговорах?

Это письмо мы отправляем нелегальным путем, так как все жалобы такого рода в лучшем случае уходят в мусорный ящик, а в худшем приносят очень много неприятностей.

20 сентября 1997 года

Приводят в санчасть. Опять личный досмотр. Проверяют каждую вещь. Раздевают догола и заставляют три раза присесть. Часть вещей отдают, остальное забирают на хранение в каптерку, что-то собираются уничтожать. Разговор ведем «непринужденный».

– Дезодорант? Нельзя, будем уничтожать.

– Я знаю, ведь можно проделать дырочку и сделать бомбу.

– Пилка для ногтей? Нельзя.

– Я знаю, ведь я могу воткнуть вам ее в горло.

– Мы ничего не боимся, – бодро отвечает боец из тюремного резерва с дубиной, баллончиком слезоточивого газа и наручниками на боку.

– Правильно.

Такая милая беседа. Для них я – не обычный заключенный, и они к ответам относятся спокойно, без агрессии. Другого в лучшем случае обматерили бы, а обычно просто слегка пристукнули дубиной – «дали дубинала».

Подсовывают маленький клочок бумажки.

– Распишитесь.

– За что?

– Мы вас предупреждаем, что по всему периметру тюрьмы натянута колючая проволока, по которой проходит ток высокого напряжения, и, если вас этим током убьет, мы не виноваты.

– Я из тюрьмы выйду через ворота.

– Ради Бога.

Расписываюсь за ток. Потом врач быстро меня осматривает, записывает жалобы на здоровье. Теперь меня должны «поднять в хату» – поместить в камеру.

Второе сильное впечатление – это взгляды заключенных. Тебя ведут через тюремный двор, где сидят, курят зэки из так называемого отряда обслуги, или «баландеры». Баландеры – это заключенные, получившие маленький срок и общий режим за незначительные преступления, которые добровольно остаются в тюрьме для выполнения хозяйственных работ: развозить пищу по камерам, работать сантехником, электриком, строителем и т.д. Они живут отдельно в бараке и у них есть значительные привилегии по сравнению с осужденными, принудительно отбывающими наказание «на крытой». Как правило, после отбытия половины срока при хорошем поведении «баланда» уходит по УДО – условно-досрочному освобождению. Среди заключенных по большому счету идти в тюрьму на баланду считается «в падлу», но в принципе сейчас это отношение уходит в прошлое, поскольку за последние годы серьезно поменялись законы уголовной жизни.

И вот ты впервые оказался в тюрьме. Зэки внимательно тебя разглядывают, и, насмотревшись ужасов советского кинематографа, становиться немного не по себе. Как тебя примут, что тебя ждет, неизвестно, поэтому настраиваешься на худшее. Это сейчас я точно знаю, что заключенных бояться не стоит: если ты нормальный человек, никто тебя не тронет, особенно в следственном изоляторе, где сидят подследственные, судьба которых еще не решена, и никто от нечего делать лишний хомут на шею брать не будет. Даже если человек сделал что-то плохое, спросят с него и накажут не в изоляторе, а в «столыпине» на этапе или уже на зоне. Бояться надо надзирателей, бояться надо людей в форме, для которых ты – преступник, и они будут унижать и уничтожать тебя при малейшем поводе. Точно такие же ощущения остались и у нашего оператора Дмитрия: «Самые в психологическом плане сложные минуты – это когда тебя вводят. Открываются перед тобой решетки и за тобой же они закрываются. Когда тебе говорят: разденься, приспусти трусы... Вроде, успокаиваешь себя мысленно – все нормально, ничего страшного,

ничего дурного ты не сделал, это недоразумение, – а коленки все равно трясутся.

Когда человек отслужил в армии, ему легче перенести встречу с незнакомыми людьми в такой экстремальной обстановке. Я, конечно, в мыслях проигрывал первые минуты встречи, наметил пару вариантов: как я приду, что сделаю, поздороваюсь, не поздороваюсь, куда сяду, куда положу свои вещи. Представлял себе жуликов, уголовников. Все получилось само собой: пришел, поздоровался, мне предложили сесть. А в бытовом плане я человек подготовленный: не раз бывал на съемках и в зоне, и в женской зоне, и в следственном изоляторе, и в тюрьме».

Приводят на корпус, в котором я и проведу следующие два с половиной месяца. Дают матрас, маленькую подушку, постельное белье, алюминиевую кружку и деревянную ложку. Ложка огромная, выструганная из куска дерева так, что только по контуру понятен этот предмет, но пользоваться им очень сложно. Потом мне кто-то из сокамерников сделал нормальное «висло», а эту ложку я при освобождении сумел вынести и подарил как сувенир генеральному директору ОРТ Ксении Пономаревой.

Молча беру инвентарь и вслед за надзирателем поднимаюсь на третий этаж в камеру номер 65. Сзади идет начальник корпуса – корпусной – и шепотом несколько раз повторяет: «Не бойтесь, все будет нормально. Все будет хорошо, не переживайте. Ничего не бойтесь». «А я уже и не боюсь»,– соврал я.

Камера 65. Я вхожу в нее, собрав все силы. Камера рассчитана на четырех человек. По размеру она сантиметров на двадцать шире и метр длиннее вагонного купе. Стоят двухъярусные «шконки» – нары, за ними – умывальник и «толчок». Толчок огорожен в метр высотой железным заборчиком с дверцей, поэтому на нем себя чувствуешь танкистом.

Окошко на волю находится под самым потолком и отделено двумя рядами решетки: внешний ряд – широкая с толстыми прутьями, затем на полметра идет углубление в стене и стоит решетка уже на самом окне, а со стороны улицы на окне закреплены под углом железные пластины – «реснички», из-за которых видны только полоски неба. Из «мебели»

в камере – две тумбочки. Если в изоляторе свет тусклый, то в тюремной камере днем и ночью горит под потолком стоваттная лампочка. Особенно тяжело этот свет переносить ночью, чтобы приглушить его, приходится на лампочку вешать колпак из газеты, но все равно свет остается такой, чтобы в «хате» надзирателю все было хорошо видно. И, несмотря на то что оставлять в камере свои автографы считается плохой приметой, все стены расписаны перебывавшими здесь людьми. Кто только в этой камере ни сидел: и Ахмет из Ирана, и Агеге из Эфиопии, и Войтек из Белостока. «Курва, за что?» – по-польски выведен риторический вопрос над моей шконкой. «Только тот может познать истинную цену свободы, кто хоть раз ее потерял», – один из постулатов тюремной философии, и подпись: Валя. «Любимый, я скучаю без тебя, я умираю без тебя. Я буду ждать тебя всю жизнь. Твоя Негритосик. Волковыск 1992», – безответное любовное послание. Но обычно оставляют свое имя и статью, за которую посадили. Периодически камеры перекрашивают, стены белят, с двери письмена надзиратели заставляют стирать, но тут же появляются новые записи. Я тоже не удержался и выцарапал: «ОРТ».

Здороваюсь с новыми соседями. Вроде нормальные люди. Один – старик из Гродно по имени Ричард, сидит за убийство своего сына. Второй – сорокапятилетний Юзик из Барановичей. за разбой. Третий – сорокалетний Саша из Гродно, за грабеж. Всех собрали в эту камеру сегодня после обеда, до этого здесь держали женщин.

Меня поселили в тюрьму по упрощенному порядку, обычно эта процедура стоит заключенным много здоровья. Заключенных этапами привозят в Гродно из всех милицейских изоляторов Гродненской области либо поездом в «столыпине» – специальном вагоне для заключенных, либо «автозаками». В тюрьме их сразу помещают в «стаканы» – каменные мешки размером метр на метр. В таком стакане стоя, тесно прижавшись друг к другу, может находиться не более восьми – девяти человек, но туда набивают до 15 заключенных. Чтобы уплотнить людей и набить «стакан» полностью, натравливают собак, и тогда последние практически запры-

гивают на головы первых. Из стаканов заключенных по одному выводят на проверку и личный досмотр. Людей много, надзиратели не спешат, поэтому в душном каменном мешке, словно селедки в банке, заключенных держат по пять – восемь часов. Люди не выдерживают, падают в обморок, обливаются потом. Затем из стакана всех переводят в карантин – обычные камеры на четырех человек, без матрасов и белья. В такие камеры могут заселить до 20 человек. Чтобы понять, что испытывают люди при этом, надо представить себе хотя бы десять человек в обычном купе железнодорожного вагона. Здесь спять в две, три смены и ждут медицинского осмотра, бани и распределения по камерам. Вам повезет, если в тюрьму вы попали в начале неделе, тогда в карантине вы пробудете всего сутки. Но если этап пришел в пятницу, то сидеть здесь придется до понедельника. Однако сотрудников ОРТ решили максимально оградить от знакомства с тюремной системой.

Первое желание после заселения в камеру – выспаться. Мне достались верхние нары. Нары железные, сваренные из широких (сантиметров десять) железных пластин. Бросаю свой матрас, которому уже как минимум лет десять, застилаю простынь и наволочку. Все это грязно-серого цвета, такое впечатление, что этим постельным бельем пользовались еще жертвы сталинских репрессий. Одеяло тоже двадцатилетней свежести. При этом оно квадратное, поэтому им можно накрыть либо верхнюю часть тела – до пояса, либо нижнюю. Но на все эти «удобства» внимания не обращаешь. Спиться первую ночь в тюрьме после ИВС, как ни странно, очень сладко, словно на перине – буквально проваливаешься в глубокий сон.

Борис Ельцин отреагировал на письмо Благоволина уже на следующий день. Это произошло перед началом его встречи в резиденции «Волжский утес» (Самарская область) с первым вице-премьером правительства Анатолием Чубайсом. Президент России заявил о том, что хочет через средства массовой информации обратиться к Лукашенко и передать ему свое возмущение. Ельцин пожелал выслушать объяснение Лукашенко в связи с действиями белорусских

властей в отношении российских журналистов. «Я думаю, мы отрегулируем эти вопросы», – заметил президент и назвал происходящее с российскими журналистами «случаем беспрецедентным». «Если так будет продолжаться, российской стороне придется пересмотреть позиции устава и соглашения, которые подписали Беларусь и Россия». Что бы ни говорили о Борисе Ельцине, но российский президент защитил нас и делал это до конца скандала. Это российские коммунисты прислали в белорусский МИД письмо, в котором написали: «Павел Шеремет – это выкормыш белорусских националистов, фашистский недоносок. Он – главная проблема белорусско-российских отношений. Чтобы снять эту проблему, предлагаем расстрелять Шеремета!» Вот так.

Вечером Лукашенко срочно вызвал к себе руководителей КГБ, Совета Безопасности и генерального прокурора, чтобы обсудить, как действовать дальше по делу журналистов ОРТ, хотя официально было сообщено, что белорусский президент говорил об общих проблемах в работе КГБ. Он намеревался также выслушать доклады о том, «как работает наша разведка и контрразведка, как осуществляется защита конституционного строя в стране, как работают поисковые и оперативно-технические управления, а также аналитический отдел». Лукашенко отметил, что у него есть «аргументированные доказательства тому, что аналитический отдел – мозг Комитета государственной безопасности – обладает очень сильным потенциалом, однако его продукция пока далека от совершенства». Но на самом деле совещание проводилось исключительно по делу журналистов. От чекистов хотели услышать, смогут ли они довести дело до конца. У секретаря Совета Безопасности Виктора Шеймана были сомнения, стоит ли продолжать конфликт. Лукашенко хотел нас просто уничтожить, и в этом споре мнение «профессионалов» КГБ было решающим.

На том момент в Комитете активно плелись внутренние интриги. Уже давно ходили слухи о возможной отставке председателя КГБ Владимира Мацкевича. Главная причина – двусмысленное поведение Мацкевича осенью 1996 года во время референдума. Тогда из всех руководителей силовых

структур только генеральный прокурор Василий Капитан и главный чекист Владимир Мацкевич заявили, что не пойдут на нарушения законов, и несколько раз встречались со спикером мятежного Верховного Совета Семеном Шарецким. Почти сразу после референдума и разгона парламента Капитана сняли с работы, но Мацкевич уцелел. Однако у него обнаружили рак горла, причем в поздней стадии. Владимир Мацкевич к осени 1997 года долго и тяжело болел и основное время проводил в больнице. Его первый заместитель Леонид Ерин считался главным преемников председателя. Самому Ерину очень хотелось доказать свой высокий профессионализм. Именно к нему были обращены вопросы Лукашенко и Шеймана о том, прекращать или продолжать дело ОРТ. Ерин твердо ответил: «Продолжать!» Его еще раз переспросили, доведет ли КГБ дело до конца успешно или нет. Леонид Ерин твердо пообещал, что следователи однозначно добьются успеха.

Ерин лично участвовал в работе, сам подписывал письма и запросы в различные структуры Российской Федерации по всем обстоятельствам нашего дела, докладывая президенту о мнимых успехах следственной группы. Когда через три месяца стало ясно, что громкое дело провалилось, он едва удержался даже в кресле заместителя, но в конце июля 1997 года он рвался в бой.

Не успел Борис Ельцин высказаться по поводу ареста журналистов, как Лукашенко поспешил ответить. В интервью Псковскому телевидению президент Беларуси заявил следующее: «Если президент России хочет, чтобы я объяснился перед ним, то я готов дать объяснения с фактами в руках. Однако сначала пусть он объяснится за ту информационную войну, которую развязали российские телеканалы против Беларуси». Распалившись, Лукашенко пообещал через несколько дней положить на стол российского президента документы, подтверждающие сотрудничество Павла Шеремета со спецслужбами и то, что он получил за это вознаграждение. Видимо, бывший директор совхоза искренне верит, что все его враги – американские шпионы, недаром Лукашенко несколько лет работал в обществе «Знание» и

рассказывал крестьянам о заговоре мирового империализма. Никаких, конечно, документов он Ельцину не прислал, потому что их не существовало в природе. Через три недели белорусский лидер уже называл меня террористом, который вместе с литовцами готовил покушение на президента.

После заявления Лукашенко о шпионаже все замерли. Одни сомневались: а может, Лукашенко не врет, ведь президент страны не может так нагло врать? Другие заволновались по другой причине: «Их могут под предлогом расследования шпионажа держать сколько угодно, а суд сделать закрытым. Человек же может так и сгореть в тюрьме за эти долгие месяцы следствия».

31 июля

Распорядок в тюрьме жесткий, все точно по звонку. В шесть утра – подъем, после этого нары должны быть застелены и спать под одеялом запрещено. Сразу после подъема – завтрак: полмиски каши и кружка чая. В 9.00 начинается утренняя проверка. В корпусе 66 камер, и к нам проверка доходит только к часам 11. Пересчитывают заключенных, проверяют, все ли живы, выводят всех из камеры на «продол» и проверяют камеру. Корпусной огромной кувалдой простукивает стены, нары, решетку на окне. Это делают, чтобы найти тайники в стенах, оторванные железные пластины от нар или перепиленные решетки. Раз в неделю утренний обход проводит кто-нибудь из начальства, тогда в бригаде кроме корпусного и нескольких надзирателей есть медик, воспитатель. Выясняют, есть ли жалобы и предложения, хотя жаловаться и просить здесь так же бесполезно, как и пилить решетки.

В 12.00 – обед, самое радостное время суток. Сначала развозят суп – жидкая баланда с трудноуловимыми овощами. Весь август вместо картошки давали «клейстер» – смесь муки и порошкового картофеля. Этот же клейстер добавляли и в суп, поэтому баланда получалась киселеобразная. Есть такое с непривычки невозможно, но на второй день голод вкусы все-таки меняет. Пока баланду развезут по этажу, надо успеть суп съесть – в эту же миску на второе положат

кашу или чистый клейстер. Честно говоря, клейстер я так и не смог научиться есть, поскольку заставить себя проглотить эту серую массу с неприятным запахом комбижира трудно. В сентябре с кормежкой стало получше, появился нормальный картофель и овощи – свекла и капуста.

Нашу камеру обычно после обеда выводили на прогулку, на один час. Перед этим всех обыскивали и под конвоем нескольких надзирателей выводили на крышу в камеры, где вместо крыши сетка. Обитая железом дверь похожа на огромную терку, это сделано специально, чтобы заключенные на дверях не писали, ведь через одни и те же прогулочные дворики за день прогуливают все камеры – кто-то ищет подельников и знакомых. Почти месяц я каждый день оставлял на двери информацию для Дмитрия Завадского, в какой я камере и как со мной можно связаться, но мы так ни разу в один дворик и не попали.

18.00 – ужин. Дают либо суп, либо кашу. Чай ни днем, ни вечером уже не наливают. Примерно в 9 часов вечера принесут еще полбуханки черного и четверть белого хлеба и грамм тридцать сахара. Да, раз или два в неделю после ужина дают жутко соленую кильку. Но кормежка в тюрьме – это отдельная тема.

В 20.30 начинается вечерняя проверка. Она проходит быстро, заступивший на смену корпусной сверяет по списку заключенных в камере. До нас доходит уже ближе к отбою.

22.00 – отбой. Звенит звонок, и тюрьма начинает содрогаться, как при землетрясении. Заключенные стучат с определенным ритмом соседям справа, слева, сверху и снизу, им тоже стучат в ответ: зэки желают друг другу спокойной ночи. Когда слышишь это первый раз – дух захватывает.

И все это повторяется каждый день в течение месяцев и лет.

Человек проводит все время в замкнутом пространстве, в постоянной борьбе с надзирателями, иногда выезжает на допросы, и через месяц это сказывается на психике. Нервные расстройства – столь же обычная в тюрьме болезнь, как насморк на свободе. Люди просыпаются утром уставшие, и любое слово или даже интонация могут вызвать конфликт.

Первый день в тюрьме проходит еще в движении. Утром уводят в медсанчасть. Каждый вновь прибывший заключенный должен пройти флюорографию, сдать кровь из вены, его осматривает зубной врач. Тюремный стоматолог – совсем молодой парень – подошел к клетке, в которой держат в медсанчасти, и участливо сообщил, что меня все время показывают по телевизору.

Ни с кем не церемонятся – кровь берут тупой «конской» иглой, которую санитар достает из черного, похоже, дерматинового свертка. В этом свертке в специальных ячейках лежат иглы, как в наборе автолюбителя сверла. «Ты СПИДом своими иглами не заразишь?». – «Не волнуйся: есть гарантия». В разговор вступает зубной врач: «Смотри осторожно, а то потом ответишь, что Шеремета мучил». «А я, может, специально иглу выбрал», – это у санитара такой юмор.

Потом заводят тюремное дело. Фотографируют, как в фильмах, в профиль и анфас с табличкой на груди: фамилия и год рождения. Снимают отпечатки пальцев, ладоней и даже берут отпечатки нижней части ладоней. Старшина все делает основательно, не спеша – листов пять в корзину выбросил, пока не подобрал лучший вариант. Во время хождения по тюрьме можно повнимательнее осмотреться.

Гродненская следственная тюрьма УЖ-15/ст-1 считается самым суровым учреждением по условиям содержания. В Беларуси есть всего две тюрьме, в которых содержат и подследственных, и осужденных: в Могилеве и Гродно. Но в Могилеве сидят люди с общего режима и усиленного, а в Гродно – со строгого и особого. Да, и администрация тюрьмы своими порядками гордится, и я часто слышал, что эти исторические традиции сознательно поддерживаются. При этом в Беларуси постоянно растет число осужденных: с 1991 года число тех, кто попал за решетку, возросло в 4 раза – с 14,5 тыс. человек до 60 тыс. на 1 января 1998 года. Из них почти 4 тыс. – больные туберкулезом, 26% всех выявленных в стране ВИЧ-инфицированных находится сейчас за колючей проволокой. Тюрьмы и зоны переполнены: вместо положенных 2 кв. м на одного заключенного приходится 1,5 м так называется жилой площади. Поэтому стро-

ятся и будут строиться новые тюрьмы. Уже запланировано строительство колонии строго режима для пожизненного заключения, поскольку до этого в Беларуси пожизненного наказания по закону не было. Следят за порядком 2 тыс. надзирателей.

УЖ-15/ст-1 занимает небольшую территорию. Тюрьма расположена в бывшем монастыре, построенном еще в XVII веке. За высоким забором – два тюремных трехэтажных корпуса и несколько построек поменьше: санчасть, что-то типа клуба, здание, где проходят допросы и свидания. Есть в тюрьме столярная мастерская и магазин, в котором изделия из тюремной мастерской и продаются. Фактически на территории тюрьмы стоит и общежитие для администрации, поэтому многие надзиратели со своими семьями проводят здесь столько же времени, сколько и те, за кем им приходится надзирать. Осужденных и подследственных содержат в разных камерах, но в общих корпусах. Правда, в нашем первом корпусе почти все камеры были для подследственных. На первом этаже – карантин и карцер, второй и третий этажи – обычные камеры. На крыше одного из зданий – прогулочные дворики. Между этажами натянута сетка. Вдоль камер на каждом этаже прохаживается по одному надзирателю – «продольные». На одном и том же корпусе содержат и мужчин, и женщин, и малолеток, и «тубиков» – больных туберкулезом. Говорят, что сбежать из Гродно практически невозможно. По крайней мере за последние двадцать лет здесь помнят всего два случая, причем бежали не из камер, а из медчасти.

На каждом корпусе свой корпусной, оперативник – «кум» и воспитатель. Надзирателей периодически, примерно каждые две-три недели тасуют – переводят с одного поста на другой: две недели дежурят на вышке, потом выводными, потом на разных этажах корпуса продольными, затем на воротах и т.д. Постоянными являются всего несколько должностей: банщик, прием передач. Передачи принимал и разносил толстый невысокий прапорщик. Этот человек живет, кажется, лучше всех. Продовольственную передачу можно передать всего один раз в месяц и только 8 килограмм и за

каждый лишний килограмм прапорщику благодарны как спасителю.

Все, активное хождение по тюрьме закончилось. Теперь если нет допросов, из камеры выводят только на прогулку, оставшееся от проверок, приемов пищи и шмонов время приходится придумывать себе развлечения и занятия.

Сегодня белорусские власти решили объясниться по поводу ареста группы ОРТ и представители администрации президента, МИДа и КГБ одновременно озвучили официальную версию происшедшего.

Пресс-служба президента Беларуси выступила с официальным заявлением: «Комментарий президента Российской Федерации Бориса Ельцина по поводу возбуждения уголовного дела в отношении гражданина Республики Беларусь Павла Шеремета воспринят белорусским руководством с удивлением и недоумением. Тон и характер высказываний российского президента можно объяснить только тем, что его сознательно ввели в заблуждение по этому факту. Демонстративно незаконный переход государственной границы и последующая кампания в российских средствах массовой информации свидетельствуют о преднамеренной провокации».

Центр информации и общественных связей (ЦИОС) КГБ Беларуси туманно прокомментировал утверждение Лукашенко о том, что Шеремет работал на спецслужбы: «Информация правоохранительных органов о характере имевших место контактов Павла Шеремета с представителями иностранных государств, подозреваемыми в причастности к спецслужбам, и получении им вознаграждения за предоставление определенного рода сведений будет проверяться в ходе следствия. Попытку определенных кругов превратить обычное уголовно наказуемое правонарушение в политический спектакль, подрывающий взаимоотношения двух братских стран, трудно расценить иначе как заранее спланированную акцию».

Белорусские официальные власти рассматривают журналиста ОРТ Павла Шеремета как частное лицо и не намерены вмешиваться в возбужденное против него уголовное дело,

которое будет рассматриваться в судебном порядке. Об этом заявил заместитель министра иностранных дел республики Михаил Хвостов. Лично от себя он добавил, что ему «чисто по-человечески жаль Павла Шеремета». Хвостов впервые озвучил официальную версию, почему КГБ возбудило уголовное дело против журналистов, которых на самой границе, тем более при ее нарушении, не задержали: «26 июля Вильнюсский погранотряд письменно запрашивает погранвойска Беларуси в отношении того, что случилось, и просит дать разъяснение ситуации. Толчком к этому послужил показ сюжета по ОРТ и запрос Вильнюсского погранотряда». Как оказалось, заместитель министра иностранных дел солгал: литовские власти официальный запрос не посылали, а письмо одного из чинов литовской пограничной службы пришло после возбуждения против журналистов ОРТ уголовного дела.

Руководство Департамента пограничной полиции Литвы не подтвердило факт обращения Вильнюсского погранотряда к белорусским пограничникам в связи с якобы имевшим место нарушением границы тремя сотрудниками Белорусского бюро российской телекомпании ОРТ. Об этом заявил временно исполняющий обязанности главного комиссара пограничной полиции Литовской Республики Пятрас Якубенас.

Пятрас Якубенас сообщил, что он ничего не знает о таком запросе Вильнюсского погранотряда: «Но даже если бы такой запрос и был, то он не имел бы никакой юридической силы. Вильнюсский погранотряд, как структурная единица Департамента пограничной полиции, не имеет права на ведение переписки с пограничными органами других стран, в том числе на обращение к ним с какими-либо запросами».

В ответ на это пресс-секретарь российского президента Сергей Ястржембский сообщил, что Борис Ельцин настаивает на освобождении журналистов ОРТ: «Президент Российской Федерации исходит не из гражданства и национальной принадлежности корреспондентов, работающих в России или Беларуси, а из взятых Москвой и Минском обязательств по обеспечению свободы слова...» При этом пресс-секретарь президента России отметил, что вряд ли Александру Лука-

шенко стоит давать оценки членам правительства другого государства, в данном случае – союзного.

Губернатор Калининградской области нанес удар по самолюбию белорусского президента, отказавшись принимать у себя Александра Лукашенко и направив ему письмо, в котором предложил перенести намеченный на 1–2 августа визит в Калининград на более поздние сроки: «Я как сторонник своего президента и сын российского Отечества прошу Вас урегулировать с руководством Российской Федерации вопрос по поводу задержания сотрудников Общественного российского телевидения и в связи с возникшими обстоятельствами прошу Вас перенести на более поздний срок свою рабочую поездку в Калининградскую область». В управлении по международным делам Калининградской обладминистрации сообщили, что изменение сроков визита напрямую связано с «той атмосферой, которая возникла в отношениях между Беларусью и Россией в последние дни» после ареста журналистов ОРТ. Вице-премьер белорусского правительства Василий Долголев назвал это письмо «беспардонным» и вызвавшим у него возмущение. Министерство иностранных дел Беларуси направило посольству Российской Федерации в Минске ноту протеста. Однако губернатор Горбенко самостоятельно принял это решение, без консультаций с Москвой. Он не скрывал, что его возмутил арест российских журналистов.

Журналистов официальные версии белорусских властей тоже не убедили и в 16.00 более пятидесяти белорусских журналистов и иностранных корреспондентов, аккредитованных в Беларуси, собрались около здания Министерства иностранных дел республики, чтобы высказать свой протест в связи с уголовным преследованием сотрудников ОРТ.

Перед зданием МИДа они написали мелом на асфальте: «Свободу Паше, Диме и Славе!» Собрали подписи под петицией «Цена свободы слова в Беларуси – личная свобода журналиста» с требованием немедленно освободить группу ОРТ. Вместе с заявлением Белорусской ассоциации журналистов (БАЖ) петицию передали сотрудникам Министерства иностранных дел.

После этого журналисты направились к зданию Комитета государственной безопасности. Там они написали мелом на асфальте: «Свободу журналистам ОРТ!» – и демонстративно, выстроившись в цепочку, прошествовали, заложив руки за голову и скандируя «Свободу Шеремету!». То же самое журналисты сделали и у здания МВД и напротив штаба погранвойск. Все это время журналистов сопровождали сотрудники милиции, которые ничего не предпринимали. Однако около здания Администрации президента милиция арестовала почти всех участников акции. В их числе – Ирина Халип и Олег Бебенин (еженедельник «Имя»), Владимир Андронов и Леонид Миндлин (телекомпания WTN), Валерий Щукин (газета «Товарищ»), Владимир Мацкевич (журнал «Культурная политика»), Игорь Чертков (газета «Здравый смысл»). Задержанных доставили в городской отдел милиции за нарушение президентского декрета № 5 – участие в несанкционированной акции.

1 августа

С самого утра вывозят на допрос в КГБ. Следователи МВД и прокуратуры допрашивают своих подопечных, как правило, в специальном корпусе на территории тюрьмы, чекисты ходить по тюрьмам не любят и на допрос привозят к себе в следственное управление.

Перед началом допроса мы с Гарри Погоняйло просим свидание наедине. Оптимизма по поводу нашего быстрого освобождения у Погоняйло стало значительно меньше. Даже если не обращать внимания на надуманность предъявленного нам обвинения и играть по правилам следствия, то были все основания для нашего освобождения под подписку о невыезде: поручительства нескольких человек о том, что Шеремет, Завадский и Овчинников не скроются от следствия, поручительство генерального директора ОРТ Благоволина, обращение к белорусским властям трудового коллектива ОРТ, наличие малолетних детей и многое другое. Но все это власти проигнорировали, а следователи повторяли, что нас спасет только вмешательство Москвы. В этой ситуации мы решили отказаться от дачи показаний и участия в следствен-

ных действиях. Я написал соответствующее письмо на имя Генерального прокурора, в которое, правда, мы сознательно вставили предложение, взбудоражившее следствие: «Возможно, в ходе проведения съемок мы неумышленно нарушили государственную границу». У заместителя начальника следственного управления Владимира Тупика прямо дрожь в руках появилась, когда он это прочитал: «Вы должны честно во всем признаться. Вы известный журналист, вам верят, поэтому надо быть честным до конца». Вообще, следователи поражали иногда своим лицемерием и вывернутыми мыслительными конструкциями. Ничего не добившись, Тупик уговорил нас сначала дать показания, а после этого официально передать письмо прокурору: «Мы решаем сейчас вопрос об освобождении Ярослава Овчинникова, поэтому ради него дайте показания, чтобы мы могли спокойно отпустить его под подписку». Мы с Погоняйло согласились, хотя сегодня я понимаю, что это было обычной уловкой – плевать им на Овчинникова, его продержали в тюрьме до 8 августа и выпустили просто из-за отсутствия даже намека на возможность обвинения.

Гарри Погоняйло написал жалобу в Ленинский районный суд Гродно о незаконном задержании съемочной группы ОРТ и ходатайство об изменении меры пресечения под подписку о невыезде. В числе оснований – обращение трудового коллектива телекомпании и поручительство за Шеремета и Завадского, направленное в Минск из Москвы и подписанное генеральным директором ОРТ Сергеем Благоволиным. Поручились за нас и известные политики, писатели и журналисты: Геннадий Карпенко, Станислав Богданкевич, Мечислав Гриб, Рыгор Бородулин и Нил Гилевич и другие. Гарри Петрович, который уже столько раз убеждался в том, что для нашей правоохранительной системы все эти аргументы и поручительства не значат ровным счетом ничего, все-таки верил в остатки здравого смысла у властей: «Ну это же бред – держать вас в тюрьме. Они просто хотят освободить вас по суду, чтобы красиво выйти из скандала». Наивный!

После допроса меня вернули в тюрьму, и до 13 августа я больше ни с кем с воли не общался. Это, кстати, было ошиб-

кой. Первые дни нельзя оставлять человека в изоляторе без информации или просто моральной поддержки. Адвокаты в первые две недели должны посещать своих клиентов в тюрьме как можно чаще. Уже после того, как человек привыкает к обстановке и новой жизни за решеткой, приход адвоката или свидание с родными не является настолько принципиальным и определяющим.

Погоняйло показал мне статью из газеты о том, что вчера в Минске задержали 15 журналистов, которые выступили в мою защиту. Я всех их хорошо до этого знал, со всеми из них у меня были нормальные и даже приятельские отношения, но сам факт, что ребята за меня заступились, был неожиданностью приятной и где-то сладкой. Ведь, когда человек оказывается в беде, страшно не то, что ему не сочувствуют, страшно то, что часто некому делать тяжелую и рутинную работу по его освобождению, например собирать деньги, ходить по инстанциям, кричать на весь мир. Журналисты в Беларуси оказались на редкость сплоченными и порядочными. Всех участников акции сегодня судили. Журналисты в основном отделались штрафами. Наибольший штраф – 5 млн рублей – присужден журналисту «Белорусской деловой газеты» Андрею Маховскому. Штрафы в 3 млн рублей присуждены пятерым участникам акции; восьмерым –- вынесены предупреждения. Дело корреспондента газеты «Товарищ», депутата Верховного Совета 13-го созыва Валерия Щукина отложено в связи с необходимостью получения санкции прокурора на возбуждение уголовного дела, поскольку депутат уже шестой раз привлекается к административной ответственности.

Вспоминает известный белорусский журналист Леонид Миндлин:

– Немного о том, как эта акция начиналась. После задержания написали, что акция была продуманная, санкционированная. На самом деле все происходило на моих глазах, и я это назвал «детским лепетом».

Все начиналось в «БДГ» и «Имени», когда трое – Бебенин, Томашевская и Маховский – с горящими глазами сели

писать обращение в поддержку Шеремета. До полпервого ночи сидели... О неподготовленности свидетельствует и такой факт: назначили акцию на 16.30, просто не подумали о телевизионных каналах, о том, что время для перегонов на Москву «уйдет»... Поэтому сама акция только на НТВ попала, да и то момент задержания журналистов никому из телевизионщиков снять не удалось.

Мы сами узнали о готовящейся акции вечером. Накануне была презентация завода «Форд», и Олег Бебенин пригласил на эту акцию даже сотрудника президентской пресс-службы Неронского, поэтому власти обо всем знали заранее. Более того, в день, на который была назначена акция, утром на брифинге в Министерстве иностранных дел журналистам еще раз объявили о готовящемся мероприятии и всех пригласили в ней поучаствовать (даже мидовских сотрудников).

Примерно около 16 часов возле МИДа стал собираться народ. Задумали так: каждый пишет свою букву мелом – «Свободу Паше, Диме, Славе!». Каждый свою букву написал, потом походили с руками, заложенными за голову. Возле МИДа еще все спокойно было – только один мент появился, удивленно посмотрел и сразу побежал докладывать. Пока «тусовались» возле МИДа, появились Занчук из Совета Безопасности и начальник отдела безопасности, а когда журналисты пошли по направлению к КГБ, эти двое уже шли сзади и по рации вели переговоры. Если бы кто-то решился пресечь акцию, то ментов могли подвести еще к КГБ. Тем не менее журналистам дали дойти до Комитета госбезопасности, потом – до Комитета погранвойск.

Все проходило по-своему забавно, даже по-детски. Если люди проводят акцию, которую должен увидеть мир, она готовится. Эти же идут вручать петицию, допустим, в МИД, никому не сказав, потому снять сам момент вручения телевизионщики не успели. Так же «тихо» направились вручать петицию в КГБ. Хорошо, я тормознул: а ну-ка назад, дайте снять, как вы идете.

Под окнами КГБ мелом на асфальте тоже написали призыв, походили по кругу... Реакция толпы обычная: посмо-

трят и дальше идут, а такого, чтобы народ собрался, не было. Возле погранвойск, правда, помитинговали, тоже написали призыв на асфальте. Здесь, как только журналисты отошли, солдатиков заставили все смыть.

Когда народ пошел к резиденции, уже стали подтягиваться ментовские машины, оживились переговоры по рации. У резиденции остановились у центрального входа. Только начали писать первые буквы, как Щукина попытались схватить менты. Журналисты Щукина не отдавали. Менты, должен сказать, до поры до времени вели себя осторожно – видно, команда еще не поступила настоящая... И чуть погодя появились ребята в штатском, видимо, из управления охраны. У нас есть кадр хороший: подходит малый в красной рубашке; мы стоим – Бабарыко, Володя и я, – камера включена; он начинает объяснять, что мы должны отсюда уйти. А стоим мы как раз там, где снимать можно, и аккредитация у нас как у журналистов есть – в общем, все, как положено. Ну, мы ему и говорим: кто вы вообще такой, ваши документы... Особенно Бабарыко завелся: у меня есть аккредитация, вот я могу вам показать документы, а вы кто такой? Парень, нагнувшись, не обращая внимания на камеру, отвечает: какие документы, вы что, не знаете, в какой стране живете?.. Мы поняли, что ситуация обостряется, и решили сменить место съемки – перешли на сторону, где агентство «ВИП-Тур». Только мы перешли дорогу – начали хватать: менты стали потихоньку теснить журналистов к боковому входу, а там уже и машины ждали. Халип потянули, потом – Щукина (он, как всегда, упирался, его потом обвинили, что машину милицейскую попортил ногами). А мы все снимаем – единственная камера осталась, потому что НТВ и РТР поехали перегоняться, а Володя Бабарыко был без камеры. И тут я вижу, что малый показывает на нас рукой и менты кидаются через улицу. Вовка – в «ВИП-Тур», а я – за ним (хотел кассету кому-нибудь бросить, но там страшно перепугались). Менты меня отбросили и – за Андроновым, я за ними. Видел, как Андронову хорошо ногой переехали по спине, но он успел отснятую кассету в нижнее отделение засунуть, а на ее место поставить чистую. Менты чистую

кассету и выхватили: где традиционно находится кассета, они знают, а где «карман» – нет. Посмотрели – кассета не начата, новая, не отснятая: «Гад, успел спрятать». Нас посадили в машину – меня, Вовку, Бебенина – и в Ленинский опорный пункт, он там рядышком. Через окошко видим: Вероника Тризно («Интерфакс») потихонечку бочком идет, по телефону передает информацию о произошедшем.

Привозят нас в опорный пункт, там уже 15 журналистов собрались. Владимир Мацкевич начал очень бурно возмущаться и отказываться называть себя. У него сняли ремень, забрали шнурки и посадили в каморочку за металлической дверью.

Поначалу менты были достаточно агрессивны, только вот «публика» оказалась не совсем обычная, они и перепугались. Начали составлять протоколы, выяснять, кто есть кто. Узнают, что Бабарыко из «Рейтер» – иностранец. Звонят – докладывают, нервничают. Народ за это время уже немножко пришел в себя: Томашевская и Халип стали требовать, чтобы им дали возможность покурить. Менты сначала категорически запретили, но через полчаса дамы их достали и им разрешили курить возле туалета. Они как там сели, так три с половиной часа и просидели: менты все это время в туалет ходить стеснялись. Четыре раза уточняли фамилии, четыре раза с кем-то перезванивались. По одному разговору я понял, что на проводе министр внутренних дел Валентин Аголец. Капитан – дежурный – все время повторял, что списки нужны «наверх». Это, видимо, Шейману и Бородичу.

Через какое-то время в опорном пункте появился ОМОН – для нашей охраны. А у нас камера с кассетой, пленка отснята, есть кадры задержания... Что делать? Если повезут на Окрестино – заберут. Я стал искать, где спрятать кассету. Уже хотел замаскировать прямо в туалете, но потом решили, что лучше положить кассету в сумочку Томашевской. Надо сказать, вид у нее был такой, что можно было не сомневаться – отпустят совершенно точно: она пришла митинговать в коротком платье, на высоких каблуках...

Часам к шести народ вообще развеселился, стали рассказывать анекдоты. А Мацкевич все сидит в каморке. Я взял номер журнала «Беларусь в мире», а там материал о расширении НАТО, подхожу и говорю: «Володя, я тебе почитаю, чтобы скучно не было». И стал читать. Про расширение НАТО... Менты просто обалдели. Дошло до того, что они вообще ушли из дежурки – тусовались в кабинете или предбаннике, а Бабарыко уселся на место дежурного капитана, распоряжается... Маховский под маркой того, что нужно позвонить домой, сумел дозвониться до Саенко в корпункт. Так что спустя час после нашего задержания уже пошли информационные сообщения: состоялась акция в поддержку Шеремета, задержано 15 человек, задержаны журналисты «Рейтер», «Всемирной службы новостей», белорусских изданий... Приехала группа с НТВ. Оператор, Костя, врывается – его не пускают. Он вопрос: что с журналистами будет дальше? Ответ: «Что будет, что будет? Отвезем в Куропаты и расстреляем». Звук на кассете остался, а вот картинка не получилась... Вот такая была веселуха...

А мы-то не знаем, что происходит: что «Рейтер» передает о задержании журналистов как о новости номер один, что пошли звонки из Госдепа, из центральных офисов компаний... От нас в это время требовали подписи на протоколах. А протоколы уже были заготовлены: ходил, заложив руки за голову, кричал «Свободу Шеремету и Завадскому!». Мы начали обсуждать – кто-то собирается подписывать, кто-то – нет. В итоге каждый написал свою личную резолюцию по поводу составленных протоколов: делал на самом деле то-то и то-то... Каждый объяснял, как мог.

Я, Бабарыко и Андронов «процедуру» прошли первыми. Нас завели наверх, поставили перед видеокамерой, сняли в фас и профиль... Вышли. Стоим, ждем остальных. А омоновцы из охраны говорят: быстро уходите, звонок поступил, чтобы всех задержали до особых распоряжений, но вы-то трое уже вышли... Мы, естественно, спорить не стали, но ведь кассету надо было отправить в Москву, а кассета у Томашевской...

Поехали в редакцию «БДГ». Там, естественно, никто ничего не знает. Все звонят в ментовку: кто под маркой мамы Маховского (три мамы у Маховского оказалось), кто под маркой моей жены... В редакции уже Олина мама сидит. Я ее начал успокаивать – иди домой, все будет нормально, а сам думаю: «хрен его знает». Тут и Ольга позвонила, что их тоже выпустили. Но по телефону я же ей не скажу, что кассета срочно нужна – поезд как раз ночной. И я ей спокойно намекаю: мы вас здесь ждем, приходите быстрее. А она обиженно: «Мы должны поужинать»...

И они пропали. На пейджер Маховскому скидываем, чтобы срочно позвонил – ни звонка, ничего. Ну, думаем, вышли, а их опять хватанули. Наконец через два часа появляются: ужинали, для релаксации взяли шампанского, заходят такие веселенькие... И Томашевская сходу с такой обидой: «А что, мы не можем поужинать?»... Марцев подбросил деньжат, и Олег Бебенин пошел спиртного купить – отметить благополучный исход. Только вот поезд, с которым можно было передать кассету в Москву, уже давно двигался в сторону Смоленска.

Утром – суд. Почему-то многие решили, что суд может вынести решение об административном аресте: пришли подготовленные, в соответствующей одежде. Но по реакции информационных агентств было видно, что обострение ситуации чревато. Задержание журналистов ведь шло прайм-новостью: на пустом месте вдруг задержано 15 журналистов – все информационные агентства, все телеканалы, и наши, и западные, с этого события начинали выпуски новостей... Я и пришел на суд в галстуке, в белой рубашке... Бебенин ошалел: ты чего? А я ему: «И в тюрьме надо быть элегантным».

Начался суд. Было понятно, что есть какой-то список и там уже проставлены все наказания. Системы никакой: Маховского выпускают – штраф, Халип – предупреждение, нам с Андроновым – предупреждение, Бабарыко – предупреждение. Суд над Андроновым был просто хохмой (я сначала на своем побывал, потом к нему пошел).

Вовкин суд следующим образом проходил. Он в суде с камерой. Появляются сержанты-свидетели, в том числе и на-

чальник Ленинского РОВД. Показывают, что Андронов ходил, заложив руки за голову, и кричал «Свободу Шеремету!». Андронов, естественно, возражает: а вы камеру возьмите (взяла судья камеру, подержала); попробуйте походить с этой камерой «руки за голову», да еще при этом покричите... Дальше я как свидетель показываю: мы журналисты – у нас такая работа; работаем парой, имеем соответствующую аккредитацию; государство берет на себя определенные обязательства, когда дает аккредитацию... В результате судья вынесла решение, что мои свидетельские показания не учитываются, поскольку свидетель и обвиняемый находятся в дружеских отношениях.

Кстати, разбирались только с Андроновым – у него-то камера была: ну, не мог человек, держа камеру, одновременно держать руки за головой...

У остальных все происходило намного проще. У меня, к примеру, так: судья, такая улыбчивая, такая хорошая, просто видно, что ей не хочется всем этим заниматься... Она кратко излагает суть дела, пятое-десятое, а потом говорит: «Я позову этих» (видимо, язык не повернулся сказать свидетелей). Зовите! Приходят два ублюдка в штатском – сержанты. Начинают давать показания, дескать, я ходил с руками, заложенными за голову, и кричал «Свободу Шеремету!». Я спрашиваю: «Сержант, где меня задержали?» Он отвечает: «Возле резиденции».

– Она большая, целый квартал. Где именно – покажите.

– Я не помню.

Я ему рисую: вот улица, вот резиденция, где, покажите, задержали.

– Я не помню.

– Вы спецподготовку проходили?

– Проходил.

– Вас учили, что первое, что вы должны сделать, – это место задержания зафиксировать. Иначе все потом в деле рассыпается.

Молчит.

Судья так извиняюще на меня посмотрела: «Давайте следующего».

Со следующим происходит то же самое.

Судья говорит: я вам хочу показать материалы видеозаписи. Идем к председателю коллегии, смотрим. Четко видно, что Андронов с камерой снимает, а я – с микрофоном. Если говорить по сути дела, то обвинение рушится. Я – судье: «Ну что, вызываем сейчас сержанта за лжесвидетельство? Это ведь ваша видеозапись, а у нас есть еще и своя, где можно определить точку, откуда снималось и что происходило?»

Мне председатель коллегии говорит: «Знаете, вы к нам позже приходите, у нас будет новое здание построено и такие интересные дела бывают...» Я ему: «Непременно».

Нечто подобное происходило у всех, лишь у Щукина была отдельная статья, его дело прокуратура вела. Но и там тоже ничем не закончилось: просто он тогда пошел на дополнительное слушание, на него-то он и одел эту робу полосатую.

После всего произошедшего я написал в «Имени» материал «На войне, как на войне», где попытался показать, что произошло после вашего ареста, вернее, что этот арест означает. На мой взгляд, с арестом журналистов ОРТ закончился период холодной войны и начались силовые действия. В статье я как бы выстроил события в ретроспективе: сначала белорусский эфир был захвачен (радио, телевидение, «Проспект», студия «Политика») – были точечные моменты, а тут уже пошел вариант жесткий. Ну, а коль информационная война стала горячей, то тут уж на войне как на войне.

Иван Антонович на брифинге стал объяснять – не ходите близко (так он о нас всех заботится!), в стороне стойте, вы не должны в кучу лезть и прочее... Договорился до того, что в Варшаве якобы «Солидарность» жгла флаги и плакаты, но журналистов там не было. Мы ему вопрос:

– А откуда вы узнали о происходившем в Варшаве?

– Я по телевизору смотрел.

– Так вы ж говорите, что там журналистов не было... – Молчит.

Из рассказа оператора WTN – «Всемирной службы новостей» Владимира Андронова:

– Всегда чувствуешь, что сейчас начнется полная ерунда. Мы сняли с Лёней акцию журналистов возле резиденции Лукашенко и решили отойти подальше. Я говорю Лёне: «Давай отойдет в сторонку и будем снимать с противоположной стороны улицы». Уже милиция начала заталкивать людей в машины, поэтому оставаться в самой гуще было бессмысленно. Мы перешли на другую сторону улицы, возле станции метро «Купаловская» остановились и снимаем издалека. Оставшихся возле резиденции ребят начали распихивать по милицейским машинам.

Мы решили сматываться. Я заскакиваю в фирму туристическую «ВИП-тур», но ошибся дверью. Одна дверь вела под лестницу, другая – в офис. Я под лестницу кинулся, а там такая маленькая комнатушка, мебель старая стоит, никого нет. Я не ожидал этого, просто удирал от милиции и не разобрался толком, куда бежать. Надо было, конечно, в офис ввалиться, потому что за нами неожиданно ринулась толпа милиционеров. Они переломали бы в офисе половину мебели. Я понял, что сейчас они будут забирать кассету, а мне не хотелось ее отдавать. Я кассету выдираю из камеры, за спину под рубашку ее засунул, а в камеру успеваю вставить чистую. Тут вваливается в комнату пять человек и начинают вырывать из рук видеокамеру. Я ремень камеры перебросил через плечо, камеру правой рукой обнял и не отдаю. Менты левую руку заламывают мне за спину, а правую не могут – ремень от камеры мешает. Двое меня держат, один бьет по ногам, второй пытается камеру вырвать, но я мертво вцепился. Раз семь ударили меня под колено, а я все не падаю – получилось так, что камерой навалился на стол и поэтому устоял. Тогда какой-то козел каблуком стал бить в копчик, в позвоночник. Так и выбил, сволочь, мне диск, я потом два месяца не мог работать. Вытащили меня на улицу и прямо в ментовский «уазик» запихивают вместе с корреспондентом газеты «Имя» Бебениным. Камеру из рук рвут, я говорю: «Пошли на х..., камеру не отдам». Менты комнату обыскали и все кричат: «Кассету, кассету...» Сопротив-

ляться дальше было бессмысленно – сломали бы что-нибудь в камере. Я кассету из камеры достал. Отдаю. Майор посмотрел и кинул кассету обратно, матом обругал и дверь закрыл: «Чистая, поменял, гад». В машине я старую кассету из-под рубашки достал, и так спрятал в чехле, что они бы ее не смогли найти, там есть специальное место для кассеты, о котором мало кто догадывается.

Через день – суд. Там вообще было самое смешное. Собралась толпа журналистов. Причем половина – известных и даже знаменитых. Менты – свидетели, только пришли в гражданском. Какой-то мент все сидел, сидел, маялся, маялся, потом поворачивается ко мне и просит: «Извините, скажите, пожалуйста, которая здесь Маслюкова? Вы мне покажите ее». Я спрашиваю: «А зачем вам?». – «Да я свидетель по ее делу». Во дает!

Входим в зал суда. Фамилия судьи – Кривая. Спрашивает: «Есть ли отводы?» «Да нет», – говорю, вижу – молодая, красивая женщина. Но я зря питал какие-то надежды перед этим судилищем. Секретарша сидит тоже молодая девочка. Разрешили присутствовать в зале Юре Свирко как журналисту и Пастухову как наблюдателю от Ассоциации журналистов. Начались вопросы: где был, что делал. Я объясняю, что мы работали, снимали акцию, могу показать отснятый материал. Но все это было бессмысленно. Судья говорила, что наше видео не аргумент, что надо смотреть видеозапись оперативную, милицейскую. Просит пригласить свидетелей. Нет проблем, любой, кто там был, может подтвердить, что я вел съемки. Приглашаю Иру Халип. Приходит Халип. Судья спрашивает: «Как давно вы знаете Андронова?» – «Давно, он вечный, сколько себя помню, он всегда в городе с камерой ходит. Мы митинговали, а он работал, снимал». – «Так, понятно. Следующий кто?» Следующего вызываю Лёньку. Он приходит, говорит: «Мы работали. Я брал интервью, он снимал». – «Хорошо. Поскольку ваши свидетели, скорее всего, – ваши приятели, и вы находитесь с ними в приятельских отношениях, их показания суд не принимает, поэтому будет рассматривать показания наших свидетелей – работников милиции». Входят два свидетеля.

Первого мента фамилия Молчан, а второго зовут Кравчук. Начинают давать показания: «Да, он там был. Ходил возле КГБ и кричал, размахивал руками». Спрашиваю: «А как это можно снимать и одновременно держать руки за головой? Камера весит 15 килограмм». Судья подошла, подняла камеру: «Да, тяжелая». Суд несколько раз прерывался, не за что зацепиться. Всех судили 15–20 минут, а у меня суд шел почти три часа. Судья куда-то уходила, звонила, советовалась, видимо, что делать. Вызывают третьего свидетеля. И приходит начальник Ленинского РОВД Вася. Стоит. Я к нему: «Вася, ты чего здесь делаешь? Тебя же там вообще не было». Судья: «Подсудимый, молчите!» Вася: «Нет, я там был». Хорошо, я ему вопросы начинаю задавать:

– Что я делал?

– Ходил и митинговал.

– А может, я снимал видеокамерой?

– Нет, ходил и митинговал.

– Хорошо, где меня взяли?

– Возле резиденции, где и всех взяли.

– Резиденция большая, где конкретно?

– Не знаю, там была такая заваруха, надо было всех брать.

В результате судья выносит приговор – административное предупреждение, всем штрафы, а мне только предупреждение. Мое последнее слово, обращаюсь к судье: «Вы на своей биографии поставили огромное черное пятно. Вы, пожалуйста, занесите себе в протокол, что у вас не фамилия Кривая, у вас совесть кривая. А эти два сержанта – ничтожные люди, их послали, им приказали, они зависимые люди. Офицер – он еще хуже, чем они, потому он – офицер. Есть понятие чести, а он человек бесчестный, без чести и без совести». Вася стоит, морда красная, Кривая глаза опустила, тоже молчит. «С вами, судья Кривая, все равно будет разговор. Очень скоро будет. Я не знаю, через год, через три, может быть – пять, но я лично побеспокоюсь, чтобы напомнить вам ваше дело». Пастухов устроил овацию. Вот такой был цирк.

Из рассказа оператора компании «Рейтер» Владимира Бабарыко:

– Я специально пошел с журналистами, чтобы защитить группу ОРТ. Но больше всего мне было обидно за Диму Завадского. Он оператор и я оператор. У меня была внутренняя потребность специально заступиться персонально за оператора Завадского. О Шеремете говорили все время – Шеремет, Шеремет, Шеремет. На всех заборах – «Свободу Шеремету!». Я почувствовал, что у Шеремета защитники есть, нужно защищать еще и Завадского, потому что операторы всегда на втором плане, такая наша работа. Когда я узнал, что Димина жена пыталась передать ему сигареты в тюрьму и их не взяли, меня это возмутило до предела.

Все сразу было мирно и тихо: мы подошли к погранвойскам, потом к Министерству внутренних дел, оттуда пошли в КГБ, писали мелом на асфальте лозунги и так далее. Возле резиденции Лукашенко Валерий Щукин решил лечь на асфальт. Милиция ему говорит, что не надо ложиться, но он их не слушает. И здесь обстановка обострилась и нас всех начали арестовывать и сажать по машинам.

Ко мне, правда, сразу никто не подходил, никто меня не трогал. Я отдал камеру своему помощнику и иду себе тихонько, уже в одиночестве. На моих глазах всех хватают, а ко мне никто не подходит. Ничего не понимаю. Вдруг я соображаю, что стою как раз напротив входа в итальянское и английское посольства – у них общий подъезд. Более того, я захожу в магазин, купил там пачку сигарет, выхожу и понимаю, что моя защита – это посольства. Постоял я возле посольства чуть-чуть, все успокоилось, и (как известно, преступника тянет на место преступления) я пошел обратно в сторону резиденции президента, а не спрятался где-нибудь в магазине. Но у меня просто напротив резиденции на стоянке стояла машина – на съемки ведь мы ездим на машине. Не успел я дойти до стоянки, как подъезжает машина, из нее выходят два сержанта и говорят: «Пройдемте». В их глазах я увидел страх, что я начну сопротивляться или начну их бить, потому что если сложить этих двух сержантов, то по размерам получился бы один Бабарыко. Они обалдели,

говорят: «Сядьте в машину», и я сел без всякого сопротивления. Отвезли меня в отделение милиции, а там уже сидят почти все журналисты.

Я признателен властям, что благодаря их действиям за те несколько часов, которые нас продержали в милиции, я познакомился со всеми известными белорусскими журналистами.

Сидим мы, значит, в милиции и тут привозят автобус ОМОНа. Я вам скажу честно, пробежали по спине мурашки. Думаю: «Ну все, будут бить». Вот есть этот страх, что тебя ни за что могут просто отдубасить. Но, как потом выяснилось, когда мы вышли, ОМОН вызвали, потому что приехала группа НТВ и попыталась снять, как мы там сидим.

Милиционеры сами нервничали. Им надо записать фамилии, адреса, составить протокол, а постоянно звонят из администрации, КГБ, Совета Безопасности, начали звонить из газет. Милиционер мечется, краснеет, бледнеет. На него кто-то по телефону орет, требует срочно сводку, сколько и кого задержали. Он стоит навытяжку и только повторяет в трубку: «Да, да, так точно. Товарищ полковник!» Бросает трубку и: «Ё.. т... м... Фамилия?»

Нас 15 человек в одной комнате, душно, все хотят курить. Но милиция вела себя корректно. Все говорят: менты, менты, менты, – но с нами они были очень внимательны. Просим открыть двери – открывают, просим выпустить в туалет – пожалуйста.

Потом нас вызвали в суд. Штраф дали всем, кроме корреспондентов западных компаний. Не дали штраф Лёне Миндлину и Володе Андронову как сотрудникам «Всемирной службы новостей» и мне как оператору «Рейтер». Нас просто предупредили. Что в суде? Я – оператор, мне не надо никаких размышлений, аналитики и прочее. Я просто вижу. Вижу, как только зашел к судье: она ручкой при мне ничего не написала, она просто тасовала бумажки. Она только послушала меня и все. Я говорю: «А зачем вы меня слушаете, уже все ясно». – «Нет, я хочу узнать подробности». Тогда я еще внимательнее стал смотреть, может, она что-то за-

пишет. Ничего она не записала, все уже было решено заранее. Вот это меня поразило.

В Минск приехали представители международной правозащитной организации «HUMAN RIGHTS WATCH». При посещении республиканской прокуратуры и администрации президента они поднимали вопрос о незаконности задержания съемочной группы ОРТ, в частности журналиста Павла Шеремета. Директор Московского представительства организации Дидерик Лохман заявил журналистам: «Мы попросили заместителя генерального прокурора содействовать нам в посещении Павла Шеремета, но, к сожалению, нам ответили, что на данной стадии следствия это невозможно. Мы призвали белорусские власти немедленно освободить Павла Шеремета и его коллег и прекратить это дело».

По мнению г-на Лохмана, есть все основания полагать, что это дело – политическое: «Даже если бы состоялся факт незаконного пересечения границы, то, по нашему мнению, это мелкое нарушение закона. По международному праву, задержание человека допускается только в тех случаях, когда есть так называемая исключительная необходимость».

2 и 3 августа

Самые тягостные дни в тюрьме – суббота и воскресенье. Все вокруг замирает и только слышно, как свадебные кортежи с шумом наматывают круги на главной площади Гродно или по вечерам доносится музыка с дискотеки. На стене висит самодельный календарик, на котором каждый вечер вычеркивается день прожитый, и в субботу и воскресенье квадратик зарисовывают уже часов в шесть вечера. После этого кажется, что уже наступает следующий день.

Первые дни в тюрьме почти все время уходят на разговоры с сокамерниками. Основные темы – твоя прошлая жизнь, твое уголовное дело, твои женщины и политика через тюремные порядки. Постоянное противостояние с администрацией отражается на политических пристрастиях. В тюрьме, естественно, не любят власти и просто ненавидят Лукашенко. Зэки не могут забыть обещания кандидата в пре-

зиденты Лукашенко кормить всех заключенных колбасой, а милицейский беспредел приравнивают к беспределу политическому.

Обсуждать собственное уголовное дело в камере надо очень осторожно. Почти все прошедшие через следственные изоляторы знают, что первое время в камеры всегда подсаживают профессиональных «уток» или же обычные зэки в обмен на смягчение режима или досрочное освобождение начинают работать на оперативников. Комбинации бывает разные: от одного оперативника среди обычных подследственных до одного подследственного среди одних только «уток». Как правило, по особо важным делам с подозреваемым работает сразу несколько человек. Они могут сидеть все одновременно или их меняют одного за другим через неделю или две. Это делается специально, чтобы подобрать тот психологический тип, который наиболее близок подозреваемому, поскольку «утке» необходимо максимально расположить к себе, вызвать на откровенность. Распознать в соседе по нарам подставу непросто: это может быть мягкий интеллигент и прожженный уголовник с «мастями», молодой парень и дряхлый старик. Общее у них будет одно – постоянное, даже навязчивое желание обсудить детали вашего дела, поговорить о ваших друзьях и знакомых. Вести себя с такими «собеседниками» надо спокойно, как со следователями, разоблачать и наказывать не стоит. Причем часто «подсадные» работают вообще нагло и в открытую. Например, бывший председатель Национального банка Тамара Винникова просидела в одиночке почти десять месяцев, но первые две недели после ареста в камере «американки» – изолятора КГБ – с ней просидела довольно молодая женщина. О таких обычно говорят: «Приятная во всех отношениях». Тамара Дмитриевна рассказывала, что ее соседка сильно не маскировалась и постоянно пыталась получить ответы на три вопроса: как Винникова относится к президенту Лукашенко, удалось ли ей спрятать какие-нибудь документы и с кем из оппозиционеров она дружна. Однако Тамара Дмитриевна на удивление оказалась тверда и немногословна и женщину из камеры убрали.

Среди своих сокамерников нам удалось вычислить двоих, и оба раза случайно. Первого парня из Островецкого района не нашли по тому адресу, который он назвал. Но он просидел у нас всего неделю и запомнился тем, что в принципе никогда не мыл ни лицо, ни руки. Второй просидел со мной весь срок и роль свою сыграл, нужно отдать ему должное, блестяще. Разговаривал и вопросы задавал буквально обо всем, не переставая, надзиратели ловили его во время связи с другими камерами, но никогда не наказывали. Его уголовное дело было предельно простым, но сидел он уже полгода. И вычислили его абсолютно случайно. В августе этот Саша получил передачу якобы от жены. Подходит время в сентябре для передачи, а ничего нет. День проходит, второй, третий, но жена «дачку» не несет. Странная ситуация. День получения передачи – это красный день календаря любого заключенного. Это как расписание на железной дороге – сбоя быть не должно, и если он происходит, значит, что-то случилось. Курево заканчивается, нормальной еды нет уже давно, вся надежда на посылку с воли. Я без всякой задней мысли предложил, чтобы мои родные сделали передачу от имени его жены. Нашли его жену, а она начинает рассказывать поразительные вещи. Оказывается, она не живет с ним уже четыре года, о том, что он в тюрьме, ничего не знает и никаких передач ему не носила. После освобождения я решил лично все перепроверить. Просто оперов подвела жадность – на колбасу и сигареты следователям денег не выделяют. Свой домашний адрес этот Саша дал неправильный, и нашел я его только по старым координатам, о которых он иногда вскользь упоминал во время наших ежедневных многочасовых разговоров в камере. Человек – это же не машина, в любой программе бывают сбои, у любой легенды есть сомнительные или же опасные подробности, по которым любого «разведчика» можно в конце концов изобличить. Люди находятся вместе круглые сутки и все это время обсуждают чью-либо жизнь, поэтому, когда пятый раз подряд рассказываешь о своем деле, иногда забываешь некоторые важные подробности. Поэтому важный принцип тюремной жизни: не хочешь говорить – промолчи, не уверен в себе – не лезь вперед, сомневаешься в сво-

ей личной истории – будь предельно лаконичным, а начал рассказывать – лучше говори правду, иначе может быть беда или так уронишь авторитет, что подняться потом не дадут.

Кстати, с моей «уткой» тоже был забавный случай. Заселили нам в камеру молодого парня, простого как валенок. Работал водителем грузовика. Взялся подвезти молоденькую девушку, и то ли она вела себя раскованно, то ли он все понимает буквально, однако решил этот Валентин, что девушка – проститутка, «заплечная» на водительском жаргоне, и начал к ней приставать. Девушка оказалась честной, как-то вырвалась, из машины выскочила и в милицию побежала. Парня, в общем, закрыли, побили немножко и он в своем страшном умысле признался. История обычная. Несколько дней парень этот просидел в нашей камере. Мы прочитали ему коллективную лекцию о том, что «чистосердечное признание облегчает работу следователя и удлиняет срок». Слово за слово, и вдруг оказывается, что у Валентина родной дядя работает там же, где по легенде трудился до тюрьмы и подсадной Саша. Реакция оперативников была почти мгновенной: через два часа, поздно вечером этого парня перевели в другую камеру, притом что нас на тот момент было всего четверо, а в среднем по корпусу в камерах сидело по пять человек.

Целенаправленно гэбисты работали с Дмитрием Завадским, но, к счастью, хитроумные схемы нужного им результата не принесли. Дима уверен, что многие ходы в тюрьме смог угадать.

<u>Из рассказа Дмитрия Завадского:</u>

– «Утконоса» мне подсадили еще на ИВС. Вел он себя обычно, только был очень разговорчив. Постоянно рассказывал о своих родственниках, какие-то деревенские истории... Но знал больше меня – всех собкоров в корпунктах ОРТ, всех ведущих, кто у нас на канале работал раньше, кто работает сейчас. Я поначалу этому значения не придавал, а потом заподозрил, что все-таки он – «их» человек. Например, он клялся, что ни о чем не разговаривает с надзирателями, а те иногда интересовались вопросами, о которых мы говорили только в камере.

В тюрьме о «подсадке» я старался не думать. Но мыслям же не запретишь появляться. Сидит в камере четыре человека и один из них, такой интеллигентный, особенный, говорит, что полгода сидит ни за что, ничего внятного о себе не рассказывает... Он постоянно напоминал мне про тот участок границы, на котором мы побывали. Будто невзначай вдруг говорит: «Там дубы такие хорошие, помнишь?..» Это меня настораживало: откуда ты знаешь, если последние полгода провел за решеткой, где именно я был и какие там дубы?..

О том, в чем меня подозревали, я практически в камере не говорил. На всякий случай. Я даже об этом не задумывался, не задавал себе каких-то алгоритмов, о чем говорить, о чем нет. Как-то подсознательно все произошло.

Кстати, когда этот человек выехал, на его место заехал прямо противоположный тип, такой «матерый» уголовник весь в «куполах». Представился Колей Сараном. Он рассказывал свои «страшные истории»: что ходка эта не первая, что на северах сидел, что был когда-то приговорен к смертной казни. Как-то он даже предложил: хочешь, попрошу адвоката и он принесет тетрадь с записями того времени, когда я был приговорен к вышке. Рассказывал, что ограбил ларек, его взял патруль, он отсидел 3 или 4 года, потом вышел и убил тех, кто его посадил. За это его якобы и приговорили, сидел во всех зонах, мыслимых и немыслимых... Многим премудростям и примочкам различным он меня, кстати, и научил – тюремной почте и всяким бытовым вещам: научил делать клей, ружья духовые, объяснил, как по панораме связываться, если нельзя связаться через решку. Он открыто ничего не спрашивал. Более того, в первый же день написал записочку: «Ты ничего не говорил? Здесь подсадные утки». А через день ко мне приходит малява, замаскированная, в двух обертках. На одной обертке один номер камеры написан, разворачиваю – другой... В общем, полная конспирация. В маляве следующее: у тебя сидит Коля по кличке Саран, у него такие-то масти на руках, мы с ним вместе с этапа приехали, он – подсадная утка. Вот тогда у меня мурашки по телу побежали, начал в голове прокручивать все разговоры, которые с ним вел. Когда ничего серьезного не вспомнил, успокоился.

Пробыл я с ним в одной камере неделю или чуть больше. И только он «поехал по этапу», как через день-два выяснилось, что сидит он уже в другой камере и рассказывает совершенно другую «легенду». А ведь он мне свой адрес оставил и я ему свой. Его-то «координаты», конечно, липовыми оказались.

Еще одна интересная личность – соседка наша из камеры через стенку, некая Алена. Как потом выяснилось, мы с Шереметом сидели именно через их камеру: 62 – моя, 63 – женская, 64 – Пашина. Через малявы мы с соседками часто общались. Алена мне говорила: «Если хочешь послать маляву Шеремету – пиши: с ним вместе сидит Граф, я буду ему писать, так вместе переправим». При этом она меня убеждала, что Шеремет сидит в «хате» 60…

Люди у нас менялись. Одно время сидел пацан какой-то, его перевели в тюрьму с химии, якобы «на раскрутку» по новому делу. Он совершенно не боялся охранников, вел себя с ними достаточно нагло, «почтой» особенно любил заниматься и, естественно, пару раз «спалил дороги». Его даже выводили, но почему-то не били. Меня это удивляло. Так что почта, видимо, тоже частично была под контролем.

Однако подсадки в моей камере работали не так настойчиво, как с Дмитрием. Со мной была сделана ставка на прослушку – сам Лукашенко признался, что может предоставить расшифровки моих бесед в камере. Правда, на настойчивые просьбы Москвы передать на ОРТ или в Кремль не только расшифровку разговоров, а копии аудиозаписей, сделанных в камере, Минск ответил молчанием. Хотя я сомневаюсь, что даже Лукашенко показали все мои разговоры, иначе он вырвал бы себе от злости последние волосы на голове. Я выступал тогда активным политинформатором и агитатором, поскольку считал, что даже четверо убежденных противников белорусского президента – это уже маленький вклад в победу демократических сил. Поэтому и мои сокамерники, и оперативники теперь хорошо осведомлены о всех любовницах Лукашенко, о всех его махинациях с контрабандой, о его приходе к власти и о том, как главный борец с коррупцией живет сейчас в своей резиденции, на ремонт которой затратили более 10 млн долларов.

Я не был уверен на сто процентов, что камера пишется, и хотел это каким-то образом проверить. Идея родилась предельно простая. Я знал, что рано или поздно начальник тюрьмы захочет со мной познакомиться, поговорить за жизнь, и я решил рассказать в камере то, что он обязательно переспросил бы, а «утка» не обратила бы на это большого внимания. И я бросил фразу о том, что снимал когда-то репортаж в камере смертников на «володарке». Это было попадание в яблочко. Первое, что через две недели сказал мне после «Здравствуйте» начальник тюрьмы, было: «Я слышал, что вы снимали репортаж в камере смертников?» Я сильно удивился и переспросил: «Я? Никогда там не был».

Уже потом «крытчики» рассказали мне, что прослушка – это обычный дело в Гродненской тюрьме. Полковник Пахутко любит читать, что в камере обсуждают зэки, связаны ли они с «обслугой» или надзирателями. Я считаю, что поставленную задачу выполнил неплохо, – еще долго тюремное начальство переваривало информацию о любимом ими президенте. Адвокаты, правда, постоянно уговаривали ничего плохого в камере про Лукашенко не говорить, но я не мог сдержаться. Во многом эти «политинформации» охладили пыл следователей, поскольку ни у кого не осталось сомнений относительно нашей с президентом стойкой взаимной нелюбви и выдавливать из меня покаянное письмо к нему не имело большого смысла.

4 августа

Утром выводят на разговор к оперу. В маленькой комнатке сидят двое, одетые в камуфляж. Один – молодой капитан, второй, постарше, – майор. Разговор длится недолго – за что вас посадили, а как было на самом деле, спокойно ли в камере, есть ли конфликты. В общей сложности минут десять поговорили и отправили обратно. Говорят, что это обычная процедура – кум должен поговорить с каждым новеньким заключенным.

Первую неделю тюремного заключения большую часть времени я просто отсыпался. Давно уже не было возможности сутками тупо отлеживаться. После пережитого первого

стресса удалось наконец успокоиться, напряжение первой недели заключения сменилось невероятной усталостью и все время хотелось только спать – и ночью и днем. Если первую неделю вскакивал буквально от каждого шума на коридоре и все ждал, что вот откроют камеру и отпустят, то теперь с надеждой на быстрый выход распрощался. Как ни странно, стало проще. Надо с первых минут настраивать себя на долгую и тяжелую борьбу, забыть, каким ты был крутым в своей прошлой жизни. В тюрьме ты – никто, здесь надо жить по особым законам, тогда есть шанс выжить.

Лучше придумать для себя идею, зацепившись за которую можно спокойно все перенести. Я для себя такую идею придумал. Она была очень простой. Я внушил себе, что тюремная эпопея – это мое журналистское задание, что здесь никто не знает моего настоящего имени и я обычный заключенный: надо все увидеть, все узнать, все запомнить и описать. В камере мы иногда шутили, что на самом деле – это подводная лодка и у нас длинная экспедиция. И это не выдумка, эта игра помогает выстоять и не свихнуться. Нельзя опускать руки, надо перестать ждать помощи с воли и не стоит искать помощи у таких же заключенных. Три простых принципа тюремной жизни: не плачь, не бойся, не проси.

Во всех независимых белорусских газетах появилось обращение к гражданам Беларуси защитить сотрудников ОРТ и подписаться под обращением к президенту Лукашенко с требованием освободить журналистов. Уже через несколько дней активисты Молодого фронта принесли в редакцию «Белорусской деловой газеты» две тысячи подписей. Всего за два месяца с небольшим удалось собрать больше 10 тыс. подписей белорусских граждан в защиту корреспондентов ОРТ. Социологические опросы в начале августа показывали, что 35% не одобряют войну властей против журналистов ОРТ, в сентябре процент резко пошел вверх.

5 августа

Кажется, сегодня самый счастливый день в моей жизни – «зашла дачка» – родные передали продукты. Вещи в изолятор можно передавать без ограничений, продукты – только

один раз в месяц и всего 8 кг. «Дачка» – это святое, ее ждут, как ждут свидания с родными. В этих несчастных восьми килограммах сконцентрированы все удовольствия мира, поэтому очень важно максимально эффективно рассчитать, сколько и чего передать.

Конечно, в первую очередь – мясо. В камеру надо передавать либо сырокопченую колбасу, либо сало, остальные мясные продукты портятся буквально на следующий день. Лучше передать колбасу, она не «приедается», ее легче хранить и она вкуснее. Для калорий неплохо пару пачек сухого детского питания – идеально с гречневой мукой. Это добавляют в пресные тюремные каши, после чего их приятней есть.

Тюремную баланду невозможно есть главным образом потому, что она пресная и безвкусная. Поэтому для вкуса очень нужны быстрорастворимые бульоны типа «Галина Бланка». С ними каши и супы становятся солеными и у них появляется нормальный приятный запах, например, грибов или курицы. Хоть исчезает ощущение, что приходится питаться кормом для скота. Все время, когда давали сечку, я вспоминал свою бабушку в деревне, которая кормила этим свиней.

Бульоны добавляют и в супы, и в каши, и заваривают отдельно. И чем больше будет этих кубиков бульона, тем лучше. Со мной сидел в камере бомж Василий из далекого российского города Кирова. Его взяли польские пограничники при попытке нелегально перейти белорусско-польскую границу. Белорусские пограничники его не заметили, а сигнализация не сработала, поскольку ее периодически отключают ради экономии электроэнергии. Так этот Василий просто балдел от куриных бульонов и все время повторял: «Молодец Галина Бланк. Только она нас, зэков, понимает, хоть соль добавляет!»

Без сигарет и чая «дачка» вообще немыслима. Сигареты нужны, даже когда человек не курит, поскольку в тюрьме – это своеобразная валюта. Правда, вместо чая можно передать кофе. По мне кофе даже лучше. Там кофе – это из разряда неисполнимого желания. Чай – это традиция, он нужен главным образом, чтобы варить «чиф», но значительно больше удовольствия получаешь от кофе.

Еще неплохо получить банку жира и пачку масла или импортного маргарина (он не портится). Никогда не забуду своего ощущения от бутерброда с жиром. Ничего не осталось, кроме свиного жира, а голодуха просто доводила до безумия – чуть ли не минуты считали до обеда или ужина. И вот намазываю один кусок хлеба с жиром, посыпаю солью и почти мгновенно съедаю. Потом второй бутерброд. На третьем усилием воли заставляю себя остановиться, чтобы хватило на завтра. И кажется, что ничего вкуснее хлеба с жиром в жизни не ел никогда.

Обязательно надо передавать лук и чеснок. Овощи же лучше передавать, если их не включают в отведенные 8 килограмм (в некоторых изоляторах это разрешают). Если нет, то огурцами, помидорами и яблоками можно пожертвовать в пользу чего-нибудь более важного.

И, наконец, десерт – печенье и конфеты. Это съедают в последнюю очередь, когда колбасы или сала не осталось. Это помогает перетерпеть постоянное чувство голода. Здесь тоже важен вес и объем: легкое печенье, небольшие конфеты. Неплохо получить растворимые напитки и соки, варенье, сахар, соль, спички. И ничего не должно быть лишнего. Мать одного из наших сокамерников с перепугу прислала ему хлеб, напиток в пластиковой бутылке, яблоки, банку крестьянской колбасы. Все это съели за два дня, а потом боролись с голодом.

Еще один раз в месяц можно отовариться в тюремном ларьке на 1 минимальную зарплату. По списку ты отмечаешь то, что хочешь купить, и через некоторое время в камеру баландеры все это принесут. Ассортимент в ларьке, мягко говоря, не богатый – сигареты, чай, печенье и какая-то мелочь, но при этом так тяжело распределить эти, например, 200 тыс. рублей, чтобы получить максимальное количество продуктов. Трудно высчитать, что лучше взять: пять пачек сигарет «Пуща», две пачки чая и полкило конфет или десять пачек «Примы», три пачки чая и банку солянки. На свободе такой выбор кажется смешным, но в тюрьме, когда считаешь каждую сигарету, хочется поесть и чего-нибудь сладкого, принять решение не просто.

Полдня перебирали «дачку», раскладывали по пустым пачкам сигареты, считали, сколько дней протянем. Одним словом – праздник.

Такие же чувства передача вызывала передача и у Дмитрия.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– Продукты в передачу каждый «заказывал» родственникам по своему вкусу. Например, у нас одному «пришла» смесь «Малыш». Я, например, гречневую смесь еще пару раз ел, а других не мог – с детства не люблю каш с молоком. Но наши вовсю рубали эти каши.

Неотъемлемая часть тюремного рациона – кубики бульона. А еще лук и чеснок. Чеснока я просто обожрался: кто-то ел его из-за витаминов, а я – чтобы загасить неприятный вкус тюремной еды. Выходило в день минимум по головке.

Самая популярная еда – сало. Разрезали мы его одноразовым лезвием. Одно время была у нас даже заточка – пилочка для ногтей, заточенная об пол, но ее вымели – посмотрели, что хлеб хорошо нарезан. А вообще, было бы сало, а порезать – не проблема. Если уж совсем ничего нет, то можно разрезать ниткой: сложишь ее в несколько раз, и очень даже неплохо получается.

Кстати, в зависимости от того, какие люди сидят, в камере устанавливаются определенные традиции приема пищи. В первой камере мы хлеб не резали – ломали, а во второй уже все было по полной программе: где-то без пяти шесть нарезался хлеб, чистился чеснок, тумбочка выставлялась в центр...

Особое удовольствие – делать пирожные. Полбуханки черного хлеба и буханка белого (в реальности он серый) делится на пять частей. Каждая из частей поливается и засыпается сахаром. Сахар на хлебе размокает и получается сладкое пирожное.

6 августа

Новый день ничего нового не принес. Убивает полное отсутствие информации.

В тюрьме четыре раза в неделю разносят газеты, но нашу камеру обходят стороной. Радио молчит, телевизор, который еще на прошлой неделе передал в тюрьму мой отец, мне не отдают под разными предлогами – то он проходит контроль, то заболел прапорщик, то еще что-то. В конце концов настойчиво требую газет. Приносят рекламную газету «Конъюнктура рынка» с таблицами рекламных предложений. На газете специально проставлен номер камеры – 65. Этот экземпляр предназначен только для нас. Такие газеты в тюрьму не поступают, поэтому «продольный» шепотом признался, что за газетой посылали солдата в киоск. Весь август приносили именно такие газеты, на все мои протесты надзиратели посмеивались: «Хорошие газеты – с картинками».

В сентябре информационная блокада ослабла: начали приносить «Гродненскую правду». Теперь я знаю всех лучших комбайнеров Гродненщины в лицо. В качестве подарка иногда дают «Советскую Белоруссию» – орган президента как-никак.

Удручало не столько отсутствие информации (в белорусских газетах ее в принципе не много, а в государственных – вообще одна пропаганда), сколько невозможность убить время за чтением хотя бы отчетов о победах на полях Беларуси в битве за урожай. Правда, были и светлые минуты. Статьи из российских газет, например «Известия», нам пересылали тюремной почтой заключенные из соседних камер или зачитывали по кружке через стенку. Дважды я вообще был сражен наповал логикой администрации. Вдруг приносят «Известия» со статьей об освобождении из тюрьмы Ярослава Овчинникова, а в конце августа – «Московские новости», но на английском языке.

Еще в тюрьме есть библиотека. Книги носят не часто, хорошую книгу получить вообще тяжело, но если наладишь хорошие отношения с библиотекаршей – пожилой доброй женщиной, то можно получить интересный роман или детектив. Эта женщина, видимо, не видела во мне врага народа,

потому приходила каждую неделю с новыми книгами, которые специально для меня подбирала. Принесет сразу книг двадцать и спрашивает, что мне больше нравится. Голову высунешь в кормушку и выбираешь между детективами, историческими романами и произведениями Ремарка или Пастернака. В тюрьме, чтобы забыться, я умудрялся прочитывать в средней одну книгу в сутки страниц на 300. Но это было уже позже, начиная со второй половины августа, после голодовки. А пока нет ни газет, ни книг, ни радио, ни телевизора. С собой был у меня сборник повестей и рассказов Хулио Кортасара, но читать это за решеткой тяжеловато. Кстати, сборник этот я потом отдал в тюремную библиотеку, даже специально автограф там свой оставил, ведь книги в тюрьме – своеобразный справочник адресов и координат жителей УЖ-15/ст-1.

Да, книги с воли не принимают. Запрещено режимом содержания. Принимают только «Книги почтой», напрямую отправляемые из книжных магазинов. Еще можно выписать газеты и журналы, но все мои попытки это сделать успехом не увенчались. Власти очень боялись, что поскольку все журналисты – враги президента, то через газеты и телевизионные программы мне будут передавать важную информацию и «установки из Центра».

В Минск приехал специальный представитель Европейского союза по Беларуси министр Ари Косто для переговоров с Александром Лукашенко о возможных изменениях политической ситуации в стране, поскольку Беларусь постепенно превращается в изгоя в Европе и мире. Ари Косто предложил Лукашенко в качестве жеста доброй воли освободить из тюрьмы журналистов. Но президент отказался это сделать и заявил, что может помиловать нас после вынесения судом приговора.

7 августа

«Продольный» на утренней проверке загадочно сообщает, что сегодня нам принесут «хорошую газету». Смысл этой фразы я понял только вечером, когда в «Известиях» прочитал, что освободили из тюрьмы нашего водителя Ярослава.

Слава Богу. Камень с души свалился. Я постоянно переживал, что ребята страдают из-за меня.

Слава женился за неделю до ареста, и я чувствовал перед ним некоторую вину. К счастью, для него эта эпопея быстро закончилась. Увиделись мы с ним уже после моего выхода, 8 октября. Тогда он рассказал о своих десяти днях заключения.

<u>Из рассказа Ярослава Овчинникова:</u>

– Дни на ИВС проходили ужасно. Казалось, что время остановилось. К тому же часы отобрали – что происходит, день, ночь? В камере же полумрак, окно забито жестью, в которой лишь мелкие дырочки, ничего не видно. Если только в три погибели согнешься, то край неба виднеется. Так прошли три дня на ИВСе. Все больше в лежачем положении на деревянном настиле. Под голову подложить нечего. Меня же как взяли? Штаны, сандалии да рубашка с коротким рукавом. В первый день спалось, правда, еще более-менее. На вторые сутки уже изучил каждую шероховатость этих злополучных досок и выпуклость своего черепа. А на третий уже начали болеть кости. Правда, под голову я газетку приспособил, чтобы «помягче» было.

Милиционеры вели себя нормально. Когда слышал, что идут по коридору, спрашивал у них, сколько времени. Как ни странно, отвечали.

Трое суток был абсолютно один. Сидел, лежал, потом газету попросил, чтобы принесли. Принесли. Какую-то милицейскую типа «На страже Октября». Тоже хорошо – кроссворд разгадывал, прочитал от корки до корки. Неожиданной радостью была скромная передача: зубная паста, ветчина порезанная, огурцы, хлеб... Я долго пытался выяснить, кто принес. Но ничего вразумительного мне так и не сказали. Была, говорят, целая толпа. Кто – не знаем. Я для себя решил, что это либо родственники, либо кто-то с работы. Оказалось – совершенно посторонние и незнакомые люди.

В память врезалось, как первый раз везли на допрос. Молодой сопровождающий – конвоир – дубинку электрическую продемонстрировал. Нажал – искры. Он и предупредил: шаг в сторону – получишь.

Когда привезли из ИВС в тюремный изолятор, ощущение, по правде, было жутковатое. Не знаешь же ничего – как, что, как себя вести... Все навыки-то по фильмам, например «Джентльменам удачи»...

Оказалось все по-другому. В камере уже сидело четверо человек. Я – пятый. Двое сравнительно взрослые (одному за тридцать, другому – около того) и двое совсем молодых – чуть за двадцать. Трое, видимо, в первый раз попали, а один уже бывал в подобных местах, весь в наколках, колоритный такой.

Захожу: «Здрасьте, где у вас можно присесть?»

Они мне показывают: «Вот, садись». Потом уже начались расспросы: кто ты, что ты. Я «честно признался», что был в составе съемочной группы. Они показывают какую-то газету – про вас написано? А я ж газет не видел – не знаю, что отвечать. Прочитал – про нас. Они смеяться начали: «Во, говорят, судьба свела. Кто бы мог подумать?»

Так и началась моя неделя в тюрьме. В какой камере был Шеремет, где Завадский, ничего не знал. Привезли-то нас вместе с Димой. То есть везли в разных машинах, Завадского, по-моему, на «Шкоде», а меня – в «Жигулях». Его первым и «оформили». После того до Диминого выхода мы так и не виделись. Но я догадывался, что все где-то здесь. А вот где?

Никакой «целенаправленной» работы с собой в камере я не замечал. Вроде, никаких расспросов, типа как ехали, куда ехали, зачем ехали, никто не устраивал.

Развлекались в тюрьме, как умели. Шахматы были, тумбочка была приспособлена под игру в нарды, в тысячу играли... Телевизора, правда, не было, зато радио в коридоре орало. Были еще две книжки – какие-то колхозно-патриотические. Прочитал.

Никакого особого отношения к себе я, честно говоря, не заметил. Надзиратели относились так же, как к сокамерникам: если «шмон» – все лицом к стенке. Обшмонали, обстучали – гуляй. Тюремное начальство меня не беспокоило, я его – тоже. Сводили как-то на медосмотр, отпечатки пальцев сняли, сфотографировали, вот и все общение. Однажды, вернувшись с прогулки, ребята рассказали, что охранник

спрашивал, где журналист, покажите. Так я стал «журналистом».

В камере я один был «новичок», остальные уже пару месяцев посидели. У них были и ссобойки, и передачи. А я же пришел только с тем, что бэнээфовцы в ИВС принесли – полотенце, зубная щетка, паста и мыло. К тому же передача до предъявления обвинения была не положена. Так что меня подкармливали. Садились есть, мне – как всем. Общий стол. Сало, лук, чеснок, огурцы, даже варенье и масло «Рама» было, печенье, конфеты...

В общем, нормальные люди сидели. Все успокаивали меня. Говорили: ерунда у тебя, выпустят через пару дней... Так и оказалось.

Освободили меня, кстати, очень буднично. Сначала был допрос. Все бумаги прочитали, подписали. Заводят в другую комнату и начальник следственного отдела говорит: «Может быть, отпустим тебя под подписку». Я спросил, а какова вероятность того, что отпустят. Тогда он заявляет: «Ну ладно, обрадую тебя. Отпускаем под подписку». И... на том же газике повезли в тюрьму. Везли, правда, не в «собачнике», а в салоне. В камеру уже не заводили. Посадили в какой-то комнатушке, принесли мои вещи – все то же полотенце, пасту, щетку. Ворота открыли, и я вышел.

Из Гродно в Минск мы выехали часов в семь-восемь вечера. В общем, поздно. Но поскольку оператор наш Сергей Гельбах лежал в больнице, мы сразу к нему поехали. Потом – на корпункт, где уже ждала толпа журналистов...

8 августа

Сегодня для камеры 65 – банный день. Баня – большая радость в тюрьме, поскольку это единственная возможность раз в неделю нормально помыться. В камере есть кран с холодной водой, но вода в нем бывает только ночью, днем же ее приходится караулить, чтобы успеть набрать в пластиковые бутылки, даже в туалет идешь, когда есть вода, а не когда захотел.

В бане же минут пятнадцать-двадцать можно наслаждаться горячей водой. Правда, назвать это баней можно

с большой натяжкой. В комнате с какими-то бетонными лавками висит три «соска» – три огромных металлических душа. Камеру – пять, шесть или семь человек – запускают в душевую, и надо успеть быстро помыться и постирать свое нижнее белье, которое тут же еще мокрое одеваешь вновь. Затем в предбаннике выдают «свежее» постельное белье, такое же серое и иногда просто не стираное, как и то, на котором уже неделю проспал. Сержант может заставить тебя побриться, борода допускается только в том случае, если бородатым человека привезли в тюрьму. В целом приход, уход, смена белья, помывка и бритье занимают минут сорок или даже целый час. К этому добавишь час на прогулку и три часа на еду и, считай, день прошел незаметно, до следующей бани.

9, 10 августа

Опять вместе с субботой и воскресеньем наступает тоска. Никакого движения, просто сидишь в каменном мешке и ждешь. Приходится искать себе развлечения.

В камере у нас были шахматы, играли еще и в шашки. По тюремным байкам, играть здесь опасно. Вообще считается, что лучше избегать карточных игр и игр на зоне. В изоляторе, в маленькой камере все это проще. В карты играть запрещено под угрозой наказания. А когда играют в другие игры, то особых условий не ставят, поскольку это не имеет большого смысла – выполнить большинство поставленных условий невозможно. Например, кто будет играть в камере на сигареты, которых, во-первых, достать в случае проигрыша негде, а во-вторых, играть незачем, поскольку здесь живут общаком и все делят поровну? По крайней мере, в камерах, где сидят обычные мужики – не блатные и не «жулики», играют без всяких условий или в крайнем случае на приседания или отжимания. И никто никого играть не заставляет. У малолеток, правда, иногда рождаются идиотские идеи, навеянные нашими художественными фильмами или байками, далекими от реальности. Но лучше первое время присмотреться к своим соседям, и тогда станет ясно, как себя вести.

Мы, например, даже на приседания не играли. Ричарду далеко за пятьдесят было, второму – за сорок, третьему – под

тридцатник, а мне приседать было лень. Когда шахматы надоели, начали играть в «мандавошку».

Начертили на крышке тумбочки поле, сделали из хлеба кубики и фишки четырех видов и разного цвета. Игра простая: надо первым прогнать через поле пять фишек. Существует масса вариантов подобной игры для детей, и наверняка каждый в детстве хоть раз играл в «мандавошку», только называлась она тогда иначе. Никогда не думал, что детская игра так увлекательна, но в камере мы рубились в «манду» с таким азартом, что иногда стоял мат-перемат и ругались почти до драки.

11 августа

Новая неделя – новые надежды. Однако все тихо. Соседние камеры пытаются с нами связаться.

Нас поселили между женскими камерами, снизу – тоже женщины, сверху – крыша. Бабы ведут активную переписку между собой, движение маляв и посылок идет бесперебойно. Только мы усложняем им почту, поскольку сидим между тремя камерами «на централе», но прямую «дорогу» сделать не можем.

Между камерами существует три типа связи. Администрация знает о них прекрасно. Иногда подсаженные оперативники сами стимулируют активную почту между камерами, чтобы отловить нужную им информацию.

Связь с нижней камерой довольна проста. Из грубых, шерстяных ниток сплетается «конь» – веревка метра четыре. К нему привязывается «грузило», сделанное из хлеба и запаянное в целофан. На «коня» цепляют записки или посылки. Затем из газеты сворачивают «причал» – метровый бумажный шестик, к которому на конце привязывают спичку или крючок от тумбочки. Причалом вытягиваешь грузило за решку и опускаешь его вместе с конем вниз. Нижняя камера своим причалом цепляет грузило, втягивает в камеру, снимает почту и выталкивает грузило обратно. Все это делается по команде, например: два раза по два удара ногой в пол или рукой в потолок. Раз-два, раз-два – мы опускаем коня, раз-два, раз-два – грузило втянули, раз-два, раз-два – почта снята, можно вытягивать коня обратно.

Между соседними камерами делают «дорогу». Сначала нужно сделать клей. Вымачивается мякоть черного хлеба, затем вода отжимается. Два человека держат тряпку, а третий по тряпке растирает хлеб: масса, прошедшая через ткань снизу снимается кружкой. Это и есть клей.

Газета или, лучше, книжные листы сворачиваются в трубочки (впоследствии это будут коленья своеобразного футляра, поэтому они должны одна в другую заходить), последние коленья вставляются друг в друга под углом в 45 градусов. «Устройство» скрепляется нитками и сушится. В конце концов получаются довольно крепкие трубочки, из которых и состоит духовое ружье. «Пульки» делают из пачки от сигарет: сворачивается картон, предварительно прикрепляется туда нитка, которая выкладывается на верхней шконке зигзагами (чтобы пуля потом хорошо вылетала из решки), и все это заклеивается кусочком хлеба. Потом нитка в 4–5 метров накручивается на ручку, с ручки – в конус пульки. Далее кончик нитки привязывается к ружью, а пулька вставляется в само ружье. Ружьишко через решку аккуратно просовываешь, набираешь в легкие воздух – выстрел.

В это время соседняя камера должна высунуть причал через решку. Пулька летит по заданной траектории и цепляется за спичку, прикрепленную к причалу. Соответственно, принимающая камера вытягивает причал уже с «пулькой» и ниткой. Это – «дорога».

«Дорога» висит постоянно. Когда она сделана, берут более толстую нитку (обычно расплетают свитер или теплые носки) и плетут на метров 5–6 веревку – «конь». Когда нужно что-нибудь передать – маляву или чай, сигареты и т.п., – стучишь в стенку, если есть «готовность», получаешь ответный стук. Оперативность и здесь – главная вещь.

Камеру, в которой сидел Дмитрий, называли «главпочтамт» – там постоянно занимались почтой. Скорее всего, администрация закрывала глаза на то, что мы активно занимаемся переписками и посылками в надежде на то, что мы с Дмитрием попытаемся связаться. «Потому нас практически не шмонали, хотя "дорогу" обрывали практически каждый

день, а мы, естественно, ее каждый день восстанавливали», – признался Дмитрий.

Пользуются и другими способами связи. К примеру, «самострелом». Он делается из обложки книги и кусочка пластмассовой бутылки. «Устройство» получается небольшое, одно должно вмещаться в пачку сигарет. Конструкция несложная, но придумал ее кто-то явно имевший техническое образование. «Самострел» сооружается по типу арбалета. Пуля делается из нескольких плотно свернутых книжных страниц. Здесь нужна моделька – тонкая резинка – ее, понятно, достают из трусов. Далее резинки сплетаются и получается одна достаточно толстая. Это устройство довольно эффективно, практически с первого раза «достигается цель», да и спрятать его легко.

Иногда связываются «по панораме». Это самый трудоемкий и сложный способ. Его применяют для связи с карцером или между большими камерами, когда окна расположены далеко друг от друга. Там для связи веревка нужна достаточно крепкая, сплетается из нитки, в полиэтилен запаивается вата, делаются шарики и их привязывают на некотором расстоянии друг от друга, между ними – пуговица. Все это через «очко» спускается в общую канализационную трубу. То же самое проделывается в камере, с которой нужно установить связь. В общей канализационной трубе все это сплетается спичками или пуговицами. И когда кто-либо (с одного или другого конца) вытягивает эти шарики – связь установлена. Так запаиваются сигареты, чай, сало, почта и передаются через канализационную трубу. И не надо морщится: захочется курить – и труба канализации станет «дорогой жизни».

Для меня все это было китайской грамотой, для двух наших стариков – тоже. Только этот Саша-«утконос» знал, как и что делать, как, впрочем, и в случае с подсадным «учителем» Дмитрия Завадского. Инициативы мы, конечно, не проявляли. Кому и что писать? Ни Завадского, ни Овчинникова я найти не мог, и посылать малявы вслепую было бы большим риском. Но женщины не унимались: «Мужики, не морозьте камеру, делайте дорогу». Наконец отсутствие курева сломало

нас и мы решили опустить вниз коня. Саша все бегал по камере и повторял: «Надо им написать, надо им написать. Если будем молчать и морозить камеру, на этапе с нас спросят». Правда, ружье сделать мы так и не смогли, а стрельнуться женщины тоже умеют плохо. Связь поэтому все время держали через камеру снизу.

Первого коня нашли в матрасе – оставил предыдущий хозяин. Груз сделали из куска мыла. Мне передали хороший плоский кусок мыла, чуть ли не «Камей», и оно очень легко проходило в решку. Написали приветственные малявки. Саша настаивал на том, чтобы настоящие имена свои не писать, и назвался он Юрием. «Привет, девчонки. Нас четверо, сидим без курехи и уши пухнут. Подгоните, если можете», – таким, по-моему, было наше первое послание. Ответ: «Привет, мальчики. Рады, что вы нам написали. Тоскуем без мужского общения. Пишите о себе все и будем дружить». И еще какой-то рисунок – девушка с цветами. Правда, прислали табака и несколько спичек.

Но связь для нас была большая проблема. Первое время надзиратели почти не слазили с глазка – чуть какое-то движение или шум в камере, сразу смотрят в глазок. И хоть мы запускали коня во время развоза пищи, хватало его максимум на два раза, потому что на третий раз кормушка резко открывалась и все приспособления забирали. То ли в тюрьме специально экскурсии проводили посмотреть на журналистов, то ли на всякий случай, но пасли нас, словно особо опасных рецидивистов.

Пытаемся отправить бандерольку с чаем. Юзик закрывает спиной дверь с глазком. Шурик просовывает коня снизу через первую решетку, я поддерживаю грузило сверху. Дед лежал на нарах и только ворчал. Вдруг удар дубиной по обитой железом двери – сердце от неожиданности и грохота может выскочить! Юзик со страху сразу прыгает в сторону, мы не успеваем спрятать улики.

– Фамилия?

– Смирнов.

– Смирнов, давай сюда своего коня и причал. Быстрее! Еще раз увижу, беда будет!

12 августа

В камеру приносят уведомление, что суд Октябрьского района города Гродно не удовлетворил жалобу адвоката об изменении мне меры пресечения на подписку. Все, последняя надежда на быстрое освобождение растаяла. Пора начинать голодовку.

О голодовке мы говорили с Погоняйло еще во время нашей первой встречи. Гарри Петрович настраивал на то, что придется и пострадать, и мы обсуждали только, как далеко все может зайти.

У меня не было душевного порыва или надлома. Выбор – умереть или выйти на свободу – передо мной не стоял. Я видел только черные глаза Лукашенко и чувствовал, что для него «дело Шеремета» – это возможность в первую очередь самому себе доказать свою власть над всеми. «Приползешь ко мне на коленях!» – вспоминал я его напутствие двухлетней давности и твердо знал, что он этого не дождется. Поэтому, собираясь объявить голодовку, я ставил конкретные условия, не собираясь голодать до полной победы демократии. В заявлении Генеральному прокурору я требовал свидания с родными, нормальных газет, телевизор и в самом конце освободить Завадского и меня. Я понимал, что ставить невыполнимые условия бессмысленно, и голодовка была своеобразной демонстрацией.

Весь день я старался почти ничего не есть, чтобы как-то подготовить организм, а вечером съел сразу два специально оставленных от передачи апельсина.

13 августа

Наконец приехал Погоняйло. Свидание на этот раз проходило в тюрьме. Я сказал ему, что начинаю голодовку. Гарри Петрович отнесся к этому спокойно. Обсудили некоторые детали моего поведения, поговорили за жизнь и он уехал. Адвокаты философски подходят к тюремной жизни своих подзащитных, некоторые их клиенты под следствием сидят годами, как, например, два года отсидел Александр Саманков, финансировавший предвыборную кампанию Лукашенко.

Обед прошел в борьбе с аппетитом, стараюсь настроить себя.

18.00 – звонок на ужин. Подкатывает с бачком баландер. Заявляем: «Нам три порции. Один в отказе». Тут же в кормушке появляется голова надзирателя: «В чем дело, кто отказывается от пищи?» – «Шеремет». «Корпусной, корпусной, подымись на третий!» – зовет надзиратель начальника корпуса. Ну, думаю, началось. Оказывается, голодовка в тюрьме – это ЧП.

Приходит корпусной.

– В чем дело?

– Заключенный Шеремет отказывается брать еду.

– Что случилось, Шеремет?

– В жалобе Генеральному прокурору я все написал, – и отдаю письмо.

– Нет, ну возьмите еду, а там решайте, есть или нет.

– Лучше я сразу откажусь.

– Ясно.

Через три часа развозят хлеб на завтрашний день. Уже возле камеры кроме продольного стоит и корпусной. Хлеб принимает Саша. Баландер дает две полбуханки, затем еще две.

– У нас один в отказе.

– Отдай им четыре, – приказывает корпусной.

– Корпусной, если вы не заберете мою порцию, я положу ее возле двери и никто ее все равно не возьмет, – вмешиваюсь в разговор.

Кормушка захлопывается.

До отбоя обсуждаем разные варианты развития ситуации.

– За голодовку – карцер.

– Нет, они не будут его давить. Он же журналист, весь мир следит за этим делом.

– Плевать батьке на весь мир.

Шура шепчет мне: «У нас есть несколько кубиков "Галины Бланки". Давай, когда все уснут, заделаем тебе, никто не узнает». – «Не будь умнее всех».

14 августа

Утром ситуация во время завтрака повторяется: корпусной следит, как баландер отдает в нашу камеру кашу и как ни в чем не бывало сунет четвертую миску. Пришлось объясняться с корпусным еще раз.

День выдался как никогда бурный.

На утренней проверке в камере появляется воспитатель – молодой старлей, имя которого я так и не узнал. Воспитатель повел меня в свой кабинет на первом этаже.

– Ко мне у вас есть претензии? – спрашивает.

– Нет.

– Книг у нас на всех не хватает. Самые интересные я тут отобрал и выдаю под личную ответственность. – Достает из сейфа стопку литературы. – Выберите себе.

Я взял сразу штук пять, все – детективные романы. Поговорили немного о том, какие есть проблемы. Разговор явно не клеился.

– Что ж вы не заходите в нашу камеру? – спрашиваю.

– Честно скажу, я стараюсь поменьше появляться там, чтобы не попасть в ваши мемуары. Поэтому и фамилию свою не называю.

– Одним этим своим признанием вы уже попали в мемуары.

«Воспет» работает здесь лет десять. Начинал постовым, дослужился до лейтенанта. Хитрые бегающие глаза и наигранная простоватость оставляли неприятное впечатление. От этого человека можно ждать любой подставы. Он привык прикидываться бедным и несчастным, возможно, это переросло в своеобразный комплекс. Скорее всего, «игра в дурачка» вместе с интригами и всегда верной политической линией обеспечили ему карьерный рост. Он старался быть милым со всеми – и с зэками, и с начальством, но почти всегда его обещания оставались пустым звуком. Человек мог умереть в камере, не дождавшись прихода воспитателя. Мы виделись с ним часто, но трудно вспомнить, о чем же мы разговаривали, настолько скользкий и изворотливый был офицер. На большинство вопросов он отвечал невнятным бормотанием и все смущенно потирал лоб или теребил свой чуб.

Через час вдруг приходит врач. Осмотрел, послушал, поставил диагноз – бронхит.

– Надо вас внимательно посмотреть, может, сделаем еще одну флюорографию. В общем, в понедельник я вас вызову в медчасть.

Странные последствия голодовки!

После обеда ситуация наконец прояснилась. Лично корпусной выводит меня из камеры и отводит в кабинет опера. Там уже ждет полковник и человек в штатском. Ну, вот теперь и познакомимся с начальником тюрьмы.

– Здравствуйте, Павел Григорьевич.

– Здравствуйте, а вы кто?

– Я – начальник тюрьмы.

– Как вас зовут?

– Это вам не обязательно. Просто начальник тюрьмы. Я слышал, вы когда-то снимали в камере смертников.

– Я? Никогда там не был. Это оператор мой там был.

– Ну ладно. Скажите, Павел Григорьевич, откуда у вас столько пренебрежения к белорусскому народу?

– В каком смысле?

– Ну, вот вы написали в своем заявлении, что в стране беззаконие, что страх вернулся в общество и так далее.

– Так в чем здесь проявляется пренебрежение к белорусскому народу?

– Ну, я смотрел программу Доренко в прошлую субботу, так в его словах было столько ненависти.

– Я за слова Сергея Доренко не отвечаю. Что касается ненависти, гражданин полковник, то власти дают для этого много поводов. Как я могу вам верить, например, если ваш министр Аголец – преступник? Его за махинации с квартирами еще Кебич снял с должности командира внутренних войск, и Аголец будет держаться за Лукашенко до последнего. Как я могу верить прокурору, если Божелко в свое время закрыл два уголовных дела на Лукашенко, когда тот был председателем колхоза, и одно уголовное дело на Ивана Титенкова?

– Хорошо, не будем трогать политику. Значит, вы отказываетесь от пищи? Мы знаем, что вас специально настроил

на это адвокат Погоняйло, сразу после свидания с ним вы и объявили голодовку.

– Погоняйло здесь ни при чем.

– Вы же знаете, что у нас есть достаточно способов не дать вам умереть.

– По закону принудительное кормление запрещено.

– Но мы вам все-таки советуем пересмотреть свое решение. Газеты вам в камеру принесут. Телевизор... мои подчиненные действительно сломали, случайно. Постараемся его починить. Изменение меры пресечения – это не от нас зависит. Берегите силы. О вас уже забыли. Репортажей никаких нет, ОРТ молчит. Через месяц вообще все решат, что вы уже умерли.

– Посмотрим, полковник. Через месяц, два или год я все равно отсюда выйду.

– Начнете писать мемуары?

– Конечно.

Потом мы почти час обсуждали политическую ситуацию в Беларуси. Я поделился с начальником и прокурором своей историей отношений с Лукашенко. Обоим было явно интересно.

– Ладно, Павел Григорьевич, в карцер я вас не отправлю, хотя это положено по инструкции. Но советую вам заканчивать голодовку. Вот возвращайтесь в камеру, от обеда еще можете отказаться, а вечером уже поешьте.

После обеда корпусной принес телевизор «Электрон», который еще дней десять назад передал в тюрьму мой отец.

– Давайте проверим, – неожиданно предлагает корпусной.

Включаем телевизор в сеть – не работает.

– Не работает? Странно. Ну что, забирать? – из корпусного получился бы хороший актер.

– Забирайте.

Через некоторое время – еще один сюрприз. Саше Смирному часов в 16 приносят продуктовую передачу. Колбаска, чеснок, лук, печенье, сигареты, варенье. С ума сойти. Настоящее богатство. Как хочется жрать! Не есть, а именно жрать. Лучше запаха колбасы нет ничего на свете.

Шурик тычет мне куском колбасы под нос:

– Да ладно, съешь немного колбасы. Наплюй на все.

– Еще раз сунешь свою колбасу, я тебе ее в глотку вобью, – не выдерживают нервы. А прошло только чуть больше суток.

Стараюсь поспать, чтобы перебить голод. Проспал до ужина, еле дождался, пока все доели свою баланду. И опять спать.

15 августа

Завтрак опять отдают в присутствии корпусного. Надзиратели явно нервничают. Все утро ждем каких-нибудь провокаций. Девушки из камеры справа выходили на связь, но мы сообщили, что на некоторое время замолкаем.

Прямо перед самым обедом всех из камеры выводят. Оставляют только дежурного, и пять вертухаев начинают проводить шмон. Переворачивают все буквально вверх дном. Один из них попробовал на вкус сахар, порылся в пачке с чаем, разломал пополам хлеб, зачем-то надломал несколько штук печенья. Заглянули под каждую трубу, прощупали каждую вещь, матрасы, подушки, порылись в туалетной бумаге, простучали стенки, решетку. Наконец, нашли «коня», заточку, сделанную из ручки от алюминиевой кружки, выкинули гвоздь.

– Чье все это?

– Не знаем, кто-то оставил здесь.

Шмон для нас закончился без последствий. Камеры проверяют довольно часто, обычно – раз в неделю, два раза в месяц, малолеток проверяют чаще, поскольку они более активные. Но этот шмон был у нас первым, и тогда казалось, что его провели специально.

От голода начала болеть голова. Стараюсь пить побольше воды и спать. После обеда меня опять куда уводят. На этот раз к тюремному психологу.

Психолог – молодой парень. Бывший военный, переквалифицировавшийся в психолога.

– Здравствуйте, как вы себя чувствуете? Расскажите о себе, – так вкрадчиво, вежливо спрашивает. Сразу вспоминаю похожую сцену из американского фильма «Основной инстинкт».

– Чувствую себя нормально. Травм головы не было, в детстве в постель ночью не мочился. Что еще рассказать?

Смеется.

– Да нет, я вообще просто спрашиваю. Голодовка считается у нас пороговым состоянием, по инструкции я обязан с вами поговорить.

– Давайте поговорим. – Надо из любой ситуации выжимать максимум пользы для себя. Так я решил побольше от психолога узнать о тюрьме. Методику подобных разговоров я освоил давно. Рассказываю что-нибудь о себе, потом неожиданно у парня о его работе. Сначала какой-нибудь незначительный вопрос, ответ на который не вызывает у него трудностей, например: «А как это вы стали психологом?». Потом опять минут пять говорим обо мне, и снова словно невзначай вопрос: «Наверное, вам приходится много работать? Каждый день с кем-нибудь беседуете?» Несколько слов о психологии вообще, и дальше: «Ну а вообще заключенных много? А авторитеты здесь у вас какие-нибудь сидят?» И так потихоньку, понемногу – и очень содержательная получилась беседа, я узнал столько интересного и о тюрьме, и о порядках здесь. Попросил даже этого психолога, чтобы он нашел Диму Завадского и побеседовал с ним – пусть, думаю, Димон развеется, поболтает. Психолог свое обещание сдержал, с Димой встретился, правда, Дмитрию разговор не очень понравился: «Откуда я знаю, что за психолог такой. Я эти тюремные методы усвоил, поэтому особого желания общаться с ним не было. Так покурили».

Вечером, уже перед самым ужином на свидание приехал Гарри Погоняйло. Он привез письмо от родных с просьбой не голодать и следить за здоровьем.

– Паша, надо кончать с голодовкой. Она ничего не решит, ты только подорвешь свое здоровье.

– Но я уже принял решение. Некрасиво его менять.

– Здесь нет ничего некрасивого. Наше дело зависит от России. В конце августа Лукашенко едет в Москву, затем – в Вильнюс. До этого времени они все решат.

– Ладно, я подумаю.

Гарри Петрович назавтра улетал в отпуск в Болгарию. Я оставался фактически без адвоката и без связи. В этой си-

туации держать голодовку было непросто. Мы недолго общались с Погоняйло, обговорив тактику моего поведения на ближайшие две недели. Я сам прекратил свидание, потому что почувствовал, что кружится голова и начинает тошнить.

Только меня привели в камеру, как я кинулся к толчку и меня начало выворачивать наизнанку. Спазмы не прекращались, но наружу выходил только желудочный сок. С непривычки тяжело не есть больше двух суток.

Лег на нижние нары, голова раскалывалась. Пришел в себя, когда вдруг принесли второй телевизор. Это отец, приехав вместе с адвокатом, передал в тюрьму новый телевизор «Самсунг». На этот раз телевизор отдали исправный, но смотреть его не было никакого желания. Хотелось побыстрее забыться.

16 августа

Третьи сутки голодовки.

Кризис при голодовке как раз наступает после трехчетырех дней. Люди, опытные в этом деле, говорят, что надо много пить воды и, как ни странно, двигаться. Организм перестраивается, и главное в это время – выводить токсические вещества и яды. На седьмой день становится легче и голодать можно хоть месяц. Но двигаться мне не хотелось, и я большую часть времени валялся на нарах с дикой головной болью. На прогулку меня в качестве наказания уже не вывели. Обед прошел в забытьи – отвернулся к стенке, чтобы не видеть и не слышать, как все с аппетитом уминают баланду.

Дотянул до трех суток. Черт с ними! Трудно быть революционером.

До ужина оставался еще час. Шурик быстро вскипятил кружку воды, бросил туда сразу целый кубик бульона и раскрошил кусок белого хлеба. Я едва дотерпел, пока это остынет, и в один миг съел. Потом наглотался таблеток от головной боли и лег спать. Полное блаженство!

Ужин был словно пир. Оставался маленький кусок колбасы – мне его отдали полностью. Лучок, баланда с бульоном и огромным куском хлеба, а затем чай с печеньем. Трудно по-

добрать слова, чтобы описать наслаждение от еды. Кажется, что жизнь удалась и больше ничего не нужно.

А тут еще телевизор можно посмотреть. Электричество включали только четыре раза в сутки, по часу, но все равно успеваешь душу отвести. А программу наших новостей посмотрел, как с родными повидался. Каждого корреспондента по голосу узнаешь и само собой вспоминаешь: с этим тогда-то пили, этот приезжал в Минск, этого просто в коридорах компании видел. С каждым чуть ли не начинаешь мысленно и вслух беседовать. Вечером посмотрел аналитическое «Время» Доренко. Правда, вела программу Арина Шарапова. Идет сюжет Антона Верницкого о «деле ОРТ». Прямо прослезился. У Антона еще повествовательная манера репортажа такая, как будто перед тобой сидит человек и рассказывает, что произошло. При этом сюжет был обращен непосредственно ко мне, и Антон подробно рассказывал, что произошло после нашего ареста за последние двадцать дней. Нас действительно не забыли, и от этого тюремные будни показались мелкими неприятностями. Теперь я твердо знал, что скоро этот бред закончится и Лукашенко горько пожалеет о своей ошибке.

С телевизором не заметили, как прозвенели отбой. Постовой несколько раз прикрикнул, чтобы ложились спать, но не настаивал. Тихонько залегли, смотрим почти без звука «Человек с бульвара Капуцинов»... Ну, надо было припереться ночью дежурному по тюрьме. Поднял скандал, шум, наорал, несколько минут до конца фильма не хватило.

Но день был хороший.

17 августа

Сегодня нашему этажу повезло – на смену заступил спокойный продольный, пожилой прапорщик. Он редко заглядывает в глазок, не достает заключенных своими требованиями и приказами и самое главное – не отключает электричество. Пить чай и смотреть телевизор можно не переставая. Мы назвали этот день днем реабилитации.

Телевизор практически не выключали, выбирая между тремя каналами: ОРТ, РТР и Белорусским телевидением.

Еще слабо пробивался сквозь монастырские стены тюрьмы Первый канал польского телевидения. Вне конкуренции был все-таки «Первый» – ОРТ. Начали день со «Спортлото», затем – новости, «Непутевые заметки Дмитрия Киселева». «Пока все дома» – такая душевная передача. После прогулки на свежем воздухе и обеда – хорошо пошла «Смехопанорама». Поспали – и снова к телевизору. Вечер вообще пролетел как один час: «Песня-97», детектив «Строго на юг», «Время» и «Экипаж». Нет, с телевизором и в тюрьме не так страшно.

В программе «Время» вновь вспомнили о нас. Володя Фошенко сделал такой героический сюжет о работе Белорусского бюро ОРТ. Прямо порадовался за себя.

Только удар под дых – Толя Адамчук, который поперся на белорусско-литовскую границу и пытался пройти в том месте, где мы снимали в июле репортаж. Конечно же, его и всю съемочную группу задержали пограничники. Дураку было понятно, а нам даже в тюрьме стало известно, что на «засвеченный» ОРТ участок границы с Литвой выведены дополнительные силы пограничников и охрана там организована, как в старые добрые времена. Зачем туда было лезть?

Я встречался с Толей и раньше. Это молодой самолюбивый мальчик, которому, к сожалению, не хватало ума и жизненного опыта, а репортажи из Чечни сформировали у него определенный комплекс героя войны. Еще не зная, как будут развиваться события, я понял, что теперь наше положение резко станет хуже. Группу отвезли в ИВС города Лиды, это старый изолятор, с парашами вместо канализации. Как ни странно, я почувствовал, что Адамчук может сломаться и сделать какую-нибудь глупость. Предчувствия меня не обманули, я ошибся только в масштабах и последствиях этой ошибки. Из «дела Адамчука» чуть было не родился «заговор иностранных корреспондентов».

<u>Из рассказа белорусского журналиста Леонида Миндлина:</u>

– Мы пришли на корпункт ОРТ 10 августа за материалами и там я с Толей познакомился, хотя видел его, когда он

еще в первый раз приезжал, потом – когда они снимали нас после суда.

В то воскресенье, когда мы пришли, Толя вдруг завел речь о том, что нужно встретиться на следующий день в 18.00. Я пришел, а там уже полным ходом гулянье (самый трезвый был Маховский). Оказывается, они в 14.00 собрались и, чтобы время зря не терять, решили отметить.

Оператор Леша Передельский спит, Маховский возле него сидит и рюмкой с коньяком водит у того под носом: «Леша, почему ты спишь? Посмотрите, какие слабые люди на ОРТ...» В общем, разговор перенесли на вторник.

Встреча состоялась во дворе, возле теннисного стола. Тут Адамчук мне и предложил ехать к границе, а они с Колпаковым якобы повторят «подвиг» и пойдут через границу. Борисов был резко против: «Зачем затеваешь эту акцию, думаешь, ты этим поможешь ребятам?..» Толя говорит: «Да, мы привлечем еще большее внимание».

Я начал возражать. Во-первых, непонятно, как подобное можно сделать. Во-вторых, Борисов прав: на границе будут «ждать», даже если подъедешь, нельзя рассчитывать, что сможешь что-то сделать, захомутают только так... Я попросил на встречу прийти бывшего контрразведчика, корреспондента «БДГ» Сергея Анисько. Он Адамчуку тоже объяснил, что в район подогнаны две группы пограничников, что после инцидента с ОРТ граница контролируется. Толя, вроде, согласился, и на том разговор затих.

Два дня меня не было, а в среду события начали подогреваться. Приезжаю на корпункт, а Томашевская мне загадочным голосом:

– Вы поедете в субботу на шашлыки?

– Какие шашлыки? Ты что, с ума сошла?

Вероника Тризно подключилась: я все объясню. Конспираторы, понимаешь.

Чуть позже приехали отец Шеремета и адвокаты Погоняйло и Волчек. Толя начал им рассказывать о грандиозных планах... Все это восприняли крайне несерьезно. А Адамчук завелся, ругается с Фошенко, с Борисовым. Ему говорят – куда? А он: «У меня есть санкция». Убеждал нас, что кто-то

дал ему право непосредственно по этому поводу звонить Березовскому». Фошенко уверял всех в обратном. Споры велись и по телефону, и в квартирах.

В четверг была пресс-конференция адвоката Гарри Погоняйло и матерей Шеремета и Завадского. После нее все поднялись в корпункт, нам надо было снять материал: что такое журналистика, что за работа... И тут Толя стол вытаскивает на середину комнаты, на него кладет карту Ошмянского района, все, естественно, начинают тыкать пальцами – здесь Шеремет проходил, здесь ехал... Все это записывается на камеру. Сняли, разговор записали, я Толе задал вопрос о его знакомстве с белорусским КГБ. Он гордо отвечает, что за ним ходит наружное наблюдение, что это их работа и т.д. Про Чечню рассказал. Сняли все, и мы собрались уезжать. Адамчук пошел нас провожать и «на прощание» спрашивает: так вы едете или нет? Я говорю: «Парень, ты, наверное, с ума сошел. Если тебе хочется поиграться, садись в машину и езжай в Ошмяны, пусть гэбэшники за тобой поездят, коль уж так тебе интересно. Но лучше – заедь к Угрюмову на конюшни, а к границе не суйся». Когда мы уходили, Костин сказал: «На всякий случай попрощаемся». Я этому особого значения не придал, а утром мне домой звонит Фошенко и говорит, что они раненько утром уехали.

Начался период молчания – они исчезли с концами. Я, естественно, в российское посольство. Там пока расчухались, в общем, к вечеру только стало известно, что ребята задержаны. Потом сам Адамчук позвонил из гостиницы. Фошенко стал «наяривать» в Москву. Он звонит, объясняет, дает трубку мне. Я говорю: так и так, на мой взгляд, все идет по сценарию первой группы, никто их не отпустит. А Москва в ответ: «Ребята, не поднимайте паники, завтра их отпустят».

И покатилось. А назавтра их уже ждал прокурор. Видимо, посмотрели отснятый материал и решили, что можно дело «покрутить». Всех повезли в Лиду (не сказав, правда, куда) и там задержали не как подозреваемых, а как бомжей, как лиц без документов, выяснение личностей которых требует времени. Сразу начался шум, спорили: то ли произошедшее

Толина глупость, то ли просто провокация. (Если была провокация, то Адамчук просто супермастер этой игры.)

Лично я думаю, что гэбэшники, прослушав все разговоры, решили на первом этапе делу не мешать, а уж потом – раскрутить. Что-то я не верю ни в происки ФСБ, ни в происки КГБ.

Стало понятно, что это удар по первой группе. Ситуация ухудшилась. Если до этого она была в пользу группы Шеремета, то здесь... От смешного до великого один шаг. Батька грамотно сказал: «Чего они туда все ездят? Что им там интересного?» В общем, получилось нелепо.

В понедельник мне звонят: Фошенко забрали. (За ним, кстати, совершенно открыто ходило наружное наблюдение. Чего они хотели добиться этим? Попугать, видимо.) После прослушанных разговоров они, возможно, решили попытаться у Фошенко получить подтверждение словам Адамчука. Адамчук, кстати, к тому времени уже давал показания, но об этом молчали.

Та же группа, что проводила обыск в корпункте ОРТ, забрала Фошенко и повезла в Лиду. Если бы показания Адамчука получили подкрепление еще и показаниями Фошенко, то наши спецслужбы выглядели бы более убедительно. (Батька потом назвал Фошенко «последним эмиссаром».)

Благодаря осведомленности Славы Зеньковича (именно «Интерфаксу» давали самую свежую информацию) стало известно, что Адамчук назвал семь фамилий. Маховский на допрос пошел и его держали достаточно долго (думаю, хорошо его ломали). Я на два дня исчез, все это время меня домогались через знакомых. В четверг вернулся домой, только позвонил по телефону – оперативники приехали через 15 минут и вручают мне повестку явиться к следователю. Но мы подобный сценарий отработали – сразу вызвали адвоката. Ну, мало ли что: известно ведь, идешь свидетелем, а потом задерживают в качестве подозреваемого. Я получил повестку, а потом, понимая, что меня продолжают слушать, позвонил всем своим знакомым и дал из повестки номер телефона следователя, кабинет, фамилию...

Когда пришел на допрос, было 12 часов. И в это же время, в полдень, начались переговоры Лукашенко с послом Лощининым.

Начался допрос. Входит старший и что-то шепчет следователю. И тут я вижу, что пошла другая игра. Вопрос уже ставится так: Толя Адамчук один оказался такой – поехал пацан по своей инициативе. Я, конечно, не педалировал, что Адамчук провокатор, убеждал следователя, что никто не собирался на границу...

Самое во всем этом забавное и противное – встреча Адамчука в Российском посольстве. Ожидает толпа журналистов, подъезжает членовоз, выходит «батькина» охрана, Заметалин сопровождает Адамчука (перед ними Селезнев приехал с Пашкевичем), Толе вручают цветы... Встреча героя и только! И тут он видит нас, мы все стоим в первом ряду. Адамчук глазки отводит и говорит: «Все в Москве, все в Москве». И быстренько-быстренько в посольство...

Что там было в подоплеке? Только слухи есть. С одной стороны, Адамчук хоть и в Чечне был, но парень трусоватый, дерганый. Нет в нем хорошей линии, основной. Мог и сам сломаться.

С другой, ребята говорили, что в недрах спецслужб возникла идея сделать «заговор собкоров». Я понимаю, мог быть заговор с целью освобождения Шеремета, к примеру взять штурмом СИЗО... Но заговор собкоров, чтобы перейти границу?! Это бессмыслица полнейшая!

Кстати, Адамчук на допросах назвал именно тех, кто представлял зарубежные СМИ: Маховский – на тот момент «Рейтер», Тризно – «Интерфакс», я – Всемирную службу новостей, Колпаков и Костя – НТВ, Томашевская – «КоммерсантЪ». Так что «получался» красивый такой заговор.

Но в этот день никто не знал, чем закончится скандал со второй группой ОРТ. Два сотрудника посольства России в Беларуси срочно выехали в Лиду, где уже двое суток в изоляторе местной милиции держат вторую группу ОРТ. Российские дипломаты постоянно ведут переговоры с белорусскими коллегами и правоохранительными органами, пытаясь добиться освобождения новых узников.

Тем временем конфликт между ОРТ и белорусскими властями неожиданно получил свое развитие. В аэропорту «Минск-1» был задержан сотрудник российского телеканала, который вез в Москву видеоматериал, отснятый на белорусской государственной границе. Репортажи из Минска теперь передаются только по телефону. Видеоматериалами с ОРТ делятся другие российские каналы, работе которых в Беларуси власти пока не мешают.

18 августа

Утром часов в 11 меня куда-то выводят. Конвойный попался дотошный. Заставил полностью раздеться, прощупал все вещи, проверил туфли, заставил три раза присесть. Что-то уж слишком внимательно проверяют, может, везут на встречу с кем-то из Минска? Оказалась, обычный допрос.

Конвойный из КГБ нервничает. Надевают наручники, садят в «собачник» «Газика» и вывозят из тюрьмы. Отсюда до следственного управления три минуты езды, но мы едем долго, петляя по дворам, значит, у здания опять дежурят журналисты. Машину подгоняют плотно к дверям следственного управления, чтобы никто не успел меня разглядеть.

– Всем привет, у меня все нормально, – успел я крикнуть.

– Давай быстрее и не разговаривать, – затолкал конвойный в коридор.

Пришел следователь Рагимов. С меня сняли наручники и отвели в кабинет. Там уже ждал новый адвокат – Михаил Валентинович Волчек. До этого мы никогда не виделись, но Погоняйло отзывался о нем хорошо. У Волчека большой опыт судейской и аппаратной работы, он был в свое время начальником юридического управления Могилевского обкома партии, когда Василий Леонов (с 1994 года – министр сельского хозяйства, арестован по приказу Лукашенко в ноябре 1997 года) был первым секретарем обкома. Если Гарри Погоняйло фонтанирует энергией, постоянно делает для общественности заявления по делам, которые ведет, давит этим на следствие и публично активен, то Михаил Волчек – полная противоположность. Он несколько медлителен, но дотошный буквоед и хорошо разбирается в уголовном процессе. В этом

смысле у адвокатов получился хороший тандем, жаль только, что не всегда так же четко удавалось им координировать позиции с адвокатом Дмитрия Завадского, хотя это тонкости, которые в нашем деле – «деле ОРТ» – не имели бы ровным счетом никакого значения. Дело вел лично секретарь Совбеза Виктор Шейман, потому что для Лукашенко было делом принципа – любой ценой наказать журналистов.

Познакомились с Волчеком, пять минут в присутствии следователя переговорили, и допрос начался.

Допрашивал меня Рагимов пять часов без перерыва. Никто, конечно, не бил, не пытал, не мучил, но, вспоминая эти многочасовые беседы, понимаешь, что презумпция невиновности – понятие для бывшего советского общества несуществующее, потому что каждое сказанное тобой слово обязательно будет обращено против тебя. Ты уверен в том, что не совершил никакого преступления, без всякой задней мысли объясняешь следователю все обстоятельства, но в конечном счете чем больше ты говоришь, тем тяжелее пресс, которым тебя давит следователь. Он смотрит на подследственного как на преступника, его задача – посадить человека, доказать его вину. Подследственный для следователя – не человек, а один из элементов уголовного дела, которое должно быть завершено в срок, а в ситуации, когда стоит задача найти любую зацепку, чтобы покарать и наказать, из любого слова и объяснения будет вытягиваться обвинение. Лучшие показания – это отсутствие всяких показаний. А чистосердечное признание вообще, как известно, «облегчает работу следователя и удлиняет срок», никогда нельзя следователям помогать, пусть сами делают свою работу. Мы ничего от КГБ не скрывали, потому что, собственно, скрывать было нечего: все, что происходило на границе в жизни, осталось на пленке, и это увидело полмира. Но в результате молодой парень, мой фактически ровесник Борис Николаевич Рагимов, написал в обвинительном заключении, что обвиняемые всячески пытались следствие запутать и облегчающих их вину обстоятельств нет. А какой был душевный человек! Правда, он все время повторял: «Я жду от вас чистосердечного признания. Ну, вот ты такой известный, авторитетный журналист. У тебя

имидж честного человека, поэтому надо честно признаться, чтобы не пострадал твой имидж, а остальное – частности».

– Так в чем признаться-то?

– Но ведь вы специально сделали сюжет о границе, чтобы развалить Союз!

– С чего ты взял? В конце концов, где в сюжете хоть слово неправды?

Молчит. Разговор следователя и подследственного – это беседа глухого со слепым.

И следователям никогда ни в чем нельзя верить. Рагимов говорил, что о нас уже забыли, что мы с Дмитрием друг другу противоречим, обещал на каждом допросе то свидание с родными, то скорое освобождение, то еще что-то. Обман – это их основной метод работы, и надо выдержать не только физическое и психологическое давление, важно не попасться на этот обман.

После этого дня Рагимов допрашивал меня часто, по несколько часов подряд без перерыва и отдыха. Я не понимал, что он хочет, потому что приходилось отвечать на одни и те же вопросы. Потом, повыдергивав из разных допросов по предложению или абзацу, он в конце следствия сфабриковал внушительное обвинительное заключение на 47 страницах, а главными доказательствами нашей вины – вещественными доказательствами – привел мой заграничный паспорт, справку Фрунзенского РОВД Минска о том, что заграничный паспорт Завадскому не выдавался, две карты автомобильных дорог, которые можно купить в любом книжном магазине, и изъятые в бюро ОРТ видеокассеты с архивными видеозаписями, к делу никак не относящимися. Когда его на суде допрашивали в качестве свидетеля и спросили, так на чем же основывается обвинение, он, не моргнув глазом, ответил:

– На моей внутренней убежденности.

У большинства следователей всегда есть внутренняя убежденность в вашей виновности, особенно когда эта убежденность доводится сверху. Я выкинул из голову глупость про добрых и злых следователей, для подследственного они все одинаковые.

Вернули меня в камеру уже почти перед самым ужином. Я еще на этаже почувствовал запах хлорки. «Где-то делали дезинфекцию», – подумал. Захожу в камеру и задыхаюсь от резкого запаха хлорки. Дезинфицировали, оказывается, нас.

– Что случилось? Никогда столько хлорки у нас не выливали, – спрашиваю у своих сокамерников, лежащих на нарах с мрачными лицами.

– Паша! Суки! Они нас развели! Телевизор отобрали, – подрывается Шурик.

– А где телевизор? – В ответ – долгий и самый сочный мат.

Оказалось, через час после того, как меня увезли, в камеру пришел воспитатель и объявил, что здесь надо сделать глубокую(!) дезинфекцию, поэтому все вещи необходимо вынести на коридор. Потом, правда, одежду разрешили оставить, но телевизор вынести все-таки заставили.

– Не волнуйтесь, придете с прогулки и заберете телевизор у постового. Ничего с ним не станет.

– А если он упадет, кто отвечать будет? Человек вернется, потом спросит за свой телевизор.

– Не волнуйтесь, под мою ответственность, ручаюсь, с телевизором все будет нормально, – убеждал воспет.

Возвращаются через час – телевизор пропал, а в камеру невозможно зайти, потому что вертухаи вылили ведро с хлоркой прямо на пол. Так обычно наказывают солдат «на губе» – заливают камеру хлоркой и через пять минут человек, задыхаясь, лезет на стены от разъедающей глаза хлорки.

– Мы час вымывали камеру от этой хлорки, а потом полдня проветривали, хорошо хоть кормушку открыли, – жалуется дед.

– Так телевизор где? – начинаю распаляться.

– Постовой говорит, что забрал воспитатель, но он уже ушел домой и позвать его нельзя.

Начинаю ломиться в дверь.

– Постовой, где воспитатель?

– Нет его, домой ушел.

Ну ладно, сволочи.

19 августа

Меня опять выдергивают на допрос. На этот раз он длился недолго. Надо было рассказать о себе и своей жизни: родился, учился, работал. Рагимов записал рассказ на магнитофон, но не признался, что сделал это специально, – запись пошла на экспертизу голоса. Чекисты решили для придания солидности своей работе документально подтвердить, что моим голосом озвучен сюжет от 23 июля и в кадре тоже снят я. В результате уголовное дело разбухало от разных материалов, ценность которых нулевая, поскольку я не отказывался от авторства собственного репортажа. Но зато почти целый том занимает экспертиза, доказывающая идентичность голосов, и примерно 40 моих фотографий разных лет, подтверждающих, что журналист в телевизионном сюжете и я – одно и то же лицо. Причем фотоснимки не просто сравнивались, а из двух снимков разных лет эксперты складывали одну фотографию, разрезая фотокарточки то вдоль, то поперек, то наискось. Впечатляющая и кропотливая работа грозного КГБ!

Возвращаюсь в камеру – батюшки! Телевизор вернули, но он вдруг теперь не работает. Тюремные умельцы даже винты поленились как следует завинтить. Спрашиваю у сокамерников, в чем дело.

– Да воспитатель чуть ли не вбежал, телевизор поставил и исчез. Я кричу ему, что надо проверить, работает ли телевизор. Он в ответ: «электричества нет»,– объясняет Саша. Он за телевизор больше всего переживал. Говорил, что сидит уже четвертый месяц и надеялся, что наконец будет веселее. Обломали кайф.

Стучу в дверь.

– Постовой, вызови корпусного.

– Нету, ушел.

От злости руки начинают дрожать. Сел и написал жалобу гродненскому прокурору о том, что сотрудники тюрьмы дважды сломали принадлежащий мне телевизор, требую возбуждения против них уголовного дела и возмещения нанесенного мне материального ущерба.

– Постовой, я в дверь буду стучать до тех пор, пока не придет корпусной.

– Сейчас придет.

Появляется корпусной – молодой фраер. Он всегда ходит неторопливо, глаза слегка прикрыты, а голова высоко поднята так, что его подбородок находится обычно на уровне ваших глаз. И разговаривал он, словно его утомляет этот процесс, особенно беседа с людьми второго сорта, к коим он относил заключенных.

– Ну, в чем дело?

– Это заявление я прошу передать прокурору Гродно. Заберите телевизор, потому что он не работает. Мои родные привезут третий и четвертый телевизор. Привезут столько, сколько будет нужно, и мы посмотрим, сколько телевизоров сломают ваши сотрудники за время моей отсидки здесь.

– Ладно, я все узнаю. – И так же гордо уходит. Взгляд его при этом так и остается слегка затуманенным.

Через час корпусной возвращается и как ни в чем не бывало спрашивает:

– Так что, ваш телевизор не работает?

– Вы это знаете лучше меня.

– Так вы хотите, чтобы мы его забрали?

– И чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо, – и лично уносит единственную нашу радость.

Ну, сволочи, думаю, я вам тоже нервы попорчу. Больше телевизора до своего выхода из тюрьмы я не видел, хотя жалобы писал регулярно и отец мой привозил еще два аппарата после этого. В конце концов начальник тюрьмы честно признался отцу, что телевизор мне все равно не передадут, и попросил его больше их не привозить.

После обеда одного нашего сокамерника – Юзика – забирают на этап. Ему еще утром объявили, что переводят в Барановичи в СИЗО по месту жительства. Следствие завершено, суд пройдет в Барановичах в начале сентября. Этап очень похож по внутренним переживаниям человека на переезд на новую квартиру на свободе, только вещей меньше и для здоровья дороже. Юзик страшно волнуется, он и рад, что едет поближе к дому, и боится ужасов пересылки. Что-то собрали ему из еды, дали немного сигарет. Хоть и достал он всех своими переживаниями, а попрощались тепло – у

него впереди неизвестность, а у нас ожидание, что завтра будет хуже, чем было вчера. Человек в своем горе среди людей счастливых всегда одинок, но общее горе людей сближает.

Барановичский конвой последние два месяца ведет себя очень жестоко. В середине июля именно в Барановичах на железнодорожной станции пятеро заключенных напали на конвой и попытались сбежать. Один солдат погиб, но беглецов расстреляли прямо на вокзале. Разговоры вокруг этого случая не утихали, а конвой продолжал мстить.

Из письма заключенного Юрьева А.:

– Я стал свидетелем произошедшего 13.07.97 г., попытки побега осужденных из «вагонзака» возле Барановичей. Не имея к инциденту ни малейшего отношения, был избит и подвергнут издевательствам и пыткам как в «вагонзаке», так и в СИЗО г. Барановичи. А именно: при выгрузке из вагонзака нас заставляли ползти по-пластунски по коридору вагона, залитому кровью. Все это сопровождалось ударами ногами и дубинками. Из «автозака» нас просто «выгружали», в камеры в прямом смысле слова закатывали ногами.

А у меня на свободе в ноябре 1996 г. была серьезная травма головы. Но этого ведь никто не спрашивал: били по чем попало. Сейчас здоровье ухудшилось, постоянные головные боли, а лекарства, что у меня были, выбросил конвой в г. Барановичи.

За что я пострадал, до сих пор не могу понять. Существует ведь Конвенция ООН против пыток и других видов бесчеловечного и унизительного обращения или наказания. Где же соблюдение этих норм? По сей день зэков избивают и унижают как конвойные солдаты, так и военные СИЗО г.Барановичи. Если Вы можете, то повлияйте на прекращение этого беспредела. Там льется кровь.

Из письма заключенного Юрия Тумаровича:

– Я ехал в «столыпине» 13 июля, в тот день, когда по версии солдат была осуществлена попытка захвата вагона. Я не отрицаю, что была попытка захвата, хотя не имею к

ней никакого отношения. Но что происходило дальше – это не рассказать. Надо все видеть своими глазами.

После стрельбы в вагоне на наших глазах началось избиение истекавших кровью ребят. После этого очередь дошла до нас. Нас отвезли за город и там избивали дубинками. Когда мы приехали в Барановичи на тюрьму, нас принимал резерв тюрьмы и избивал ногами и руками... В общем, досталось.

Потом нас перевели в камеру, и там мы находились почти 21 день. Да, когда нас перевели в камеру, то не было ни матрасов, ни вещей, а когда мы спросили, почему нам не отдают вещи, то администрация сказала, что ваши вещи под арестом. Нам никаких бумаг на арест не показывали, как мы не добивались. Ответ был один – как закончатся допросы, тогда мы вас отправим туда, куда ехали.

Так мы просидели до 5 августа. 5 августа нас увезли этапом. Солдаты обращались с нами, как с не людьми, при малейшей попытке переговорить на нас обрушивался шквал ударов дубинок... В общем, мне хотелось одного – быстрее приехать в зону. Ведь я ехал из туббольницы. Пока находился на тюрьме, мое здоровье ухудшилось, до сих пор не могу себя привести в порядок.

Я прошу помочь мне разобраться, на каких основаниях с нами обращались так не-человечески, а также на каких основаниях нас задерживали.

<u>Из письма заключенного Ляха Владимира Александровича:</u>

– В начале лета я заболел очень тяжелой болезнью – менингитом и был отправлен в Республиканскую клиническую больницу. Там меня немного подлечили и отправили в ИТК-5 со 2-й группой инвалидности. 13 июля я ехал из Барановичей в Ивацевичи в тот момент, когда произошел захват «вагонзака». К этому захвату я отношения не имею, но пострадал очень сильно.

После перестрелки, перед тем как вывести нас из купе, пришел офицер в звании подполковника и приказал из купе выползать и ползти вдоль вагона к выходу. Когда я полз по

вагону, солдат меня избивал дубинкой. Когда нас посадили в машину, мы все уже были очень сильно избиты.

Потом повезли в Барановичский СИЗО. Там было самое страшное. Когда выводили из машины, один солдат сразу бил кулаком по лицу, чтобы сбить с ног, а потом, когда ты уже лежал на полу, солдаты избивали ногами и говорили, чтобы полз до камеры. А до камеры метров 10. И все эти 10 метров меня солдаты избивали ногами...

В камере меня поставили к стене и сказали, чтобы руки положил на стену. Но руки мне сильно болели, я просто не мог их приподнять. Тогда меня начали снова избивать дубинкой, и я потерял сознание. Когда очнулся, камера была закрыта. Я стал к стене, как стояли все остальные.

После нас всех повели на корпус и посадили в большую камеру. Без бумаги на арест или какое-нибудь задержание мы там пробыли 21 день. Половину дней мы спали без матрасов и спальных принадлежностей, вещи наши забрали, сказав, что они под арестом. Состояние здоровья у меня было плохое, я писал заявление врачу, но врач не приходил. Письма мои не отправляли, говорили, что не положено.

Когда я уже из Барановичей уезжал в Ивацевичи, меня и всех остальных, кто ехал, начали обыскивать. При обыске солдаты выбрасывали станки для бритья, портили обувь. Когда им начали говорить: «Что вы делаете?», они стали бить дубинками и орать: «Молчать!». После всего этого повезли в поезде. Когда заходили в поезд – нам говорили «бежать», когда бежали – били дубинками. Мне так сильно хотелось в Ивацевичи, чтобы не убили! Когда я приехал в Ивацевичи, спрашивал у многих людей, как ведут себя солдаты. Мне говорили, что занимаются беспределом – ломают сигареты, забирают вещи... Может ли кто-нибудь предотвратить этот беспредел?

Тем временем в Минске чекисты продолжали раскручивать «заговор ОРТ» против Беларуси. Около 11 часов в офисе Белорусского бюро ОРТ появились два офицера госбезопасности. Они пришли за Дмитрием Новожиловым, редактором бюро. Накануне их визита Дмитрия предупредили о том, что

ему лучше уехать из Минска, и он срочно уехал в командировку в Москву. В Минске оставались Ярослав Овчинников, Виктор Дятликович и Валерий Борисов, оператор, который приехал с Владимиром Фошенко.

Чекистам дверь открыл Дятликович.

– Мы бы хотели переговорить с Дмитрием Новожиловым.

– Его нет, он в командировке в Москве.

– Разрешите, мы пройдем.

– Пожалуйста.

Сотрудники КГБ вошли, осмотрели офис, спросили фамилии тех, кто там в это время был. Действительно, Новожилова нет. Тут раздается звонок из Москвы. Звонили из редакции службы новостей ОРТ. Виктор рассказал об очередном визите офицеров КГБ. Один из офицеров берет трубку и минут 20 выясняет, когда вернется Дмитрий Новожилов. Потом чекисты молча уходят.

Не успела за ними закрыться дверь, как на пороге появляется корреспондент газеты «Известия» Александр Старикевич, который чуть ли не силой уводит за собой Виктора Дятликовича: «Быстрее, пошли. Идут за тобой!»

Через пять минут в офис ОРТ приходит вторая группа КГБ, но уже – за Дятликовичем.

– Нам нужен Виктор Дятликович!

– Его нет.

– А где он.

– Не знаем, куда-то вышел.

– Мы подождем.

Оперативники прождали три часа. Проверили документы у всех, кто был в бюро. Ушли «без добычи». Одновременно оперативники появились и на квартирах Дмитрия и Виктора, но и там их не нашли. Виктор на машине друзей уехал в Москву и позвонил оттуда только через два дня. До этого никто не знал, где он. Многие думали, что его задержали чекисты и где-то допрашивают.

Вечером из Лиды вернулись сотрудники российского посольства, которые встречались с Владимиром Фошенко, принудительно доставленным в Лиду для дачи свидетельских показаний по делу о задержанных сотрудниках ОРТ. Однако

«нормальный разговор» у представителей посольства с Фошенко, по их словам, «не получился». Он отказывается отвечать на любые вопросы следователя, поэтому в российском посольстве не исключают, что его могут взять под стражу в качестве подозреваемого по тому же делу.

20 августа

Не успели мы позавтракать и закончить утренний сон, как в 8 утра меня опять забирают из тюрьмы. И тюремный выводящий, и конвойный КГБ попались очень уж дотошные. Первый заставил полностью раздеться и внимательно прощупал все вещи, второй не только надел наручники, но даже по маленькому тюремному дворику из здания до машины вел, держа меня под руку, как в фильмах про ФБР.

Привезли уже не в следственный отдел, а в главное управление КГБ по Гродненской области. Там уже собралась «группа товарищей». Один проявил неожиданную заботу.

– Наручники там у тебя не сильно зажаты? Давай ослаблю.

Через полчаса подогнали микроавтобус, и мы все туда пересели. Меня зажали два конвоира с пистолетами на боку. Пришел Михаил Волчек и следователь Рагимов. Оказывается, меня везут на следственный эксперимент в Ошмяны.

Сопровождающих чекистов было шестеро. Правда, вели себя они мирно. Поначалу настроенные агрессивно и даже враждебно, они хранили молчание, но постепенно любопытство взяло верх и то один, то другой заводили беседу про границу, про Адамчука, про ОРТ. Я поразился тому, насколько сильно они верят Лукашенко, как сильно затуманен их мозг государственной пропагандой. Молодые же все парни, живут в часе езды от Польши и Литвы, где уже совершенно другая, нормальная жизнь, а рассуждают, словно комиссары из 30-х годов. Они даже говорили словами, повторяя дословно выпуски новостей Белорусского телевидения о заговоре ОРТ, о борьбе с мафией и битве за урожай. При других обстоятельствах я бы, конечно, обсуждать эти мифы не стал бы, но сейчас каждый, кого мне удавалось переубедить или хотя бы зародить в душе сомнение,

становился маленькой победой. Я совершенно сознательно выступал в роли агитатора и пропагандиста новой жизни и спорил и убеждал всю дорогу до Ошмян и обратно. Только с перерывом на обед. Волчек принес мне передачу из дома (мама сделала бутерброды и курицу), и чекисты разрешили мне поесть.

Потом несколько часов подряд меня водили вдоль белорусско-литовской границы в паре с конвоиром: левый браслет на моей руке, правый – на его. Я еще шутил: «В паре когда-нибудь бегал»? Нет? Сегодня попробуем».

В принципе, следственный эксперимент – это тот же допрос, только на свежем воздухе, поэтому ничего нового он не дал. Единственным приятным моментом было то, что я наконец узнал, где же там проходит граница. Специально к нашему приезду на шоссе насыпали линию из мела и перенесли поближе к дороге из кустов деревянные колья, обозначающие линию границы. К счастью, я убедился, что границу мы не нарушали, а щит с надписью «Литовская Республика» находится в глубине белорусской территории. Наше дело было правое, мы верили, что победим.

Все эти бессмысленные хождения, пролазывания вместе с конвоиром под заграждениями и прочее заняли несколько часов и обратно мы двинулись уже вечером.

Не доезжая километров пятьдесят до Гродно, на развилке дорог на Минск нас ждали отец, мать и Светлана Калинкина. Они должны были забрать Волчека и возвращаться домой. Я впервые после ареста увидел мать, просил следователя поговорить с ней хоть пять минут и даже в присутствии конвоиров, не выходя из машины, но парень был непреклонен и скомандовал водителю уезжать. Но Михаил Волчек словно случайно выронил свои бумаги и замешкался, собирая их, мама бросилась к окну, мы успели поцеловаться. Тут же подскочил один из конвоиров и попытался задвинуть окно, а Рагимов истошным голосом заорал: «Поехали! Товарищ Волчек, вы будете выходить из машины?» Едва адвокат вышел, как «рафик» сорвался с места. У меня пропало желание больше агитировать этих парней, так молча и доехал до тюрьмы. Рагимов не смущался, он оправдывался тем, что если кто-

нибудь увидел бы или узнал, что я ходил и ездил без наручников и разговаривал с матерью, то его бы строго наказали.

Он правильно боялся и не доверял своим коллегам: как оказалось, чекисты активно стучат друг на друга. Не прошло и полгода, как они «сдали» своего начальника. Более того, они слали жалобы не только Лукашенко, но и во всякие контролирующие и проверяющие инстанции. Получив везде отказ, эти активные бойцы Лукашенко написали письмо в независимую и оппозиционную газету «Народная воля». Анекдот – главный чекист Гродненской области – вор и мошенник, а его подчиненные – стукачи. Миф о всесильности КГБ остался в прошлом, в Беларуси этот монстр давно прогнил сверху донизу.

Квартира в Гродно

На площади Якуба Коласа в Минске прошел санкционированный городскими властями пикет в поддержку задерживаемых белорусскими властями сотрудников ОРТ. В акции приняли участие более 50 человек, которые держали в руках плакаты с надписями «Шеремета – в президенты». На пикете собрались известные белорусские общественные и политические деятели, среди которых – исполняющий обязанности председателя БНФ Левон Борщевский, депутаты Верховного Совета Валерий Щукин, Павел Данейко и другие. Активно проводился сбор подписей в защиту задержанных журналистов.

Вспоминает Николай Халезин, активист движения «Хартия-97»:

– Постепенно журналистам и российским телеканалам удалось переломить тенденцию разочарования группой ОРТ после скандального признания Толи Адамчука. Общественное мнение вновь было на стороне арестованных ребят. Чтобы сбить волну в защиту журналистов ОРТ, белорусское телевидение передало информацию о том, что мать Павла Шеремета обратилась к президенту Александру Лукашенко с просьбой освободить сына. Однако Людмила Шеремет опровергла «белорусскую новость»: «Я готова кричать на весь мир, но ни к Лукашенко, ни к кому из руководящих кругов Бе-

ларуси обращаться никогда не буду. Потому что люди, которые творят здесь правовой беспредел и называют моего сына «врагом народа», для меня просто не существуют. Они пытаются морально сломить Павла. Но они плохо знают моего сына, он – крепкий парень».

Вспоминает Людмила Станиславовна Шеремет:

– В бой опять бросили заместителя главы президентской администрации Ивана Пашкевича. На этот раз Пашкевич принес на пресс-конференцию не только заявление Адамчука, но и фрагменты перехваченных сотрудниками белорусского КГБ телефонных переговоров Владимира Фошенко с руководством телекомпании.

Ничего сенсационного в этих разговорах не было, но Пашкевич подавал это как разоблачение преступных замыслов ОРТ.

Фошенко советовал коллеге твердо следовать указаниям своего руководства и как можно скорее выезжать из Ошмян. В ответ Адамчук возмущался тем, что руководство ОРТ «подставило их», поручив сделать скандальный сюжет.

Иван Пашкевич сообщил наконец официальную информацию о судьбе Фошенко, который принудительно доставлен в Лиду для дачи показаний в качестве свидетеля. После этого Владимир Фошенко должен быть «выдворен» за пределы республики, а сейчас он проживает в местной гостинице. Однако эта информация пока не подтверждается, а сам Фошенко на связь не выходит.

Отвечая на вопрос, почему все это сенсационное дело строится только на заявлении Адамчука, а к задержанным до сих пор не допущены адвокаты, заместитель главы администрации сказал: «Все члены группы допрашиваются и дают показания следователю. Я вам зачитал лишь часть документов».

В конце концов Пашкевич пригрозил российским журналистам: «Сегодня на территории республики, по нашему мнению, незаконно находятся семь журналистов российских средств массовой информации, осуществляющих свою деятельность в нарушение законодательства Республики Беларусь. Утром с некоторыми у меня состоялась беседа, я бы ее назвал инструктажем о профессиональной деятель-

ности сотрудников иностранных СМИ на территории РБ. У меня настоятельная просьба ко всем сотрудникам российских СМИ: если они хотят нормально осуществлять свою профессиональную деятельность, придерживаться рамок белорусского законодательства».

Министерство иностранных дел РБ обратилось в Совет Министров с предложением о временной приостановке аккредитации всех корреспондентов ОРТ на территории Республики Беларусь. Премьер-министр тут же подписал распоряжение о закрытии представительства ОРТ в Беларуси. Власти пошли напролом.

Специальный докладчик по Беларуси в Европейском парламенте Элизабет Шрёдтер написала президенту Александру Лукашенко письмо: «Чувство глубокой тревоги по поводу дальнейшей самоизоляции Республики Беларусь вынуждает меня еще раз обратиться к вам с открытым письмом».

Г-жа Шрёдтер сообщает, что поводом для написания этого письма послужил арест сотрудников российского телевизионного канала ОРТ. «Сотрудники ОРТ продолжают удерживаться под стражей, несмотря на протесты со стороны руководства России и многих международных правозащитных организаций. Преследование журналистов ОРТ свидетельствует о кампании, развязанной белорусскими властями против независимых СМИ. Европейское сообщество не может оставить без внимания репрессии против независимой прессы в Беларуси, так как республика является частью Европы и должна уважать такие ценности, как свобода, демократия и права человека, признанные во всем мире. Как член Европейского парламента и докладчик по Беларуси, я настоятельно призываю Вас освободить задержанных журналистов, прекратить их уголовное преследование и разрешить им беспрепятственно работать в Вашей стране; принять меры к немедленному прекращению всех попыток запугивания и преследования журналистов», – обращается г-жа Шрёдтер к Александру Лукашенко. Отвечать представителю Евросоюза, конечно, никто и не собирался.

Пресс-секретарь Бориса Ельцина Сергей Ястржембский в интервью радиостанции «Маяк» заявил, что если журналисты ОРТ не будут освобождены в ближайшее время, у Союза Беларуси и России будут «мрачные перспективы».

21 августа

Пока с допросами закончили. Следующий раз следователь вызовет меня только в начале сентября. До понедельника адвоката я тоже не увижу. Тюремное житье-бытье продолжается.

Самое время заняться бытовыми проблемами. Кому-то из нас в передаче заслали стиральный порошок, и все старательно заняты стиркой. Нальешь в раковину холодной воды, предварительно заткнув трубу целлофановым пакетом, покиснут рубашка или штаны там пару часиков, и можно постирать. Сохнут вещи в сырой камере долго, благо, август выдался жарким.

Соседки снизу активно бомбят нас призывами написать маляву и прислать чаю. Такое впечатление, что у баб активный отходняк после чифиря. Всегда, как напьются чифа, полночи поют песни, а назавтра перекрикиваются и жалуются друг другу: «Катастрофа, погибаю, башка раскалывается».

Особого желания заниматься посылками ни у кого в камере сегодня нет. Причем коня отмели, надо искать, из чего можно сделать нового. Мочалку уже распустили, один раз попользовались – продольный забрал, носки распустили – коня отмели на шмоне. Оставался мой свитер. Решили начать с рукавов, потому что соседки не отставали:

– Мужики, е… вашу мать, сделайте что-нибудь. Не морозьте, – и дальше непередаваемая аргументация. Причем кричали они нам чуть ли каждые десять минут, и нервы уже у всех на пределе. Наши тихонько помалкивают, пришлось мне уже на решку выходить и подбирать понятные в тюрьме выражения:

– Что ты, б… орешь через каждые пять минут? За… уже всех. Потерпи до проверки, ни х... не готово еще. – Не ожидал от себя такого. Бабы притихли.

Вокруг нар у нас висели веревки для сушки белья, сделанные из простыни. Через каждые полтора метра куски связывались узлами, и выглядело это все ненадежно. Но быстро сделать нормального коня мы не могли. Этот же мы называли «резервом ставки» – никто и никогда при шмоне не догадывался, что этими полусгнившими веревками можно что-то послать. Написал я маляву вниз: «Привет. Ну что ты ревешь как белуга? Ты думаешь, что сидишь здесь одна? Слышала, что на тюрьме сидят журналисты ОРТ из Москвы? Догадайся с трех раз, где их главный. Мы не морозим хату, нас пасут постоянно. Пришлите коня, если можете. Привет». Дождались вечерней проверки, подкараулили, пока корпусной пошел по противоположной стороне, и опустили маляву и чай. Обратно получили через минуту два мотка ниток. Записка явно произвела впечатление, нас перестали дергать по всякому поводу, и постепенно отношения потеплели со всеми тремя соседними камерами.

Рано утром российского посла в Минске вызвал к себе Александр Лукашенко. Лукашенко был разъярен вчерашним выступлением пресс-секретаря Бориса Ельцина. Белорусский президент заявил российскому послу, что руководство России должно принести извинения, и дал понять, что может отказаться от обещания освободить журналистов ОРТ из-под стражи 21 августа: «Ястржембский – для меня никто в данной ситуации, но я хочу, чтобы МИД России ответил на ноту нашего МИДа».

Министр иностранных дел России Евгений Примаков практически одновременно с Ястржембским потребовал освобождения российских журналистов. Если уже Примаков пошел на это, значит, позиция белорусской стороны явно была слабой. Посол России Валерий Лощинин, которого в Москве называли «Наш белорусский посол в Белоруссии», поскольку часто казалось, что его больше беспокоят белорусские проблемы, а не российские интересы здесь, тем не менее вынужден был напомнить Лукашенко, что если бы руководство Беларуси приняло решение об освобождении российских граждан, этот жест соответствующим образом был бы оценен в России и конфликт бы закончился.

Сразу после этой встречи в российском посольстве подтвердили, что процесс передачи российских журналистов приостановлен белорусской стороной в связи с заявлением Сергея Ястржембского. В российском посольстве практически никто не верил в то, что сотрудников ОРТ выпустят в ближайшие дни.

Пресс-служба Лукашенко сделала резкое заявление по поводу интервью, которое заместитель главы администрации президента России, пресс-секретарь Бориса Ельцина Сергей Ястржембский дал радиостанции «Маяк»: «Если российское руководство действительно заинтересовано в поддержании дружественных отношений с Беларусью, то оно должно принять меры по прекращению развязанной информационной войны и дать принципиальную оценку предпринимаемым российскими СМИ провокационным акциям, действиям их организаторов и покровителей».

Очередную пресс-конференцию провели заместитель главы администрации президента Беларуси Иван Пашкевич и начальник юридического управления КГБ республики Сергей Мочалов. По словам Пашкевича, поводом для этого стало «беспрецедентное выступление заместителя главы администрации российского президента Сергея Ястржембского». «Это попытка преднамеренного срыва разрешения уголовного дела в отношении журналистов ОРТ. Подобным тоном с Республикой Беларусь разговаривать непозволительно». Мочалов в свою очередь подтвердил, что группа Адамчука и Владимир Фошенко находятся в приемнике-распределителе города Лида, где с ними проводятся следственные действия. На вопрос о том, планировалось ли освободить всех журналистов или только граждан России, Пашкевич и Мочалов отвечать отказались.

Чтобы придать своим словам вес, Иван Пашкевич продемонстрировал журналистам видеозапись с фрагментами допроса Анатолия Адамчука и осмотра места происшествия в районе белорусско-литовской границы с участием всех членов съемочной группы ОРТ. Раскрыл он и тайны оперативной работы чекистов, признавшись, что в бюро ОРТ установлены «направленные микрофоны» и за журналистами вели наружное наблюдение. Правда, журналистам показали виде-

озапись разговора со следователем только Анатолия Адамчука. Остальные задержанные находились рядом и молчали. Начальник юридического управления КГБ отказался сообщить о том, признали ли они свою вину.

Все эти дни один из владельцев ОРТ Борис Березовский через Александра Любимова пытался договориться с белорусскими властями. У Любимова были хорошие отношения с Владимиром Заметалиным, который выполнял роль беспроводного телефона между Березовским и Лукашенко. Березовский был готов прилететь в Минск и лично встретиться с белорусским президентом. Несколько раз встречу то назначали, то неожиданно отменяли. В конце концов в Минск за группой Адамчука прилетел Любимов.

22 августа

В 8 часов 50 минут утра после очередного безрезультативного допроса корреспондент Воронежского бюро ОРТ Владимир Фошенко выдворен за пределы Беларуси. Его посадили в поезд, под конвоем довезли до белорусско-российской границы и отпустили.

Анатолия Адамчука, Александра Оганова и Валерия Асташкина освободили из-под стражи в 10.15 и привезли из Лиды в Минск, в российское посольство. КГБ распространило официальное заявление: «В ходе расследования уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 2 статьи 15 и частью 2 статьи 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь, доказана попытка совершения Адамчуком незаконного умышленного пересечения Государственной границы Республики Беларусь, пособничество ему в этом Оганова и других участников группы. Компетентными органами Республики Беларусь получена информация о физических угрозах жизни и здоровью освобожденных из-под стражи корреспондентов ОРТ и о возможных инсинуациях, в том числе и о методах работы следствия, со стороны организаторов провокации на белорусско-литовской границе. С учетом вышеизложенного, а также в связи с тем, что в процесс освобождения журналистов были вовлечены их родственники и коллеги по работе,

принято решение о передаче Адамчука, Оганова и Асташкина их близким, а также официальным представителям Российской Федерации».

Распоряжение об освобождении было отдано лично Александром Лукашенко. Белорусские власти объяснили решение освободить группу ОРТ личной просьбой спикера Госдумы Геннадия Селезнева. Даже сейчас Лукашенко и российские коммунисты хотели поиграть судьбами людей.

Геннадий Селезнев прилетел в Минск и на импровизированной пресс-конференции после встречи с Лукашенко объявил, что журналисты будут переданы их женам и директору общественно-политических программ ОРТ Александру Любимову.

Тут же белорусский президент заявил, что группа Адамчука находится в российском посольстве под охраной службы безопасности президента Беларуси, поскольку им якобы угрожает опасность. От кого исходит эта опасность, Лукашенко не сообщил. Он сказал, что передал Селезневу весь пакет документов, содержащих оперативную информацию по делу названной съемочной группы ОРТ: «Эти документы свидетельствуют о действиях сотрудников ОРТ, начиная с 10 августа, когда они попали на контроль Комитета госбезопасности. Информация о том, что затевается такое мероприятие, Комитетом госбезопасности Беларуси была получена из Москвы. Тогда же Генеральный прокурор республики отдал распоряжение о прослушивании телефона Белорусского бюро ОРТ».

Геннадий Селезнев вспомнил и о группе Павла Шеремета. По словам российского спикера, сейчас заканчиваются следственные действия, материалы будут переданы в суд, после чего это дело ожидает судебное разбирательство: «Вы знаете ваши законы – может быть подано прошение о помиловании и т.д.». Видимо, тогда родилась идея жестоко осудить Шеремета и Завадского, а потом помиловать указом Лукашенко.

Тюремная почта работает мгновенно. После обеда на прогулке в соседний дворик попала камера 64 – женщины слева от нас. Обычно гуляя заключенные перекрикиваются, песни поют. Разговоры ведут ни о чем. Девушки уже

знали, что я сижу в 65-й, и мы всю прогулку знакомились через толстую стену. Оказалось, что всего через камеру от меня держат Дмитрия. Самая активная девушка по имени Алена пообещала, что простучит Диме по стеночке и скажет, где я.

Не успела она это сделать, как вечером прямо перед ужином Дмитрия перевели. И еще дня три ушло на то, чтобы найти его новую «хату». Его переселили на противоположную сторону, в самую крайнюю камеру, но через щелку в двери саму камеру я мог видеть и иногда на проверках, когда их выводили и ставили напротив нашей двери, я видел Дмитрия, но, правда, крикнул ему всего один раз.

В новой камере жизнь у Дмитрия не изменилась.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– Эту камеру, как и первую, сформировали в день моего переселения. Здесь я уже сидел в компании наркомана, малолетки – он до того имел условное осуждение, а сел за то, что кому-то морду набил. Третьим был Петрович. Он говорил, что сел по второму разу. Так – не так, кто знает. Он какой-то слизковатый был – нет у меня уверенности в том, что он был чист.

Во второй «хате» людей уже было больше положенного по норме. Вначале мы вчетвером сидели, а потом еще двоих человек «подселили». Ничего. На одной из верхних нар есть другие нары, которые откидываются на противоположную сторону – вся эта конструкция называется «вертолет». Это несложное приспособление устанавливается, значит, уже могут спать пять человек. Для шестого дают деревянный поддон, на ночь он устанавливается на пол. Поддон, кстати, видимо, с богатой историей, весь исписанный: кто кого сдал, кто кого любит... В первые дни, когда его только начали приносить, мы около получаса не отходили – изучали, дописывали.

А днем, честно говоря, шестерым в одной камере тесновато. Если сидишь, то еще ничего, но ведь если ты не очень буйный и охрана нормально относится, то и днем в СИЗО можно полежать. В моменты «перенаселения» спать днем

приходилось по очереди. А так в домино играли – когда сидишь, места хватает.

В обеих камерах отношение ко мне было нормальное. Там изначально ко всем отношение нормальное, просто у каждого свой характер. Есть люди конфликтные. И если два конфликтных попадется, то, следовательно, и им тяжело, и всем остальным тяжело. У нас народ был более-менее спокойный, но это все равно непросто, находясь все время в четырех стенах, видеть одного и того же человека с одними и теми же недостатками. Иногда люди не выдерживают. В первой камере, в которой я сидел, нашлись два таких несовместимых. Мне, правда, удавалось их рассаживать на разные нары, и все заканчивалось просто трехэтажным матом.

Пытались мы и связываться с соседями, но не очень удачно. Это была самая крайняя камера со стороны двора. А двор всегда просматривался. Но мы все равно связывались, с «низом». И уже я сам, как человек обученный, сделал грузило, коня сплел – нитку в матрасе нашел. Нам даже пару раз сигарет прислали, но по большому счету на связь «низы» выходили не очень охотно. А вот рядом сидели рецидивисты, они сами вышли на связь. Мы уже отстрелялись, начали дорогу тянуть, но прибежал наряд – и все вымел.

Так нам с Димой и не удалось связаться. Нас свели вместе только на очной ставке после его освобождения.

23–24 августа

Ненавижу ни субботу, ни воскресенье. Тишина как в могиле. В тюрьме и так ничего не происходит никогда, а в выходные время вообще все останавливается. Часы растягиваются до бесконечности, и кажется, что ты исчезнешь, утонешь в этом потоке и уже не вырвешься из этих стен. Маяться – самое точное определение тому, что чувствуешь в такие дни. Выхаживаешь часами полтора метра вперед и столько же назад. Поваляешься на нарах, сыграешь пару партий в «мандавошку» или шахматы и опять мотаешь круги по камере. Переписка с соседями много времени тоже не занима-

ла: утром отправишь маляву, в обед или вечером получишь ответ. Да, честно говоря, писать кому-то особого желания не было, разве только поможешь составить коллективное послание. Переслать что-нибудь Димону возможности было мало, да и рискованно делать это через дворик. Молчал и он: «У меня самого писать не было особого настроения, но сокамерникам любовные письма писать помогал. Почему между мужскими и женскими камерами возникает "любовная" переписка?.. Если существует мост, то, естественно, что-то хочется написать. Вопрос – что? Писать о деле можно, только если общаешься с подельниками. С посторонними делиться своими похождениями, своими статьями обычно не принято. Что остается? Писать о любви. В лицо своих "избранников" обычно не знают, объясняются заочно. Очные же встречи бывают очень неожиданно. К примеру, когда камеру, находившуюся напротив нашей, выводили и ставили лицом к стене, то последняя оказывалась как раз возле нашей двери. У нее появлялась возможность поднять глазок и заглянуть в него. Так что мы предварительно согласовывали – кому подойти. Второй вариант "знакомства" – прогулка: одних еще не успевают завести, других уже вывели...»

Еще от нечего делать варили чифирь. Чифирь – это вообще отдельная тема. В тюрьме – это святой напиток, но вокруг него очень много легенд. Чиф – это сваренный «вкрутую» чай. Он не вызывает никаких галлюцинаций, весь кайф от него – невероятная бодрость и активность. К чифу нужно привыкнуть, первое время он вызывает только рвоту своей горечью и головокружение. «Специалисты» рассказывают, что после частого употребления чифа без него трудно – вялость и упадок сил. Зэки варят чиф и разбираются в его видах так же, как любители кофе или чая занимаются этим на свободе. Кто-то любит крепкий чифирь. У нас была большая кружка на два коробка чая с горочкой, наверх – обернутый фольгой картон или от шоколадки фольга. Чай намокал и оседал, но пока он весь не намокнет, его никто не размешивал. Потом по глотку пускали по кругу. Первый раз меня чуть не вырвало, рот начало вязать. Лучше пить «купец» – чиф с вареньем или сахаром, это на-

много приятнее. Для гурманов важно даже, из какого чая варить: индийского («индюху»), «цейлона» или «грузии». Делают даже смеси, например, «цейлона» с «грузией». Считается, что цейлонский дает толчок крови, а грузинский (первый сорт) долго держит и гоняет кофеин по крови, поэтому кайф от такой смеси дольше. Но для человека, первый раз попавшего в эту запредельную жизнь, чифирь – питье непонятное. Потом я замечал, что с большим наслаждением здесь пьют кофе, который из-за недоступности считается роскошью.

25 августа

Приехал Волчек. Единственное светлое пятно за последние трое суток. Поговорили о жизни часок. Он мне все рассказывал, что там и как там на воле. Газеты надзиратели запрещали показывать, один вертухай все время смотрел в глазок, хотя свидание адвоката с подзащитным должны быть тайными. Волчек несколько раз подрывался, ругался с надзирателем, демонстративно садился спиной к двери прямо напротив меня. Мы никогда в этой комнате не обсуждали ничего секретного, но адвокатов возмущали сами порядки в этой гродненской тюрьме, мало того, что на входе полностью проверяют даже с металлоискателем, так еще и нагло следят за тем, что делают и о чем говорят во время свидания. Дошло до этого, что во время встречи Димы с адвокатом надзиратель вбежал в комнату и вырвал листок, на котором адвокат что-то писала. Провели служебное расследование и чуть ли не уголовное дело против адвоката хотели возбудить.

Михаил Валентинович приносил обычно мне вырезки из газет со статьями по нашему делу. Так мы с ним газеты почитаем, поговорим, и меня обратно в камеру отправляют. Раза два в неделю он или Гарри Погоняйло приезжали. Хоть кого-то из знакомых повидать – все легче.

Сегодня в Лиде освободили Владимира Костина, единственного белоруса в группе Адамчука. Только он и смог рассказать, что произошло со второй группой ОРТ в Ошмянах.

Из рассказа телеоператора Владимира Костина:

– Мы доехали по старой дороге на Вильнюс от Ошмян почти до заграждения на дороге. До самого заграждения мы не доехали, остановились метрах в трехстах от него, потому что в сторону Литвы ехал какой-то мужик на велосипеде. Обычный местный житель, в старой кепке, с котомкой. Мы его тормознули и спрашиваем: «Мужик, где тут граница?» Он показывает в сторону заграждения: «Так вот же она. Но вы на машине здесь не проедете, лучше объехать через лес». И объясняет нам, как и где въехать в лес и по какой тропинке выехать на литовскую сторону. Мы посмеялись, записали мужика на камеру и сели обратно в машину. Мужик спокойно доехал до первого заграждения, объехал, затем также преодолел второе заграждение, добрался до шлагбаума, перетащил велосипед через шлагбаум, потом также поступил и на втором шлагбауме и покатил себе дальше уже по литовской земле. Никто этого мужика не тормознул. Самое смешное, что буквально через пару минут с литовской стороны идут две бабушки. Свободно перешли эту границу и идут прямо к нам. Создалось такое впечатление, что люди ходят через границу туда-сюда совершенно свободно, никого это не интересует, никого это не волнует и всем начхать на это. Мы сняли этих женщин, поговорили с ними и решили уезжать, потому что материала для сюжета было больше чем достаточно. Но тут Толя Адамчук захотел снять стенд-ап на фоне того же литовского пограничного щита, что и Шеремет. Мы ему говорим: «Толя, надо сваливать отсюда, пока все нормально». Но Толю невозможно было переубедить. Решили хоть первую кассету спрятать, засунули ее под запасное колесо в багажнике. И втроем – я, Толя и оператор – пошли в сторону границы. Не успели мы отойти от машины метров на тридцать, как Валера – водитель – кричит нам: «Мужики, по наши души!» Поворачиваемся, а со стороны Ошмян из леса выбегают два пограничника, оба прапорщика. Языки, что называется, на плече, видно, что пробежали они много. Оказалось, они ждали нас на лесной дороге, думали, что мы действительно собираемся перейти границу.

Добежали они до нашей машины, мы тоже вернулись, представились, отдали им наши документы. Пограничники забрали ключи от машины, нам приказали в нее сесть и начали связываться по рации и вызывать наряд. Приехало еще человек восемь солдат-пограничников, они оцепили место, где мы стояли. Я пошел в кустики по надобности, а из кустов автомат торчит. Я говорю: «Осторожно, не отстрелите мне ничего».

Подождали мы еще полчаса и всех повезли в комендатуру. Развели по разным комнатам и попросили написать объяснительные, потом начали допрашивать. Меня допрашивал начальник оперативного отдела погранотряда Страх. Он интересовался, зачем мы сюда приехали, что мы здесь хотим найти и так далее. Но беседа была спокойной, мирной. Как я понял, все рассказали, что не собирались нарушать границу, хотя и не скрывали, что приехали в Ошмяны, чтобы убедиться собственными глазами, как охраняется граница. Ну, там действительно абсолютно непонятно, где проходит граница. Такое ощущение, что мы пересекли границы Минской и Гродненской областей: никаких знаков, табличек, стоит посреди дороги одинокий шлагбаум. И все.

Раз пять или шесть Страха вызывали к телефону, и, насколько я понял, звонили какие-то начальники из Минска. И чем дальше, тем он все более заводился, нервничал. Забрали камеру и все кассеты.

Часа через три передали нас в местное отделение милиции. Там тоже все повторилось, написали мы объяснительные, проверили у нас документы и объявили каждому штраф по 450 тыс. белорусских рублей за въезд в пограничную зону без специального разрешения. И дальше начинается самое смешное.

Нас повезли пообедать за счет милиции в местный ресторан. Сопровождал нас замначальника РОВД и там он говорит: «Ребята, зачем вы сюда приехали? Как можно быстрее берите ноги в руки и сматывайтесь отсюда, чтобы не было никаких проблем». Вернулись после обеда в отделение, часа три там посидели, и нам надо было только уплатить штраф. Но было уже семь часов вечера. Ни у кого не было бе-

лорусских рублей, только российские. Пока нашли обменный пункт, закрывается сберкасса. Сам этот замначальника позвонил в банк и попросил не снимать кассу и на охрану не ставить, пока мы не приедем и не заплатим штраф, и постоянно нас торопил. И вдруг раздается звонок из Минска. Нас попросили выйти из кабинета, минут пять там шла беседа, и, когда мы вернулись, милиционер развел руками и сказал только одну фразу: «Поздно. От меня уже ничего не зависит. Оставайтесь здесь ночевать, завтра все оплатите и тогда уедете».

Честно говоря, мы были уверены, что завтра нас отпустят. Машину оставили возле РОВД. Перед этим милиция и пограничники ее обыскали, и только по дурацкой случайности они нашли главную кассету. Машину уже обыскали, Валера собирается закрыть багажник, тут подходит мужик и просит закурить. Валера дает ему прикурить, хлопает крышкой багажника, она не закрывается, он хочет еще раз закрыть, и тут пограничник говорит сержанту милицейскому: «Посмотри под запасным колесом». Тот отказывается: «Да не надо, грязное колесо. Зачем?». Пограничник не унимается. Мент поднимает колесо, а там кассета.

Отвезли нас в гостиницу, поселили, предупредили, что выходить нельзя. Мы, правда, вечером пошли с Валерой гулять по городу, хотя чувствовали, что за нами присматривают. Адамчук позвонил в Минск, поговорил с Володей Фошенко, и его понесло. Толя запсиховал, причем основательно. Он начал что-то несвязное говорить: «Меня подставили, меня выгоняют. Моими руками пытаются убрать Доренко». Но нам было неинтересно все это слушать, как он ныл, и мы ушли к себе в номер.

Утром сходили в сберкассу, заплатили штрафы и пришли обратно в отделение милиции. Нам не возвращают документы. Держат в холле РОВД, но на улицу не выпускают. Так час три продолжалось. Мы начали возмущаться: в конце концов, когда весь этот бред закончится? Приезжает местный прокурор, долго совещался с милицейским начальством, с кем-то разговаривал по телефону, потом вызвал нас. Начался какой-то идиотский разговор.

– Что вы делали, зачем вы там шлялись? – спрашивает. Мы ему объясняем, что работали.

– Нет, надо проверить, может быть, у вас фальшивые документы.

Тут нам все стало ясно. И нас задерживают до выяснения личностей за... бродяжничество.

– Вы думаете, что вы говорите? – накинулся уже я на него.

– Ну что вы от меня хотите? Я ничего не решаю.

– Так вы прокурор или просто погулять вышли?

Ребята меня в бок толкают: «Володя, тише, тише».

Нас развели по разным комнатам и составили протоколы задержания за бродяжничество. Все отказались отвечать на вопросы. Например, был вопрос: «Занимались ли вы бродяжничеством и попрошайничеством?» – «Нет». Вижу, мент зачеркивает слово «попрошайничеством», но оставляет «бродяжничеством». В общем, всех оформили, посадили в машину и – вперед.

Привезли нас в Лиду, в изолятор временного содержания. Правда, сразу по камерам не раскидали, пару часов держали всех во дворе. Документы везли отдельно, в изолятор нас не хотят принимать, потому что не знают, кто мы такие, им лишняя головная боль не нужна. Те, кто привез нас из Ошмян, хотят побыстрее от нас отделаться. Получалось, что никому мы не нужны.

К счастью, нас не обыскивали, а у меня был сотовый телефон из бюро ОРТ. Я попросился в туалет и там тихонько позвонил в Минск в бюро. Трубку поднял Дима Новожилов, я рассказал, где мы и что с нами, попросил, чтобы он матери позвонил. Теперь хотя бы люди знали наше местонахождение, ведь милиция ничего никому не говорила, КГБ тоже отмалчивалось. Даже когда моя мать приехала в Лиду, то в местном РОВД ей сказали, что такого нет, в КГБ – тоже, а больше идти и ехать некуда, у нее была почти истерика. Тогда один из сержантов по секрету сказал ей, что мы в изоляторе. Дурдом!

Вернулся к ребятам, Толя Адамчук говорит: «Дай телефон, я позвоню». Я прошу его этого не делать, потому что

могут заметить и забрать телефон. Нет, он уперся. Отдаю ему телефон, он его во внутренний карман куртки засунул, а антенну не открутил – сержант увидел и телефон забрал.

Наконец привезли документы, нас завели внутрь. Провели личный досмотр, описали имущество. Я говорю: «Запишите, что изъяли паспорт». Сержант отказывается: «Твой паспорт у начальника, я его не видел, записывать не буду. Отдаст начальник, потом впишу». «Ну ладно, – думаю, – наверное это будет правильнее». На самом деле милиционерам ни в чем верить нельзя никогда, потому что обман – это их метод работы.

Заселили нас всех в одну камеру, ни матрасов, ничего там нет – только деревянный настил и параша.

Поздно вечером, уже темнело, нас вызвали на допрос. Отвезли в сопровождении ОМОНа с автоматами в какое-то здание и там держали чуть ли не полночи. Первого на допрос увели Толю, затем через час постепенно уводили всех остальных.

Меня привели к мужчине средних лет. Я спрашиваю:

– Где мы, что с нами происходит?

– Вопросы здесь задаю я, отвечайте на мои вопросы.

Ну, я сел, молчу.

– Отвечать будете?

– Вы сначала скажите, кто вы, где мы? – Видно, что беседа у нас не получается, но он все-таки представился – следователь КГБ.

– А при чем здесь КГБ?

– На вас заводится уголовное дело, я должен разобраться.

– Какое уголовное дело, о чем вы говорите?

Мы так и не нашли общий язык. Уже было два часа ночи и нас всех увезли.

В изоляторе посадили по разным камерам: я был с Сашей Огановым, а Валера – с Толей.

Утром обратно повезли в местное КГБ. С тех пор Толю я уже не видел, его все время вывозили и выводили отдельно. Вечером только, когда дезинфицировали камеры, сначала Толю с Валерой перевели на некоторое время к нам, потом меня и Оганова подселили на полчаса к ним. Но мы толком

и не поговорили, никто до конца серьезно ситуацию не воспринимал.

Я опять написал объяснительную, как в Ошмянах. Следователь предложил, что он будет задавать вопросы по моей объяснительной, а я буду отвечать. Получилась бы та же объяснительная, только в виде вопросов и ответов, т.е. обычный допрос. Я отказался: «Это не дело. Почему мы сидим в приемнике-распределителе? Что такое? У вас против нас какие-то обвинения?» «Нет, нет, нет»,– затараторил. «Тогда в чем дело? Административное нарушение – штраф мы заплатили. Что еще?» – «Ну, вот надо кое-что уточнить». – «Обязательно это делать в приемнике-распределителе? Мы же ни от кого не скрываемся. Заселите нас в гостиницу. Деньги у нас есть. Это абсурд – задержать за бродяжничество людей, у которых есть деньги, работа и жилье». – «От меня ничего не зависит. Я выполняю свою работу. Может быть, сегодня вы поедете домой». – «Пусть придет начальник, который может это решить. Дайте, в конце концов, позвонить домой». Приводят меня к начальнику из Гродненского КГБ. Разговор с ним тоже не получается. Выводят меня из кабинета начальника, и я сталкиваюсь лицом к лицу с Иваном Ивановичем Пашкевичем, заместителем главы администрации президента. Поздоровались.

На следующий день опять вызвали к следователю и уже начали задавать конкретные вопросы: «Как вы готовились перейти границу, кто вам приказал нарушить границу?» и прочее. Я вообще отказался отвечать на любые вопросы и в изоляторе брать еду. Потом все перестали есть. Буквально через полчаса появился следователь, начальник изолятора, привезли местные старые газеты, начали уговаривать отказаться от этой затеи.

Толя начал требовать встречи с российским послом, мы – адвокатом. На это следователи отвечали, что адвокатов дадут тогда, когда нам предъявят обвинение. Постоянно следователь повторял, что сегодня утром, сегодня днем, сегодня вечером, завтра, вот-вот нас отпустят. И так каждый день. Мы же знали, что без адвоката можно

было вообще рта не открывать, мы же не юристы, этим милиция и гэбэшники пользовались.

Следователь постоянно давил: «Признайтесь, как вы готовились перейти границу». «Да не собирались мы переходить границу», – отвечаю. «Ну, посидите, подумайте»,– и уходил часа на два, три. Возвращался и все начиналась поновому: «Ну, вспомнил? Лучше сразу, чем потом». Я отказался вообще с ним разговаривать. «Не хочешь общаться, не надо». Меня отвезли обратно в изолятор и больше фактически до самого освобождения никуда не вызывали.

На допрос возили Сашу Оганова. Дня через три он говорит мне, что вроде бы Адамчук подписал какое-то обращение к Лукашенко. Но с нами в камере сидел еще один мужик, и при нем мы старались подробно ситуацию не обсуждать, и я, честно скажу, толком не понял смысл того, что рассказывал Саша. У меня были свои мысли, я еще голодал четвертый день, я не мог врубиться в то, что происходит. Толю и Валеру я видел только раз в сутки, когда утром нас выводили на парашу, через сетку я их видел. Валера постоянно шутил, а Толя выглядел подавленным. Так как в туалете между кабинами мелкая сетка, я их вижу, они нас – нет, но Валера знал, что мы его слышим, поэтому шутил о своем внешнем виде, что жена его домой не пустит, и в таком духе.

Появлялся периодически врач, который интересовался моим самочувствием и предупреждал, что на десятый день они могут меня кормить принудительно: «Не ты первый, не ты последний, вгоним трубку в горле и будем кормить. Не одному уже кадык рвали, зубы выбивали, лучше прекрати». Сержанты, которые нас охраняли, относились к нам хорошо, ничего плохого не могу сказать. Через них удавалось получать хоть какую-то информацию с воли, например: сегодня по телевизору показали то-то и то-то, заявление Ястржембского.

Заявление Ястржембского было в пятницу 22 августа, и тогда ребят тормознули еще на сутки. В принципе, следователи обещали, что нас отпустят в пятницу, но оставили до субботы. В субботу ребят увезли с вещами, меня не забрали. Чисто психологически очень тяжело слышать, как

один раз замок в камере открывается, и ты не слышишь больше, как их возвращают назад в камеры. Оставаться одному трудно. В восемь вечера выводят на парашу, ты слышишь – один. В воскресенье новая смена мне уже сказала, что ребята в самолете на Москву – Любимов их забрал. Появился начальник изолятора, начал меня успокаивать, что в понедельник и меня освободят. В понедельник приехал за мной «воронок», повезли в город. Минут пятнадцать возили по Лиде, хотя от изолятора до отделения КГБ всего пять минут пешком идти. Перед этим пришел мент и говорит: «Парень, сегодня десятые сутки голодовки. Есть будешь или нет? Смотри, это не шутки, зачем тебе медицинское вмешательство?». – «Я не буду есть». Поэтому, когда меня повезли, я решил, что будут сейчас кормить. Двери «воронка» открылись, смотрю – КГБ.

Появился гродненский следователь: «Говорить будем?» – «Я уже все объяснил». – «Твои ребята подписывали, на вопросы отвечали, поэтому их отпустили. Ты же останешься. Подпиши бумаги, иначе мы не можем закрыть уголовное дело». – «Я ничего подписывать не буду». Часа три я там просидел, потом появился следователь и дает мне бумагу. «Подписывай». – «Я ничего не подпишу». – «Ты сначала посмотри, что это такое». А там – постановление о том, что приемник-распределитель установил наконец мою личность и может меня отпустить. Я все равно решил ничего не подписывать. Тогда он дал мне бумажку с описью изъятых у меня вещей. «Ну хоть это подпиши, что претензий по вещам не имеешь». За это я расписался. Отдали все вещи, кроме паспорта. Паспорт был у начальника изолятора, следователь заявил, что не имеет к этому никакого отношения, то есть они в футбол с нами играли. Так паспорт и не нашли, забрал его я только через пару дней.

Вышел на улицу и понял, что я действительно теперь похож на бомжа: десять дней не брился, не мылся, в грязной одежде. У меня до ареста была светлая рубашка, которая стала черной. Запах от меня, наверное, шел терпкий, мне мать об этом потом сказала. Я вижу, как люди обходят меня стороной. До дома родителей в Щучине – 50 киломе-

тров, гэбисты везти меня отказываются. Добрел до поста ГАИ на выезде из Лиды, мент остановил попутную машину, люди хорошие оказались и взяли меня, хотя на их лицах все было написано. Внешний вид, вонь – им было тяжело, но лишних вопросов они не задавали. Доехал до Щучина, добрался до дома. Захожу, у матери – истерика, когда она меня увидела. Плачет и бегает воду нагреть, чтобы меня отмыть.

26 августа

В Столбцах арестовали студента Белорусского государственного университета Алексея Шидловского. В начале августа группа молодых активистов Белорусского народного фронта ночью расписала несколько зданий в городе антилукашенковскими лозунгами и призывами типа «Жыве Беларусь!». Случайно их увидел один знакомый Шидловского, такой же молодой парень. Едва ли он был убежденным сторонником президента Лукашенко, хоть и служил пожарником. Сначала он требовал у «подпольщиков» деньги за свое молчание, когда денег не получил – сдал Алексея милиции. На следующий день арестовали еще одного молодофронтовца, школьника Вадима Лабковича. Молодых людей продержали под следствием в изоляторе города Жодино шесть месяцев. В конце концов Шидловскому дали полтора года лишения свободы в колонии усиленного режима, Лабковичу – полтора года с отсрочкой исполнения приговора на два года. Ребята держались стойко, и «заговора молодежной фракции БНФ» не получилось.

<u>Из рассказа шестнадцатилетнего школьника Вадима Лабковича, который отсидел в СИЗО города Жлобина полгода за то, что написал антипрезидентский лозунг за одном из городских зданий:</u>

– Арестовали меня 27 августа в Столбцах. Инна, жена Леши Шидловского, позвонила и сказала, что арестовали Лешу. Я приехал, мы с ней прогуливались, прошли метров двадцать. И тут тихо так подходят и спрашивают: «Вы знакомы?» Я даже ничего не успел ответить.

Произошло это около трех часов дня. Меня увезли в Столбцовский РОВД, сразу же был и допрос. Сначала допрашивали просто опера, потом отвели к следователю. Допрашивали человек пять, причем в первые три дня одновременно человека по три. Кстати, следователь задавал вопросов меньше всех. Кто допрашивал? Черт его знает, там все в штатском.

Поначалу их очень интересовало, кто заплатил, сколько, где живет и т.п. Потом, когда ничего не добились, начали пытаться узнать, кто еще был с нами – тоже без результата. Тогда стали просто раскручивать нас и как организаторов, и как исполнителей.

Насколько я понимаю, их вообще абсолютно не интересовало, что мы говорим. Была какая-то своя установка, и они ее выполняли. Наши показания их мало интересовали, их даже не «подбивали». Сразу, когда нас задержали, была большая вероятность, что мы все-таки уйдем: не через три дня, так через десять. Потом, когда дело передали в прокуратуру, стало ясно, что затянется все надолго.

Допросы описать сложно. Они все сидели. Иногда, бывало, один забежит и ни с того ни с сего начинает что-то спрашивать. Особо даже не зная, о чем шла речь до того, – о своем о чем-то. Чаще всего я отвечал «не знаю». Они говорили: «Не ври, мы сделаем так, что ты все узнаешь». Получалось, что они сами мне рассказывали, как все происходило. Я даже записывал. Если же я что-то уточнял или исправлял, они даже не слушали. Приходилось самому дописывать в протокол.

Когда допрашивали опера, там вообще, кроме них, никого не было. Когда отвели к следователю, туда через некоторое время привели какую-то учительницу в качестве психолога. (Она, кстати, даже пыталась требовать, чтобы меня отпустили. Потом психологи присутствовали на допросах просто для вида. Сидит у тебя за спиной человек, думает о чем-то своем, его ничего не волнует, лишь бы скорее домой.) Когда появился адвокат, я точно не помню. Один день, в течение которого шли допросы, его точно не было. На второй, наверное, уже появился. Местный.

Знаю, что на свободе говорили, будто я объявил голодовку, чтобы ко мне допустили адвокатов. О голодовке мы с Лешей договорились сразу после ареста. Он продолжал голодать, даже когда уже в Жодино перевезли, даже «в больничке» из-за этого лежал. А я голодал недолго и не из-за адвокатов. Хотя тоже проблемы были. К примеру, на девятый день предъявили обвинение. Потом неделя прошла – и ни слуху ни духу. Я написал заявление, что хочу поговорить с адвокатом. Поговорили так, что меня на следующий день совсем увезли. Я ему заявил, что буду объявлять голодовку. Адвокат начал убеждать: не надо, сейчас следователь меняется, он скоро вас вызовет – познакомитесь, все обойдется. Разговор был в среду. В четверг приезжает автозак и меня увозят в Жодино. Там я пробыл больше недели, после чего вновь привезли в Столбцы. Меня допрашивает уже новый следователь в присутствии адвоката (это был вторник), и снова обещание: в пятницу должен приехать кто-то из Минска, будет то ли опознание, то ли что-то в этом роде и решится вопрос по подписке о невыезде. Но в четверг меня, не дожидаясь пятницы, вновь увозят. На этот раз надолго: лишь в декабре вновь привезли в Столбцы.

Голодовку я объявлял в самом начале всего этого. В первый день, когда «закрыли», я ее и объявил. Длилось это недолго, несколько дней, но ощущение непричастности к этому миру помню. А вообще, было легко. Прекратил голодовку потому, что понял бессмысленность всего: никто не обращал внимания. Пищу поначалу давали, но я ее возвращал. Потом просто спрашивали, буду ли я есть.

«Володарка» – старое здание, винтовые деревянные лестницы, пол – какое-то подобие асфальта... По сравнению с минским изолятором в Жодино намного чище, он более современный. Но зато там отношение к заключенным намного строже. Отношение ко мне... Вообще, надзиратели старались не замечать. Но после шмона в камере, когда видели книги, тетради, конспекты, подходили и спрашивали: что, как, зачем? А вообще, было такое ощущение, будто меня нет. Нет, и все.

Прошло где-то месяца полтора после ареста, когда меня вызвал опер и стал интересоваться, как дела, как админи-

страция относится... Оказалось, что приезжал какой-то прокурор, мы должны были с ним поговорить. Но так меня до него и не довели. После этого он у меня постоянно спрашивал, как дела, есть ли претензии. В первую очередь интересовало, не били ли. Насколько я понимаю, это было после заявления Леши о том, что его избили.

Я содержался в третьем корпусе – он предназначен для несовершеннолетних. В нем, правда, есть несколько камер, где сидят взрослые, и несколько камер «баландеров». Малолетних чаще всего содержат нормально, на сколько человек рассчитана камера – столько и «жильцов». Понятно, что при желании всегда можно «устроить», чтобы на шесть «шконарей» было и десять человек, и больше. Все зависит от того, как к тебе относится администрация. Кстати, если сравнивать «володарку» и Жодино, то методика разная. В Минске наказание какое – переводят в камеру, где старшие просто начинают прессовать. В Жодино, наоборот, отправляют «на острова», где нет ни с кем связи. В камеру не сажают старшего, чтобы не было ни сигарет, ничего...

Довелось побывать «на островах». Даже не могу сказать, за что. Ни за что! С целью профилактики! Правда, в моей ситуации смысл был даже не в том, что это был «остров». Там было страшно холодно: октябрь, батареи не греют, плохая погода на улице... Там меня держали около двух недель.

Первое ощущение? Там постоянно крик, гам, менты орут, чего-то хотят. Убивают в человеке его «я», чтобы он вообще не думал. Животное из него делают. Я недолго просидел, около недели, как появился один из постовых и заявил, что вообще нас за людей не считает. Мы, правда, на него все время жалобы писали, и его потом убрали. И таких там много.

Меня привели в камеру ночью (Жодино принимает ночью, не знаю почему), все спали. Камера был на десять человек, я и был десятым. Люди вообще не понимали, за что меня посадили. Первое время было тяжело, привыкал. К тому же нравы такие – мало просидел, ничего не сделаешь, никому ничего не скажешь. Постепенно меня стали «катать» по камерам – бросать из одной в другую. Это у них, наверное,

профилактика такая. Но это закаляет характер: когда «поездишь» по камерам – людей узнаешь.

На «володарке», когда я приехал, похоже, уже было известно, когда суд. Последние дни в тюрьме мне даже сложно описать. Все время старались что-то найти, пытались «крутануть». Это были просьбы рассказать что-нибудь о ком-нибудь. Даже чувствовать не надо было, что в камере «подсадка». Там было все откровенно.

Малолетки, сотрудничающие с операми, – это на «володарке» редкость. (В Жодино, кстати, наоборот.) В Минске в основном «промышляют» старшие. Если так подумать, им это необходимо – получается, это их работа. Вот «по работе» они меня и расспрашивали, советы давали. Дескать, выйдешь – дома сиди, ничего не делай.

А по условиям содержания «володарка» и Жодино – одно и то же. Тут, правда, я был в камере, рассчитанной на 14 человек, а сидело 12. То есть были «вакансии».

На Жодино, кстати, условия содержания малолетних и взрослых одинаковы. Как кормили? Одно слово – баланда. Кстати, 31 декабря вечером я впервые узнал, что такое пшенка. Меня это блюдо удивило, я даже не мог запомнить название. Перловки не было вообще. Были сечка, капуста, картошка... Но добивала уха из нечищеной рыбы и очень плохой хлеб. Кстати, Жодино называют «рыбным» СИЗО – месяцами супы с рыбной чешуей и костями. Без бульонных кубиков с воли там вообще есть ничего невозможно.

День проходил так: в шесть утра подъем, завтрак, потом обед, после обеда прогулка (могут вывести минут на пять, могут – на час, какой конвой попадется), потом ужин, проверка, отбой. Новый день – и ничего нового. В Жодино, правда, еще было ожидание: ждали стукачей (техосмотр), ждали обыска... Когда появились книги, я занимался. Первое время занимался целыми днями. Потом – поменьше: либо до обеда, либо после. Как развлекались? Сейчас даже трудно сказать. Знаю, что развлекались. А вот как?.. Вроде, ничего традиционно входящего в понятие «развлечения» не было. Это на «володарке» и в кости можно играть, и в большин-

стве камер телевизор есть. Там кости запрещены, телевизоров, может, три-четыре на все камеры корпуса.

Как выглядит Жодинский СИЗО внешне, я фактически не знаю. Там четыре действующих корпуса: первый и второй – взрослые, третий – малолетки, четвертый – женщины и «больничка». (Построен уже пятый корпус.) Все это разные здания, они соединены только подвалами. Там, кстати, постоянно если куда-то ведут, то именно подвалом, именно под землей. Выглядит это так: сплошной бетон и лампочки...

Самое популярное наказание в Жодино – «лишенка», лишение передачи. Наказание крайне неприятное, но не смертельное. Мы жили общаком – всю «дачку» делили. Был «бар» – железный ящик, который висел на стене. В нем полки. Все складывалось туда. Еда вся делится. Можно, конечно, подойти и взять что-то, если хочешь. Но чаще всего к «бару» обращались во время обеда или ужина.

О чем разговаривали в камере? Да много о чем. Обсуждали, как жить дальше. Все, в принципе, надеются, если не с суда, так через некоторое время, выйти и продолжить нормальную жизнь. С теми же, кто не первый раз попал, – сложнее. У них идеология «Мой дом – тюрьма». Я такого только одного встречал. (Худенький такой парень.) С ним было интересно.

Попадали в основном за кражи. А если конкретнее – из-за водки: не было выпить – украли, или выпили – пошли украли...

Надзиратели в основном молодые. В принципе, есть понимающие – спокойные, не пристают, просто делают свою работу. А есть такие, которым нечем заняться. Они могут прицепиться к чему угодно – к примеру, почему расстегнут или, наоборот, застегнут... Что называется – к столбу.

А вообще все происходившее там – забывается. Может, это защитная реакция какая. Помню просто, что были дни, когда было действительно хорошо: никаких проблем, ничего. Как это получалось, не знаю, но попытаюсь объяснить. В камере сидят несколько человек, вроде как друзья. Но в любую минуту тебя могут увести, и ты никого больше не увидишь. Постоянно ощущение, что сегодня вместе, разговариваешь,

а завтра осудят, дадут срок – и все. Пока никого не увели, пока вместе – хорошо.

В тюрьме люди разные. Есть «черты». Они чаще всего сами себя опускают. К примеру, он заезжает на тюрьму и через три дня говорит: я буду вам тут стирать, еще чего-нибудь делать, а вы мне будете давать курево. Никто ж его не заставлял. Там если курят, то курят уже все. Я не понимаю и не представляю себе, почему и зачем люди на это идут. Там и так хватает ощущения унижения. Меня, к примеру, на «володарку» этапировали в «столыпине». «Столыпин» – это переделанный купейный вагон, в котором окна либо черные с решетками, либо их вообще нет. В общем, ничего страшного. Но сам переезд из изолятора до вагона, а потом от вагона до изолятора – это просто издевательство. Это дурацкое сидение на корточках в снегу в ожидании, пока поезд подойдет, а вокруг конвой с собаками... Пока поезд подъедет, за это время и ноги могут отмерзнуть, и все остальное. Когда в Жодино загружались, я просидел минут десять, а вот в Минске – гораздо дольше. Пока они разбирались, кто осужденный, кто подследственный, кто по какому режиму, то получилось, что малолетки пошли последними...

Хорошо запомнил суд. В суд конвоировали так: конвой ведет на обыск, сам же обыскивает, только одеваемся – сразу одевают наручники и ведут к машине. Снимали наручники только, когда приводили на суд, в отстойнике. Особенно в первый день была большая нервозность и людей было очень много. Нас двоих только вели человек десять конвоиров, а сколько «на посту» стояли – я даже не считал. На нас конвоиры не орали, между собой только ругались. Правда, когда на второй день нас везли на суд, конвоиры «сообщили», что нам дадут по четыре года. Неприятно.

Каким я вышел после тюрьмы? Наверное, более наглым, более раскрепощенным. Окружающие говорят, что изменился взгляд – стал более оценивающим. Тюрьма воспитывает в человеке характер и волю. Но она может и сломать. Я общался со многими, кто попал по первому разу, и не за политику. Возникает ощущение, что страна создает себе пре-

ступников. Гораздо правильнее было бы дать возможность человеку исправиться на свободе.

Освободили Лабковича только в феврале 1998 года прямо из зала суда. Он получил полтора года с отсрочкой исполнения приговора на два года.

Первые дни после освобождения Вадим был несколько подавлен, но сломать этого школьника государственная машина не смогла. Беларусь всегда оставалась тихой и спокойной страной. Здесь давно уже не было никаких волнений или серьезных политических потрясений, здесь почти никто не боролся за независимость и государственную самостоятельность белорусского народа. Однако за последние три года произошли странные перемены. Число противников власти медленно, но верно растет, столкновения становятся все более частыми и все более ожесточенными. Вырастает поколение, которое не помнит Советского Союза и для которого Родина ассоциируется не с 1/6 земного шара, а с лесами и болотами Беларуси и Великим Княжеством Литовским. Мировоззрение этих людей начало формироваться в 1990-х годах, когда свобода слова и минимальные гражданские свободы имели конкретное значение, и просто так, без сопротивления они свои права не отдадут.

– Но вас там было несколько человек, почему арестовали только вас двоих?

– Потому что остальных они не нашли.

– А теперь, вспоминая все произошедшее, ты бы еще раз пошел на подобный поступок?

– Еще раз – нет. Но, возможно, я бы сделал это по-другому.

– Жестче или мягче?

– Правильнее.

– Ты за правду пострадал или по глупости?

– За правду по глупости. Я как против режима был, так и остался. Если смотреть с той точки зрения, что я исписал стены и за это шесть месяцев провел в тюрьме, то, конечно, поступок того не стоил. Но если учесть, что меня посадили не за то, что я сделал, а за то, что я думал, – тогда ладно. Так что протест протесту рознь.

– У тебя нет такого ощущения, что если сейчас вновь арестуют, то просто не будет сил пережить все по второму кругу?

– Будут.

27 августа

Вчера вечером в Минск прилетел министр иностранных дел России Евгений Примаков. Судя по официальной информации, вечер в белорусской столице он провел спокойно: на этот день у российского министра не было запланировано никаких встреч. Зато утро 28 августа началось бурно. Евгений Примаков встретился с Александром Лукашенко уже в 9.30. Беседа продолжалась почти два часа. Потом был сделан перерыв, во время которого белорусский президент вручил государственные награды и позвонил по телефону Борису Ельцину. Звонок Ельцин одобрил и заявил, что Лукашенко мог бы позвонить и раньше. Официальная белорусская пропаганда вслед за Лукашенко начала изображать Шеремета и Завадского уже не заговорщиками, а жертвами коварного руководства ОРТ. А это свидетельствует о том, что позиция официального Минска перестала быть такой незыблемой, как прежде. Путаница началась именно с телефонного разговора двух президентов. Борис Ельцин официально заявил журналистам о том, что Александр Лукашенко пообещал ему решить вопрос об освобождении журналистов из-под стражи в течение одного-двух дней. Вполне естественно, после этого все надеялись на то, что 29 либо 30 августа мера пресечения будет изменена. Но разочарование ждало тех, кто поверил Александру Лукашенко на слово. Очень скоро после разговора с Борисом Ельциным Александр Лукашенко дал понять, что обещание разобраться за один-два дня он сам понимает несколько иначе, чем другие люди. Он заявил, что рассматривает несколько вариантов решения вопроса, в том числе и возможность освобождения журналистов из-под стражи. При этом белорусский президент упорно называл нас «бывшими журналистами ОРТ». Александр Лукашенко сообщил также о том, что готов сменить гнев на милость в случае, если руководство ОРТ перед ним извинится. Евгению

Примакову идея эта не особенно понравилась. Он подчеркнул, что решение вопроса лежит в Минске.

Рассмотрение ходатайства адвоката Елены Зариной о прекращении уголовного дела в отношении оператора ОРТ Дмитрия Завадского и его освобождении из-под стражи перенесено уже в третий раз. Судебное заседание должно было состояться в суде Ленинского района Гродно вечером 28 августа. Однако из-за большой занятости судья Арнольд Житкевич перенес его.

Гарри Погоняйло подал жалобу председателю Гродненского областного суда об отмене частного постановления, вынесенного судьей Ленинского районного суда Гродно Зоей Никольской после того, как он отказался, вопреки требованию судьи, дать подписку о неразглашении обстоятельств судебных слушаний о прекращении уголовного дела против группы ОРТ. Погоняйло уверен, что власти начали подготовку лишения его адвокатской лицензии, но тем не менее он не намерен отступать: «То, что я не дал подписки, – это моя принципиальная позиция по делу, и судья не вправе был выносить частное постановление. В подобном поведении судьи я вижу только желание надавить, запугать, наказать адвоката».

28 августа

Сегодня у Завадского день рождения, своеобразный юбилей – ему исполнилось 25 лет. Внешне добрый и интеллигентный, но стойкий следователь Рагимов пообещал матери и жене Дмитрия свидание, они приехали в Гродно, но чекисты, как всегда, в своем амплуа. Они начали обработку Димы, чтобы вырвать у него письмо к Лукашенко с покаянием. Поэтому свидания не дали, чтобы его изолировать от родных. Начальник Гродненской следственной тюрьмы отказал родственникам Дмитрия Завадского в свидании. Мама Завадского Ольга Григорьевна призналась: «Мы ехали в Гродно окрыленные, надеясь увидеть сына в день рождения – ему 28 августа исполнилось 25 лет. Следователь, ведущий дело, сказал ранее, что против нашей встречи не возражает». Однако родственникам Дмитрия не только не разрешили встретиться с сыном, но даже не приняли от них передачи. Не помог-

ли обращения и к руководству следственной группы КГБ и СИЗО.

Дима праздновал день рождение вместе с сокамерниками, которые преподнесли ему неожиданный подарок.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– С нами «гуляла» камера напротив, женская, – 66. Мы уже не раз вместе гуляли, завязали дружбу, переговаривались, «малявами» обменивались. Я взял да и написал, что у меня праздник. А чего еще писать было? Дальше события развивались так.

Вернулись мы с прогулки, меня все поздравили. К этому дню приберегли корочки от копченого сала – они в сыром виде не жевались, так мы их сварили, получился настоящий деликатес. А во время жары надзиратели всегда открывали «кормушку» – или в нашей камере, или напротив. В этот раз «кормушка» была открыта в камере 66, а мы через щелочку в своем окне, проделанную то ли пилкой, то ли ложкой, отчетливо видели все происходящее. Так вот, Петрович просто не отходил от этой щели, все чего-то ждал. Вдруг подзывает меня. Подхожу – смотрю: кормушка открыта, а к ней девушки подходят, лишь прикрытые простыней, раскрывают ее, проделывают пару весьма сексуальных движений и отходят... И так, сменяя друг друга. Трудно сказать, понравился ли мне этот «подарок», но то, что я такого не ожидал, – это точно.

29 августа

Главное событие дня, как всегда по пятницам, – баня. Вода смывает вместе с грязью постоянно давящие мысли. Наступает облегчение, хотя бы на пятнадцать минут.

Банщик – должность в тюрьме такая же блатная, как и приемщик передач. В Гродно в баню водит молодой сержант, черноволосый, курчавый и с усами, как у цыгана. Держится он всегда важно и нарочито строго, в голосе – металл и словами бросается скупо. Он знает, что распоряжается редким для зэков удовольствием и иногда борзеет, от него зависит, сколько продлиться водное блаженство – 15 минут или 25.

Разница на самом деле большая. Банщик, видимо, известный чифирист. Каждый раз, как нас приводили мыться, в предбаннике сидело пару конвойных и собирались пить чиф, а банщик отвечал за заварку.

При банщике работал баландер, тоже только на бане. Выдавал белье, топил котельную, стриг заключенных. Хоть он и баландер, но зэки с ним старались отношения не портить, а то даст грязное белье или рваное (хотя оно все было серо-желтого цвета, шершавое и неприятное на ощупь). Баландер был весь в наколках, но на вид – тихий и культурный.

Одна была проблема у меня – сохранить впервые отпущенную бороду. Уже месяц не бреюсь, а это запрещено: каким поступил в тюрьму и тебя сфотографировали, таким и должен быть. Поступал я без бороды и уже несколько раз получил замечания за первую свою в жизни бороду. Наконец сегодня банщик заставил побриться. Электробритвой «Харьков», похоже, послевоенного производства. Еле срезал щетину. Жалко бороду, она мне шла – на отца был похож. Мыться в этой бане мне предстояло еще долго.

Министр иностранных дел Беларуси Иван Антонович заявил о том, что деятельность журналистов Общественного российского телевидения на территории республики может быть возобновлена лишь после того, как руководство этой телекомпании принесет свои извинения белорусским властям. Глава дипломатического ведомства считает, что за инцидент с журналистами в приграничной зоне вся вина лежит на руководстве ОРТ.

Министр сказал, что не гарантирует в ближайшие два дня, как было заявлено, освобождение журналистов из-под стражи. По его словам, ныне рассматриваются несколько вариантов возможного их освобождения из следственного изолятора, один из которых – под подписку о невыезде.

КГБ передал в СМИ официальное сообщение: «Комитет государственной безопасности дополнительно изучил обстоятельства применения к обвиняемым по уголовному делу № 96 сотрудникам ОРТ Павлу Шеремету и Дмитрию Завадскому меры пресечения в виде заключения под стражу и необходимость содержать их под стражей в период проведения

предварительного следствия. Анализ имеющихся в уголовном деле материалов показал, что достаточных оснований для принятия решения об изменении меры пресечения в виде содержания под стражей не имеется».

Во второй половине дня суд Ленинского района Гродно рассмотрел ходатайство адвоката телеоператора ОРТ Дмитрия Завадского об изменении ему меры пресечения на подписку о невыезде и «пришел к мнению о нецелесообразности ее удовлетворения, оставив решение следствия в силе».

30-31 августа

Ненавижу выходные! Опять два дня приходится маяться. Тут еще спички закончились. Целый день пытаемся раздобыть огонь особым тюремным способом. Кусок ваты достается из матраса, натирается о сухое мыло и кладется на лампу – вата начинает тлеть и так «добывается» огонь. С первого раза получается не у всех – секрет в хорошем слое мыла, которым и прикладывают к лампочке. У нас не получилось и после нескольких заходов, что мы только ни делали. В конце концов опустили коня к девушкам из камеры 43(?) и они нас выручили – штук десять подогнали.

Кстати, еще один секрет тюремной школы. Газета для самокрутки ровно рвется только горизонтально. Вертикально – получается зигзагами.

Немного развлечений было в камере и у Завадского.

<u>Из рассказа Дмитрия Завадского:</u>

– Телевизор принесли, и через минуту после того, как я его включил, пошел дымок. И все – праздник кончился.

Потому пришлось искать иной вариант развлечения. Я сделал из хлеба кости, точечки на них из зубной пасты нарисовал – красиво получилось. Кто-то из хлеба делал шашки, кто-то пепельницы...

А вообще развлечения себе народ находит самые разные. Один мой сосед развлекался с белыми тараканами (таких альбиносов в тюрьме очень много), он их вылавливал, вставлял в спину иголку и часами наблюдал, как они бегают.

Я практически с первого дня придумал себе комплекс упражнений для зарядки. Мы даже специально играли на приседания, чтобы «пошевеливаться».

Первое время интересно было читать надписи на стенах. Самая важная информация – это «меню» – что и когда приносят: понедельник – утром перловка, в обед суп из капусты и клейстер, вечером баланда; вторник – утром каша сечка, в обед суп и макароны, вечером пшенка и так на всю неделю. Кстати, меню почти полностью совпадало с тем, что давали, хотя «составлено» оно было явно несколько месяцев назад.

Группа журналистов из нескольких независимых изданий – газет «Имя», «Народная воля», «Товарищ» и других – провели акцию в защиту арестованных сотрудников ОРТ. Переодетые в серые тюремные робы с плакатами на спинах «Я – нячэсны журналист», «Я ня любіў уласць», «Я клявятал на пагранічныя вайска», «Я плохо гаварыл аб нашым прэзідэнце» прошли по улицам Минска. Впереди колонны несколько человек несли выкрашенные в черный цвет муляжи тюремных решеток. В центре города после того, как колонна журналистов прибыла к назначенному месту, начался митинг, в котором участвовали более трех тысяч человек. На митинге собрались лидеры практически всех оппозиционных партий, писатели и журналисты из всех независимых и даже государственных изданий Республики Беларусь. Выступали только журналисты. Шоковое впечатление на собравшихся произвела неожиданная акция поэта Славомира Адамовича, который после своего выступления, демонстрируя отношение властей Беларуси к свободе слова, иглой зашил себе рот.

После небольшой паузы митинг продолжился. Выступил и один из организаторов и авторов идеи журналистского шествия-протеста заместитель редактора газеты «Имя» Николай Халезин: «Мне стыдно за тех наших коллег, которые стали подонками и которые не отдают отчета, о чем они пишут и о чем говорят с экранов». Очень тепло приняли участники митинга выступление Людмилы Станиславовны Шере-

мет. «Спасибо за сына! Свободу Шеремету!». В конце акции журналист Дмитрий Бондаренко призвал всех собравшихся выстроиться цепочкой солидарности. Эта живая цепь растянулась более чем на километр. Митинг закончился без инцидентов. На этот раз милиция акцию не разгоняла.

По мнению известного белорусского политика, экс-председателя ВС Беларуси Георгия Таразевича, арест группы ОРТ за нарушение государственной границы – это юридический нонсенс. В первые годы независимости Республики Беларусь Таразевич работал первым заместителем министра иностранных дел и входил в комиссию по определению белорусско-литовской границы. В результате кропотливой работы была проведена делимитация, то есть граница размечена на картах. Однако демаркация, т.е. обозначение границы на местности, еще не проведена. Завершатся же эти работы не раньше 2000 года. «Доказать факт пересечения границы и нахождения группы на литовской территории сегодня невозможно», – заявил Г. Таразевич.

1 сентября

Заселили к нам нового соседа – Толю из какой-то деревни в Островецком районе. Полгода как демобилизовался из армии. Служил в пехоте, за полтора года стреляли на стрельбище всего четыре раза, и Толя даже запомнил, сколько патронов он расстрелял за все время службы – 19. Толя – нормальный «зачуханный» деревенский парень. Первое время держался настороженно и все больше помалкивал, мало ли с кем в камеру попал. Шурик вел себя как заматерелый мужик и поставленным голосов старшины все учил его жизни. Этот простой деревенский парень попал в тюрьму за попытку изнасилования. По пьяному делу в деревне у сестры пристал к местной десятиклассснице, но бабушка засекла и Толя «загремел за жажду любви». Нам хватило два дня, чтобы раскрутить его уголовное дело: в первый день просто слушают рассказ человека, на следующий – рассказ повторяется и сравниваются детали, совпадают или нет. «Разбор полетов» – любимое развлечение, приятно на некоторое время почувствовать себя хозяином положения, только вот в соб-

ственном деле потом это мало помогает. Толя наверняка получит свои пару лет и при удачном стечении обстоятельств – условно, правда, под следствием просидит месяца три. У нас он пробыл неделю и этапом пошел обратно в свой Островецкий район на допросы и всякие следственные эксперименты.

Министр иностранных дел России Евгений Примаков объявил о том, окончательное решение относительно судьбы сотрудников Белорусского бюро ОРТ, скорее всего, будет выработано во время визита президента Беларуси Александра Лукашенко в российскую столицу 6 сентября. Министр сообщил, что по поручению Бориса Ельцина каждодневно связывается с президентом Беларуси.

В Совете Безопасности Беларуси вновь обсуждали, как выйти из неутихающего скандала. Последние социологические опросы населения шокировали белорусские власти. По рейтингу доверия Шеремет вышел на третье место после Лукашенко и Шушкевича. Окружение президента лихорадочно искало возможность переломить рост популярности арестованного журналиста. Придумали какие-то четыре варианта, но суть этих планов не раскрывается.

2 сентября

Началось пока малопонятное мне оживление в общении со следователем. Он вызывает меня под разными незначительными предлогами, например сообщить, что результаты экспертизы станут известны только недели через две. Ладно, две так две. При этом мы ведет долгие и душевные разговоры «за жизнь». Тогда я не придавал этому большого значения, возможность вырваться из камеры, проехаться по улицам города и попить кофе, пусть даже у следователя, казалась большой удачей, а то, что Рагимов может все это делать в рамках своего плана, меня мало интересовало. Только после освобождения Димы я понял смысл этих бесед. Главное, что интересовало следователя Рагимова, это мое письмо к Лукашенко.

– А если тебе написать письмо Лукашенко?

– Ему писать бесполезно, и унижаться я не собираюсь.

– А если пять лет дадут?

– Ну, значит судьба такая.

– А как же Дмитрий?

– Что Дмитрий?

– Ты ведь и его обрекаешь на это. Ты же его начальник.

– Нет, здесь я ему не начальник. Писать или нет Лукашенко – его личное дело.

– Точно?

– Почему нет? Это же личный вопрос.

– Понятно.

Я тогда не мог представить, что незамысловатый, безобидный на первый взгляд разговор имеет далеко идущие последствия. Чекисты спешили к поездке Лукашенко в Вильнюс отчитаться за успешно проведенное дело.

Как оказалось позже, следователи уже несколько дней «разрабатывали» Дмитрия. Вели такие же, только более длительные беседы и постоянно на него давили. Покаяние перед президентом – вот что было им нужно. Доказательств вины нет и быть не могло, просьба о прощении – лучшее доказательство. Уж очень им понравился эффект от письма Толи Адамчука. Только бомба дважды в одну воронку не падает.

К Диме на свидание приехала адвокат. Они разговаривали о деле, адвокат вела свои записи, и тут в комнату для встреч, которая по закону должна сохранять конфиденциальность беседы подсудимого и защиты, врывается надзиратель и начинает вырывать у Зариной ее бумаги с криками и угрозами. Молодая женщина от такого напора растерялась, надзиратель забрал несколько листов и написал рапорт следователю. В рапорте ничего криминального не описывалось, мол, он увидел (хотя подсматривать по закону нельзя), как адвокат что-то писала и показывала записи арестованному Завадскому. Но из-за этого рапорта начали раздувать дело против адвоката за подстрекательство подследственного к даче заведомо ложных показаний. Дело, конечно, изначально не имело никакой перспективы, однако расчет делался на то, чтобы усилить психологическое давление на Завадского и его адвоката.

Борис Ельцин принял у себя российского премьера Виктора Черномырдина, чтобы обсудить вопрос об освобождении сотрудников ОРТ. Ельцин сказал: «Раньше я говорил с журналистами, что на днях будет решено – ну, на днях... Ведь речь не шла, в какой-то день, это или первого, второго, значит, сентября». Далее последовал вопрос, обращенный к Черномырдину, по поводу встречи российского президента с А. Лукашенко в Москве: «Мы с ним встречаемся, по-моему, четвертого? Шестого? Шестого... К этому времени, конечно, все должно быть решено». Борис Ельцин подтвердил, что достигнутую во время телефонного разговора с Лукашенко договоренность он понимает однозначно: сотрудники ОРТ должны быть освобождены до московской встречи президентов 6 сентября.

Но белорусская сторона продолжает настаивать на том, что во время телефонного разговора двух президентов ни о каких конкретных сроках речь не шла.

Гарри Погоняйло, опасаясь, что его могут отстранить от ведения дела ОРТ, срочно вылетел в Москву: «Я хотел бы продолжать защиту Павла Шеремета, но, учитывая сложившуюся вокруг меня ситуацию и возможность отстранения от дела, я обсудил вопрос о подключении к защите тележурналиста крупных российских адвокатов, чтобы обеспечить ее качественный и профессиональный уровень при развитии ситуации в худшую сторону. Я разговаривал с руководителями ряда адвокатских ассоциаций Москвы. Получено согласие на участие в защите таких светил адвокатуры, как Генри Резник, Генрих Падва, Александр Клигман. Устав Союза Беларуси и России дает возможность юристам Российской Федерации представлять интересы белорусских граждан в наших судах, органах прокуратуры, на следствии. Отказ властей Беларуси допустить к защите представителей России будет чреват очередным осложнением отношений». Генри Резник в интервью российским телеканалам подтвердил, что собирается защищать сотрудников ОРТ. Это сообщение вызвало переполох в Минске, и от Погоняйло с Волчеком власти решили на время отстать.

3 сентября

Сегодня приехал Михаил Валентинович Волчек. Это он рассказал о вчерашнем инциденте и предупредил, что обстановка нагнетается и надо готовиться к разным провокациям. Все понимали, что накануне саммита президентов Центрально-Европейских стран в Вильнюсе 6–7 сентября Лукашенко захочет оправдаться перед президентами и показать себя либо добрым и либеральным политиком, либо строгим, но справедливым президентом. Мы ждали: что-то должно произойти за эти три дня, но по-разному смотрели на возможные действия Лукашенко. Михаил Валентинович постоянно твердил, что белорусские власти не могут не видеть, какой удар они наносят по своему имиджу, и поэтому обязательно постараются мирно замять скандал. Наивный, он верил в здравый смыл белорусского лидера или его добрую волю. Он сохранял еще иллюзии, что закон в Белоруссии значит больше воли Александра Лукашенко. Целый час он убеждал меня, что власти будут защищать международный престиж Беларуси, а не поддерживать желание Лукашенко расправиться с двумя журналистами даже ценой стратегических интересов государства. Для Волчека ситуация и суть уголовного дела были абсолютно ясны, и ему казалось, что абсурдность дальнейшего нашего преследования очевидна для всех. Я доказывал ему, что Лукашенко живет и действует в другой системе координат, что для него атмосфера войны, противостояния и борьбы с какими-нибудь врагами – это питательная среда для жизни, на этом он строит свою политику и поэтому ждать нам ничего хорошего не стоит. Что называется, предчувствия меня не обманули.

4 сентября

Наши адвокаты подали коллективное ходатайство об изменении меры пресечения – на этот раз уже на имя генерального прокурора Республики Беларусь Олега Божелко.

Прокурор обращение адвокатов не поддержал.

Основной удар чекисты перенесли на Диму.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– Все было сделано достаточно слаженно – комар носа не подточит. Метод прост и стар: между подельниками нет слаженности, нет никакой информации и их начинают настраивать друг против друга. Это и был аргумент давления. Я прихожу на допрос, а адвоката не пускают. Несколько раз следователь меня по полчаса держал, когда адвоката в Гродно вообще никто не вызывал. Мне демонстрировали кассету с показаниями Шеремета, крутили именно то место, где Шеремет говорит, что повернулся и меня в этот момент не увидел. После этой фразы кассета выключалась и начинался монолог следователя Рагимова: дескать, смотри, видишь, каков Шеремет, а ты сидишь тут ни за что, и неизвестно почему находишься здесь второй месяц, так что думай сам. И далее в таком же стиле...

Это продолжалось почти две недели, я в это время был совершенно оторван от мира, не имел ни с родственниками встреч, ни с адвокатом, ни газет, ни телевизора – совершенный вакуум. Это и было еще одним аргументом следователя – про вас уже забыли, про вас никто ничего не говорит, после визита министра иностранных дел все помирились...

И тут совершенно внезапно меня вызывают в комнату для свиданий в тюрьме. Захожу – вижу знакомое лицо, но не могу вспомнить, кто это. Так как я этого человека постоянно видел в Администрации президента на официальных мероприятиях, то подумал, что явился кто-то из пресс-службы президента или из его охраны. Он представился как корреспондент «Интерфакса» и сказал, что приехал сделать со мной интервью. Заяц принес с собой сигареты, начал расспрашивать, как дела, рассказывать про Минск. Практически с первых слов он предложил мне обратиться к президенту с письмом. Я ответил, что без адвоката ничего никому писать не собираюсь. Некоторое время мы к этой теме не возвращались – я рассказывал ему всякие тюремные байки, отвечал на его вопросы о режиме в тюрьме. Он вновь вернулся к разговору о письме президенту и начал объяснять, что ничего дурного в самом факте обращения нет,

что будет только лучше и мне, и Шеремету. Я опять отказался – на том мы и разошлись.

Или, к примеру, такой элемент психологического давления – гадать на костях домино. Меня в камеру возвращают, а Иваныч (так я толком и не понял, за что он сидел) предлагает погадать на домино, сколько мне дадут срока. Нагадал мне от года до пяти, а по статье – от трех до пяти. Предупредил еще, придешь на зону – скажешь, что тебе Иваныч гадал.

Через день меня вызывают к следователю. Адвоката нет. Рагимов опять начинает рассказывать, что я сижу ни за что, что про меня все забыли... Мне запомнилась одна фраза: «Ты смотри сам, Шеремет первым сказал "а", теперь ты можешь оказаться крайним». Я в очередной раз пропустил эти слова мимо ушей, потому что никакого «а» и не было. После приблизительно 15-минутного разговора Рагимов меня завел в комнату для свиданий, а в ней опять Заяц. Теперь уже Заяц начал убеждать меня написать письмо. Минут двадцать все говорил-говорил. В конце концов я сказал: «Как будет выглядеть это письмо? Я не хочу никого подводить».

Он тогда сказал, что сделать я это должен не только для себя, но и для Шеремета, поскольку Павел как враг Лукашенко сам ничего не напишет. Заяц достал уже готовый вариант. Я его прочитал и вычеркнул некоторые фрагменты, мне показалось, что они могли неоднозначно толковаться и доставить неприятности ОРТ: там что-то было про задание из Москвы, о том, что мы сами не хотели, но нас заставили нарушить границу и прочее. Я это подписывать отказался, и в итоге суть письма свелась только к просьбе об изменении меры пресечения. В таком виде я его переписал и отдал следователю. Конечно, я не подумал о том, что все это пройдет по телевидению, что текст этого письма изменят в сторону некого покаяния, а единственное предложение – «сожалею, что этот инцидент отразился на отношениях Белоруссии и России» – по белорусскому телевидению станут раскручивать как покаяние-2. Я переписал письмо своей рукой и меня отправили назад в тюрьму.

5 сентября

Утром Завадского опять отвезли в КГБ на допрос.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– Уже после допроса я почувствовал, что ситуация изменилась. Во время допроса Рагимов очень был приветлив и в конце сказал конвоиру, чтобы меня везли обратно в тюрьму без наручников и не в собачнике, а в салоне «Уазика». Освободили меня после того, как Лукашенко на границе заявил, что я уже еду домой. Где-то через час я и выехал. Было часов 7 вечера.

Появляется начальник корпуса:

– Завадский, с вещами на выход!

Я собрал вещи, матрас. Я не ожидал скорого освобождения, потому решил, что просто переводят в другую камеру. Но меня загнали в отстойник на первом этаже, минут десять я там просидел, затем подписал какие-то бумаги (я так понимаю сейчас, что это была подписка о невыезде), и меня передали двум сотрудникам КГБ. Эти посадили меня в машину, отвезли от тюрьмы метров на сто и остановились. Из другой машины вышел начальник следственного отдела КГБ, пересел к нам и в довольно жесткой форме предупредил, что я сейчас буду препровожден в гостиницу, что из номера выходить нельзя, звонить тоже запрещено. По дороге мне купили две бутылки пива, селедку и кусок колбасы. Поселили в гостинице под чужой фамилией.

Я был уверен, что дома о том, что меня выпустили, никто не знает, и потому не суетился – чего без толку беспокоить.

Тут смотрю «Новости». Когда я услышал «новость» о собственном покаянии, то начал пытаться дозвониться до Москвы. Связи не было. Пришлось прийти к выводу, что решение проблем надо оставить на утро. С мыслями о том, что после очной ставки я смогу сообщить прессе, что информация, поступившая в агентства из пресс-службы КГБ, не соответствует действительности, пошел спать. Однако, посмотрев теленовости, я твердо убедился, что все было инсценировано. Было очень тяжело, поскольку получи-

лось так, что я написал письмо только для того, чтобы выйти самому. Рагимов, как я знаю, впоследствии рассказывал Шеремету обо мне приблизительно то же, что и мне о нем. «Если бы вы знали, что он написал, я думал, что Завадский порядочный человек, а он такой-сякой и т.п.». Но очень хорошо, что текст письма напечатала «Советская Белоруссия» – все прочли и все стало понятно.

Вечером КГБ распространило сообщение об освобождении из тюрьмы по поручению президента Дмитрия Завадского: «Принимая во внимание полученные в процессе расследования доказательства о роли и конкретном участии Завадского в совершенном деянии, его семейное положение и другие обстоятельства, предварительное следствие считает, что дальнейшая необходимость его содержания под стражей отпала. В связи с этим Завадскому по постановлению следователя на основании статьи 98 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь мера пресечения в виде заключения под стражу заменена на подписку о невыезде, и сегодня он освобожден из-под стражи. При этом учитывалось также, что данное решение не отразится на всестороннем, полном и объективном расследовании дела. Таким образом, все журналисты, как России, так и Беларуси, в отношении которых были возбуждены уголовные дела по фактам нарушения государственной границы Республики Беларусь, освобождены из-под ареста. Что касается Павла Шеремета, то на момент совершения противоправного деяния он в соответствии с действующим в республике законодательством был лишен аккредитации как журналист ОРТ и его деятельность в этом качестве носила незаконный характер».

Однако оператор ОРТ еще сутки находился в неизвестном месте под надзором сотрудников КГБ. Адвокат Дмитрия Завадского Елена Зарина прокомментировала появившиеся в официальных СМИ сообщения и интерпретации по фактам обращения Завадского к президенту Беларуси, а также его заявлений после выхода из СИЗО о том, что на него оказывалось психологическое давление: «Считаю, что целью спецслужб было получение любого письма от Дмитрия За-

вадского для того, чтобы потом иметь возможность трактовать его по собственному желанию. Публиковать подлинный документ в тот момент намерения не было, а нужен был просто факт – письмо есть. Дмитрию – всего 25 лет, с хитростями властей он никогда не сталкивался. Моего подзащитного сломать и получить от него компромат на Шеремета не удалось, но Дмитрия обманули. Теперь его стремятся сломать при помощи потока лживой информации».

О том, что Диму освобождают, я не знал, хотя Рагимов вызвал меня к себе уже часов в 11 утра. Опять адвокатов нет, идет не допрос, а обычный треп «за жизнь». Рагимов постоянно куда-то выбегает, минут по двадцать где-то ходит. Часа в два приехали Гарри Погоняйло и Михаил Волчек, оба радостные, возбужденные: «Сегодня, Павел: поедем домой! Борис Николаевич, вы уже приготовили постановление об освобождении?» Рагимов хитро улыбается, «да» не говорит, но и не отказывается: «Давайте сначала допрос проведем, а там видно будет». – «Зачем допрос, все ведь и так ясно!» В общем, идет такой торг, как на базаре. Я пытаюсь выяснить, что с Завадским, Рагимов заявляет, что ничего не знает, хотя на тот момент постановление об освобождении оператора уже подписал. Никогда не забуду его выражения лица – добродушно-хитрое.

Начинает допрос, который длится пять часов без перерыва. Правда, он разрешил, и адвокаты принесли булки, напиток, колбасу, и можно есть и отвечать на вопросы. Опять подробный рассказ о том, как бюро ОРТ работает и что мы делали на границе 22 июля. Адвокаты уже не сомневаются, что дело идет к освобождению. Однако допрос заканчивается, а Рагимов никакого постановления не достает, а объявляет, что в субботу в 9 утра продолжатся следственные действия. Я прошу Погоняйло сходить на улицу к отцу, который всегда ждал у входа в здание следственного отдела, и взять там пачку сигарет. Погоняйло вбегает обратно с криками: «Так Завадского же освободили?! По телевизору только что передали». Рагимов только ухмыляется. У меня сдают нервы: «Ах ты сволочь! Ты же знал с самого начала, что Завадского сегодня освобождают, мы же у тебя, тварь, спрашивали, ты сказал, что ничего не знаешь!» И опять эта улыбочка! По-

гоняйло меня успокаивает, Волчек по-отечески следователю выговаривает, тот только улыбается. Нет, это, конечно, враг, а не нормальный человек, с ними нельзя расслабляться. Но конвоиру приказывает везти меня обратно без наручников. Значит, есть надежда, что выпустят завтра.

Параллельно начался раскручиваться новый эпизод «шпионской истории Шеремета». Литовские правоохранительные органы арестовали семерых ополченцев добровольной службы охраны края. Ополченцев арестовали по требованию белорусских спецслужб, которые сообщили, что на Лукашенко во время его приезда в Вильнюс готовится покушение. Однако через несколько дней литовцы разобрались, что эта авантюра белорусских спецслужб высосана из пальца. Вице-министр охраны края Литвы Эдмундас Симонаитис назвал это примитивной провокацией, которая ставила целью бросить тень на честь литовских офецеров и тем самым на все государство. Белорусского лидера выставили на посмешище всей Европы. Но сам белорусский лидер вписал в группу «террористов» и журналиста ОРТ: «Шеремет оказался не так прост, как мы об этом думали. Он входил в эту группу, которая хотела взорвать машину президента Беларуси. На сегодняшний час в Беларуси нет российских журналистов, которые находятся под следствием... Есть господин Шеремет... который когда-то был журналистом ОРТ».

Руководство ОРТ на новые идеи Лукашенко отреагировало спокойно. Александр Шкирандо, руководитель отдела репортеров, сказал: «Шеремет и сейчас является нашим сотрудником и возобновит журналистскую деятельность сразу же после своего освобождения. Сейчас решается вопрос, прежде всего, об освобождении Шеремета – это главное. Я думаю, что после освобождения, а мы надеемся, что не сегодня-завтра этот вопрос решится, руководители более высокого уровня займутся этой проблемой всерьез. Хотя, по сообщению вашего агентства БелТА, президент Лукашенко сегодня сделал заявление, что лучше смотреть информационную программу Литовского телевидения, чем ОРТ. И дальше, думаю, будут происходить интересные события и звучать интересные заявления. Так что, учите литовский...».

6 сентября

В 9 утра меня выводят в комнату, где проходили все мои встречи с адвокатами. Появляются растерянные Погоняйло, Волчек и адвокат Димы Зарина. Наперебой начинают пересказывать выпуски вчерашних вечерних новостей, что Дима якобы написал покаянное письмо Лукашенко. Оказывается, сейчас будет очная ставка с Димой. Никто его не видел, домой он не приехал и где он провел эту ночь, никто не знает, хотя из тюрьмы его увезли еще вчера.

– Надо быть готовым к провокациям. Может быть, гэбисты всю ночь его обрабатывали, даже напичкали какими-нибудь лекарствами, чтобы он дал нужные им показания.

Появляется Рагимов с пишущей машинкой под мышкой: «Я специально принес машинку и провожу очную ставку в тюрьме, чтобы вы потом не меняли в компьютере показания».

– А где Завадский?

– Не знаю, мы вчера его выпустили под подписку. Ночевал, наверное, в гостинице.

И тут приводят Диму... Смысл большинства народных пословиц и определений трудно понять, пока сам с этим не столкнешься, но зато когда это происходит, забыть свои впечатления нельзя. «Белый как полотно», «на нем не было лица», «он был не белый, а серый» – все это можно было сказать о Диме и при этом не бояться преувеличения. Таким я не видел его никогда. У него лицо было серого цвета, дрожали руки и он чуть не плакал. Мы не успели ничего произнести, как он сразу с порога быстро и горячо заговорил:

– Паша, я не писал никаких покаянных писем, это неправда!

– Перестань, все нормально.

Мы обнялись, это была первая встреча после ареста.

– Они меня обманули. Этот Заяц. Я ничего не знал.

– Не волнуйся и запомни: им нельзя никогда верить, что бы они про нас ни говорили. Это волки, Дима. Все будет нормально, держись.

Пока Рагимов устанавливал свою пишущую машинку и пропечатывал шапку протокола, мы говорили о тюрьме,

о камерах и о прочей ерунде. Следователь пытался нас несколько раз остановить, но мы как бы не обращали на это внимания. У всех сразу отлегло от сердца, что ничего страшного не произошло.

Потом два вопроса очной ставки, и затем Дима подробно написал в протоколе, как на него давили следователь и «журналист» Заяц, как ночь он провел в гостинице и ему запрещали звонить. Нам дали возможность поговорить еще минут десять, и меня повели обратно в камеру, успел только забрать у Димы пачку «Мальборо». Тяжело уходить от близких людей и думать о том, что теперь ты остался совсем один по эту сторону жизни. Очень тяжело.

Сегодня Александр Лукашенко из Вильнюса проездом через Минск прибыл в Москву на торжества по случаю празднования 850-летия Москвы. Белорусский президент встретился с Борисом Ельциным. Комментируя результаты этой встречи, он сообщил, что президенты Беларуси и России о чем-то договорились: «Мы договорились, что это – дело белорусской стороны... Мы больше на эту тему не ведем разговор, а решаем ее в практической плоскости в соответствии с законами Беларуси. Шеремет – «парень тот», как в России говорят... Не надо Шеремета делать простой овечкой, которая ничего не знает, не понимает... Это была обоюдосогласованная позиция Шеремета и руководства – отдельных людей ОРТ».

7 сентября

Конец этой недели – потрясение. Я уже абсолютно четко понимал, что схема КГБ развалилась, что Лукашенко проиграл, и в этом уже никаких сомнений у меня не было. Всех выпустили, ни одного серьезного обвинения не предъявлено, Лукашенко наговорил столько бреда, что абсурдность нашего ареста очевидна даже его сторонникам. Осталось только ждать, когда выпустят меня, и в этом состоит своеобразная психологическая ловушка: для тебя уже все ясно, для твоих адвокатов, родных и друзей – тоже, даже следователям понятно, что дело рассыпалось и надо искать выход. Но время идет, а ты продолжаешь сидеть, а терпения не хватает. А тут еще этот Заяц!

Сергей Заяц – самое сильное разочарование в этой истории. Когда к человеку хорошо относишься, даже ему симпатизируешь, много и довольно откровенно с ним общаешься, а потом оказывается, что все это время он либо следил за вами, либо вас разрабатывал, приятного в этом открытии мало.

Корреспондента «Интерфакса» Сергея Зайца я знал давно. Вел он себя всегда достаточно странно, мало с кем общался, дружеских контактов ни с кем из журналистов не поддерживал, но и не ругался: тихо придет на очередную пресс-конференцию и так же незаметно уйдет. Но у меня с ним были хорошие отношения, я иногда возил в Москву его деньги, которые он отдавал за квартиру, сам обращался к нему, когда надо было выяснить, что в стране происходит, мы вообще часто перезванивались. Работал он много, и я даже хотел его взять в нашу «Белорусскую деловую газету». Представляю, кого бы мы получили.

Завербовали его, скорее всего, когда Заяц служил в спецназе. После армии он легко поступил на журфак, потом поработал в белорусском информационном агентстве, затем перешел в «Интерфакс». Ребята, которые учились с ним в университете, потом рассказывали, что подозрительно относились к Зайцу еще тогда. Ходили слухи, что он стукач, поскольку вел себя не так, как обычный студент: никогда не фотографировался, ездил в непонятные командировки, водки больше 200, ну, максимум 300 грамм не пил и на шумных студенческих гулянках в основном молча сидел. Правда, люди бывают разные и у каждого свои странности, поэтому постепенно все подозрения забылись. Иногда я вспоминаю связанные с ним истории, и становится теперь как-то не по себе. Например, я много писал и делал репортажей об аресте председателя Национального банка Тамары Винниковой, за это даже получил официальное предупреждение прокуратуры за разглашение тайны следствия. В это время Заяц несколько раз под различными предлогами просил у меня, чтобы я дал ему телефоны своих знакомых сотрудников КГБ: то он хочет узнать, родственник ли председателя КГБ Мацкевича премьер-министр Линг, то ему надо проконсультиро-

ваться по поводу какого-то военного городка. Что меня удержало от желания поделиться с ним телефонами, я не знаю, но представляю, как мог бы подставить людей. После того как я вышел из тюрьмы, Заяц мне звонил и пытался объяснить, что он ничего плохого против нас с Завадским не делал, но больше мы с ним уже не общались. Как же тяжело было чекистам, что пришлось рассекретить такого сильного агента! Видимо, там уже не знали, что с нами сделать. Наркотики или два патрона подбросить поздно, время ушло. Тихо придушить нас в камере – всем станет все понятно и скандал может стать необратимым; выбить показания, что я работал на ЦРУ или МОССАД, – не проходит, поскольку работает целая группа адвокатов и Москва ситуацию контролирует. Так хоть письмо у оператора на имя Лукашенко вырвали, и то получилось послание без покаяния. Зато одной «шестеркой» КГБ стало меньше – явно неравнозначный обмен для властей.

8 сентября

Исчерпав возможности вытянуть из нас хоть что-нибудь, выспрашивая по несколько раз одно и то же о нашем походе на границу 22 июля, КГБ, видимо, решило выиграть в моральном поединке с журналистами. Акции в нашу защиту не прекращались, и общественное мнение все больше настраивалось против Лукашенко. Властям срочно надо было повторить успех с Адамчуком.

Неожиданно в Москве на ОРТ появляется мужчина средних лет странного вида и столь же подозрительного поведения. Человек этот прорвался на телекомпанию, заявив, что он только что освободился из Гродненской тюрьмы и ему надо передать сенсационную информацию лично в руки Сергея Доренко. Как звали этого ходока, сейчас уже никто не помнит. Его отвели к Доренко. Он сказал, что сидел со мной в одной камере и привез маленькую кассету с моим заявлением, но прокрутить пленку он может только в прямом эфире аналитической программы «Время». Просьба более чем странная, но тогда в Москве уже отчаялись достать нас из тюрьмы и защитить, поэтому хватались за любую возможность. Человека направили в службу безопасности телекомпании. Беседовали

с ним пять часов. Когда после разговора спросили, следует ли с этим человеком работать дальше, ответ был однозначный: «Он явно провокатор. У него есть ответы на все вопросы, слишком гладко он все излагает». Человек исчез так же неожиданно, как и появился. На следующий день ко мне приехали адвокаты узнать, что я обо всем этом думаю. Ситуация настолько запутанная, что люди готовы поверить в самые невероятные комбинации и сценарии. Пришлось адвокатов успокоить.

За несколько дней до «ходока» с кассетой на ОРТ уже приезжали люди из Минска – два сотрудника АТН Белорусского телевидения. Приехали они якобы для повышения своей квалификации и по обмену опытом производства новостей. Правда, основное время провели в архиве, пытаясь выяснить, сохранился или нет оригинал моего сюжета от 23 июля и есть ли другие видеокадры с белорусско-литовской границы. Причем находиться на ОРТ гражданам другого государства без сопровождающих лиц запрещено, но эти исследователи все время стремились оторваться от наблюдения и самостоятельно повысить квалификацию, роясь в закрытых для посторонних фондах службы новостей ОРТ. Но найти им ничего сенсационного не удалось.

9 сентября

Решил написать записку Ксении Пономаревой о Диме Завадском. Совершенно очевидно, что его письмо к Лукашенко не имеет ничего общего ни по содержанию, ни по последствиям с покаянием Адамчука, но в Москве могли и не разобраться. Слишком нервная была обстановка.

На клочке бумаги размером с ладонь надо было описать ситуацию и в нескольких предложениях убедить, что Дмитрий нормальный парень и необходимый для компании сотрудник. Я написал о том, что у белорусского президента сугубо личное отношение к Завадскому, поскольку тот был одно время его личным оператором и сопровождал Лукашенко даже тогда, когда тот ездил отдыхать, что Дима – перспективный оператор, и попросил не делать никаких скоропалительных выводов.

Записку написал, но как ее отправить? Был один канал через здание следственного комитета КГБ. Мы держали на крайний случай, и он был довольно рискованным. Главное – вынести записку за пределы тюрьмы и оставить ее в условленном месте, а затем дать сигнал, что записка – на месте. И все это сделать так, чтобы конвоир не заметил. Три раза я пользовался этим способом. Первый раз – чтобы переправить записку Пономаревой, второй – передать письмо в газету и третий – послание людям на случай серьезной опасности. Я узнал о том, что письмо дошло до Пономаревой только после освобождения. Узнал от нее самой. После встречи Ксении с Лукашенко я приехал провожать ее в аэропорт, и там она сказала, что моя версия отношений Лукашенко и Завадского подтвердилась. Она почувствовала это из разговора с президентом.

10 сентября

Погибаю от бронхита. Заболел я через несколько дней после ареста. Взяли же меня в аэропорту как настоящего курортника: в рубашке с коротким рукавом и тоненьких брюках. Ночные переезды и ночевки в ИВС на голых досках в сырых камерах мой разогретый в Болгарии организм не вынес, и я заболел. Постепенно простуда переросла в бронхит, который все это время усиливался. Из-за кашля я не мог спать по ночам, иногда казалось, что меня просто выворачивает наизнанку. Заболеть в тюрьме – это последнее дело, дождаться помощи от врачей практически невозможно, если только ты не отрезал себе какую-нибудь часть тела. При этом в тюрьме есть своя медсанчасть и персонала хватает, но достучаться до него тяжело. Правда, у меня здесь были привилегии. К врачу водили сразу, как только я напишу заявку.

Врачи меня приятно удивили тем, что они внешне ничем не отличаются от врачей нашей районной поликлиники.

Утром в Минске произошел взрыв в здании по Логойскому тракту, где размещаются суды Советского района Минска и Минского района, ответственность взяла на себя «Белорусская освободительная армия». В письме, которое пришло в газеты, неизвестные террористы выдвигали и свои требо-

вания: восстановить действие Конституции 1994 года, прекратить судебное преследование по политическим мотивам, свободу политическим заключенным, свободу Павлу Шеремету. Это уже был четвертый теракт, который совершили таинственные бойцы из «БОА». В мае они взорвали газопровод в 70 км от Минска возле деревни Литва. Следователи КГБ и прокуратуры так и не нашли террористов.

Вечером 10 сентября следователь Рагимов в присутствии понятых и представителей посольства России произвел изъятие некоторых вещественных доказательств по делу – видеокамеры и двух видеокассет. При этом белорусские власти до сих пор не вернули телекомпании видеокамеру и машину «группы Адамчука», которые изъяли еще 15 августа. С комментарием по данному инциденту выступило российское посольство в Минске. Оно выразило белорусским властям озабоченность в связи с последними событиями, подчеркнув, что подобные действия вызовут, несомненно, негативную реакцию, усилят напряженность, будут восприниматься как ужесточение позиции Минска: «Вызывает недоумение особенно тот факт, что все эти действия предпринимаются на фоне недавно достигнутой договоренности в Москве. Если действительно была необходимость в проведении такого эксперимента, то это можно было бы сделать значительно раньше, ведь следствие длится уже полтора месяца».

Рагимов надеялся получить от экспертов подтверждение тому, что именно этой камерой сняты все кадры из злополучного сюжета. Еще в начале августа чекисты уговорили пожилого оператора с Белорусского телевидения сделать заявление, что все кадры сняты в одно время, одним оператором и одной камерой. Это утверждение, поданное как экспертное заключение, вызвало смех не только у адвокатов, но и у остальных телеоператоров. Установить подлинность видеокадров и то, какой камерой они сделаны, практически невозможно. Но следователь, у которого вообще не было никаких доказательств нашей вины, пытался «накопать» и вытянуть хоть что-то, пусть и из видеокамеры.

11 сентября

Разнообразие в беспросветную тюремную жизнь вносит глухое противостояние с конвоиром, который сопровождает заключенных из тюрьмы в здание КГБ и обратно.

Не сложились они в свое время и у Димы.

Из рассказа Дмитрия Завадского:

– Я сам по себе не буйный, потому у надзирателей просто не было возможности отыграться на мне. Более того, мне казалось, что ко мне относятся с большим уважением, чем ко всем остальным. С одним мы даже нашли общую тему: он рыбак, я тоже рыбак, есть о чем поговорить. Один конфликт был, когда конвоир мне начал рассказывать страшные истории про электрошокер, который здоровяков отрубает: так что руки не поднимай, не оборачивайся, голову не поворачивай... А подвезли к следственному отделу – и я увидел мать. Естественно, когда выводили, крикнул «привет!». Конвоир как-то подергался, но электрошокер свой не применил.

Конвойный в Гродненском управлении КГБ – молодой парень по имени Игорь – высокий блондин с замашками плейбоя и сомнительной историей. Начинал он свою трудовую деятельность после армии с надзирателя в тюрьме и дорос до конвоира КГБ. По сравнению с тюремным надзирателем сотрудник Комитета, даже тот, который занимается аналогичной работой, считается статусом выше. Он уже ходит в гражданском и причисляет себя к элите стражей порядка. Но поскольку работа у него такая же грязная и неуважаемая, как и у тюремного вертухая, красавчик Игорь от этого испытывает внутренний дискомфорт и пытается это компенсировать строгим обращением с теми, кого конвоирует. Правда, к своим обязанностям относился философски. Пару раз, прежде чем отвезти меня в тюрьму, он с водителем успевали решить свои дела, заехав то в магазин за продуктами, то в какую-то мастерскую за деревянным крестом. «Слушай, давай вези в тюрьму скорее – ужин пройдет!» – «Успеешь».

Следователи КГБ вообще редко сами приходят на допросы в тюрьму, они требуют, чтобы подследственных привозили

им прямо в кабинет. Кагэбэшный «уазик» с двумя конвойными забирает людей во дворе тюрьмы. Наручники, проверка личности и – вперед. Иногда попадался совсем молоденький конвойный, который очень старался и пять метров от двери тюремного корпуса до машины проводил меня, держа под руку, как агент ФБР из американских фильмов. Доехать от тюрьмы до здания КГБ можно было всего за три минуты, и потому, плутаем ли мы по гродненским дворам или нет, я определял, стоят ли журналисты или родственники у дверей следственного комитета или нет. Если нас кто-то ждал, то этот Игорь нервничал, дергался и строго меня предупреждал, что если я буду что-нибудь кричать, то получу электрошокером. Но нам не удавалась с ним договориться: он каждый раз угрожал, я – все равно кричал, увидев мать, отца или своих друзей. Это его страшно бесило, хотя обычно я кричал банальные и некрамольные фразы: «Привет! У меня все нормально!» Постепенно ритуальные действия с конвойным все более обострялись. «Ты допрыгаешься!» – угрожал он. «Ты же знаешь, что я все равно сделаю так, как хочу», – огрызался я.

В этот раз я самостоятельно вылезти из «собачника» машины не успел, а конвоир «вырвал» меня оттуда. «Что за дела, сержант?» – «Чтобы не вякал!» – «Успокойся, мальчик!» – «Молчать! Не разговаривать». Заканчивается допрос и все повторяется. Перед приездом в тюрьму он спрашивает: «Курить любишь?» – «И что?» – «Теперь не будешь курить». – «Посмотрим». Заезжаем в тюрьму, выхожу из машины. Игорек побежал к дежурному по тюрьме. Выходит худой капитан с бледным лицом и злыми глазами. У людей с такой внешностью обычно есть комплекс, вызванный тем, что окружающие не могут оценить по достоинству его ум, интеллигентность и профессионализм. Это очень опасные люди, поскольку на этой почве у них сильно развиты подлость и жестокость. За внешностью интеллигента скрывается мерзкий тип. Капитан подходит ко мне и вместо стандартных вопросов – фамилия, имя, отчество, статья и прочее – говорит: «Что у вас в карманах?» Я достаю пачку сигарет, которую передал мне у следователя адвокат. «Откуда сигареты?» – «Взял с собой из камеры». По внутреннему распорядку, в тюрьму

принимают только с тем, с чем заключенного из тюрьмы вывозили. «А конвойный говорит, что сигареты вам дал адвокат». – «Он ошибается». – «Отдайте сигареты». – «Я напишу жалобу, капитан». – «Мы с вами свиней вместе не пасли, чтобы ко мне так обращаться». – «Я к вам вообще больше не собираюсь обращаться». Гэбист в стороне стоит, скалится. Какой я был злой! В такие моменты понимаешь, что у тебя нет никаких прав, и звереешь, и твердо знаешь, что никогда не простишь этих унижений и при первой возможности отомстишь.

12 сентября

Сегодня большой праздник. Я смог отовариться в тюремном ларьке. У нас уже практически ничего не осталось от последней передачки, и голод становился все ощутимее. Но в начале месяца отец перевел на мой счет в тюрьме 200 тыс. белорусских рублей – одну минимальную зарплату, а именно столько разрешается истратить в месяц на продукты из тюремного ларька. В начале недели женщина из этого ларька принесла нам список товаров: сигареты «Прима», «Менск» и «LM», конфеты шоколадные и карамель, соль, спички, печенье, чай, джем и сгущенное молоко. Едва ли я что-то забыл перечислить. Нам это показалось целым богатством. Самое сложное –потратить эти несчастные 200 тыс. Что взять: пять пачек «LM», или десять пачек «Менска», или 20 пачек «Примы» плюс полкило конфет, или две банки сгущенки, или две пачки чая? Попробуйте рассчитайте с максимальной эффективностью. В результате решили от дорогого «LM» отказаться в пользу «Примы» и «Менска», на сэкономленные деньги купили две пачки чая и две банки сгущенки. От конфет тоже отказались, но зато взяли целый килограмм печенья. Сегодня магазинщица нам все это принесла. Полное ощущение счастья. Это наслаждение – выпить чайку с печеньем и сгущенкой. Банку помог открыть надзиратель своим ножом. Дальше начинается воспитание силы воли. Уговариваешь себя съесть всего четыре печенья и только два раза залезть в банку со сгущенкой, но все равно хорошо.

13 и 14 сентября

Выходные дни. В тюрьме это звучит издевательски. Какое тяжелое время для тех, кто в тюрьме! Правда, сейчас, привыкнув к условиям и потеряв надежду на быстрое освобождение, чувствую себя спокойно. Надо учиться развлекаться и в тюрьме. Самое простое – переписка с соседями. Тем более что соседи сами ищут контакт и притом это женщины. Администрация специально окружила нашу камеру женскими, чтобы ограничить связь с внешним миром, поскольку опытные мужики даже дырку в стене умудряются сделать специальными бурами с алмазными наконечниками, которые проносят в себе из зоны. Женщинам технические премудрости тяжело даются, зато переписка с ними намного содержательнее и любовь завязывается очень трогательная. Нам не удавалось напрямую связаться с соседними камерами, поскольку сделать нормальное ружье мы не умели и «застрелиться» до соседнего окна не получалось. Мы с ними связывались через нижнюю камеру, опуская туда «коня» с записками, чаем и сигаретами. Нам регулярно отвечали, выручая тоже в трудные дни сигаретами, чаем, нитками, таблетками и всякой мелочевкой. Сеансы связи проводили обычно два или три раза в день, умудряясь по каждому поводу переговорить «по стеночке». Постукивая по стене, ты определяешь, в каком месте находится и держит ухо собеседница, которая тоже, постукивая, определяет точку переговоров, а потом, сложив ладони трубочкой, говоришь. Но чтобы тебя услышали, говорить надо громко, поэтому «продольные» эти переговоры слышат и тарабанят в дверь. Переговоры между камерами – нарушение режима. Особо принципиальные надзиратели пишут по этому поводу рапорта, люди нормальные обращают на переговоры мало внимания. Переписка у нас была душевная. Несмотря на то что адресаты не видят друг друга и могут никогда больше не встретиться, пишут очень серьезные письма, перекрикиваясь на прогулках, стараясь по голосу определить, какая она – твоя подружка. У каждого участника своя подруга или несколько подруг, которым он пишет в разные камеры или в одну камеру, но под разными именами. Переписка – это смесь игры с реальностью, это ими-

тация нормальной жизни, своеобразный психологический аутотренинг, который позволяет чувствовать себя полноценным, не одиноким человеком. Часто посылают друг другу предельно эротические «малявы», в которых разыгравшаяся и неудовлетворенная сексуальная фантазия описывает настолько трогательно и при этом так откровенно подробности интимных взаимоотношений мужчины и женщины, что удивляешься, что у людей в этих нечеловеческих условиях остается потребность соблюдать условности и правила нормальной жизни. Более того, поскольку в тюрьме этим парам обсуждать нечего, кроме прошлой жизни, а планы строить глупо, в своих записках они полностью концентрируются на нематериализованной стороне отношений мужчины и женщины. Адресаты меняются: одних освобождают, других, наоборот, отправляют на зону, третьих переводят в другой корпус, но с каждой новой подругой человек продолжает эту игру-переписку. Поначалу письма составляются коллективно, но потом, втянувшись, каждый выдумает самостоятельно, оберегая тайну переписки. На прогулках специально затягивали проходы по коридорам, чтобы успеть рассмотреть своих соседок. Или во время утренней проверки приседали на корточки перед дверью их камеры, чтобы девушки в щелочку успели посмотреть, кому пишут они. Потом в малявах устраивали выяснение и определение личностей. «А кто эта там была такая молоденькая в яркой оранжевой майке?» – «Расслабься. Она сидит по 113-й». Статья 113 – распространение СПИДа. «Алена, ты была в синей куртке или зеленой кофте?» В общем, все в таком духе. Большинство женщин в Гродненской тюрьме – наркоманки из Лиды. Лида в Гродненской области – это Светлогорск в Витебской. Лидские все друг друга знали и перед отбоем перекрикивались: «Катастрофа, спокойной ночи!» – «Спокойной, спокойной, РЦД».

15 сентября

На прошлой неделе после очередного судебного заседания дед Ричард не вернулся в камеру. Надзиратель пришел и забрал его вещи. Ричарда перевели почему-то в другую камеру. Только через несколько дней мы узнали по тюремной

связи, что Ричард получил шесть лет «строгача» за убийство своего сына и ждал отправки на зону. Зато сегодня к нам поселили новенького. Это бомж по имени Коля.

То, что Николай – бомж, мы определили быстро. Ему было всего 54 года, но выглядел он на все 70. При этом следов пьянства на его лице не было, у него было лицо опустившегося по жизни человека. Его арестовали за мелкую кражу. Объяснения Коли были путанными и довольно странными, мол, ехал в Гродно подработать, стоял в тамбуре и курил, тут выбегает какая-то женщина и кричит, что Коля украл у нее сумку. Колю задержали. Для людей, которые сидят по обвинению в убийстве, в нарушении границы, в грабеже и изнасиловании, кажется невероятным, что старика могут арестовать и посадить в переполненную тюрьму по такому поводу. Но для начала принимается любая история, поскольку все помнят, в какой стране живут. Коля был тихим и безобидным человеком с остаточными пятнами былой интеллигентности. Говорит, что раньше работал помощником машиниста на железной дороге, но работу потерял, с женой развелся, жил у приятеля, постоянного заработка не имел. Одна проблема – уж очень грязным был этот Николай. Его заставили привести себя в порядок, насколько это позволяли камерные условия, постирать свои вещи. Сидел бы он так себе тихонько, но начали мы замечать, что Коля потихоньку ворует общие продукты и все уплетает, а поскольку организм к нормальной пище не привык, то случились у него проблемы с желудком. Первую неделю не слазил Коля с толчка. Мы все это терпели, поскольку жалко его очень было – опущенный по жизни человек. Но терпение когда-нибудь заканчивается вместе с остатками скудного продовольствия. И в конце недели Колю едва не придушили.

Каждому заключенному полагается грамм по 30 сахара в день – это чуть меньше столовой ложки. Ссыпали мы этот сахар в общую банку. Коля становился к нам спиной и большой ложкой половину всего сахара за один раз насыпал себе в кружку. Один раз все молча за этим наблюдали, поскольку, как ты ни становись, все равно в камере 3х2,5 спрятаться невозможно. Но когда Николай решил вечером еще раз проде-

лать свой трюк, его чуть не забили там же в углу. «Ты, сволочь, свои вокзальные привычки брось. У кого ты продукты воруешь!? Собирай манатки и становись на лыжи, иначе уроем тебя сейчас», – кричал Шурик. Прибежал продольный: «Что случилось? Успокойтесь». Коля жалостливо оправдывался и извинялся, и его предупредили последний раз.

Через несколько дней я обнаружил на себе вшей. Потом вшей нашел у себя Шура. «Ну, все, Коля, если окажется, что вши принес ты, молись!» – приговорил он. Вызвали санитара. Он порылся в наших шевелюрах и вывел из камеры... Колю. Вернулся наш бомж лысый, с головой, покусанной вшами. В камере крик стоял полчаса, надзиратель в разборки не вмешивался, бедный Николай готов был уже спать возле двери, а утром проситься в другую камеру. Нас всех забрали на «прожарку». Абсолютно все вещи, в том числе и матрасы, подушки, одеяла надо было отнести в баню и повесить в специальной парилке для прожарки. Это делалось для того, чтобы убить вшей. Мы за это время вымылись, а камеру обработали какими-то химикатами. Мат среди нас не прекращался.

Правда, Колю простили. Он признался, что действительно несколько лет бомжует и уже успел посидеть два года назад в следственном изоляторе в Барановичах. Осенью бомжи идут в тюрьму толпой. Они специально совершают какое-нибудь мелкое преступление – украдут, например, сумочку. Пока идет следствие, суд да дело, самые суровые зимние месяцы и проходят. Суд дает незначительное наказание или вообще ограничивается отсиженным под следствием, и они выходят на свободу. Настоящий круговорот бомжей в природе. У них уже отработана система, которая позволяет им оказаться в тюрьме и перезимовать в тепле под крышей и с гарантированной едой. В тюрьме этих стариков никто не трогает, ведут себя они тихо. Нечеловеческие условия содержания для таких людей – благо по сравнению с перспективой замерзнуть в канализации.

16 сентября

Решил передать на волю статью о тюрьме. Натолкнул меня на эту мысль, как ни странно, следователь Рагимов.

Объясняя, почему он разрешил встречу корреспондента «Интерфакса» Зайца с Дмитрием Завадским, следователь заявил, что Заяц единственный из всех журналистов написал официальный запрос с просьбой об интервью. Тогда это объяснение все приняли спокойно, не задумываясь об истинном задании Зайца. «Белорусская деловая газета» сразу же написала аналогичный запрос с просьбой разрешить встречу со мной. Конечно, газете отказали, так же как до этого отказали радиостанции «Эхо Москвы» передать мне в камеру мобильный телефон (только отвязанным москвичам могла прийти такая идея в голову). Встреча не состоялась, а идея осталась. На маленьком листике из блокнота я написал статью-послание для «БДГ». Я обдумывал его несколько дней и должен был написать так, чтобы в этот же день меня вызвали к следователю на допрос. На прошлой неделе я договорился с адвокатами, что они обязательно приедут во вторник в Гродно под любым предлогом. Сегодня – вторник.

Утром я сел писать это послание. Микроскопическим почерком, прижимая строчки плотно одна к другой, я записывал заранее обдуманные тезисы. Весь текст надо уместить на одном листочке, потому что вынести два или больше листов практически невозможно. Иногда на допрос из камеры меня выводил какой-то прапорщик, который заставлял раздеться догола, при этом он ощупывал каждую вещь. Поэтому был риск того, что найдут и этот листик. Но у меня был стопроцентный тайник – ремешки на туфлях. Ремешки были узкими и плетеными, и никто из надзирателей не мог себе представить, что под такие ремешки можно что-то спрятать. Я все время заключения под одним проносил половину лезвия, а под вторым выносил записки. Предварительно записку я закреплял жвачкой, и она намертво приклеивалась. Каждую туфлю надзиратели осматривали, оторвали в обеих стельки, выворачивали подошвы, но никогда никто из них не догадался заглянуть под ремешок.

Сокамерникам я сказал, что «собираюсь бабам отправить “маляву”». Незаметно закрепил записку под ремешком и так выехал в КГБ. Шмон перед выездом провели формальный – без раздеваний. В середине допроса я попросился в туалет и

сделал «закладку». Через несколько дней статью опубликовали не только в «БДГ», но и в «Известиях». Шухер в тюрьме был жуткий. Все свалили на адвокатов. После этого меня всегда обыскивали с особой тщательностью, но и относиться стали настороженно, понимая, что письмо из тюрьмы может быть не последним. Воспитатель или начальник отряда, молодой старлей, признался, что старается поменьше со мной общаться, чтобы не попасть в мемуары. Хотя мемуары – это не самое страшное, куда могут попасть работники тюрьмы из-за того, как они обращаются с заключенными.

17 сентября

Вчера во время поездки в КГБ случайно познакомился с поляком. Я засек его еще при выходе из корпуса. Очень интеллигентный был у него вид: бородка, очки. Я еще тогда хотел спросить, как он, такой интеллигентный, сюда-то попал. Нас соединили с ним одними наручниками и запихнули вдвоем в узкий «собачник». Я задал стандартные вопросы: из какой камеры и за что сидит. Оказалось, что он бизнесмен из Польши. Арестовали его в поезде, когда он ехал домой. Среди вещей нашли два пакета с наркотиками, но подозревали в шпионаже, потому что в его записной книжке были телефоны гродненского КГБ или еще чего-то такого. Сидит он уже с середины августа. Он требует адвоката и встречи с представителями посольства, но ему почему-то отказывают. В ответ он объявил голодовку и очутился в карцере. Это все, что я успел узнать за три-четыре минуты, пока мы ехали вместе туда и обратно. Правда, он еще постоянно повторял, что больше никогда в эту страну не приедет и всем своим знакомым закажет. Как только я вышел из тюрьмы, на следующий день в интервью польским журналистам я рассказал о своей встрече с этим поляком. Польские СМИ подняли большой шум по этому поводу, и когда через неделю я поехал в Гродно к следователю, то встретил этого поляка вновь – его тоже освободили под подписку о невыезде. Как сложилась его судьба дальше, не знаю.

Вообще, иностранцев много попадается в Гродненской тюрьме. Еще дважды я сталкивался с ними. Это были мо-

лодые литовцы, которых арестовали за контрабанду и нарушение границы. Один нелегально вместе с другом вез по лесной дороге две бочки маринованных лисичек и к тому моменту отсидел в тюрьме уже три месяца, а другой, продав в Минске машину, возвращался легально домой и его на погранпереходе задержали, поскольку въезжал он в Беларусь нелегально. Поляки и литовцы в подобных случаях передавали белорусов и русских обратно в Беларусь, чтобы с ними не возиться. Но белорусское правосудие решило карать всех подряд даже тогда, когда смысла в этом не было никакого. Ну, поймали его с этими грибами, так заберите грибы, наложите штраф и передайте литовцам, чтобы забот было меньше, и ловите дальше врагов народа. Нет, все должны пройти через застенки, несмотря на то что там убийцам уже места не хватает. Странная логика.

Однажды мне пришлось ждать в кабинете одного из следователей КГБ, пока придет следователь Рагимов. Следователь был майором и вел дело пожилого чеха. Чех занимался международными перевозками и в ту последнюю свою поездку на грузовике завез в Екатеринбург какой-то товар и возвращался обратно домой с металлом. В Гродно таможенники обнаружили у него в кабине пистолет. Оружие у водителя было совершенно официально, оно зарегистрировано в Чехии, но для ввоза в Беларусь надо иметь и разрешение белорусских властей. У него такого разрешения не было, и чех сидел в тюрьме на тот момент уже второй месяц, но майору даже в голову не приходило, что это неправильно. Для них лучше пусть 58-летний человек гниет в душной камере, чем быстро решить это дело: забрать пистолет, наложить штраф или еще как-нибудь, – и заняться серьезными делами. Нет, у нас так не принято.

18 сентября

Но Бог есть – убеждаюсь здесь в этом в очередной раз. Сегодня новый допрос и новая встреча с конвойным по имени Игорь. Обычные угрозы и препирательства. Допрос заканчивается, и мы с адвокатом Волчеком заявляем Рагимову, что хотим переговорит наедине. Нас отводят в специально отве-

денную для этого комнату, которая совмещена с маленькой кухней для следователей, и оставляют вдвоем. И вдруг мы видим, что на кухне на столе конвойный забыл свою кобуру с «Макаровым»! Конвоир оставил оружие, и им завладел преступник, то есть я. «Макаров» с запасной обоймой! Там можно было весь следственный отдел положить намертво или просто отдать оружие адвокату и никто его никогда не нашел бы. Аккуратно заворачиваю пистолет в кобуре в газету. Волчек зовет следователя. Я выхожу в коридор и громко, чтобы услышал мой «приятель», объявляю: «Гражданин следователь, я передаю вам пистолет, который в комнате отдыха забыл конвойный!» ЧП! Рагимов остолбенел: «Дайте, дайте его сюда. Игорь! Ты где?!» Схватил пистолет и ушел. Мы посмеялись с Волчеком, поговорили, я выхожу, растерянный конвойный надевает мне наручники. «Пожалели мы тебя, сержант». Не было потом человека в тюрьме, с которым бы я сталкивался и не рассказал об этом. Бедный, но наглый чекист зеленел от злости, когда каждый тюремщик у него выяснял, как же он умудрился забыть табельное оружие. Через несколько дней после этого его быстро отправили в отпуск, а могли и уволить, если бы подали официальную жалобу и под протокол сдали бы забытый или специально подброшенный пистолет. Хотя потом поняли, что жалеть этих молодчиков нельзя, ведь они тебя не пожалеют никогда. Следователь Рагимов уверял нас, что пистолет был игрушечным.

19 сентября

Сегодня забрали из камеры парня из Гродно. Он по глупости или по молодости подписал все бумаги против себя и еще по настоянию адвоката полностью признал свою вину. Мы его переубедили, показали, как его «развели» следователи, и два дня консультировали, как надо себя вести и что говорить. Я даже написал ему жалобу прокурору на следователей, которые его на первом допросе били. Он, лапоть, взял эту жалобу на прогулку, и при обыске ее изъяли, хотя права не имели. Вечером парня перевели в другую камеру.

На заседании президиума Минской городской коллегии адвокатов объявлен строгий выговор известному адвокату

Гарри Погоняйло. Он уже не в первый раз переживал наезд коллег, и на его работе пока это не отражалось. Погоняйло встретился с представителями посольства Литовской Республики и попросил у дипломатов содействия в получении необходимых по делу документов от компетентных органов Литовской Республики: погранслужбы, прокуратуры и других.

20 и 21 сентября

Страшно хочется есть. От передачи уже давно ничего не осталось. Пытался организовать «дачку» на Шуру, которому жена почему-то не приносит ничего, но не получилось. Отец эту жену нашел, но она говорит, что уже давно этому Шурику не жена. Я начинаю предъявлять все это самому Шуре, он божится и клянется, что она врет и от злости хочет ему навредить. Пытать же его не будешь. После освобождения мы все проверили, и оказалось, что практически все его рассказы выдуманы от начала и до конца. Он работал на чекистов и администрацию тюрьмы.

Но сейчас все мысли о еде. Тюремная похлебка только усиливает ощущение постоянного голода. Полбуханки черного хлеба и четвертинку белого съедают уже вечером, когда его приносят на завтрашний день. У нас оставалась банка свиного жира от чьей-то передачи, и мы неожиданно распробовали, как это вкусно. Намазываешь толстый слой жира на хлеб, посыпаешь солью и ешь. Раньше я себе такого вообще представить не мог, а в тюрьме съем быстро один бутерброд, потом сразу – второй, и невероятным усилием воли заставляю себя остановиться и не намазать жиром третий кусок хлеба, чтобы что-то осталось на завтра.

Постоянное чувство голода – одно из самых сильных впечатлений в тюрьме. За два месяца я похудел на 10 килограмм. Нас еще выручали соседи, мы меняли сигареты на сало или еще что-нибудь. Но это больше напоминало запах еды, чем собственно еду. До моей следующей передачи еще целых 9 дней.

22 сентября

Последнее время что-то часто меняются в нашей камере жильцы. Сегодня заселили восемнадцатилетнего парня

из Кобрина и сорокалетнего алиментщика из Орши. Парня задержали на границе, когда он пытался выехать в Польшу с поддельным штампом в паспорте о выезде. Парень был шустрый, прожил до этого год в Польше и взахлеб, не переставая, рассказывал о богатой польской жизни и о своих сексуальных опытах. Любовные похождения оживили нашу скучную жизнь, и два дня мы все активно обсуждали новую тему. Каждый делился своим опытом общения с женщинами, а фантазий хватило бы целую книгу.

24 сентября

Сегодня нам прислали пачку сигарет. Причем абсолютно нежданно-негаданно. Обычная часовая прогулка на крыше тюрьмы. Маленькие дворики-камеры, только без крыш. Первое, что все делают, попадая в прогулочный дворик, это два удара ногой в стену, которая отделяет от другого дворика: «Какая хата?» – «65. А вы?» – «108. Крытчики». Крытчики – это те, кто отбывает наказание в Гродненской тюрьме. Люди попадают сюда с большими сроками и за нарушения режима на зонах строгого и особого режима. Люди все суровые со страшными биографиями. Они проводят по несколько лет в замкнутом пространстве тюремной камеры и видят только двух-трех сокамерников и надзирателей. У крытчиков идет постоянная война с администрацией.

«Мужики, там на вашем корпусе сидит Шеремет?» – «Это я». – «Ты – Шеремет?» – «Да». – «Ну как ты, держишься?» – «Держись. Этот сумасшедший ничего не сделает. Россия ему покажет». – «Я тоже так думаю». – «Ну, тебя там никто не обижает?» – «Все нормально». – «Подогревают вас?» – «Бывает». – «Может, что надо?» – «А сигарет у вас нет?» – «Счас подгоним». И крытчики через трубу слива дождевой воды просунули нам завернутые в газету сигареты. Целую пачку «Явы» на три раза передали. Несколько раз надзиратели орали нам, чтобы мы прекратили разговоры на прогулке. В результате написали рапорта за нарушение режима. Но я окончательно убедился, что нормальному человеку нечего бояться таких же, как он, заключенных. Я был уверен, что

зэки выручат меня и поддержат, что враги – по другую сторону глазка, звери в пятнистых мундирах.

25 сентября

В полдень принесли постановление КГБ с резолюцией Гродненского прокурора о продлении следствия по «делу ОРТ» и содержания меня под стражей еще на один месяц. Прокурор в Гродно старенький и в этом году уже должен был быть на пенсии, но наше дело его задержало, а он не прочь задержать нас как можно дольше.

Решение чекистов меня взбесило. Они уже узнали все, что могли, последние допросы были пустые по содержанию и не включали разве только вопросы о том, что в Белорусском бюро ОРТ выпивают по праздникам и едят по будням. Но, видимо, чекистам не удавалось отчитаться перед Лукашенко, и они надеялись, что со временем все само собой «рассосется». Секретарь Совета безопасности Беларуси Виктор Шейман раз в неделю приезжал в Гродно контролировать ход работы следственной группы, регулярно в Минск с отчетом отправляется начальник Гродненского управления КГБ и начальник следственного отдела. Очевидно, что дело «зависло», но это меня слабо утешает.

На случай обострения ситуации я написал на клочке бумажки обращение к народу и отправил «голубиной почтой». Приехали адвокаты. Мы долго спорили, объявлять или нет мне голодовку. Волчек был против новой голодовки, Погоняйло – за. Спорили, наверное, час. В конце концов написали жалобу в суд, а я объявил вечером голодовку. О ней специально не сообщали журналистам. Знало о голодовке только несколько самых близких людей. Все они были против нее и уговаривали меня прекратить.

Пять дней длилась эта война с тюремной администрацией. Сейчас они решили дожать меня. Прогулки для меня закончились, баня – пролетела. В карцер, правда, не переводят. За эти дни – дежурные беседы сначала с замначальника тюрьмы, потом с прокурором по надзору и тюремным психологом. Я продолжаю отказываться от пищи. Администрация терпит, но злится. Вечером перед самым отбоем в

камеру чуть ли не врывается корпусной и начинает шарить специальным крюком между «ресничками» на окне. «У нас нет дороги на соседние хаты». – «Я знаю, что есть». – «Да нет ничего». Он пошарил и молча ушел. Плохой знак, ищут, к чему прицепиться.

Начальник следственного отдела управления КГБ по Гродненской области Владимир Лесняк сообщил моему отцу, что, несмотря на официальное продление срока следствия, оно практически завершено и осталось лишь дождаться результатов экспертизы телевизионных съемок. Начальник следственного отдела заявил, что считает меня виновным в переходе границы, и сообщил, что у следователей на этот счет имеются дополнительные доказательства и свидетели, о которых не знает защита. Чекист нагло врал, уже через месяц стало абсолютно точно известно, что у КГБ вообще ничего нет.

После встречи со следователями КГБ и работниками прокуратуры адвокаты подали очередное ходатайство об освобождении, а также жалобу на условия содержания.

26 сентября

Сегодня в нашей камере тотальный шмон. Трое проверяющих лазят по всем углам, четвертый наблюдает. Переворачивают все: вещи, матрасы, заглядывают в унитаз, смотрят каждый листик в тетрадях. Нашли причал – длинную трубочку из газет и «коня» – моток ниток. «Чье это?» – «Не знаем. От кого-то осталось». Проверка ушла.

«Хотят к чему-то прицепиться», – решили мы.

После обеда всех забрали в баню. Меня оставили в камере. «Тебе не положено», – процедил зло банщик.

В Минск специально вернулся высланный месяц назад Владимир Фошенко. Он предполагает остаться в Минске на неопределенное время, вероятно, затем, чтобы добиться хотя бы временной аккредитации. Официально он находится в Минске как частное лицо по делам компании ОРТ. Выслать его второй раз власти не решились. ОРТ передало в белорусский МИД новые документы на аккредитацию всех без исключения сотрудников компании, которые работали в Белорусском бюро. МИД в аккредитации отказал, временно ра-

ботать корреспондентом ОРТ в Беларуси не разрешили даже Владимиру Фошенко.

«Мы должны констатировать крайнюю необязательность в исполнении 12-й статьи Устава Союза Беларуси и России “О правах и свободах человека”. 12-я статья нарушается белорусской стороной самым грубым образом», – заявил в интервью «Белорусской деловой газете» первый вице-премьер правительства Российской Федерации Борис Немцов.

Немцов напомнил, что в ходе проводившейся в апреле нынешнего года дискуссии по поводу включения в Устав Союза этой статьи Александр Лукашенко сначала сопротивлялся, а потом сказал: «Да включайте, что хотите, все равно решения будем принимать так, как считаем нужным». Вместе с тем Борис Немцов не считает, что подписание Устава стало своего рода поддержкой Россией режима Лукашенко: «Я, например, не могу поддерживать Лукашенко, если он гноит в тюрьме ни в чем неповинного Шеремета и других людей. Не могу поддерживать человека, который препятствует людям говорить то, что они думают. Я не могу поддерживать человека, который явным образом дезинформирует общественное мнение Белоруссии, заявляя, что он – за экономическую интеграцию, а вот-де русские – против».

29 сентября

Сегодня в нашей «хате» появился очередной постоялец. Василий Васильевич – безработный и бездомный иммигрант из города Курска. Самый яркий персонаж из всех, с кем пришлось сидеть в одной камере.

Василию уже под 40 лет. Работал он когда-то водителем грузовика в своем Курске. Потом жизнь дала трещину – семья распалась, работу потерял. В общем, все, как у сотен тысяч бывших граждан Советского Союза. И превратился Василий Васильевич в натурального бомжа. Решил он бежать от российской действительности в Германию. Удалось это ему с первого раза. Вместе с какими-то подельниками до Германии он добрался, но пробыл в этом экзистенциальном раю всего неделю и попался в лапы немецкой полиции. Василия Васильевича депортировали сначала в Польшу, где он ждал

отправки в Россию почти месяц. О жизни в польской тюрьме, не говоря уже о немецкой, Василий Васильевич вспоминает с теплотой. Камеры там просторные, телевизоры стоят, побриться дают и кормят хорошо. В Калининграде власти купили ему билет на поезд до Москвы, доехал искатель счастья только до небольшого белорусского города Молодечно и на электричках двинулся в обратный путь. Под Гродно Василий Васильевич благополучно перешел белорусско-польскую границу после 12 часов ночи. Даже зацепился за колючую проволоку, но сигнализация не сработала, потому что после 22 часов ее отключают из-за экономии электричества. Поймали его польские полицейские в 15 км от границы и передали белорусским властям. «Сам виноват, рано из леса вышел, надо было еще километров 10 пройти, тогда бы точно в Польшу без проблем прошел», – сокрушался Василий.

Вид у него был печальный. В грязной майке и куртке из болоньи, спортивные штаны с растянутыми коленями и пляжные тапочки (!) на босую ногу. «Вася, и куда ты в таком виде собирался дойти?» – «Я бы нанялся на работу к какому-нибудь пану и купил бы себе нормальную одежду. Я же в Германии был в августе, тогда жара стояла».

Василий не унывал. Он вообще по жизни философ. Говорил не умолкая. Вспоминал свою жизнь, ругал Горбачева, хотел подать в международный суд на Ельцина за поломанную жизнь. Вася – это типичный русский из глубинки. Он часами мог говорить обо всем, он знал, как надо жить, но сам жить так не мог, как ему казалось, по объективным причинам. Его носило по России уже несколько лет без денег и без документов, и он никак не мог найти себе пристанище. Однако оптимизма он не терял. Решил, что, когда выйдет, устроиться на работу в белорусский колхоз.

Теперь все дни у нас проходили за игрой в «мандавошку» с фоном из рассуждений философа Василия.

«Белорусская деловая газета» публикует мое письмо из тюрьмы.

Его перепечатали несколько газет в Беларуси и России. Прокуратура начала уголовное дело по факту «утечки» письма из-за высоких и непреступных стен Гродненской тюрьмы.

Меня вызвал к себе прокурор по надзору за спецучреждениями. Я сразу догадался, в чем причина его визита. Но сам прокурор о статье ничего не вспоминал, поэтому минут 20 мы «играли в дурака» – разговаривали о жизни, о журналистах. О политике, правда, прокурор отказался говорить, хотя я ему предложил: «Я человек открытый и откровенный. Вы помните, что я вам в прошлый раз говорил про Божелко и Агольца? Так я могу повторить». «Не надо! Давайте не будем трогать политику, я вам верю!» – горячо отозвался прокурор. В конце концов мне надоело, и я перешел к интересующей всех теме. Тогда я не мог признаться, что передал письмо в «БДГ», и сделал финт: «Вы же знаете, что журналисты часто все выдумывают. Вот, кстати, адвокаты сегодня привезли мне номер "Белорусской деловой газеты". Представляете, они опубликовали статью и подписали ее моим именем!» Как оживился прокурор: «Да, да! Я как раз хотел спросить у вас об этой статье. Так вы ее не писали и не передавали?» – «Ну конечно, я же не могу нарушать тюремный режим. Я порядки ваши знаю». «Я так и знал, что вы ничего не писали!» – воскликнул прокурор и глаза его засветились каким-то безумным огоньком. Мы расставались едва ли не друзьями.

30 сентября

Сегодня большой праздник. Наконец дождались передачу от моих. Причем с утра передачу не принимали, поскольку я голодал. До обеда меня забрали в КГБ, и там Рагимов уговаривал прекратить голодовку, потому что в ближайшие дни все закончится. Потом с Михаилом Валентиновичем Волчеком мы остались наедине. Он показал мне письма от матери и от Светы Калинкиной, которые просили прекратить голодовку. Волчек доказывал, что это уже бессмысленно и дело заканчивают, скоро суд и надо быть в форме. Я с ним соглашался, но говорил, что решу вечером. Так мы спорили минут двадцать, но последний аргумент Михаила Валентиновича я преодолеть не смог. Он принес с собой сетку с едой и начал ненавязчиво меня шантажировать.

«Тут мама передала тебе поесть».

«Унесите. Я все решу вечером».

«Павел, перестань. Здесь вот компот, бутерброды, еще что-то».

«Уберите, Михаил Валентинович... А что там еще?»

«Конфеты какие-то».

«Конфеты. Ну, покажите. Да, “Роша”. Вкусные конфеты, с орехами».

«Слушай, но мы ничего не добьемся сейчас голодовкой. Начальник следственного отдела пообещал на днях закончить расследование».

Я уже не слушаю Волчека, вид еды кружит голову. Я хорошо себя чувствую, кризис прошел, но поесть не отказался бы. Ладно, думаю, черт с вами, раз вы так хотите, не буду ждать вечера: «Хорошо, бутерброды есть не буду. А пару конфет съем. Уговорили». И тут заходит улыбающийся Рагимов: «Ну что? Как голодовка?»

Вечером, часов в пять, в камеру принесли передачу.

Все тяготы мира отошли на второй план при виде еды. Целое богатство. Десять палок копченой колбасы, пакет кофе, чай, кубики с бульоном, целый пакет конфет, сигареты. Живем! Это целый ритуал – разобрать и разложить аккуратно продукты. Часа два рассовываем по пустым пачкам сигареты – прапорщик сигареты принес в целлофановом мешке, а пачки от них – отдельно. Раскладывали бережно, над газетами, чтобы табачная пыль не пропала. Колбасу разложили на решетке, чтобы проветривалась. Надзиратели, входя в камеру, каждый раз комментировали колбасный ряд: «Да, неплохо вас тут кормят». – «Заходите вечерком, попьем чайку». Конфеты вообще были царские. Мой друг Леша работает в итальянской компании «Ферреро» и передал несколько пачек конфет «Рафаэлло» с миндальным орехом и «Роша» – с орехом фундук. Это действительно наслаждение: съесть на нарах конфету, которую в обычной жизни не всегда можешь себе позволить. Да, когда «заходит дачка», на несколько часов забываешь обо всех проблемах.

В Минск приехал вице-премьер российского правительства Валерий Серов специально для встречи с Александром Лукашенко. Информация о переговорах крайне скупа. В прессу просачиваются подробности, которые указывают на

то, что российская сторона увязывает перспективы поставок в Беларусь энергоносителей с освобождением сотрудника ОРТ. Серов признается журналистам, что Лукашенко пообещал в самое ближайшее время – уже сегодня – рассмотреть эту проблему. Белорусский президент тянул время, он очень хотел 2 октября улететь в Ярославль на встречу с группой российских губернаторов и появиться перед ними триумфатором, который диктует свои условия Борису Ельцину.

Вечером центр информации и общественных связей КГБ распространил заявление о завершении предварительного следствия по уголовному делу в отношении Павла Шеремета, Дмитрия Завадского и Ярослава Овчинникова. Уголовное преследование Ярослава Овчинникова прекращено, поскольку «в результате изменения обстановки он перестал быть общественно опасным».

1 октября

Сегодня опять везут в КГБ. Рагимов дергается: «Почему тюрьма тебя три часа не выдавала?» Оказывается, администрация ждала обеда, чтобы окончательно убедиться, что я перестал отказываться от пищи. Вчера вечером я, естественно, не брал ужин, а выпил только куриный бульон. Сегодня утром пришел прокурор по надзору за тюрьмой, вызвал меня и опять узнавал, что я собираюсь делать дальше. Я ему объявил, что уже не голодаю, но, видимо, он не поверил. И администрация не отдавала меня конвою КГБ до обеда. Я поел, и меня отпустили на допрос. Вот так!

Как обещали чекисты, следствие близится к концу. Сегодня мне предъявили окончательное обвинение – статья 80, часть 2: нарушение границы по предварительному сговору группой лиц, повторно. Обычный допрос, стандартные вопросы и прежние ответы. Вины своей я не признаю, обвинение опровергаю и так далее. Адвокаты пытаются узнать у Рагимова, когда начнется ознакомление с материалами следствия и следует ждать суда. Следователь отмалчивается или уходит от ответа: «Надо еще кое-что сделать, нет ответов на некоторые наши запросы». Адвокаты напирают: «Пора уже освобождать под подписку. Вам уже все известно». Рагимов, как обычно, хитро улыбается.

Мы написали очередное обращение прокурору и в суд с просьбой рассмотреть вопрос о моем освобождении. Погоняйло уверен, развязка наступит скоро: «Ты слышал, что президентский самолет не впустили в Россию? Все, сейчас они забегают. У них нет выхода, ищут повод, чтобы тебя отпустить. Держись». Волчек тоже возбужден, но более осторожен в оценках.

Адвокаты уехали, меня вернули в тюрьму. Как уже все надоело! Чувствую, что психологически уже не выдерживаю и готов сорваться по любому поводу. Неожиданно часов в 8 вечера за мной приходит выводящий. Я даже растерялся. Неужели освобождают? Ведь так поздно никуда не водят: ни в тюрьме, ни на допрос. Какой-то незнакомый выводящий. Странно.

Заводят какую-то в комнату – Рагимов сидит! «Что случилось, Борис Николаевич?» – «Пришел за вашим чисто сердечным признанием». – «Плохая шутка. Я во всем уже чистосердечно признался». – «Подумайте еще». – «Что, подписку о невыезде принесли?» – «Нет. Я объявляю вам об окончании следствия. Вы можете приступить к ознакомлению с материалами дела». – «А почему вы не сказали это, когда были здесь алвокаты? Они уехали. Без них знакомиться я не буду». – «Ознакомьтесь с постановлением прокурора об отводе ваших адвокатов: Гарри Петровича Погоняйло и Михаила Валентиновича Волчека. Министерство юстиции лишило лицензии на адвокатскую деятельность Погоняйло и на месяц приостановило лицензию Волчека. У вас есть право в течение 72 часов назвать нового адвоката. Распишитесь». Я расписался в постановлении и написал, что не согласен с отводом адвокатов: «Мне надо свидание с отцом. Без этого я не соглашусь на новых адвокатов». – «Посмотрим насчет свидания. В любом случае через пять дней вы должны начать знакомство с материалами или мы передает дело в суд, если вы будете затягивать процесс».

Мы поговорили со следователем по душам. «Ну, сволочи. Адвокатов забирают. Теперь, Борис Николаевич, видно, что вы здесь пешка». – «Я сам принимаю все решения. Я тебя пожалел. Мог дать еще превышение служебных полномочий». – «И зря. Мы ждали. У тебя же нет ни одного доказательства». – «Посмотрим». – «Так дашь свидание с отцом?» –

«Посмотрим». На этом и расстались. Вот и освобождение. Я запаниковал: что теперь делать? Я остался без связи с волей, без защиты. Суд сделают закрытым и никого не пустят. Все, конец! Не могу забыть лицо следователя Рагимова с наглой ухмылочкой. Такой молодой и такой самонадеянный и циничный. Внук Дзержинского, мать его! Подожди!

Месть. Только мысли о мести выносит человек из тюрьмы. Тюрьма делает человека жестоким и беспощадным, пока он там сидит. Жажда мести дает силы и выжигает человека изнутри. Я помню до сих пор лица всех надзирателей и кагэбистов. Я запомнил их навсегда.

2 октября

В Москве ждали, когда Лукашенко выполнит свое обещание и освободит корреспондента ОРТ. Валентин Серов накануне заявил, что «это должно быть сделано в кратчайшие сроки». Сроки все вышли 1 октября, и ночью в Минск пришла телеграмма из Центральной диспетчерской службы России о запрете пролета самолета президента Лукашенко в российском воздушном пространстве. Лукашенко этому не поверил. В истерике он кинулся в аэропорт «Минск-2». Просидел там до обеда, но вылететь не сумел. Вечером ему пришла телеграмма уже из Кремля с перечислением требований, в обмен на выполнение которых белорусский президент мог бы посетить Ярославль. В администрации Лукашенко отказались пояснить, о каких требованиях идет речь, сославшись на то, что содержание телеграммы сугубо личное и потому секретное.

Администрация президента Беларуси выступила с заявлением, в котором выразила возмущение «недружественными шагами определенных политических сил России».

Александр Лукашенко обратился к Борису Ельцину с просьбой дать разъяснение в связи с возникшим недоразумением. МИД Беларуси направил МИДу Российской Федерации ноту, в которой содержатся требования объяснений инцидента: «Белорусская сторона расценивает этот инцидент как преднамеренную акцию, преследующую неприемлемые политические цели».

Однако Борис Ельцин своих мотивов и не скрывал. В Кремле всем надоел обман и наглость белорусского лидера. Борис Ельцин, находясь в Нижнем Новгороде, не собирался наблюдать за тем, как в Ярославле «красные» губернаторы на российской земле клялись в верности белорусскому президенту. В международной практике не принято, чтобы президент зарубежного государства посещал с визитом регионы другого государства по приглашению региональных лидеров без главы посещаемого государства. А завершил Борис Ельцин эту тему коротко и недвусмысленно: «Пусть сначала Шеремета отпустит...» Это был первый удар Москвы по Лукашенко. Россия перешла от разговоров и уговоров к действиям.

3 октября

Сегодня весь день жду свидания с отцом. Адвокатов уже не пускают. Вздрагиваю от каждого щелчка в двери. Слышу даже, как открывается и закрывается на первом этаже дверь корпуса: за мной или нет? Никуда не вызывают.

В это время отец в следственном отделе КГБ требует свидания. Начальник отказывается. Они ругались почти час, и тут отец заявляет, что он сам будет моим адвокатом. «Как это вы будете адвокатом?» – оторопел чекист. «Вот так и буду?» Пауза. «А докажите, что он ваш сын!». Два месяца не надо было доказывать, а сейчас вдруг понадобилось. Отец просто не знал, что Уголовный кодекс разрешает близким родственникам выступать в качестве защитников, даже не имея юридического образования и адвокатской лицензии. Чекисты растерялись и потребовали всякие справки о родстве: метрики, свидетельства о рождении. Отец не унимался и три дня потом собирал документы. В конце концов, его к защите допустили, и план информационной блокады у чекистов сразу начал разваливаться. Но в эту пятницу я чувствовал себя хреново: через два дня они приведут нового адвоката, и я не знаю, как себя вести.

4–5 октября

Все время на нервах. Почему не дали свидание отцу? Что делать? После обеда больше часа простоял возле двери: на

коридоре по радио передавали трансляцию выступления Лукашенко на съезде учителей. Какой Лукашенко все-таки подлец и лжец! Оказывается, это я сам отказался от адвокатов и вообще не хочу выходить из тюрьмы!! Ну, думаю, гад, мы еще встретимся. Тебе тогда адвокаты уже не понадобятся.

Белорусский президент поручает министру юстиции вернуть мне адвокатов, чуть ли не заставить их закончить мое дело. Отлично, в понедельник напишу заявление на имя министра с просьбой выполнить поручение президента и разрешить Погоняйло и Волчеку вести мое дело. Но второй раз после перевода в тюрьму я почувствовал серьезную опасность. Дело идет к концу и просто так они меня не выпустят. Мысленно я даже попрощался с родными и друзьями.

6 октября

Предчувствие каких-то решающих событий держит в постоянном напряжении. Что будет? Как выкрутиться из ситуации, когда чекисты станут подсовывать своего адвоката? Пока решил, что поговорю с их адвокатом и, прикинувшись, что согласен, расспрошу его подробно о моих правах на суде, а потом от незнакомого помощника откажусь и буду настаивать на встрече с отцом. Если придется в одиночку знакомиться с делом, надо тянуть время. Метод очень простой: стану переписывать каждую страничку дела, а это семь томов. Месяц точно уйдет на переписывание, а за это время что-нибудь и произойдет.

И тут после обеда приехали на встречу Волчек и Погоняйло. Вхожу в комнату для встреч. Первый вопрос, которым меня встречают адвокаты: «Павел, ты от нас не отказался?» – «Ну, вы в своем уме, вы же сами прекрасно знаете, кто такой Лукашенко и как они работают. Вам в голову не приходило, что все это ложь?» – «Да нет, мы знали, что ты не мог отказаться. Но вдруг. Может, тебя заставили».

Адвокаты, смеясь, рассказали, как в середине прошлой недели у них забрали лицензии, а сегодня утром – вернули. Министр юстиции Беларуси Геннадий Воронцов приостановил действие постановления президиума Минской городской коллегии адвокатов об отчислении Гарри Погоняйло из

состава коллегии. Действие постановления приостановлено до окончания рассмотрения дела ОРТ. Аналогичный приказ издан министром юстиции и в отношении второго адвоката – Михаила Волчека. Погоняйло сказал, что сейчас официальным адвокатом станет еще и мой отец, на всякий случай. Настроение обоих защитников было хорошее, они были уверены, что в ближайшие дни Москва дожмет Лукашенко и он даст команду о моем освобождении. Я уговаривал Погоняйло и Волчека не расслабляться, потому что уже несколько раз за последние месяцы мы были уверены в моем освобождении и каждый раз абсолютно напрасно. «Не волнуйся. Вот увидишь, завтра суд изменит тебе меру пресечения. Они не захотят проколоться, как в ситуации с Завадским».

Тогда месяц назад с Димой Завадским получилось довольно смешно: суд отказал изменить меру пресечения и оставил оператора в тюрьме, а через два дня следователь по поручению Лукашенко Завадского освободил и в прессе над судьей откровенно посмеялись. По иронии судьбы, второе обращение адвокатом о моем освобождении завтра будет рассматривать тот же судья, который отказал в ходатайстве Диме, поэтому второй раз выглядеть идиотом ему будет не очень приятно.

Расстались мы, как ни странно, довольные, потому что откат Лукашенко назад и возвращение адвокатов говорил только об одном: белорусские власти сломались и чувствуют, что зашли в своих играх слишком далеко. Дело близилось к завершению. Но я практически уговорил себя готовиться к худшему и не расслабляться до того момента, пока не окажусь на свободе.

А тут еще по радио передают сообщение об убийстве в Могилеве одно из соратников Лукашенко Евгения Миколуцкого. Первое громкое политическое убийство в Беларуси после президентских выборов.

7 октября

Похороны друга президента Беларуси Миколуцкого. Торжественная панихида транслируется по радио. Я прижался ухом к двери, чтобы расслышать через щель, что же,

собственно, происходит. Хриплый голос Лукашенко, срывающийся на крик: «С сегодняшнего дня на территории нашего государства любое самое мелкое правонарушение или преступление должно караться немедленно. Реакция должна быть беспощадной и немедленной. Я хочу обратиться к уголовникам: запомните, господа, земля будет гореть у вас под ногами». Представьте, какие чувства и мысли возникают у человека, который слышит все это, сидя в полумраке Гродненской тюрьмы. Я знаю Лукашенко очень хорошо, поэтому прекрасно понимал, что у президента истерика, которая неизвестно чем может закончиться, в том числе и для меня. Но, как оказалось, убийство Миколуцкого повлияло на мое освобождение.

В Администрации белорусского президента после того, как самолет Лукашенко не впустили в воздушное пространство России, уже осознавали, что каждый новый день содержания в тюрьме корреспондента Общественного российского телевидения будет означать все более жесткие действия России. Слишком много Лукашенко за эти месяцы оскорблял Ельцина и обманывал Примакова и других российских руководителей. Чаша терпения переполнилась. 1 октября Лукашенко запретили прилететь в Ярославль. Российский посол передал в конце недели официальное предупреждение правительства Российской Федерации о том, что поскольку у Беларуси огромные долги за российский газ и нефть, то со второй половины октября начнется снижение объема поставок энергоносителей. А 6 октября в Могилеве убивают одного из ближайших соратников белорусского президента. Причем убивают профессионально. Бомба взрывается в подъезде жилого дома Евгения Миколуцкого именно в тот момент, когда он проходит мимо нее. Бомбой управляют на расстоянии, никаких вещественных доказательств или следов, которые бы вывели на исполнителей, не нашли. Миколуцкий был начальником управления Комитета государственного контроля по Могилевской области и слыл жадным и коварным человеком. По всем данным, его убили россияне, торговавшие спиртом и водкой, за то, что в

Могилеве конфисковали их спирт. Но в Администрации президента считали, что это убийство связано со слухами о том, что Москва готова к силовому решению «дела Шеремета» и можно ждать высадку российского спецназа на крышу Гродненской тюрьмы. По крайней мере, слухи об этом ходили уже месяц. Окружение Лукашенко охватила паника. Не случайно на похоронах президента охраняли бойцы подразделения «Альфа» в пуленепробиваемых шлемах, напоминавшие киногероя из американского боевика «Робот-полицейский». Лукашенко боялся открытого нападения. И вечером, через несколько часов после похорон, меня срочно выдернули из тюрьмы и отвезли домой в Минск. Трус по своей натуре, Александр Лукашенко не выдержал лобового удара и быстренько свернул войну против ОРТ. Через год после этого убийства он заявил журналистам, что на самом деле хотели убить его и покушение готовилось в некой соседней стране. Правда, Лукашенко так и не сказал, в какой.

Но в тот момент, когда я слушал прямую трансляцию с похорон, я еще ничего не знал. После обеда меня возили в КГБ, где предъявили новое обвинение, добавив кроме нарушения границы еще и превышение служебных полномочий, распространение заведомо ложной информации и дискредитацию пограничных войск, в результате чего был нанесен ущерб интересам Республики Беларусь. Короткий допрос и возвращение обратно в тюрьму. Суд перенесли на завтра на утро. Причем по настроению судьи адвокаты решили, что он примет решение об освобождении меня под подписку о невыезде. Хотя по странному поведению следователя Рагимова было видно, что что-то замышляется. В шесть часов вечера адвокаты приехали ко мне в тюрьму. Мы обсудили ситуацию и полчаса переубеждали друг друга на счет того, надо или нет ждать завтра освобождения. Я вернулся в камеру страшно возбужденным и непроизвольно считал каждую минуту до отбоя – произойдет что-нибудь или нет.

19.00 – ничего. 20.00 – ничего. 21.00 – ничего.

Прошла вечерняя проверка. Никаких новостей. Я решил: все, ничего не будет.

Тут в 21.25 заходит дежурный по корпусу и объявляет: «Шеремет, с вещами на выход». – «Подождите, товарищ прапорщик. Я хочу знать, меня переводят в другую камеру или в другое место». – «Я не знаю». – «Нет, я просто хочу знать это, потому что если меня увозят из Гродно, то я оставлю здесь продукты». Он посмотрел на несколько палок колбасы, которая лежала на решетке окна, и сказал: «Ну, возьмите немного. Пять минут на сборы». И ушел. Что тут в камере началось!

Я растерялся. «Все, Паша, свобода!» – кричит один. «Нет, в Минск, в тюрьму!» – говорит второй. «В какую тюрьму? Этапа ночью нет». – «Какой этап, идиот! Его же возят всегда отдельно». – «Прямо-таки». «Что ты прямо-таки, меня сюда отдельно везли без всякого этапа», – вмешиваюсь я.

Быстро распределяю, что кому оставляю. Васе из Кирова – туфли, спортивные штаны и майки. Бомжу Коле – кипятильник и теплые носки. Шуре – все тетради, ручки. Еду тоже всю оставил, решил, что если переводят в Минскую тюрьму, то там передадут новую «дачку». Собрал остальные манатки. Главное – спрятал в вещах деревянную ложку – единственную память о Гродненской тюрьме. Свернул матрас, белье. Жду.

Заходит корпусной и дежурный по тюрьме: «Шеремет, пошли».

Выходим в коридор, спускаемся вниз, и дежурный говорит: «Все, выходишь ты из нашей тюрьмы». «До свидания», – отвечаю. «Не до свидания, а прощай». – «Я не суеверный. И мы обязательно еще когда-нибудь увидимся».

Надо было еще пройти через маленький дворик мимо корпуса, чтобы попасть в здание, а затем еще один дворик уже у самых ворот. Попадаю во внутренний дворик и изо всех сил кричу: «Тюрьма, прощай. Держитесь». «Павел, тебя куда?» – «Я иду на Минск». Корпусной хватает меня за плечо: «Ты чего, я же сказал, чтобы молча шел». – «Надо же попрощаться». – «Не с кем тут прощаться».

В здании корпусной приказывает выложить вещи на стол, но дежурный по тюрьме торопит: «Да ладно, не надо проверять. Давай быстрее». На улице темно. Меня выводят во двор. Там уже стоит знакомый кагэбэшный УАЗ. Выходят

два чекиста. Мне одевают наручники и, повторяя: «Быстрее, быстрее. Где его вещи?», чуть ли не на руках вносят меня в «собачник» в машине. Лязг тюремных ворот – и мы выезжаем в город.

Через три минуты машина въезжает во двор Гродненского управления КГБ. УАЗ подгоняют к открытой задней двери черной «Волги» и с криками: «Быстрей! Быстрей!» – меня вытаскивают из «собачника» и практически вбрасывают на заднее сиденье «Волги». Руководит операцией сам начальник следственного отдела Гродненского управления. Справа и слева от меня садятся конвоиры из КГБ, впереди рядом с водителем – следователь. Следом за нашей черной «Волгой» пристраивается белая «Волга» сопровождения. Наручники мне не снимают. Я прошу ослабить браслеты, которые сильно давят на запястья. В ответ: «Мы ключи забыли». С большим трудом вытаскиваю сигарету из бокового кармана куртки и достаю спички. Не прикуриваю. Жду, когда будем выезжать из ворот. Я еще надеюсь, что где-нибудь рядом дежурят журналисты, и они увидят огонек внутри машины и опознают меня.

Начальник дал команду и «Волги» тронулись. Прикуриваю, делаю это долго, но никого вокруг не видно.

«Куда едем?» – спрашиваю у следователя. «Увидишь». «Хорошо, я в Минской тюрьме, в "американке", никогда не был», – пытаюсь спровоцировать на откровенный ответ. «А может, мы тебя везем в Брестскую тюрьму», – провокация не удалась. Выезжаем из Гродно в сторону Минска. Две машины движутся с включенными мигалками.

Конвоир справа заерзал на сиденье: «Как неудобно втроем сзади в "Волге"». «А вас никто не держит. Товарищ следователь, остановите машину, давайте отпустим товарища», – обращаюсь к Рагимову. Конвоир взрывается: «Если вы будете подъе..., то пожалеете!» Специально делаю как можно более презрительное выражение лица и вкрадчиво проговариваю в лицо обиженному: «Только не надо мне угрожать. Ясно?» «А вам никто не угрожает. Просто до Минска с вами никто не будет тогда разговаривать». – «А я к вам в собеседники и не напрашиваюсь». Думаю, назло ни слова больше не пророню. Так молча три часа до Минска и ехали. Никто не заснул,

каждый думал о чем-то своем. Я решил, что меня переводят в Минскую тюрьму КГБ, где уже столичные специалисты сделают последнюю попытку добиться какого-то результата, но я чувствовал, что наступает финальный этап.

Наручники конвой так и не ослабил и несколько часов после них на руках оставались глубокие следы. Когда на суде потом у Рагимова спросили, зачем надо было тайно и в наручниках Шеремета везти в Минск, если у вас было на руках постановление об освобождении, Рагимов заявил, что он боялся моего нападения на конвой. Больные и циничные люди приходят в КГБ.

Въезжаем в Минск. Тут раздается телефонный звонок. Рагимов достает из бардачка трубку и с кем-то две минуты разговаривает. Поворачивается ко мне и спрашивает: «По какому адресу сейчас живет ваша семья?» – «Не знаю». – «Я серьезно спрашиваю». – «Наверное, в Уручье». – «Покажете дорогу?» – «Поехали».

Странное ощущение возникает, когда едешь по родному городу ночью после нескольких тюремных месяцев перерыва. Настороженная встреча со знакомыми местами. Спящий город в такие минуты кажется наполненным тревогой местом. На душе тяжело, и вид ночного города только усиливает эту тревогу. Кажется, что люди не отдыхают, а вымерли.

Наконец подъезжаем к подъезду моего дома. Я здесь был всего два раза, потому что обменял эту квартиру как раз за неделю до ареста. Довольный Рагимов поворачивается ко мне и объявляет, что я освобожден под подписку о невыезде. Обиженный конвоир «находит» забытые ключи и снимает наручники. Я расписываюсь в постановлении об освобождении и вылезаю из машины. Мне отдают два целлофановых мешка с вещами, и чекисты уезжают без лишних слов.

Я никогда раньше, общаясь с людьми, отсидевшими некоторое время на зоне или в тюрьме, не мог понять их настороженного и даже агрессивного отношения к окружающим. Но сейчас я почувствовал то же самое. Инстинктивно я втянул голову в плечи и, осторожно озираясь по сторонам, побрел, не пошел, а именно побрел, уставший, грязный и голодный, к своему подъезду.

УЛАДЗЬ ЯРОМЕНАК / ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНОК / ULADZ YAROMENAK

Нарадзіўся 4 верасня 1990 года ў г. Міёры.

На момант арышту быў студэнтам 2-га курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі.

Моладзевы актывіст, сябра Маладога фронту.

Затрыманы супрацоўнікамі спецслужбаў 20 снежня 2010 года, пасля пікету салідарнасці з палітзняволенымі насупраць Дома ўрада. За гэта быў асуджаны на 15 сутак арышту, які ён адбыў у Жодзінскім СІЗА. Па выхадзе адтуль быў выкліканы ў якасці сведкі на допыт у КДБ, які скончыўся 7-сутачным арыштам на Акрэсціна. 28 студзеня арыштаваны ў трэці раз, цяпер ужо як падазраваны па справе аб масавых беспарадках.

14 траўня 2011 года асуджаны на 3 гады зняволення. Памілаваны. Вызвалены 11 жніўня 2011 года. 20 жніўня 2013 года асуджаны на тры месяцы зняволення за парушэння ўмоў міліцэйскага прэвентыўнага нагляду.

Вершы Ўладзя Яроменка, напісанныя ім падчас першага знаходжання ў турме, прадстаўлены намеснікам старшыні Маладога фронту Настай Палажанкай-Дашкевіч.

He was born on September 4, 1990 in Miori.

At the time of his arrest Uladz was a 2nd-year student of the Belarusian State University of Informatics and Radio Electronics.

Uladz is a youth activist and member of *Molodoy Front (Young Front)*.

Uladz was detained by the security services on December 20, 2010 after a picket of solidarity with political prisoners in front of the Government House. For this he was sentenced to 15 days of arrest, which he spent in the Zhodino prison. After leaving it Uladz was called as a witness by the KGB that ended with a 7-day arrest in the Akrestina prison. On January 28 he was arrested for the third time, this time as a suspect in the case of riots.

On May 14, 2011 Uladz was sentenced to 3 years' imprisonment. He was pardoned and released on August 11, 2011. On August 20, 2013 he was sentenced to 3 months' imprisonment for violation of the terms of preventive police supervision.

The poems by Uladz Yaromenak written during his first stint in prison were submitted by the Vice Chairman of the *Molodoy Front (Young Front)* Anastasiya Palazhanka-Dashkievich.

***

Ну вось і надыходзіць момант разьвітаньня,
Я пакідаю Валадарскую турму…
Сваёй душы кавалак тут заставіў,
Таму забыць яе ніколі не змагу…

Мацнейшы духам стаў за гэты час я,
Хапіла часу, каб падумаць аб жыцьці,
І, дзякуй Богу, тут я не зламаўся,
Гатовы далей да свабоды я ісьці.

Мо, сапраўды, каго турма і «заглынула»,
Але мяне яна прыняла ўсёй душой…
Чатыры месяцы… Ніколі не забуду,
На сэрцы шрамы засталіся на жыцьцё…

22 траўня 2011 года

***

Хай вырашаны лёс мой за мяне,
Мной самастойна цяжкі шлях абраны,
Бо шмат я бачыў злосьці між людзей,
І верыў тым, хто жыў адным падманам…

Я не хацеў маўчаць увесь свой век,
Маўклівай згодай нараджаць хлусьню й няволю!
Я не хацеў так далей жыць! Я – чалавек!
Для свайго краю я жадаў шчасьлівай долі!..

За гэта, мабыць, трапіў у турму,
Але, няскораны, пішу сябрам з-за кратаў:
Сябры мае! Хай цяжкі мой прысуд,
Але цяжэйшы атрымае «клоп вусаты»!

17 траўня 2011 года

***

Люблю свой край – з-за гэтага я вораг?
Ці з-за таго, што не хачу схіліць сьпіну?
Ці з-за таго, што я хачу свабоды?
З-за гэтага??? Дык лепей я памру,

Але здабуду волю беларусам...
Няхай улада мне не затыкае рот!
Я не хачу, каб заставаўся пад прымусам
Наш запужаны й зьнявечаны народ!

Мяне ня страшаць вязьніца й пакуты!
Даўно згубіў я перад сьмерцю страх!
Даўно ўжо скінуў тыя путы,
Што боўтаюцца ў беларусаў на нагах!

Я не жадаю, каб мае нашчадкі
Жылі на волі, быццам у турме!
Хачу здабыць жыцьцё для Беларусі-маці!
Не пашкадую.. Кошт любы па мне!!!

Студзень 2011 года,
Мінск, за некалькі гадзін да арышту

Беларусі дачок і сыноў,
Што адзін аднаго не пакінуць,
Я люблю, бы сясцёр і братоў,
Бо яны даюць моцы ня згінуць,
Бо яны абароняць, суцешаць,
Не забудуць, ня кінуць ў бядзе.
Дзякуй вам за лісты й надзею!
За сяброў дзякуй, Божа, табе!

Студзень 2011 года,
Мінск, турма

***

Хай зараз навокал «рэсьнічкі» ды краты,
Халодныя сьцены, калючы дрот...
Але не скаруся бязбожнай уладзе,
Мяне не палохаюць сьмерь ды астрог!
Мы шмат, беларусы, трывалі дагэтуль,
Улады ўвесь час затыкалі нам рот!
Але не зачыняць рот вольным паэтам,
Пакуль пад прымусам жыве наш народ!
Але спадзяюся я, мілы мой дружа,
Што краты зламаюцца, мур упадзе,
На дроце калючым вырастуць ружы...
Тады ў свабодзе з табой зажывем!

Студзень 2011 года,
Мінск, турма

***

За што мяне зьнішчаюць каты?
За што ў вяўзьніцы сяджу?
За што кідаюць нас за краты,
Тых, хто любіў сваю зямлю?

Тых, хто гатовы бараніці
Ад ворагаў сваю зямлю.
Тых, хто ніяк ня змог скарыцца,
А змог сказаць: «Я не хачу!

Я не хачу мірыцца з гвалтам!
Я не хачу глядзець на зьдзек!
Ганіце ворагаў праклятых,
Бо бачны ўжо свабоды сьвет!»

24 лютага 2011 года,
Мінск, турма

***

Абудзіся, народ!
Выйдзі з хаты сваёй!
Засьпявай песьню новаму дню!
Бо прыходзіць вясна – час свабоды прыйшоў,
Час прыйшоў зрабіць вольнай зямлю.

Досыць злодзеям-катам
Панаваць на зямлі.
Скінь ярмо, каб жыць вольна, братове!
Ці здарма ж бараніць
нашы продкі-дзяды,
Арашаючы поле крывёю?

Час прыйшоў, уставай,
Падыміся з кален
І не бойся сканаць
у чэкістаў.
З намі праўда й Бог,
Прагнем мы перамен,
Бараніць гэта Бог дапаможа.

Люты 2011 года,
Мінск, турма

Я НЕ ХАЧУ!

Я не хачу глядзець на тое,
Як зьневажаюць мой народ!
Як нешта страшнае і злое
Паўсюль нам затыкае рот.

Я не хачу мірыцца з гвалтам
І не жадаю ў путах жыць.
Пакуль навокал сьпеюць краты,
Бязьвінны ў турме сядзіць!

Я не хачу, каб жыў народ мой
Зь ярмом на шыі ўвесь свой век!
Хачу, каб у краіне роднай
Я змог бы жыць, як чалавек!

Каб мог я жыць і не баяцца,
Што заўтра кінуць у турму
За тое, што я не спужаўся,
За праўду, што я ўсім кажу!

Мяне ніколі не спужаюць
Арышт, турма ці нават сьмерць!
Бо лепей у турме застацца,
Чым жыць свой век, нібыта зьвер,

Нібыта вораг беларусаў,
Нібыта вырадак, шпіён…
Я не хачу жыць пад прымусам!
Я не адзін, нас легіён!!!

Люты 2011 года,
Мінск, турма

Дзякуй, мой Божа, што не пакінуў,
Што не аставіў мяне аднаго…
Дзякуй Табе, што ня даў мне загінуць,
А даў мне надзеі сьвятло…

Ты для мяне і сьвятло, і свабода,
Ты – гэта праўда, жыцьцё…
Ты – гэта шлях мой… Па гэтаму шляху
Я буду ісьці праз усё…

Дзякуй, што даў ты мне веры і моцы,
Каб не зламацца ў турме…
За тое, што меў, і за тое, што маю,
Дзякуй, мой Божа, Табе…

21 лютага 2011 года,
Мінск, «валадарка»

Літаратурна-мастацкае выданне

ГОЛАС ВОЛІ З-ЗА КРАТАЎ

Анталогія твораў беларускіх палітзняволеных

Складанне, агульная рэдакцыя *А.І. Фядуты*
Карэктар *А.Л. Кавалёва*
Камп'ютарная вёрстка *В.Ф. Шнурава*
Дызайн вокладкі *С. Прасторы*

Фотаздымкі Юліі Дарашкевіч, Сяргея Гудзіліна
і з асабістых архіваў аўтараў тэкстаў

Выдавецтва
«Еўрапейскі гуманітарны ўніверсітэт»
г. Вільня, Літва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Падпісана да друку 5.11.2013 г.
Фармат 84x108 $^{1}/_{32}$. Ул.-выд. л. 58.
Наклад 500 экз.

Надрукавана «Petro Ofsetas»
Savanorių pr. 174D, LT-03153
Vilnius Lithuania